И 411/207

И 411/207

989

643

1
32206

И 411/207
253
35.635
Ж. 66.
Инвентарный № 989
Библиотека Киевской Артшколы Комсостава РККА.
ПОГАШЕНО
4-я Киевская Библиотека Артиллерийской школы Р.К.К.А.

А. В. Жиркевичъ.

Пасынки военной службы.

(Матеріалы къ исторіи мѣстъ заключенія военнаго вѣдомства въ Россіи).

ВИЛЬНА.
Типографія «Русскій Починъ».
1912.

Государственная
...вня Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
61177-46

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вступленіе. III.

Глава I. Почему взято мною подобное заглавіе? Русская гауптвахта, какъ забытое учрежденіе, имѣющее прошлое, но неимѣющее своей исторіи. „Гробы повапленные“. Причины, вызвавшіе появленіе настоящей книги. Безумное смѣшеніе на гауптвахтахъ тюрьмы и мѣста предварительнаго заключенія. Послѣдствія такого житейско-служебнаго абсурда. Давно устарѣвшій, ничего непредусматривающій, неодухотворенный, непроникнутый одной идеей уставъ гарнизонной службы. „Кадры“ гауптвахтной преступности. Ихъ роковое вліяніе на остальныхъ узниковъ. Игнорированіе уставомъ внутренняго быта заключенныхъ. Совершенно несоотвѣтствующія своему назначенію комендантскія управленія. Многоначаліе, сводящееся на гауптвахтахъ къ безначалію. Нищенскіе отпуски казны. Отсутствіе фактическаго высшаго контроля за комендантскими управленіями. Ни труда, ни дисциплины, ни Бога, ни иконъ, ни Евангелій, ни разумной книги, ни вліянія науки, ни попеченія военнаго общества. Гауптвахта, какъ звѣно между арміей и военно-карательными учрежденіями. Конный заводъ—идеалъ для современной гауптвахты. 1.

Глава II. Дружескіе совѣты автора тому, кто вздумаетъ серьезно посѣщать гауптвахты—съ цѣлью облегченія участи забытыхъ начальствомъ узниковъ. 28.

Глава III. Сложные, отрицательные, типы, населяющіе современную русскую, главную гауптвахту. Съ этой стороны послѣдняя должна вызывать къ себѣ исключительное вниманіе правительства. Моя переписка съ узниками, сношенія съ ними, какъ иллюстраціи къ сказанному. 39.

Глава IV. Какъ и почему вмѣшался я въ вопросы о судьбѣ гауптвахтъ? Дѣтскія впечатлѣнія. Служба въ строю. Военно-Юридическая Академія, какъ дорого стоющій тепличный міровъ, какъ выраженное въ формѣ учрежденія пожеланіе гр. Милютина и какъ аномалія по сравненію съ дѣйствительной жизнью военно-судебнаго вѣдомства. Да нужна-ли она? Мои первыя впечатлѣнія въ роли военнаго юриста и первыя разочарованія. Я—въ роли военнаго защитника. В. Н. Герардъ. Печальная судьба военно-суднаго вѣдомства, ушедшаго отъ Милютинскихъ идеаловъ. Существуетъ-ли подобное вѣдомство?! Въ упадкѣ Милютинскихъ традицій—главная причина, почему вѣдомство не въ состояніи

Стр.

провести давно назрѣвшей реформы военно-карательныхъ учрежденій Россіи. 63.

Глава V. „Омутъ“ русской гауптвахты, въ который приводитъ меня роль военнаго защитника. Отъ любопытства переходъ къ состраданію. А, затѣмъ я начинаю изучать бытъ, режимъ главныхъ гауптвахтъ. Мѣра пресѣченія способа уклоняться отъ слѣдствія и суда. Мнѣ приходится по неволѣ начать трудиться на благо военныхъ узниковъ. Сношенія, на этой почвѣ, съ комендантскими управленіями. Знакомство съ гр. Л. Н. Толстымъ. Отрицаніемъ функцій правосудія, попыткой совращенія въ свою секту, Ясно-Полянскій мыслитель утверждаетъ меня въ обратномъ—въ необходимости продолжать службу въ военно-судебномъ вѣдомствѣ: современная гауптвахта не можетъ ждать осуществленія на землѣ будущаго Царства Божія à la Толстой. Я помощникъ военнаго прокурора; военный слѣдователь. Что такое право составленія „особыхъ постановленій“... 116.

Глава VI. Начало моей борьбы за гауптвахты. Борьба тамъ, гдѣ должна была-бы быть мирная, совмѣстная работа, на благо ближняго. Виленская главная гауптвахта и комендантъ полковникъ Шипинъ. Постановленіе № X. Я добиваюсь права устройства на Виленской главной гауптвахтѣ солдатской библіотеки и личныхъ, внѣслужебныхъ, посѣщеній, т. е. того, что непредусмотрѣно уставомъ о службѣ въ гарнизонѣ. Мечты о возможности освѣтить никому невѣдомое зло на всю Россію, бороться съ нимъ при помощи Петербурга и т. п. 144.

Глава VII. Мои посѣщенія военныхъ мѣстъ заключенія—за границей и, какъ результатъ ихъ, заявленіе, сдѣланное военному министру ген. Куропаткину. Мечты и надежды о воскрешеніи военно-судебнаго вѣдомства. Переписка моя съ ген. Лузановымъ. Мнѣніе о моихъ реформахъ протопр. Желобовскаго. Мои первыя сношенія съ Главнымъ Штабомъ. Вся армія соглашается со мной и высказывается за необходимость коренныхъ реформъ на гауптвахтахъ. Резолюціи ген. Куропаткина, которыя писались, для того, чтобы на нихъ не обращали въ Главномъ Штабѣ вниманія. Меня, наконецъ, вызываютъ въ Петербургъ. . 168.

Глава VIII. „Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость?“ Очаровательный пріемъ у Главнаго Военнаго Прокурора, у ген. Куропаткина. Всѣ въ Петербургѣ, хоромъ, ругаютъ, однако, послѣдняго: зловѣщій признакъ!.. Нелюбезная встрѣча въ Главномъ Штабѣ. Моя новая записка о чудѣ, которое должно совершиться о реформахъ на гауптвахтахъ безъ особенныхъ затратъ казны. Чувствую свое духовное, служебное, дѣловое одиночество въ Петербургѣ. Протопресвитеръ Желобовскій. Меня сплавляютъ, наконецъ, изъ Петербурга, какъ лишняго, всѣмъ наскучившаго. 212.

Стр.

Глава IX. Я не сдаюсь, однако, а продолжаю борьбу, сидя въ Вильнѣ. „Винтикъ“ Главнаго Штаба, отъ котораго все зависѣло—въ смыслѣ доклада, со мною цинично откровенничающій. Письма къ начальнику Главнаго Штаба, къ генералу Лузанову (съ новой запиской—о необходимости нѣкоторыхъ реформъ въ сферѣ отправленія военно-суднаго правосудія). 244.

Глава X. Привлеченіе меня въ 1903 г. къ работѣ по реформѣ военно-карательныхъ учрежденій Россіи. И здѣсь — ужасъ, анархія, отсталость, забвеніе азбучныхъ истинъ науки, Евангелія, обще-человѣческой морали. И здѣсь—старый припѣвъ начальства—„денегъ нѣтъ, кредита нѣтъ“... Меня, за дурной нравъ мой, общими силами сплавляютъ изъ Вильны въ Смоленскъ. Моя прежняя дѣятельность на новомъ мѣстѣ въ отношеніи гауптвахтъ. Гауптвахта 1 пѣх. Невскаго полка. Моя безплодная переписка объ узникахъ съ протопресвитеромъ Желобовскимъ, съ ген. Поливановымъ. И снова—„гласъ вопіющаго въ пустынѣ“... 263.

Глава XI. Мои пылкія надежды на Комитетъ по образованію войскъ и генерала А. П. Скугаревскаго. Докладъ Комитета военному министру, ген. Редигеру, въ общемъ стоящій на сторонѣ моихъ реформъ. „Винтики“ какой-то случайной, второстепенной „комиссіи по пересмотру правилъ конвойной службы“, при одобряющемъ благословеніи „винтиковъ“ Главнаго Штаба, при благодушномъ настроеніи Комитета, дерзающіе имѣть свое особое мнѣніе по вопросамъ огромной государственно-общественной важности. Свершилось: я назначенъ военнымъ судьею и возвращенъ въ Вильну!.. Снова тружусь надъ нуждами мѣстной главной гауптвахты. Я ухожу, т. е. въ сущности, бѣгу въ отставку. Почему? . 298.

Глава XII. Мои сношенія съ Комитетомъ по образованію войскъ. Убѣдившись въ томъ, что дѣло о гауптвахтахъ гибнетъ, пишу, не задумываясь, военному министру Редигеру рѣзкое, обвиняющее его письмо. Благородный отвѣтъ мнѣ генерала. Трагическое положеніе министра, находящагося во власти разнаго рода подчиненныхъ ему „винтиковъ“, его подводящихъ докладами, заставляющихъ класть опрометчивыя резолюціи по весьма важнымъ вопросамъ военнаго быта... Новая резолюція ген. Редигера Комитету, на этотъ разъ въ пользу моихъ реформъ. Новыя надежды. Но все проваливается: ген. Редигеръ, Комитетъ, мои реформы и проч., и проч... 335.

Глава XIII. При генералѣ Сухомлиновѣ. Третій министръ находитъ мои реформы на гауптвахтахъ имѣющими значеніе огромной, государственной важности... Но я уже потерялъ вѣру въ обѣщанія. Главный Штабъ тѣмъ не менѣе просыпается. У

Стр.

меня въ рукахъ даже проектъ новаго устава гарнизонной службы, гдѣ я вижу и жалкіе объѣдки моихъ гауптвахтныхъ пожеланій. Грустная параллель между дѣйствующими уставами внутренней службы и о службѣ въ гарнизонѣ—съ одной стороны, между существующимъ гарнизоннымъ уставомъ и проектомъ новаго устава—съ другой... 350.

Глава XIV. По-прежнему, я тружусь на Виленской главной гауптвахтѣ. Новый комендантъ полковникъ Темниковъ. Переписка съ протопресвитеромъ Аквилоновымъ, съ Главнымъ Штабомъ. Меня, по проискамъ полковника Темникова, по приказу командующаго войсками, съ благословенія военнаго министра ген. Сухомлинова, безъ церемоніи выбрасываютъ изъ Виленской главной гауптвахты съ моимъ опытомъ, желаніемъ служить дѣлу, съ моими книгами, Евангеліями, иконами,—за то только, что я не могъ видѣть вопіющіе непорядки и, какъ порядочный человѣкъ, возсталъ противъ нихъ: яркая, финальная иллюстрація къ общимъ судьбамъ русской гауптвахты! Дальше, кажется, идти некуда. 371.

Глава XV. Продолженіе моей безрезультатной переписки съ о. о. протопресвитерами. Повелѣніе Государя Императора 1911 года объ искорененіи въ дѣлопроизводствѣ военнаго вѣдомства канцелярской волокиты. Письма мои по этому поводу по вопросу о гауптвахтахъ къ начальнику Главнаго Штаба ген. Михневичу и военному министру ген. Сухомлинову (къ послѣднему, такъ сказать, прощальное мое обращеніе). Молчаніе того и другого. Странная обидчивость Главнаго Штаба!.. Письмо ко мнѣ изъ Главнаго Военно-Суднаго Управленія, указывающее лишній разъ на то, что нельзя-же разговаривать, спорить на разныхъ языкахъ, другъ друга не понимая!.. Выводъ, объясняющій, оправдывающій своевременность появленія настоящей книги: можно-ли дальше ждать?!.... 424.

Заключеніе. 494.

35-635
Ж. 66.

Продиктованное смертью вступленіе.

Я мирно заканчивалъ рукопись настоящей книги, когда со мною случилось нежданно величайшее несчастіе, какое только могло постичь меня и мою семью: 3-го мая скончался скоропостижно, отъ какой-то невыясненной болѣзни, въ Кронштадтѣ, во цвѣтѣ силъ, надеждъ, дарованій, земного счастья, въ пылу энергичной, служебной дѣятельности, единственный, любимый сынъ мой, юный морякъ, мичманъ Сергѣй, которому все улыбалось и въ настоящемъ, и въ будущемъ, котораго я всегда мечталъ видѣть наслѣдникомъ моихъ научно-культурныхъ начинаній, ихъ продолжателемъ.

Еще такъ недавно, пріѣхавъ ко мнѣ въ отпускъ, въ Вильну, на праздникъ Св. Пасхи, будучи ранѣе, въ общихъ чертахъ, знакомъ съ цѣлью и сущностью моего труда, покойный, съ помощью моей, знакомился съ отдѣльными документами послѣдняго времени, ему еще неизвѣстными, а на предупрежденіе мое о томъ, что со скорымъ выходомъ въ свѣтъ книги объ ужасахъ, царящихъ въ мѣстахъ заключенія военнаго вѣдомства,—книги, противъ воли моей задѣвающей высокопоставленныхъ лицъ и ребромъ ставящей совершенно „забытые" вопросы современнаго намъ военнаго быта, для меня несомнѣнны грядущія осложненія въ личной моей жизни, а, быть можетъ, и пораженіе, подъ ударами враговъ, т. е. то, что огорчитъ, омрачитъ несомнѣнно его чистую, молодую душу,—дорогой мой сынъ, съ чувствомъ глубокаго убѣжденія, сказалъ мнѣ незабвенныя, безцѣнныя для меня отнынѣ, слова:

— „Папочка! Чтобы тебя не постигло въ борьбѣ твоей за правду, я всегда буду вѣрить, что ты, какъ порядочный человѣкъ, иначе поступить не могъ... Не думай, поэтому, обо мнѣ!"

Конечно, я не могъ не думать о немъ, моемъ бѣдномъ, чуткомъ мальчикѣ, зная, какъ больно задѣваетъ его молодую душу все, что затрогиваетъ отца.

Но не въ силахъ былъ я и рабски, трусливо молчать...

Съ юности, въ сынѣ моемъ, укоренилъ я, къ тому-же, убѣжденіе, что тамъ, гдѣ въ опасности устои общественной, государственной жизни, не мѣсто „шкурнымъ инстинктамъ", колебаніямъ и недосказаннымъ истинамъ.

На этой-то основѣ былъ намѣченъ мною, на его глазахъ, рядъ будущихъ научно-общественныхъ работъ, біографій забытыхъ или оклеветанныхъ дѣятелей Сѣверо-Западнаго Края, планы спасанія памятниковъ гибнущей старины и т. п.

Собирая мои коллекціи, я привыкъ всегда имѣть въ виду опять-таки сына, которому онѣ были дороги, какъ и мнѣ, на которомъ ле-

жала обязанность, унаслѣдовавъ все это, въ случаѣ моей смерти, раздать большинство, въ память мою, по разнымъ ученымъ учрежденіямъ и музеямъ Россіи, оставшееся-же сохранить, какъ основу будущаго его коллекціонерства—на благо Родины и науки...

Дорогой мальчикъ мой, отличавшійся удивительнымъ, глубокимъ, не по лѣтамъ, знаніемъ исторіи, любовью къ старинѣ, вполнѣ раздѣлялъ мои взгляды, почему во мнѣ ни на минуту не возникало сомнѣнія въ томъ, что онъ свято исполнитъ волю мою и продолжитъ мои начинанія...

Какъ-то ранѣе вышеприведеннаго разговора, въ бесѣдѣ со мной на ту-же тему—о будущей книгѣ, посвященной судьбѣ военныхъ узниковъ, усопшій задалъ мнѣ вопросъ, указывавшій на опасенія, скрытыя отъ меня изъ деликатности, но смущавшія его разумъ:

— „А ты, папа, твердо надѣешься на конечную побѣду въ этомъ вопросѣ, на конечное торжество правды?!“

— „Не знаю, милый Гуля“ *) отвѣчалъ я ему: „Все зависитъ отъ воли Божіей... Но, имѣй въ виду, что въ жизни вообще, а въ Россіи въ особенности, много значитъ иногда вó-время, смѣло и честно, съ документами въ рукахъ, сказанное печатное слово... Не могу молчать!.. Иначе я долженъ-бы былъ перестать уважать себя... Надѣюсь на поддержку всего, что способно еще у насъ, въ арміи, въ обществѣ, мыслить, чувствовать, алкать и жаждать правды... Меня должны окружить, у поднятаго мною знамени, всѣ лучшія силы Родины... Будемъ-же надѣяться и молиться! А тамъ—воля Божія“...

— „Ну, а если ты останешься одинъ?“

— „Что-жъ!!. Лучше умереть одиноко, но не спасти жизни путемъ трусливаго отступленія съ поля битвы“...

Кажется, недавно происходила между нами эта бесѣда... А какъ все измѣнилось вокругъ меня, да и самъ я уже не тотъ!..

Теперь, пока я набрасываю эти строки, честныя, молодыя уста, произнесшія вышеприведенныя слова одобренія, навѣки сомкнулись смертью; перестали мерцать огонькомъ любви и волненія еще недавно столь прекрасные глаза; не бьется болѣе молодое, благородное сердце, понимавшее меня съ полъ-слова, во всѣхъ моихъ начинаніяхъ стоявшее на моей сторонѣ, столь жаждавшее и само принести въ будущемъ пользу Родинѣ, страждущему ближнему...

Все, все взяла у меня неумолимая могила...

На нѣсколько часовъ между мной и усопшимъ какъ-бы вдругъ, по прихоти смерти, разверзлась бездна и я видѣлъ, какъ туда, въ эту зловѣщую, мрачную пропасть, скатываются—одна за другой—всѣ, недавно еще такъ ярко сіявшія для меня, мечты мои, надежды, радости, связанныя съ жизнью сына...

Въ первыя мгновенія охватившаго меня, вслѣдъ за полученіемъ роковой вѣсти, отчаянія, у меня явилось малодушное желаніе—уничтожить начатыя мною рукописи, въ томъ числѣ и настоящую, такъ какъ временно утратился самый смыслъ жизни.

*) Такъ звали усопшаго въ моей семьѣ

V.

Но, по мѣрѣ того, какъ, затѣмъ, въ Кронштадтѣ, у дорогого мнѣ гроба, вѣра брала постепенно верхъ надъ колебаніями, сомнѣніями и временнымъ упадкомъ духа, по мѣрѣ того, какъ страдальчески вдумывался я въ смыслъ разразившагося надо мной, среди безоблачнаго неба, громового удара, искалъ выхода тоскѣ, тяжкому горю, мало-помалу, по милости Господа, посѣщающаго человѣка испытаніемъ, но дающаго ему и силы для перенесенія подобныхъ потерь, стала находиться утраченная, было, связь между мной и душою моего возлюбленнаго сына.

„Прежде всего"—подумалъ я: „нужно продолжать борьбу за ближнихъ, которая его такъ захватывала, въ интересахъ обиженныхъ и забытыхъ найдя утоленіе личной моей скорби... Если страдаю я, то развѣ это даетъ мнѣ еще право эгоистично отвернуться отъ страданій другихъ?".

И мнѣ припомнились случаи житейскихъ встрѣчъ, когда крестьянинъ, рабочій, поплакавъ о потерѣ близкаго члена семьи, спѣшили къ обычной работѣ, зная, что жизнь не ждетъ, что надо подумать о хлѣбѣ насущномъ, объ удовлетвореніи нуждъ другихъ ближнихъ...

Такая логика была лишь счастливымъ преддверіемъ, какъ-бы указаніемъ свыше, озарившимъ, однако, мгновенно весь мой будущій путь, какъ борца и писателя...

И вдругъ трудъ мой, который чуть было я не забросилъ,—эта книга, нынѣ выпущенная въ печать, получилъ для меня особое, спасающее отъ унынія, такъ сказать, провидѣнціальное значеніе.

Трудиться, бороться въ память усопшаго, раздать въ память его-же мои коллекціи, творить отнынѣ добро съ молитвою о немъ на устахъ, напоминать возможно чаще о немъ, говорить, писать и вызывать въ окружающихъ къ нему хорошія, благодарныя, чистыя чувства, не забывая, что если гибнутъ единицы, то идеалы вѣчны, какъ вѣчны Богъ, правда на землѣ.

Это-ли не программа, достойная культурнаго отца, потерявшаго такого культурнаго сына?!. Это-ли не выходъ, не спасеніе?!.

И, прежде всего, надо двинуть впередъ то, что стояло при немъ покойномъ, на очереди...

Вѣдь книга моя цѣликомъ посвящена судьбѣ десятковъ тысячъ дѣтей простого, сѣраго, русскаго народа, ежегодно гибнущихъ, физически и нравственно, въ нашихъ военно-карательныхъ учрежденіяхъ, на нашихъ военныхъ гауптвахтахъ, благодаря, какъ-бы узаконившимся тамъ, возмутительнымъ непорядкамъ...

Тѣмъ не менѣе у всѣхъ этихъ дѣтей сѣраго народа,—у нижнихъ чиновъ, призванныхъ на службу Родинѣ, есть-же тамъ, по разнымъ уголкамъ необъятной Россіи, свои отцы, свои матери.

И, конечно, когда, далеко отъ нихъ, гибнутъ, въ невѣдомой для нихъ обстановкѣ, ихъ сыновья, то нельзя ждать изъ этой сѣрой, забитой, нищей, обезличенной, безправной, безграмотной, недавно еще, да и то не вполнѣ отъ рабства освобожденной, массы, какого-либо протеста:—поплачутъ, помолятся и поспѣшатъ вернуться къ своимъ обычнымъ трудамъ, къ заботамъ о ближнихъ, въ чаяніи будущаго воскресенія и грядущей встрѣчи за гробомъ...

VI.

Однако, самъ переживъ только что невыразимое страданіе, видя муки жены моей, матери, лишившейся единственнаго сына, я, созданный Богомъ по тѣмъ-же непреложнымъ законамъ плоти и духа, какъ эти маленькіе, никому невѣдомые, темные отцы и матери простого народа, знаю, что и имъ вѣдь доступно страданіе, что и они, какъ я, горячо, по своему, любили своихъ погибшихъ дѣтей, возлагали на нихъ надежды, довѣрили ихъ военной службѣ, а, довѣривъ, молились за нихъ Богу, жаждали въ нихъ увидѣть свое грядущее счастье...

Какъ люди мы сравнены въ отношеніяхъ нашихъ къ жизни, къ такимъ-же людямъ...

Но между нами есть, конечно, и разница: я знаю то, о чемъ не вѣдаютъ они—ближайшія причины гибели ихъ дѣтей; мнѣ дано извѣстное общественное положеніе, навыкъ писателя, дерзновеніе говорить правду путемъ печати...

Я заглянулъ—въ такой вопросъ, куда до сихъ поръ не проникалъ пытливый лучъ христіанскаго милосердія.

На мнѣ, поэтому, какъ на гражданинѣ, честно носящемъ военный мундиръ, какъ на общественномъ дѣятелѣ и писателѣ, познавшемъ истину, лежатъ въ отношеніи къ ближнимъ, сверхъ человѣческихъ, еще и священныя обязанности иного, высшаго порядка.

Бросить мой трудъ и тѣмъ, на много лѣтъ, быть можетъ, отодвинуть рѣшеніе неотложнаго вопроса, было-бы прежде всего измѣной моему усопшему сыну и предательствомъ по отношенію къ тому русскому народу, который онъ такъ любилъ до послѣдняго дня своего существованія.

Хочется при будущей встрѣчѣ нашей, въ условіяхъ иного, загробнаго бытія, имѣть право сказать моему мальчику, что и потеря его на землѣ не уклонила меня въ сторону отъ разъ намѣченнаго пути служенія истинѣ, что я и послѣ подобнаго удара нашелъ въ себѣ силы для борьбы до конца, всѣми способами, имѣвшимися въ моемъ распоряженіи.

Итакъ, въ память прерванной столь безвременно, прекрасной, лично безцѣнной для меня, молодой жизни, рѣшилъ я издать это изслѣдованіе на благо существованія такихъ-же молодыхъ, хотя и невѣдомыхъ мнѣ, страдальческихъ жизней, за которыя дрожатъ такіе-же, какъ я, отцы, молятся и плачутъ матери простого народа.

Если я имѣлъ несчастіе потерять сына, то, надо думать, мои разоблаченія спасутъ сыновей другихъ...

Вотъ почему и трудъ мой молитвенно, убѣжденно, благодарно, смирясь передъ Мудростью Божіей, *посвящаю я свѣтлой памяти незабвеннаго моего сына, молодого моряка Сергѣя*, какъ слабую дань ему за то счастье, которое подарилъ онъ мнѣ при жизни.

А. Жиркевичъ.

г. Вильна.
13 мая 1912 г.

Пасынки военной службы.

(Матеріалы къ исторіи мѣстъ заключенія военнаго вѣдомства въ Россіи).

...„Ибо алкалъ Я—и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ—и вы напоили Меня; былъ странникомъ—и вы приняли Меня; былъ нагъ—и вы одѣли Меня; былъ боленъ — и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ—и вы пришли ко Мнѣ... Истинно говорю вамъ: такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ...“ (Евангеліе отъ Матѳея, гл. 25-я).

— „Торопитесь дѣлать добро!..“ (Слова тюремнаго филантропа-подвижника доктора Гааза.)

ГЛАВА I.

Почему взято мною подобное заглавіе? Русская гауптвахта, какъ забытое учрежденіе, имѣющее прошлое, но неимѣющее своей исторіи. «Гробы повапленные». Причины, вызвавшіе появленіе настоящей книги. Безумное смѣшеніе на гауптвахтахъ тюрьмы и мѣста предварительнаго заключенія. Послѣдствія такого житейско-служебнаго абсурда. Давно устарѣвшій, ничего непредусматривающій, неодухотворенный, непроникнутый одной идеей уставъ гарнизонной службы. «Кадры» гауптвахтной преступности. Ихъ роковое вліяніе на остальныхъ узниковъ. Игнорированіе уставомъ внутренняго быта заключенныхъ. Совершенно несоотвѣтствующія своему назначенію комендантскія управленія. Многоначаліе, сводящееся на гауптвахтахъ къ безначалію. Нищенскіе отпуски казны. Отсутствіе фактическаго высшаго контроля за комендантскими управленіями. Ни труда, ни дисциплины, ни Бога, ни иконъ, ни Евангелій, ни разумной книги, ни вліянія науки, ни попеченія военнаго общества. Гауптвахта, какъ звѣно между арміей и военно-карательными учрежденіями. Конный заводъ—идеалъ для современной гауптвахты.

Къ „пасынкамъ военной службы“, на основаніи близкаго изученія быта ихъ во многихъ мѣстахъ Родины нашей, а также въ силу долгаго, горькаго опыта, не могу я не причислить такъ называемыя главныя (общія, гарнизонныя) гауптвахты и тѣхъ нижнихъ чиновъ великой, христолюбивой, русской арміи, которые имѣютъ несчастіе населять ихъ...

Этой кличкою, я не хочу, конечно, сказать, что иныхъ „пасынковъ“ у военнаго вѣдомства не имѣется.

Нѣтъ, ихъ довольно много.

Но, на взглядъ мой, вышеупомянутымъ гауптвахтамъ, во всякомъ случаѣ, должно быть отведено первое мѣсто—по той массѣ страданій, недоразумѣній, духовнаго мрака, разврата, которые свили въ нихъ себѣ прочное гнѣздо, по ихъ заброшенности, по упорному непониманію „власть имущихъ“, окутывающему густымъ, смраднымъ облакомъ ихъ ужасающее прозябаніе, наконецъ, по той жестокой, безбожной несправедливости, которая какъ-бы красной нитью проходитъ черезъ всю исторію ихъ прошлаго (если у нихъ есть еще „исторія“...)

Впрочемъ, почему не сумѣлъ я подобрать имъ другого названія, собравъ имѣющійся у меня о гауптвахтахъ матеріалъ, разскажетъ русскому обществу, русскому народу настоящая моя книга.

Для меня-же, какъ автора послѣдней, является необходимымъ, прежде, чѣмъ приступить къ оглашенію удивительныхъ подчасъ, историческихъ, съ перваго впечатлѣнія кажущихся прямо невѣроятными, документовъ личнаго моего архива, относящихся къ данному вопросу, предпослать этому бумажному воинству своего рода вступленіе, создавъ тѣмъ, такъ сказать, обще-человѣческую, обще-нравственную, обще-служебную канву, по которой будутъ, затѣмъ, вытканы мною отдѣльныя части научно-литературной моей работы.

Безъ этого, многое, пожалуй, утратило-бы свой настоящій, специфическій „букетъ“, кое-что стало-бы непонятнымъ, смахивало-бы, пожалуй, на обличительное сочинительство.

Мнѣ же, въ настоящемъ изслѣдованіи, хотѣлось-бы менѣе всего удѣлить мѣста такъ называемой „литературѣ“, давъ его лишь истинѣ и фактамъ недавней дѣйствительности.

Пишу настоящія строки въ минуты полнаго отчаянія, при сознаніи, что слишкомъ десять лѣтъ борьбы моей за правду, за „униженныхъ и оскорбленныхъ“ въ военныхъ мундирахъ пропали почти даромъ, что надѣяться на тѣхъ, къ кому я, во имя нуждъ и страданій ближняго, во имя Христа и справедливости, долго стучался, и безполезно, и унизительно... Молчать далѣе, ждать, политиканствовать, въ то-же время, было-бы съ моей стороны преступленіемъ.

Приступаю къ созданію этой книги, будучи выгнанъ съ позоромъ изъ единственной главной гауптвахты Родины, гдѣ, по мѣрѣ разумѣнія, силъ и любви, вносилъ я еще недавно свѣтъ милосердія, религіи, просвѣщенія...

И, пока дрожащая рука моя набрасываетъ эти скорбныя строки, я сознаю, что всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, въ Вильнѣ, гибнутъ на главной гауптвахтѣ, такіе-же, какъ я люди, такіе-же, какъ я, христіане; при чемъ изгнаніемъ поставили меня насильственно какъ-бы въ положеніе знающаго ужасъ и не могущаго его разсѣять, съ нимъ бороться...

А вѣдь я до сихъ поръ былъ—надо думать—единственнымъ на всю Россію, кому, благодаря военному мундиру, связямъ и настойчивости, удалось, на продолжительное время, заглянуть въ „мертвые дома“ нашихъ гауптвахтъ...

Какъ понятны мнѣ, въ эту, торжественную для меня, минуту, великіе писатели наши гр. Л. Н. Толстой, Н. В. Гоголь и другіе, дол-

го отдававшiеся съ эгоизмомъ художниковъ сладострастiю художественнаго творчества и тѣшившiе тѣмъ культурные классы русской интеллигенцiи, которые, вдругъ, точно прозрѣвъ, оборвали свои пѣсни на полу-словѣ и стали перомъ своимъ служить страждущему ближнему, сознавая, что не время пѣть, фантазировать, увлекаться красотой и отвлеченностями, когда тутъ, рядомъ, гибнутъ братья, когда есть, что разсказать о нихъ равнодушному обществу, быть можетъ спасти кого-либо, оградить, а жить осталось уже недолго!!.

Такъ случилось и со мной, недостойнымъ развязать ремень у обуви этихъ великихъ подвижниковъ пера: едва охватило меня сознанiе нравственнаго послѣдняго долга моего по отношенiю къ гибнущимъ по гауптвахтамъ военнымъ узникамъ, какъ сразу-же померкли для меня радости науки, искусства, личной жизни...

Торопишься сказать все, что накипѣло за много лѣтъ на сердцѣ, пока смерть не успѣла еще произнести своего рокового, властнаго „довольно“...

И да не удивятся читатели, если книга моя выльется не только въ видѣ обвинительнаго акта, но и какъ личная, предсмертная моя исповѣдь...

Долженъ сознаться, что приступаю къ задуманному на́-скоро труду моему не безъ нѣкотораго душевнаго трепета, такъ какъ мнѣ приходится впервые сообщать печатно то, что до сихъ поръ никѣмъ не затрогивалось, говорить объ явленiяхъ, до сихъ поръ представлявшихъ изъ себя уголокъ военнаго быта, куда не проникалъ еще, надо думать, кромѣ меня, ни одинъ писатель, интересующiйся существованiемъ нашихъ военныхъ заключенныхъ, дѣлящiйся впечатлѣнiями своими на страницахъ газетъ и журналовъ съ широкой публикою.

Приходится, поэтому, прокладывать новый путь въ совершенно дикой, невѣдомой странѣ, гдѣ не ступала нога цивилизованнаго человѣка, гдѣ ничто не озарялось до сихъ поръ пытливымъ рефлекторомъ науки, попутно много говорить о себѣ, о своихъ личныхъ приключенiяхъ въ этихъ дѣвственныхъ дебряхъ жизни человѣческой, о личной своей борьбѣ съ дикарями, пораженными дерзостными экскурсiями въ область ихъ безконтрольныхъ владѣнiй непрошеннаго незнакомца и зачастую, вмѣсто статистическихъ, научныхъ и иныхъ данныхъ (которыхъ совершенно не существуетъ въ области затронутаго мною вопроса) ссылаться на личныя впечатлѣнiя, на личныя показанiя, на дневники и т. п.

Впрочемъ все, что такъ или иначе имѣетъ документальный, доступный мнѣ, справочный характеръ, включено мною, по возможности, добросовѣстно въ настоящiй трудъ.

И даже этого, въ сущности, скуднаго матерiала, на мой взглядъ, было-бы вполнѣ достаточно для того, чтобы, во имя интересовъ ближняго, во имя азбучныхъ основъ человѣчности, въ цѣляхъ оздоровленiя русской армiи, забить тревогу и оправдать своевременность, справедливость появленiя этой книги.

Но кое-что въ нее и не попало, такъ какъ живутъ еще нѣкоторыя личности и не время еще опубликовывать нѣкоторые документы и бiографiи.....

Но кто помѣшаетъ мнѣ въ будущемъ заговорить дополнительно, если Богомъ суждено еще мнѣ жить и трудиться?!

Итакъ, приступаю.....

На всемъ пространствѣ Россіи, далеко другъ отъ друга, разбросаны главныя (общія, гарнизонныя) гауптвахты: по уставу о службѣ въ гарнизонѣ онѣ учреждаются въ мѣстахъ скопленія разныхъ частей войскъ, т. е. тамъ, гдѣ служебныя обстоятельства вызываютъ наличность „гарнизона".

Обыкновенно снаружи ничѣмъ не поражаютъ онѣ прохожаго, непосвященнаго въ ихъ тайны. Развѣ бросится въ глаза ему древній, ветхій, безобразно—казенный, почти всегда напоминающій „Аракчеевскія поселенія", видъ ихъ, который не могутъ сгладить пріятныя для зрѣнія, нѣжныя окраски наружныхъ стѣнъ. При появленіи проѣзжающаго начальства, на глазахъ путника, красиво, въ порядкѣ, молодцевато выбѣгаетъ чистенько одѣтый воинскій караулъ. Площадка передъ входомъ густо усыпана свѣжимъ пескомъ. Въ полдень происходитъ здѣсь уставная, шумная церемонія смѣны карауловъ. Правда, тяжелое впечатлѣніе производятъ глядящіе на эту послѣднюю изъ-за рѣшотокъ грустныя, блѣдныя, осунувшіяся лица военныхъ узниковъ. Но вы вѣдь знаете уже по слухамъ, что тутъ—гауптвахта, т. е. своего рода „военная тюрьма"... А въ тюрьмѣ, гдѣ, по вашему предположенію, сидятъ только преступники, поправшіе грубо Божескій и человѣческій законы, не мѣсто, конечно, сантиментальности.

И вотъ вамъ уже кажется, что именно здѣсь-то, на гауптвахтѣ,— и образцовый порядокъ, и законъ, и разумная дисциплина, и нравственное попеченіе о заблудшихъ; что, въ то-же время общество ограждено подобнымъ казеннымъ учрежденіемъ отъ опасныхъ, вредныхъ элементовъ; что начальство и здѣсь на высотѣ своего призванія...

Не поддавайтесь, однако, первому впечатлѣнію: находящаяся передъ вами гауптвахта навѣрное—„гробъ окрашенный", снаружи только кажущійся красивымъ, но внутри, какъ говорится въ Евангеліи— „полный костей мертвыхъ и всякой нечистоты"...

Я исколесилъ значительную часть Европейской Россіи и, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, даже во время частныхъ моихъ путешествій, даже въ Крыму и на Кавказѣ, имѣлъ возможность видѣть наши гауптвахты не съ одной ихъ, внѣшней, казовой стороны, а въ качествѣ лица, интересующагося внутреннимъ ихъ положеніемъ.

И то, что я сейчасъ сказалъ о „гробахъ повапленныхъ", относится ко всѣмъ тѣмъ изъ нихъ, въ которыя входилъ я, уже имѣя огромный опытъ въ прошломъ и зная, гдѣ надо искать язвы, скрытыя отъ непосвященнаго.

Для меня неизвѣстны лишь гауптвахты столицъ и нѣкоторыхъ, населенныхъ центровъ, оставшихся въ сторонѣ отъ пути моихъ скитаній по Россіи.

Этотъ пробѣлъ, однако, пополнилъ я предусмотрительно перепиской, главнымъ-же образомъ, бесѣдами, устнымъ собираніемъ свѣдѣній отъ пріѣзжихъ: и тамъ, въ этихъ невѣдомыхъ мнѣ уголкахъ,

оказалось то-же самое въ отношенiи гауптвахтъ—ужасъ внутренняго быта ихъ и несправедливость пренебреженія, заброшенности ихъ начальствомъ...

Въ неменѣе позорномъ состоянiи находятся и гауптвахты отдѣльныхъ частей войскъ (полковыя, батарейныя, эскадронныя).

Ихъ я, однако, коснусь лишь вскользь, поскольку это будетъ необходимо въ интересахъ изложенія книги...

Буду счастливъ, если книга моя приведетъ къ тѣмъ-же выводамъ, къ какимъ пришелъ я, и моего будущаго читателя.

Основной-же темой повѣствованія, для того, чтобы не разбрасываться, возьму я лишь наши главныя гауптвахты.

Отъ нихъ такъ легко, при желанiи, перейти къ созданію живой параллели съ существующими гауптвахтами иного типа, наконецъ, съ военно-карательными учрежденіями Россiи вообще.

Послѣднихъ суждено мнѣ тоже бѣгло, сжато коснуться по внутренней связи ихъ съ гауптвахтами, по ихъ исторіи и грустной судьбѣ...

Положеніе у насъ гауптвахтнаго вопроса, въ сущности, ярко характеризуется тремя фактами, о которыхъ подробно разскажетъ моя книга: а) моей многолѣтней „борьбою", да, именно „борьбою", съ военнымъ вѣдомствомъ, въ которомъ я служилъ и мундиръ котораго продолжаю носить нынѣ, находясь въ отставкѣ,—борьбою за такія азбучныя истины, какъ необходимость человѣчнаго отношенія къ людямъ, какъ польза нравственной, интересной книги, Евангелія, вліянія религіи, семьи, здороваго товарищества на узниковъ, какъ справедливость въ предоставленiи имъ прогулокъ, физическаго труда, чистаго воздуха, чистаго бѣлья и платья, бани и т. п.; б) моимъ изгнаніемъ изъ русской гауптвахты—именно за то, что я неустанно, честно взывалъ много лѣтъ подъ рядъ о человѣчности, законѣ и справедливости; и в) также тѣмъ, что несмотря на то, что три Военныхъ Министра, три Главныхъ Священника арміи и флота, почти вся русская армія, въ лицѣ ея высшихъ, выдающихся представителей, и множество вліятельныхъ лицъ военнаго вѣдомства вполнѣ соглашались со мною въ справедливости моихъ заявленій о неотложной необходимости гауптвахтныхъ реформъ, я, въ теченiи болѣе десяти лѣтъ, не былъ въ состоянiи продвинуть этотъ вопросъ далѣе безплодной переписки...

Вотъ почему, изнемогши въ подобной, непосильной борьбѣ съ канцелярски-штабной „волокитою", чувствуя, что болѣе я сдѣлать что-либо тутъ не могу, сознавая, что и жить-то мнѣ осталось, быть можетъ, недолго, а умри я—мой опытъ, мой личный архивъ останутся, навсегда неиспользованными для даннаго вопроса, какъ нуждающіеся въ комментаріяхъ, поясненiяхъ, я и рѣшаюсь, въ настоящемъ трудѣ, моемъ отдать отчетъ въ томъ, что мною сдѣлано для русскаго народа, для русскаго общества, русской арміи, вполнѣ и упрямо убѣжденный въ томъ, что не можетъ-же великая моя Родина, узнавъ изъ книги моей вопіющую къ Небу правду, отнестись спокойно, безразлично къ судьбѣ десятковъ тысячъ цвѣта народной молодости, ежегодно гибнущихъ на гауптвахтахъ...

Я нахожусь, при этомъ, какъ-бы въ положеніи умирающаго воина, которому, послѣ долгой, ожесточенной борьбы за чуждыя ему жизни, подъ ударами торжествующаго врага, ничего болѣе не остается, какъ выкрикнуть въ послѣдній разъ, полной грудью, съ силой непоколебимаго убѣжденія, съ бѣшенствомъ негодованія, въ лицо этому врагу, свой протестъ—въ слабой надеждѣ, что авось гдѣ-либо, кто-либо, болѣе сильный, ловкій, смѣлый, въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, услышитъ предсмертный его вопль и передастъ его по адресу дорогой Отчизны, что явятся еще защитники того, что было ему дорого и понесутъ далѣе, побѣдоносно, съ лучшими надеждами на успѣхъ, знамя, выпавшее изъ слабѣющихъ рукъ его...

Конечно, я далекъ отъ того, чтобы хоть на минуту сравнивать себя съ легендарнымъ рыцаремъ Роландомъ, гибнущимъ въ неравномъ бою съ безчисленными язычниками и напрягающимъ послѣднія силы свои для того, чтобы звукъ его боевого рога долетѣлъ-бы въ послѣдній разъ до далекой Родины, вызвавъ оттуда воиновъ—согражданъ для отмщенія.

И, приступая къ настоящему труду моему, я прежде всего чувствую, сознаю личное мое нравственное недостоинство.

Я не хочу мстить. Никому не желаю я зла, страданій. Мою душу охватываетъ одинъ лишь порывъ, одно чувство: „Да здравствуетъ свѣтъ! Да восторжествуетъ истина!!“

Въ теченіи жизни, въ самыя, казалось, тяжелыя, безнадежныя минуты борьбы моей за правду по разнымъ вопросамъ, всегда удивительно везло мнѣ на встрѣчи съ добрыми, благородными людьми, меня поддерживавшими тогда, когда я уже изнемогалъ...

Такъ случалось въ прошломъ, какъ мы это увидимъ, не разъ и по отношенію къ данному вопросу о гауптвахтахъ...

Я предвижу, поэтому въ будущемъ, когда меня не станетъ, такихъ-же борцовъ: стоило-ли-бы создавать цѣлое изслѣдованіе, еслибы не горѣло пламя вѣры въ эту невѣдомую мнѣ, мощную, непреодолимую, побѣдоносную рать будущаго, быть можетъ, и очень отдаленнаго??...

Къ нимъ-то, къ этимъ невѣдомымъ мнѣ, но дорогимъ, близкимъ по общему ратному дѣлу, людямъ, къ будущимъ дѣятелямъ на невоздѣланной, заросшей пока бурьяномъ, почвѣ гауптвахтныхъ реформъ, и обращаю я послѣдній завѣтъ мой: „Спѣшите на помощь! Спасите гибнущее мое начинаніе! Скажите еще разъ, вмѣсто меня, когда меня не станетъ, власть имущимъ: „Такъ жить нельзя, стыдно, преступно! Развѣ мы не христіане?!“

Да простятъ-же мнѣ мой эгоизмъ умирающаго, если хоть въ общихъ чертахъ, разскажу я въ моей книгѣ, т. е. въ моемъ завѣщаніи потомству,—почему, на какихъ правахъ, въ силу какихъ традицій, убѣжденій вмѣшался я, много лѣтъ тому назадъ, въ гауптвахтный вопросъ, который, по закону, лежитъ на попеченіи и совѣсти военнаго начальства,—иными словами, какимъ путемъ дошелъ я до мучительнаго сознанія необходимости выпустить этотъ объемистый, сложный трудъ, поставивъ въ началѣ его, въ видѣ эпиграфа, девизъ доктора Гааза „торопитесь дѣлать добро!“,—почему служебное прозябаніе въ военно-судебномъ вѣдомствѣ смѣнилъ я на многолѣтнюю борьбу съ цѣлой

коалицiей недруговъ поднятаго мною вопроса—въ томъ числѣ и представителей этого вѣдомства—на борьбу, стоившую мнѣ, какъ мы увидимъ, немало слезъ и личныхъ страданiй (хвала и благодарность за нихъ Господу!)

Сколько разъ довелось мнѣ уже выслушать въ жизни укоризненно—недоумѣвающiй, а то и дерзко—насмѣшливый, вопросъ: „Да вамъ-то, въ сущности, что за дѣло?!... Вы то чего здѣсь такъ усердствуете?!“

Признаться, всегда видѣлъ я одной изъ первыхъ причинъ всяческихъ нашихъ отечественныхъ неудачъ и неурядицъ, именно это слѣпое придерживанiе давно устарѣвшей народной поговорки „моя хата съ краю—ничего не знаю“...

Троньте еврея, отнеситесь къ нему несправедливо, безчеловѣчно—и на васъ поднимется весь еврейскiй кагалъ, не спрашивая даже въ чемъ дѣло, а, такъ сказать, принципiально.

Въ этомъ-то и заключается живучесть еврейства, у котораго есть чему и намъ поучиться.

Троньте, оскорбите англичанина, нѣмца—и вы столкнетесь лицомъ къ лицу съ цѣлой оскорбленною нацiей.

Тутъ, въ этой общественности, въ этой духовной связи между отдѣльными единицами—во имя интересовъ цѣлаго народа—несомнѣнно признакъ высокой культуры...

А у насъ, въ Россiи, когда ночью идетъ на улицѣ разбой и раздаются крики о помощи, бѣгутъ къ мѣсту происшествiя, по обязанности службы, только дежурные городовые и дворники, обыватели-же, разбуженные скандаломъ, спѣшатъ перевернуться на другой бокъ и, закутавшись плотнѣе въ одѣяло, забыться сладкимъ сномъ, ублажая себя соображенiями, что грабятъ молъ, насилуютъ вѣдь не ихъ, а для прекращенiя беззаконiй существуютъ закономъ установленныя власти, свистки которыхъ уже и раздаются...

Если-бы на лицо былъ иной порядокъ, то развѣ могъ-бы возникнуть по моей инициативѣ, т. е. по почину отдѣльнаго лица, самый вопросъ объ улучшенiи быта гауптвахтныхъ узниковъ? Развѣ могъ-бы подобный вопросъ въ теченiи болѣе десяти лѣтъ тлѣть, затѣмъ, медленнымъ огнемъ и... безрезультатно погаснуть?!.

Развѣ могла-бы появиться необходимость въ цѣломъ изслѣдованiи о томъ, какъ онъ, этотъ жалкiй, колеблемый бурями жизни, огонекъ гаснулъ и кто были его гасители?!.

Въ данномъ-же случаѣ, т. е. по отношенiю къ гауптвахтному вопросу, личная исповѣдь моя, на взглядъ мой, крайне полезна, такъ какъ, освѣтивъ бытовую сторону вопроса, она, указавъ ямы, въ которыя я оступался, быть можетъ, другихъ, будущихъ борцовъ, болѣе меня счастливыхъ, предупредитъ отъ подобныхъ-же ошибокъ и увлеченiй.

Если иногда, въ исканiи истины, шелъ я по ложному пути, то пусть, зато, за мной идущiе видятъ передъ собою лишь путь, настоящiй, прямой и ведущiй непосредственно къ цѣли, т. е. къ побѣдѣ и счастью ближняго!..

Если случалось мнѣ малодушествовать, сидѣть сразу, въ видахъ политики, лицомъ къ лицу съ грубой силою, на двухъ стульяхъ, то пусть они, эти дѣятели будущаго, отбросивъ „политику" и „шкурные инстинкты", смѣло и честно, во имя Христа, во имя справедливости, стучатся въ сердце власть имущихъ...

Не робость-ли моя была причиной неуспѣха моихъ начинаній?!.

Кто знаетъ, появись книга моя годъ, два тому назадъ,—и около поднятаго мною вопроса создалась-бы уже цѣлая литература—особаго характера...

Быть можетъ, и самый вопросъ уже не существовалъ-бы, какъ „вопросъ", т. е. въ качествѣ благого пожеланія, а перешелъ-бы давно уже въ область практическаго осуществленія азбучной справедливости.

Я все ждалъ, надѣялся; все боялся задѣть то или другое лицо; все просилъ, и кланялся, и унижался, и подчасъ, изъ ложной деликатности, скрывалъ ядъ, соль обличеній...

Не въ этомъ-ли также причина моихъ неудачъ?! Не тутъ-ли для меня кара Божія?! Не въ этой-ли боязни личнаго страданія, заушеній, преслѣдованія?!. Не въ томъ-ли, что, самъ утративъ чистоту первобытной религіозности, я дерзнулъ нечистыми руками прикоснуться къ дѣлу связанному съ завѣтами Евангелія?!.

Нѣтъ, пора, давно пора, заговорить громко, честно, открыто—въ защиту „обиженныхъ и угнетенныхъ", томящихся на гауптвахтахъ!!. Пора оставить страхъ и робость передъ разнаго рода грядущими осложненіями въ личной жизни—и помнить лишь велѣнія совѣсти да грядущій судъ Божій...

А вотъ, читатель, и моя откровенная, послѣдняя, всенародная исповѣдь...

Выслушай меня и, если я того достоенъ, брось въ меня первый камень осужденія, но спаси самое дѣло!

Нѣсколько лѣтъ моей военно-судейской дѣятельности, связанной съ прилежнымъ изученіемъ гауптвахтнаго вопроса, выработали во мнѣ опредѣленный взглядъ на то, что̀ такое повсемѣстно представляетъ изъ себя въ Россіи наша, такъ называемая, главная гауптвахта.

Попутно, самъ собою, вопросъ у меня и рядъ вопросовъ, оставить которые безъ посильнаго, практическаго разрѣшенія я не могъ уже въ силу основныхъ свойствъ моего воспитанія и характера...

Вотъ горькіе выводы, къ которымъ я, при этомъ, пришелъ.

Начать съ того, что и нынѣ благополучно дѣйствующій уставъ гарнизонной службы, опредѣляющій жизнь главной гауптвахты (равно, какъ и уставъ внутренней службы, дѣлающій то-же въ отношеніи гауптвахтъ отдѣльныхъ частей войскъ), лишены какой-либо руководящей основной идеи, которая-бы властно проходила черезъ всѣ ихъ параграфы: въ нихъ не указана цѣль, назначеніе подобнаго рода мѣстъ заключенія.

Такимъ образомъ, никто не можетъ, конечно понять, уяснить себѣ, читая, напримѣръ, уставъ гарнизонной службы, что-же такое, въ сущности, должна представлять изъ себя главная гауптвахта—тюрьму или нѣчто иное и какъ разъ обратное?..

Первоначальной, вполнѣ разумной, практичной, цѣлью, главныхъ (общихъ, гарнизонныхъ) гауптвахтъ было удовлетвореніе естественной потребности арміи, временно, по возможности быстро и ненадолго, изолировать подозрительные, неблагонадежные элементы, опасные для остального, здороваго, надежнаго состава войскъ—изолировать впредь до выясненія степени ихъ виновности и нежелательности.

Предполагалось, поэтому, что и гарнизонная гауптвахта явится лишь временнымъ, непродолжительнымъ этапомъ для нижнихъ чиновъ, совершившихъ преступленіе, или впавшихъ въ проступокъ, которые еще находятся въ періодѣ обслѣдованія, выясненія, обдумыванія начальствомъ совершенныхъ ими дѣяній...

Но, самое устройство при главныхъ гауптвахтахъ карцеровъ для нижнихъ чиновъ частей войскъ мѣстнаго гарнизона, отбывающихъ дисциплинарное наказаніе, хоть и кратковременное, придало уже этимъ гауптвахтамъ оттѣнокъ учрежденія отчасти и карательнаго типа.

Такимъ образомъ, благодаря уставу гарнизонной службы, съ самаго давняго времени, гауптвахта явилась чѣмъ-то неопредѣленнымъ: не то тюрьмой, не то мѣстомъ предварительнаго заключенія.

Скоро она обратилась, однако, въ зауряднук тюрьму, благодаря тому, что арестованные „впредь до особаго распоряженія", подслѣдственные, находящіеся подъ судомъ и другіе, нижніе чины, благодаря судебной и иной волокитамъ, стали по цѣлыми мѣсяцами и годами, засиживаться здѣсь за рѣшотками...

При такомъ грубомъ смѣшеніи двухъ типовъ мѣстъ заключенія, другъ друга исключавшихъ, неудивительно, что съ годами жизнь и служба, а также неясность устава, обходящаго молчаніемъ назначеніе гауптвахты, сдѣлали то, что на гауптвахтѣ этой стали появляться, со временемъ, и нижніе чины, отбывающіе наказаніе, имъ назначенное по суду, за неимѣніемъ мѣстъ (вакансій) въ крѣпости, военной тюрьмѣ, дисциплинарномъ баталіонѣ.

Конечно, подобное отбываніе наказаній явилось лишь фикціей, жалкой пародіей на дѣйствительную кару, уже въ силу того, что на гауптвахтахъ нѣтъ и не можетъ существовать, по ихъ положенію и устройству, той обстановки, которою обусловленъ, по закону, режимъ спеціальныхъ военно-карательныхъ учрежденій.

Тѣмъ не менѣе, мало-по-малу, въ сознаніи арміи и начальства, а также карауловъ, непосредственно вѣдающихъ гауптвахтами, вкоренился нездоровый, ложный, вредный взглядъ на послѣднія, какъ на нѣчто подобное тюрьмамъ, а на всѣхъ, безъ исключенія, нижнихъ чиновъ, населяющихъ гауптвахты, какъ на „арестантовъ", „каторжниковъ" и т. п.

Только русскій человѣкъ, повидимому, способенъ совмѣщать порой несовмѣстимое. Только будущій историкъ русскаго военно-тюремнаго, военно-гауптвахтнаго дѣла, быть можетъ, окажется въ состояніи отвѣтить на вопросъ о томъ, какъ въ Россіи, въ теченіи долгаго ряда лѣтъ, умудрялись не только втиснуть постоянную тюрьму въ гауптвахту, предназначенную для удовлетворенія лишь временныхъ нуждъ воинскаго правосудія, но и мириться, уживаться съ подобнымъ, яв-

нымъ, абсурдомъ, несправедливымъ, вопіющимъ, а порой даже его и оправдывать...

Но былъ отданъ приказъ: его и исполняютъ, не разсуждая, не вдумываясь въ послѣдствія, не пытаясь разобраться въ дѣйствительности, не создавъ даже какой-либо инструкціи, которая указала-бы комендантскимъ управленіямъ на то, что̀-же имъ предпринимать при создавшемся положеніи.

А, между тѣмъ, невольно сами собой возникаютъ здѣсь вопросы: если гауптвахта должна служить мѣстомъ для отбытія наказанія, то почему-же на ней смѣшаны тѣ, кто осужденъ уже судами, такъ сказать „отпѣтъ" и долженъ нести положенную ему кару, за дѣйствительно имъ содѣянное, съ нижними чинами, еще неопороченными по суду, которыхъ судъ завтра-же еще можетъ и оправдать, вернувъ обратно въ свои части?

Съ другой стороны, если гауптвахта обращена въ постоянную темницу, въ мѣсто отбыванія наказанія только въ силу крайней необходимости, если уже „отпѣтые" ея насельники составляютъ лишь меньшинство, главный-же контингентъ ея состоитъ изъ элементовъ, только находящихся въ подозрѣніи и неопороченныхъ еще судебнымъ приговоромъ, то почему-же, въ силу какой логики, на основаніи какихъ законовъ, Божескихъ и человѣческихъ, эти, еще здоровые элементы, сравнены на гауптвахтахъ, по положенію ихъ, съ каторжниками, обитателями крѣпостей, тюремъ, дисциплинарныхъ частей?!

Между тѣмъ знакомство мое съ массой гауптвахтъ Россіи, въ продолженіи довольно долгаго періода времени, указываетъ на то, что ни какой классификаціи обитателей ихъ, по роду, по тяжести ихъ преступленій, по нравственности, воинскому званію, наконецъ, по положенію ихъ дѣлъ (періоды дознанія, слѣдствія, суда, фактическое отбываніе назначенныхъ по суду наказаній и т. п.) нигдѣ не дѣлается—прежде всего потому, что о томъ не упоминаетъ нашъ уставъ гарнизонной службы, а, затѣмъ, и въ силу того, что зданія нашихъ гауптвахтъ давно тѣсны, стары, неприспособлены къ ихъ назначенію, даже какъ мѣста предварительнаго заключенія, а, главное, совершенно не удовлетворяютъ требованіямъ и условіямъ современнаго тюремнаго быта—именно и прежде всего, какъ никуда негодныя, давно ожидающія сломки, казенныя постройки.

Неудивительно, что подобная, чисто внѣшняя неурядица, при наступленіи всеобщей воинской повинности, застала русскую главную гауптвахту, съ ея „до—реформенными" постройками, врасплохъ, какъ-бы узаконивъ ту явную несообразность, въ силу которой въ общихъ ея камерахъ, многіе мѣсяцы подъ рядъ, живутъ, бокъ-о-бокъ, внѣ какого либо контроля начальства, и революціонеръ, и соціалистъ, и сектантъ, и безнадежно погибшій преступникъ, уже справедливо ошельмованный судебнымъ приговоромъ, отравляющимъ образомъ вліяя другъ на друга, а также на остальныхъ товарищей по заключенію—людей, еще неиспорченныхъ, нравственныхъ, религіозныхъ, воспитанныхъ въ идеалахъ русской государственности, еще не присужденныхъ къ наказанію...

Право, мнѣ, близко изучившему страдальческое прошлое русской гауптвахты и ея современное, позорное положеніе, иногда кажется, что попади самъ діаволъ подъ солдатскимъ мундиромъ въ число узниковъ любой русской главной гауптвахты—и онъ мирно, съ успѣхомъ, къ торжеству ада, могъ-бы продолжать здѣсь дѣло нравственнаго растлѣнія, нисколько не нарушивъ убогихъ §§ устава, относящихся къ содержащимся за рѣшотками, а иная гауптвахта, получивъ въ нѣдра свои подобнаго узника, продолжала-бы, пожалуй, тѣшить вкусы начальства ласкающими взоры окрасками наружныхъ стѣнъ, наружнымъ, казовымъ порядкомъ, удовлетворительностью пищи, чистотой половъ въ корридорахъ и т. п.

Я употребилъ сейчасъ выраженіе „прошлое русской гауптвахты“, а не сказалъ „исторія русской гауптвахты“, не случайно, такъ какъ, въ сущности никакой исторіи, т. е. описанія прогресса учрежденія нѣтъ и не было, и если-бы взять жизнь какой-либо данной гауптвахты за болѣе или менѣе значительный періодъ времени, съ цѣлью изобразить судьбу ея, то все свелось-бы къ біографіямъ начальствующихъ лицъ, прикосновенныхъ къ гауптвахтѣ, старавшихся, съ мертвымъ уставомъ гарнизонной службы въ рукахъ, во имя общаго, наружнаго порядка, убить здѣсь всякое живое проявленіе мысли, духа, а также къ біографіямъ тѣхъ несчастныхъ узниковъ, которые погибли здѣсь, благодаря создавшейся обстановкѣ.

Но и такого матеріала для будущаго военнаго бытописателя русской гауптвахты не окажется, такъ какъ могилы молчатъ, живущіе страдальцы, принадлежащіе къ сѣрой массѣ народа, разсѣяны по всей Россіи, а канцеляріи комендантскихъ управленій—лишь мертвыя „канцеляріи“ и далеки отъ собираній медицинскихъ, научныхъ, статистическихъ и иныхъ свѣдѣній...

Интересно-бы было, поэтому, видѣть, что сказало-бы военное начальство, если-бы вдругъ, вспомнивъ о главной гауптвахтѣ, вздумали отпраздновать хотя-бы 50-лѣтній юбилей учрежденія и помянуть юбиляра, какъ принято, особымъ изслѣдованіемъ...

Загроможденію русскихъ гауптвахтъ нежелательнымъ элементомъ, сумбурному смѣшенію подъ ихъ сводами представителей „добра“ и „зла“, много способствовали, впрочемъ, не одни грубые пробѣлы давно устарѣвшаго, никуда непригоднаго устава о службѣ въ гарнизонѣ, не только никуда негодныя зданія, но и другія, болѣе вѣскія, обстоятельства—уже нравственнаго порядка.

Видную роль сыграли, при этомъ, наши россійскія историческія—штабная, канцелярская и иная „волокиты“, въ томъ числѣ и волокита военно-судная.

Подобная грустная дѣйствительность, съ которой нельзя было не считаться строевому, комендантскому начальствамъ, вѣдающимъ гауптвахтами, заставила навсегда эти начальства отбросить въ сторону мечты о быстромъ передвиженіи черезъ ввѣренныя имъ гауптвахты отрицательныхъ, подозрительныхъ, вредныхъ элементовъ нашей арміи.

Въ результатѣ-же созданнаго положенія неминуемо появились узники, сидящіе по гауптвахтамъ—въ ожиданіи рѣшенія ихъ участи,

не только по мѣсяцамъ, но зачастую по годамъ, о чемъ я уже и упомянулъ вскользь выше...

Это явленіе, нежелательное въ интересахъ правосудія и службы, вызвало, въ свою очередь, другое зло, тѣсно съ нимъ связанное, а именно: образованіе, въ видѣ заторовъ, на всѣхъ главныхъ гауптвахтахъ Россіи, „кадровъ" долго засиживающихся узниковъ—опредѣленнаго, отрицательнаго типа преступности...

Такъ какъ чаще всего обосновывались здѣсь, на гауптвахтахъ, надолго, закоренѣлые, порой совершенно погибшіе преступники, т. е. люди съ сильными характерами, сознательно неуживавшимися съ требованіями дисциплины и военной службы, люди съ опредѣленнымъ душевнымъ, умственнымъ, при томъ отрицательнымъ, настроеніемъ, то къ гауптвахтному быту, съ годами, стали прививаться, сами собой, вредные обычаи и пороки, до того бывавшіе достояніемъ лишь спеціальныхъ мѣстъ заключенія, предназначенныхъ для отбытія преступниками суровыхъ наказаній.

Отсюда-же вытекло и то, что подъ тлетворное вліяніе этихъ „кадровъ" начали попадать нижніе чины, хотя и угодившіе подъ слѣдствіе и судъ, но, по натурамъ ихъ, по свойствамъ совершенныхъ ими дѣяній, по способности къ раскаянію, исправленію, возвращенію на хорошій, честный путь, только временно пошатнувшіеся въ принципахъ долга службы, нравственности, общественнаго порядка, могущіе еще, поэтому, исправиться и принести на службѣ серіозную пользу.

Нельзя забывать и того, что среди обычнаго населенія гауптвахтъ, какъ я уже и подчеркнулъ это выше, преобладаетъ неопытная, зеленая молодежь изъ простого народа съ мягкими, неустановившимися, уступчивыми, легко поддающимися чужому, тѣмъ болѣе дурному, вліянію, характерами, а въ томъ числѣ совершенно невинные, оправдываемые потомъ судами, освобождаемые изъ-подъ стражи самимъ начальствомъ.

Огромный % военныхъ заключенныхъ, какъ убѣдилъ меня опытъ изученія быта русской гауптвахты, даютъ нижніе чины, совершившіе то или иное нарушеніе подъ вліяніемъ полнаго опьяненія, т. е. безсознательно, или не отдавая себѣ яснаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ.

Хотя по смыслу военнаго закона опьяненіе это не уменьшаетъ, а только усиливаетъ вину; но, по совѣсти говоря, кто-же смѣшаетъ подобную категорію нарушителей порядка въ состояніи полнаго опьяненія съ тѣми, кто совершаетъ проступки сознательно, нарочно?!

И, если-бы, въ русскомъ военномъ законодательствѣ, укоренился должный взглядъ на „опьяненіе", то количество воинскихъ преступленій сразу-же упало-бы до поражающаго ничтожества, а русская армія изумила-бы остальной міръ своей дисциплинированностью и внутреннимъ порядкомъ...

Можно себѣ, однако, ясно представить, что должно происходить отъ долговременнаго соприкосновенія подобныхъ, не вполнѣ еще погибшихъ, неокрѣпшихъ, дѣтскихъ, иногда прямо дѣвственныхъ, натуръ съ вышеупомянутыми „кадрами" настоящей, закоренѣлой, тюремной преступности...

Умолчаніе устава гарнизонной службы объ обязательной необходимости какой-либо классификаціи, сваливаетъ всѣ эти, разнородные, совершенно подчасъ другъ друга исключающіе, элементы въ общую кучу „преступниковъ“, „каторжниковъ“, „арестантовъ“ и т. п.

Подобный порядокъ, прежде всего, конечно, чрезвычайно удобенъ съ точки зрѣнія канцелярскихъ интересовъ комендантскихъ управленій и карауловъ, такъ какъ, подводя все къ одному знаменателю, подъ одни и тѣ-же §§ устава, даетъ полную возможность не вдаваться въ психологію, а только требовать и приказывать.

Но развѣ это справедливо?! Развѣ такое недоразумѣніе можетъ быть терпимо въ любомъ благоустроенномъ вѣдомствѣ, вѣдающемъ судьбу людей?!.

Новыя вѣянія въ жизни и на военной службѣ, во главѣ со всеобщей воинской повинностью, прежде всего, опять-таки застали дореформенную русскую гауптвахту, превращенную въ заурядную темницу, совершенно неподготовленной—въ отношеніи состава комендантскихъ управленій...

За рѣдкими исключеніями видѣли мы и видимъ на отвѣтственныхъ должностяхъ комендантовъ губернскихъ центровъ и офицерскаго состава ихъ комендантскихъ управленій, людей или кочевавшихъ до того по штабамъ и адъютантскимъ должностямъ,—въ силу разныхъ служебныхъ осложненій, или бѣжавшихъ, по загадочнымъ причинамъ, изъ строя.

Тогда какъ во главѣ крѣпостей, какъ мѣстъ отбытія наказанія, во главѣ военныхъ тюремъ и дисциплинарныхъ частей стоятъ лица, хотя не спеціалисты по вопросамъ тюрьмовѣдѣнія, но все-же со строгимъ служебнымъ выборомъ, отъ которыхъ прежде всего требуются извѣстныя нравственныя, служебныя качества, провѣренныя въ ихъ служебномъ прошломъ, по комендантскимъ управленіямъ разсаживаются нерѣдко служебные „неудачники“, люди уставшіе на строевой службѣ, или ищущіе карьеры, въ чаяніи поскорѣй покинуть непріятныя, отвѣтственныя, сложныя комендантскія обязанности, для которыхъ должность коменданта—переходная ступень къ чему-либо лучшему, высшему.

Зналъ я и знаю немало комендантовъ, людей высокихъ личныхъ нравственныхъ качествъ, безукоризненнаго служебнаго прошлаго, людей строевого, хозяйственнаго, служебнаго опыта; но, признаться, между ними не встрѣтилъ тѣмъ не менѣе я ни одного, который смотрѣлъ-бы трезво, правильно на нравственныя, духовныя нужды гауптвахты, на педагогическія задачи въ дѣлѣ призрѣнія военныхъ узниковъ, на роль гауптвахты въ общей жизни нашей арміи, кто маломальски былъ-бы знакомъ съ научной стороной вопросовъ о мѣстахъ заключенія вообще, кто имѣлъ-бы за собою военно-тюремный опытъ...

И подобнымъ неспеціалистамъ, такимъ случайнымъ представителямъ военно-тюремнаго дѣла, ввѣряется ежегодно судьба десятковъ тысячъ русской молодежи, при чемъ, какъ мы увидимъ, въ полное почти, безконтрольное распоряженіе!!.

Развѣ это нормально?!.

Уставъ гарнизонной службы еще болѣе осложнилъ эту, весьма важную, часть вопроса тѣмъ, что ввелъ, какъ правило, возможность совмѣщенія должностей коменданта и воинскаго начальника.

Я не знакомъ съ составомъ той Комиссіи, которая создала этотъ порядокъ и охотно готовъ вѣрить, что къ тому имѣлись вѣскія, формальныя основанія.

Несомнѣнно, однако, что такъ могли поступить, лишь теоретики, люди, далеко стоящіе отъ практики дѣятельности воинскаго начальника и, въ то-же время, совершенно равнодушные къ трагическому положенію главныхъ гауптвахтъ, какъ воинскихъ мѣстъ заключенія.

Стóитъ спросить любого изъ добропорядочныхъ провинціальныхъ мучениковъ, въ лицѣ своемъ, по совѣсти, совмѣщающаго несовмѣстимое—обязанности коменданта и воинскаго начальника для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что, заваленный прежде всего разными мелочами по должности воинскаго начальника, особенно во время всякаго рода призывовъ на службу, годовыхъ отчетовъ, ревизій и проч., онъ по неволѣ совершенно забрасываетъ ввѣренную ему гауптвахту, какъ мѣсто, за которое менѣе всего съ него сыщутъ по службѣ, появляясь туда лишь по необходимости, когда жизнь гауптвахты осложняется вдругъ чѣмъ-либо особо выдающимся, скандальнымъ...

Въ результатѣ-же, подобныя гауптвахты, на бумагѣ имѣя непосредственнаго начальника, въ сущности, лишены такового, предоставлены произволу низшаго служебнаго персонала.

Еще болѣе удручающее, прямо недоумѣнное впечатлѣніе, въ только что указанномъ направленіи, производитъ составъ комендантскихъ адъютантовъ и прикомандированныхъ къ комендантскимъ управленіямъ строевыхъ офицеровъ: за рѣдкими исключеніями, это все строевые неудачники, нерѣдко сомнительной нравственности.

Уставъ о службѣ въ гарнизонѣ, между тѣмъ, совершенно игнорируетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ гауптвахтнаго быта— именно крайнюю необходимость исключительнаго, соотвѣтствующаго подбора офицерскаго состава комендантскихъ управленій.

А въ томъ, что составъ этотъ, въ большинствѣ своемъ, далекъ отъ потребностей современной гауптвахты, можетъ убѣдить хотя-бы изученіе послужныхъ списковъ... Не смѣю ссылаться при этомъ на личный мой, многолѣтній опытъ сношеній съ разными комендантскими управленіями...

Но, если-бы иной комендантъ или адъютантъ комендантскаго управленія и пожелали-бы даже отнестись добросовѣстно, по-человѣчески, по-сердцу, научно, внѣ рамокъ устава, а по долгу совѣсти, изъ чувства милосердія, къ своимъ обязанностямъ въ отношеніи ввѣренныхъ попеченію ихъ воинскихъ узниковъ, то это подчасъ является для нихъ прямо предпріятіемъ, физически неисполнимымъ, уже въ виду сложности вообще обязанностей коменданта (должность, при томъ, какъ я уже отмѣтилъ, часто связываемая съ обязанностями воинскаго начальника) и того моря текущей, срочной, неотложной, отвѣтственной канцелярщины, которое ихъ съ головою засасываетъ, отвлекая отъ дѣятельности по внутреннему быту гауптвахты.

Бѣда, однако, не въ однихъ лишь комендантскихъ управленіяхъ, какъ въ начальствѣ, почти никогда ненаходящемся на высотѣ своего высокаго назначенія и призванія, а въ томъ многоначаліи по отношенію къ главной гауптвахтѣ, которое, въ концѣ—концовъ, приводитъ неизбѣжно къ полному безначалію, и тѣмъ не менѣе не предусмотрѣно, неустранено гарнизоннымъ уставомъ.

У иного солдатика, состоящаго подъ слѣдствіемъ и сидящаго, поэтому, на гауптвахтѣ, сразу-же оказывается нѣсколько начальствъ, имъ вѣдающихъ: свое, строевое, отъ котораго (изъ части войскъ), получаетъ онъ одежду, бѣлье, обувь и проч., въ спискахъ части котораго продолжаетъ числиться; начальство комендантское, въ вѣдѣніи котораго онъ состоитъ, какъ арестованный; караулы, которымъ онъ, въ силу того-же обстоятельства, подчиняется; военно-судебная, военно-прокурорская власти, прикосновенныя къ его дѣлу и т. п.

Бѣда здѣсь въ томъ, что никакое законоположеніе не регулируетъ ясно взаимныя сношенія всѣхъ этихъ безчисленныхъ начальствъ между собою по отношенію къ данному нижнему чину, какъ обитателю данной главной гауптвахты...

Отсюда рядъ безконечныхъ недоразумѣній...

Строевое начальство, сдавъ нижняго чина подъ росписку на гауптвахту, какъ-бы омываетъ въ немъ руки, увѣренное, что комендантское управленіе за нимъ, за его нуждами, добросовѣстно досмотритъ.

Вѣчно смѣняющіеся караулы обо всемъ доносятъ коменданту, не имѣя физической возможности и даже права слѣдить за судьбою своихъ заявленій—относительно узниковъ.

Комендантское управленіе, заваленное всякой, внѣ—гауптвахтною работой, сдавъ заключеннаго караулу, то-же умываетъ относительно него руки.

Военно-судебное вѣдомство соразмѣряетъ свои отношенія къ узнику лишь формальными, чисто-внѣшними, казенными требованіями закона...

Поднимите-ка оффиціально любой, самый незначительный, вопросъ объ узникѣ, и вы сейчасъ-же увидите, что въ этомъ вопросѣ по содержанію его на гауптвахтѣ сталкиваются не только всѣ эти начальства, нерѣдко находящіяся между собой въ антагонизмѣ и разнаго рода служебно-канцелярскихъ „треніяхъ“, но и вѣдомства интендантское, инженерное и другія...

Стóитъ только изучить переписку любого комендантскаго управленія, для того, чтобы убѣдиться, въ томъ, что я говорю лишь одну правду...

Какой-нибудь пустякъ—запросъ о невыданныхъ узнику изъ части сапогахъ, мундирной одеждѣ, бѣльѣ, о которыхъ онъ заявилъ претензію караульному начальнику, коменданту, вызываетъ сложную переписку на долгое, иногда, время, между начальствами и разными вѣдомствами.

Въ результатѣ-же несчастный заключенный, представитель великой русской арміи, сидя на гауптвахтѣ, цѣлые мѣсяцы, ходитъ босикомъ, въ рубищѣ, какъ какой-либо уличный пропойца, бродяга...

Есть еще у военныхъ узниковъ одно, своего рода, начальство, это—военные врачи, обязанные, по уставу гарнизонной службы посѣщать главныя гауптвахты.

Но я скоро, на опытѣ, убѣдился въ томъ, что они, эти господа, или рѣдко, а то и совсѣмъ не посѣщаютъ гауптвахты, или, если посѣщаютъ, то безсильны что-либо тамъ сдѣлать.

И во всемъ—нищенскіе отпуски казны, на каждомъ шагу озлобленный отчаянный крикъ, „денегъ нѣту!“ „Не мое дѣло!“ „Надо завести переписку!..“

А въ концѣ-концовъ—получается не казенное, благоустроенное учрежденіе, а мѣсто, надъ входомъ въ которое, въ смыслѣ разрѣшенія большинства возникающихъ вопросовъ, слѣдовало-бы прикрѣпить надпись: „Оставь надежду навсегда“.

И затѣмъ—ужасъ, дебри, самаго захудалаго, канцелярскаго бюрократизма...

Точно здѣсь дѣло идетъ не о людяхъ, а о входящихъ, исходящихъ №№ бумагъ...

Посѣтивъ множество гауптвахтъ, вникая страдальчески въ ихъ бытъ, я не нашелъ ни одной, которая-бы мало-мальски удовлетворяла и справедливости, и закону, и азбучнымъ правиламъ обще-человѣческихъ требованій жизни.

Если комендантское управленіе случайно на высотѣ своего нравственнаго, служебнаго назначенія, то зданіе гауптвахты никуда негодно; немыслимо сдѣлать, поэтому, какую-либо разумную разсортировку среди узниковъ.

Случалось и такъ: зданіе можно было-бы, еще, пожалуй, кое-какъ приспособить къ потребностямъ времени, къ нуждамъ тюремнаго режима, но у комендантскаго управленія нѣтъ для такого предпріятія, ни сознанія необходимости проявить здѣсь свою инициативу, ни охоты—осложнять свое, и безъ того невеселое, существованіе задачами, уставомъ непредусмотрѣнными: кто захочетъ быть самъ себѣ врагомъ, напрашиваться на лишнюю работу!!.

Положеніе осложняется значительно еще тѣмъ, что надъ комендантами и ихъ комендантскими управленіями фактически нѣтъ почти никакого контроля, что по уставу они не связаны въ отношеніи узниковъ гауптвахтъ никакой отчетностью, а то, что говорится въ этомъ уставѣ о „начальникахъ гарнизоновъ“, конечно, не можетъ имѣть никакого серіознаго, реальнаго, практическаго значенія, хотя-бы уже потому, что развѣ въ состояніи, напримѣръ, какой-либо командующій войсками огромнаго военнаго округа, попавъ въ положеніе „начальника гарнизона“, отбросивъ свои сложныя, прямыя, неотложныя обязанности, связанныя съ его должностью командующаго войсками, удѣлять еще время на контроль за комендантами, за гауптвахтами, за заключенными?!.

Обративъ русскую главную гауптвахту, надо-думать, въ силу необходимости (по неимѣнію вакансій въ спеціальныхъ мѣстахъ заключенія) въ тюрьму, мы до сихъ поръ не додумались, однако, создать, для нее, по примѣру гражданскаго тюремнаго вѣдомства, особую, спеціальную гауптвахтную „инспекцію“, которая, вѣдая глав-

ными гауптвахтами всей Россіи или извѣстной, значительной части ея, имѣя въ составѣ своемъ хорошо подобранный, надежный, опытный, научно-подготовленный, элементъ служащихъ, направляла-бы, регулировала-бы вообще жизнь, бытъ гауптвахтъ, разрѣшала-бы всѣ сомнѣнія, возникающія по поводу ихъ и ихъ заключенныхъ между отдѣльными вѣдомствами и учрежденіями, не зависѣла-бы, въ то-же время, отъ мѣстнаго военнаго и иного начальства, а черпала-бы указанія непосредственно хотя-бы изъ Военнаго Министерства, будучи облечена, къ тому-же, если не властью немедленнаго прекращенія безпорядковъ и привлеченія къ отвѣту за таковые виновныхъ, то хотя-бы правомъ особыхъ докладовъ, въ силу особыхъ инструкцій, высшему военному Правительству, при томъ докладовъ, связанныхъ съ надеждою на реальный успѣхъ послѣднихъ.

До сихъ поръ я говорилъ, такъ сказать, о внѣшней обстановкѣ гауптвахтъ, лишь односторонне, поверхностно коснувшись ихъ внутренняго быта.

Бередя въ душѣ моей воспоминанія минувшихъ дней моей военно-юридической молодости, я вижу, въ данный моментъ, что за этотъ огромный промежутокъ въ двадцать слишкомъ лѣтъ, моихъ трудовъ по облегченію участи военныхъ узниковъ,—почти ничего не измѣнилось въ положеніи нашихъ гауптвахтъ—вообще: такъ они и существуютъ темницами безъ военно-тюремной организаціи и устройства.

Если личныхъ наблюденій и опыта у меня, за это время, поневолѣ, прибавилось, то относительно главныхъ гауптвахтъ все осталось по старому: тотъ-же уставъ гарнизонной службы, лишенный общей идеи, то-же многоначаліе (сводящееся, конечно, къ полному безначалію), та-же нищета казенныхъ отпусковъ и проч. Еще болѣе опустились снаружи, какъ зданія, гауптвахты, которыя знавалъ я въ молодости, а, значитъ, и осложнилась, ухудшилась ихъ обстановка, что̀ указываетъ и на ухудшеніе внутренней ихъ обстановки...

И по-прежнему, одинокій, непонятый, всѣмъ наскучившій, нерѣдко осмѣиваемый, стою я безпомощно, въ эту минуту, пока набрасываю мою книгу, передъ русскимъ обществомъ.

По-прежнему для меня, пока только для одного меня (въ этомъ-то и весь ужасъ!), до страданія ясно, что если за 20 слишкомъ лѣтъ наши главныя гауптвахты—все тѣ-же позорные клоповники и вертепы всяческаго разврата, въ отношеніи ихъ внѣшняго, уставного благоустройства, то еще позорнѣе, преступнѣе, безчеловѣчнѣй стала внутренняя жизнь ихъ, такъ какъ жизнь общественная шагнула за этотъ періодъ времени значительно впередъ, еще болѣе осложнивъ существованіе арміи, а онѣ, эти, всѣми заброшенныя, „ублієтты" русской военной дѣйствительности, все тѣ-же, даже пали ниже, быстро прогрессируютъ въ своемъ неудержимомъ паденіи.

И, какъ не возмущаться, опять-таки, дѣйствующимъ уставомъ о службѣ въ гарнизонѣ, въ послѣдней его редакціи, когда, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, снова черезъ него не проведена нравственная, столь необходимая въ каждомъ учрежденіи, подобномъ гауптвахтамъ, идея, особенно при томъ сумбурномъ, смѣшанномъ типѣ,

какой приданъ, благодаря ея судьбѣ, русской гауптвахтѣ, какъ не плакать и не протестовать?!.

У насъ до сихъ поръ, какъ-бы не хотятъ понять, что главная гауптвахта, населенная преимущественно нижними чинами, надъ которыми судъ еще не произнесъ своего приговора, а если и произнесетъ его, то это еще не укажетъ на ихъ окончательную нравственную порчу, на ихъ безповоротную негодность для арміи, является лишь естественнымъ звѣномъ между казармой и тѣмъ положеніемъ, когда нижній чинъ навсегда выбрасывается, какъ негодная, вредящая, сорная трава изъ пшеничнаго, плодоноснаго поля военной службы—подъ замки, за рѣшотки.

Кажется ясно, что нижній чинъ, прежде чѣмъ попасть подъ карающую руку закона, выносящаго приговоръ по его дѣлу, живетъ сперва въ казармѣ, а потомъ продолжаетъ жить на гауптвахтѣ, изъ которой зачастую въ ту-же казарму возвращается.

Поэтому далеко не все равно для арміи, для общества, для народа, во что̀ обратитъ его, эту единицу, быть можетъ случайно преступную или только заблудшую, современная гауптвахта—убьетъ-ли она въ немъ духъ и тѣло, или-же сохранитъ ихъ въ первобытной чистотѣ.

Не хотятъ понять, что не все равно, въ то-же время, даже для крѣпости, военной тюрьмы, дисциплинарной части, куда непосредственно, неминуемо, прямо изъ гауптвахты поступаетъ извѣстный % ея обитателей, съ какимъ нравственно-служебнымъ багажомъ, съ какимъ здоровьемъ и жизнерадостностью онъ туда, къ мѣсту отбытія наказанія, явится.

Не все равно и для карауловъ, ежедневно окарауливающихъ главную гауптвахту и поневолѣ соприкасающихся съ ея смѣшаннымъ, безправнымъ, разнузданнымъ населеніемъ, съ особенностями его быта, протекаетъ-ли жизнь эта разумно, здорово, осмысленно и полезно для службы, хотя-бы и въ видѣ кары за содѣянное, или-же она обращена въ сплошное тунеядство, развратъ и отрицаніе всякихъ азбучныхъ, священныхъ основъ, военной службы...

Вѣдь иному, неразвитому солдатику съ природной лѣнцой, съ тоской по родной хатѣ и враждой къ военной лямкѣ, въ качествѣ часового у общей камеры глядящему на сидящихъ на гауптвахтѣ, за рѣшотками товарищей, можетъ, на самомъ дѣлѣ, показаться заманчивой жизнь ихъ, освобожденная отъ всякихъ обязанностей, а тѣмъ не менѣе на казенномъ пайкѣ, при заботахъ начальства. Онъ можетъ дойти, пожалуй, до лживой, праздной философіи, что сто́итъ-ли служить честно, добросовѣстно, изводить себя хотя-бы той-же караульной службою, когда вотъ взялъ, оттяпалъ себѣ топоромъ указательный палецъ правой руки, попортилъ барабанную перепонку въ ухѣ, совершилъ неважное нарушеніе обязанностей службы—и, смотришь,—уже сидишь на гауптвахтѣ въ положеніи какого-то ничего недѣлающаго барина?!

Со стороны, дѣйствительно, бытъ заключеннаго можетъ показаться раемъ тупо-головому лѣнтяю, неиспытавшему прелестей его на собственной шкурѣ.

Повторяю, ужасъ положенія современной гауптвахты заключается въ томъ, а) что мы обратили ее съ легкимъ сердцемъ въ тюрьму, тогда какъ она должна была оставаться той-же казармой, но лишь, казармой за рѣшотками; б) что мы запустили ее, съ цинизмомъ довели до низшихъ степеней паденія всяческаго рода и, въ то-же время, ничего, ровно ничего, не сдѣлали и не дѣлаемъ до сихъ поръ для борьбы съ этимъ зломъ, съ этими зловонными язвами.

Никому даже въ голову не приходитъ, повидимому, задаться серіозно вопросомъ, о томъ, что́-же, въ сущности, свершилось съ солдатикомъ, съ того момента, когда, оступившись, вольно или невольно, въ бѣду, въ несчастіе, т. е. совершивъ проступокъ или преступленіе, попадаетъ онъ изъ казармы за рѣшотки и замки гауптвахты?!

Вѣдь онъ, все тотъ-же—нижній чинъ, нелишенный воинскаго званія, носящій еще почетный военный мундиръ, связанный, какъ и остальные, нижніе чины, одной и той-же присягой Царю и Родинѣ со всей арміей.

Еще никто не вправѣ назвать его негодяемъ, заклеймить названіями „арестантъ“, каторжникъ“, такъ какъ дѣло его еще невыяснено, нетвердо обставлено закономъ, находится въ неопредѣленномъ, зачаточномъ, такъ сказать, состояніи...

А, между тѣмъ, едва переступилъ онъ порогъ гауптвахты, какъ у него почему-то мгновенно отнято все, чѣмъ еще утромъ пользовался онъ на свободѣ—и доброе имя, и права, и обязанности.

И когда-же?—Въ ту самую роковую эпоху его службы, когда наиболѣе нуждается онъ именно въ нравственномъ, служебномъ воздѣйствіи!..

Если даже на тяжкаго преступника, по наблюденіямъ спеціалистовъ, возможно благотворное воздѣйствіе въ исключительной обстановкѣ, какая окружаетъ его въ настоящей темницѣ, какъ въ мѣстѣ кары, если и тутъ многое можно сдѣлать еще любовью, напоминаніемъ о религіи, долгѣ, совѣсти, участіемъ, уваженіемъ къ чужой личности, осторожнымъ, умѣлымъ вторженіемъ въ область нуждъ, надеждъ и чужихъ сомнѣній, разумной дисциплиной и порядкомъ, то не болѣе-ли благодарная, прямо благодатная почва у насъ, военно-служащихъ, подъ ногами, когда мы имѣемъ на гауптвахтѣ дѣло съ людьми, которыхъ мы еще не вправѣ, не смѣемъ, по совѣсти, съ законами въ рукахъ, клеймить кличкой „преступниковъ?!“..

Если стало избитою истиной, что и каторжнику не надо давать опускаться нравственно, если и въ немъ слѣдуетъ бережпо поддерживать, въ извѣстной мѣрѣ, самодостоинство, религіозность, любовь къ труду, къ семьѣ, надежду на окончаніе искуса, на возможность лучшаго будущаго, то развѣ эти-же начала лишни, ненужны въ обращеніи съ людьми, неопороченными приговоромъ и законнымъ возмездіемъ, съ нимъ связаннымъ?!

Почему еще вчера нижній чинъ имѣлъ, напримѣръ, возможность молиться въ храмѣ, слушать проповѣдь священника, перекреститься у святой иконы въ казармѣ, соединиться съ товарищами въ общей молитвѣ, а съ сегодняшняго дня, т. е. съ момента заключенія его на гауптвахту, т. е. когда случилась съ нимъ бѣда, лишенъ онъ всего

этого духовнаго счастья и утѣшенія?—Иными словами—сколько-бы мѣсяцевъ ни просидѣлъ онъ здѣсь, затѣмъ, его не сведутъ никогда болѣе въ храмъ Божій, онъ не будетъ присутствовать при церковной службѣ, никогда не увидитъ священника, даже не будетъ имѣть возможности причаститься, исповѣдаться, какъ всѣ остальные православные?!

Почему въ казематѣ, куда его насильно заперли, не видно иконы, передъ которой недавно еще могъ онъ осѣнить себя крестомъ, будучи въ казармѣ?

Отчего ему нѣтъ возможности прочесть хоть Евангеліе и въ страданіяхъ Христа найти утѣшеніе собственныхъ своихъ страданій, поученіе, предостереженіе, примѣръ?!

Почему, за что, гасятъ въ немъ столь безжалостно, столь несправедливо, неразумно, свѣтъ вѣры, религіи?!

Гдѣ наше многочисленное военное духовенство, умѣющее при начальствѣ подчасъ говорить такія хорошія, трогательныя проповѣди нижнимъ чинамъ, находящимся на свободѣ, такъ ревностно заботящееся объ ихъ духовныхъ нуждахъ, пока они служатъ въ строю, и никогда, никогда не заглядывающее только на главныя гауптвахты, гдѣ жаждутъ его прихода, какъ манны небесной, и гдѣ толковый, добрый, понимающій правильно назначеніе свое, пастырь духовный можетъ, во имя Христа, сотворить прямо чудеса?!.

Не потому-ли, что этихъ посѣщеній, исполненія узникамъ духовныхъ требъ и проч., не предусматриваетъ уставъ гарнизонной службы? Не потому-ли, что на этотъ путь пастырскаго подвижничества не толкаетъ властный приказъ начальства, а труды по гауптвахтѣ, какъ необязательные, не даютъ надеждъ на служебное повышеніе и награды?!

А совѣсть? А долгъ пастыря?!.

Почему молчитъ цѣлое вѣдомство военно-судебное, недаромъже проходившее курсы Академіи и хорошо знакомое съ наукой о падшемъ человѣкѣ и способахъ воздѣйствія на него именно въ моменты его паденія и страданій?

Гдѣ оно? Къ чему оно училось? Почему гóлоса его не слышно?

Можно-ли представить себѣ не только казарму, но самую бѣдную мужицкую хату православнаго, русскаго человѣка безъ копѣечной иконки?

А вотъ, благодаря умолчанію устава, нѣтъ иконокъ лишь по казематамъ нашихъ главныхъ и иныхъ гауптвахтъ...

Гдѣ опять-таки наши тюремные филантропы, наши благотворители-богачи, незабывающіе подчасъ самыхъ убогихъ уголковъ тюремнаго быта, и упрямо обходящіе, почему-то, милостыней своей военныя гауптвахты?

Отчего благодатные лучи науки, прожекторы литературной критики, обличеній, побѣдно озарившіе не разъ уже самые медвѣжьи уголки нашей Родины, оставили до сихъ поръ въ покоѣ только сумракъ, смрадъ русской главной гауптвахты?

Попробуйте собрать по военному начальству, на счетъ этихъ самыхъ главныхъ гауптвахтъ, хотя-бы статистическія и иныя свѣдѣнія!..

Ихъ не было и нѣтъ: наука, какъ это давно признано, полезна, нужна всюду; но она, очевидно,—лишняя роскошь только для русской, несчастной гауптвахты, „мертвые дома“ которой до сихъ поръ совершенно необслѣдованы, неописаны, а типы ихъ не изучены?!

Почему молчатъ, не протестуютъ, не пишутъ, не кричатъ военные врачи, которымъ не возбраняется-же, по закону, доступъ на гауптвахты?

Тогда какъ мѣста заключенія гражданскаго вѣдомства, сравнительно благоустроенныя, а зачастую и прекрасно обставленныя, повсюду имѣютъ свои тюремные комитеты, своихъ дамъ-патронессъ изъ высшаго мѣстнаго общества, являющихся въ нихъ съ жаждой подвига на благо заблудшаго, гибнущаго ближняго, съ возможностью придти къ нему на помощь, сказать въ пользу, въ защиту его, слово милосердія, облегчить его участь, даже иногда добиться полнаго его оправданія и прощенія его вины,—почему молчитъ относительно главныхъ военныхъ гауптвахтъ наше военное общество?

Какъ умѣетъ оно проявить свои таланты благотворительными спектаклями, лекціями, подписками, концертами, комитетами!!

Почему-же таланты эти мертвы лишь въ отношеніи нуждъ гауптвахты?!

Почему?!

По всей Россіи раскинуты, какъ я уже упоминалъ о томъ, сотни такихъ, забытыхъ воинскихъ обителей скорби и страданія, въ нихъ ежедневно томятся, гибнутъ, развращаются (а иногда и получаютъ смертельный недугъ) десятки тысячъ несчастныхъ нижнихъ чиновъ, но нигдѣ, никто не додумался до сихъ поръ основать спеціально-военный благотворительно-гауптвахтный комитетъ, который взялъ-бы хоть одну, данную гауптвахту подъ свою всестороннюю опеку....

Почему-же это?!

Гдѣ наши военныя, образованныя, иногда столь изящныя дамы, которыя, будучи сами членами, матерями семействъ, любя своихъ мужей, дѣтей и близкихъ, точно не могутъ догадаться, что и у этихъ узниковъ, носящихъ мундиръ полковъ, въ которыхъ служатъ, начальствуютъ ихъ мужья и братья, у узниковъ, сидящихъ за рѣшотками, тоже есть вѣдь отцы, матери, дѣти, но только далекіе отъ нихъ по разстоянію, и тѣмъ не менѣе имъ дорогіе, особенно въ темницѣ....

Неужели военныя дамы, граціозно, весело проносясь на казенныхъ рысакахъ мимо главныхъ гауптвахтъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ живутъ, не могутъ поинтересоваться, что это за люди, которые, завистливо или со злобою, выглядываютъ на нихъ тамъ, изъ-за рѣшотокъ,—люди съ блѣдными, угрюмыми лицами, часто въ рубищѣ, съ нестриженными, всклокоченными головами и бородами, хотя и носящіе военный мундиръ?!.

Чего-бы стоило, напримѣръ, супругѣ какого - либо коменданта крѣпости, командира полка, устроить свой, спеціальный дамскій военный комитетъ для оказанія помощи военнымъ узникамъ, добиться права посѣщать гауптвахту, привлекши къ этому дѣлу и военную молодежь, но, конечно, не съ цѣлью красивой, показной игры съ „несчастненькими“, не для удовлетворенія празднаго любопытства, а

во имя Христа, ко благу страждущаго ближняго, для того, чтобы приносить дѣйствительную пользу, облегчать на самомъ дѣлѣ, добросовѣстно, чужое страданіе?!.

Видали-ли вы когда-либо такую рѣдкость, какъ ротнаго командира, который зашелъ-бы, пользуясь досугомъ, на главную гауптвахту—взглянуть на то, каково-то живется тамъ нижнему чину, о которомъ вчера еще, въ казармѣ, онъ такъ ретиво заботился?

Вы видите его иногда на гауптвахтѣ полковой, находящейся въ раіонѣ расположенія части... А главная гауптвахта не интересуетъ его, ему недоступна, какъ имѣющая свое, спеціальное начальство.

Почему это?!

Трудится-ли кто-либо надъ тѣмъ, чтобы между ушедшими изъ строя, изъ казармы, на главную гауптвахту и оставшимися на свободѣ товарищами не ослабѣвала-бы, а поддерживалась, непрестанная, живая связь?!

Насколько участливо относится строевое и иное военное начальство къ тому, чтобы нижніе чины христіанскихъ вѣроисповѣданій, находящіеся въ строю и вообще на свободѣ, были у исповѣди и св. причастія,— настолько соблюденіе этой обще-христіанской обязанности (и, скажемъ, духовной потребности многихъ вѣрующихъ) считается словно лишнимъ только на главныхъ гауптвахтахъ.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, стóитъ и теперь, пока пишу эти строки, опросить комендантскія управленія—на счетъ того, говѣли-ли на подвѣдомственныхъ имъ гауптвахтахъ хотя-бы православные?

Получится удручающій отвѣтъ: „не говѣли"...

Но почему-же православный нижній чинъ, изъ казармы угодившій на гауптвахту, долженъ быть лишенъ того духовнаго, привычнаго съ дѣтства утѣшенія, которое онъ имѣлъ-бы, оставаясь на свободѣ? Вѣдь тутъ не можетъ возникнуть особыхъ расходовъ со стороны казны!..

Недавно читалъ я приказъ по одному изъ военныхъ округовъ о томъ, чтобы во время Великаго Поста обязательно отговѣли всѣ нижніе чины.

Я увѣренъ, однако, что приказъ этотъ остался мертвой буквою лишь для тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые сидятъ по округу на гауптвахтахъ...

Развѣ это, однако, естественно, разумно, справедливо, законно?

Почему также католикъ, попавъ на главную гауптвахту, долженъ быть лишенъ права исповѣдаться въ грѣхахъ своихъ передъ ксендзомъ, почему лютеранинъ, татаринъ, еврей не могутъ тамъ слышать слово утѣшенія отъ представителей своего вѣроученія?!

Посмотрите, чтò дѣлается по всей Россіи наканунѣ Великихъ Праздниковъ Пасхи, Рождества Христова!.. Богатые и бѣдные спѣшатъ посильно снести въ гражданскія мѣста заключенія, кто, что можетъ, для того, чтобы устроить праздничный столъ заключеннымъ и тѣмъ духовно соединиться съ ними въ праздничной радости, передъ лицомъ Христа, по Его завѣтамъ, памятуя, что нечего открещиваться „отъ тюрьмы да отъ сумы", не зная, что съ ними самими совершится, быть можетъ, завтра-же, по волѣ Божіей.

Забываются, обыкновенно, въ подобные Великіе Праздники, только однѣ гауптвахты. Въ нихъ, если и улучшается, по инціативѣ начальства, пища, то объ особомъ пасхальномъ столѣ онѣ и не слыхивали: эта роскошь, эта радость существуютъ не для нихъ.

Народъ наивно думаетъ, что тамъ, на гауптвахтахъ, навѣрное позаботится обо всемъ попечительное военное начальство... А начальство... Да Богъ съ нимъ! Богъ съ нимъ! Какъ часто, въ такіе дни, не забывъ о себѣ, не подумаетъ оно о своихъ заключенныхъ!

Не больно-ли иному нижнему чину, поддерживающему въ душѣ огонекъ вѣры, слыша пасхальный звонъ, радостно разносящійся по городу, вспоминая о близкихъ, столь отъ него далекихъ, зная, что товарищи, оставшіеся въ части, навѣрное разговѣлись, похристосывались уже другъ съ другомъ, съ начальствомъ, услышали въ храмахъ, по казармамъ радостное „Христосъ Воскресе“,—не пережить всѣхъ этихъ высокихъ, трогательныхъ минутъ, къ которымъ всякій русскій человѣкъ привыкъ съ дѣтства, безъ которыхъ и праздникъ-то ему не въ праздникъ?!

Если нижній чинъ, находящійся на свободѣ, въ казармѣ, не находитъ себѣ утѣшенія въ религіи, если онъ принадлежитъ, наконецъ, не къ православному вѣроисповѣданію, предметы котораго—въ видѣ иконъ, свѣчей, кіотовъ украшаютъ казарму, то для него все-же начальство устраиваетъ, обыкновенно, во дни большихъ праздниковъ, разнаго рода увеселенія; для него учреждаются въ частяхъ войскъ библіотеки, бесѣды, чтенія и т. п.

Но вотъ этотъ-же самый солдатъ, выпивъ, не соразмѣривъ силъ своихъ, лишнее на полковомъ, ротномъ праздникѣ, въ пріятной кампаніи, совершаетъ скандалъ, производитъ рядъ нарушеній дисциплины. Его, конечно, садятъ на гауптвахту. Хотя о поступкахъ его началось дознаніе, слѣдствіе, но само начальство видитъ, что это еще далеко не „преступникъ“.

А, между тѣмъ, на гауптвахтѣ, гдѣ онъ сидитъ, нѣтъ библіотеки; онъ лишенъ возможности забыться, подумать, вздохнуть надъ хорошей, интересною книгой...

Развѣ это логично? Развѣ это справедливо?!

Недавно посѣтилъ я Дубровскій Конный Заводъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Дмитрія Константиновича (Полтавской губ.), невольно вспомнивъ о военныхъ заключенныхъ главныхъ гауптвахтъ, глядя... на счастье, довольство лошадей...

И вотъ почему.

Уже не говоря долго о томъ, что обстановка, гигіеническія, санитарныя условія и проч., въ которыхъ живутъ здѣсь жеребцы и кобылы, не могутъ быть поставлены даже въ приблизительное сравненіе съ жизнью нашихъ военныхъ узниковъ,—въ каждой отдѣльной конюшнѣ—виситъ на видномъ мѣстѣ св. икона съ лампадой. Существуетъ на Заводѣ даже свой особый, „лошадиный“ праздникъ, а въ церкви Завода находится особо-чтимая „лошадиная“ (какъ зовутъ ее служащіе) икона святыхъ Флора и Лавра, считающихся въ народѣ покровителями россійскаго коневодства. Когда лошадей отправляютъ куда-либо изъ Завода (на скачки, выставки и т. п.), то предваритель-

но служатся заводскимъ духовенствомъ молебны, ихъ окропляютъ въ путь святой водою, благословляютъ съ молитвою... На Заводѣ прекрасно-обставленный лошадиный лазаретъ, съ ветеринарами, аптекой; практикуется примѣненіе всевозможныхъ научныхъ способовъ при лѣченіи, уходѣ за лошадьми... Прогулки, выводки ихъ, заботы о томъ, чтобы лошади не застаивались, гуляли, были-бы въ работѣ, обучались по тѣмъ спеціальностямъ, къ которымъ ихъ назначали... Гуманное, умѣлое обращеніе опытныхъ людей, къ нимъ приставленныхъ, знакомыхъ съ дѣломъ, подъ общимъ наблюденіемъ спеціалистовъ, съ пособіями по коневодству въ рукахъ, и проч. и проч.

Право, идя отъ одной благоустроенной конюшни къ другой, слушая толковыя объясненія служащихъ на Заводѣ, видя счастливыхъ (да, именно счастливыхъ!) лошадей, я скорбѣлъ, какъ это ни странно покажется, за гауптвахты, за тѣхъ, кто въ эту самую минуту на нихъ безправно, какъ звѣрь, томился по Россіи...

Иному узнику, переведенному въ стойло Дубровской конюшни право, жизнь здѣсь, конечно, съ примѣненіемъ потребностей человѣческаго существованія, показалась-бы раемъ.

Онъ услышалъ-бы слово Божіе, слово участія, любви, увидѣлъ-бы вниманіе къ себѣ и уваженіе...

Я подчеркнулъ выше, что лошадей благославляютъ, отъ имени Православной Церкви, на долгій, иногда трудный путь, имъ предстоящій, прося Бога защитить ихъ и спасти—во славу Родины и Завода... А на нашихъ гауптвахтахъ не додумались до сихъ поръ перекрестить, благословить нижняго чина, помолиться о немъ, во время молебна, дать ему возможность самому излить скорби свои и надежды у св. иконы, передъ тѣмъ, какъ съ гауптвахты, уходитъ онъ, хотя, быть можетъ, и на заслуженный, по закону и совѣсти, а все-же на тяжкій, крестный, невѣдомый ему, путь отбытія тяжкаго наказанія, ведущій порой на каторгу, въ тюрьму, въ дисциплинарный баталіонъ, подъ розги, во всякомъ случаѣ на страданіе и искусъ.

Мы точно сознательно, упрямо исполняемъ завѣтъ гр. Л. Н. Толстого—разрушать пассивно въ народѣ православную религію, отгонять народъ отъ Церкви, лишая военныхъ узниковъ радости общенія съ храмомъ, съ иконой, со словомъ Божіимъ.

Мы, однако, продолжаемъ считать себя не язычниками, а христіанами, достойными Христа!..

Но Толстой, дѣлая такъ, понятенъ мнѣ, какъ человѣкъ—исключительнаго образованія, далекій отъ народа, полу-европеецъ, аристократъ, мнившій себя знатокомъ народныхъ нуждъ, пресыщенный и въ прошломъ его, и въ настоящемъ, благами, радостями жизни, а потому нелогично полагавшій, что если среди этого богатства, изобилія, даже роскоши умственныхъ, нравственныхъ и иныхъ наслажденій, въ которыхъ онъ утопаетъ, храмъ Божій, священникъ, молебенъ, икона—лично для него лишни и пожалуй смѣшны, то что они должны быть лишни и смѣшны для всего русскаго народа... Онъ забывалъ, при этомъ, что для простого народа осталось мало наслажденій, что среди нихъ—этихъ жалкихъ объѣдковъ, падающихъ съ роскошнаго пира цивилизаціи, играютъ огромную роль—кабакъ, публичный

домъ (какъ удовлетвореніе физической похоти) и храмъ Божій (какъ удовлетвореніе несложныхъ, но завѣтныхъ потребностей духа)...

А мы, мнящіе себя врагами, судьями Толстого, осуждающіе толстовскія ереси, спасающіе нашу армію отъ „толстовщины“ во всѣхъ ея видахъ,—идемъ на гауптвахтѣ какъ разъ по пути, несправедливо, безумно указывавшемуся покойнымъ для народа...

И послѣ этого сами мы, развѣ не достойны названій безумцевъ, преступниковъ?! Мы осмѣливаемся все еще считать себя представителями, носителями, проповѣдниками высоко-христіанской культуры, мечтать для себя о Царствіи Божіемъ въ будущей жизни?!

Проходятъ мѣсяцы сидѣнья на гауптвахтѣ въ полной праздности, ничего-недѣланьи, при отсутствіи какой-либо книги, религіознаго утѣшенія—и никто, рѣшительно никто, не позаботится о томъ, чтобы поддержать въ солдатѣ, заключенномъ, хотя-бы теорію, знаніе солдатскихъ пунктиковъ и т. п., точно ему не суждено еще, быть можетъ, вернуться, даже скоро, въ часть, точно это не нужно и для военныхъ мѣстъ заключенія, куда препроводятъ его, во имя дисциплины, въ случаѣ обвиненія, для отбытія соотвѣтствующаго наказанія...

Въ числѣ долго побывавшихъ на гауптвахтахъ встрѣчалъ я прямо дикарей въ мундирахъ, незнавшихъ (т. е. лучше сказать, забывшихъ) молитвы, путавшихся въ азбукѣ военной службы, неувѣренно отвѣчавшихъ на вопросы о томъ, Кто царствуетъ въ Россіи и Кто Его Наслѣдникъ...

Развѣ это нормально, желательно? Развѣ не тяжкое преступленіе—оставить душу солдата, носящаго еще воинскій мундиръ, въ сумеркахъ только потому, что онъ не въ казармѣ, а на гауптвахтѣ?!

Развѣ справедливо оставлять тысячи молодыхъ людей, всю жизнь привыкшихъ къ разумному, оздоровляющему, физическому труду на свѣжемъ воздухѣ—безъ подобной, насущной работы молодыхъ мускуловъ, безъ усиленнаго кровообращенія въ жилахъ?!.

И все это происходитъ, изъ года въ годъ, благодаря умолчаніямъ въ уставѣ, да отъ того, что мы привыкли смотрѣть на гауптвахту не какъ на обыкновенную казарму съ рѣшотками, а какъ на тюрьму.

У русскаго простого человѣка (будетъ-ли онъ русскій, полякъ, православный или католикъ)—все равно—есть своя „святая святыхъ“, которая живетъ въ его груди, бьется въ его сердцѣ, озаряетъ его разумъ и не даетъ ему опуститься до положенія мыслящаго, говорящаго животнаго.

Это, кромѣ вѣры въ Бога,— уваженіе къ себѣ, любовь къ близкимъ, исканіе правды...

Разрушить этотъ священный, чистый, иногда дѣтски-наивный, но всегда искренній, задушевный, завѣтный алтарь человѣческой души—значитъ погасить и духъ народный, т. е. погасить ту лампаду, которая озаряетъ на иконахъ лики святыхъ и грозно напоминаетъ смертному о неминуемомъ, загробномъ будущемъ.

Какъ ни странно, но приходится сознаться, что даже платье обстановка, чистоплотность, обращеніе окружающихъ, много значатъ

въ жизни человѣка, особенно-же того, кто вышелъ изъ простонародья...

Но развѣ можетъ сохранить личное свое самодостоинство нижній чинъ, запертый за рѣшотки гауптвахты, который слышитъ изо-дня въ день лишь нецензурную брань, понуканье, грубые, оскорбительные оклики карауловъ, испытываетъ на своемъ тѣлѣ тычки и пинки грубыхъ конвойныхъ, который живетъ въ казематѣ безъ иконъ, безъ книги, бокъ-о-бокъ съ настоящими убійцами, съ несомнѣнными растлителями, ворами, котораго безнаказанно заѣдаютъ вши и клопы, на которомъ истлѣли грязное платье и бѣлье, на котораго со стѣнъ, вмѣсто иконъ, смотрятъ циничныя изображенія—плодъ разнузданнаго воображенія гауптвахтныхъ „кадровъ“ преступности?!.

Право, никогда не звучали мнѣ такимъ горькимъ упрекомъ, какъ на русской, главной гауптвахтѣ вѣщія слова милосердаго Спасителя:

„Ибо алкалъ Я—и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ,—и вы напоили Меня; былъ странникомъ—и вы приняли Меня; былъ нагъ — и вы одѣли Меня; былъ боленъ—и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ— и вы пришли ко мнѣ... Истинно говорю вамъ: такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали для Меня“...

Нигдѣ, какъ здѣсь, оглядываясь на многолѣтнюю, безрезультатную борьбу мою за улучшеніе быта военныхъ заключенныхъ, не вспоминалъ я, съ горечью и сокрушеніемъ сердечнымъ, завѣтъ доктора Гааза „торопитесь дѣлать добро“...

Вотъ гдѣ—и алчущіе и жаждущіе пищи духовной, благодатныхъ, чистыхъ струй отъ источника Божественнаго ученія, полу-нагіе, сидящіе за рѣшотками, больные—духовно и физически—и никто, никто не является къ нимъ сюда, со словами „Христосъ Воскресе!“, „Придите ко Мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные и Азъ успокою вы!“... Никто, никто!!

Да не подумаютъ, прочтя эти строки, что я проповѣдникъ отвлеченной морали, что я представитель слезливой сентиментальности въ стѣнахъ военной гауптвахты!!.

Нѣтъ, глядя на гауптвахту, какъ на казарму, а на военныхъ узниковъ, какъ на тѣхъ-же нижнихъ чиновъ великой русской арміи, я хорошо понимаю, что и здѣсь, на гауптвахтѣ, нельзя-же игнорировать дисциплины, забывать служебную, законную разницу между офицеромъ-начальникомъ и подчиненнымъ-нижнимъ чиномъ.

Скажу даже болѣе: дисциплина на главной гауптвахтѣ должна быть, если это возможно, еще строже, и неумолимѣе, чѣмъ въ строю— именно въ виду разнородности, а часто и порочности, разнузданности элементовъ, населяющихъ гауптвахту. Во всякомъ случаѣ солдатъ и за рѣшотками не долженъ терять ни своего воинскаго вида, ни своего воинскаго достоинства.

У насъ-же этого тоже какъ-бы не хотятъ понять и мирятся на гауптвахтахъ съ толпой недисциплинированныхъ, лишенныхъ воинскаго обличья, духа, полу-штатскихъ, а то и совсѣмъ штатскихъ, оборванцевъ, бродягъ...

И это—на глазахъ у чиновъ карауловъ!!.

Невольно позавидуешь подобнымъ-же учрежденіямъ за границей, хотя-бы въ Германіи, гдѣ, при входѣ вашемъ въ одиночную камеру гауптвахты, къ вамъ навстрѣчу дѣлаетъ нѣсколько быстрыхъ, размѣренныхъ, бодрыхъ шаговъ чисто одѣтый, вымытый, коротко-остриженный, съ прекрасною военной выправкою, нижній чинъ и, назвавъ громко свою фамилію, № своей части, съ достоинствомъ, отчетливо, бодро, даже весело, не пытаясь солгать, рапортуетъ за что именно онъ заключенъ подъ стражу...

А сентиментальность, а отсутствіе должной мѣры при сношеніяхъ съ заключенными... На гауптвахты не пускаютъ постороннихъ посѣтителей, быть можетъ, и потому, что боятся, какъ-бы не „избаловать“ военныхъ узниковъ.

Конечно, все здѣсь зависитъ отъ служебнаго такта посѣтителя, если онъ облеченъ въ военный мундиръ, и никого, ничего не уронитъ, если къ узнику зайдетъ, хотя-бы, священникъ, т. е. лицо, несвязанное условностями военнаго мундира...

Не надо также забывать, что на главныхъ гауптвахтахъ, службы, строя для военныхъ заключенныхъ совершенно не существуетъ, что, поэтому они безпрерывно находятся въ положеніи какъ-бы длящагося внѣ-служебнаго отдыха...

Если въ казармѣ никого не удивило-бы участливое, ласковое дружеское, лишенное воинскихъ обрядностей, отношеніе къ нижнимъ чинамъ, особенно къ тѣмъ изъ нихъ, кто чувствуетъ себя сиротливо въ непривычной обстановкѣ,—со стороны ихъ прямого начальства, офицеровъ, то почему-же подобное отношеніе не возможно только на главной гауптвахтѣ?!

Обративъ гауптвахтныхъ узниковъ въ недисциплинированную толпу разночинцевъ—бродягъ, мы какъ-бы удивляемся, видя тамъ и грубость, и непочтительность, и упадокъ воинскаго духа, и упраздненіе воинскаго самодостоинства...

А попробовали-ли мы сдѣлать что-либо для уничтоженія подобныхъ, нежелательныхъ, явленій!!.

Нѣтъ и нѣтъ...

Въ этомъ преступномъ ничего - недѣланіи военной интеллигенціи—какъ мы это увидимъ ниже,—главный ужасъ поднятаго мною вопроса...

ГЛАВА II.

Дружескіе совѣты автора тому, кто вздумаетъ серьезно посѣщать гауптвахты—съ цѣлью облегченія участи забытыхъ начальствомъ узниковъ.

Впрочемъ, бывали-ли вы, читатель, на русской главной гауптвахтѣ, не по обязанностямъ, конечно, военной, караульной службы, а просто, какъ частное лицо, въ качествѣ что-ли туриста изъ общества?!.

Едва-ли...

Во всякомъ случаѣ, совѣтую вамъ попытаться совершить подобную интересную, поучительную экскурсію: повѣрьте, что вы въ томъ не раскаятесь!..

При извѣстной настойчивости, умѣньи да при протекціи въ мѣстномъ комендантскомъ управленіи, вамъ навѣрное удастся добиться такой возможности, особенно, если вы носите военный мундиръ и, если, при томъ, въ васъ нельзя усмотрѣть наклонностей „корреспондента"...

Я, напримѣръ, твердо увѣренъ въ томъ, что послѣ появленія настоящей книги моей, на главныя гауптвахты, словно въ открытую мною „Америку", хлынутъ волны общественной пытливости и любопытства: многіе поинтересуются лично ознакомиться съ той разновидностью человѣческой породы, которую создаетъ нерѣдко русская главная гауптвахта, въ составѣ долгосрочныхъ ея „кадровъ"...

Къ сожалѣнію, нельзя надѣяться, чтобы о „мертвыхъ домахъ" гауптвахтъ повѣдалъ русскому народу, сейчасъ-же, вслѣдъ за книгою, на основаніи личныхъ впечатлѣній и горькаго опыта, какой-либо бывшій военный заключенный, долго кочевавшій по Россіи изъ одной гауптвахты въ другую, хорошо, поэтому, изучившій тайны гауптвахтнаго режима: масса военно-гауптвахтныхъ узниковъ, за рѣдкими исключеніями, не изъ тѣхъ, для кого доступны роскошь утонченнаго образованія, литературнаго писательства и проч.

Но гауптвахта русская, конечно, рано или поздно, а дождется-таки своего „Достоевскаго"...

Я въ это твердо уповаю.

Могу васъ увѣрить, что если вы—живой, сердечный, увлекающійся, любознательный человѣкъ и христіанинъ не на словахъ только, а на дѣлѣ, то, начавъ посѣщеніе какой-либо главной гауптвахты, вы скоро выработаете въ себѣ правильное къ ней отношеніе, а также вызовете къ себѣ довѣріе заключенныхъ, хотя это и дается обыкновенно не сразу...

И вотъ васъ неудержимо станетъ уже, затѣмъ, притягивать туда чужое страданіе...

Такъ какъ первыя, тяжелыя впечатлѣнія, могутъ, однако, пожалуй, и оттолкнуть васъ, и напугать, а опытъ мой, въ дѣлѣ посѣщенія главныхъ гауптвахтъ, если ничего не значилъ до сихъ поръ для высшаго военнаго начальства, на почвѣ оффиціальныхъ сношеній, то все-же можетъ оказать вамъ нѣкоторую пользу въ дѣлѣ личныхъ вашихъ сношеній съ гауптвахтой, то позвольте преподать вамъ тутъ нѣсколько практическихъ указаній, совѣтовъ, тѣмъ болѣе, что это васъ вѣдь ни къ чему не обязываетъ!..

Итакъ, слушайте!..

Какъ-бы ни была ужасно обставлена данная гауптвахта, какъ-бы не удручало васъ общее равнодушіе къ ней, пренебреженіе непосредственнаго ея начальства къ ея насущнымъ нуждамъ, къ потребностямъ заключенныхъ, помните, входя сюда, прежде всего великій, вѣщій завѣтъ—„ищите и обрящете, просите — и дастся вамъ, толците—и отверзется“!!!

Прежде всего, сумѣйте правдиво, искренно представить себя самого на мѣстѣ иного узника, нижняго чина, не вдаваясь въ психологію, за что онъ сидитъ, преступникъ-ли онъ, или только заблудшій, а то и совсѣмъ невинный, братъ вашъ по страданію.

Что захотѣлось-бы вамъ сдѣлать самому, попавъ нежданно за рѣшотки?

Помолиться.., если вы человѣкъ религіозный... Не правда-ли?..

Тогда дайте эту возможность, эту радость, это утѣшеніе—другимъ! Позовите на гауптвахту священника! Раздайте молитвенники! Разложите по камерамъ святыя Евангелія! Повѣсьте, наконецъ, хотя-бы самыя дешевыя иконки!..

Второй потребностью, являющейся естественно у каждаго, лишеннаго свободы,—подѣлиться горемъ своимъ съ далекими родными, съ семьей, съ друзьями.

На гауптвахтѣ, какъ вы, однако, убѣждаетесь, нѣтъ ни бумаги, ни чернила, ни перьевъ: ничего подобнаго не предусмотрѣно уставомъ гарнизонной службы.

Дайте все это! Купите бѣднякамъ марокъ! Возьмите на себя трудъ написать письмо на родину неграмотному, подъ его диктовку!

Будь вы сами на мѣстѣ большинства узниковъ—вамъ, какъ грамотному, захотѣлось-бы навѣрное забыться за книгою.

Вотъ, само собой значитъ, и выдвигается естественный вопросъ о необходимости на гауптвахтѣ разумной, полезной, интересной книги.

Не ищите, однако, въ уставѣ чего-либо подобнаго: составители его, окруживъ узника рѣшотками, замками, штыками, какъ разбойника, не подумали, конечно, о нравственныхъ, духовныхъ нуждахъ его, какъ человѣка, которому „ничто человѣческое не чуждо...

Если у васъ есть средства, то улучшите пищу въ дни великихъ праздниковъ тѣмъ, кто средствъ этихъ не имѣетъ, будучи, въ громадномъ большинствѣ, нищими.

Сама жизнь укажетъ вамъ, затѣмъ, какъ и что̀ здѣсь нужно дѣлать, безъ чего существованіе здѣсь обращается въ длительную пытку.

Но какъ „вѣра безъ дѣлъ мертвà есть“, такъ и благотвореніе на почвѣ гауптвахтныхъ нравовъ безъ извѣстной системы, безъ должнаго, благоговѣйнаго настроенія, такъ сказать механическое, казовое, хотя и принесетъ пользу, но далеко не въ полной, не въ надлежащей мѣрѣ.

Если, поэтому, вы позовете на гауптвахту священнослужителя, но такого, который, казенно, сонно, вяло, безъ надлежащаго душевнаго подъема, отслужитъ молебенъ, скажетъ такое-же невоодушевленное, казенное слово, поверхностно побесѣдуетъ съ узниками, то какая польза будетъ отъ подобнаго посѣщенія?

Лучше не зовите такого „батюшку“: онъ здѣсь — лишній, неумѣстный...

На гауптвахтѣ нуженъ не чиновникъ духовнаго вѣдомства (увы! такъ много развелось ихъ и процвѣтаетъ подъ сѣнію религіи!), а прежде всего пастырь-человѣкъ; нужна не обстановка религіи, не декорація ея, а живое приложеніе духа религіи къ ранамъ и язвамъ страждущей, омраченной, алчущей и жаждущей утѣшенія, человѣческой души...

И дать ваши Евангеліе, молитвенникъ, не объяснивъ ихъ содержанія, не научивъ понимать смыслъ ихъ — значитъ дать въ руки человѣка орудіе, не пояснивъ, какъ слѣдуетъ съ нимъ обращаться— въ случаѣ опасности.

Тутъ, на гауптвахтѣ, истинный, т. е. убѣжденный священникъ— незамѣнимъ, такъ какъ (запомните это твердо!) во всемъ, относящемся къ вопросамъ вѣры, религіи, простой народъ съ сомнѣніемъ, недовѣріемъ отнесется къ толкованію лица, необлеченнаго авторитетомъ духовенства...

Но и для священника, входящаго на гауптвахту съ крестомъ и словомъ Божіемъ, необходимо еще одно важное условіе для того, чтобы онъ могъ завоевать здѣсь умы, сердца, души пасомыхъ, это— возможность облегчить ихъ положеніе не однимъ словомъ, но и дѣломъ добра, т. е. матеріально, какъ разумныхъ существъ, въ которыхъ говорятъ и потребности плоти...

Та-же участь, впрочемъ, постигнетъ, по наблюденію моему, и всякое другое лицо, которое, увлекшись подвигами военно-тюремной филантропіи, принесетъ на гауптвахту только массу высокихъ, горячихъ, слезливыхъ словъ, добрыхъ пожеланій, участія и отвлеченныхъ надеждъ на будущее, но не пойдетъ навстрѣчу сейчасъ-же, практически, реальнымъ нуждамъ и лишеніямъ узниковъ.

Мало, конечно, раздать по камерамъ книги для чтенія, наблюдая за перемѣной ихъ и цѣлостью...

Надо еще добиться такого довѣрія къ вамъ со стороны темныхъ, непросвѣщенныхъ чтецовъ, чтобы они, забывъ ваше высокое начальническое положеніе, превосходство вашего образованія, не боясь вызвать наивностью своей усмѣшку на вашихъ губахъ, обращались-бы къ вамъ, въ случаѣ сомнѣній, вызванныхъ прочитаннымъ, за разъясненіемъ непонятныхъ словъ, выраженій и т. п.

Русская гауптвахта, въ силу особенностей состава ея населенія, болѣе, чѣмъ какое-либо другое мѣсто, нуждается, затѣмъ, въ юридической помощи.

А ее-то тамъ и нѣтъ... Молчитъ объ этомъ и уставъ.

Военно-же судебное вѣдомство не додумалось до сихъ поръ предложить само бѣднякамъ свои услуги—въ этомъ именно направленіи.

Вотъ гдѣ пригодились-бы для военныхъ юристовъ познанія академическаго курса по разнымъ отраслямъ права!.. Но даже мысль такая не возникала никогда у воспитанниковъ Кавелина, Бершадскаго, Неклюдова... До того-ли имъ?!.

И, если вы юристъ,—предложите услуги ваши темнымъ бѣднякамъ, путающимся въ непроходимыхъ дебряхъ закона, гауптвахтнымъ заключеннымъ! Сдѣлайте это—и, повѣрьте, что вы уже подкупили, въ вашу пользу, ихъ симпатіи. А, значитъ, передъ вами—обширная, нетронутая плугомъ, нива возможнаго на нихъ нравственнаго воздѣйствія...

Если вы, посѣтивъ главную гауптвахту, во дни Великихъ Праздниковъ Православной Церкви, напримѣръ, на Пасху, разнесете лишь, равнодушно, на положеніи начальника-офицера, подъ конвоемъ караульныхъ нижнихъ чиновъ, праздничную провизію по камерамъ и уроните здѣсь, произнесенное оффиціальнымъ тономъ, „Христосъ Воскресе!“, то вы сдѣлаете только часть того, къ чему обязываетъ васъ этотъ Праздникъ и Самъ Воскресшій Христосъ...

Совѣтую вамъ, поэтому, отъ глубины личнаго моего убѣжденія: бросьте хоть на первый день глупые, никому ненужные визиты по городу, а посвятите его всѣми забытымъ узникамъ гауптвахты! Повѣрьте, что вы будете за это награждены свыше мѣры добраго дѣла, совершеннаго вами... Говорю, на основаніи долгаго опыта.

Нѣтъ, если желаете внести сюда, въ казематы, съ собой не одни покупные куличи, пасху и крашеныя яйца, а нѣчто высшее, достойное Имени Христа, поэзіи Праздника, то войдя туда, прежде всего, отдѣлите христіанъ отъ нехристіанъ, конечно, не съ цѣлью неуваженія къ чужой религіи, а въ видахъ практическаго осуществленія вашей задачи, какъ обряда, имѣющаго глубокій смыслъ!..

Оглянитесь вокругъ, вглядитесь въ лица узниковъ! Они, эти люди, несомнѣнно поджидали уже васъ, по своему приготовившись встрѣтить радостный, всеобщій праздникъ: полы въ камерахъ чисто подметены, столики вымыты, иконки убраны полотенцами. Сами узники умылись, причесались, привели, по мѣрѣ возможности, въ порядокъ свои лохмотья; надѣли чистое бѣлье. Къ вашему, начальническому, приходу и воздухъ освѣженъ въ камерахъ, а на окнахъ, у иконъ,—вѣтки елокъ, откуда-то добытыя... И лица какія-то особенныя, небудничныя, а точно просвѣтленныя, изнутри, сосредоточенно-радостныя... Въ казематахъ нѣтъ обычной суеты, шума, ссоръ и брани... На васъ и здѣсь вѣетъ мирное, благоухающее дыханіе Великаго Праздника: вѣдь Христосъ и для нихъ „Воистину Воскресъ“.

Они, эти „пасынки военной службы“, лишенные даже въ такой чудный, исключительный, радостно-поэтическій день возможности посѣтить, какъ остальные православные, храмъ Божій, услышать священника, по-своему приготовились, однако, встрѣтить Христа, твердо увѣренные, что Онъ-то не забудетъ ихъ, а непремѣнно посѣтитъ и въ смрадной темницѣ...

Конечно, вы не Христосъ, но вы идете сюда вѣдь по доброй волѣ, по влеченію сердца, во имя Великаго вашего Учителя.

Вы должны, поэтому, представить себѣ ясно, до галлюцинаціи вашихъ чувствъ, что сдѣлалъ-бы Самъ Христосъ, если-бы вошелъ сюда, на гауптвахту, съ вѣстью о Своемъ чудесномъ воскресеніи.

Передъ вами вѣдь темные люди, для которыхъ недоступны отвлеченности, для которыхъ обрядъ, внѣшность иногда замѣняютъ все...

Помните это! И, отдѣливъ, поэтому, христіанъ, перехристосуйтесь съ каждымъ изъ нихъ, не разсуждая, подавивъ въ себѣ брезгливость, забывъ о служебномъ своемъ положеніи, не обращая вниманія на рубище, на дурной запахъ, на прыщеватыя, блѣдныя физіономіи, отбросивъ страхъ—заполучить, при этомъ, на платье свое казематныхъ паразитовъ, а по-душѣ, отъ сердца, по совѣсти, въ сознаніи равенства всѣхъ передъ Христомъ—въ Его любви, въ Его милосердіи, въ Его всепрощеніи, по-русски, не торопясь, истово, рука въ руку съ тѣми, съ кѣмъ вы христосуетесь. Да, именно, рука въ руку... Имѣйте въ виду, что послѣднему обычаю люди изъ нашего простого народа придаютъ, при христосованіи, особое значеніе. По ихъ понятію, разъ ты пришелъ къ нимъ самъ, по влеченію сердца, а не по долгу службы, какъ братъ, какъ другъ, какъ равный, какъ сочувствующій, то и держи себя на равной, дружеской ногѣ... Вы почувствуете, какъ робко, какъ деликатно, точно боясь оскорбить излишнимъ усиліемъ ваше начальственное достоинство, пожимаютъ вашу изнѣженную руку ихъ загрубѣлыя, жесткія, дрожащія руки...

Произнесите въ казематахъ гауптвахты великія слова „Христосъ Воскресъ, братцы!“ такъ радостно, такъ громко, вдохновенно, а, главное, такъ убѣжденно и благожелательно, съ такой вѣрой въ истину совершившагося чуда, чтобы изъ глазъ вашихъ брызнули слезы, а сердце ваше само дрогнуло, въ это мгновеніе, отъ нахлынувшаго въ него чувства!!.

Помните, что подобныя минуты поднимаютъ прежде всего васъ самого, очищаютъ вашу душу, просвѣтляютъ вашу собственную совѣсть. Болѣе, чѣмъ кому-либо, нужны онѣ, поэтому, вамъ самому, а не этому сборищу нищихъ и ошельмованныхъ!.. Ловите ихъ!.. Они, такія мгновенія, вѣдь не часто повторяются!.. Но, когда вы будете сами въ несчастіи, когда вамъ придется умирать—кто знаетъ—не озарятъ-ли воспоминанія о нихъ, подобныхъ гауптвахтныхъ встрѣчахъ, ободряющимъ, мягкимъ, кроткимъ сіяніемъ вашу—смущенную, трепещущую душу?!

Впрочемъ, всего указаннаго еще мало...

Посидите съ ними, этими забытыми, отверженными, подольше.

Не забывайте, что близкіе ихъ—далеко, далеко; что самые колокола городскихъ храмовъ звучатъ здѣсь, въ темницѣ, чѣмъ-то упрекающимъ, разрывающимъ душу, напоминающимъ о свободѣ, о свободныхъ людяхъ,—о дѣтствѣ, о счастьѣ, о довольствѣ гдѣ-то тамъ, далеко...

Подойдите, при этомъ, къ какому-либо солдатику, невольно обращающему на себя ваше вниманіе грустнымъ выраженіемъ лица,

нелюдимостью, какъ-бы злой сосредоточенностью, сухо, казенно отнесшемуся къ вашей пасхальной провизіи—и дайте себѣ трудъ кротко, любовно разспросить его о родинѣ, объ его семьѣ, о томъ, давно-ли онъ получалъ, напримѣръ, оттуда, изъ деревни, вѣсти, и, если получалъ, то какого именно рода,—грустныя или радостныя?..

Наведите его на мысль—поздравить близкихъ съ праздникомъ, дать имъ о себѣ вѣсточку! Если онъ неграмотенъ, то возмитесь, подъ диктовку его, набросать такое письмо! Если у него нѣтъ денегъ на марку, предложите взять на себя хлопоты о пересылкѣ дорогого близкимъ его письма по назначенію!..

Поглядите, какой лучъ счастья, вмѣстѣ со стыдливымъ румянцемъ, заигралъ уже на его, до того блѣдномъ, худомъ, мрачномъ, лицѣ!... Быть можетъ вы не услышите—въ отвѣтъ на благодѣяніе ваше—обычнаго „спасибо“, но повѣрьте, что поступокъ вашъ навсегда будетъ жить въ этомъ простомъ, грубомъ сердцѣ вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о счастливо проведенномъ праздникѣ...

Не думайте, однако, что выбросить рубль, копѣйки, марку, листъ почтовой бумаги, иному заключенному—равносильно еще совершенію какого-то особаго подвига благотворенія!

Нѣтъ... Сумѣйте, добившись довѣрія съ его стороны, услышать откровенную повѣсть нуждъ того, кто стоитъ передъ вами на вытяжку, руки по швамъ, въ сознаніи своего ничтожества по сравненію съ вашимъ, кажущимся ему, начальническимъ могуществомъ!..

И въ то время, когда, поддавшись слову вашего участія, нищій-солдатъ станетъ разсказывать вамъ о томъ, что у него нѣтъ бѣлья, гребенки, мыла, что дома у него померли (онъ знаетъ это изъ письма) бабушка, мать или ребенокъ, а семья, по нуждѣ, должна была продать послѣднюю корову-кормилицу,—знайте, что въ этомъ омраченномъ тоской, тревогою сердцѣ ослабѣваетъ горе уже въ силу только того, что оно нашло, при вашемъ участливомъ прикосновеніи, себѣ исходъ, что оно можетъ высказаться...

Если, на вопросъ вашъ, обращенный къ иному узнику: „не нужно-ли тебѣ чего-либо?“—вы получите казенный, уклончивый отвѣтъ „никакъ нѣтъ, Ваше Высокоблагородіе“, то повѣрьте, что тутъ лишь врожденная деликатность простого человѣка мѣшаетъ утруждать васъ просьбою...

Не ограничивайтесь, поэтому, подобнымъ отношеніемъ къ вашему искреннему желанію—помочь, а „ищите—и обрящете“, ищите, нѣтъ-ли горя тамъ, на далекой родинѣ, горя, которое угнетаетъ стоящаго передъ вами болѣе, чѣмъ всѣ личныя его страданія и невзгоды.

То, что для васъ свободнаго, интеллигентнаго, состоятельнаго человѣка—дѣло привычки, обстановки, для узника порой—первая потребность.

Поставьте, говорю я, себя лишній разъ на его мѣсто—и сколько жгучихъ вопросовъ, сами собою, возникнетъ сейчасъ-же вокругъ вашей личности!.. Они, повѣрьте, не дадутъ вамъ самому уснуть нравственно. Они приведутъ васъ снова къ этому неугасаемому очагу чужого страданія.

2018814330

Не смущайтесь тѣмъ, что просьбы, обращенныя къ вамъ, подчасъ и наивны, и незаконны, и прямо даже неисполнимы!

Не дѣлайте разницы между узниками по ихъ религіи, національностямъ: Господь такъ создалъ человѣка, что еврей, русскій, полякъ, татаринъ, одинаково страдаютъ, всѣ одинаково идутъ къ Нему, хотя и разными путями...

Одинъ вотъ солдатикъ все просилъ меня довести до свѣдѣнія Самого Царя, высшаго начальства о томъ, что его напрасно, по злобѣ погубилъ унтеръ-офицеръ.

Я зналъ про безнадежность дѣла этого узника и что, поэтому, не миновать ему каторги. А тотъ никакъ не могъ понять, чтобы человѣка, мертвецки пьянаго, какимъ былъ онъ, въ моментъ, преступленія, не оправдали, благодаря этому опьяненію. Въ то-же время онъ пылалъ неукротимой, языческой ненавистью къ подведшему его подъ судъ начальнику, жаждой насолить ему во чтобы-то ни стало... И, какъ язычникъ, не поддался-бы онъ словамъ христіанской морали...

Напрасно сталъ-бы я, поэтому, разубѣждать его, доказывая, что и онъ вѣдь грубо нарушилъ законъ, присягу, а потому долженъ понести наказаніе, что если не правъ его начальникъ, то это не обѣляетъ еще его самого, что о близости къ Царю я не смѣю и думать: у него была лишь одна надежда на меня, вѣра въ мое вліяніе, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ, какъ караульные офицеры отдаютъ мнѣ, штабъ-офицеру, честь, а самъ комендантъ со мной чуть не на дружеской ногѣ...

Чтобы не гасить въ немъ эту единственную надежду на земную справедливость, какъ онъ понималъ послѣднюю, написалъ я ему прошеніе на Высочайшее Имя и взялся самъ дать бумагѣ ходъ, хорошо видя, по-прежнему, что, въ концѣ-концовъ, изъ этого ничего не выйдетъ...

Бѣдный! Мѣсяца три жилъ онъ ожиданіемъ благопріятнаго отвѣта изъ Петербурга, горѣлъ счастьемъ надежды, пока не отправили его въ госпиталь съ явными признаками чахотки. Скоро я узналъ, что его не стало.

Но развѣ не правъ былъ я, поддерживая въ немъ этотъ огонекъ послѣдняго смутнаго упованія?!. Развѣ осудитъ меня Господь за „святую ложь“, къ которой я, во имя Его правды, прибѣгнулъ въ данномъ случаѣ?!.

Да не подумаетъ, читатель, встрѣтивъ только что написанныя мною строки, что всегда, въ сношеніяхъ съ гауптвахтой, съ ея обитателями, самъ я находился на высотѣ сложной моей, тюремно-филантропической миссіи...

Нѣтъ! Часто падалъ я здѣсь духомъ, спотыкался, дѣлалъ грубыя, непростительныя ошибки, оскорблялъ противъ воли, терялъ энергію и малодушно закрывалъ глаза на многое. Нерѣдко по долго не посѣщалъ я гауптвахтъ: руки опускались, притуплялась способность воспринимать впечатлѣнія во всей ихъ поражающей свѣжести.

Но да будетъ мнѣ въ оправданіе то, что на гауптвахтахъ всегда былъ я одинокъ, а горя чужого разстилалось передо мной цѣлое, безбрежное, бушующее море.

Во время работы моей на благо страждущаго ближняго встрѣчалъ я нерѣдко и неблагодарность, и недовѣріе, и даже ядовитую насмѣшку—со стороны тѣхъ, кому старался сдѣлать добро...

И тутъ, однако, являлось на помощь мнѣ сознаніе, что нигдѣ, какъ на русской главной гауптвахтѣ, не приходится напоминать себѣ завѣтъ Евангелія о прощеніи не только „до семи, но до седмижды семидесяти разъ“.

Нечего ждать отъ грубыхъ, необразованныхъ, невоспитанныхъ нижнихъ чиновъ, озлобленныхъ на жизнь, на судьбу, на начальство, раздраженныхъ безчеловѣчнымъ гауптвахтнымъ режимомъ, потерявшихъ здѣсь, на гауптвахтѣ, всякое представленіе о Богѣ, о дисциплинѣ, видящихъ рядомъ съ собою людей, подчасъ глубоко павшихъ, нравственно „отпѣтыхъ“, по-своему счастливыхъ каторжанъ,—благовоспитанности, утонченности чувствъ, деликатнаго отношенія, свѣтскости...

Но всякую неприличную выходку, всякое проявленіе черствости сердечной, неблагодарности, даже порой затаенное желаніе—сдѣлать вамъ непріятность, вы сейчасъ-же извините, если снова поставите себя не только въ положеніе иного узника, но, главное, введя себя въ его духовный мірокъ, въ его міросозерцаніе.

Напротивъ, именно къ такимъ-то, несимпатичнымъ, возбуждающимъ въ васъ чувства нравственной брезгливости, обиды, раздраженія, натурамъ и надо идти на помощь, стараясь вызвать въ нихъ довѣріе къ вамъ, а, затѣмъ, и проникнуть въ тайники ихъ душъ, найти тамъ Бога...

Разъ-же Богъ найденъ, повѣрьте, найдется вами и все остальное...

А иногда, у русскаго человѣка, это обнаруженіе Божества, скрытаго во всякомъ изъ насъ, начинается съ грошовой иконки, повѣшенной для него съ любовью, съ должнымъ поясненіемъ, въ уголъ его смрадной темницы, съ дружественнаго, братскаго осторожнаго прикосновенія чужого состраданія къ язвамъ его совѣсти, наконецъ, съ прощающаго отношенія къ его анти-христіанскому въ отношеніи васъ поступку...

Съ годами выработалось во мнѣ убѣжденіе, что помощь, оказываемая гауптвахтнымъ узникамъ, подчасъ неразрывно связана съ соприкосновеніемъ съ близкими имъ людьми, разсѣянными по деревенскимъ трущобамъ Родины.

Помню, какъ въ Смоленскѣ, будучи военнымъ слѣдователемъ, проходя мимо главной мѣстной гауптвахты, я, дня три подъ рядъ, видѣлъ на улицѣ, у площадки, ведущей ко входу на гауптвахту, бабу и мужика. Дѣло было лѣтомъ. Старикъ чаще всего стоялъ безъ шапки, съ палкою и узелкомъ въ рукахъ; баба—возлѣ него—со сжатыми на груди руками. Видимо оба пришли въ городъ издалека: за спинами у нихъ виднѣлись котомки, на лаптяхъ и одеждѣ—пыль... Мимо бодро, беззаботно бѣжалъ городской людъ. У „фронта“ гауптвахты важно ходилъ часовой...

Таково оставшееся въ памяти моей общее впечатлѣніе нашей первой встрѣчи.

Меня заинтересовали на третій день эти молчаливыя, съ выжидательнымъ, безпомощнымъ выраженіемъ на лицахъ, сѣрыя фигуры и я, остановившись, разспросилъ ихъ о цѣли прибытія въ городъ, къ гауптвахтѣ.

Оказалось, что старики—отецъ и мать,—живущіе верстъ за 40 отъ Смоленска, пришли навѣстить сына ихъ, Павла, угодившаго подъ судъ и сидящаго на гауптвахтѣ,—а ихъ вотъ къ нему который ужъ день какъ почему-то не пускаютъ. Послали ихъ къ коменданту за допускомъ,—а въ комендантскомъ управленіи писаря выгнали ихъ вонъ, назадъ въ караулъ. Караулъ-же не пропускаетъ. Что дѣлать? Къ кому обратиться?!. У кого искать „правды"?

— „За что-же сидитъ вашъ Павелъ?" Спрашиваю ихъ.

— „А мы почемъ знаемъ!" угрюмо, нехотя, но видимо искренно, отвѣчаетъ старикъ: „Кажись дома учили... Въ строгости держали... Самъ я солдатъ... Кажись, выросъ малый и съ виду здоровый, и честный, и Бога боящійся... А вотъ..."

И онъ сдѣлалъ взмахъ руки къ небу.

Старушка не говорила ничего, не плакала, не жаловалась: видимо въ ней все закаменѣло отъ жестокаго, скрытаго горя...

Конечно, я оказалъ имъ протекцію—и они скоро увидѣлись со своимъ „Павломъ", передавъ ему принесенный издалека деревенскій „гостинецъ".

И это былъ не одиночный случай, когда, благодаря гауптвахтѣ, соприкоснулся я съ деревней.

Да позволено будетъ мнѣ привести, въ видѣ дополненія къ только что разсказанному, черновикъ письма моего къ другому крестьянину, случайно сохранившійся въ моихъ бумагахъ.

Вотъ оно, это письмо, при взглядѣ на которое каждый разъ развертываются передо мною картины прошлаго:

„Григорій Андреевичъ!

Я бываю на Виленской главной гауптвахтѣ, гдѣ много мѣсяцевъ сидитъ уже сынъ Вашъ за рѣшотками.

Мнѣ неизвѣстно, за что онъ сидитъ; но видно, что онъ хорошій, добрый малый, сердечный, неиспорченный.

Вчера сынъ Вашъ мнѣ жаловался на то, что семья его бросила, что на нѣсколько писемъ Вы ему не отвѣчаете.

Я обѣщалъ ему Вамъ написать. И вотъ пишу.

Нехорошо такъ бросать родного сына! Нехорошо...

Именно теперь, когда съ нимъ случилась бѣда, Вамъ и надо-бы его поддерживать, писать ему, чтобы онъ не чувствовалъ себя одинокимъ, находясь среди дурныхъ людей...

Если Вы не можете помогать ему деньгами, то никто Васъ не заставляетъ...

Но хорошее, любящее слово дороже иногда денегъ...

Стыдно! Нехорошо! Не по Христову Завѣту!

Христосъ и разбойника простилъ...

Спросите-ка Вашего священника!

Бѣдный юноша ни копѣйки не имѣетъ.

Видно, что онъ любитъ семью; вѣрующій; раскаивается.

Если—захотите мнѣ написать, то вотъ мой адресъ.

А какъ вдругъ Богъ Васъ самого забудетъ?!.

Нехорошо!

Жаль мнѣ Вашего юношу...

И доброе слово отца тутъ много можетъ сдѣлать.

А. Жиркевичъ.“

Отвѣта я не получилъ. Обвиняемаго скоро перевели въ другой городъ и о судьбѣ моей попытки наладить семейныя отношенія его—я не знаю. Но сохранились, должно быть, у меня, въ бумагахъ, и отвѣты на другія, подобнаго-же содержанія, мои письма къ родителямъ изъ простого народа. Мнѣ недосугъ искать ихъ. Да и къ чему?!

Въ дѣлѣ тюремной, гауптвахтной филантропіи, какъ и во всякомъ другомъ нравственномъ починѣ, никогда не надо разбрасываться и задаваться слишкомъ широкими горизонтами: міра не перестроишь, а, при нервномъ, торопливомъ разбрасываніи, напрасно погубишь только, подорвешь свои силы, которыя пригодились-бы тамъ, гдѣ еще можно приложить ихъ съ пользою, т. е. въ небольшихъ рамкахъ даннаго мѣста заключенія.

Важно, отбросивъ Толстовскія обобщенія и отрицанія, да огульныя обвиненія, сумѣть найтись въ каждой данной обстановкѣ, для того, чтобы среди ужасовъ послѣдней сдѣлать возможное, посильное...

Не дано вамъ повліять на вопросъ о перестройкѣ никуда негоднаго зданія гауптвахты, на составъ комендантскаго управленія, на болѣе живое, внимательное отношеніе къ нуждамъ узниковъ, на уставъ гарнизонной службы—не унывайте, а ищите, что̀ можно сдѣлать въ данныхъ обстоятельствахъ, закрывая, по необходимости, глаза на „зло міра сего“,—и вы непремѣнно найдете такой уголокъ гауптвахтнаго быта, въ который подъ силу вамъ внести вашу долю любви, участія, помощи.

„Капля камень точитъ“ недаромъ-же говоритъ мудрая пословица.

Такъ и настойчивость въ извѣстномъ направленіи, при дѣланіи добра ближнему, производитъ-таки, на гауптвахтѣ, въ концѣ-концовъ, свое вліяніе и на окружающихъ.

Первыя попытки мои—раздавать книги для чтенія по камерамъ, мои паломническія хожденія къ узникамъ, наконецъ, мои библіотека и иконки, встрѣчали—помню—не разъ, если не громкія насмѣшки, (все-же я былъ въ чинахъ, офицеръ!), то снисходительное сомнѣніе и даже враждебное недовѣріе, доходившее до пассивнаго противодѣйствія...

Мнѣ случалось, при этомъ, наблюдать со стороны карауловъ чисто формальныя придирки. Не разъ находилъ я книги мои, Евангелія отобранными, напримѣръ, по прихоти какого-нибудь караульнаго начальника, молодого офицера, которому съ уставомъ въ рукахъ, хорошо вызубреннымъ, хотѣлось на мигъ показать власть свою и умѣнье читать по печатному. — Конечно, я извинялъ молодость и возстановлялъ свое право.

Но проходили мѣсяцы: я все ходилъ на гауптвахту и ходилъ, разнося книги, бесѣдуя, оказывая помощь. Караулы привыкали ко мнѣ, къ моимъ посѣщеніямъ и связаннымъ съ послѣдними неуставнымъ „странностямъ"... И вотъ, изъ частныхъ, откровенныхъ бесѣдъ съ офицерствомъ, съ радостью убѣждался я уже въ томъ, что книга моя вноситъ-таки миръ и порядокъ въ камеры, а иконки — вещь, какъ-бы дѣйствительно нелишняя въ помѣщеніи, гдѣ живутъ христіане. У меня понемногу заводились обширныя знакомства въ караулахъ: новый источникъ для экскурсій въ область улучшенія гауптвахтнаго быта... Я нашелъ среди начальства множество прекрасныхъ, отзывчивыхъ къ чужому горю, людей...

Право, оглядываясь теперь спокойно на долгую эпоху моихъ хожденій по гауптвахтамъ, во мнѣ крѣпнетъ убѣжденіе, что мой упрямый, искренній идеализмъ благотворно вліялъ, въ концѣ концовъ, и на комендантскія управленія, и на караулы, что „милость къ падшимъ призывая", я, все-таки, облагораживалъ, освѣщалъ лучами любви и милосердія не только опозоренную, безправную касту рабовъ—военныхъ узниковъ, но и среду ихъ окарауливающихъ, людей силы, права и свободы.

Уже одно появленіе на гауптвахтѣ полковника, а, затѣмъ, и генерала—съ академическимъ образованіемъ, съ особымъ настроеніемъ, съ особыми правами по отношенію къ заключеннымъ, разгоняло властно мракъ устава гарнизонной службы, взывая къ человѣчности, поучая и указывая тутъ новые пути, которыхъ никогда, нигдѣ въ мірѣ не предусматривалъ еще ни одинъ казенный уставъ, такъ какъ они проходятъ въ сферѣ духа, совѣсти человѣческой...

Если я правъ въ подобномъ взглядѣ на мое прошлое, то могу умереть спокойно—значитъ и жизнь моя не прожита напрасно...

Искренно желаю и вамъ, читатель, того-же свѣтлаго, хорошаго настроенія!..

ГЛАВА III.

Сложные, отрицательные, типы, населяющіе современную русскую, главную гауптвахту. Съ этой стороны послѣдняя должна вызывать къ себѣ исключительное вниманіе правительства. Моя переписка съ узниками, сношенія съ ними, какъ иллюстраціи къ сказанному.

Для того, чтобы показать, какъ разнообразны типы, населяющіе современную намъ русскую, главную гауптвахту и на сколько безконечны по содержанію, въ то-же время, нужды заключенныхъ, лучше всего привести письма нѣкоторыхъ изъ нихъ, уцѣлѣвшія почему-то въ личномъ моемъ архивѣ. Какъ жаль, что многое утеряно мною, уничтожено! Но могъ-ли я думать, что обстоятельства вынудятъ меня, въ защиту попранныхъ на гауптвахтѣ человѣческихъ правъ и Божескихъ завѣтовъ, составить когда-либо цѣлую книгу!!

Приведу сперва письмо ко мнѣ одного свихнувшагося полу-интеллигента писаря, нижеслѣдующаго содержанія *).

„Ваше Пре-во!" писалъ мнѣ этотъ военный писарь: „Простите меня за то, что осмѣливаюсь писать Вамъ настоящее письмо; но чувства глубокой скорби и безпомощности просятся наружу. Кому я могу излить свои жалобы? Передъ кѣмъ могу пасть и просить пощады, защиты отъ строгости закона?! Да, я горячо молю Бога о прощеніи проступка и послѣ горячей молитвы душѣ моей становится какъ-то вольнѣе и легче. Но это-лишь минутное облегченіе. Одна мысль, что я оставилъ любимую жену и пяти-мѣсячнаго сына, въ которыхъ была сосредоточена вся моя жизнь, всѣ мои лучшія надежды, которыхъ я такъ страстно любилъ и съ которыми, быть можетъ, я вынужденъ буду позорно разлучиться, а съ ними и рухнутъ всѣ мои лучшія надежды: онѣ разобьются, какъ волны о прибрежную скалу! Боже! Боже! Это страшное ожиданіе язвитъ мое больное сердце и жизнь невольно становится невыносимой.

Да, я вынужденъ буду разлучиться съ ними, оставивъ ихъ на произволъ судьбы. А какова будетъ ихъ судьба—это дѣло будущаго. А оно далеко не улыбается мнѣ.

Одна эта мысль страшно гнететъ меня, гнететъ, какъ бремя, изъ-подъ котораго нѣтъ силъ и надеждъ освободиться.

8-го сего апрѣля, Вы, раздавая книги для чтенія въ зданіи № 14, обратились ко мнѣ съ вопросомъ: „Почему у тебя красныя глаза? Ты плакалъ?"—На это я твердо и отрицательно отвѣтилъ. Но черезъ минуту я вынужденъ былъ отвернуться, ибо горячія слезы навернулись на мои глаза. Вашъ вопросъ разомъ всколыхнулъ во мнѣ всѣ

*) Я исправляю нѣсколько орѳографію для того, чтобы сдѣлать документъ болѣе удобочитаемымъ, хотя, въ общемъ, корреспондентъ мой былъ достаточно грамотенъ.

тяжелыя стороны моей жизни, сердце мое сильно сжалось, къ горлу подступили какія-то спазматическія судороги, и я вынужденъ былъ отвернуться, чтобы не разрыдаться, какъ малое дитя. У меня не хватило силы воли и энергіи. Въ Вашемъ вопросѣ многое понялъ я, а вмѣстѣ съ тѣмъ слово это сильно отозвалось въ глубинѣ моего сердца какимъ-то ангельскимъ сочувствіемъ и сердечнымъ соболѣзнованіемъ—и къ кому, къ человѣку, заброшенному въ заключеніе, къ арестанту!

Боже, какъ страшно звучитъ это слово! Да слезы, слезы!.. Кто вамъ повѣритъ?! Кто услышитъ тяжелый стонъ наболѣвшаго сердца? Кто выслушаетъ мольбы мои, раздѣлитъ и облегчитъ тяжелыя страданія—настоящаго и будущаго? Кто вникнетъ въ горькую участь человѣка и хотя словомъ утѣшитъ его?!...

Итакъ, Ваше Прево-во, я вкратцѣ изложу исторію моей жизни и маленькую біографію *)...

Теперь нахожусь на главной гауптвахтѣ, въ зданіи № 14, уже второй мѣсяцъ, въ ожиданіи рѣшенія моей тяжелой участи.

Такой прощальный финалъ мой глупости, благодаря которой должны страдать моя семья и старушка мать! Что меня теперь ожидаетъ?—Обликъ арестанта. Боже! Одно это слово уничтожаетъ всякія надежды на лучшее будущее и страшно проницаетъ мое больное сердце. Я наложилъ несмываемую, черную печаль на гробъ моего бѣднаго отца, который служилъ, старался, выбиваясь изъ силъ для насъ, а мы такъ скоро и неблагодарно стушевываемъ все, что оставлено его кровавымъ трудомъ.

Да, я глубоко раскаиваюсь. Но раскаяніе поздно. Спасенія нѣтъ... Еще суда не было, но предвижу свою горькую участь съ ея послѣдствіями, тѣмъ болѣе, когда некому заступиться за меня, когда нѣтъ человѣка, который могъ-бы отстоять меня. Я готовъ на всякія мученія, готовъ перенести всякое наказаніе, но только не арестантскія роты, а съ ними лишеніе правъ и преимуществъ.

Простите, Ваше Пре-во, что я, какъ нижній чинъ, осмѣливаюсь Вамъ писать. Но съ перваго дня, когда я Васъ увидѣлъ, какая-то таинственная сила неотступно заставляла меня обратиться къ Вашему Пре-ву за спасеніемъ, тѣмъ болѣе, видя Ваше такое состраданіе къ заключеннымъ.

Ваше Пре-во! Не отклоните просьбу раскаявшагося преступника, вонмите гласу моей жалобы, защитите меня, жену и малютку сына! Не позвольте погибнуть мнѣ и семьѣ! Заступитесь за меня, беззащитнаго! Всю жизнь, гдѣ-бы я ни былъ, я буду въ горькихъ слезахъ возносить молитвы Всевышнему за Вашъ домъ, за Ваше здравіе, долголѣтіе на землѣ и спасеніе души за гробомъ. Я надѣюсь, что Божья помощь и Ваше заступничество меня избавятъ отъ послѣдствія, которое такъ тяжело—пагубно для семьи и меня.

Это—послѣдняя моя надежда, съ разрушеніемъ которой разрушится вся моя жизнь. Я твердо надѣюсь на слова: „Яко долженъ есть оряй—орати и молотяй, съ надеждою своего упованія, причa-

*) «Біографію» мы пропускаемъ.

щатися“ (Посл. къ Корин. ст. 10-я, гл. 9). Не отврати лице Твое отъ ны и помилуй ны!...

Простите, Ваше Пре-во! Быть можетъ Вы сочтете мои искреннія мольбы неумѣстными; но я думаю, что не ошибаюсь, слѣдуя зову голоса больного моего сердца. Ваше великодушіе звучало въ каждомъ Вашемъ словѣ и глубоко откликалось въ глубинѣ моей души......“

Не буду разсказывать, какъ и въ чемъ помогъ я писавшему. Но въ сообщеніи его открывалась для меня цѣлая программа, внѣ которой для погибающаго не могло быть счастья...

А вотъ письмо ко мнѣ его матери, написанное позднѣе:

„Не могу выразить Вамъ своей благодарности; но до конца моихъ дней буду помнить оказанное Вами мнѣ благодѣяніе...“

Сухо, казенно; ничего не скажетъ эта бумажка человѣку, непосвященному въ тайны сношеній моихъ съ этой, больной старухой, робко стучавшейся въ мои двери, терпѣливо одолѣвавшей своими опухшими, слабыми ногами ступени лѣстницы моего третьяго этажа,—съ существомъ, въ которомъ, казалось, все умерло, кромѣ мучительной тревоги за погибающаго сына...

А вотъ, не хотите-ли познакомиться съ письмами другой, матери, на этотъ разъ уже женщины хорошаго происхожденія, получившей прекрасное образованіе, когда-то блиставшей въ обществѣ, но имѣвшей несчастіе воспитать неудачнаго сына, неокончившаго даже средняго учебнаго заведенія, а, потому, угодившаго, на общихъ правахъ, въ ряды арміи, для отбыванія воинской повинности, и тамъ попавшаго подъ вліяніе дурныхъ, развращенныхъ элементовъ, приведшихъ его, въ концѣ-концовъ, на гауптвахту.

Съ гауптвахты, положимъ, удалось его спасти. Несомнѣнно явились доказательства его ненормальности... Все-же онъ достаточно подышалъ гауптвахтною атмосферой и она несомнѣнно сыграла роль свою въ дѣлѣ его окончательнаго нравственнаго паденія.

А за что, спрашивается, страдала несчастная мать его?!.

Эта женщина пишетъ мнѣ:

„...У меня показалась кровь горломъ и я лежала снова. Сейчасъ я встала, взяла два Вашихъ письма въ руки и думаю, перечитавъ ихъ, что Великій и Праведный Богъ меня еще не забылъ, что невидимо послалъ мнѣ такого человѣка!!. Глубокоуважаемый Александръ Владимировичъ, что могу я сдѣлать для Васъ, чѣмъ могу я отплатить за то, что я не имѣла права и въ головѣ держать?!. Вы ѣздили для меня въ..., говорили съ ген. О... Что это, не сонъ-ли Ваши письма?!. Въ отчаяніи я толкнулась въ Вашу дверь и что-же я встрѣтила?!. Да я и не мыслила объ этомъ... Уже я давно—самая грустная пессимистка!.. Вотъ видите, командиръ полка озлобленъ на меня *)... Можетъ быть, онъ не отецъ и не понимаетъ, что мать въ скорбяхъ о дѣтяхъ можетъ, конечно, безпокоить... Но что подѣлаешь?!. Ваши письма меня нѣсколько успокоили; но тоска меня не покидаетъ. Я сижу и думаю, что сынъ мой въ сумасшедшемъ домѣ. И какъ все это будетъ въ будущемъ?!. Я—больна, одинока и много грустнаго...

*) Я умышленно пропускаю многія, наиболѣе рѣзкія, мѣста письма.

Государственная ... Ленина ... СССР ... В. И. ЛЕНИНА

Вотъ однимъ жизнь мать, другимъ—мачеха!—Позвольте мнѣ крѣпко пожать Вашу руку, истинный христіанинъ, неоттолкнувшій, съ горемъ своимъ обратившуюся, несчастную мать. Въ своихъ молитвахъ буду Васъ поминать, чтобы Богъ послалъ Вамъ всякаго счастья и благополучія“...

Затѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, отъ нее-же получилъ я краткую записку такого содержанія:

„Умираю и везутъ меня въ больницу. Воспаленіе. Я замучилась и надорвалась. Сына уволили отъ службы: въ госпиталѣ была комиссія. Но что-то командиръ тормазитъ. Что дѣлать?“

„Что дѣлать?“—Это былъ послѣдній вопль умирающей, дошедшій по моему адресу и, какъ ножъ, ударившій въ мое сердце.

Она дѣйствительно скоро умерла, затѣмъ, отъ воспаленія въ легкихъ,—эта, ни въ чемъ неповинная, мученица материнской привязанности; а я, конечно, не оставилъ ея сына, успѣлъ сдѣлать то, что было возможнымъ... Мнѣ даже удалось успокоить страдалицу передъ ея кончиной увѣреніемъ, что я не оставлю попеченіемъ дорогого ей существа...

Не надо забывать, что за плечами всѣхъ заключенныхъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, стоятъ такія-же страдающіе „за грѣхи чужіе“—отцы ихъ, матери, жены, дѣти.

Большинство этой незримой арміи лицъ, „безъ вины страдающихъ“, безграмотно, бѣдно, забито, разбросано по захолустьямъ—и, сдѣлавъ тутъ добро, вы не получите, конечно,—въ отвѣтъ — письма съ благодарностью...

Немного найдется у меня, по той-же причинѣ, и писемъ заключенныхъ изъ простонародья: наши мужички не умѣютъ на бумагѣ красиво, связно, излагать свои мысли, даже если и грамотны. Немногорѣчивы и грамотныя дѣти ихъ, сидящія по гауптвахтамъ. Къ тому-же, иному солдатику и въ голову не придетъ утруждать „начальство“ частными письмами.

Мнѣ, однако, удавалось иногда, во дни моей юридической молодости, на положеніи защитника (или, какъ выражались нѣкоторые „кліенты“ мои на бумагѣ, „зачинщика“) добиваться возможности заводить съ военными узниками гауптвахтъ, тюремъ, переписку, давая тѣмъ выходъ ихъ скорби и сомнѣніямъ.

Жалѣю, что все это растеряно мною, уничтожено — за ненадобностью...

Вотъ, одно изъ нихъ, изъ подобныхъ писемъ, во всей его наивной красотѣ и трогательной безграмотности:

„Его Высокоблагородію
Господину защитнику по уголовнымъ дѣламъ
Виленскаго временнаго военно-окружнаго суда.
Просителя рядового (ефрейтора) 110 п.
Коломенскаго п. Степана Степанова Ларина
Просительное письмо.

Покорнѣйше прошу Вашего Высокоблагородія великодушно—Благороднаго Вашего пріѣзда въ контору Минскаго тюремнаго Замка

Побудила мысль необходимость сказать Вашему Высокоблагородію многочисленныхъ словъ сего ноября 1889 года. Ефрейторъ Степанъ Степановъ Ларинъ“.

Надо замѣтить, что и такого званія, какъ „защитникъ по уголовнымъ дѣламъ“ не существуетъ, и „многочисленныхъ словъ“, при нашемъ свиданіи съ узникомъ, у послѣдняго не оказалось.

Этотъ Ларинъ, честный, образцовый служака, обвинялся, вмѣстѣ съ другими такими—же порядочными нижними чинами,—въ грязномъ, но безсмысленномъ преступленіи—убійствѣ проститутки. Я посѣщалъ его и въ тюрьмѣ, и на гауптвахтахъ. Дѣло его тянулось долго и, конечно, окончилось полнымъ оправданіемъ... Но чего-чего только не вынесъ онъ на гауптвахтѣ, какимъ униженіямъ не подвергалось здѣсь его ефрейторское званіе?!.

Съ нимъ, по одному и тому-же обвиненію въ убійствѣ, томились и унтеръ-офицеры. Всѣхъ ихъ безжалостно свалили въ общую кучу, въ одну и ту-же камеру съ распущенными рядовыми, сидѣвшими за тяжкія преступленія и старавшимися на каждомъ шагу доказать теперь унтеръ-офицерамъ, что, молъ, „тюрьма всѣхъ равняетъ“...

И теперь, когда лежитъ передо мною письмо Ларина—на пожелтѣвшей бумагѣ, невольно рисуется мнѣ мрачный, сырой, вонючій казематъ Минской главной гауптвахты, блѣдное, нервное лицо съ честно-глядящими на меня глазами и слышатся трогательныя увѣренія мнѣ, какъ защитнику, въ невиновности... Видѣлъ я Ларина и въ Минской гражданской темницѣ.

Для характеристики того, какъ немного подчасъ нужно иному узнику, чтобы скрасить его томленіе на гауптвахтѣ, приведу нѣсколько писемъ ко мнѣ рядового П.

1) „Здравія желаю, Ваше Высокоблагородіе! *) Имѣю честь увѣдомить, что я, П., пріѣхалъ изъ Московскаго военнаго госпиталя, гдѣ и пролежалъ 8 дней и въ теченіи этихъ дней со мной точно также былъ припадокъ и, при слѣдствіи меня врачемъ, я признанъ больнымъ падучей болѣзнью. Но старшій врачъ мнѣ сказалъ, что „приговоръ вошелъ въ законную силу и я не могу представить тебя на комиссію безъ разрѣшенія прокурора“. И я выписался; но, по пріѣздѣ, велѣли доложить Вашему Высокоблагородію и воинскому начальнику, чтобы вы вошли съ ходатайствомъ за меня передъ судомъ—о назначеніи меня на комиссію. И въ настоящее время со мной опять былъ припадокъ и я лежу при тюремной больницѣ. И прошу Ваше Высоко-іе поговорить тюремному фельдшеру, чтобы они содержали меня при тюремной больницѣ, для дальнѣйшаго разслѣдованія моего дѣла. По прибытіи въ тюрьму, я былъ сразу переведенъ въ больницу. Не успѣлъ еще оглядѣться, какъ у меня вытащили изъ мѣшка брюки стоимостью 6 рублей, двѣ рубашки, двое кальсонъ—новенькія, разу ненадѣтыя. Нарочно справилъ бѣлья, чтобы можно было въ тюрьмѣ носить. Докладывалъ помощнику и такъ ничего не нашли. Но кто взялъ—того перевели въ другую камеру. Кругомъ—несчастье. И прошу Ваше Высоко—діе, не откажите мнѣ въ бѣльѣ, если будетъ Ваша

*) Снова, для удобочитаемости, принужденъ я и тутъ исправить правописаніе. П. долго кочевалъ съ гауптвахтъ по тюрьмамъ и обратно—на гауптвахты.

милость... Вы сами знаете мое положенiе. И я желалъ-бы съ Вами лично поговорить на счетъ вышеупомянутаго моего дѣла. Одно спасенiе имѣю на Васъ и изъ-за Васъ только можетъ моя семья и невинно—страдающiе родители увидать несчастнаго сына, въ которомъ они имѣютъ нужду и лишенiя въ будущей жизни“.

2) „Первымъ долгомъ спѣшу увѣдомить Ваше Высоко—дiе, что я въ настоящее время нахожусь при N-ой тюрьмѣ. Затѣмъ прошу исполнить свои слова для облегченiя моей участи. Будучи я еще на городской гауптвахтѣ, Вы мнѣ обѣщали послѣ 8-ми мѣсячнаго срока пребыванiя моего наказанiя, написать мнѣ прошенiе на Высочайшее Имя о помилованiи моего поступка, или о замѣнѣ таковаго наказанiя. Я уже отбылъ наказанiе девять мѣсяцевъ. И осмѣливаюсь просить Ваше Высоко—дiе не оставить моей просьбы безъ вниманiя.

Еще прошу Вашего Высоко-iя, Вы не оставляли насъ ни единый годовой праздникъ безъ разговѣнiя. И я надѣюсь на Ваше Высоко-iе, что не оставите насъ и нынѣшнiй годовой праздникъ Свѣтлаго Рождества Христова, такъ какъ хорошо знаете мое положенiе. Я нахожусь на военной службѣ 5 лѣтъ и содержусь подъ стражею два года. Со стороны помощи никакой не имѣю.

Еще прошу Ваше Высоко-iе, не будетъ-ли Ваша милость дать мнѣ парочку бѣлья, такъ какъ свое бѣлье пришло въ полную ветхость.

Покорнѣйше прошу не оставить моей просьбы безъ вниманiя“...

3) „ ... Имѣю честь проздравить Васъ и Ваше семейство съ великимъ постомъ.

Затѣмъ прошу ходатайства Вашего Высоко—дiя о вытребованiи мнѣ ниже-слѣдующихъ, неполученныхъ годовыхъ вещей... Мною была написана докладная въ свою часть о выдачѣ мнѣ вещей, на что я и получилъ отвѣтъ 21 ноября: мнѣ было объявлено адъютантомъ воинскаго начальника, что получена бумага изъ полка, что вещи, требуемыя мною, высланы почтой. Но я ихъ и по настоящее время не получалъ. Но я слышалъ изъ достовѣрнаго источника, что на имя мое прислана посылка; уже давно лежитъ въ управленiи воинскаго начальника. Но какая посылка—не знаю, и почему мнѣ ее не присылаютъ—тоже не знаю. На что и прошу Ваше Высоко—дiе зайти въ управленiе воинскаго начальника, похлопотать о выдачѣ мнѣ таковой посылки“...

4) „Первымъ долгомъ спѣшу увѣдомить, что я, N, прошенiе Ея Императорскому Величеству послалъ.

Затѣмъ Вы обѣщались написать письмо секретарю Канцелярiи Ея Императорскаго Величества, чтобы они лично передали и не задержали моего прошенiя.

На что и умоляю Ваше Высоко—дiе не оставить своей просьбы—написать письмо. А, затѣмъ, прошу увѣдомить меня, когда напишете письмо: хотя меня облегчите этимъ. И вся надежда на Васъ“.

5) „Первымъ долгомъ спѣшу отблагодарить Васъ за оставленный Вами мнѣ рубль.

Затѣмъ, Вы просили меня чтобы я увѣдомилъ Васъ, когда я получу отвѣтъ на прошенiе, посланное на Высочайшее Имя. Но я получилъ отвѣтъ: прошенiе оставлено безъ послѣдствiя.

Затѣмъ, Вы еще обѣщали написать мнѣ другое прошеніе и говорили, что у Васъ есть другая дорога. Для чего и прошу Ваше Высоко—діе не отказать мнѣ написать мнѣ другой черновичекъ или исходатайствовать о моей несчастной жизни.

Я уже пишу Вашему Высоко-ію четвертое письмо, но отвѣта ни на одно не получалъ. Но я желалъ-бы получить отъ Васъ отвѣтъ: по крайней мѣрѣ мое-бы сердце успокоилось и я-бы не терялъ на будущее надежды—о смягченіи моего наказанія.

Еще прошу, не будетъ-ли Ваша милость—послать мнѣ самоучитель латинскаго языка, такъ какъ у меня есть большая охота изучить названный языкъ, а книги намъ разрѣшено имѣть при себѣ, т. е. не болѣе 3-хъ книгъ; а оставшіяся находятся въ конторѣ, а потомъ можно замѣнять"...

6) „Преждевременно спѣшу Васъ увѣдомить, что я самоучителя латинскаго языка и по настоящее время не получалъ и не знаю, былъ-ли онъ Вами посланъ или нѣтъ. Если Вы его еще не посылали, то прошу Васъ теперь не присылайте, такъ какъ я кончилъ срокъ исправляющихся и 30-го числа января послана бумага въ тюремное управленіе—о высылкѣ меня въ Сибирь, что мнѣ и было объявлено самимъ инспекторомъ числа 15 или 16 февраля. Пойду въ Сибирь.

Затѣмъ, осмѣливаюсь просить Ваше Высоко—діе, если будетъ Ваша милость ко мнѣ, заключенному, то прошу не оставить меня Вашей просьбой и, если можно, къ этому времени, выслать самоучитель, то будьте на столько добры—не оставьте моей просьбы.

Здоровье мое слава Богу. Будьте Вы счастливы!—Храни Васъ Богъ въ будущемъ отъ всякихъ несчастій!"

7) „ ... Посылку Вашу получилъ, за которую премного Вами доволенъ—за Вашу милость ко мнѣ. Еще благодарю Васъ за обѣщанный мнѣ самоучитель. Надзиратель мнѣ сказалъ, что Вы вышлете.

Жду въ январѣ мѣсяцѣ отправки. Начальникъ тюрьмы мнѣ объявилъ, что я буду въ январѣ отправленъ въ Сибирь, такъ какъ я отбылъ срокъ испытуемыхъ и срокъ исправляющихся, и оканчиваю срокъ нетюремнаго разряда, такъ что мнѣ придется сразу идти на поселеніе. Я очень этому радъ; но дѣло въ слѣдующемъ: освободиться будетъ не въ чѣмъ. Но никто да Богъ. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Отъ сего письма пожелаю Вамъ всѣхъ благъ въ будущемъ."

8) „Первымъ долгомъ спѣшу отблагодарить Васъ за искреннее сочувствіе ко мнѣ, т. е. за оставленную Вами милость. Начальникъ тюрьмы приходилъ ко мнѣ и объявилъ мнѣ, что Вы были и оставили мнѣ рубль денегъ, и „ужасно безпокоится и старается о тебѣ". Но я вѣрю всѣмъ сердцемъ и сочувствую Вашей милости ко мнѣ; но я—въ тюрьмѣ! А семья моя—все въ старомъ несчастіи. Только у старшей сестры семь дѣтишекъ, малъ малаго меньше, а мужъ ея убитъ въ Манджуріи—за Царя и Родину. И всѣ эти несчастные и голодные мальчики протягиваютъ въ каждомъ письмѣ свои исхудалыя ручонки и просятъ моей помощи. Но я, на сколько могъ, сдѣлалъ помощь и дѣлился со службы и тюрьмы послѣдней копѣйкой. Но теперь я

старался написать имъ письма, ибо этимъ хотѣлъ заглушить искру моего страданія. Но опять съ родины получилъ письмо и видно Небу было угодно испытать меня вторично. Я не вынесъ этого испытанія, мое слабое сердце покорилось снова знакомому голосу и я опять отписалъ имъ письмо, что обо мнѣ хлопочетъ военный слѣдователь, котораго одно слово можетъ осчастливить меня и всю мою страждущую семью, и велѣлъ молить Бога о Васъ и о всей семьѣ Вашей, и добавилъ, что мнѣ замѣнятъ это наказаніе болѣе легкимъ и думаю скоро быть дома. А, въ самомъ дѣлѣ, не вижу того источника, который могъ-бы смягчить мою чашу страданій. О, мой Богъ! Мой Отецъ! Руку помощи щедрую Ты протяни и услышь Ты мои мольбы и страданія!..

Я уже Вамъ писалъ два письма и никакого отвѣта не получилъ, и думалъ, что Васъ уже въ N—ѣ нѣтъ и Вы уѣхали въ уѣздъ. Сурковъ и Абрамовъ уже давно въ Сибири, еще отправлены были весной, а Кузнецовъ померъ здѣсь, въ тюрьмѣ, чахоткой...

Я съ одной стороны и радъ, что не попалъ съ одной партіей съ Сурковымъ, хотя онъ меня и любилъ, а плакалъ, когда поѣхалъ, и говорилъ все, что изъ-за него я страдаю. Но я помирился съ жизнью—и одно упованіе мое на Бога.

А теперь осмѣливаюсь просить Ваше Высоко—діе явить мнѣ свою милость: пришлите мнѣ латинскій самоучитель, ибо у меня есть большое желаніе изучить латинскій языкъ... У меня есть нѣмецкій самоучитель. Я его изучилъ, хотя неособенно хорошо, но читать и писать могу".

Надо замѣтить, что многихъ узниковъ гауптвахты, располагала ко мнѣ именно увѣренность ихъ, основанная на сношеніяхъ моихъ съ другими заключенными, уже ушедшими отсюда, что я ихъ не оставлю и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ суждено будетъ имъ отбывать наказаніе. Эта надежда, поддерживавшая между мной и ими нравственную связь, въ минуты самыхъ тяжкихъ испытаній на каторгѣ, по тюрьмамъ, какъ я имѣю основанія это утверждать, не одного изъ нихъ, моихъ корреспондентовъ, удержала отъ окончательнаго паденія въ пропасть.

Но, и во время пребыванія на гауптвахтѣ моихъ „кліентовъ", я не уклонялся отъ сношеній съ ними на бумагѣ, давая имъ для облегченія этого марки, чернила, бумагу.

Чтобы имѣть возможность по достоинству оцѣнить значеніе такихъ „человѣческихъ документовъ", какъ только что приведенные отрывки, надо хорошо быть знакомымъ съ режимомъ гауптвахты, вытекающими изъ него потребностями заключенныхъ, а также съ типами, составляющими ея долгосрочные „кадры".

Къ послѣднимъ, по количеству времени проведенному на гауптвахтѣ, принадлежалъ и рядовой П., съ которымъ я познакомился во время производства о немъ слѣдствій...

Смѣшно, конечно, настаиваніе этого субъекта, на присылкѣ ему, почти безграмотному, „самоучителя латинскаго языка". Но все станетъ яснымъ, если сказать, что П. среди другихъ узниковъ слылъ почему-то не безъ успѣха за ученаго, что онъ зналъ, что письмо его, адресованное на мое имя, пройдетъ, по уставу, черезъ руки комендант-

скаго управленія. Ему бѣдняку, всѣми покинутому, представлялось, что и тамъ, пожалуй, въ управленіи, проникнутся уваженіемъ къ его учености, къ его желанію самообразоваться...

Съ той-же точки зрѣнія смотритъ онъ, повидимому, и на свои сношенія съ полковникомъ, военнымъ слѣдователемъ, котораго, побаивается, по его соображеніямъ, само комендантское начальство: „вотъ, съ кѣмъ мы, на равной ногѣ, даже переписываемся!.. Для насъ ничего не значитъ и на Высочайшее Имя пожаловаться“...

Потребности гауптвахтнаго узника, что̀ и видно изъ писемъ ко мнѣ П., до трогательности несложны, убоги: какой либо рубль, ему данный, для него—уже капиталъ.

Но ему, оплеванному, затравленному судьбою, почти лишенному всякихъ правъ, живущему на положеніи скота, дорого поддерживать около себя, въ казематѣ, извѣстный престижъ, а съ нимъ, сознаніе, что и онъ, молъ, человѣкъ еще „непорѣшенный судомъ“, что и у него есть „заручка“ въ высшихъ сферахъ, на всякій случай...

Надо думать, и домой писалъ онъ о томъ, что на его сторонѣ военный слѣдователь, что самъ Царь будетъ знать о немъ всю правду... То-же, быть можетъ, черезъ окошечко въ дверяхъ общей камеры, сообщалъ онъ и стоявшимъ на часахъ у послѣдней сослуживцамъ своимъ по ротѣ, приходившимъ сюда въ составѣ караула.

Неужели надо было гасить эти блѣдныя надежды, это подобіе счастья, обливать страждущее сердце холодной водою критицизма и казенщины отношеній?!

Долго, помнится мнѣ, не могъ я найти по лавкамъ „самоучителя латинскаго языка“ и съ трудомъ отыскалъ лишь руководство для первоначальнаго съ нимъ ознакомленія...

А П., какъ видите, все пишетъ, все настаиваетъ и, по его соображенію, начальство, контролирующее переписку, должно быть прямо поражено его „ученой“ настойчивостью...

Писалъ онъ мнѣ и изъ каторги. Но тамъ попытка моя—облегчить его участь—не встрѣтила сочувствія. Гдѣ-то онъ теперь, такъ на меня уповавшій?!.. Кого старается удивить своимъ стремленіемъ къ наукѣ?!

Такъ и вижу этого худощаваго, вихрастаго, остроносаго, съ бойкими, карими, глубоко сидящими глазами, съ подвижными чертами лица, оборванца въ военномъ мундирѣ, съ десятками воинскихъ преступленій на совѣсти, но, тѣмъ не менѣе, юркаго, жизнерадостнаго, неунывающаго даже при гауптвахтной обстановкѣ, ловко умѣющаго примѣняться къ мѣстнымъ нравамъ, командовать слабохарактерными товарищами по заключенію и вѣчно ведущаго войну съ комендантскимъ начальствомъ, караулами, отравляющаго жизнь комендантскаго управленія строченіемъ жалобъ, прошеній, доносовъ—за себя и для другихъ, узника, для котораго у комендантскаго адъютанта не было иной клички, какъ „мерзавецъ“... Едва подходишь, бывало, со свѣжими книгами, для обмѣна, къ дверямъ общей камеры, только что начинается возня съ подбираніемъ къ замку ключа разводящими, какъ видишь черезъ окошечко, что П. уже весело снуетъ по помѣщенію, выдѣлывая въ воздухѣ разнообразные, забавные антраша, со-

бираетъ по камерѣ прочитанныя мои книги. Онъ-же наблюдалъ, по порученію моему, за ихъ цѣлостью, за тѣмъ, чтобы инородцы не употребляли Евангелія для покрышки коробокъ съ табакомъ, не вырывали-бы изъ него страницъ для „цыгарокъ" и т. п.

Послѣдняя россійская революція, въ бытность мою въ Смоленскѣ, посадила на мѣстную гауптвахту буйные элементы „запасныхъ", а отчасти и представителей арміи съ явно революціоннымъ оттѣнкомъ... Первые были взяты изъ подъ сохи, убѣждены въ томъ, что скоро настанутъ новые порядки, т. е., что восторжествуетъ революція и о дисциплинѣ не имѣли никакого понятія.

То были „звѣри", метавшіеся безумно по клѣткѣ неблагоустроеннаго звѣринца и мечтавшіе лишь о свободѣ, которой ихъ только что лишили.

Тоже, впрочемъ, какъ извѣстно, наблюдалось и по всей Россіи, на другихъ главныхъ гауптвахтахъ...

Приходилось и мнѣ имѣть дѣло съ подобными субъектами среди ада русской гауптвахты, отравленными общей сумятицей и революціонными міазмами.

Большинство ихъ, однако, мало-по-малу, угомонилось, и, когда революціонный угаръ прошелъ, то оказалось не погибшими, а заблудшими, лишь хорошими, въ сущности, людьми.

Нѣсколько, быть можетъ, забѣгаю я впередъ, сказавъ, что къ тому времени, на Смоленской главной гауптвахтѣ, дѣйствовала моя собственная, единственная въ Россіи, гауптвахтная библіотека, висѣли мои иконки и лежали по камерамъ мои Евангелія, а самъ я, съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, посѣщалъ безпрепятственно узниковъ и могъ оказывать на нихъ какое мнѣ угодно вліяніе.

Помню, какъ первое время сношеній моихъ съ вышеупоминаемыми „запасными", о части которыхъ я-же производилъ слѣдствія, страшно было входить, бывало, въ ихъ казематы: сейчасъ поднимались буйные крики „за что вы насъ держите здѣсь!" „Разбойники!" „Кровопійцы!!" и дерзости, видимо расчитанныя на то, чтобы вызвать новыя дѣла и уйти „хоть на каторгу" отъ военной муштры и гауптвахтной обстановки. Надо замѣтить, что среди этихъ буйныхъ элементовъ находились и такіе, которымъ грозила долгая каторга, которымъ потому и терять было нечего.

Прежде всего я поражалъ весь этотъ сбродъ тѣмъ, что входилъ въ общія камеры одинъ, безъ всякаго конвоя.

Я покорилъ ихъ, затѣмъ, кроткимъ, ровнымъ обращеніемъ, въ теченіи долгаго періода времени, убѣдивъ въ томъ, что по дѣламъ ихъ, о которыхъ произвожу слѣдствіе, самъ я нахожусь лишь рабомъ закона и существующаго государственнаго строя, раздачей моихъ книгъ для чтенія, главнымъ-же образомъ, участливымъ отношеніемъ къ ихъ семьямъ, разбросаннымъ по Россіи.

Отъ семействъ этихъ, къ ихъ бывшимъ, недавнимъ кормильцамъ, на гауптвахту, постоянно приходили недобрыя вѣсти съ родины, гдѣ дѣйствовала во всю сумбурная революція: все это тамъ терпѣло нужду, плакало, голодало, не могло найти правды и защиты

у волостныхъ писарей, требовало немедленной помощи, денегъ и совѣта у кормильцевъ, которые сами теперь томились за рѣшотками...

Въ видѣ упрека въ дѣйствіяхъ Правительства, „запасные" показывали мнѣ обыкновенно, со злорадствомъ эти письма съ родины' потрясая отъ ярости рѣшотки темницы и проклиная все и всѣхъ, въ томъ числѣ и меня, какъ вліяющаго на мѣру пресѣченія, мѣшающую побѣгамъ, какъ представителя начальства, чаще другихъ появляющагося въ ихъ камерахъ...

Были между ними и атеисты, ругавшіеся надъ моими Евангеліями и иконками, нежелавшіе слышать объ утѣшеніи религіи. „Что мнѣ ваше Евангеліе", крикнулъ одинъ изъ нихъ: „Дома мои щенята пухнутъ съ голоду... Жена извелась... Дайте лучше имъ хлѣба! А Евангеліе"...

И онъ произнесъ богохульную фразу, сопровождая ее циничнымъ жестомъ по моему адресу.

Я сейчасъ-же сообразилъ, на чемъ могу сойтись съ этими, забывшими Бога, утратившими совѣсть, дикарями, и предложилъ имъ, въ качествѣ „начальства", услуги мои—въ смыслѣ посильной помощи ихъ далекимъ семьямъ.

И вотъ, гдѣ пять рублей, гдѣ письмо, написанное земскому начальнику, губернатору, гдѣ вмѣшательство моихъ знакомыхъ, по возможности, стали облегчать участь женъ, матерей, дѣтей заключенныхъ...

Надо было видѣть ихъ изумленіе, когда они убѣдились, что то самое „начальство", которое они считали главнымъ виновникомъ ихъ бѣдъ и проклинали, добровольно пошло навстрѣчу нуждамъ ихъ близкихъ...

У меня сразу-же образовалась на гауптвахтѣ группа преданныхъ, благодарныхъ, обязанныхъ мнѣ, личностей... А тутъ и россійская смута, къ счастью, пошла на убыль, замерла.

Когда впослѣдствіи одинъ изъ моихъ бывшихъ „кліентовъ", отбывъ наказаніе въ Смоленскомъ исправительномъ отдѣленіи, очутился на волѣ и пришелъ ко мнѣ, прося помочь ему устроиться на какой-либо работѣ, въ Москвѣ, я безъ колебаній, зная его за порядочнаго, лишь временно свихнувшагося, человѣка и семьянина, вовлеченнаго въ омутъ революціи, далъ ему рекомендательныя письма—къ моимъ знакомымъ.

Болѣе интереснымъ, по сложности обстановки, является случай удачнаго приручѣнія мною одного вольноопредѣляющагося, изъ хорошей, дворянской семьи, попавшаго въ исторію съ возмущеніемъ „нижнихъ" чиновъ противъ начальства на политической почвѣ.

Отравленный прокламаціями на Дальнемъ Востокѣ, юноша этотъ пріѣхавъ на родину со своей частью, былъ, конечно, арестованъ, и въ то время, какъ главари возмущенія благополучно бѣжали, оказался въ положеніи, человѣка, въ сущности, отвѣчающаго за чужіе грѣхи.

Когда слѣдствіе ушло изъ моихъ рукъ, а вольноопредѣляющійся остался на главной гауптвахтѣ, въ обществѣ отравленныхъ революціей „запасныхъ", мнѣ захотѣлось попробовать спасти его отъ заблужденій, остановивъ во-время, заставивъ его одуматься.

Я имѣлъ дѣло съ развитымъ, начитаннымъ субъектомъ, почему и не могъ расчитывать ни на мои книжки, принаровленныя къ заурядному солдатскому кругозору и низкому умственному развитію, ни на мои иконки и Евангелія:—юноша вспыльчиво, гордо, упрямо отказывался отъ развлеченія убогими нерѣдко изданіями Главнаго Штаба. Мнѣ ясно было, въ то-же время, что это былъ типъ, легко поддающійся на удочку революціонныхъ иллюзій, невпускавшій меня въ сокровенный мірокъ своей пылкой души...

Тѣмъ не менѣе однажды необходимость сломила-таки эту волю и, когда я зашелъ на гауптвахту, вольноопредѣляющійся обратился ко мнѣ, съ просьбою, казавшейся, въ первую минуту, неисполнимой.

Дѣло въ томъ, что въ городѣ жила старуха-мать юноши, здоровье которой въ конецъ подорвала катастрофа съ сыномъ, неизвѣстность того, что его ожидаетъ по суду. У бѣдной, подъ вліяніемъ долгаго горя, развился порокъ сердца. И вотъ сыну ея дали, какъ-то знать, на гауптвахту, что мать его умираетъ, желая видѣть его въ послѣдній разъ передъ смертью.

Проснулась-ли въ юношѣ совѣсть, заговорило-ли чувство сыновняго долга, зашевелилось-ли естественное раскаяніе, но онъ сталъ умолять меня—дать ему возможность хоть проститься съ матерью.

Ему, въ то-же время, ясно было, что для приведенія въ исполненіе подобнаго желанія нужно было-бы ходить съ гауптвахты на домъ, т. е. добиться прямо невозможнаго, разрушающаго основы устава о гарнизонной службѣ.

А, между тѣмъ надо-же было помочь...

И могъ-ли я не попытаться, на этой благородной, трогательной привязанности двухъ любящихъ другъ друга существъ, найти почву личнаго сближенія моего съ погибающимъ, заблудшимъ?

Комендантомъ, въ ту пору, въ Смоленскѣ, былъ суровый, нынѣ умершій, полковникъ Вестенрикъ, человѣкъ рѣдкихъ, высокихъ душевныхъ качествъ и настоящій христіанинъ, всегда, съ охотою, шедшій на встрѣчу моимъ ходатайствамъ по улучшенію быта гауптвахтныхъ заключенныхъ. Конечно, и прежде всего, самъ онъ былъ связанъ закономъ и уставомъ. Почему, услыхавъ отъ меня просьбу—отпустить на домъ арестованнаго, для свиданія съ матерью, покойный пришелъ первоначально въ ужасъ и смущеніе...

Я тронулъ, поколебалъ это благородное, мужественное сердце перспективой, что женщина-мать умретъ, быть можетъ, не увидавъ своего сына, сообщивъ полковнику и результаты моихъ наблюденій за послѣднимъ.

— „А если онъ убѣжитъ??“ возникъ самъ собой естественный вопросъ.

Мнѣ ничего не оставалось, какъ дать слово, что этого не случится, что, въ такомъ случаѣ, я донесу по начальству о своей иниціативѣ.

Кромѣ того, вѣдь узника можно было выпустить на улицу не иначе, какъ подъ надлежащимъ конвоемъ.

Подумалъ—подумалъ старикъ комендантъ и, въ явное, грубое нарушеніе устава гарнизонной службы, сдѣлалъ письменное распоряженіе по караулу на гауптвахтѣ, чтобы моего вольноопредѣляющагося отправили подъ конвоемъ на квартиру къ его матери, что̀ и было, конечно, исполнено.

Такъ какъ болѣзнь послѣдней затянулась, то подобныя прогулки стали повторяться, затѣмъ, почти ежедневно.

Нѣсколько времени ходилъ, такимъ образомъ, юноша домой, пользуясь по просьбѣ его, вечерней темнотою, т. е. когда могъ не обращать на себя вниманіе любопытныхъ на улицахъ. Мать его стала между тѣмъ поправляться.

Какъ вдругъ случилось происшествіе, которое поставило коменданта (а, значитъ, и меня) въ неловкое положеніе: на гауптвахту пріѣхалъ нежданно начальникъ мѣстнаго гарнизона, корпусный командиръ.

Пришлось доложить ему о причинахъ отсутствія моего вольноопредѣляющагося.

Суровъ, грозенъ былъ генералъ, а главное до страсти преданъ всякаго рода уставамъ и неумолимъ при нарушеніяхъ воинскаго законо-порядка... Но, самъ будучи отцомъ, хорошо понималъ онъ горе больной матери и чувство сыновней любви. Поникъ онъ на минуту головою и гнѣвно покраснѣлъ. Всѣ ждали разноса, взысканія, а, быть можетъ, и чего либо худшаго... Болѣе всѣхъ смутился полковникъ Вестенрикъ.

Однако ничего особаго не послѣдовало, а отдано было лишь приказаніе, „чтобы подобнаго впредь не повторялось болѣе“.

Тѣмъ все и кончилось.

Но, въ лицѣ матери, пріобрѣлъ я и друга, и сообщницу — въ дѣлѣ нравственнаго спасенія ея симпатичнаго юноши.

Благодаря военно-судебной и иной „волокитѣ“ долго просидѣлъ упоминаемый вольноопредѣляющійся на гауптвахтѣ, пока по приговору суда не отправили его, далеко изъ Смоленска, въ исправительныя арестантскія отдѣленія.

Къ этому времени, однако, заручился я уже его довѣріемъ и осторожно, во имя страданій матери, вошелъ въ эту душу, оказавшуюся и неиспорченной, и способной, откликнуться на теплое, дружеское воздѣйствіе, хотя и не любившей высказываться.

Уйдя изъ Смоленска, мой бывшій „кліентъ“, ничего у меня не просилъ. Зато стала просить меня теперь за него его несчастная мать.

Не буду передавать, съ какими трудами удалось мнѣ, при помощи добрыхъ людей высшей гражданской администраціи, добиться перевода юноши въ Смоленское исправительное арестанское отдѣленіе, т. е. въ городъ, гдѣ жила его мать, а, затѣмъ, по отбытіи имъ срока заключенія, устроить переводъ его изъ деревни, гдѣ онъ находился подъ надзоромъ полиціи, въ самый городъ, соединивъ его такимъ образомъ съ матерью...

До сихъ поръ, въ день новаго года, получаю я всегда поздравительную телеграмму отъ обоихъ и каждый разъ встаютъ передо мной, при этомъ, казематы ужасной Смоленской гауптвахты, вспоминается молодая жизнь, которая чуть, было, тамъ не погибла...

Чтобы покончить съ этой интересной встрѣчей моей и показать, какой переворотъ произошелъ въ человѣкѣ, одной ногой стоявшемъ уже надъ бездной революціонной анархіи, я позволю себѣ привести здѣсь два письма его ко мнѣ—изъ мѣста ссылки.

Вотъ они:

1) „Ваше Пре—во, Глубокоуважаемый Александръ Владимировичъ!

Въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 12 сентября сего года срокъ заключенія мнѣ сокращенъ на одинъ годъ.

Между тѣмъ, по закону 22 іюля, объ условномъ досрочномъ освобожденіи, согласно которому я былъ представленъ къ скидкѣ въ размѣрѣ четвертой части срока заключенія, такъ что срокъ заключенія истекалъ 27-го ноября 1909 года.

Милость Монарха вырвала меня изъ стѣнъ двумя мѣсяцами ранѣе.

Естественное чувство величайшей радости испытываетъ человѣкъ, покидая мертвый домъ, гдѣ были проведены лучшіе годы прекрасной юности, которая никогда болѣе не вернется.

„Да, мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата!“

Впрочемъ, жизнь впереди!

Необходимо пріобрѣсти условія для нормальнаго теченія жизненнаго процесса. Но этихъ условій у меня не имѣется, такъ какъ особыя права и преимущества, отобранныя по суду, мнѣ не возвращены, благодаря чему, я въ настоящее время нахожусь въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи, такъ какъ не имѣю права, согласно 48 ст., постояннаго жительства въ родномъ городѣ, въ своемъ домѣ, вмѣстѣ съ больной матерью, которой я причинилъ столько горя, страданій—душевныхъ и тѣлесныхъ.

Положеніе осложняется тѣмъ, что оставлены въ силѣ ст. 43, 45, 46, 46^1,—158^1 и 58^2 улож. о наказ. угол.

Принимая во вниманіе изложенное, имѣю честь просить Ваше Пре—во—оказать благосклонное содѣйствіе — въ дѣлѣ возвращенія правъ, которыя были утрачены мною во дни бурной юности и которыя такъ необходимы въ жизни.

Не могу умолчать о томъ чувствѣ искренней признательности, глубочайшаго уваженія и гордости, которыя питаю къ Вамъ, спаситель жизни, материнской и моей.

Если-бы не Ваше, отеческое участіе, то, вѣроятно, жизнь моей матери прекратилась-бы, такъ какъ переносить разлуку въ теченіи столь долгаго времени оказалось-бы немыслимымъ, невыносимымъ, невозможнымъ.

Много прожито и много пережито!

А все-таки жизнь прекрасна сама по себѣ—съ ея радостями и горестями.

Да здравствуетъ жизнь, трудъ и тѣ величайшія стремленія къ добру, свѣту, красотѣ, которыя придаютъ жизни такъ много чарующе-прелестнаго!!.

„Будетъ зеленой или красной весна,
Развѣ не все въ ней величья полно,

Силы клокочущей, вѣчно прекрасной"!..

Мама шлетъ Вамъ душевный привѣтъ и пожеланіе всего лучшаго.

Благоволите увѣдомить, Ваше Пре—во, понадобится-ли Вамъ приговоръ суда?

Искренно-признательный и глубоко-уважающій".

2) „Ваше Пре—во, Глубокоуважаемый Александръ Владимировичъ!

Съ чувствомъ глубокой благодарности спѣшу увѣдомить Васъ о послѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи, въ силу котораго мнѣ разрѣшено находиться въ . . .

Я только вчера имѣлъ возможность пріѣхать въ . . , такъ какъ о Монаршей милости мнѣ не было сообщено черезъ станового пристава, подъ надзоромъ коего я находился.

Между тѣмъ, мама хотя и узнала отъ N, который прислалъ № „ . . . Вѣстника", но мама была занята похоронами тетушки и не имѣла времени сообщить мнѣ.

Мама и я питаемъ надежду, что Ваше Пре—во не оставите насъ и поможете со временемъ пріобрѣсти мнѣ утраченныя права. Я сумѣю быть достойнымъ Вашего участія.

Ваше участіе воскресило во мнѣ угасавшую вѣру въ людей и навсегда останется свѣтлымъ воспоминаніемъ въ моей жизни.

Мама приноситъ Вамъ искреннюю благодарность и извиняется, что не можетъ лично писать, вслѣдствіе ломоты въ рукахъ"...

Нужны-ли комментаріи къ столь краснорѣчивымъ документамъ, продиктованнымъ самой жизнью?!.

Мнѣ кажется, что я достаточно освѣтилъ тѣ сложные нерѣдко типы, нуждающіеся въ особомъ къ нимъ вниманіи, которые населяютъ наши гауптвахты. А о подобномъ попеченіи здѣсь и помину нѣтъ... Можно-ли представить себѣ, однако ихъ нравственныя пытки?!.

Нельзя обойти молчаніемъ и то обстоятельство, что нерѣдко подолгу живутъ здѣсь даже душевно-больные, особенно больные съ тихимъ настроеніемъ. Подобные случаи при нравственномъ состояніи нашихъ гауптвахтъ, вполнѣ возможны. Лично я ихъ зналъ немало.

Помню одного солдатика, о которомъ я производилъ слѣдствіе: онъ кастрировалъ себя ночью въ казармѣ и мнѣ предложено было привлечь его къ отвѣтственности за члено-вредительство съ цѣлью уклоненія отъ службы. Самого-же его, для примѣра другимъ, водрузили подъ арестъ.

Пролежавъ въ госпиталѣ, оправившись, больной и поступилъ, затѣмъ, на главную гауптвахту.

Я сталъ, при посѣщеніи послѣдней, наблюдать за нимъ исподволь и мое первоначальное убѣжденіе въ томъ, что я имѣю дѣло со скопцомъ-изувѣромъ, смѣнилось выводомъ, что передо мной несомнѣнно душевно-больной.

Трудно себѣ представить болѣе кроткое, набожное, безобидное, покорное всякой чужой волѣ, затаившееся въ себѣ, ни на что не жалующееся, симпатичное существо, какъ этотъ новобранецъ. Все, бывало, улыбается загадочной улыбкой, ищетъ уединеннаго уголка въ камерѣ и молчитъ, молчитъ...

Арестованные его очень полюбили и не давали его въ обиду, на глумленіе испорченнымъ элементамъ гауптвахты...

Мнѣ удалось, собравъ на слѣдствіи матеріалъ о прошломъ несчастнаго, направить дѣло—въ смыслѣ освидѣтельствованія умственныхъ его способностей.

Однако, отправленный на испытаніе въ психіатрическую лѣчебницу, мой „кліентъ“ тамъ повѣсился—во время прогулки...

До сихъ поръ не могу безъ слезъ вспоминать о немъ, этомъ загадочномъ мученикѣ, томившемся напрасно на гауптвахтѣ...

А вотъ еще случай изъ моей военно-гауптвахтной практики, ярко характеризующій, какіе сложные, подчасъ и вредные для арміи типы могутъ населять иногда наши гауптвахты, безконтрольно сѣя тамъ смуту въ умахъ и сердцахъ товарищей по заключенію...

Помню одно дѣло, попавшее мнѣ на ревизію изъ полкового суда, такъ какъ оно окончилось присужденіемъ обвиняемаго къ заключенію въ дисциплинарномъ баталіонѣ, а такія дѣла, для провѣрки правильности приговора, направлялись, по закону, въ военно-прокурорскій надзоръ.

Нарочно не хочу я называть ни фамиліи осужденнаго, ни времени, когда я, по подлинному производству, впервые ознакомился съ его судьбою.

Для удобства-же изложенія, пусть это будетъ для всѣхъ молодой солдатъ Ивановъ.

Вотъ сокращенный разсказъ этого Иванова о томъ, какъ, почему дошелъ онъ до отрицанія основъ военной службы,—отказавшись отъ принесенія присяги, не пожелавъ брать въ руки оружія, произносить нѣкоторыя молитвы и т. п.

По словамъ этого Иванова, сумбурно ссылавшагося на Евангеліе, Евангеліе сталъ онъ читать еще въ школѣ, но „разумѣть“ его началъ лишь недавно, провожая старшаго брата на службу въ ратники и, при этомъ, повстрѣчавшись въ вагонѣ съ какимъ-то „книгоношей“. Замѣтивъ, что онъ, Ивановъ, читаетъ Евангеліе, книгоноша подошелъ къ нему и сказалъ: „Знаешь-ли ты, что здѣсь написано?! Вотъ смотри и читай!“ И онъ показалъ Иванову слова: „Вѣрующій во Христа имѣетъ жизнь вѣчную“. Съ тѣхъ поръ у Иванова, по признанію его, точно раскрылись глаза; онъ сталъ вчитываться, вдумываться въ Евангеліе и, наконецъ, началъ „разумѣть“,—какъ онъ выражался въ своемъ показаніи,—„все то, за что его теперь притѣсняютъ“...

Затѣмъ, осужденный подробно, краснорѣчиво, разсказывалъ о томъ, какъ съ нимъ, съ другими, придерживающимися такихъ-же взглядовъ, пріѣзжалъ спорить, однако безуспѣшно, миссіонеръ-священникъ, назвавъ ихъ „штундистами“, какъ иконы, бывшія въ хатѣ у родителей его, Иванова, забрали дѣдъ и бабка, какъ самъ онъ посѣщаетъ церковь, но боится причащаться, не будучи увѣренъ, достоинъ-ли онъ; что когда онъ пришелъ для выясненія своихъ сомнѣній къ своему священнику, то тотъ прогналъ его и т. п.

Хотя въ то время я былъ уже знакомъ лично съ гр. Л. Н. Толстымъ, но съ „толстовцами“ изъ народа никогда еще до того близко не встрѣчался. Въ данномъ-же случаѣ меня поразила непоколеби-

мость настроенія Иванова, его жажда лучше пострадать, чѣмъ поступиться хоть пустякомъ въ сферѣ своихъ вѣрованій и тѣмъ, по его мнѣнію, погубить навсегда свою душу. Что-то дѣтски-наивное, хотя и искреннее, трогательное подкупало меня въ этомъ упорствѣ.

„А, если тутъ—дѣйствительно глубоко вѣрующій, но вѣрующій по своему, жаждущій до конца, блаженно пострадать за свою вѣру?“ думалъ я: „Пусть законъ совершитъ свое дѣло... Суевѣра осудилъ судъ... Но кто мѣшаетъ мнѣ помочь заблудшему, тамъ, гдѣ кончается этотъ законъ и вправѣ начинать свою миссію милосердіе“!..

Этотъ, невѣдомый мнѣ, Ивановъ надолго отравилъ покой моей совѣсти...

Изъ дѣла было видно, что въ части войскъ, куда былъ онъ принятъ на службу, всѣми способами пробовали бороться съ нимъ, путемъ собесѣдованій, усовѣщеваній, и строевое начальство, и военный священникъ, но ничего съ упорствующимъ сдѣлать не могли: онъ стоялъ на своемъ и добродушная кротость его, видимо, всѣхъ обезоруживала, тѣмъ-болѣе, что онъ соглашался дѣлать самую черную, тяжелую работу, лишь бы не понуждали его служить въ строю.

Соблазнъ для службы, конечно, получался громадный—въ видѣ дурного примѣра для остальныхъ строевыхъ нижнихъ чиновъ, честно исполняющихъ присягу и свои служебныя обязанности.

Отпустить такого субъекта изъ строя тоже было нельзя. Еще опаснѣй было оставлять его въ части.

И вотъ, откинувъ религіозные и иные мотивы, положенные въ данномъ случаѣ въ основу отрицанія догматовъ военной службы и православія, Иванова судили въ судѣ той части, гдѣ онъ былъ, за неисполненіе лишь приказанія начальства и присудили къ отдачѣ въ дисциплинарный баталіонъ, насколько помню, на три года.

Осужденіе было сурово, но съ точки зрѣнія воинскаго быта, правильно, логично.

Прочтя дѣло, я убѣдился, что и самый приговоръ былъ постановленъ правильно, безъ ошибокъ, съ точнымъ примѣненіемъ закона. Его слѣдовало утвердить,—привести въ исполненіе. Въ такомъ именно смыслѣ я и высказался—оффиціально, по долгу службы.

Такимъ образомъ, мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ забыть про самое дѣло, про судьбу этого неизвѣстнаго мнѣ нижняго чина, отойдя отъ нихъ, и успокоиться на сознаніи, что иного выхода, какъ тотъ, къ которому пришли полковой судъ, строевое начальство, въ данномъ случаѣ, не представлялось...

Но мнѣ, по-прежнему, не давалъ, однако, покоя этотъ Ивановъ, какъ „человѣкъ“, хотя и заблуждающійся, и бродящій въ сумеркахъ вѣры, но все-же, съ его личной точки зрѣнія, пострадавшій напрасно, а, главное, несущій всякаго рода гоненія, испытанія изъ-за „Христа“, изъ-за Его завѣтовъ, какъ онъ, Ивановъ ихъ понималъ и исповѣдывалъ.

Мнѣ ясно представился, въ то-же время, этотъ новобранецъ, попавшій въ среду, грубо, безпощадно разбивавшую его вѣрованія, и, быть можетъ, горящій счастьемъ открытаго протеста, открытаго страданія за свою вѣру, за свои убѣжденія, въ казематѣ вонючей, лишен-

ной даже иконы, гауптвахты, съ прелестями которой я хорошо, близко уже былъ знакомъ по одной изъ командировокъ съ временнымъ военнымъ судомъ еще въ положенiи защитника.

Въ головѣ моей, само собою, сложилось сравненiе Иванова съ Толстымъ. Толстой всю жизнь жаждалъ страданiя до тюрьмы и оковъ включительно за свои убѣжденiя и мучился сознанiемъ, что его щадятъ, игнорируютъ. А Ивановъ достигъ этого идеала и долженъ быть, опять-таки, по своему, счастливымъ.

Изреченiями изъ Священнаго Писанiя, текстами и бесѣдами „батюшки", да мѣрами принужденiя, приговорами, самыми безпощадными, ничего не подѣлаешь въ подобной, интимной, духовной сферѣ, гдѣ все зависитъ отъ настроенiя, отъ жажды подвига и темноты непросвѣщенiя...

Съ другой стороны, я приходилъ въ ужасъ отъ одной мысли, что этотъ-же Ивановъ, послѣ мнѣнiя моего о правильности вынесеннаго ему приговора, неминуемо попадетъ въ N-й дисциплинарный баталiонъ, гдѣ начальствовалъ не человѣкъ, а „звѣрь" въ военномъ мундирѣ, который и начнетъ, по обычаю своему, пороть Иванова и, вмѣсто нравственнаго на него влiянiя, выколачивать изъ него его завѣтную „вѣру".

Мнѣ хорошо были извѣстны и обычаи этого дисциплинарнаго баталiона.

Я дошелъ до того, въ моей жалости къ заблудшему сектанту, что почему-то представлялъ даже себѣ его наружность: блондинъ, съ жидкой бородкой, съ впавшей грудью, съ голубыми, кроткими глазами и растерянной, блуждающей по лицу улыбкой, за которой чувствуется, однако, желѣзное упорство закоренѣлаго фанатика.

Надо было спасать, во что-бы то ни стало этого Иванова и отъ воздѣйствiя начальника дисциплинарной части, и отъ суровости гауптвахтнаго, батальоннаго режима, но спасать такъ, чтобы это вмѣшательство не имѣло-бы вида давленiя—въ смыслѣ ослабленiя дѣйствiя покаравшаго закона.

Мнѣ было ясно, что исполнивъ честно свою обязанность, какъ помощникъ военнаго прокурора, контролировавшiй правильность приговора, я не совершу преступленiя, если буду слѣдить, какъ частный человѣкъ, за дальнѣйшей судьбою Иванова, какъ человѣка-же, и кто знаетъ,—можетъ быть успѣю спасти его, протянуть ему руку помощи, въ ту самую минуту, когда онъ, поколебавшись въ своихъ вѣрованiяхъ и заблужденiяхъ, пожелаетъ, вернуться еще на путь исполненiя долга гражданина и военно-служащаго.

Такъ какъ въ городъ, гдѣ все еще сидѣлъ на гауптвахтѣ Ивановъ, ѣхала очередная командировка временнаго военнаго суда, то я убѣдилъ военнаго защитника, человѣка твердыхъ религiозныхъ, въ духѣ православiя, убѣжденiй, розыскать упорствующаго, и, если возможно, разбить его ереси—въ собесѣдованiяхъ съ нимъ.

Скоро я получилъ извѣстiе отъ сослуживца, о томъ,что Ивановъ твердъ и непоколебимъ; что его нисколько не пугаетъ не минуемая перспектива заключенiя въ суровомъ дисциплинарномъ баталiонѣ...

Узнавъ, затѣмъ, что осужденнаго, вслѣдъ за приведеніемъ въ исполненіе приговора, отправили въ N—й баталіонъ, я немедленно-же вошелъ въ переписку съ женой мѣстнаго коменданта, моей знакомой, прекрасной, русской женщиной, умоляя ее предотвратить возможность выбиванія розгами изъ души упорствующаго его завѣтныхъ религіозныхъ убѣжденій.

Я нашелъ здѣсь сочувственный откликъ, а впослѣдствіи встрѣтившись со „звѣремъ", знавшимъ про мое нежданное вмѣшательство, имѣлъ счастье видѣть ярость его при воспоминаніи о томъ, какъ вліятельное участіе супруги коменданта, сославшейся на мои письма, парализовало въ данномъ случаѣ примѣненіе излюбленныхъ способовъ дисциплинарно-педагогическаго воздѣйствія на заключенныхъ.

Пока происходила переписка моя объ Ивановѣ съ благородной, доброй женщиной, раздѣлявшей вполнѣ мои взгляды, пребываніе Иванова въ дисциплинарномъ баталіонѣ, какъ и тутъ развращавшее другихъ и нарушавшее порядокъ части, стало, конечно, невозможнымъ.

Въ результатѣ онъ сосланъ былъ въ Якутскую область...

Я сталъ участливо слѣдить за нимъ по пути слѣдованія этапа, все въ той-же робкой надеждѣ протянуть ему руку помощи въ моментъ появленія въ душѣ его раскаянія, колебаній, сознанія необходимости пойти иной дорогою. Я облегчалъ участь его въ дорогѣ хоть въ матеріальномъ отношеніи.

Не буду осложнять содержаніе настоящей книги моей сообщеніемъ о томъ, какъ, черезъ кого, наконецъ, добился я справки о томъ, куда окончательно водворили Иванова на жительство.

Скажу только, что, къ изумленію моему, во время переписки моей съ Л. Н. Толстымъ, случайно узналъ, я о томъ, что и великій сектантъ интересуется судьбою того-же Иванова, но съ какихъ поръ—неизвѣстно.

Я хорошо понималъ, послѣ моего пребыванія въ Ясной Полянѣ, что наши интересы тутъ не сходятся: мнѣ грезилось вернуть заблудшаго къ обще-народнымъ вѣрованіямъ, къ обще-государственнымъ обязанностямъ; Толстой-же (хотя онъ и не писалъ мнѣ о томъ) несомнѣнно старался поддержать въ осужденномъ его еретическое упорство, тоже въ надеждѣ, по своему, спасти его совѣсть.

Тѣмъ не менѣе оба мы, въ концѣ концовъ, сошлись съ величайшимъ гуманистомъ нашего времени на справедливомъ сознаніи, что нельзя-же допустить человѣка, какъ „человѣка", замерзнуть, умереть съ голоду въ дикой, ледяной трущобѣ, находившейся, какъ мнѣ писали, въ 300-хъ верстахъ отъ Якутска...

И вотъ съ помощью Толстого, сталъ я помогать денежно гибнущему ближнему, никогда и не подозрѣвавшему о моемъ вмѣшательтельствѣ, получая время отъ времени свѣдѣнія о томъ, какъ улучшалось постепенно матеріальное положеніе Иванова въ мѣстѣ его ссылки...

Дальнѣйшая судьба этого сектанта мнѣ неизвѣстна...

Чѣмъ закончились его исканія истины? Гдѣ онъ? На чемъ оборвалась связь его съ Толстымъ?..

Фактъ-же этотъ я привожу здѣсь, конечно, не для восхваленія моего поступка, въ сущности, самаго зауряднаго, а лишь для того, чтобы указать на время, съ котораго я убѣдился окончательно въ томъ, что среди населенія нашихъ гауптвахтъ, по условіямъ переживаемой нами эпохи, стали попадаться и натуры нѣжныя, чуткія, хрупкія, являющіяся въ то-же время несомнѣнной опасностью, нравственною заразой для остальныхъ, содержащихся на гауптвахтахъ нижнихъ чиновъ, которыхъ надлежитъ воспитывать въ духѣ вѣры, дисциплины, присяги.

Можно себѣ представить ту развращающую атмосферу, которую создавалъ вокругъ себя, среди сотоварищей по заключенію, хотя-бы этотъ Ивановъ, человѣкъ, нежелающій подчиняться закону и которому ничто не могло мѣшать продолжать здѣсь, на гауптвахтѣ, свою проповѣдь отрицанія основъ военной службы...

Даже ужасы гауптвахтнаго быта создавали ему, вѣроятно, лишь ореолъ мученичества за правду, за вѣру, за Христа, еще болѣе вліяя въ отрицательномъ направленіи на окружающихъ...

Дальнѣйшая моя практика въ дѣлѣ сношенія съ русскими гауптвахтами показала мнѣ, что типы въ родѣ упоминаемаго Иванова стали здѣсь почти обычнымъ явленіемъ и оказываютъ безпрепятственно свое растлѣвающее вліяніе на слабохарактерныя, молодыя, неустановившіеся еще натуры нижнихъ чиновъ, заключенныхъ, преобладающія, какъ я уже это подчеркивалъ выше, на гауптвахтахъ, тѣмъ болѣе, что не всякій сектантъ открываетъ свои карты начальству, а большинство изъ нихъ дѣйствуетъ изподтишка, медленно заражая и отравляя окружающихъ...

И кто исчислитъ весь вредъ, приносимый подобными явленіями гауптвахтной дѣйствительности!!.

Мы видѣли уже, что подобная пропаганда, при существующихъ на гауптвахтахъ порядкахъ и уставѣ гарнизонной службы, вполнѣ возможна и даже неотвратима...

Не разъ случалось мнѣ, при опросахъ заключенныхъ въ общихъ камерахъ, за что они сидятъ, встрѣчать конфузливое молчаніе опрашиваемыхъ, а то и наглый вызывающій взглядъ ихъ, и веселый смѣхъ или двусмысленныя улыбки остальныхъ заключенныхъ.

Это, конечно, заставляло меня углубляться въ біографіи отмалчивавшихся.

Оказывалось обыкновенно, при этомъ, что передо мною былъ, то казакъ-денщикъ, растлившій ввѣреннаго его попеченію ребенка, то кавалеристъ, жившій съ кобылой, то представители другихъ половыхъ извращеній.

Нужны-ли доказательства къ тому, на сколько появленіе подобныхъ ненормальныхъ субъектовъ опасно среди молодежи, изъ нижнихъ чиновъ, на гауптвахтахъ, при отсутствіи контроля (да и невозможностью его) за внутреннимъ бытомъ общихъ камеръ и при чисто лишь уставномъ, наружномъ, окарауливающемъ отношеніи карауловъ?..

Нерѣдко бывшій начальникъ, образцовый унтеръ-офицеръ, по несчастію угодившій подъ стражу, оказывался въ одной камерѣ со

своимъ-же подчиненнымъ, рядовымъ, наглымъ мерзавцемъ, и очутившись на равномъ съ нимъ положенiи, терпѣлъ отъ него на гауптвахтѣ, безъ возможности отстоять свое служебное и человѣческое достоинство, всякiя оскорбленiя, проходившiя безнаказанно для обидчика, благодаря гауптвахтнымъ порядкамъ.

Здѣсь, по общимъ камерамъ, находилъ я и соучастниковъ по одному и тому-же преступленiю, отрицавшихъ, однако, свою виновность, которыхъ сама логика заставляла держать въ разобщенiи, и заклятыхъ враговъ, попавшихъ подъ судъ по взаимному другъ на друга доносу, и атеистовъ рядомъ съ искренно-вѣрующими, и звѣрскихъ, мрачныхъ убiйцъ вмѣстѣ съ типами кроткими, беззлобными, ждущими лишь любовнаго, братскаго къ нимъ прикосновенiя, для того, чтобы раскрыть довѣрчиво свои, неиспорченныя еще, души...

Но я не буду приводить о знакомствѣ моемъ со всѣми этими противоположностями русской гауптвахты подробности: и безъ того книга моя, помимо воли моей, получила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слишкомъ субъективный характеръ...

Идите сами на гауптвахту и знакомьтесь!

Впрочемъ, если вы забредете на иную гауптвахту, напримѣръ, въ яркiй, солнечный день и только этимъ однимъ разомъ ограничите ваши соприкосновенiя съ мiромъ гауптвахтныхъ насельниковъ, а не обратите эти визиты въ привычку, въ обычай, то у васъ, пожалуй, чего добраго останется, въ общемъ, даже прiятное впечатлѣнiе...

Въ открытыя окна, изъ-за рѣшотокъ, врываются въ камеру свѣжiй воздухъ, веселое чириканье воробьевъ, шумъ улицы, лучи солнца. Пятна сырости обсушены солнечнымъ тепломъ. Обычнаго тюремнаго запаха какъ-бы не чувствуется. Клопы спрятались по щелямъ стѣнъ и наръ—въ ожиданiи благодатной для нихъ ночи. Лица узниковъ не имѣютъ обычнаго сѣро-желтаго, болѣзненнаго оттѣнка. Отвѣты ихъ вамъ вѣжливы, бодры. Рваная мундирная одежда сброшена съ плечъ. Если и бросаются вамъ кое-гдѣ въ глаза босыя ноги, то это легко объясняете вы себѣ лѣтнимъ временемъ...

Чистенько одѣтые чины караула, сторожъ на гауптвахтѣ, конечно, не позволятъ себѣ при васъ какихъ-либо грубыхъ выходокъ въ отношенiи узниковъ.

Если заранѣе знали о вашемъ посѣщенiи, то предварительно всюду отворили окна, помыли полы, посыпали ихъ пескомъ...

Даже, благодаря принятымъ мѣрамъ, отхожее мѣсто, составленныя тамъ ночныя параши, точно изъ уваженiя къ вамъ, не такъ ужъ отвратительно пахнутъ...

Такъ какъ вы здѣсь гость случайный, то никакихъ жалобъ отъ узниковъ на комендантское управленiе, на караулы, на свою судьбу, никакихъ просьбъ, претензiй вы, само собою разумѣется, не услышите. Караулы тоже не сочтутъ нужнымъ посвящать васъ въ язвы гауптвахтной дѣйствительности.

Быть можетъ, изъ того-же уваженiя, вниманiя къ вамъ (или изъ предосторожности, чтобы „арестанты“ не разболтали вамъ лишнее?) васъ всюду, по гауптвахтѣ, сопровождаетъ самъ комендантъ или

адъютантъ комендантскаго управленія, какой-нибудь чистенькій, беззаботный, веселый, какъ птичка полевая, недалекій поручикъ...

Въ такомъ случаѣ, многое еще болѣе прибавится въ смыслѣ общаго, если не совсѣмъ пріятнаго, то все же сноснаго, впечатлѣнія.

И, выходя съ гауптвахты, въ благодушномъ настроеніи, довольные все-же, что вы—за порогомъ темницы, въ тайникахъ души своей, вы, пожалуй, повторите, вслѣдъ за комендантомъ: „Конечно, казна скупа: отпуски малы, до нищенства... Ну, а, если вдуматься хорошенько... То, право... Чего-же болѣе желать для преступниковъ?.. Дѣлается, что возможно".

И добавите, отъ себя: „Бѣдный Комендантъ! Каково-то ему справляться съ такой разношерстной, уголовной, опасной для общества, арміей?!."

Вамъ припоминается, при этомъ, въ одной изъ общихъ камеръ прирученный узниками воробушекъ, беззаботно скачущій по нарамъ и клюющій крошки чернаго, ароматнаго хлѣба, лежащаго по разнымъ мѣстамъ помѣщенія, и то, какъ добродушный старый комендантъ,—въ вашемъ присутствіи, не обращая вниманія на противоуставной табакъ, столь отечески, словно воркуя, бесѣдующій съ узниками, пользующимися удобнымъ случаемъ для заявленій,—едва обратили вы вниманіе на эту идиллическую подробность, т. е. на птичку, самъ подбрасывалъ кусочки хлѣба пернатому узнику.

А солнце потоками своихъ лучей наводняетъ камеру, и часовой за окномъ, бодрый, молодцеватый и тоже какъ-бы нечуждый радостямъ лѣтняго яркаго дня, кажется вамъ уже лишь необходимой, красивой обстановкою картины.

„Да, есть на свѣтѣ—еще добрые, сердечные люди" продолжаете вы разсуждать, все переживая новыя свои впечатлѣнія: „Много надо терпѣнія, любви и подвижничества, чтобы изо дня въ день имѣть дѣло съ этими... съ этими грязными отбросами арміи"...

И вотъ самимъ вамъ уже кажется, что, посѣтивъ узниковъ въ ихъ темницѣ, вы точно сдѣлали какое-то дѣйствительно хорошее, богоугодное, чуть не великое, культурное дѣло...

Вамъ померещится — возможность чуть не сыновно-отеческихъ, патріархальныхъ отношеній на гауптвахтѣ между начальствомъ—тюремщиками и подчиненными—узниками.

А самый гауптвахтный вопросъ, по поводу котораго вамъ рисовались ранѣе ужасы, представится вамъ принадлежащимъ несомнѣнно къ разряду тѣхъ „проклятыхъ" вопросовъ общественнаго порядка, которые, кажется, суждено встрѣчать въ одной лишь Россіи, когда, порой, въ сущности всѣ правы и всѣ виноваты, а, въ результатѣ страдаетъ, Богъ вѣсть за чьи грѣхи, „обыватель"...

Не то, совершенно не то впечатлѣніе получится, если вамъ удастся обратиться въ посѣтителя главной гауптвахты постояннаго, при томъ съ опредѣленной программою, которая волей—неволей, а ставитъ ребромъ всѣ главнѣйшіе вопросы гауптвахтнаго быта, вскрываетъ ихъ скрытые нарывы и вопіетъ о немедленномъ, разумно-попечительномъ, любовно-осторожномъ, умѣломъ врачеваніи.

Вотъ къ вамъ уже привыкли, словно къ какому-то неизбѣжному злу, съ которымъ приходится считаться,—и караулы, и комендантское управленіе, хорошо понимающіе, что при вашемъ любопытствѣ и необходимости впускать васъ въ казематы, по приказу свыше, иногда даже одного, безъ начальства, и такъ вѣчно обремененнаго всякаго рода заботами, какъ говорится, „шила въ мѣшкѣ не утаишь", т. е. не скроешь безпорядковъ и беззаконій, въ надеждѣ на вашу порядочность, на то, что вы не захотите обличать, заваривать исторію, хотя-бы ужъ изъ боязни потерять данное вамъ изъ милости, вопреки уставу, право посѣщать гауптвахту...

И тогда-то, только тогда, прежде всего бросится вамъ въ глаза, что передъ вами два, другъ друга ненавидящіе, другъ другу недовѣряющіе, находящіеся, поэтому, въ постоянной, упорной, ожесточенной борьбѣ, лагеря—начальство, въ вѣдѣніи котораго находится данная гауптвахта—съ одной стороны, и узники—съ другой; что эта борьба ведется зачастую на почвѣ такихъ азбучныхъ мелочей жизни, о которыхъ на свободѣ никто-бы и говорить не сталъ, при томъ раздражительно, не безъ чувства мести.

И совершенно иной видъ имѣетъ та-же общая камера въ какой-либо ненастный, холодный, осенній или зимній, день, особенно по вечерамъ, когда окна наглухо заперты, скудное освѣщеніе скупо озаряетъ неподвижныя фигуры спящихъ въ повалку на нарахъ и одинокія фигуры бодрствующихъ; когда, при входѣ вашемъ, захватитъ вдругъ ваше дыханіе отвратительный букетъ изъ разнаго рода міазмовъ, а вамъ почудится клопъ и вошь, крадущіеся по спящимъ или справляющіе безнаказанно, въ тиши камеры, свой пиръ; когда вамъ представится, до дрожи брезгливости, до ужаса, что съ наступленіемъ полумрака въ камерѣ, при безучастномъ отношеніи часового, бродящаго вдоль длиннаго корридора, среди этихъ молодыхъ людей, полныхъ силъ и жизни, сбитыхъ въ кучу, за рѣшотки, лишенныхъ руководительства религіи и всякаго нравственнаго воздѣйствія, находящихся въ наукѣ у развращенныхъ, постоянныхъ „кадровъ" общихъ камеръ гауптвахты, возможны проявленія самыхъ низменныхъ, грязныхъ животныхъ инстинктовъ, что какой-нибудь сифилитикъ, чахоточный спитъ, быть можетъ, рядомъ со здоровымъ, на матрацѣ и подушкѣ, которые завтра-же, изъ общей кучи, пойдутъ на нужды здороваго нижняго чина...

А если вы человѣкъ, съ мало-мальски живымъ, чуткимъ воображеніемъ, то не почудятся-ли вамъ, въ зловоніи и сумракѣ сонной камеры, подавленный стонъ, бредъ, сдержанный плачъ, оборванное на полу-словѣ проклятіе заключеннаго, по ошибкѣ начальства, приговора, напрасно несущаго каторгу гауптвахты?!.

Быть можетъ, во время одного изъ такихъ нежданныхъ ночныхъ посѣщеній гауптвахты, васъ поразила-бы кучка неспящихъ, о чемъ-то шепчущихся между собою, заключенныхъ, за которыми, въ дверное окошечко, зорко наблюдаетъ уже часовой...

Повѣрьте моимъ наблюденіямъ: въ этой мирной сценѣ нѣтъ ничего утѣшительнаго, такъ какъ тутъ или обдумывается побѣгъ, или ведутся бесѣды на темы перемыванія костей начальству, или хва-

стливые, циничные разсказы „кадровъ“ гауптвахты о былыхъ похожденiяхъ и подробностяхъ совершенныхъ преступленiй...

Это своего рода тайная, тюремная школа, куда понемногу, благодаря бездѣльничанью, слабости натуръ, товариществу, вербуются и неиспорченные еще, чистые элементы общихъ камеръ,—школа, непредусмотрѣнная никакими уставами, но гдѣ зарождаются и будущiя новыя преступленiя, и будущiе новые преступники...

Такъ какъ о Богѣ, объ иконахъ, о храмѣ Божiемъ, о водворенiи нравственныхъ началъ, о преданiяхъ объ истинныхъ герояхъ человѣчества, о народныхъ богоносителяхъ, подвижникахъ и т. п. примѣрахъ обще-принятой государственной, христiанской морали на нашихъ главныхъ гауптвахтахъ никто не заботится, а человѣкъ, особенно русскiй, не можетъ жить безъ всего этого духовнаго мiра, то надо-ли удивляться тому, что „кадры“ гауптвахтъ создаютъ около себя свой особый мiръ героевъ преступности, свое капище, гдѣ царятъ безчисленные, языческiе божества—развратъ, обманъ, попранiе всего священнаго и т. п.?!.

Итакъ вездѣ, на всемъ пространствѣ Россiи—потому что всюду царитъ и властвуетъ одинъ и тотъ-же уставъ, опредѣляющiй лишь внѣшнiй, порядокъ, но игнорирующiй солдата, какъ „человѣка“: тѣ-же порядки, тѣ-же типы узниковъ и тотъ-же сплошной ужасъ...

ГЛАВА IV.

Какъ и почему вмѣшался я въ вопросы о судьбѣ гауптвахтъ? Дѣтскія впечатлѣнія Служба въ строю. Военно-Юридическая Академія, какъ дорого стоющій тепличный мірокъ, какъ выраженное въ формѣ учрежденія пожеланіе гр. Милютина и какъ аномалія по сравненію съ дѣйствительной жизнью военно-судебнаго вѣдомства. Да нужна-ли она? Мои первыя впечатлѣнія въ роли военнаго юриста и первыя разочарованія. Я—въ роли военнаго защитника. В. Н. Герардъ. Печальная судьба военно-судебнаго вѣдомства, ушедшаго отъ Милютинскихъ идеаловъ. Существуетъ-ли подобное вѣдомство?!. Въ упадкѣ Милютинскихъ традицій — главная причина, почему вѣдомство не въ состояніи провести давно назрѣвшей реформы военно-карательныхъ учрежденій Россіи.

Но меня могутъ спросить, почему я, именно я, а ни кто другой, вмѣшался въ гауптвахтный вопросъ, въ силу какихъ побужденій, правъ или обязанностей?

А для того, чтобы удовлетворить, хоть отчасти, это законное, естественное любопытство, мнѣ кажется полезнымъ разсказать коечто изъ личнаго моего прошлаго, начавъ, какъ это ни покажется на первый разъ страннымъ, съ моего ранняго дѣтства...

Меня не пугаетъ то, что повѣствованіе мое по неволѣ будетъ смахивать на исповѣдь: безъ этого многое изъ моей дѣятельности по гауптвахтамъ, стало бы не только непонятнымъ, но подчасъ и прямо невѣроятнымъ.

Принадлежа (по отцу и матери) къ старому дворянскому роду, давшему Россіи, въ прошломъ, нѣсколько поколѣній военныхъ, изъ которыхъ многіе пролили кровь свою и сложили головы за честь и славу Родины, дѣтство свое проведя среди солдатъ, имѣя первой, любимой нянькою денщика моего отца, просуществовавъ, въ дѣтскіе годы, рядомъ съ казармой, неудивительно, что далеко еще до введенія въ Россіи всеобщей воинской повинности, чуть не съ пеленокъ, впиталъ я въ себя любовь, уваженіе къ русскому солдату и интересъ къ его исключительному быту.

Меня наказывали, бывало, въ дѣтствѣ при попыткахъ оскорбить нижняго чина, а убѣжденіе, что иной солдатъ нравственно выше, чище, достойнѣй иного „барчука“, несмотря на темноту свою и бѣдность, явилось лишь прямымъ результатомъ всего моего домашняго воспитанія.

Не скажу, теперь, кто и какъ, по какому поводу, заронилъ во мнѣ, въ дѣтствѣ-же, впервые состраданіе къ „несчастнымъ“, т. е. къ узникамъ. Но помню такую сцену: ребенкомъ, тащу я за руку за собой мою няньку—денщика, чтобы подать „копѣечку“ прошедшей мимо партіи арестантовъ. Мнѣ и страшно ихъ бритыхъ, обезображенныхъ головъ, ихъ суровыхъ физіономій, размѣрнаго звука ихъ тяжелыхъ, блестящихъ цѣпей, и хочется плакать почему-то въ ту минуту, когда моя убогая лепта, робко, неувѣренно опускается въ огру-

бѣлую, грязную руку улыбающагося мнѣ каторжника. Я крещусь послѣ этого: такъ учитъ меня, въ дѣлахъ подаянія, денщикъ, и бѣгу, затѣмъ, разсказать матери о томъ, что сдѣлалъ. А на улицѣ зной и пыль отъ сотенъ ногъ прошедшей арестантской партіи. Надъ удаляющейся толпой каторжниковъ стоитъ своеобразный гулъ сдержанныхъ голосовъ и шаговъ. И все скрывается изъ глазъ, какъ мрачное видѣнье...

Снова не помню, кто, когда, почему, влилъ въ мою дѣтскую головку впервые сомнѣніе, что и между этими, ошельмованными судомъ, заклейменными, исполосованными кнутомъ палача, людьми есть, быть можетъ, и невинно-пострадавшіе и нисколько меня нехудшіе, которымъ Богъ все, давно простилъ; что—за нихъ надо, поэтому, еще усерднѣе молиться... И вотъ въ дѣтскую молитву мою прокрадывались въ тѣ дни не совсѣмъ для меня ясно мотивированныя моленія и объ этихъ невинныхъ „несчастненькихъ", меня столь пугавшихъ...

Помню ужасъ, съ которымъ слушалъ я, бывало, въ дѣтствѣ неоднократно разсказъ бабушки о томъ, какъ, на ея глазахъ, бѣжалъ арестантъ, какъ его поймали и тутъ-же били, били... А онъ плакалъ, просилъ... Бабушка и жалѣла преступника, котораго потянуло „на волю", и сурово находила, что, съ другой стороны, нельзя-же вѣдь „ихъ всѣхъ распустить": тогда и честнымъ людямъ, по словамъ ея, на свѣтѣ нельзя было-бы жить, а конвойные отвѣтили-бы по суду за убѣжавшаго, если-бы его не поймали.

И мнѣ начинало уже казаться, что всѣ эти ужасы жизни почему-то совмѣстимы, что такъ и быть должно... А вотъ помолишься— и „имъ", невѣдомымъ мнѣ страдальцамъ, Богъ пошлетъ утѣшеніе...

Не эти-ли, не другія-ли впечатлѣнія глубокаго дѣтства, легли, затѣмъ, въ основу будущаго, исключительнаго, вниманія моего къ тюрьмамъ, къ ихъ обитателямъ, къ гауптвахтамъ!? Или Богъ создалъ меня такимъ, что я не въ состояніи пройти спокойно, молча мимо несправедливости и чужого страданія...

Не знаю...

Несомнѣнно, однако, что нравственныя основы — состраданія и уваженія къ низшей братіи, къ представителямъ простого народа, вообще, сыграли извѣстную роль въ моей жизни, когда по окончаніи полнаго курса средняго учебнаго заведенія, пошелъ я не по гражданской, а по военной дорогѣ, — т. е. по дорогѣ моихъ предковъ: меня неудержимо тянуло въ казарму; мечтой моей было—послужить сѣрому люду въ военныхъ мундирахъ...

Но самъ я еще, впрочемъ, не отдавалъ себѣ вполнѣ яснаго отчета, въ чемъ-же будетъ, собственно, заключаться, въ грядущемъ, это служеніе, все-ли тамъ, по казармамъ, такіе честные, чистые сердцемъ люди, какимъ, напримѣръ, былъ мой денщикъ - нянька глубокаго дѣтства?..

Первые годы моей службы въ арміи (строй, полковое адъютантство и т. п.) поставили меня, тѣмъ не менѣе, вопреки моимъ наклонностямъ, въ исключительно внѣшнее лишь отношеніе къ казармѣ. Сыграла тутъ, конечно, роль и молодость съ ея увлеченіями, и окру-

жившая меня армейская среда того, сравнительно давняго, времени, съ ея взглядами на службу, нижняго чина и проч.

Правда, если, пользуясь моимъ вліятельнымъ положеніемъ адъютанта при командирѣ полка, энергично принялся я, съ первыхъ-же шаговъ, за искорененіе въ полку „мордобійства" во всѣхъ его видахъ, то, попадая, до того, во время нахожденія въ строю, на гауптвахты, какъ начальникъ караула, я сразу-же поставилъ себя только въ оффиціальное, внѣшнее, уставное отношеніе къ этимъ послѣднимъ.

На глазахъ моихъ, на эти гауптвахты, выбрасывались изъ казармъ чуть не ежедневно нежелательные, вредные для службы, элементы; тѣ-же элементы я встрѣчалъ уже позднѣе за рѣшотками, подъ опекой ввѣреннаго мнѣ по службѣ, по закону, караула. Самому мнѣ приходилось производить дознаніе и, такъ сказать, участвовать въ процессѣ этого механическаго выбрасыванія.

Но никакая психологія не волновала въ тѣ дни мою молодую, мятущуюся душу. Долго я не могъ связать моихъ дѣтскихъ воспоминаній о „несчастненькихъ" съ бытомъ гауптвахтныхъ узниковъ, увидѣть, что и здѣсь тѣ-же „несчастные", а, благотворя, по-дѣтски, непрактично, нуждающимся нижнимъ чинамъ строя, моимъ непосредственнымъ подчиненнымъ, я не могъ додуматься, что куда какъ болѣе нуждаются тѣ, кто томится не въ благодатной обстановкѣ казармы, а за рѣшотками главной, полковой гауптвахтъ; что и здѣсь сидятъ люди, созданные какъ и я, изъ плоти и духа, не менѣе меня лелѣющіе мечту о земномъ счастьѣ, о свободѣ, о Божьей правдѣ на землѣ,—по своему ими понимаемыхъ...

Передо мной мелькали безконечной чередою, не „братья" по земной юдоли, съ ихъ горемъ, съ ихъ нуждами, страданіями и надеждами, а сотни невѣдомыхъ мнѣ, по прошлому и духовному ихъ настоящему, часто несимпатичныхъ по наружности, всегда неряшливыхъ, оборванныхъ, грубыхъ, неотесанныхъ, раздраженныхъ „Ивановыхъ" и „Петровыхъ", проступки которыхъ вѣдаетъ ихъ начальство, но которыхъ, въ силу того или другого § устава о службѣ въ гарнизонѣ, надо поставить въ невозможность побѣга, дѣланія вреда другимъ.

Въ голову мнѣ не приходило, въ тѣ дни, какъ много пользы можно было-бы принести, даже въ скромной роли субалтернъ-офицера, при томъ нисколько не нарушая закона и устава, именно здѣсь, на гауптвахтѣ, всѣмъ этимъ узникамъ.

Помню періодъ оффиціальныхъ сношеній моихъ съ гауптвахтою, когда во мнѣ, подъ вліяніемъ офицерской среды и устава гарнизонной службы, совершенно игнорирующаго нравственную сторону быта арестованныхъ нижнихъ чиновъ, выработалось какъ-бы огульное предубѣжденіе противъ „военныхъ арестантовъ", (такъ звалъ я ихъ вслѣдъ за товарищами по службѣ), а, вмѣстѣ съ тѣмъ, росли какъ-бы боязнь ихъ, принципіальное недовѣріе къ нимъ, ожиданіе съ ихъ стороны возможнаго насилія, оскорбленія, неумѣстной выходки, которыя уронили-бы офицерское мое достоинство... Въ душѣ моей накоплялось постепенно нѣчто даже враждебное къ этому сборному, без-

покойному, одичавшему, вѣчно недовольному, какъ мнѣ казалось, завѣдомо преступному, порочному элементу, каждую минуту замышляющему упорхнуть изъ казенной клѣтки на свободу и тѣмъ подвести меня, какъ начальника караула...

Я не былъ золъ и тѣмъ болѣе жестокъ. Нѣтъ!.. Но атрофія чувствъ состраданія, милосердія, сознанія чужого горя, привитыхъ мнѣ съ дѣтства, была какимъ-то временнымъ помраченіемъ моего неустановившагося разсудка.

И теперь неяснымъ представляется мнѣ тогдашнее мое душевное состояніе; самъ любя жизнь съ ея наслажденіями и борьбою, я какъ-бы не понималъ, что также вѣдь любятъ ее и тѣ, кто сидитъ за рѣшотками ...

Отъ полнаго нравственнаго одичанія, къ счастью, спасла меня Военно-Юридическая Академія, куда я и поступилъ въ 1885 году, прямо съ привиллегированной, видной должности полкового адъютанта.

Только добросовѣстное прохожденіе академическаго курса и служба, затѣмъ, въ первое время, въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, открыли для меня вновь того „человѣка" подъ сѣрой, казенной шинелью, въ груди котораго бьется такое-же, какъ у меня, сердце, человѣка, котораго я знавалъ въ дѣтствѣ, когда поочереди нянчили меня, носили на рукахъ и забавляли нижніе чины батареи, гдѣ служилъ мой отецъ.

Онѣ-же—Академія и служба военнаго юриста—эти путеводные маяки моей бурной, боевой жизни дали мнѣ правильное понятіе о томъ населеніи, которое скрывается отъ остального, счастливаго, свободнаго міра подъ сводами гауптвахтъ, привели меня естественнымъ путемъ къ борьбѣ за судьбу послѣднихъ...

Впрочемъ, такая духовная метаморфоза произошла во мнѣ не сразу; далась мнѣ она нелегко, не безъ столкновеній съ окружающимъ, не безъ борьбы съ самимъ собою...

И вотъ въ силу какихъ обстоятельствъ.

Военно-Юридическая Академія нежданно развернула передо мною, въ рядѣ отвлеченныхъ наукъ, ученіе о преступленіи, о преступникѣ, какъ „обще-человѣкѣ", въ которомъ неугасимо, неустанно живетъ духъ Божій, познакомила меня съ трудами лучшихъ людей человѣчества прошлыхъ эпохъ, силы свои и таланты, а порой и всю подвижническую жизнь свою, мечты о личномъ счастьѣ и довольствѣ, отдавшихъ самоотверженно, убѣжденно на спасеніе, на защиту только заблудшихъ, погибающихъ, ищущихъ выхода изъ тенетъ, разставленныхъ имъ пороками общества, вырожденіемъ, роковой наслѣдственностью и. т. п.

Въ то-же время, не сосредоточивая исключительно вниманія моего только на русскомъ „преступникѣ", она, эта Академія, безпощадно указала мнѣ изнанку всякихъ вообще законовъ, тюремъ, наказаній, какъ дѣлъ несовершенныхъ рукъ человѣческихъ; она-же убѣдила меня въ возможности непоправимыхъ, грубыхъ судебныхъ ошибокъ, пристрастныхъ, поспѣшныхъ судебныхъ приговоровъ, ужасъ которыхъ особенно возросталъ по дѣламъ, повлекшимъ за собою

смертныя казни, и въ беззащитности иного подсудимаго, особенно изъ простонародья, подъ ударами судьбы, правосудія, людской несправедливости.

Въ сущности ничего подобнаго въ академическомъ курсѣ не подчеркивалось. Но заработавшая въ головѣ моей мысль сама звала на выводы и сопоставленія...

Настроеніе, вызванное прохожденіемъ академическаго курса, снова совпадало удивительно съ моими дѣтскими впечатлѣніями, кротко, любовно, властно возвращало меня еще разъ къ урокамъ благотворительности моей няньки-денщика, къ разсказамъ матери, бабушки о бытѣ крѣпостныхъ, о подвигахъ и страданіяхъ маленькихъ, незамѣтныхъ, людей съ большимъ горемъ, съ еще бо́льшимъ прощающимъ долготерпѣніемъ..

Къ счастью моему, засталъ я нашу Военно-Юридическую Академію въ полномъ духовномъ, благоухающемъ расцвѣтѣ ея отвлеченно-научной—гуманитарной дѣятельности, послѣдній (третій) курсъ которой говорилъ лишь о спеціальной, военно-судебной дѣйствительности, да и то чисто теоретически, поверхностно...

Первые-же два курса щедро, обдуманно, съ любовью, знакомили насъ, молодое офицерство, только что пребывавшее въ рядахъ войскъ, гдѣ человѣкъ подводится подъ общія, обязательныя мѣрки, гдѣ отдѣльная личность, по неволѣ, тонетъ въ массѣ,—съ духовнымъ „человѣкомъ“, съ наукой о „человѣкѣ“, дерзновенно долженствующей врываться даже въ строй, въ казармы, въ общія, шаблонныя нормы, въ требованія воинскаго порядка и дисциплины...

Если меня потянуло именно въ эту, а не въ иную, Академію, то именно широта, гуманитарность ея программы, совпавшая, въ то-же время, съ моимъ, если не отвращеніемъ, то равнодушіемъ, къ строю, какъ къ шагистикѣ...

Оглядываясь на товарищей моихъ по одному и тому-же курсу, видѣлъ я, что большинство изъ нихъ тоже бѣжало отъ строя, тоже увлеклось много-обѣщающей программою.

И дѣйствительно, переходъ отъ строевой службы къ мирному академическому труду, къ полной свободѣ жизни внѣ стѣнъ Академіи, былъ для всѣхъ насъ, вновь поступившихъ послѣ экзамена, слишкомъ рѣзокъ, чѣмъ-то въ родѣ нежданнаго, блаженнаго откровенія...

Только что, передъ самымъ моимъ поступленіемъ, смерть закрыла вдохновенныя уста профессору Академіи, великому гуманисту и законо-любцу—К. Д. Кавелину, къ которому имѣлъ я рекомендательное письмо (увы! не доставленное по назначенію за его кончиной).

Духъ Кавелина еще жилъ не только въ академическихъ стѣнахъ, но и въ сердцахъ слушателей старшихъ курсовъ, въ остальныхъ профессорахъ и преподавателяхъ; объ усопшемъ еще говорили здѣсь съ дрожью въ голосѣ, съ глазами, увлажненными слезою...

Во главѣ Академіи стоялъ еще П. О. Бобровскій, генералъ генеральнаго штаба, чуждый, однако, спеціальнымъ особенностямъ этого мундира,—человѣкъ науки, совершенно „штатскій,“ ближайшій сотрудникъ другого, незабвеннаго въ лѣтописяхъ военно-су-

дебнаго вѣдомства дѣятеля гр. Д. А. Милютина, сошедшаго къ тому времени уже съ политическо-служебной сцены, но идеалы котораго все еще лежали въ основѣ строго обдуманнаго, огромнаго академическаго курса.

Такой-же „штатскій“ видъ имѣлъ военный элементъ—профессора и завѣдывающій обучащимися въ Академіи слушателями добродушный полковникъ Дебогорій-Мокріевичъ, милый старичекъ, конфузливо относившійся къ подчиненной ему военной молодежи...

Не забытъ еще былъ здѣсь, въ стѣнахъ Академіи, и первый Главный Военный Прокуроръ—статсъ-секретарь Философовъ, какъ извѣстно, столько потрудившійся въ дѣлѣ созданія Академіи.

А составъ гражданскихъ профессоровъ, который засталъ я, при поступленіи, представлялъ изъ себя, за рѣдкими исключеніями, лучшія научныя силы Петербурга, того времени, съ громкими, установившимися научными репутаціями. Достаточно сказать, что надъ моимъ юридическимъ міросозерцаніемъ дружно работали въ тѣ дни такія научныя силы, какъ Сергіевскій, Неклюдовъ, Гольмстенъ, Коркуновъ, Бершадскій и др.

Намъ, слушателямъ, только что проходившимъ подчасъ тяжелую школу строевой и иной муштры, привыкшимъ лишь рабски, безпрекословно исполнять чужія, иногда сумбурныя, самодурныя, приказанія, отвыкшимъ—если можно такъ выразиться—думать и чувствовать самостоятельно, вбивали теперь въ головы и души понятіе о воинскомъ и иномъ законѣ, передъ которымъ всѣ равны, о человѣческихъ обязанностяхъ, которымъ подчинено и начальство, о законахъ вещества и духа, для которыхъ нѣтъ исключеній въ природѣ, даже въ рядахъ строя, даже среди высшаго генералитета, до того казавшагося намъ Олимпомъ, населеннымъ непогрѣшимыми богами, а, главное, о „милости“ къ „падшимъ“, о необходимости, силѣ, значеніи науки, вѣры въ правду, при отправленіи судейскихъ функцій, о милосердіи, справедливости, совѣсти съ точки зрѣнія Божескихъ и обще-человѣческихъ законовъ... Въ насъ нисколько не подрывали дисциплины, любви къ порядку, но какъ-бы все это одухотворяли принципами высшаго значенія.

Скажу проще: мы, слушатели, поступивъ въ Академію, вдругъ стали сознавать себя „людьми“, „гражданами“ своего государства, духо-носителями идей равенства и братства въ арміи, убѣждались, что желѣзная дисциплина нисколько не исключаетъ самодостоинства, уваженія къ чужой личности, вліянія науки, прогресса въ дѣлѣ оздоровленія, если можно такъ выразиться, озаконенія арміи.

И это мы, недавно лишь скромные, никому невѣдомые, забитые офицеры строя, призваны, вступивъ въ ряды военно-судебнаго вѣдомства, внести въ жизнь и бытъ остального офицерства и казармы всевозможныя „права“, „законы“, какъ итогъ долгой, огромной, убѣжденной, страстной, страдальческой работы всего человѣчества, выносившаго ихъ въ вѣковыхъ своихъ блужданіяхъ, исканіяхъ истины и справедливости по отношенію именно къ павшему, отверженному, заблудшему ближнему?!

Просто духъ захватывало отъ подобной перспективы...

На дняхъ еще, на строевой службѣ, какое-либо робкое возраженіе ваше, протестъ, иногда совершенно разумные, закономѣрные, встрѣчали грозные оклики какого-либо полупьянаго армейскаго Держиморды:—„Молчать!“ „Не разсуждать!“ „Не вашего ума дѣло учить!“ и т. п.

А, спустя нѣкоторое время, профессоръ, чуть не европейско-россійская знаменитость, во всякомъ случаѣ недосягаемый для васъ авторитетъ науки, мягко, деликатно, точно боясь обидѣть васъ, на очевидную вашу научную ересь и незнаніе, вами-же, въ тайникахъ души до боли, до конфузливыхъ слезъ, сознаваемыя, говоритъ вамъ на экзаменѣ, какъ равному: „Позвольте, милостивый государь, съ вами... нѣсколько не согласиться... Мнѣ кажется.., извините! Мы смотримъ на одинъ и тотъ-же вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія,“ и т. д.

„Милостивый“-же „государь“, выслушивающій подобную тираду, только краснѣетъ, обливаясь пóтомъ, отъ сознанія своего невѣжества...

Могъ-ли я когда-либо мечтать о томъ, чтобы мнѣ, до того скромному, безвѣстному, армейскому офицеру, въ отвѣтъ на мои сомнѣнія по поводу болѣзни, мѣшавшей вò-время подать заданную тему, разработать ее добросовѣстно, извѣстный профессоръ А. Х. Гольмстенъ писалъ-бы въ лазаретъ Л.-Гв. Коннаго полка, гдѣ я лежалъ, больной тифомъ, слѣдующія благородно-ободряющія, незабвенныя строки:

„Повѣрьте мнѣ, что и безъ предварительнаго испрошенія моего согласія, я ничего не имѣлъ-бы противъ отсрочки. Прошу Васъ объ одномъ: успокойтесь и о дѣлахъ своихъ не думайте! Все устроится наилучшимъ образомъ. Если-бы встрѣтились какія-либо оффиціальныя препятствія къ исполненію Вашего желанія, то найдутся неоффиціальные пути къ устраненію ихъ. Вы сами знаете, что наша Академія мать своихъ слушателей“...

А вотъ, чѣмъ дѣлился со мною, уже по окончаніи мною академическаго курса, не менѣе знаменитый профессоръ С. А. Бершадскій, несмотря на то, что я былъ еще все тотъ-же заурядный офицеръ, хотя и съ академическимъ значкомъ на боку.

Онъ писалъ мнѣ (въ 1893 году), побывавъ въ Вильнѣ:

„Многоуважаемый А. В! Только вчера вечеромъ, до смерти усталымъ, возвратился я въ Петербургъ. Не сѣтуйте поэтому, на меня за то, что раньше не могъ отвѣтить на ваше любезное письмо!

Встрѣча съ вами въ Вильнѣ составила одну изъ самыхъ пріятныхъ минутъ въ моей преподавательской дѣятельности. Говорю это съ тѣмъ бóльшимъ удовольствіемъ, что никогда не могъ надѣяться на такое вознагражденіе за свой скромный трудъ.

Я всегда, подобно большинству моихъ товарищей, не только сознавалъ, но и громко заявлялъ объ этомъ всѣмъ и каждому, что изъ всѣхъ аудиторій, въ которыхъ мнѣ приходилось читать, аудиторія военно-юридической академіи была самою выдающеюся, какъ по вниманію слушателей, такъ и по серьезному ихъ отношенію къ предмету.

Фактъ этотъ тѣмъ болѣе поразителенъ для перваго взгляда, что посѣщеніе лекцій въ академіи обязательно: слѣдовательно ходятъ и обязаны ходить всѣ, а не только желающіе, заинтересованные, какъ, напримѣръ, въ университетѣ.

Но, если пріятно вспоминать о тѣхъ часахъ, которые проводишь въ духовномъ общеніи съ аудиторіей, то во сто кратъ еще пріятнѣе видѣть, какъ мнѣ не разъ приходилось, что живое слово науки остается крѣпкимъ и среди испытаній будничной жизни: честь и слава тѣмъ, кто не только слышалъ и вѣровалъ въ истину, но кто водворилъ ее въ своей душѣ, сдѣлалъ ее частью своего бытія!..

Медленно движется человѣчество отъ безсознательнаго бытія къ разумной, сознательной жизни; но каждый шагъ впередъ, какъ-бы онъ ни былъ малъ, есть работа на пользу человѣчества.

Я не знакомъ въ подробностяхъ съ программами другихъ академій и съ положеніемъ въ нихъ профессоровъ и слушателей; но, на сколько могу судить по извѣстнымъ мнѣ фактамъ, во всѣхъ другихъ академіяхъ преобладаніе техническаго элемента въ самыхъ программахъ должно по необходимости вести къ извѣстной односторонности преподаванія и направленія мыслей у слушателей. Военно-юридическая академія, отводя спеціальнымъ техническимъ дисциплинамъ лишь третью часть своего курса и, полагая въ основаніе этихъ наукъ ученіе о правѣ, обществѣ и государствѣ, о человѣкѣ, какъ индивидуумѣ и какъ части организованнаго единства, мнѣ кажется, даетъ своимъ слушателямъ болѣе широкое гуманитарное образованіе и развитіе, чѣмъ какая-либо другая изъ военныхъ академій. Вѣдь тѣ порицанія, которыя военные люди въ узко-техническомъ смыслѣ ставятъ военно-юридической академіи, показываютъ достаточно ясно на эту особенность гуманитарной программы нашей академіи: она знаетъ не только солдатъ, но знаетъ, кромѣ того, еще и человѣка.

Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что прохожденіе курса любого, даже узко-спеціальнаго техническаго училища, не можетъ остаться безслѣднымъ въ душѣ слушателя, разъ преподаваніе поставлено на надлежащую научную почву: вѣдь прежде чѣмъ учить техникѣ, т. е. искусству, необходимо указать на тѣ законы, которые лежатъ въ основаніи той или другой отрасли искусства. Разъ этого нѣтъ, нѣтъ и высшаго учебнаго заведенія, а будетъ лишь мастерская, гдѣ не учатся изучать, какъ, что и на чемъ основано, а только механически, безсознательно повторяютъ то, что видятъ у себя передъ глазами.

Поэтому-то научное образованіе, даже узко-техническое, будитъ мысль. Но, конечно, огромная разница между исторіей походовъ, осадъ, сраженій и т. п. и исторіей человѣчества, между статистикой, какъ собраніемъ свѣдѣній о пріемахъ собиранія статистическихъ фактовъ, и статистикой, какъ наукой о законахъ общественныхъ и т. п.

Всѣ юридическія науки, различаясь между собою особенностью изслѣдуемаго каждаго изъ нихъ предмета, тѣмъ не менѣе отправляются отъ предположеній и понятій, наиболѣе близкихъ душѣ человѣка—права и нравственности, а слѣдовательно, по необходимости, касаются и основныхъ вопросовъ человѣческаго міросозерцанія. Освѣщая и обособляя свои доктрины фактами исторіи, эти науки должны

по необходимости расширять умственный кругозоръ лица, ихъ изучающаго, поднимать его надъ узко-техническими рамками его спеціальности.

Для того, чтобы знать законы и механически ихъ примѣнять, достаточно одной только памяти; но для того, чтобы понимать законы и прилагать ихъ, по ихъ истинному разуму и смыслу, для этого нужно не только знаніе текстовъ, но и духовное развитіе. А въ этомъ отношеніи военно-юридическая академія, программы которой составляютъ слѣпокъ съ программъ юридическихъ факультетовъ, смѣло можетъ считаться наиболѣе широко отвѣчающею требованіямъ развитія.

Сердечно сожалѣю, что не могъ еще разъ видѣть васъ на вокзалѣ; но у меня были еще кое-какія дѣла въ казначействѣ и канцеляріи суда *) которыя мнѣ помѣшали выѣхать утромъ, какъ я предполагалъ.

Привѣтствуя васъ съ наступающими праздниками, прошу передать мой самый искренній привѣтъ и поклонъ вашей супругѣ.

Искренно васъ уважающій, вашъ С. А. Бершадскій".

Мы увидимъ, изъ дальнѣйшаго изложенія, настоящей книги, на сколько далекъ былъ этотъ увлекающійся, симпатичный идеалистъ отъ дѣйствительности, наивно, до конца дней своихъ, воображая, что его слушатели, выйдя изъ Академіи, будутъ въ состояніи примѣнить когда-либо къ жизни, хоть въ сотой доли, все то, чему учили ихъ знаменитые и незнаменитые профессора.

И, если я привожу это письмо его цѣликомъ, то, какъ горькій упрекъ, какъ осужденіе тому, что ожидало насъ, слушателей, за академическими стѣнами, притомъ немедленно-же, неумолимо...

Но во дни пребыванія въ Академіи, мы, слушатели ея, жили въ томъ-же чаду, въ какомъ преподавалъ намъ этотъ почтенный профессоръ, другіе представители петербургскаго ученаго міра...

Иныя лекціи (напримѣръ, хотя-бы того-же Бершадскаго о переходѣ отъ языческаго міра къ христіанству) являлись, прямо - таки вдохновенными импровизаціями, обращенными какъ-бы къ равнымъ по образованію, по цѣлямъ, стремленіямъ, какъ-бы къ людямъ, которымъ дано все понять, усвоить, все впитать въ души свои и сердца..

Нѣкоторые профессора, не стѣсняясь положеніемъ объ Академіи, откровенно предлагали намъ на выборъ—прослушать въ скомканномъ, конспектномъ видѣ весь курсъ даннаго предмета, или-же обстоятельное изложеніе лишь части курса: это вытекало изъ огромности курса, изъ краткости времени, по неволѣ удѣлявшагося на выполненіе сложной, отвѣтственности программы...

И вотъ, въ теченіи ряда лекцій, напримѣръ, у Неклюдова, вмѣсто сухого перечня законовъ по уголовному праву, мы слушали вдохновенныя, глубоко-логичныя, научно-обоснованныя, увлекательныя импровизаціи на ту или другую обще-юридическую тему.

*) С. А. Бершадскій пріѣзжалъ въ Вильну, вмѣстѣ съ прис. повѣр. В. Н. Герардомъ, въ Судебную Палату, по одному процессу съ ученой подкладкою, въ качествѣ научнаго спеціалиста.

Нечего много распространяться о томъ, на сколько удачно такой методъ чтенія лекцій служилъ дѣлу нашего общаго юридическаго развитія, увлекалъ къ самообразованію, къ дальнѣйшему совершенствованію, на сколько подобное довѣріе поднимало насъ въ собственныхъ нашихъ глазахъ...

Забыть-ли ихъ, этихъ, уже сошедшихъ нынѣ въ могилу, благородныхъ, убѣжденныхъ, свѣтлыхъ руководителей нашихъ, ихъ импровизаціи на захватывающія темы, ихъ стремленіе сдѣлать изъ насъ, выковать „настоящихъ“ юристовъ?!.

Нѣтъ! Никогда, никогда!!.

Боже! Что это были порой за минуты невыразимаго блаженства, откровеній, надеждъ, жажды сейчасъ-же, благодарно, подвижнически пойти за своими руководителями, чтобы принести на дѣлѣ, на службѣ, посильную пользу!

По временамъ духъ захватывало въ пылу предвкушенія этого будущаго счастья—осуществить на землѣ, въ рядахъ славной, русской арміи, законъ, правду, милосердіе...

Въ то-же время вѣрилось и не вѣрилось въ возможность примѣнить къ дѣйствительной жизни, т. е. на будущемъ нашемъ военно-юридическомъ поприщѣ, законнаго, милосерднаго рая идеаловъ: вѣдь мы всѣ недавно еще побывали въ строю и знали обстановку военной службы!

Но тутъ-же послѣднія сомнѣнія отпадали при одной мысли о томъ, что если-бы это было невозможно, то къ чему-же-бы, оторвавъ отъ строя, увлекали насъ въ заоблачныя сферы?!

Все это я говорю о себѣ, о тѣхъ немногихъ товарищахъ по Академіи, которые воспламенялись на лекціяхъ одними со мною чувствами...

Большинство-же моихъ однокурсниковъ, надо сознаться, было далеко отъ подобныхъ увлеченій, а преслѣдовало совершенно реальныя цѣли—окончить Академію, обезпечить себѣ въ будущемъ прочное положеніе, сдѣлать карьеру и т. п.

Въ этомъ большинствѣ преобладали офицеры среднихъ способностей, жизненные практики, которыхъ не захватывали вдохновенныя рѣчи, увлекательныя переспективы...

Скоро я почувствовалъ себя какъ-бы одинокимъ въ этой средѣ и, пріобрѣтя добрыхъ товарищей, не нашелъ ни одного друга.

Всѣ мы, безъ исключенія, ко дню экзаменовъ съ головой погружались въ книжки, переходившія изъ курса въ курсъ, вызубривали ихъ, по возможности, добросовѣстно, по программѣ, и обращались въ обычныхъ школьниковъ, знающихъ, что отъ нихъ спросятъ на экзаменахъ не болѣе того, что находится въ этихъ тощихъ и толстыхъ, истрепанныхъ предыдущими поколѣніями, учебникахъ.

Да иначе и дѣлать было невозможно: цѣлыя науки—философія, энциклопедія права, втискивались, напримѣръ, въ жалкіе сборники, которые ничего болѣе не оставалось какъ только добросовѣстно вызубрить для того, чтобы поскорѣе забыть, затѣмъ, ихъ содержаніе... А тамъ—новыя науки, новые, но такіе-же печатные, конспекты этихъ наукъ и новая зубрежка для экзаменовъ...

При такой системѣ, при подобномъ всеобъемлющемъ курсѣ, иной тупица, съ хорошей памятью, да съ удачей при выборѣ билета, легко заполучалъ экзаменаціонные лавры и выходилъ успѣшно изъ Академіи съ блестящимъ дипломомъ...

Зато случалось спотыкаться натурамъ дѣйствительно даровитымъ—спотыкаться подчасъ на пустякахъ...

Надо замѣтить, однако, что въ Академіи никого не губили, никому не мѣшали подняться...

Мы приходили въ Академію съ аттестаціями своего прежняго, строевого начальства. Но въ самой Академіи никто не пытался, внѣ экзаменовъ, обставленныхъ оффиціально, шаблонно, познакомиться съ нами, въ смыслѣ пригодности нашей къ той отвѣтственной, спеціальной, военно-судебной дѣятельности, которая неминуемо, сейчасъ-же подкарауливала насъ въ будущемъ. Никто не давалъ себѣ труда вникнуть въ нашъ умственный, внѣ служебный, кругозоръ, въ наши характеры, въ наши духовныя „я", наконецъ въ тѣ интимныя побужденія, которыя привели насъ въ Акамемію.

Мы входили сюда въ видѣ какихъ-то „загадочныхъ картинокъ" и такими-же загадками выходили изъ Академіи.

И, въ то время, какъ сосѣдка наша, Академія Генеральнаго Штаба, на глазахъ нашихъ неумолимо, безжалостно выбрасывала изъ себя обратно въ строй тѣ элементы, которые оказывались ей негодными при ознакомленіи съ ними въ теченіи курса, мы, слушатели Военно-Юридической Академіи, были совершенно спокойны, зная, что подобный „остракизмъ" не ждетъ насъ, а вся судьба наша зависитъ отъ хорошей памяти и добросовѣстно вызубреннаго къ экзаменамъ по книжкѣ или тетрадкѣ академическаго курса.

И мы зубрили запоемъ, не видя другого для себя исхода...

Правда, въ концѣ нашего пребыванія въ Академіи, мы проходили нѣкій искусъ—въ видѣ практическихъ веденій дѣлъ, въ примѣрныхъ засѣданіяхъ, и произнесенія въ нихъ рѣчей. Но всякій, знакомый съ этого рода упражненіями, скажетъ, что то была, въ сущности, дѣтская игра, никого ничему ненаучившая, конечно, неопредѣлявшая способностей слушателей, подготовленности, пригодности ихъ къ предстоящей службѣ военнаго юриста. На нее мы, слушатели, сами смотрѣли, лишь какъ на забаву, посвящая ей юмористическіе стихи, облекая въ анекдоты наиболѣе неудачные опыты нашихъ товарищей.

Теперь, оглядываясь на мое пребываніе въ дорогой Академіи, на мое военно-судейское прошлое, я не могу не видѣть явной аномаліи въ томъ, что для поступленія въ Академію, для прохожденія въ ней курса, не требовалось отъ слушателей особыхъ, спеціальныхъ нравственныхъ качествъ и задатковъ, что не кончали Академію только или отъявленные лѣнтяи, или люди явно порочнаго поведенія...

Если понятнымъ было нѣжное, бережное, предупредительное отношеніе съ первыми слушателями только что основанной Академіи, которыхъ, по новизнѣ дѣла, чуть не заманивали туда, если необходимость въ первое время мириться со всякимъ элементомъ офицерства, лишь-бы создать первые кадры военныхъ юристовъ, сама собой вызывала боязнь слишкомъ глубоко, придирчиво, требовательно за-

глядывать въ біографію, въ психологію, въ нравственную сущность того или иного офицера, во время прохожденія имъ курса, то непонятнымъ становится, что такой порядокъ, по традиціи, словно какой-то законъ, какъ истина, остался и на будущее время.

Неудивительно, въ то-же время, что мы не знали близко офицерскаго состава Академіи, какъ не зналъ насъ, въ свою очередь, и этотъ составъ...

Надо было захворать опасно, совершить громкій скандалъ, оказаться полнымъ невѣждой на экзаменѣ, для того, чтобы „вылетѣть“ изъ Академіи, да и то, даже въ подобныхъ случахъ, старались насъ спасти, удержать въ стѣнахъ ея...

Нечего говорить много о томъ, что подобное, осторожно-деликатное, безразличное отношеніе къ составу слушателей, отражавшееся и на составѣ военно-судебнаго вѣдомства, получавшемъ нерѣдко людей низкой нравственности, какъ-бы узаконяло ложный взглядъ, что военнымъ юристомъ можетъ быть всякій...

Позднѣе, окунувшись съ головою въ практическую, неприглядную, мрачную дѣйствительность военнаго юриста, я убѣдился, что, въ сущности, Академія съ ея чудно, геніально, вдохновенно задуманнымъ міромъ разныхъ „правъ“ и отвлеченностей, была лишь красивымъ, увлекательнымъ миражемъ, беззаботнымъ, сладкимъ сномъ, сплошнымъ, невольнымъ обманомъ, послѣ которыхъ еще тяжелѣй жить, мыслить, чувствовать на службѣ „малиноваго“ вѣдомства (какъ зовутъ строевые, въ насмѣшку, военныхъ юристовъ).

Конечно, насъ обманывали не нарочно, такъ какъ всѣ выдающіеся, гражданскіе профессора сами стояли слишкомъ далеко отъ военной службы, отъ ея требованій, отъ того положенія, которое неминуемо ждало насъ, юристовъ въ военномъ мундирѣ, за порогомъ Академіи...

Однимъ изъ недостатковъ академическаго курса, безъ сомнѣнія, существующимъ и теперь, было то, что насъ, какъ въ теплицѣ, слишкомъ ревностно оберегали отъ сквозняковъ и холода грядущихъ разочарованій,—особенно въ послѣдній годъ нашего академическаго пребыванія, т. е. когда проходились спеціально-военныя науки.

Какъ-бы боясь умѣрить предполагавшіеся въ насъ пылъ прохожденія первыхъ двухъ курсовъ, намъ не указывали тѣхъ язвъ военнаго быта, съ которыми, по профессіи нашей, намъ придется затѣмъ, немедленно-же, за порогомъ Академіи, столкнуться...

Поэтому, напримѣръ, о несовершенствахъ нашей военной юстиціи, военно-карательной системы и т. п. мы не подозрѣвали: и здѣсь намъ мерещился, въ ближайшемъ будущемъ, лишь стройный, безукоризненно-чистый храмъ божеству воинскаго правосудія, гдѣ мы призваны будемъ приносить жертвы и совершать богослуженія...

Объ ужасахъ, напримѣръ, положенія русскихъ гауптвахтъ, гдѣ томятся и будутъ томиться наши „кліенты“, мы, само собою разумѣется, и не подозрѣвали...

Однимъ словомъ, Академія, бережно замкнула насъ, военную молодежь, въ мірѣ отвлеченностей, идеаловъ, общихъ научныхъ выводовъ, теорій, но не дала намъ, въ сущности, никакой нравственно-

практической, практично-критической подготовки, не указавъ, въ тоже время намъ новыхъ путей, которые слѣдовало-бы, во имя справедливости, человѣколюбія, искать, прокладывать самостоятельно въ дебряхъ военнаго закона, военнаго быта.

Выходя изъ Академіи, были похожи мы на какихъ-то институтокъ, которымъ мерещатся на волѣ лишь балы, побѣды, успѣхи, радостныя встрѣчи, счастье, которыя не подозрѣваютъ, что ихъ чаще всего подкарауливаютъ, за гранью тепличной обстановки, разочарованія и лишенія...

Право, когда теперь, на старости, по выходѣ въ отставку, подводя неумолимо итоги минувшему, съ горечью въ уставшей, жаждущей вѣчнаго покоя, душѣ, спокойно оглядываюсь я назадъ—на время, проведенное въ Академіи, на свое военно-юридическое прошлое, на свою военно-юридическую юность—во мнѣ живетъ, непоколебленное опытомъ жизни, убѣжденіе въ то, что, въ сущности, Академія, по сравненіи курса ея съ дѣйствительностью, ожидающей ея слушателей, является дорого-стоющей Правительству, безцѣльной, даже, пожалуй вредной, аномаліей.

Мнѣ случалось служить съ военными юристами, блестяще окончившими Академію, и тѣмъ не менѣе самой низкой степени юридическихъ познаній, на каждомъ шагу спотыкающимися, какъ юристы, на своемъ служебномъ поприщѣ. Съ другой стороны, кто не встрѣчалъ дѣлопроизводителей полковыхъ судовъ, временныхъ членовъ судовъ военно-окружныхъ, легко набившихъ себѣ руку въ разрѣшеніи всякаго рода военно-юридическихъ вопросовъ и загадокъ, не хуже, во всякомъ случаѣ, иного, даже выдающагося, военнаго юриста!

Много-ли дѣлъ возникаетъ въ военно-окружныхъ судахъ изъ разряда сложныхъ, требующихъ особыхъ, спеціальныхъ, юридическихъ познаній?

Да и тутъ выручаютъ, въ наше время, систематическіе сборники всякаго рода руководящихъ рѣшеній, приходящіе на помощь, въ минуты затрудненій, память и сметка...

Иной тупица и невѣжда набилъ руку на приговорахъ и печетъ ихъ благополучно, какъ блины, благо большинство дѣлъ все однѣхъ и тѣхъ-же, несложныхъ категорій...

Опять-таки, спросите любого, стараго военнаго юриста, часто-ли пришлось ему примѣнить къ практикѣ его общій академическій курсъ первыхъ двухъ лѣтъ—познанія о томъ, хотя-бы, какъ вопросъ о правосудіи стоялъ въ древнемъ Римѣ, какъ стоитъ онъ у современныхъ цивилизованныхъ народовъ, пришлось-ли ему приложить курсъ „психологіи", „философіи", „энциклопедіи", свѣдѣнія по акушерской части, „церковное право" и другія „права", нужныя гражданскому юристу,—при рѣшеніи заурядныхъ, несложныхъ дѣлъ военно-бытового характера, напримѣръ, о членовредительствѣ, нарушеніи дисциплины въ пьяномъ видѣ, растратѣ артельщикомъ ввѣреннаго ему по службѣ куска казеннаго сала или промотаніи нижнимъ чиномъ казенныхъ шароваръ второго срока?!

А вѣдь эти дѣла, въ массѣ ихъ, именно и преобладаютъ при работѣ военно-окружныхъ судовъ.

Толкуютъ о какой-то особой „гимнастикѣ“ мозга, души, яко-бы происходящей во время прохожденія академическаго курса...

Да! Кто пришелъ въ Академію по призванію, кто добросовѣстно вслушивался, вдумывался въ лекціи иныхъ профессоровъ, кто дополнялъ ихъ, внѣ курса, самостоятельными работами (а такихъ, повторяю, было немного), тѣ, пожалуй, продѣлывали надъ собой извѣстнаго рода духовно-юридическую гимнастику. (Мы увидимъ, однако, на сколько пригодились имъ, въ будущемъ, эти сложныя, трудныя упражненія).

Но для большинства зубрилъ-мучениковъ, казенно, практично относившихся къ прохожденію курса, не очень-то увлекавшихся, если существовала какая-либо гимнастика, то только гимнастика памяти и „приспособленія“ во-время экзаменовъ „къ данной мѣстности“.

Недаромъ-же были между нами и такіе, которые блестяще выдерживали экзамены съ помощью „шпаргалокъ“ и путемъ риска подготовки къ экзамену лишь части курса.

Сколько слушателей Академіи разочаровалось, бѣжало, затѣмъ, изъ военно-судебнаго вѣдомства, съ успѣхомъ приложивъ свои познанія и силы къ дѣятельностямъ другихъ отраслей государственной жизни!. Зато, изъ стѣнъ Академіи вышли такіе герои, какъ губернаторъ Сахалина Ляпуновъ и другіе, именами-же ихъ не охота пачкать страницы этой книги...

Страшно отмѣтить, въ то-же время, какъ грустный фактъ, что почтенное, много лѣтъ уже существующее, вѣдомство не дало до сихъ поръ людей науки въ сферѣ своей, военно-юридической спеціальности, т. е. не создало дѣятелей, которые самостоятельными, научными трудами своими, продолжили-бы, развили то, что усвоили себѣ въ Академіи...

Развѣ это одно не служитъ уже вѣскимъ, угрожающимъ указаніемъ на тотъ разладъ, который существуетъ между академическимъ курсомъ и военно-судейской дѣйствительностью?!.

И въ то время, когда, напримѣръ, офицеры генеральнаго штаба, по выходѣ изъ своей Академіи, ознаменовали свою дѣятельность цѣнными трудами по своей спеціальности, какъ прямымъ результатомъ пройденнаго ими курса, продолженія его, въ то время, какъ то-же явленіе видимъ мы среди окончившихъ другія военныя академіи, молчитъ до сихъ поръ упорно лишь, въ сферѣ своей спеціальности, одно военно-судебное вѣдомство.

Мы сейчасъ увидимъ и причину подобнаго ненормальнаго явленія, при чемъ она кроется главнымъ образомъ и въ судьбахъ самаго вѣдомства...

Тѣмъ не менѣе небезвинна тутъ, конечно, и Академія.

Вообще, скажу еще разъ, много и много слѣдовало-бы подумать, на взглядъ мой, надъ Военно-Юридическою Академіей и, взвѣсить всѣ „за“ и „противъ“ нее, для того, чтобы отвѣтить трезво, безповоротно, безъ всякихъ виляній, разъ навсегда, на вопросы: нужна-ли она, полезна-ли, при томъ положеніи, въ какое, силою вещей, поставлено все военно-судебное вѣдомство? Не пора-ли сдать въ архивъ эту, дорого стоющую, когда-то столь блестящую, а нынѣ требующую ежегодныхъ

расходовъ, на поддержку ея, отъ казны, Милютинскую игрушку, замѣнивъ ее какимъ-либо годичнымъ, сжатымъ, строго-спеціальнымъ, курсомъ, черезъ который красной нитью проходила-бы основная идея, что военно-судебное вѣдомство не есть нѣчто самостоятельное, а лишь слуга военнаго и иного начальства, что, поэтому, оно должно безропотно исполнять чужія приказанія, указанія, пожеланія, а право на существованіе его обусловливается потребностями военнаго быта, времени, политики?! Быть можетъ слѣдовало-бы въ такой упрощенной Академіи („курсѣ“) учить слушателей мудрости благополучнаго лавированія среди подводныхъ скалъ всякаго рода рѣшеній, инструкцій, циркуляровъ, примиренія закона съ запросами данной политической, военно-бытовой минуты...

Пожалуй, это вышло-бы немного цинично—откровенно, но, по крайней мѣрѣ, разсѣялись-бы туманы, окутывающіе подчасъ въ наши дни функціи воинскаго правосудія, дающіе право упрекать отдѣльныхъ, почтенныхъ представителей военно-судебнаго вѣдомства тамъ, гдѣ повинна, на самомъ дѣлѣ, цѣлая система, получившая какъ-бы права гражданства...

Впрочемъ, я уклонился невольно отъ главной темы въ область общихъ соображеній...

Для меня-же лично Академія имѣла огромное значеніе именно въ томъ смыслѣ, что спасши меня отъ шагистики и военно - строевыхъ, уставныхъ шаблоновъ, она помогла мнѣ еще разъ отыскать въ нижнемъ чинѣ, совершившемъ преступленіе или проступокъ, того несчастнаго, страждущаго „человѣка“ дней моего далекаго дѣтства, котораго, было, совсѣмъ потерялъ я на строевой, штабной службѣ.

И за это одно я благословлялъ ее и буду благословлять до послѣдняго вздоха.

Послѣ двухъ первыхъ курсовъ общаго характера, переходъ къ третьему курсу, такъ называемому „спеціальному“, былъ какъ-бы нѣкотораго рода разочарованіемъ: не говоря уже о суши такихъ предметовъ, какъ военно-судебные уставы, ознакомленіе съ судопроизводствомъ, судоустройствомъ—своимъ и иностранныхъ державъ, военной администраціей и проч., сами профессора, представители военно-судебнаго вѣдомства,—Владимировъ, Шендзиковскій, Мушниковъ читали какъ-то сонно, рабски придерживаясь книжекъ курсовъ своихъ казенныхъ предметовъ, безъ увлеченія, подъема, словно боясь свернуть въ сторону, увлечься критикой, наткнуться на вопросы, вызывающіе отрицательное отношеніе къ воинскому быту и порядку...

Право, мнѣ иногда мерещится теперь, что сами они уже принадлежали къ числу представителей вѣдомства, вкусившихъ на практикѣ отъ „древа познанія добра и зла“, т. е. видѣвшихъ, куда идетъ неудержимо вѣдомство и неимѣвшихъ духа, права говорить намъ, слушателямъ, правду, или нежелавшихъ, несмѣвшихъ раскрывать истину, чтобы преждевременно не разочаровывать...

Тѣмъ не менѣе, какъ ни несло отъ ихъ скучныхъ, нудныхъ лекцій мертвечиной казенщины, мы, увлеченные первыми двумя курсами, и здѣсь среди грудъ статей законовъ, прозрѣвали Милютинскіе

идеалы, вложенные убѣжденно, непоколебимо въ основы всей нашей будущей военно-судебной дѣятельности.

Идеалы-же эти были, въ общемъ, слѣдующіе:

1) Военный судъ, существующій лишь для нуждъ военнаго вѣдомства, какъ и армія, чуждый политики,—судъ, скорый, правый, равный и милостивый для всякаго военно-служащаго, начиная съ зауряднаго нижняго чина, кончая высокопоставленнымъ генераломъ.

2) Военно-судебное вѣдомство, какъ высокій, вдохновенный, убѣжденный носитель тѣхъ-же научно-гуманныхъ положеній, которые вложены въ гражданскіе законы,—вѣдомство, къ тому-же состоящее изъ отборныхъ, лучшихъ офицеровъ русской арміи, ищущихъ убѣжденно, по наклонностямъ ихъ и дарованіямъ, по призванію, военно-юридической профессіи, по возможности независимое отъ строевого элемента арміи, но живущее съ послѣдней въ тѣсномъ, живомъ общеніи, не какъ нѣчто подчиненное, приниженное, а на равной ногѣ, почетное, независимое, призванное давать арміи тонъ закона, съ военно-прокурорскимъ надзоромъ, хотя и ограниченнымъ въ своей дѣятельности, во имя дисциплины и высокаго положенія высшаго строевого элемента, но несущимъ въ себѣ, въ извѣстной мѣрѣ, функціи вмѣшательства въ беззаконія и непорядки.

3) Воинское правосудіе, лишь намѣченное въ общихъ чертахъ, но долженствующее все прогрессировать, совершенствоваться—въ зависимости отъ поступательныхъ реформъ арміи, подъ вліяніемъ науки, въ связи съ движеніемъ впередъ гражданскаго судебнаго вѣдомства, съ которымъ оно соединено общностью законовъ, рѣшеній Сената и проч.

4) Въ основѣ воинскихъ законовъ—неумолимая, исключительная строгость, до смертной казни включительно, неумаляющая, однако, человѣколюбія, уваженія къ мундиру, къ личности обвиняемаго, широкая свобода военно-судейской совѣсти, независимость ея отъ какихъ-либо постороннихъ давленій, служеніе лишь правдѣ, закону и проч.

Вотъ, въ блѣдномъ очеркѣ, тотъ путь, который гр. Милютинъ и его великіе, незабвенные сотрудники намѣтили для военно-судебнаго вѣдомства, предвидя, конечно, что въ этихъ рамкахъ, въ отношеніи преуспѣянія, развитія всѣхъ сторонъ его дѣятельности, вѣдомство должно только идти впередъ, завоевывая себѣ все бóльшія и бóльшія права, все болѣе выдающееся положеніе, уваженіе, значеніе, одухотворяя неустанно армію элементами разумнаго право-порядка, законности и т. п.

Таково было, по крайней мѣрѣ, послѣднее впечатлѣніе, выносимое слушателями Военно-Юридической Академіи даже изъ соннаго, мертваго третьяго ея курса.

Таковы были завѣты, созрѣвшіе, согрѣтые въ моемъ сердцѣ и сознаніи, въ моментъ, когда, покидая гостепріимный кровъ ея, намѣчалъ я себѣ будущую „карьеру“ новой службы.

Какъ ни какъ, а слѣдуя установленному для военныхъ юристовъ порядку, по окончаніи Академіи, былъ я немедленно-же прикомандированъ къ военно-прокурорскому надзору военно-окружнаго суда, именно Виленскаго.

Вотъ тутъ-то и начались впервые мои нежданныя спотыканія на пороги практической дѣятельности, на разныя „права“ и „академическія дисциплины“, вбитыя въ голову мою академическимъ курсомъ.

Но, прежде чѣмъ коснуться этой тяжелой стороны моей дѣятельности, хочется мнѣ сказать хоть нѣсколько словъ о томъ судѣ, въ который меня, для практическаго обученія, назначили прямо съ академической скамейки.

То была пора расцвѣта военно-судебнаго вѣдомства—въ смыслѣ его положенія: на него еще глядѣли съ надеждами; оно пользовалось почетомъ и значеніемъ; его побаивались, какъ „ока“ закона.

Но многое поразило меня, какъ новичка, съ первыхъ-же шаговъ, своей сногсшибательной неожиданностью...

Прежде всего меня привело въ недоумѣніе ничтожное (сравнительно) количество и родъ дѣлъ, попадавшихъ въ руки военныхъ юристовъ.

Если военно-прокурорскій надзоръ былъ заваленъ всякаго вида канцелярскими переписками, то военные судьи, особенно въ командировкахъ, прямо изнывали отъ бездѣлья, а тѣ дѣла, которыя имъ приходилось разбирать изрѣдка, совершенно не принадлежали къ числу головоломныхъ, требовавшихъ особаго напряженія знаній, памяти, энергіи.

Это обиліе празднаго, свободнаго времени, въ свою очередь, вліяло на созданіе извѣстнаго рода типовъ, на ихъ отношеніе къ жизни и службѣ...

То была пора, когда наше вѣдомство не затягивали еще насильственно въ политику, когда о дѣлахъ на политической почвѣ, по срокамъ военнаго времени, а тѣмъ болѣе, о дѣлахъ со смертными приговорами въ мирное время, разсказывали, какъ о событіяхъ исключительныхъ и непріятныхъ, почти всегда благополучно минующихъ наше вѣдомство...

Неудивительно, что мрачнаго настроенія, которое наблюдалось мною въ вѣдомствѣ въ позднѣйшія времена,—въ ту пору, когда его засосало, наконецъ, въ политику, и помина въ тѣ дни не было, а царило, наоборотъ, самое бодрое, веселое, прямо-таки благодушное, настроеніе...

Особенно это замѣчалось среди высшихъ чиновъ—военныхъ судей, генераловъ. Предсѣдатель-же суда, то-же генералъ, отъ бездѣльничанья и для того, чтобы убить время, отдавался визитамъ, пикникамъ, устраивалъ у себя картежные вечера и любилъ, когда подчиненные приглашали его на такія-же картежныя вечеринки съ изобиліемъ всякаго рода закусокъ и винъ.

Въ судѣ преобладало поэтому, какое-то патріархальное отношеніе между высшими и низшими, и какъ-бы бравированіе личными прихотями, неслужебными талантами, выдѣлялись особые „гурманы“, „винтеры“, знатоки кухни и виннаго погреба.

Кто открыто, ради шика, бравируя, показывался въ городѣ, съ содержанкой, извѣстною актрисой мѣстнаго театра, на собственной лошади, кто кичился ловко написанными приговорами, исключавшими возможность подачи протестовъ и касаціонныхъ жалобъ, кто, будучи

женатъ, славился амурными похожденіями анекдотическаго характера, кто подвизался на любительской сценѣ, въ концертахъ, собиралъ сумбурныя коллекціи, а кто просто пилъ и скандальничалъ, особенно въ командировкахъ, т. е. подальше отъ строевого высшаго начальства округа и семьи...

Помню, какъ поражалъ меня, на первыхъ порахъ, тонъ, дававшійся въ провинціи нашимъ вѣдомствомъ: мнѣ дикимъ, неумѣстнымъ казались эта благодушная веселость, эта жадная погоня за радостями жизни, эти ненормальныя странности, порой безнравственнаго оттѣнка, лицомъ къ лицу со все-же мрачной, скучною профессіей, призванной какъ ни какъ, а очищать армію насильственно, неустанно, неумолимо отъ засорявшихъ ее отрицательныхъ элементовъ, посылавшей на каторгу, въ тюрьму, въ дисциплинарный баталіонъ, за рѣшотки, подъ розги...

Но мое смущеніе вызывало лишь улыбки, окружающихъ, новыхъ моихъ сослуживцевъ...

„Ничего—привыкнете!" говорили мнѣ они и добродушно, съ беззаботнымъ видомъ, втягивали меня въ общій водоворотъ военно-судейской, веселой жизни—жизни подчасъ далеко не по средствамъ...

Строевое начальство, впослѣдствіи, лишь, когда вѣдомство наше втянули-таки въ политику всякаго рода, когда стали появляться въ рукахъ военныхъ юристовъ подчасъ сложныя, непріятныя дѣла, вызывавшіяся осложненіями прогресса жизни и воинскаго быта,—дѣла, дававшія право военнымъ юристамъ засовывать порою носъ свой туда, гдѣ это было нежелательно строевому элементу, вступавшее съ военными судами въ невольныя столкновенія, въ ту пору присматривалось пока къ нимъ и, въ общемъ, довольно еще благодушно относилось къ представителямъ военно-судебной профессіи.

Военная среда, т. е. военное общество также насъ не чуждалось... Мы не представляли еще изъ себя, въ ту пору, какой-то особой касты, отъ которой-бы сторонились, какъ отъ чумы, на которую-бы недовѣрчиво, озлобленно косились... За военными судьями, въ командировкахъ, даже ухаживали, какъ за какими-то „особами". Нѣкоторые изъ нихъ, благодаря этому, на столько проникались сознаніемъ своей исключительной высокопоставленности, что дѣлали визиты епархіальнымъ архіереямъ, а съ губернаторами входили въ конфликты—изъ-за неотданныхъ визитовъ...

Вообще, при желаніи, жилось тогда военнымъ юристамъ, и весело, и беззаботно, и почетно...

Но не эта одна, такъ-сказать, обстановочная сторона положенія военнаго юриста поражала меня своей ненормальностью, а то, что военно-судебное общество, кое-какъ соединенное визитами, картежными вечерами, пикниками и проч., совершенно не было сплочено въ нѣчто тѣсное, опредѣленное, объединенное одною идеей, одной цѣлью, однимъ стремленіемъ: служба, какъ я скоро замѣтилъ, не сближала, а какъ-бы скорѣй разъединяла здѣсь людей, какъ представителей одной и той-же почтенной, привиллегированной профессіи...

Никогда, поэтому, не приходилось мнѣ слышать, напримѣръ, въ кружкѣ сослуживцевъ, собравшихся гдѣ-либо, ничего, такого, что за-

трогивало-бы юридическiе вопросы вообще, а вопросы, задачи военно-судебной практики — въ частности; что захватывало-бы всѣхъ въ одномъ стремленiи—возможно добросовѣстнѣй, безпристрастнѣй, законнѣй выполнить свои непосредственныя, военно-судейскiя обязанности...

Напротивъ, какъ только военные юристы сближались по службѣ, на какомъ-либо дѣлѣ, иногда на самомъ пустячномъ, какъ сейчасъ-же забывались общественныя, частныя, такъ называемыя, „товарищескiя", отношенiя и выступали на сцену отрицательныя явленiя розни, вражды, борьбы и проч., казалось-бы невозможныя въ сферѣ отправленiя какого-либо правосудiя.

Если, поэтому, сходились въ командировкѣ такой-то судья и такой-то представитель обвиненiя, между которыми, какъ всѣмъ было извѣстно, существовали старые, несведенные еще къ концу, счеты, юридическаго или другого характера, то иной судья, напримѣръ, старался возможно чаще оправдывать въ тѣхъ случаяхъ, когда помощникъ военнаго прокурора особенно настаивалъ на обвиненiи, и, наоборотъ, какъ говорится, неумолимо „закатывалъ", когда тотъ отъ обвиненiя отказывался или поддерживалъ его слабо, для формы...

Въ свою очередь и представители обвиненiя, при обостренности личныхъ сношенiй, не оставались въ долгу и заносили, на судебныхъ засѣданiяхъ, въ протоколы, неправильныя дѣйствiя несимпатичныхъ имъ почему-либо судей, ихъ ошибки, подавали на приговоры протесты, строчили по начальству жалобы, рапорты.

Еще болѣе поражало то обстоятельство, что подобный, дикiй антагонизмъ, подобныя распри и столкновенiя, никого не огорчали, не удивляли. Никто не пытался унять ихъ, смягчить.

Напротивъ, заранѣе смѣялись надъ результатами иной командировки, если въ нее попадали завѣдомые враги или соперники...

Конечно существовали и такiя отношенiя, когда дѣла разбирались, какъ по маслу, при предварительныхъ совѣщанiяхъ, при идиллическомъ согласiи и мирѣ...

Но и тутъ замѣчалось мало отраднаго, желательнаго...

Безъ отвращенiя не могу, однако, вспомнить до сихъ поръ нѣкоторыя командировки, въ которыхъ пришлось мнѣ участвовать, нѣкоторые отдѣльные, особенно выдающiеся, скандальные случаи столкновенiй, подкапыванiй другъ подъ друга, взаимнаго истребленiя представителей одного и того-же вѣдомства. И это на глазахъ у строевого элемента...

А, въ результатѣ, все это тяжко, несправедливо, гадко отражалось на участи подсудимыхъ...

Могъ ли я смотрѣть на подобныя явленiя, какъ на достойное отправленiе правосудiя, при моемъ молодомъ увлеченiи академическимъ курсомъ?!.

Оговорюсь, что, конечно, были и отрадныя стороны военно-судейскаго быта, и симпатичные типы, и прiятныя исключенiя; встрѣчались личности съ добросовѣстнымъ, честнымъ отношенiемъ къ службѣ...

Но я передаю общее, такъ сказать, доминирующее впечатлѣнiе изъ прошлаго: оно было ужасно и тягостно!

Все это отошло давно въ область преданій, успокоилось въ могилахъ и передается до сихъ поръ изъ устъ въ уста старослужащими военно-судебнаго вѣдомства въ рядѣ легендъ, анекдотовъ спеціальнаго характера, во время военно-судейскихъ обѣдовъ и вечеровъ, на которыхъ, по-прежнему, ни слова о своей профессіи, а лишь перемываніе былыхъ военно-судейскихъ анекдотовъ и преданій.

Не сразу разрѣшилъ я, помнится, мучившій меня вопросъ: почему строевая служба, которую я прошелъ, несмотря на ея односторонность, все-таки соединяла хоть иногда всѣхъ въ одну семью, и почему служеніе воинскому правосудію не только никого не объединяетъ, а, наоборотъ, служитъ порой какой-то подходящей, удобной почвою для всякаго рода личныхъ, грязныхъ столкновеній, пререканій, подкапываній другъ подъ друга, наконецъ, для карьеризма въ самомъ ужасномъ, гнусномъ, позорномъ, низменномъ его проявленіи—для карьеризма при исполненіи обязанностей по отправленію воинскаго правосудія?..

Ниже мы увидимъ и разгадку этого, въ сущности, несложнаго ребуса, поставленнаго на пути моемъ жизнью, при первыхъ-же столкновеніяхъ съ дѣйствительностью...

Но вотъ началась для меня моя новая служба.

Забыть-ли мнѣ мои первыя, щемящія до сихъ поръ, душу мою, впечатлѣнія военно-юридической молодости?!.

А о нихъ, какъ ни тяжело, надо сказать, хотя-бы для того, чтобы понять многое въ жизни военно-судебнаго вѣдомства, вообще, чтобы усвоить себѣ главную причину, почему вѣдомство это упорно оставалось всегда и остается въ сторонѣ отъ такихъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, гауптвахтный, военно-карательныхъ учрежденій и проч.

Мнѣ пришлось работать, на первыхъ шагахъ практики военнаго юриста, подъ руководствомъ двухъ такихъ почтенныхъ, выдающихся, благородныхъ дѣятелей военно-судебнаго вѣдомства, какъ военные прокуроры—нынѣ здравствующій еще, въ отставкѣ, Н. К. Голицынскій и недавно скончавшійся на должности Главнаго Военнаго Прокурора—баронъ Э. Р. Остенъ-Сакенъ.

Несмотря на всѣ ихъ личныя достоинства, они, сейчасъ-же, при первыхъ съ ними работахъ, облили мой молодой, академическій идеализмъ безпощадной, холодной водою практическаго критицизма, упорнымъ требованіемъ, чтобы я съ заоблачныхъ высотъ академическаго курса немедленно-же спустился-бы на самыя низины, даже трясины „руководящихъ рѣшеній", разъясняющихъ циркуляровъ, дополняющихъ инструкцій по военно-судебному вѣдомству, секретныхъ и несекретныхъ, и т. п. мертвенно-канцелярской суши, уча меня прежде всего какъ можно скорѣе забыть на новой моей службѣ всякаго рода академическую и иную „литературу", „права", „психологію" и проч., а, для собственнаго служебнаго благополучія и въ интересахъ службы, усвоить себѣ главнымъ образомъ шаблонъ, форму, общій тонъ такъ называемыхъ „заключеній" по дѣламъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ эти канцелярскія произведенія военно-юридической стряпни возможно было-бы удобнѣе облекать въ шаблонные-же обвинительные акты...

Особенно, по части показной канцелярщины, усердствовалъ баронъ Остенъ-Сакенъ, изобрѣтавшій особаго рода клѣтки для переписокъ, виды отчетовъ, формы переписокъ и т. п....

Увы! Я оказался тутъ совершеннымъ младенцемъ...

Оглядываясь теперь назадъ, на пройденный путь военно-судейскаго дѣятеля, я вполнѣ понимаю, извиняю, даже оправдываю науку этихъ двухъ моихъ начальниковъ, которая казалась мнѣ въ тѣ дни какой-то злою, обидною пыткой, насмѣшкой надъ моими идеалами: они дошли до нее сами личнымъ, горькимъ опытомъ дѣйствительности, надо думать, не безъ благородной борьбы, колебаній и сомнѣній въ молодости, усвоивъ себѣ на практикѣ, что такое, въ сущности, военный юристъ, военный судъ, въ общей машинѣ русской арміи, давно начавъ ходить по землѣ твердыми ногами и переставъ ублажать себя несбыточными, заоблачными иллюзіями...

Баронъ Остенъ-Сакенъ подавлялъ у насъ, молодежи, всякія попытки умствованій, выводовъ, исканія новыхъ путей, придерживанія „академической рутины", а требовалъ отъ подчиненныхъ лишь гладкихъ, канцелярски-округленныхъ выводовъ въ заключеніяхъ и обвинительныхъ актахъ, равно какъ и изученія рѣшеній Главнаго Военнаго Суда почему-то непремѣнно въ подлинникахъ, по книгамъ, испещреннымъ на поляхъ его замѣтками, а не въ разнаго рода военно-юридическихъ сборникахъ-пособіяхъ, созданныхъ на утѣху военнаго юриста, въ его спасеніи.

Самъ онъ зналъ многія, болѣе выдающіяся, нужныя рѣшенія, какъ говорится на зубокъ; составилъ для нихъ особый синодикъ, куда и заносилъ всѣ перемѣны и новости, требуя и отъ насъ заготовки такихъ-же рукописныхъ справочниковъ; умѣлъ ловко выуживать изъ этого хаотическаго моря то, что было нужно ему въ данномъ случаѣ для того, чтобы выйти съ честью изъ того или другого затрудненія.

Служба, въ узко-канцелярскомъ, безпринципномъ, неодухотворенномъ смыслѣ, охота, да дворянскій клубъ съ картами и танцевальными вечерами только и занимали его...

Когда онъ узналъ какъ-то, что я печатаю стихотворенія, разсказы, то особенно налегъ на меня, какъ-бы боясь, что я напишу заключеніе въ видѣ поэмы, или обвинительный актъ въ формѣ разсказа и т. п., и всякій литературный оборотъ моей фразы передѣлывалъ, затѣмъ, на свой особый ладъ съ упрямствомъ и нѣмецкой педантичностью, въ то-же время съ искреннимъ желаніемъ мнѣ служебныхъ преуспѣяній... И все это мягко, по-джентельменски, но настойчиво, изо дня въ день, какъ на какой-либо фабрикѣ. Никакой пощады! Ни тѣни уступокъ и снисхожденій, а любя и милуя...

Кто изъ сослуживцевъ почтеннаго барона, котораго высоко ставили въ нашей средѣ за его общительный, благородный, твердый характеръ, за рыцарскіе принципы въ частной, общественной жизни, за его элегантность и достоинство, съ которыми держался онъ въ высшихъ сферахъ города, но котораго, по справедливости, считали человѣкомъ недалекимъ, мало-образованнымъ (несмотря на Академію),—кто могъ-бы думать, что изъ него со временемъ отольется

Главный Военный Прокуроръ, т. е. сановникъ, дающій тонъ всему вѣдомству!?.

А это случилось...

Генералъ Голицынскій являлся человѣкомъ совсѣмъ иного типа, образованія, философскаго міросозерцанія, привычекъ, наклонностей.

Онъ хорошо понималъ трагизмъ положенія военнаго юриста и училъ насъ на службѣ мудрой осторожности при соблюденіи возможной порядочности, ненавидѣлъ „канцелярію", хотя и былъ далекъ отъ мысли о какой-либо борьбѣ, самъ плывя по теченію, усвоивъ себѣ твердо пословицу: „Плетью обуха не перешибешь". Недаромъ прозвали мы его „мудрый старецъ".

Почтенный мой менторъ въ частныхъ сношеніяхъ видѣлъ все, все понималъ, способенъ былъ, ко всему относиться разумно, правдиво, критически. А когда дѣло доходило до службы, то самъ становился рабомъ положенія и отъ насъ требовалъ такого-же, неразсуждающаго рабства.

Мнѣ дорого было въ немъ именно то, что онъ не шелъ бодро, радостно, за всѣми, не успокаивался на сознаніи, что такъ и быть должно (подобно барону Остенъ-Сакену), а говорилъ намъ, ученикамъ своимъ: „Гадко... Нехорошо... Не по духу закона... Но что-же прикажете дѣлать?!. Ничего не остается болѣе, какъ плыть по теченію... Эхъ! Поскорѣй-бы въ отставку отъ всей этой неразберихи!"

Оба они,—и Голицынскій, и Остенъ-Сакенъ, чуждались военно-судейскаго общества того времени, показываясь среди „своихъ" только тогда, когда этого никакъ избѣжать было нельзя... Всѣ столкновенія, интриги проносились какъ-бы мимо нихъ...

Внѣ службы я зналъ ихъ, въ тѣ дни, мало... Зато на службѣ съ ними прошелъ я суровую, тяжелую школу, разбившую во мнѣ окончательно вѣру въ военно-судебное вѣдомство, какъ въ „вѣдомство"...

Бывало, придешь къ генералу Голицынскому, по данному дѣлу, запутавшись въ „рѣшеніяхъ" цѣлаго ряда лѣтъ, другъ другу противорѣчащихъ, а то и другъ друга исключающихъ, придешь со своими человѣческими, молодыми сомнѣніями, по существу даннаго обвиненія, а онъ, молчаливо обойдя всѣ твои колебанья и вытравивъ бережно изъ работы твоей лишніе, по его мнѣнію, „сентиментализмъ" и „литературу", самъ побродивъ съ тобой еще разъ въ дебряхъ тѣхъ-же „рѣшеній", порекомендуетъ, бывало,—по-просту, „ничто-же сумняшеся", вписать въ „заключеніе" самое послѣднее „рѣшеніе", которое гарантируетъ, молъ, отъ разноса свыше да непріятностей... И вотъ все, въ работѣ твоей, вдругъ, сразу какъ-бы разумно упрощается... И жизнь, и служба не кажутся уже тебѣ такими сложными, а самъ благородный, гуманный руководитель рисуется уже не безсердечнымъ формалистомъ и черствымъ палачемъ, а такой-же, какъ ты, жертвою обстоятельствъ, служебной обстановки и проч.

Мнѣ было ясно вѣдь, что и надъ душой, надъ совѣстью этого чуднаго старика, стоитъ недремлющій Петербургъ со своими особыми требованіями, взглядами, со своей военно-судной, воинской и иною политикою...

Много-бы я снова разсказалъ о первыхъ сомнѣніяхъ моихъ, какъ военнаго юриста, о первыхъ, полученныхъ урокахъ, да это увлекло-бы меня напрасно въ сторону...

Но для того, чтобы понять и оцѣнить мое положеніе, необходимо пояснить, что офицеры, по окончаніи Академіи прикомандированные въ военно-окружныхъ судахъ къ военно-прокурорскому надзору, а также кандидаты на военно-судебныя должности, въ которыхъ они, затѣмъ, переименовывались, кромѣ обязанностей защитниковъ, работали, подъ руководствомъ военныхъ прокуроровъ и ихъ помощниковъ, составляя такъ называемыя „заключенія", за содержаніе которыхъ, по закону, отвѣчаютъ не они, а подписывающія эти документы, лица военно-прокурорскаго надзора.

Меня отдали „въ науку", т. е. въ непосредственную дрессировку и муштру, военному юристу, помощнику военнаго прокурора, подполковнику, давно уже, на личномъ опытѣ, усвоившему себѣ суть требованій, предъявляемыхъ всякаго рода начальствомъ къ военному юристу, въ то-же время основательно набившему себѣ мозги, руку, перо въ подведеніи какого угодно единичнаго случая подъ ту или иную статью закона, съ ловкими, удачными ссылками на „руководящія рѣшенія" Сената, Главнаго Военнаго Суда и проч.

Человѣкъ этотъ чувствовалъ себя, въ этомъ хаосѣ, прекрасно, какъ рыба въ водѣ...

Каждую мою, самую невинную, попытку въ сторону отъ этого канцелярски-шаблоннаго порядка и здѣсь неуклонно высмѣивали, точно какое-то непростительное преступленіе, стараясь поскорѣй, насильственно водворить меня въ обще-казенныя стойла...

Снова „человѣкъ" какъ-бы нырнулъ отъ меня на время въ омутъ печатной, писанной бумаги, т. е. со мною случилось еще разъ то-же, что испытывалъ я ранѣе въ строю, при исполненіи обязанностей караульной, иной службы, а жизнь въ то-же время, равно, какъ и служба, значительно упрощались, теряли свой, подчасъ мрачный, колоритъ...

И вотъ, увлеченный дружнымъ теченіемъ новаго начальства, сослуживцевъ, бывшихъ слушателей одной и той-же Академіи, работавшихъ въ направленіи, неудержимо противоположномъ академическому курсу и навстрѣчу практической рутинѣ, я, мало-по-малу, сталъ самъ, довольно-таки ловко, не безъ самодовольства, набивать себѣ мозги и перо на военно-юридической канцелярщинѣ, а обвиняемыхъ обставлять такъ, чтобы имъ никакъ не удалось увильнуть отъ карающаго ихъ закона, стараясь не вдумываться въ психологію совершенныхъ ими дѣяній...

Тутъ, впрочемъ, скоро и стало для меня понятнымъ, почему военные юристы такъ спѣшатъ—поскорѣе выполнить свои служебныя обязанности, чтобы не думать о службѣ, забыть о ней, уйти съ головой въ личную, общественную жизнь: работа ихъ была слишкомъ безцвѣтна, однообразна, а, главное, грязна...

Развѣ могло быть пріятнымъ—распластать, по всѣмъ правиламъ науки, закона, дисциплины, какого-либо жалкаго, трепещущаго, понятія о законѣ неимѣющаго, безграмотнаго, темнаго, нищаго, заблудша-

го, спившагося солдатишку и общими усиліями военнаго суда, военно-прокурорскаго надзора, съ высоты авторитета, власти, чиновъ, закона, привиллегированнаго положенія, по всѣмъ правиламъ юридическаго искусства, запихивать его въ мѣшокъ военной тюрьмы, дисциплинарнаго баталіона!?.

Все это продѣлывалось подъ оклики, удары, понуканія изъ Петербурга...

И такъ чуть не изо дня въ день, отъ одного дѣла къ другому, во всю долгую службу, иногда лишь съ убогими варіаціями на тѣже, давно надоѣвшія, избитыя темы воинскаго быта!!.

Есть отъ чего, какъ говорится, „обалдѣть", махнуть на все рукою, опуститься...

А, если обвиняемый, изъ болѣе развитыхъ и прыткихъ, не сдаваясь, начиналъ борьбу съ такъ называемымъ воинскимъ правосудіемъ, то развѣ могла удовлетворять мало-мальски образованнаго, развитаго человѣка роль систематическаго добиванія такого сопротивляющагося, съ заранѣе непоколебимымъ убѣжденіемъ, что какъ тотъ ни кричи, ни протестуй, ни выворачивайся и ни уклоняйся отъ ударовъ—„мѣшка" ему не миновать, а за упорство накладутъ еще по суду безпощаднѣе, въ видѣ „высшей мѣры наказанія"...

У военнаго юриста почти никогда нѣтъ того подъема духа, мысли, чувства, какой зачастую встрѣчается въ судахъ гражданскихъ, такъ какъ нѣтъ и такихъ громкихъ процессовъ, которые-бы, въ виду личностей преступниковъ, способовъ ихъ борьбы съ правосудіемъ, средствъ этой борьбы, начиная съ личной самозащиты до услугъ знаменитостей адвокатуры, вызывали-бы ожесточенную борьбу на судебной аренѣ, своего рода „спортъ"...

„Стороны обмѣнялись рѣчами", какъ заносится въ протоколы засѣданій военно-окружныхъ судовъ—и за этой фразой вспоминаются безцвѣтныя, казенныя, безталантныя рѣчи представителей военнаго обвиненія и еще болѣе жалкія, убогія, подчасъ, во всемъ ихъ казенномъ краснорѣчіи, рѣчи казенныхъ защитниковъ, которыхъ судъ обыкновенно не слушаетъ...

Пустой, огромный, нарядный залъ засѣданій. Портретъ Государя. Икона съ лампадой. Шаблонная обстановка; шаблонное словоизверженіе... За рѣшоткой, у стѣны, подъ конвоемъ двухъ часовыхъ, подъ иконою, виднѣется какая-нибудь невзрачная, жалкая фигурка, на которой выдѣляется глупая, безсмысленная, съ признаками вырожденія, физіономія: „нѣкто въ сѣромъ" ждетъ, покорно вытянувшись въ струнку, своей участи, туго соображая и равнодушно относясь къ окружающему...

Вотъ что-то проговорилъ блестящій прокуроръ и вяло погрузился въ свое кресло...

Что-то говоритъ защитникъ...

Заданъ шаблонный вопросъ обвиняемому...

Судьи пошли совѣщаться... Залъ погружается въ тишину...

Приговоръ вынесли. „Нѣкто въ сѣромъ" уводится изъ залы засѣданій: на лицѣ его по-прежнему ни страданія, ни мысли...

На очереди—слѣдующее дѣло и слѣдующій незнакомецъ...

А въ результатѣ, для военнаго юриста—тоска, безпросвѣтная тоска, граничащая съ духовнымъ самоубійствомъ. День потерянъ. Завтра-тоже самое...

Долженъ сознаться, однако, въ свое оправданіе, въ томъ, что въ тайникахъ души моей никакъ не могъ я примириться съ ролью только послушнаго „раба“ закона или „палача“, какъ я называлъ наединѣ съ собою, мое положеніе, а взоры мои нѣтъ—нѣтъ да и обращались съ укоризненными вопросами—назадъ, ко грубо обманувшей меня Академіи, къ ея профессорамъ, такъ сладко пѣвшихъ на отвлеченныя темы.

Съ ужасомъ сознавалъ я, въ то-же время, что несмотря на суровую школу моихъ прокуроровъ, ихъ помощниковъ, изъ меня никогда, никогда не выработается, да и не можетъ выработаться „настоящаго“ военнаго юриста, какъ ясно было для меня и то, что съ моими вѣчными сомнѣніями, колебаніями, страхами, исканіями истины, блужданіями, съ моею вѣчной боязнью причинить вредъ ближнему, и „философіей“, я подчасъ не только смѣшонъ, но прямо лишній, а, пожалуй, даже и вредный на военно-судейской службѣ.

При томъ, вѣдь то были первые, еще робкіе, неувѣренные шаги мои на военно-юридическомъ поприщѣ, въ роли ни за что неотвѣчающаго „прикомандированнаго“.

„Что-же будетъ далѣе, когда стану я помощникомъ военнаго прокурора, т. е. на положеніи самостоятельнаго обвинителя?“ думалось мнѣ нерѣдко съ тоскливой тревогою...

Военно-судебная дѣятельность, въ томъ видѣ, какъ она открылась вдругъ передо мною, начинала казаться мнѣ, безъ твердаго убѣжденія въ ея пользѣ, чѣмъ-то въ родѣ длящагося преступленія, въ которомъ не имѣлъ я пока силъ откровенно самому себѣ сознаться...

Надо было-бы бѣжать, а я оставался...

Бѣжать?!. Уйти изъ вѣдомства, хотя-бы, напримѣръ, въ адвокатуру?!. Но тутъ терялась вся прежняя служба съ ея преимуществами, а зарабатывать хлѣбъ, между тѣмъ, было нужно: какъ ни какъ, я былъ недурно обезпеченъ даже въ скромномъ положеніи прикомандированнаго, съ извѣстнымъ будущимъ впереди... Жаль было и мундира... Жаль было и начальства, и сослуживцевъ: между ними находились прекрасные, честные люди, лишь плывшіе безъ борьбы по теченію, т. е. дѣлавшіе то-же, что и я, не разсуждая, безъ сомнѣній и колебаній.

Что-же дѣлать?!

Пріѣздъ въ Вильну любимаго моего профессора Военно-Юридической Академіи—Бершадскаго, письмо котораго, связанное съ этимъ пріѣздомъ, я привелъ выше, только растравилъ во мнѣ рану тайныхъ сомнѣній моихъ и колебаній. А съ какими надеждами ждалъ я этой желанной встрѣчи!..

Бывшіе слушатели Академіи пригласили профессора на обѣдъ, какъ-бы бросились неудержимо, въ лицѣ пріѣхавшаго, навстрѣчу академическому прошлому. И оказалось сейчасъ-же, что между этимъ прошлымъ и настоящимъ легла такая бездна военно-судейской прак-

тики и разочарованій, черезъ которую трудно было перешагнуть. И встрѣча, и тосты, и бесѣды, поэтому, какъ-бы поверхностно касались самого дорогого для насъ—академическаго прошлаго, академическаго курса... Страшно было подумать, что ежели-бы настоящій ученый да вздумалъ спросить насъ: примѣнили-ли мы, бывшіе слушатели его, къ жизни то, о чемъ онъ намъ проповѣдывалъ? Что-бы мы ему отвѣтили, кромѣ общихъ фразъ, съ виляньемъ въ стороны, съ неискренними оговорками да недомолвками?!

Къ счастью, подобнаго вопроса задано намъ не было.

Но уже самое умолчаніе о многомъ, при этой встрѣчѣ, клало на все печать какой-то недостойной игры, холода, политики...

Да, никогда еще не чувствовалъ я того исключительнаго, ненормальнаго положенія, какое занимаетъ Военно-Юридическая Академія въ жизни военно-судебнаго вѣдомства, какъ при нежданномъ свиданіи съ бывшимъ моимъ профессоромъ.

Помню, какъ отрадно было мнѣ, когда Бершадскаго не стало въ Вильнѣ...

Хотѣлось забыться, не думать о подобной непріятности и обидѣ, связанныхъ съ пріѣздомъ знаменитости.

И я съ головой ушелъ, вслѣдъ за тѣмъ, въ мои дѣловыя обязанности, еще усерднѣй набивая себѣ руку, заслуживая даже не разъ похвалу отъ моего непосредственнаго начальства.

Мнѣ не стыдно было принимать эти поглаживанія по головкѣ, ясно указывавшія на то, какъ далекъ я сталъ отъ моего академическаго прошлаго, отъ клятвъ, данныхъ мною при выходѣ изъ Академіи самому себѣ, въ тайникахъ моей совѣсти.

Вспоминалось мнѣ, какъ профессоръ А. Д. Градовскій, мой хорошій знакомый, нечитавшій въ нашей Академіи, но скептически относившійся къ практичности, примѣнимости ея курса, въ частномъ разговорѣ со мною на тему, данную мнѣ, при окончаніи Академіи для письменной работы,—съ презрѣніемъ, прямо съ насмѣшкой, отнесся къ моему желанію сочинить нѣчто новое, свое, оригинальное, и молча сунулъ мнѣ какую-то старую книжку, изъ которой можно было, по словамъ его, благополучно списать все, что для меня являлось нужнымъ, не ломая, какъ онъ выражался, „напрасно головы“...

Еще недавно такое отношеніе ко мнѣ, какъ академику, показалось-бы мнѣ обиднымъ... Теперь-же, раздраженный на Академію за ея обманы и призраки, я понималъ, что Градовскій, съ извѣстной точки зрѣнія, по своему, былъ правъ...

Не знаю, во что обратило-бы меня, въ концѣ-концовъ, это настроеніе вѣчнаго неудовлетворенія, эта внутренняя борьба и въ то же время, эта, легко усваимая, привычка, въ подслѣдственныхъ, подсудимыхъ, обвиняемыхъ видѣть лишь скучный, неинтересный матеріалъ для болѣе или менѣе ловкаго, удачнаго, шаблоннаго составленія „заключеній“, если-бы не появились на сцену параллельно съ моими канцелярскими обязанностями при военно-прокурорскомъ надзорѣ, обязанности военнаго „защитника“ по назначенію—въ военно-окружномъ судѣ, гдѣ я служилъ.

Даже не это, въ сущности, встряхнуло меня, спасло, образумило, а встрѣча съ моимъ родственникомъ и благожелателемъ—присяжнымъ повѣреннымъ В. Н. Герардомъ, нынѣ тоже умершимъ, какъ умерли Бершадскій, Градовскій и другіе, сыгравшіе роль въ моемъ юридическомъ міросозерцаніи,—съ чуднымъ, просвѣщеннымъ человѣкомъ, къ которому какъ-то однажды обратился я съ моими сомнѣніями, вызванными въ душѣ первой борьбою практики военно-судебной дѣйствительности и недавнимъ прохожденіемъ академическаго курса.

Вѣроятно, съ чуткостью любящаго меня сердца, угадавъ бездну раскрывавшуюся у ногъ моихъ съ открывавшейся перспективой увлеченія общимъ теченіемъ военно-юридической службы, и желая спасти совѣсть мою отъ засасывающаго омута дурныхъ привычекъ военно-судебной практики, грозившихъ мнѣ благополучіемъ мирнаго, служебнаго прозябанія, несомнѣнно въ ущербъ интересамъ правосудія, благородный другъ мой сказалъ мнѣ, однажды, въ отвѣтъ на мои жалобы, приблизительно слѣдующее:

„Ахъ, дорогой мой, какая у васъ, въ сущности, прекрасная, прямо завидная юридическая молодость—въ положеніи начинающаго защитника, да еще кого—нижнихъ чиновъ! Вотъ, думается мнѣ,—непочатый край типовъ, бытовыхъ особенностей, психологическихъ задачъ... Вѣдь вы—писатель...“

На унылое-же мое замѣчаніе, что не найдешь психологіи въ какомъ-либо пустячномъ дѣлѣ о промотаніи третье-срочныхъ шароваръ, или буйствѣ нижняго чина въ пьяномъ видѣ, на скорбное признаніе, что я во что бы то ни стало хочу уйти изъ военно-судебнаго вѣдомства именно потому, что дѣла, попадающіяся мнѣ въ руки, какъ защитнику, шаблонны, неинтересны, безъ всякаго намека на психологію, что такъ называемыя „преступленія“ до смѣшного жалки, сами „преступники„—почти всегда ничтожны, сѣры, лишены типичности, бытовая-же обстановка, возможность ея освѣщенія, совершенно ускользаютъ отъ меня, какъ отъ человѣка, связаннаго мундиромъ и условіями военной службы, законами и „рѣшеніями“, а какъ военный защитникъ я сознаю себя въ засѣданіяхъ нулемъ, особенно по доказаннымъ дѣламъ и воинскимъ преступленіямъ, Владимиръ Николаевичъ, со свойственной ему живостью, упрекнувъ меня сейчасъ-же въ слезливомъ малодушіи только что начинающаго свою юридическую карьеру новичка, съ глубокимъ убѣжденіемъ, сказалъ мнѣ незабвенныя слова:

„Помните, разъ навсегда, мой хорошій, что, въ сущности, дѣлъ незначительныхъ, неинтересныхъ, для порядочнаго защитника, не можетъ, не должно существовать уже потому, что за каждымъ изъ нихъ кроется, хоть маленькая, скромная, незамѣтная, но все-же драма чужой жизни, а съ нею, значитъ, и человѣческое страданіе, человѣческія слезы... Запомните это твердо! Вы думаете, что я началъ мою карьеру защитника съ громкихъ дѣлъ, со знаменитыхъ процессовъ, о которыхъ кричитъ общество, пресса?!.. Нѣтъ... И я сначала не глубоко плавалъ, и разочаровывался, и падалъ, пока не усвоилъ себѣ того, что ничтожныхъ дѣлъ нѣтъ на свѣтѣ... Читайте, поэтому, пре-

жде всего, изучайте детально, внимательно всякое, самое маленькое, самое, повидимому, незначительное дѣло, ввѣренное вамъ по службѣ: въ каждомъ изъ нихъ—повѣрьте личному моему, долгому опыту—вы навѣрное найдете что-либо, что можетъ повлечь за собою, если не полное оправданіе, то хоть нѣкоторое право на смягченіе участи вашего кліента... У меня—привычка читать всякое дѣло, изучая его отъ первой бумажки до послѣдней. И какъ это не разъ помогало мнѣ въ моей борьбѣ за интересъ моихъ кліентовъ!...“

Когда-же я подчеркнулъ, что прямо безсиленъ подчасъ сдѣлать что либо въ исключительномъ положеніи военнаго защитника, В. Н. Герардъ посовѣтовалъ мнѣ—„учиться и бороться, бороться и учиться“.

Безъ этого, по его убѣжденію, ничего нельзя вообще достичь въ жизни.

„Если“ говорилъ мнѣ онъ: „мракъ, окружающій васъ на военно-юридической службѣ,—великъ, упоренъ, то тѣмъ болѣе надо остаться на службѣ, для того, чтобы колебать его, этотъ мракъ... Если „рѣшенія“ измѣняютъ законъ, заслоняютъ отъ васъ жизнь, то тѣмъ достойнѣе борьба во имя закона и жизни.“

Такъ поучалъ меня этотъ замѣчательный—увы!—уже забываемый въ Россіи, знаменитый въ тѣ дни, юристъ, дѣятель общественный и человѣкъ...

Оглянувшись вокругъ, послѣ вѣщихъ, предостерегающихъ словъ его, я убѣдился, однако, въ томъ, что ни я, какъ и никто изъ моихъ сослуживцевъ по защитѣ, не придерживаемся этого, безъ сомнѣнія, единственно справедливаго, разумнаго взгляда...

Въ то-же время, для меня была уже ясна жалкая, въ сущности, роль защитника въ военномъ судѣ, если онъ, какъ большинство моихъ товарищей, будетъ ограничиваться лишь казеннымъ отношеніемъ къ своимъ служебнымъ обязанностямъ: судьи не слушали такихъ защитниковъ и они, въ судебныхъ засѣданіяхъ, являлись какъ-бы неизбѣжной, дурно написанной, выцвѣтшей декораціей...

Вотъ гдѣ, въ военной защитѣ, сказался прежде всего вредно обычай Академіи—принимать всякаго офицера, удовлетворяющаго общимъ требованіямъ офицерской порядочности, не убѣждаясь во-время прохожденія курса, въ пригодности его къ избранной военно-юридической профессіи.

„Защитники“, „ораторы“, „юристы“ родятся. Никакая Академія въ мірѣ никогда ихъ не создавала. Надо любить профессію защитника, юриста... Иначе иди за конторку, въ банкъ, или шагай на парадахъ и маневрахъ!!.

Вотъ, что невольно приходило въ голову, когда сталъ я приглядываться къ себѣ, къ моимъ сослуживцамъ по защитѣ, примѣняя къ нимъ юридическій масштабъ В. Н. Герарда...

Идя по пути, указанному мнѣ столь честно моимъ благороднымъ учителемъ, я скоро, однако, пришелъ, уже самостоятельно, къ выводу, что покойный Владиміръ Николаевичъ открылъ мнѣ лишь половину секрета—добросовѣстнаго отношенія къ обязанностямъ, связаннымъ со всякой защитою: мало детально изучать бумажное слѣд-

ственное производство, ловко выуживая изъ предварительныхъ слѣдствій то, что можетъ послужить на пользу того или другого „кліента“, мало заносить въ судебныхъ засѣданіяхъ разныя нарушенія закона и процесса, улавливая военныхъ судей, съ злокозненной цѣлью обжалованія въ высшей инстанціи ошибочнаго, слишкомъ суроваго или несправедливаго приговора, мало даже войти съ любовью, попечительно къ участи обвиняемаго въ служебную, бытовую обстановку даннаго случая, но необходимо найти еще дорогу въ убогія подчасъ сумерки личныхъ страданій и надеждъ обвиняемаго, какъ человѣка и нижняго чина, на сколько-бы мало интересенъ и несимпатиченъ онъ ни казался...

Вотъ, гдѣ одна изъ благородныхъ сторонъ положенія всякаго защитника, въ томъ числѣ и военнаго.

И едва нащупалъ я, еще невѣрными ногами, подъ собой такую именно, психологическую почву, какъ передо мною открылся, не вдругъ, а мало-по-малу, міръ забитыхъ, непросвѣтленныхъ умственно и духовно, полу-дикихъ, конечно, незнающихъ какихъ-либо законовъ, „правъ“, „юридическихъ нормъ“ и т. п. нижнихъ чиновъ, довѣрчиво, съ надеждою ждущихъ, однако, отъ меня опытнаго совѣта и поддержки...

Тутъ-то и пригодились мнѣ знанія законовъ, рѣшеній и т. п.

Снова стали проходить, въ то-же время, передо мною столь любимые въ дѣтствѣ „солдатики“, друзья моихъ юныхъ утѣхъ и развлеченій.

Но совсѣмъ иныя начала, иные интересы приковывали теперь умъ мой, мою совѣсть къ ихъ сѣрой, заурядной участи, мимо которой еще недавно спѣшилъ я пройти столь равнодушно...

Снова „человѣкъ“ всталъ передо мною со всей его страдальческой дѣйствительностью и еще разъ показалось какъ-бы возможнымъ на практикѣ примѣнить идеалы академическаго курса...

Первыя-же мои командировки, въ качествѣ защитника, по Виленскому военному округу, съ временными судами, при новомъ направленіи взглядовъ моихъ и убѣжденій, открыли передо мною и безграничную арену для борьбы за нужды сѣрыхъ „кліентовъ“...

То была пора, когда военно-судебное вѣдомство, переживъ эпоху Милютинскаго расцвѣта, перешло отъ ослѣпительнаго свѣта къ сумеркамъ временъ ген. Ванновскаго.

И здѣсь уже чувствовались уступки натиску строевого элемента, по какому направленію, въ слѣдующій періодъ своего существованія, военно-судебное вѣдомство и пошло, какъ-бы скользя все быстрѣе и быстрѣе по наклонной плоскости, притомъ все дальше и дальше отъ Милютинскихъ традицій.

Самъ гр. Милютинъ былъ еще живъ; но, пока я находился въ Академіи, только одинъ разъ посѣтилъ онъ съ визитомъ начальника послѣдней ген. Бобровскаго.

Визитъ, помню, пришелся около 12 часовъ дня, когда обыкновенно дѣлался перерывъ въ занятіяхъ и всѣ расходились на завтракъ. Общее убѣжденіе, что Почетный Президентъ Академіи пожелаетъ увидѣться со слушателями было на столько сильно, что, во

все время пребыванія у ген. Бобровскаго маститаго фельдмаршала, никто не расходился—ни профессора, ни слушатели. Однако гр. Милютинъ не зашелъ къ намъ и это намъ объяснили боязнью, что Ванновскій заподозритъ, пожалуй, его въ популярничаньи передъ военной молодежью.

Послѣ статсъ-секретаря Философова, во главѣ военно-судебнаго вѣдомства, при мнѣ, стоялъ еще свѣтлѣйшій князь Имеретинскій, т. е. вліятельная „особа“, съ которой приходилось—таки считаться Военному Министерству. Съ его уходомъ появился рядъ главныхъ военныхъ прокуроровъ, людей, между которыми были лица высокихъ нравственныхъ качествъ, но безъ всякаго общественнаго положенія и связей, почему съ ними военные министры уже не церемонились.

Это одно, равно какъ и много другихъ обстоятельствъ, въ теченіе ряда лѣтъ, слѣдовавшихъ за выходомъ моимъ изъ Академіи, указывали неумолимо на то, что вѣдомство утратило свое былое, высокое, „Милютинское“ значеніе...

Однако, Академія, по-прежнему, оставалась какой-то аномаліей и какъ тетеревъ на току, закрывъ глаза на дѣйствительность, на потребности времени, военнаго вѣдомства, значительно ее опередившаго, все продолжала жить своей особой, тепличной, отвлеченной жизнью, выбрасывая изъ стѣнъ своихъ, какъ прежде, ежегодно, новые и новые десятки офицеровъ, которыхъ, какъ и меня, поджидалъ на службѣ полный разладъ съ академическимъ курсомъ, т. е. разочарованіе...

Конечно, подобныя явленія на нравственной, служебной почвѣ, не могли не дѣйствовать развращающимъ образомъ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ на натуры слабыя или „хищнаго типа“.

Натуры слабыя быстро опускали на службѣ руки и, не боясь, отдавались убаюкивающему ихъ теченію.

Натуры второго, хищнаго типа, какъ болѣе сильныя, страстныя, ищущія съ ропотомъ выхода, спѣшили, конечно, по своему, въ личныхъ своихъ цѣляхъ, возможно лучше использовать создавшееся положеніе, бросившись на путь исканія служебной карьеры...

И вотъ рядомъ съ благородными, прекрасными представителями военныхъ юристовъ, скромно дѣлавшими свое незамѣтное, тяжелое, неблагодарное дѣло, появились типы людей, опустившихся, извѣрившихся въ нравственный смыслъ, въ пользу, въ справедливость юридической своей дѣятельности, переставшихъ бороться со все усиливающимся натискомъ строевого элемента...

Въ то-же время, среди военныхъ юристовъ „въ чинахъ“ замелькали люди неудовлетворенные своей карьерой, нѣкогда талантливыя натуры, а теперь съ годами, подъ вліяніемъ разочарованія, неудачъ, тяжелой работы надъ пустячными дѣлами однихъ и тѣхъ-же видовъ, въ хаосѣ противорѣчивыхъ „рѣшеній“ утратившіе юридическій смыслъ и пониманіе духа закона, отлившіеся въ типы психопатовъ, самодуровъ, особенно проявлявшихъ свои отрицательныя качества по захолустьямъ, во время командировокъ... Самыя-же командировки стали обращаться порой, при наличности подобныхъ ненормальныхъ, неуравновѣшенныхъ субъектовъ, въ нѣчто позорное для всего вѣдомства, подчасъ прямо анекдотическое...

Одно время такихъ господъ спасало отъ справедливаго негодованія строевого элемента созданное для военныхъ судей Милютинымъ особое, самостоятельное, сравнительно высокое, служебное положеніе...

Но потомъ, съ годами, строевое начальство опомнилось и заговорило, закричало, запротестовало на всѣ лады...

Неудобные элементы военно-судебнаго вѣдомства нѣсколько подтянули, хотя и не прогнали со службы. Но тѣмъ не менѣе скверное впечатлѣніе прочно засѣло, осталось въ памяти арміи.

И долго послѣ того, по отдѣльнымъ личностямъ отрицательнаго поведенія, сомнительной нравственности, стали судить обо всемъ военно-судебномъ вѣдомствѣ...

Къ несчастію, тяжелая, ненормальная, безпросвѣтная служба военнаго юриста, и въ будущемъ поставляла новыхъ и новыхъ психопатовъ и недостойныхъ...

А страдало изъ за нихъ опять-таки все, ни въ чемъ неповинное, вѣдомство...

Отсюда-то, мало-по-малу, выработалась своего рода, такъ сказать, принципіальная, травля военныхъ юристовъ строевымъ начальствомъ.

Это послѣднее все чаще и чаще стало покрикивать на представителей военно-судебнаго вѣдомства. Столкновенія его съ чинами этого вѣдомства чаще и чаще кончались катастрофами въ жизни послѣднихъ: ихъ гнали со службы, переводили съ мѣста на мѣсто, заушали... Причемъ, за грѣхи чужіе, гибли нерѣдко и достойные...

М. И. Драгомировъ, съ присущимъ ему циничнымъ, нерѣдко прямо площаднымъ, остроуміемъ, приклеивалъ, не стѣсняясь, не оглядываясь какъ прежде, на Милютина, открыто, всенародно, къ военнымъ юристамъ обидныя клички, прозвища, при всякомъ удобномъ случаѣ подтягивая отдѣльныя единицы изъ ихъ среды и высказываясь даже за полное упраздненіе военно-судебнаго вѣдомства, какъ особаго вѣдомства, только, яко-бы вредящаго службѣ, мѣшающаго строевому элементу.

Въ отвѣтъ на эти выходки присяжнаго остряка военно-судебное вѣдомство отмалчивалось; зато армія имъ рукоплескала...

Пока Милютинъ былъ въ силѣ, дальновидный политикъ, Михаилъ Ивановичъ сдерживалъ свой безпощадный, тяжелый, юморъ, который и развернулся во всей своей красѣ при Ванновскомъ...

Не забуду, какъ во время одного изъ Высочайшихъ выходовъ въ Зимнемъ Дворцѣ, генералъ Драгомировъ, на заявленіе нашего начальника Академіи ген. Бобровскаго о томъ, что сейчасъ начнется выходъ, а онъ, Драгомировъ, съ кучкой слушателей своей Академіи сталъ впереди Военно-Юридической Академіи,—съ дѣланнымъ испугомъ заковылялъ, при помощи палочки, отъ фронта военно-юридическихъ слушателей, испуганнымъ шепотомъ произнося: „Виноватъ... Виноватъ... Я и забылъ, что затемняю... ученое вѣдомство... Тутъ... ученые... Виноватъ...“

У насъ, слушателей Военно-Юридической Академіи, была общая со слушателями Академіи Генеральнаго Штаба касса, гдѣ мы, въ подавляющемъ большинствѣ, бѣдняки, могли занять нѣсколько десятковъ рублей въ долгъ съ расплатою, для поддержанія своего полу-голоднаго существованія...

Бывало идешь въ Академію Генеральнаго Штаба съ опаскою, пристально всматриваясь, не спускается-ли съ парадной лѣстницы характерная фигура Драгомирова. Мы знали, что не дай Богъ попасться ему на глаза: старенькій сюртукъ, дыра подъ мышкою, случайно обнаружившаяся при отданіи чести, слишкомъ длинные волосы и т. п., вызывали не только обидныя, оскорбительныя насмѣшки со стороны блестящаго, ядовитаго генерала, но даже глумленія, съ приказаніемъ доложить начальству Военно-Юридической Академіи о замѣченныхъ непорядкахъ въ наружности...

Всѣмъ извѣстно, что Драгомировъ звалъ военныхъ юристовъ „ассенизаторами" и другими неблагозвучными, оскорбительными кличками.

По поводу одной изъ нихъ покойный Главный Военный Прокуроръ баронъ Остенъ-Сакенъ разсказывалъ мнѣ, что однажды, въ смѣшанномъ военномъ обществѣ, гдѣ былъ онъ и другіе военные юристы, изрядно подкрѣпившій силы свои напитками Драгомировъ началъ называть разныя военныя вѣдомства арміи частями человѣческаго организма: генеральный штабъ былъ у него названъ головой арміи, интендантство—желудкомъ и т. д.

Когда дошла очередь до военно-судебнаго вѣдомства, то Михаилъ Ивановичъ сравнилъ его съ заднимъ проходомъ, черезъ который армія выдѣляетъ изъ своего организма всякаго вида отбросы.

Всѣ, или почти всѣ, конечно, смѣялись. Но баронъ, обиженный, по его словамъ, циничностью, неумѣстностью и умышленностью сравненія, принялъ вызовъ и заявилъ Драгомирову:

— „Согласитесь, Ваше Высокопревосходительство, что ежели задній проходъ въ непорядкѣ, то и голова работаетъ плохо..."

Умному Михаилу Ивановичу ничего не оставалось болѣе, какъ согласиться съ подобной отповѣдью...

Понятно, что разъ популярный начальникъ Академіи смотрѣлъ такими глазами на наше вѣдомство, въ теченіи десятковъ лѣтъ проводя тѣ-же взгляды среди слушателей своей Академіи, то нечего удивляться, если и цѣлыя поколѣнія офицеровъ генеральнаго штаба пріучались смотрѣть на насъ, военныхъ юристовъ, его-же глазами, т. е. свысока, пренебрежительно...

Правда, Драгомировъ, какъ человѣкъ осторожный, дальновидный, билъ обыкновенно впослѣдствіи, очутившись въ качествѣ командующаго войсками въ непосредственномъ соприкосновеніи съ военно-судебнымъ вѣдомствомъ, по этому послѣднему вѣдомству, увѣряя, что яко-бы преслѣдуетъ лишь отдѣльные отрицательные элеметы послѣдняго, засоряющіе вѣдомство.

Надо отдать справедливость, что Драгомирову повезло на встрѣчи съ такими дѣятелями нашего вѣдомства, которыхъ онъ презиралъ въ душѣ за ихъ готовность гнуть спину передъ строевымъ началь-

ствомъ, заглядывать послѣднему въ глаза съ заискивающимъ, робкимъ вопросомъ, „что изволите приказать?“, сносить всякія оскорбленія и получать, при помощи строевого элемента, подачки въ видѣ особыхъ аттестацій и наградъ...

Съ другой стороны, его раздражала всякая попытка военныхъ юристовъ быть мало-мальски самостоятельными и вмѣшиваться въ жизнь строевыхъ частей въ видѣ особыхъ постановленій военно-окружныхъ судовъ, военныхъ слѣдователей, тамъ гдѣ Михаилъ Ивановичъ изволилъ усматривать лишь свое, домашнее дѣло, до котораго не должно касаться „малиновое“ вѣдомство, пререканій со строевымъ элементомъ по толкованію, примѣненію закона, когда это шло почему-либо наперекоръ его начальническому самодурству и т. п.

Его идеаломъ было военно-судебное вѣдомство, обращенное въ послушныхъ лакеевъ строевого элемента, но, тѣмъ не менѣе, съ наружнымъ достоинствомъ, прилично исполняющее лакейскія свои обязанности...

Такой взглядъ его глубоко меня возмущалъ, служа прежде всего яркимъ показателемъ паденія значенія, престижа Милютинскихъ традицій въ вѣдомствѣ.

И когда, много лѣтъ спустя (въ 1902 году), завязалась у меня съ знаменитымъ генераломъ интересная переписка на эту тему, а я, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, какъ военный юристъ, любящій свой мундиръ, высказалъ рѣзкое осужденіе генералу за огульную, несправедливую травлю, которую онъ устраиваетъ всему военно-судебному вѣдомству, сваливая въ одну кучу и правыхъ, и виновныхъ, подчеркнувъ, при томъ, что живя у художника И. Е. Рѣпина и имѣя предложеніе послѣдняго—познакомить меня съ нимъ, Драгомировымъ, за завтракомъ, я умышленно уклонился, поэтому, отъ этого лестнаго для меня свиданія, Михаилъ Ивановичъ, изъ Кіева, гдѣ былъ командующимъ войсками и генералъ-губернаторомъ, откровенно писалъ мнѣ, полковнику:

„И за „дѣло“, *) и за письмо искренно благодарю. А что, по слухамъ, будто я военнаго суда не люблю, такъ это вздоръ. Учрежденіе нельзя любить или не любить, а людей можно и должно. Если я противъ шерсти погладилъ г. М., а въ послѣднее время г. М. (генералъ назвалъ, при этомъ, полностью и фамилію военно-судебныхъ генераловъ), такъ я-бы это сдѣлалъ и въ томъ случаѣ, если-бы они процвѣтали въ иномъ какомъ учрежденіи. Душевно жалко, что мы не встрѣтились: съ Вами познакомиться былъ-бы радъ...“

Конечно, правъ былъ величайшій скептикъ и балагуръ нашего недавняго прошлаго, отдѣляя военно-судебное вѣдомство отъ тѣхъ отрицательныхъ элементовъ, которые въ него понемногу просочились. Но развѣ можно было забыть его эпитеты, относившіеся не къ личностямъ, а къ цѣлому вѣдомству? И, говоря мнѣ такъ, онъ, конечно, хитрилъ, изворачивался.

А я, выйдя на службу изъ Академіи, нашелъ—увы!—такіе отдѣльные, нежелательные элементы въ изобиліи.

*) Я пожертвовалъ бумаги по старинѣ Юго-Западнаго края.

Это объяснялось не только тѣмъ, что само вѣдомство уже расшатывалось врагами его, сверху и снизу, но и тѣмъ, что первые наборы слушателей, по необходимости, какъ я уже указывалъ выше, были сдѣланы наспѣхъ, не всегда съ надлежащимъ разборомъ...

Пока царилъ въ военномъ вѣдомствѣ гр. Милютинъ, пока съ вѣдомствомъ носились, какъ съ новинкой, вся эта муть спокойно лежала на днѣ, не проявляя своихъ скверныхъ качествъ и стараясь подладиться подъ общій, высокій тонъ, данный съ верховъ военной власти.

„Ванновщина“, т. е., въ сущности, періодъ вытравливанія Милютинскаго духа изъ арміи, дала ей, этой нечисти военно-судебнаго вѣдомства, возможность всплыть наверхъ и безнаказанно засорять чистыя, незараженныя еще, струи послѣдняго.

Тогда-то стали играть роль въ вѣдомствѣ личности „хищнаго типа“, за которыми совершенно справедливо и еще энергичнѣе, начали охотиться Драгомировъ и другіе представители строевого элемента, стоящаго на стражѣ интересовъ арміи.

Военно-же судебное вѣдомство, то переваривало ихъ, эти отрицательные элементы, благополучно, то выплевывало ихъ изъ своей утробы. Но, на смѣну имъ, появлялись новые и новые, порой еще менѣе симпатичные—въ зависимости отъ того, кто стоялъ во главѣ вѣдомства въ качествѣ Главнаго Военнаго Прокурора.

М. И. Драгомирова уже не было въ живыхъ, а это засореніе все еще продолжалось.

Конечно, я уклонился-бы опять отъ основной темы настоящей книги, если-бы написалъ исторію моего несчастнаго вѣдомства.

Мысль о такой исторіи, т. е. собственно говоря о возникновеніи вѣдомства, давно копошилась, однако, у меня въ головѣ, и одно время настолько созрѣла, что за справками о блестящей эпохѣ созданія вѣдомства, въ 1899 году, обратился я къ перво-источнику—къ гр. Д. А. Милютину.

И съ этимъ доблестнымъ „орломъ“ изъ „стаи славной“ царствованія Императора Александра II-го, завязалась у меня, на подобной почвѣ, переписка.

Вотъ, между прочимъ, что писалъ онъ мнѣ по поводу военно-судебнаго вѣдомства:

„Мнѣ было истинно пріятно найти въ письмѣ Вашемъ теплыя выраженія привязанности и любви къ той спеціальной службѣ, которой Вы себя посвятили. Вы не ошибаетесь въ своемъ убѣжденіи, что и мнѣ близко къ сердцу Военно-Судное вѣдомство, которое своею честною, безукоризненною дѣятельностью въ теченіи болѣе тридцати лѣтъ вполнѣ оправдало благія надежды, возлагавшіяся на реформу 1867-го года. Поэтому Вы, конечно, не сомнѣваетесь въ томъ, что мнѣ было-бы столько-же прискорбно, какъ и Вамъ, если-бы этой почтенной службѣ дѣйствительно не отдавалась должная справедливость въ общественномъ мнѣніи, если-бы въ самомъ дѣлѣ на нее смотрѣли даже враждебно. Но позвольте въ этомъ случаѣ не согласиться съ Вашимъ пессимизмомъ. Сколько мнѣ извѣстно, нынѣшнее устройство у насъ военнаго суда не только заслужило общее одобреніе и довѣ-

ріе, но даже ставится въ образецъ западнымъ государствамъ, особенно нынѣ, послѣ недавнихъ печальныхъ фактовъ и скандаловъ во Франціи. Поэтому едва-ли существуетъ необходимость въ какомъ-либо громкомъ, всенародномъ, одобрительномъ заявленіи свыше нашему Военно-Судному вѣдомству, какъ-бы въ видѣ оправданія его, по примѣру послѣдовавшаго такого заявленія гражданскому суду, вызваннаго быть можетъ, какимъ-либо особымъ случайнымъ поводомъ. Подобнаго повода относительно Военно-Суднаго вѣдомства, какъ мнѣ кажется, не имѣется въ виду...“

„ ... Въ заключеніе скажу, что Военно-Судная часть тогда только можетъ оправдывать свое существованіе и пользоваться сочувствіемъ въ военномъ вѣдомствѣ, когда она тѣсно объединена съ этимъ послѣднимъ и съ самой арміей...“

Такъ говорилъ (30 октября 1899 г.), изъ своего Крымскаго уединенія, совершенно отставшій отъ послѣднихъ современныхъ ему теченій, великій старецъ...

А вотъ два другихъ, позднѣйшихъ письма ко мнѣ графа Д. А. Милютина 1900 года—изъ той эпохи, когда задумалъ я, было, написать правдивую исторію Военно-Юридической Академіи.

„Съ удовольствіемъ узналъ я изъ письма о Вашемъ намѣреніи предпринять историческую работу относительно учрежденія Военно-Юридической Академіи“ писалъ мнѣ мой высокій, сердечно-любимый и почитаемый корреспондентъ 9-го марта этого года: „Не менѣе была-бы желательна такая-же работа и вообще о всей нашей военно-судебной реформѣ 60-хъ годовъ, о которой, сколько мнѣ извѣстно, не сохранилось никакихъ слѣдовъ, ни въ юридической, ни въ военной литературѣ. О ней даже ничего не упоминается въ такомъ спеціальномъ изданіи, какъ энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ.

Очень охотно исполнилъ-бы Ваше желаніе о доставленіи Вамъ какихъ-либо данныхъ, могущихъ служить матеріаломъ для предположенной Вами работы. Къ сожалѣнію, ничего такого не нашлось въ моихъ бумагахъ и перепискѣ...“

На настойчивую-же мою просьбу подѣлиться со мной хотя-бы личными своими воспоминаніями, графъ Милютинъ, 25 апрѣля 1900 года, удостоилъ меня, изъ своего Симеиса, письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Запоздалый мой отвѣтъ на Ваше письмо отъ 27 прошлаго марта объясняется и оправдывается тѣмъ, что мнѣ хотѣлось еще разъ порыться въ своихъ старыхъ бумагахъ и письмахъ, чтобы дать хотя нѣсколько опредѣлительный отвѣтъ на поставленный Вами вопросъ. Къ сожалѣнію, долженъ повторить уже сказанное, что рѣшительно не нашлось ничего такого, что помогло-бы моей старческой памяти, на которую не могу положиться! Сколько стараюсь припомнить, первая мысль объ учрежденіи Военно-Юридической Академіи возникла безъ какого-либо комитета или совѣщанія, а вылилась сама собою изъ общаго хода дѣлъ, какъ естественное послѣдствіе готовившагося преобразованія военно-судной части. Пока проектъ новаго военнаго судопроизводства и судоустройства разрабатывался въ комиссіяхъ (сперва подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Кры-

жановскаго, а потомъ Великаго Князя Константина Николаевича), мы съ Владиміромъ Дмитріевичемъ Философовымъ не могли не предвидѣть, что для предположенныхъ новыхъ судовъ необходимо подготовить соотвѣтствующій личный составъ, хотя нѣсколько ознакомленный съ юридическими основами будущаго военнаго судопроизводства. Простѣйшимъ къ тому средствомъ на первый разъ было— собрать при Аудиторіатскомъ Департаментѣ предназначавшихся въ составъ первыхъ судовъ штабъ и оберъ-офицеровъ (даже нѣкоторыхъ генераловъ) и открыть для нихъ курсы въ помѣщеніи Аудиторскаго училища. Въ послѣдующемъ-же 1867 году, по окончаніи работъ Комиссіи и утвержденія составленнаго ею устава военнаго судопроизводства и судоустройства, сдѣлалось очевидно необходимымъ, открытые временно офицерскіе курсы обратить въ учрежденіе постоянное, давъ ему надлежащую организацію. Такое учрежденіе естественно было приравнять къ существовавшимъ уже Военнымъ Академіямъ, а выработка проекта новой Академіи была исполнена подъ непосредственнымъ руководствомъ В. Д. Философова, который и былъ непосредственнымъ и почти исключительнымъ помощникомъ моимъ по всему дѣлу преобразованія военно-судной части. Кромѣ него, сколько припоминаю, совѣтовался еще я иногда съ почтеннымъ Александромъ Ивановичемъ Проворовымъ, который и былъ назначенъ на должность единственнаго не-военнаго члена Главнаго Военнаго Суда, замѣнившаго прежній Генералъ-Аудиторіатъ.

Все сказанное, вѣроятно, Вы провѣрите просмотромъ документальныхъ матеріаловъ, какія найдете въ архивахъ Главнаго Военно-Суднаго Управленія и самой Академіи. Полагаю, что Вы сами увидите, при разборѣ этихъ матеріаловъ, какъ несправедливо поставленъ вопросъ въ нѣкоторыхъ изданныхъ доселѣ книгахъ, статьяхъ и юбилейныхъ рѣчахъ, гдѣ существованіе Военно-Юридической Академіи считается только съ 1878 года, т. е. съ утвержденія новаго устава, измѣненнаго, въ свою очередь, въ 1891 году. Всѣ эти послѣдовательныя измѣненія въ уставѣ обозначаютъ лишь стадіи постепеннаго развитія учрежденія, которому положено прочное основаніе въ 1867 году, хотя существовавшее прежде „Аудиторское училище“ и закрыто позже, съ послѣднимъ выпускомъ состоявшихъ въ немъ еще учениковъ.

Замѣчательно, что объ учрежденіи Военно-Юридической Академіи, также какъ и о самой реформѣ военно-судебной части въ 1867 году, ничего не найдете не только въ нашихъ энциклопедическихъ словаряхъ, но и въ такомъ спеціальномъ изданіи, какъ „энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“.

Искренно желая Вамъ успѣха въ предпринятой исторической работѣ, прошу принять выраженіе истиннаго моего уваженія и преданности гр. Д. Милютинъ“.

Я давно уже уничтожилъ начатую мною рукопись о военно-судебномъ вѣдомствѣ, объ Академіи, какъ отвлеченномъ, чудномъ этапѣ страдальческаго, измѣнчиваго пути этого вѣдомства—въ виду того, что контрастъ между прошлымъ и настоящимъ являлся слишкомъ яркимъ и безутѣшнымъ...

Если въ данную минуту, создавая теперешній трудъ мой, я еще разъ возвращаюсь къ той-же темѣ, то не для критики и осужденія, а лишь потому, что безъ связи съ военно-судебнымъ вѣдомствомъ, съ его судьбами, многое въ моемъ повѣствованіи о гауптвахтахъ было-бы и неясно, и односторонне.

Только, зная судьбу нашего вѣдомства, станетъ понятнымъ и почти одинокое положеніе мое въ борьбѣ за узниковъ главныхъ гауптвахтъ, какъ военнаго юриста, и то равнодушіе, которое упорно проявляло и проявляетъ все „вѣдомство" къ этому вопросу, мною поднятому.

Обезличенное, безправное, зависимое, лишь терпимое условно, лишенное Милютинскихъ идеаловъ, увлекаемое строевымъ элементомъ, по прихотямъ его, въ сторону отъ Милютинскихъ завѣтовъ, дрожащее за свое существованіе, вѣдомство это не поддержало меня и не поддержитъ, прежде всего потому, что боязливо сторонится отъ всего, могущаго вызвать столкновеніе со строевымъ, штабнымъ элементомъ.

А въ данномъ вопросѣ многое зависитъ именно отъ этого элемента...

Конечно, Милютинъ былъ правъ, упрямо отстаивая чистоту и неповинность въ чемъ-либо цѣлаго вѣдомства, какъ извѣстнаго идеала, созданнаго въ поученіе будущихъ поколѣній.

Я же, служившій въ этомъ вѣдомствѣ, работавшій на низахъ его, видѣлъ то, что ускользало отъ наблюденія этого „орла", парящаго подъ облаками, но съ чѣмъ соприкасался находившійся еще на службѣ ген. Драгомировъ, т. е. вышеупомянутые отрицательные элементы, изъ-за которыхъ обрушивались нападки на все, ни въ чемъ неповинное, вѣдомство...

Хорошо зналъ, на практикѣ, страдальческую, измѣнчивую исторію „вѣдомства" и галлерею отрицательныхъ типовъ его покойный Главный Военный Прокуроръ, баронъ Э. Р. Остенъ-Сакенъ, мой бывшій учитель по первымъ, колеблющимся шагамъ моимъ, въ роли военнаго юриста.

Въ то-же время, онъ не закрывалъ глаза и на истинныхъ героевъ вѣдомства, честной кровью своей запечатлѣвшихъ, въ послѣдніе годы, вѣрность принятой ими присягѣ и закону, до тяжкой необходимости вынесенія смертныхъ приговоровъ включительно, тогда какъ другіе изъ того-же вѣдомства, люди хищнаго, отрицательнаго типа, продолжали давать богатый матеріалъ для будущаго бытописателя современныхъ намъ событій—въ отрицательномъ, конечно, смыслѣ, позоря несчастное, втравленное во всяческую политику, вѣдомство...

Года два тому назадъ, будучи въ Петербургѣ, у барона, въ качествѣ уже отставного военно-судебнаго дѣятеля, поднялъ я мысль объ учрежденіи музея военно-судебнаго вѣдомства.

Въ сущности идея моя была не та: мнѣ хотѣлось въ такомъ спеціальномъ музеѣ сосредоточить лишь все, что касается Военно-Юридической Академіи, какъ упорной, убѣжденной носительницы Милютинскихъ идеаловъ, а также тѣхъ военно-судебныхъ дѣятеляхъ, которые, несмотря на всѣ колебанія военно-юридической поли-

тики, остались до конца, по возможности, вѣрны этимъ идеаламъ, до окровавленныхъ жертвъ безумнаго революціоннаго террора включительно...

Но, помня, что я говорю съ главнымъ представителемъ всего вѣдомства, при томъ представителемъ узко-канцелярскаго типа, для котораго Академія не являлась хранительницей Милютинскихъ завѣтовъ, а лишь учрежденіемъ, съ которымъ надо мириться, я нѣсколько расширилъ мою первоначальную идею и заговорилъ обо всемъ вѣдомствѣ.

Барону видимо непріятна была моя попытка, быть можетъ, лишній разъ напомнившая ему эпоху моего молодого идеализма, когда онъ упрямо, неумолимо, во имя канцелярскихъ и иныхъ шаблоновъ, въ защиту догмата непогрѣшимости руководящихъ рѣшеній Главнаго Военнаго Суда, на правахъ начальника, недопускавшаго излишнихъ, опасныхъ умствованій своихъ подчиненныхъ, боролся со мною, на почвѣ представляемыхъ ему „заключеній“, по военно-суднымъ дѣламъ, съ моей, какъ онъ выражался, „литературой“, съ моей идеализаціей, съ моими попытками во чтобы то ни стало, по совѣту В. Н. Герарда, найти даже въ самомъ сѣромъ, заурядномъ, солдатскомъ дѣлѣ, „душу“....

Благодаря неясной, робкой постановки мною вопроса о „музеѣ военно-судебнаго вѣдомства“, баронъ понялъ меня въ томъ смыслѣ, что я хочу охватить всю дѣятельность вѣдомства, начиная съ его основанія и кончая послѣдней эпохою, что я—поклонникъ и того призрака, который въ наши дни зовется почему-то „вѣдомствомъ“... На почвѣ такого именно недоразумѣнія и велась между нами бесѣда, въ которой барону мѣшала оборвать меня, остановить, его изысканная благовоспитанность.

Тѣмъ не менѣе онъ старался деликатно подкопаться подъ мой проектъ.

— „Что-же вы соберете въ вашъ музей?“ спросилъ онъ меня, какъ человѣкъ прежде всего практичный, тѣмъ тономъ, какимъ вытравливалъ, бывало, изъ докладовъ моихъ, мои попытки „излишняго сентиментализма“...

Я коснулся, конечно, прежде всего Военно-Юридической Академіи, ея значенія, ея профессоровъ, гр. Д. А. Милютина, статсъ-секретаря Философова, К. Д. Кавелина и др., потрудившихся въ дѣлѣ созданія Академіи, ея развитія, ея процвѣтанія, ея славы.

— „Ну, а затѣмъ?!“ допрашивалъ меня скептически, съ едва скрываемою усмѣшкой, хотя по-прежнему сдержанно, баронъ.

„Затѣмъ?!....“

Я перешелъ къ жертвамъ военно-судебнаго вѣдомства, павшимъ въ послѣдніе годы отъ руки революціи: отчего-бы не выдѣлить, напримѣръ, здѣсь, въ музеѣ, достойныхъ, преданныхъ, вѣрныхъ слугъ долга, не выставить въ особомъ музеѣ ихъ портреты, ихъ окровавленное платье?! Почему-бы не издать ихъ біографій?!. Получилась-бы „книга скорби военно-судебнаго вѣдомства“.

— „А еще что?“ приставалъ мой собесѣдникъ: „Чѣмъ-же думаете вы еще наполнить вашъ музей?“

Передъ этимъ мы вспоминали съ нимъ далекое прошлое и коснулись отрицательныхъ типовъ, намъ обоимъ хорошо извѣстныхъ, съ оттѣнками, прямо-таки анекдотическаго, скандальнаго свойства...

„Не хотите-ли туда, въ музей, передать заодно и карточки такихъ-то?"

Онъ назвалъ рядъ знакомыхъ мнѣ фамилій прошлаго безнравственныхъ маніаковъ, дошедшихъ тѣмъ не менѣе до генеральскихъ чиновъ и званія военныхъ судей.

Когда мы подвели съ нимъ, затѣмъ, итогъ, оказалось, что Академія и „жертвы" долга—конечные пункты музейной программы. А между ними—бездна, пустота. На ряду съ благородными людьми, свято исполнившими долгъ свой,—типы палачей, дикарей—въ родѣ того, который повѣсилъ въ Смоленскѣ юношу съ какимъ-то удовлетвореннымъ сладострастіемъ. („Вотъ-бы его портретъ для музея!" подумалось мнѣ).

Объ этихъ „палачахъ" соображалъ я, конечно, про себя, а не говорилъ самъ баронъ, видимо увлеченный послѣдними подвигами вѣдомства во-время революціи, когда, по его словамъ, при всеобщей паникѣ представителей власти, одно лишь это вѣдомство „не растерялось, а дѣйствовало"... Ни традицій, ни преданій, ни научныхъ трудовъ по своей, военно-юридической спеціальности. Какой-то длящійся, угрюмый, непривѣтливый сумракъ, въ которомъ радостнымъ маякомъ, или упрекомъ совѣсти, сіяетъ издалека Военно-Юридическая Академія и мерцаютъ одинокіе гроба мучениковъ долга...

Еще разъ, слушая барона, ясно представилась мнѣ ненормальность, даже явная, грубая аномалія нашей Академіи, „не бросившей вѣкамъ ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда" *), никого изъ слушателей своихъ неподвинувшей на путь культурной дѣятельности, къ попыткѣ сопоставить, примирить академическую „идиллію" съ язвами современной, военно-судебной дѣйствительности, сдѣлавъ, при этомъ, и соотвѣтствующіе, неумолимые, поучительные для потомковъ, выводы...

Видя мое смущеніе, колебаніе, баронъ перевелъ сейчасъ-же, съ побѣдоноснымъ видомъ, разговоръ на другую тему и разсказалъ мнѣ типичный, свѣжій фактъ изъ своихъ сношеній съ высшими сферами Петербурга,—фактъ, пока неподлежащій оглашенію и, тѣмъ не менѣе, служившій яркой иллюстраціей взглядовъ этихъ сферъ на наше современное военно-судебное вѣдомство, а также и паденія всякаго значенія, престижа послѣдняго.

Конечно, и теперь, по мнѣнію моего собесѣдника, „вѣдомство", какъ таковое, въ массѣ его, было внѣ упрековъ, на высотѣ своего призванія... И все-же онъ, въ качествѣ Главнаго Военнаго Прокурора, пользуясь добрыми отношеніями къ военному министру, ген. Сухомлинову, былъ видимо крайне озабоченъ мыслью, какъ-бы возможно ярче реабилитировать дѣятельность своихъ подчиненныхъ, поднять ихъ значеніе, престижъ въ глазахъ общества, какъ-бы въ чемъ-то даже оправдать...

*) Лермонтовъ «Дума».

Невольно, самъ собою, напрашивался, при этомъ, болѣзненно-желчный вопросъ: да если вѣдомство только прогрессируетъ, если оно и на самомъ дѣлѣ съ честью вынесло послѣднее, кровавое, боевое испытаніе, оказавшись на высотѣ идеала, то какой-же можетъ быть тутъ разговоръ о всенародномъ, одобрительномъ поглаживаніи по головкѣ изъ Петербурга?!..

Слушая барона, въ его казенной квартирѣ Главнаго Военнаго Прокурора, у стола, заваленнаго, по его словамъ, всякаго рода казенной перепиской, ясно представлялъ я себѣ причину его испуга, при возникновеніи вопроса о какомъ-то военно-судебномъ музеѣ.

Я хорошо зналъ, что онъ былъ врагомъ всякихъ подобныхъ культурныхъ новшествъ, увлеченій, особенно такихъ, которыя привели-бы къ столкновенію со строевымъ элементомъ.

А обратить общее вниманіе какимъ-либо „своимъ" музеемъ, конечно было-бы равносильнымъ вызвать зависть, недоумѣніе, недоброжелательство, пожиманіе плечами—по адресу вѣдомства, на которое до сихъ поръ привыкли смотрѣть лишь какъ на заурядную, рабочую силу, терпимую по столько, по сколько сила эта оказывалась способной служить потребностямъ данной минуты, при томъ не одному военному элементу...

Въ то-же время, при всѣхъ своихъ чудныхъ личныхъ качествахъ, баронъ Остенъ-Сакенъ былъ не изъ тѣхъ, которые-бы самоотверженно прокладывали новые пути и шли-бы на рискъ, на ломку собственнаго благополучія изъ-за „вѣдомства"... Милютинская Академія лишь безслѣдно скользнула по его душѣ, гдѣ годами твердо засѣло убѣжденіе въ то, что военно-судебное вѣдомство должно служить, не разбирая, кто тѣ господа, которые ему диктуютъ приказанія...

Глядя на него, зная его быструю, спокойную, увѣренную служебную карьеру, все сказанное мною подтверждавшую, невольно вспоминалъ я другихъ военно-судебныхъ дѣятелей, куда болѣе его способныхъ, образованныхъ, культурныхъ (хотя-бы Навроцкаго, Голицынскаго, Лузанова), бѣжавшихъ изъ вѣдомства, гдѣ таланты ихъ, стремленія не цѣнились, даже оказались лишними...

Поднятый мною вопросъ о „музеѣ"—въ виду насмѣшливаго предположенія барона—помѣстить туда портретъ одного юридическаго неуча съ академическимъ образованіемъ, анекдотическаго алкоголика, заставилъ мысль мою работать далѣе въ этомъ-же направленіи и наполнять будущее, проектируемое научно-историческое учрежденіе, портретами и документами.

— „Вотъ-бы сюда помѣстить и мое дѣло борьбы за гауптвахты, гибнущее въ петербургскихъ военныхъ канцеляріяхъ, поражающее равнодушіемъ къ нему военно-судебнаго вѣдомства" думалось мнѣ: „Недурно было-бы отвести особый шкафъ рѣшеніямъ Главнаго Военнаго Суда съ автографами на поляхъ самого барона"...

А онъ уже говорилъ, между тѣмъ, снова о своихъ усиліяхъ поднять „вѣдомство" какимъ-либо оффиціальнымъ признаніемъ заслугъ его въ послѣднюю революцію...

Спустя нѣкоторое время покойный добился-таки своего и, затѣмъ, поѣхалъ по Россіи, точно собирая лавры за подобный подвигъ...

И въ голову мнѣ не приходило начать бесѣду на тему объ отрицательныхъ сторонахъ быта и службы современнаго военнаго юриста, а тѣмъ болѣе заговорить объ улучшеніи режима на главныхъ гауптвахтахъ, о необходимости именно нашему военно-судебному вѣдомству „in corpore“ вмѣшаться въ вопросъ, вырвавъ его изъ рукъ строевого, штабного, канцелярскаго элемента: я зналъ, что баронъ и не пойметъ меня, и въ душѣ осмѣетъ, и ничего не сдѣлаетъ безъ давленія на него свыше.

По его мнѣнію, вѣдомство дошло чуть не до идеала. Но такъ какъ значеніе вѣдомства, труды его не поняты, то и нужно особое признаніе...

Ясно представилось мнѣ положеніе барона, какъ главнаго представителя военно-судебнаго вѣдомства: на него свирѣпо, безпощадно жмутъ сверху; въ свою очередь онъ жметъ то, что находится подъ нимъ... И опять на сценѣ старые аттрибуты баронской дѣятельности: полчища „руководящихъ“ рѣшеній, особые шаблоны, канцелярщина, доведенная до идеала и.... поменьше сомнѣній, колебаній, новшествъ, философіи, литературы...

Припомнился отрывокъ изъ стихотворенія Некрасова:

„А сошли со сцены—всѣмъ вдругъ стали чужды—
И до ихъ портретовъ никому нѣтъ нужды“...

Тамъ, гдѣ самоуслажденіе, самодовольство, не можетъ быть мало-мальски критическаго, здраваго отношенія къ своему положенію.

Я оставилъ барона именно въ такомъ блаженномъ состояніи духа...

Бѣдный! Онъ такъ и умеръ въ твердомъ сознаніи, что положеніе вѣдомства и блестяще, и почетно, и, главное, нормально...

Меня могутъ, пожалуй, упрекнуть въ томъ, что, посвятивъ книгу свою вопросамъ, связаннымъ съ судьбами русской гауптвахты, я отвожу слишкомъ много мѣста отрицательнымъ, прискорбнымъ, недоумѣннымъ страницамъ изъ жизни военно-судебнаго вѣдомства, позорнымъ типамъ послѣдняго и т. п.

Полагаю, однако, что все это имѣетъ огромную, внутреннюю, духовную связь съ гауптвахтами уже потому, что отчасти объясняетъ ту поражающую загроможденность послѣднихъ долго сидящими заключенными и такими узниками, которыхъ судьи потомъ оправдываютъ, которые томятся до разрѣшенія поданныхъ по ихъ дѣламъ кассаціонныхъ протестовъ и жалобъ, не всегда обоснованныхъ и оставляемыхъ безъ уваженія, сидятъ напрасно и вслѣдствіе судебныхъ ошибокъ, незнанія военными судьями законовъ, благодаря хаосу „руководящихъ рѣшеній“, въ видахъ всякаго рода политики, въ зависимости отъ колебаній взглядовъ военнаго начальства на одни и тѣ-же вопросы воинскаго быта, благодаря „волокитѣ“ и т. п.

Однимъ словомъ, все, что выстрадало, на тернистомъ пути своемъ, почтенное, Милютинское военно-судебное вѣдомство, прежде всего и главнымъ образомъ отражаясь на подслѣдственныхъ, подсудимыхъ нижнихъ чинахъ, неминуемо вліяло и на общій ходъ гауптвахтной жизни.

Развѣ не военно-судебное вѣдомство виновно, опять-таки, въ обращеніи гауптвахтъ въ неблагоустроенныя тюрьмы и другія мѣста

заключенія, въ смѣшеніи подъ одной и тою-же крышей военно-карательнаго учрежденія и мѣста предварительнаго заключенія?!

Все это, т. е. касающееся нашего вѣдомства, привожу я и для того, чтобы удобнѣе подойти къ вопросу о томъ, какъ, почему, очутившись въ скромной, безцвѣтной роли военнаго защитника, все-же обрѣлъ я для себя, несмотря на мои первыя разочарованія, въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, нравственное удовлетвореніе; почему, при дальнѣйшемъ изложеніи, брошу я вѣдомству упрекъ въ томъ, что оно остается равнодушнымъ къ вопросамъ, казалось-бы вытекающимъ изъ высокаго его назначенія и практики.

Какъ ни странно, видную роль въ перемѣнѣ моего вышеупомянутаго настроенія—въ смыслѣ примиренія съ ролью военнаго юриста—сыграли именно отрицательные элементы въ составѣ военныхъ судей эпохи первыхъ шаговъ моей военно-судебной практики.

Долженъ сознаться, въ то-же время, что если, при первыхъ шагахъ моихъ на скользкомъ военно-судебномъ поприщѣ, не погибъ я нравственно, не озвѣрѣлъ, не опустился, не махнулъ, какъ большинство, окончательно на все рукою и не пошелъ по проторенной уже многими до меня дорожкѣ легкой служебной карьеры, т. е. если не двинулся вмѣстѣ

„........ съ чинною толпою,
Не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей“,

то лишь, какъ мы увидимъ ниже, благодаря именно тѣмъ самымъ подсудимымъ нижнимъ чинамъ, которыхъ мнѣ, волею судьбы, по приказу начальства, приходилось защищать... нерѣдко, и даже прежде всего, отъ своихъ-же военно-судейскихъ сослуживцевъ...

Коснусь сперва обстановки молодости моей въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, т. е. начну съ личностей...

Графу Д. А. Милютину, писавшему мнѣ изъ Крымской глуши такія восторженныя письма о „военно-судномъ“, какъ онъ выражался, вѣдомствѣ, конечно, и въ голову, напримѣръ, не приходило, чтобы изъ бывшихъ питомцевъ Военно-Юридической Академіи отливались иногда съ годами типы судей, мало свѣдущихъ, а то и ничего незнающихъ, даже въ узкой, убогой сферѣ своей спеціальности, самодуровъ, пьяницъ, развратниковъ, психопатовъ, командировки которыхъ съ временными военными судами по округамъ отличались подчасъ такими анекдотическими похожденіями, что облекались въ сказанія, прямо легендарнаго свойства, переходившими въ военно-судебное потомство?!...

Могъ-ли онъ предполагать, что между этими одичавшими представителями высокаго званія военнаго судьи, будутъ такія опустившіяся единицы, которыя и въ судебныя засѣданія станутъ выходить въ нетрезвомъ, неопрятномъ видѣ, — личности, дѣлавшія, себѣ карьеру, продвигаясь въ военные прокуроры, на возможно бóльшемъ количествѣ безпощадныхъ, обвинительныхъ приговоровъ, жаждущія заслужить тѣмъ благоволеніе строевого и своего начальства, или совершенно шалыя, взявшія себѣ въ девизъ „хочу—оправдаю; захочу—

закатаю“, или пошлые болтуны, „бонвиваны“, обращавшіе судебныя засѣданія въ представленія какой-то оперетки?

Могъ-ли ему померещиться типъ судьи, забывшаго на квартирѣ своей, въ командировкѣ, подлинное слѣдственное производство и бравировавшаго тѣмъ, что проводитъ въ засѣданіи дѣло, такъ сказать, по памяти, безъ документовъ?!..

Могъ-ли онъ представить себѣ также военно-судебнаго дѣятеля, ѣдущаго въ командировку по дѣламъ о провозѣ, пропускѣ нижними чинами пограничной стражи контрабанды, и самого, во время этой командировки, провозящаго безпошлинно изъ-за границы, въ предѣлы Россіи, разнаго рода вещи?!

Снился-ли ему военный судья, генералъ, который старался оправдать саперъ только потому, что носилъ когда-то саперный мундиръ?

А такія личности являлись на пути моемъ, какъ защитника, особенно проявляя отрицательныя свои качества, въ командировкахъ, гдѣ онѣ пользовались, по закону, исключительнымъ положеніемъ...

Съ годами, на глазахъ моихъ, они, эти-же типы, выковывались порой въ какихъ-то выродковъ человѣчества, кровожадныхъ, безпощадныхъ, способныхъ на всякія сдѣлки съ совѣстью, во имя служебной карьеры и какого либо „крестика“ на шею, даже по дѣламъ, связаннымъ (какъ-то случалось въ послѣднюю революцію) со смертными приговорами...

Какъ я замѣтилъ, подобные типы почти всегда отличались одновременно необыкновенной, слезливой набожностью, религіозностью, доходившей до ханжества, нерѣдко семейными добродѣтелями и даже общественными талантами.

Не мнѣ судить ихъ: современники знаютъ уже ихъ имена, а исторія произнесетъ еще надъ ними судъ свой, какъ произнесъ уже его Праведный Судія живыхъ и мертвыхъ...

Военно-судебное вѣдомство, надо это замѣтить, нравственно отворачивалось отъ такихъ представителей. А все-таки они въ средѣ его существовали... Если оно въ чемъ-либо повинно, то лишь въ томъ, что не имѣло силы, энергіи, для того, чтобы выбросить ихъ, этихъ тварей, изъ себя на улицу, выдать ихъ на судъ общественный...

Но и тутъ, еще болѣе виновна самая обстановка, въ которую вѣдомство было поставлено...

М. И. Драгомировъ зналъ ихъ—эти и другіе, подобные имъ, отбросы военно-судебнаго вѣдомства, грубо, несправедливо смѣшивая ихъ съ самымъ вѣдомствомъ, съ его почтенными, положительными представителями иного типа, пользуясь ими по временамъ съ явнымъ къ нимъ презрѣніемъ, котораго они были достойны.

Впрочемъ, и ему, надо думать, было неясно, что эта серія психопатовъ, карьеристовъ и нарушителей закона появилась, какъ естественный результатъ глубокихъ причинъ, коренившихся прежде всего въ отклоненіяхъ вѣдомства отъ завѣтовъ Милютинской эры, Милютинской Военно-Юридической Академіи: многіе военные юристы погибли

именно отъ того, что, поступивъ на дѣйствительную службу, поспѣшили забыться, чтобы не видѣть, не вдумываться, не разсуждать...

Отсюда, конечно, одинъ шагъ до всяческаго, даже до полнаго, паденія.

Могъ-ли Милютинъ представить себѣ, что военно-судебное вѣдомство, обезличенное, униженное, затравленное, сбитое съ истиннаго, первоначальнаго пути, въ концѣ-концовъ очутится, въ отношеніи извѣстнаго рода преступленій, на службѣ даже у Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, что среди него созрѣютъ типы, ловящіе взоръ всякаго начальства, съ вопросомъ „что изволите приказать?“, способные на всякіе компромиссы?!...

Могъ-ли покойный фельдмаршалъ думать, что когда-либо Академія, вмѣсто того, чтобы идти впередъ, развиваться, прогрессировать, застынетъ пугливо, затаенно, неувѣренно, на старыхъ традиціяхъ, а вѣдомство военно-судебное неудержимо побѣжитъ отъ этихъ традицій, что, въ виду такого порядка вещей, съ каждымъ годомъ будетъ болѣе и болѣе рваться духовная связь между Академіей и вѣдомствомъ, а, значитъ, увеличиваться и нравственная между ними бездна?..

Могъ-ли онъ думать, что „хищные типы“ въ вѣдомствѣ никогда не переведутся, а лишь станутъ, въ зависимости отъ эпохи и требованій начальства, принимать ту или иную духовную окраску?!.

Нельзя не признать, что размноженію хищныхъ, отрицательныхъ, больныхъ, нравственно-извращенныхъ типовъ, несомнѣнно содѣйствовали два обстоятельства: 1) родъ дѣлъ, достававшихся на долю военнаго юриста; и б) служебная обстановка, въ которой протекала его дѣятельность.

Военному юристу, какъ я уже про это упоминалъ въ своемъ мѣстѣ, не приходилось и мечтать о громкихъ, сложныхъ процессахъ на обще-человѣческой, общественной, психологической почвѣ: все это, какъ совершонное внѣ казармъ, внѣ службы, внѣ узко-спеціальнаго воинскаго быта, дѣлалось достояніемъ судовъ гражданскихъ...

А представьте себѣ человѣка, окончившаго высшее спеціальное учебное заведеніе съ юридическими основами, котораго на всю жизнь засадятъ разбирать, вершить самыя пустыя, однообразныя дѣла, рѣдко выскакивающія изъ ранжира нѣсколькихъ опредѣленныхъ типовъ— уклоненій отъ воинской службы, кражъ при штыкѣ, грошевыхъ растратъ, нарушеній дисциплины въ пьяномъ видѣ и т. п.

Я встрѣчалъ на моемъ вѣку гражданскихъ судебныхъ дѣятелей, довольныхъ своей службою, профессіей, а военныхъ юристовъ, которые-бы дошли до такого духовнаго состоянія—ни одного: всѣ они вздыхаютъ о часѣ, когда прочтутъ приказъ о своей отставкѣ, почти всѣхъ удерживаетъ на службѣ нужда.

Представьте себѣ того-же человѣка, вдобавокъ къ сказанному, вѣчно, безъ надежды пристать къ обѣтованному берегу чего-либо постояннаго, яснаго, установившагося, плывущаго по хаотическому морю разнаго рода рѣшеній, инструкцій, указаній, разъясненій, подтвержденій и т. п.

Вообразите себя на его мѣстѣ, если-бы вашему приговору, вынесенному по силѣ вашего убѣжденія, по мало-мальски выдающемуся офицерскому дѣлу, грозила-бы отмѣна по телеграфу, такъ сказать принципіально, если-бы на вашу совѣсть со всѣхъ сторонъ производились давленія, если-бы служба ваша была часто зависима отъ степени способности вашей приспособляться къ разнаго рода на душу вашу, на ваши знанія, убѣжденія гипнотическимъ экспериментамъ извнѣ.

Изобразите себѣ хоть на мигъ положеніе мало-мальски порядочнаго человѣка—судьи, котораго учатъ изъ Петербурга, которому указываютъ не только съ точекъ зрѣнія законовъ, но во имя своеобразно-понятой дисциплины, требованій постоянно измѣнчиваго военнаго быта, осложненій государственной жизни и т. п.

Дисциплина, какъ принципъ, конечно, останется всегда одна и та-же. Но взгляды на нее вѣдь могутъ быть различны, часто въ зависимости отъ личныхъ убѣжденій той или иной военной „особы".

Бытъ военный тоже постоянно мѣняется.

Только законъ долженъ быть обезпеченъ отъ этихъ колебаній.

Но вы, какъ юристъ, должны тѣмъ не менѣе подчиняться слѣпо, не разсуждая, закрывъ законъ, всѣмъ указаніямъ свыше, зависящимъ отъ этихъ вѣчныхъ колебаній воинскаго барометра.

Васъ вѣчно держатъ въ узкихъ рамкахъ, смыслъ, цѣль которыхъ вамъ, какъ стоящему внѣ высшихъ сферъ, непонятны, странны, ничѣмъ неоправдываемы.

Всякое проявленіе оригинальности, самобытности, всякій шагъ не только впередъ, но и въ стороны, считается чуть не преступленіемъ...

Вы видите, какъ гибнетъ, уходитъ со службы все, что можетъ спастись, что талантливо, оригинально, не утратило еще способности нравственно, духовно реагировать на незаконное давленіе произвола и частныхъ благоусмотрѣній... А вы должны, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, оставаться...

Представьте себѣ человѣка, обремененнаго семьей, въ чинахъ, т. е. при невозможности пристроиться на другомъ родѣ военной или иной службы, котораго могутъ выгнать ежедневно, при чемъ съ грошевой пенсіей и эмеритурой, если онъ рано уйдетъ почему-либо изъ военно-судебнаго вѣдомства, сидящаго по цѣлымъ днямъ въ засѣданіяхъ по пустѣйшимъ дѣламъ, таскающагося съ такими-же дѣлами въ командировкахъ, гдѣ онъ живетъ Богъ вѣсть какъ, ѣстъ Богъ вѣсть что и т. п.

Нарисуйте себѣ картину подобной жизни, службы въ теченіи десятковъ лѣтъ—и, въ конечномъ результатѣ, вамъ ясно представится, что если вы живой, впечатлительный по натурѣ, дѣятельный человѣкъ, то васъ, къ концу службы, ждутъ психопатія, неврастенія, разнаго рода чудачества, запой, сумасшедшій домъ, самоубійство и другія печальныя послѣдствія прошлаго, а дѣтей вашихъ роковая наслѣдственность и дегенерація.

Много надо побочныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ (личныя средства, счастье семейной жизни, желѣзные нервы, особый фило-

софски-безразличный, или беззаботный взглядъ на жизнь, на службу, на людей, выдающееся здоровье и проч.), для того, чтобы ко времемени выслуженья, наконецъ, давно-желанныхъ—полнаго пенсіона и эмеритуры, которые давали-бы мало-мальски обезпеченный кусокъ хлѣба на старости вамъ и вашей семьѣ, вы избѣжали-бы вышеуказанныхъ, роковыхъ случайностей...

Вѣдомство-же, какъ Милютинскій, отдаленный идеалъ, брошенный военной средѣ, всегда останется внѣ упрека и подозрѣній.

Сколько разъ приходило мнѣ на умъ сравненіе его съ вдохновенною картиной, написанной давно-давно такимъ геніальнымъ художникомъ, какъ гр. Д. А. Милютинъ...

Съ годами рѣдкую, драгоцѣнную картину забросили невѣжественныя, непонимающія, равнодушныя, грубыя руки... Много накопилось на ней, къ тому-же, пыли, копоти, паутины, пятенъ сырости; засидѣли ее пауки, мухи, мокрицы—въ подвалѣ, куда чудную картину засунули столь презрительно, небрежно.

Но—кто знаетъ—не ждетъ-ли еще великое произведеніе въ будущемъ подобающая ему славная эпоха: придетъ еще знатокъ—реставраторъ, вынесетъ ее изъ изъ подвала на свѣтъ, очиститъ отъ нежелательныхъ наслоеній—и заблеститъ картина, по-прежнему, яркими красками, поразитъ глубиною основной идеи, увлечетъ настроеніемъ и... заставитъ, быть можетъ, пожалѣть лишній разъ о невозвратномъ прошломъ...

Придется, пожалуй, озаботиться тѣмъ, чтобы создать еще разъ „вѣдомство“...

Кто только не билъ по военно-судебному вѣдомству,—какъ по „турку“ съ прочной головой—и военные министры, и главные военные прокуроры, при смѣнѣ ихъ предъявлявшіе свои, иногда исключавшія желанія ихъ предшественниковъ, требованія, и строевое начальство—въ лицѣ командующихъ войсками, и лѣвая пресса въ эпоху „освободительнаго“ похода на Россію, и пресса „правая“, натравливавшая судъ, начальство на враговъ Родины...

И все-же до сихъ поръ, несмотря на разнаго рода приключенія, вѣдомство, неимѣющее свѣтлаго будущаго, а лишь скорбное прошлое, таитъ въ себѣ скромныхъ, незамѣтныхъ тружениковъ, которые, лавируя среди разнаго рода рѣшеній, циркуляровъ, инструкцій, давленій свыше, свято стараются поддержать былой огонь закона и правосудія...

Такъ что когда очистятъ дивную картину, нарисованную гр. Милютинымъ, то отыщутъ еще ихъ негромкія имена и преклонятся передъ ихъ подвижничествомъ...

Тогда поймутъ, почему иной военно-судебный дѣятель, съ проявленіями огромнаго таланта, съ замѣчательными душевными задатками, блестяще прошедшій Военно-Юридическую Академію, въ концѣ-концовъ спивается или-же отливается въ типы психопата, карьериста...

Несомнѣнно воздадутъ тогда-же должное тѣмъ паразитамъ, мухамъ, и паукамъ вѣдомства, которые, оставляя всюду свои нечистые

слѣды, покрыли Милютинское произведенiе густымъ наслоенiемъ своихъ ядовитыхъ, вонючихъ отбросовъ...

Съ другой стороны является несомнѣннымъ, что ежели военно-судебное вѣдомство будетъ продолжать шаги свои по направленiю, какъ разъ противоположному безсмертнымъ завѣтамъ Милютина, то оно, или само совершенно упразднитъ себя, или будетъ упразднено строевымъ начальствомъ.

Иного выхода нѣтъ и быть не можетъ...

Недавняя кончина гр. Милютина, казалось-бы, должна была заставить Военно-Юридическую Академiю, военно-судебное вѣдомство, хоть у этого священнаго праха, трезво оглянуться на себя, на свое прошлое, дать себѣ отчетъ въ разумномъ употребленiи Милютинскаго наслѣдства, отвѣтить на роковые вопросы:

„Чѣмъ ты былъ и что̀ сталъ?
И что̀ есть у тебя?..“

Увы! Къ могилѣ Милютина военно-судебные дѣятели пришли какъ ни въ чемъ не бывало, словно на увеселительную прогулку, продолжая считать себя убѣжденными „Милютинцами“, яко-бы, свято сохранившими великiе завѣты великаго человѣка...

Читалъ я въ газетахъ и отчетъ объ „академическомъ собранiи въ память Милютина“... Читалъ и недоумѣвалъ...

Часто теперь, оглядываясь на мое военно-юридическое прошлое, прислушиваясь къ тому, что доносится до меня, какъ до отставного, о жизни нашего вѣдомства, я вижу, что все не только осталось тамъ по старому, но и несомнѣнно продолжаетъ прогрессировать въ отрицательномъ отношенiи.

И вотъ у меня шевелится въ душѣ невольный вопросъ: „да существуетъ-ли военно-судебное вѣдомство, какъ особое вѣдомство? Не умерло-ли оно давно, какъ таковое? И не призракъ-ли тутъ передъ нами—призракъ былого, невозвратнаго?!“

Существуй такое „вѣдомство“, развѣ оно не должно было-бы поддержать меня въ моей борьбѣ за гауптвахты? Развѣ остался-бы я въ подобномъ вопросѣ одинокимъ, нерѣдко осмѣяннымъ и почти всегда непонятымъ?!.

Будь Милютинъ военнымъ министромъ, да развѣ реформы его не коснулись-бы и главныхъ гауптвахтъ, развѣ возможна была-бы многолѣтняя, ожесточенная борьба моя за эти забытыя, Богомъ и людьми, учрежденiя?

Развѣ посмѣли-бы меня, съ моими Евангелiями, иконами, книгами, изгнать при немъ съ гауптвахты?

Развѣ застряло-бы, въ дебряхъ Главнаго Военно-Суднаго Управленiя, такое дѣло, какъ давно назрѣвшая, справедливая, насущная реформа военно-карательныхъ учрежденiй Россiи?!..

Не остался-ли только за вѣдомствомъ нѣкогда блестящiй ярлыкъ, девизъ, по недоразумѣнiю неснятый еще равнодушной рукою военно-штабныхъ канцелярiй?..

Одно изъ двухъ: или, по отношенiю къ поднятому мною вопросу, призракъ—само, такъ называемое, „вѣдомство“, или самъ я—призракъ, давно отошедшiй въ область преданiй Милютинской эпохи...

Невольное сравненіе напрашивается, при этомъ, само собою—сравненіе двухъ „вѣдомствъ“—судебнаго гражданскаго, и военно-судебнаго.

Судебное вѣдомство—особое, самостоятельное, государственное учрежденіе, имѣющее своего самостоятельнаго, съ высокимъ положеніемъ въ обществѣ, министра, свои традиціи, свои особыя права и привиллегіи.

Вѣдомство это постоянно находится не только подъ казеннымъ контролемъ своего, спеціальнаго, непосредственнаго начальства, но и подъ перекрестнымъ, такъ сказать, огнемъ прессы; оно не чуждо и вліяніямъ гражданской адвокатуры, въ лицѣ лучшихъ, выдающихся ея представителей, и литературы, науки, уже благодаря самому составу, свойству, содержанію многихъ дѣлъ, имѣющихъ выдающееся общественное значеніе. На него смотрятъ, поэтому, какъ на выразителя общественнаго мнѣнія, какъ на голосъ народа. Приговоры его имѣютъ значеніе барометра общественнаго сознанія и совѣсти.

Уже одно участіе присяжныхъ засѣдателей, совѣсть которыхъ свободна, чего стóитъ... Самъ народъ, государство заинтересовано въ правильности, въ свободѣ совѣсти при отправленіи правосудія и всѣми силами вліяютъ на то, чтобы судебный процессъ былъ обставленъ всѣми возможными гарантіями, избавляющими отъ ошибокъ, произвола, личныхъ вліяній и т. п.

Неудивительно, что общество такъ чутко, внимательно къ функціямъ гражданскаго правосудія, что и Министерство Юстиціи, и суды невольно прислушиваются къ авторитетнымъ голосамъ изъ этого общества.

Неудивительно также, что и само вѣдомство увлекается всѣми этими теченіями, сталкивающимися у громкихъ процессовъ—на путь прогресса, совершенствованія, идеаловъ. Оно вѣчно подтянуто, насторожѣ, помня о своемъ достоинствѣ, зная, что за нимъ, въ свою очередь, слѣдитъ тысяче-глазое общество, пресса, начальство...

Конечно, и здѣсь наблюдаются уродства, аномаліи, нежелательныя явленія, нежелательные типы.

Подъ вліяніемъ общественнаго воздѣйствія все это, рано или поздно, обнаруживается, и, по возможности, устраняется...

Вотъ почему можно говорить здѣсь о „вѣдомствѣ“, какъ о чемъ-то живомъ, идущемъ навстрѣчу обще-человѣческо, общественной, государственной культурѣ...

А развѣ есть что-либо подобное въ „вѣдомствѣ“ военно-судебномъ—съ его замкнутостью, съ его сѣрыми, будничными дѣлами, смѣняющимися дѣлами, наводящими ужасъ, съ его зависимостью, съ его тайнами, съ разнаго рода на него воздѣйствіями, о которыхъ рѣдко кто и подозрѣваетъ внѣ заинтересованныхъ сферъ?!

Если „вѣдомство“ и было когда-то рождено Милютинымъ, то не пора-ли откровенно, всенародно пропѣть ему, какъ таковому, „вѣчную, вѣчную память“—и не дѣлать иллюзій, не увлекаться ничего незначущими кличками и названіями?!

Учрежденіе, которое десятки лѣтъ живетъ бокъ-о-бокъ съ гауптвахтами и до сихъ поръ не только ничего не сдѣлало здѣсь, во

имя закона и воинскаго порядка, милосердія и любви,—въ смыслѣ упорядоченія ихъ быта, но даже не заглянуло въ длящееся позорище ихъ существованія, не поддержало меня въ моихъ стараніяхъ внести сюда свѣтъ истины, развѣ имѣетъ такое учрежденіе право именоваться, на ряду съ гражданскими судебными установленіями, особымъ „вѣдомствомъ“?

Развѣ можетъ, развѣ въ правѣ называться „вѣдомствомъ“ то, что неудержимо идетъ назадъ, къ дореформеннымъ, аудиторскимъ порядкамъ, пугливо озираясь на идеалы гр. Милютина и считая ихъ для себя только исторической ни къ чему необязывающей, справкою?!.

Бездна между военно-судебнымъ вѣдомствомъ и вѣдомствомъ гражданскаго суда ярче всего опредѣляется отношеніемъ къ осужденному преступнику: тогда какъ гражданское судебное вѣдомство не забываетъ его даже въ темницахъ, понимая, что мало покарать человѣка, нетрудно, еще легче заклеймить его, выбросивъ изъ среды порядочныхъ людей, причинить ему страданіе, но надо-же подумать и о духовномъ спасеніи заблудшаго, военно-судебное вѣдомство какъ-бы считаетъ, что это не его дѣло—въ отношеніи къ военнымъ узникамъ.

Если борьба съ преступленіями—война, если преступникъ—врагъ общественнаго порядка, то вѣдь и на войнѣ къ павшему, раненому, выбывшему изъ строя врагу, существуютъ принципы милосердія... Ихъ знаетъ гражданское судебное вѣдомство. Они лишь чужды, непріемлемы въ вѣдомствѣ военно-судебномъ...

„Утопистъ! Фантазеръ! Карьеристъ! Вмѣшивающійся не въ свое дѣло!.. Смѣшной!“

Вотъ крики, раздававшіеся изъ среды военно-судебной по моему адресу, когда я пытался втянуть моихъ сослуживцевъ въ мою борьбу за гауптвахты...

Такъ можетъ разсуждать лишь отжившее свой вѣкъ установленіе, утратившее, при томъ, ясное, правовое сознаніе своего назначенія, вѣру въ плодотворность своей миссіи, уставшее, бредущее безъ яркаго свѣточа, въ сумеркахъ канцелярскаго прозябанія, по капризу своего поводыря,—установленіе, которому разныя зловредныя, чуждыя понятіямъ правды и закона, обстоятельства не даютъ возможности подняться со ступеней казеннаго, обрядового, шаблоннаго отправленія функцій правосудія до высшей ступени судейской совѣстливости—до сознанія человѣческихъ обязанностей, вытекающихъ изъ Христовой морали...

Продолжу, однако, мои воспоминанія...

Въ тѣ-же, далекія, времена, моей военно-судейской молодости, въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, засталъ я вредный обычай, основанный на ложномъ пониманіи высокаго, воинскаго принципа „товарищества“, какъ взаимной защиты, круговой поруки и проч., заключавшійся въ томъ, что какого-либо лѣнтяя, тупицу, пропойцу, юридическаго невѣжду, судью, выносившаго въ пьяномъ видѣ абсурдные приговоры, отвозимаго, въ командировкахъ, изъ зданія засѣданій, въ гостинницу въ безчувственномъ отъ опьяненія состояніи, оберегали,

общими силами, опекали, писали за него приговоры, слѣдили за его ошибками и т. п.

Судью другого типа—„звѣря“, „карьериста“, устраивавшаго личное свое благополучіе на возможно болѣе безпощадныхъ, пристрастныхъ приговорахъ, оставляли въ покоѣ, не подавая на его рѣшенія ни протестовъ, ни жалобъ, снова во имя ложно-понятой, въ основѣ ея искаженной, идеи „товарищества“...

Въ этомъ грустномъ, ненормальномъ, болѣзненномъ явленіи также нельзя было не усмотрѣть одного изъ признаковъ начала нравственнаго разложенія Милютинскаго вѣдомства: по законамъ природы, то, что не идетъ впередъ, а остановилось, неминуемо должно погибнуть, чтобы дать пищу для другихъ, болѣе жизненныхъ, дѣятельныхъ организацій...

Въ то-же время, имъ-же объясняется, почему, при отдаленности общаго, главнаго контроля изъ С.-Петербурга, въ вѣдомствѣ уживались благополучно люди явно сомнительнаго, ненормальнаго поведенія—до тѣхъ поръ, пока особый, выдающійся скандалъ, обнаруженный, изобличенный строевымъ элементомъ, не выводилъ ихъ на чистую воду, въ поле лучей зрѣнія, непосредственнаго ихъ, военно-судебнаго начальства..

Но если почти отсутствовалъ контроль надъ военными юристами, какъ людьми, носящими извѣстный почетный мундиръ съ учеными отличіями, то тѣмъ неумолимѣй, настойчивѣй, фанатичнѣй и болѣе ревнивыми становились всякаго рода давленія на нихъ въ сферѣ судебно-бытовой,—юридической, какъ на чиновниковъ.

Я хорошо и быстро усвоилъ себѣ въ тѣ дни, что товарищескія отношенія на такой благородной почвѣ, какъ исполненіе правосудія, прежде всего вредятъ моимъ „кліентамъ“, нижнимъ чинамъ, интересы которыхъ, въ силу закона, долженъ былъ защищать, по завѣту В. Н. Герарда, всѣми силами.

Вѣчно-пьяный, незнающій судья, судья самодуръ, судья психопатъ, судья „бонвиванъ“, приходящій въ засѣданіе послѣ безпутно проведенной ночи, на взглядъ мой, не только роняли престижъ военно-судебнаго вѣдомства вообще, но и вредили, въ частности, моимъ подзащитнымъ, такъ какъ личные недостатки подобныхъ „дѣятелей“ не могли не отражаться на ходѣ засѣданій, на сущности приговоровъ, на правильности примѣненія законовъ и т. п.

Для меня было ясно, что написать за судью, несвѣдущаго по части закона, правильный (т. е. обоснованный толково законами и рѣшеніями) приговоръ, по резолюціи, набросанной этимъ судьею въ пьяномъ видѣ, или съ ошибками, т. е. въ состояніи невмѣняемости или служебнаго незнанія, послѣ засѣданія, проведеннаго имъ въ томъ-же состояніи опьяненія или игнорированія закона, значитъ несомнѣнно допустить возможность облеченія судебной ошибки въ законную форму, а, значитъ, равносильно и сокрытію тяжкаго служебнаго преступленія такого субъекта...

Типы подобныхъ, разслабленныхъ, блаженныхъ судей отличались удивительной добротой, трогающей безпомощностью, податливостью. А тутъ еще соображенія на счетъ того, что вѣдь за спиной

ихъ—семья, тоже желающая ѣсть, а въ будущемъ—ничтожная пенсія, если ихъ прогонять со службы...

Товарищество... Оно хорошо, даже прекрасно, во всякой средѣ, не только въ военной, но недопустимо тамъ, гдѣ отъ этого принципа можетъ пострадать интересъ ближняго, особенно-же въ вопросахъ, связанныхъ съ правосудіемъ...

Пусть, поэтому, прослыву я дурнымъ „товарищемъ“, но спасу мою совѣсть, не запачкаю мой мундиръ, не поврежу моимъ сѣрымъ „кліентамъ“...

Вотъ принципы, воодушевлявшіе меня во дни моей военно-юридической молодости—принципы, которые, скажу это кстати, раздѣлялись и лучшими изъ моихъ сослуживцевъ и даже военными прокурорами, при которыхъ я служилъ (хотя послѣдними подчасъ и съ разными оговорками).

По тому-же пути шелъ я всегда, и при дальнѣйшемъ прохожденіи моей военно-судебной службы.

Счастливъ подчеркнуть, что всегда, въ прошломъ, находилъ я единичные благородные элементы, и въ самомъ военно-судебномъ вѣдомствѣ, меня поддерживавшіе въ то время, когда молчало само вѣдомство,—именно въ моей борьбѣ за правду, за „малыхъ сихъ“.

Неудивительно, конечно, если при подобномъ настроеніи моемъ, первыя-же мои командировки со временными военными судами, въ качествѣ защитника, обратились, сейчасъ-же въ сплошную борьбу съ судьями отрицательнаго типа, т. е. въ рядъ столкновеній и скандаловъ.

Ихъ, подобныхъ господъ, было довольно много. Почему, когда я, въ первой-же моей командировкѣ, обжаловалъ чуть не половину приговоровъ военнаго судьи, безсердечіемъ и отсутствіемъ оправдательныхъ рѣшеній мечтавшаго пройти въ военные прокуроры, былъ даже поднятъ вопросъ о томъ, чтобы, по возвращеніи въ Вильну, не подавать мнѣ руку...

Отмѣненные, однако, вслѣдъ затѣмъ, по рѣшеніямъ Главнаго Военнаго Суда, приговоры указали, что я имѣлъ вѣскія основанія для ихъ обжалованій.

Въ то-же время, положительные элементы суда, знавшіе хорошо явныя наклонности и затаенныя мечты судьи-карьериста, благородно встали на мою сторону и отстояли священное право мое на защиту интересовъ подсудимыхъ, въ предѣлахъ, предоставленныхъ мнѣ закономъ. Въ самомъ судѣ, такимъ образомъ, образовался расколъ...

Скоро, впрочемъ, убѣдился я въ томъ, что подобный способъ борьбы за судьбу „кліентовъ“, при особенностяхъ обстановки военно-судебнаго вѣдомства, не всегда приводитъ къ желаемымъ результатамъ: приговоръ, правда, отмѣненъ, но пріѣзжаетъ новый судья, съ тѣмъ-же направленіемъ, какъ и первый, и выноситъ то-же самое рѣшеніе, а то и увеличиваетъ наказаніе. Въ концѣ-концовъ остаются въ ущербѣ, изъ-за моей борьбы, мои-же подзащитные, напрасно отсиживающіе лишнее время по гауптвахтамъ.

Опытъ научилъ меня также, что не всегда выиграешь на голой почвѣ закона; что необходимо и здѣсь мудро поступаться порой даже самымъ закономъ, правомъ, справедливостью, логикой тамъ, гдѣ на сценѣ—грубая сила, нездоровыя традиціи, отрицательные типы сослуживцевъ, которымъ ничего не стоитъ, порывшись въ хаосѣ „руководящихъ рѣшеній“, выхватить, въ оправданіе своихъ приговоровъ, любое, болѣе подходящее, и тѣмъ подорвать мои усилія—съ отмѣной приговора добиться улучшенія участи „кліентовъ“...

Долженъ покаяться и въ томъ, что отвлеченный академическій курсъ отразился отрицательно, какъ это ни покажется страннымъ въ первую минуту, на моихъ несчастныхъ „кліентахъ“, о пользѣ для которыхъ я мечталъ: мною дѣлались, какъ юристомъ, какъ защитникомъ, ошибки; я путался въ „рѣшеніяхъ“, подавалъ неосновательныя кассаціонныя жалобы, твердо вѣруя въ то, что поступаю правильно.

Въ результатѣ-же снова страдали интересы разныхъ „Ивановыхъ“ „Петровыхъ“, „Сидоровыхъ...“

Академія, наполнивъ голову мою и душу разными побочными свѣдѣніями, не дала мнѣ никакой серіозной, практической подготовки къ предстоявшей мнѣ дѣятельности.

Въ такомъ-же положеніи находились и товарищи мои по выпуску: мы часто блуждали ощупью, искали выходовъ, не знали, у кого спросить совѣсти...

Вообще, надо замѣтить, что много излишнихъ страданій подсудимымъ въ военно-судебной практикѣ вносятъ отмѣненные, благодаря промахамъ и ошибкамъ военно-судебныхъ дѣятелей, приговоры.

Если собрать-бы статистическія данныя по этому вопросу, за цѣлый рядъ лѣтъ, на пространствѣ всей Россіи, то получилась-бы внушительная картина несостоятельности военно-судебнаго вѣдомства только въ этомъ одномъ направленіи.

Ошибки, конечно, вездѣ и всегда возможны. И въ хаосѣ разныхъ инструкцій, рѣшеній, разъясненій и т. п., часто другъ друга отмѣняющихъ, при отсутствіи оффиціальнаго сборника тѣхъ руководящихъ рѣшеній, которые не утратили еще своей практической жизненности, немудрено и оступаться...

Но часть отмѣненныхъ приговоровъ указываетъ вѣдь неумолимо на ошибки, происходящія отъ незнанія, непониманія, небрежности...

Такъ какъ все это, служа поводомъ для кассацій и протестовъ, въ свою очередь, влекущихъ за собою отмѣну приговоровъ, неминуемо отягчаетъ участь подсудимыхъ, увеличивая срокъ нахожденія ихъ подъ стражею, на гауптвахтахъ, то, казалось, было-бы справедливымъ прежде всего неумолимо, до прогнанія со службы, преслѣдовать тѣхъ, кто является виновниками подобныхъ явленій, принимая, въ то-же время, во вниманіе, въ видѣ зачета, при выводѣ окончательнаго наказанія обвиняемому, и то время, которое протомился онъ напрасно на гауптвахтѣ по винѣ представителей военно-судебнаго вѣдомства... Тогда-бы ошибки стали рѣже...

Дѣлается-ли это теперь? Не знаю. Я отсталъ отъ современныхъ теченій въ жизни вѣдомства.

Въ мое-же время, т. е. въ эпоху моей юридической молодости, о которой я разсказываю, все ограничивалось лишь рѣдкими выговорами, замѣчаніями изъ Петербурга. А въ положеніе обвиняемыхъ никто не входилъ, не углублялся... Дѣла по отмѣненнымъ приговорамъ назначались ко вторичному разбору съ такимъ спокойствіемъ, точно не сдѣлано было ранѣе никакой несправедливости.

Я невольно, однако, увлекся въ сторону отъ описанія той борьбы, въ которую втянула меня моя дѣятельность какъ защитника.

ГЛАВА V.

„Омутъ" русской гауптвахты, въ который приводитъ меня роль военнаго защитника. Отъ любопытства переходъ къ состраданію. А, затѣмъ я начинаю изучать бытъ, режимъ главныхъ гауптвахтъ. Мѣра пресѣченія способа уклоняться отъ слѣдствія и суда. Мнѣ приходится по неволѣ начать трудиться на благо военныхъ узниковъ. Сношенія, на этой почвѣ, съ комендантскими управленіями. Знакомство съ гр. Л. Н. Толстымъ. Отрицаніемъ функцій правосудія, попыткой совращенія въ свою секту, Ясно-Полянскій мыслитель утверждаетъ меня въ обратномъ—въ необходимости продолжать службу въ военно-судебномъ вѣдомствѣ: современная гауптвахта не можетъ ждать осуществленія на землѣ будущаго Царства Божія á la Толстой. Я помощникъ военнаго прокурора; военный слѣдователь. Что такое право составленія «особыхъ постановленій»...

Но эта-же тяжелая, непріятная личная борьба моя съ отрицательными элементами военно-судебнаго вѣдомства, а равно и живое, постоянное общеніе съ массой нижнихъ чиновъ, угодившихъ подъ военно-окружный судъ, все болѣе и болѣе знакомили меня, сближали, съ душой, умомъ и сердцемъ самыхъ разнообразныхъ представителей простого русскаго народа въ солдатскомъ мундирѣ.

Передо мною, въ то-же время, чаще и чаще стала развертываться исключительная, военно-бытовая сторона иныхъ воинскихъ преступленій, начиная съ того момента, когда „дѣло" заваривалось въ казармѣ, и кончая періодомъ, когда оно, грубо, насильственно вырвавъ нижняго чина, до того вполнѣ порядочнаго и служившаго безукоризненно, усердно, изъ сравнительно здоровой, дѣловой, дисциплинированной обстановки строя, бросало его, во имя сложныхъ интересовъ военной службы, въ омутъ, въ вертепъ мѣстной главной гауптвахты...

А что это былъ всегда, безъ исключеній, настоящій „омутъ", скоро убѣдили меня безчисленные, неопровержимые факты—изъ области тѣхъ-же частыхъ, близкихъ сношеній моихъ, какъ военнаго защитника, съ подсудимыми.

Меня поражало первоначально то обстоятельство, что сами мои „кліенты" какъ-бы игнорируютъ подобную ненормальную, дикую обстановку, рѣдко на нее жалуются...

Однако, дальнѣйшій опытъ убѣдилъ въ томъ, что тутъ снова на лицо одна изъ основныхъ особенностей сѣраго русскаго человѣка, терпящаго лишенія съ колыбели,—молча страдать и безропотно примѣняться ко всякаго рода надъ нимъ экспериментамъ, случайностямъ и невзгодамъ.

Боже! Сколько, въ непродолжительномъ времени, встрѣтилъ я вдругъ на этой почвѣ моихъ обязанностей военнаго защитника, назначаемаго отъ суда, удивительныхъ характеровъ, умилительныхъ фактовъ, трогательнаго всепрощенія! Да, В. Н. Герардъ оказался правъ...

Недаромъ-же, не разъ зарождалось во мнѣ горькое сознаніе того, насколько лично я, офицеръ съ высшимъ образованіемъ, хуже, ниже, пожалуй, даже преступнѣй многихъ изъ этихъ темныхъ людей, обреченныхъ на судебную волокиту и тяжкое наказаніе!..

Въ то-же время, въ голову мнѣ не приходило ни на минуту мысли идеализировать, такъ сказать, принципіально, теоретически, зачислять въ ряды только „несчастненькихъ", яко-бы напрасно гибнущихъ, совращенныхъ въ преступленіе и т. д. всѣхъ тѣхъ, кого судьба отдала подъ мою защиту...

Нѣтъ! Ясно видны были мнѣ здѣсь и безвозвратно погибшіе, злодѣи, дѣйствительно виновные, и сознательные, закоренѣлые нарушители закона, дисциплины, страданія которыхъ были естественнымъ результатомъ того, что они совершили.

Между ними попадались типы крайне отталкивающіе, словно отмѣченные уже по справедливости заранѣе будущимъ клеймомъ каторжника...

Вопреки насмѣшкамъ и сравненіямъ М. И. Драгомирова, бросавшимся военно-судебному вѣдомству, присматриваясь къ быту гауптвахтъ, я не могъ не уважать тяжкую, неблагодарную работу нашего вѣдомства, имѣющую цѣлью именно оздоровить армію, очистить ее, по возможности, отъ разнаго рода человѣческихъ, воинскихъ отбросовъ, безъ чего немыслима была-бы нормальная жизнь ея...

Воинская дисциплина нуждается въ примѣрѣ, требуетъ жертвъ...

А подобныхъ „отбросовъ" попадало мнѣ, какъ защитнику, изрядное количество...

И, несмотря на личное отвращеніе мое къ этимъ отрицательнымъ элементамъ арміи, мнѣ суждено было выискивать „душу" изъ ихъ дѣлъ въ слѣдственныхъ производствахъ, стараться и о нихъ сказать въ судебныхъ засѣданіяхъ слово оправданія, найти уменьшающія вину обстоятельства, помня, что и они люди, что и они страдаютъ, надѣятся и т. п.

Скоро пришелъ я къ логическому выводу, что нѣтъ подсудимаго, самаго низко павшаго, отталкивающаго, о которомъ, если добросовѣстно вдуматься въ его дѣло, нельзя было-бы сказать, по завѣту Милютинскихъ идеаловъ, что-либо въ оправданіе, для смягченія его участи, наконецъ, для всесторонняго освѣщенія того, что имъ совершено.

Однако съ явно отрицательными, погибшими элементами нашей арміи (а ихъ попадалось довольно много), работа была особенно непріятна, не въ силу одной только нравственной моей, прирожденной, офицерской чистоплотности.

Такіе субъекты обыкновенно не впускали меня, какъ защитника, въ тайники своихъ сердецъ, а, если и впускали, то зачастую меня-же старались обмануть, направить на ложный путь—въ смыслѣ маскированія ихъ преступленій, подозрительно, со своей точки зрѣнія, усматривая во мнѣ одного изъ той „шайки" военно-судебнаго вѣдомства, въ которой, по ихъ соображенію, „рука руку моетъ".

Отъ нихъ нечего было ждать благодарности, даже если удавалось облегчить добросовѣстно ихъ участь.

Изъ ихъ среды выдѣлялись и такіе, которые оскорбляли военные суды, грубо вели себя съ защитниками.

Но большинство представителей русской арміи совершенно иного, „ручного“ типа, съ которыми я сталкивался, влекло меня поглубже окунуться вмѣстѣ съ ними въ тотъ „омутъ“ русскихъ гауптвахтъ, на днѣ котораго они барахтались безпомощно, всегда въ невѣдѣніи закона, зачастую съ отсутствіемъ яснаго сознанія сущности своихъ преступленій, нерѣдко искренно убѣжденные въ то, что страдаютъ зря, невинно, несправедливо, по капризу, произволу начальства...

И я заглянулъ пытливо, безстрашно, съ искреннимъ желаніемъ помочь, въ эту бездну, откуда доносились до меня, какъ защитника, плачъ, проклятія, скрежетъ зубовный, заглушенныя мольбы о помощи...

Сначала признаться, потянуло меня туда простое любопытство писателя, ищущаго новыхъ, сильныхъ ощущеній, при томъ въ сферѣ, которой я могъ и не касаться, какъ защитникъ,—въ сферѣ интимнаго гауптвахтнаго быта.

По мѣрѣ-же того, какъ прислушивался я къ немногословнымъ, чаще всего наивнымъ, дѣтски-простодушнымъ повѣствованіямъ „кліентовъ“—въ отвѣтъ на мои разспросы о гауптвахтахъ главныхъ и отдѣльныхъ частей войскъ, о гауптвахтномъ режимѣ, по мѣрѣ того, какъ вдумывался я въ причины, заставляющія иныхъ изъ нихъ настойчиво, слезно умолять меня, какъ защитника, а равно и судъ, о скорѣйшемъ окончаніи ихъ дѣлъ, о замѣнѣ ареста на содержаніе подъ надзоромъ, въ части, чѣмъ чаще приходилось мнѣ выслушивать искреннія, отъ сердца идущія, признанія, что „лучше на каторгу скорѣй идти“, чѣмъ „терпѣть этакую муку“,—меня стало влечь къ гауптвахтамъ уже нѣчто бо́лѣе важное, высокое, заставляющее содрогаться.

То были ужасъ, гадливое отвращеніе, состраданіе, желаніе избавить несчастныхъ нижнихъ чиновъ отъ этихъ позорныхъ „убліеттъ“ военнаго вѣдомства, надежда внести туда, по мѣрѣ слабыхъ моихъ силъ, оздоравливающую струю свѣжаго воздуха извнѣ...

Едва коснулся я режима гауптвахтъ, не какъ офицеръ, а какъ человѣкъ, давъ заключеннымъ право говорить мнѣ откровенно о своихъ нуждахъ и желаніяхъ,—раздались раздирающіе душу вопли: „Пища плоха! О чаѣ и не слыхивали! Кипятокъ то даютъ, то не даютъ—по произволу сторожей! Бани нѣтъ, а, если есть, то въ нее изъ экономіи дровъ не водятъ! Клопы, вши заѣли! Негдѣ мыть бѣлья! Да и бѣлья, подчасъ, нѣтъ: все истлѣло на тѣлѣ, а новаго изъ частей не присылаютъ!.. Сапогъ нѣту: приходится ходить босикомъ! Начальство комендантское рѣдко является! А придетъ—и слушать не хочетъ! Жаловаться некому! Холодъ! Вонь! Сырость!.. О докторахъ и не слыхивали! Надо-бы написать письмо домой, а на марку нѣтъ денегъ“ и т. п.

Въ доказательство-же правоты своихъ заявленій узники грубо, цинично, показывали мнѣ тутъ-же свои грязныя тѣла, облюбованныя вшами, давно немытое бѣлье, на половину истлѣвшую мундирную одежду, нестриженныя головы, чирьи, язвы, болячки, лишаи...

Отъ нихъ несло особымъ, тюремнымъ запахомъ...

Въ негодованіи сталъ я покупать имъ бѣлье на свои средства, разносить чай, сахаръ, бумагу, конверты, марки...

Но скоро стало яснымъ, что такими временными мѣрами не поможешь общему горю, котораго, въ сущности „рѣченька бездонная...“

Кромѣ того, я многаго не понималъ, кое-чему все-же не довѣрялъ еще въ показаніяхъ узниковъ, передъ многими вопросами, какъ совершенно для меня новыми, становился въ тупикъ, въ положеніе ребенка, незнающаго жизни, къ которому взрослые обращаются за немедленной помощью...

А ужасъ гауптвахтнаго режима, между тѣмъ, все росъ и росъ передо мною, раскрывая новыя нужды, обнажая новыя страданія...

Вмѣстѣ съ тѣмъ поражало равнодушіе, безразличное отношеніе комендантскаго начальства, ко всему привыкшаго, съ притупленной нервною системой...

И вотъ для того, чтобы имѣть возможность хоть въ будущемъ осуществить „царство правды на землѣ“, т. е. внести свое слово въ режимъ гауптвахтъ, для меня оставался одинъ лишь практическій путь—изучить пока до тонкостей бытъ, условія существованія современной мнѣ русской гауптвахты, отношенія къ ней устава гарнизонной службы, карауловъ, строевого начальства, комендантскихъ управленій, а, затѣмъ, имѣя достаточный матеріалъ въ рукахъ, бороться уже всѣми доступными мнѣ способами съ непорядками, которые въ тѣ дни проносились предъ моимъ воображеніемъ, какъ въ туманѣ.

Съ этой цѣлью принялся я, для собесѣдованій съ моими „кліентами“, по вопросамъ защиты, ходить не иначе, какъ лично на эти гауптвахты, гдѣ они содержались, а не вызывать ихъ къ себѣ, на квартиру, какъ дѣлали то многіе мои товарищи по службѣ: въ результатѣ—новый, еще болѣе мрачный, до того невѣдомый мнѣ, міръ чужихъ, тяжкихъ мукъ, жизни безъ радостей, безъ ласки, безъ участія близкаго существа,—міръ людей, лишенныхъ всякаго труда, цѣлые мѣсяцы вдыхающихъ въ свои молодыя, здоровыя легкія міазмы сырыхъ, полутемныхъ, холодныхъ, неприспособленныхъ для человѣческаго существованія, грязныхъ, зловонныхъ казематовъ, въ которыхъ хорошо, привольно можетъ житься лишь вшѣ, клопу, блохамъ, мышамъ, да крысамъ, но не людямъ, а тѣмъ болѣе не представителямъ великой русской арміи,—міръ, въ которомъ ничто не напоминало о Богѣ, о Христѣ, развѣ лишь по временамъ кощунственная хула на Нихъ будущихъ каторжниковъ.

Только самъ, простуживаясь на сквознякахъ, при подобныхъ визитахъ, вынося на тѣлѣ моемъ и платьѣ съ гауптвахтъ паразитовъ и особый, упорный тюремный запахъ, только вглядываясь подолгу въ желто-блѣдныя, болѣзненно-изнуренныя, угрюмыя лица военныхъ узниковъ, вслушиваясь въ ихъ рѣчи, вдумываясь въ ихъ надежды, только наблюдая вблизи и изучая особенности ихъ безпросвѣтнаго существованія, началъ сознавать я, какое длящееся страданіе мыслящаго, чувствующаго, жаждущаго, какъ и я, счастья, человѣческаго существа, неминуемо связано съ избраніемъ, по закону, той или иной „мѣ-

ры пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда“, какъ говорится въ законѣ.

Еще недавно такъ естественнымъ казался мнѣ терминъ „водвореніе“ того или иного нежелательнаго въ казармѣ нижняго чина на гауптвахту, самый процессъ такого „водворенія“.

Теперь-же, при каждомъ подобномъ случаѣ, ясно сталъ рисоваться мнѣ, въ воображеніи, тотъ неминуемый, роковой моментъ, когда подслѣдственнаго, или еще находящагося въ періодѣ производства о немъ дознанія, нижняго чина насильственно отрываютъ вдругъ отъ жизни казармы, отъ товарищей, службы и привычныхъ ему обязанностей, и вводятъ на гауптвахту: вотъ заперлась за нимъ съ грохотомъ дверь общей камеры, какъ дверца мышеловки, щелкнулъ замокъ въ равнодушныхъ рукахъ караульнаго солдата и онъ, прибывшій, отданъ на жертву холода, сырости, паразитовъ, дурной арестантской среды новыхъ, невѣдомыхъ ему, товарищей...

Брръ! Какая гадость! Какой ужасъ! Какая подчасъ вопіющая несправедливость!

Мнѣ ясно стало представляться личное мое душевное состояніе, если-бы со мной самимъ случилась подобная катастрофа въ жизни, т. е. если-бы меня самого „водворили“ на гауптвахту, да не въ качествѣ привиллегированнаго, блестящаго офицера съ высшимъ образованіемъ, а на положеніи простого, захудалаго рядового—при моей-то брезгливости и избалованности...

Сколько ни протестуй, затѣмъ, несчастный, какъ ни кричи, ни плачь, какъ ни умоляй, ни клянись въ своей невиновности, какъ ни проси о пощадѣ, о свободѣ—ничто не поможетъ: гауптвахтныя стѣны, охраняющіе ихъ караулы—глухи къ мольбамъ, слезамъ и стонамъ; къ состраданію, не обязываетъ ихъ уставъ гарнизонной службы...

Разбей такой узникъ, въ порывѣ тоски, отчаянія, злобы, въ видѣ протеста, голову свою о кирпичи гауптвахтныхъ стѣнъ, умри, въ приступѣ горя, отъ разрыва сердца—только лишнее донесеніе равнодушнаго караула по начальству, лишнія дознанія, слѣдствіе о „происшествіи“, которыя, конечно, никогда не раскопаютъ главныхъ, психологическихъ причинъ самоубійства, не повѣдаютъ міру свободныхъ людей, далекой семьѣ о правдѣ совершившейся драмы... Къ этому ихъ тоже ничто не обязываетъ....

Съ той минуты, какъ пришелъ я къ убѣжденію, что „такъ, поскотски, по-язычески жить нельзя“—служба моя въ роли защитника получила неожиданно для меня самого, новый, особый оттѣнокъ, совпадавшій съ тѣми настроеніями, какія, бывало, вызывало во мнѣ прохожденіе нѣкоторыхъ отдѣловъ академическаго курса: вдругъ захотѣлось трудиться на благо страждущаго ближняго, облегченіе такого страданія явилось для меня какъ-бы высокимъ, желаннымъ счастьемъ, мечтою, при томъ въ извѣстной мѣрѣ осуществимыми даже и въ моей скромной, служебной роли...

Конечно, намѣтивъ себѣ этотъ, новый, будущій путь, я оглянулся прежде всего на то вѣдомство, въ которомъ служилъ, ища сочувствующихъ единомышленниковъ среди нормальныхъ, порядочныхъ элементовъ моихъ сослуживцевъ.

Мнѣ мерещилась недалекая будущность, когда не я одинъ, а цѣлая, убѣжденная корпорація военныхъ юристовъ, вмѣшается, наконецъ, въ вопіющую несправедливость, царящую на гауптвахтахъ, и властно, авторитетно, съ научными данными, съ закономъ въ рукахъ, со ссылками на академическій курсъ, произнесетъ свое обвинительное, протестующее „veto"...

Однако, скоро долженъ былъ я убѣдиться, именно на этомъ вопросѣ, какая бездна лежитъ между Академіей и военно-судебной дѣйствительностью, на сколько вѣдомство умерло, уснуло, какъ „вѣдомство"..

Дѣло въ томъ, что никто изъ моихъ сослуживцевъ, какъ оказалось, и не задавался подобными „утопіями" (такъ называли откровенно мои надежды на улучшеніе быта русскихъ гауптвахтъ), уже потому, что съ бытомъ этимъ никогда близко не соприкасался, не былъ знакомъ; но, даже, и узнавъ о немъ по моимъ разсказамъ, совершенно имъ не интересовался.

Кромѣ того, военный законъ ясно ограничивалъ отношеніе военно-судебнаго вѣдомства къ узникамъ гауптвахтъ рамками данныхъ дѣлъ, входившихъ въ разсмотрѣніе вѣдомства, а излишняя пытливость могла-бы нежелательно обострить добрыя отношенія со строевымъ, комендантскимъ и инымъ начальствомъ, т. е. привести именно къ тому, чего всегда въ затравливаемомъ военно-судебномъ вѣдомствѣ болѣе всего боялись и боятся...

Я подчеркивалъ уже выше, сколько „хорошихъ людей" нашелъ я въ своемъ вѣдомствѣ. Но нѣкоторымъ изъ нихъ моя идеализація военныхъ заключенныхъ казалась только „блажью", „излишней сентиментальностью"; другихъ увлекало рабское придерживаніе буквы закона, уставовъ; третьи уже набили руку въ писаніи приличныхъ, краткихъ, обоснованныхъ на законѣ и рѣшеніяхъ „заключеній", „обвинительныхъ актовъ"; въ иныхъ угасло чувство состраданія, благодаря долгой привычкѣ—втискивать людей, факты, обстановку въ однѣ и тѣ-же условныя рамки казенно-канцелярскихъ шаблоновъ... Нѣкоторые окунулись въ радости жизни и не хотѣли омрачать свое настроеніе какими-то ужасами, которые, по ихъ убѣжденію, лишь мерещились разстроенному, напуганному моему воображенію...

Однимъ словомъ, припоминая въ данную минуту мое военно-судебное прошлое, я не вижу ни одного товарища или сослуживца, который терзался-бы моими сомнѣніями лицомъ къ лицу съ вопросами объ избраніи той или иной мѣры пресѣченія.

Такъ было и всегда потомъ, пока я служилъ.

Это духовное одиночество, однако, не охладило меня, какъ защитника, а, напротивъ, точно удесятерило мои молодыя силы.

И вотъ къ борьбѣ моей за судьбу моихъ „кліентовъ"—на почвѣ суда и закона—присоединились скоро, сами собой, какъ естественный выходъ изъ моихъ сомнѣній и настроенія, сношенія мои съ тѣмъ начальствомъ, отъ котораго непосредственно, всецѣло зависѣло не только избраніе той или иной, первоначальной мѣры пресѣченія, но и замѣна ее, по закону, болѣе мягкой, спасающей отъ гауптвахты.

Если моимъ поведеніемъ во время судебныхъ засѣданій (добросовѣстнымъ знаніемъ дѣлъ, допросомъ свидѣтелей, экспертовъ, рѣчами и т. п.) я добился мало-по-малу, того, что временные судьи ко мнѣ уже прислушивались, нерѣдко даже идя за мною при вынесеніи оправдательныхъ, милосердныхъ, гуманныхъ приговоровъ, при ходатайствахъ моихъ объ измѣненіи мѣры пресѣченія, то не меньшіе успѣхи удавалось мнѣ получать въ вопросѣ о той—же „мѣрѣ", во время личныхъ моихъ собесѣдованій съ командирами частей, съ дѣлопроизводителями полковыхъ судовъ.

Съ этихъ-же поръ, посѣщая гауптвахты, сталъ я дѣлать попытки фактическаго улучшенія самого существованія гауптвахтныхъ заключенныхъ, на болѣе широкихъ началахъ, прося начальство, которому подчинялись эти гауптвахты, объ освѣженіи въ казематахъ воздуха, о прогулкахъ для арестованныхъ и о прочемъ, что не было предусмотрѣно уставомъ о службѣ въ гарнизонѣ...

Припоминается мнѣ случай, когда посѣщая одного больного узника, котораго, въ концѣ-концовъ унесла-таки въ могилу скоротечная чахотка, несомнѣнно развившаяся за время пребыванія его на главной гауптвахтѣ, я, для того, чтобы дать несчастному возможность хоть ½ часа подышать свѣжимъ, чистымъ, неказематнымъ воздухомъ, нарочно, подъ видомъ собесѣдованій съ нимъ по дѣлу, заходилъ возможно чаще на гауптвахту, вызывалъ страдальца въ особую комнату, къ открытому окну, откуда имѣлся видъ на улицу, на рѣку, на городъ и окрестности.

Бѣднякъ, вѣроятно, такъ и умеръ, не подозрѣвая о моемъ благодѣяніи.

И, конечно, объ этомъ послѣднемъ, равно какъ и объ аналогичныхъ случаяхъ изъ эпохи первыхъ опытовъ моихъ на пути борьбы съ гауптвахтными ужасами, я не разсказывалъ никому, прежде всего моимъ сослуживцамъ по суду: меня-бы только засмѣяли и безъ сомнѣнія не поняли-бы...

Другое дѣло, если-бы я привелъ ихъ туда, въ казематъ, поставилъ-бы лицомъ къ лицу съ угасающимъ, заставилъ-бы вникнуть въ душу преступленія, которое онъ, по молодости, совершилъ...

Но они за мной не шли. А я лишенъ былъ власти, права, возможности затащить ихъ туда силою, убѣжденіемъ, примѣромъ...

По мѣрѣ того, однако, какъ обострялся духовный взоръ мой въ обнаруженіи гауптвахтныхъ непорядковъ и нуждъ военныхъ узниковъ, чаще и чаще сталъ раздаваться въ канцеляріяхъ комендантскихъ управленій мой голосъ, просящій, умоляющій объ ослабленіи режима, объ удовлетвореніи потребностей моихъ „кліентовъ". Но, въ тѣ дни, я еще и не мечталъ добиваться вліянія на жизнь гауптвахтъ вообще, а имѣлъ въ виду лишь отдѣльные случаи, связанные съ моими прямыми служебными обязанностями.

Насколько къ концу моей дѣятельности военнаго защитника, укрѣпилось во мнѣ сознаніе, что я и въ этой роли могу приносить большую пользу, насколько порой мои обязанности стали вносить даже радость въ мою душу, показываетъ встрѣча моя съ гр. Л. Н. Толстымъ, зимою 1890 года, когда, изъ Ялты, гдѣ я лѣчился, захотѣлось

мнѣ проѣхать прямо въ Ясную Поляну для собесѣдованій, спора на религіозныя темы съ Ясно-Полянскимъ отшельникомъ.

Толстого, въ домашней его обстановкѣ, видѣлъ я тогда впервые. Тѣмъ сильнѣй были впечатлѣнія этой нашей съ нимъ встрѣчи.

Однимъ изъ первыхъ вопросовъ, имъ, не безъ затаенной ядовитости, мнѣ предложенныхъ, былъ вопросъ о томъ, какой мундиръ я ношу?

Я отвѣтилъ, что мундиръ военно-судебнаго вѣдомства...

— „Какую-же исполняете вы должность?"

— „Защитника".

Минутная пауза—и новый, еще болѣе ядовитый, подкрадывающійся вопросъ:

— „А, затѣмъ, что васъ ждетъ? Какая должность?"

— „Помощника военнаго прокурора."

— „Т. е. обвинителя?"

— „Да".

— „А, затѣмъ?"

— „Если буду служить добросовѣстно, то должность военнаго судьи, прокурора"...

— „Да?!. А сколько вы получаете теперь содержанія?"

Я сказалъ.

— „Немного... Ну, а сколько получаетъ помощникъ военнаго прокурора, самъ прокуроръ?"

Я и это объяснилъ.

— „И для того, чтобы достичь этого повышенія, этого жалованья, которое-бы васъ обезпечивало, вамъ, конечно, надо проявить особыя ваши дарованія на поприщѣ обвинителя?"

Сбитый съ толку, еще хорошо не понимая, куда графъ направляетъ свой, какъ я скоро въ томъ убѣдился, заранѣе обдуманный, ударъ, я молчалъ.

— „Вотъ, напримѣръ, если вы будете дурно, слабо обвинять, то такъ и не добьетесь повышенія по службѣ, чиновъ, лучшаго жалованья?.. Итакъ, ваша карьера ясна... Васъ ждетъ должность"...

— „Да, я скоро получу мѣсто помощника военнаго прокурора"...

— „И неужели-же вы ее примете?.. Вѣдь прокуроры, полиція—все это разбойники въ мундирахъ"...

— „Мнѣ очень грустно, Левъ Николаевичъ, что вы такъ смотрите на этотъ вопросъ"...

— „А мнѣ грустно, что вы идете на явную мерзость... Что такое прокуроръ?.. Человѣкъ, который дѣлаетъ все, чтобы погубить ближняго, чтобы заставить его возможно болѣе и чувствительнѣе страдать... Ему надо имѣть 2000 рублей (?!) жалованья въ годъ, чтобы пить, ѣсть хорошо, играть въ карты, развратничать... И вотъ онъ изъ кожи лѣзетъ, чтобы получить эти деньги, а если можно, то и больше".

Толстой долго и сурово развивалъ эту тему, а я слушалъ его.

— „Но есть-же, Левъ Николаевичъ, и между прокурорами порядочные люди"...

— „Есть; но и эти „порядочные люди“—точно слѣпые... Кто даетъ намъ право судить?!. Вспомните Евангеліе!.. А мы судимъ... Это-ли не ложь?!“

Снова рядъ логическихъ выводовъ, точно варіацій на Евангельскую тему.

Все это, впрочемъ, давно мнѣ было извѣстно изъ популярныхъ сочиненій моего собесѣдника.

Я пробовалъ возражать ему.

— „Но прокуроръ можетъ отказаться, по долгу службы, по совѣсти, отъ обвиненія, если дѣло неправое“.., вставляю я.

— „И въ этомъ даже случаѣ онъ поступаетъ нечестно“ обрываетъ меня Толстой: „Разсудите сами!.. Вѣдь преступленіе создается обстановкой, и преступниковъ, въ сущности, нѣтъ: есть несчастные люди, которыхъ коверкаетъ общественный строй... За что-же вы ихъ наказываете?!. Въ чемъ они виноваты?! Если вы—прокуроръ и откажетесь девять разъ отъ обвиненія, а въ десятый разъ будете его поддерживать, то вы дѣлаете гадость: въ этотъ, десятый, разъ, вы заставляете страдать невиннаго, становитесь его палачемъ... Кто далъ вамъ такое ужасное право?! Но, и отказавшись девять разъ отъ обвиненія—вы опять-таки поступили нечестно, такъ какъ берете жалованье именно за то, чтобы бичевать ближняго, даете въ этомъ обѣщаніе—присягу и берете за это жалованье... А, между тѣмъ, обѣщанія своего не сдерживаете... Да, наконецъ, развѣ прокурору не приходится обвинять лицъ, которыя гораздо менѣе преступны, чѣмъ, быть можетъ, онъ самъ?!.. Онъ самъ—клятвопреступникъ, обманщикъ, развратникъ; онъ грѣшенъ противъ всѣхъ десяти заповѣдей, а, между тѣмъ, онъ-же клеймитъ ближняго!“.

Я хотѣлъ, было, вставить въ бесѣду нашу какое-то замѣчаніе...

— „Не возражайте!“ гнѣвно, краснѣя остановилъ меня Толстой: „Это-такъ, какъ я говорю... И разъ вы станете военнымъ прокуроромъ, вы обрекаете себя на безвыходную гадость... Вдумайтесь только въ ужасъ вашего положенія!.. Нѣтъ, ради Бога, откажитесь отъ этой должности!“

— „Левъ Николаевичъ! Надо сначала попробовать быть честнымъ прокуроромъ, какъ я это понимаю, а, затѣмъ, уже уйти, если будетъ невмоготу...“

— „Иными словами, вамъ надо непремѣнно наложить пятно на свою совѣсть и носить хоть нѣсколько дней мундиръ разбойника?! Мнѣ случалось бывать и въ числѣ присяжныхъ засѣдателей, и даже защитникомъ на судѣ (по дѣлу одного убійцы-солдата, котораго разстрѣляли). Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ ужасомъ, который я вынесъ изъ знакомствъ съ правосудіемъ... Несчастнаго мужичка, за какой-нибудь проступокъ, травятъ, какъ собаку,—и судьи, и прокуроръ, травятъ съ наслажденіемъ, дѣлая все, чтобы жертва не могла спастись отъ нихъ... Вѣдь весь судебный процессъ—сплошная пытка подсудимаго: прежде пытали въ застѣнкахъ, а теперь клеймятъ въ судѣ... А кто далъ право?! Кто?! Недавно я былъ косвеннымъ участникомъ того, что одно дѣло по сосѣдству со мной кончилось не такъ дурно, какъ можно было ожидать. Дѣло заключалось

въ убійствѣ, самомъ дикомъ, безсмысленномъ, стихійномъ, вызванномъ обстоятельствами... Обвиняемые—мужички обратились ко мнѣ за помощью, а я рѣшилъ поѣхать въ судъ, съ двумя старшими дочерями. Самъ я не могъ защищать мужичковъ, но далъ цѣлый планъ защиты защитнику. И дѣло кончилось даже оправданіемъ, правда не всѣхъ... Но, сидя въ публикѣ, я и дочери мои, наблюдали за судомъ, за присяжными, за прокуроромъ. Прокурора этого я знаю: онъ—недурной человѣкъ. Но судьи, сидѣвшіе передо мною, о которыхъ я много слышалъ, были народъ порочный, безнравственный, низкій... И вотъ они-же судятъ несчастныхъ, невѣжественныхъ дикарей!.. Надо было видѣть, съ какимъ стараніемъ прокуроръ отнималъ у подсудимыхъ всякую возможность оправдаться!.. Дочери мои его просто не узнали... Вотъ, что значитъ желанье получать 2000 рублей содержанія и вкусно поѣсть! Передъ судомъ я зашелъ въ тюрьму (у меня есть разрѣшеніе посѣщать мѣста заключенія) и долго говорилъ съ мужичками, совѣтуя имъ быть осторожными во время разбирательства дѣла... Ихъ обвиняли въ предумышленномъ убійствѣ, и я постарался разъяснить имъ, что они должны отрицать всякій умыселъ („не имѣли, молъ, умысла")... И что-же вышло?—Когда стали ихъ спрашивать, признаютъ-ли они себя виновными?—всѣ, какъ одинъ, отвѣтили моими словами: „не имѣли умысла". Такимъ образомъ было очевиднымъ, что они сговорились. Я испугался и пожалѣлъ, что не толковалъ съ ними дольше"...

Снова, вернувшись, къ случаю изъ его жизни, когда пришлось ему, въ молодости, защищать разстрѣляннаго впослѣдствіи, солдата, Толстой, со слезами въ голосѣ и на глазахъ, передавалъ мнѣ, что пытался, черезъ родственницу свою, какую-то графиню Толстую, бывшую воспитательницей великой княжны, добиться замѣны смертной казни другимъ наказаніемъ, у военнаго министра Милютина, или даже о полномъ помилованіи, написавъ ей, графинѣ, письмо. По его разсказу, графиня отправилась къ Милютину и тотъ ей отказалъ, въ ея просьбѣ, только потому, что въ письмѣ Льва Николаевича, будто-бы, не была указана часть войскъ, въ которой служилъ нижній чинъ, хотя и былъ указанъ городъ, гдѣ стояла эта часть.

— „До сихъ поръ" съ негодованіемъ проговорилъ Толстой: „я не вѣрю этой отговоркѣ Милютина: какъ военный министръ, онъ могъ, конечно, навести справку о томъ, какая часть войскъ стоитъ въ такомъ-то городѣ... Я думаю, что такъ какъ дѣло состояло въ нарушеніи дисциплины и это былъ чуть не третій случай, то моего кліента разстрѣляли... для примѣра... Но что пережилъ и перечувствовалъ я!!"

Слушая Льва Николаевича, я невольно проводилъ параллель между нимъ и гр. Милютинымъ...

Одинъ явился какъ-бы воплощеніемъ государственности, культуры, другой—ихъ сплошнымъ отрицаніемъ.

Истина, конечно, лежала и здѣсь посрединѣ.

Толстой не оправдывалъ меня за то, что я стараюсь бороться съ судебной неправдою, съ ошибками приговоровъ, пользуясь для этого моимъ положеніемъ военнаго защитника: великому утописту

представлялось, что уже самымъ фактомъ службы моей въ военно-судебномъ вѣдомствѣ я совершаю тяжкое преступленіе.

— „Представьте себѣ“ говорилъ онъ, развивая эту мысль свою: „что всѣ, военно-судейскіе, въ томъ числѣ и военные защитники, откажутся вдругъ отъ исполненія обязанностей“...

И ему, видимо, рисовалось уже разрушеніе цѣлаго вѣдомства паденіе неправосудія, торжество Божескаго милосердія и т. п.

Помню, что напрасно пытался я его оспорить: Толстой не принадлежалъ къ тѣмъ, которые терпимо способны слушать и соглашаться. Да и какъ было спорить при его огульномъ отрицаніи всякой государственной культуры?!. Станешь приводить ему такіе доводы, что, въ интересахъ общественныхъ, въ интересахъ государства, дисциплины, развитія, огражденія мирнаго труда, гражданственности, порядка, закона, нравственности, нельзя-же не бороться съ преступленіями, преступниками, не строить тюрьмъ и т. п.?! Соглашаешься съ тѣмъ, что, конечно, все это вызываетъ страданіе преступниковъ, какъ людей, нерѣдко стоящихъ на низкомъ уровнѣ развитія, для которыхъ недоступны Евангельскія, другія истины, требованія культивированной морали, тонкости закона и т. п. Ему приведешь, въ примѣръ, ребенка, который, поступками своими, можетъ причинить вредъ себѣ и окружающимъ, надъ которымъ, поэтому, приходится, для спасенія его и другихъ, сознательно сдѣлать насиліе, несомнѣнно причиняющее ему страданіе. Но какъ-же поступить иначе?... Дать ему, ребенку, возможность, играя съ огнемъ, сжечь домъ, играя съ ружьемъ, убить, искалѣчить кого-либо изъ окружажающихъ?!

Но у Толстого были свои „пунктики“, о которые разбивалась всякая логика... Интересы общества, государства, культура человѣчества, дисциплина, право государства ограждать себя и своихъ подданныхъ отъ опасныхъ, вредныхъ элементовъ общества, право судить и осуждать, карать и миловать, равно, какъ и все, что приводилъ я въ защиту роковой, логической, хотя грустной, тажелой необходимости функцій правосудія—все это и другое, культурное, считалъ онъ сплошь лишнимъ, ненужнымъ, вреднымъ, несправедливымъ, преступнымъ, безбожнымъ... Противъ всего этого у него имѣлся запасъ Евангельскихъ изреченій, своеобразно имъ понятыхъ. А мѣшать, напримѣръ, ребенку, насиловать его, даже во имя разума и обще-житейской, логики значило, по его мнѣнію, идти противъ знаменитой теоріи „непротивленія злу“.

— „Что-же будетъ съ человѣчествомъ“ спрашивалъ я его: „если-бы осуществились, наконецъ, на землѣ, ваши мечты о людскомъ царствѣ безъ царей, о правосудіи безъ законовъ, о любви, неимѣщей подъ собой реальной почвы, о правѣ всякаго, даже завѣдомо порочнаго, развращеннаго, сумасшедшаго и т. д.—дѣлать все, что взбредетъ ему на его больной, извращенный умъ, при отсутствіи власти, внѣшней силы, при упраздненіи внутренняго нравственнаго содержанія, которое-бы сдерживало, направляло, регулировало?!“

Но будущее нисколько не смущало Толстого: надо было, по теоріямъ его, сперва все, рѣшительно все разрушить, все уничтожить,

А тамъ, что Богъ дастъ... И снова—Евангельскіе тексты, опять общія мѣста, огульныя отрицанія...

Едва выдвинете вы противъ его ересей науку, назовете рядъ ученыхъ, укажете на рядъ послѣднихъ научныхъ открытій, какъ слышите грубую отповѣдь въ родѣ того, что наука—чепуха, ученые—чепуха, открытія—чепуха... Все—чепуха!...

„Но почему-же?“

—„А потому, что развѣ они дали человѣчеству главное—познаніе Бога любви?!

На ваше возраженіе, что всякая религія приближаетъ человѣка къ Богу, а наука, правильно понятая и примѣненная, служитъ только дѣлу религіи, Толстой уже спѣшитъ заявить, что и Богъ, какъ вы его понимаете, личный Богъ,—ничто, а человѣческая религія—вредная чепуха; что личнаго Бога нѣтъ и т. д.

Можно-ли спорить при подобныхъ обстоятельствахъ?

Какъ-то гуляли мы съ нимъ около Ясной Поляны въ тихую, звѣздную ночь и онъ разрушалъ во мнѣ личнаго Бога.

Указывая на звѣзды (Толстой говорилъ, между прочимъ, что любитъ созвѣздіе „Большой Медвѣдицы“), я сказалъ ему: „развѣ этотъ звѣздный міръ, движущійся, безконечный, подчиненный однимъ и тѣмъ-же законамъ, не есть явное доказательство мудрости, разума одного лица?!“

Но у него, какъ существовалъ Богъ любви, точно нѣчто отвлеченное, разлитое во всей природѣ стихійно, такъ существовалъ и обще-міровой „разумъ“

И снова споръ безрезультатно обрывался.

Въ концѣ пребываній моихъ, этого и послѣдующихъ, въ Ясной Полянѣ, бывало, доходишь до того, что не знаешь, на какую тему завести бесѣду.

Шекспиръ—бюрократъ, бездарность. Пушкинъ, хотя и замѣчательный поэтъ, но пустъ и убилъ талантъ, размѣнявшись на глупости... Вся русская литература—чепуха, дрянь, вредное явленіе и т. п.

Только и сходились мы на судьбѣ человѣка, какъ узника, арестанта, страдающаго за грѣхи общественные...

И тутъ Толстой не обрывалъ меня, а слушалъ и дѣлался по своему мягокъ, нѣженъ, снисходителенъ...

Но и здѣсь цѣлый потокъ возраженій, мыслей, опроверженій возникалъ, бывало, невольно, при нашемъ собесѣдованіи, и оставался въ моей душѣ, не вырвавшись наружу, въ виду очевидной безплодности спора, невозможности найти общую точку духовнаго соприкосновенія.

А сказать хотѣлось многое и многое—именно Толстому съ его великой душою, въ обстановкѣ интимнаго собесѣдованія!..

Всякій законъ, конечно, несовершенъ, хрупокъ, непостояненъ. Всякая уголовная кара причиняетъ безъ сомнѣнія тяжкое мученіе ближнему: вѣдь самый ужасный, закоренѣлый, отвратительный преступникъ страдаетъ, прежде всего какъ „человѣкъ“, имѣющій и плоть, и душу живую... Тутъ, въ вопросахъ осуществленія на землѣ функ-

цій правосудія, нельзя, однако, разбираться съ одними лишь запросами отвлеченной, даже Евангельской, гуманности и морали, руководясь только чувствами жалости и сострадания, да общими философскими, отвлеченными, соображеніями... Какъ и во всякомъ созданіи рукъ человѣческихъ, и въ дѣлѣ отправленія судейскихъ обязанностей, возможны блужданія около истины, судебныя ошибки, увлеченія, пристрастіе въ ту или другую сторону и т. п. И здѣсь все, въ сущности, сводится неумолимо къ отдѣльнымъ лицамъ, служащимъ въ вѣдомствѣ, къ обще-государственнымъ, нравственнымъ, юридическимъ устоямъ даннаго народа. Либеральной болтовнѣ—всегда имѣется, поэтому, богатая пища для обвиненій, подсчитываній недостатковъ, промаховъ, упрековъ... Но что-же дѣлать? Разъ существуетъ государство, то долженъ существовать и общій для всѣхъ, гражданъ его, законъ, а значитъ и судъ... Упразднить законъ было-бы равносильно упраздненію самаго государства... Все это еще болѣе необходимо въ военной службѣ. Но вѣдь обвинителями суда, отрицателями судейскихъ функцій, являются или теоретики—отрицатели самаго принципа государственности, или дерзновенные нарушители закона... Съ ихъ точки зрѣнія, конечно, понятнѣй, желательнѣй анархія, произволъ... Конечно, восторжествуй они, эти враги государственности, имъ прежде всего, для устройства хоть какого-либо порядка на землѣ, пришлось-бы неминуемо учредить власть, силу, законъ, добиться подчиненія сѣрыхъ массъ всему этому. Отсюда—одинъ шагъ до висѣлицъ Пугачева, до гильотины революціи, до пытокъ „святой“ инквизиціи... Человѣчество—словно бѣлка въ колесѣ клѣтки—среди законовъ природы, общества, духа: воображая, что движется впередъ, оно дѣлаетъ, повторяетъ одно и то-же... Въ сущности-же, всѣ реформы въ дѣлѣ правосудія, при какомъ-бы то ни было образѣ правленія, хотя-бы самомъ разлиберальномъ, неминуемо, силою вещей, сведутся: 1) къ возможно болѣе частой смѣнѣ законовъ въ зависимости отъ постоянно мѣняющихся требованій времени; 2) въ возможно лучшемъ подборѣ судебнаго персонала; 3) въ изысканіи возможно бо́льшаго числа средствъ, при которыхъ не было-бы причиняемо лишняго, незаслуженнаго страданія преступнику; 4) въ уничтоженіи, по возможности, всякаго рода судебныхъ ошибокъ, тѣмъ болѣе въ дѣлахъ—со смертными приговорами, т. е. гдѣ исправить ошибку невозможно.

Однимъ словомъ, если даже смотрѣть на судъ и его функціи, съ философской точки зрѣнія (но не Толстовско-филосовской), какъ на необходимое зло, то должны быть приняты мѣры къ тому, чтобы зло это, въ каждую данную минуту жизни государства, было-бы обставлено всѣми гарантіями справедливости со стороны государственной власти, науки, культуры, религіи...

Когда началась въ Россіи революція, то что-же оставалось дѣлать государству, какъ не давить, не глушить этого гада всѣми способами и средствами?!.. И сентиментальничать, колебаться было не время, не мѣсто.

Тѣмъ не менѣе, и здѣсь законъ долженъ былъ быть чистъ, внѣ политическихъ вліяній, а приговоры, особенно со смертной казнью, обставлены всѣми гарантіями правосудія.

Увы, это не всегда осуществлялось. Но можно-ли на подобной аномаліи военнаго времени строить принципъ отрицанія самаго суда?..

Человѣчество должно воспользоваться, затѣмъ, мѣрами уголовнаго наказанія не только въ цѣляхъ огражденія себя отъ вредныхъ, анти-культурныхъ, анти-государственныхъ элементовъ, не только для ихъ устрашенія и кары, но также и въ видахъ возможнаго ихъ перевоспитанія, христіански-нравственнаго на нихъ воздѣйствія, пока находятся они въ мѣстахъ заключенія, т. е. въ особыхъ, исключительныхъ обстоятельствахъ.

Вотъ почему, если-бы государствомъ хоть одинъ гражданинъ былъ лишенъ свободы, во имя закона, а кромѣ него не было-бы другихъ преступниковъ, то всѣ наличныя силы власти, науки, общества, религіи, культуры вообще, должны были-бы быть направлены совокупно къ тому, чтобы сдѣлать пребываніе этого одного въ темницѣ, и обставленнымъ всѣми гарантіями разумнаго, здороваго, нравственнаго существованія, и всѣми способами для достиженія его исправленія, духовнаго спасенія.

Вопросъ не измѣнился-бы въ его существѣ, если-бы то былъ врагъ государства, даже такой, надъ которымъ въ будущемъ могъ-бы висѣть смертный приговоръ суда.

Не можетъ быть, не должно существовать тутъ разницы между преступниками гражданскими и военными...

Тотъ-же государственно-христіанскій масштабъ, поэтому, необходимо примѣнять и къ военнымъ узникамъ военно-карательныхъ учрежденій, въ томъ числѣ и гауптвахтъ, какъ обращенныхъ въ учрежденія этого-же типа.

А у насъ именно здѣсь-то и гибнутъ, ежегодно, ежедневно, при отсутствіи примѣненія элементарныхъ пріемовъ всего только что указаннаго, десятки тысячъ нижнихъ чиновъ...

И всѣ молчатъ!! Молчатъ потому, что утратилось сознаніе отвѣтственности всего общества передъ отдѣльными, свихнувшимися съ пути долга и закона, единицами; потому, что мы христіане лишь по кличкѣ, какъ представители высшей культуры лишь по внѣшности.

Вотъ что хотѣлось мнѣ высказать Л. Н. Толстому—на его сплошное отрицаніе государственности, на его исканіе правды только въ личности каждой отдѣльной единицы.

Велика цѣль осуществленія такимъ отвлеченнымъ, проблематическимъ, философскимъ путемъ на землѣ Царства Божія...

Но, въ погонѣ за подобными идеалами, надо-же отвѣтить для тѣхъ, кто чуждъ этимъ идеаламъ, кто ходитъ по землѣ, а еще чаще бродитъ въ потемкахъ, кого бьютъ, оскорбляютъ, насилуютъ, убиваютъ, грабятъ: что́-же сдѣлать для нихъ сейчасъ, въ огражденіе минимума личнаго ихъ земного счастья?

Все это такъ хотѣлось мнѣ высказать Толстому—и все это осталось между нами недоговореннымъ, такъ какъ я зналъ, что, и болѣе чѣмъ я крѣпкіе духомъ и знаніями, не смогли поколебать его еретическаго, анти-государственнаго, сектантства, именно потому, что пре-

жде всего своими огульными отрицаніями всякой культуры онъ вырывалъ изъ подъ ногъ почву для возможнаго соглашенія.

За то личность человѣческая, съ ея страданіями, интересовала его, захватывала, увлекала, словно ребенка, впервые вдумывающагося, всматривающагося въ вопросы бытія...

Тутъ даже наивность его доходила до трогательнаго величія, невольно и васъ увлекавшаго на путь подвиговъ во благо ближняго...

Помню какъ взволновали Льва Николаевича разсказы мои изъ области попытокъ моихъ—облегчить участь военныхъ узниковъ, населяющихъ наши гауптвахты. Онъ плакалъ (да еще какими жгучими, искренними слезами, всхлипывая, какъ ребенокъ!), загорался пылкимъ негодованіемъ юноши, краснѣлъ, погружался въ мелочи, въ скорбныя думы—пока слушалъ повѣствованія объ отдѣльныхъ эпизодахъ борьбы моей за узниковъ, когда я передавалъ ему, между прочимъ, про ужасы безчеловѣчнаго обращенія съ нижними чинами въ одномъ изъ дисциплинарныхъ баталіоновъ...

По натурѣ, и въ глубокой старости своей, оставшій жестокимъ, страстнымъ, пристрастнымъ человѣкомъ, несмотря на высокую культуру и убѣжденную проповѣдь совсѣмъ иного, Толстой требовалъ отъ меня еще и еще подробностей, фактовъ, точно ему хотѣлось еще болѣе и болѣе возбуждаться.

Во время прогулки, слѣдовавшей за нашей бесѣдою, какъ-бы все еще продолжая переживать мною разсказанное, онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, говорилъ со мной на тему о томъ, какъ радъ-бы онъ былъ самъ попасть въ тюрьму, окончить тамъ дни свои; что онъ искренно желаетъ того-же и нѣкоторымъ членамъ своей семьи, искренно имъ любимымъ, которые „живутъ не по Божески", „не по Евангельски", а въ роскоши и праздности, предвидя въ подобномъ житейскомъ для нихъ испытаніи залогъ грядущаго ихъ очищенія отъ „всяческой скверны", и т. п.

Великій, даже трогательный, въ своихъ явныхъ заблужденіяхъ, противорѣчіяхъ и утопіяхъ, въ обаяніи литературнаго генія и нравственнаго авторитета, во всеоружіи озлобленнаго критицизма своего и своеобразной логичности, Л. Н. Толстой—я помню это—потрясъ мою молодую душу, освѣжилъ меня нравственно, однако, не поколебалъ во мнѣ чувства служебнаго долга, не совратилъ меня въ свое узкое еретическое сектанство и я, до сихъ поръ преклоняясь передъ нимъ, восхищаясь въ немъ упорнымъ исканіемъ истины даже на склонѣ дней, слушая его въ то достопамятное мое посѣщеніе, ковалъ въ себѣ убѣжденіе въ необходимости немедленно-же вернуться къ моимъ военно-судебнымъ обязанностямъ, именно потому, что видѣлъ тамъ, въ Вильнѣ, на ряду съ несовершенствами и непорядками своего вѣдомства, возможность вносить лично извѣстное улучшеніе въ бытъ заключенныхъ, милосердіе и любовь...

Для меня не существовало долгихъ, мучительныхъ колебаній между двумя путями, которые открывались передо мной жизнью—страдать-ли красиво, оповѣщая о томъ весь цивилизованный міръ, за все человѣчество, такъ сказать, отвлеченно, теоретически, въ тиши своего кабинета, какъ это дѣлалъ Толстой, или тайкомъ, не рекла-

мируя себя, идти на гауптвахты, пользуясь своимъ служебнымъ положеніемъ, чтобы жить тамъ дѣйствительнымъ страданіемъ живыхъ людей, вмѣстѣ съ ними, дѣлая то немногое, что было мнѣ подъ силу, не мечтая, конечно, о рапсодахъ моихъ скромныхъ, убогихъ, жалкихъ подвиговъ...

Мнѣ было ясно въ то-же время, что отойди я эгоистично отъ ужасовъ гауптвахтнаго режима, пристройся на какой-либо иной службѣ,—и никто не узнаетъ, пожалуй, даже о нихъ, этихъ страдальцахъ, а, между тѣмъ, неминуемо погибнутъ, нравственно и физически, тѣ, кого можно было-бы еще здѣсь спасти...

Пойди я за Толстымъ, то очутился-бы въ положеніи человѣка, видящаго какъ убиваютъ, насилуютъ, развращаютъ, унижаютъ ближняго—и спѣшащаго, тѣмъ не менѣе, прочь, отъ мѣста преступленія, во имя теоріи „непротивленія злу", или обращающагося съ краснорѣчивой проповѣдью къ тѣмъ, кто публично творитъ беззаконіе и неправду...

Слушая Льва Николаевича, я невольно думалъ:

„Хорошо быть міровой знаменитостью, Толстымъ, и громить никому невѣдомыхъ Жиркевичей изъ глубины своего привиллегированнаго положенія, находясь, при томъ, внѣ законовъ, внѣ обще-принятыхъ условностей, далеко отъ тѣхъ ужасовъ жизни, съ которыми ежедневно соприкасаются по службѣ Жиркевичи, зная, что чтобы ни сказалъ ты, какъ Толстой, будетъ-ли то глубокая мысль или смѣлый парадоксъ и абсурдъ, завтра-же весь свѣтъ станетъ повторять и затверживать съ раболѣпнымъ восторгомъ; что за то, что ты, какъ Толстой, безнаказанно проповѣдуешь,—на основаніи закона, для тебя неписаннаго, Жиркевичей притянули-бы къ суду и засадили-бы въ тюрьму. Хорошо проповѣдывать теоретически всепрощеніе, свободу убійцамъ и насилователямъ, отрицая государство, государственную власть и ея аттрибуты, будучи увѣренъ въ то, что та-же власть оградитъ тебя отъ всякаго насилія и посягательства на твою свободу. Съ другой стороны, благо тѣмъ, кто отъ зла міра, для молитвъ за грѣшниковъ, опутанныхъ земными страстями, скрываются въ пустыню и монастыри, да въ усадьбы... Но не во сто-ли кратъ выше, ближе къ завѣтамъ Христа, жизнь тѣхъ, кто остается въ мірѣ и борется посильно съ ужасами его и соблазнами?!."

Результатъ моего посѣщенія Ясной Поляны сказался—таки, при томъ въ скоромъ времени.

Когда, почти вслѣдъ за нашей бесѣдою со Львомъ Николаевичемъ, назначили меня помощникомъ военнаго прокурора, т. е. когда совершилось фактически то, отъ чего такъ горячо, чуть не со слезами, предупреждалъ онъ меня, то первому ему сообщилъ я о моемъ судебномъ повышеніи.

Конечно, Толстой мнѣ ничего не отвѣтилъ.

Тѣмъ не менѣе мое явное упорство не повліяло на продолженіе нашихъ добрыхъ отношеній.

Позднѣе, на ту-же тему о правотѣ или неправотѣ судейской моей дѣятельности, изъ-за Толстого, обрушился на меня другой писатель—Н. С. Лѣсковъ. Но я ему указалъ, что, въ сущности, вся

жизнь Льва Николаевича—сплошной, при томъ злой, пристрастный, не всегда справедливый, а подчасъ и завистливый, судъ, или надъ отдѣльными личностями, или надъ цѣлымъ обществомъ и общественными группами.

По этому поводу, на тему „не судите, да не судимы будете", между мной и Лѣсковымъ завязалась интересная полемика, прерванная его смертью...

Теперь, когда ни Толстого, ни Лѣскова нѣтъ уже въ живыхъ, когда самъ я ушелъ изъ военно-судебнаго вѣдомства, перелистывая тетради моихъ дневниковъ, гдѣ остались и слѣды моихъ споровъ съ Ясно-Полянскимъ мудрецомъ, мнѣ почему-то представляется, что Левъ Николаевичъ, хотя и громилъ меня за мой „разбойничій мундиръ", но, въ душѣ, не могъ-же не понимать того главнаго основоположенія, которое заставляло меня не бѣжать отъ зла и неправды, а, оставаясь на скромномъ своемъ посту, бодро идти имъ навстрѣчу, изучать ихъ, въ нихъ даже по возможности углубляться—въ слабой надеждѣ хоть чѣмъ-нибудь, хоть не въ значительной мѣрѣ, облегчить чью-либо участь...

Если-бы исполнилась когда-либо утопія Толстого и онъ на самомъ дѣлѣ попалъ-бы въ темницу, то развѣ сталъ-бы онъ тамъ только проповѣдывать, разрушать послѣднюю вѣру въ узникахъ, гасить послѣднія упованія ихъ и плакать вмѣстѣ съ ними надъ порочностью міра, а не поспѣшилъ-бы принести практически пользу своимъ невольнымъ братьямъ по заточенію, т. е. развѣ не сталъ-бы онъ дѣлать то самое, за что осуждалъ меня, и бороться со зломъ, вмѣсто малодушнаго непротивленія ему?!.

Нѣтъ ничего слабѣе, какъ огульное, такъ сказать, принципіальное отрицаніе.

А Толстой отличался именно такого рода отношеніемъ къ дѣйствительности.

Словно въ наказаніе Божіе, дѣятельность его въ этомъ направленіи, даже въ кругу его близкихъ, приносила какъ разъ обратные результаты—и онъ самъ въ этомъ на каждомъ шагу убѣждался.

Глубоко неправы тѣ, кто увѣряетъ, будто-бы Толстой нанесъ вредъ государству, Церкви, суду и т. п. своими обличительными обобщеніями.

Если совратились за нимъ въ ересь, погибли отдѣльныя личности, то только изъ разряда тѣхъ слабыхъ, безвольныхъ, безпочвенныхъ натуръ, которыхъ и безъ того унесло-бы съ собой, утопило, засосало-бы въ омутъ отрицанія, сомнѣній, лжи, какое-либо неблагопріятное теченіе...

На сильныя-же, ищущія убѣжденно правды, натуры, развѣ могли повліять, напримѣръ, плоскія, балаганнаго характера, насмѣшки Толстого надъ религіозными обрядами, надъ судопроизводствомъ, хотя-бы въ его „Воскресеніи"?!.

Конечно, нѣтъ...

Никто не вернулъ такого количества колеблющихся въ вопросахъ вѣры къ установленіямъ церковнымъ, какъ Толстой—именно своими огульными нападками, глумленіями...

Слушая его, нападки на судъ, во мнѣ самомъ крѣпло только сознаніе необходимости оффиціальнаго правосудія...

Толстой, въ сущности, никогда не былъ врагомъ Церкви и страшно жаждалъ лишь того, чтобы его убѣдили въ необходимости церковнаго устройства.

Убѣдить его не удалось, при его системѣ спора, опроверженій, на которую я сослался выше, приводя мою съ нимъ бесѣду, при его отрицаніи тѣхъ культурно-этическихъ началъ, на которыхъ только и возможны были съ нимъ тутъ и споръ, и соглашеніе...

Было-бы справедливо, поэтому, воздвигнуть Толстому памятникъ отъ имени Церкви, суда и др. учрежденій, съ которыми онъ яко-бы боролся, въ благодарность за тѣхъ, кого привели обратно въ Церковь, въ судъ его огульныя, безпочвенныя отрицанія...

И снова я увлекся; снова отхожу отъ основной задачи моей книги, хотя и блуждаю около нее вслѣдъ за Толстымъ...

Скажу, однако, въ дополненіе къ разсказанному мною о встрѣчѣ со Львомъ Николаевичемъ, что никогда не звучали мнѣ такой фальшью рѣчи его, косвенно пытавшіяся совратить меня въ ересь и постыдное бѣгство изъ жизни, какъ тогда, когда первый разъ, по возвращеніи изъ Ясной Поляны, вошелъ я въ хорошо мною изученные казематы Виленской главной гауптвахты и мнѣ сразу-же пришлось снова погрузиться съ головою въ мелочи страданій и надеждъ моихъ узниковъ...

Помню, какъ при этомъ, вся бесѣда моя съ Толстымъ, временное мое малодушіе, слабость возраженій съ моей стороны на его филиппики противъ военно-судебной моей дѣятельности вообще, показались мнѣ вдругъ какъ-бы тайной измѣною именно этимъ сѣрымъ, несчастнымъ, лишеннымъ свободы и духовныхъ радостей, людямъ..

Никогда такъ твердо, какъ въ эти минуты, не давалъ я себѣ клятвы до конца жизни, упорно бороться за судьбы русской гауптвахты...

Съ такими сложными душевными настроеніями, имѣя уже значительный личный опытъ по части отрицательныхъ сторонъ жизни этой гауптвахты, перешелъ я, въ 1891 году, на должность помощника военнаго прокурора.

Правда, новый видъ службы сразу-же прервалъ на время не только непосредственное общеніе мое съ узниками и сдѣлалъ невозможнымъ частое посѣщеніе мною гауптвахтъ, а личности „подслѣдственныхъ", „подсудимыхъ", „обвиняемыхъ" еще разъ потонули въ грудѣ мертвой, исписанной бумаги, законовъ, циркуляровъ, „руководящихъ" рѣшеній, инструкцій и т. п.

Но ужасъ, испытанный мною, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сношеній моихъ съ гауптвахтами, на почвѣ защиты, и теперь дѣлалъ свое дѣло въ безпощадныхъ запросахъ личной моей совѣсти.

По-прежнему, ясно рисовалось мнѣ, что̀ неминуемо связано для нижняго чина съ избраніемъ той или иной мѣры пресѣченія, на которую теперь, въ качествѣ представителя военной прокуратуры, могъ

я оказывать уже извѣстное личное вліяніе,—конечно, въ предѣлахъ закона...

Сколько разъ предчувствіе чужого горя и страданій, боязнь юридической ошибки, зависѣвшей отъ меня, какъ отъ представителя закона, дающаго тонъ данному дѣлу, съ которымъ, въ свою очередь, считается судъ, заставляли меня теперь вліять на ослабленіе мѣры пресѣченія.

Тѣ-же мотивы зачастую руководили мною и при отказахъ отъ обвиненія—въ случаяхъ сомнительныхъ, при умаленіи силы удара карающей руки правосудія, когда для того представлялась хоть малѣйшая возможность.

По-прежнему, судъ прислушивался къ моимъ выводамъ и указаніямъ, такъ какъ они всегда были обоснованы и проникнуты силой знанія дѣлъ и личнаго убѣжденія...

Но самому мнѣ тяжело давались „рѣчи“ по дѣламъ, гдѣ я видѣлъ или только заблудшаго, или погибающаго благодаря пороку, средѣ и т. п.

Бывало, краснѣя, произносилъ я обвинительное слово противъ нижняго чина, Богъ вѣсть что натворившаго въ пьяномъ видѣ, или по случаю растраты какихъ-либо грошевыхъ шароваръ.

Трагизмъ душевнаго моего состоянія увеличивался тѣмъ еще, что неумолимый законъ вынуждалъ меня творить судъ и расправу тамъ, гдѣ хотѣлось-бы мнѣ лично лишь прощать да миловать „по Толстому“...

Для меня ясны были, конечно, во многихъ дѣлахъ, и нравственное, умственное невѣжество бичуемаго мною, и его невѣдѣніе закона, и вліяніе среды... Но, съ другой стороны, не могъ-же я, по-прежнему, не сознавать, что дисциплина требуетъ, для примѣра, жертвъ, что армія не институтъ невинныхъ дѣвицъ, что здѣсь некогда вдаваться, зарываться въ психологію...

Сколько разъ, творя судъ по закону, возвращался я теперь домой больной, съ разбитыми нервами, съ отравленной совѣстью, лишенный сна и аппетита...

И все-же оставался, страдалъ—въ чаяніи принести посильную пользу...

Меня скоро перестали назначать, въ качествѣ обвинителя, на такія дѣла, гдѣ требовалась игра въ политику или особая гибкость, эластичность совѣсти.

Благодаря этому, цѣлый потокъ житейско-бытовой грязи плылъ, подчасъ, совсѣмъ отъ меня близко, даже мимо меня, на моихъ глазахъ, не касаясь, однако, моихъ убѣжденій.

Съ нимъ, этимъ потокомъ, миновали меня и разныя „рѣшенія“, давленія, разъясненія, инструкціи...

Я только благословлялъ Господа за эту милость Его ко мнѣ...

Относительно командировокъ съ временными военными судами, мнѣ удавалось избѣгать такихъ изъ нихъ, во главѣ которыхъ стояли судьи отталкивающаго направленія.

Скоро, во избѣжаніе скандаловъ съ моей стороны, возможнаго нарушенія мною принципа „товарищества“, ложно понятаго, меня перестали посылать, напримѣръ, въ командировки съ однимъ военнымъ судьею, пьяницей, неучемъ и маніакомъ, такъ какъ я заявилъ от-

крыто, что, при первомъ появленіи его въ засѣданіе въ пьяномъ видѣ, прерву засѣданіе и донесу по начальству о невозможности продолжать командировку...

При вышеуказанномъ отношеніи къ дѣлу обвиненія, нерѣдко обвинительныя рѣчи мои, сами собою, обращались въ рѣчи защитительныя.

Я былѣ „слабый“; быть можетъ, подчасъ и вредный на службѣ, „прокуроръ“. Но дай Богъ другимъ унести съ этой тяжелой должности такое убѣжденіе въ свято, по закону, соблюденной справедливости, съ какимъ оставилъ я мои обязанности, сдѣлавшись военнымъ слѣдователемъ.

И теперь, въ положеніи помощника военнаго прокурора, далекаго отъ соприкосновенія съ дѣйствительной жизнью дѣятеля, не забывалъ я гауптвахтъ, другихъ мѣстъ заключенія военнаго вѣдомства, и каждымъ случаемъ пользовался для того, чтобы проникнуть туда, повліять на судьбу тѣхъ, кто имѣлъ несчастье превратиться въ военно-гауптвахтнаго „арестанта“.

Къ этому побуждало меня и то обстоятельство, что я сталъ чаще и чаще натыкаться на сложные, исключительные, нѣжные, полуинтеллигентные, больные, ненормальные типы, о которыхъ сказано у меня въ одной изъ предыдущихъ главъ настоящей книги: ихъ ввела въ жизнь главной гауптвахты, какъ я уже о томъ упоминалъ, всеобщая, равная для всѣхъ, воинская повинность...

Назначеніе меня, въ 1897 году, на должность военнаго слѣдователя Виленскаго-же военно-окружнаго суда значительно помогло мнѣ расширить сферу вліянія моего на жизнь тѣхъ гауптвахтъ, съ которыми я соприкасался.

Положа руку на сердце, могу сказать теперь, что тѣ годы, когда я состоялъ военнымъ слѣдователемъ, рисуются мнѣ въ прошломъ въ видѣ какой-то счастливой полосы моей военно-судейской службы.

Какъ слѣдователь, я, прежде всего, могъ совершенно не считаться съ хаосомъ рѣшеній Главнаго Военнаго Суда, а имѣлъ полную возможность слушаться лишь голоса, велѣній закона.

Самый процессъ производства слѣдствій совершенно не ложился бременемъ на мою совѣсть: собравъ безпристрастно нужный, полезный для выясненія дѣла, матеріалъ, я представлялъ его далѣе, покомандѣ, въ военно-прокурорскій надзоръ, который и распоряжался уже судьбою подсудимыхъ, отъ меня независѣвшею.

Такъ какъ не я, а этотъ надзоръ, судъ несли уже дальнѣйшую отвѣтственность за дѣла, то, на основаніи закона, всякое указаніе военно-прокурорскаго надзора—о дополненіи слѣдствій мнѣ приходилось исполнять механически, точно придерживаясь предложенныхъ требованій...

Конечно, и тутъ происходили у меня недоразумѣнія, вытекавшія изъ моихъ взглядовъ на интересы моихъ подсудимыхъ...

Помню одно дѣло, гдѣ, быть можетъ, и слѣдовало, въ видахъ воинской политики, въ интересахъ службы, взглянуть на подчиненнаго, офицера, оскорбившаго дѣйствіемъ начальника, какъ на человѣка ненормальнаго... Въ этомъ направленіи мнѣ и предложено

было военнымъ прокуроромъ сдѣлать освидѣтельствованіе степени нормальности умственныхъ способностей этого субъекта. Не имѣя въ рукахъ подобныхъ данныхъ, я отвѣтилъ, что отказываюсь исполнять такое порученіе, считая для себя безнравственнымъ относиться къ нормальному человѣку, какъ къ сумасшедшему. Протестъ мой являлся, съ точки зрѣнія буквы закона, неправильнымъ (я долженъ былъ исполнить требованіе) но, зато, никто не могъ осудить меня, какъ человѣка, имѣющаго въ виду не букву, а духъ закона. Послѣ нѣкоторыхъ непріятныхъ объясненій, на меня не производили дальнѣйшаго давленія, а предложили собрать лишь свѣдѣнія о нормальности обвиняемаго. Я это сдѣлалъ, при чемъ представленный мною матеріалъ еще болѣе удостовѣрилъ фактъ нормальности. Судъ тоже призналъ офицера нормальнымъ, назначивъ ему каторгу. Затѣмъ, лишь родственникомъ осужденнаго возбуждено было сомнѣніе въ душевной его нормальности...

Должность военнаго слѣдователя избавляла меня, къ тому-же, и отъ всякихъ личныхъ докладовъ по начальству, связанныхъ съ давленіями на мою совѣсть.

А, съ назначеніемъ меня, затѣмъ, въ г. Смоленскъ, т. е. въ участокъ, далеко расположенный отъ военно-окружнаго суда, всѣ личныя сношенія мои съ военно-судейскимъ начальствомъ, ограничивались двукратными въ теченіи года шаблонными ревизіями моей камеры...

Нервы мои успокоились, окрѣпли.

Я отсталъ понемногу, за время исполненія обязанностей слѣдователя, отъ разнаго рода колебаній воинской политики и совершенно одичалъ—въ смыслѣ экскурсій въ лабиринты рѣшеній, инструкцій и т. п. сюрпризовъ, среди которыхъ, по-прежнему, блуждали остальные, бѣдные мои сослуживцы, по вѣдомству, связанные съ другими должностями.

Назначеніе мое на должность военнаго слѣдователя, въ непродолжительномъ времени указало мнѣ на то, что и на гауптвахтахъ отдѣльныхъ частей войскъ—та-же неурядица и безобразія, съ той, однако, разницей, что здѣсь происходила какъ ни какъ, а борьба строевого начальства съ создавшейся неблагопріятной обстановкой и нижніе чины не теряли общенія со своими частями, оставаясь и подъ стражею въ сферѣ ихъ вліянія; вредное-же многоначаліе, наблюдаемое на главныхъ гауптвахтахъ, здѣсь, конечно, не имѣло мѣста.

Правда, новая должность моя лишала меня возможности вліять на ходъ дѣлъ, на избраніе мѣры пресѣченія въ тотъ періодъ, когда дѣла эти поступали въ военно-прокурорскій надзоръ, вносились въ судъ съ обвинительными актами и, затѣмъ, разбирались въ судѣ.

Зато должность военнаго слѣдователя, по закону, дѣлала меня почти полнымъ хозяиномъ даннаго дѣла—въ періодъ обслѣдованія его мною, впредь до передачи слѣдственнаго производства на заключеніе военному прокурору.

Она позволяла иногда, опять-таки въ предѣлахъ закона, вліять на избраніе той или другой мѣры пресѣченія, а, главное, снова ставила меня въ непосредственныя, живыя сношенія съ гауптвахтой, съ

комендантскимъ и инымъ начальствомъ, имѣщимъ къ ней касательство, а также и съ военными заключенными.

Строевому и комендантскому начальству волей-неволей, а приходилось теперь со мною считаться, принимая въ расчетъ и мирное со мной сожительство, хотя-бы уже въ силу законнаго права моего, и даже прямой обязанности составлять такъ называемыя „особыя постановленія“ въ случаѣ замѣченныхъ, внѣ рамокъ даннаго слѣдствія, нарушеній закона, представляя ихъ, эти заключенія, высшему, въ порядкѣ подчиненности виновныхъ, начальству.

Такъ какъ въ подобныхъ постановленіяхъ должны были быть приводимы, по закону, лишь голые, мною обнаруженные, новые факты и документы, безъ выводовъ и обобщеній, то они, такія постановленія, имѣли вѣсъ и значеніе, какъ въ глазахъ строевого начальства, такъ и суда, и военно-прокурорскаго надзора.

То-же право особыхъ „постановленій“ давало мнѣ широкое право—во время слѣдствій—свободно, безпристрастно собирать все, что говорило не только „противъ“ моихъ подсудимыхъ, но и „за нихъ“, освѣщая въ дѣлѣ ту служебно-бытовую обстановку, тѣхъ нарушителей закона изъ рядовъ начальства, которые, противозаконными дѣйствіями своими, подвели нижняго чина подъ слѣдствіе...

Конечно, во всѣхъ случаяхъ, когда мнѣ представлялась возможность, въ предѣлахъ закона и справедливости, смягчать участь того или другого нижняго чина, хотя-бы избраніемъ болѣе мягкой, гуманной мѣры пресѣченія (что́ не обязывало, еще, къ слову сказать, начальство со мною соглашаться), я имѣлъ въ виду, между прочимъ, и невзгоды, ожидавшіе неумолимо нижняго чина за стѣнами гауптвахты—съ момента избранія ему мѣрой пресѣченія „ареста въ мѣстахъ заключенія военнаго вѣдомства“.

Часто дѣло приходило ко мнѣ съ нижнимъ чиномъ, уже взятымъ строевымъ начальствомъ подъ стражу, въ соображеніяхъ казарменнаго удобства, примѣра и т. п. мотивовъ, непредусмотрѣнныхъ закономъ, по какому-либо пустому случаю—о растраченномъ, напримѣръ, кускѣ казеннаго сала, ввѣреннаго по службѣ кашевару и т. п.

Являлась возможность исправить несправедливую, съ точки зрѣнія закона, жестокость, поднявъ вопросъ о смягченіи мѣры наказанія, со ссылками на законъ...

Если можно было спасти нижняго чина, правдиво, безпристрастно освѣтивъ дѣло—въ ущербъ интересовъ тѣхъ, кто сознательно довелъ его до проступка, или даже преступленія, то я всегда это дѣлалъ, широко пользуясь правомъ вышеупомянутыхъ „особыхъ постановленій“.

У меня случайно сохранились копіи съ нѣкоторыхъ изъ-нихъ, которыя могутъ служить иллюстраціей къ только что мною сказанному, указавъ, попутно, какъ возможны иногда ошибки въ дѣлѣ правосудія, и сколько невинныхъ сидитъ по русскимъ гауптвахтамъ, напрасно тамъ погибая...

Вотъ, напримѣръ, типичное дѣло изъ моей былой практики.

Рядовой обвиняется въ томъ, что съ цѣлью уклоненія отъ военной службы, сдѣлалъ себѣ прободеніе ушной перепонки. Его арестовываютъ, для примѣра прочимъ...

Между тѣмъ на слѣдствіи, мнѣ удается собрать матеріалъ, достаточный для того, чтобы доказать, что здѣсь на лицо не членовредительство, а что начальникъ солдата, унтеръ-офицеръ, ударомъ по уху, въ строю, на занятіяхъ, пробилъ ему барабанную перепонку; что на лицо имѣется даже укрыватель этого звѣря, фельдфебель той-же роты. Попутно вытягиваются мною на свѣтъ Божій и другіе „мордобійцы"—въ ротѣ, гдѣ это видимо поощряется ротнымъ командиромъ. По мѣрѣ скопленія мною матеріала на слѣдствіи, получается недурная картина казарменныхъ нравовъ.

Всѣхъ виновныхъ, со ссылками на показанія свидѣтелей, на выводы врачебной экспертизы, на законы, представляю я, по принадлежности, въ „особомъ постановленіи", „на благоусмотрѣніе" того высшаго начальства, отъ котораго зависитъ право привлеченія ихъ къ отвѣтственности. Въ то-же время, само-собою падаетъ обвиненіе нижняго чина въ членовредительствѣ—и я поднимаю вопросъ о замѣнѣ ему заключенія на гауптвахтѣ—отдачей подъ особый надзоръ начальства.

Частнымъ образомъ, я хлопочу, съ успѣхомъ, у командира полка—о прикомандированіи невинно-страдающаго къ другой ротѣ, чтобы избавить его отъ мести бывшаго его начальства изъ нижнихъ чиновъ...

Другой примѣръ: самоубійство нижняго чина, какъ это выясняется по ходу слѣдствія, моглю имѣть мѣсто лишь въ виду обстановки, его окружавшей въ казармѣ. — Новое постановленіе о тѣхъ, кто создалъ эту преступную обстановку.

Пьяный унтеръ-офицеръ, вернувшись изъ отпуска въ роту, бьетъ какъ говорится „смертнымъ боемъ" пьянаго-же подчиненнаго нижняго чина, чѣмъ и вызываетъ послѣдняго на рядъ нарушеній дисциплины.

Конечно, солдату не миновать дисциплинарнаго баталіона; но и незаконное обращеніе съ нимъ унтеръ-офицера, оформленное въ особомъ постановленіи, не даетъ возможности послѣднему увильнуть отъ законнаго возмездія, въ то-же время смягчивъ участь подчиненнаго.

И снова я поднимаю вопросъ объ измѣненіи первоначально принятой мѣры пресѣченія, лишая гауптвахту узника.

Еще болѣе типичное дѣло попало мнѣ въ руки, какъ слѣдователю, по обвиненію офицеромъ своего денщика въ рядѣ такихъ нарушеній дисциплины, которые влекли за собой суровое наказаніе,—каторжныя работы.

Какъ оказалось, офицеръ этотъ, подавшій на денщика рапортъ, по показаніямъ не только сослуживцевъ обвиняемаго, но и частныхъ лицъ, жившихъ съ офицеромъ въ одномъ домѣ, былъ уличенъ мною, во время слѣдствія, въ томъ, что—постоянно пьяный, часто избивалъ своего денщика, занималъ у него незаконно деньги на водку и покупку съѣстныхъ припасовъ, взялъ у него казенную дачку холста, не заплативъ за нее деньги и т. п. По отношенію-же къ данному об-

виненію, выяснилось съ несомнѣнностью, что и все обвиненіе-то подвержено большому сомнѣнію и многія части его отпадаютъ, какъ явно выдуманныя, несоглашающіяся съ расположеніемъ комнатъ квартиры и т. п.

Конечно, мнѣ ничего не оставалось болѣе, какъ о такомъ офицерѣ отрицательнаго типа оффиціально довести, на законномъ основаніи, по строевому начальству, въ видѣ особаго постановленія: офицеру было предложено немедленно убраться со службы, а дѣло о нижнемъ чинѣ прекратили, само собой разумѣется, освободивъ его изъ подъ стражи, т. е. съ гауптвахты.

Подобное отношеніе мое къ дѣламъ, попадавшимъ въ мое производство, имѣло и огромное воспитательное значеніе: а) привлекая къ отвѣту нарушителей закона, такъ сказать, изъ привиллегированныхъ „сливокъ“ начальствующихъ нижнихъ чиновъ, которые, при иномъ отношеніи къ дѣлу могли-бы остаться безнаказанными; б) укрѣпляя въ казармѣ убѣжденіе, что если никакое нарушеніе закона не пройдетъ даромъ провинившемуся нижнему чину, то что оно не сойдетъ благополучно съ рукъ и его начальству, т. е. что передъ закономъ всѣ равны.

При составленіи-же „особыхъ постановленій“ имѣлъ я въ виду не травлю начальствующихъ, а вообще лишь выясненіе поводовъ, послужившихъ къ возникновенію даннаго дѣла; при чемъ подъ прожекторы закона попадали у меня неумолимо и подчиненные, если они тоже оказывались виновными. И о подобныхъ субъектахъ составлялъ я такія-же „особыя постановленія“.

Такъ было, напримѣръ, по одному возмутительному дѣлу о загадочной смерти въ отдѣленіи для душевно-больныхъ одного изъ военныхъ госпиталей сверхсрочнаго нижняго чина.

При производствѣ слѣдствія, мнѣ удалось обнаружить и заключить подъ стражу нѣсколькихъ, виновныхъ, по мнѣнію моему, въ убійствѣ, нижнихъ чиновъ госпиталя, попутно обнаруживъ неправду въ актѣ вскрытія погибшаго унтеръ-офицера, вопіющія нарушенія закона и врачебной этики со стороны медицинскаго персонала госпиталя, невозможное устройство такъ называемой „мягкой комнаты“ для буйныхъ душевно-больныхъ, безсердечное отношеніе къ больнымъ, вообще преступную небрежность, научную несостоятельность, произволъ и проч., и проч.

Постановленіе мое—увы!—не имѣло того успѣха, на который могло, по содержанію своему, расчитывать: противъ меня поднялась цѣлая коалиція... Нижнихъ чиновъ впослѣдствіи оправдали. На врачей наложили незначительныя дисциплинарныя взысканія. Главный ужасъ госпитальнаго режима, мною обнаруженнаго, не нашелъ себѣ справедливаго отклика прежде всего въ военно-судебной средѣ, на которую я расчитывалъ, начиная борьбу. Самъ я пострадалъ за это дѣло по службѣ, но, въ то-же время, имѣлъ и счастье видѣть, какъ постановленіе мое заставило-таки и измѣнить въ корнѣ, надо думать надолго, военно-госпитальные порядки, и показать служащимъ въ госпиталѣ до нижнихъ чиновъ включительно, что есть-же на свѣтѣ законъ, наука, совѣсть, правда и т. п. явленія культуры...

Нравственное вліяніе моего постановленія на окружающихъ было несомнѣнно и глубоко...

Надо замѣтить, что вообще въ военно-судебномъ вѣдомствѣ рѣдко прибѣгаютъ къ „особымъ постановленіямъ“—чаще всего изъ боязни конфликтовъ со строевымъ начальствомъ...

А то, что мнѣ-же, въ данномъ случаѣ, пришлось пострадать за смѣло высказанное, основанное на фактахъ и документахъ, убѣжденіе, только рисуетъ общее положеніе этого вѣдомства...

Строевое начальство, задѣтое „особыми постановленіями“ военныхъ слѣдователей, нерѣдко принимало мѣры къ избавленію отъ такихъ нежелательныхъ контролеровъ военнаго быта...

Помню примѣръ, когда одинъ военный слѣдователь былъ перемѣщенъ немедленно въ другой участокъ по телеграммѣ или письму корпуснаго командира къ Главному Военному Прокурору за то лишь, что, усмотрѣвъ изъ дѣла виновность командира отдѣльной части, „осмѣлился“ составить о послѣднемъ „особое постановленіе“. Онъ былъ вызванъ, кромѣ того, къ корпусному командиру, который топалъ на него ногами, оскорбилъ его на словахъ при свидѣтеляхъ и т. п.

Бѣдное военно-судебное вѣдомство! Чего только оно не перенесло, не испытало!..

Конечно, только что приведенный, печальный примѣръ многихъ изъ моихъ сослуживцевъ заставилъ серіозно задуматься и, вѣроятно, удержалъ отъ рискованныхъ предпріятій въ сферу дѣйствій строевого элемента.

Но мнѣ, къ счастью, кромѣ приведеннаго военно-госпитальнаго случая, не довелось, въ практикѣ моей натыкаться на подобное къ себѣ отношеніе высшаго строевого начальства. Въ запасѣ у меня, однако, всегда были наготовѣ должная отповѣдь, а, затѣмъ, . . . жажда борьбы, хотя-бы и явно неравной...

Скоро въ частяхъ войскъ, входившихъ въ составъ моего огромнаго военно-слѣдственнаго участка, освоились съ подобною манерой моей относиться къ слѣдствію, тѣмъ болѣе, что никогда не дѣйствовалъ я пристрастно, а само начальство всегда видѣло, правъ я или нѣтъ въ данныхъ случаяхъ—съ точки зрѣнія закона и моихъ обязанностей...

Но не только въ этомъ одномъ—въ улавливаніи скрывающихся преступниковъ на фонѣ бытовой, служебной обстановки казармы, видѣлъ я плодотворную миссію новой моей должности, а въ томъ авторитетѣ, въ томъ служебномъ положеніи, которые позволяли мнѣ теперь: а) внѣ службы вліять иногда на вопросъ о возбужденіи дѣлъ; б) вліять на внутренній бытъ гауптвахтъ моего участка—главныхъ и отдѣльныхъ частей войскъ.

Первое легко достигалось тѣмъ, что я, какъ юристъ, былъ доступенъ для всякаго начальства, крупнаго и мелкаго, желавшаго почему-либо пользоваться юридическими моими совѣтами, а также по отношенію къ дѣлопроизводителямъ полковыхъ (бригадныхъ и др.) судовъ отдѣльныхъ частей войскъ, путавшихся зачастую въ дебряхъ законовъ и рѣшеній Главнаго Военнаго Суда—если они желали получить отъ меня юридическій совѣтъ: двери моей квартиры всегда

были радушно открыты всѣмъ, желавшимъ, на подобной почвѣ, имѣть со мною живое общеніе.

Смѣло скажу, что при подобномъ непосредственномъ сношеніи со строевымъ элементомъ, множество дѣлъ получили правильный ходъ, а часть ихъ и вовсе не доходила до суда, если-же и доходила, то при надлежащемъ, всестороннемъ освѣщеніи...

Не произойди иной встрѣчи, иной частной бесѣды со мною—и сколько нижнихъ чиновъ зря просидѣло-бы на гауптвахтахъ!..

Съ другой стороны, не разъ, путемъ простого совѣта, поданнаго вó-время начальству, удавалось мнѣ склонить послѣднее къ избранію мѣрой пресѣченія отдачу подъ надзоръ, а не заключеніе подъ стражу, даже по дѣламъ, о которыхъ шли у меня со строевыми офицерами лишь частные переговоры.

По закону такія консультаціи, конечно, ко вреду службы, не предусмотрѣны. Но почему? И, идя на нихъ, я оказывалъ лишь любезность, никого, ни къ чему необязывавшую. А сколько отсюда вытекало благихъ послѣдствій!.

Не разъ какое-либо незначительное дѣло прекращалось или получало совсѣмъ другое направленіе лишь въ виду того, что, ознакомившись съ нимъ частнымъ образомъ, такъ сказать въ зачаточномъ его состояніи, я не вправѣ былъ скрыть отъ строевого начальства того или иного злоупотребленія властью, или отступленія отъ закона начальствующихъ, которыя,—если дѣло поступитъ ко мнѣ, неминуемо вызовутъ непріятное „особое постановленіе“.

Въ участкѣ моемъ хорошо уже знали, что тутъ не одна пустая игра словъ съ моей стороны, а лишь необходимость исполненія долга службы; что поблажки не будетъ ни въ чью сторону, если дѣло попадетъ мнѣ въ руки оффиціальнымъ путемъ.

Сколько, при этомъ, принциповъ милосердія, гуманности, снисхожденія къ временно лишь свихнувшемуся нижнему чину, удавалось мнѣ проводить въ формѣ того или иного частнаго, дружескаго совѣта.

Эта боязнь обнаруженія съ моей стороны злоупотребленій и непорядковъ на почвѣ закона, несомнѣнно сыграла огромную роль и въ отношеніяхъ моихъ къ гауптвахтамъ, т. е. давала мнѣ возможность входить съ правомъ голоса, въ обаяніи служебнаго авторитета, въ міръ „моихъ“ несчастныхъ заключенныхъ.

По-прежнему, придерживался я стараго правила—допросы ихъ, по возможности, производить на самыхъ гауптвахтахъ, при томъ безъ предупрежденій о времени моего туда появленія.

Если, будучи защитникомъ, я не вправѣ былъ указывать, учить, а лишь робко просилъ и напоминалъ, при чемъ нерѣдко встрѣчалъ и пренебрежительное, снисходительное отношеніе къ моимъ попыткамъ—улучшить бытъ военныхъ заключенныхъ, а самыя просьбы мои часто исполнялись какъ-бы изъ милости, любезности, то теперь, на положеніи военнаго слѣдователя, имѣя чинъ штабъ-офицера и, про запасъ, право составленія „особыхъ постановленій“, я могъ, непрерывно посѣщая гауптвахты ввѣреннаго мнѣ участка, надѣяться на вниманіе къ моимъ ходатайствамъ, на успѣхъ моихъ начинаній, тѣмъ

болѣе, что и тѣ, и другія по-прежнему никогда не шли въ разрѣзъ съ закономъ, а, наоборотъ, всегда имѣли подъ собой строго-законную почву.

Начальства—комендантское и строевое—понемногу убѣдились въ томъ, что я пользуюсь правомъ особыхъ постановленій лишь въ предѣлахъ порученныхъ мнѣ слѣдствій. То-же, что попадается мнѣ на глаза, такъ сказать, частнымъ образомъ, служитъ только предметомъ частныхъ моихъ, внѣ-служебныхъ сношеній; что я хорошо различаю въ непорядкахъ на гауптвахтахъ, такіе, которыхъ начальство не въ силахъ отвратить—въ виду создавшейся обстановки, отъ тѣхъ, которые возникаютъ на почвѣ, гдѣ начальство вправѣ и можетъ установить порядокъ, но или не желаетъ этого дѣлать, или-же преступно смотритъ сквозь пальцы на злоупотребленія и беззаконіе...

Мои отношенія можно опредѣлить понятіемъ „вооруженнаго мира“.

Постепенно, заведя всюду, въ частяхъ войскъ и по комендантскимъ управленіямъ, добрыя, основанныя на взаимномъ довѣріи и уваженіи, сношенія съ начальствующими лицами, мнѣ удалось, по прошествіи нѣкотораго времени, вмѣшательство мое въ жизнь, въ бытъ гауптвахтъ перевести отъ единичныхъ случаевъ, связанныхъ съ производимыми мною слѣдствіями, къ болѣе широкой сферѣ вліянія на существованіе гауптвахтъ вообще.

Бывало, когда на положеніи защитника, появлялся я на гауптвахтѣ, мнѣ по неволѣ, скрѣпя сердце, приходилось, на заявленія нижнихъ чиновъ о томъ, что ихъ плохо кормятъ, дурно одѣваютъ, не водятъ въ баню, замораживаютъ въ плохо-отапливаемыхъ казематахъ, лишаютъ свѣжаго воздуха, и т. п., отвѣчать: „Это, братцы, не мое дѣло... У васъ—свое начальство: вы ему и жалуйтесь“...

Теперь-же, получивъ подобныя заявленія, я, конечно, не обѣщалъ ничего заключеннымъ, даже оффиціально уклонялся отъ принятія жалобъ, (все это было-бы противно закону, недопускающему подобнаго порядка пріема претензій), но шелъ къ начальству и, въ частной бесѣдѣ, начиналъ разговоръ на тему о томъ, что нельзя-ли было-бы послать нижнихъ чиновъ въ баню, на прогулку, что я продрогъ въ камерѣ, что у многихъ изъ узниковъ болѣзненный, утомленный видъ, а, между тѣмъ, доктора они что-то давно уже не видали и т. п.

Среди начальствующихъ мнѣ удавалось на каждомъ шагу встрѣчать людей благородныхъ, добрыхъ, гуманныхъ, даже на словахъ благодарныхъ мнѣ за мои указанія на непорядки. А то, что таилось въ ихъ душахъ, меня не волновало...

Противъ-же начальства иного типа, у меня, про запасъ, всегда имѣлся довольно вѣскій аргументъ: случись-де на гауптвахтѣ безпорядки на почвѣ невозможнаго, незаконнаго, безчеловѣчнаго режима—и ничто не помѣшаетъ мнѣ, конечно, составить „особое постановленіе“, въ основу его положивъ бездѣйствіе власти или злоупотребленіе этой властью...

Нечего много говорить на тему о томъ, какъ и здѣсь, т. е. на должности военнаго слѣдователя, я нерѣдко ошибался, заблуждался,

падалъ, спотыкался, напрасно (хотя и невольно) заставляя страдать тѣхъ-же моихъ „кліентовъ", за благоденствіе которыхъ радъ-бы былъ положить душу свою,—иногда по винѣ моей, по незнанію, по невозможности, неумѣнью примѣняться къ разнаго рода руководящимъ „рѣшеніямъ", чаще благодаря положенію военныхъ законовъ, еще чаще—въ зависимости отъ капризовъ начальства...

Но кому это интересно знать, кого, чему научило-бы?!.

ГЛАВА VI.

Начало моей борьбы, за гауптвахты. Борьба тамъ, гдѣ должна была-бы быть мирная, совмѣстная работа, на благо ближняго. Виленская главная гауптвахта и комендантъ полковникъ Шипинъ. Постановленіе № X. Я добиваюсь права устройства на Виленской главной гауптвахтѣ солдатской библіотеки и личныхъ, внѣслужебныхъ, посѣщеній, т. е. того, что непредусмотрѣно уставомъ о службѣ въ гарнизонѣ. Мечты о возможности освѣтить никому невѣдомое зло на всю Россію, бороться съ нимъ при помощи Петербурга и т. п.

А вотъ и самая исторія моей борьбы за нужды главныхъ гауптвахтъ и ихъ заключенныхъ...

Живя постоянно въ Вильнѣ, гдѣ была камера моего военно-слѣдственнаго участка, и чаще всего, поэтому, посѣщая мѣстную главную гауптвахту, не могъ не обратить я вниманія прежде всего на полную заброшенность послѣдней.

Комендантомъ былъ, въ то время, въ Вильнѣ, пресимпатичный старикъ, полковникъ Шипинъ,—человѣкъ стараго закала, совсѣмъ, однако, иного типа, чѣмъ полковникъ Вестенрикъ, упоминавшійся въ одной, изъ предыдущихъ главъ, человѣкъ свято вѣрившій въ спасительность для русскаго солдата розги (въ ту пору еще существовалъ такъ называемый „разрядъ штрафованныхъ“ съ наказаніемъ розгами), отрицавшій всяческое „нянчинье“ съ заключенными, заваленный, по должности коменданта и воинскаго начальника, канцелярской перепискою и рѣдко бывавшій, поэтому на гауптвахтѣ. Составъ комендантскаго управленія тоже не отличался податливостью на какія-либо гуманныя реформы на гауптвахтѣ.

Тѣмъ не менѣе всѣмъ этимъ господамъ приходилось-таки считаться со мной, какъ со слѣдователемъ, въ участокъ котораго входили и Виленское комендантское управленіе и управленіе Виленскаго уѣзднаго воинскаго начальника.

Въ свою очередь, я, въ силу принятой мною системы, о которой упоминалъ выше, пользовался моимъ служебнымъ положеніемъ для того, чтобы внести струю освѣжающаго воздуха на Виленскую гауптвахту.

Постепенно удалось мнѣ добиться права посѣщеній ея въ свободное отъ службы время, разноски книгъ для чтенія, Евангелій, иконъ, молитвенниковъ по камерамъ, права, въ отдѣльныхъ случаяхъ, ходатайствовать даже за узниковъ, объ ихъ нуждахъ: комендантское управленіе, хоть туго, неохотно, съ гримасами удивленія, пожимая плечами, а все-же шло навстрѣчу моимъ заявленіямъ, тѣмъ болѣе, что личныя отношенія мои съ офицерскимъ составомъ его были въ первое время самыя дружелюбныя.

Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ зарывался я въ жизнь, бытъ Виленской главной гауптвахты, обременяя все болѣе и болѣе моими

просьбами комендантское управленіе, старый комендантъ началъ приходить по временамъ прямо въ скорбное недоумѣніе. Понятія о законѣ, законности и т. п. были у него самыя первобытныя...

Помню, какъ однажды, когда я въ бесѣдѣ съ нимъ, по обычаю, откровенно, перешелъ отъ частичныхъ ужасовъ и непорядковъ на ввѣренной ему гауптвахтѣ къ общимъ соображеніямъ по содержанію военныхъ заключенныхъ, покойный даже закипятился и напалъ на меня, въ рядѣ вопросовъ, приблизительно такого содержанія и формы:

—„Вы говорите, что ихъ заѣли вши, клопы?“ А дома-то, по деревнямъ, кто ихъ ѣстъ, какъ не тѣ-же вши и клопы?!. Въ камерахъ — вонь, грязь, сырость, холодъ... Не отрицаю. Не спорю: зданіе давно годно лишь на сломку... А кто-же все это тамъ, по камерамъ, развелъ, какъ не тѣ-же шельмы-арестанты?!. Русскій человѣкъ склоненъ вносить съ собой всюду непорядокъ... А я-то тутъ при чемъ?!. Вы указали на то, что нельзя-же больныхъ сифилисомъ держать на общемъ положеніи, по камерамъ, вмѣстѣ со здоровыми... И это вѣрно... Но кто-же виноватъ, если солдатишки, по разнымъ вертепамъ, прививаютъ себѣ всяческія болѣзни, какъ не они сами?!. Опять таки, спросите врачей: есть въ Россіи цѣлыя деревни, зараженныя сифилисомъ, отъ старцевъ до дѣтей... Вотъ вы все о книжечкахъ для арестованныхъ толкуете, о чистомъ воздухѣ, о прогулкахъ радѣете... А посмотрѣли-бы вы, что дѣлается по гражданскимъ тюрьмамъ, въ этапныхъ домахъ!.. Книжки-же, скажу откровенно, какъ солдатъ, какъ Николаевецъ, книжки вообще народу нашему рано еще читать... И какая книга пойдетъ въ голову, когда въ брюхѣ—коты отъ голода мяучатъ?!... Вы говорите... Водить надо заключенныхъ въ церковь, приводить къ нимъ священника?!. Эхъ, батенька мой, все это въ васъ молодость говоритъ и... какъ-бы выразиться яснѣе... излишекъ что-ли всяческой науки въ головѣ... Опять-таки, есть въ Россіи деревни, гдѣ о церкви и попѣ рѣдко слышутъ... И ничего... Иконки?!. Да развѣ вѣрующему человѣку много прибавится къ его вѣрѣ отъ иконки?!. Опять-же... Сколько походовъ пришлось продѣлать безъ иконокъ. А вотъ хуже вѣдь не сталъ... Конечно... Кто будетъ спорить съ вами противъ пользы бани, особенно, такъ называемой, русской... Съ другой стороны... Дѣвицы что-ли пенсіонныя у насъ сидятъ на гауптвахтѣ?! Бывало, въ походѣ, по мѣсяцамъ о банѣ не думалъ, недѣлями бѣлья мѣнять не приходилось... Всякая нечисть заѣдала... А вотъ вышелъ-же въ люди... И хуже не сталъ...“

Въ такомъ родѣ была и дальнѣйшая рѣчь Шипина.

Вдругъ старикъ перешелъ на сокровенный шепотъ и, покосившись на двери (мы были въ его служебномъ кабинетѣ), совсѣмъ уже другимъ тономъ, спрашиваетъ меня:

—„А могу я у васъ попросить одного юридическаго совѣта?“

„Сдѣлайте милость“ говорю, недоумѣвая: „Радъ всегда служить, чѣмъ могу. Въ чемъ дѣло?“—

—„А вотъ, видите-ли...“

И онъ разсказалъ мнѣ недавній случай, когда въ одномъ полку, по ночамъ, въ лагерѣ, участились кражи, а воровъ поймать никакъ не могли. Тогда командиръ части, пріятель Шипина, человѣкъ одного съ нимъ, „Николаевскаго“ закала, взялъ да и перепоролъ всѣхъ, состоявшихъ въ полку въ разрядѣ штрафованныхъ, придравшись по какому-то поводу къ каждому изъ нихъ, предусмотрительно предполагая, что кражи совершаетъ кто-либо изъ числящихся въ разрядѣ штрафованныхъ, почему высѣкши всѣхъ, онъ доберется и до виновника.

—„И что-же?“ все еще не понимая, куда клонитъ свою рѣчь мой собесѣдникъ, спросилъ я.

—„Съ тѣхъ поръ кражи въ полку какъ рукой сняло“—съ восторженнымъ выраженіемъ лица, вздыхая, произнесъ Шипинъ и неожиданно для меня добавилъ.

—„Вотъ я все и хочу у васъ спросить, такъ сказать, юридическаго совѣта: что, если-бы, напримѣръ, придравшись къ чему-либо (ну, тамъ, глядитъ на меня невѣжливо, стоитъ не по формѣ, разсуждаетъ и проч.), взять-бы да перепороть всѣхъ до одного заключенныхъ въ общихъ камерахъ гауптвахты, кого по состоянію ихъ, или нахожденію въ разрядѣ штрафованныхъ драть можно... Будетъ-ли это по закону? Не перепадетъ-ли потомъ мнѣ? А?!. Какъ вы думаете?“

Въ виду того, что я все еще недоумѣвалъ, Шипинъ, съ совершенно серіознымъ видомъ, пояснилъ, что, по его мнѣнію, всѣ замѣчаемые мною на гауптвахтѣ непорядки, послѣ такой общей порки, „какъ рукой сниметъ“, такъ какъ все это—лишь результатъ жалобъ, а также фантазія, выдумки нижнихъ чиновъ, происходящія отъ ихъ праздности да отъ нѣсколькихъ „коноводовъ“, напрасно остальныхъ мутящихъ... Если перепороть всѣхъ, то доберешься и до главныхъ „бунтарей“. А тамъ прекратятся и жалобы.

Конечно, я разъяснилъ ему всю незаконность, абсурдность, хотя и своеобразную логичность, его наивнаго проэкта; но не удержался, чтобы не обнять его, не расцѣловать за подобный способъ разомъ покончить съ безобразіями и удовлетворить меня...

Для меня было ясно, что при томъ произволѣ, который уставъ гарнизонной службы даетъ начальству по отношенію къ военнымъ узникамъ, боевой полковникъ смѣло могъ-бы привести свой дикій планъ въ исполненіе, безъ вреда для своей службы, да боялся лишь моего „особаго постановленія“, въ случаѣ, если-бы заварилась исторія, хотя-бы въ видѣ сопротивленія караулу заключенныхъ во время всеобщей порки, и меня пришлось-бы пригласить на гауптвахту для производства слѣдствія...

Передаю не анекдотъ, а фактъ...

Послѣ этого разговора, моя борьба съ непорядками на гауптвахтѣ продолжалась въ Вильнѣ съ перемѣннымъ успѣхомъ...

Такъ тянулось довольно долго и, тѣмъ не менѣе, постепенно видѣлъ я, какъ главная гауптвахта г. Вильны падала, на глазахъ моихъ, все ниже и ниже, какъ халатность и распущенность служащихъ на ней—завѣдывавшаго отставного полковника, человѣка совершенно больного, несозданнаго для такой должности, а также ниж-

нихъ чиновъ,—входили во вредную привычку, комендантское-же управленіе совершенно опустило руки.

Дошло до того, что нельзя было не придти къ сознанію, что на почвѣ однихъ только личныхъ, дружескихъ, добрыхъ отношеній съ мѣстнымъ начальствомъ тутъ уже не поможешь, что надо встряхнуть —преступно, благодушно дремлющихъ оффиціальнымъ путемъ, обративъ вниманіе и высшаго начальства на вопіющее состояніе Виленскаго мѣста заключенія.

Для меня было ясно, что щадить отдѣльныя личности, умалчивать объ упущеніяхъ и равнодушіи къ судьбѣ заключенныхъ—равносильно укрывательству преступленій, соучастію въ нихъ и малодушію...

Мое знакомство съ бытомъ и другихъ главныхъ гауптвахтъ моего участка, кромѣ Виленской, неумолимо указывало на то, что всюду, съ разными варіаціями, творится одно и то-же.

Надо было лично что-либо предпринять, тѣмъ болѣе, что никто, кромѣ меня, гауптвахтнымъ вопросомъ не интересовался...

Судьба въ 1898 году, какъ-бы сама помогла мнѣ тутъ въ моихъ начинаніяхъ, такъ какъ невозможный режимъ Виленской главной гауптвахты самъ собою вызвалъ рядъ слѣдственныхъ производствъ съ моей стороны, на почвѣ ея нравовъ и существованія.

Въ результатѣ и появилось особое постановленіе мое, которое и привожу здѣсь цѣликомъ:

„ПОСТАНОВЛЕНІЕ № X.

1898 года, Іюня 5 дня, въ городѣ Вильнѣ, Военный Слѣдователь Виленскаго военно-окружнаго суда 2-го Виленскаго участка Полковникъ Жиркевичъ, при производствѣ слѣдствія по дѣлу о покушеніи на побѣгъ нѣсколькихъ арестованныхъ нижнихъ чиновъ изъ камеры „неосужденныхъ" № 14 бывшей Виленской цитадели посредствомъ подкопа (изъ той-же камеры ранѣе было сдѣлано уже сравнительно недавно арестованными одно покушеніе на побѣгъ посредствомъ взлома гнилого окна), нашелъ слѣдующее:

I. Въ камерѣ „неосужденныхъ", при осмотрѣ ея Военнымъ Слѣдователемъ 27 Мая, помѣщалось 15 человѣкъ. Камера эта представляетъ изъ себя комнату 11 шаговъ длины, 8½ шаговъ ширины (считая отъ стѣны до стѣны), при высотѣ около 5 аршинъ, съ двумя окнами, съ рѣшотками и одной дверью (съ окошечкомъ въ ней), приходящейся почти въ углу, образуемомъ двумя стѣнами. Значительную часть камеры занимаютъ желѣзная печь и деревянныя нары (шириною въ 3 аршина). Того-же 27 Мая, по показанію комендантскаго адъютанта поручика Ковтуновича, въ сосѣдней камерѣ „осужденныхъ" помѣщалось 18 человѣкъ заключенныхъ, хотя камера эта, по его же заявленію, значительно менѣе камеры „неосужденныхъ". Какъ видно изъ показаній свидѣтелей, цифра заключенныхъ въ камерѣ для „неосужденныхъ" доходила иногда въ эту зиму до 20 человѣкъ.

Такимъ образомъ, величина камеръ, по кубическому содержанію въ нихъ воздуха, далеко не соотвѣтствуетъ количеству находящихся въ нихъ заключенныхъ.

II. По объясненію смотрителя зданія № 14 отставного полковника Гера, послѣдній капитальный ремонтъ зданія № 14 (въ томъ числѣ и камеры „неосужденныхъ") былъ сдѣланъ военно-инженернымъ вѣдомствомъ въ Іюнѣ или Іюлѣ прошлаго года, при чемъ ремонтъ этотъ заключался, по словамъ г. Гера, въ „замазываніи" старыхъ трещинъ ветхаго зданія, побѣлкѣ стѣнъ и починкѣ печей. Самое-же зданіе давно не соотвѣтствуетъ своему назначенію, какъ старое и тѣсное, въ которомъ, кромѣ военныхъ, содержатся еще и политическіе арестанты.

27 Мая, при осмотрѣ (протоколъ дѣла № XXI), камера „неосужденныхъ", гдѣ былъ обнаруженъ подкопъ, имѣла такой видъ: стѣны и потолокъ ея крайне грязны, на стѣнахъ надписи, рисунки, слѣды сожженныхъ во многихъ мѣстахъ арестованными паразитовъ и гнѣзда живыхъ клоповъ; въ одной изъ стѣнъ—слѣдъ сквозной дыры, проверченной арестованными въ сосѣднюю камеру и нынѣ задѣланной, но указывающей на общую ветхость зданія; асфальтовый полъ, грязный, съ подтеками, особенно въ томъ мѣстѣ у дверей, гдѣ на ночь ставится параша; нары, на которыхъ и спятъ, и ѣдятъ арестованные,—грязны, мѣстами сильно засалены. Единственный на всю камеру вентиляторъ желѣзной печи не дѣйствуетъ (по заявленію каптенармуса № 14 унтеръ-офицеръ Левкевича и свидѣтелей, онъ испорченъ болѣе 6 мѣсяцевъ). Печь испорчена. Подушекъ (вопреки § 19 приложенія 10 къ параграфу 173 „Устава гарнизонной службы") у арестованныхъ нѣтъ. Плевательницы нѣтъ. Арестованные—въ грязномъ бѣльѣ, оборваны; многіе неострижены.

III. По показаніямъ на слѣдствіи арестованныхъ изъ камеры „неосужденныхъ", ихъ преслѣдуютъ во множествѣ вши и клопы; параши, которыя ставятся на ночь, текутъ, такъ что испражненія вытекаютъ на полъ камеръ, всю ночь такъ остаются, а утромъ, выметая полъ, сторожъ размазываетъ ихъ метлою по полу. Въ параши раствора карболки никогда не вливается. За семь мѣсяцевъ тюфяки мыли всего одинъ разъ, солому не освѣжали всю, а къ старой, гнилой, подбавляли новую—въ три мѣсяца одинъ разъ. За неимѣніемъ плевательницъ, они, арестованные, плюютъ на полъ. Больные и здоровые ѣдятъ изъ одной и той-же посуды, однѣми и тѣми-же ложками, спятъ на однихъ и тѣхъ-же тюфякахъ. Зимою провѣтриваніе камеръ дѣлается лишь черезъ маленькую форточку и воздухъ въ камерахъ--вонючій, невозможный. Кое у кого изъ нихъ были свои подушки, но и тѣ теперь отобраны. Арестованные, за послѣдніе 9 мѣсяцевъ, ни разу не видѣли въ своей камерѣ врача. (Въ № 14 существуетъ инструкція Коменданта старшему унтеръ-офицеру № 14, приложенная къ дѣлу, въ которой предписывается, между прочимъ, имѣть въ камерахъ плевательницы, вливать растворъ карболки въ параши, поддерживать чистоту въ камерахъ, недопускать маранія стѣнъ и т. п.).

IV. Несмотря на надпись надъ входомъ въ камеру—„камера для неосужденныхъ нижнихъ чиновъ", сама по себѣ, указывающую на необходимость отдѣленія „неосужденныхъ" отъ „осужденныхъ", 27 Мая въ этой камерѣ въ числѣ 15 заключенныхъ найдено 8 уже осужден-

ныхъ (изъ нихъ трое за убійство своего начальника—въ каторжныя работы). Благодаря этому, вмѣстѣ съ безнадежно погибшими въ нравственномъ отношеніи рядовыми Дубовымъ, Мацкевичемъ, Мальчикомъ и др. содержатся въ теченіи многихъ мѣсяцевъ, въ одномъ и томъ-же тѣсномъ помѣщеніи, тѣ, кого еще не судили и кто, слѣдовательно, можетъ быть еще и оправданъ по суду, наконецъ, тѣ, совершенныя дѣянія которыхъ не указываютъ еще на ихъ окончательную порчу. Свидѣтельскими показаніями установлено, что въ той-же камерѣ „неосужденныхъ" содержатся иногда и нижніе чины, части войскъ которыхъ расположены внѣ Вильны, за маловажные проступки состоящіе подъ полковымъ судомъ—впредь до ихъ сужденія, и даже наказанные въ дисциплинарномъ порядкѣ. Слѣдовательно, многіе попадаютъ въ испорченную среду „настоящихъ арестантовъ" и несомнѣнно гибнутъ отъ ихъ вліянія, что видно уже въ настоящемъ дѣлѣ, гдѣ пришлось привлечь, въ качествѣ соучастниковъ за недонесеніе, видимо порядочныхъ унтеръ-офицеровъ и гдѣ нѣсколько „арестантовъ" держали всю камеру въ страхѣ и подчиненіи.

V. За долго до 5 Мая (день обнаруженія подкопа) имѣли свободный доступъ въ камеру „неосужденныхъ" каптенармусъ при № 14 унтеръ-офицеръ Левкевичъ и служитель по уборкѣ камеры рядовой Ледзинскій, назначенные туда и. д. Коменданта города Вильны и непосредственно подчиненные смотрителю зданія № 14 полковнику Геру.

Объ унтеръ-офицерѣ Левкевичѣ мѣсяца два тому назадъ полковникъ Геръ подалъ рапортъ и. д. Коменданта города Вильны, прося смѣстить его съ должности, какъ совершенно несоотвѣтствующаго послѣдней, но на рапортъ свой отвѣта не получилъ и Левкевичъ до сихъ поръ исполняетъ обязанности каптенармуса, имѣя свободный доступъ въ камеры.

Что-же касается до рядового Ледзинскаго, то за долго до 5 Мая онъ былъ привлеченъ къ слѣдствію и преданъ военно-окружному суду за кражу, а затѣмъ послѣ 5 Мая осужденъ на заключеніе въ тюрьму съ ограниченіемъ правъ. Между тѣмъ, не только до осужденія, но и послѣ него, Ледзинскій убиралъ, съ помощью арестантовъ, ихъ помѣщенія, имѣлъ къ нимъ свободный доступъ и удаленъ изъ № 14 сравнительно недавно (послѣ начала настоящаго слѣдствія, недѣли черезъ $1^1/_2$).

VI. Въ § 29 приложенія 10 къ § 173 „Устава гарнизонной службы" сказано: „для врачебнаго осмотра арестованныхъ приглашается врачъ по распоряженію Коменданта, не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ".

При Виленскомъ комендантскомъ управленіи, для осмотра нижнихъ чиновъ, имѣется врачъ, военный лекарь Палечекъ и фельдшеръ Тихомировъ, а во время мѣсячнаго отсутствія доктора Палечека его обязанности исполнялъ военный лекарь Шрейберъ. Но за послѣдніе 9 мѣсяцевъ ни означенные врачи, ни фельдшеръ Тихомировъ общаго періодическаго осмотра всѣхъ арестованныхъ не произвели ни разу, хотя такой осмотръ обязателенъ по смыслу § 29. То-же установлено и показаніями другихъ свидѣтелей.

По заявленію врачей Палечека и Шрейбера комендантское управленіе никогда не поручало имъ ни словесно, ни письменно дѣлать періодическіе осмотры всѣхъ вообще арестованныхъ, а ихъ, врачей, вызывали въ № 14 лишь къ отдѣльнымъ больнымъ, при чемъ, въ общія камеры они никогда не заходили, а требовали одиночныхъ больныхъ, къ которымъ ихъ звали, въ комнату караульнаго офицера. По показанію врача Палечека, за всѣ 9 мѣсяцевъ, онъ былъ въ № 14, у отдѣльныхъ больныхъ, всего 5—6 разъ; врачъ Шрейберъ былъ только одинъ разъ и то съ врачемъ Палечекомъ, до его отпуска. Въ числѣ одиночныхъ больныхъ „преобладали глазные и сифилитики“ (показаніе врача Палечека).

VII. Неисполненіемъ въ точности § 29, указаннымъ въ предыдущемъ пунктѣ настоящаго постановленія, объясняется то обстоятельство, что при осмотрѣ камеры „неосужденныхъ“ 27 Мая, участвовавшіе въ осмотрѣ обратили вниманіе на двухъ глазныхъ больныхъ (рядовыхъ Потикалиса и Долбежкина), неотдѣленныхъ отъ прочихъ и о которыхъ и. д. комендантскаго адъютанта поручикъ Ковтуновичъ, спрошенный 28 Мая Военнымъ Слѣдователемъ, отозвался полнымъ невѣдѣніемъ (больной глазами Долбежкинъ и до сего дня, 5 іюня, сидитъ въ камерѣ „неосужденныхъ“ безъ врачебной помощи, хотя по показанію свидѣтелей, къ нему и приходилъ нѣсколько дней тому назадъ фельдшеръ).

Отсутствіемъ того-же, положеннаго по уставу, періодическаго осмотра всѣхъ арестованныхъ-больныхъ и здоровыхъ докторомъ объясняется и тотъ, болѣе крупный, фактъ, что многіе мѣсяцы среди здоровыхъ арестантовъ камеры „неосужденныхъ“ содержались больные сифилисомъ рядовые Дубовъ и Мацкевичъ.

О болѣзни Мацкевича сифилисомъ на слѣдствіи заявили нѣкоторые арестованные, каптенармусъ унтеръ-офицеръ Левкевичъ и фельдшеръ Тихомировъ, но ни врачи Палечекъ и Шрейберъ, ни и. д. комендантскаго адъютанта поручикъ Ковтуновичъ о ней до сихъ поръ ничего не знали (узнали лишь на слѣдствіи, отъ Военнаго Слѣдователя). О больномъ-же рядовомъ Дубовѣ знали и. д. Коменданта полковникъ Шипинъ, докторъ Палечекъ, фельдшеръ Тихомировъ, поручикъ Ковтуновичъ, унтеръ-офицеръ Левкевичъ, арестованные нижніе чины.

По заявленію врача Палечека—у Дубова все время, пока онъ нѣсколько разъ видѣлъ его въ № 14, будучи туда къ нему вызываемъ, былъ сифилисъ въ третичной, самой опасной для окружающихъ, формѣ, гнойныя раны на губахъ, въ горлѣ, на тѣлѣ (когда зараза передается даже простымъ прикосновеніемъ,—слюною, платьемъ и т. д.). Объ опасномъ состояніи Дубова для прочихъ арестованныхъ общей камеры и о необходимости отдѣленія его въ особую камеру, съ принятіемъ разныхъ мѣръ, врачъ Палечекъ (по показанію его) въ Январѣ текущаго года даже писалъ оффиціально и. д. комендантскаго адъютанта поручику Ковтуновичу, но, переведенный на время въ отдѣльную камеру, Дубовъ вновь попалъ въ общую камеру „неосужденныхъ“ и сидѣлъ со всѣми въ день 5 Мая, когда обнаружился

подкопъ, будучи „душой“ послѣдняго; въ общихъ-же камерахъ „осужденныхъ“ и „неосужденныхъ“, какъ установлено слѣдствіемъ, Дубовъ сидѣлъ больной сифилисомъ нѣсколько разъ и подолгу, ранѣе января мѣсяца.

Изъ показаній свидѣтелей (въ томъ числѣ унтеръ-офицера Левкевича, и рядового Ледзинскаго) видно: 1) что, находясь въ общей камерѣ, рядовой Дубовъ ѣлъ и пилъ изъ общей со всѣми посуды, ѣлъ однѣми и тѣми-же ложками, спалъ на общихъ со всѣми нарахъ; 2) что тюфякъ его, на которомъ онъ спалъ, неимѣвшій на себѣ никакой особой отмѣтки, утромъ сваливался въ особой комнатѣ непровѣтренный, въ общую кучу съ тюфяками другихъ арестованныхъ и, вмѣстѣ съ тюфякомъ другого больного сифилисомъ Мацкевича, попадалъ вечеромъ для употребленія не Дубову и Мацкевичу, а совершенно здоровымъ нижнимъ чинамъ; 3) что, хотя Дубовъ и помѣщался по временамъ въ отдѣльную камеру, но послѣ него въ ту-же камеру помѣщали другихъ здоровыхъ нижнихъ чиновъ, не принявъ предварительно дезинфекціонныхъ мѣръ; 4) что врачъ и фельдшеръ только тогда вызывались къ рядовому Дубову, когда послѣдній самъ заявлялъ объ ухудшеніи своей болѣзни. Въ другое время они его не видѣли и о томъ, гдѣ онъ содержится,—въ общей или отдѣльной камерѣ,—не знали.

VIII. При осмотрѣ помѣщенія караульнаго начальника караула при № 14 бывшей Виленской цитадели 11 Мая (протоколъ дѣла № IX), оказалось, что въ этомъ помѣщеніи, въ день осмотра, имѣлись одновременно двѣ табели постамъ, выданныя изъ Виленскаго комендантскаго управленія—одна на 5, а другая на 4 поста, другъ друга исключающія, и не имѣлось плана постовъ (который установленъ § 2 приложенія 4 § 21 „Устава гарнизонной службы“).

Изъ дѣла видно, что части войскъ, руководствуясь разосланною имъ изъ Виленскаго комендантскаго управленія табелью постовъ, постоянно ставили при № 14—5 постовъ (такое-же количество постовъ было и 5 Мая, при обнаруженіи подкопа); при чемъ въ постовыхъ вѣдомостяхъ, отправлявшихся въ комендантское управленіе для провѣрки (часть которыхъ приложена къ настоящему дѣлу), вездѣ указаны 5 постовъ.

Виленское-же комендантское управленіе препроводило къ Военному Слѣдователю табель постовъ на 4 поста, сообщивъ, что этой табелью войска должны были все время въ точности руководствоваться и что, если они ставили 5 постовъ, то дѣлали это неправильно, произвольно.

Но, даже въ квартирѣ Его Высокопревосходительства Командующаго войсками Округа, въ пріемной комнатѣ, до сихъ поръ виситъ общая табель постамъ, въ которой при № 14 указано не 4, а 5 постовъ, и на дняхъ къ ней присоединена вторая табель, по которой тотъ-же караулъ долженъ выставлять 4 поста.

IX. Изъ § 159 и приложенія 5 къ § 50 „Устава гарнизонной службы“ видно, что у арестованныхъ должны быть обязательно два поста—одинъ у входныхъ дверей камеры арестованныхъ, другой—подъ окнами арестантской камеры. (На первомъ часовой стоитъ, на

второмъ—можетъ ходить вдоль поста, благодаря чему для каждаго поста выработаны уставомъ особыя обязанности часового).

Въ № 14 бывшей Виленской цитадели у арестованныхъ „неосужденныхъ“ и „осужденныхъ“ (двѣ отдѣльныя, рядомъ помѣщенныя камеры, выходящія окнами на одинъ дворъ) стоитъ теперь всего одинъ часовой, снаружи—по табели постамъ, расчитанной на 4 поста и присланной Военному Слѣдователю Виленскимъ Комендантскимъ управленіемъ. Часовой этотъ ходитъ и на слѣдующій второй дворъ, куда выходятъ окна другихъ камеръ—политическихъ и арестованныхъ дисциплинарно. Такимъ образомъ, у арестованныхъ есть лишь одинъ часовой—у оконъ, а часового у дверей ихъ камеры нѣтъ и, поэтому, постояннаго, по уставу, наблюденія за арестованными со стороны дверей тоже нѣтъ. Въ табели постовъ, составленной Виленскимъ комендантскимъ управленіемъ для наружнаго часового (ходящаго на двухъ дворахъ), соединены обязанности, изложенныя въ „уставѣ гарнизонной службы“ для двухъ совершенно различныхъ часовыхъ—стоящаго на одномъ мѣстѣ и ходящаго вдоль поста. Кромѣ того, часовой, движущійся по обоимъ дворамъ зданія № 14 (нужно около 5 минутъ, чтобы ему вернуться къ прежнему мѣсту), по самому устройству оконъ камеръ и расположенію дворовъ, ничего не видитъ изъ того, что дѣлается въ камерахъ „осужденныхъ“ и „неосужденныхъ“. Окошечко-же въ двери камеры „неосужденныхъ“ сдѣлано такъ, что изъ него видна самая маленькая часть камеры, а остальная камера совершенно не видна. Благодаря всему этому, арестованные камеры остаются все время почти безъ всякаго надзора со стороны караула (что̀ доказывается фактомъ вторичнаго ихъ покушенія на побѣгъ изъ одной и той-же камеры „неосужденныхъ“, обнаруженнаго въ настоящемъ случаѣ не чинами караула, а только по доносу одного изъ нихъ-же).

X. Изъ дѣла видно, что на и. д. комендантскаго адъютанта поручика Ковтуновича, въ силу § 32 „Устава гарнизонной службы“, возложенъ и. д. Коменданта города Вильны надзоръ за исправнымъ содержаніемъ арестантовъ и состояніемъ ихъ здоровья, за тюфяками, чистотою камеръ, за табелями постовъ, постовыми вѣдомостями и т. п. Отставной полковникъ Геръ, по его заявленію, наблюдаетъ за ремонтомъ камеръ военныхъ арестантовъ и за чистотой въ камерахъ, для чего въ его распоряженіи имѣлись каптенармусъ унтеръ-офицеръ Левкевичъ и служитель рядовой Ледзинскій, назначенный и. д. Коменданта города Вильны. Самый-же ремонтъ производится Виленскою инженерною дистанціей. По отношенію къ военнымъ арестованнымъ и полковникъ Геръ, и поручикъ Ковтуновичъ, подчинены во всѣхъ отношеніяхъ и. д. Коменданта города Вильны, обязанности котораго указаны въ § 18 и послѣдующихъ „Устава гарнизонной службы“.

Въ виду всего изложеннаго, ст. 348 Военно-Судебнаго Устава и ст. ст. 142 и 4 п. 144 XXII кн. Св. Воен. Пст., Военный Слѣдователь постановилъ:

1) Обо всемъ обнаруженномъ занести въ настоящее постановленіе, каковое, черезъ штабъ Виленскаго военнаго Округа, въ копіи, представить на благоусмотрѣніе Его Высокопревосходительства Командующаго войсками Виленскаго военнаго округа.

2) Вторую копію съ сего постановленія представить Военному Прокурору Виленскаго военно-окружнаго суда.

Подлинное подписалъ и съ подлиннымъ вѣрно: Военный Слѣдователь 2-го Виленскаго участка, Полковникъ Жиркевичъ".

Надо замѣтить, что постановленіе мое не было лишь дѣломъ моей служебной ретивости, а основывалось на протоколѣ осмотра гауптвахты, подписанномъ понятыми и полковникомъ Геромъ, а также на показаніяхъ свидѣтелей и документахъ.

Постановленіе это на столько ясно, краснорѣчиво, что, кажется, не вызываетъ необходимости комментарій.

Оно, уже по содержанію своему, оправдываетъ то отступленіе отъ формы составленія подобныхъ особыхъ постановленій, по которой, въ силу закона, военный слѣдователь не вправѣ дѣлать какихъ-либо своихъ, личныхъ выводовъ, обобщеній и т. п., обязанный ограничиться лишь голыми фактами, предоставивъ выводы начальству, военной прокуратурѣ, зная, однако, что первое (т. е. начальство) трудно разжалобить, а военная прокуратура, самимъ закономъ, почти совершенно обезличена.

Въ пылу негодованія, страдая за моихъ узниковъ и желая нарисовать общую картину позорнаго состоянія Виленской гауптвахты, я отступилъ отъ этого общаго правила и, быть можетъ, „литература" сыграла здѣсь нежданно свою роль, такъ какъ обличеніе мое точно бомба разорвалось надъ комендантскимъ управленіемъ, надъ тѣми, кто долженъ былъ наблюдать надъ нимъ, надъ разными вѣдомствами, прикосновенными къ вопросамъ, связаннымъ съ гауптвахтою.

Я близко стоялъ въ тѣ дни къ командующему войсками округа и со мной, поэтому, считались, зная, въ то-же время, что я не изъ тѣхъ, которые, въ вопросахъ нравственности и справедливости по отношенію къ военнымъ узникамъ, останавливаются на полъ-дорогѣ...

Въ результатѣ, гауптвахту почистили, привели хоть въ наружный порядокъ, урегулировавъ вопросы съ баней, посѣщенія врачей, разсортировкой узниковъ по категоріямъ и т. п. Кое-кто получилъ надлежащее внушеніе свыше. Полковника Гера не уволили отъ его обязанностей лишь потому, что онъ скоро умеръ.

Мое постановленіе несомнѣнно заставило и караулы подтянуться— въ смыслѣ требованій отъ комендантскаго управленія порядка и исполненія устава гарнизонной службы—въ отношеніи къ узникамъ, а Виленскій гарнизонъ долго еще говорилъ о моемъ вмѣшательствѣ, облекая его даже въ легенды, въ родѣ того, что я, будто-бы, уморилъ полковника Гера своимъ постановленіемъ и т. п.

Основательно изучивъ, однако, составъ Виленскаго комендантскаго управленія, нравы мѣстнаго гарнизона, зная уже на опытѣ, къ тому времени, какъ дурныя привычки вообще прочно укореняются на гауптвахтахъ и на сколько трудно внести сюда какія-либо новшества отвлеченнаго характера, рѣшилъ я сдѣлать первую, серіозную попытку—добиться отъ комендантскаго управленія, такъ сказать, на бумагѣ, оффиціально, хотя и вопреки устава, узаконенія нѣкоторыхъ

нововведеній моихъ по улучшенію быта гауптвахтныхъ заключенныхъ и тѣмъ получить для себя право входа на гауптвахту, въ общія камеры ея, уже не на положеніи лишь военнаго слѣдователя, т. е. когда тамъ совершатся происшествіе или преступленіе, а, въ качествѣ частнаго лица, при томъ тогда, когда мнѣ это заблагоразсудится.

Для меня было ясно, что только въ качествѣ подобнаго постояннаго, безконтрольнаго посѣтителя, могу я влiять на жизнь узниковъ, поддерживая энергію Коменданта и его подчиненныхъ моими напоминаніями и просьбами, а также угрозой, въ случаѣ новаго дѣла на почвѣ гауптвахтныхъ непорядковъ, составить и новое „особое постановленіе"—по начальству, въ родѣ вышеприведеннаго...

Вотъ почему (6 іюля 1898 г. за № 10) я и обратился къ Коменданту полковнику Шипину съ оффиціальнымъ письмомъ такого содержанія:

„Милостивый Государь,
Леонидъ Анемподистовичъ!

Производя дважды слѣдствіе о покушеніи на побѣгъ арестованныхъ изъ № 14 б. Виленской цитадели и вдумываясь въ эти дѣла, я пришелъ къ твердому убѣжденію, что одна изъ главныхъ причинъ, заставляющихъ военныхъ арестованныхъ № 14 изобрѣтать различные способы къ побѣгу это—*отсутствіе всякаго разумнаго развлеченія и нравственнаго на нихъ вліянія* въ теченіи иногда многихъ мѣсяцевъ содержанія подъ стражею.

Никакихъ книгъ арестованнымъ № 14 на руки не выдается и, на сколько мнѣ извѣстно, въ то время, какъ заключенные евреи имѣютъ на рукахъ свои молитвенники, арестованные христіане лишены даже возможности прочесть молитвы по своему молитѣвннику.

Неудивительно, поэтому, что всѣ мысли заключенныхъ, праздно проводящихъ многіе дни, направлены исключительно или на писаніе жалобъ, или на придумываніе способовъ, какъ-бы бѣжать изъ тяжелой обстановки № 14; неудивительно также, что совсѣмъ погибшіе нравственно дурно вліяютъ на тѣхъ, кто еще не утратилъ совѣсти и можетъ быть еще оправданъ по суду, такъ какъ ничто не является на помощь неиспорченному еще окончательно молодому человѣку въ борьбѣ съ дурнымъ вліяніемъ мѣста заключенія и товарищей.

Разумная, нравственная *книга* могла-бы тутъ сыграть весьма важную роль и полагаю, что книга здѣсь принесла-бы даже двоякую пользу, вліяя, съ одной стороны, благотворно на личность и поведеніе арестованныхъ, а, съ другой, возвращая изъ № 14 въ части войскъ нижнихъ чиновъ, неиспорченныхъ арестантскимъ бытомъ.

Жалѣя содержащихся въ № 14 нижнихъ чиновъ, желая придти на помощь въ дѣлѣ нравственнаго ихъ спасенія и умственнаго просвѣтленія, я, какъ военно-служащій Виленскаго гарнизона (а не въ качествѣ военнаго слѣдователя, т. е. лица оффиціальнаго), позволяю себѣ обратиться къ Вамъ, какъ къ Коменданту г. Вильны со слѣдующею просьбою-предложеніемъ:

На основаніи „приложенія 10-го" къ § 173 „Устава гарнизонной службы" (§ 3-й), арестованнымъ на военныхъ гауптвахтахъ разрѣ-

шается, между прочимъ, имѣть „разнаго рода учебники и книги религіознаго содержанія“.

Такимъ образомъ, самъ уставъ имѣлъ въ виду необходимость разумнаго развлеченія нижнихъ чиновъ, содержащихся подъ стражею, путемъ полезныхъ книгъ.

Въ виду изложеннаго, я предлагаю—завести при № 14, на мой собственный счетъ, небольшую *библіотеку* изъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, одобренныхъ для солдатскихъ библіотекъ, устроивъ для этой библіотеки особый висячій шкафъ съ ключемъ, въ комнатѣ караула. Выдача книгъ арестованнымъ могла-бы быть возложена на лицо, Вами на то особо уполномоченное; но, въ крайности, я самъ, съ величайшимъ удовольствіемъ, принялъ-бы на себя эту обязанность.

Обязуюсь, пока служу, ежегодно поддерживать заведенную мною библіотеку изъ моихъ средствъ покупкою новыхъ книгъ и брошюръ.

Независимо отъ изложеннаго, прошу Васъ *разрѣшить мнѣ*, время отъ времени, *заходить въ камеры военныхъ арестованныхъ № 14* и, въ присутствіи караульнаго начальника, раздавать имъ въ подарокъ, на мои-же средства, *молитвенники, Евангелія и брошюры религіозно-нравственнаго содержанія,* одобренныя для солдатскихъ библіотекъ и которыя, въ виду возможности контроля со стороны комендантскаго управленія, должны будутъ предварительно снабжаться печатью этого управленія.

Не желая до времени безпокоить Его Высокопре-во, Командующаго войсками, только что изложенной просьбою, я надѣюсь, что разрѣшеніе этой просьбы, по смыслу устава гарнизонной службы, зависитъ вполнѣ отъ Васъ, какъ отъ непосредственнаго начальника № 14 и не принесетъ ничего, кромѣ пользы.

Прося Васъ, Милостивый Государь, почтить меня возможно скорымъ отвѣтомъ по содержанію настоящаго письма моего, приношу Вамъ увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Готовый къ услугамъ А. Жиркевичъ“.

Изъ приведеннаго письма видно, однако, на сколько храбро расширилъ я понятіе объ уставахъ, учебникахъ и книгахъ лишь „религіознаго содержанія“, имѣющееся въ уставѣ гарнизонной службы, до книгъ содержанія „религіозно-нравственнаго“, отъ права заключенныхъ лишь „имѣть“ при себѣ книги—до устройства мною особой, гауптвахтной библіотеки, непредусмотрѣнной этимъ уставомъ, наконецъ, до возможности лицу, постороннему гауптвахтѣ, посѣщать послѣднюю, входить въ камеры и т. п.

При личномъ свиданіи моемъ, я далъ слово коменданту полковнику Шипину осторожно пользоваться будущимъ его разрѣшеніемъ на частныя посѣщенія мои гауптвахты, т. е., что замѣтивъ непорядки, получивъ отъ узниковъ заявленія объ ихъ нуждахъ, я буду лишь сообщать обо всемъ этомъ ему, какъ коменданту, для свѣдѣнія, на благоусмотрѣніе, частнымъ-же образомъ, не пользуясь подобными случаями для какихъ-либо оффиціальныхъ, съ моей стороны, выступленій—въ качествѣ военнаго слѣдователя.

Тѣмъ не менѣе, я видѣлъ, что не по душѣ ему былъ мой проектъ: опасность мерещилась коменданту въ томъ, что я не давалъ слова—

закрывать глаза на служебныя упущенія по гауптвахтѣ въ томъ случаѣ, если-бы, на почвѣ подобныхъ ненормальностей, возникло-бы впослѣдствіи дѣло, потребовавшее производства мною предварительнаго слѣдствія... Онъ предвидѣлъ, что тутъ могли-бы повліять на новое „особое постановленіе“ и мои воспоминанія о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною изъ частныхъ посѣщеній гауптвахты...

Но и отказать мнѣ было трудно, хотя-бы въ виду того, что, по близости моей къ генералъ-адъютанту В. Н. Троцкому, я, могъ получить разрѣшеніе и минуя комендантское управленіе...

Однако перспектива—впустить меня на неблагоустроенную гауптвахту въ качествѣ постояннаго, неограниченнаго какими-либо рамками, посѣтителя, боязнь дать такое разрѣшеніе—въ нарушеніи устава гарнизонной службы, опасеніе грядущихъ осложненій при обнаруженіи мною непорядковъ и другія соображенія, заставили симпатичнаго, но хитраго, искушеннаго жизнью, по части разнаго рода служебныхъ осложненій, стараго воина постараться отклонить мою попытку.

Его тревожило и требованіе мною отвѣта на бумагѣ, на которомъ я настаивалъ.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, онъ отвѣтилъ мнѣ оффиціальнымъ письмомъ (8 іюля 1898 г. № 10,664) *), что хотя и согласенъ „на заведеніе книгъ духовно-нравственнаго содержанія для арестованныхъ зданія № 14 (бывшей Виленской цитадели),“ но, что „принимая во вниманіе, что указанное зданіе нынѣ капитально ремонтируется, заведеніе шкафа и книгъ для чтенія“, по его мнѣнію, „можно устроить не ранѣе окончательнаго ремонта, такъ какъ въ настоящее время, вслѣдствіе разъединенности этихъ арестованныхъ, по случаю, того-же ремонта, наблюденіе за сбереженіемъ пожертвованныхъ книгъ не можетъ быть возложено на кого-либо изъ воинскихъ чиновъ, служащихъ при этомъ зданіи“.

„Что-же касается невыдачи, яко-бы, нравственныхъ молитвенниковъ“ (?) писалъ мнѣ далѣе полковникъ Шипинъ: „то это показаніе арестованныхъ ложно, такъ какъ всѣ книги религіознаго содержанія арестованнымъ въ этомъ зданіи, безъ различія вѣроисповѣданія, имѣющимъ таковыя, выдаются на руки; на покупку-же ихъ для неимѣющихъ, не отпускается особыхъ суммъ“.

Усмотрѣвъ въ подобномъ уклончивомъ отвѣтѣ признаки затаеннаго нежеланія впустить меня на гауптвахту, я, пользуясь неясностью редакціи приводимаго письма, сообщилъ Шипину (10 іюля 1898 г.— № 11): **).

„Очень благодарю Васъ за разрѣшеніе *устроить библіотеку*, когда окончится ремонтъ зданія № 14. Охотно беру на себя храненіе подъ замкомъ и раздачу книгъ, о чемъ и войду своевременно съ Вами въ соглашеніе, чтобы не нарушить заведенный Вами порядокъ.

Въ письмѣ отъ 6 іюля за № 10 я просилъ Васъ, между прочимъ, разрѣшить мнѣ *теперь же* посѣщать № 14, раздавать, на мои

*) Подобный №, въ срединѣ служебнаго года, указываетъ, на сколько комендантскія управленія завалены подчасъ канцелярской перепиской. Неудивительно, что мало времени остается имъ для личнаго контроля гауптвахтной жизни.

**) Переписку я велъ съ нимъ нарочно за №№, чтобы придать ей оффиціальный видъ, что, какъ мнѣ было извѣстно, имѣло значеніе въ глазахъ старика.

средства, Евангелія, молитвенники и книжки религіозно-нравственнаго содержанія арестованнымъ.

Противъ такой раздачи Вы видимо ничего не имѣете.

Почему и прошу Васъ выдать мнѣ оффиціальное удостовѣреніе отъ комендантскаго управленія—на допускъ въ камеры арестованныхъ для вышеозначенной цѣли, такъ какъ иначе караульные начальники меня туда не впустятъ.

Всѣ книжки, которыя пріобрѣту для раздачи арестованнымъ я предварительно представлю въ комендантское управленіе, для приложенія къ нимъ печати.

Нечего говорить о томъ, что посѣщать № 14 я буду не какъ военный слѣдователь, а какъ частное лицо."

Послѣдняя фраза, по моимъ соображеніямъ, должа была подѣйствовать успокоительно.

Тѣмъ не менѣе Комендантъ все еще не сдавался и пробовалъ отписаться.

Такъ, онъ отвѣтилъ мнѣ (несомнѣнно съ умысломъ, безъ №, года и числа):

„Согласно письма Вашего препровождаю при семъ удостовѣреніе отъ 10-го сего іюля за № 10780—на право посѣщенія Вами зданія № 14 (б. Виленской цитадели)—съ цѣлью раздачи молитвенниковъ и Евангелій нижнимъ чинамъ, арестованнымъ въ этомъ зданіи".

Отсюда видно, что полковникъ Шипинъ еще разъ попытался уклониться отъ исполненія моихъ желаній, а изъ его „удостовѣренія" ловко исчезли книги „духовно-нравственнаго содержанія", на которыя онъ соглашался уже ранѣе, въ письмѣ отъ 8 іюля.

Все-же нельзя было не усмотрѣть здѣсь, даже и въ такой уступкѣ, начало будущей побѣды, и я рѣшилъ не сдаваться, а исподволь добиться—таки своего.

Благодаря личнымъ переговорамъ, въ упоминаемое удостовѣреніе было вписано Шипинымъ, подъ мою диктовку, вслѣдъ за словами о раздачѣ „молитвенниковъ и Евангелій"—еще слова́ „и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія", что̀ и видно изъ сохранившагося у меня подлиннаго удостовѣренія.

Тѣмъ не менѣе, на цѣлую „библіотеку", покойный все еще боялся дать свое согласіе, оттягивая окончательное рѣшеніе этого вопроса...

Пользуясь разрѣшеніемъ, посѣщая гауптвахту въ теченіи всего лѣта, я еще разъ, осенью, сдѣлалъ попытку расширить мои права и въ этомъ, желаемомъ направленіи, т. е. на счетъ библіотеки.

„Милостивый государь Леонидъ Анемподистовичъ!" писалъ я Шипину 8 октября 1898 г.—за № 12: „Вновь обращаюсь къ Вамъ съ просьбой—разрѣшить мнѣ, на мои средства, *устроить маленькую библіотеку* для несчастныхъ арестантовъ, сидящихъ въ № 14-мъ.

За это лѣто, благодаря разрѣшенію Вашему, я раздалъ арестованнымъ нѣсколько десятковъ брошюръ, Евангелій, молитвенниковъ, азбукъ, и къ радости моей, убѣдился въ томъ, что они съ интересомъ ждутъ моихъ посѣщеній, просятъ у меня новыхъ книгъ, а нѣ-

которые уже научились читать отъ грамотныхъ товарищей. (Посѣщая, я требую, чтобы грамотные учили неграмотныхъ).

Все это, конечно, еще только начало. Но я убѣжденъ, что устройство *постоянной солдатской библіотеки*, гдѣ будутъ и книги болѣе серьезнаго содержанія, чѣмъ брошюры, до сихъ поръ мною раздаваемыя, внесетъ здоровый, освѣжающій элементъ въ нездоровую обстановку арестантскихъ камеръ, займетъ арестантовъ и повліяетъ на ихъ нравственность, а, слѣдовательно, и на поведеніе.

Устройство библіотеки не можетъ затруднить комендантское управленіе: шкафъ и книги я заведу на мои средства; книги буду раздавать я самъ, посѣщая № 14-й.

Смѣю думать, что мои посѣщенія до сихъ поръ не причинили никому безпокойства?

Въ виду изложеннаго, я *прошу разрѣшить мнѣ теперь же приступить къ созданію библіотеки.*

Думаю, что *чтеніе по праздничнымъ днямъ* книгъ религіозно-нравственнаго содержанія тоже внесло-бы много хорошаго въ однообразную, грустную жизнь заключенныхъ.

Поэтому, прошу Васъ разрѣшить мнѣ подобныя чтенія, которыя никого стѣснить не могутъ, а мнѣ принесутъ только одно удовольствіе.

Въ будущемъ я думаю къ чтеніямъ этимъ привлечь и православнаго священника.

Въ заключеніе-же настоящаго письма прошу дозволить мнѣ *подарить для двухъ камеръ арестантовъ недорогіе образки, которыхъ теперь тамъ нѣтъ.* *)

Буду ждать отвѣта на письмо мое и соотвѣтствующаго удостовѣренія отъ комендантскаго управленія—на право устройства библіотеки и праздничныхъ чтеній.

А пока прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. Готовый къ услугамъ А. Жиркевичъ".

Въ этотъ-же день отъ Шипина получилъ я благопріятный отвѣтъ (за № 15894), при которомъ препровождалось мнѣ удостовѣреніе за № 15895—какъ сказано было тамъ „на весь текущій" годъ", „на право устройства библіотеки при зданіи № 14 для арестованныхъ, а также на право производства праздничныхъ чтеній религіозно-нравственнаго содержанія", для нижнихъ чиновъ, содержащихся въ этомъ зданіи.

„Два образка для камеръ" писалъ мнѣ Шипинъ: „прошу выслать во ввѣренное мнѣ комендантское управленіе на имя и. д. комендантскаго адъютанта, для внесенія ихъ въ опись имущества этого зданія, послѣ чего они будутъ вывѣшены въ камерахъ".

Это было уже нѣкоторой побѣдою, какъ надъ рутиной и мертвымъ уставомъ, такъ и надъ равнодушіемъ комендантскаго управленія къ нравственной сторонѣ быта военно-гауптвахтныхъ узниковъ.

*) **Въ то время, на Виленской гауптвахтѣ были лишь двѣ общія камеры. Какъ онѣ, такъ и отдѣльные карцера, не имѣли иконъ.**

Еще ранѣе занесъ я въ мой дневникъ по Виленской гауптвахтѣ:

„Результаты моего особаго постановленія № 10-й уже имѣются на лицо: помѣщеніе для арестантовъ *) № 14-го увеличено на одну комнату, приведено въ опрятный видъ; вши и клопы уничтожены, докторъ посѣщаетъ камеры, кромѣ фельдшера и т. д. Благодареніе Господу!"

Впослѣдствіи, при моемъ участіи, помѣщеніе гауптвахты расширилось для нуждъ заключенныхъ: должность смотрителя зданія № 14 упразднили, квартиру его—тоже; политическихъ перевели; квартиру жандарма, ихъ окарауливающаго, убрали и т. п.

Помню, какъ я чуть, было, не задушилъ въ объятіяхъ славнаго полковника въ первое-же наше свиданіе послѣ полученнаго мною разрѣшенія на „библіотеку" и чтенія. Ему непонятенъ былъ, конечно, дикъ, даже подозрителенъ, мой энтузіазмъ. Но я привыкъ уже встрѣчать, на пути своемъ, подобное непониманіе и оно меня нисколько не смущало...

Если такъ долго остановился я на исторіи моей дипломатической переписки съ полковникомъ Шипинымъ, то потому лишь, что она, эта переписка, является наиболѣе яркою иллюстраціей другихъ сношеній моихъ—по поводу гауптвахтъ—со многими комендантами изъ типа порядочныхъ, хорошихъ, въ сущности, людей, боящихся, однако, служебныхъ осложненій и рабски-застывшихъ на пунктикахъ ничего непредусматривающаго устава гарнизонной службы...

Да, этотъ, и теперь еще дѣйствующій, къ стыду человѣчества, уставъ, ничего непредусматривающій въ отношеніи нравственной стороны содержанія военныхъ узниковъ, нравственныхъ обязанностей къ нимъ комендантскаго, караульнаго, начальства, какъ я въ томъ, неоднократно убѣждался на опытѣ, давалъ и даетъ, въ то-же время полный просторъ произволу начальства, если-бы послѣднее захотѣло проявить таковой во всей его силѣ.

Отсюда все зависитъ на гауптвахтѣ отъ того, кто стоитъ во главѣ комендантскаго управленія, кто приходитъ сюда, на гауптвахту, въ качествѣ караульнаго начальства.

По уставу, напримѣръ, арестованнымъ воспрещается имѣть книги, кромѣ вышеупомянутыхъ категорій, играть въ карты или другія игры, курить табакъ (§ 4-й 10-го приложенія къ уставу).

На самомъ-же дѣлѣ я, право, не помню ни одной главной гауптвахты, изъ числа посѣщавшихся мною, гдѣ-бы все это не процвѣтало, съ вѣдома или попустительства начальства, какъ зло, съ которымъ, при положеніи, созданномъ уставомъ для заключенныхъ и ихъ окарауливающихъ, невозможно, безцѣльно бороться.

Увлеченные примѣромъ моимъ коменданты приносили порой въ камеры „Ниву", а также и разные иллюстрированные сборники, часто съ совершенно неподходящимъ для узниковъ, прямо вреднымъ, содержаніемъ...

*) Я тогда, въ 1898 году, звалъ еще узниковъ «арестантами», самъ не сознавая несправедливости, неправильности подобной клички.

Итакъ, во всемъ—полная анархія, полный произволъ личныхъ —суровости или благодушія.

Съ другой стороны, сколько придирокъ испыталъ я, на трудномъ пути моего нравственнаго очищенія гауптвахтной атмосферы, гдѣ какой-нибудь юный поручикъ, желая показать власть свою и знаніе устава, а также сдѣлать непріятное комендантскому управленію, вопреки устава разрѣшившему мнѣ раздачу книгъ, или въ жаждѣ наказать шумѣвшихъ узниковъ, отнималъ книги мои и Евангелія, бросая ихъ въ караульномъ помѣщеніи!..

Когда я принесъ мои первыя иконки и захотѣлъ развѣсить ихъ, имѣя на то лишь устное разрѣшеніе коменданта, нашелся такой службистъ, караульный офицеръ, который воспретилъ мнѣ это, указывая на то, что иконы не предусмотрѣны уставомъ гарнизонной службы.

—„А давать арестованнымъ нижнимъ чинамъ пить воду предусмотрѣно вашимъ уставомъ?!“ съ негодованіемъ спросилъ я: „Пожалуй, вы и здѣсь встрѣтите затрудненіе, и здѣсь потребуете оффиціальной бумаги?!“

Офицеръ смутился.

Тѣмъ не менѣе, чтобы окончательно наказать, сконфузить его, я досталъ изъ комендантскаго управленія соотвѣтствующее предписаніе караулу, далъ его офицеру и прибилъ мои иконки съ помощью того-же караула.

По правдѣ сказать, всѣ столкновенія на подобной почвѣ, давали мнѣ, по-прежнему, возможность мало-по-малу и въ среду воинскихъ карауловъ проводить трезвыя, здоровыя, логичныя, правовыя понятія, а, главное, и здѣсь призывать „милость къ падшимъ“.

Споры, въ родѣ вышеприведеннаго, неминуемо увеличивали число моихъ приверженцевъ и друзей между строевыми чинами—офицерами и солдатами.

О посрамленіи-же мною упорствующихъ, педантовъ и людей стараго закала, придерживающихся буквы устава, разсказывалось потомъ, какъ о веселыхъ, курьезныхъ анекдотахъ...

Входя въ камеру, гдѣ висѣла моя иконка, я, для примѣра, снималъ обыкновенно фуражку. Это заставляло (не всегда, правда, но зачастую) продѣлывать тоже и чиновъ карауловъ, изъ уваженія ко мнѣ, къ моему чину, званію.

Мое вѣжливое, терпѣливое обращеніе съ узниками, основанное на уваженіи къ ихъ личности и мундиру, несомнѣнно могло послужить примѣромъ и для окарауливающихъ чиновъ, въ моемъ присутствіи удерживавшихся отъ окликовъ, пинковъ и брани.

Говорю все это не для того, чтобы изобразить караулы сплошь состоящими лишь изъ грубыхъ, звѣрскихъ, безсердечныхъ элементовъ...

Нѣтъ... Я хорошо понималъ иное, видѣлъ и терніи на моемъ пути. Я не могъ ждать, чтобы чины караула, тѣ-же грубые, необразованные представители арміи, какъ и узники, имѣвшіе постоянно дѣло съ „кадрами“ гауптвахтной преступности, часто неподдающимися дисциплинѣ и разумному слову, были-бы ангелами или образчиками

галантности, всепрощенія и гуманности. Мнѣ ясно было видно, что именно озлобляло ихъ, эти два противоположные лагеря—окарауливающихъ и окарауливаемыхъ—другъ противъ друга...

Но полезно было дать тонъ, указать мѣру, заронить въ души хорошее чувство, свѣжую мысль, давъ, затѣмъ, самой жизни выковать со временемъ, на почвѣ этой, возможно нормальныя, справедливыя, человѣческія, отношенія.

Смѣю думать, по многимъ даннымъ, что и въ этомъ гуманитарномъ направленіи труды мои не пропали даромъ.

Хотя, съ полученіемъ вышеупомянутаго разрѣшенія, главное вниманіе мое было обращено, конечно, на общія камеры гауптвахты, гдѣ болѣе всего царствовали развратъ и неурядица, тѣмъ не менѣе, пользуясь возможностью, сталъ входить я и въ отдѣльные карцера, въ которыхъ сидѣли не только нижніе чины разныхъ частей мѣстнаго гарнизона, арестованные въ дисциплинарномъ порядкѣ, временно отбывающіе лишь наказаніе, но и узники, по особо важнымъ преступленіямъ, или въ соображеніяхъ особой ихъ изоляціи, особаго надъ ними надзора, помѣщенные отдѣльно отъ другихъ заключенныхъ, въ періодъ дознанія,слѣдствія и суда по ихъ дѣламъ...

Если содержаніе въ такихъ карцерахъ (временный арестъ) не сопровождалось темнотою, то и сюда вносилъ я мои книги и молитвенники.

Нечего распространяться на тему о томъ, что именно здѣсь, по отдѣльнымъ карцерамъ, и встрѣчались чаще всего личности, вызывавшія къ себѣ исключительное вниманіе, необходимость исключительнаго нравственнаго воздѣйствія на нихъ, духовной поддержки, утѣшенія, укрѣпленія въ нихъ надежды на возможность лучшаго будущаго, на возможность, съ помощью Божіей, подняться еще на ноги, стать полезными обществу, государству...

Воздѣйствіе-же значительно облегчалось изолированностью такихъ субъектовъ отъ часто развращенныхъ „кадровъ" общихъ камеръ, съ которыми болѣе всего приходилось считаться мнѣ при дѣятельности моей по оздоровленію послѣднихъ...

И снова, какой произволъ въ примѣненіи изоляціи къ тому или иному узнику!!. Засадятъ, почему-либо, нижняго чина, видимо еще неиспорченнаго, въ одиночку, а рядомъ, въ общей камерѣ, всѣхъ заражаетъ своимъ присутствіемъ отъявленный негодяй, кандидатъ на каторгу...

По разнымъ причинамъ, главнымъ-же образомъ за невозможностью, въ силу устройства гауптвахтнаго помѣщенія, вопросъ о чтеніяхъ по общимъ камерамъ мнѣ такъ и не удалось въ тѣ дни широко провести въ жизнь Виленской главной гауптвахты.

Не нашлось въ Виленскомъ гарнизонѣ и желающаго читать узникамъ, имѣть съ ними періодическія собесѣдованія и т. п., священника, хотя дѣлалъ я попытки—привлечь къ доброму дѣлу военное духовенство: у кого оказывался недосугъ; кого пугала необходимость получить благословеніе на подобный, непредусмотрѣнный законами и уставами, подвигъ, высшаго военно-духовнаго начальства.

Были и такіе опустившіеся, облѣнившіеся, сонные „отцы“, которые откровенно высказывали несочувствіе моимъ попыткамъ.

Впрочемъ на православное военное духовенство скоро махнулъ я рукой, не только потому, что убѣдился въ его безжизненности, но и въ виду того, что въ массѣ заключенныхъ было немало иновѣрцевъ.

Не довѣряя силамъ своимъ, видя, что книги, рекомендуемыя Главнымъ Штабомъ для солдатскихъ библіотекъ вообще, не всегда удовлетворяютъ своему назначенію и представляютъ изъ себя зачастую пережитокъ стараго времени, совершенно неприспособленный къ современному, осложнившемуся составу нижнихъ чиновъ гауптвахты, я завелъ переписку съ тѣми, кто могъ дать мнѣ здѣсь полезныя указанія.

Зная, что Л. Н. Толстой осуждаетъ и критикуетъ ту убогую, тенденціозную, наивно-анекдотическую литературу, которую подносятъ порой русскому народу, наши писатели и начальство, я написалъ и ему, спрашивая: что-же давать, по его мнѣнію, заключеннымъ изъ числа книгъ, одобренныхъ Главнымъ Штабомъ, т. е. опять-таки, что можно сдѣлать полезнаго въ обстановкѣ даннаго зла, мирясь съ существующимъ порядкомъ?

Толстой мнѣ не отвѣтилъ.

Позднѣе, изъ личныхъ съ нимъ сношеній, я узналъ, что, по его теоріи, если нѣтъ книгъ, удовлетворяющихъ сѣрую массу народа, войска, и полезныхъ по сообщаемымъ въ нихъ практичнымъ свѣдѣніямъ, а есть лишь ненужное для этого народа, вредное, съ его, Толстого, точки зрѣнія, конечно, то лучше совсѣмъ лишить народъ чтенія.

Я не могъ съ нимъ и тутъ согласиться, уже потому, что многое, бракуемое имъ, съ его узко-сектантской точки зрѣнія, было не такъ ужъ плохо и вредно, какъ это ему казалось.

Кромѣ того, нельзя-же съ книгой связывать одну лишь полезность, дѣлая ее только орудіемъ науки, морали и т. п.!...

За неимѣніемъ подобныхъ книгъ въ изобиліи въ русской народной литературѣ, по неволѣ приходится признать за книгой и права просто развлекающаго элемента.

Нельзя было соглашаться съ браковкой книгъ Толстымъ и съ точки зрѣній его на Церковь, государство, нравственность.

Пришлось идти, въ вопросѣ выбора книгъ для моей гауптвахтной библіотеки, проточенной дорогою, чтобы не представить изъ себя философа, который, не находя подходящей, по его мнѣнію, пищи, порѣшилъ, что лучше дѣтей своихъ уморить голодомъ, чѣмъ кормить ихъ не по его теоріямъ...

И снова я оказался одинокимъ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ: ни одинъ изъ сослуживцевъ палецъ о палецъ не ударилъ для того, чтобы раздѣлить со мною труды по оздоровленію Виленской гауптвахты; никто изъ нихъ не помогъ мнѣ въ дѣлѣ снабженія узниковъ книгами, письменными принадлежностями и проч.

О выпискѣ-же книгъ для библіотеки мною начались хлопоты немедленно, для чего я и обратился въ Петербургъ къ „книжному и географическому магазину изданій Главнаго Штаба“.

Всего, въ два пріема, было выписано мною, для первой въ Россіи гауптвахтной библіотеки (смѣю такъ назвать мою попытку), книгъ и брошюръ на 83 рубля, что и видно изъ переписки моей съ упомянутымъ магазиномъ. Тамъ-же имѣется и списокъ этихъ книгъ. Всѣ онѣ—со штемпелемъ комендантскаго управленія и стали раздаваться мною по камерамъ, хранясь въ особомъ, устроенномъ мною шкафу, подъ замкомъ съ двумя ключами (одинъ былъ у меня, другой для контроля въ комендантскомъ управленіи), стоявшемъ въ помѣщеніи караула.

Для того, чтобы внести нѣкоторый порядокъ въ дѣло раздачи книгъ по камерамъ и отчасти гарантировать ихъ цѣлость, обыкновенно выдавалъ я ихъ, въ каждой общей камерѣ, какому-либо одному арестованному, изъ болѣе надежныхъ или расторопныхъ, требуя, чтобы онъ-же собралъ мнѣ и представилъ книги къ слѣдующему моему приходу на гауптвахту, доложивъ, если кто-либо вырываетъ листы, дѣлаетъ на страницахъ надписи и т. п. Самыя посѣщенія я назначалъ въ опредѣленные дни, для того, чтобы арестованные знали о нихъ и могли-бы приготовить для сдачи книги. Во избѣжаніе-же нареканій со стороны карауловъ, комендантскаго управленія, я не возлагалъ отвѣтственности за сохранность книгъ ни на кого изъ начальствующихъ лицъ...

Приходя на гауптвахту, я предъявлялъ караульному офицеру мое „удостовѣреніе“ на право раздачи книгъ (впослѣдствіи, по моему ходатайству, было вывѣшено, о томъ-же, общее предписаніе коменданта карауламъ) и просилъ его содѣйствія—въ смыслѣ свободнаго допуска въ камеры меня съ книгами и назначенія мнѣ двухъ нижнихъ чиновъ, безъ ружей, такъ называемыхъ, „выводныхъ“, изъ состава караула—для носки книгъ, но отнюдь не для того, чтобы мою особу охраняли отъ возможныхъ непріятностей.

Съ ними и съ караульнымъ унтеръ-офицеромъ, отказываясь отъ всякаго конвоя, однако, и не мѣшая наблюдать за мною караульному офицеру, выбравъ книги изъ моего шкафа, я отправлялся въ камеры и обмѣнивалъ прочитанныя уже книги на новыя, поощряя арестованныхъ въ ихъ вопросахъ о непонятыхъ ими при чтеніи отдѣльныхъ мѣстахъ, выраженіяхъ, предоставляя имъ возможность просить о выдачѣ книгъ того или иного содержанія.

Попутно разъяснялъ я значеніе въ жизни русскаго, православнаго человѣка, розданныхъ мною по камерамъ иконъ и Евангелій и подчеркивалъ необходимость держать себя, въ ихъ присутствіи, благопристойно, не пачкая стѣнъ неприличными надписями и рисунками и удерживаясь, по возможности, отъ сквернословія.

Давалось мнѣ все это не сразу, не всегда, нерѣдко лишь послѣ долгой борьбы съ непониманіемъ большинства, съ упорствующими въ дурныхъ привычкахъ своихъ „кадрами“.

Многаго я такъ и не могъ добиться, напримѣръ, сохранности книгъ: за неимѣніемъ бумаги на „цыгарки“, часто страницы не только книгъ моихъ, но и Евангелій, шли для этой потребности, надо думать, со стороны инородцевъ.

Часто, вопреки запрещенію моему—не передавать книги изъ одной общей камеры въ другую, ихъ все-таки передавали, такъ что онѣ терялись и мнѣ не удавалось найти виновниковъ ихъ кражи, порчи, уничтоженія...

Я могъ-бы, конечно, выработать болѣе строгій порядокъ, добиться обнаруженія виновныхъ, даже ихъ наказанія; но тогда нарушились-бы тѣ добрыя, частныя, иногда прямо дружескія, отношенія къ заключеннымъ, которыя убѣжденно клалъ я, по-прежнему, въ основу моихъ съ ними сношеній, а появилась-бы оффиціальность, которой тщательно я старался избѣгать, стыдя лишь провинившихся, пытаясь разъяснить неправильность тѣхъ или иныхъ поступковъ съ книгою прежде всего въ отношеніи меня, несущаго расходы изъ личныхъ средствъ на библіотеку...

Помню, какъ продолжительная болѣзнь моя, а, значитъ, и невозможность періодически посѣщать гауптвахту, привели одно время къ тому, что, придя туда, я нашелъ, что кто-то, безъ сомнѣнія, изъ состава караула, вырвалъ замокъ въ стоявшемъ въ караульномъ помѣщеніи шкафикѣ, благодаря чему всѣ мои книги оттуда растащили; въ камерахъ-же отъ книгъ остались одни корешки.

Несмотря на очевидное преступленіе чиновъ караула, по соглашенію съ комендантскимъ управленіемъ, пришлось мнѣ махнуть рукой на катастрофу съ библіотекой и не заводить дѣла, въ томъ соображеніи, что все равно виновныхъ не обнаружишь, а всѣхъ противъ себя озлобишь. Пострадаютъ-же, въ концѣ концовъ, темные, не вполнѣ сознающіе своего преступленія, нижніе чины караула...

Скрѣпя сердце, не располагая, въ тѣ дни, особыми средствами завелъ я новую библіотеку, а шкафъ съ книгами перенесъ въ комнату караульнаго офицера, поставивъ его на полъ—(ранѣе онъ висѣлъ на стѣнѣ).

Но тутъ явилось новое осложненіе—мыши, скоро испортившія, погрызшія, несмотря на принимавшіяся мѣры, мои книги: новый, значительный расходъ съ моей стороны и устройство такого шкафа, который можно было-бы опять подвѣшивать на значительномъ разстояніи отъ земли.

Случалось, что арестованные, уходя съ гауптвахты, не дождавшись моего прихода, уносили съ собою и мои книги.

Въ такихъ случаяхъ мнѣ въ голову не приходило вдогонку розыскивать похищенное.

Не забуду, какъ меня даже порадовало, когда, произведя опросъ заключенныхъ, я узналъ, что одинъ изъ нихъ унесъ съ собою мою книгу потому, что она, какъ они выражались, „больно ужъ ему приглянулась“...

Нерѣдко, однако, книги возвращались мнѣ обратно въ возможной чистотѣ, даже обернутыя въ газетную бумагу, хотя чаще всего, при моемъ появленіи, вытаскивали ихъ изъ-подъ грязныхъ матрацевъ, подушекъ, изъ сундучковъ, осыпанныя табакомъ, крошками хлѣба и т. п.

Надо сказать, что большинство узниковъ всегда, однако, старалось сдержать свое слово, мнѣ данное—беречь книжки мои, дорожа

моимъ довѣріемъ. Но что подѣлаешь съ общей неразвитостью, непониманіемъ?!.

Если дѣти наши, выросшіе въ обстановкѣ интеллигентнаго барства, въ принципахъ утонченной нравственности, зачастую такъ небрежно относятся къ сбереженію своихъ книгъ, то чего-же можно ожидать отъ полу-грамотныхъ, а то и безграмотныхъ, дикарей, дѣтей нашего чуднаго, но темнаго, невѣжественнаго народа?

И снова приходилось прощать и прощать безъ конца...

Нечего много распространяться о томъ, что, пользуясь моими посѣщеніями, узники, привыкнувъ ко мнѣ, какъ къ человѣку, и отвыкнувъ видѣть во мнѣ какое-то „начальство", стали обращаться ко мнѣ, мало-по-малу, съ разнаго рода просьбами, справками по ихъ дѣламъ а иногда и съ заявленіями по-поводу ихъ содержанія и проч.

Все это, по-прежнему, частнымъ образомъ, несъ я, по назначенію— въ суды, въ комендантское управленіе, въ другія учрежденія—въ видѣ личныхъ моихъ ходатайствъ за нужды заключенныхъ.

Дальнѣйшее изложеніе покажетъ, на основаніи документовъ, въ чемъ заключалась эта, новая для меня, миссія, вытекшая естественно изъ даннаго мнѣ права входить безконтрольно на главную гауптвахту, и насколько оказались осуществимыми на практикѣ мои добрыя, искреннія пожеланія...

О моихъ посѣщеніяхъ Виленской главной гауптвахты зналъ не только весь гарнизонъ гор. Вильны, но и командующій войсками округа и штабъ округа.

Если мнѣ и не вполнѣ, быть можетъ, сочувствовали, то, по крайней мѣрѣ, дѣлали видъ, что ничего не имѣютъ противъ моихъ новшествъ или ихъ благодушно не замѣчаютъ.

Но за нѣсколько лѣтъ работы моей на гауптвахтѣ никто, однако, не могъ сказать, чтобы я подорвалъ основы устава гарнизонной службы, внесъ на гауптвахту безпорядокъ, разложеніе, осложнилъбы дѣятельность карауловъ.

Напротивъ, мнѣ приходилось не разъ выслушивать признаніе чиновъ комендантскихъ управленій, что вслѣдъ за моими книгами, Евангеліями, иконами, несомнѣнно проникаетъ успокоеніе въ среду заключенныхъ и порядокъ въ общія камеры.

Въ то-же время не могъ-же я не понимать, что мнѣ, благодаря лишь благополучно, удачно сложившимся обстоятельствамъ (личнымъ моимъ отношеніямъ къ начальству, служебному положенію), удалось обосноваться на Виленской главной гауптвахтѣ; но что смѣнись командующій войсками, начальникъ штаба округа, комендантъ и др. лица,—и меня могутъ выбросить съ гауптвахты шутя, по произволу, какъ лишнюю, ненужную, мѣшающую ветошь.

Могъ-ли я думать въ тѣ дни, однако, что когда-либо, послѣ болѣе чѣмъ десяти лѣтъ трудовъ моихъ на благо гауптвахтъ—Виленской и другихъ въ Россіи, настанетъ дѣйствительно ужасный для меня, для моихъ узниковъ, день, когда меня безъ церемоній прогонятъ всенародно съ Виленской-же главной гауптвахты съ моимъ словомъ Божіимъ, разносимымъ въ Евангеліяхъ, съ моими книгами и иконами—съ поощренія военнаго министра, по приказу ко-

мандующаго войсками Виленскаго-же военнаго округа, по инициативѣ виленскаго-же коменданта, за то лишь, что я, по-прежнему, убѣжденно „милость къ падшимъ призывалъ“?!... Могъ-ли я думать, что подобное изгнаніе встрѣтитъ себѣ даже сочувствіе въ Петербургѣ?!...

А такъ и случилось...

Но я снова, невольно увлекаясь, забѣгаю впередъ...

Теперь-же скажу, что частыя поѣздки мои, въ ту отдаленную эпоху жизни моей, по Виленскому военному округу, для производства предварительныхъ слѣдствій, по-прежнему, связанныя съ неуклоннымъ посѣщеніемъ, какъ главныхъ гауптвахтъ, такъ и гауптвахтъ отдѣльныхъ частей войскъ, расширяли, между тѣмъ, мой кругозоръ по вопросу о положеніи отечественныхъ гауптвахтъ вообще.

Зло оказывалось слишкомъ великимъ и распространеннымъ, слишкомъ глубоко пустившимъ корни въ бытъ арміи, для того, чтобы относиться къ нему съ точки зрѣнія лишь моихъ единичныхъ, жалкихъ усилій, при томъ въ сферѣ ограниченнаго числа гауптвахтъ: всюду дѣйствовалъ одинъ и тотъ-же уставъ о службѣ въ гарнизонѣ, совершенно игнорирующій нравственный элементъ на гауптвахтахъ, а, значитъ, всюду повторялась, въ той или иной формѣ, исторія Виленской главной гауптвахты...

У меня были, къ тому времени, кое-какія связи въ Петербургѣ, въ высшихъ военныхъ сферахъ. А, главное, въ тѣ дни, я былъ чуть не влюбленъ въ военнаго министра генерала Куропаткина, непоколебимо вѣруя въ то, что дойдя до него съ общимъ проектомъ широкихъ реформъ по гауптвахтамъ для всей Россіи, я безъ сомнѣнія добьюсь успѣха.

Въ то-же время я не былъ въ состояніи видѣть равнодушно, какъ все ниже и ниже падала, чаще всего мною посѣщаемая, Виленская гауптвахта, благодаря непригодности стараго ея зданія, недостаточности отпускаемыхъ на нее средствъ, многоначалію, произволу, равнодушію комендантскихъ управленій къ нравственнымъ и инымъ нуждамъ заключенныхъ и т. п. Мои книги, Евангеліи, иконки, существовавшія пока лишь для одной этой гауптвахты, мои единичныя попытки заступничества только за узниковъ послѣдней, стали рисоваться мнѣ порой какой-то ничтожною капелькой въ морѣ неурядицы обще-гауптвахтной жизни въ Россіи, среди безнравственнаго мрака, эту жизнь властно окружившаго...

Сознавалась, до боли, до жажды пострадать за правду, до упрековъ совѣсти, необходимость коренныхъ, при томъ немедленныхъ, широкихъ, общихъ реформъ въ этомъ царствѣ военныхъ „мертвыхъ домовъ“, въ одухотвореніе христіанскими, обще-человѣческими началами бездушнаго, безбожно-языческаго, безнравственнаго, давно устарѣвшаго, устава гарнизонной службы.

Для меня не представляло сомнѣнія, что и всюду въ Россіи, куда не могъ проникнуть взоръ мой—тоже самое, такъ какъ всюду дѣйствовалъ одинъ и тотъ-же, мертвящій, бездушный уставъ.

Я былъ въ тѣ дни молодъ; я вѣрилъ еще въ людей; вѣрилъ и въ свои силы, въ конечное торжество на землѣ Божеской правды.

Въ результатѣ-же моего сложнаго, все накоплявшагося настроенія и опыта, и появилась моя попытка обратить вниманіе на отечественныя гауптвахты высшаго военнаго начальства Россіи крикомъ моимъ: „Такъ далѣе жить нельзя, стыдно, позорно!“

ГЛАВА VII.

Мои посѣщенія военныхъ мѣстъ заключенія—за границей и, какъ результатъ ихъ. заявленіе, сдѣланное военному министру ген. Куропаткину. Мечты и надежды о воскрешеніи военно-судебнаго вѣдомства. Переписка моя съ ген. Лузановымъ. Мнѣніе о моихъ реформахъ протопр. Желобовскаго. Мои первыя сношенія съ Главнымъ Штабомъ. Вся армія соглашается со мной и высказывается за необходимость коренныхъ реформъ на гауптвахтахъ. Резолюціи ген. Куропаткина, которыя писались, для того, чтобы на нихъ не обращали въ Главномъ Штабѣ вниманія. Меня, наконецъ, вызываютъ въ Петербургъ.

Рѣшительный толчекъ, въ этомъ направленіи, дала мнѣ поѣздка моя, въ 1901 году, для лѣченья и отдыха, за границу и попутное ознакомленіе съ нѣкоторыми иностранными мѣстами заключенія, особенно-же въ Германіи, какъ поставленными тамъ на высоту, подобающую культурной націи.

Подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, полный еще гнетущими душу воспоминаніями о русской гауптвахтѣ, выработалъ я, сидя въ Вильдунгенѣ, „записку" ниже-слѣдующаго содержанія—о грустномъ положеніи въ Россіи гауптвахтнаго вопроса, представивъ ее, через моего бывшаго профессора по Военно-Юридической Академіи генерала П. Ѳ. Лузанова, занимавшаго въ то время должность помощника Главнаго Военнаго Прокурора и стоявшаго близко къ военному министру генералъ-адъютанту Куропаткину.

Я писалъ генералу Лузанову (2 августа 1901 г.) слѣдущее:

„Ваше Превосходительство, Глубокоуважаемый Петръ Ѳомичъ!

Будучи обязанъ Вамъ самымъ поступленіемъ въ Военно-Юридическую Академію, а, значитъ, и всей службою въ нашемъ вѣдомствѣ, питая къ Вамъ безграничное довѣріе и уваженіе, я, какъ бывшій ученикъ Вашъ, позволяю себѣ обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбою.

Въ настоящее время я лечусь въ Вильдунгенѣ (Германія) отъ начинающейся болѣзни почекъ. Мнѣ значительно лучше. На досугѣ я многое передумалъ и судьба несчастныхъ военныхъ арестантовъ, оставленныхъ много въ Вильнѣ, какъ упрекъ, не даетъ мнѣ здѣсь, въ условіяхъ комфорта и покоя, полнаго счастья.

Настроеніе мое вылилось въ памятной запискѣ, которую съ приложеннымъ постановленіемъ моимъ я умоляю Васъ представить, хотя-бы частнымъ образомъ, г. Военному Министру, какъ человѣку живому, справедливому и который не оставитъ безъ вниманія факты, мною приведенные.

Зная съ какимъ уваженіемъ Его Высоко—во относится къ Вамъ, я увѣренъ, что полученіе записки моей именно черезъ Васъ будетъ имѣть особое значеніе для успѣшнаго разрѣшенія вопроса.

Ради Бога, не отклоняйте моей просьбы и сдѣлайте себя главнымъ участникомъ въ этомъ добромъ, безотложномъ начинаніи!

Я уѣзжаю на дняхъ далѣе, во Францію, оканчивать лѣченіе и не могу указать моего будущаго адреса. Къ сентябрю вернусь въ Россію. Но если-бы Вы, Глубокоуважаемый Петръ Ѳомичъ, не разсердившись на меня за смѣлость, съ которою безпокою Васъ такой важной просьбою, удостоили-бы меня отвѣтомъ о результатѣ моего къ Вамъ письма, то соблаговолите писать, адресуя на судъ, въ Вильну, а мнѣ письмо Ваше доставятъ за границу немедленно.

Вашего Пре-ва покорнѣйшій слуга, преданный и любящій Васъ А. Жиркевичъ.

P. S. Я чувствую, что записка моя написана слишкомъ горячо и непохожа на оффиціальные доклады. Но правда всегда рѣзка. Я не боюсь отвѣтственности и могу доказать сказанное. Я надѣюсь и на то, что нашъ благородный, гуманный Военный Министръ, если самъ прочтетъ записку, пойметъ тѣ чувства, которыя мною руководятъ.

Я думалъ сначала послать записку прямо ему лично; но боязнь, что она до него не дойдетъ, мысль, что меня обвинятъ съ точки зрѣнія нарушеній порядка сношеній, остановила меня.

Ради Бога, дайте ходъ вопіющему, неотложному дѣлу!

Это письмо везетъ одинъ изъ русскихъ, уѣзжающихъ изъ Вильдунгена.

Вашъ слуга А. Жиркевичъ“.

Самая „записка“ моя на имя военнаго министра, о которой упоминалось въ письмѣ моемъ къ ген. Лузанову, составлена была въ такомъ видѣ:

„О необходимости измѣнить нравственную и матеріальную стороны быта военныхъ арестантовъ.

(Памятная записка).

Въ предписаніи Г-на Военнаго Министра отъ 18-го Мая сего года за № 27930 на имя Командующихъ войсками военныхъ округовъ, *) которое прочлось съ искреннимъ восторгомъ всѣми, кому дорого нравственно-религіозное воспитаніе нашего солдата, забыто (или пропущено) значительное количество военно-служащихъ, главнымъ образомъ и нуждающихся въ благотворномъ на него воздѣйствіи.—Я говорю про нижнихъ чиновъ, содержащихся на общихъ, так называемыхъ главныхъ военныхъ гауптвахтахъ: такъ какъ въ предписаніи говорится о частяхъ (единицахъ, имѣющихъ опредѣленную организацію), то военные арестанты, какъ не составляющіе военно-административную единицу, подъ эту категорію не подойдутъ, почему они попрежнему останутся внѣ благотворнаго теченія, возникшаго въ силу Высочайшаго повелѣнія.—А между тѣмъ бытъ военныхъ арестантовъ на большинствѣ такихъ гауптвахтъ—поистинѣ ужасенъ. Удостовѣряю это тѣмъ смѣлѣе, что лично я прекрасно изучилъ этотъ бытъ, инте-

*) „О религіозно-нравственномъ воспитаніи войскъ“.

ресуясь имъ и многіе годы постоянно посѣщая арестантовъ—сперва въ качествѣ строевого офицера въ караулахъ и помощника военнаго прокурора, а теперь какъ военный слѣдователь.

Позволяю себѣ привести яркую, поучительную иллюстрацію къ сказанному мною, чтобы не быть голословнымъ:

Въ 1898 году участились случаи побѣговъ, покушеній на побѣги и безпорядковъ на главной гауптвахтѣ гор. Вильны (№ 14-й бывшей Виленской цитадели), входящей въ раіонъ ввѣреннаго мнѣ 2-го Виленскаго военно-слѣдственнаго участка. При производствѣ слѣдствій, часто бывая на гауптвахтѣ, я началъ невольно вникать въ причины такого упорнаго настроенія арестантовъ, которые, казалось, нарочно совершали иныя преступленія. Результатомъ моихъ изслѣдованій было глубокое возмущеніе за человѣческую личность, грубо и безнаказанно насилуемую, что—въ свою очередь—вылилось въ постановленіи моемъ на имя Командующаго войсками, которое при семъ въ копіи прилагаю. Постановленіе это основано только на голыхъ фактахъ и на протоколахъ осмотровъ, подписанныхъ тѣми, кому непосредственно была ввѣрена судьба арестантовъ. Въ него не попали, конечно, личныя мои впечатлѣнія и общій изъ нихъ выводъ. Оборванные, грязные, покрытые паразитами, нестриженные, съ сѣро-зеленымъ цвѣтомъ осунувшагося лица, озлобленно-смотрящіе на всякаго офицера, входящаго въ камеру и видящіе въ немъ врага, люди,—люди, которыхъ никогда не посѣщали священникъ и врачъ, которые, кромѣ брани чиновъ караула, никогда не слышали разумнаго, сочувственнаго, ободряющаго слова, въ душныхъ и грязныхъ помѣщеніяхъ, асфальтовый полъ которыхъ былъ покрытъ испаряющимися, размазанными по щелямъ испражненіями, вытекшими за ночь изъ попорченныхъ парашъ—арестанты № 14-го произвели на меня удручающее впечатлѣніе и похожи были на звѣрей, запертыхъ въ клѣтки бродячаго звѣринца. Мнѣ понятна стала жажда ихъ спастись изъ этого ужаса...

То обстоятельство, что постановленіе мое, вызвавъ непріятности въ моей жизни на личной почвѣ, не повлекло, однако, для меня серьезныхъ служебныхъ послѣдствій и не вызвало опроверженій со стороны военнаго начальства, въ связи съ тѣмъ, что благодаря моему энергичному вмѣшательству по возможности были устранены указанные въ постановленіи безпорядки,—говоритъ за то, что я былъ вполнѣ правъ и что постановленіе мое явилось болѣе, чѣмъ своевременнымъ и законнымъ. Помѣщеніе арестантовъ было за-ново отдѣлано, увеличено; впервые за много лѣтъ у нихъ періодически сталъ появляться врачъ; паразиты уничтожились; больные были отдѣлены отъ здоровыхъ, каторжники отъ арестованныхъ „впредь до особаго распоряженія". Но на сколько въ военной средѣ въ теченіе многихъ лѣтъ укоренились странные взгляды на военныхъ арестантовъ, сидящихъ на общихъ гауптвахтахъ, видно изъ того, что прежде чѣмъ писать мое постановленіе и утруждать имъ высшее начальство округа, я лично говорилъ о возмутительномъ, противо-законномъ содержаніи арестантовъ съ караульными офицерами (которые обязаны-же, по уставу, доводить до свѣдѣнія комендантскаго управленія о замѣчен-

ныхъ безпорядкахъ), наконецъ, съ самимъ комендантомъ (нынѣ умершимъ) полковникомъ Шипинымъ. Ни этотъ, въ сущности добрый, гуманный старикъ, ни офицеры, между которыми были несомнѣнно люди вполнѣ порядочные, видимо, не понимали моихъ заявленій, вѣроятно находили, что я сентиментальничаю, преувеличиваю, и даже громко заявляли, что такіе „мерзавцы, негодяи“ не стóятъ лучшаго обращенія и обстановки. А одинъ изъ нихъ высказалъ предположеніе, что если улучшать бытъ военныхъ арестантовъ на моихъ началахъ, то многіе нарочно будутъ дѣлать преступленія, чтобы изъ строя попасть въ хорошую обстановку гауптвахты и ничего тамъ не дѣлать. Напрасно я толковалъ объ уставѣ гарнизонной службы, въ которомъ ясно указанъ законный порядокъ содержанія арестантовъ, говорилъ о такихъ азбучныхъ истинахъ, какъ человѣколюбіе, милосердіе къ заблудшему меньшему брату; напоминалъ о томъ, что между безвозвратно-погибшими есть гибнущіе, которыхъ можно еще спасти; что лишеніе свободы уже само по себѣ—тяжкое наказаніе, а ради нѣсколькихъ негодяевъ, желающихъ попасть за рѣшотку, чтобы ничего не дѣлать, нельзя-же губить массу рвущихся на свободу, въ строй.

Меня слушали съ прежнимъ недовѣріемъ, съ сомнѣніемъ—и безобразія въ № 14-мъ упорно продолжались. Тогда-то, по долгу службы и совѣсти, вынужденъ былъ я составить прилагаемое постановленіе, какого,—смѣю думать, со времени учрежденія въ Вильнѣ военно-окружнаго суда, по отношенію къ содержанію военныхъ арестантовъ, не бывало никогда.

Но, улучшивъ бытъ несчастныхъ заключенныхъ въ матеріальномъ отношеніи, я хорошо понималъ, что сдѣлалъ далеко не все то, что подсказывало мнѣ христіанское отношеніе къ ближнему. Надо было подумать и о духовной пищѣ заключенныхъ, т. е. о томъ, безъ чего всѣ реформы, введенныя благодаря моему постановленію, теряли свой смыслъ и значеніе. Кромѣ того—сознаюсь въ томъ—мнѣ хотѣлось, посѣщая гауптвахту внѣ службы, имѣть возможность видѣть, приводятся-ли въ исполненіе намѣченныя перемѣны, или онѣ остаются лишь на словахъ и бумагѣ. Отсюда естественно возникла у меня мысль объ устройствѣ хотя-бы небольшой библіотеки для арестантовъ, нижнихъ чиновъ, о также чтеній—съ цѣлью ихъ просвѣщенія. Въ 1898 году, послѣ немалой борьбы, получено было мною разрѣшеніе—устное отъ покойнаго генералъ-адъютанта В. Н. Троцкаго и письменное отъ коменданта полковника Шипина на право раздавать арестантамъ для чтенія книги, дарить имъ Евангелія и молитвенники; устраивать съ ними собесѣдованія. Программы для собесѣдованій отъ меня не требовалось, чтò указываетъ на легкость взгляда на этотъ предметъ и чтò, въ свою очередь, во избѣжаніе недоразумѣній, заставило меня отказаться отъ собесѣдованій.

Такъ какъ на покупку книгъ я не могъ добиться субсидіи, то я выписалъ книги, солдатскій журналъ, устроилъ шкафъ на свой собственный счетъ и началъ выдачу книгъ арестованнымъ. При первомъ-же посѣщеніи камеръ заключенныхъ, я даже не нашелъ иконъ, которыя, съ разрѣшенія комендантскаго начальства, купилъ самъ и повѣсилъ, чтò можно видѣть изъ дѣлъ комендантскаго управленія.

Каждую недѣлю—одинъ или два раза—имѣя на то допускъ отъ коменданта, я входилъ безпрепятственно въ камеры заключенныхъ, давалъ имъ для чтенія книги, раздавалъ Евангелія и молитвенники, стараясь объяснить имъ значеніе полезной книги. Кромѣ того, мною выдавались въ камеры дешевыя азбуки, по которымъ, по моему приказанію, грамотные обучали неграмотныхъ товарищей по заключенію. За все время 3-хъ лѣтъ никто не помогъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ, кромѣ генерала Богдановича, приславшаго одинъ разъ 30 экз. брошюръ о Царѣ-Миротворцѣ—для раздачи нижнимъ чинамъ, но, затѣмъ, переставшаго отвѣчать на мои просительныя письма.

Скоро я могъ убѣдиться въ томъ, что потерялъ время и деньги недаромъ: интересъ къ книгѣ съ каждымъ днемъ росъ у моихъ заключенныхъ. И, бывало, только, узнавали они, что я пришелъ въ № 14-й, какъ начинались усиленные звонки—вызовъ караульнаго унтеръ-офицера съ умильной просьбою доложить мнѣ, что арестанты, молъ, просятъ „книжечекъ для чтенія", и съ выраженіемъ боязни, что я пришелъ на слѣдствіе и не зайду въ камеры. Приходя, я провѣрялъ успѣшность обученія грамотѣ: нѣкоторые, особенно долго-сидящіе подъ стражей, быстро и хорошо научились читать (обстановка камеръ не давала возможности заниматься писаніемъ)...

„Ваше Высокоблагородіе, подарите молитвенничекъ!" „Ваше В-іе, нельзя-ли дать побольше книжекъ!" раздавались радостные голоса арестантовъ—едва я входилъ въ камеру.. При этомъ ни разу, во время моихъ посѣщеній, порядокъ нарушенъ не былъ, тѣмъ болѣе, что я взялъ за правило не принимать никакихъ жалобъ и заявленій, неотносящихся непосредственно къ моей скромной роли—библіотекаря и раздатчика Евангелій и молитвенниковъ.

Боже мой! Какія это были радостныя минуты для меня—видѣть, какъ книжка вноситъ свѣтъ, миръ и порядокъ (да порядокъ — такъ какъ книги я довѣрялъ какому-либо одному солдату и онъ-же обязанъ былъ потомъ собрать ихъ для меня обратно отъ товарищей)—въ эту мрачную и забытую людьми среду несчастныхъ и сбившихся съ пути!—Да простятся мнѣ эти и послѣдующія подробности. Но я не могу умолчать о нихъ: настолько онѣ мнѣ кажутся дорогими и важными для поднимаемаго мною вопроса.

Не скрою, что была—какъ всегда—и обратная сторона медали: много книжекъ пропало при высылкѣ арестантовъ; страницы нѣкоторыхъ изъ нихъ въ первое время рвались „на цыгарки"; на книгахъ дѣлались надписи. Но съ этимъ можно было бороться и угрозы, что я перестану выдавать книги при ихъ дальнѣйшей порчѣ, было вполнѣ достаточно для того, чтобы прекратить безобразія. Кстати замѣтить, что та-же угроза заставляла многихъ, считавшихся безнадежно буйными и строптивными, держать себя безукоризненно.—Между арестантами были такіе, которые давали мнѣ слово держать себя хорошо и держали его поразительно твердо: арестанты вообще дорожатъ довѣріемъ начальства и ни разу меня не обманули.

Труднѣе была, къ сожалѣнію, борьба съ непониманіемъ въ средѣ караульныхъ офицеровъ, отрицательное усердіе которыхъ доходило до того, что не разъ находилъ я даже Евангелія и молитвенни-

ки отобранными отъ солдатиковъ... Приходилось бороться и съ г. г. офицерами. То-же враждебное отношенiе къ моему нововведенiю—библiотекѣ—привело къ тому, что я вынужденъ былъ поставить шкафъ съ книгами, запертый на ключъ, въ караульное помѣщенiе нижнихъ чиновъ, не требуя, чтобы онъ переходилъ караулу подъ сдачу и тѣмъ стѣснялъ-бы обязанности офицеровъ. Результатомъ было то, что въ этомъ году, придя послѣ долгаго отсутствiя въ № 14-й, я нашелъ шкафъ мой отпертымъ, замокъ изъ него вырѣзаннымъ, а книги раскраденными (и ранѣе я замѣчалъ, что кто-то ходилъ въ шкафъ съ подобраннымъ ключемъ и бралъ книги для чтенiя). Вѣроятно это совершили нѣкоторые чины караула, пользуясь ночнымъ временемъ и сномъ остальныхъ товарищей. Я не поднималъ дѣла, зная, что при постоянной смѣнѣ карауловъ невозможно найти виновнаго и видя, что тутъ причиною тѣ-же темнота и невѣжество, съ которыми нельзя бороться однѣми лишь строгими внѣшними мѣрами. Но, признаться, огорчила меня не потеря моего дорогого дѣтища - библiотеки, три года благополучно существовавшей, а главнымъ образомъ тотъ фактъ, что солдаты, находящiеся на волѣ, обидѣли своего-же брата-арестанта.

Не имѣя средствъ заводить новую библiотеку, написалъ я графу С. Д. Шереметьеву, прося прислать мнѣ для библiотеки книги отъ общества „ревнителей русскаго историческаго просвѣщенiя въ память Императора Александра III-го". По этому поводу завязалась у меня переписка и недавно мнѣ предложено было обществомъ—взять на себя устройство библiотеки для арестантовъ имени Общества въ № 14 (главной Виленской гауптвахтѣ), что я съ радостью и принялъ и на что послѣдовало—на сколько я знаю—разрѣшенiе военно-окружнаго начальства. Библiотеку эту я поставлю, конечно, на иныхъ началахъ, оградивъ ее отъ описанной выше случайности *).

Все это я изложилъ не для восхваленiя своихъ поступковъ, которые—по чистой совѣсти—не считаю изъ ряда вонъ выходящими и которые съ лихвой были награждены уже полученными мною результатами, а для того, чтобы показать, что возможно-же нравственное воздѣйствiе на военныхъ арестантовъ путемъ полезной, интересной книги, даже при единичной работѣ и общемъ несочувствiи.

Этому нравственному воздѣйствiю, въ связи съ улучшенiемъ матерiальнаго быта въ № 14-мъ, я приписываю то обстоятельство, что два года побѣги арестантовъ не возобновлялись и поведенiе ихъ, за рѣдкими исключенiями, было безукоризненнымъ. Недавно обнаружилось приготовленiе къ побѣгу, указывающее, значитъ, на то, что жизнь арестантовъ № 14-го снова обставлена ненормально.

Но до чего забываютъ военныхъ арестантовъ указываетъ тотъ фактъ, что если-бы не я, приносившiй арестованнымъ въ день Пасхи куличи, яйца, сыръ и христосовавшiйся съ христiанами, то въ теченiе ряда лѣтъ они оставались-бы безъ разговѣнiя даже въ такой великiй день.

Я не хочу сказать, что начальствующiе, соприкасающiеся съ арестантами—безсердечные, скверные люди. Нѣтъ! А объясняется это

*) Подобная библiотека не осуществилась—и я продолжалъ выписывать книги на свой счетъ. А. Ж.

тѣмъ, что части войскъ относительно призрѣнія арестантовъ надѣются на комендантское управленіе; комендантское управленіе—на части войскъ; караульные офицеры—люди, находящіеся на гауптвахтѣ лишь временно, смѣняющіеся; а комендантское управленіе (оно-же часто и управленіе уѣзднаго воинскаго начальника) завалено письменною работой. При такомъ, если позволено будетъ мнѣ выразиться, „между-началіи", подчасъ совершенно забываются арестанты, лишенные возможности жаловаться, протестовать. Грустная обстановка, о которой много могъ-бы я разсказать поучительнаго! И не забуду, какъ, придя въ этомъ году къ арестантамъ въ первый день Св. Пасхи, я услышалъ отъ караульнаго офицера: „А они съ утра васъ уже ждутъ. Спрашивали о васъ". Бѣдняки твердо были увѣрены, что, забытые всѣми, они не будутъ забыты мною. Послѣ христосованья и раздачи принесеннаго, многіе обращались ко мнѣ съ просьбами: „А книжечекъ, Ваше Высокоблагородіе! Почитать-бы."—„Нельзя-ли молитвенникъ?"—Увы! Отъ моей библіотеки къ тому дню остались лишь жалкіе остатки. Исчезли и мои Евангелія, и молитвенники.

Описанное мною въ отношеніи содержанія военныхъ арестантовъ на главныхъ гауптвахтахъ, найдется, съ различными варіаціями, всюду, кромѣ развѣ столицъ, если, конечно, не дѣлать шаблоннаго, оффиціальнаго смотра, съ предупрежденіемъ о ревизіи, а явиться неожиданно. О нравственномъ-же состояніи арестантовъ положительно никто не думаетъ. Смѣло можно сказать, что едва-ли въ Россіи найдется такая гауптвахта, которую посѣщалъ-бы, съ цѣлями собесѣдованія и проповѣди, священникъ, изъ которой арестанты водились-бы въ церковь—на воскресныя богослуженія, для исповѣди и причастія, въ которой подумали-бы о томъ, чтобы заронить въ ихъ души лучъ знанія, слово любви и совѣта. А вѣдь это все—страшно подумать—зеленая молодежь, изъ которой половина попала на гауптвахту изъ-за незначительныхъ нарушеній воинской дисциплины, совершенныхъ въ пьяномъ видѣ, изъ-за проступковъ, объясняющихся единственно молодостью, невѣжествомъ, непониманіемъ требованій военной службы. А такой молодежи ежегодно гибнетъ на общихъ гауптвахтахъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ Россіи, въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, тысячи, если не десятки тысячъ. Безъ разумной книги, безъ добраго, ободряющаго слова, оторванный отъ своей родной семьи, солдатъ-юноша или солдатъ-ребенокъ (а большинство нашихъ солдатиковъ, въ сравненіи съ лицами образованныхъ классовъ, того-же возраста, въ сущности—наивныя и хорошія дѣти), за маловажный иногда проступокъ, значенія котораго онъ не понимаетъ, попадаетъ изъ строя прямо за рѣшотку, на ключъ, въ общую камеру, гдѣ уже сидятъ убійцы, воры, сознательные нарушители воинской дисциплины, люди иногда нравственно извращенные, безвозвратно погибшіе. Пока производятъ дознаніе, слѣдствіе, пока окончится судъ, проходятъ иногда мѣсяцы въ томительномъ бездѣйствіи, въ зараженныхъ стѣнахъ общей камеры, среди различныхъ дурныхъ вліяній. Многіе, долго просидѣвъ на гауптвахтѣ, возвращаются въ части и продолжаютъ службу. Но развѣ могутъ они принести туда что-нибудь хорошее съ современной гауптвахты?!. Да, много

надо силы воли, чтобы спастись, выйти изъ этой темницы съ чистою душой, съ незагрязненнымъ воображеніемъ, съ вѣрою въ Бога и съ отсутствіемъ ненависти къ начальству—бѣдному юношѣ-солдату! Самое раздѣленіе арестантовъ на гауптвахтахъ по категоріямъ, согласно устава о гарнизонной службѣ, на „осужденныхъ" и „неосужденныхъ" не выдерживаетъ критики—если примѣнить его не на словахъ, а на дѣлѣ: между „неосужденными" и „осужденными" есть, конечно, и негодяи, потерявшіе совѣсть, но есть и чистыя личности; находятся убійцы, воры и насилователи, а рядомъ съ ними—попавшіе подъ судъ за проступки, въ сущности, невинные, какъ я убѣдился въ томъ, часто посѣщая арестантовъ.—Давно надо измѣнить это дѣленіе, принявъ во вниманіе и основаніе не случайный, чисто канцелярскій, признакъ „осужденія" или „неосужденія", а личность обвиняемаго и сущность его преступленія. Но кто входитъ на гауптвахтахъ въ психологію личности военнаго арестанта?!.. Кто, при указанныхъ выше „между-началіи" и отсутствіи распоряженія свыше, займется, вопреки устава гарнизонной службы, классификаціей несчастныхъ, забытыхъ арестантовъ на иныхъ началахъ? Вотъ тутъ-то на помощь и могли-бы придти—говорю это по опыту—разумная книга, доброе, сердечное слово, посѣщеніе офицерами военныхъ гауптвахтъ съ цѣлью раздачи книгъ и собесѣдованій. Теперь караульный офицеръ входитъ въ камеры раза два, при экстренной надобности, на нѣсколько минутъ, и спѣшитъ оттуда выйти поскорѣе. Но иное было-бы отношеніе къ жизни арестантовъ на гауптвахтѣ, еслибы офицеру пришлось тамъ бывать чаще, на долгое время, и дышать ужаснымъ воздухомъ общихъ камеръ. Навѣрное поднялись-бы вопросы объ улучшеніи быта, если-бы г. г. офицерамъ пришлось уносить на себѣ изъ камеръ паразитовъ, какъ уносилъ ихъ я, или еслибы имъ сдѣлалось дурно отъ удушающаго смрада „одиночекъ", какъ это было однажды со мною.

Сводя въ одно сказанное мною, я позволяю себѣ думать:

1) Что бытъ военныхъ арестантовъ главныхъ гауптвахтъ, какъ имѣющій непосредственную связь не только съ бытомъ нашей арміи, но и всего отечества (въ томъ отношеніи, что многіе арестанты возвращаются въ части, а затѣмъ увольняются на родину), необходимо измѣнить въ его основаніяхъ, подвергнувъ его, въ то же время, бо́льшему контролю и расширивъ, передѣлавъ въ этомъ смыслѣ §§ устава гарнизонной службы.

2) Необходимо при каждой главной гауптвахтѣ, самой незначительной, устроить библіотеку, снабдивъ ее не только уставами и книгами религіознаго содержанія, какъ это указано въ уставѣ гарнизонной службы, но вообще книгами для чтенія, рекомендуемыми Главнымъ Штабомъ для всѣхъ солдатскихъ библіотекъ. Самыя библіотеки слѣдуетъ отдать подъ контроль начальниковъ гарнизоновъ.

3) Необходимо обязать военныхъ священниковъ посѣщать арестантовъ съ цѣлью собесѣдованій, раздачи Евангелій, молитвенниковъ, а также водить арестантовъ въ церковь на богослуженія и для говѣнья.

4) Необходимо устраивать для арестованныхъ чтенія по особымъ, выработаннымъ программамъ.

5) Необходимо на гауптвахтахъ ввести обученіе грамотности (чтенію и письму).

Расходы по устройству и поддержкѣ арестантскихъ библіотекъ легко окупятся отчисленіемъ небольшихъ суммъ изъ средствъ тѣхъ частей, изъ которыхъ присылаются на гауптвахты арестованные. А между офицерами—я знаю это—всегда найдутся порядочные, добрые люди, которые съ охотой отдадутъ часть своихъ досуговъ на духовныя нужды арестованныхъ нижнихъ чиновъ—лишь-бы были починъ и призывъ свыше.

Если дезинфецируютъ помѣщеніе, то не оставляютъ неочищеннымъ ни одного угла, ни одной вещи: иначе дезинфекція теряетъ всякій смыслъ и помѣщеніе по-прежнему останется зараженнымъ и опаснымъ для тѣхъ, кто будетъ съ нимъ соприкасаться. Поднятый по Высочайшему повелѣнію, въ предписаніи Г. Военнаго Министра № 27930, вопросъ о религіозно-нравственномъ воспитаніи войскъ смѣло можно сравнить съ дезинфекціей, назвавъ „нравственной дезинфекціей" нашей арміи. Но мѣра эта, позволяю себѣ заявить, не приведетъ къ полнымъ результатамъ, если главныя гауптвахты,—это больное мѣсто войскъ, останутся внѣ благотворнаго вліянія и будутъ по-прежнему возвращать въ армію людей, или съ надорваннымъ отъ анти-санитарнаго состоянія гауптвахтъ здоровьемъ, или, что еще хуже, навсегда развращенныхъ, пришибленныхъ безнравственной атмосферою, тамъ царящей.

И терять времени нельзя: пока я пишу эти строки, въ душныхъ казематахъ, среди самыхъ вредныхъ условій и вліяній, гибнутъ тысячи хорошихъ, честныхъ русскихъ гражданъ, которыхъ еще можно было-бы спасти и сдѣлать полезной государственной силой...

Все, что сказано мною въ настоящей памятной запискѣ о состояніи гауптвахтъ—еще разъ повторяю—не относится исключительно къ одному только Виленскому округу, но вообще къ большинству гауптвахтъ Россіи: много странствуя по отечеству и нарочно посѣщая военныхъ арестантовъ, я видѣлъ вездѣ приблизительно одно и то-же, за рѣдкими исключеніями (по части матеріальнаго благосостоянія). Самая-же записка моя имѣетъ единственной цѣлью—обратить вниманіе на одну изъ сторонъ военнаго быта, которая, не имѣя своей литературы, до сихъ поръ оставалась въ тѣни лишь потому, что съ нею мало еще знакомы.

Военный Слѣдователь Виленскаго военно-окружнаго суда, полковникъ Жиркевичъ".

Къ этой „запискѣ", въ видѣ яркой, документальной иллюстраціи, т. е. для того, чтобы не показаться голословнымъ, было пріобщено мною и особое постановленіе № X, съ которымъ мы уже ознакомились выше, относительно моей дѣятельности, какъ военнаго слѣдователя, по Виленской главной гауптвахтѣ.

Мое обращеніе въ данномъ случаѣ къ военному министру именно черезъ генерала Лузанова имѣло двоякое значеніе.

Я зналъ генерала Лузанова, какъ одного изъ передовыхъ людей нашего военно-судебнаго вѣдомства, какъ „Милютинца", вздыхающаго объ идеалахъ, вложенныхъ въ жизнь арміи вообще, въ частности-же въ это вѣдомство, незабвеннымъ основателемъ его, фельдмаршаломъ.

Но цѣль моего обращенія именно къ Лузанову, а не къ другому какому-либо лицу, захватывала еще болѣе глубокіе замыслы и надежды.

Пора, когда послалъ я мою записку съ приложеніемъ къ ней черезъ ген. Лузанова генералу Куропаткину, совпала какъ разъ съ той эпохой моей жизни и службы военнаго юриста, когда я, начиная извѣриваться въ устои, въ жизнеспособность нашего военно-судебнаго вѣдомства, какъ особаго вѣдомства, видя бездну, въ которую неминуемо оно должно скатиться по наклонной плоскости, благодаря забвенію Милютинскихъ завѣтовъ и традицій, тайно, съ замираніемъ сердца, мечтая создать особую книгу о Военно-Юридической Академіи, искалъ, въ то-же время, такого хорошаго, полезнаго дѣла, общественно-научнаго характера, которое, будучи возложено на все наше вѣдомство, властно вернуло-бы послѣднее къ академическимъ идеаламъ, указало-бы ему на то, чѣмъ оно было и во что обращается, пробудило-бы живыя силы, въ немъ дремлющія, и показало-бы Россіи, что и военный юристъ способенъ на нѣчто бо̀льшее, чѣмъ участіе въ работѣ, напоминающей собою фабричное производство.

Вотъ почему и такое великое, святое, чистое дѣло, какъ дѣло улучшенія быта военныхъ узниковъ главныхъ гауптвахтъ, казалось мнѣ именно тѣмъ культурнымъ начинаніемъ, которое, будучи обдуманно, властно, свыше, разложено на все военно-судебное вѣдомство, начиная отъ старшихъ представителей его до младшихъ, неминуемо должно было-бы сплотить разрозненные элементы вѣдомства, воодушевить даже павшихъ, позорно дремлющихъ, устыдить малодушныхъ и указать новые пути, по которымъ вѣдомству надлежитъ идти и впредь, если оно хочетъ остаться „вѣдомствомъ", а не канцелярскимъ отдѣломъ военнаго министерства.

Для меня лично была крайне понятна, симпатична та культурно-благотворительная работа, которую взяло на себя, по отношенію къ узникамъ, томящимся въ гражданскихъ карательныхъ учрежденіяхъ, почтенное судебное вѣдомство: такъ естественно, съ точки зрѣнія христіанской морали, по здравой логикѣ, по справедливости, чтобы учрежденіе, волей-неволей предназначенное причинять страданія павшему, преступному ближнему, во имя безопасности цѣлаго общества, занялось-бы и судьбой этого самаго ближняго съ того момента, когда онъ, посаженный за рѣшотки, закованный и ошельмованный судебнымъ приговоромъ, представляетъ изъ себя лежащаго врага общественнаго порядка, уже безсильнаго приносить вредъ, а молящаго о пощадѣ...

Такое христіански-гуманное, разумно-справедливое отношеніе къ преступнику удивительно какъ вытекаетъ и изъ глубинъ русскаго наро̀днаго міросозерцанія.

Древніе русскіе цари посѣщали темницы, гдѣ томились тѣ, кого они-же туда заключили—посѣщали со словомъ милосердія, съ каждой облегчить если можно, чужое страданіе, миловать, утѣшать, а, въ то-же время, и питать назидательно дýши свои, въ цѣляхъ осторожнаго отношенія къ судебнымъ рѣшеніямъ, зрѣлищемъ тяжкаго человѣческаго страданія.

Русскій народъ, въ массѣ его, жалостливъ, сострадателенъ къ узникамъ не на словахъ, а на дѣлѣ, даже тогда, когда эти узники насильственно водворены за рѣшотки самимъ-же народомъ.

Духовенство былыхъ временъ, въ лицѣ даже самыхъ высшихъ, лучшихъ передовыхъ, его представителей, шло по тюрьмамъ къ людямъ, нарушившимъ Божескіе и человѣческіе законы, со словомъ назиданія, прощенія, утѣшенія, любви...

Естественно, что судебное вѣдомство, по профессіи своей, ближе другихъ вѣдомствъ соприкасающееся съ народомъ въ отрицательныхъ типахъ его, проходящихъ передъ представителями этого вѣдомства по уголовнымъ дѣламъ, изучая эти типы, зная обстановку ихъ преступленій и не теряя надежды на частичное ихъ исправленіе, взяло на себя благородную задачу не только карать отдѣльныя лица, не только обеззараживать отъ нихъ все остальное общество, но и пытаться сдѣлать ихъ еще годными для этого общества, спасти нравственно, не дать опуститься, погибнуть...

Съ другой стороны, страннымъ казалось-бы, почему и военно-судебному вѣдомству не пойти той-же культурно-созидательной дорогою въ отношеніи преступниковъ, носящихъ или носившихъ военный мундиръ, въ тѣхъ-же цѣляхъ спасанія единицъ и оздоровленія, но уже не всего общества, а части этого общества—доблестной русской арміи?!.

Нѣсомнѣнно, что, работая въ этомъ направленіи, военно-судебное вѣдомство оказало-бы великую услугу не одному войску, а всему государству, съ которымъ армія неразрывно связана...

Мнѣ ясно рисовалось, какъ наше вѣдомство, разбуженное властнымъ призывомъ изъ Петербурга, вспомнивъ Милютинскіе и академическіе девизы, стряхнувъ пыль и плѣсень со своего знамени, начнетъ работу по всей Россіи—въ смыслѣ собиранія свѣдѣній на мѣстахъ о позорномъ состояніи главныхъ гауптвахтъ; какъ оно, въ числѣ серьезныхъ причинъ, заставляющихъ иного военнаго узника напрасно и долго томиться по гауптвахтнымъ казематамъ, сознáетъ и свои недостатки, промахи, пробѣлы въ своей собственной жизни—хотя-бы въ видѣ судебныхъ дѣятелей отрицательнаго направленія, ошибочныхъ приговоровъ, недостатковъ въ судоустройствѣ, судопроизводствѣ и проч., а, сознавъ свои явные и тайные грѣхи, покается въ нихъ всенародно, само-же указавъ Петербургу тѣ средства, при которыхъ возможна иная жизнь на благо общее...

Военно-судебное вѣдомство, призванное къ такой именно работѣ, и поднялось-бы само въ собственныхъ своихъ глазахъ, и подняло-бы свое значеніе въ глазахъ арміи, общества...

Отсюда, отъ этой первой ступени возвращенія къ Милютинскимъ идеаламъ, я предвидѣлъ въ будущемъ полное воскрешеніе вѣдомства,

славную, культурную роль его въ судьбахъ родины и возможность такой работы на благо общее, которая притягивала-бы въ вѣдомство лучшія, жизнеспособныя силы Россіи...

Мнѣ чудилось даже, что вѣдомство умышленно, на время, ловко усыплено какимъ-то злымъ чародѣемъ.

Но вотъ пришелъ освободитель—въ образѣ давно назрѣвшаго вопроса о спасеніи гибнущихъ ближнихъ въ военныхъ мундирахъ— и, точно по сказочному велѣнью, явятся въ вѣдомствѣ и таланты, и силы, и средства, закипитъ дѣятельная работа, загорится живая душа, засіяетъ и здѣсь русскій геній...

А разъ это случится—рушатся нездоровые порядки, умрутъ, побѣгутъ прочь отрицательные типы. Между Военно-Юридической Академіей, арміей и военно-судебнымъ вѣдомствомъ отыщется, наконецъ, утерянная, съ годами, благодаря зловредному, злокозненному чародѣю, тѣсная духовная, естественная связь...

И русская главная гауптвахта, обновленная, перерожденная, подъ попечительной опекою все того-же военно-судебнаго вѣдомства, возрожденнаго, въ свою очередь, одухотвореннаго, поддержаннаго и арміей, и государствомъ, никогда болѣе не вернется къ тому состоянію, въ которое погружена по какому-то явному недоразумѣнію...

Кто знаетъ, думалось мнѣ, не будетъ-ли создано этимъ вѣдомствомъ особое изслѣдованіе о воинскихъ мѣстахъ предварительнаго заключенія, положены основы военно-тюремной, военно-гауптвахтной статистики, особаго призрѣнія заключенныхъ по выходѣ ихъ изъ военно-карательныхъ учрежденій и т. п.

Просыпаются военныя дамы, въ томъ числѣ и военно-судейскія; со стыдомъ оглядывается на свою преступную до того бездѣятельность военное духовенство... Находятся частные жертвователи и благотворители... Нарождаются въ обществѣ желающіе идти по гауптвахтамъ и вносить туда разумную книгу, участіе, свѣтъ Божеской правды, здоровыя понятія и надежды,—надежды на возможность иной жизни..

И снова все группируется около возрожденнаго военно-судебнаго вѣдомства...

Это-ли не программа, для созданія которой, для проведенія въ жизнь, не жаль пожертвовать своимъ личнымъ счастьемъ?!.

Не знаю, не помню, доходили-ли до меня, въ тѣ дни, слухи о томъ, что на военно-судебное вѣдомство возложена была уже разработка вопроса о военно-тюремной реформѣ.

Если они доходили, то должны были только еще болѣе питать мое настроеніе, еще болѣе раздражать мое воображеніе...

И я мечталъ, мечталъ, писалъ дальнѣйшіе проекты, записки, благо за границей свободнаго времени имѣлось достаточно...

Скоро получился и отвѣтъ отъ генерала Лузанова (отъ 20 сентября 1901 года), въ которомъ мнѣ сообщалось слѣдующее:

„Многоуважаемый Александръ Владимировичъ!

Записку Вашу я передалъ Военному Министру черезъ нѣсколько дней послѣ ея полученія и Военный Министръ, отнесясь сочувственно къ возбужденному Вами вопросу, обѣщалъ прочитать эту записку

при первомъ досугѣ; но, какъ Вамъ извѣстно, Министръ находится это время въ разъѣздахъ и теперь отправляется въ Туркестанъ.

Я не сомнѣваюсь, однако, что записка будетъ прочитана Министромъ и что это лишь вопросъ времени. Поэтому мнѣ остается только извиниться передъ Вами въ томъ, что по крайнему недосугу я до сихъ поръ не увѣдомилъ Васъ объ исполненіи Вашего порученія. Считаю нелишнимъ сообщить, что зимою предполагается приступить къ пересмотру положенія о содержащихся въ дисциплинарныхъ баталіонахъ и ротахъ, и я полагаю, что при этомъ пересмотрѣ будетъ затронутъ вопросъ и о содержащихся на гауптвахтахъ.

Откладывая, по недосугу, отвѣтъ на Ваше письмо, я не думалъ, что причиню Вамъ безпокойство. Мнѣ думалось, что Вы поймете, что если-бы я не призналъ возможнымъ исполнить Ваше порученіе, то извѣстилъ-бы Васъ о томъ немедленно, и скажете себѣ: „point des nouvelles—bonnes nouvelles“.

Простите-же меня за невольно причиненное Вамъ безпокойство и вѣрьте искреннему уваженію преданнаго Вамъ П. Лузанова“.

Нѣсколько позднѣе (13 января 1902 г.) генералъ Лузановъ писалъ мнѣ:

„Многоуважаемый Александръ Владимировичъ!

Оффиціально я ничего не знаю о практическихъ результатахъ Вашей записки; но частнымъ путемъ слышалъ, что она разослана на заключеніе командующимъ войсками военныхъ округовъ. Искренно Васъ уважающій и преданный. П. Лузановъ“.

Дѣйствительно, „записка“ моя вмѣстѣ съ особымъ постановленіемъ № X, будучи отпечатаны въ Главномъ Штабѣ, по приказанію Военнаго Министра, были разосланы, затѣмъ, на заключеніе, всѣмъ высшимъ представителямъ русской арміи; при чемъ къ этимъ документамъ прилагались еще: а) предписаніе Военнаго Министра на имя „Командующихъ войсками въ округахъ“ (отъ 18 мая 1901 года № 27930)—о религіозно-нравственномъ воспитаніи войскъ; и б) отношеніе на имя Военнаго Министра Протопресвитера Военнаго и Морского Духовенства Желобовскаго (отъ 12 сентября 1901 № 11009)—съ мнѣніемъ его о моей „запискѣ“.

Приведу оба эти документа.

Вотъ они:

I. Копія съ копіи отношенія Главнаго Штаба Военнаго Министерства, отъ 18-го Мая 1901 года за № 27930, на имя Командующихъ Войсками въ Округахъ.

О религіозно-нравственномъ воспитаніи войскъ.

„По Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 23 день января 1900 года, при Главномъ Штабѣ была учреждена особая Комиссія подъ предсѣдательствомъ Члена Военнаго Совѣта, Генерала-отъ-Инфантеріи Графа Татищева, при участіи Протопресвитера Военнаго и Морского Духовенства и другихъ лицъ, для обсужденія вопросовъ, касающихся удовлетворенія религіозныхъ нуждъ войскъ и для поднятія религіозно-нравственнаго воспитанія войскъ.

Нынѣ Комиссія закончила разработку этихъ вопросовъ, при чемъ выработала особый типъ военной церкви и проектировала слѣдующія мѣры для поднятія религіозно-нравственнаго воспитанія войскъ:

1) Организовать въ войскахъ внѣ-богослужебныя собесѣдованія, по одному разу въ недѣлю въ каждомъ баталіонѣ и каждое продолжительностью не менѣе 1 часа. Собесѣдованія эти, обнимая собою элементарный курсъ Закона Божія по программамъ, разработку коихъ взялъ на себя Отецъ Протопресвитеръ, должны быть включены въ планъ распредѣленія зимнихъ занятій.

2) Отправлять по возможности всѣхъ православныхъ нижнихъ чиновъ, а въ особенности новобранцевъ, съ ихъ учителями, въ праздничные дни къ обѣднѣ и наканунѣ ихъ къ всенощной.

Нижніе-же чины изъ иновѣрцевъ должны быть посылаемы въ инославные храмы, а, за неимѣніемъ таковыхъ, въ войска должны быть командируемы иновѣрческіе священнослужители.

3) Наблюдать, чтобы въ войсковыхъ церквахъ отводились нижнимъ чинамъ мѣста впереди постороннихъ прихожанъ, откуда каждый могъ-бы отчетливо слышать богослуженіе; постороннихъ-же прихожанъ допускать только въ томъ случаѣ, если окажется избытокъ мѣста за размѣщеніемъ нижнихъ чиновъ.

4) Наблюдать, чтобы нижніе чины были приводимы въ церковь до начала богослуженія и не расходились бы до окончанія.

5) Возможно шире распространять существующій въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ обычай выдавать каждому нижнему чину по просфорѣ послѣ причащенія. Установить, чтобы въ военныхъ церквахъ нижніе чины прикладывались послѣ литургіи ко Кресту, были одѣляемы частицами антидора.

6) Ввести въ военныхъ церквахъ хоровое пѣніе всѣми нижними чинами общеизвѣстныхъ молитвъ. Равно, установить обязательное пѣніе хоромъ, всѣми присутствующими нижними чинами, молитвъ утренней, вечерней, передъ обѣдомъ и ужиномъ.

Организовать въ каждой части церковные хоры изъ ротныхъ пѣсенниковъ, подъ руководствомъ офицеровъ.

7) Воспретить въ часы праздничныхъ церковныхъ службъ всякаго рода осмотры людей и наряды на домашнія и хозяйственныя работы.

8) Установить, чтобы, за крайними исключеніями, говѣніе вмѣстѣ съ пріобщеніемъ продолжалось шесть дней.

9) Требовать соблюденіе постовъ, по крайней мѣрѣ всего великаго поста.

10) Разрѣшить командирамъ частей выписывать на хозяйственныя суммы, сверхъ установленнаго отпуска, книги для чтенія нижнихъ чиновъ, изъ числа рекомендованныхъ циркулярами Главнаго Штаба.

11) Въ видахъ поддержанія связи нижнихъ чиновъ съ оставленными ими на родинѣ семьями, давать предпочтеніе женатымъ при увольненіи въ кратковременный отпускъ. Дозволить нижнимъ чинамъ, а особенно новобранцамъ, отправлять безплатно (на средства части) опредѣленное количество писемъ въ годъ.

12) Обратить вниманіе на часы досуга нижнихъ чиновъ, особенно въ праздники (отвлекая отъ безцѣльнаго шатанія по городу устройствомъ разнаго рода развлеченій, игръ, состязаній, чтеній съ туманными картинами и т. п.). Большую пользу нравственному подъему можетъ принести ознакомленіе съ исторіей русскихъ войскъ (и особенно своей части) въ разсказахъ и воспоминаніяхъ о доблестныхъ подвигахъ.

13) Преслѣдовать всякаго рода брань и сквернословіе.

14) Обратить вниманіе на религіозно-нравственное воспитаніе малолѣтнихъ учениковъ школы солдатскихъ дѣтей.

15) Обратить вниманіе на религіозно-нравственное воспитаніе юнкеровъ и кадетовъ военно-учебныхъ заведеній.

Мѣры эти, какъ невызывающія новыхъ постоянныхъ расходовъ казны, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Военнаго Министра, въ 28 день Апрѣля сего года Высочайше повелѣть соизволилъ теперь-же принять къ руководству въ войскахъ, въ видѣ опыта, на три года, въ предѣлахъ, по усмотрѣнію Командующихъ войсками въ округахъ, съ тѣмъ, чтобы по прошествіи трехъ-годичнаго срока вновь пересмотрѣть, если въ томъ встрѣтится надобность, вопросъ религіозно-нравственнаго воспитанія войскъ, на основаніи результатовъ произведеннаго опыта.

Что-же касается до постройки церквей въ войскахъ, то Государю Императору благоугодно было повелѣть отпустить первоначально на нужды церковно-строительства въ семъ году (200.000 р.) двѣсти тысячъ руб. и въ 1902 и 1903 годахъ по 450 тысячъ рублей.

О таковомъ ВЫСОЧАЙШЕМЪ повелѣніи имѣю честь увѣдомить Ваше...... для руководства и зависящихъ въ чемъ слѣдуетъ распоряженій. Подписалъ: за Военнаго Министра, Генералъ-Лейтенантъ Фроловъ. Скрѣпилъ: за Помощника Начальника Главнаго Штаба, Генералъ-Маіоръ Овсяный".

II. Отношеніе Протопресвитера Военнаго и Морского Духовенства (отъ 12 Сентября 1901 года за № 11009) на имя Его Высокопревосходительства г. Военнаго Министра.

„Вашему Высокопревосходительству угодно было препроводить мнѣ на разсмотрѣніе и заключеніе памятную записку Военнаго Слѣдователя Виленскаго военнаго округа Полковника *Жиркевича* „о необходимости измѣнить нравственную и матеріальную сторону быта военныхъ арестантовъ".

Ознакомленный, частью личными наблюденіями, а главнымъ образомъ, сообщеніемъ подвѣдомыхъ мнѣ священниковъ, съ бытомъ военныхъ арестантовъ, имѣю честь Вашему Высокопревосходительству представить, по означенному весьма важному вопросу, слѣдующее:

Памятная записка Военнаго Слѣдователя Виленскаго военнаго округа Полковника Жиркевича, по справедливости, можетъ считаться живою и яркою иллюстраціею быта арестованныхъ. Все, написанное въ ней, дышетъ правдою, знаніемъ быта арестованныхъ, ихъ среды и обстановки. Нельзя не выразить г. Жиркевичу глубокой благодарно-

сти за его христіанскую любовь къ ближнему и благородное стремленіе—пролить свѣтъ на темную среду людей заключенныхъ и улучшить ихъ печальную жизнь и обстановку. Указанныя г. Жиркевичемъ печальныя явленія изъ быта арестованныхъ въ Виленской гауптвахтѣ, усугубляющія тяжесть наказанія, несомнѣнно, имѣютъ мѣсто и въ другихъ гауптвахтахъ. Необходимо, однако, въ видахъ справедливости, присовокупить, что г. Жиркевичъ нѣсколько обобщаетъ констатируемые имъ факты и явленіямъ случайнымъ придаетъ постоянный характеръ.

Военныя гауптвахты, какъ полковыя, такъ и главныя (въ городахъ, гдѣ расположено нѣсколько воинскихъ частей), въ большинствѣ случаевъ, устраиваются по одному общему плану. Онѣ состоятъ изъ двухъ общихъ камеръ—„для осужденныхъ"—съ нарами, нѣсколькихъ отдѣленій для помѣщенія въ нихъ арестуемыхъ такъ называемымъ усиленнымъ арестомъ. Помѣщенія для этого рода арестованныхъ бываютъ холодныя, темныя, не болѣе двухъ аршинъ въ квадратѣ.*) Свѣтъ проникаетъ въ нихъ только черезъ небольшое отверстіе, сдѣланное въ дверяхъ для наблюденія за арестованнымъ со стороны часового. Въ главной гауптвахтѣ содержатся: воинскіе чины, состоящіе подъ судомъ и слѣдствіемъ, осужденные впредь до отправленія въ мѣста заключенія, отбывающіе за неимѣніемъ мѣста въ военныхъ тюрьмахъ, арестованные офицерами и полиціей для прекращенія безпорядковъ, а также воинскіе чины разныхъ командъ, неимѣющихъ своихъ карцеровъ, какъ напримѣръ: инженерной, интендантской и другихъ. Въ полковыхъ гауптвахтахъ арестовываются нижніе чины за разные мелкіе, обыденные проступки, совершаемые въ своихъ частяхъ. Лица, арестованныя простымъ арестомъ, согласно параграфу 19 Устава внутренней службы, спятъ на выдаваемыхъ имъ тюфякамъ и подушкахъ; арестованныя-же арестомъ строгимъ и усиленнымъ—на голыхъ нарахъ. На ночь въ помѣщеніе арестованныхъ (параграфъ 21) ставится параша. Число арестованныхъ въ главныхъ гауптвахтахъ находится въ прямой зависимости отъ числа расположенныхъ въ этомъ пунктѣ воинскихъ частей. По отзывамъ знающихъ лицъ, въ большихъ городахъ, какъ напримѣръ Петербургъ, Москва, Варшава, Одесса, Кіевъ, Вильна, на главной гауптвахтѣ содержится ежедневно среднимъ числомъ до 20 человѣкъ, въ остальныхъ городахъ, гдѣ имѣются главныя гауптвахты, число арестованныхъ въ среднемъ не превышаетъ 2—4 человѣкъ въ день. Въ полковыхъ гауптвахтахъ содержится среднимъ числомъ ежедневно 2—5 человѣкъ.

Условія содержанія арестованныхъ въ большинствѣ случаевъ бываютъ болѣе благопріятными для арестованныхъ въ полковыхъ гауптвахтахъ. Находясь подъ непосредственнымъ наблюденіемъ командира части, они содержатся болѣе опрятно: арестованные здѣсь каждую недѣлю получаютъ бѣлье и два раза въ мѣсяцъ водятся въ баню. Что-же касается до условій содержанія арестованныхъ въ главныхъ гауптвахтахъ, то таковыя бываютъ менѣе благопріятны для арестованныхъ по многимъ причинамъ. Главною изъ этихъ причинъ

*) Такого размѣра я не видывалъ нигдѣ, да тутъ нельзя было-бы спать, лежать, двигаться. А. Ж.

является самая категорія арестованныхъ. Отбывая здѣсь наказаніе или находясь подъ судомъ и слѣдствіемъ за болѣе или менѣе серьезные проступки, арестованные на главныхъ гауптвахтахъ обыкновенно не водятся въ баню изъ опасенія побѣговъ и за отдаленностью заключенія, менѣе аккуратно получаютъ бѣлье и необходимую одежду изъ своихъ частей. Самое помѣщеніе главныхъ гауптвахтъ, вслѣдствіе указанныхъ въ запискѣ Жиркевича „междуначалія" и „многоначалія", содержится менѣе опрятно. Къ этимъ неблагопріятствующимъ для арестованнаго условіямъ нужно прибавить еще явленіе чисто случайнаго характера. На главную гауптвахту обыкновенно отправляются арестованные полиціей военные дезертиры и разные пьяницы изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, пропившіе и растратившіе казенную одежду и вещи, въ виду чего снабженіе ихъ необходимой одеждой и бѣльемъ часто представляется крайне затруднительнымъ. Иногда оказывается, что часть, гдѣ служитъ арестованный, находится далеко отъ мѣста ареста, или арестованный получилъ свою, слѣдуемую по положенію, одежду и бѣлье. Въ такого рода случаяхъ арестованный долгое время, пока идетъ о немъ переписка, носитъ одну и туже рубаху, не имѣя возможности ее вымыть или перемѣнить, вслѣдствіе чего въ помѣщеніяхъ гауптвахты развивается масса всевозможныхъ паразитовъ, борьба съ которыми представляетъ большую трудность. Одинъ изъ священниковъ дисциплинарнаго баталіона мнѣ сообщаетъ, что въ дисциплинарномъ баталіонѣ, гдѣ условія содержанія заключенныхъ значительно лучше, чѣмъ на гауптвахтахъ, ему приходилось быть свидѣтелемъ той, почти неодолимой борьбы, которую вели работающіе въ швальнѣ портные съ паразитами, находящимися въ присланныхъ въ швальню для исправленія шароварахъ и мундирахъ.

Параши, состоящія изъ ведра или ушата, часто протекающихъ, дѣлаютъ воздухъ въ камерѣ для свѣжаго человѣка невыносимымъ. Всѣ эти условія, безъ сомнѣнія, дѣлали-бы положеніе арестованныхъ на главныхъ гауптвахтахъ весьма тяжелымъ, если-бы облегчающимъ обстоятельствомъ не являлись многочисленность *) арестованныхъ и случайность пребыванія въ нихъ людей нечистоплотныхъ, или неимѣющихъ необходимой перемѣны платья. Малочисленность арестованныхъ представляетъ имъ возможность соблюдать нѣкоторую чистоту въ помѣщеніи и наблюдать за собою.

Обрисованное такимъ образомъ положеніе арестованныхъ на главныхъ гауптвахтахъ даетъ полную возможность видѣть, что мѣры, указанныя г. Жиркевичемъ, насколько желательны, настолько и необходимы.

Для устраненія этихъ недостатковъ, по моему убѣжденію, является необходимымъ: а) устройство при главныхъ гауптвахтахъ библіотекъ изъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія и другихъ. При существованіи хорошо составленной и приспособленной къ развитію и положенію арестованныхъ библіотеки, и время ареста не проходило-бы такъ безполезно и томительно для арестованнаго, какъ

*) Тутъ, вѣроятно,—ошибка! Слѣдовало сказать «малочисленность». *А. Ж.*

проходитъ въ настоящее время; грамотные читали-бы книги неграмотнымъ, возбуждая у нихъ и у себя лучшія мысли и чувства; б) посѣщеніе священниками арестованныхъ въ главныхъ полковыхъ гауптвахтахъ для назиданія и увѣщанія не менѣе одного раза въ недѣлю, по преимуществу въ воскресные и праздничные дли, а въ главныхъ гауптвахтахъ большихъ городовъ или при большой численности арестованныхъ—веденіе духовныхъ бесѣдъ, религіозно-нравственныхъ чтеній и совершеніе богослуженій (всенощной и обѣдницы) въ воскресные и праздничные дни, а также молебновъ въ дни высокоторжественные; в) обязательная выдача каждому арестованному христіанину Евангелія и молитвенника; г) обязательное посѣщеніе священниками гауптвахтъ въ дни Рождества Христова и Св. Пасхи съ крестомъ, а въ день Крещенія Господня со святой водою.

Въ интересахъ дѣла весьма желательно, чтобы завѣдываніе библіотеками, выборъ книгъ для нихъ и выдача ихъ арестованнымъ были возложены на военныхъ священниковъ, коихъ больше всего касается религіозно-нравственная сторона воинскихъ чиновъ и по преимуществу состоящихъ въ непосредственномъ вѣдѣніи комендантскихъ управленій, коимъ подвѣдомы главныя гауптвахты. Арестованнымъ-же въ полковыхъ гауптвахтахъ могутъ быть выдаваемы книги изъ имѣющихся при полковыхъ церквахъ библіотекъ, назначаемыхъ для чтенія нижнимъ чинамъ.

Означенныя мѣры, оказывая воздѣйствіе на арестованныхъ въ смыслѣ ихъ исправленія и облегченія ихъ положенія, несомнѣнно повели-бы къ улучшенію помѣщеній и быта арестованныхъ и возбудили-бы болѣе внимательное отношеніе къ нимъ подлежащаго военнаго начальства.

Бросающимся въ глаза упущеніемъ является отсутствіе въ помѣщеніяхъ гауптвахтъ св. иконъ. Что касается до обученія арестованныхъ грамотѣ, то кратковременность заключенія, доходящаго только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ до 2-хъ мѣсяцевъ, *) мамалочисленность арестованныхъ и несоотвѣтственность ихъ обстановки условія обученія—являются существенными препятствіями къ установленію этого, весьма желательнаго, нововведенія.

„Забытые", по словамъ г. Жиркевича, военные арестанты не будутъ забыты Вашимъ Высокопревосходительствомъ, попечительнымъ отцомъ о всѣхъ своихъ подчиненныхъ. О семъ почтительно проситъ Ваше Высокопревосходительство усердный Богомолецъ и слуга. Подписалъ: Протопресвитеръ Александръ Желобовскій".

Надо замѣтить, что цифры, приводимыя о. Протопресвитеромъ совершенно произвольны и невѣрны. Надо было собрать точныя данныя, а не основываться на отзывахъ какихъ-то „знающихъ лицъ". На Виленской главной гауптвахтѣ, напримѣръ, даже въ дни, о которыхъ говоритъ о. Протопресвитеръ, содержалось въ общихъ камерахъ, ежедневно, около 40—50 человѣкъ, не считая сидящихъ по отдѣль-

*) О. Протопресвитеръ былъ введенъ тутъ въ заблужденіе невѣрнымъ докладомъ: на гауптвахтахъ узники засиживались, и въ тѣ дни, нерѣдко по нѣсколько мѣсяцевъ и болѣе. А. Ж.

нымъ карцерамъ, которыхъ бывало отъ 10 до 15 человѣкъ. Въ болѣе крупныхъ-же центрахъ сосредоточенія войскъ, какъ Одесса и Варшава цифра эта значительно увеличивалась, постоянно мѣняясь. Также неправильно указаніе на общія цифры узниковъ относительно гауптвахтъ отдѣльныхъ частей войскъ: ихъ надо вдвое, втрое увеличить. Но на Виленской главной гауптвахтѣ бывали позднѣе періоды, когда въ общихъ камерахъ сидѣло по 50—60 человѣкъ, не считая сидѣвшихъ въ отдѣльныхъ карцерахъ. Говорю на основаніи моихъ замѣтокъ и по числу раздававшихся книгъ, заявленіе мое провѣрить нетрудно, если потребовать свѣдѣнія по всей Россіи о числѣ арестованныхъ, населявшихъ, положимъ, за послѣдніе десять лѣтъ наши гауптвахты, главныя и отдѣльныхъ частей войскъ.

Ничего еще не зная, однако, оффиціально о судьбѣ моей „записки", я вошелъ въ переписку съ Протопресвитеромъ Желобовскимъ, который и прислалъ мнѣ, по этому поводу, три письма.

Въ первомъ (отъ 9 февраля 1902 г.) покойный сообщалъ:

„Ваше Высокоблагородіе, Милостивый Государь Александръ Владимировичъ!

Ваша докладная записка о военныхъ гауптвахтахъ, поданная на имя г. Военнаго Министра, 25 октября минувшаго года, черезъ Главный Штабъ, препровождена командующимъ войсками въ округахъ, чтобы они, по содержанію ея, представили свое мнѣніе для доклада г. Военному Министру. Я прочиталъ ее съ истиннымъ удовольствіемъ и воспользуюсь ею для достиженія подвѣдомыми пастырями цѣлей нравственнаго воздѣйствія на заключенныхъ. Приношу Вамъ благодарность за благія намѣренія и указанія по облегченію участи заключенныхъ. Вашъ Богомолецъ, протопресвитеръ Александръ Желобовскій".

Привожу и второе письмо ко мнѣ о. Протопресвитера (отъ 21 февраля 1902 г.).

„Достолюбимый Александръ Владимировичъ! Вчера послалъ я Вамъ двѣ книжицы и фотографическую карточку. Спасибо за „Картинки дѣтства". Примите книжицы и карточку на добрую память и ратуйте за меньшую, страждущую братію: Богъ на помощь Вамъ! Вашъ усердный Богомолецъ и слуга, протопресвитеръ А. Желобовскій".

А вотъ и третье письмо ко мнѣ о. Протопресвитера (отъ 8 мая 1902 г.).

„Достопочтенный Александръ Владимировичъ! Запоздалъ отвѣтомъ на письмо Ваше отъ 12 августа: извините! Великое спасибо за привѣтствіе и благожеланія по случаю праздника Св. Пасхи: да хранитъ Васъ Господь Богъ во всякомъ благополучіи! Записку Вашу объ улучшеніи матеріальнаго и нравственнаго быта арестантовъ, съ моимъ отзывомъ (вполнѣ сочувственнымъ ея содержанію), г. Военный Министръ послалъ Командующимъ войсками и комендантамъ крѣпостей. Я имѣю свѣдѣнія, что она уже произвела благопріятное дѣйствіе на нѣкоторыхъ представителей военной власти. Въ недалекомъ будущемъ, Богъ дастъ, плоды Вашихъ трудовъ еще виднѣе обнару-

жатся. Да не смущается сердце Ваше! Призываю на Васъ и труды Ваши Божіе благословеніе. Вашъ Богомолецъ, Протопресвитеръ А. Желобовскій".

Такъ какъ, несмотря на попытки мои узнать, что-же, въ сущности, отвѣтили Военному Министру командующіе войсками округовъ и коменданты на мое заявленіе о гауптвахтахъ, я не могъ этого добиться частнымъ путемъ, то и рѣшилъ еще разъ обратиться непосредственно къ генералу Куропаткину.

Въ письмѣ моемъ (отъ 12 мая 1902 г.) я писалъ послѣднему:

„Ваше Высокопревосходительство!

Я сознаю хорошо, что позволяя себѣ обращаться непосредственно къ Вамъ, какъ военно-служащій, совершаю явное нарушеніе установленнаго порядка сношеній и подлежу взысканію, тѣмъ болѣе, что я—военный юристъ, т. е. лицо, болѣе, чѣмъ кто-либо другой, обязанное знать уставы и соблюдать ихъ...

Но, въ то-же время, я не могу молчать, когда сердце полно мукой за ближняго, не могу забыть, что Вы приняли уже благосклонно одно мое заявленіе, простивъ мнѣ его неумѣстность... Вѣдь скоро минетъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ, черезъ генералъ-лейтенанта П. Ѳ. Лузанова, представилъ я Вашему Высокопре-ву памятную записку о грустномъ, матеріальномъ и нравственномъ, положеніи нашихъ военныхъ арестантовъ, содержащихся на большинствѣ такъ называемыхъ общихъ, главныхъ гауптвахтъ!.. Вы не только изволили обратить благосклонное вниманіе на записку, написанную слишкомъ горячо и не по установленнымъ формамъ, но (по слухамъ) даже приказали разслѣдовать этотъ вопросъ, передавъ его въ какую-то комиссію, которая разослала по частямъ войскъ мою записку съ благопріятнымъ мнѣніемъ о ней протопресвитера Желобовскаго.

Много прошло мѣсяцевъ со дня представленія Вамъ записки... По роду службы я продолжаю чуть не ежедневно сталкиваться съ военными арестантами и вижу, какъ новыя сотни ихъ, по-прежнему, заражаются, физически и нравственно продолжаютъ гибнуть въ ужасающей, анти-санитарной обстановкѣ нашихъ современныхъ главныхъ гауптвахтъ... Все пока осталось тамъ по старому!..

Слѣдовательно, позволяю себѣ думать, что и вопросъ, возбужденный мною, или заглохъ въ неизвѣстной мнѣ комиссіи, или не встрѣтилъ себѣ сочувственнаго отклика въ военной средѣ, на обсужденіе которой былъ переданъ Вами, или разрѣшается слишкомъ медленно..

Хорошо понимаю, что Ваше Высокопре-во слишкомъ обременены дѣлами болѣе важными, что въ заботахъ высшаго порядка Вы могли и забыть про мою записку—этотъ слабый голосъ изъ провинціи одного изъ тысячъ Вашихъ подчиненныхъ...

Вотъ почему я и позволяю себѣ, настоящимъ письмомъ, лично постучаться еще разъ въ Ваше сердце съ той откровенностью человѣка, стоящаго за правое, святое дѣло, съ тѣмъ довѣріемъ и любовью, которыми столь смѣло утруждалъ я Васъ годъ тому назадъ черезъ генерала Лузанова...

Вопросъ о бытѣ военныхъ арестантовъ неотложно долженъ быть рѣшенъ, хотя-бы въ виду тѣхъ вредныхъ соціальныхъ вліяній, кото-

рыя проникаютъ въ нашу армію, заражая ее. Онъ долженъ быть рѣшенъ неотложно еще и потому, что пока пишу настоящія строки, гибнутъ по гауптвахтамъ, почти на всемъ пространствѣ Россіи, лучшія, здоровыя силы нашего Отечества, наша народная молодежь, на нравственныхъ устояхъ которой основана мощь и спокойствіе Россіи, ея историческое будущее!..

Страшно подумать, что каждый день промедленія уноситъ новыя и новыя жертвы, умножаетъ ряды враговъ общественнаго порядка!..

Умоляю Ваше Высокопре-во освѣдомиться о положеніи дѣла въ комиссіи и тѣмъ ускорить его разрѣшеніе! Присоедините къ великимъ, незабвеннымъ благодѣяніямъ, оказаннымъ уже Вами военному вѣдомству, новое благодѣяніе!.. Вѣдь одного слова Вашего достаточно будетъ для того, чтобы казематы общихъ гауптвахтъ, изъ мѣстъ страданія, мрака и разврата, обратились-бы въ учрежденія, служащія цѣлямъ нравственности и просвѣтленія народнаго!!.

Вотъ единственное оправданіе моего письма, вотъ—мотивъ, побуждающій меня взяться за перо и, рискуя навлечь на себя непріятности, еще разъ высказать ту вопіющую правду, которая отнимаетъ у меня спокойствіе совѣсти, не даетъ мнѣ права молчать изъ эгоистичныхъ побужденій личнаго свойства...

Плохъ тотъ офицеръ, который, видя опасность, угрожающую воинскому порядку, промолчитъ только потому, что побоится нарушить установленныя формальности заявленіемъ, поданнымъ не „по-командѣ“.

И я умеръ-бы со спокойной совѣстью, съ сознаніемъ исполненнаго долга, если-бы пережилъ высокое счастье—достовѣрно узнать, что голосъ мой услышанъ, что военные арестанты дождались, наконецъ, иныхъ, свѣтлыхъ, облагораживающихъ умъ и сердца ихъ, дней въ обстановкѣ нашихъ общихъ гауптвахтъ.

Вашего Высокопре-ва покорнѣйшій слуга, полковникъ А. В. Жиркевичъ, Военный Слѣдователь Виленскаго военно-окружного суда“.

Въ результатѣ я добился-таки справки: Главный Штабъ (22 мая 1902 г. за № 28859) сообщилъ мнѣ слѣдующее:

„По приказанію Военнаго Министра памятная записка Ваша о необходимости измѣнить нравственную и матеріальную стороны быта военныхъ арестантовъ была препровождена на заключеніе всѣхъ высшихъ начальствующихъ лицъ и Протопресвитера военнаго и морского духовенства.

Сводъ полученныхъ заключеній вмѣстѣ съ печатнымъ экземпляромъ упомянутой записки Главный Штабъ, по приказанію Военнаго Министра, препровождаетъ Вашему Высокоблагородію для свѣдѣнія и при семъ присовокупляетъ, что Вы имѣете быть вызваны въ г. С.-Петербургъ, по распоряженію Главнаго Военно-Суднаго Управленія, для обсужденія вопроса о томъ, что можно сдѣлать для улучшенія быта военныхъ арестантовъ теперь-же, до перестройки гауптвахтъ, но не вызывая особыхъ расходовъ казны.“

Въ то-же время и добрый мой знакомый, Е. Н. Кудрявцевъ, занимавшій видный постъ помощника управляющаго канцеляріей Военнаго Министерства (31 мая 1902 г.), сообщилъ мнѣ:

„. . . Добился, наконецъ, справки по интересующему Васъ дѣлу. Мнѣнія командующихъ войсками собраны. Сдѣлана сводка. На дняхъ Вы будете вызваны черезъ Главное Военно-Судное Управленіе въ Петербургъ для участія въ обсужденіи собранныхъ свѣдѣній. Какъ видите: Ваша записка возымѣла благопріятное хожденіе, что̀ бываетъ у насъ не часто. Пожелавъ всего лучшаго, говорю: „до скораго свиданья!“... Письмо Ваше взяли у меня въ Главный Штабъ и я не знаю Вашего адреса; поэтому адресую въ судъ“...

Будучи дѣйствительно вызванъ нѣсколько позднѣе въ Главный Штабъ, я, съ разрѣшенія послѣдняго, сдѣлалъ выписки изъ подлиннаго дѣла, начатаго по моей „запискѣ“—о гауптвахтахъ, а именно изъ подлинныхъ мнѣній высшихъ представителей русской арміи того времени.

Считаю умѣстнымъ привести теперь-же и эту выписку (т. е. „общія замѣчанія“), и „сводъ заключеній“ упоминаемыхъ лицъ, сдѣланный для ген. Куропаткина въ Главномъ Штабѣ.

Спѣшность работы помѣшала мнѣ, однако, къ моему сожалѣнію, выписать тогда-же и тѣ реформы, которыя были подробно указаны командующими войсками—въ отвѣтъ на мой проектъ, и я долженъ былъ по неволѣ ограничиться лишь общими ихъ выводами.

Надо замѣтить, что впослѣдствіи, при поѣздкахъ по Россіи, мнѣ приходилось встрѣчать многихъ командировъ отдѣльныхъ частей войскъ, которые, узнавъ мою фамилію, начинали сочувственно, горячо говорить со мною о моей „запискѣ“: оказывалось, что въ нѣкоторыхъ военныхъ округахъ она была разослана изъ окружныхъ штабовъ по частямъ войскъ; въ послѣднихъ образовывались особыя комиссіи, представлявшія, затѣмъ, мнѣнія свои по затронутому мною вопросу по командѣ.

Такимъ образомъ въ представленіяхъ командующихъ войсками округовъ, присланныхъ Военному Министру, какъ-бы отразилось мнѣніе всей русской арміи, а мѣры, которыя, при этомъ, признавались желательными и неотложными, говорили о безчисленныхъ язвахъ существованія современной гауптвахты и вполнѣ совпадали съ моими заявленіями.

Судя по тексту нѣкоторыхъ отзывовъ (изъ Петербуга, Москвы и др. центровъ Россіи), лишь въ немногихъ мѣстахъ не прибѣгли къ подобному опросу низшаго строевого элемента, и тутъ видимо приходится имѣть дѣло съ единоличными взглядами командовавшихъ войсками.

Штабы нѣкоторыхъ военныхъ округовъ и корпусовъ прислали отвѣты отъ имени командующихъ войсками и корпусныхъ командировъ, хотя среди отвѣтовъ имѣются и подписанные высшими начальствующими лицами.

„Общія замѣчанія“ (въ сдѣланныхъ мною выпискахъ) выразились въ слѣдующихъ отзывахъ:

1) *Штабъ 1-го армейскаго корпуса.*—С.-Петербургъ. (2 ноября 1901 г. № 2610).

„Его Высокопревосходительство, вполнѣ сочувствуя мѣрамъ, предложеннымъ для измѣненія нравственной и матеріальной стороны быта военныхъ арестованныхъ...“ (указываются мѣры).

2) *Штабъ 3-го армейскаго корпуса, въ Вильнѣ* (31 октября 1901 г. за № 2700).

„Командиръ корпуса не разъ уже лично обращалъ вниманіе на неудовлетворительность быта военныхъ арестованныхъ, содержащихся на Виленской гауптвахтѣ, на безучастное отношеніе къ нимъ со стороны чиновъ караула, въ особенности-же со стороны дежурныхъ по карауламъ и караульныхъ начальниковъ, что̀ можно видѣть изъ представляемой при семъ копіи съ приказа войскамъ корпуса № 163. Признавая вообще памятную записку и особое постановленіе полковника Жиркевича заслуживающими полнаго вниманія, командиръ корпуса для упроченія несенія караульной службы...“ (предлагаются мѣры).

3) *Штабъ XI армейскаго корпуса.*—г. Ковна.—(1 ноября 1901 г. № 3036).

Мнѣніе командира корпуса: „Полковникъ Жиркевичъ, говоря о Виленской главной гауптвахтѣ, дѣлаетъ заключеніе (стран. 5, строка 17 и далѣе), что и на всѣхъ другихъ то-же самое. Это мнѣ кажется невѣрно. На полковыхъ гауптвахтахъ арестованныхъ и водятъ въ баню, и стригутъ и подвергаютъ медицинскому освидѣтельствованію. Что-же касается до духовно-нравственныхъ бесѣдъ, то прилагаю при семъ копію съ приказа моего по корпусу № 90 сего года. Тоже я дѣлалъ въ 4 стрѣлковой бригадѣ, 13, 15 дивизіяхъ, которыми командовалъ, и далекъ отъ мысли, что я первый былъ нравственно воздѣйствовавшій на арестованныхъ и больныхъ...“ „Остальныя явленія, замѣченныя полковникомъ Жиркевичемъ въ Виленской гауптвахтѣ, представляются мнѣ просто нарушеніемъ устава внутренней службы, вовсе не общимъ всѣмъ гауптвахтамъ“... „Что-же касается духовно-нравственныхъ бесѣдъ, то вниманія на столь важное дѣло обращено вообще мало, судя по тому, что въ такихъ большихъ войсковыхъ частяхъ, какъ артиллерійская бригада, состоящая изъ 8 батарей, по штату не положено священника“.

4) *Штабъ Казанскаго военнаго округа.* (1 ноября 1901 г. № 8248). „По приказанію вр. командующаго войсками доношу Главному Штабу, что изложенныя въ памятной запискѣ военнаго слѣдователя полковника Жиркевича исключительныя упущенія по Виленской главной гауптвахтѣ никоимъ образомъ не могутъ быть обобщены, а самое заявленіе, что бытъ арестантовъ на большинствѣ такихъ гауптвахтъ — поистинѣ ужасенъ, крайне преувеличено“... „Единственно справедливымъ и одинаково относящимся до большинства гауптвахтъ, слѣдуетъ признать несоотвѣтствіе размѣровъ гауптвахтъ съ числомъ заключенныхъ и недостаточное приспособленіе ихъ для правильнаго распредѣленія заключенныхъ по соотвѣтствующимъ категоріямъ. Что-же

касается вопроса объ измѣненіи нравственныхъ сторонъ быта военныхъ арестантовъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что арестанты эти, при продолжительности заключенія, не будучи, рѣшительно ничѣмъ заняты, скучаютъ, послѣдствіемъ чего являются ссоры между ними и другія нежелательныя явленія, а потому устройство при гауптвахтахъ особыхъ библіотекъ—безспорно отвлечетъ грамотныхъ арестантовъ отъ проступковъ и быть можетъ даже отъ мысли о побѣгѣ. Для неграмотныхъ-же установленіе обязательнаго обученію чтенію и письму едва-ли можетъ имѣть какое-либо практическое значеніе—за краткостью срока самаго заключенія".

5) *Штабъ 1-го Кавалерійскаго корпуса.*—Варшава.—(10 ноября 1901 г. № 2128).

„Вполнѣ соглашаюсь съ мѣропріятіями, предложенными полковникомъ Жиркевичемъ—улучшенія быта и нравственнаго воздѣйствія па арестованныхъ воинскихъ чиновъ, за исключеніемъ обученія грамотности на гауптвахтахъ, такъ какъ осуществленіе этой мѣры мало вѣроятно въ виду кратковременности (по крайней мѣрѣ, такъ должно быть, если не считаться съ существующей у насъ судебной „волокитою") содержанія арестованныхъ на гауптвахтахъ." Командиръ корпуса, генералъ-отъ-кавалеріи Лермонтовъ. (указываются мѣры).

6) *Штабъ 14-го армейскаго корпуса.*—Люблинъ. (10 ноября 1901 г. № 3543).

„Разсмотрѣвъ постановленіе и памятную записку полковника Жиркевича, я прихожу къ убѣжденію, что безпорядки, допущенные на Виленской гауптвахтѣ, могли возникнуть только отъ недосмотра и упущеній по службѣ лицъ, на коихъ возложена закономъ обязанность—вѣдать и заботиться о содержаніи военныхъ арестантовъ..." (мѣры). Командиръ корпуса (подпись неразборчива).

7) *Штабъ 13 армейскаго корпуса.*—Смоленскъ.—(10 ноября 1901 г. № 2095).

„Вполнѣ соглашаясь съ высказаннымъ въ памятной запискѣ полковника Жиркевича мнѣніемъ о настоятельной необходимости измѣнить нравственную и матеріальную стороны быта военныхъ арестантовъ, командиръ корпуса генералъ-отъ-кавалеріи Ребиндеръ полагаетъ, что въ ряду мѣропріятій въ этомъ направленіи можно указать на слѣдующія..." (указываются мѣры).

8) *Штабъ 16 армейскаго корпуса.*—Витебскъ. — (13 ноября 1901 г. № 2473).

„Съ доклада командиру корпуса и по приказанію Его Высокопревосходительства, доношу, что затронутый полковникомъ Жиркевичемъ вопросъ заслуживаетъ безусловно вниманія"... „Командиръ корпуса высказалъ полное сочувствіе предложеннымъ полковникомъ Жиркевичемъ мѣрамъ относительно устройства библіотекъ для чтенія и устройства школъ грамотности, къ чему можно было-бы присоединить..." (мѣры).

9) *Войсковой штабъ Донского войска.*—Новочеркасскъ.—(13 ноября 1901 г. № 12606).

„По докладу сего числа войсковому наказному атаману переписки о необходимости измѣненія нравственной и матеріальной сторонъ

быта военныхъ арестантовъ, Его Превосходительство выразилъ свое согласіе на измѣненія этихъ сторонъ быта ихъ при помощи тѣхъ мѣръ, которыя указаны въ памятной запискѣ военнаго слѣдователя полковника Жиркевича и отзывѣ протопресвитера.“

10) *Штабъ 7 армейскаго корпуса.*—Симферополь.—(15 ноября 1901 г. № 3626).

„Признавая вполнѣ назрѣвшей потребностью улучшеніе быта военныхъ арестантовъ на главныхъ гауптвахтахъ, полагалъ-бы полезнымъ для осуществленія намѣренія принять слѣдующія мѣры“ указаніе мѣръ). Командиръ корпуса ген.-лейт. (подпись неразборчива).

11) *Штабъ 2-го Туркестанскаго армейскаго корпуса.*—г. Асхабадъ. (15 ноября 1901 г. № 8158).

„Доношу, что по докладѣ командиру корпуса памятной записки о необходимости измѣнить нравственную и матеріальную стороны быта военныхъ арестантовъ съ приложеніями, Его Превосходительство по содержанію таковой изволилъ высказать слѣдующее: „За мою, болѣе чѣмъ 32-хъ лѣтнюю, службу я не видѣлъ такихъ гауптвахтъ, какія описываетъ полковникъ Жиркевичъ. Помѣщеніе арестованныхъ обыкновенно не хуже помѣщенія самаго караула. Арестованные, какъ говоритъ г. Желобовскій, проводятъ на гауптвахтѣ не болѣе двухъ мѣсяцевъ, а большинство значительно меньше. Солдату, участвующему въ несеніи караульной службы, приходится въ общемъ за свою службу перебывать въ караулѣ много больше. Разныя команды, конвоирующія арестантовъ, команды при складахъ, сторожа и проч. помѣщены тоже неблестяще. Поэтому не вижу основаній особенно скорбѣть о томъ, что арестанты не помѣщены комфортабельно. Согласенъ, конечно, что слѣдуетъ приложить заботы къ нравственному воздѣйствію на нихъ путемъ посѣщенія ихъ священниками для исповѣди“... „Библіотеки тоже недурно имѣть, но мы не можемъ упорядочить офицерскія и ротныя библіотеки въ частяхъ войскъ, гдѣ есть надзоръ, а арестантскія (хотя онѣ и немного полезны) непремѣнно заглохнутъ“...

12) *Штабъ 1-го Туркестанскаго армейскаго корпуса.* Ташкентъ. (12 ноября 1901 г. № 6492).

„Главнымъ Штабомъ была препровождена начальнику штаба ввѣреннаго мнѣ корпуса памятная записка военнаго слѣдователя 2-го Виленскаго уч. полковника Жиркевича о необходимости измѣнить нравственную и матеріальную стороны быта военныхъ арестантовъ. Ознакомившись съ этой запиской, а также съ перепиской, приложенной къ предписанію, я, съ своей стороны, считаю необходимымъ улучшить обстановку, окружающую военныхъ арестантовъ, такъ какъ тѣ печальныя явленія изъ быта арестантовъ, на которыя указываетъ полковникъ Жиркевичъ въ своей памятной запискѣ, несомнѣнно не только усугубляютъ тяжелое положеніе арестантовъ, отбывающихъ наказаніе, но и не способствуютъ тому, чтобы арестованный нижній чинъ могъ-бы вдуматься и обсудить содѣянное имъ и всѣ послѣдствія своего дѣянія, и вообще исправленію арестованнаго. Для выполненія указанной цѣли, я полагалъ-бы...“ (указаны мѣры). Командиръ корпуса ген.-лейт. Топорнинъ.

13) *Заключеніе командира 2-го Кавказскаго армейскаго корпуса.* Тифлисъ. (15 ноября 1901 г. за № 5392).

„Соглашаясь вполнѣ съ мнѣніемъ о необходимости—измѣнить нравственную и матеріальную стороны быта военныхъ арестантовъ, я, съ своей стороны, полагаю, что проектируемыя Главнымъ Штабомъ мѣры безъ сомнѣнія весьма полезны и попеченіе объ арестантахъ слѣдуетъ усилить.“ Командиръ корпуса ген.-отъ инфант. Зеземанъ.

14) *Штабъ 10-го армейскаго корпуса.* Харьковъ. (22 ноября 1901 г. № 3284).

„Командиръ корпуса выражаетъ согласіе съ заключеніемъ протопресвитера военнаго и морского духовенства о признаніи весьма полезнымъ и желательнымъ...“ (указываются мѣры).

15) *Штабъ 21 армейскаго корпуса.* Кіевъ. (26 ноября 1901 г. № 3512).

„По вопросу о необходимости измѣнить нравственную и матеріальную стороны быта военныхъ арестантовъ Его Выс—ство, командиръ 21· армейскаго корпуса, пришелъ къ слѣдующему заключенію...“ (указываются мѣры).

16) *Штабъ 12 армейскаго корпуса.* Винница. (27 ноября 1901 г. № 3293).

„Мрачныя картины содержанія военныхъ арестантовъ на гауптвахтахъ, описанныя полковникомъ Жиркевичемъ, относятся всецѣло къ главнымъ городскимъ гауптвахтамъ и то не ко всѣмъ, а только къ дурно устроеннымъ и находящимся безъ надзора лицъ, на обязанности которыхъ это возложено уставомъ гарнизонной службы. Все, что указано въ объяснительной запискѣ, относится къ несоблюденію правилъ, изложенныхъ въ примѣч. 10-мъ къ тому-же уставу...“ Командиръ корпуса ген.-лейт. К.

17) *Штабъ 9 армейскаго корпуса.* Кіевъ. (27 ноября 1901 г. № 2657).

„Постановленіе военнаго слѣдователя полковника Жиркевича относительно гауптвахты въ гор. Вильнѣ рисуетъ картину невозможную, доказывающую полное невниманіе и бездѣйствіе властей и отсутствіе всякой заботливости о солдатѣ. Устранить столь прискорбныя явленія можно только принятіемъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ. Подобные непорядки, хотя, вѣроятно, и не столь вопіющіе, бываютъ, конечно, во многихъ воинскихъ частяхъ. Строевому начальнику слѣдуетъ обратить на это должное вниманіе. Въ виду поучительнаго примѣра, до какого состоянія можетъ быть доведена военная гауптвахта при отсутствіи постояннаго бдительнаго надзора, командиръ корпуса приказалъ постановленіе г. Жиркевича отлитографировать и разослать во всѣ части корпуса“... „Все, что касается до того, чтобы дать возможность заключеннымъ нижнимъ чинамъ не проводить время въ полной праздности, какъ нынѣ, заслуживаетъ, конечно, полнаго сочувствія...“ „Предложеніе Отца Протопресвитера—давать для чтенія арестованнымъ книги исключительно религіозно-нравственнаго содержанія, беря таковыя для полковыхъ гауптвахтъ изъ церковныхъ библіотекъ, которыхъ въ дѣйствительности во многихъ полковыхъ церквахъ и не имѣется,—одобрить нельзя: слѣдуетъ не забывать,

что заключенный, какъ и всякій вообще человѣкъ, живетъ не только сердцемъ, но и умомъ, а слѣдовательно къ книгамъ религіозно-нравственнаго содержанія, желательно присоединить, по усмотрѣнію ближайшаго начальства, и иныя книги, изъ числа разрѣшенныхъ для чтенія Главнымъ Штабомъ.“

18) *Штабъ 17 армейскаго корпуса.* Москва. (30 ноября 1901 г. № 3364).

„По приказанію командира корпуса доношу о заключеніи Его Превосходительства по поводу памятной записки о необходимости измѣнить нравственную и матеріальную стороны быта военныхъ арестантовъ: „Памятная записка весьма ярко обрисовываетъ необходимость улучшенія, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, быта военныхъ арестантовъ, указывая на неприглядные порядки въ ихъ содержаніи, существовавшіе еще недавно на главныхъ военныхъ гауптвахтахъ, на которыхъ преимущественно заключены нижніе чины, состоящіе подъ судомъ или слѣдствіемъ. Главная причина печальнаго положенія военныхъ арестантовъ на этихъ гауптвахтахъ происходитъ отъ того, какъ вѣрно замѣчаетъ памятная записка, что ихъ благополучіе зависитъ отъ ежедневно—смѣняющихся караульныхъ начальниковъ, заинтересованныхъ исключительно въ томъ, чтобы сдать арестантовъ при смѣнѣ въ томъ-же числѣ, въ какомъ они наканунѣ были приняты...“ „Священникамъ, назначеннымъ для веденія духовно-нравственныхъ бесѣдъ съ заключенными, можно рекомендовать—обращаться къ военнымъ слѣдователямъ, знакомящимся при производствѣ слѣдствій съ нравственными обликами каждаго изъ арестантовъ и потому могущимъ дать полезныя указанія, благодаря которымъ священнослужитель будетъ ознакомленъ съ почвой для своего воздѣйствія, будетъ знать заблужденія, съ которыми надо бороться...“ „Памятная записка военнаго слѣдователя полковника Жиркевича приводитъ, между прочимъ, фактъ впаденія въ преступленіе сторожа, состоящаго при арестованныхъ,—фактъ этотъ далеко неединиченъ...“

19) *Штабъ Гвардейскаго корпуса.* С.-Петербургъ. (30 ноября 1901 г. № 6002).

„Его Императорское Высочество, командиръ корпуса, ознакомившись съ памятной запиской „о необходимости измѣнить нравственную и матеріальную стороны быта военныхъ арестантовъ“, соизволилъ выразить свое одобреніе по поводу предлагаемыхъ въ упомянутой запискѣ мѣръ по столько, по сколько таковыя, при введеніи ихъ въ жизнь, въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условій, окажутся примѣнимыми.“

20) *Штабъ 1-го Кавказскаго армейскаго корпуса.* Тифлисъ. (1 декабря 1901 г. за № 4066).

„Постановленіе № X и памятная записка военнаго слѣдователя полковника Жиркевича, рисуя весьма неприглядныя стороны быта арестантовъ № 14-б. Виленской цитадели, даютъ представленіе о тѣхъ условіяхъ жизни, въ которыя могутъ быть поставлены арестанты на главныхъ гауптвахтахъ. Факты, отмѣченные г. Жиркевичемъ, имѣютъ скорѣе общій, чѣмъ случайный характеръ—въ силу

дѣйствительно существующаго на гауптвахтахъ „между-началія“... (указываются мѣры). Командиръ корпуса ген.-лейт. кн. А.

21) *Штабъ Гренадерскаго корпуса*. Москва. (7 дек. 1901 г. № 4624).

„На гауптвахтахъ необходимо имѣть унтеръ-офицера (о которомъ упоминаетъ и постановленіе г. Жиркевича), а для уборки помѣщеній одного рядоваго истопника...“ „Вопросъ о посѣщеніи арестантовъ священниками заслуживаетъ полнаго сочувствія и не представляетъ затрудненій“... „Весьма возможно, что въ городѣ найдется почтенная личность, которая пожелаетъ взять на себя удовлетвореніе духовныхъ нуждъ арестованныхъ снабженіемъ ихъ душеспасительными книжками. Лицо это, хотя-бы и было облечено полнымъ довѣріемъ коменданта, должно, однако, имѣть отъ него каждый разъ разрѣшеніе на допускъ къ арестованнымъ...“ (указываются мѣры). Командиръ корпуса ген.-отъ-инфант. Малаховъ.

22. *Штабъ Одесскаго военнаго округа*. Одесса. (8 декабря 1901 г. № 11624).

„По докладѣ Командующему войсками памятной записки военнаго слѣдователя Виленскаго военно-окружнаго суда „о необходимости измѣнить нравственную и матеріальную стороны быта военныхъ арестантовъ“, Его Сіятельство, раздѣляя мнѣніе протопресвитера военнаго и морского духовенства въ томъ отношеніи, что отмѣченныя полковникомъ Жиркевичемъ печальныя явленія изъ быта арестантовъ на Виленской главной гауптвахтѣ нѣсколько обобщены докладчикомъ и явленіямъ случайнымъ имъ приданъ постоянный характеръ, находитъ, что дѣйствующими постановленіями гарнизоннаго устава относительно содержанія въ чистотѣ помѣщенія гауптвахтъ и самихъ арестованныхъ, установленіемъ общаго ихъ медицинскаго осмотра и отдѣленіемъ больныхъ отъ здоровыхъ, въ достаточной мѣрѣ соотвѣтствуетъ обставленный матеріальный бытъ арестованныхъ. Поэтому, строгое и точное выполненіе всѣхъ требованій по этому предмету устава, устранитъ порядки, подобные тѣмъ, которые были обнаружены на Виленской гауптвахтѣ и являлись несомнѣннымъ послѣдствіемъ преступнаго нерадѣнія со стороны ближайшаго начальства. Для предупрежденія - же повтореній подобныхъ явленій въ будущемъ, Его Сіятельство признаетъ весьма важнымъ при назначеніи на должность комендантовъ избирать лицъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ этому служебному положенію. Что-же касается до вопроса о поднятіи нравственнаго уровня арестантовъ, то тѣ мѣры, которыя въ этомъ отношеніи рекомендуются протопресвитеромъ Желобовскимъ, Его Сіятельство признаетъ весьма желательными“.

23) *Штабъ Туркестанскаго военнаго округа*. Ташкентъ. (3 декабря 1901 г. за № 12723).

„По мнѣнію Командующаго войсками округа всѣ вопросы, которые затрогиваются въ памятной запискѣ военнаго слѣдователя Виленскаго военно-окружнаго суда полковника Жиркевича, всецѣло предусмотрѣны соотвѣтствующими §§ Устава гарнизонной службы и для надлежащаго разрѣшенія ихъ въ жизни нужно лишь слѣдить, чтобы они точно и строго выполнялись...“

24) *Штабъ 2-го Кавалерійскаго корпуса*. Варшава. (12 декабря 1901 г. № 2035).

„Съ высказанными въ памятной запискѣ полковника Жиркевича и въ заключеніи протопресвитера Желобовскаго взглядами на необходимость улучшенія быта долгосрочныхъ арестантовъ военнаго вѣдомства и съ предлагаемыми мѣрами нравственнаго и религіознаго на нихъ воздѣйствія, я вполнѣ согласенъ. Съ своей стороны полагаю, однако, что на ряду съ непосредственно-нравственнымъ воздѣйствіемъ на арестованныхъ различнаго рода, при достиженіи намѣченныхъ по этоту вопросу цѣлей, долженъ быть также поставленъ трудъ, который одинъ можетъ наполнить все время обязательнаго нынѣ бездѣйствія содержимыхъ подъ арестомъ. Знающимъ какое-либо ремесло должна быть предоставлена работа; незнающіе должны обучаться болѣе доступнымъ ремесламъ. При чемъ ослабленіе этимъ требуемой для усугубленія наказанія тяжести одиночнаго заключенія не должно заставлять опасаться дурныхъ послѣдствій таковой мѣры, ибо исходя изъ того положенія, что преступность является послѣдствіемъ плохого воспитанія въ семьѣ, а часто и плохого руководства на службѣ,—на арестантовъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на людей, заслуживающихъ участія и исправленія, а не отмщенія за вину, въ коей косвенными участниками являются иногда и сами руководители воспитанія солдата. Въ дѣлѣ-же исправленія главное—трудъ, разумный трудъ: заинтересованность въ результатѣ его. Одни словесныя наставленія и душеполезныя чтенія недостаточны, да и не могутъ наполнить все время арестанта, проводимое въ растлѣвающемъ бездѣйствіи...“ „Не говоря уже о пользѣ работы и періодическихъ перемѣщеніяхъ арестованныхъ изъ камеры въ общую палату и обратно въ гигіеническомъ отношеніи, таковая постановка дѣла подниметъ нравственно, какъ заключеннаго, устранивъ изъ его души угнетающее сознаніе себя какимъ-то отверженнымъ, такъ и карауляющихъ, поставивъ ихъ въ положеніе наставниковъ, а не исключительно тюремщиковъ...“ „А вмѣстѣ съ этимъ постепенно измѣнится и отношеніе къ этому вопросу офицеровъ, на безучастность коихъ жалуется въ своей памятной запискѣ полковникъ Жиркевичъ“.

... „Только практика дѣла въ извѣстномъ направленіи создаетъ въ массѣ новые взгляды—такъ-же точно, какъ и въ вопросѣ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній и битья многочисленные ряды сторонниковъ этого рода воздѣйствія на воспитаемыхъ порѣдѣли только тогда, когда реформа была введена и къ ней привыкли.“ Командиръ корпуса ген.-лейт. Вонлярлярскій.

25) *Штабъ 15 армейскаго корпуса.*—Варшава.—(17 декабря 1901 г. № 2522).

„Военный слѣдователь Виленскаго военно-окружнаго суда полковникъ Жиркевичъ, въ своей памятной запискѣ, константируя факты и явленія, имѣвшія мѣсто въ Виленской гауптвахтѣ, рисуетъ печальную картину дѣйствительнаго положенія военныхъ арестантовъ въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ и въ другихъ гауптвахтахъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться. Признавая желательными мѣры, высказываемыя означеннымъ полковникомъ, съ своей стороны полагалъ-бы...“ (указываются мѣры). Генералъ-лейтенантъ Вейсъ.

26) *Штабъ 5 армейскаго корпуса.*—Варшава.—(30 декабря 1901 г. № 3048).

„Памятная записка военнаго слѣдователя Виленскаго военно-окружнаго суда полковника Жиркевича представляетъ живую и яркую картину быта арестантовъ въ Виленскомъ военномъ округѣ. Можно согласиться въ принципѣ съ мнѣніемъ названнаго штабъ-офицера относительно желательности улучшенія быта военныхъ арестантовъ. Тѣмъ не менѣе нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что существующія законоположенія и инструкціи даютъ возможность обставить матеріальную сторону быта арестованныхъ довольно сносно и вполнѣ гуманно и это можетъ быть достигнуто внимательнымъ отношеніемъ со стороны подлежащаго военнаго начальства. Съ этой точки зрѣнія картины, рисуемыя полковникомъ Жиркевичемъ, свидѣтельствуюъ больше и скорѣе о недосмотрахъ и упущеніяхъ со стороны тѣхъ, кто къ надзору за арестантами приставленъ, чѣмъ о негуманности отношенія къ арестованнымъ самыхъ законоположеній. Въ виду того, что мѣры, проектируемыя въ памятной запискѣ къ улучшенію быта арестантовъ, требуютъ затратъ, а также принимая во вниманіе, что людямъ, совершившимъ извѣстные проступки и осужденнымъ по закону, не слѣдуетъ давать особыхъ преимуществъ предпочтительно передъ неопороченными и даже служащими безпорочно, матеріальныя стороны быта которыхъ тоже нуждаются во многихъ измѣненіяхъ и до сихъ поръ составляютъ одну изъ ближайшихъ заботъ начальствующихъ лицъ, полагалъ-бы справедливымъ ограничиться въ данномъ случаѣ лишь безусловно необходимымъ и строго въ предѣлахъ существующихъ законоположеній, т. е. только строгимъ наблюденіемъ, чтобы все положенное до арестанта доходило и чтобы за чистотою и порядкомъ въ помѣщеніяхъ надзоръ и мѣра были неослабны...“—„При всемъ этомъ необходимо не упускать изъ виду, что, при всей трогательности описаній арестантовъ полковникомъ Жиркевичемъ, слишкомъ нерѣдко арестанты за самую задушевную о нихъ заботливость отплачиваютъ хуже, чѣмъ неблагодарностью....“ Командиръ корпуса ген.-лейт. Боголюбовъ.

27) *Штабъ 8 армейскаго корпуса.*—Одесса.—(29 декабря 1901 г. № 3365).

„По приказанію командира корпуса представляется слѣдующее заключеніе войсковыхъ начальниковъ на памятную записку полковника Жиркевича: „Записка полковника Жиркевича, представляя наглядное описаніе быта нижнихъ чиновъ, арестованныхъ на гауптвахтахъ, которыя имѣлъ случай посѣтить полковникъ, свидѣтельствуютъ о столь значительныхъ недостаткахъ въ быту заключенныхъ, что считать приведенныя въ ней заключенія примѣнимыми къ большей части гауптвахтъ, врядъ-ли будетъ правильнымъ. Во всякомъ случаѣ видѣнное полковникомъ Жиркевичемъ является отчасти прямымъ нарушеніемъ уставовъ, какъ гарнизонной, такъ и внутренней службы, отчасти-же уставами не предвидѣно...“„Войсковые начальники, вполнѣ раздѣляя гуманные взгляды, выраженные въ памятной запискѣ полковника Жиркевича, высказали, что принятіе легко-осуществимыхъ мѣръ, способныхъ улучшить нравственную обстановку за-

ключенныхъ на военныхъ гауптвахтахъ, будетъ неминуемо имѣть весьма благотворное для нихъ исправительное значеніе и послужитъ крупною поправкой несовершенства нашей пенетенціарной системы; при чемъ полагали-бы желательнымъ...“ (указываются мѣры)... „Принятіе и введеніе мѣръ, предложенныхъ протопресвитеромъ военнаго и морского духовенства для улучшенія быта заключенныхъ на военныхъ гауптвахтахъ, считается въ особенности желательнымъ“...

28) *Штабъ Приамурскаго военнаго округа.*—Хабаровскъ.—(5 декабря 1901 г. № 14624).

„По приказанію командующаго войсками округа доношу, что Его Высокопревосходительство считаетъ необходимымъ ввести мѣры, рекомендуемыя протопресвитеромъ военнаго и морского духовенства для улучшенія быта военныхъ арестантовъ на главныхъ гауптвахтахъ“. Начальникъ Штаба, ген.-лейт. Кондратенко.

29) *Штабъ Кіевскаго военнаго округа.*—Кіевъ.—(4 января 1902 г. № 106).

„Командующій войсками находитъ вообще желательнымъ улучшить бытъ военныхъ арестантовъ, какъ въ духовномъ и религіозно-нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ; но чтобы достигнуть этого вполнѣ требуются немалыя затраты отъ казны, безъ которыхъ какія-бы мѣропріятія ни принимались, благопріятнаго результата не можетъ быть. Въ частности, по поводу изложенныхъ въ памятной запискѣ полковника Жиркевича фактовъ неудовлетворительнаго содержанія арестованныхъ на Виленской главной гауптвахтѣ и предлагаемыхъ имъ мѣръ улучшенія быта арестованныхъ, Его Высокопревосходительство полагаетъ, что далеко не всѣ главныя военныя гауптвахты находятся въ столь печальномъ состояніи, какъ Виленская, по описанію полковника Жиркевича, и что содержаніе арестантовъ на гауптвахтахъ зависитъ не столько отъ точнаго исполненія правилъ, предписываемыхъ уставомъ гарнизонной службы, и того или другого отношенія къ своимъ обязанностямъ лицъ, непосредственно вѣдающихъ арестованными (исключенія въ примѣры брать не слѣдуетъ), но главнымъ образомъ отъ свойствъ и размѣровъ зданій, отводимыхъ подъ гауптвахты, и отпускаемыхъ для этого матеріальныхъ средствъ....“ (указываются мѣры къ улучшенію быта). Начальникъ Штаба ген.-лейт. Сухомлиновъ.

30) *Командиръ 2-го Сибирскаго армейскаго корпуса.*—Гиринъ.—(13 декабря 1901 г. № 7354).

„Доношу, что командиръ корпуса вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ, изложеннымъ въ памятной запискѣ „о необходимости измѣнить нравственную и матеріальную стороны быта военныхъ арестантовъ“.

31) *Штабъ 4-го армейскаго корпуса.*—Минскъ.—(9 января 1902 г. № 90).

„По приказанію командира корпуса, указываются нѣкоторыя мѣры....“

32) *Штабъ Квантунской области.*—Портъ-Артуръ.—(31 декабря 1901 г. № 8398).

„По докладѣ командующему войсками предписанія Главнаго Штаба отъ 25 октября за № 59044, Его Превосходительство, вполнѣ

соглашаясь съ высказанными въ памятной запискѣ полковника Жиркевича, взглядами, полагаетъ...“ (указываются мѣры).

33) *Штабъ Сибирскаго военнаго округа.*—Омскъ.—(29 января 1902 г. № 910).

Указываются мѣры къ улучшенію быта военныхъ арестантовъ.

34) *Заключеніе Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго войсками Гвардіи и С.-Петербургскаго военнаго округа.*—С.-Петербургъ.—(7 февраля 1902 г. № 1323).

„По докладѣ отзыва Главнаго Штаба отъ 25 октября 1901 г. № 59044, Его Императорское Высочество, Главнокомандующій изволилъ высказать слѣдующее: „Главная гауптвахта г. Вильны (№ 14 б. Виленской цитадели), судя по описанію полковника Жиркевича, дѣйствительно производитъ или производила удручающее впечатлѣніе; изъ этого не слѣдуетъ, однако, что всѣ гауптвахты таковы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Виленская гауптвахта была доведена до такого безобразнаго состоянія своимъ-же ближайшимъ начальствомъ: равнодушіе, полное отсутствіе сердца и еще полное бездѣйствіе мысли и власти. Мѣры, предложенныя полковникомъ Жиркевичемъ, для улучшенія быта военныхъ арестантовъ на такихъ запущенныхъ гауптвахтахъ, вполнѣ цѣлесообразны“. Начальникъ Штаба ген.-лейт. В.

35) *Штабъ Виленскаго военнаго округа.*—Вильна.—(8 февраля 1902 г. № 2012).

„Вслѣдствіе отзыва Главнаго Штаба отъ 25 октября 1901 года № 59044, доношу, что по поводу улучшенія быта военныхъ арестантовъ командующій войсками округа присоединяется къ мнѣнію протопресвитера военнаго и морского духовенства, изложеннаго имъ въ донесеніи Военному Министру (отъ 12 сентября 1901 г. № 11009). Кромѣ того Его Высокопревосходительство полагаетъ, что проектированныя библіотеки слѣдуетъ отдать подъ контроль не начальниковъ гарнизоновъ, а комендантовъ; что чтеніе для арестованныхъ и обученіе ихъ грамотности на практикѣ встрѣтитъ много затрудненій, такъ какъ для этихъ цѣлей некого будетъ назначить“. За начальн. штаба ген.-маіоръ Шевцовъ.

36) *Штабъ 20 армейскаго корпуса.*—Рига.—(16 февраля 1902 г. № 331).

„По докладу командиру корпуса переписки по вопросу „о необходимости измѣнить нравственную и матеріальную сторону быта военныхъ арестантовъ“, Его Высокопревосходительство изволилъ замѣтить, что приводимые въ докладной запискѣ полковника Жиркевича примѣры, послужившіе основаніемъ для ходатайства объ измѣненіи быта военныхъ арестантовъ въ матеріальномъ отношеніи, хотя и вполнѣ вѣрны, но, съ другой стороны, они представляютъ лишь случаи нарушенія указаній уставовъ гарнизонной и внутренней службы, почему вредное вліяніе ихъ легко устранить болѣе точнымъ выполненіемъ указаній этихъ уставовъ, при неуклонномъ соблюденіи коихъ матеріальная сторона быта военныхъ арестантовъ во всѣхъ отношеніяхъ будетъ гарантирована. Что-же касается мѣръ, предложенныхъ Протопресвитеромъ относительно поднятія нравственнаго элемента во-

енныхъ арестантовъ, то Его Высокопревосходительство вполнѣ соглашаясь съ изложеннымъ мнѣніемъ Его Высокопреподобія, находитъ принятіе этихъ мѣръ желательнымъ въ самомъ близкомъ будущемъ."

37) *Штабъ 19 армейскаго корпуса.* (25 февраля 1902 г. № 539).

„По приказанію командира корпуса"... (указываются мѣры улучшенія быта). Командиръ корпуса ген.-лейт. Крюковъ.

38) *Штабъ 6-го армейскаго корпуса.*—Варшава.—(25 февраля 1902 г. № 764).

„Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Протопресвитера и съ желаніемъ полковника Жиркевича—чѣмъ-либо улучшить бытъ нижнихъ чиновъ, находящихся подъ долговременнымъ арестомъ, командиръ корпуса полагалъ-бы"... (указываются мѣры).

39) *Штабъ 18-го армейскаго корпуса.*—г. Юрьевъ.—(27 февраля 1902 г. № 371).

Заключеніе вр. командующаго корпусомъ: „Бытъ арестованныхъ нижнихъ чиновъ на войсковыхъ гауптвахтахъ при своихъ частяхъ существенно отличается отъ порядковъ, изложенныхъ въ запискѣ полковника Жиркевича, такъ какъ въ частяхъ—постоянный надзоръ за порядкомъ и чистотою въ помѣщеніяхъ, за содержаніемъ арестованныхъ"... „Въ другомъ нѣсколько положеніи находятся гауптвахты большихъ городовъ, ненаходящіяся при частяхъ войскъ, а гарнизонныя. Судя по запискѣ полковника Жиркевича, въ этихъ гауптвахтахъ для арестованныхъ необходимо установить должный порядокъ для чего"... (указываются мѣры). Вр. командующій корпусомъ, ген.-отъ-артиллеріи Адамовичъ.

40) *Штабъ Московскаго военнаго округа.*—Москва.—(15 марта 1902 г. № 3969).

„Его Императорское Высочество, командующій войсками, разсмотрѣвъ записку полковника Жиркевича о мѣрахъ къ улучшенію быта военныхъ арестантовъ, изволилъ приказать донести Главному Штабу слѣдующее, Его Императорскаго Высочества, заключеніе: „приводимое полковникомъ Жиркевичемъ, какъ „иллюстрація", главной гауптвахты г. Вильны, является, вѣроятно, однимъ изъ единичныхъ случаевъ такого упорно-безпорядочнаго отношенія къ арестантамъ, тѣмъ болѣе, что порядокъ содержанія арестованныхъ на гауптвахтахъ точно указанъ въ 10-мъ примѣч. къ уставу гарнизонной службы и въ законахъ, которые совершенно упущены. Для устраненія всестороннихъ неисправностей и упущеній по содержанію арестованныхъ, полагалось-бы....." (указываются мѣры). Начальникъ Штаба ген.-лейт. Соболевъ.

41). *Штабъ Варшавскаго военнаго округа.*—Варшава. (23 марта 1902 г. за № 5065).

„Доношу Главному Штабу, что вр. командующій войсками, хотя и признаетъ вообще желательнымъ улучшеніе быта военныхъ арестантовъ въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, но находитъ, что значительная часть изъ указанныхъ въ памятной запискѣ безпорядковъ, обнаруженныхъ въ содержаніи арестованныхъ на нѣкоторыхъ гауптвахтахъ, происходитъ только отъ недостаточности и небрежнаго надзора за помѣщеніемъ и арестованными. Тѣмъ не менѣе..." (указываются мѣры)... „Въ заключеніе докладываю, что многія

изъ помѣченныхъ въ памятной запискѣ улучшеній въ бытѣ военныхъ арестантовъ были предусмотрѣны комендантомъ Варшавской крѣпости".

42) *Штабъ Финляндскаго военнаго округа*.—Гельсингфорсъ. (2 апрѣля 1902 г. № 1903).

„Соображенія, изложенныя въ запискѣ полковника Жиркевича, освѣщаютъ вопросъ особой важности, требующій неотложнаго и внимательнаго разрѣшенія. Если принятіе мѣръ въ вопросѣ религіозно-нравственнаго воспитанія признано съ высоты Престола необходимымъ для всей нашей арміи вообще, то тѣмъ настоятельнѣе представляется эта необходимость по отношенію къ заключеннымъ нижнимъ чинамъ, наиболѣе нуждающимся въ нравственной поддержкѣ и духовномъ врачеваніи. Въ этихъ цѣляхъ, мѣры, предлагаемыя о. Протопресвитеромъ военнаго и морского духовенства въ его отзывѣ Военному Министру (12 сент.), представляются вполнѣ цѣлесообразными и достаточными. Что касается высказанной полковникомъ Жиркевичемъ необходимости улучшить внѣшнія условія содержанія арестованныхъ нижнихъ чиновъ, то, казалось-бы, условія эти представляются достаточно благопріятными при строгомъ соблюденіи правилъ, предписываемыхъ уставомъ гарнизонной службы."

43) *Штабъ Кавказскаго военнаго округа*.—Тифлисъ. (17 іюня 1902 г. № 67).

„По докладѣ командующему войсками округа памятной записки полковника Жиркевича „о необходимости измѣнить нравственную и матеріальную стороны быта военныхъ арестантовъ" Его Сіятельство, не раздѣляя широкихъ обобщеній, сдѣланныхъ составителемъ памятной записки лишь на основаніи безпорядковъ, замѣченныхъ имъ на Виленской гауптвахтѣ,—съ своей стороны признаетъ, тѣмъ не менѣе, существованіе нѣкоторыхъ пробѣловъ въ законоположеніяхъ, касающихся быта арестованныхъ..." (указываются исключит. мѣры).

44) *Штабъ 1-го Сибирскаго армейскаго корпуса*.—Никольскъ-Уссурійскъ. (2 іюня 1902 г. 2797).

„Осуществленія, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, идеи, выраженной въ памятной запискѣ полковника Жиркевича, являются мѣрой не только желательной, но и необходимой, если принять во вниманіе то обстоятельство, что настоящая система заключенія арестантовъ достигается большей частью результатами, прямо противоположными исправленію..." (указываются мѣры)...

„Необходимо раздѣлить, въ смыслѣ размѣщенія преступниковъ на гауптвахтахъ по роду совершенныхъ преступленій, вникая въ психологическую сторону дѣла, какъ предлагаетъ полковникъ Жиркевичъ, особенно-же не допустить дисциплинарно-арестованныхъ къ общенію съ уголовными преступниками" и т. д...

Главный Штабъ (18 апрѣля 1902 г. № 101) представилъ Военному Министру „сводъ заключеній высшихъ начальствующихъ лицъ по поводу необходимости измѣнить нравственную и матеріальную стороны быта военныхъ арестантовъ", *) въ слѣдующемъ видѣ:

*) Его-то и прислалъ мнѣ Главный Штабъ, для свѣдѣнія.

„Его Императорское Высочество, Главнокомандующій войсками Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, изволилъ высказать, что не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Виленская гауптвахта была доведена до описаннаго полковникомъ Жиркевичемъ безобразнаго состоянія своимъ-же ближайшимъ начальствомъ; командующій войсками Московскаго округа,—что эта гауптвахта является, вѣроятно, однимъ изъ единичныхъ случаевъ такого упорно безпорядочнаго отношенія къ арестантамъ, тѣмъ болѣе, что порядокъ содержанія арестованныхъ на гауптвахтахъ точно указанъ въ приложеніи къ уставу гарнизонной службы и все, указанное полковникомъ Жиркевичемъ, за малыми исключеніями, предусмотрѣно законоположеніями.

Командующіе войсками Варшавскаго, Казанскаго и Туркестанскаго военныхъ округовъ высказались, что точное выполненіе Устава Гарнизонной службы устранитъ въ значительной степени недостатки, указанные въ запискѣ полковника Жиркевича. То-же заключеніе высказано и командирами корпусовъ 5, 11, 20 и 2-го Туркестанскаго.

Командующій войсками Кіевскаго военнаго округа полагаетъ, что далеко не всѣ главныя гауптвахты находятся въ такомъ печальномъ состояніи, какъ Виленская, и что содержаніе арестованныхъ на гауптвахтахъ зависитъ не только отъ точнаго исполненія правилъ, предписываемыхъ Уставомъ о Гарнизонной службѣ и того или другого отношенія къ своимъ обязанностямъ лицъ, непосредственно вѣдающихъ арестованными, но, главнымъ образомъ, отъ свойствъ и размѣровъ зданій, отводимыхъ подъ гауптвахты и отпускаемыхъ для этого матеріальныхъ средствъ.

Поэтому генералъ-адъютантъ Драгомировъ находитъ, что въ дѣлѣ улучшенія быта военныхъ арестантовъ прежде всего слѣдуетъ поставить вопросъ о соотвѣтственномъ устройствѣ этихъ зданій, которыя обязательно должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ:

1. Имѣть достаточное число помѣщеній для размѣщенія арестованныхъ—просторно и по категоріямъ.

2. Помѣщенія должны быть удобны и имѣть достаточную вентиляцію.

3. Отхожія мѣста должны быть удобны и имѣть приспособленія для вентиляціи, а выгребныя ямы—новѣйшаго устройства.

4. При гауптвахтахъ полезно и необходимо имѣть приспособленія для дезинфекціи бѣлья и одежды арестованныхъ отъ насѣкомыхъ, противъ которыхъ оказываются недѣйствительными никакіе порошки и другія средства, а при болѣе значительныхъ гауптвахтахъ необходимы бани съ дезинфекціонными камерами, чтобы арестованные могли чаще мыться, а одежда и бѣлье вновь прибывающихъ, кромѣ того, немедленно дезинфекцироваться до посадки въ камеры.

Кромѣ того, для поддержанія порядка и чистоты на главныхъ гауптвахтахъ необходимо установить, помимо требуемыхъ уставомъ, слѣдующія правила:

1) Тюфяки для арестованныхъ не набивать соломой, а укладывать въ нихъ соломенные маты, чтобы не разводить трухи и пыли, вредно вліяющія на глаза и легкія.

2) Параши имѣть цинковыя.

3) При поступленіи на гауптвахту арестованныхъ немедленно стричь и отправлять въ баню.

4) При каждой значительной гауптвахтѣ имѣть штатнаго фельдшера, который помимо арестованныхъ необходимъ также и для служительской команды гауптвахты.

5) Для снабженія арестованныхъ, въ случаѣ надобности, одеждой и обувью, установить для крѣпостныхъ штабовъ и комендантскихъ управленій денежный или вещевой отпускъ, подобно тому, какъ это установлено для управленій уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ, имѣющихъ 4% запасъ вещей. Можно было-бы даже установить, чтобы части гарнизона давали-бы на гауптвахты нѣкоторый запасъ выслужившей срокъ одежды, въ видѣ аванса, для выдачи нуждающимся арестованнымъ, независимо принадлежности къ той или другой части.

На болѣе значительныхъ главныхъ гауптвахтахъ возложить непосредственное завѣдываніе арестованными на офицера, спеціально для этой надобности прикомандированнаго къ комендантскимъ управленіямъ или къ крѣпостнымъ штабамъ. Это дастъ возможность достигнуть лучшаго благоустройства быта арестованныхъ во всѣхъ подробностяхъ.

Обученіе арестованныхъ грамотности, если это признано будетъ необходимыхъ, возложить на прикомандированнаго отъ войскъ офицера, который будетъ завѣдывать арестованными.

Заключенія остальныхъ начальствующихъ лицъ, а также От. Протопресвитера, сводятся къ слѣдующему:

1) *Устройство караульнаго помѣщенія и помѣщеній для арестованныхъ вообще, какъ жилыя помѣщенія, неудовлетворительны.*

Въ лучшемъ состояніи находятся войсковыя гауптвахты, а городскія, хотя и не всюду настолько въ плохомъ состояніи, какъ описываетъ полковникъ Жиркевичъ, но, въ большинствѣ случаевъ, всетаки требуютъ значительнаго исправленія.

По этому поводу начальствующими лицами проектированы слѣдующія мѣры:

1) На ремонтъ гауптвахтъ отпускать большія суммы, которыя давали-бы возможность поддерживать гауптвахты въ должномъ порядкѣ.

2) Производить перестройку гауптвахтъ съ такимъ расчетомъ, чтобы онѣ имѣли достаточное кубическое содержаніе воздуха по среднему числу арестованныхъ, которое должно быть выведено не менѣе, какъ на пятилѣтній періодъ.

3) Устройство отхожихъ мѣстъ новѣйшихъ системъ, соединенныхъ корридорами съ камерами.

4) Устройство для прогулокъ арестованныхъ плацевъ, огороженныхъ заборами.

5) Камеры устроить свѣтлыя, а не полутемныя, какъ встрѣчаются теперь, крайне вредныя для здоровья и содержаніе которыхъ въ чистотѣ затруднительно.

При семъ командиръ 4-го армейскаго корпуса высказался, вообще, противъ содержанія арестованныхъ въ темныхъ карцерахъ, находя, что это наказаніе вредно вліяетъ на здоровье арестованнаго и является излишней жестокостью.

II. *Помѣщеніе для арестованныхъ и сами арестованные содержатся недостаточно опрятно. Главнѣйшею причиною этого является отсутствіе отвѣтственнаго лица, ближайшему надзору котораго поручались-бы гауптвахты.*

Для устраненія этого нежелательнаго явленія проектировано:

1) Поручить надзоръ за гауптвахтами и арестантами особому офицеру, на правахъ ротнаго командира, подчиненному коменданту или комендантскому штабъ-офицеру и вмѣстѣ съ симъ возложить на обязанность военныхъ прокуроровъ слѣдить за исправностью городскихъ гауптвахтъ и правильнымъ содержаніемъ арестованныхъ, на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ это вмѣнено въ обязанность прокурорскому надзору гражданскаго вѣдомства.

2) Имѣть на гауптвахтахъ надзирателя, отвѣтственнаго за чистоту и порядокъ, и служителя-истопника. Работы по уборкѣ помѣщеній возложить на арестованныхъ.

3) Завести на гауптвахтахъ запасъ бѣлья и одежды для арестованныхъ, прибывающихъ въ одной смѣнѣ бѣлья (изъ дезертировъ) и арестованныхъ на улицахъ офицерами. Этотъ запасъ, вмѣстѣ съ вещами арестованныхъ, долженъ храниться въ особомъ цейхгаузѣ, подъ отвѣтственностью унтеръ-офицера (надзирателя).

4) Арестованныхъ водить въ баню не рѣже раза въ недѣлю, по возможности въ войсковыя или устроенныя при тюрьмахъ.

Если возможно,—устроить при гауптвахтахъ свои бани. Расходъ на посѣщеніе арестованными бани принять на счетъ казны.

5) Устроить дезинфекціонныя печи и сушильни для бѣлья.

6) Врачамъ осматривать не только заболѣвшихъ, но всѣхъ безъ изъятія арестантовъ не менѣе раза въ недѣлю. Обязать при этомъ врачей заходить въ камеры и слѣдить за ихъ санитарнымъ состояніемъ. Если нѣтъ врача при комендантскомъ управленіи, то установить очередь между войсковыми врачами.

III. *На духовно-нравственное состояніе арестантовъ не обращается должнаго вниманія и крайне желательно его улучшить.*

Съ этою цѣлью проектировано:

1) Принять мѣры, чтобы слѣдствіе велось быстрѣе и арестованные не задерживались на гауптвахтахъ.

2) Замѣнять арестъ за маловажные проступки постановкою подъ ружье.

3) Отдѣлять арестантовъ, находящихся подъ слѣдствіемъ и судомъ за тяжкія уголовныя преступленія, отъ совершившихъ преступленія противъ воинской дисциплины, несвидѣтельствующія о безнравственности и испорченности преступника.

4) Внести въ инвентарь караульнаго помѣщенія и помѣщенія для арестованныхъ св. иконы.

5) Водить арестованныхъ, гдѣ окажется возможнымъ, въ церковь. При невозможности совершать въ праздники краткія богослуженія въ гауптвахтахъ (противъ этой мѣры возражаетъ командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа, ссылаясь на присутствіе иновѣрцевъ и недостатокъ священниковъ).

6) Священникамъ посѣщать арестованныхъ для собесѣдованій, а въ Пасху, Рождество и Крещеніе посѣщать гауптвахты съ крестомъ и св. водою.

7) Завести библіотеки, при чемъ большинствомъ начальствующихъ лицъ выражено желаніе, чтобы въ библіотеки допускались книги не только религіозно-нравственнаго содержанія, но и другія изъ числа рекомендованныхъ Главнымъ Штабомъ для чтенія нижнихъ чиновъ.

Расходъ, исчисленный на этотъ предметъ примѣрно въ 25 руб единовременно и 10 руб. ежегодно для городскихъ гауптвахтъ, возложить на ближайшія войсковыя части, если не найдется лицъ или благотворительныхъ учрежденій, которыя возьмутъ этотъ расходъ на себя. Заведеніе библіотекъ на войсковыхъ гауптвахтахъ возложить на самыя части.

8) Установить ежедневныя прогулки, занять арестантовъ работою, и, насколько окажется возможнымъ, въ зависимости отъ времени пребыванія ихъ на гауптвахтахъ,—обученіемъ мастерства и грамотѣ, прикомандировавъ для этого особаго офицера, или же возложить обученіе на желающихъ арестантовъ.

IV. Хотя дѣйствующія узаконенія о содержаніи арестованныхъ, при точномъ ихъ исполненіи, даютъ возможность содержать гауптвахты и арестованныхъ въ бо̀льшемъ порядкѣ и лучшихъ условіяхъ, чѣмъ описано въ запискѣ полковника Жиркевича, тѣмъ не менѣе желательно положеніе о содержаніи арестованныхъ разработать полнѣе и, исправивъ недостатки, сообразно изложенному, сгруппировать въ одну инструкцію, обсудивъ ее въ особой комиссіи.

Подписали: Начальникъ Отдѣленія, Полковникъ Подгуркій.

Столоначальникъ, Подполковникъ N.“

На „сводѣ“ Военный Министръ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ положилъ слѣдующія собственноручныя резолюціи:

а) Противъ мнѣній командующихъ войсками С.-Петербургскаго и другихъ военныхъ округовъ, находившихъ, что на гауптвахтахъ все, яко-бы, будетъ въ порядкѣ, если точно соблюдать уставъ о службѣ въ гарнизонѣ, а потому и ненаходящихъ необходимости въ коренныхъ реформахъ, Военный Министръ написалъ:

„То, что предлагается, есть отписка, а не рѣшеніе. Этотъ вопросъ надо разсмотрѣть во всей полнотѣ и составить планъ дѣйствій, но, затѣмъ, мѣры принять: 1) Теперь—временныя; 2) Постоянныя—по мѣрѣ открытія средствъ. *Надо произвести осмотръ всѣхъ гауптвахтъ и составить планъ приведенія ихъ въ соотвѣтственный видъ. Надо бани, дезинфекціонныя камеры, отхожія мѣста. Надо принять и другія мѣры, указанныя генераломъ Драгомировымъ и другими лицами.* Прошу, затѣмъ, собрать лицъ для производства инспекціи дисциплинарныхъ баталіоновъ. Могу ука-

зать генералъ-лейтенанта Дембовскаго. Надо дать ему свѣдущаго въ арестантскомъ дѣлѣ помощника. Куропаткинъ. 9/5.“

2) (На отдѣльномъ кускѣ бумаги): „Начальнику Главнаго Штаба. Прошу подробно увѣдомить полковника Жиркевича, военнаго слѣдователя Виленскаго военнаго округа, о томъ, что̀ сдѣлано по его запискѣ объ улучшеніи положенія военныхъ арестантовъ. Желательно вызвать его въ Петербургъ, дабы совмѣстно съ нимъ обсудить въ Главномъ Штабѣ вопросъ: что̀ можно сдѣлать *теперь, безъ расхода отъ казны,* до переустройства нашихъ гауптвахтъ? Куропаткинъ. 15/5.“

Первая резолюція Военнаго Министра интересна и даже, на взглядъ мой, замѣчательна въ томъ отношеніи, что показываетъ, насколько генералъ Куропаткинъ не только живо отнесся къ поднятому мною вопросу, но и съ неумолимой правдою оттѣнилъ отписки въ видѣ общихъ фразъ, тамъ гдѣ требовалось дѣйствительное участіе въ судьбѣ гауптвахтъ и ихъ узниковъ, а также далъ и практическія указанія.

Въ то-же время, дальнѣйшій ходъ затронутаго мною вопроса показалъ мнѣ, что серіозныя, руководящія резолюціи пишутся подчасъ министрами какъ-бы лишь для того, чтобы никто изъ подчиненныхъ ихъ не исполнялъ.

Такъ, въ данномъ случаѣ, Главный Штабъ поступилъ съ той частью резолюціи ген. Куропаткина, гдѣ напримѣръ, прямо предписывалось *„произвести осмотръ всѣхъ военныхъ гауптвахтъ и составить планъ приведенія ихъ въ соотвѣтственный видъ“*: ничего, въ указанномъ направленіи, до сихъ поръ (т. е. до 1912 года) сдѣлано не было.

А, между тѣмъ, именно подобный осмотръ, о которомъ я говорилъ и мечталъ, далъ-бы неисчерпаемый, прямо безцѣнный, матеріалъ не только по литературѣ вопроса, но и съ точки зрѣнія практическаго его разрѣшенія, т. е. если-бы повсемѣстно въ Россіи, одновременно, произвели тщательный осмотръ всѣхъ гауптвахтъ и сдѣлали-бы изъ донесеній соотвѣтствующіе выводы.

Моя „записка“ именно подобную ревизію и вызывала. Такъ ее понялъ и генералъ Куропаткинъ.

Нельзя, однако, не обратить вниманія на то, что, въ этомъ отношеніи, и резолюція генерала Куропаткина грѣшитъ явной односторонностью: предписывая произвести осмотръ русскихъ гауптвахтъ въ смыслѣ ихъ, такъ сказать, казарменнаго благоустройства, военный министръ совсѣмъ упустилъ изъ виду, что при собираніи свѣдѣній по Россіи о гауптвахтахъ было опрошено Главнымъ Штабомъ лишь высшее строевое начальство да протопресвитеръ и совершенно остались въ сторонѣ коменданты губернскихъ и др. городовъ, въ вѣдѣніи которыхъ главныя гауптвахты непосредственно состояли.

Между тѣмъ, только эти послѣднія лица, будучи опрошены и обревизованы въ отношеніи матеріальныхъ, нравственныхъ и иныхъ нуждъ гауптвахтъ, а также со стороны нуждъ и язвъ гауптвахтнаго быта военныхъ заключенныхъ, могли дать тѣ именно показанія, на которыя я расчитывалъ, поднимая вопросъ и о нравственномъ, и о матеріальномъ преобразованіи гауптвахтъ.

А ихъ-то и не подумали спросить.

Не нашли нужнымъ, почему-то, опросить и главныхъ, заинтересованныхъ въ улучшенiи гауптвахтнаго быта, лицъ—узниковъ, нижнихъ чиновъ, постоянно населяющихъ гауптвахты и на себѣ испытывающихъ всѣ прелести ихъ неблагоустройства.

Можно себѣ представить, какiя-бы жалобы и пожеланiя вылились-бы со стороны комендантскихъ управленiй и заключенныхъ, если-бы всѣмъ имъ дано было право говорить о нуждахъ своихъ съ полной откровенностью и безбоязненно!!.

Несмотря на то, что вопросъ о существованiи главныхъ, гарнизонныхъ гауптвахтъ непосредственно связанъ былъ съ общими, научными вопросами тюрьмовѣдѣнiя, не нашли почему-то нужнымъ спросить нашихъ ученыхъ, нашихъ спецiалистовъ въ этой сферѣ.

Тутъ, въ подобномъ игнорированiи научныхъ авторитетовъ и обще-тюремнаго опыта еще разъ чувствовалось отсутствiе того „Милютинскаго“ размаха, который еще недавно, во времена Милютина, привлекалъ къ военнымъ реформамъ, соприкасающимся съ вопросами нравственнаго порядка, людей науки, хотя и въ гражданскихъ сюртукахъ...

Невольно вспоминалось, какъ создавалось, напримѣръ, Милютинымъ наше, военно-судебное вѣдомство.

Теперь-же, повидимому, изреченiе „фельдфебеля въ Вольтéры дамъ“ царило надъ Милютинскимъ преклоненiемъ передъ наукою.

Подними я вопросы мои о реформахъ на гауптвахтахъ при Милютинѣ, навѣрное опросили-бы даже иностранныхъ авторитетовъ по тюрьмовѣдѣнiю.

Впрочемъ, еще вѣрнѣе сказать, что при Милютинскомъ направленiи и духѣ въ армiи, въ штабахъ и канцелярiяхъ, гауптвахты не опустились-бы до той ступени, на которой мы ихъ видимъ теперь, видѣли недавно...

Да и самаго вопроса не существовало-бы во всей его циничной обнаженности...

Во второй резолюцiи ген. Куропаткина поражало предложенiе, мнѣ сдѣланное, чтобы я указалъ на такой способъ реформировать, оздоровить главную гауптвахту, который *не вызывалъ-бы никакихъ расходовъ отъ казны*...

Подобная задача напомнила мнѣ извѣстную русскую сказку, когда злой, хитрый царь, не желая выдавать дочь свою замужъ за Иванушку-дурачка, даетъ ему такое порученiе, которое съ точекъ зрѣнiя азбучной логики и законовъ существованiя человѣческаго явно невыполнимо...

Она указывала, въ то-же время, на несерiозность отношенiя къ поднятому мною серiозному вопросу...

Дѣйствительно, какую реформу вообще, а тюремную въ частности, возможно провести безъ отпуска средствъ!!...

Надо думать что такую фразу по-просту подсказали военному министру тѣ, кто въ судьбѣ моего проекта сыгралъ роль злого, недоброжелательнаго царя...

Впрочемъ, Главный Штабъ, какъ мы видѣли, въ послѣднiй моментъ, смягчилъ явную нелогичность резолюцiи, приглашая меня высказаться о возможности немедленнаго осуществленiя такихъ реформъ, которыя „не вызывали-бы особыхъ расходовъ казны".

Снова, въ этой поправкѣ, мы видимъ произвольное измѣненiе резолюцiи министра подчиненнымъ ему учрежденiемъ, но, по крайней мѣрѣ, хоть въ смыслѣ смягченiя явной ея несостоятельности.

Съ другой стороны, я не могъ не усмотрѣть и въ подобномъ предложенiи какъ-бы продолженiя сказки о зломъ царѣ, оберегающемъ свою дочь отъ непрошеннаго, нежданнаго жениха въ образѣ сказочнаго Иванушки-дурачка.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь какимъ-то глумленiемъ надъ моими заявленiями звучала, въ сущности, и такая оговорка...

Изъ записки моей, поданной Куропаткину, ясно вѣдь было видно, что при серiозномъ желанiи пойти на встрѣчу моимъ реформамъ, надо было прежде всего исправить главное зло, заключавшееся въ никуда негодныхъ зданiяхъ гауптвахтъ, въ совершенно непригодномъ служебномъ составѣ комендантскихъ управленiй.

А это можно было сдѣлать лишь при значительныхъ отпускахъ казенныхъ средствъ...

Благодаря подобнымъ, весьма важнымъ, пробѣламъ, и мнѣнiя высшаго строевого начальства Россiи, даже основанныя на наблюденiяхъ болѣе мелкихъ единицъ строевыхъ частей, непосредственно, часто соприкасающихся съ гауптвахтами, получили сразу-же узко-одностороннее освѣщенiе, лишь поверхностно, можно сказать, теоретически, коснувшись хроническихъ болѣзней, гнѣздящихся въ нравственной сторонѣ гауптвахтныхъ режима и быта.

Возвращаясь къ резолюцiи ген. Куропаткина—въ смыслѣ явнаго игнорированiя ея Главнымъ Штабомъ, нельзя не отмѣтить того, что, вопреки указанiю военнаго министра, никакого „составленiя плана дѣйствiй" по затронутому мною вопросу такъ и не подумали дѣлать въ Штабѣ (у меня въ рукахъ была вся подлинная по данному вопросу переписка).

Хотя ген. Куропаткинъ и предписалъ тому-же Главному Штабу—вызвать меня въ Петербургъ, для „совмѣстнаго" со мной „обсужденiя вопроса" о томъ, что-же можно предпринять немедленно, безъ затратъ казны, но Главный Штабъ, какъ мы увидимъ это ниже, вызвавъ меня, и не трудился обсуждать что-либо со мною совмѣстно, а упростилъ свою задачу, безъ церемонiи предложивъ мнѣ представить ему новую записку, а, затѣмъ, сплавивъ меня изъ Петербурга и похоронивъ въ омутѣ своихъ канцелярiй все, что мною писалось и что признала необходимымъ, при томъ безотлагательно, вся русская армiя...

Такимъ образомъ взглядъ ген. Куропаткина на важность, неотложность вопроса, на принятiе немедленно-же „временныхъ мѣръ", на необходимость устройства бань, дезинфекцiонныхъ камеръ, отхожихъ мѣстъ и т. п.—такъ и остался лишь на бумагѣ, словно праздныя пожеланiя фантазера, нестоющiя какого-либо серiознаго вниманiя...

Вотъ когда впервые убѣдился я въ силѣ канцелярско-штабныхъ традицій, въ способности штабовъ и канцелярій обезличивать, мертвить, сводить „на—нѣтъ“ иное живое, даже авторитетно-властное, начинаніе...

Въ свою очередь, и генералъ Куропаткинъ, положивъ резолюцію, видимо сейчасъ-же забылъ о ней, а около него, вѣроятно, не имѣлось лицъ, которыя были-бы обязаны дѣлать ему соотвѣтствующія напоминанія...

Какъ-бы то ни было, все это я узналъ и оцѣнилъ по достоинству лишь впослѣдствіи.

До поѣздки-же въ Петербургъ, для меня представлялось весьма цѣннымъ уже то обстоятельство, что почти вся военная Россія, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда не могъ я, конечно, проникнуть съ личными моими наблюденіями по изученію гауптвахтнаго быта, не только высказалась за своевременность и важность затронутаго мною вопроса, но даже расширила нѣсколько, съ точки зрѣнія практическихъ потребностей, рамки послѣдняго...

Несомнѣнно, въ то-же время, что вниманіе, обращенное военнымъ министромъ на положеніе гауптвахтъ, не могло не заставить мѣстныя начальства, хоть ненадолго, да проснуться и задуматься надъ ихъ печальнымъ положеніемъ, сдѣлавъ хоть что-либо, хоть временное, незначительное—въ смыслѣ оздоровленія ихъ существованія.

Съ этой точки зрѣнія моя „записка“, поданная ген. Куропаткину, все-же сыграла какъ-бы роль „особаго постановленія“ военнаго слѣдователя, когда указанія по поводу какого-либо отдѣльнаго факта открываютъ вдругъ передъ начальствомъ угрожающую картину общей развалки въ извѣстной сферѣ военнаго быта.

Въ частности, переходя къ разбору мнѣній отдѣльныхъ высшихъ военно-начальниковъ, нельзя не усмотрѣть чисто полемическаго, а иногда и поверхностнаго, отношенія къ затронутому серіозно вопросу.

Такъ, напримѣръ, „записка“ моя касалась главныхъ гауптвахтъ. А одинъ изъ корпусныхъ командировъ опровергаетъ меня, такъ какъ на полковыхъ гауптвахтахъ (т. е. на гауптвахтахъ отдѣльныхъ частей войскъ), бывшихъ въ его вѣдѣніи, людей и водили въ баню, и стригли и подвергали медицинскому освидѣтельствованію.

Вотъ что значитъ говорить на разныхъ языкахъ, другъ друга не понимая...

Тотъ-же высшій начальникъ свелъ всѣ, проектируемыя мною мѣры нравственнаго оздоровленія гауптвахтъ къ „духовно-нравственнымъ бесѣдамъ“, видимо имѣя особое пристрастіе къ послѣднимъ.

И снова, по его теоріи, выходило, что я преувеличиваю, обобщаю, такъ какъ у него такія бесѣды практиковались.

Онъ-же нашелъ, что указываемыя мною на Виленской гауптвахтѣ безпорядки есть результатъ простого нарушенія... устава внутренней службы, тогда какъ я говорилъ не о полковой гауптвахтѣ, подчиняющейся этому уставу, а о гауптвахтѣ главной, жизнь которой регулируется уставомъ о службѣ въ гарнизонѣ.

Къ сожалѣнію, надо замѣтить, что подобное небрежное отношеніе къ вопросу, переданному на обсужденіе военнымъ министромъ, не вызвало въ Главномъ Штабѣ никакого критическаго напоминанія начальнику о томъ, что надо прежде всего внимательно, добросовѣстно читать то, что присылается изъ Петербурга. Никто не подумалъ потребовать отъ него дополнительнаго мнѣнія.

Другой корпусный командиръ, упрекая меня въ излишнихъ обобщеніяхъ, изъ всего, сказаннаго мною, нашелъ „единственно справедливымъ“ мое указаніе на недостатки гауптвахтныхъ зданій.

Въ отвѣтъ, ему можно было-бы дать прочесть отзывы о моей „запискѣ“ другихъ высшихъ военно-начальниковъ.

Третій корпусный командиръ, по его заявленію, за всю его долгую службу не видѣлъ такой запущенной главной гауптвахты, какъ Виленская, мною описанная.

Конечно, такое признаніе ровно еще ничего не доказываетъ, и не опровергаетъ, такъ какъ генералу могло посчастливиться на пріятныя лишь встрѣчи и исключенія.

Съ другой стороны, видѣть, что-либо временно, поверхностно и изучать долго, основательно, съ извѣстной идеей и цѣлью,—двѣ вещи, совершенно разныя.

Но нельзя не возмутиться той параллелью, которая, затѣмъ, логически тутъ-же дѣлается.

По мнѣнію этого командира корпуса, „особенно скорбѣть“ объ улучшеніи матеріальной стороны быта военныхъ узниковъ главныхъ гауптвахтъ нечего, такъ какъ помѣщенія нижнихъ чиновъ, конвоирующихъ арестованныхъ, равно какъ и казармы нижнихъ чиновъ разныхъ командъ, обставлены нисколько не лучше, чѣмъ гауптвахты.

Я говорилъ въ моей „запискѣ“ о необходимости обставить жизнь гауптвахтныхъ узниковъ, какъ людей, азбучными условіями самаго невзыскательнаго, человѣческаго существованія. А генералъ усмотрѣлъ въ моихъ заявленіяхъ проектъ „комфорта“.

Библіотеки, по мнѣнію его, пожалуй, и недурно-бы завести на гауптвахтахъ... Но... видите-ли, строевое начальство безсильно упорядочить офицерскія и ротныя библіотеки въ частяхъ войскъ. А потому, т. е. въ виду заброшенности подобнаго вопроса въ частяхъ, не надо заводить библіотекъ и на гауптвахтахъ...

Попробуйте тутъ, на подобной почвѣ, спорить, опровергать, доказывать!

„Арестантскія библіотеки“, въ силу подобной логики, „непремѣнно заглохнутъ“.

Но почему? И развѣ нѣтъ мѣръ бороться съ подобнымъ предполагаемымъ явленіемъ?!.

И тутъ-же наталкиваемся на ссылку на мнѣніе протопресвитера Желобовскаго о томъ, что арестованные, будто-бы, проводятъ на гауптвахтѣ не болѣе двухъ мѣсяцевъ; большинство-же значительно меньше...

Точно у корпуснаго командира не было средствъ для того, чтобы не довѣряя о. протопресвитеру, убѣдиться, что въ то время, когда

писалъ онъ столь неосторожныя строки, на главныхъ гауптвахтахъ, входившихъ въ раіонъ его корпуса, томились узники, лишенные свободы не только по нѣсколько мѣсяцевъ, но и болѣе года!..

Но даже, если-бы дѣло было обставлено и такъ, какъ ошибочно утверждалъ покойный Желобовскій, т. е. если-бы узники сидѣли-бы въ самой анти-санитарной обстановкѣ не болѣе двухъ мѣсяцевъ, а то и менѣе, то развѣ это оправдывало-бы выводъ высшаго начальника о томъ, что на подобное ненормальное положеніе ихъ не стоитъ обращать вниманія, такъ какъ „солдату, участвующему въ несеніи караульной службы, приходится въ общемъ за свою службу перебывать въ караулѣ много больше?!.“

Съ другой стороны, при такихъ странныхъ взглядахъ высшаго начальства, конечно, всякая реформа въ вышеуказанномъ направленіи, въ предѣлахъ даннаго корпуса, будетъ безплодна: подчиненные быстро усвоятъ себѣ начальническій тонъ и все пойдетъ прахомъ.

И снова небезполезно было-бы генералу прочесть то, что по тому-же вопросу высказали другіе высшіе военно-начальники.

Къ сожалѣнію, никто не додумался разослать, затѣмъ, хотя-бы общій сводъ замѣчаній по тѣмъ лицамъ, мнѣніе которыхъ спрашивалось.

Впрочемъ, ограничусь лишь этими отдѣльными мнѣніями, какъ характеризующими ярко безпочвенность, несправедливость, опрометчивость отрицательнаго отношенія меньшинства къ моимъ заявленіямъ.

Въ концѣ-концовъ, и моя „записка“, и сочувственный къ ней откликъ подавляющаго большинства, сдѣлали-таки свое дѣло: 9-го іюня 1902 года получилъ я уже отъ Виленскаго военно-окружнаго суда предписаніе—о командированіи меня въ Петербургъ, въ Главный Штабъ, по распоряженію Военнаго Министра и Начальника Главнаго Военно-Суднаго Управленія.

Быстро сдалъ я другому лицу свой военно-слѣдственный участокъ и 13-го іюня былъ уже въ Петербургѣ.

ГЛАВА VIII.

«Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость?!» Очаровательный пріемъ у Главнаго Военнаго Прокурора, у ген. Куропаткина. Всѣ въ Петербургѣ, хоромъ, ругаютъ, однако, послѣдняго: зловѣщій признакъ!.. Нелюбезная встрѣча въ Главномъ Штабѣ. Моя новая записка о чудѣ, которое должно совершиться—о реформахъ на гауптвахтахъ безъ особенныхъ затратъ казны... Чувствую свое духовное, служебное, дѣловое одиночество въ Петербургѣ. Протопресвитеръ Желобовскій. Меня сплавляютъ, наконецъ, изъ Петербурга, какъ лишняго, всѣмъ наскучившаго.

Пріѣздъ мой въ столицу былъ окрыленъ самыми розовыми надеждами на близкую побѣду, на то, что мнѣ удастся внести, наконецъ, должный свѣтъ въ ужасъ, мракъ гауптвахтнаго вопроса.

И дѣйствительно, все казалось благопріятствовало: военный министръ, вся армія—за мои реформы; въ Главномъ Военно-Судномъ Управленіи у меня такая заручка, какъ генералъ Лузановъ; на моей сторонѣ самъ Протопресвитеръ; Главный Штабъ, повидимому, только и ждетъ моего пріѣзда для того, чтобы немедленно-же начать дружно, культурно, самоотверженно работать вмѣстѣ со мною, какъ того пламенно, повидимому, желалъ Куропаткинъ, на благо моихъ узниковъ. Вопросъ, разрѣшеніе котораго возложилъ на меня ген. Куропаткинъ о томъ, что̀-же можно сдѣлать теперь-же, сейчасъ, не откладывая въ долгій ящикъ, до перестройки гауптвахтъ, для улучшенія быта военныхъ арестованныхъ безъ особыхъ расходовъ казны, нисколько не пугалъ меня въ то время своей загадочностью: мало-ли что могъ я указать тутъ—въ одной лишь сферѣ нравственнаго воздѣйствія на падшихъ и заблуждающихся!!. Лишь-бы начать дѣло, пробудить дремлющее сознаніе высшихъ сферъ, дать первоначальный толчекъ... А въ перспективѣ мерещилась уже и самая „перестройка" гауптвахтныхъ зданій, на пользу ближняго, къ торжеству элементарной справедливости...

Увы! Я еще не знакомъ былъ тогда со всей силой Петербургской канцелярско-штабной волокиты, распоряжающейся по своему даже съ министрами, не зналъ лично и генерала Куропаткина, той трагической обстановки, въ которую при немъ было поставлено „волокитой" не одно подобное начинаніе, увядшее, не успѣвъ расцвѣсть, на утрѣ дней своихъ...

Мысль, что меня тамъ, въ Петербургѣ, ждутъ съ нетерпѣніемъ, какъ спеціалиста по вопросу, свидѣтеля-очевидца и обличителя, лихорадочно торопила мой отъѣздъ: вѣдь каждый день промедленія—я зналъ это—сто̀итъ здоровья, счастья, благополучія многихъ изъ моихъ гауптвахтныхъ страдальцевъ!..

„Увижусь лично съ Куропаткинымъ", думалось мнѣ: „разскажу ему то, о чемъ неудобно писать на бумагѣ—о равнодушіи высшаго и низшаго военнаго начальства къ моимъ попыткамъ; о томъ, какъ

каждый пустякъ на пути военно-арестантскаго быта приходится или отвоевывать, или вымаливать, словно нищему... Нѣтъ сознанія долга по отношенію къ павшимъ подчиненнымъ. Нѣтъ знакомства со жгучимъ, неотложнымъ вопросомъ: никто ничего не читаетъ, ничему учиться не намѣренъ. Нѣтъ искренняго желанія разрушить роковыя уставныя рамки и по-человѣчески взглянуть на дѣло"...

И я, точно юноша, идущій на первое любовное свиданіе, ждалъ лишь успѣха, радости, сочувственныхъ рукопожатій, объятій и достиженія счастья...

Какъ ни какъ, а Петербургъ, несмотря на то, что много знакомыхъ и родныхъ сидѣли по деревнямъ, дачамъ и курортамъ, благодаря лѣтнему времени, принялъ меня первоначально болѣе, чѣмъ радушно, что нѣсколько и поддержало во мнѣ мои пылкія надежды, о чемъ и свидѣтельствуетъ мой дневникъ, къ которому я обращаюсь въ данную минуту для того, чтобы освѣжить мои воспоминанія.

Одно, что меня огорчало, это отсутствіе ген. Лузанова и Протопресвитера Желобовскаго,—двухъ главныхъ лицъ, выказавшихъ мнѣ уже столько сочувствія.

Зато, напримѣръ, Главный Военный Прокуроръ ген. Масловъ*) встрѣтилъ меня, несмотря на то, что видѣлъ въ первый разъ, крайне дружелюбно, милостиво сказалъ мнѣ, что съ удовольствіемъ читалъ мою записку о гауптвахтахъ, поданную военному министру, откровенно говорилъ со мной на поднятую мною тему объ общемъ, ненормальномъ положеніи нашего военно-судебнаго вѣдомства, во многихъ отношеніяхъ зависимаго отъ строевого начальства, даже подчасъ въ вопросахъ чисто юридическаго, практически-судейскаго характера и т. п.

Изъ бесѣды я вынесъ впечатлѣніе, что и въ реформѣ гауптвахтной военно-судебное вѣдомство, благодаря приниженному своему положенію, по неволѣ должно молчать, ждать, что-то скажутъ военный министръ, Главный Штабъ и казенныя средства... Косвенно мнѣ рекомендовалась ген. Масловымъ крайняя осторожность.

Ободренный подобнымъ пріемомъ, я, въ свою очередь, дерзнулъ даже испросить разрѣшеніе у своего высшаго начальника, если будетъ возможно, поднять въ Главномъ Штабѣ, у военнаго министра, общій, давно назрѣвшій вопросъ—о времени сокращенія слѣдствій, состоянія подъ судомъ, вообще о расширеніи правъ нашего военно-судебнаго вѣдомства, на что и получилъ милостивое разрѣшеніе.

„Конечно, я не вѣрю искренности пріема" занесено мною въ дневникъ: „и думаю, что въ душахъ меня считаютъ здѣсь безпокойнымъ"...

Обстановка встрѣчи моей съ ген. Куропаткинымъ въ общемъ пріемѣ, 14 іюня 1902 г., меня, однако, прямо очаровала.

Насъ, непользовавшихся правами командира отдѣльной части, штабъ-офицеровъ военный министръ принялъ, выйдя изъ своего кабинета ко всѣмъ сразу, и я, въ ожиданіи моей очереди, слышалъ, какъ съ каждымъ ген. Куропаткинъ говорилъ просто, умно, интересно,

*) Нынѣ членъ Государственнаго Совѣта.

широко намѣчая темы, идя на встрѣчу всякому хорошему начинанію, авторитетно обѣщая свою помощь, содѣйствіе, поддержку. Всѣ отходили отъ него видимо очарованные, растроганные обнадеженные...

Вотъ, наконецъ, и моя очередь: подхожу, называю мою скромную фамилію; докладываю о цѣли вызова меня въ Петербургъ. Куропаткинъ крѣпко жметъ мнѣ руку, громко, при всѣхъ, заявляетъ, что искренно благодаренъ мнѣ за напоминаніе ему про военныхъ арестантовъ; что онъ мнѣ прямо даже обязанъ за поданную ему памятную записку и т. д.—въ томъ-же духѣ.

—„Я нарочно вызвалъ васъ въ Главный Штабъ“ съ ноткой раздраженія въ голосѣ—по адресу Штаба, говоритъ мнѣ министръ: „Научите ихъ тамъ, какъ и что́ дѣлать по этому вопросу!“

Слушаю и не вѣрю ушамъ своимъ.

„Вотъ это такъ министръ!“ думаю себѣ: Слава Тебѣ Господи!... Съ благословенія такого „орла“ да не одержать мнѣ побѣды надъ рутиной и всеобщимъ равнодушіемъ!!. Ура! Ура!!...“

Затѣмъ Куропаткинъ перешелъ къ общему положенію военныхъ узниковъ, къ работамъ, начатымъ по вопросу о реформѣ дисциплинарныхъ баталіоновъ, заговорилъ о томъ, что для изученія этого вопроса заграницей командируются офицеры изъ нашего военно-судебнаго вѣдомства.

— „Я указалъ на васъ Николаю Николаевичу Маслову“ продолжалъ онъ: „указалъ, какъ на человѣка, опытнаго въ этомъ вопросѣ, котораго слѣдуетъ привлечь къ дѣлу, который, главное, хочетъ, умѣетъ работать. Помогите намъ и здѣсь! Я хотѣлъ-бы, напримѣръ, чтобы время, проводимое заключенными въ дисциплинарномъ баталіонѣ, проходило-бы и для нихъ, и для общества, и для войска, съ пользою. Необходимо заставить ихъ трудиться! Думаю прикупить землю для устройства огородовъ и т. п. Конечно, пусть это будетъ трудъ тяжелый, чтобы арестанты его чувствовали... Помогите создать какое-либо учрежденіе, хотя-бы типа тѣхъ, что были уже, ну-хоть въ родѣ Аракчеевскихъ поселеній...... (Тутъ Куропаткинъ едва замѣтно улыбнулся, видимо боясь, что слова его будутъ поняты въ буквальномъ смыслѣ. А насъ слушала толпа). Еще разъ благодарю васъ за указанія“...

Въ томъ-же духѣ нѣкоторое время продолжалась, затѣмъ, рѣчь министра; мнѣ-же оставалось лишь запоминать ее, ловить ея смыслъ, ея нравственный ароматъ, кланяться и благодарить...

Тѣмъ тяжелѣй было, послѣ подобнаго сочувственнаго пріема, блуждая по Петербургу и его канцеляріямъ, прежде всего убѣдиться въ томъ, что всюду не только ругали, повидимому отъ души, но кляли, прямо ненавидѣли того-же Куропаткина—за его многорѣчивость, за праздную болтовню, за размѣниваніе по пустякамъ, за колебанія, за неспособность многое доводить до конца, за массу лишней, непроизводительной работы, которую онъ всюду самъ, лихорадочно разбрасываясь, во все вносилъ, обвиняя его въ мелочности, поверхности, прямо говоря, что онъ не годенъ для такого огромнаго хозяйства, какъ военное министерство и т. п.

Захожу, напримѣръ, непосредственно вслѣдъ за пріемомъ у министра, въ кодификаціонное отдѣленіе военнаго министерства, къ моему старому знакомому, Е. Н. Кудрявцеву, отрывокъ изъ письма, котораго я приводилъ уже выше, для того, чтобы восторженно подѣлиться съ нимъ только что пережитыми впечатлѣніями, подчеркиваю удивительную память Куропаткина, его обаятельную доступность и проч.

—„Да, мелочи онъ помнитъ“ обрываетъ меня съ желчью мой собесѣдникъ: „Помнитъ, пожалуй, даже—гдѣ, какая часть стоитъ, имена, отчества высшихъ начальствующихъ и т. п. Но путаетъ, въ смыслѣ перемѣны своихъ рѣшеній: по одному и тому-же дѣлу сегодня—одно, завтра—другое; сегодня—одна резолюція, завтра—совершенно противоположная... Во время докладовъ рѣшитъ дѣло такъ-то, а при докладѣ у Государя все измѣнитъ. Путаникъ великій...“

Слушаю эти и другія филиппики раздраженнаго чиновника, а самъ думаю о томъ, что разсказываемое лишь укрѣпляетъ во мнѣ сознаніе, впечатлѣніе, что Куропаткинъ, какъ человѣкъ живой, чуждый формалистики, врагъ канцелярскаго застоя, конечно, только осложняетъ разныя канцеляріи: его и ненавидятъ. Такъ и вспоминается мнѣ его оригинальная, дѣльная, интересная рѣчь, его коренастая, внушительная фигура, говорящая объ упрямствѣ, настойчивости, энергіи, его некрасивое, выразительное лицо съ умными, небольшими глазами, съ отпечаткомъ упорнаго труда и русской сметки, отчасти и скрытаго юмора...

Хорошо сознаю, что, если Куропаткинъ не тотъ, какимъ я его себѣ представлялъ, а иной, схожій съ описаніемъ г. Кудрявцева, то, значитъ, и рушатся всѣ мои на него пламенныя надежды. А мнѣ такъ хотѣлось вѣрить, въ тѣ минуты, надѣяться!!...

И я, гдѣ могъ, старался защитить, оправдать, „разъяснить“ ген. Куропаткина.

Но въ отвѣтъ—новый потокъ жалобъ, упрековъ, обвиненій...

Все это меня мало смущало...

Пришлось окунуться, въ этотъ пріѣздъ, и въ волны петербургскаго военно-судебнаго вѣдомства: встрѣтили меня мои старые знакомые, хотя и радушно, но съ явнымъ сомнѣніемъ въ успѣшность моей поѣздки, пожалуй даже, съ оттѣнкомъ скрытой недоброжелательности...

Баронъ Остенъ-Сакенъ*) такъ-таки и заявилъ мнѣ, что въ Петербургѣ ничего я не сдѣлаю съ моимъ проектомъ. Полковникъ Кирилинъ**) совѣтовалъ всѣми силами стараться, чтобы моя записка не попала въ какую-либо комиссію, гдѣ она, послѣ долгихъ мытарствъ, конечно, и погибнетъ. Генералъ Никифоровъ,—къ слову сказать, недоброй памяти военный судья, съ которымъ, будучи защитникомъ, я нѣкогда такъ упорно боролся, въ командировкахъ, за участь моихъ сѣрыхъ „кліентовъ“,—какъ сказано у меня въ дневникѣ „тоже проро-

*) Въ то время предсѣдатель петербургскаго военно-окружнаго суда, а впослѣдствіи Главный Военный Прокуроръ.

**) Тогда правитель дѣлъ Главнаго Военно-Суднаго Управленія, затѣмъ начальникъ Военно-Юридической Академіи; нынѣ военный судья.

читъ всякую дрянь". Баронъ Остенъ-Сакенъ откровенно предупреждалъ меня—не очень-то вѣрить словамъ, обѣщаніямъ, резолюціямъ Куропаткина, увѣряя, что тотъ все забываетъ, все путаетъ, отмѣняетъ свои рѣшенія, колеблется и т. д.

Но я и здѣсь стоялъ горой за Куропаткина, описывалъ мою съ нимъ встрѣчу и т. п.

Со мной не спорили, но зловѣще, двусмысленно улыбались...

Бывшій въ то время уже въ отставкѣ, извѣстный поэтъ, писатель-мистикъ, спиритъ и дѣятель, генералъ А. А. Навроцкій, мой бывшій начальникъ, тепло отнесясь къ поднятому мною вопросу, какъ старый воронъ военно-судебнаго вѣдомства, видавшій на вѣку своемъ виды и хорошо изучившій Петербургъ, а также знавшій мой характеръ, неспособный на компромиссы, мрачно, съ недомолвками, предупреждалъ меня—быть особенно осторожнымъ въ Главномъ Штабѣ, никому тамъ не довѣрять, не очень-то воевать, дѣйствуя исподволь, съ оглядкою... А у меня на умѣ одна мысль, одна надежда: поскорѣй начать работу въ этомъ Штабѣ...

Наконецъ-то явился я и въ Главный Штабъ, гдѣ предстояла мнѣ эта желанная работа...

Благодаря лѣтнему времени, начальника Главнаго Штаба на лицо не было, а представляться приходилось временно заступающимъ его мѣсто.

Являюсь этому временно-исполняющему должность, генералу Фролову, милѣйшему, добродушному представителю высшихъ штабныхъ сферъ. Докладываю, откуда, кѣмъ, по какому вопросу вызванъ въ Петербургъ.

—„Въ первый разъ слышу" сознается онъ съ веселымъ недоумѣніемъ, пожимая плечами: „подождите, голубчикъ, минутку!. Вотъ приму одного генерала... Тогда и поговоримъ"...

„Минутка" эта продолжается, однако, съ добрыхъ полъ-часа.

А я точно горю на огнѣ въ желаніи высказаться, спросить: „когда-же за работу?!"

Наконецъ, мы объясняемся съ генераломъ и онъ, заявивъ, что играетъ роль лишь „халифа на часъ", а что мнѣ придется явиться еще отсутствующему генералу Уссаковскому, исполняющему обязанности начальника Главнаго Штаба, направляетъ меня, затѣмъ, къ тому начальнику отдѣленія Штаба, который подписалъ полученную мною изъ Петербурга бумагу о моей командировкѣ, т. е. къ полковнику Подгурскому.

Признаться, получилось какое-то жуткое, ничего хорошаго непредвѣщающее, впечатлѣніе—отъ подобнаго любезнаго пріема.

Захожу въ Главный Штабъ, знакомлюсь съ тѣми, при ближайшемъ участіи которыхъ мнѣ суждено работать...

Тутъ, будто-бы и рады моему пріѣзду; откровенно сознаются въ томъ, что по вопросу, мною поднятому, ничего не знаютъ, а потому ждутъ моихъ указаній; но что всѣ они, и безъ меня, по горло завалены всяческой работой, при томъ болѣе срочной...

Одинъ офицеръ, служащій въ Штабѣ, шутя говоритъ мнѣ даже: „Ну, и заварили-же вы дѣло своей запискою!... Вѣдь ради нее чуть не всю Россію перевернули...“

А на душѣ, у меня, отъ подобнаго полу-упрека, полу-шутки—только радость и надежды...

Заговариваю о моихъ узникахъ, о необходимости внесенія свѣта въ этотъ забытый уголокъ арміи: меня и здѣсь вѣжливо, хотя съ нервнымъ, плохо скрываемымъ, нетерпѣніемъ, выслушиваютъ, какъ-бы со всѣмъ соглашаются и, ... при первой возможности, спѣшатъ погрузиться въ свою „срочную“ канцелярскую работу: я—несомнѣнно здѣсь чужой. Но мнѣ рисуется, какъ съ помощью Куропаткина удастся увлечь всѣхъ въ работу другого содержанія, значенія... И я стараюсь примирить мое самолюбіе съ этими первыми непріятными впечатлѣніями.

Въ ожиданіи пріѣзда ген. Уссаковскаго, я хожу, затѣмъ, ежедневно въ Главный Штабъ, знакомлюсь съ подлиннымъ дѣломъ объ улучшеніи быта военныхъ заключенныхъ, въ сущности-же ничего не дѣлаю, томлюсь и сознаю, что торчу въ Штабѣ, точно бѣльмо на глазахъ у всѣхъ.

Впечатлѣнія мои заносятся, между тѣмъ, въ мой дневникъ, изъ котораго и привожу слѣдующія выписки:

„Чувствуешь себя забытымъ среди массы людей, преслѣдующихъ цѣли иного порядка... Гдѣ-то, какіе-то тамъ военные арестанты, страдаютъ... Ну, кому здѣсь, въ Петербургѣ, отъ этого какая убыль?!. А тутъ является человѣкъ изъ провинціи—и настойчиво добивается справедливости по отношенію къ этимъ самымъ, забытымъ, никому невѣдомымъ, неинтереснымъ человѣчкамъ... Баронъ Остенъ-Сакенъ, Кудрявцевъ, сотни такихъ-же Петербуржцевъ—все это—люди, поставленные въ положеніе, при которомъ нечего бояться за завтрашній день, за солидный окладъ жалованья... Гдѣ имъ заниматься высшими идеалами! Нѣтъ, вѣроятно, положеніе Куропаткина въ подобной средѣ прямо-таки трагическое... Какъ жаль, что оффиціальная обстановка общаго представленія не дала мнѣ возможности—выразить чувствъ моихъ Алексѣю Николаевичу!... А, навѣрное, ему не сказали-бы здѣсь, въ Петербургѣ, того, что̀ хотѣлъ сказать ему я... Пять минутъ бесѣды оффиціальной, на глазахъ у всѣхъ—и мы разобщены, быть можетъ, навсегда, моремъ человѣческихъ жизней, интерессовъ, страстей и страстишекъ... Вчера Куропаткина ругали, конечно, въ полъ-голоса, даже въ его пріемной... И мнѣ смѣшно было видѣть, какъ при входѣ въ кабинетъ министра, спины тѣхъ-же лицъ раболѣпно склонялись, а заднія части ихъ какъ-то особенно, съ раболѣпствомъ, восторженно оттопыривались“...

Черезъ нѣсколько дней я писалъ въ дневникѣ:

„Куда ни сунешься здѣсь, въ Петербургѣ, все—скептики, обливающіе холодной водою критицизма, а сами палецъ о палецъ неударившіе для какого-либо живого начинанія, или либеральные болтуны съ виднымъ положеніемъ, которымъ они ловко пользуются для своихъ личныхъ дѣлишекъ. Узнавъ, для чего я вызванъ, первая категорія начинаетъ, съ физіономіями ханжей, толковать на тему о томъ, что,

молъ, „всего зла не устранишь на свѣтѣ, что все погибнетъ въ общемъ равнодушіи“ и т. п. Вторая категорія—по виду какъ-бы и сочувствуетъ мнѣ, однако услугъ своихъ, связей, вліянія мнѣ не предлагаетъ... Не жди отъ нихъ поддержки, а надѣйся лишь на собственныя свои силы, да на такихъ добрыхъ, энергичныхъ людей, какъ Куропаткинъ... Но, вѣроятно, и онъ изнемогаетъ въ вѣчной борьбѣ съ равнодушными и болтунами... Бѣдный, бѣдный!.. А Матушка Русь все идетъ и идетъ впередъ, направляемая лишь единицами, вѣруя въ „правду Божью“, въ то, что „свѣтъ не безъ добрыхъ людей“... Единицы гибнутъ, но не безслѣдно: доброе слово, добрый примѣръ будятъ-таки мысль, совѣсть, сознаніе... Вчера мнѣ одна „особа“ говорила: „Ну, вы спасете одного солдатишку-арестанта, а тысячи ихъ, въ это-же время, станутъ гибнуть на вашихъ глазахъ— и вы не будете въ состояніи протянуть имъ руку помощи...“ Да если-бы я дѣйствительно спасъ хоть одну живую, гибнущую душу—при слабыхъ моихъ силахъ, то я уже считалъ-бы, что прожилъ на свѣтѣ недаромъ!.. Всѣ мечтаютъ, всѣ болтаютъ о великихъ подвигахъ, которые ихъ прославили-бы, а забываютъ о томъ, что у ногъ ихъ копошатся маленькіе люди съ великимъ страданіемъ, которымъ помочь, при желаніи, еще возможно... Въ глазахъ Божественной Правды не такъ дорогà подчасъ обильная, щедрая помощь богача, какъ искренняя лепта бѣдняка, отказавшаго себѣ въ необходимомъ—во имя чужого, еще бòльшаго недостатка и страданія... Въ сущности, вся сила не въ самомъ процессѣ помощи, а въ томъ чувствѣ, которое толкаетъ человѣка на доброе дѣло, въ творчествѣ на пути дѣланія добра... Добрыя-же дѣла не столько нужны страдающимъ, какъ тѣмъ, кто ихъ совершаетъ...“

Теперь, пока спокойно переписываю эти строки, мною-же когда-то съ такимъ волненіемъ набросанныя о генералѣ Куропаткинѣ, мнѣ и досадно, и смѣшно: какъ мало зналъ я (или вѣрнѣй сказать совсѣмъ не зналъ) этого военнаго дипломата, этого двуликаго „Януса“ съ его проповѣдью „терпѣніе! терпѣніе!“—какъ напрасно на него, въ тѣ дни, расчитывалъ!!.

Наконецъ-то, 18 іюня, состоялось достопамятное представленіе мое пріѣхавшему и. д. начальника Гл. Штаба генералу Уссаковскому— представленіе, котораго я жаждалъ, какъ начала работы въ Штабѣ.

Уссаковскій встрѣтилъ меня довольно нелюбезно, свысока, даже отчасти грубовато.

— „А васъ прислали сюда насъ, дураковъ, учить...“ услышалъ я отъ него, вмѣсто привѣтствія...

Догадываясь, что генералу кто-то донесъ уже о словахъ, неосторожно сказанныхъ мнѣ, въ общемъ пріемѣ, Куропаткинымъ, я поспѣшилъ заявить, что не понимаю того, что мнѣ говорится.

„Какъ-же... Вѣдь военный министръ сказалъ вамъ: „научите вы ихъ тамъ, въ Главномъ Штабѣ... Они ничего не понимаютъ“... „Учатъ-же, какъ извѣстно, лишь дураковъ...“

Мнѣ оставалось замѣтить, что въ подобномъ смыслѣ я и теперь не понимаю выраженія министра.

Оборвавъ меня на полу-словѣ, генералъ Уссаковскій, съ апломбомъ, заговорилъ, затѣмъ, на тему о томъ, что, по приказу военнаго министра, Главный Штабъ ждетъ отъ меня указаній на счетъ того, что́-же можно, по моему, сдѣлать по части гауптвахтныхъ реформъ сейчасъ-же, но безъ особыхъ затратъ со стороны казны; что, если, для отвѣта на подобный вопросъ, мнѣ нужны время и справки на дому, то, онъ, Уссаковскій, ничего не имѣетъ противъ того, чтобы я ѣхалъ въ Вильну, тамъ поработалъ и привезъ въ Штабъ мой новый проектъ.

Съ видимымъ, все наростающимъ раздраженіемъ, сталъ предупреждать меня бравый, изящный генералъ относительно „излишнихъ, милліонныхъ вожделѣній" съ моей стороны при упорядоченіи вопроса объ улучшеніи быта военныхъ узниковъ, въ указываемомъ мнѣ направленіи совѣтуя бросить проекты о „дворцахъ" для арестантовъ, о „семирамидиныхъ садахъ" для ихъ прогулокъ, и т. п.

Онъ говорилъ довольно долго—въ этомъ-же настроеніи, несмотря на то, что въ пріемной ожидало очередного представленія довольно много всякаго военнаго народа.

Я далъ ему выговориться и когда у него вышелъ весь запасъ сравненій, предположеній и ядовитости, доложилъ возможно спокойнѣе (хотя въ груди у меня клокотало чувство обиды за моихъ узниковъ, за мое отношеніе къ дѣлу), что хорошо понимаю, что поднять вопросъ о значительныхъ затратахъ, т. е. о средствахъ, значило-бы провалить его; что, подавая военному министру мою памятную записку, я все предвидѣлъ заранѣе, а въ Главный Штабъ пріѣхалъ лишь съ искреннимъ желаніемъ не учить кого-либо, а работать, хотя-бы на положеніи послѣдняго чернорабочаго...

Тутъ я передалъ, кстати, генералу Уссаковскому поклонъ отъ одной свѣтской дамы, что̀ привело его въ пріятное настроеніе и мы съ нимъ довольно дружелюбно разстались....

Надо-ли говорить, что при подобномъ пріемѣ мнѣ не удалось и слова вставить въ нашу бесѣду о нравственномъ значеніи моихъ реформъ, объ ихъ научномъ христіанскомъ значеніи: изъ кабинета, гдѣ меня приняли, я выскочилъ, какъ ошпаренный.

Потративъ на безцѣльное ничего-недѣланье въ Главномъ Штабѣ еще нѣсколько дней, я былъ отпущенъ въ Вильну, гдѣ и принялся за составленіе новой памятной записки по указанной мнѣ программѣ.

Настроеніе мое, въ эту эпоху борьбы моей за узниковъ, можетъ быть отчасти лишь охарактеризовано выпиской изъ дневника (подъ 28 іюня) слѣдующаго содержанія:

„Давно не ощущаю такого подъема духа, какъ въ эти дни, во время работы по составленію новой памятной записки объ улучшеніи матеріальнаго и нравственнаго быта военныхъ арестованныхъ. Боишься, что болѣзнь, смерть прервутъ эту работу—и дѣло, начатое, повидимому, такъ успѣшно, погибнетъ... Вчера, подъ вліяніемъ разсужденій о несчастьи на о. Мартиникѣ *) и чтенія присланной мнѣ Мих. Ив. Драгомировымъ книги его, въ которой изложена судьба чистой идеалистки, какою несомнѣнно была Жанна-Даркъ, на меня

*) Землетрясеніе.

вдругъ напало сомнѣніе въ пользѣ, приносимой моей борьбою за военныхъ арестантовъ... Сколько было такихъ-же борцовъ! А гдѣ они?!. Гдѣ слѣды ихъ трудовъ?!. Человѣчество все такъ-же зло и преступно, какъ въ первобытныя времена... Что значатъ страданія нѣсколькихъ сотъ арестантовъ въ массѣ страданій милліоновъ!... И я страдалъ вчера, колебался, искалъ выхода моимъ сомнѣніямъ... И вдругъ... Да развѣ не Богъ руководитъ мною?!. И человѣчество все-же познаетъ болѣе и болѣе Бога, а завѣты Христа все шире распространяются... Мы, правда, не знаемъ даже именъ тѣхъ отдаленныхъ первыхъ идеалистовъ, отъ которыхъ, по наслѣдству, получили наше умственное, духовное развитіе, нашу любовь къ прекрасному, а также познаніе Божества; но ихъ знаетъ Богъ, дѣла-же ихъ—въ памяти Божьей... И они, эти невѣдомые намъ, мученики—безсмертны, такъ какъ живутъ въ насъ, въ душахъ нашихъ, а мы идеалы ихъ передадимъ, въ свою очередь, потомкамъ и т. д. „Что въ имени тебѣ моемъ? Оно умретъ, какъ звукъ печальный волны, плеснувшей въ берегъ дальный, какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ...“ А этотъ завѣтъ Христа объ „одномъ изъ малыхъ сихъ“, которому принесена хоть капля добра... Нѣтъ! Нельзя падать духомъ, а надо бороться, вносить любовь, облегчать чужое страданіе: Богъ все видитъ... И не Онъ-ли даетъ намъ силы для дѣланья добра, вѣру въ лучшую будущность человѣчества?!...“

А вотъ и еще одна запись:

„Давно я такъ не молился, какъ въ эти дни, Богу молитвой „безъ словъ“, молитвой настроенія, экстаза, порыва души... за моихъ арестантовъ, за успѣхъ моего дѣла... Онъ здѣсь, возлѣ меня, во время моей работы, Богъ мой, Котораго со слезами благодарю я и за радости, и за несчастья“...

И, по-прежнему—вся надежда на Куропаткина: онъ меня поддержитъ, онъ не дастъ погибнуть дѣлу!.. А ген. Уссаковскій?.. Вѣдь онъ не долго пробудетъ во главѣ Штаба. Его смѣнитъ настоящій начальникъ Гл. Штаба...

Въ чаду подобнаго настроенія, при лихорадочности, спѣшности труда, боясь слишкомъ отвлекаться отъ высокой, сложной задачи, возложенной на меня Главнымъ Штабомъ, т. е., въ сущности, военнымъ министромъ, составилъ я новую *„памятную записку по вопросу о томъ, что слѣдуетъ сдѣлать теперь-же, безъ особенныхъ затратъ отъ казны, для улучшенія быта военныхъ арестантовъ“*, которую и привожу цѣликомъ:

А. Относительно общихъ, гарнизонныхъ гауптвахтъ.

„Въ дополненіе къ представленной мною въ прошломъ году Его Высокопревосходительству Г-ну Военному Министру памятной запискѣ „о необходимости измѣнить нравственную и матеріальную стороны быта военныхъ арестантовъ такъ называемыхъ общихъ (главныхъ, гарнизонныхъ) гауптвахтъ“, мнѣ предложено доложить Главному Штабу, что-же возможно сдѣлать въ этомъ направленіи немедленно, при томъ безъ значительныхъ расходовъ казны?

Редактируя вышеупомянутую записку мою, я имѣлъ въ виду только такія мѣры, которыя могутъ быть проведены въ жизнь войска безъ особыхъ проволочекъ и затратъ, умышленно не упомянувъ въ ней, поэтому, о нововведеніяхъ, хотя желательныхъ, но связанныхъ съ большими денежными расходами (какъ напримѣръ, мастерскія, усовершенствованныя отхожія мѣста, дезинфекціонныя камеры и проч.).

Въ настоящее время, получивъ въ Главномъ Штабѣ подлинное дѣло, возникшее по поводу памятной записки моей, я убѣдился въ томъ, что: 1) доводы мои, о необходимости пересоздать на новыхъ началахъ бытъ военныхъ арестантовъ общихъ гауптвахтъ, найдены вполнѣ своевременными и встрѣтили себѣ полное сочувствіе, какъ со стороны Отца Протопресвитера и высшихъ представителей военнаго вѣдомства, такъ и со стороны ихъ подчиненныхъ, на обсужденіе которыхъ была предложена моя записка; 2) большинство этихъ лицъ, въ отвѣтахъ своихъ, дало весьма цѣнныя практическія указанія по возбужденному вопросу и, такимъ образомъ, въ данное время, получился уже готовый, богатый матеріалъ, которымъ остается лишь съ благодарностью воспользоваться.

Но, прежде, чѣмъ отвѣтить на заданный вопросъ, позволю себѣ предпослать слѣдующія общія положенія, необходимыя для уясненія настоящей, новой, памятной записки моей:

1) Главныя, общія, гарнизонныя гауптвахты (т. е. мѣста заключенія отъ гарнизоновъ, куда стекаются нижніе чины не одной какой-либо части войскъ, а разныхъ частей) учреждены въ крѣпостяхъ, губернскихъ и нѣкоторыхъ большихъ уѣздныхъ городахъ, лагерныхъ расположеніяхъ *) и другихъ пунктахъ болѣе или менѣе значительнаго сосредоточенія войскъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ находятся начальники гарнизоновъ, а также подчиненные имъ коменданты, исправляющіе должность комендантовъ, а въ крѣпостяхъ— начальники комендантскихъ отдѣленій, въ вѣдѣніи которыхъ общія гауптвахты и состоятъ. **) Непосредственное-же завѣдываніе арестованными возлагается на комендантскихъ адъютантовъ, или прикомандированныхъ къ управленіямъ строевыхъ офицеровъ, неосвобождающихся отъ другихъ, возложенныхъ на нихъ, обязанностей, не говоря уже о томъ, что, какъ прикомандированные на короткій срокъ, они часто мѣняются и не запасаются должнымъ опытомъ.

2) Вопросъ объ улучшеніи быта арестованныхъ нижнихъ чиновъ на общихъ гауптвахтахъ стоитъ совершенно особнякомъ и не зависитъ отъ хода предпринятыхъ реформъ дисциплинарныхъ баталіоновъ и военныхъ тюремъ, и гауптвахта всегда будетъ нуждаться въ особой организаціи. Не надо забывать, при этомъ, что въ то время, какъ въ дисциплинарныхъ баталіонахъ и военныхъ тюрьмахъ заключены нижніе чины, уже опороченные, отмѣченные, какъ преступники, приговоромъ суда и потому лишенные извѣстныхъ служебныхъ при-

*) Напримѣръ, въ лагерѣ при м. Оранахъ Виленскаго военнаго округа, гдѣ и зимой стоятъ роты и команды.

**) См. Уставъ гарнизонной службы §§ 1—32, „Положеніе объ управленіи крѣпостями“, Св. В. П. Изд. 1869 г. кн. III, раздѣлъ 2-ой, 303 и послѣдующія статьи.

виллегій—на общихъ гауптвахтахъ содержатся, кромѣ нижнихъ чиновъ, отбывающихъ наказаніе, по неимѣнію мѣстъ въ военныхъ тюрьмахъ, за незначительныя преступленія, нижніе чины, или арестованные въ дисциплинарномъ порядкѣ, или состоящіе еще подъ слѣдствіемъ и судомъ т. е. такіе, о которыхъ законъ и судъ не сказали еще своего послѣдняго слова и которые могутъ быть даже оправданы. Слово „арестантъ" не должно, поэтому, произноситься на общихъ гауптвахтахъ по отношенію къ заключеннымъ и судьба ихъ нуждается въ особой осторожности.

3) Указывая ниже на тѣ улучшенія и нововведенія, которыя теперь-же можно ввести по отношенію къ такъ называемымъ общимъ гауптвахтамъ, я буду только руководствоваться вышеупомянутыми авторитетными мнѣніями О. Протопресвитера и высшихъ представителей нашего военнаго міра, позволивъ себѣ высказать личныя мои соображенія, основанныя на многолѣтнемъ опытѣ и практикѣ, и ввести нѣкоторыя детали лишь тамъ, гдѣ это явится необходимымъ для болѣе яркаго освѣщенія фактовъ.

4) Всѣ, только что упомянутыя лица, сославшись на неудовлетворительность помѣщеній общихъ гауптвахтъ (къ сожалѣнію, находящуюся въ непосредственной связи съ отсутствіемъ средствъ), указали, кромѣ того, на главныя причины царствующихъ тамъ безпорядковъ: а) на упорное несоблюденіе уставовъ внутренней и гарнизонной службы начальствующими, до которыхъ эти уставы относятся, и б) на неполноту уставовъ и законоположеній о военныхъ арестованныхъ.

Послѣднее обстоятельство (т. е. неполнота уставовъ и законоположеній) вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что практика, какъ бываетъ всегда при столкновеніи мертвой буквы устава или закона съ вѣчно-измѣняющимися формами жизни, въ настоящее время далеко опередила устарѣвшія нормы нѣкоторыхъ положеній уставовъ и закона.

Покончивъ съ общими выводами, я приступлю къ посильному разрѣшенію вопроса: „что-же возможно сдѣлать немедленно и дешево для улучшенія быта нашихъ общихъ гауптвахтъ?"

Отвѣтить на это слѣдуетъ тремя положеніями. Необходимо: 1) упорядочить, усилить контроль за арестованными и мѣстами ихъ заключенія; 2) улучшить, въ извѣстной степени, существующій матеріальный бытъ военныхъ арестантовъ общихъ гауптвахтъ, и 3) обратить должное вниманіе на совершенно забытый нравственный, духовный бытъ ихъ.

Въ такой послѣдовательности я изложу и предлагаемыя реформы.

I. *Контроль.* Оставивъ въ прежней силѣ всѣ положенія уставовъ внутренней и гарнизонной службы, опредѣляющія отношенія къ общимъ, гарнизоннымъ гауптвахтамъ начальниковъ гарнизоновъ, комендантовъ, ихъ управленій, а также чиновъ караула, необходимо сдѣлать еще слѣдующее:

а) На каждую общую, главную гауптвахту—назначить особаго, опытнаго, вполнѣ надежнаго *оберъ-офицера* (если возможно на правахъ

ротнаго командира) изъ состава мѣстнаго гарнизона, для завѣдыванія арестованными нижними чинами этой гауптвахты. Въ рукахъ такого офицера, подчиняющагося, конечно, лицу, въ вѣдѣніи котораго непосредственно состоитъ данная гауптвахта (коменданту города, лагеря, начальнику комендантскаго отдѣленія крѣпости и т. д.), освобожденнаго отъ всѣхъ иныхъ обязанностей службы и несущаго отвѣтственность за безпорядки и упущенія по надзору за арестованными, должны быть сосредоточены всѣ матеріальныя и духовныя нужды арестованныхъ на данной гауптвахтѣ нижнихъ чиновъ. Такимъ образомъ, онъ неуклонно слѣдитъ за доброкачественностью пищи, выдаваемой арестованнымъ, за чистотой въ ихъ помѣщеніяхъ, а также въ помѣщеніи караула *) и отхожаго мѣста; за бѣльемъ и одеждой заключенныхъ; за провѣтриваніемъ камеръ; за состояніемъ здоровья арестованныхъ; за мытьемъ ихъ въ банѣ, стрижкою; за исполненіемъ ими духовныхъ требъ и посѣщеніемъ церкви; за ихъ прогулками; за гимнастическими и иными физическими упражненіями; за исправнымъ содержаніемъ запаса бѣлья, обуви и платья; за тѣмъ, чтобы арестованные, по возможности, не прерывали связи съ родными и товарищами по службѣ, поддерживая связь эту перепиской; за приличнымъ поведеніемъ ихъ въ камерахъ; за обученіемъ ихъ грамотѣ и выдачею имъ книгъ для чтенія и т. д. Обо всѣхъ нуждахъ заключенныхъ, которыя офицеръ этотъ личной властью и вліяніемъ удовлетворить не могъ-бы, онъ докладываетъ на зависящее распоряженіе тому лицу, которому непосредственно подчинена гауптвахта (коменданту, начальнику комендантскаго отдѣленія и т. д.). Офицеры эти должны прикомандировываться на продолжительное время, чтобы у нихъ успѣла выработаться извѣстная практика и опытность въ надзорѣ за арестованными.

б) Въ помощь оберъ-офицеру, завѣдующему арестованными общей гауптвахты, слѣдуетъ назначить надежнаго, грамотнаго, строевого *унтеръ-офицера* въ качествѣ „надзирателя" гауптвахты, возложивъ на него, кромѣ исполненія всѣхъ порученій офицера по содержанію въ должномъ порядкѣ заключенныхъ и занимаемаго ими помѣщенія, завѣдываніе гауптвахтной библіотекою, запасной мундирной одеждою, бѣльемъ и обувью арестованныхъ, производство съ ними гимнастическихъ упражненій, помощь имъ при обученіи грамотѣ и т. п. Унтеръ-офицеръ этотъ ведетъ вѣдомость и отчетность по прибыли и убыли запаса мундирной одежды, обуви и бѣлья арестованныхъ.

Для каждой общей гауптвахты, кромѣ того, слѣдуетъ назначить, въ распоряженіе оберъ-офицера, завѣдывающаго ею, и подчинивъ его непосредственно унтеръ-офицеру, надзирателю, одного надежнаго нижняго чина, *сторожа*, убирающаго съ арестованными отхожія мѣста, камеры, топящаго печи въ камерахъ и т. п. **).

в) На каждой общей гауптвахтѣ долженъ быть, наблюдающій за санитарнымъ ея состояніемъ, *врачъ* (или постоянный, штатный, или

*) Трудно поддержать чистоту у арестованныхъ, если смежное съ ихъ камерою помѣщеніе караула будетъ грязно и непровѣтрено.

**) Согласно п. 10-го приложенія 4 къ Уставу гарнизонной службы, сторожъ имѣется на гауптвахтѣ лишь для уборки караульнаго помѣщенія.

одинъ изъ врачей мѣстнаго гарнизона, по очереди). Контроль врача этого выражается въ слѣдующемъ: 1) онъ обязанъ посѣщать гауптвахту еженедѣльно (кромѣ случаевъ вызова его туда для оказанія экстренной помощи), сообщая о заболѣвшихъ офицеру, завѣдующему арестованными, для соотвѣтственныхъ распоряженій *). 2) При посѣщеніяхъ врачъ обязанъ каждый разъ обходить всѣ камеры заключенныхъ, осматривать отхожія мѣста, пробовать пищу арестованныхъ, обращая вниманіе на чистоту, какъ камеръ и караульнаго помѣщенія, такъ и самыхъ заключенныхъ и ихъ одежды, а также на больныхъ, по роду болѣзни, требующихъ немедленнаго отдѣленія отъ прочихъ,—и о всѣхъ замѣченныхъ имъ безпорядкахъ въ отношеніи гигіеничности содержанія заключенныхъ докладываетъ тому начальнику, въ непосредственномъ вѣдѣніи котораго гауптвахта состоитъ (коменданту и др.), занося каждый разъ въ особую „книгу посѣщенія“ гауптвахты, кромѣ времени осмотра и общаго состоянія, въ которомъ гауптвахта найдена, еще и замѣченныя при посѣщеніи безпорядки въ содержаніи арестованныхъ (если таковыя оказались-бы). 3) Всякаго рода перестройки въ гауптвахтахъ и ремонтъ ихъ должны производиться не иначе, какъ по предварительному совѣщанію съ врачами, руководствуясь, по возможности и въ зависимости отъ средствъ и мѣстныхъ условій, практическими указаніями ихъ, въ смыслѣ возможно болѣе гигіеническаго устройства гауптвахтъ. 4) Объ общемъ состояніи гауптвахты, о количествѣ больныхъ на ней, родахъ заболѣваній и случаяхъ послѣднихъ, обращающихъ на себя особое вниманіе, врачи ежемѣсячно доносятъ, черезъ комендантовъ и другихъ лицъ, въ вѣдѣніи которыхъ состоитъ гауптвахта, начальникамъ мѣстныхъ гарнизоновъ, съ указаніемъ на тѣ мѣропріятія, которыя содѣйствовали-бы, по мнѣнію ихъ, въ санитарномъ отношеніи, улучшенію обстановки заключенныхъ. По окончаніи года, тѣмъ-же начальникамъ гарнизоновъ представляется врачами общій годовой отчетъ по состоянію данной гауптвахты. Такой-же отчетъ представляется и въ окружное военно-медицинское управленіе.

Въ помощь врачу, посѣщающему общую гауптвахту, долженъ быть назначенъ штатный *фельдшеръ*, на обязанности котораго, кромѣ подачи медицинской помощи арестованнымъ нижнимъ чинамъ подъ руководствомъ и по указанію врача, лежитъ еще и производство ежедневнаго тѣлеснаго осмотра всѣхъ нижнихъ чиновъ, съ докладомъ врачу о тѣхъ изъ нихъ, которые нуждаются въ немедленной медицинской помощи.

г) Необходимо предоставить лицамъ *военно-прокурорскаго надзора* (военному прокурору и его помощникамъ) право, при посѣщеніяхъ общихъ, гарнизонныхъ гауптвахтъ, входить въ бытъ арестованныхъ, принимая отъ послѣднихъ заявленія и жалобы о неправильностяхъ и отступленіяхъ отъ закона и устава по отношенію къ ихъ содержа-

*) Согласно 29 ст. 10 приложенія къ Уставу гарнизонной службы, врачъ осматриваетъ арестованныхъ, по распоряженію коменданта, «не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ», тогда, какъ на основаніи § 247 Устава внутренней службы (къ каковому уставу, относительно порядка содержанія арестованныхъ, отсылаетъ 14 ст. 10-го приложенія), осмотръ арестованныхъ, долженъ производиться врачемъ «еженедѣльно». Такимъ образомъ, получается полное противорѣчіе между двумя уставами.

нію *). О каждомъ своемъ посѣщеніи, а равно о всѣхъ замѣченныхъ неправильностяхъ въ содержаніи заключенныхъ, лица военно-прокурорскаго надзора дѣлаютъ соотвѣтствующія отмѣтки въ „книгѣ посѣщеній гауптвахты“ и одновременно доводятъ о нихъ-же до свѣдѣнія начальника мѣстнаго гарнизона, на зависящее распоряженіе.

Такъ какъ многія гарнизонныя, общія, гауптвахты (внѣ городовъ, въ которыхъ находятся военно-окружные суды) расположены въ такихъ пунктахъ, гдѣ лица военно-прокурорскаго надзора или бываютъ только дважды въ годъ при командировкахъ съ временными судами (и при томъ еще при условіи наличности дѣлъ), или совсѣмъ не бываютъ (за отсутствіемъ выѣзда временныхъ судовъ), то было-бы полезно обязать *военныхъ слѣдователей* возможно чаще, при ихъ служебныхъ поѣздкахъ по ввѣренному имъ участку, посѣщать общія гауптвахты, съ правомъ принимать заявленія арестованныхъ относительно ихъ содержанія. О всѣхъ своихъ посѣщеніяхъ гауптвахтъ, равно какъ и о замѣченныхъ отступленіяхъ отъ закона и уставовъ въ отношеніи содержанія арестованныхъ, военные слѣдователи заносятъ въ „книгу посѣщеній“, а, по возвращеніи изъ командировки, доносятъ военному прокурору, который уже отъ себя входитъ въ надлежащія сношенія съ начальниками гарнизона**).

д) Необходимо разъ въ годъ, безъ особаго предупрежденія, поручать кому-либо изъ чиновъ штаба округа *ревизію* всѣхъ общихъ гауптвахтъ округа.

е) На каждой общей гауптвахтѣ должна находиться шнуровая „*книга посѣщеній*“, выдаваемая начальниками гарнизоновъ, о которой уже упоминалось выше (когда говорилось о врачахъ и лицахъ военно-судебнаго вѣдомства), и въ которую должны заноситься всѣ посѣщенія гауптвахты этими послѣдними лицами, а также всѣ замѣчанія относительно неправильностей въ содержаніи арестованныхъ, обнаруженныхъ, какъ ими, такъ и караульными начальниками. По каждому замѣчанію въ „книгѣ посѣщеній“ должна имѣться особая отмѣтка коменданта или иного лица, въ вѣдѣніи котораго гауптвахта состоитъ, съ указаніемъ мѣръ, принятыхъ для устраненія безпорядковъ. Книга эта хранится на гауптвахтѣ у надзирателя, представляясь, при посѣщеніяхъ начальствующихъ и ревизующихъ лицъ, которыя о времени посѣщенія дѣлаютъ въ книгѣ свои отмѣтки ***).

Сводя въ одно все, сказанное въ настоящемъ отдѣлѣ, слѣдуетъ придти къ выводу, что при назначеніи на общія гауптвахты особыхъ офицера, унтеръ-офицера и сторожа, съ привлеченіемъ къ разрѣшенію вопроса объ упорядоченіи быта арестованныхъ—врачей и лицъ

*) По смыслу § 41—42 «инструкціи военно-прокурорскому надзору», объявленной въ приказѣ по военному вѣдомству 1890 г. за № 258, лица военно-прокурорскаго надзора въ настоящее время не имѣютъ права принимать подобныя заявленія. О желательности-же расширенія правъ ихъ въ этомъ направленіи въ дѣлѣ, возникшемъ по поводу моей памятной записки, имѣются заявленія военныхъ начальниковъ.

**) Расширеніе правъ военныхъ слѣдователей въ указанномъ направленіи можно легко сдѣлать дополненіемъ «инструкціи военно-окружнымъ судамъ», объявленной при приказѣ по военному вѣдом. 1886 г. № 161, въ которой обязанности ихъ изложены.

***) Подобная книга прекрасно иллюстрировала-бы общее состояніе гауптвахты и степень заботливости, проявленной, по отношенію къ заключеннымъ и ихъ нуждамъ, со стороны начальствующихъ лицъ.

военно-судебнаго вѣдомства, въ связи съ установленіемъ нѣкоторой отчетности по состоянію арестованныхъ и гауптвахтъ, будетъ, безъ сомнѣнія, достигнуто не только соблюденіе уставовъ гарнизонной и внутренней службы, но попутно улучшится, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и общее матеріально-нравственное благосостояніе заключенныхъ.

II. *Улучшеніе матеріальнаго быта арестованныхъ на общихъ гауптвахтахъ.*

Въ этомъ отношеніи было-бы полезно сдѣлать слѣдующее:

1) Водить всѣхъ арестованныхъ, въ томъ числѣ и находящихся въ карцерахъ, не менѣе одного раза въ недѣлю, въ *баню,* *) отправляя въ баню всякаго, вновь прибывшаго на гауптвахту, и наблюдая, чтобы всѣ заключенные были коротко острижены.

2) Дважды въ день, утромъ и вечеромъ, въ помѣщеніи гауптвахты или во дворѣ ея, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, подъ наблюденіемъ унтеръ-офицера надзирателя, заставлять арестованныхъ, находящихся въ общихъ камерахъ, дѣлать гимнастику на параллельныхъ брусьяхъ и притягиваясь на наклонной лѣстницѣ (пряча или вынося лѣстницу по окончаніи упражненій). Если позволяютъ размѣры двора, то необходимо производить этимъ арестованнымъ шереножное ученье и маршировку (безъ оружія) подъ командою унтеръ-офицера надзирателя и подъ наблюденіемъ офицера.

3) Не менѣе двухъ разъ въ день выводить арестованныхъ на *прогулку* во дворъ гауптвахты, провѣтривая камеры въ ихъ отсутствіи, равно, какъ провѣтривать послѣднія послѣ ночи.**) Вообще провѣтривать помѣщеніе слѣдуетъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

4) *Уборку камеръ и отхожаго мѣста* должны производить сами арестованные вмѣстѣ съ нижнимъ чиномъ сторожемъ и подъ наблюденіемъ унтеръ-офицера надзирателя.***) Полы камеръ должны мыться, тѣмъ-же порядкомъ, возможно чаще, посыпаясь опилками.****) Чистота двора поддерживается арестованными-же.

5) *Уничтожить* вредный и напрасно только заражающій воздухъ общихъ камеръ *обычай постановки* на всю ночь туда деревянныхъ *парашъ*, выносимыхъ лишь утромъ*****). Арестанты должны и ночью выводиться за естественной надобностью въ отхожее мѣсто подъ конвоемъ той части караула, которая, согласно § 135 устава гарнизонной службы, не имѣетъ права спать.

*) Согласно 28 п. прилож. 10 къ уставу гарнизонной службы, арестованные должны быть отправляемы въ баню «не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ». На основаніи-же § 246 устава внутренней службы тѣ-же арестованные моются въ банѣ «еженедѣльно», за исключеніемъ арестованныхъ въ карцерахъ, которые, на основаніи того-же § устава, въ баню не посылаются, а только мѣняютъ разъ въ недѣлю бѣлье: новое противорѣчіе между уставами, изъ которыхъ въ отношеніи заключенныхъ одинъ ссылается на другой.

**) На основаніи ст. 22 прилож. 10 къ уставу гарнизонной службы, помѣщеніе провѣтривается теперь лишь одинъ разъ въ день, утромъ. На ночь-же заключенные ложатся въ помѣщеніи съ непровѣтреннымъ воздухомъ.

***) Предоставить арестованнымъ однимъ—убирать помѣщеніе—опасно, такъ какъ мнѣ приходилось производить слѣдствіе о подкопѣ, сдѣланномъ подъ стѣну камеры благодаря лишь тому, что уборка послѣдней производилась одними заключенными безъ должнаго надзора.

****) Изложенное въ п. п. 2 и 4 хотя-бы отчасти замѣнило арестованнымъ отсутствіе строя и физическаго труда, дурно вліяющее на состояніе ихъ здоровья.

*****) Согласно ст. 21 прил. 10 къ уставу гарнизонной службы на ночь въ помѣщеніе ставится параша.

6) Камеры (потолки ихъ и стѣны) должны быть, по возможности, *выкрашены масляной краскою* и время отъ времени слегка обмываться водою съ примѣсью обеззараживающаго вещества.

7) *Наволочки* для подушекъ и тюфяковъ необходимо *имѣть* на каждую общую гауптвахту *въ двойномъ комплектѣ*, еженедѣльно мѣняя ихъ и отдавая въ стирку.*) Тюфяки не должны быть набиты соломою, отъ которой разводится труха и пыль, а въ нихъ слѣдуетъ класть соломенные маты. Солома въ матахъ должна мѣняться возможно чаще. Тюфяки и подушки, ежедневно, послѣ ночи, должны провѣтриваться на дворѣ гауптвахты, куда ихъ выносятъ сами заключенные.

8) Слѣдовало-бы *разрѣшить* арестованнымъ *имѣть при себѣ бóльшее количество необходимыхъ вещей*, а также болѣе, чѣмъ двѣ смѣны бѣлья;**) отобранныя-же у нихъ собственныя деньги не возвращать обратно въ часть, какъ это дѣлается теперь, согласно устава, а хранить при управленіи того начальника, въ вѣдѣніи котораго состоитъ гауптвахта, разрѣшая арестованнымъ деньги эти, съ вѣдома офицера, завѣдующаго ими, расходовать на ихъ надобности, конечно, въ предѣлахъ дозволеннаго уставомъ.***) Полезно было-бы дозволить арестованнымъ имѣть при себѣ хотя-бы небольшіе сундуки, для вещей, ставя ихъ подъ нары.

9) Въ городахъ, въ которыхъ при воинскихъ учрежденіяхъ имѣются *дезинфекціонныя камеры*, слѣдуетъ пользоваться таковыми для обеззараживанія вещей арестованныхъ, по мѣрѣ возможности.

10) Для каждой общей гауптвахты и тѣхъ заключенныхъ, которые находятся далеко отъ своихъ частей и потому нуждаются въ платьѣ, обуви и бѣльѣ (напримѣръ, пойманные изъ бѣговъ) надо имѣть особый *запасъ подобныхъ вещей*, въ размѣрѣ, опредѣляемомъ начальниками гарнизоновъ, въ зависимости отъ количества частей гарнизона,—въ вѣдѣніи унтеръ-офицера надзирателя и подъ контролемъ офицера, завѣдующаго гауптвахтою.

Вещи эти, по распоряженію начальника гарнизона, получаются изъ частей войскъ гарнизона, но употребляются и для нижнихъ чиновъ частей, невходящихъ въ составъ гарнизона; онѣ должны быть обратно возвращены на гауптвахту по отсылкѣ одѣтаго въ нихъ арестованнаго въ мѣсто другого заключенія или въ его часть.

Можно надѣяться, что всѣ указанныя въ настоящемъ отдѣлѣ мѣры, въ ихъ совокупности, значительно улучшили-бы бытъ арестованныхъ.

III. *Улучшеніе духовно-нравственной стороны быта арестованныхъ на такъ называемыхъ общихъ гауптвахтахъ.*

*) Въ ст. 19 приложенія 10 устава гарнизонной службы не опредѣлено количество наволочекъ для тюфяковъ и подушекъ, почему, на практикѣ, однѣ и тѣ-же наволочки, немытыя и непровѣтренныя, служатъ арестованнымъ цѣлые мѣсяцы подъ рядъ, и замѣнять ихъ нечѣмъ.

**) На основаніи ст. 17 того-же приложенія, арестованный имѣетъ право держать при себѣ лишь двѣ смѣны бѣлья и небольшое количество одежды. Все остальное у него отбирается. Ему даже не разрѣшено имѣть полотенце, гребень, мыло и т. п.

***) На основаніи ст. 18 того же приложенія, отобранныя у арестованнаго деньги относятся теперь конвоемъ тому лицу, отъ котораго былъ принятъ арестованный.

Въ этомъ отношеніи желательны слѣдующія нововведенія:

1) Необходимо, чтобы православные заключенные каждой общей гауптвахты находились *подъ попеченіемъ одного изъ священниковъ мѣстнаго гарнизона,* по выбору начальника послѣдняго или указанію высшаго духовнаго начальства. Священникъ этотъ, съ разрѣшенія подлежащаго военнаго начальства, посѣщаетъ гауптвахту: а) не менѣе раза въ недѣлю съ цѣлями собесѣдованія, назиданій и увѣщаній арестованныхъ, а также чтеній на религіозныя темы, по преимуществу въ праздничные и воскресные дни; б) во дни Рождества Христова, Св. Пасхи—съ крестомъ, а въ день Крещенія Господня—со святой водою; в) съ цѣлью наблюденія, чтобы всѣ православные заключенные исповѣдались и причащались въ теченіи года*); чтобы они, хотя-бы небольшими группами и соблюдая между собою очередь, по праздничнымъ днямъ, подъ надлежащимъ конвоемъ, водились изъ общихъ камеръ заключенія въ церковь. Священникъ является въ то-же время ходатаемъ о нуждахъ заключенныхъ передъ ихъ начальствомъ.

2) Арестованные нижніе чины изъ иновѣрцевъ могутъ быть въ *праздничные дни,* по мѣрѣ возможности, *посылаемы въ инославные храмы,* а за неимѣніемъ таковыхъ, къ нимъ должны быть допускаемы, съ цѣлями назиданія и увѣщанія **), по особому на каждый случай разрѣшенію начальниковъ гарнизона, духовныя лица ихъ вѣроисповѣданій изъ числа тѣхъ, которымъ разрѣшено исполненіе требъ въ войскахъ.

3) Желательно, на арестованныхъ нижнихъ чиновъ общихъ, гарнизонныхъ гауптвахтъ *распространить нѣкоторыя благотворныя правила, изъ числа указанныхъ въ предписаніи Г-на Военнаго Министра* (отъ 18 Мая 1901 г. № 27930) на имя командующихъ войсками округовъ, а именно: а) обратить вниманіе на поддержаніе связи между арестованными—съ одной стороны, ихъ семьями и товарищами по части—съ другой, путемъ переписки ***), в) ввести на гауптвахтахъ хоровое пѣніе арестованными молитвъ утренней, вечерней, передъ обѣдомъ и ужиномъ; г) разрѣшить, въ праздничные дни, желающимъ офицерамъ гарнизона производить чтеніе арестованнымъ, преимущественно изъ русской исторіи, или о выдающихся подвигахъ русскихъ героевъ; д) строго преслѣдовать на гауптвахтахъ всякаго рода сквернословіе, циничные разговоры и брань.

4) Хотя, при существующихъ въ настоящее время недостаткахъ въ зданіяхъ общихъ гауптвахтъ, нельзя, конечно, устроить вполнѣ строгаго раздѣленія арестованныхъ нижнихъ чиновъ по категоріямъ, въ зависимости отъ степени ихъ нравственности и рода совершенныхъ ими дѣяній, но все-таки необходимо, чтобы начальство гауптвахты старалось, пользуясь всякой представившейся возможностью,

*) Для устраненія нерѣдко повторяющихся случаевъ, когда нижній чинъ, пересылаясь изъ одной части въ другую, изъ одного мѣста заключенія въ другое, остается цѣлый годъ безъ исповѣди и св. причастія—необходимо, чтобы въ частяхъ войскъ и въ военныхъ мѣстахъ заключенія тщательно собирались-бы свѣдѣнія о томъ, исполнилъ-ли нижній чинъ долгъ исповѣди и св. причастія.

**) 2 п. предписанія г. Военнаго Министра Командующимъ войсками отъ 18 Мая 1901 г. за № 27930.

***) Подобный расходъ на письма могъ-бы иногда производиться и изъ денегъ арестованныхъ, если таковыя хранить при комендантскихъ управленіяхъ, а не возвращать въ часть (о чемъ уже сказано выше).

отдѣлять въ особыя общія помѣщенія: а) арестованныхъ на улицѣ за пьянство и неприличное поведеніе офицерами и полиціей; б) состоящихъ подъ слѣдствіемъ и преданныхъ суду за нарушеніе воинской дисциплины; в) состоящихъ подъ слѣдствіемъ и преданныхъ суду за преступленія обще-уголовнаго характера, и г) состоящихъ подъ слѣдствіемъ и преданныхъ суду за преступленія и проступки, главнымъ образомъ касающіеся различныхъ нарушеній порядка военной службы, исключая нарушеній дисциплины.

Кромѣ того, необходимо стараться содержать, по возможности, унтеръ-офицеровъ отдѣльно отъ рядовыхъ (впредь до лишенія ихъ по суду унтеръ-офицерскаго званія) *), наблюдая, чтобы къ унтеръ-офицерамъ, нелишеннымъ этого званія, чины караула рядового званія и сторожъ относились съ должнымъ уваженіемъ, конечно, при условіи порядочности и законности ихъ поведенія.

5) При каждой общей, гарнизонной гауптвахтѣ необходимо завести особые шкафы съ книгами для чтенія арестованныхъ *(библіотеки)*.

Принимая во вниманіе, что запирающійся на замокъ шкафъ для книгъ можетъ быть устроенъ крайне дешево въ мастерской одной изъ частей гарнизона, что переплеты книгъ тоже возможно дѣлать дешево въ частяхъ войскъ,—первоначальное обзаведеніе библіотеки (считая тутъ и книги) обойдется для каждой гауптвахты въ 25—30 р. а ежегодное пополненіе новыми книгами и замѣна утерянныхъ или испорченныхъ 10—15 рублей.

Расходы эти, казалось-бы, должны быть разложены начальниками мѣстныхъ гарнизоновъ равномѣрно на всѣ части войскъ этихъ гарнизоновъ и, такимъ образомъ, не обременили-бы части; при чемъ они могутъ быть отнесены: а) или на хозяйственныя суммы частей гарнизона (примѣняясь къ предписанію Г. Военнаго Министра на имя Командующихъ войсками отъ 18 Мая за № 27930), или б) на артельныя суммы (отдѣлъ случайныхъ расходовъ п. 5), именно, хотя-бы на ту часть артельныхъ суммъ, которая образуется изъ заработчихъ на вольныхъ работахъ денегъ.

Библіотека должна находиться въ вѣдѣніи унтеръ-офицера надзирателя, который и ведетъ особую тетрадь съ каталогомъ книгъ и съ отмѣтками въ ней о выдачѣ книгъ на руки и обратномъ полученіи, слѣдя за цѣлостью книгъ и бережнымъ съ ними обращеніемъ арестованныхъ, а также, чтобы заключенные, уходя, не уносили-бы съ собою книгъ.—Самую-же выдачу слѣдуетъ производить въ назначенные для того дни и часы, подъ контролемъ офицера, завѣдующаго арестованными, распредѣляющаго книги въ зависимости отъ развитія и степени грамотности заключенныхъ.

Въ гауптвахтныя библіотеки необходимо допустить книги изъ числа вообще одобренныхъ Главнымъ Штабомъ для солдатскихъ

*) По одному изъ слѣдствій, мною произведенныхъ, унтеръ-уфицеръ и рядовой, бывшіе начальникъ и подчиненный, попали въ общую камеру: при чемъ рядовой безнаказанно глумился надъ унтеръ-офицеромъ, а сторожъ, убиравшій гауптвахту, тоже рядового званія, стащилъ однажды этого унтеръ-офицера за ноги съ наръ, назвавъ его „арестантомъ“. Впослѣдствіи-же, по суду, унтеръ-офицеръ этотъ былъ оправданъ.

библіотекъ, при томъ изъ всѣхъ отдѣловъ каталога Главнаго Штаба, по усмотрѣнію начальниковъ гарнизоновъ *).

Съ разрѣшенія тѣхъ-же начальниковъ гарнизоновъ слѣдуетъ допустить въ библіотеки общихъ гауптвахтъ, кромѣ книгъ, одобренныхъ Главнымъ Штабомъ, вообще изданія, разрѣшенныя правительствомъ для народа. Въ то-же время необходимо разрѣшить пріемъ пожертвованій въ такія библіотеки изданій (книгъ и брошюръ) отъ частныхъ обществъ, книгоиздательствъ, и даже отъ частныхъ лицъ **), конечно, при томъ-же условіи—съ согласія начальника гарнизона.

6) Необходимо *внести въ инвентарь* камеръ общихъ гауптвахтъ *св. иконы****). Полезно было-бы для каждой гауптвахты назначить день гауптвахтнаго праздника съ сооруженіемъ хотя-бы самой дешевой иконы и лампадки въ честь праздника.

7) При современномъ состояніи общихъ гауптвахтъ (недостатокъ средствъ для устройства лучшихъ помѣщеній, кратко-временность пребыванія арестованныхъ, измѣняемость ихъ состава и проч.) немыслимо завести на нихъ правильныя, систематическія занятія чтеніемъ и письмомъ. Тѣмъ не менѣе необходимо дать возможность *научиться читать* тѣмъ изъ заключенныхъ, которые, тоскуя отъ бездѣйствія, пожелали-бы употребить время невольнаго досуга съ пользою для себя. Необходимо, чтобы и офицеръ, завѣдующій арестованными, и унтеръ-офицеръ надзиратель поощряли такихъ желающихъ и оказывали-бы имъ возможное содѣйствіе и помощь, привлекая къ обученію ихъ грамотныхъ товарищей по заключенію, а въ каждой библіотекѣ должно имѣться для этого нѣсколько азбукъ и книгъ для первоначальнаго чтенія.

8) Необходимо, чтобы *дни большихъ праздниковъ* (Св. Пасхи, Рождества Христова), въ которые улучшается пища всѣхъ воинскихъ чиновъ, находящихся въ частяхъ на свободѣ, были-бы отмѣчены такимъ-же *улучшеніемъ пищи* и заключеннымъ гауптвахты.

Надо вѣрить въ то, что со введеніемъ подобныхъ духовно-нравственныхъ реформъ, общія наши гауптвахты примутъ видъ учрежденій, гдѣ нижній чинъ (не говоря о безвозвратно погибшихъ) могъ-бы одуматься и получить средства къ исправленію и просвѣтленію.

Позволяю себѣ думать, что все, изложенное въ настоящемъ

*) Надо принять во вниманіе тѣ соображенія, что духовныя потребности нижняго чина, поставленнаго въ ненормальныя условія лишенія свободы, несущаго на себѣ тяжесть преступленія, гораздо значительнѣе, чѣмъ у безпорочнаго нижняго чина, занятаго обязанностями службы; что книга только тогда принесетъ пользу, когда заинтересуетъ читающаго. Въ ст. 3-й приложенія 10 къ уставу гарнизонной службы—разрѣшено выдавать для чтенія арестованнымъ на гауптвахтахъ только «уставы, разнаго рода учебники и книги религіознаго содержанія». Подобное правило, въ связи съ разновѣрнымъ, мало-грамотнымъ составомъ заключенныхъ и ихъ исключительнымъ положеніемъ, обрекло-бы библіотеку, составленную изъ рекомендованныхъ уставомъ книгъ, на полную безполезность, такъ какъ опытъ мой показалъ, что на перечисленныя книги вообще спроса у нижнихъ чиновъ—арестованныхъ нѣтъ.

**) Благодаря правилу п. 3-го приложенія 10-го, я лишенъ былъ возможности получить даромъ для устроенной мною библіотеки при № 14 б. Виленской цитадели книги отъ Общества Ревнителей Русскаго Историческаго просвѣщенія въ Память Императора Александра III и нѣкоторыя брошюры генерала Богдановича: и книги, и брошюры не совпали не только съ указанными въ п. 3-мъ приложенія 10-го, но и съ каталогомъ Главнаго Штаба.

***) Въ приложеніи 4-мъ, § 9, къ уставу о службѣ въ гарнизонѣ объ иконахъ не упоминается.

отдѣлѣ (п. А.) памятной записки по отношенію къ матеріальному и нравственному благосостоянію заключенныхъ общихъ гауптвахтъ, по предварительному сношенію съ Главнымъ Военно-Суднымъ Управленіемъ о дополненіи инструкцій военно-окружному суду и военно-прокурорскому надзору—относительно контроля военно-прокурорскаго надзора и военныхъ слѣдователей, *возможно привести въ исполненіе теперь-же, путемъ изданія особаго приказа или циркуляра,* такъ какъ духовенство и военно-начальствующія лица уже высказались вполнѣ опредѣленно по данному вопросу и новыхъ мнѣній ожидать нельзя; что *все это не вызоветъ особыхъ, значительныхъ расходовъ казны.*

Б.

Относительно гауптвахтъ, состоящихъ при отдѣльныхъ частяхъ войскъ (полкахъ, артиллерійскихъ бригадахъ, баталіонахъ и т. д.).

Предписаніе Его Высокопревосходительства Г-на Военнаго министра на имя командующихъ войсками отъ 18 мая 1901 года № 27930, хотя и относится до нижнихъ чиновъ, находящихся на службѣ въ отдѣльныхъ частяхъ войскъ, но самый текстъ его несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что имѣлись въ виду лишь тѣ изъ нижнихъ чиновъ, которые находятся на свободѣ. Полковыя-же, баталіонныя и друг. гауптвахты при отдѣльныхъ частяхъ съ заключенными въ нихъ, по-прежнему, останутся внѣ благотворныхъ мѣръ, рекомендуемыхъ предписаніемъ. Между тѣмъ, признавая, что полковыя, баталіонныя и другія гауптвахты, какъ находящіяся при отдѣльной части, подъ непосредственнымъ надзоромъ своего строевого начальства, поставлены въ несомнѣнно болѣе выгодныя матеріальныя условія, чѣмъ гауптвахты общія, гарнизонныя, куда стекаются люди отъ разныхъ частей войскъ, обвиняемые въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ,—нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Отца Протопресвитера и нѣкоторыхъ высшихъ строевыхъ начальниковъ, коснувшихся въ отвѣтахъ своихъ на мою памятную записку и состоящихъ при отдѣльныхъ частяхъ гауптвахтъ, *что и на арестованныхъ этихъ послѣднихъ гауптвахтъ слѣдуетъ теперь-же обратить вниманіе.* Все, конечно, зависитъ отъ командира части и его отношенія къ гауптвахтѣ. Но, имѣя въ виду, что благополучіе арестованныхъ на войсковыхъ гауптвахтахъ отдѣльныхъ частей непосредственно ввѣряется дежурнымъ по части офицерамъ, постоянно смѣняющимся и на которыхъ одновременно уставомъ внутренней службы возложены и другія обязанности, что оно не возложено на отвѣтственность одного какого-либо лица, нельзя не признать необходимость нѣкоторыхъ реформъ и въ отношеніи арестованныхъ отдѣльныхъ войсковыхъ гауптвахтъ.

Такъ, было-бы цѣлесообразнымъ возложить надзоръ за подобной гауптвахтою и ея заключенными въ каждой части на одного изъ штабъ или оберъ-офицеровъ части, не освобождая ихъ отъ прочихъ служебныхъ обязанностей. *)

*) Самое нахожденіе гауптвахтъ при части съ заключенными, нервущими связи съ товарищами, могущими пользоваться своимъ имуществомъ и содержащимся подъ стражей за сравнительно неважные проступки, облегчитъ обязанности такого офицера, роль котораго будетъ заключаться лишь въ извѣстномъ контролѣ и провѣркѣ нуждъ заключенныхъ.

Казалось, было-бы полезнымъ подчеркнуть въ особомъ предписаніи, что предписаніе Г-на Военнаго Министра № 27930 относится не только до нижнихъ чиновъ, находящихся на свободѣ, но еще болѣе до заключенныхъ отдѣльныхъ войсковыхъ гауптвахтъ; что всѣ пункты этого предписанія должны быть примѣнены и къ послѣднимъ, а священники, состоящіе при частяхъ войскъ, приглашаются взять арестованныхъ подъ свое попеченіе и нравственное вліяніе.

Необходимо, въ то-же время, разрѣшить арестованнымъ на отдѣльныхъ войсковыхъ гауптвахтахъ частей получать книги для чтенія изъ тѣхъ ротъ, батарей, изъ которыхъ они поступили. *)

В.

Вопросы, которые необходимо возбудить теперь - же, какъ вызывающіе обсужденіе, продолжительную переписку.

I) Многими изъ высшихъ военно-начальствующихъ лицъ (въ замѣчаніяхъ на памятную мою записку) возбужденъ крайне важный вопросъ—о способахъ сократить, насколько возможно, время пребыванія подъ стражей на гауптвахтахъ нижнихъ чиновъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ, а также подъ полковымъ (бригаднымъ, баталіоннымъ) и военно-окружнымъ судами, такъ какъ, очевидно, что гауптвахта, какъ-бы хорошо она ни была устроена, будучи мѣстомъ заключенія, отрывая нижнихъ чиновъ отъ строя и являясь лишь „необходимымъ зломъ", не перестанетъ оказывать на нихъ дурное, растлѣвающее вліяніе.

Съ цѣлью сократить случаи заключенія нижнихъ чиновъ на гауптвахты, а также продолжительность самаго заключенія, проектируется: 1) замѣнить арестъ на гауптвахтѣ за маловажные проступки и нарушенія правилъ и порядка военной службы постановкой виновныхъ подъ оружіе (съ винтовкой или шашкою); 2) сократить, по возможности, процедуру производства слѣдствія и суда, „судебную волокиту", какъ выразился одинъ изъ начальствующихъ въ своемъ отвѣтѣ.

На самомъ дѣлѣ, со времени введенія въ дѣйствіе устава военно-судебнаго, практика полковыхъ и военно-окружныхъ судовъ (въ томъ числѣ военно-прокурорскаго надзора, а также военныхъ слѣдователей) ушла на столько впередъ, что выработалось много пріемовъ, которые значительно сократили-бы процедуру слѣдствія и суда. Возможно было-бы, основываясь на этой многолѣтней практикѣ военныхъ юристовъ и строевыхъ частей, значительно упростить и нашъ военно-уголовный процессъ. Но для этого необходимъ пересмотръ военно-судебнаго устава и инструкцій, къ нему приложенныхъ.

Кромѣ того, слѣдовало-бы упорядочить самый вопросъ о содержаніи нижнихъ чиновъ подъ стражей: 1) такъ, во многихъ частяхъ практикуется, напримѣръ, непредусмотрѣнный закономъ и дисциплинарнымъ уставомъ видъ долго-срочнаго ареста подъ названіемъ „впредь до особаго распоряженія", и даже дѣлаются такія-же отмѣт-

*) Духовныя нужды такихъ арестованныхъ совершенно упущены уставомъ внутренней службы.

ки въ оффиціальныхъ бумагахъ. 2) Въ то время, когда законъ обязываетъ военнаго слѣдователя, принимая по отношенію къ обвиняемому ту или иную мѣру пресѣченія способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда, подробно мотивировать, почему именно принята имъ въ данномъ случаѣ эта, а не иная, мѣра (арестъ или надзоръ), тотъ-же законъ въ настоящее время даетъ военному начальнику, на основаніи 476 ст. В. С. У., право не согласиться съ постановленіемъ военнаго слѣдователя и арестовать нижняго чина, оставленнаго подъ надзоръ; при чемъ начальникъ не обязанъ даже мотивировать свое рѣшеніе, а потому дѣйствуетъ безконтрольно, и рѣшеніе это считается окончательнымъ. Въ результатѣ выходитъ, что многіе нижніе чины сидятъ подъ стражей по соображеніямъ удобства такого содержанія ихъ военнымъ начальствомъ, а не по указаніямъ закона. 3) Самая фраза „отдача подъ ближайшій надзоръ начальства", употребленная въ 470 ст. В. С. У., какъ убѣждаетъ практика, ведетъ часто къ тому, что, изъ боязни отвѣтственности за побѣгъ подслѣдственнаго или подсудимаго, начальство сажаетъ подъ арестъ нижняго чина „впредь до особаго распоряженія". Слѣдовало-бы исключить эту фразу о „ближайшемъ надзорѣ" изъ военно-судебнаго устава, оговоривъ, напримѣръ, что нижніе чины, состоящіе подъ слѣдствіемъ, совершившіе дѣянія, несоединенныя съ лишеніемъ правъ состоянія, находятся на свободѣ и берутся во время слѣдствія и суда подъ арестъ лишь при наличности поступка, указывающаго на желаніе ихъ уклониться отъ отвѣтственности по закону. 4) Совершенно безцѣльную проволочку (а, слѣдовательно, и увеличеніе продолжительности содержанія подъ стражей) вызываетъ укоренившійся въ частяхъ обычай—направлять большинство дѣлъ по нарушенію обязанностей военной службы безъ участія гражданскихъ лицъ (4 п. 334 ст. В. С. У.), хотя-бы дѣло и было выяснено вполнѣ, къ военному слѣдователю для производства слѣдствія: военный слѣдователь, по закону, не вправѣ не принять такого дѣла къ производству, часто повторяетъ лишь ту-же работу, которую произвело дознаніе, не всегда можетъ выѣхать немедленно на слѣдствіе, которое иногда затягивается отъ разныхъ причинъ, а обвиняемый все время сидитъ подъ арестомъ.

Я привелъ здѣсь только случайно пришедшіе мнѣ на память, изъ моей практики, факты. Самый-же вопросъ, котораго я здѣсь касаюсь, на столько серьезенъ, что полезно было-бы теперь предложить строевому начальству, хотя-бы ближайшихъ къ С. Петербургу округовъ (для быстроты отвѣта), а также чинамъ военно-судебнаго вѣдомства (тоже ближайшихъ округовъ, при томъ черезъ Главное Военно-Судное Управленіе), высказаться относительно того, какія мѣры предполагалось-бы ввести, въ смыслѣ сокращенія переписки и упрощенія взаимныхъ отношеній строевого начальства и чиновъ военно-судебнаго вѣдомства, для достиженія возможно бо́льшей быстроты веденія слѣдствій и судебнаго процесса въ полковыхъ и военно-окружныхъ судахъ, а, слѣдовательно, и для сокращенія пребыванія на гауптвахтахъ нижнихъ чиновъ.

Попутно, и въ виду поднятаго выше, въ настоящей запискѣ,

вопроса о правѣ военныхъ слѣдователей ревизовать гауптвахты, было-бы цѣлесообразно измѣнить и установленный 143 ст. В. С. У. порядокъ, по которому военный слѣдователь долженъ писать рапорты всѣмъ лицамъ, пользующимся правами полковаго командира,—порядокъ, ведущій на практикѣ къ тому, что военный слѣдователь, иногда старый, заслуженный полковникъ, пишетъ рапортъ не только уѣзднымъ воинскимъ начальникамъ, подполковникамъ, но и молодому поручику, случайно замѣщающему отсутствующаго воинскаго начальника, получая отъ него предложенія, и будучи обязанъ, по закону, ему „представляться“.

По полученіи отвѣтовъ отъ строевыхъ начальниковъ и представителей военно-судебнаго вѣдомства, слѣдовало-бы выводы всѣхъ этихъ лицъ передать на обсужденіе смѣшанной комиссіи при Главномъ Военно-Судномъ Управленіи изъ представителей строя и военно-судебнаго вѣдомства, а, затѣмъ, измѣнить и самый военно-судебный уставъ, или инструкціи, къ нему приложенныя.

II) Необходимо теперь-же поднять вопросъ объ измѣненіи того исключительнаго положенія, въ которое, со времени мятежа 1863 г., поставлена въ г. Вильнѣ городская главная гауптвахта (№ 14 б. Виленской цитадели).

Гауптвахта эта помѣщается въ обширномъ зданіи, принадлежащемъ военно-инженерному вѣдомству, которое ремонтируется этимъ послѣднимъ, и до 1863 года служило только цѣлямъ мѣстнаго гарнизона. Во время-же возстанія, на сколько мнѣ извѣстно, по приказанію гр. М. Н. Муравьева, часть помѣщенія была временно отведена подъ мѣста заключенія политическихъ арестантовъ, замѣшанныхъ въ мятежѣ, что легко было сдѣлать, такъ какъ въ лицѣ гр. Муравьева соединялся тогда генералъ-губернаторъ и командующій войсками округа. Со времени гр. Муравьева, благодаря тому, что высшая и военная, и гражданскія власти въ Вильнѣ сосредоточивались почти все время въ одномъ лицѣ, политическіе арестанты продолжали и до сихъ поръ продолжаютъ помѣщаться въ № 14 б. Виленской цитадели, находясь подъ надзоромъ жандармовъ и отнимая у военныхъ арестованныхъ лучшія помѣщенія, тѣмъ болѣе, что нѣсколько комнатъ зданія отведены и подъ квартиру смотрителя, неподчиняющагося коменданту города, а лишь исполняющаго нѣкоторыя его требованія. Не говоря уже о неумѣстности, даже опасности, такого соединенія подъ одной крышею враговъ государственнаго порядка съ вѣрными, хотя и впавшими въ преступленія и проступки, слугами ГОСУДАРЯ, не говоря уже о многовластіи въ лицѣ представителей разныхъ вѣдомствъ (жандармовъ, чиновъ военнаго караула, гражданской прокуратуры, коменданта, смотрителя), вызывающемъ столкновенія и непорядки, военные заключенные, въ зданіи военнаго вѣдомства, совершенно стѣснены присутствіемъ гражданскихъ лицъ, остающихся тамъ очевидно по какому-то недоразумѣнію (тѣмъ болѣе, что въ данное время высшая военная власть отдѣлена въ Вильнѣ отъ гражданской).

Слѣдовало-бы немедленно удалить, поэтому, политическихъ арестантовъ изъ зданія № 14 б. Виленской цитадели, воспользовавшись

комнатами, нынѣ занимаемыми политическими арестованными, для улучшенія обстановки военныхъ заключенныхъ, въ цѣляхъ возможно строгаго раздѣленія ихъ на категоріи и меньшей ихъ скученности.

Быть можетъ, выдѣленіе политическихъ арестантовъ въ особое зданіе гражданскаго вѣдомства вызоветъ необходимость назначенія лишняго военнаго караула. Но это неудобство для гарнизона ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ зломъ и лишеніями, которые теперь терпятъ нижніе чины, заключенные въ № 14 б. Виленской цитадели.

Вопросы, возбужденные въ семъ отдѣлѣ „В“ памятной записки (объ измѣненіяхъ въ военно-судебномъ уставѣ по сокращенію продолжительности слѣдствія и суда, а также о необходимости удаленія политическихъ арестантовъ съ Виленской городской гауптвахты), не могутъ задержать проведенія въ жизнь мѣропріятій, указанныхъ выше (отдѣлы „А“ и „Б“) по улучшенію нравственнаго и матеріальнаго быта заключенныхъ гауптвахтъ: необходимо, не откладывая, теперь-же, дѣлать въ этомъ направленіи все, что будетъ признано практичнымъ и удобоисполнимымъ.

Военный слѣдователь, полковникъ Жиркевичъ.

Іюля 5 дня 1902 г.“

5-же, іюля 1902 года, какъ у меня было условлено заранѣе съ начальникомъ 1-го отдѣленія Главнаго Штаба, полковникомъ Подгурскимъ, я, съ моей новой запискою, явился въ Штабъ.

Встрѣчаютъ меня, по-прежнему, какъ-бы любезно, а у самихъ, на лицахъ, точно какое-то разочарованіе, сквозь которое не могу не прочесть явственно: „Принесъ-же тебя опять чертъ съ проклятымъ твоимъ вопросомъ! И чего только такъ торопился?! Сидѣлъ-бы еще въ Вильнѣ...“

Берутъ, однако, у меня, по неволѣ мой трудъ, обѣщаютъ его просмотрѣть. Пытаюсь сдѣлать вылазку—въ смыслѣ желанія еще разъ видѣть ген. Куропаткина и лично ему доложить о результатахъ даннаго имъ мнѣ порученія: оказывается, что объ этомъ, т. е. объ аудіенціи, въ виду высокаго положенія военнаго министра, мнѣ и думать нельзя, не говоря уже о томъ, что подобная попытка, молъ и безполезна, такъ какъ обо всемъ ему доложитъ начальникъ Главнаго Штаба, въ распоряженіи котораго я въ настоящее время нахожусь, и т. п.

Одна надежда, значитъ на то, не вспомнитъ-ли обо мнѣ самъ Куропаткинъ?..

Я и надѣюсь...

Начинаются, затѣмъ, хожденія мои чуть не ежедневно въ Штабъ— въ чаяніи, не прочли-ли моей записки. А о ней, видимо, тамъ и не думаютъ; на мои-же приходы смотрятъ косо, недружелюбно, съ кислыми гримасами, точно я—зло, съ которымъ въ силу обстоятельствъ, приходится пока мириться.

И снова, чуть не каждый день, слышу въ Штабѣ, повидимому, искреннія проклятія на голову „моего“ Куропаткина. Мнѣ даже показываютъ, въ подтвержденіе сказаннаго, дѣла, начатыя по его резолюціямъ на статьяхъ изъ „Русскаго Инвалида“: опросили опять чуть не всю военную Россію, создали „дѣла“, а, затѣмъ, о нихъ забыли и бро-

сили. „Спи милый прахъ, до радостнаго утра!“ какъ шутилъ, при этомъ, одинъ милый, симпатичный штабной.

А сколько было, между тѣмъ, возни, переписки, докладовъ и заботы!

Какая-то энергичная, провинціальная капитанша телеграммою обращается, напримѣръ, къ военному министру, прося помѣстить въ какое-то заведеніе ея, психически больного, мужа. Куропаткинъ кладетъ резолюцію „надо помочь“—или что-то въ этомъ родѣ,—и вотъ заваривается срочная, сложная переписка, вызывающая кучу справокъ, вопросовъ и т. п.

Въ Главномъ Военно-Судномъ Управленіи, куда по неволѣ я захожу, тоже ругаютъ министра, получивъ неподписанное имъ письмо на чье-то имя съ огромной резолюціей, въ которой Куропаткинъ, придирчиво, длинно, точно смакуя выраженія, высказывается на тему о томъ, что неужели нѣтъ средствъ въ управленіи на хорошую бумагу?

Тутъ тоже на меня начинаютъ коситься...

Иду какъ-то, привычной дорогою, черезъ канцелярію Главнаго Штаба къ 1-му отдѣленію, какъ вдругъ натыкаюсь на молодого генерала въ формѣ генеральнаго штаба, который, какъ коршунъ на растерянную перепелку, бросается на меня съ окликомъ: „Вы что тутъ дѣлаете? Развѣ вы не читали у дверей надписи о томъ, что постороннимъ лицамъ входъ сюда запрещается?!“

„Да, я, Ваше Превосходительство, здѣсь не посторонній“ спѣшу доложить почтительно, хотя не безъ оттѣнка обиды свирѣпому генералу, едва придя въ себя отъ неожиданности его атаки: „я—прикомандированъ къ Главному Штабу.“

„Вы?!“ восклицаетъ онъ съ презрительнымъ изумленіемъ, пожимая плечами и недовѣрчиво оглядывая мою форму военно-судебнаго вѣдомства: „Вы?!“

„Такъ точно“ отвѣчаю я и не безъ гордости объясняю о цѣли моего пребыванія въ Штабѣ.

Оказывается, что генералъ близко стоитъ къ изданію приказовъ по Главному Штабу, а, между тѣмъ, ему ничего неизвѣстно о приказѣ по поводу моего прикомандированія.

Бѣгу куда слѣдуетъ за справками: оказывается, что отдать такой приказъ дѣйствительно забыли...

И опять—косые на меня взгляды, сухая рѣчь, какъ-бы желающіе указать мнѣ, что я здѣсь, въ Главномъ Штабѣ, и чужой, и лишній, и всѣмъ напрасно мѣшающій.

Господи! Да что-же это за пытка?!

Свиданіе съ протопресвитеромъ Желобовскимъ нѣсколько разсѣиваетъ, однако, мои мрачныя мысли о несомнѣнной невнимательности ко мнѣ 1-го отдѣленія Главнаго Штаба, гдѣ валяется, все еще непрочитанной, моя новая записка.

Вотъ какъ занесено объ этомъ свиданіи въ мой дневникъ:

„Былъ у протопресвитера Желобовскаго; провелъ съ нимъ 1/2 часа въ оживленной, сердечной бесѣдѣ. Говорили о моихъ военныхъ заключенныхъ, о ген. Куропаткинѣ, о военныхъ канцеляріяхъ, раз-

драженныхъ работой, которую задаетъ имъ, яко-бы, напрасно, неутомимый, безпокойный министръ. Много лестнаго сказалъ мнѣ Желобовскій о начатомъ мною дѣлѣ, увѣривъ, что пока оно въ рукахъ Куропаткина, то не заглохнетъ, а моя любовь къ несчастнымъ узникамъ найдетъ себѣ награду въ успѣшномъ окончаніи дѣла. Въ сентябрѣ Желобовскій собирается въ Вильну, обѣщалъ побывать у меня, просилъ сообщить ему про грустные факты, извѣстные мнѣ изъ жизни военныхъ заключенныхъ для того, чтобы „тиснуть“ о нихъ въ докладѣ военному министру. „Нѣтъ дня“ говорилъ престарѣлый протопресвитеръ: „чтобы я не благодарилъ Бога за то, что министромъ Куропаткинъ. При Ванновскомъ не то было!.. Всесильный Ванновскій, значившій много при Императорѣ Александрѣ III, однимъ своимъ словомъ нерѣдко парализовалъ хорошія дѣла. Къ военному духовенству и духовнымъ нуждамъ войскъ министръ относился почти-что враждебно. Однажды завязалось дѣло объ отпускѣ нѣсколькихъ тысячъ на постройку церкви для огромнаго гарнизона. Я поѣхалъ къ Ванновскому. Выслушавъ меня, онъ сказалъ: „У насъ нѣтъ крѣпостей, а вы поднимаете вопросъ о церкви“. Я отвѣтилъ ему: „Ваше Высокопревосходительство! Ничего не сдѣлаютъ ваши крѣпости, если въ солдатѣ не будетъ вѣры. Вотъ почему я и забочусь о церквахъ...“ —„Это вы такъ думаете...“ съ усмѣшкой отвѣчалъ Ванновскій. Такъ дѣло о постройкѣ храма и провалилось. Не разъ приходилось мнѣ выслушивать подобные-же отвѣты... А теперь, при Куропаткинѣ, не то. На дняхъ, вечеромъ, зашелъ ко мнѣ генералъ графъ Татищевъ. Я испугался такого необычайнаго визита. Оказалось, однако, что генералъ пришелъ сообщить мнѣ радостную вѣсть о томъ, что на будущее пятилѣтіе, на постройку военныхъ церквей, ассигновано два милліона шестьсотъ тысячъ рублей.“ Я отъ души благодарилъ протопресвитера за поддержку, оказанную мнѣ въ правомъ дѣлѣ, поднятомъ мною ко благу военныхъ заключенныхъ, а, онъ, въ свою очередь, благодарилъ меня“.

Помню, какъ слушая размѣрную, спокойную рѣчь о. протопресвитера о бесѣдѣ его съ Ванновскимъ, я, въ душѣ, невольно былъ на сторонѣ послѣдняго, тѣмъ болѣе, что вѣра должна поддерживаться въ народѣ и войскѣ не одними храмами. Выслушавъ хвастливый разсказъ его объ ассигнованіи, при Куропаткинѣ, огромной суммы казенныхъ денегъ на будущее церковное строительство, я, въ то-же время, не могъ не вздохнуть мысленно, подумавъ: „Вотъ куда идутъ казенныя, т. е. народныя, денежки!.. У насъ, въ Россіи, нѣтъ средствъ на постройку новыхъ зданій для гауптвахтъ, гдѣ тѣ-же христолюбивые воины гніютъ и развращаются, заражая всю армію. А на храмы, повидимому легко, не стѣсняясь, отпускаются милліоны... Точно ихъ, этихъ храмовъ, и безъ того недостаточно!“

Въ то-же время несправедливой казалась мнѣ логика маститаго представителя нашего военнаго духовенства: какъ хорошо, точно смакуя слова, имъ произносимыя, говоритъ онъ о необходимости поддержанія вѣры въ русскомъ воинѣ путемъ религіи... А вотъ не смущаетъ-же его, что ежегодно, по русскимъ гауптвахтамъ, гибнутъ, безъ всякаго религіознаго воздѣйствія, внѣ вліянія духовенства, даже безъ

иконъ по казематамъ, безъ исповѣди и св. причастія, десятки тысячъ представителей русской арміи, изъ которыхъ часть возвращается, затѣмъ, въ ряды послѣдней... Два слишкомъ милліона на церкви для двухъ, трехъ населенныхъ пунктовъ!.. Сколько-же можно было-бы сдѣлать на подобный капиталъ для перестройки гауптвахтъ по всей Россіи, для улучшенія быта ихъ узниковъ!.. Маститый сановникъ духовнаго вѣдомства, написалъ, по поводу моей записки, сочувственный докладъ военному министру, да на томъ и усыпилъ свою совѣсть, воображая, что сдѣлалъ Богъ вѣсть какое великое, святое, христіанское дѣло... Вотъ, если-бы онъ, ужаснувшись вмѣстѣ со мною, поѣхалъ-бы по всей Россіи, посѣтилъ-бы всѣ гауптвахты, повелъ-бы туда за собою все военное духовенство, заставивъ его и впредь посѣщать эти воинскія мѣста заключенія, то могъ-бы сказать, что послужилъ дѣлу помощи страждущаго, заблудшаго, колеблющагося въ вопросахъ совѣсти и нравственности, ближняго...

Глядя на него, въ его шелковой рясѣ, съ выхоленными руками, въ удобной обстановкѣ уютной, казенной квартиры, мнѣ невольно приходило въ голову, что никогда, никогда не бывалъ онъ на главныхъ гауптвахтахъ, особенно въ санѣ протопресвитера, почему звучитъ теоретической фальшью и фраза его, уроненная по поводу моей записки военному министру: „Полковникъ Жиркевичъ нѣсколько обобщаетъ констатируемые имъ факты и явленіямъ случайнымъ придаетъ постоянный характеръ...“

Нѣтъ ничего легче, какъ спорить, опровергать подобными, общими фразами: „вы обобщаете“, „вы сгущаете“, „вы преувеличиваете“.

Точно вопросъ, поднятый мною, теряетъ свое, такъ сказать, принципіальное значеніе, если фактовъ станетъ меньше, если разбавить краски, ослабить тѣни?!.

И это мнѣ, пришедшему чуть не съ самой гауптвахты, въ салонъ протопресвитера, приходилось читать, выслушивать!

Сколько разъ, при моихъ столкновеніяхъ изъ-за гауптвахтъ съ начальствомъ, бросали мнѣ въ лицо такого-же рода общіе упреки тѣ, кто и стоялъ далеко отъ жизни, быта гауптвахтъ, или если и былъ поставленъ, по закону, къ нимъ близко, то не понималъ сути своихъ человѣческо-христіанскихъ обязанностей!!...

Хотѣлось крикнуть этому самодовольному, изнѣженному пастырю: „Поѣдемъ вмѣсто всякихъ споровъ сейчасъ со мною на любую провинціальную главную гауптвахту!“

„Странное впечатлѣніе произвелъ на меня Желобовскій“ упоминается въ моемъ дневникѣ, посвященномъ командировкѣ въ Петербургъ: „Говоритъ тепло, хорошо, со слезой въ голосѣ... А чувствуется что-то не вполнѣ искреннее. Зная, что о. протопресвитеръ дѣйствительно близокъ къ Куропаткину, я сталъ просить его, при случаѣ, замолвить министру слово за моихъ узниковъ; а онъ замялъ разговоръ...“

Увы! Желобовскій, такъ подробно разсказывавшій мнѣ о своихъ легкихъ побѣдахъ у военнаго министра, о вниманіи послѣдняго ко всѣмъ его заявленіямъ, такъ-таки ничего, ровно ничего, не сдѣлалъ впослѣдствіи, какъ мы это увидимъ еще, для моихъ узниковъ: прости, Господи, ему этотъ грѣхъ!!.

Но я забѣгаю впередъ.

Возвращусь къ продолженію повѣствованія о моихъ приключеніяхъ въ Петербургѣ.

Посѣтилъ я еще разъ А. А. Навроцкаго.

Старикъ снова ободрялъ меня, совѣтуя „мудрость змія и кротость голубя“ въ сношеніяхъ съ Главнымъ Штабомъ. А я изнемогалъ уже отъ напряженныхъ ожиданій, отъ ничего-недѣланья, отъ безплодныхъ блужданій по вымершему на лѣто Петербургу, гдѣ оставалась бѣднота, вѣчные труженики канцелярій, да такіе-же неудачники изъ провинціи, какъ я, прикованные къ послѣднимъ.

При моемъ характерѣ, вопреки предостереженіямъ друзей и доброжелателей, не въ силахъ былъ я молчаливо, покорно выдерживать пытку и въ концѣ-концовъ, поставилъ вопросъ о моемъ пребываніи въ Петербургѣ ребромъ, т. е. попросилъ или дать ходъ дѣлу или вернуть мена въ Вильну.

Въ виду подобнаго заявленія записку мою выслушалъ, въ моемъ чтеніи, начальникъ 1-го отдѣленія полковникъ Подгурскій, заявившій что доложитъ ее Начальнику Главнаго Штаба и что, затѣмъ, она будетъ ждать пріѣзда ген. Куропаткина, отсутствовавшаго въ то время; меня-же отпустятъ, согласно желанію моему, въ Вильну.

Хотя чтеніе моего труда заняло не болѣе 1½ часа, но надо было видѣть недовольныя физіономіи служащихъ въ 1-мъ отдѣленіи, доклады которыхъ я невольно задержалъ... Въ шутливомъ тонѣ мнѣ даже замѣтили, что „для всякаго вопроса, въ родѣ моего, спасенія Портъ-Артура, Квантуна и проч., обыкновенно направляются запросы по начальству. И когда-то еще получится оттуда, съ Дальняго Востока, отвѣтъ! Для очистки-же совѣсти напишется повтореніе и снова ждутъ...

Такъ удостовѣряетъ мой дневникъ.

А ген. Лузанова, на котораго я такъ расчитывалъ, все еще не было!

Когда я ѣхалъ, затѣмъ, въ вагонѣ, изъ Петербурга, въ Вильну, для меня ясной стала вдругъ петербургская бездна, на краю которой, въ потемкахъ, блуждалъ я до сихъ поръ съ моими проектами объ улучшеніи быта военныхъ гауптвахтъ. Въ то-же время, не могъ-же я не видѣть, что меня по-просту, грубо пытаются сплавить, что меня никогда не допустятъ до Куропаткина...

Несомнѣннымъ являлось, что къ моимъ заявленіямъ относятся въ Главномъ Штабѣ не то враждебно, не то равнодушно, не то съ презрѣніемъ, уже потому, что я —офицеръ чужого, несимпатичнаго вѣдомства, насильственно навязанный Главному Штабу всѣми ненавидимымъ Куропаткинымъ, при томъ съ дѣломъ, принадлежащимъ къ

разряду тѣхъ, за которыя именно въ Петербургѣ Куропаткина всѣ и осуждаютъ...

Вотъ почему, при „безпамятности“ военнаго министра, о которой такъ кричали въ Петербургѣ, при его способности разбрасываться, размѣниваться по мелочамъ и чуть не ежедневно „плодить“ дѣла на нравственной, бытовой почвѣ военной дѣйствительности, безъ должной энергіи доведенія ихъ до конца, ознакомившись съ духомъ, порядками, настроеніями Главнаго Штаба, не могъ я не предвидѣть теперь, что и мои военные узники съ ихъ нуждами и стонами безъ сомнѣнія будутъ свалены Штабомъ въ Лету забвенія...

Если-бы ген. Куропаткинъ, думалось мнѣ, дѣйствительно интересовался-бы мною и моими усиліями внести лучъ справедливости въ „мертвые дома“ нашихъ гауптвахтъ, то развѣ не могъ-бы онъ вспомнить лишній разъ обо мнѣ, вызвать меня, для личнаго доклада, поинтересоваться положеніемъ вопроса, властно напомнить, наконецъ, о немъ Штабу?!

А между нами, послѣ встрѣчи въ общемъ пріемѣ, точно сразу-же, легла цѣлая бездна и бездну эту, въ образѣ Главнаго Штаба, ревниво оберегающаго покой свой отъ лишней, непріятной, сложной работы, конечно, мнѣ не дадутъ никогда преодолѣть...

Ужъ если разумная, руководящая, прямо приказывающая, резолюція Куропаткина—о ревизіи всѣхъ гауптвахтъ Россіи, преспокойно положена здѣсь подъ сукно, какъ праздная, къ дѣлу неидущая, болтовня, уроненная на бумагу для того лишь, чтобы забыться, потонуть въ общемъ хаосѣ подобныхъ-же резолюцій, то могъ-ли я расчитывать на исключительное вниманіе къ моимъ робкимъ, почтительнымъ докладамъ?!...

Мои узники, о которыхъ я слезно просилъ, указывая на ихъ нужды и желанія, не казались-ли здѣсь, среди этихъ сытыхъ, чистенько одѣтыхъ, благовоспитанныхъ, уравновѣшенныхъ представителей штабной „волокиты“, лишь непріятнымъ диссонансомъ, рѣжущимъ ухо, мѣшающимъ общей гармоніи,—диссонансомъ, быть можетъ, созданнымъ напуганнымъ воображеніемъ второстепеннаго военно-судебнаго дѣятеля изъ провинціи, дерзнувшаго, къ тому-же, пріѣзжать и учить непогрѣшимый Петербургъ?!...

На соннаго, самодовольнаго, уставшаго, мечтающаго о старческомъ покоѣ, пастыря-теоретика, о. Желобовскаго расчитывать было, очевидно, нечего. Даже благородныя усилія ген. Лузанова-помочь мнѣ—рисовались теперь благими пожеланіями порядочнаго человѣка, который, въ общемъ равнодушіи Петербургскихъ сферъ, при безразличномъ отношеніи Главнаго Военно-Суднаго Управленія къ поднятому мною вопросу, при равнодушіи къ послѣднему всего военно-судебнаго вѣдомства, конечно, ломать изъ-за меня копья и надоѣдать особыми докладами Куропаткину не станетъ.

Личныя мои связи, на которыя такъ я одно время надѣялся... Да, онѣ были еще на лицо...

Но мнѣ ясно теперь представлялось, какъ попытки всѣхъ этихъ людей, далекихъ отъ затронутаго мною вопроса, будутъ безсильны

одолѣть омутъ „канцелярской волокиты“ Главнаго Штаба, властно засосавшій въ свою утробу мой проектъ...

Оставалось надѣяться лишь на Бога, на правоту самаго дѣла, на время, да на собственныя свои силы...

Въ перспективѣ ясно рисовалась долгая, упорная, неравная борьба—борьба даже безъ надежды на конечный успѣхъ и отдыхъ въ сознаніи честно исполненнаго долга совѣсти. Предстояла неблагодарная, вялая дѣятельность улитки, страдальчески замкнувшейся въ своей скорлупѣ, т. е. трата вѣры, любви, нравственныхъ силъ на ограниченную даннымъ судьбою раіономъ работу въ пользу одной лишь Виленской главной гауптвахты...

Я ждалъ тѣмъ не менѣе, что меня еще вызовутъ въ Петербургъ, что состоятся еще быть можетъ, личныя со мной объясненія—по поводу моего новаго заявленія.

Какъ вдругъ получаю,въ Вильнѣ, письмо отъ полковника Подгурскаго (отъ 23 іюля 1902 г. № 37) слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь, Александръ Владимировичъ,

Военный Министръ, по докладѣ ему Вашей записки, приказалъ вопросъ объ улучшеніи быта военныхъ арестантовъ, согласно изложеннымъ Вами предложеніямъ, разсмотрѣть совмѣстно съ Главнымъ Военно-Суднымъ Управленіемъ, а Васъ откомандировать къ мѣсту постояннаго Вашего служенія и удовлетворить двойными прогонами. Вслѣдствіе сего я нашелъ излишнимъ вызывать Васъ въ Петербургъ исключительно для сообщенія Вамъ изложеннаго приказанія Военнаго Министра, а, потому, вмѣстѣ съ симъ, посылается Вамъ предписаніе объ откомандированіи и предложеніе предсѣдателю Виленскаго военно-окружнаго суда—удовлетворить Васъ слѣдуемыми Вамъ прогонными деньгами. Въ виду сего возвращается свидѣтельство за № 2292. Что-же касается до квартирныхъ денегъ за время Вашего пребыванія въ Петербургѣ, съ 12 іюня по день полученія предписанія, то таковыя можете лично вытребовать изъ С.-Петербургскаго Интендантскаго Управленія.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. Готовый къ услугамъ Вашимъ Ф. Подгурскій.

Объ отправленіи Вашемъ изъ Петербурга къ мѣсту служенія Вамъ слѣдуетъ подать рапортъ въ Главный Штабъ; рапортъ этотъ направьте мнѣ, а, затѣмъ, ему будетъ данъ соотвѣтствующій ходъ.“

Меня ошеломило не только содержаніе этого документа, лишь утверждавшее меня въ предчувствіяхъ о провалѣ въ Главномъ Штабѣ моего проекта, но и самый того письма: „Я нашелъ излишнимъ вызывать васъ....“ Недурно. . . для начальника отдѣленія Главнаго Штаба и такого-же, какъ я, полковника!...

„Хотя-бы изъ приличія сослался онъ на свое высшее начальство“ думалось мнѣ.

Предчувствуя, однако, катастрофу и многое читая между строкъ, немедленно-же выѣхалъ я въ Петербургъ, для личныхъ объясненій.

Подъ 31 іюля (Вильна) занесено въ мой дневникъ:

„Съѣздилъ въ Петербургъ—и хорошо, что съѣздилъ... Письмо полк. Подгурскаго не выясняло многое по дѣлу объ узникахъ... И надо было видѣть разочарованно-недовольное выраженіе нѣкоторыхъ физіономій въ Гл. Штабѣ, когда человѣкъ, котораго, повидимому, безповоротно упрятали въ провинцію, всталъ вдругъ еще разъ передъ ними!..

Разстался я, впрочемъ, съ первымъ отдѣленіемъ дружелюбно: кромѣ полковника Подгурскаго, разыгрывавшаго какое-то начальство, всѣ остальные относились ко мнѣ тамъ хорошо. Но вѣдь вся сила-то и была въ этомъ самомъ Подгурскомъ, канцелярскій покой котораго, да еще лѣтомъ, отравилъ я моими памятными записками!..

Дѣло объ арестованныхъ, какъ я убѣдился, вступило теперь очевидно въ область обычныхъ „канцелярскихъ спихиваній". Главный Штабъ устроилъ такъ, что все спихнулъ въ Главное Военно-Судное Управленіе, а это послѣднее намѣрено (какъ меня тамъ и предупредили), въ свою очередь, отпихнуть дѣло обратно, къ Главному Штабу. Недаромъ-же ген. Уссаковскій, когда, въ этотъ пріѣздъ, заходилъ я къ нему откланиваться, побѣдоносно крутя свой длинный усъ (это у него привычка), поспѣшилъ обрадовать меня пріятной вѣстью о томъ, что „дѣло ваше..... затянется надолго." Еще ранѣе, въ 1-мъ отдѣленіи, одинъ милѣйшій утонченно-вѣжливый, предупредительный штабъ-офицеръ уклончиво, хотя и не безъ тайнаго злорадства, сообщилъ мнѣ, точно торопясь передать нѣчто утѣшительное: „Военный Министръ и не прочелъ вашей записки... Она—очень длинна"... Длинна! Я хорошо видѣлъ, что сила тутъ заключалась не въ объемѣ моей работы, а совершенно въ иномъ. Для меня, изъ словъ собесѣдника, было яснымъ, что разъ Куропаткинъ не прочелъ записки, а положилъ резолюцію объ ея направленіи, то что эта послѣдняя была ему подсказана, продиктована. Быть можетъ, однако, я и огорчилъ, задѣлъ генерала Уссаковскаго, какъ высшаго представителя Главнаго Штаба, слишкомъ самонадѣянно заявивъ ему,—въ отвѣтъ на его вышеприведенныя слова,—что надѣюсь ускорить ходъ дѣла, такъ какъ былъ уже въ Главномъ Военно-Судномъ управленіи у генерала Лузанова, у Кирилина, которые и обѣщали мнѣ возможно скорѣе, не задерживая, вернуть въ Главный Штабъ часть моей записки, относящуюся къ послѣднему. Но, на мою надежду, ген. Уссаковскій ничего не отвѣтилъ, а только демонически-коварно улыбнулся и еще разъ покрутилъ усъ, молчаніемъ своимъ давъ понять, что аудіенція кончена, а я могу убираться"...

Въ этотъ пріѣздъ мнѣ, въ видѣ отговорки, дали почувствовать, между прочимъ, въ Главномъ Штабѣ, что на мои реформы у военнаго вѣдомства нѣтъ, будто-бы, средствъ.

Конечно, для меня являлась несомнѣнной фальшь подобнаго заявленія, и вотъ почему:

Мною приводилось выше, въ настоящей книгѣ, отношеніе Главнаго Штаба отъ 18 мая 1901 года за № 27930 на имя командующихъ

войсками въ округахъ, въ которомъ, по Высочайшему повелѣнію, съ доклада того-же военнаго министра ген. Куропаткина, приказано было, въ видѣ опыта, на три года, ввести во всей арміи духовно-нравственныя реформы, въ томъ числѣ усиленіе состава библіотекъ и проч., вызывавшее значительные расходы отъ казны, если принять въ расчетъ величину всей арміи... Забыли только при этомъ нижнихъ чиновъ, сидящихъ на гауптвахтахъ. И вотъ, когда я напомнилъ объ этихъ „пасынкахъ военнаго быта", составляющихъ, въ сущности, ничтожную частицу этой арміи, указавъ на то, что нельзя-же обходить и ихъ, то для нихъ вдругъ сурово, безпощадно закрылся казенный кошелекъ.

Повидимому, никому въ голову не пришло попытаться выполнить указанное мною и признанное для гауптвахтъ всей арміей, т. е. тоже, на три года, въ видѣ опыта, ввести мои реформы...

Интересно-бы знать, кстати, выполнено-ли указаніе на трехъ-лѣтній срокъ опыта для всей арміи, произведенъ-ли по прошествіи трехъ лѣтъ пересмотръ того, что далъ за этотъ срокъ опытъ и т. п.?

Или все и тутъ забыто осталось въ области благихъ начинаній резолюцій?!....

ГЛАВА IX.

Я не сдаюсь, однако, а продолжаю борьбу, сидя въ Вильнѣ. «Винтикъ» Главнаго Штаба, отъ котораго все зависѣло—въ смыслѣ доклада, со мною цинично откровенничающій. Письма къ начальнику Главнаго Штаба, къ генералу Лузанову (съ новой запиской—о необходимости нѣкоторыхъ реформъ въ сферѣ отправленія военно-суднаго правосудія).

Вернувшись, обезкураженный, въ Вильну, могъ-ли я, однако, сидѣть сложа руки, сдаться и оставить борьбу, когда, посѣтивъ по привычкѣ, немедленно-же, моихъ узниковъ, на главной мѣстной гауптвахтѣ, снова увидѣлъ ихъ въ сырыхъ, зловонныхъ казематахъ, по-прежнему, вглядѣлся въ ихъ блѣдныя, осунувшіяся физіономіи и выслушалъ ихъ новыя, безконечныя, жалобы на гауптвахтную обстановку и равнодушіе начальства!

Начались хожденія мои къ коменданту, къ командирамъ частей войскъ, просьбы, настаиванія, напоминанія...

Не давалъ я дремать и въ отношеніи другихъ гауптвахтъ моего участка.

Но все это не удовлетворяло теперь меня: хотѣлось попытаться двинуть общій вопросъ...

Надо было навести справки въ Петербургѣ о положеніи этого вопроса—и въ Главномъ Штабѣ, и въ Главномъ Военно-Судномъ Управленіи: за переписку съ находившимися въ этихъ учрежденіяхъ лицами я энергично и принялся—со смутной надеждою на успѣхъ.

Прикомандированный въ тѣ дни къ Главному Военно-Судному Управленію мой товарищъ по полку и старинный пріятель полковникъ А. А. Адріановъ *), въ рядѣ писемъ, сообщалъ мнѣ вѣсти, на первый взглядъ, будто-бы, и утѣшительнаго характера.

„Ваша записка“ утѣшалъ онъ меня (23 августа 1902 г.): „получена Гл. В.-С. Управленіемъ 1-го августа и передана для разсмотрѣнія въ 1-е отдѣленіе (законодательное),—полковнику Звонникову. Я его не видалъ, а когда увижу, то узнаю, что̀ съ нею намѣрены дѣлать, и сообщу Вамъ“.

„Я говорилъ со Звонниковымъ по Вашему дѣлу“ писалъ мнѣ Адріановъ 26 августа: „и онъ мнѣ сказалъ, что сегодня отправляется въ Главный Штабъ увѣдомленіе, что всѣ административныя мѣры къ улучшенію быта арестантовъ, указанныя въ Вашей запискѣ, признаются Главнымъ Военно-Суднымъ Управленіемъ вполнѣ цѣлесообразными и желательно, чтобы онѣ были осуществлены возможно скорѣй. Словомъ Гл. В.-Судное Управленіе весьма сочувственно къ нимъ относится, и въ такомъ смыслѣ сообщено Главному Штабу. Юридиче-

*) Нынѣ Московскій градоначальникъ и генералъ.

скія-же мѣропріятія, Вами указанныя, будутъ детально разрабатываться въ Гл. В.-Судномъ Управленіи".

6 сентября онъ-же прислалъ мнѣ такую справку:

„Въ Главный Штабъ отправлена бумага 27 августа за № 4372. Ваша записка передана въ IV отдѣленіе, къ Бурдину, и, какъ я слышалъ, П. Ѳ. Лузановъ настаиваетъ, чтобы была скорѣй разработана. Бурдинъ хотѣлъ передать ее въ законодательную комиссію, которая здѣсь существуетъ, подъ предсѣдательствомъ Быкова, но Петръ Ѳомичъ *) отклонилъ этотъ проектъ: въ коммисіи скоро не сдѣлаютъ, у Быкова **) и безъ того много дѣла. Видимо Петръ Ѳомичъ сильно заинтересованъ и самъ беретъ подъ свое покровительство Вашъ добрый проектъ".

Да, я зналъ, что если въ Главномъ Военно-Судномъ Управленіи дѣло какъ-бы движется, то лишь благодаря Лузанову, съ ужасомъ думая: а если его сплавятъ, или онъ уйдетъ самъ?!.

Е. Н. Кудрявцевъ, наведя справки,—очевидно въ Гл. Штабѣ, писалъ мнѣ, нѣсколько позднѣе (14 октября 1902 г.):

„По Вашему проекту вотъ какая справка: многое, что Вы говорите о гарнизонной, внутренней службѣ принято. Многое, касающееся улучшенія быта арестантовъ—желательно принять, но потребуются значительные новые расходы, а денегъ нѣтъ. Однако, ничего не предрѣшая, Главный Штабъ ожидаетъ возвращенія Военнаго Министра (около 20 октября, а, можетъ, и позже)—и тогда все будетъ ему доложено самимъ начальникомъ Гл. Штаба ***), который относится къ проекту въ высшей степени благопріятно. Вотъ и все!"

Такъ писали мнѣ лица, стоящія въ сторонѣ отъ затронутыхъ мною вопросовъ, хотя мнѣ и сочувствовавшія.

Зная уже, по опыту, что и начальникъ Главнаго Штаба, обремененный, какъ и военный министръ, сотнями вопросовъ, заваленный всякаго рода канцелярщиной, всецѣло находится въ рукахъ докладчиковъ, т. е. подчиненныхъ, при томъ стоящихъ на низшихъ ступеняхъ военно-штабной іерархіи, я завелъ переписку съ однимъ, нынѣ, на сколько знаю, умершимъ, служащимъ 1-го отдѣленія Гл. Штаба, на которомъ лежала вся черновая работа докладовъ по моему дѣлу: для меня было совершенно яснымъ, что все, составленное этимъ господиномъ, не провѣряя, включитъ въ свой докладъ 1-е отдѣленіе; что этотъ только матеріалъ и попадетъ, затѣмъ, къ начальнику Главнаго Штаба, а, значитъ, доложится имъ военному министру и ляжетъ въ основаніе того или иного окончательнаго рѣшенія.

Увы! Винтики, особенно нѣкоторые, много значатъ у насъ въ общемъ ходѣ бюрократической машины...

И вотъ я завелъ сношенія именно съ такимъ „винтикомъ", отъ котораго зависѣла первоначальная редакція докладовъ, умоляя его—обратить вниманіе на мой трудъ и не погубить его...

Я получилъ отъ покойнаго два письма, у меня хранящихся.

*) Генералъ Лузановъ.

**) Нынѣ предсѣдатель Главнаго Военнаго Суда.

***) Генералъ Сахаровъ.

Въ первомъ (24 октября) онъ увѣдомлялъ меня довольно пока любезно:

„Съ удовольствіемъ отвѣчаю: копія съ Вашей записки переслана была въ Главное Военно-Судное Управленіе при отзывѣ отъ 30 іюля сего года за № 39594 и уже получено заключеніе отъ нихъ (27 августа № 4372), въ которомъ они заявляютъ, что тѣ вопросы, которые касаются ихъ дѣлопроизводства, ими приняты къ разработкѣ, а противъ остальныхъ Вашихъ предложеній они ничего не имѣютъ, за исключеніемъ учрежденія гауптвахтнаго праздника, что находятъ совершенно несоотвѣтственнымъ. Въ настоящее время я лично занятъ Вашей запиской, но, такъ какъ, по разсмотрѣнію ея подробно, я пришелъ къ заключенію, *что она совершенно не относится къ моему дѣлопроизводству,* то долженъ запрашивать мнѣнія разныхъ учрежденій, отдѣловъ и частей Главнаго Штаба и другихъ управленій, а вслѣдствіе сего рѣшеніе вопроса, по независящимъ отъ меня причинамъ, затягивается."

„Снова—это гордое я!" подумалось, мнѣ: „Точно боги какіе-то!.."

Въ то-же время ясно мнѣ представилась общая картина спихиваній, переписокъ, отписокъ, повтореній и напоминаній, а также припоминался недавній сравнительно разговоръ мой въ Главномъ Штабѣ о принятой на практикѣ системѣ сношеній съ „Портъ-Артуромъ и Квантуномъ."

Хорошаго въ перспективѣ, конечно, ничего не рисовалось. Тѣмъ не менѣе я сталъ налегать на „винтика" и вотъ онъ, видимо раздраженный моей навязчивостью, подарилъ меня прямо „историческимъ" письмомъ (отъ 6 ноября 1902 г.), разрушавшимъ мои послѣднія иллюзіи.

„Винтикъ" писалъ съ циничной откровенностью, даже не безъ нѣкотораго благодушнаго юмора, въ качествѣ сознающаго силу и преимущества своего положенія вершителя судебъ поднятаго мною вопроса, слѣдующее:

„...Что-же касается до Вашей записки, то по тщательномъ разсмотрѣніи *ея мною* (подчернуто писавшимъ), я, какъ уже ранѣе Вамъ писалъ, пришелъ къ тому заключенію, что всѣ предполагаемыя Вами мѣры такъ или иначе вызываютъ расходы, за исключеніемъ развѣ мѣръ—двукратное провѣтриваніе камеръ и истребленіе сквернословія (тутъ—юморъ) и *что дѣло это совершенно не моего дѣлопроизводства.* А потому придется запрашивать заключеніе Главнаго Интендантскаго и Главнаго Инженернаго управленій (двѣ смѣны наволочекъ, маты вмѣсто соломы, двойной комплектъ одежды запасомъ и проч.), а въ настоящее время записка находится въ части по изданію уставовъ Главнаго Штаба (несоотвѣтствіе разныхъ уставовъ и прочихъ новыхъ измѣненій уставовъ въ запискѣ). Эта часть *также нашла себя не совсѣмъ компетентной въ разрѣшеніи возбужденныхъ Вами вопросовъ* и передала Вашу записку на разсмотрѣніе особой комиссіи, засѣдающей нынѣ въ Штабѣ, тоже по поводу какихъ-то арестантскихъ дѣлъ, а потому, слѣдовательно, должна быть по этимъ вопросамъ компетентна. (Тоже видимо попытка на юморъ).

Я-же откровенно Вамъ скажу, что изъ всего Вашего дѣла ни-

чего не выйдетъ, и Вы только напрасно задали всѣмъ работу, а особенно *мнѣ* (подчеркнуто авторомъ письма), а потому, будьте такъ добры, окажите протекцію (снова—юморъ!) и извлеките ее изъ моего дѣлопроизводства, чѣмъ премного меня обяжете. Я буду служить лишь передаточной инстанціей *и, слѣдовательно, волей-неволей, буду иногда задерживать только окончаніе возбужденнаго Вами дѣла...*"

Такъ глумился надо мною, видимо смакуя слова свои и наслаждаясь возможностью сдѣлать мнѣ непріятность, незначительный, по чину, „винтикъ", отъ котораго несомнѣнно все зависѣло—въ данномъ положеніи.

И, надо сознаться, что дѣйствительно это „все" застыло, какъ онъ предсказывалъ, а дѣло мое и по сіе время.... т. е. черезъ десять лѣтъ, такъ и почіетъ въ какихъ-то бюрократическихъ дебряхъ, подъ охраною другихъ, подобныхъ-же „винтиковъ"...

Но, въ ту эпоху, т. е. получивъ письмо, я не могъ не придти въ негодованіе и ужасъ отъ столь откровеннаго признанія, уже потому, что писавшій мнѣ, несмотря на „тщательное", по его увѣренію, изученіе моей записки, несомнѣнно умышленно искажалъ ея содержаніе, увѣряя, напримѣръ, совершенно неосновательно, будто-бы всѣ мои мѣры вызываютъ расходы казны, тогда какъ военный врачъ, военный священникъ, воинскіе чины на гауптвахтѣ, собесѣдованія и т. п., равно какъ и большинство, мною указаннаго, конечно, ничего казнѣ не стоили-бы.

Съ другой стороны, блестящій „винтикъ", по произволу его, искажалъ даже смыслъ даннаго мнѣ порученія: мнѣ приказано вѣдь было составить записку о реформахъ, невызывающихъ „особенныхъ" затратъ казны, а онъ передѣлалъ самовольно эту фразу въ томъ смыслѣ, что не должно быть совсѣмъ никакихъ расходовъ...

Невольно думалось, что человѣкъ даже не вчитался въ мой трудъ, или, пробѣжалъ его наскоро, не понявъ того, о чемъ пишетъ, а, между тѣмъ, заранѣе обрекалъ благое начинаніе мое на вѣрную длящуюся смерть...

Позднѣе, по прошествіи многихъ лѣтъ со времени только что описаннаго, изъ дѣлъ Комитета по образованію войскъ, созданнаго въ эпоху управленія военнымъ министерствомъ генерала Редигера, узналъ я, что „винтики" отрицательнаго направленія, засѣдавшіе въ 1902 г. въ Главномъ Штабѣ, мудро отпихнули отъ себя всю сложную работу, связанную съ разработкой указанныхъ мною лишь въ общихъ чертахъ реформъ, сперва въ часть по изданію уставовъ, а, затѣмъ, въ какую-то второстепенную спеціальную коммисію, засѣдавшую при Штабѣ по пересмотру правилъ конвойной службы, т. е. по спеціальному вопросу внѣшняго окарауливанія (къ чему я еще и вернусь въ своемъ мѣстѣ),—чѣмъ и обрекли, конечно, на пренебреженіе главный, нравственный элементъ, положенный въ основу всѣхъ моихъ реформъ...

Тѣмъ не менѣе, пытаясь всѣми силами обходить „винтики" Главнаго Штаба и избавить ихъ отъ терзаній надъ моимъ вопросомъ, къ которому они совершенно подготовлены не были, я, до полученія только что приведенныхъ писемъ отъ одного изъ нихъ, на всякій

случай, написалъ начальнику Главнаго Штаба, генералу В. В. Сахарову, о сочувствіи котораго къ моему начинанію сообщилъ мнѣ близко стоявшій въ тѣ дни къ высшимъ военнымъ сферамъ Петербурга Е. Н. Кудрявцевъ, письмо (отъ 12 сентября 1902 г.) слѣдующаго содержанія:

„Ваше Превосходительство,

Въ августѣ прошлаго года, находясь за границей, позволилъ я себѣ, черезъ генералъ-лейтенанта П. Ѳ. Лузанова, утруждать Г-на Военнаго Министра памятной запискою о вопіющихъ безпорядкахъ, царствующихъ на большинствѣ нашихъ провинціальныхъ, такъ называемыхъ, общихъ (главныхъ) гауптвахтъ.

Въ настоящемъ году, въ іюнѣ, по приказанію Г. Военнаго Министра и по распоряженію Вашего Превосходительства, я былъ вызванъ въ Главный Штабъ, чтобы лично доложить, что-же нахожу я возможнымъ, на основаніи опыта моего, указать въ смыслѣ реформъ на главныхъ гауптвахтахъ, безъ особыхъ затратъ казны. Тотъ-же вопросъ, при представленіи моемъ Г-ну Министру, генералъ-адъютанту А. Н. Куропаткину, Его Высокопревосходительство изволилъ повторить мнѣ лично, высказавшись за необходимость возможно скорѣйшаго введенія необходимыхъ реформъ и приказавъ мнѣ подать немедленно новую памятную записку, которую я и представилъ въ Главный Штабъ (при рапортѣ отъ 5 іюля).

Въ Главномъ Штабѣ, прежде чѣмъ составлять записку, я ознакомился подробно съ подлиннымъ дѣломъ, возникшимъ вслѣдствіе моей заграничной, первой памятной записки; при чемъ убѣдился, что подавляющее большинство запрошенныхъ по вопросу командующихъ войсками и командировъ корпусовъ всей России, а также о. Протопресвитеръ Военнаго и Морского Духовенства, дали уже о запискѣ моей самые благопріятные отзывы и что всѣ запрошенные высказались за неотложность введенія реформъ, попутно указавъ на желательныя, съ ихъ стороны, нововведенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я не могъ не отдать должнаго уваженія той огромной работѣ, которая уже сдѣлана Главнымъ Штабомъ для всесторонняго выясненія вопроса.

Въ виду изложеннаго, при составленіи новой памятной записки моей, мнѣ оставалось лишь благодарно воспользоваться мнѣніями нашихъ высшихъ военно-начальствующихъ лицъ и духовенства, а также работой Главнаго Штаба. Въ такомъ смыслѣ, т. е. со ссылками на всѣ эти авторитетныя мнѣнія, и составлена была моя новая записка, заключавшая въ себѣ: а) вопросы военно-административные, которые возможно провести въ жизнь войска немедленно, безъ особыхъ затратъ казны, соотвѣтствующимъ измѣненіемъ существующихъ, устарѣвшихъ, положеній; б) вопросы юридическаго характера, вызывающіе справки и требующіе продолжительнаго времени на обсужденіе, но которые стоятъ совершенно самостоятельно отъ вышеуказанныхъ вопросовъ военно-административнаго характера.

Мнѣ извѣстно, что Г-нъ Военный Министръ, познакомившись со второй моей запиской, приказалъ вопросъ объ улучшеніи быта военныхъ арестантовъ, согласно изложеннымъ мною предложеніями, не-

медленно разсмотрѣть Главному Штабу совмѣстно съ Главнымъ Военно-Суднымъ Управленіемъ.

Препровожденная, вслѣдствіе этого, Главнымъ Штабомъ записка моя уже разсмотрѣна въ Главномъ Военно-Судномъ Управленіи, которое, оставивъ у себя всѣ юридическіе вопросы, вернуло 27 августа въ Главный Штабъ военно-административную часть ея, давъ, на сколько мнѣ извѣстно, вполнѣ благопріятный отзывъ о моей запискѣ и высказавшись за необходимость возможно скорѣйшаго проведенія въ жизнь указанныхъ реформъ.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, по вопросу о крайней, неотложной необходимости реформъ быта военныхъ арестованныхъ, въ Главномъ Штабѣ имѣются: 1) мнѣнія высшихъ военно-начальствующихъ лицъ Россіи и ихъ подчиненныхъ; 2) мнѣнія о. Протопресвитера и подчиненнаго ему духовенства; 3) мнѣніе Главнаго Военно-Суднаго Управленія; 4) мои скромныя мнѣнія, основанныя на долголѣтнемъ, близкомъ знакомствѣ съ главными гауптвахтами.

И г. Военный Министръ, и военныя, и духовныя лица, какъ видно изъ подлиннаго дѣла, желаютъ возможно скорѣйшаго осуществленія указанныхъ мною реформъ. Да и само дѣло этого требуетъ. Но съ ужасомъ думаю я о возможности какой-либо новой справки, которая, не будучи существенной, затянетъ, однако, окончаніе столь отвѣтственнаго вопроса...

Если я позволяю себѣ утруждать настоящимъ письмомъ Ваше Превосходительство, отрывая отъ иныхъ, быть можетъ, болѣе важныхъ служебныхъ заботъ, то лишь потому, что будучи вызванъ Вами въ Главный Штабъ, явился я туда—къ сожалѣнію—въ то время, какъ Вы изволили отсутствовать, почему и лишенъ былъ случая представиться Вамъ и лично доложить о сущности дѣла.

Ваше Превосходительство! Со времени первой моей памятной записки прошло болѣе года; между тѣмъ, до сихъ поръ военные арестанты страдаютъ, гибнутъ и развращаются по гауптвахтамъ Россіи въ ожиданіи лучшихъ дней, а самыя гауптвахты остаются, по-прежнему, мѣстомъ, только портящимъ молодежь, попадающую изъ народа въ войска и содержащуюся на гауптвахтахъ. Я хорошо понимаю, что проволочка произошла—въ виду естественной необходимости наведенія справокъ и полученія мнѣній лицъ, близко стоящихъ къ вопросу... Но сколько за годъ этотъ унесли наши гауптвахты новыхъ жертвъ!!. Недавно имѣлъ я случай видѣть одну гауптвахту, нисколько неуступающую, по ужасамъ своимъ, той (№ 14 б. Виленской цитадели), которую обрисовалъ я въ моемъ постановленіи, представленномъ г. Военному Министру при первой памятной запискѣ. Впрочемъ сердце мое горитъ убѣжденной надеждою, что теперь, когда въ Главномъ Штабѣ, сосредоточенъ весь необходимый матеріалъ, и новыя справки совершенно излишни, когда одинокій ранѣе голосъ мой, къ восторгу моему, потонулъ въ голосахъ со всѣхъ концовъ Россіи, высказавшихся за неотложность реформъ,—Ваше Превосходительство, ознакомившись съ новой моей памятною запискою, поданной мною въ Ваше отсутствіе и, быть можетъ, Вамъ, поэтому, неизвѣстной, изво-

лите обратить еще разъ благосклонное вниманіе на вопросъ и не дадите ему остановиться въ его дальнѣйшемъ теченіи. Вопросъ этотъ, касающійся не только внѣшняго благосостоянія, но и души ближняго нашего, по мнѣнію моему, нельзя откладывать. Молчаніе здѣсь съ моей стороны, какъ военно-служащаго, было-бы равносильно преступленію, а дальнѣйшія проволочки должны лечь на совѣсть тѣхъ, кто въ нихъ оказался-бы виновенъ.

Вотъ почему, натолкнувшись вновь на явленія, иллюстрирующія прежніе возмутительные, грустные порядки на гауптвахтахъ,—порядки, отражающіеся на нравственности всей арміи, позволяю себѣ почтительно умолять Ваше Превосходительство—прислушаться къ голосамъ несчастныхъ заключенныхъ, которые черезъ меня смиренно, со слезами, повергаютъ на Ваше благоусмотрѣніе сиротскую участь ихъ—въ надеждѣ на то, что реформы на гауптвахтахъ будутъ введены возможно скорѣе, быть можетъ, немедленно, что не далекъ тотъ день, когда, благодарно перекрестясь въ иной обстановкѣ, заключенные помолятся Богу и за Ваше Превосходительство! Простите меня, если я позволяю себѣ столь откровенно, минуя формальности, стучаться въ сердце Ваше, напомнить о вопросѣ, который сталъ для меня одной изъ почтеннѣйшихъ, святыхъ цѣлей моей жизни!..

Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга

А. Жиркевичъ".

Нѣсколько позднѣе, при особомъ письмѣ (отъ 27 октября 1902 года), послалъ я генералу Лузанову еще одну „памятную записку"— въ отвѣтъ на запросъ, имъ мнѣ сдѣланный, когда по ходу моей съ нимъ переписки, указано было мною на необходимость—по возможности сократить время нахожденія на гауптвахтахъ узниковъ.

Я писалъ почтенному Петру Ѳомичу:

„Въ письмѣ отъ 10 сентября сего года Вы возложили на меня весьма лестное и пріятное порученіе—высказаться откровенно по вопросу о томъ, что̀-же сдѣлать „для сокращенія случаевъ и времени содержанія на гауптвахтахъ нижнихъ чиновъ?" Прилагаю памятную записку мою по этому вопросу, на Ваше благоусмотрѣніе, извиняясь за то, что записка эта немного опоздала; но я былъ заваленъ служебными и иными дѣлами; понадобились справки, а, затѣмъ, я узналъ, что Вы временно выѣхали изъ Петербурга... Мысль-же, что я запаздываю съ отвѣтомъ, все время, какъ упрекъ совѣсти, преслѣдовала меня...

Мнѣ кажется, что устранить важный недостатокъ, затронутый настоящимъ вопросомъ, можно, главнымъ образомъ: а) поставивъ въ должныя рамки, по отношенію къ закону и личности солдата, военное начальство, и б) завязавъ болѣе живыя, непосредственныя сношенія между этимъ начальствомъ, вообще строевыми офицерами и нашимъ военно-судебнымъ вѣдомствомъ, на почвѣ закона, внѣ сношеній, оффиціально установленныхъ уже уставами.

Будучи нѣсколько лѣтъ кандидатомъ и помощникомъ военнаго прокурора, я на себѣ испыталъ, насколько постепенно дѣлался я

далекъ отъ жизни, отъ быта войска, насколько привычка—равнодушно втискивать извѣстный фактъ преступленія въ рамки закона и „руководящихъ рѣшеній“ притупляетъ нравственно военнаго юриста, при томъ такъ, что за статьями и №№ рѣшеній ускользаетъ отъ него часто „душа“ даннаго дѣла, его нравственная, бытовая сторона. Мы, военные юристы, отстаемъ отъ жизни строевыхъ частей. Въ болѣе-же тѣсномъ общеніи со строевымъ элементомъ и выиграли-бы, прежде всего, мы-же, военные юристы, хотя-бы уже потому, что строевое начальство приглядѣлось-бы къ намъ поближе, почувствовало-бы въ насъ не только карающихъ и выслѣживающихъ враговъ своихъ (какими часто считаютъ насъ теперь), но и людей, у которыхъ есть чему поучиться, которымъ свойственны гуманность, пониманіе чужого горя, чужихъ недостатковъ. Вѣдь до сихъ поръ насъ знаютъ или плохо, или извращенно!..

Вотъ почему, въ запискѣ, позволилъ я себѣ остановиться особенно долго на вопросѣ о живомъ общеніи, на почвѣ закона и бытовой стороны преступленій, между строевымъ и военно-судебнымъ вѣдомствами. Необходимо оживить, расшевелить насъ, втянуть въ жизнь, въ бытъ войска...

Это, по глубокому моему убѣжденію, отразилось-бы и на арестованныхъ, иногда по недоразумѣніямъ, благодаря оффиціальности сношеній между строемъ и нашимъ вѣдомствомъ, томящихся по гауптвахтамъ.

Не взыщите, если записка моя покажется Вамъ слишкомъ жалкою по объему и содержанію!.. Во всякомъ случаѣ, я вношу ею, честно и открыто, мою посильную лепту—въ отвѣтъ на Вашъ призывъ. Надо думать, что другіе, болѣе опытные товарищи, дадутъ, въ этомъ отношеніи, и болѣе цѣнные вклады: дай-то Богъ!!.“

Самая-же „записка“ моя заключала въ себѣ слѣдующее:

„Памятная записка объ измѣненіяхъ, желательныхъ въ военно-уголовномъ законодательствѣ въ смыслѣ бóльшей быстроты военно-уголовнаго процесса“.

Въ двухъ памятныхъ запискахъ, представленныхъ мною въ прошломъ и текущемъ году Его Высокопревосходительству Г-ну Военному Министру, на основаніи личнаго моего опыта, указывалъ я на грустное, ненормальное положеніе нашихъ, такъ называемыхъ, общихъ, главныхъ военныхъ гауптвахтъ, изложивъ попутно и тѣ мѣры, съ помощью которыхъ возможно было-бы поставить бытъ арестованныхъ на иныя, болѣе здоровыя, гуманныя начала. Мнѣ, какъ военному слѣдователю, приходилось и приходится непосредственно, лицомъ къ лицу, сталкиваться съ жизнью, бытомъ частей войскъ, чего лишены, къ сожалѣнію, чины военно-судебнаго вѣдомства, занимающіе иныя должности. Поэтому мнѣ болѣе, чѣмъ кому-либо, видны и многіе недостатки и пробѣлы нашего законодательства. О нихъ я и хочу сказать въ настоящей запискѣ.

Какъ-бы хорошо не обставилась въ будущемъ общая гауптвахта, все-же, по самому назначенію своему, она всегда останется мѣстомъ заключенія, т. е. зломъ, по двумъ основнымъ причинамъ:

1) Лишая свободы нижняго чина, по большей части, молодого человѣка, не вполнѣ еще окрѣпшаго нравственно и физически, отрывая его отъ службы и среды товарищей, стремящихся къ опредѣленнымъ служебнымъ цѣлямъ, гауптвахта, тѣмъ самымъ, обрекаетъ заключеннаго на вынужденное, ненормальное бездѣйствіе, на отсутствіе разумнаго труда, свѣжаго воздуха, моціона, развлеченія и т. п.

2) На общихъ гауптвахтахъ, при самой педантичной классификаціи арестованныхъ по родамъ ихъ преступленій, всегда возможно будетъ дурное вліяніе испорченнаго человѣка на неокрѣпшій молодой умъ, на неопытное, довѣрчивое сердце.

Отсюда вытекаетъ положеніе, что въ интересахъ не только военной службы, но и личности русскаго солдата, необходимо сдѣлать возможно болѣе рѣдкими самые случаи, приводящіе нижнихъ чиновъ на общія гауптвахты, а, при неизбѣжности факта лишенія свободы,— по возможности сократить время нахожденія нижнихъ чиновъ на гауптвахтахъ.

Естественно, поэтому, рождается вопросъ: „какими-же способами можно добиться въ этой сферѣ желаемаго порядка?“

Постараюсь отвѣтить на него по мѣрѣ силъ моихъ и знаній.

Нижніе чины попадаютъ на общія, главныя гауптвахты:

а) будучи арестованы военно-начальствующими лицами внѣ казармъ, впредь до сообщенія непосредственному начальству ихъ объ ихъ проступкахъ;

б) въ періодъ производства въ частяхъ дознанія;

в) во время производства о нихъ предварительнаго слѣдствія;

и г) во время сужденія ихъ въ военно-окружныхъ и полковыхъ (бригадныхъ, баталіонныхъ) судахъ.

Такъ какъ случаи лишенія нижнихъ чиновъ свободы и заключенія ихъ на общихъ гауптвахтахъ имѣютъ тѣсную связь съ воинскимъ уставомъ о наказаніяхъ (XXII кн. Св. В. П.) и военно-судебнымъ уставомъ (XXIV кн. того-же свода), то къ этимъ уставамъ и слѣдуетъ обратиться по вопросу, затрогиваемому настоящей запискою.

По мнѣнію моему, сократить время пребыванія арестованныхъ на общихъ гауптвахтахъ возможно слѣдующими способами:

1) Упорядочивъ вопросъ о мѣрахъ пресѣченія, практикуемыхъ теперь въ частяхъ войскъ для воспрепятствованія уклониться отъ слѣдствія и суда;

2) внесеніемъ возможно большаго числа дѣлъ въ военно-окружные суды на основаніи одного лишь дознанія;

3) выработкой иного взгляда на нѣкоторые, чаще другихъ повторяющіеся въ военномъ быту, преступленія и проступки;

4) возможнымъ сокращеніемъ переписки при военно-уголовномъ судопроизводствѣ.

Въ связи съ изложеннымъ стоитъ весьма много вліяющій на продолжительность пребыванія нижнихъ чиновъ на гауптвахтѣ вопросъ—о плохой, въ большинствѣ случаевъ, юридической подготовкѣ

строевыхъ офицеровъ,производящихъ дознанiе и состоящихъ дѣлопроизводителями въ судахъ, учреждаемыхъ при частяхъ войскъ.

Въ указанномъ порядкѣ я и позволю себѣ изложить мое посильное мнѣнiе.

А. Мѣры пресѣченiя.

По отношенiю къ мѣрамъ пресѣченiя въ военно-судебномъ уставѣ имѣются слѣдующiя законо-положенiя:

а) въ случаѣ, если офицеръ, производящiй дознанiе „усмотритъ" необходимость ареста „подозрѣваемаго" въ преступленiи нижняго чина, то онъ немедленно представляетъ о томъ военному начальнику (328 ст. В. С. У.), а начальникъ, при назначенiи дознанiя, на основанiи 319 ст. того-же устава, можетъ, „въ случаѣ необходимости", арестовать нижняго чина, „подозрѣваемаго" въ желанiи уклониться отъ дознанiя, слѣдствiя и суда, съ соблюденiемъ однако 470—474 ст. ст. Устава.

б) Тѣ-же 470—474 статьи обязательны, при избранiи мѣры пресѣченiя, и для военнаго слѣдователя; но, на основанiи 475 ст. Устава, постановленiе военнаго слѣдователя приводится въ исполненiе лишь по обсужденiи его военнымъ начальникомъ, который, въ силу 476 ст., можетъ, „по своему усмотрѣнiю", измѣнить мѣру пресѣченiя на болѣе строгую, т. е. арестовать взятаго подъ надзоръ военнымъ слѣдователемъ нижняго чина. Только въ случаѣ, если военный начальникъ найдетъ мѣру, принятую военнымъ слѣдователемъ, слишкомъ строгой, то онъ передаетъ мнѣнiе свое черезъ военнаго прокурора на разсмотрѣнiе военно-окружного суда. Затѣмъ, рѣшенiями Главнаго Военнаго Суда, установлено, что принятая военнымъ начальникомъ — во время производства слѣдствiя—мѣра пресѣченiя не можетъ быть измѣнена даже въ порядкѣ 719 ст. В. С. У. и военное начальство не стѣснено „по уважительнымъ причинамъ", измѣнять мѣру пресѣченiя на болѣе строгую—съ доведенiемъ о томъ до свѣдѣнiя военно-окружнаго суда, который и рѣшаетъ вопросъ.

Изъ сопоставленiя только что изложеннаго вытекаетъ слѣдующее:

1) Въ то время, какъ по дѣламъ, подсуднымъ военно-окружному суду, военный слѣдователь, военный прокуроръ и военно-окружный судъ—вообще лица и учрежденiя, обладающiя спецiальной юридической подготовкою и юридическимъ опытомъ, хорошо ознакомленныя, къ тому-же, съ подлиннымъ дѣломъ, у нихъ на рукахъ находящимся, принимая ту или иную мѣру пресѣченiя способовъ уклоняться отъ отвѣтственности, обязаны по закону изложить свое рѣшенiе на бумагѣ, въ видѣ строго мотивированнаго опредѣленiя,—военный начальникъ—лицо, въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ юридическихъ вопросахъ совершенно некомпетентное, незнакомое съ ходомъ слѣдствiя и результатами послѣдняго,—хотя и долженъ имѣть руководствомъ для себя 474 ст. В. С. У., но закономъ не поставленъ въ необходимость дать отчетъ, мотивировать на бумагѣ свое рѣшенiе. Напротивъ, ему, военному начальнику, предоставляется дѣйствовать тутъ „по усмотрѣнiю", „по уважительнымъ причинамъ" и даже по одному докладу офицера, производящаго дознанiе, который почему-либо „заподозритъ" въ нижнемъ чинѣ желанiе уклоняться отъ законной отвѣтственности—арестовать нижняго чина.

2) Въ то время, какъ военный слѣдователь, по дѣламъ, подсуднымъ военно-окружному суду, относительно принятой имъ мѣры пресѣченія находится подъ тройнымъ контролемъ военнаго начальства, военно-прокурорскаго надзора и военно-окружного суда (не говоря уже о правѣ обвиняемаго обжаловать его постановленіе), военный начальникъ, въ періодъ производства дознанія въ части по дѣламъ, подсуднымъ полковому суду, и въ періодъ сужденія въ этомъ судѣ нижняго чина, поставленъ въ совершенно иныя условія: онъ находится внѣ всякаго контроля и вопросъ объ арестованіи нижняго чина зависитъ вполнѣ отъ личнаго его усмотрѣнія. О правѣ обжалованія его рѣшенія обвиняемымъ ничего не упомянуто. Огромная доля безконтрольнаго права арестованія предоставляется ему и по дѣламъ, подсуднымъ военно-окружному суду.

Отсюда, какъ убѣдилъ меня опытъ, является слѣдующее:

1) На практикѣ высшая мѣра пресѣченія — лишеніе свободы, арестъ—избирается нерѣдко военнымъ начальствомъ не по указаніямъ закона (не по 474 ст. В. С. У.), а единственно въ разсужденіи удобствъ части, почему неоднократно на вопросъ, обращенный мною къ военному начальнику въ частномъ разговорѣ „за что вы арестовали нижняго чина по такому ничтожному проступку?“ —приходилось мнѣ слышать: „А есть намъ время возиться съ поднадзорными? Еще удеретъ... Отвѣчай потомъ!“

2) Въ частяхъ установилась на практикѣ, закономъ непредусмотрѣнная, мѣра пресѣченія (тоже вызванная соображеніями удобства)— „впредь до особаго распоряженія“—мѣра, благодаря которой нижніе чины томятся въ заключеніи не одинъ или два дня послѣ арестованія, напримѣръ, ихъ на улицѣ офицеромъ за неприличное поведеніе— впредь до выясненія ихъ виновности, а цѣлыя недѣли—пока производится дознаніе, переходя по инерціи, съ той-же мѣрою пресѣченія, подъ слѣдствіе и судъ.

3) Въ частяхъ войскъ мѣра пресѣченія нерѣдко мѣняется по отношенію къ одному и тому-же нижнему чину нѣсколько разъ — въ зависимости отъ произвола военнаго начальства, единственнымъ объясненіемъ котораго служитъ, въ большинствѣ случаевъ отвѣтъ: „Я такъ хочу. Я такъ нашелъ нужнымъ“.

4) Военно-прокурорскій-же надзоръ, по смыслу инструкціи ему данной (ст. 41), посѣщая гауптвахты, въ отношеніи нижнихъ чиновъ, подсудныхъ полковому суду, на нихъ находящихся, не вправѣ вмѣшиваться въ распоряженія военнаго начальства по отношенію къ избранной послѣднимъ мѣрѣ пресѣченія—ареста, хотя-бы и видѣлъ явное ее несоотвѣтствіе съ обстановкою дѣла.*)

*) На сколько вообще умалено военно-судебнымъ уставомъ значеніе чиновъ военно-судебнаго вѣдомства видно изъ того факта, что въ то время, какъ военный слѣдователь и военно-прокурорскій надзоръ лишены по уставу права привлеченія военно-служащихъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ, противъ воли военнаго начальства — такое именно право тѣмъ-же уставомъ (365 ст.) дано прокурору гражданскаго окружнаго суда: если и судебный слѣдователь, и гражданскій прокуроръ найдутъ нужнымъ привлечь къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго даже офицера, а военный начальникъ на это несогласенъ, то офицеръ все-таки привлекается и допрашивается какъ обвиняемый, а военному начальству предоставляется право пререканія, доходящее до соглашенія между Военнымъ Министромъ и Министромъ Юстиціи.

Для устраненія злоупотребленій властью, произвола, ошибокъ, недоразумѣній со стороны военнаго начальства при избраніи столь отвѣтственной мѣры пресѣченія, какъ арестъ, а, слѣдовательно, и для устраненія неправильнаго заключенія нижнихъ чиновъ въ періодъ дознанія и полковаго суда, полезно было-бы:

а) обязать закономъ военныхъ начальниковъ, при избраніи той или другой мѣры пресѣченія, согласно 474 ст. В. С. У., подробно мотивировать на бумагѣ причины, вызвавшія арестъ нижняго чина, требуя такой-же мотивировки при перемѣнѣ одной мѣры пресѣченія на другую въ періодъ дознанія и сужденія въ полковомъ судѣ;

б) по отношенію ко всѣмъ арестуемымъ въ частяхъ войскъ и на общихъ гауптвахтахъ въ періодъ дознанія и сужденія въ полковомъ судѣ, установить обязательный контроль хотя-бы начальниковъ дивизій и лицъ, равныхъ имъ по власти, конечно, съ правомъ отмѣнять принятое командиромъ части рѣшеніе;

в) дать право чинамъ военно-прокурорскаго надзора, при посѣщеніи мѣстъ заключенія—общихъ главныхъ гауптвахтъ — входить въ разсмотрѣніе законности арестованія нижнихъ чиновъ, о которыхъ производится дознаніе или которые состоятъ подъ полковымъ судомъ —съ доведеніемъ о замѣченныхъ отступленіяхъ до свѣдѣнія высшаго, въ порядкѣ подчиненности, военнаго начальства. Въ этихъ видахъ на общихъ гауптвахтахъ должны находиться копіи съ мотивированнаго опредѣленія начальника (упомянутаго выше, въ п. „а“), а также справка, въ чемъ обвиняется нижній чинъ;

г) оговорить въ Уставѣ, что воспрещается подъ страхомъ отвѣтственности за незаконное лишеніе свободы, арестовывать нижнихъ чиновъ только въ видахъ бо̀льшаго удобства содержанія ихъ арестованными, чѣмъ свободными, при части;

д) совершенно устранить изъ Устава, какъ несовмѣстимыя съ духомъ его, положенія, дающія право военному начальству лишить свободы подчиненнаго нижняго чина лишь по „подозрѣнію“, „усмотрѣнію“ и т. п.

е) слѣдовало-бы ввести коренную реформу въ 470 ст. В. С. У., уничтоживъ совершенно состояніе „подъ ближайшимъ надзоромъ начальства“, какъ самостоятельную мѣру пресѣченія. Необходимо постановить въ законѣ, что нижніе чины въ періодъ дознанія, слѣдствія и суда (полкового или военно-окружного)—находятся или подъ арестомъ, или на свободѣ при своихъ частяхъ. Въ настоящее-же время, боязнь отвѣтственности за побѣгъ „поднадзорнаго“, часто заставляетъ начальство брать обвиняемаго подъ арестъ. Не слѣдуетъ бояться, при предлагаемой реформѣ, возможности побѣга нижняго чина, на которомъ тяготѣетъ обвиненіе въ неважномъ преступленіи или проступкѣ (а такіе только и берутся „подъ ближайшій надзоръ“): порядочный нижній чинъ, надъ которымъ тяготѣетъ обвиненіе, не убѣжитъ, а побѣгъ порочнаго солдата иногда является благодѣяніемъ для службы, такъ какъ удаляетъ изъ частей войскъ нежелательные элементы. Нижній чинъ, состоящій подъ слѣдствіемъ и судомъ, за незначительное преступленіе, долженъ подвергаться тому-же надзору, какъ и прочіе нижніе чины роты безупречнаго поведенія.

Для сокращенія-же побѣговъ, можно было-бы ввести болѣе строгую наказуемость за побѣгъ, совершенный для сокрытія преступленія или для избѣжанія наказуемости, какъ это уже сдѣлано въ воинскомъ Уставѣ о наказаніяхъ по отношенію къ нѣкоторымъ дѣяніямъ.

Б. Внесеніе возможно бóльшаго числа дѣлъ въ военно-окружные суды на основаніи одного лишь дознанія.

Въ силу 4 и 5 п. п. 334 ст. В. С. У., военный начальникъ облеченъ правомъ, въ случаѣ, если дѣло о воинскомъ преступленіи, подсудномъ суду военно-окружному, безъ участія гражданскихъ лицъ, вполнѣ ясно—направлять такое дѣло черезъ военнаго прокурора въ судъ для внесенія туда на основаніи одного лишь дознанія, безъ слѣдствія, съ обвинительнымъ актомъ. Въ то-же время, законъ даетъ право военному начальнику, если онъ найдетъ дѣло неяснымъ—направлять его къ военному слѣдователю. А военный слѣдователь, получивъ предложеніе начальника, по закону и рѣшеніямъ Главнаго Военнаго Суда, не имѣетъ права отказаться отъ производства слѣдствія, хотя-бы видѣлъ, что дѣло вполнѣ ясно и не нуждается болѣе въ тщательномъ разслѣдованіи. Лишенъ возможности вмѣшательства въ этотъ вопросъ и военно-прокурорскій надзоръ.

Такимъ образомъ, военному начальнику снова предоставлено безконтрольное право рѣшать безапелляціонно весьма важный вопросъ, ясно или неясно дѣло, достаточно-ли оно освѣщено дознаніемъ, или-же нуждается еще и въ производствѣ слѣдствія.

На практикѣ, подобная редакція 334 ст. В. С. У. ведетъ къ тому, что строевое начальство, малосвѣдущее въ вопросахъ юридическихъ и боящееся взять на себя отвѣтственность за направленіе дѣла, препровождаетъ подавляющее большинство дѣлъ, которыя могли-бы быть внесены въ судъ на основаніи одного дознанія, къ военному слѣдователю для производства слѣдствія. Ему-же попадаются дѣла, признанныя полковымъ судомъ неподсудными послѣднему и достаточно обслѣдованныя уже въ судебномъ засѣданіи. Въ результатѣ военный слѣдователь ѣдетъ въ командировку, выводитъ судебныя издержки и въ громадномъ большинствѣ дѣлъ буквально повторяетъ лишь данныя дознанія. Принявъ-же во вниманіе возможность возвращенія дѣла къ дослѣдованію со стороны военно-прокурорскаго надзора, розыскъ и неявку свидѣтелей, другія болѣе важныя дѣла, находящіяся на рукахъ военнаго слѣдователя и мѣшающія ему немедленно приступить къ слѣдствію, можно ужаснуться при мысли, сколько лишнихъ дней и даже мѣсяцевъ иной нижній чинъ напрасно томится на общей гауптвахтѣ, по дѣлу, уже вполнѣ выясненному дознаніемъ!....

Сказанное легко провѣрить, взявъ на просмотръ настольный реестръ любого военнаго слѣдователя, пестрящій обыкновенно или дѣлами непринятыми, или дѣлами по лит. „в“ 101 ст. XXII кн. Св. В. П., т. е. гдѣ всегда фактъ оскорбленія твердо установленъ свидѣтельскими показаніями. Часто сами военно-начальствующіе сознаются въ томъ, что нарочно направили дѣло, въ сущности ясное, къ военному слѣдователю, боясь ошибокъ, ожидая юридическаго совѣта—при от-

казѣ въ принятіи. Попытки приказами по военнымъ округамъ остановить напрасное обремененіе военныхъ слѣдователей вполнѣ ясными, несложными дѣлами, съ направленіемъ послѣднихъ въ суды по одному лишь дознанію, не ведутъ ни къ чему—въ виду предоставленія закономъ безконтрольнаго права начальнику части рѣшить вопросъ о направленіи дѣла.

Для устраненія подобныхъ ненормальныхъ явленій, вредно отражающихся на участи заключенныхъ, лишнее время отсиживающихъ по гауптвахтамъ, а также для того, чтобы пойти навстрѣчу вполнѣ понятному желанію строевыхъ чиновъ получить, при направленіи дѣлъ, совѣтъ отъ опытныхъ юристовъ, слѣдовало-бы въ законѣ установить общее правило, по которому всѣ дѣла о воинскихъ преступленіяхъ съ дознаніемъ препровождаются военными начальниками военному прокурору съ предложеніемъ, въ случаѣ ихъ ясности и полноты, внести ихъ въ судъ съ обвинительными актами, и съ предоставленіемъ тому-же надзору права, при неполнотѣ дѣла, направить его прямо отъ себя, со ссылкой на полномочіе начальства, къ военному слѣдователю.

В. О нѣкоторыхъ, чаще повторяющихся, родахъ преступленій, вызывающихъ въ военномъ вѣдомствѣ арестъ обвиняемаго.

Всякаго, изучающаго бытъ нашихъ главныхъ гауптвахтъ и дѣла, подсудныя полковымъ и военно-окружнымъ судамъ, по которымъ обвиняемые содержатся арестованными, поражаетъ то явленіе, что подавляющее большинство такихъ дѣлъ приходится: 1) на преступленія противъ дисциплины; 2) на вооруженныя кражи и 3) на незначительныя растраты казеннаго имущества, ввѣреннаго по службѣ.

I. Иностранецъ, незнающій Россіи, который, пожелавъ изучить нашъ военно-уголовный процессъ, принялъ-бы во вниманіе только общую цифру дѣлъ по нарушеніямъ дисциплины, не вникая въ обстановку и сущность этихъ дѣлъ, удивился-бы той распущенности, недисциплинированности, которыя царствуютъ въ нашей арміи. На самомъ-же дѣлѣ, вникнувъ въ содержаніе дѣлъ, въ подробности, непопавшія въ сухіе, оффиціальные тексты приговоровъ, онъ пришелъ-бы къ выводу, какъ разъ противоположному: нѣтъ болѣе дисциплинированнаго солдата на свѣтѣ, какъ русскій. Вся суть въ томъ, что изъ 100 дѣлъ о нарушеніяхъ дисциплины по крайней мѣрѣ 98 принадлежатъ къ числу тѣхъ, когда обвиняемый, нарушая дисциплину, былъ совершенно пьянъ, не сознавалъ вполнѣ своихъ поступковъ, и только незначительный % падаетъ на сознательныя, обдуманныя, хладнокровно совершенныя, а потому преступныя, нарушенія дисциплины.

Наука давно доказала, что пьяный человѣкъ—уже человѣкъ не вполнѣ нормальный, что степень опьяненія вліяетъ на физическое и нравственное состояніе человѣка; что бываютъ опьяненія, во время которыхъ человѣкъ совершенно теряетъ сознаніе, т. е. дѣлается невмѣняемымъ; что въ степени опьяненія играютъ роль темпераментъ человѣка, его настроеніе, его здоровье... Вотъ почему уложеніе о наказан. уг. и испр. (п. 3-й 92 ст.) и уставъ о наказ. налаг. миров. судь-

ями (п. 3-й 10 ст.), а также разъясняющія эти статьи рѣшенія Сената, въ числѣ причинъ невмѣненія содѣяннаго въ вину ставятъ и опьяненіе въ моментъ совершенія преступленія, доведшее человѣка до безпамятства. Въ то-же время тѣ-же законоположенія самый фактъ опьяненія не дѣлаютъ еще обстоятельствомъ, исключающимъ всякую отвѣтственность.

Казалось-бы, что русскій крестьянинъ, поступающій отъ сохи въ военную службу, какъ человѣкъ, не можетъ быть лишенъ свойствъ, недостатковъ всякаго человѣка, происходящихъ отъ опьяненія только потому, что надѣлъ солдатскій мундиръ. На самомъ-же дѣлѣ, опьяненіе не принимается у насъ, въ военно-уголовномъ законодательствѣ, во вниманіе при нарушеніяхъ дисциплины и нижніе чины, совершившіе такія нарушенія въ состояніи полнаго опьяненія, идутъ въ каторжныя работы и дисциплинарные баталіоны, предварительно населяя наши общія гауптвахты— въ періодъ дознанія, слѣдствія и суда. Изучая любое дѣло, натыкаешься на обычную послѣдовательность явленій: солдатъ напился, какъ говорится „до чертиковъ“, въ компаніи, на радостяхъ или съ горя, самовольно отлучился, встрѣтилъ начальство, нагрубилъ ему; начальство стало наводить порядки, приказавъ тащить его насильно домой, а онъ дрался, ругался, сопротивлялся, употребивъ при этомъ камень, палку для самозащиты. Въ результатѣ на лицо—всѣ статьи XXII кн. С. В. П., предусматривающія нарушенія дисциплины—несмотря на то, что свидѣтели единогласно удостовѣряютъ на судѣ животно-невмѣняемое состояніе обвиняемаго. Судъ караетъ такого невмѣняемаго человѣка во имя требованій дисциплины. Но развѣ это справедливо съ точки зрѣнія закона, который долженъ лежать въ основаніи той-же дисциплины?

Слѣдовало-бы ввести въ военно-уголовное законодательство правило, по которому военный слѣдователь, судъ, натолкнувшись на случай совершенія нарушенія дисциплины въ состояніи полнаго опьяненія, исключающій возможность разумѣнія, обязаны вызывать экспертизу и ставить отдѣльный вопросъ о сознательности поступковъ обвиняемаго. Въ то-же время, въ видахъ огражденія дисциплины, достаточно было-бы увеличить наказаніе за пьянство вообще и помѣстить въ число обстоятельствъ, увеличивающихъ вину,—умышленное приведеніе себя обвиняемымъ въ состояніе опьяненія для бо́льшей храбрости при совершеніи нарушеній дисциплины. Подобной постановкою вопроса были-бы ограждены интересы справедливости и человѣколюбія, при томъ, думается мнѣ, не въ ущербъ поддержанію дисциплины.

II. Большинство дѣлъ о вооруженныхъ кражахъ (1653 ст. Улож. о наказ. уг. и испр.) падаетъ на кражи, совершенныя нижними чинами во время дневальства, или во время нахожденія въ отпускѣ, внѣ казармъ, „при штыкѣ“, а рѣшеніями Главнаго Военнаго Суда штыкъ признанъ оружіемъ или орудіемъ, могущимъ причинить смерть или увѣчье. Въ частяхъ войскъ такой взглядъ давно уже осужденъ, такъ какъ штыкъ, самъ по себѣ, не есть оружіе, а лишь принадлежность винтовки; никто изъ нижнихъ чиновъ никогда не употребляетъ штыкъ отдѣльно отъ винтовки въ качествѣ оружія. Кромѣ того штыкъ но-

сится въ отпуску, какъ принадлежность, отличіе формы, какъ извѣстное отличіе должностного лица отъ прочихъ нижнихъ чиновъ. А между тѣмъ строгія наказанія, часто ведущія предварительный арестъ, выпадаютъ на долю нижнихъ чиновъ, совершившихъ ничтожныя кражи „при штыкѣ".

Необходимо штыкъ поставить на подобающее ему мѣсто въ дѣлахъ о кражахъ. Въ этомъ случаѣ не можетъ стѣснить взглядъ Сената на наличность вооруженной кражи даже и въ томъ случаѣ, если оружіе составляетъ принадлежность костюма, такъ какъ въ рѣшеніяхъ Сената дѣло идетъ объ оружіи (т. е. самостоятельномъ предметѣ обороны и нападенія), а штыкъ, о чемъ я упомянулъ выше, не есть оружіе и въ отдѣльности никогда какъ таковое не употребляется. Совершенно достаточнымъ въ дѣлахъ при кражѣ на дневальствѣ являлось-бы увеличеніе наказанія, благодаря факту нахожденія на службѣ.

III. Третьимъ родомъ преступленій, подсудныхъ, на основаніи 2 п. 260 ст. В. С. У., военно-окружному суду, а потому часто влекущихъ за собою арестъ со стороны военнаго начальства, являются служебныя растраты на различныя суммы, начиная отъ копеечныхъ. Обыкновенно такія дѣла, подъ видомъ „сложныхъ", направляются къ военному слѣдователю начальствомъ по праву, предоставленному послѣднему—опредѣлять ясность или неясность дѣла (о чемъ тоже упомянуто выше).

Иногда кусокъ сала въ 10 копеекъ, съѣденный кашеваромъ, изъ числа ввѣреннаго ему казеннаго имущества, въ сообществѣ съ пришедшими въ гости товарищами, вызываетъ особую поѣздку слѣдователя, судебныя издержки въ нѣсколько десятковъ рублей—не говоря уже объ арестѣ обвиняемаго, слѣдить за которымъ почему-либо не желаетъ начальство. На судѣ, при сознаніи „преступника" и ясности подобнаго дѣла, просто неловко, въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, произносить обвинительную рѣчь и требовать строгаго наказанія, а свидѣтельскія показанія часто рисуютъ прямо комическую обстановку преступленія.

Казалось, было-бы естественно дѣла несложныя, въ которыхъ сумма растраты ничтожна (хотя-бы до 100 р.), передавать, на основаніи одного дознанія, въ полковые суды. На долю—же военныхъ слѣдователей и военно-окружныхъ судовъ, конечно, остались-бы дѣла по сложнымъ или превышающимъ 100 рублей растратамъ.

Г. Сокращеніе переписки въ военно-уголовномъ процессѣ.

Въ этомъ отношеніи можно было-бы, между прочимъ, рекомендовать слѣдующее:

а) является, повидимому, совершенно безцѣльной проволочкою времени, только отягчающей участь обвиняемыхъ, содержащихся подъ стражей, отправка военно-прокурорскимъ надзоромъ военному начальнику заключенія съ вопросомъ о согласіи или несогласіи по тѣмъ дѣламъ, которыя не измѣнились во время слѣдствія и совпадаютъ съ первоначальнымъ взглядомъ начальства, или-же, если и измѣнились, то по соглашенію военнаго слѣдователя, военнаго начальника и воен-

наго прокурора (напримѣръ, вновь открытыя преступленія въ періодъ производства предварительнаго слѣдствія). Казалось было-бы цѣлесообразнымъ направлять изъ военно-прокурорскаго надзора на усмотрѣніе военнаго начальства, лишь тѣ дѣла, которыя уклонились отъ первоначальной постановки обвиненій, а потому и могутъ вызвать несогласіе со стороны начальника.

б) Слѣдовало-бы ввести за правило, что военно-прокурорскій надзоръ и военный начальникъ обязаны разсмотрѣть несложное дѣло „немедленно", по полученіи его, такъ какъ недѣльный срокъ, установленный 553, 555 статьями В. С. У., ведетъ нерѣдко къ тому, что несложное дѣло лежитъ иногда въ обѣихъ инстанціяхъ безполезно. и яко-бы на законномъ основаніи, безъ движенія, около недѣли.

в) Для сокращенія переписки полезно было-бы ввести правило, по которому во время отправки военному начальнику заключенія, военно-прокурорскій надзоръ, по оставшемуся черновику заключенія заранѣе заготовляетъ обвинительный актъ, съ тѣмъ, чтобы внести его съ дѣломъ безъ замедленія сейчасъ-же по полученіи на то согласія начальника.

Какъ я уже упомянулъ въ началѣ этой записки, въ вопросѣ о сокращеніи времени пребыванія нижнихъ чиновъ на общихъ гауптвахтахъ серьезную роль играетъ юридическая неподготовка строевыхъ офицеровъ, производящихъ дознаніе и завѣдующихъ дѣлопроизводствомъ въ судахъ, организованныхъ при частяхъ войскъ (полковыхъ, бригадныхъ, баталіонныхъ). Если военно-прокурорскому надзору и военно-окружному суду важно, въ интересахъ правосудія и личности обвиняемаго, получить основательное, подробное и по закону произведенное слѣдствіе, если отъ матеріала, собраннаго въ періодъ производства слѣдствія, зависитъ и качество матеріала, имѣющагося въ распоряженіи у суда, то для военнаго слѣдователя важно, при началѣ слѣдствія, получить толковое, умѣло произведенное въ части, дознаніе; важно, чтобы при дознаніи этомъ были сохранены офицерами слѣды преступленія, не ускользнули-бы признаки, опредѣляющіе составъ послѣдняго по закону и т. п. Практика указываетъ, что нижніе чины на судѣ повторяютъ заученно данныя ими на дознаніи показанія, боясь отступить отъ первоначальнаго показанія на дознаніи, почему на слѣдствіи и судѣ рѣдко выплываютъ подробности, ускользнувшія на дознаніи, или непопавшія туда по незнанію офицера, производящаго опросы. Изъ сказаннаго вытекаетъ весьма важное значеніе дознанія, иногда рѣшающее вліяніе его на ходъ военно-уголовнаго процесса (слѣдствія и суда) по данному дѣлу.

А между тѣмъ, на основаніи 318 ст. В. С. У., военный начальникъ пользуется правомъ поручать производство дознанія любому изъ офицеровъ части, самое-же дознаніе считается у офицеровъ дѣломъ второстепеннымъ среди прочихъ обязанностей службъ. И въ результатѣ—дознанія производятся или молодыми, совершенно неопытными по службѣ офицерами, или офицерами, хотя и прослужившими достаточно, но необладающими должными судебными и нравственными качествами (отрѣшенные отъ командованія ротами или такіе, которыхъ не нашли удобнымъ приспособить къ какому-либо иному опре-

дѣленному дѣлу). Неудивительно, что, кромѣ безграмотности, нелогичности, безсистемности, дознанія по многимъ дѣламъ поражаютъ иногда отсутствіемъ азбучныхъ юридическихъ познаній. Это особенно чувствуется военными слѣдователями, вынужденными съ такимъ негоднымъ матеріаломъ въ рукахъ писать пріемное постановленіе и намѣчать планъ предстоящаго слѣдствія. Въ виду изложеннаго необходимо ст. 318 пополнить указаніемъ на то, что производство дознанія должно возлагаться на болѣе опытныхъ, развитыхъ и старослужащихъ офицеровъ, а также на дѣлопроизводителей полковыхъ, бригадныхъ и баталіонныхъ судовъ, уже ознакомившихся отчасти на практикѣ съ требованіемъ и примѣненіемъ закона.

Не менѣе больное мѣсто судопроизводства въ частяхъ войскъ составляетъ малоопытный, въ юридическомъ отношеніи, составъ дѣлопроизводителей полковыхъ, бригадныхъ и баталіонныхъ судовъ. А такъ какъ, при еще бо̀льшей неподготовленности членовъ суда, прямо взятыхъ изъ строя и поставленныхъ лицомъ къ лицу съ закономъ, въ подобныхъ судахъ все вершитъ дѣлопроизводитель, то становится понятной важность имѣть на должности дѣлопроизводителя человѣка, опытнаго по службѣ и хорошо освѣдомленнаго съ юридическими вопросами. Въ то-же время является очевиднымъ сколько зла и горя обвиняемымъ, особенно арестованнымъ, можетъ принести неопытный дѣлопроизводитель, при условіи, что дѣла̀ изъ полковыхъ судовъ попадаютъ на ревизію присяжныхъ военныхъ юристовъ не всѣ, а лишь нѣкоторыя. Сколько ошибокъ остаются незамѣченными, безнаказанными при условіи, что надъ судопроизводствомъ въ частяхъ войскъ нѣтъ контроля!.. На основаніи 19 ст. В. С. У. и приказа по военному вѣдомству 1882 г. № 14, на должность дѣлопроизводителей назначаются офицеры, уже послужившіе, т. е. забывшіе тотъ сжатый курсъ военно-уголовныхъ законовъ, который они проходили торопливо въ корпусахъ и училищахъ,—курсъ, къ слову сказать, мало обращающій вниманія, по недостатку времени,—на главное, на практику. Въ то время, когда даже интендантство нуждается въ отдѣльныхъ курсахъ—для полученія спеціально-образованныхъ офицеровъ—подобная потребность какъ-бы не сознается до сихъ поръ по отношенію къ правосудію, отправляемому въ частяхъ войскъ. И въ результатѣ за незнаніе, неопытность дѣлопроизводителя лишнее время отсиживаютъ нерѣдко на гауптвахтахъ нижніе чины.

Недостатокъ этотъ можно было-бы отчасти устранить, устроивъ при военно-окружныхъ судахъ практическіе курсы для тѣхъ изъ офицеровъ, которые предназначаются на должность дѣлопроизводителей полковыхъ, бригадныхъ, баталіонныхъ судовъ, а также обязавъ военно-судебныхъ чиновъ читать лекціи по военно-юридическимъ вопросамъ, какъ это практикуется въ военной средѣ относительно другихъ сторонъ военнаго быта. Въ то-же время слѣдовало-бы узаконить порядокъ, по которому части войскъ за юридическими справками и совѣтами—въ случаяхъ сомнѣній—имѣютъ право обращаться непосредственно въ военно-прокурорскій надзоръ, въ военно-окружный судъ, а также къ военнымъ слѣдователямъ, находящимся по городамъ, внѣ расположенія военно-окружного суда. Въ настоящее время такія

справки хотя даются, но въ видѣ особаго одолженія, что стѣсняетъ строевое военное начальство, къ тому-же почти всегда недружелюбно относящееся къ нашему военно-судебному вѣдомству.

Отъ подобнаго сближенія на почвѣ закона выиграли-бы отношенія между военно-судебнымъ вѣдомствомъ и строемъ, не говоря уже о пользѣ, которая получилась-бы въ смыслѣ устраненія многихъ недоразумѣній и ошибокъ, а слѣдовательно и уменьшенія случаевъ и времени заключенія нижнихъ чиновъ на общихъ гауптвахтахъ.

Военный слѣдователь полковникъ Жиркевичъ.

Г. Вильна 27 октября 1902 г."

Что сталось съ этой моей „запискою", бездна какой канцеляріи проглотила ее въ свою ненасытную утробу—я до сихъ поръ такъ и не знаю...

По нѣкоторымъ признакамъ имѣю основаніе предполагать, что тутъ поработали уже „винтики" военно-судебнаго вѣдомства, которымъ поперекъ горла стояла попытка моя выскочить впередъ съ какими-то новшествами, вниманіе, оказываемое мнѣ начальствомъ и т. п

ГЛАВА X.

Привлеченіе меня въ 1903 г., къ работѣ по реформѣ военно-карательныхъ учрежденій Россіи. И здѣсь—ужасъ, анархія, отсталость, забвеніе азбучныхъ истинъ науки, Евангелія, обще-человѣческой морали. И здѣсь—старый припѣвъ начальства—«денегъ нѣтъ, кредита нѣтъ»... Меня, за дурной нравъ мой, общими силами сплавляютъ изъ Вильны въ Смоленскъ. Моя прежняя дѣятельность на новомъ мѣстѣ въ отношеніи гауптвахтъ. Гауптвахта 1 пѣх. Невскаго полка. Моя безплодная переписка объ узникахъ съ протопресвитеромъ Желобовскимъ, съ ген. Поливановымъ. И снова—«гласъ вопіющаго въ пустынѣ»...

Тѣмъ не менѣе 1903 годъ порадовалъ меня тѣмъ, что далъ мнѣ возможность еще поработать надъ вопросами, связанными съ судьбами русскихъ военныхъ узниковъ, на этотъ разъ—надъ тѣми изъ нихъ, которые находятся въ военно-карательныхъ учрежденіяхъ Россіи.

Меня вспомнили и генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, и, главнымъ образомъ, П. Ѳ. Лузановъ, вѣроятно, напомнившій о существованіи моемъ военному министру, которому, конечно, было все равно, живъ-ли я или уже не существую...

Дѣло въ томъ, что предстоялъ пересмотръ законоположеній о дисциплинарныхъ баталіонахъ и военныхъ тюрьмахъ (кн. XVII Св. В. П. 1869 г., изд. 2-е) и министръ вполнѣ основательно возложилъ на Главное Военно-Судное Управленіе (т. е. на военно-судебное вѣдомство) обязанность—собрать по данному вопросу необходимые матеріалы, а равно указать лицъ, на которыя можно было-бы возложить личное ознакомленіе съ порядками, установившимися на практикѣ въ существовавшихъ, въ то время, военно-тюремныхъ заведеніяхъ, какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Для этой цѣли, по приказу военнаго Министра ген. Куропаткина, былъ командированъ, въ 1901 г. по Россіи—для осмотра дисциплинарныхъ частей и военныхъ тюремъ штабъ-офицеръ для особыхъ порученій при Главномъ Военно-Судномъ Управленіи полковникъ Макаренко, *) осмотрѣвшій детально Бобруйскій, Херсонскій, Воронежскій и Екатериноградскій дисциплинарный баталіоны и Московскую, Рижскую, Варшавскую военныя тюрьмы, а за границу трое другихъ представителей военно-судебнаго вѣдомства, подавшихъ затѣмъ, отчеты по ихъ поѣздкамъ.

Эти-то отчеты и надо было свести въ одно, а подобную работу поручили сдѣлать мнѣ, для чего, по иниціативѣ ген. Лузанова, стоявшаго во главѣ особой комиссіи, и вызвали меня въ Петербургъ, въ Главное Военно-Судное Управленіе.

Трудъ былъ огромный, тяжелый и непріятный, въ смыслѣ уже самаго механизма работы, такъ какъ требовалъ зарыванія въ мелочи,

*) Нынѣ—Главный Военный Прокуроръ.

что особенно осложняло дѣло въ виду того, что имѣвшіеся отчеты были составлены—каждый по особой системѣ, избранной самимъ авторомъ, и не представляли изъ себя трудовъ одинаковаго качества по отношенію составлявшихъ ихъ лицъ къ заданной имъ задачѣ: рядомъ съ прекраснымъ, солиднымъ научнымъ трудомъ имѣлось и поверхностное сочиненіе человѣка, видимо лишь скользившаго по вопросу и не дававшаго себѣ задачей углубляться и особенно усердствовать.

Тѣмъ не менѣе съ жаромъ принялся я за эту работу: вѣдь тутъ дѣло вновь шло о военныхъ заключенныхъ! Вѣдь, туда, въ карательныя учрежденія военнаго вѣдомства, попадали съ гауптвахтъ и мои узники!.. Явилась, поэтому, нѣкоторая надежда пристегнуть, быть можетъ, къ поднятому вопросу и мой вопросъ о гауптвахтахъ...

Въ результатѣ долгаго, кропотливаго труда, создалась мною огромная рукопись, которую я и представилъ, затѣмъ, ген. Лузанову и которая была отпечатана цѣликомъ особой объемистой книгою, компактной печати, на слишкомъ трехъ стахъ страницахъ и разослана въ заинтересованныя учрежденія.

Я не буду касаться въ деталяхъ исторіи возникновенія у насъ военно-карательныхъ учрежденій, ихъ судебъ—въ смыслѣ перехода изъ одного вида въ другой, тѣхъ ужасовъ, которые обнаружила, особенно въ отношеніи персонала служащихъ, ревизія полковника Макаренко: все это увлекло-бы меня слишкомъ далеко отъ основной темы настоящей книги, т. е. отъ вопроса о судьбѣ главныхъ гауптвахтъ.

Къ тому-же на опубликованіе собраннаго матеріала, въ его подробностяхъ, не имѣю я и права, такъ какъ онъ довѣренъ мнѣ былъ подъ условіемъ служебной тайны: одинъ изъ экземпляровъ книги моей прислали мнѣ въ 1904 году изъ Главнаго Военно-Суднаго Управленія съ надписью „не подлежитъ оглашенію въ печати".

Но почему такая загадочная таинственность?!.

Не здѣсь-ли, не въ этихъ-ли канцелярскихъ секретахъ, лежитъ отчасти одна изъ причинъ позорнаго состоянія, между прочимъ, и нашихъ военно-карательнымъ учрежденій, и гауптвахтъ?!.

Собрали довольно цѣнные матеріалы, рисующіе отрицательныя стороны извѣстной части военнаго быта, и... спрятали ихъ преспокойно подъ спудъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать немедленно-же достояніемъ печати, общества, военнаго и гражданскаго, людей науки и, такимъ путемъ, привлечь мощно къ отвѣтственному, сложному, вопіющему вопросу возможно болѣе культурныхъ, національныхъ силъ, сдѣлавъ, въ то-же время, невозможнымъ всякое отступленіе отъ давно назрѣвшихъ реформъ, замалчиванія, виляніе, утайки...

Если-бы хоть въ 1903 году поступили такимъ образомъ, то можно себѣ представить, какая-бы „литература" назрѣла около вопроса!..

Надо думать, что и средства для разрѣшенія его въ благопріятномъ для русскаго народа и русской арміи смыслѣ давно-бы уже нашлись: развѣ возникли-бы тутъ какія-либо колебанія хотя-бы

теперь въ Государственной Думѣ, если-бы ей представить яркую картину того, во что̀ обращены наши военно-карательныя учрежденія?!...

Если-бы не та-же странная тайна и запреты оглашать содержаніе разныхъ военно-канцелярскихъ переписокъ, то развѣ не нашла-бы Государственная Дума средствъ и на реорганизацію главныхъ гауптвахтъ?!...

Но до сихъ поръ обо всѣхъ этихъ „пасынкахъ военной службы“ Военное Министерство не подумало даже сдѣлать мотивированныя представленія въ Государственную Думу: народъ и не подозрѣваетъ объ ихъ удручающемъ состояніи...

Мнѣ понятна подобная тактика: есть подъ рукой болѣе модные эффектные вопросы военнаго быта, а мѣста заключенія могутъ и подождать, благо ими не интересуются пока наша воинствующая, либеральная пресса и общество, а узники нижніе чины—такіе представители народа, которые о себѣ, конечно, разсказывать печатно не станутъ...

Вотъ, напримѣръ, другое дѣло—игра въ солдатики въ видѣ „потѣшныхъ“, безполезная, вредная, развращающая юношество, или недавній пробѣгъ автомобилей между Петербургомъ и Москвою который сто̀илъ, надо предполагать, и государству, и обществу бѣшеныя деньги, умѣло обращенный, однако, благодаря телеграммамъ, корреспонденціямъ, встрѣчамъ, тостамъ и т. п. въ какое-то чуть не народное событіе... Однѣ телеграммы о сломанныхъ, застрявшихъ въ пути автомобиляхъ чего стоили!.. Ихъ слали въ газеты самыхъ разнообразныхъ направленій...

Тутъ можно было, при желаніи, и покричать о себѣ, и при случаѣ, сдѣлать, пожалуй, даже карьеру...

Съ негодованіемъ слѣдилъ я за тѣмъ шумомъ, который поднялся нежданно-негаданно около, въ сущности, самаго зауряднаго служебнаго путешествія по Россіи группы военно-служащихъ, усчитывая наединѣ, на развалинахъ моихъ военно-гауптвахтныхъ начинаній, денежки, обильно разсыпанныя экскурсіей по дорогѣ, и соображая, что вотъ не предприметъ-же никто, по почину того-же военнаго министерства, съ научной цѣлью, какую-либо экскурсію по Россіи—по нашимъ военно-карательнымъ учрежденіямъ и гауптвахтамъ: она-бы, такая поѣздка, потеряла-бы, конечно, оттѣнокъ парада, увеселительности, сто̀ила-бы гораздо менѣе, не вызвала-бы подобнаго волненія въ высшемъ провинціальномъ начальствѣ и городскихъ управленіяхъ, не сдѣлала-бы никому карьеры, но, зато, дала-бы несомнѣнно болѣе насущные, плодотворные результаты... И, пока черезъ Вильну, весело неслись автомобили, пока озабоченно суетилась полиція и то̀лпами бѣжали на улицу обыватели, встревоженные разнаго рода предупрежденіями и запрещеніями—показываться на пути тріумфальнаго шествія, читая въ газетахъ, какъ народъ чуть не съ крестами и иконами встрѣчалъ, вѣроятно, послѣ репетицій мѣстныхъ полицейскихъ властей, путниковъ по деревнямъ и селамъ,—съ горечью въ сердцѣ, думалъ я о моихъ забытыхъ, несчастныхъ узникахъ, томящихся хотя-бы на Виленской главной гауптвахтѣ, около судьбы которыхъ до сихъ поръ не создавалось еще никогда подобное волненіе...

И снова я увлекся въ сторону отъ своего личнаго пути, т. е. отъ русскихъ гауптвахтъ и карательныхъ учрежденій...

Сведя-же въ одно всѣ матеріалы, собранные полковникомъ Макаренко по отношенію къ русскимъ военно-тюремнымъ учрежденіямъ (дисциплинарнымъ баталіонамъ и военнымъ тюрьмамъ),—матеріалы, содержащіе въ себѣ, между прочимъ, и заявленія наиболѣе заинтересованныхъ, начальствующихъ надъ этими учрежденіями, лицъ,—я пришелъ, въ моемъ „сводѣ", къ выводу, что недостатки, обнаруженные при осмотрѣ нашихъ военно-карательныхъ учрежденій, могутъ быть охарактеризованы слѣдующимъ:

1) Недоумѣнное отсутствіе центральнаго, главнаго органа, который объединялъ-бы и направлялъ къ одной цѣли всѣ военно-тюремныя учрежденія Россіи, при участіи опытныхъ въ тюрьмовѣдѣніи лицъ и военныхъ юристовъ, равно какъ и отсутствіе военно-тюремной инспекціи, которая служила-бы связью и посредникомъ между подобнымъ органомъ и мѣстными военно-тюремными учрежденіями.

2) Недостаточный по количеству, никуда негодный, въ нравственномъ и служебномъ отношеніяхъ, а также дурно-обезпеченный и низко поставленный въ глазахъ общества, кадръ служащихъ въ военно-тюремныхъ учрежденіяхъ Россіи офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

3) Вопіющіе недостатки въ устройствѣ помѣщеній дисциплинарныхъ баталіоновъ и военныхъ тюремъ, препятствующіе примѣненію на практикѣ „положенія" объ этихъ заведеніяхъ (XVII кн. Св. В. П. 1869 года, изданіе 1893 г.).

4) Еще болѣе вопіющіе недостатки въ системѣ наказаній и мѣръ поощренія въ нашихъ военно-тюремныхъ учрежденіяхъ вообще и въ частности по отношенію къ примѣненію въ нихъ тѣлесныхъ наказаній.

5) Недостатки по принятію мѣръ огражденія заключенныхъ этихъ заведеній отъ дурного вліянія товарищей ихъ.

6) Серіозные недостатки въ системѣ нравственнаго и религіознаго воздѣйствія на заключенныхъ.

7) Недостатки въ организаціи внутренняго быта заведеній.

8) Недостатки въ системѣ строевыхъ, словесныхъ занятій и обученія грамотѣ.

9) Неправильная постановка въ рѣшеніяхъ вопроса о работахъ заключенныхъ.

Этого краткаго перечня, кажется, вполнѣ достаточно для того, чтобы найти много общаго въ положеніи нашихъ военно-карательныхъ учрежденій и главныхъ гауптвахтъ...

Несмотря на разнаго рода краснорѣчивыя умолчанія и осторожныя оговорки въ отдѣльныхъ показаніяхъ лицъ, близко стоящихъ къ быту, къ жизни нашихъ военно-карательныхъ учрежденій (что̀, конечно, вполнѣ объяснимо зависимымъ служебнымъ ихъ положеніемъ и боязнью сказать что-либо лишнее, себѣ во вредъ, при слабыхъ надеждахъ на то, чтобы реформы когда-либо осуществились)—собранные матеріалы раскрыли, тѣмъ не менѣе, такія язвы дѣйствительности, по отношенію къ нравственной сторонѣ режима заведеній, обнаружили такіе типы военныхъ тюремщиковъ, такіе обычаи и традиціи,

отъ которыхъ волосы на головѣ нормальнаго человѣка могли стать дыбомъ...

Не вѣрилось, что живешь въ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, электричества, велосипедовъ, другихъ проявленій прогресса...

Не взирая, однако, на всю устарѣлость, ненаучность, сжатость положенія о русскихъ военно-карательныхъ учрежденіяхъ, системы наказанія, все-же, по отношенію къ этимъ учрежденіямъ, имѣлся законъ, по мѣрѣ возможности опредѣляющій, регулирующій ихъ внутреннюю жизнь, равно какъ права и обязанности служащихъ; всюду почти находились свои церкви, бани; обращено было вниманіе на физическій трудъ, на нравственное воздѣйствіе; устроены библіотеки; были на лицо свои врачи, священники, свои пріемные покои, околотки; приняты мѣры къ возможному разобщенію порочныхъ элементовъ отъ остального состава заключенныхъ, допускающаго еще исправленіе; обращено вниманіе на неумолимую дисциплину, порядокъ, на хорошую пищу, на достаточное снабженіе платьемъ, бѣльемъ, обувью и проч. Во главѣ учрежденій стояли старослужащіе начальники съ извѣстнымъ служебнымъ, хозяйственнымъ опытомъ и прошлымъ.

Военно-карательныя заведенія время отъ времени не ускользали отъ вниманія общества, печати—по сколько это было возможно при изолированности, замкнутости ихъ интимной жизни и служебныхъ тайнъ.

Неудовлетворительность ихъ даже была отчасти предметомъ литературныхъ изслѣдованій.

Такъ, ее касались извѣстный писатель Никитинъ (въ его изслѣдованіи „Жизнь Заключенныхъ“), одинъ изъ священниковъ дисциплинарнаго баталіона („Вѣстникъ Военнаго Духовенства“, 1901 г. № 18), Д. Н. Лагофетъ (Статья его „Не ожидалъ“ въ „Развѣдчикѣ“), В. А. Кореневъ („Развѣдчикъ“-же, статья „Дисциплинарныя части“), И. Курочкинъ („Военный Сборникъ“, статья „Одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ“) и другіе...

Положимъ, что все это лишь поверхностно, односторонне, не всегда талантливо, убѣдительно, вѣрно скользило по вопросу, или стѣсненное служебнымъ положеніемъ, или неимѣвшее возможности непосредственно достаточно углубиться въ дѣйствительность...

Тѣмъ не менѣе, ничего подобнаго не дождалась еще наша русская, несчастная, главная гауптвахта: въ этомъ отношеніи жизнь ея— чистый листъ бумаги, пустыня, на почву которой не ступала еще нога человѣка науки, литературы...

Какъ вообще осторожно надо относиться къ тѣмъ бѣглымъ впечатлѣніямъ, которыя выносишь изъ военно-карательныхъ учрежденій вообще, можетъ показать личный мой опытъ.

Нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, пріѣзжая въ командировки со временными военными судами въ одинъ городъ, я постоянно посѣщалъ мѣстное военно-карательное учрежденіе, гдѣ былъ, конечно, свой начальникъ. (Я нарочно не называю мѣста, названія учрежденія, фамиліи этого господина, нынѣ умершаго).

Учрежденіе считалось однимъ изъ лучшихъ въ Россіи. Порядокъ въ немъ, чистота, пища, баня, церковь, библіотека, дисциплина

были образцовыя. Всюду—иконы съ лампадками, нравоучительныя надписи огромными буквами, даже на стѣнахъ казармъ... Прекрасно обставленный лазаретъ. „Батюшка“ съ медоточивыми рѣчами..

Самъ начальникъ питалъ удивительное пристрастіе къ нашему военно-судебному вѣдомству, находя, по его словамъ, тѣсную связь между своей должностью и правосудіемъ, говорилъ сладкимъ голосомъ, со вздохами крестился у иконъ.....

Хорошо, что я, со словъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона, зналъ, уже, какого дикаго звѣря таитъ подъ собою эта добродушная, заискивающая, слащавая внѣшность...

И когда мнѣ случалось бродить за этой „директрисой“ (такъ въ шутку прозвало его офицерство—именно за безчеловѣчное обращеніе съ заключенными), по его блестящему казенному заведенію, „институту“,—передо мною невольно вставали сцены унижающихъ человѣческое достоинство тѣлесныхъ осмотровъ всѣхъ вновь прибывающихъ, тѣлесныхъ наказаній, обращавшихся въ длящуюся, утонченную казнь и пытку и т. п.

Этотъ „начальникъ“, видя ужасъ мой, при созерцаніи десятковъ нижнихъ чиновъ, варварски наказанныхъ розгами, лежавшихъ въ его образцовомъ лазаретѣ вверхъ спинами, въ неестественныхъ позахъ, съ искаженными, озлобленными лицами,—на вопросъ мой, обращенный къ нему, справедливъ-ли слухъ о такой-то жестокости, о такомъ-то обычаѣ, захлебываясь отъ душившей его противъ меня, безсильной злобы, чувствуя скрытую иронію уже въ самомъ тонѣ моихъ вопросовъ, шипѣлъ мнѣ въ отвѣтъ:

— „У меня все... по закону... Одинъ я ничего не рѣшаю... На то есть комитетъ... Въ комитетѣ священникъ, врачъ... А я... Какъ комитетъ, такъ и я“...

Священникъ... Про этого „отца“ ходили слухи, какъ про человѣка, яко-бы побуждавшаго „директрису“ на усиленіе жестокихъ наказаній... во имя Божіе, въ исправленіе „преступниковъ“, въ интересахъ будущаго спасенія душъ ихъ...

Никакой психологіи, ни намека на вниканіе въ типы прибывавшихъ, въ сущность ихъ преступленій и т. п., не было...

Всѣхъ клали одинаково подъ позоръ розогъ, на произволъ извращенныхъ въ экзекуціяхъ палачей,—и недавняго унтеръ-офицера, лишеннаго этого званія изъ-за неважнаго проступка, и отъявленнаго мерзавца рядового, совершившаго грязное преступленіе; всѣмъ, при поступленіи, фельдшеръ производилъ публично унизительный осмотръ скрытыхъ частей и многихъ начинали драть съ того момента, когда они, возмущенные такимъ порядкомъ, осмѣливались протестовать, умолять, сопротивляться—именно за подобныя проявленія воинскочеловѣческаго достоинства...

А когда я пытался, въ частныхъ разговорахъ, коснуться подобнаго произвола, надругательства,—„директриса“ указывала мнѣ съ апломбомъ „законъ“, недѣлающій различій между узниками, дающій ему, какъ начальнику, право устройства, по его усмотрѣнію, внутренняго порядка, подчеркивающій назначеніе учрежденія, какъ установленія карательнаго, призваннаго во чтобы то ни стало дисци-

плинировать тѣхъ, кто судомъ признанъ пошатнувшимся въ дисциплинѣ и т. п.

Точно желая увильнуть отъ прямого отвѣта, начиналъ онъ убаюкивать меня разнаго рода предложеніями: „Не хотите-ли кваску? У насъ свой квасъ... Быть можетъ, вамъ банька съ дороги нужна?... У меня... особые банщики, парщики есть, изъ арестантовъ...“

А, затѣмъ, на каждомъ шагу,—ссылка на законы, приказы, предписанія...

И, при этомъ, проходя мимо иконъ съ лампадами (а онѣ встрѣчались на каждомъ шагу), „директриса“ набожно, истово крестился и поднималъ глаза къ потолку...

На могилѣ этого ненормальнаго изувѣра, изверга красуется велерѣчивая, трогательная надпись. А у меня, когда я вспоминаю о встрѣчахъ съ нимъ, закипаетъ воспоминаніе о приливахъ былой, безсильной злобы и презрѣнія, вырваться наружу которымъ мѣшали наши служебныя отношенія.

И снова я невольно уклонился отъ повѣствованія...

Но, въ душѣ выросла мгновенно параллель: сколько передо мною прошло такихъ-же гауптвахтъ, снаружи какъ-бы даже поражающихъ казеннымъ порядкомъ иного, конечно, вида; сколько комендантовъ, будто-бы и находящихся, въ отношеніи ихъ на своемъ мѣстѣ, прекрасно аттестуемыхъ начальствомъ!!.....

И все это, при ближайшемъ, основательномъ ознакомленіи, оказалось призракомъ, миражемъ, ничего общаго неимѣющими съ высокими задачами, которыя должны быть положены въ основу каждаго карательнаго учрежденія, не взирая на его размѣры, цѣль и значеніе...

Какъ-бы то ни было, а данное мнѣ въ 1903 году Главнымъ Военно-Суднымъ Управленіемъ порученіе все-же нѣсколько встряхнуло меня нравственно, что и выразилось въ письмѣ моемъ къ П. Ѳ. Лузанову (отъ 3 сентября того-же года, изъ Вильны), гдѣ, объясняя причины большого объема моего „свода“, писалъ я, между прочимъ:

„Болѣе скорое исполненіе дорогого сердцу моему порученія Вашего Превосходительства задержалось продолжительнымъ участіемъ моимъ въ слѣдственной комиссіи по дѣлу о безпорядкахъ въ Виленскомъ военномъ госпиталѣ, завѣдываніемъ въ теченіи мѣсяца двумя военно-слѣдственными участками и семейными невзгодами (болѣзнью дѣтей, между прочимъ, продолжительными страданіями 11-лѣтней, любимой моей дочери и ея смертью, на дняхъ послѣдовавшей). Но и въ трудныя, скорбныя минуты моей служебной и частной жизни, находилъ я всегда великое утѣшеніе въ порученной мнѣ Вами работѣ и не разъ благословлялъ Васъ за то, что Вы пріобщили и меня къ великому дѣлу помощи страждущему ближнему“...

„...Конечно, не мнѣ судить, насколько правъ я былъ, остановившись на вышеупомянутой формѣ сводной записки, и насколько самый трудъ мой удовлетворитъ Ваше Превосходительство и тѣхъ, кто положитъ его въ основу изученія военно-тюремнаго дѣла.

Въ заключеніе-же настоящаго письма позволяю себѣ коснуться одного вопроса, имѣющаго громадную связь съ предстоящей военно-тюремною реформой—именно вопроса объ ужасномъ, вопіющемъ состояніи нашихъ общихъ (главныхъ) военныхъ гауптвахтъ. Скажу даже болѣе, вся военно-тюремная реформа, основанная на началахъ гуманности и защиты личности солдата отъ вреднаго вліянія развращающей тюремной среды, по мнѣнію моему, обратится въ ничто, *если мы не коснемся теперь-же и быта русскихъ, такъ называемыхъ, общихъ гауптвахтъ, не свяжемъ судьбу этихъ гауптвахтъ съ предстоящею военно-тюремной реформой.*

Въ августѣ 1901 г., представилъ я Вашему Превосходительству, для доклада г. Военному Министру, памятную записку о позорномъ состояніи русскихъ общихъ гауптвахтъ, какъ разсадниковъ разврата, болѣзней и униженія человѣческой личности заключенныхъ въ нихъ нижнихъ чиновъ. Ваше Превосходительство благосклонно отнеслись къ моимъ заявленіямъ, лично передали записку мою генералъ-адъютанту А. Н. Куропаткину и записка эта, обративъ на себя вниманіе Его Высокопревосходительства, была разослана, съ благосклоннымъ-же мнѣніемъ о ней Протопресвитера Военнаго и Морского Духовенства, высшимъ представителямъ военнаго вѣдомства въ Россіи, почти всюду вызвавъ сочувственный откликъ“...

Изложивъ, въ общихъ чертахъ, исторію моихъ сношеній съ ген. Куропаткинымъ, командировки въ Главный Штабъ и представленія туда памятной записки о мѣрахъ улучшенія военно-гауптвахтнаго быта безъ особыхъ затратъ казны, я въ томъ-же письмѣ, писалъ Петру Ѳемичу:

„Съ тѣхъ поръ поднятый мною вопросъ заглохъ, и въ какомъ онъ, въ настоящее время, положеніи—мнѣ неизвѣстно. Между тѣмъ положеніе военныхъ арестантовъ на нашихъ общихъ гауптвахтахъ продолжаетъ быть въ томъ-же ужасномъ, плачевномъ состояніи, въ какомъ было до 1901 года, т. е. до подачи черезъ Ваше Превосходительство первой моей памятной записки г. Военному Министру. И если подумаешь, что прежде, чѣмъ попасть въ военно-тюремныя заведенія, военные арестанты, иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ, нравственно и физически растлѣваются на нашихъ общихъ гауптвахтахъ, въ средѣ порочныхъ товарищей, внѣ контроля, то станетъ понятнымъ, какое важное значеніе въ военно-тюремной реформѣ играетъ вопросъ объ улучшеніи состоянія общихъ гауптвахтъ. И, дѣйствительно, какія-бы мѣры нравственнаго воздѣйствія на заключенныхъ не принимали военно-тюремныя заведенія въ будущемъ ихъ, реформированномъ видѣ,—вліяніе этихъ заведеній будетъ систематически парализоваться состояніемъ нашихъ общихъ гауптвахтъ, черезъ которыя, прежде, чѣмъ поступить въ заведенія, неминуемо должны будутъ пройти тѣ-же военные заключенные“...

„Я твердо убѣжденъ, что если задуманная военно-тюремная реформа—на благо Россіи и русской арміи—когда-либо осуществится и всѣ военно-тюремныя учрежденія будутъ находиться *въ зависимости и подъ контролемъ одного главнаго, центральнаго, военно-тюремнаго учрежде-*

нія, то подъ этотъ контроль непремѣнно должны попасть и наши общія военныя гауптвахты.

Представляя при семъ Вашему Превосходительству памятную записку мою о состояніи общихъ гауптвахтъ съ мнѣніемъ о ней Главнаго Священника Арміи и Флота (въ томъ видѣ, какъ они были отпечатаны по приказанію Военнаго Министра, для разсылки высшему военному начальству), умоляю Васъ теперь-же истребовать изъ Главнаго Штаба подлинное дѣло о реформахъ общихъ гауптвахтъ, возникшее по моей иниціативѣ, и включить, затѣмъ, богатый, готовый уже матеріалъ, имѣющійся въ этомъ дѣлѣ, въ предстоящіе труды комиссіи—по военно-тюремной реформѣ“.

Однако, и эта попытка моя—вырвать изъ рукъ „винтиковъ“ Главнаго Штаба мое, гибнущее въ послѣднемъ, начинаніе—не привела въ тѣ дни ни къ чему.

Канулъ въ вѣчность еще долгій, томительный для меня, годъ...

По-прежнему, одинъ лишь я изъ всего военно-судебнаго вѣдомства, съ моими слабыми средствами и силами, боролся съ общимъ зломъ, царившимъ на случайно встрѣчающихся мнѣ, на моемъ пути, гауптвахтахъ, и главныхъ, и отдѣльныхъ частей войскъ, изнемогалъ въ этой непосильной борьбѣ, умножая мой опытъ, т. е., въ сущности, все болѣе и болѣе убѣждаясь въ томъ, что единичными усиліями здѣсь сдѣлаешь немного.

Военно-же судебное „вѣдомство“, по-прежнему, или молчало, или благодушно осмѣивало мои отчаянныя попытки...

А тутъ произошли въ Россіи, въ личной жизни моей такія неожиданныя, важныя событія, которыя уничтожили, было, послѣднія мои надежды на сочувствіе Петербурга къ моимъ проектамъ: началась неудачная война съ Японіей; вспыхнула россійская революція. Почти одновременно возникла и долгая, ожесточенная борьба моя, на почвѣ моихъ военно-слѣдовательскихъ обязанностей, вызвавшая за собой рядъ острыхъ, сложныхъ столкновеній моихъ и съ представителями военно-судебнаго вѣдомства, и съ ген. Куропаткиномъ, какъ военнымъ министромъ, и со строевымъ элементомъ—въ лицѣ командовавшаго войсками Виленскаго военнаго округа генералъ-адъютанта Гриппенберга, штаба его округа, военно-медицинскаго начальства и проч., и проч.: возникло когда-то много нашумѣвшее дѣло объ убійствѣ (или загадочной смерти?) въ Виленскомъ военномъ госпиталѣ сверхсрочнаго жандарма Николаева.

Убѣжденный, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, что нижній чинъ этотъ умеръ неестественной смертью, я энергично приступилъ къ слѣдствію, обнаружилъ убійцъ—нижнихъ чиновъ, взялъ ихъ подъ стражу, вырылъ трупъ изъ могилы и нашелъ актъ вскрытія, совершенный въ госпиталѣ, расходящимся во многомъ съ дѣйствительнымъ состояніемъ трупа...

Попутно я натолкнулся на безчеловѣчное, звѣрское обращеніе съ душевно-больными, на ненаучное содержаніе въ рукахъ неспеціалистовъ такъ называвшагося „душевнаго отдѣленія“, на ужасное

состоянiе „мягкой комнаты“, на звѣрей-служителей, на равнодушiе, халатность, безсердечiе части медицинскаго персонала; на нижнихъ чиновъ, подозрѣвавшихся въ симуляцiи сердечной болѣзни, для испытанiя садившихся въ это сумасшедшее отдѣленiе съ его потрясающей душу обстановкою; на отсутствiе высшаго контроля и т. п.

Открывшiйся передо мною „адъ“, конечно, вызвалъ, съ моей стороны какъ военнаго слѣдователя, подачу по-начальству „особаго постановленiя“, въ которомъ были смѣшаны и виновные въ безпорядкахъ врачи, и преступные нижнiе чины...

Когда-либо, съ документами въ рукахъ, я разскажу русскому обществу мою борьбу за правду, за идеалъ человѣчности и азбучной служебной порядочности, въ этомъ дѣлѣ—борьбу, въ которой мнѣ удавалось добиваться дополненiя, пересмотра слѣдственнаго матерiала... А пока касаться этого значило-бы уйти въ совсѣмъ иную область военнаго быта...

Прошло немало мѣсяцевъ, пока одолѣли меня общими усилiями и убрали изъ Вильны въ Смоленскъ, а дѣло, по кускамъ его, прекратили, освободивъ нижнихъ чиновъ изъ заключенiя, оправдавъ ихъ, а врачей, и то не всѣхъ, наказавъ лишь въ дисциплинарномъ порядкѣ.

Весь ужасъ извѣстнаго режима, извѣстной системы, всѣ факты, непосредственно несвязанные съ дѣломъ, а мною обнаруженные попутно, такъ и остались въ тѣни...

Не мое пораженiе въ данномъ случаѣ, которое было нетрудно предвидѣть, волновало меня, не мой насильственный, несправедливый, немотивированный переводъ изъ Вильны, съ которой все меня связывало, а разочарованiе въ генералѣ Куропаткинѣ, во многихъ дѣятеляхъ военно-судебнаго вѣдомства, о которыхъ до того я имѣлъ совсѣмъ иное представленiе...

Вотъ, когда упадокъ Милютинскихъ идеаловъ въ нашемъ вѣдомствѣ получилъ для меня еще разъ яркое, типичное воплощенiе...

Обстановка, въ которой погибъ, послѣ нравственныхъ и физическихъ пытокъ, несчастный жандармъ, конечно, могла быть, если не оправдываема, то хоть объяснена полною заброшенностью психiатрическаго отдѣленiя военнаго госпиталя въ рукахъ неспецiалистовъ и отрицательными типами тѣхъ представителей военно-медицинскаго мiра, которые здѣсь, точно въ насмѣшку надъ наукой, работали....

Но печально было видѣть упорное игнорированiе чинами военно-судебнаго вѣдомства, людьми, окончившими Военно-Юридическую, Милютинскую Академiю, безнравственной, безсердечной, ненаучной среды, благодаря которой только и могло возникнуть дѣло...

На всѣ мои попытки освѣтить ужасъ дѣла именно съ научной, служебной, этически-бытовой стороны, чтобы навсегда прекратить возможность, повторенiя подобныхъ безобразiй, получалось сознательное противодѣйствiе, звучали открытыя, циничныя насмѣшки... Меня обвиняли въ излишнемъ сентиментализмѣ, въ ненужномъ, вредномъ сгущенiи красокъ, а для интеллигентныхъ виновниковъ, создавшихъ удобную почву для ужасовъ „мертваго дома“, звучали слова о прощенiи, смягченiи, забвенiи...

Повторилось то-же, что было и при моихъ условіяхъ втянуть военно-судебное вѣдомство въ борьбу мою за гауптвахты: въ обоихъ случаяхъ „вѣдомство“ прошло мимо ужаса, напоминая собою Щедринскаго прокурора, у котораго одно око—дремлющее, а другое—недремлющее...

Лишній разъ, въ данномъ случаѣ, сказались и рознь между отдѣльными представителями вѣдомства въ вопросѣ, гдѣ надо-бы было сплотиться во имя закона, боязнь мужественно вступить въ столкновеніе со строевымъ, медицинскимъ элементомъ, атрофія чувства состраданія къ ближнему, неспособность, даже какъ-бы боязнь, широкихъ обобщеній на гуманитарно-служебной почвѣ, внѣ рамокъ разсматриваемаго дѣла, враждебное отношеніе къ сослуживцу, пошедшему при свѣтѣ закона самостоятельнымъ, неказеннымъ путемъ, дурно понятая идея „товарищества“, зависимое, приниженное положеніе вѣдомства и проч., и проч.

Между тѣмъ, именно здѣсь, на этомъ вопіющемъ къ небу дѣлѣ, не разъ охватывали душу мои сомнѣнія и по поводу моихъ главныхъ гауптвахтъ, въ числѣ реформъ которыхъ я проектировалъ и широкое участіе, контроль военно-медицинскаго персонала. А вдругъ, думалось мнѣ невольно теперь, какая-либо гауптвахта да попадетъ подъ опеку такихъ-же отрицательныхъ элементовъ, въ руки какихъ попалъ и несчастный жандармъ Николаевъ?!.

Какъ-бы желая наказать меня за мою упрямую настойчивость—добиться правды и кары для истинныхъ виновниковъ безобразій, обо мнѣ-же, впослѣдствіи, моими-же сослуживцами по вѣдомству, производилось разслѣдованіе: искали какихъ-либо моихъ служебныхъ упущеній по дѣлу, зарывались любознательно въ мое военно-судейское прошлое, опрашивали даже обо мнѣ строевое начальство, и т. п.

Въ концѣ-концовъ, все свелось лишь къ прощальному письму моему, написанному въ Ялту генералу Гриппенбергу, когда меня, благодаря ему, грубо убрали изъ Вильны: усмотрѣвъ здѣсь признаки 96 ст. XXII кн. Св. В. П., дѣло обо мнѣ... прекратили „по Высочайшему манифесту“, какъ о преступникѣ, спасенномъ отъ кары лишь случайно, благодаря этому манифесту. *)

А я такъ жаждалъ суда надо мною, какъ возможности еще разъ публично разсказать о томъ, что похоронило въ нѣдрахъ своихъ знаменитое, много нашумѣвшее дѣло о смерти жандарма Николаева..

Съ негодованіемъ, впослѣдствіи, когда, въ виду поданнаго мною черезъ Шефа Жандармовъ заявленія Государю Императору о неправильномъ, на мой взглядъ, прекращеніи вопіющаго дѣла о безпорядкахъ въ госпиталѣ, пріѣзжалъ въ Смоленскъ, для опроса меня, особый генералъ, военный юристъ, по Высочайшему повелѣнію, читалъ я резолюціи генерала Куропаткина на письмахъ моихъ къ нему, резолюціи, сдѣланныя въ угоду ген. Гриппенбергу...

*) Прекратили его и въ отношеніи другихъ военно-судебныхъ дѣятелей, которые мною обличались.

Тогда только постигъ я Куропаткина, какъ человѣка, и понялъ, на сколько многое изъ того, что мнѣ про него разсказывали въ Петербургѣ, было правдою...

По одному почерку его пера меня оторвали отъ семьи, въ то время, когда я лишился любимой дочери, отъ различныхъ учрежденій, въ которыхъ я до того долго работалъ на пользу общества и страждущаго ближняго, отъ Виленской и другихъ главныхъ гауптвахтъ Виленскаго военнаго округа, куда все-же вносилъ я хоть изрѣдка струю свѣжаго воздуха...

Пусть Богъ и будетъ судьей этому человѣку! А неудачи его и ген. Гриппенберга на театрѣ военныхъ дѣйствій, ихъ ссора, достаточно наказали обоихъ за отношеніе къ страданіямъ безвременно погибшаго жандарма въ „убліеттахъ" „душевнаго отдѣленія" Виленскаго военнаго госпиталя. Зато безвинно, въ лицѣ Куропаткина, пострадала моя Родина...

Если я разочаровался въ немъ, то великое утѣшеніе для меня было узнать отзывы командировъ отдѣльныхъ частей о моей дѣятельности, какъ военнаго слѣдователя...

Въ то время, какъ строевые представители русской арміи давали обо мнѣ самые лестные отзывы, старались затопить меня въ грязь мои-же товарищи и сослуживцы по военно-судебному вѣдомству...

Многіе изъ нихъ сдѣлали себѣ, затѣмъ, блестящую служебную карьеру...

Не завидую имъ, такъ какъ твердо вѣрую, что и тутъ еще не сказано послѣдняго слова—слова Божьяго осужденія...

Первымъ моимъ побужденіемъ, послѣ объявленія мнѣ рѣшенія высшаго моего начальства—о переводѣ изъ Виленскаго военнаго округа, было, само собой разумѣется, бѣжать со службы, очистивъ дорогу другимъ, болѣе меня нужнымъ..

Если я не вышелъ тогда въ отставку, то потому лишь, что рѣшилъ и изъ Смоленска продолжать начатую мною борьбу по дѣлу несчастнаго жандарма. Кромѣ того, мнѣ жаль было порвать связь мою съ главными гауптвахтами, съ мучениками, въ нихъ томящимися...

И вотъ, едва обосновавшись въ Смоленскѣ, прежде всего взялъ я подъ свою опеку мѣстную главную гауптвахту, равно и нѣкоторыя другія главныя (общія) гауптвахты гарнизоновъ, входившихъ въ составъ моего огромнаго военно-слѣдственнаго участка, не забывая, при случаѣ, по возможности, и гауптвахтъ отдѣльныхъ частей войскъ.

Въ то время, какъ въ Виленскомъ военномъ округѣ мною были уже заложены въ этомъ направленіи солидныя основы, на новомъ мѣстѣ службы мнѣ приходилось начинать тяжелую, неблагодарную работу сначала, пріучать начальства—комендантское и строевое—къ моимъ взглядамъ, принципамъ, втягивать ихъ въ разрѣшеніе общей со мной задачи—улучшенія быта на гауптвахтахъ... А я, признаться, къ тому времени, и усталъ, и извѣрился въ людяхъ.

Конечно, и тутъ, на новомъ мѣстѣ службы, не обошлось безъ разнаго рода „но" и треній съ мѣстнымъ начальствомъ.

16 января 1904 года я обратился со слѣдующимъ письмомъ къ начальнику штаба 13-го армейскаго корпуса генералу Угрюмову:

„Милостивый Государь, Андрей Александровичъ!

Находя, что праздность и отсутствіе разумнаго развлеченія у военныхъ арестантовъ, содержащихся на общихъ гауптвахтахъ, развращающе вліяютъ на нихъ, я, въ г. Вильнѣ, съ разрѣшенія высшаго начальства, на свои средства, устроилъ, при главной гауптвахтѣ, библіотеку, куда выписалъ книги, вообще разрѣшенныя для солдатскихъ библіотекъ, по каталогамъ Главнаго Штаба. И библіотека существовала нѣсколько лѣтъ, на глазахъ у начальства.

Желая устроить подобную-же библіотеку для нижнихъ чиновъ, содержащихся на Смоленской главной гауптвахтѣ, я обратился съ просьбою къ Смоленскому уѣздному воинскому начальнику, полковнику фонъ-Вестенрику, который отвѣтилъ мнѣ, что на основаніи 10 прилож. къ уставу гарнизонной службы (§ 3), онъ разрѣшаетъ мнѣ имѣть въ такой библіотекѣ только уставы, учебники, и книги религіознаго содержанія.

Тоже заявилъ мнѣ и начальникъ Смоленской мѣстной бригады, при словесномъ моемъ ходатайствѣ; при чемъ указалъ мнѣ обратиться за разрѣшеніемъ выписывать книги, одобренныя для солдатскихъ библіотекъ, вообще, къ Его Высокопре—ву, командиру корпуса, какъ къ начальнику гарнизона.

Позволяю себѣ думать, что § 3-й 10 приложенія не имѣетъ отношенія къ данному вопросу, такъ какъ онъ касается имущества арестованныхъ, при нихъ находящагося. Кромѣ того о библіотекахъ для военныхъ арестантовъ нигдѣ не сказано въ уставѣ гарнизонной службы. Наполнить библіотеку лишь уставами, учебниками и книгами религіознаго содержанія, при малограмотности большинства нижнихъ чиновъ —значить обречь книги на безполезное лежанье въ шкафу. Отъ начальника-же гарнизона зависитъ—разрѣшить мнѣ устроить библіотеку—съ покупкою книгъ по болѣе широкой программѣ, чѣмъ та, которая указана § 3-мъ устава.

А потому прошу Ваше Пре—во испросить мнѣ у Его Высокопре—ва командира корпуса разрѣшеніе:

а) на устройство, при Смоленской главной гауптвахтѣ, библіотеки для нижнихъ чиновъ на мой счетъ, при личной выдачѣ книгъ мною арестованнымъ;

б) на выписку туда книгъ, вообще разрѣшенныхъ для солдатскихъ библіотекъ.

О послѣдующемъ распоряженіи прошу удостоить меня отвѣтомъ.

Вашего Пре—ва покорнѣйшій слуга

А. Жиркевичъ.“

Въ отвѣтъ я получилъ отъ генерала Угрюмова оффиціальное письмо (отъ 23 января 1904 г. № 233), въ которомъ мнѣ сообщалось, что начальникъ гарнизона, командиръ корпуса, признавъ „полезность подобной библіотеки, приказалъ увѣдомить меня о своемъ согласіи“.

Одновременно штабъ корпуса далъ, отъ имени начальника гарнизона, предписаніе Смоленскому коменданту, въ которомъ было сказано:

„Начальникъ гарнизона разрѣшилъ военному слѣдователю полковнику Жиркевичу устроить при Смоленской главной гауптвахтѣ библіотеку для арестованныхъ нижнихъ чиновъ, выписавъ на собственныя средства книги, вообще одобренныя Главнымъ Штабомъ для солдатскихъ библіотекъ, по всѣмъ отдѣламъ каталоговъ Главнаго Штаба, и при условіи личной выдачи книгъ имъ, полковникомъ Жиркевичемъ...“

Надо замѣтить, что Смоленская гауптвахта, представляющая изъ себя небольшое, старое, совершенно неприспособленное для нуждъ ея, зданіе, втиснутое, при томъ, между густо - населенными домами, лишенное сноснаго двора для прогулокъ, бани и т. п., по неволѣ заставляла меня подчасъ вздыхать о Виленской гауптвахтѣ съ ея печальнымъ положеніемъ.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ коснулся я уже отчасти порядковъ на Смоленской гауптвахтѣ, типовъ ея населявшихъ, моихъ съ ними сношеній и т. п. А потому обойду это и другія стороны Смоленской моей дѣятельности—на благо страждущихъ...

И здѣсь, въ Смоленскѣ, пришлось, на почвѣ устава гарнизонной службы, бороться мнѣ съ комендантскимъ управленіемъ, съ караулами, съ начальниками отдѣльныхъ частей войскъ, отвоевывая съ трудомъ, при разнаго рода непріятностяхъ, шагъ за шагомъ, право заключенныхъ на вниманіе, попеченіе и уваженіе...

И тутъ находилъ я сифилитиковъ, больныхъ трахомою, чахоточныхъ, душевно-ненормальныхъ, жившихъ бокъ-о-бокъ съ людьми здоровыми и нормальными, а среди офицеровъ, стоявшихъ во главѣ карауловъ, прекрасныхъ строевыхъ служакъ, вполнѣ порядочныхъ, нравственныхъ людей, у которыхъ, тѣмъ не менѣе, отсутствовало чувство сожалѣнія къ узникамъ, не говоря уже объ отсутствіи самыхъ примитивныхъ познаній о томъ, чѣмъ, съ точки зрѣнія науки, должно быть всякое мѣсто заключенія...

Порой и въ Смоленскѣ, при попыткахъ моихъ, упорядочить содержаніе узниковъ, натыкался я на такія препятствія, что руки безпомощно опускались...

Порядки на гауптвахтѣ были таковы, что, напримѣръ, сторожъ, нижній чинъ, за деньги, систематично приносилъ въ камеру водку арестованнымъ. Среди послѣднихъ находился одинъ, который, напившись, производилъ скандалы. Но на это явленіе—и комендантское управленіе, и караулы смотрѣли, какъ на какое-то зло, съ которымъ они безсильны бороться, несмотря на всѣ принимавшіяся мѣры къ изобличенію виновныхъ въ проносѣ въ камеры водки.

Во главѣ комендантскаго управленія стоялъ прекрасный человѣкъ полковникъ Вестенрикъ, о которомъ я уже упоминалъ, рѣдко тѣмъ не менѣе, посѣщавшій гауптвахту вслѣдствіе того, что съ головой былъ заваленъ перепиской и дѣлами по другой должности—воинскаго начальника...

Память моя не сохранила ничего о какихъ-либо комендантскихъ адъютантахъ или прикомандированныхъ къ комендантскому управленію, съ которыми-бы я сносился по вопросамъ о заключенныхъ.

Надо думать, поэтому, что если такіе офицера и были, то совершенно безучастно относились къ гауптвахтѣ.

А послѣдняя рисуется моему воображенію въ видѣ ряда картинъ полнаго нравственнаго одичанія и заброшенности...

На мой счетъ исправлялись вентиляторы, дѣлались новыя форточки и т. п., чтобы только избѣжать проволочекъ, неминуемо связанныхъ съ канцелярской перепискою между вѣдомствами. Я-же сносился, по разнымъ нуждамъ гауптвахты съ мѣстнымъ городскимъ управленіемъ...

И тутъ замерцали по угламъ гауптвахтныхъ казематовъ мои иконки, легли по камерамъ мои Евангелія.

Мнѣ удалось добиться разрѣшенія устраивать праздничный столъ для узниковъ, и такъ какъ многіе изъ нихъ, для отбытія наказанія, отправлялись въ мѣстное исправительное арестантское отдѣленіе, то я розыскивалъ ихъ и здѣсь, слѣдя за ними, приходя христосоваться, раздавать сыръ, куличи и др. провизію.

И сюда несъ я мои дешевыя Евангелія.

Несъ я все это и въ мѣстную тюрьму, гдѣ сидѣли мои кліенты или тѣ, съ которыми познакомился я на гауптвахтѣ.

Для меня, надо замѣтить, не было въ Смоленскѣ запрещеній отъ гражданскаго начальства на подобныя посѣщенія. Случалось произносить „Христосъ Воскресе!“—съ ужасомъ въ сердцѣ, въ сознаніи своей безпомощности, и тѣмъ, которыхъ ожидала смертная казнь...

Исходя изъ того педагогическаго взгляда, что лучшей, нравственной школою для молодежи это—безжалостно ставить ее лицомъ къ лицу съ чужимъ страданіемъ, указывая, въ то-же время, и возможные способы его устраненія, я изрѣдка водилъ съ собою на гауптвахту, особенно на Пасху, старшаго сына моего, въ тѣ еще дни воспитанника средняго учебнаго заведенія,—которому посвящена столь неожиданно настоящая моя книга, предоставляя ему все видѣть, ко всему прислушиваться и самому дѣлать, въ тайникахъ юной души своей, надлежащіе выводы. Сѣмена эти пали на хорошую почву: мальчикъ какъ-то высказался мнѣ, въ тѣ дни, что если-бы я умеръ, то онъ, въ память мою, никогда не будетъ забывать военныхъ узниковъ... А вотъ суждено мнѣ все еще бороться за послѣднихъ въ молитвенное воспоминаніе о сынѣ...

На почвѣ частной филантропіи моей въ гражданскихъ карательныхъ учрежденіяхъ Смоленска, мнѣ, впервые въ жизни, довелось близко соприкоснуться съ тѣмъ, что̀ такое дѣла военно-окружныхъ судовъ, связанныя со смертной казнью, что испытываютъ заключенные, въ ожиданіи рѣшенія ихъ участи и т. п.

Не забуду никогда одно мрачное, а, въ сущности, заурядное, дѣло, гдѣ временный военный судъ, обставленный исключительными законами, исключительнымъ положеніемъ, исключительными разъясненіями, не могъ, при всемъ желаніи своемъ, вынести иного рѣшенія, кромѣ смертнаго приговора, но гдѣ возможно было, съ надеждой на

успѣхъ, даже слѣдовало, по совѣсти, по духу закона, вмѣстѣ съ приговоромъ, представить и ходатайство по начальству о замѣнѣ наказанія на болѣе мягкое...

Этого, по убѣжденію моему, не было сдѣлано, такъ какъ во главѣ командировки стоялъ жестокій, больной печенью, а потому раздражительный военный судья, заранѣе, до разбора дѣла—о двухъ юношахъ-крестьянахъ, въ возрастѣ 18—19 лѣтъ, совершившихъ убійство не на политической почвѣ, но несомнѣнно подъ вліяніемъ всеобщаго разврата, внесеннаго въ жизнь деревни революціей, быть можетъ, и случайное, въ пьяномъ видѣ, безъ должнаго сознанія того, что было задумано глупо, среди бѣлаго дня, на большой дорогѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ села,—говорившій со злобою: „повисятъ... повисятъ...“

То былъ одинъ изъ тѣхъ „сладострастниковъ“ уголовной кары, которые, будучи набожны, сами дрожа за свою жизнь, какъ приговоренные революціей къ смерти, любя своихъ неудачниковъ дѣтей и вѣчно заботясь о карьерѣ послѣднихъ, съ какимъ-то упоеніемъ, точно мстя революціи, смаковали смертные приговоры, думая, что спасаютъ Родину своей безпощадностью...

Около двухъ мѣсяцевъ часто посѣщалъ я узниковъ въ гражданской тюрьмѣ, куда ихъ привезли съ мѣста совершенія ими преступленія въ Смоленскъ, протомивъ до того много мѣсяцевъ въ заключеніи,—носилъ имъ провизію, книги, Евангелія (благо одинъ изъ нихъ былъ грамотный, хотя и неважно), говорилъ съ ними, поддерживалъ въ нихъ, по мѣрѣ силъ, слабую надежду, если не на полное оправданіе (объ этомъ нечего было и думать), то хоть на ходатайство будущаго суда о смягченіи участи, наконецъ, подготовлялъ къ возможно-худшему исходу ихъ дѣла....

Говорилъ все это имъ, а самъ содрогался, предчувствуя, что висѣлицы имъ не миновать: все зависѣло отъ того, какой пріѣдетъ судья, какъ онъ смотритъ вообще на ходатайства о смягченіи участи. То была ужасная пора, когда военные судьи боялись являться съ докладомъ о подобныхъ ходатайствахъ суда къ инымъ командующимъ войсками, чтобы не получить грубаго, грознаго оклика и не быть занесенными, вслѣдъ за тѣмъ, въ разрядъ слабыхъ, неумѣющихъ „справляться съ временными судьями“, подозрительныхъ, вредныхъ, нежелательныхъ на службѣ, а потому, намѣчаемыхъ къ „сплавкѣ“, при новомъ проявленіи слабости, изъ военно-судебнаго вѣдомства... Что-то, прямо невѣроятное, а существовало: я не разсказываю сновъ и сказокъ... Многое зависѣло и отъ состава временныхъ судей... Нечего говорить уже о разныхъ давленіяхъ и вліяніяхъ... Въ тѣ дни жизнь человѣческая часто зависѣла отъ явной случайности, нерѣдко отъ отдѣльныхъ личностей, отъ личныхъ взглядовъ и убѣжденій... Позорная, кошмарная эпоха!..

Особенно участилъ я посѣщенія моихъ узниковъ передъ открытіемъ временнаго военнаго суда, зная, по опыту военнаго юриста, какъ должно было волновать ихъ томительное ожиданіе предстоявшаго рѣшенія...

Одинъ изъ нихъ былъ болѣе скрытенъ, несообщителенъ, угрюмъ и какъ-то тупо-покорно, затаенно ждалъ своей участи. Другой, болѣе симпатичный, менѣе развитой, но кроткій, ясный, и какъ-бы прощающе ко всему относившійся, вызывалъ во мнѣ чувство невыразимаго состраданія, не жалуясь, не выражая никакихъ желаній. О немъ, кромѣ того, имѣлись въ дѣлѣ прекрасные отзывы знавшихъ его. Все говорило за то, что его совратилъ съ пути истиннаго, смутилъ и погубилъ болѣе опытный, развитой его товарищъ по несчастью.

Обоихъ схватили чуть не отъ сохи и бросили въ омутъ мѣстъ заключенія.

Совершивъ преступленіе и ничѣмъ не воспользовавшись, оба, испуганные, пришли къ родителямъ сейчасъ-же и съ дѣтской наивностью во всемъ откровенно сознались: тѣ свели ихъ къ властямъ и, затѣмъ, навсегда отреклись отъ павшихъ дѣтей.

Слѣдуетъ еще добавить, что преступленіе имѣло мѣсто далеко отъ Смоленска. Въ Смоленскѣ-же молодыхъ людей никто не зналъ. Слѣдовательно и казнь юношей, ночью, въ четырехъ стѣнахъ мѣстной тюрьмы, ни на кого здѣсь не могла произвести надлежащаго впечатлѣнія. (Иное дѣло если-бы ихъ судили и осудили на мѣстѣ совершенія злодѣянія)... Одно изъ ружей было настолько испорчено, старо, что обвязывалось веревкой. Стрѣляли крупными дробинами, одна изъ которыхъ попавъ въ сонную артерію, вызвала смерть. Такъ что являлось сомнѣніе въ томъ, было-ли здѣсь на лицо обдуманное желаніе убить, ограбить и не произошла-ли смерть случайно, непредвидѣнная самимъ стрѣлявшимъ, желавшимъ лишь испугать, ранить... Вообще многое представлялось невыясненнымъ, загадочнымъ: я былъ въ засѣданіи и прослушалъ дѣло отъ начала до конца, напряженно слѣдя за развитіемъ на судѣ драмы двухъ молодыхъ жизней...

Ранѣе я заговаривалъ съ обоими о мотивахъ совершеннаго ими, встрѣчая, повидимому, искреннее признаніе факта, безъ сознанія, однако, его ужаса, съ отрицаніемъ тѣхъ грязныхъ побужденій, которые именно и ставились здѣсь въ вину воинскимъ правосудіемъ.

Когда вынесли приговоръ, осуждавшій обоихъ на позорную смертную казнь черезъ повѣшеніе, безъ ходатайства о смягченіи участи, Смоляне обратились немедленно-же въ Москву, къ командовавшему войсками, генералу Гершельману, прося о замѣнѣ смертной казни и объ избавленіи сравнительно мирнаго Смоленска отъ подобнаго ужаса...

Принялъ въ погибающихъ участіе и я: двѣ высокопоставленныя дамы Москвы, женщины удивительной доброты, ѣздили лично, по моей просьбѣ,—умолять генерала—пощадить безразсудную, неразвитую, кающуюся молодость, но не добились ничего, кромѣ любезнаго, изысканнаго пріема, не безъ саркастическаго оттѣнка...

Также безуспѣшны были и другія мои попытки въ томъ-же направленіи: болѣе симпатичнаго, кроткаго, раскаивающагося, повѣсили, а его товарищу замѣнили смертную казнь срочной каторгою.

Впослѣдствіи арестанты того учрежденія, гдѣ оставшійся въ живыхъ отбывалъ наказаніе, хотѣли убить его за оговоръ повѣшеннаго,

и мнѣ-же проходилось спасать несчастнаго отъ грозившаго ему самосуда...

Когда-либо я вернусь еще подробно къ этому мрачному эпизоду изъ моихъ сношеній съ узниками. А пока мимо, мимо этихъ потрясающихъ подробностей!..

Скажу лишь, что самыя невыразимыя пытки для осужденныхъ явились благодаря надеждамъ на то, что суровый приговоръ не будетъ утвержденъ высшей военной властью.

Послѣ суда я еще болѣе участилъ мои посѣщенія осужденныхъ на казнь и, поддерживая въ нихъ вѣру въ Бога, въ загробную жизнь, въ милосердіе человѣческое, уча смириться, каковъ-бы ни былъ исходъ, по неволѣ наблюдалъ въ нихъ это медленное умираніе бодрости духа, смѣнявшееся ужасомъ смерти, эту агонію воли—въ теченіи двухъ-трехъ недѣль томительной неизвѣстности, напоминавшей жестокую пытку... Въ то-же время, во мнѣ самомъ, по мѣрѣ моихъ попытокъ успокоить, ободрить мучениковъ, крѣпло сознаніе, что долгое молчаніе изъ Москвы со стороны начальства—дурной признакъ.

Мнѣ почему-то кажется, теперь, вспоминая отдѣльные эпизоды прошлаго, что всѣ усилія—мои и другихъ—спасти юношу, вырвавъ его изъ когтей преждевременной смерти и отдавъ на жертву безсрочной или долгосрочной каторгѣ (еще вопросъ, что̀ изъ обоихъ видовъ наказанія ужаснѣе, мучительнѣй), разбились, благодаря личному докладу военнаго судьи командующему войсками по сущности дѣла...

Только черезъ сутки, случайно, узналъ я о совершившейся казни. У меня есть основаніе думать, что нарочно скрыли отъ меня роковую телеграмму, зная, что я рѣшилъ обратиться за милосердіемъ къ Высочайшей Власти, хотя-бы это стоило мнѣ службы.

Немного позднѣе, о подробностяхъ смерти осужденнаго, разсказалъ мнѣ напутствовавшій его, на самомъ мѣстѣ казни, священникъ...

Я не вправѣ оглашать его повѣствованія, потрясшаго меня до глубины души—той покорностью судьбѣ, той трогательной религіозностью и всепрощеніемъ, которыя, въ послѣднія минуты, проявилъ казненный: мое Евангеліе, подаренное ему, сыграло здѣсь, въ подобномъ настроеніи, немаловажную роль...

Скажу лишь, что, во время нашей бесѣды, на морозѣ, почтенный священнослужитель самъ рыдалъ, какъ ребенокъ, хотя мы встрѣтились съ нимъ на улицѣ, при публикѣ... Онъ далъ обѣщаніе молиться за погибшаго, за его чистую душу...

У меня-же навсегда врѣзались въ память низкаго роста, робкая, молчаливая, неказистая, фигурка въ арестантскомъ костюмѣ, кроткая улыбка, глубоко сидящіе, ясные глаза; коротко-остриженная голова; торчащее изъ кармана куртки мое Евангеліе...

Я часто спрашивалъ покойнаго, читаетъ-ли онъ то, что говоритъ Христосъ о жизни, страданіяхъ и смерти, понимаетъ-ли прочитанное?!..

Впервые, прикоснувшись къ обстановкѣ дѣлъ подобнаго рода, помнится, задалъ я себѣ вопросъ: „Что̀-же сдѣлаю я самъ, если мнѣ,

въ будущемъ, на положенiи военнаго судьи, придется, по необходимости, въ силу разнаго рода давленiй на совѣсть мою, осудить на смерть такихъ-же полу-дѣтей, полу-взрослыхъ?!“.

Тѣмъ глубже, тѣмъ неизгладимѣй, былъ слѣдъ, остававшiйся въ душѣ моей отъ этой, сравнительно недолго длившейся, встрѣчи, что всѣ воспоминанiя о ней до сихъ поръ говорятъ мнѣ неумолимо, скорбно, о напрасно погибшей, молодой жизни, которая могла-бы еще принести пользу обществу, о моемъ личномъ безсилiи вырвать эту жизнь изъ рукъ смерти, о тѣхъ случайностяхъ, отъ которыхъ зачастую зависитъ судьба смертнаго...

И теперь, когда переворачиваю я, въ памяти моей, страницы минувшаго, едва касаюсь моей дѣятельности по облегченiю участи заключенныхъ вообще, въ разныхъ уголкахъ Россiи,—начинаютъ меня окружать блѣдные, холодные, словно упрекающiе, призраки тѣхъ, кто былъ казненъ и съ которыми связывали меня состраданiе, желанiе облегчить участь, подкрѣпить, поддержать въ страшныя минуты ожиданiя смерти, до конца—при общемъ равнодушiи.....

Предчувствiе смерти, томленiе въ виду ея неминуемости, при неизвѣстности, когда захлестнетъ шею позорная веревка палача,—однѣ изъ жесточайшихъ пытокъ, какiя только развѣ могла-бы придумать средне-вѣковая инквизицiя.

Неудивительно, что осужденные на смерть не выдерживаютъ иногда этого длящагося духовнаго умиранiя и сами бросаются навстрѣчу смерти, долженствующей, наконецъ-то, прекратить мученiя.

Особенно врѣзались мнѣ въ сердце два случая изъ эпохи моихъ скитанiй по военнымъ гауптвахтамъ, при чемъ оба казненные не принадлежали къ числу моихъ „клiентовъ“.

Нижнiй чинъ, присужденный къ повѣшенiю, которому я выдавалъ книги на одной изъ главныхъ гауптвахтъ, какъ-бы, предчувствiя, что смертный приговоръ о немъ утвержденъ, при пересылкѣ его ночью съ гауптвахты въ гражданскую тюрьму, гдѣ его должны были казнить, бросается въ паническомъ страхѣ бѣжать по улицѣ, зная, что его неминуемо, по долгу службы, разстрѣляютъ конвойные и дѣйствительно погибаетъ подъ ихъ выстрѣлами.

Каждый разъ, когда я, бывало, входилъ со словами участiя въ его одиночную камеру, онъ вытягивался передо мною по воинскому уставу и, видя мою военно-судейскую форму, съ недовѣрiемъ, точно ожидая какого-то подвоха, изучалъ выраженiе моего лица глазами, въ глубинѣ которыхъ дрожалъ и свѣтился неугасимо затаенный страхъ. Я такъ и не приручилъ его къ себѣ.

Въ послѣднiй разъ, когда я зашелъ къ нему, онъ не зналъ еще о томъ, что жалоба, имъ поданная (т. е. защитникомъ) на приговоръ военно-окружнаго суда, оставлена безъ послѣдствiй, все еще какъ-бы надѣялся на помилованiе и стоялъ передо мною, какъ всегда, съ гордо закинутой головою, видимо желая придать себѣ безразличный видъ., А я уже зналъ, что часы его сочтены, лгалъ и старался успокоить прежнимъ увѣренiемъ, что вопросъ о немъ еще не разрѣшенъ. Зная, что, въ виду близкой казни, книги мои, выданныя осужденному на

руки, пропадутъ, я взялъ ихъ у него на этотъ разъ и нарочно сказалъ, что дамъ въ обмѣнъ другія, послѣ. Я даже заставилъ себя разспрашивать его о содержаніи имъ прочтеннаго, чтобы отклонить его подозрѣнія. Не забуду его сдержанные отвѣты, испытующій, полный недовѣрія, огненный взоръ, его короткія фразы, прерываемыя нервными вздохами, указывавшія на душевное его состояніе... Красавецъ, полный жизни солдатъ, онъ и въ заточеніи не опускался, а былъ всегда, по возможности, вымытъ, причесанъ, съ выхоленными усиками...

Не помню теперь за что осудили его... Кажется, за нѣчто выдающееся по преступной жестокости...

Другой случай былъ еще трагичнѣе...

Нижній чинъ обвинялся въ убійствѣ своего начальника, хотя до конца клялся въ своей невиновности. Его присудили къ разстрѣлянію. Онъ тоже обжаловалъ приговоръ, надѣялся и метался, какъ дикій звѣрь въ клѣткѣ, въ чаяніи замѣны наказанія...

Порядки на гауптвахтѣ были настолько хороши, что приговоренный къ смерти оставался все время въ общей камерѣ, съ нѣсколькими заключенными, и, томясь предчувствіемъ грядущаго, схвативъ ножъ, которымъ рѣзалъ хлѣбъ (тоже—указаніе на порядки!), нанесъ себѣ глубокую рану въ область живота.

Ножъ этотъ я держалъ потомъ въ рукахъ— короткій, отточенный. Но, насколько знаю, вопреки закона, слѣдствія о покушеніи на самоубійство не производили: я уже подчеркивалъ, въ своемъ мѣстѣ, что для гауптвахтъ, при случаѣ, законы не существуютъ.

Раненаго отправили въ госпиталь. Такъ какъ приговоръ о немъ былъ, между тѣмъ, утвержденъ, то возникъ вопросъ о томъ, что-же теперь дѣлать съ умирающимъ?!.

Подлѣчивъ больного кое-какъ, свезли его, какъ передавали мнѣ потомъ въ комендантскомъ управленіи, въ безчувственномъ состояніи, взявъ прямо съ больничной койки, и съ забинтованнымъ животомъ разстрѣляли рано утромъ за городомъ...

Съ покойнымъ у меня сразу-же установились дружескія, близкія, довѣрчивыя отношенія. Онъ былъ грамотенъ, но отъ книгъ моихъ почему-то отказывался и я, заглядывая предварительно въ окошечко камеры, гдѣ онъ сидѣлъ, никогда не видѣлъ въ рукахъ его Евангелія, выданного мною въ общее пользованіе. Чаще всего онъ стоялъ у окна и глядѣлъ въ него, опершись лбомъ въ холодныя, желѣзныя рѣшотки. При входѣ моемъ онъ начиналъ обыкновенно разговоръ по своему дѣлу, какъ-то криво улыбался и все сводилъ къ увѣренію въ своей невиновности...

Оба эти случая относятся къ людямъ уже взрослымъ, совершившимъ тяжкія преступленія... Правда, что и здѣсь жуткія воспоминанія, тяжелыя впечатлѣнія......

Все-же это не то, что зеленая, безусая молодежь съ признаками дегенераціи, отравленная общей безнравственной атмосферою нашего подлаго, безпринципнаго, сумбурнаго времени, въ родѣ того юноши, котораго повѣсили въ Смоленскѣ...

Вотъ кого-ихъ, эти неокрѣпшіе еще побѣги, жаль до тоски, до

боли, до проклятія......

Помню, какъ на одной гауптвахтѣ, посѣщалъ я трехъ нижнихъ чиновъ, убійцъ отставного генерала, совершившихъ убійство съ цѣлью грабежа. Ихъ потомъ повѣсили, при чемъ одинъ изъ нихъ, передъ смертью обратился къ войскамъ, присутствовавшимъ при казни, съ прочувствованной рѣчью, въ которой всенародно каялся въ „грѣхѣ“ своемъ и училъ остававшихся въ живыхъ товарищей жить, служить честно и не идти по его позорной дорогѣ...

Всѣ три были начитаны, развиты. Судъ не могъ вынести тутъ иного приговора, какъ смертную казнь. И обвиняемые, а, затѣмъ, осужденные, ждали наказанія, какъ искупленія тяжкаго грѣха, не убаюкивая совѣсти надеждами на замѣну наказанія, а вѣруя въ то, что милосердный Богъ помилуетъ ихъ во имя мукъ ихъ на землѣ.

У осужденныхъ были двѣ сообщницы, насколько помню—жена одного изъ нихъ, беременная.

Я былъ на судѣ, какъ зритель, впиталъ въ душу свою ужасъ правосудія со смертнымъ исходомъ... И никогда не забуду того, что лично, при этомъ, выстрадалъ я за чуждыхъ мнѣ людей.

Женщинъ тоже приговорили къ смерти. Беременной казнь замѣнена была каторгой, а соучастницу ея повѣсили.

Разсказывали, будто-бы, казнимая, по неопытности палача, минутъ двадцать жила съ открытымъ лицомъ на веревкѣ, стараясь освободиться отъ нее, неоднократно крестилась и т. п.

И эти призраки тревожатъ по временамъ мой покой...

Если я привожу подобныя мрачныя страницы моихъ воспоминаній, отъ которыхъ до сихъ поръ вѣетъ на мою душу и разумъ жаромъ чужихъ, горькихъ слезъ, стонами чужихъ, жестокихъ, неописуемыхъ страданій, или холодомъ, молчаніемъ смерти, то, само собой разумѣется, не для усиленія впечатлѣнія моей книги, не для того, чтобы кого-либо чѣмъ-либо разжалобить, бросить на кого-либо неблаговидную тѣнь, а потому, что онѣ, эти страницы, легли на мою совѣсть тяжелымъ бременемъ, такъ какъ я пережилъ ихъ ужасъ, благодаря сношеніямъ съ главными гауптвахтами, гдѣ томилось большинство казненныхъ.

Приводя въ трудѣ моемъ описанія возмутительнаго состоянія нашихъ гауптвахтъ, я не могу-же не подчеркнуть, на сколько подобная ненормальная, жестокая обстановка должна была напрасно увеличивать душевныя муки тѣхъ, кто изо дня въ день, медленно, но тѣмъ не менѣе сознавая роковую неизбѣжность смерти, волей-неволей, подходилъ къ ужасному послѣднему моменту...

Говоря о положеніи военно-судебнаго вѣдомства, отвлекаемаго отъ его тюремно-гуманитарной и иной внѣ-служебной дѣятельности, связанной съ высокими идеалами, вложенными въ вѣдомство гр. Милютинымъ, на путь политики, которая вообще должна быть чужда военнаго мундира, могу-ли я не упомянуть, что всѣ случаи упоминаемыхъ встрѣчъ моихъ на почвѣ военнаго суда, дѣйствовавшаго въ исключительныхъ, ненормальныхъ условіяхъ революціоннаго террора, не носили вѣдь въ себѣ ничего революціоннаго, политическаго, а были заурядными преступленіями, въ обстановкѣ мирнаго времени,

влекшими за собой каторгу, а, если-бы иное дѣло попало въ гражданскій судъ, то, при участіи присяжныхъ засѣдателей, могло-бы окончиться еще менѣе плачевно, для второстепенныхъ-же соучастниковъ даже, быть можетъ, и оправданіемъ—въ виду вовлеченія ихъ въ преступленіе тѣми или другими обстоятельствами...

Вѣдь все это погибло благодаря проклятой революціи и если-бы тѣ-же дѣянія были совершены нѣсколькими мѣсяцами, годомъ позднѣе, то казненные жили-бы еще и, какъ молодежь, таили-бы надежду, покончивъ съ каторгою, начать иную, честную, полезную государству, жизнь.

Въ ушахъ моихъ стоитъ еще истерическій вопль одной изъ такихъ соучастницъ, молодой, беременной, которую военный судъ не могъ не приговорить, на основаніи исключительныхъ законовъ, къ смертной казни, несмотря на ея болѣзненное положеніе, и которую увозили изъ суда насильственно, послѣ объявленія приговора... Передо мною, какъ живая, стоитъ вся эта возмутительная, раздирающая душу сцена, разыгравшаяся на улицѣ, при толпѣ народа. Я вижу, какъ другая соучастница (вскорѣ повѣшенная) поддерживаетъ сострадательно на извозчикѣ эту мученицу, когда та теряетъ, наконецъ, сознаніе... Блѣдныя лица потрясенныхъ конвойныхъ; мужъ, нижній чинъ, прощается, послѣ того-же приговора, передъ смертью, съ беременною женой; его уводятъ на гауптвахту, ее—въ гражданскую тюрьму. Оба сознаютъ, что никогда имъ болѣе не увидѣться на этомъ свѣтѣ... И это на глазахъ толпы!.. А на совѣсти гибнущихъ лежитъ еще и сознаніе пролитой изъ-за корысти крови человѣческой!.. Они вѣдь знаютъ, что ихъ даже не похоронятъ по христіанскому обряду какъ всѣхъ, а, сбросивъ въ яму послѣ казни, зароютъ, точно дохлыхъ собакъ...

Поставьте себя на мѣсто этихъ осужденныхъ, войдите воображеніемъ въ трагедію ихъ предсмертныхъ мученій—и, если вы, хоть мало-мальски, знакомы съ бытомъ, режимомъ гауптвахтъ, то развѣ на всю жизнь не останется у васъ отъ нихъ впечатлѣнія не только темницъ, но и какихъ-то средне-вѣковыхъ, пыточныхъ застѣнковъ?!

Беременная, которой замѣнили казнь каторгой, родила въ темницѣ, и, впослѣдствіи, умоляла судей своихъ помочь ей—доставать хорошее молоко для питанія ея малютки... А та, которая такъ трогательно, сама приговоренная къ смерти, помогала ей при перевозкѣ, какъ я уже упоминалъ, по оплошности палача, напрасно промучилась, уже вися на веревкѣ...

И развѣ нормально такое положеніе, когда военному суду, т. е. представителю воинской силы приходится казнить слабыхъ женщинъ?!.

Невольно вспоминая эти и другія тѣни погибшихъ, благодаря исключительнымъ законамъ, начинаешь воскрешать въ памяти непоправимыя ошибки военныхъ судовъ, приговоры, по одному и тому-же „висѣльному“ дѣлу то обвинительные, то оправдательные; суды, разно глядящіе въ разныхъ пунктахъ на одинаковыя преступленія, такіе, напримѣръ, случаи, когда смертная казнь была замѣнена командующимъ войсками каторгой, обвиняемые отбыли на по-

слѣдней по нѣсколько лѣтъ, а, затѣмъ, появились новыя данныя, дѣло пересмотрѣли, а осужденныхъ, какъ невиновныхъ, оправдали... Однимъ словомъ, вспоминается вся недавняя, кошмарная, пережитая нами эпоха...

А если-бы ихъ, этихъ избавленныхъ отъ смерти, въ свое время повѣсили, такъ какъ они случайно попали-бы въ другой военный округъ, во главѣ котораго стоялъ-бы человѣкъ съ иными взглядами вообще, а въ частности на данное дѣло?!.

Каково-то судьямъ, если обнаруживается, что, благодаря ускореніямъ, сокращеніямъ, особенностямъ процесса, ведущагося въ обстановкѣ военнаго времени, подъ вліяніемъ общей горячки, лицомъ къ лицу съ тайно-дѣйствующими, революціонными, подпольными силами, они совершили грубую судебную ошибку и осудили на смерть, каторгу того, кто отстрадавъ тяжкое наказаніе, оказывается потомъ невиненъ?!.

Дай, Господи, чтобы никогда не нарушался болѣе внутренній миръ нашей дорогой Родины! Верни мое военно-судебное вѣдомство изъ періодическихъ блужданій, ужасныхъ ошибокъ, шатаній и приключеній, въ подобномъ кровавомъ туманѣ, гдѣ нетрудно споткнуться, провалиться въ яму, къ дѣятельности только во имя закона, равнаго для всѣхъ, независящаго отъ всякаго рода постороннихъ давленій и политическихъ настроеній данной минуты, хотя-бы то былъ законъ объ исключительныхъ положеніяхъ, вызванныхъ военнымъ, боевымъ временемъ съ самыми безпощадными кáрами, до смертной казни включительно, конечно, обязательный для всякаго вѣрноподданнаго судящаго и судимаго!!.

Дай, мнѣ дожить и до такого желаннаго времени, когда даже осужденный на смерть найдетъ на обновленной, реформированной гауптвахтѣ, и утѣшеніе религіи, и братское, человѣколюбивое отношеніе къ своей предсмертной тоскѣ!!....

Правда, подобныя встрѣчи мои съ тѣми, за плечами которыхъ торжествующе усмѣхалась смерть, случались въ жизни моей нечасто, а, на практикѣ—хвала Господу, я не имѣлъ прикосновенія, какъ военно-судебный дѣятель, по службѣ, ни къ одному такому дѣлу.

Мнѣ могутъ, пожалуй, замѣтить, что я, словно нарочно, для сгущенія красокъ, нагромождаю одинъ на другой только одни ужасы, не предъявивъ читателю ни въ этой главѣ, ни въ предыдущихъ, ни одной свѣтлой черты, ни одного радостнаго явленія изъ жизни, какъ русской гауптвахты, такъ и тѣхъ, кто ея населяетъ...

Но что-же мнѣ дѣлать, если и теперь, прогнанный оттуда высшимъ военнымъ начальствомъ, на положеніи человѣка, могущаго изъ своей отставки, на порогѣ смерти, спокойно „взирать на правыхъ и виновныхъ", попадавшихся мнѣ въ прошломъ, я не въ состояніи вспомнить ничего, ровно ничего отраднаго, на чемъ могло-бы отдохнуть взволнованное, негодующее, протестующее, чувство: сплошной, невѣроятный ужасъ...

И я не могу не сознавать, какъ блѣдны, какъ слабы мои описанія, мои характеристики...

Но развѣ можно описать словами человѣческаго языка пред-

смертное томленіе, душевное состояніе иного, интеллигентнаго, полуинтеллигентнаго узника, страдающаго мѣсяцъ и болѣе въ застѣнкахъ иной гауптвахтной „ублiетты"?!. А если допустить еще возможность ошибки, неправильнаго приговора...

О своемъ душевномъ состояніи могли-бы разсказать намъ только сами казненные, отстрадавшіе, заклейменные приговоромъ.

Да и то у нихъ не хватило-бы, навѣрное, подходящихъ выраженій, красокъ...

Виноватъ-ли я въ томъ, что на всемъ долгомъ пути страдальческаго служенія моего интересамъ русской гауптвахты, я не встрѣтилъ ничего, кромѣ грязи, мрака и того-же ужаса?!.

Можно-ли заподозрить меня въ неправдѣ, въ неискренности, въ сгущеніи красокъ только потому, что я родился неспособнымъ подняться до того прощающаго отношенія къ мѣстамъ заключенія, какое мы видимъ у великаго страдальца, самого перенесшаго крестъ русской каторги, Достоевскаго, ни опуститься до теоретическаго, отвлеченнаго преклоненія Л. Н. Толстого передъ, яко-бы, очищающимъ, искупляющимъ назначеніемъ всякой темницы?!

Но, покидая ужасы смерти и возвращаясь къ моей обычной, заурядной работѣ по улучшенію быта узниковъ, скажу, что и въ Смоленскѣ я остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ ранѣе.

Мало-по-малу ко мнѣ привыкли, пригляделись.

Оказалось, что въ Смоленскѣ, гдѣ высшее военное начальство сосредоточивалось лишь въ лицѣ одного корпуснаго командира, престарѣлаго, больного, ни во что невникавшаго генерала Ребиндера, можно было многаго добиться легче, чѣмъ въ Вильнѣ, съ ея многоначаліемъ высшихъ ранговъ...

Въ созидательной, упорной работѣ по гауптвахтѣ, постепенно сталъ находить я и утѣшеніе, и забвеніе отъ пережитыхъ неудачъ...

Въ Смоленскѣ пробылъ я, на должности военнаго слѣдователя, до 1908 года, когда добился-таки обратнаго возвращенія въ Вильну.

Смѣю думать, что за этотъ періодъ пребыванія моего на упоминаемой должности, имѣя уже значительный опытъ въ дѣлѣ упорядоченія быта военныхъ узниковъ, придерживаясь прежней тактики „особыхъ постановленій", добрыхъ сношеній съ гарнизономъ, съ начальствами—строевымъ и комендантскимъ—прося, напоминая кому слѣдуетъ, лично посѣщая гауптвахты моего военно-слѣдственнаго участка, скоро добился я и здѣсь, на новомъ мѣстѣ, внимательнаго отношенія къ нуждамъ узниковъ, къ заявленіямъ моимъ объ этихъ нуждахъ и т. п.

Конечно, и въ Смоленскѣ случалось мнѣ ошибаться на моемъ пути, прокладывая новыя тропинки, спотыкаться, падать и вмѣсто желаемой пользы приносить вредъ ближнему, а также нерѣдко падать духомъ, опускать руки...

Болѣе, чѣмъ когда-либо понималъ я, въ положеніи изгнанника, лишившагося послѣднихъ надеждъ на поддержку недовольнаго мною Петербурга, что, въ сущности, то, что я дѣлаю, и ничтожно, и вре-

менно, и не захватываетъ глубоко, широко общаго вопроса о положенiи русскихъ гауптвахтъ...

Не могъ примириться я и съ мыслью, что сравнительно недавняя попытка моя—обратить вниманiе высшей военной власти на положенiе этого вопроса остается только одной моей личной мечтою.

Пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, рѣшался я, поэтому, напоминать о себѣ и дорогомъ сердцу моему дѣлѣ Петербургу...

Это и отражалось, въ свою очередь, на моей перепискѣ съ разными лицами.

Въ то время, какъ одинъ высокопоставленный генералъ,—на просьбу мою подвинуть дѣло о моихъ реформахъ въ Главномъ Штабѣ, раздраженно писалъ мнѣ въ 1904 году, изъ Петербурга—

„ ... Простите; но не время обсуждать мирные вопросы, а тѣмъ болѣе возбужденные три года тому назадъ „объ улучшенiи содержанiя военныхъ арестантовъ“: нѣтъ досуга государственнымъ людямъ справиться съ текущими дѣлами. Военный Министръ особенно занятъ. Такъ погодите съ высылкой справки по вышеупомянутому вопросу...“ и т. п.,—

я, не менѣе раздражительно, отвѣчалъ ему, что неужели-же, по его рецепту, изъ-за неудачной войны и революцiи, нашему великому Отечеству махнуть рукой на вопросы внутренней, государственной жизни и тѣмъ усиливать общее разложенiе?!.

Мною, при этомъ подчеркивалось, что всюду, куда ни проникалъ я, разъѣзжая по военно-слѣдственному участку съ моими указанiями по вопросамъ упорядоченiя гауптвахтнаго быта, натыкался я и на сочувствiе, и на порядочныхъ людей! Все ждало и здѣсь лишь приказа изъ Петербурга, для того, чтобы откликнуться и начать работу, но все дремало съ ничего невыражающимъ уставомъ гарнизонной службы...

Въ особенно плачевномъ состоянiи находилъ я многiя полковыя, батарейныя гауптвахты, т. е. мѣста заключенiя, которыя, казалось-бы, по самому положенiю ихъ въ раiонѣ частей войскъ, должны были быть предметомъ исключительныхъ заботъ и попеченiя...

Въ самомъ Смоленскѣ, не безъ нѣкоторой надежды на успѣхъ, поднялъ я даже вопросъ о переносѣ главной гауптвахты изъ скученнаго, центральнаго квартала на окраину города, о постройкѣ новаго зданiя гауптвахты: по этому поводу сохранились у меня въ бумагахъ переписка моя съ городскимъ головою и другiе матерiалы.

Но возвращенiе въ Вильну оборвало эту попытку. А жаль! надо думать, что главная гауптвахта въ Смоленскѣ, все тамъ-же, на прежнемъ мѣстѣ, что въ ней все осталось по старому.....

Недавно попался мнѣ, при чтенiи газеты, приказъ по войскамъ Московскаго военнаго округа, въ которомъ объявлялась благодарность караульному офицеру за успѣшное, энергичное усмиренiе, съ оружiемъ въ рукахъ, на Смоленской главной гауптвахтѣ, безпорядковъ, чуть не бунта, возстанiя, возникшихъ на почвѣ... стрижки волосъ у заключенныхъ, на той именно гауптвахтѣ, гдѣ когда-то такъ много потрудился я въ дѣлѣ улучшенiя быта арестованныхъ, смягченiя ихъ нравовъ, поддержанiя порядка и дисциплины...

Вспомнилось, при этомъ, невольно, какъ въ мои времена, тамъ нетерпѣливо ждали цирульника, по просьбѣ моей спеціально высылавшагося изъ какой-либо части...

Конечно, бунтовщики получатъ должное возмездіе по закону. Конечно, вполнѣ правъ и караульный начальникъ, офицеръ, силою добившійся повиновенія, порядка...

Но мнѣ, знакомому съ обстановкою главныхъ гауптвахтъ вообще, а въ частности со взглядами Смоленскаго гарнизона на гауптвахтныхъ узниковъ, такъ и мерещится, что въ данномъ случаѣ упоминаемые безпорядки могли возникнуть лишь на почвѣ того ненормальнаго положенія, что на гауптвахту принято у насъ смотрѣть, какъ на тюрьму, на узниковъ-же ея, какъ на безправныхъ „арестантовъ", „каторжниковъ"...

Не зная подробностей настоящаго случая, думаю, однако, что все можно было-бы уладить инымъ путемъ, не доводя до слѣдствія и суда.

Смѣю предполагать, что будь я въ Смоленскѣ, входи, по-прежнему, свободно на гауптвахту съ моими книгами, иконами, Евангеліями, съ живымъ общеніемъ съ узниками—ничего подобнаго не разыгралось-бы на почвѣ гауптвахтнаго режима и нравовъ...

Посѣщая гор. Рославль и бывая на гауптвахтѣ 1-го Невскаго полка, я постоянно натыкался тамъ на безпорядки и безчеловѣчное отношеніе къ узникамъ, что̀ отчасти можно было объяснить болѣзненностью командовавшаго полкомъ, полковника Михайлова.

Поддерживая съ нимъ, однако, личныя добрыя отношенія, мнѣ удавалось добиваться и здѣсь кое-какихъ мѣръ, но все это дѣлалось полковой администраціей вяло, съ неохотой, а, главное, безъ сознанія важности того, о чемъ я говорилъ.

Выведенный, наконецъ, изъ себя безуспѣшной, праздною борьбой съ полковой рутиною, я, 26 апрѣля 1907 г., написалъ полковнику Михайлову письмо такого содержанія:

„Христосъ Воскресъ!" Многоуважаемый Иванъ Александровичъ.

Я долго колебался, писать Вамъ это письмо, или нѣтъ. Но полковникъ М. А. Дорманъ, *) ближе Васъ знающій, увѣрилъ меня въ томъ, что Вы—добрый, отзывчивый человѣкъ, съ которымъ можно говорить откровенно, не боясь обидѣть, задѣть самолюбіе „командира части".

А потому я и обращаюсь къ Вамъ съ просьбою.

Въ послѣдній пріѣздъ мой въ Рославль я былъ крайне удрученъ, просто лишенъ сна и аппетита, благодаря тому, что̀ узналъ случайно о состояніи Вашей полковой гауптвахты.

А узналъ я вотъ что: когда вызвали ко мнѣ, для допроса, по политическому дѣлу, оружейнаго мастера Юркина, то я вдругъ увидѣлъ на его шинели трехъ огромнѣйшихъ, жирныхъ клоповъ... А я клоповъ боюсь!.. Чтобы предостеречь себя отъ перспективы заполучить этихъ паразитовъ на себя, попросилъ я Юркина держаться отъ

*) Въ то время исполнявшій должность начальника Штаба дивизіи, въ составъ которой входилъ Невскій полкъ.

меня подалѣе и спросилъ его, почему онъ, человѣкъ развитой, начитанный, держитъ себя такъ нечистоплотно?—На это обвиняемый добродушно разсказалъ, мнѣ, что не его одного, а всѣхъ арестованныхъ, въ карцерахъ полка, „заѣдаютъ“ клопы, вши, крысы, пояснивъ, при этомъ, что зданіе гауптвахты—старое, сырое, а съ этимъ „звѣремъ“ трудно что-либо подѣлать. Тутъ-же, какъ-бы въ оправданіе подобнаго непорядка, онъ добавилъ, что, благодаря Вашему распоряженію, арестованныхъ водятъ теперь на прогулку, чего недавно еще не было... *)

Я обратился съ разспросами къ Вашимъ офицерамъ, и тѣ подтвердили, что карцера—никуда негодны, сыры.

Въ положеніи Юркина очутился и вольноопредѣляющійся Тычевъ.

Черезъ часъ привели ко мнѣ, на допросъ, третьяго обвиняемаго ряд. Радостова, который едва могъ смотрѣть наменя, видимо, страдая глазами. На вопросъ мой, почему онъ такъ смотритъ, получился отвѣтъ, что карцера темны и заключенные въ нихъ „слѣпнутъ“...

Не могу забыть того момента, когда Юркинъ, изъ уваженія ко мнѣ, полковнику, и для того, чтобы разсѣять мой страхъ, преспокойно собралъ клоповъ рукою и живьемъ посадилъ ихъ себѣ за пазуху!..

Да такъ-ли это—всѣ эти ужасы изъ быта Вашихъ заключенныхъ, о которыхъ они мнѣ разсказали?!.

Много лѣтъ хлопочу я у Военнаго Министра о томъ, чтобы на наши гауптвахты обратили, наконецъ, вниманіе. Думаю, что я добьюсь—таки здѣсь реформъ: во главѣ комитета по образованію войскъ стоитъ мой добрый знакомый ген. Скугаревскій, которому писалъ я за нѣкоторое время до поѣздки моей въ Рославль, прося его еще разъ поднять возбужденный мною вопросъ.

Знаю, что Вы больны, не выходите изъ квартиры, а потому многое можете и не видѣть. Но также знаю я и то, что Вы—врагъ безпорядковъ, беззаконія и озабочены бытомъ нижнихъ чиновъ. Я увѣренъ, поэтому, что настоящее письмо мое не останется безъ результата. Теперь—весна. Я дышу чуднымъ воздухомъ. А заключенные задыхаются въ казематахъ!!.

Сдѣлайте для меня Пасхальный подарокъ: велите провѣрить заявленія Вашихъ арестованныхъ, и, если дѣйствительно карцера Ваши—царство сырости, мрака, крысъ, клоповъ и вшей, то, по чувству человѣколюбія, упраздните, Бога ради, эти ужасныя помѣщенія, заставивъ городъ дать Вамъ что-либо лучшее, удовлетворяющее и человѣческую справедливость, и условія гигіены!..

Если между заключенными есть несомнѣнно и люди павшіе, пропащіе, *то вѣдь все-таки они—люди!!.*

А, затѣмъ, простите меня, Глубокоуважаемый Иванъ Александровичъ, за то, что, отбросивъ наши, чисто-служебныя, отношенія, стучусь я въ сердце Ваше съ моей просьбою, *какъ человѣкъ къ человѣку!..*

*) Надо замѣтить, что и вопросъ о прогулкахъ возникъ, благодаря мнѣ.

Вашъ покорнѣйшій слуга, преданный и заранѣе благодарный А. Жиркевичъ.

P. S. Простите, если я, понадѣявшись на память, переврал Ваши имя и отчество! А. Ж.“

Въ результатѣ—былъ произведенъ основательный ремонтъ гауптвахты, началась борьба съ крысами и паразитами, на казенный счетъ, о чемъ и имѣется слѣдъ въ дѣлахъ полка: пріѣхавъ вскорѣ въ послѣдній на слѣдствіе, имѣлъ я счастье убѣдиться, что слово мое не осталось безрезультатнымъ.

Но я опять забѣжалъ нѣсколько впередъ...

На то, что, и сидя въ Смоленскѣ, при общей неурядицѣ Россіи, вызванной войною и революціоннымъ броженіемъ, я не забывалъ время отъ времени шевелить въ Петербургѣ общій вопросъ объ улучшеніи быта военныхъ узниковъ главныхъ гауптвахтъ, указываетъ хотя-бы моя переписка съ протопресвитеромъ Желобовскимъ.

„Достоуважаемый Александръ Владимировичъ!“ писалъ мнѣ престарѣлый протопресвитеръ 10 января 1904 г.—въ отвѣтъ на брошенный мною ему упрекъ въ равнодушіи къ поднятому мною вопросу и видимое ослабленіе его энергіи:

„Не думайте, что я сдѣлался равнодушнымъ къ вопросу о военныхъ гауптвахтахъ. Вмѣстѣ съ Вами болѣю душою объ узникахъ. Собираются справки и, когда соберутся, можно будетъ заявить и свой слабый голосъ. Вы-бы меня обязали, если-бы доставили копію съ памятной записки, представленной Вами въ Главный Штабъ объ улучшеніи участи заключенныхъ. За присланную книжку „Антокольскій и евреи“ приношу благодарность. Будемъ молиться и надѣяться. Вашъ Богомолецъ протопресвитеръ А. Желобовскій“.

Молиться и надѣяться...

Какой ядовитой ироніей звучали эти слова мнѣ, чуть ежедневно бывавшему на Смоленской главной гауптвахтѣ и видѣвшему тамъ вблизи сплошное страданіе заброшенныхъ всѣми заключенныхъ!!.

„Мы ихъ молебнами, а они насъ шимозами“ припоминалась мнѣ, при этомъ, сдѣланная ген. Драгомировымъ характеристика русско-японской войны...

Могъ-ли я, въ отвѣтъ на мольбы ихъ о помощи, на проклятія и стоны, видя какъ ихъ заѣдаютъ паразиты, губятъ развратъ ничегонедѣланья, сифилисъ, чахотка, другія болѣзни и дурная среда, повторить имъ равнодушно, въ положеніи свободнаго, обезпеченнаго человѣка, совѣтъ о. протопресвитера—„будемъ молиться и надѣяться“?!.

Конечно, нѣтъ... Въ то-же время, письмо Желобовскаго растравляло мои раны, заставляя углубляться въ личное мое прошлое, вспомнить, что и въ Смоленскѣ военное духовенство преступно обходило вліяніемъ своимъ главную гауптвахту...

И я (24 янв. 1904 г.) отвѣтилъ ему слѣдующимъ письмомъ:

„Ваше Высокоблагословеніе, Глубокоуважаемый Александръ Алексѣевичъ!

Ваше письмо (отъ 10-го января) было для меня вдвойнѣ радостнымъ событіемъ, не только потому, что дало мнѣ новую надежду на возобновленіе вопроса объ улучшеніи участи дорогихъ сердцу моему военныхъ арестантовъ, но и потому, что вернуло мнѣ вѣру въ Васъ лично: не получивъ отвѣта на два моихъ письма, въ разное время написанныхъ, я думалъ уже, что наскучилъ и Вамъ съ моими напоминаніями о несчастныхъ военныхъ узникахъ. Вижу, что ошибся и сердечно обнимаю Васъ, прося простить меня за минуты малодушнаго сомнѣнья!!. Въ сомнѣньи—великая, врачующая и созидающая сила. И вотъ я еще болѣе люблю и уважаю Васъ потому, что, по отношенію къ Вамъ, палъ духомъ въ минуты сомнѣнія. А кто не падалъ—тотъ неспособенъ и подняться...

Простите-же меня великодушно и, по-прежнему, откройте моимъ желаніямъ Ваше доброе седрце!

Посылаю Вамъ памятную записку, которую, лѣтомъ 1902 г. представилъ я въ Главный Штабъ, по приказанію генерала Куропаткина, указавъ въ ней на то, что можно предпринять *сейчасъ-же, безъ особыхъ затратъ*, однѣми административными мѣрами. Но записка моя оказалась „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“ и не тронула сердца служащихъ въ Главномъ Штабѣ. Да оно и понятно: лѣто было жаркое, все стремилось на дачи, отдохнуть, разсѣяться. До меня-ли имъ было?!. А Военный Министръ посадилъ меня на шею Главному Штабу съ „какими-то арестантами“... Я—офицеръ не генеральнаго штаба, а военный юристъ, т. е. имѣю честь принадлежать къ вѣдомству, которое любятъ въ арміи, „какъ собака палку“. (Простите за невольное сравненіе!) А тутъ еще ген. Куропаткинъ, принимая меня въ общемъ пріемѣ, откровенно, при всѣхъ, обмолвился такой фразою: „Научите ихъ (т. е. Главный Штабъ), какъ и что дѣлать по этому вопросу!“ (Т. е. что-же теперь можно предпринять въ смыслѣ оздоровленія главныхъ гауптвахтъ?!).

Эти слова дошли до кого слѣдуетъ и въ Главномъ Штабѣ меня встрѣтили недружелюбно, какъ пріѣхавшаго „учить“ ихъ, непогрѣшимыхъ... А я пріѣхалъ лишь умолять за несчастныхъ узниковъ „власть имущихъ“, но отнюдь не учить. Я привезъ къ услугамъ Главнаго Штаба мои знанія и опытъ.

Генералъ Уссаковскій, бывшій тогда за начальника Гл. Штаба, прямо заявилъ мнѣ, при моемъ ему представленіи, чтобы я не мечталъ о „милліонныхъ вожделѣніяхъ“...

Вообще, съ ужасомъ вспоминаю я то преступное равнодушіе, можно даже сказать ту враждебность, съ которыми встрѣтили меня тѣ, съ кѣмъ, по желанію Военнаго Министра, мнѣ предстояло работать. Я попалъ сразу-же въ роль какого-то надоѣдливаго просителя. Начались томительныя ожиданія разсмотрѣнія моей памятной записки, докладовъ, объясненій... А когда однажды спросилъ я откровенно „долго-ли еще меня будутъ мучить безполезнымъ прикомандированіемъ къ Гл. Штабу?“—меня безъ церемоніи сплавили въ Вильну, а записку мою схоронили не то въ какой-то комиссіи, не то въ какой-то канцеляріи: я не могъ до сихъ поръ добиться о ней ни у кого толку...

И вотъ скоро два года, какъ она гдѣ-то гибнетъ, арестанты-же

продолжаютъ гнить и развращаться по общимъ гауптвахтамъ!... Военный Министръ, повидимому, совершенно забылъ про меня и поднятый мною вопросъ. Меня, товарищи мои по службѣ, въ насмѣшку, прозвали даже за глаза „вторымъ докторомъ Гаазомъ“, а на дняхъ еще получилъ я отъ одного высокопоставленнаго генерала, изъ С.-Петербурга, письмо, гдѣ онъ пишетъ, что теперь, молъ, не время возиться съ моими военными арестантами—въ виду осложненій на Востокѣ... Вѣроятно, по его теоріи, надо закрыть наши суды, наши школы, больницы, благотворительныя учрежденія, сгноить нашихъ заключенныхъ по тюремнымъ казематамъ, лишь потому, что предстоитъ крайне проблематическая война съ азіатскими японцами...

Но Вы, дорогой Александръ Алексѣевичъ, какъ пастырь мирнаго времени, проповѣдующій миръ и любовь,—я знаю—иначе взглянете на судьбу гибнущихъ духовныхъ чадъ Вашихъ—солдатиковъ общихъ гауптвахтъ; Вы попытаетесь еще разъ замолвить за нихъ Ваше вѣское слово, вынеся на свѣтъ Божій, изъ нѣдръ бездушныхъ канцелярій Гл. Штаба, мою записку, которая только для виду была представлена Военному Министру, но которую, какъ мнѣ злорадно заявили въ Гл. Штабѣ, „генералъ Куропаткинъ, конечно, не имѣлъ времени прочесть“...

Вы увидите изъ этой записки (которую прилагаю), что библіотеки на гауптвахтахъ, устройство лучшаго контроля, санитарныя улучшенія, участіе духовенства—возможно ввести сейчасъ-же, путемъ простого циркуляра Гл. Штаба.

Недавно я посѣтилъ нѣсколько разъ Смоленскую главную гауптвахту, по принятому мною обычаю раздавая Евангелія военнымъ заключеннымъ. Сырое, тѣсное, неблагоустроенное зданіе. Немытые, всклокоченные, съ злымъ, одичалымъ выраженіемъ на блѣдныхъ, опухшихъ, больныхъ лицахъ, заключенные. Равнодушные къ чужому страданію, при томъ, постоянно смѣняющіеся, караульные офицеры. Отсутствіе разумнаго развлеченія у заключенныхъ. Грязь, и вонь, и духота. Отсутствіе Бога, любви, милосердія, всепрощенія... Старыя, давно знакомыя мнѣ, картины!!.

И въ то время, когда лица, равнодушно похоронившія въ Главномъ Штабѣ мою записку, сидятъ себѣ въ уютныхъ, теплыхъ квартирахъ, въ кругу семействъ своихъ и знакомыхъ, по гауптвахтамъ, по-прежнему, гибнутъ военные узники...

Господи! Въ какія ужасныя времена живемъ мы и боремся съ неправдою!!.

Говорятъ о всеобщемъ недовольствѣ, объ упадкѣ религіи, нравственности въ народѣ, о вымираніи народа отъ разныхъ дурныхъ болѣзней, о торжествѣ соціализма и другихъ анти-правительственныхъ ученій. А развѣ могутъ дать хотя-бы наши военныя гауптвахты людей здоровыхъ духомъ и тѣломъ, благодарныхъ начальству за сердечное, попечительное, отношеніе къ нимъ, просвѣтившихся въ военныхъ темницахъ словомъ Христова ученія и разумной книгою?!. Вѣдь солдаты—дѣти по возрасту и развитію ума, дѣти народа... А что мы съ ними дѣлаемъ?!.

Низшее военное духовенство, которое, при желаніи, само могло-

бы найти доступъ къ заключеннымъ,—увы!—равнодушно проходитъ мимо гауптвахтъ и никогда туда не заглядываетъ: точно тамъ не духовныя его дѣти!!. Все ждетъ приказовъ, напоминаній, мѣръ воздѣйствія свыше. Канцеляризмъ, равнодушіе, безсердечіе и теорія „моя хата съ краю" губятъ нашу великую Россію...

Вотъ, Глубокоуважаемый Александръ Алексѣевичъ, какія грустныя, безпорядочныя мысли вдохновляютъ меня еще разъ умолять Васъ—обратить вниманіе на необходимость немедленнаго улучшенія быта военныхъ арестантовъ, пользуясь Вашимъ высокимъ авторитетомъ.

Все, что написалъ я здѣсь о Гл. Штабѣ и его дѣятеляхъ, пусть, конечно, до времени останется между нами, не потому, чтобы я боялся за свою „шкуру", а потому, что тамъ, въ Гл. Штабѣ, еще болѣе озлобятся и, мстя мнѣ за лишній трудъ, начнутъ мстить, пожалуй, доброму дѣлу, а, значитъ, и тѣмъ, кого мы съ Вами любимъ, какъ дорогихъ, Христовыхъ братьевъ—нашимъ заключеннымъ...

Говорятъ, что генералъ Сахаровъ—добрый, хорошій человѣкъ, но я его лично не знаю.

Буду счастливъ получить со временемъ отъ Васъ вѣсточку о ходѣ нашего общаго дѣла.

Молю Бога просвѣтить и смягчить сердца людскія.

А пока, поручая себя любви и молитвамъ Вашимъ, остаюсь Вашего Высокоблагословенія покорнѣйшій слуга, преданный и благодарный

А. Жиркевичъ".

Въ 1905 году (31 іюля), посылая письмо къ начальнику Главнаго Штаба генералу А. А. Поливанову—съ напоминаніемъ о моемъ забытомъ вопросѣ, я попутно обращался вновь за поддержкой и къ Желобовскому.

Генералу Поливанову я писалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Въ печать и въ военное общество проникли уже слухи о томъ, что въ Гл. Штабѣ, подъ руководствомъ Вашимъ, рѣшено пересмотрѣть многое, относящееся къ быту войскъ и внесенное въ Штабъ, въ видѣ проектовъ.

Вотъ почему позволяю себѣ доложить Вамъ исторію одного добраго начинанія, которое и по сіе время не пошло, на сколько знаю, далѣе канцелярской переписки"...

Затѣмъ, въ общихъ чертахъ изложивъ теченіе предыдущей дѣятельности моей по вопросу о гауптвахтахъ, я продолжалъ:

„Прошло съ тѣхъ поръ уже три года и я даже не могу узнать, гдѣ находятся мои записки и цѣлое дѣло, ими вызванное...

Между тѣмъ, будучи переведенъ въ другой (Московскій) округъ, продолжаю я натыкаться на тѣ-же ужасы въ содержаніи военныхъ арестованныхъ, о которыхъ писалъ генералъ-адъютанту Куропаткину въ 1901 году. Тысячи нижнихъ чиновъ, по всей Россіи, гибнутъ, попрежнему, ежегодно, развращаются въ обстановкѣ современной, об-

щей гауптвахты, лишенные духовной пищи, при дурномъ вліяніи болѣе испорченныхъ товарищей, при равнодушіи непосредственнаго начальства гауптвахтъ и отсутствіи должнаго, просвѣщеннаго контроля за послѣдними, а, возвращаясь въ части, заражаютъ собою здоровый организмъ арміи...

Казалось, уже въ 1901 году, все было сдѣлано для того, чтобы немедленно-же, безъ особыхъ затратъ, рѣшить назрѣвшій вопросъ: я предоставилъ въ распоряженіе Главнаго Штаба мой скромный опытъ, основанный на многолѣтнемъ изученіи быта гауптвахтъ въ Россіи и за границей, встрѣтилъ полное, живое сочувствіе у высшихъ представителей военной администраціи, въ строевыхъ частяхъ, со стороны военнаго духовенства... Дѣло, по существу своему, не терпѣло проволочекъ, такъ какъ вѣдь вопросъ шелъ о живыхъ людяхъ..

И все разбилось о какіе-то, неизвѣстные мнѣ, подводные камни канцелярій, при томъ такъ, что я не могу даже узнать, гдѣ покоится главное, подлинное дѣло съ цѣннымъ матеріаломъ, скопленнымъ такими трудами!!...

Ваше Пре-во! Дѣло, о которомъ я здѣсь, въ этомъ письмѣ, говорю, слишкомъ мнѣ дорого, чтобы я молчалъ или подбиралъ болѣе мягкія, удобныя выраженія. Многое, повѣрьте, накипѣло въ душѣ моей за эти годы...

Поэтому, простите меня, быть можетъ за рѣзкость, за тонъ этого письма!

И въ Смоленскѣ, съ разрѣшенія начальства, устроилъ я, на собственныя средства, библіотеку для военныхъ арестованныхъ общей гауптвахты; она идетъ прекрасно и даетъ мнѣ возможность почти ежедневно убѣждаться въ томъ, что уже одной этой мѣрою можно достичь многаго. Отчего-же не сдѣлать-бы того-же по всей Россіи?!... Было-бы желаніе... Билось-бы въ груди живое сердце, любящее ближняго...

Умоляю Васъ, при реформахъ въ военномъ вѣдомствѣ, не забыть и моихъ несчастныхъ военныхъ узниковъ, за которыхъ навѣрно никто не скажетъ теплаго, сочувственнаго слова, если Ваше Пре-во, имѣющій такую огромную власть и возможность дѣлать добро, во имя милосердія, не прикажете теперь-же потребовать упоминаемое мною здѣсь дѣло и не вдохнете жизнь въ то, что до сихъ поръ остается лишь мертвымъ матеріаломъ!!.

Вашего Пре-ва покорнѣйшій слуга, полковникъ, военный слѣдователь Московскаго военно-окружнаго суда

А. Жиркевичъ“.

Письмо-же мое къ отцу протопресвитеру (31 іюля 1905 г.) составлено было мною въ такихъ выраженіяхъ:

„Ваше Высокоблагословеніе, Глубокоуважаемый Александръ Алексѣевичъ!

Вмѣстѣ съ симъ пишу я новому начальнику Гл. Штаба А. А Поливанову, умоляя его приказать отыскать дѣло объ улучшеніи

быта военныхъ арестованныхъ общихъ гауптвахтъ и дать ему ходъ. По слухамъ, теперь, въ Гл. Штабѣ, начинаются реформы и, поэтому, все, что лежало до сихъ поръ подъ спудомъ, благодаря канцелярской волокитѣ, выплываетъ на свѣтъ Божій. На себѣ испыталъ я, что такое нашъ Главный Штабъ... Давно пора! Исторія съ моими заявленіями объ арестованныхъ, когда-то Вами такъ горячо поддержанными, указываетъ на одну изъ причинъ, по которымъ въ войнѣ съ японцами доказали мы такую слабость духа, иниціативы и, въ то-же время, такую силу рутины, канцелярщины, уставчиковъ...

Умоляю Васъ поддержать у начальника Гл. Штаба мое теперешнее заявленіе!

Вѣдь Вы хорошо знаете, что тысячи заключенныхъ гніютъ, развращаются по гауптвахтамъ— въ чаяніи лучшихъ дней... Скажите-же еще разъ, при новомъ начальствѣ, Ваше авторитетное слово въ защиту забытыхъ, несчастныхъ!!.

Не пишу болѣе, такъ какъ Вы все уже знаете изъ прежнихъ моихъ писемъ...

Какъ хотѣлось-бы, чтобы хоть теперь насталъ, наконецъ, день торжества правды и, съ Вашей помощью, разсѣялось-бы царство мрака и волокиты канцелярской—по отношенію къ такому святому дѣлу, какъ участь заключенныхъ!..

Испрашивая себѣ молитвъ Вашихъ, остаюсь Вашъ покорнѣйшій слуга, преданный А. Жиркевичъ.“

Конечно, генералъ Поливановъ, какъ и предмѣстникъ его по должности начальника Главнаго Штаба, генералъ Сахаровъ, не удостоилъ меня отвѣтомъ: стоило-ли считаться съ заявленіями какого-то тамъ военно-судебнаго полковника, о какихъ-то заключенныхъ нижнихъ чинахъ,—съ заявленіями, идущими, при томъ, изъ такого медвѣжьяго угла провинціи, какимъ былъ Смоленскъ?!.

Къ тому-же ни для кого не было секрета, что я замѣшанъ въ какую-то крупную Виленскую исторію съ начальствомъ, переведенъ, помимо моего личнаго желанія, въ другой округъ и проч.

Промолчалъ на этотъ разъ и Протопресвитеръ: я хорошо понималъ его безсиліе расшевелить Главный Штабъ—во имя нуждъ ближняго и т. п. отвлеченныхъ идеаловъ...

Однако, въ 1905 году, старикъ самъ вспомнилъ меня и порадовалъ нежданнымъ, сердечнымъ письмомъ (отъ 27 ноября), въ которомъ говорилось:

„Достопочтенный Александръ Владимировичъ!

Вспомнилъ я Васъ, *невольно, но свѣтло* вспомнилъ, прочитавъ въ газетахъ о печальныхъ событіяхъ въ дисциплинарныхъ баталіонахъ. Мой голосъ, по поводу Вашихъ писемъ, оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Ваши стремленія и желанія никогда не потеряютъ своего значенія. Богъ да благословитъ Васъ и на дальнѣйшую дѣятельность въ принятомъ Вами направленіи.

Съ утѣшеніемъ читая Ваши письма, я глубоко за нихъ призна-

теленъ. Не сѣтуйте, что неаккуратно пишу Вамъ: *многими* одержимъ *лѣтами и трудами*. *)

Вашъ Богомолецъ, Протопресвитеръ А. Желобовскій."

Между тѣмъ, находясь въ Смоленскѣ, я все болѣе и болѣе расширялъ свою дѣятельность по отношенію къ мѣстной главной гауптвахтѣ, встрѣтивъ, если не благожелательное сочувствіе въ этомъ направленіи, то полную готовность не мѣшать моимъ стремленіямъ, въ покойномъ Смоленскомъ комендантѣ, благородномъ полковникѣ Вестенрикѣ: ему, видимо, страненъ, смѣшонъ казался подчасъ мой идеализмъ, врывающійся на ввѣренную ему гауптвахту, и въ то-же время онъ не сомнѣвался въ порядочности моихъ намѣреній.

Въ октябрѣ 1905 года имъ данъ былъ мнѣ „пропускъ", за печатью Смоленскаго комендантскаго управленія, такого содержанія:

„Караульному начальнику Смоленской городской гауптвахты.

Допускать военнаго слѣдователя полковника Жиркевича *къ арестованнымъ—для опросовъ ихъ* и раздачи имъ книжекъ."

Конечно, я не злоупотреблялъ своимъ довѣріемъ и, стараясь, въ сношеніяхъ съ заключенными, держаться, по возможности, только вопросовъ, связанныхъ съ ихъ бытомъ, съ ихъ, внѣ-служебными, нуждами, избѣгалъ случаевъ, когда пришлось-бы переходить въ сферу служебныхъ столкновеній съ начальствомъ.

Недаромъ-же (27 октября 1905 г. за № 159) и. д. начальника Смоленскаго гарнизона, генералъ Борніо, на рапортъ мой за № 496, отвѣчалъ мнѣ оффиціально-же:

„Посѣщая арестованныхъ на гауптвахтѣ нижнихъ чиновъ, я разъяснялъ имъ, что разсмотрѣніе дѣлъ о нихъ зависитъ отъ военнаго прокурора; но никогда не указывалъ имъ, что они должны со своими заявленіями обращаться къ Вамъ".

То былъ отвѣтъ на рапортъ мой, въ которомъ я протестовалъ—въ виду заявленія заключенныхъ гауптвахты о словахъ, будто-бы сказанныхъ имъ генераломъ.

На сколько-же предупредительно относился вообще полковникъ Вестенрикъ къ моимъ заявленіямъ видно изъ частнаго отвѣта его (24 янв. 1906 г.)—на мое письмо, гдѣ я указывалъ на невозможность для заключенныхъ прогулокъ даже и на крошечномъ дворикѣ гауптвахты—въ виду заваленности послѣдняго снѣгомъ, прося разрѣшить узникамъ прогулку хоть въ корридорѣ гауптвахты.

„Дѣло въ томъ" писалъ мнѣ покойный: „что надзоръ за арестованными въ корридорѣ невозможенъ, такъ какъ здѣсь происходитъ безпрерывное движеніе посторонних людей; а при вызовѣ караула въ ружье онъ выбѣгаетъ на платформу съ большой поспѣшностью. Поэтому я распорядился о немедленной очисткѣ двора отъ снѣга, дабы очистить мѣсто для хожденія".

Тѣмъ не менѣе, убѣдясь въ невозможности, безполезности прогулокъ на дворикѣ, я добился-таки ихъ для заключенныхъ въ

*) **Подчеркнуто въ письмѣ самимъ покойнымъ Протопресвитеромъ.**

широкомъ корридорѣ, выходившемъ на площадку, съ которой, черезъ открытыя двери, врывался снаружи свѣжій воздухъ.

Тотъ-же полковникъ Вестенрикъ, въ явное нарушеніе устава гарнизонной службы, разрѣшилъ отправлять арестованнаго вольноопредѣляющагося, подъ конвоемъ, на свиданіе съ его больной матерью, о чемъ я и упоминалъ уже въ одной изъ предыдущихъ главъ настоящей книги...

ГЛАВА XI.

Мои пылкія надежды на Комитетъ по образованію войскъ и генерала А. П. Скугаревскаго. Докладъ Комитета военному министру, ген. Редигеру, въ общемъ стоящій на сторонѣ моихъ реформъ. «Винтики» какой-то случайной, второстепенной «комиссіи по пересмотру правилъ конвойной службы», при одобряющемъ благословеніи «винтиковъ» Главнаго Штаба, при благодушномъ настроеніи Комитета, дерзающіе имѣть свое особое мнѣніе по вопросамъ огромной государственно-общественной важности. Свершилось: я назначенъ военнымъ судьею и возвращенъ въ Вильну!.. Снова тружусь надъ нуждами мѣстной главной гауптвахты. Я ухожу, т. е. въ сущности, бѣгу въ отставку. Почему?

Съ назначеніемъ, въ іюнѣ 1905 года, на постъ военнаго министра ген. Редигера, съ учрежденіемъ въ Петербургѣ Комитета по образованію войскъ и съ появленіемъ во главѣ этого послѣдняго такого выдающагося, опытнаго, благороднаго военнаго дѣятеля, какъ генералъ А. П. Скугаревскій, хорошо знавшій, къ тому-же, въ бытность его въ Вильнѣ начальникомъ 27 пѣх. дивизіи, о трудахъ моихъ по устройству библіотеки для арестованныхъ на Виленской главной гауптвахтѣ нижнихъ чиновъ, поддерживавшій, по возможности, мои гауптвахтныя новшества,—у меня появились вновь нѣкоторыя надежды на то, что и дѣло объ улучшеніи быта военныхъ узниковъ можно еще разъ вытащить на свѣтъ Божій, пристегнувъ его хотя-бы къ новому уставу о гарнизонной службѣ, вопросъ о которомъ, какъ я узналъ, долженъ былъ служить предметомъ разсмотрѣнія Комитета.

Въ то-же время я хорошо сознавалъ, что новый гарнизонный уставъ, какъ всякій другой уставъ, будетъ сжатъ, кратокъ; что не пожелаетъ-же Комитетъ моими реформами заполнить половину книжки. Несомнѣнно, что члены Комитета, далекіе отъ быта гауптвахтъ, заваленные массой другихъ вопросовъ, быть можетъ, еще что-либо урѣжутъ...

Все-же, для меня важно было, чтобы въ новый уставъ ворвалась свѣжая струя нравственно-педагогическаго элемента—по отношенію къ гауптвахтнымъ узникамъ, какъ новая идея, которой суждено, конечно, какъ я былъ въ томъ убѣжденъ, расцвѣсть въ будущемъ.

Выбора для меня не было: приходилось радоваться хоть какой-либо возможности еще разъ обратить вниманіе на вопросъ...

Въ этомъ направленіи, въ 1907 году, я и вошелъ пока въ частныя сношенія съ ген. Скугаревскимъ.

Какъ и надо было ожидать предсѣдатель Комитета сейчасъ-же, съ просвѣщенной готовностью, пошелъ навстрѣчу моимъ заявленіямъ и случилось то, о чемъ я давно мечталъ—дѣло объ улучшеніи

быта заключенныхъ на главныхъ гауптвахтахъ взяли, по моему указанію, въ Комитетъ изъ Главнаго Штаба, для изученія и пересмотра.

25 апрѣля 1907 г. я уже получилъ изъ Комитета, оффиціально, по приказанію почтеннаго предсѣдателя его, копію съ доклада Комитета военному министру—о ходѣ возбужденнаго мною дѣла.

Докладъ этотъ на столько ярко характеризуетъ отношеніе Петербурга къ затронутому мною вопросу, что я привожу его здѣсь цѣликомъ съ резолюціей на немъ военнаго министра, ген. Редигера, хотя въ этомъ документѣ и повторяются нѣкоторыя подробности, уже упоминавшіяся мною выше: иначе пришлось-бы испортить документъ, лишить его того впечатлѣнія, которое онъ производитъ въ полномъ видѣ...

Вотъ самый „докладъ“:

Министерство военное. Комитетъ по образованію войскъ. 12 Апрѣля 1907 г. № 319. С.-Петербургъ.

На подлинномъ резолюція Военнаго Министра: „Согласенъ“. Редигеръ. 13/4.

Военному Министру.

„Въ ноябрѣ 1906 года Главнымъ Штабомъ препровождена въ Комитетъ для дальнѣйшаго направленія переписка, ведущаяся съ 1901 года, по дѣлу объ улучшеніи быта арестованныхъ на общихъ гауптвахтахъ. Въ настоящее время Комитетъ разсмотрѣлъ это дѣло и имѣетъ честь доложить Вашему Превосходительству нижеслѣдующее:

Исторія дѣла такова:

Въ августѣ 1901 года военный слѣдователь Виленскаго военнаго округа полковникъ Жиркевичъ обратился къ бывшему Военному Министру генералъ-адъютанту Куропаткину, съ частнымъ письмомъ, въ которомъ, ярко очертивъ, какъ примѣръ, ужасное содержаніе арестованныхъ на общей гауптвахтѣ въ городѣ Вильнѣ, на основаніи этого факта и вообще по опыту въ должности военнаго слѣдователя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, убѣдительно просилъ обратить вниманіе на бытъ военныхъ арестованныхъ.

„При существующемъ порядкѣ“, по настойчивому и компетентному утвержденію полковника Жиркевича, „тысячи нижнихъ чиновъ по всей Россіи гибнутъ, развращаются въ обстановкѣ современной общей гауптвахты, лишенные духовной пищи, при дурномъ вліяніи болѣе испорченныхъ товарищей, при равнодушіи непосредственнаго начальства гауптвахты и отсутствіи контроля, а, возвращаясь въ части, заражаютъ здоровый организмъ арміи“.

Письмо полковника Жиркевича, по приказанію генералъ-адъютанта Куропаткина, тогда-же было разослано на заключеніе О. Протопресвитера военнаго и морского духовенства, командующимъ войсками въ округахъ и командирамъ корпусовъ, при чемъ большинствомъ изъ этихъ лицъ оно было встрѣчено весьма сочувственно.

Затѣмъ, по распоряженію Военнаго Министра, вопросъ рѣшено было разсмотрѣть во всей полнотѣ, составить планъ дѣйствій и привести его въ исполненіе, въ зависимости отъ средствъ. При этомъ въ Главный Штабъ былъ вызванъ самъ полковникъ Жиркевичъ, которому и предложено было, на основаніи переданнаго въ его распоряженіе матеріала, составить сводку тѣхъ мѣръ къ улучшенію быта арестованныхъ, которыя могли-бы быть приняты теперь-же, безъ расходовъ отъ казны.

Содержаніе записки, составленной полковникомъ Жиркевичемъ 5 іюля 1902 года, въ общемъ, заключается въ слѣдующемъ:

А. Для улучшенія матеріальнаго положенія арестованныхъ на общихъ гауптвахтахъ теперь-же необходимо и возможно:

а) Назначить для завѣдыванія каждой гауптвахтою особаго офицера или чиновника съ опредѣленнымъ кругомъ обязанностей и на правахъ хотя-бы ротнаго командира; въ помощь ему дать унтеръ-офицера и сторожа.

б) Выработать опредѣленный порядокъ содержанія арестованныхъ, причемъ:

1) Производить съ ними гимнастику и ученія.

2) Допустить прогулки на дворѣ.

3) Поддерживать бо́льшую чистоту въ камерахъ и отхожихъ мѣстахъ, установить уборку не одинъ, а два раза въ день.

4) Упразднить параши въ камерахъ.

5) Учредить на гауптвахтѣ запасъ одежды, бѣлья и обуви для неимѣющихъ этихъ вещей арестованныхъ.

6) Установить смѣну тюфячныхъ и подушечныхъ наволочекъ, а также соломы въ матрацахъ.

7) Установить дезинфекцію помѣщеній и вещей.

8) Добавить списокъ вещей, которыя имѣетъ право имѣть арестованный, еще нѣкоторыми необходимыми предметами, разрѣшить ему имѣть сундукъ, а деньги не отсылать въ часть, а держать, на случай необходимости, у начальника гауптвахты.

9) Водить арестованныхъ въ баню 1 разъ въ недѣлю.

10) Установить еженедѣльный медицинскій осмотръ врачемъ и имѣть при гауптвахтѣ штатнаго фельдшера.

Б. Для улучшенія духовно-нравственной стороны содержанія арестованныхъ нужно:

а) Раздѣлить арестованныхъ на категоріи по характеру ихъ преступности и отдѣлить унтеръ-офицеровъ отъ рядовыхъ.

б) Возложить на одного изъ священниковъ гарнизона обязанность пещись о духовныхъ нуждахъ православныхъ арестованныхъ, посѣщать ихъ для бесѣдъ и религіозныхъ чтеній, а въ день Св. Рождества и Св. Пасхи съ крестомъ и св. водою, и разрѣшить ему ходатайствовать за нихъ передъ начальствомъ.

в) Допустить посѣщеніе гауптвахты инославными священнослужителями.

г) Допустить посѣщеніе арестованными церковной службы.

д) Ввести въ инвентарь иконы, допустить хоровое пѣніе молитвъ и преслѣдовать сквернословіе.

е) Завести библіотеки и допустить чтеніе, письмо, обученіе грамотѣ и устройство общеобразовательныхъ чтеній и бесѣдъ.

ж) Способствовать перепискѣ арестованныхъ съ ихъ семьями и товарищами.

з) Въ большіе праздники улучшать пищу.

В. Съ цѣлью обезпечить контроль за соблюденіемъ установленныхъ правилъ, кромѣ прямого надзора со стороны воинскихъ начальниковъ и комендантовъ:

а) Установить надзоръ со стороны военнаго прокурора и военныхъ слѣдователей, а также врача, по своей спеціальности.

б) Производить разъ въ годъ, по распоряженію Штаба Округа, ревизію военныхъ гауптвахтъ.

в) Завести книгу посѣщеній для записи неисправностей и замѣчаній вышеназванными лицами.

Г. Кромѣ того, въ запискѣ намѣчены мѣры для сокращенія времени пребыванія нижнихъ чиновъ подъ арестомъ, а именно:

а) Замѣна ареста за маловажные проступки постановкою подъ ружье.

б) Ускореніе процедуры суда и слѣдствія.

в) Отмѣна ареста „впредь до распоряженія“.

г) Исключеніе изъ закона, какъ мѣры пресѣченія, „отдачи подъ надзоръ начальства“.

д) Установленіе обычая назначать слѣдствіе, когда дѣло ясно изъ дознанія.

Д. Попутно полковникъ Жиркевичъ упоминаетъ о полковыхъ гауптвахтахъ, наблюденіе за которыми, по его мнѣнію, слѣдовало-бы также поручить одному изъ офицеровъ и распространить на арестованныхъ, что̀ возможно, изъ мѣръ, выше перечисленныхъ.

Докладная записка полковника Жиркевича, по приказанію Военнаго Министра, въ августѣ 1902 г., была разсмотрѣна Главнымъ Штабомъ и Главнымъ Военно-Суднымъ Управленіемъ. Послѣднее приняло на себя разработку вопросовъ:

1) О расширеніи правъ военныхъ прокуроровъ и ихъ помощниковъ, а также военныхъ слѣдователей, по надзору за содержаніемъ арестованныхъ.

2) О замѣнѣ ареста на гауптвахтѣ за маловажные проступки постановкою подъ ружье.

3) О сокращеніи процедуры производства слѣдствія и суда вообще и, въ частности, о сокращеніи времени и случаевъ содержанія подъ арестомъ нижнихъ чиновъ, состоящихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ.

4) Объ измѣненіи порядка сношеній военныхъ слѣдователей съ лицами, пользующимися правами полкового командира.

Въ то-же время *Главный Штабъ передалъ записку полковника Жиркевича въ часть по изданію уставовъ, а послѣдняя—въ собранную при Главномъ Штабѣ комисію по пересмотру правилъ конвойной службы.* Комиссія эта, однако, посмотрѣла на проекты полковника Жиркевича довольно отрицательно. Изъ числа предложенныхъ имъ мѣръ она нашла желательными и осуществимыми только:

1) Переработку и дополненіе правилъ относительно гауптвахтъ въ Уставѣ гарнизонной службы, не указывая, однако, въ какомъ отношеніи.

2) Производство строевыхъ занятій и гимнастики съ арестованными.

3) Учрежденіе запаса одежды и бѣлья при гауптвахтѣ.

4) Назначеніе священника.

5) Внесеніе въ инвентарь образовъ.

Въ остальномъ комиссія нашла, что самое основаніе ходатайствъ полковника Жиркевича слишкомъ преувеличено, такъ какъ на самомъ дѣлѣ общихъ гауптвахтъ очень немного, да и тѣ постепенно сокращаются; арестованныхъ на гауптвахтахъ еще меньше. Если-же непорядки и существуютъ, то происходятъ они, главнымъ образомъ, отъ несовершенствъ отведенныхъ для гауптвахтъ зданій и для устраненія требуютъ большихъ расходовъ отъ казны.

О нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ выше мѣрахъ нравственнаго характера комиссія высказалась даже, что онѣ вредны, такъ какъ ставятъ арестованныхъ чуть-ли не въ лучшія условія, чѣмъ оставшихся на свободѣ, и будто-бы могутъ служить побужденіемъ къ повторенію преступленій.

Въ результатѣ дѣло о бытѣ арестованныхъ замолкло и возбуждено вновь только благодаря новой запискѣ полковника Жиркевича, отъ 31 іюля 1905 года, уже изъ Московскаго военнаго округа. На это письмо, по приказанію Начальника Главнаго Штаба, 16-мъ отдѣленіемъ послѣдняго былъ составленъ докладъ, также, однако, неимѣвшій послѣдствій.

Въ заключеніи этого доклада признано, что для улучшенія быта арестованныхъ,—помимо перестройки гауптвахтъ, что можетъ быть выполнено лишь въ отдаленномъ будущемъ, безусловно необходимо:

1) Возложить завѣдываніе гауптвахтою не на перемѣнныхъ чиновъ караула, мало заинтересованныхъ собственно бытомъ арестованныхъ, и не на воинскихъ начальниковъ или комендантовъ, имѣющихъ слишкомъ обширный кругъ обязанностей, а на особыхъ смотрителей изъ числа строевыхъ офицеровъ; за караулами-же оставить только внѣшнюю охрану.

2) Пересмотрѣть и дополнить Уставъ гарнизонной службы, именно приложеніе 10-е.

Заключеніе. Разсмотрѣвъ все вышеизложенное, Комитетъ нашелъ, что ходатайства полковника Жиркевича, какъ знатока быта арестованныхъ, сильно поддержанныя со стороны высшаго военнаго духовенства и войсковыхъ начальниковъ, имѣютъ вѣское основаніе. Мѣры для оздоровленія быта арестованныхъ на общихъ гауптвахтахъ,—людей, далеко не всегда преступныхъ и испорченныхъ, а лишь обвиняемыхъ или совершившихъ маловажные проступки,—необходимы не только изъ гуманныхъ чувствъ, но и изъ простого практическаго расчета: войскамъ извѣстно, что нижній чинъ, побывшій въ обстановкѣ общей гауптвахты, возвращается въ часть озлобленнымъ и развращеннымъ.

Большинство мѣръ, предложенныхъ для уменьшенія зла, конечно, связано съ бóльшими или меньшими расходами казны. Но недостатокъ средствъ на покрытіе этихъ расходовъ въ настоящее время не исключаетъ необходимости выработать теперь-же нѣкоторыя наименьшія нормы и правила относительно общихъ гауптвахтъ, съ тѣмъ, чтобы подлежащія учрежденія могли, руководствуясь ими, составить смѣты единовременныхъ и ежегодныхъ затратъ и, затѣмъ, выполнить ихъ въ такой срокъ и въ такой мѣрѣ, насколько это позволятъ средства.

По мнѣнію Комитета мѣры эти должны заключаться въ нижеслѣдующемъ:

1) Въ приложеніи 4 Устава гарнизонной службы, вмѣсто 8-и строкъ текста о гауптвахтахъ, слѣдуетъ выработать достаточно полную схему ихъ нормальнаго устройства, принявъ въ расчетъ:

а) Что для арестованныхъ по маловажнымъ поводамъ должно имѣться помѣщеніе, несообщающееся съ камерой для явныхъ преступниковъ. Кромѣ того, унтеръ-офицеры должны быть помѣщены отдѣльно отъ рядовыхъ.

б) Что при гауптвахтахъ должны быть отхожія мѣста и умывальныя комнаты, соединенныя корридорами съ помѣщеніями для арестованныхъ, затѣмъ помѣщенія для сторожа, для запаса одежды, бѣлья, обуви и постельныхъ принадлежностей, для предметовъ, необходимыхъ для поддержанія гауптвахты и инвентаря въ чистотѣ и исправности, кубъ для кипятка и, по возможности, очагъ для варки или разогрѣванія пищи, чтó необходимо и для чиновъ караула.

Въ каждой камерѣ должны имѣться образа.

Если нѣкоторыя изъ существующихъ гауптвахтъ окажутся несоотвѣтствующими изложеннымъ условіямъ, то полагалось-бы, что онѣ должны быть постепенно или перестроены, или примѣнены къ меньшему числу арестованныхъ,—напримѣръ, только къ одной изъ вышеназванныхъ категорій,—или, наконецъ, закрыты.

2) Приложеніе 10 того-же устава также должно быть значительно пополнено, именно:

а) Завѣдываніе гауптвахтою и арестованными должно быть возложено, на правахъ ротнаго командира, на одного изъ комендантскихъ адъютантовъ, а если таковыхъ не имѣется, на самаго коменданта.

б) Къ вещамъ, которыя разрѣшается имѣть при себѣ арестованнымъ (ст. ст. 3 и 17 приложенія), добавить: постельныя принадлежности, мыло, щетки и прочія вещи, необходимыя для опрятности, и образокъ; вещи эти могутъ храниться въ собственныхъ сундукахъ.

в) Для неимущихъ арестованныхъ при гауптвахтѣ учредить, средствами интендантства, небольшой—въ мѣрѣ дѣйствительной потребности—запасъ одежды, бѣлья, обуви и постельныхъ принадлежностей.

г) Деньги арестованныхъ сдавать завѣдывающему гауптвахтою съ тѣмъ, чтобы арестованный имѣлъ право расходовать ихъ, съ разрѣшенія этого офицера, на свои мелочныя нужды.

д) Распространить на гауптвахты порядокъ, установленный въ казармахъ, относительно уборки и дезинфекціи помѣщеній, топки печей, провѣтриванія одежды, постелей и пр.

е) Разработать нормальную инструкцію относительно порядка для арестованныхъ со включеніемъ, насколько допускаютъ мѣстныя условія, умственныхъ и физическихъ занятій, работъ, бесѣдъ и т. п.

Допустить хоровое пѣніе вечерней молитвы.

ж) Установить посѣщеніе гауптвахтъ священникомъ, допустивъ совершеніе имъ духовныхъ требъ на самой гауптвахтѣ.

з) Разрѣшить прогулки арестованныхъ,—для подслѣдственныхъ и осужденныхъ, но не для дисциплинарныхъ,—если то и другое осуществимо по мѣстнымъ обстоятельствамъ безъ риска побѣга.

Далѣе, является потребность въ составленіи особой инструкціи для завѣдывающаго гауптвахтой, опредѣлить его права и обязанности, а также предназначить въ его распоряженіе нѣкоторыя средства для поддержанія въ исправности инвентаря и помѣщенія.

Что касается контроля за порядкомъ на гауптвахтахъ, то, по мнѣнію Комитета, надзоръ со стороны воинскаго начальника, начальника гарнизона, а также дежурныхъ по карауламъ вполнѣ достаточенъ; участіе лицъ военно-судебнаго вѣдомства, чиновъ штаба округовъ, а также заведеніе особой книги посѣщеній не вызывается необходимостью.

Въ отношеніи обязанностей карауловъ, Комитетъ не находитъ возможнымъ присоединиться къ мнѣнію Военно-Суднаго отдѣленія Главнаго Штаба, что за караулами должна быть оставлена только внѣшняя охрана, такъ какъ это было-бы возможно только при существованіи гауптвахтной стражи, по образцу тюремной, что, конечно, представляется излишнимъ. Поэтому правила для карауловъ на гауптвахтахъ могутъ остаться прежними, съ незначительными, чисто редакціонными, поправками.

Испрашивается: Одобреніе предположеній Комитета и приказаніе составить проектъ измѣненій Устава гарнизонной службы.

Подлинный подписали: Предсѣдатель Комитета, генералъ-отъ-инфантеріи Скугаревскій и помощникъ дѣлопроизводителя, подполковникъ Энвальдъ".

Изъ только что приведеннаго документа видно, на сколько и покойный Комитетъ безжалостно по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, урѣзалъ мои реформы, т. е. на сколько оправдались недобрыя мои предчувствія...

Тѣмъ не менѣе, и здѣсь, въ Комитетѣ, въ принципѣ, все-же признали за мной правду, а за моими узниками—права на лучшее существованіе.

Это имѣло видъ своего рода нравственной побѣды...

Хотя и жалкой.

Конечно, Комитетъ глубоко заблуждался, утверждая, напримѣръ, будто-бы для „контроля за порядкомъ на гауптвахтахъ" — „надзора со стороны воинскаго начальника, начальника гарнизона, а также дежурныхъ по карауламъ вполнѣ достаточно", что „участіе лицъ воен-

но судебнаго вѣдомства, чиновъ штабовъ округовъ, а также заведенie особой книги посѣщенiй не вызывается необходимостью“.

Такъ могли разсуждать лишь люди, непосредственно съ гауптвахтами несоприкасающiеся, ихъ неизучавшiе, давно ихъ видѣвшiе, а, главное, плохо знающiе исторiю ихъ прошлаго, ихъ язвъ и современныхъ нуждъ, игнорирующiе необходимость проведенiя черезъ уставъ общей гуманитарной идеи.

Поразилъ меня и взглядъ какой-то жалкой Комиссiи, собранной въ Главномъ Штабѣ „по пересмотру правилъ конвойной службы“, значительно урѣзавшей программу моихъ реформъ, о томъ, что нѣкоторыя, предложенныя мною, реформы нравственнаго характера даже будутъ „вредны, такъ какъ ставятъ арестованныхъ чуть-ли не въ лучшiя условiя, чѣмъ оставшихся на свободѣ“, что эти реформы „могутъ служить побужденiемъ къ повторенiю преступленiй“.

Не говоря уже о полной нелогичности, безпочвенности вывода о томъ, что нельзя кое-чего давать заключеннымъ, такъ какъ при этомъ „кое-что“ имъ, пожалуй, будетъ лучше жить, чѣмъ свободнымъ, — страннымъ казалась уже самая передача вопроса объ оздоровленiи главныхъ гауптвахтъ—во всемъ его объемѣ, въ какую-то узко-спецiальную комиссiю, вѣдающую лишь наружнымъ отношенiемъ конвоя къ заключеннымъ, едва-ли претендующую на особый авторитетъ по военно-тюремному, военно-гауптвахтному дѣлу, а если и претендующую, то совершенно напрасно, неосновательно...

Такъ и чувствовалась въ подобномъ прiемѣ манера „винтиковъ“ Главнаго Штаба—спихивать—куда попало, лишь-бы подальше съ рукъ своихъ, вопросъ, надъ которымъ надо не только поработать, но и подумать, почувствовать...

Забывалось, что при условiяхъ лишенiя свободы, разумнаго труда, разумныхъ занятiй, при общемъ режимѣ, неумолимо связанномъ съ гауптвахтой, какъ съ мѣстомъ заключенiя, при положенiи выброшенныхъ изъ почетнаго строя нижнихъ чиновъ, никогда не возможно такое состоянiе, чтобы имъ жилось лучше, чѣмъ находящимся на свободѣ...

Невольно приходилъ тутъ на память знаменитый споръ между докторомъ Гаазомъ и митрополитомъ Филаретомъ, когда великiй тюремный филантропъ, выслушавъ безсердечное, неосторожное заявленiе святителя, грозящее дать ненадлежащiй тонъ ходу работъ тюремнаго комитета, съ пылкимъ негодованiемъ, тутъ-же въ засѣданiи послѣдняго, бросилъ ему въ лицо: „Владыко! Вы Христа забыли“...

„Не я забылъ Христа, а Онъ забылъ меня въ эту минуту“, отвѣтилъ, въ конецъ смущенный правдивой горечью упрека Филаретъ, распрощался со всѣми и молча вышелъ изъ засѣданiя...

Надо думать, конечно, что въ какой-то случайной комиссiи, наскоро созванной по вопросамъ внѣшняго окарауливанiя и конвойной службы, не нашлось ни своего „Гааза“, ни своего „Филарета“...

Не нашлось ихъ, по-прежнему, и въ Главномъ Штабѣ, не только равнодушно пришившемъ ошибочное, безсердечное заключенiе комиссiи, но и поднесшей его, безъ должной критики и оговорокъ, цѣ-

ликомъ, Комитету по образованію войскъ, точно послѣднее, неопровержимое открытіе науки.

Главный Штабъ, ввѣрившій вопросы нравственнаго порядка людямъ случайнымъ, немогущимъ считаться спеціалистами въ отношеніи гауптвахтнаго режима, не обратилъ даже вниманія на явную дерзость комиссіи, рѣшившейся храбро забраковать мнѣнія высшихъ представителей русской арміи, въ томъ числѣ, напримѣръ и такого авторитета, какъ М. И. Драгомировъ...

Между тѣмъ, эта комиссія, „ничто-же сумняшеся", позволила себя храбро и иныя, явно неосторожныя, безсердечно-наивныя обобщенія.

Такъ, она нашла, что „самое основаніе ходатайства полковника Жиркевича", т. е. мое, „слишкомъ преувеличено, такъ какъ на самомъ дѣлѣ общихъ гауптвахтъ очень немного, да и тѣ постепенно сокращаются; арестованныхъ на гауптвахтахъ еще меньше. Если-же непорядки и существуютъ, то происходятъ они, главнымъ образомъ, отъ несовершенствъ для гауптвахтъ зданій и для устраненія требуютъ большихъ расходовъ отъ казны..."

Къ такому выводу пришли „не—Гаазы", „не—Филареты" комиссіи, а случайно пристегнутые къ вопросу люди, „съ дѣтской рѣзвостью" ни за что неотвѣчающихъ, непризнанныхъ авторитетовъ, все сведя лишь къ несовершенствамъ гауптвахтныхъ зданій да къ опасности будущихъ значительныхъ расходовъ.

Что для нихъ, этихъ незнакомцевъ, вопросы науки тюрьмовѣдѣнія, тюремной филантропіи, нравственнаго, духовнаго порядка, несовершенства внутренняго быта, вытекающіе изъ вопросовъ о Богѣ, справедливости, гуманности, связанные съ давно отжившимъ уставомъ гарнизонной службы?!.

По ихъ теоріи, я преувеличилъ (т. е., по-просту, навралъ), такъ какъ, видите-ли число общихъ гауптвахтъ очень немного; оно даже сокращается; арестованныхъ-же на нихъ еще менѣе...

Все это, конечно,—и голословно, и невѣрно, и вновь безсердечно, и не вытекаетъ изъ основаній, вызвавшихъ подачу мною „записки" генералу Куропаткину о необходимости реформъ.

Возмутительнѣй всего то, что Главный Штабъ, имѣвшій полную возможность—съ документами въ рукахъ—опровергнуть голословное заявленіе комиссіи, навести справки, собрать свѣдѣнія—ничего, въ этомъ направленіи не сдѣлалъ, а молча преклонился передъ явной опрометчивой невѣрностью...

Не говоря уже о томъ, что, вопреки заявленію этой „комиссіи по конвойному вопросу", главныхъ (общихъ) гауптвахтъ и много, и онѣ едва-ли уменьшаются въ количествѣ, а, во всякомъ случаѣ, никогда не исчезнутъ вовсе, заявляя о неотложныхъ реформахъ имѣлъ я въ виду не количество гауптвахтъ, т. е. не мертвую казенную статистику ихъ по числу, по отчетностямъ, а ужасъ, неправду, беззаконіе, безнравственность, убивающіе душу и тѣло сидящихъ на нихъ заключенныхъ...

Касаясь вопроса объ общей цифрѣ узниковъ, проходящихъ черезъ наши главныя гауптвахты, я имѣлъ въ виду не то число ихъ, кото-

рое сидитъ на каждой изъ нихъ въ данную минуту, а всю массу постоянно смѣняющагося въ теченіи года ихъ состава, которая и громадна, и никогда еще не подвергалась вниманію статистики.

Не въ цѣляхъ безплоднаго полемизированія съ какой-то второстепенной, случайной комиссіей, собранной при Гл. Штабѣ для обсужденія второстепеннаго вопроса, а въ виду упрека Военному Министерству, Главному Штабу, безсердечно спихнувшему мои реформы—въ первую попавшуюся канцелярію, можно было-бы задать вопросъ: „А вы, считающіе доводы Жиркевича преувеличенными, голословными, представили-ли хоть какія-либо доказательства того, что сами не заявляете, въ данномъ случаѣ, голословно, но въ обратную сторону, т. е. въ направленіи уменьшенія раіона, размѣровъ гауптвахтнаго зла?!“

Если-бы даже и вѣренъ былъ выводъ этой комиссіи о томъ, что число гауптвахтъ невелико, то развѣ это хоть на іоту колебало сущность заявленій моихъ изъ области нравственнаго порядка?! Признаемъ, что главныхъ гауптвахтъ, напримѣръ, не сто, на всю Россію, какъ можно предполагать, а 75, 50 и т. д., то развѣ для этихъ 75, 50-и и менѣе гауптвахтъ не нужно коренное оздоровленіе на началахъ воинскаго порядка, науки, закона, религіи, нравственности, человѣколюбія, пользы остальной арміи, службы и т. п?!.

Если-бы даже осталась во всей Россіи одна лишь главная гауптвахта типа той, Виленской, которую я въ 1898 году описалъ, при понятыхъ, какъ очевидецъ, при очевидцахъ-же, съ документами, фактами въ рукахъ, въ постановленіи моемъ № 10-й, представленномъ, затѣмъ, генералу Куропаткину, нашедшемъ себѣ сочувственный откликъ во всей русской арміи, то развѣ не слѣдовало-бы, ради одного подобнаго позорнаго, заброшеннаго, языческаго клоповника русской военной дѣйствительности, забить тревогу, мобилизировать немедленно всѣ наличныя силы науки и власти, заволноваться и поспѣшить покончить съ чудовищемъ?!.

Пойду далѣе—по пути логической, элементарной справедливости.

Повторю лишній разъ то, что я уже, кажется, высказалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ:

Если-бы, въ именующемъ себя благоустроеннымъ, правовымъ, христіанскимъ, культурнымъ, государствѣ, претендующемъ на прогрессъ, остался-бы хоть одинъ уголъ, гдѣ томился-бы хоть одинъ узникъ, все равно, воинскій или гражданскій, въ положеніи несчастныхъ заключенныхъ, описанномъ мною въ упоминаемомъ постановленіи, то развѣ не обязано было-бы государство, лишившее этого гражданина своего свободы, не медля ни минуты, сосредоточить на немъ одномъ всѣ свои научныя, финансовыя, умственныя, нравственныя, практическія, спеціальныя силы для того, чтобы обезпечить за нимъ возможность разумно-человѣческаго существованія и за рѣшотками?!.

Комиссія-же, усмотрѣвъ зло лишь въ несовершенствѣ зданій гауптвахтъ, въ бѣднотѣ казны, на такомъ выводѣ и успокоилась, видимо, не сознавая всю незаконность, безнравственность подобнаго покоя, не оставивъ слѣда на бумагѣ протеста, указанія, что подобный взглядъ есть ничто иное, какъ признаніе грустнаго факта невозможна-

го положенія гауптвахтъ, и не согласуется, не совпадаетъ съ запросами личной совѣсти членовъ комиссіи...

Весь этотъ печальный инциндентъ съ моими начинаніями, на взглядъ мой, служитъ яркой иллюстраціей и эпохи, нами переживаемой, и нравственнаго уровня, и легкости, поверхностности отношенія къ вопросамъ особой глубины и громаднаго, общественно-государственнаго, гуманитарнаго значенія...

Далѣе, въ смыслѣ легкомысленнаго, непростительнаго отворачиванія отъ очевиднаго зла, идти уже некуда...

Поражало меня и то, что Комитетъ по образованію войскъ какъ-бы самъ считался съ подобной очевидной, грубой ересью, при томъ на столько, что внесъ положенія комиссіи въ свою памятную справку по дѣлу, подносимую Военному Министру, съ бѣглою оговоркой, что комиссія посмотрѣла на мой проектъ „довольно отрицательно“...

Хорошо это „довольно“...

Много радостныхъ надеждъ все-же закопошилось у меня въ душѣ, когда читалъ я и подобный докладъ Комитета, хотя сократившій мои пожеланія до минимума, но все-же двинувшій впередъ самое дѣло, надъ которымъ я столько выстрадалъ!!.

Вѣрилось въ то, что недоразумѣнія выяснятся, а правда восторжествуетъ...

Чувства мои вылились въ письмѣ къ А. П. Скугаревскому (отъ 27 апрѣля 1907 г.), гдѣ я писалъ:

„Глубокоуважаемый, безцѣнный Аркадій Платоновичъ! Я только что получилъ высланную мнѣ, по Вашему приказанію, копію съ доклада Комитета по образованію войскъ Военному Министру.

Болѣе дорогого мнѣ, пасхальнаго подарка Вы не могли-бы мнѣ сдѣлать.

Какъ человѣкъ человѣку земно кланяюсь Вамъ за моихъ заключенныхъ. А то, что горитъ и бьется, въ эту минуту, въ сердцѣ моемъ, видитъ одинъ лишь Богъ!..

Надо думать, что Вы не дадите еще разъ заглохнуть этому вопросу?!.

Благодарю Васъ и за откликъ—на просьбу мою—вытащить на свѣтъ Божій изъ затхлыхъ, канцелярскихъ трясинъ Главнаго Штаба давно поднятый мною, вопіющій вопросъ!

Какъ жаль, что не могу въ эту минуту лично обнять Васъ, пожать горячо Вашу благородную руку!

Молю Бога сохранить Васъ надолго, для того, чтобы Комитетъ, созданный подъ Вашимъ руководствомъ, дѣйствительно могъ вдохнуть въ нашу чудную армію элементы законности, человѣколюбія, порядка, которые такъ часто тамъ расшатываются штабными канцеляріями и людьми, стоящими неособенно-то высоко въ нравственномъ и образовательномъ отношеніи...

Родина гибнетъ, между прочимъ, и отъ канцелярщины...

Какъ я счастливъ сегодня! Точно снова вернулась ко мнѣ моя молодость!.. Живу надеждами... На душѣ—весна... Любящій и чтущій Васъ А. Жиркевичъ.“

Въ письмѣ этомъ я побоялся возбуждать какую-либо критику, зная хорошо, что могутъ, пожалуй, возникнуть новые вопросы, осложненія, справки: и все засосетъ канцелярія!

Надо было быть „мудрымъ, какъ змѣй, а кроткимъ, какъ голубь“—по совѣту А. А. Навроцкаго, радуясь хоть и тому, немногому, что выбросила жизнь...

Конечно, я поспѣшилъ, должно быть, подѣлиться моимъ счастьемъ, съ протопресвитеромъ Желобовскимъ, который на пасхальный мой привѣтъ,—отвѣчалъ мнѣ (1 мая 1907 года) слѣдующимъ письмомъ:

„Воистину Воскресе Христосъ!“ Достолюбезный Александръ Владимировичъ!

Ваша дѣятельность на пользу *обездоленныхъ*, которую Вы съ такимъ усердіемъ продолжаете нѣсколько лѣтъ, въ свѣтлые дни Воскресенія Христова особенно трогательна. „Духа не угашайте“, и энергію свою не ослабляйте! Люди, въ большинствѣ, эгоисты, и заботятся, главнымъ образомъ о себѣ; но „свѣтъ не безъ добрыхъ людей“.

Въ Тюремномъ Комитетѣ у меня есть молодой, но разумный работникъ: не найдете-ли нужнымъ передать ему какую-либо рукопись на пользу узниковъ? Послужу съ удовольствіемъ. Времена переживаемъ тяжелыя: на закатѣ дней особенно это больно испытывать. Много виновны мы—старики передъ юнымъ человѣчествомъ.

Помоги Вамъ Богъ въ Вашихъ работахъ на пользу меньшихъ братій! Вашъ Богомолецъ, Протопресвитеръ А. Желобовскій.“

Откликнулся на мое письмо (12 мая того-же года) и ген. Скугаревскій, писавшій мнѣ, между прочимъ:

„Очень радъ, что дѣло объ арестованныхъ и о гауптвахтахъ Васъ такъ обрадовало. Недавно послали копію съ нашего постановленія въ Главный Штабъ, гдѣ также возбужденъ былъ этотъ вопросъ. Но болѣе реально мы осуществимъ Ваши идеи, когда приступимъ къ пересмотру устава гарнизонной службы, хотя это будетъ не ранѣе 1908 года. Эхъ, какъ туго дѣла дѣлаются!.. Впрочемъ, Вамъ это близко извѣстно...“

Такъ какъ подошла, въ это время, очередь моя—быть назначеннымъ военнымъ судьею, то я, желая во чтобы то ни стало вернуться въ Вильну, гдѣ давно уже не было генерала Гриппенберга и другихъ моихъ, явныхъ и тайныхъ, недруговъ, въ томъ числѣ и по военно-судебному вѣдомству,—въ округъ, откуда такъ безжалостно, несправедливо меня убрали, началъ отклонять всѣ предложенія—о назначеніи въ другіе округа, кромѣ Виленскаго, настаивая на возвращеніи въ Вильну.

При генералѣ Павловѣ подобные отказы были равносильны изгнанію со службы. А меня почему-то щадили. Какъ потомъ я узналъ, генералъ Павловъ зналъ правду о моемъ переводѣ и щадилъ меня.

Наконецъ, въ 1908 году, состоялось мое назначеніе военнымъ судьей Виленскаго военно-окружнаго суда и я, произведенный въ генералы, попалъ снова въ Вильну.

Уѣхавъ изъ Смоленска, я скоро узналъ, что моя библіотека на тамошней гауптвахтѣ сейчасъ-же закрылась, что не нашлось въ гарнизонѣ никого, кто продолжилъ-бы мое начинаніе. Этого, впрочемъ, и самъ я ожидалъ, не утѣшая себя иллюзіями...

Конечно, однимъ изъ первыхъ шаговъ моихъ въ Вильнѣ было желаніе возобновить мои сношенія съ мѣстной главной гауптвахтою и устройство на ней, по-прежнему, моей библіотеки для заключенныхъ нижнихъ чиновъ.

Зданіе гауптвахты нашелъ я нѣсколько увеличеннымъ, хотя еще болѣе постарѣвшимъ, со слѣдами еще бóльшей сырости, все съ тѣмъ-же, прямо невозможнымъ, отхожимъ мѣстомъ и проч. безобразіями, которыя въ немъ существовали и ранѣе...

Зато удалены были отсюда политическіе арестанты, жандармы, устроена баня. Это было все-же шагомъ впередъ.

Не буду распространяться на старую тему о томъ, что благодаря все тому-же уставу, внутренній бытъ заключенныхъ остался въ прежней заброшенности.

На лицо существовало учрежденіе, въ которомъ, по-прежнему, абсурдно, беззаконно соединились два несовмѣстимые типа учрежденій—захудалая тюрьма, которой не коснулись даже поверхностно основы тюрьмовѣдѣнія, давно признанные въ Россіи для гражданскихъ мѣстъ заключенія, и не менѣе захудалое убѣжище предварительнаго заключенія.

Войдя черезъ нѣсколько лѣтъ на Виленскую главную гауптвахту, посѣтивъ ея казематы съ ихъ узниками, я, несмотря на увеличеніе ея зданія и другія мѣры, видимо принимавшіяся для упорядоченія внѣшняго, такъ сказать, хозяйственнаго, ея состоянія, вынесъ такое впечатлѣніе, что будто-бы и не уѣзжалъ изъ Вильны, не прекращалъ здѣсь моей гауптвахтной филантропіи...

Тѣ-же долгосрочные „кадры“ гауптвахтной преступности, всему дающіе тонъ, и безнаказанно, безконтрольно, при равнодушіи начальства къ вопросамъ нравственнаго порядка, развращающіе преступно смѣшанные съ ними, въ однихъ и тѣхъ-же общихъ камерахъ, элементы, еще далеко, непогибшіе, а то и совершенно безупречные, попавшіе на гауптвахту по недоразумѣнію, вслѣдствіе судебныхъ и иныхъ ошибокъ. Въ составѣ этихъ „кадровъ“—нижніе чины не только отбывающіе на гауптвахтѣ наказаніе—крѣпость, тюрьму, дисциплинарный баталіонъ, за неимѣніемъ въ нихъ свободныхъ вакансій, но и такіе, которые, будучи приговорены въ каторжные работы, исправительныя арестантскія отдѣленія за тяжкія преступленія, будучи лишены правъ и воинскаго званія, продолжали заражать нравственную атмосферу гауптвахтъ, или въ виду поданныхъ по дѣламъ ихъ кассаціонныхъ протестовъ и жалобъ, или потому, что объ отправкѣ ихъ—по назначенію—шла между вѣдомствами переписка.

По-прежнему, ни Бога, ни священника, ни молитвы, ни надлежащей медицинской помощи, ни книги, ни мѣръ разумной класси-

фикаціи узниковъ, ни намека на попытку по-человѣчески войти въ ихъ внѣ-служебныя, человѣческія, духовныя, интимныя нужды, помочь въ юридическихъ вопросахъ и т. п.

То-же многоначаліе, неумолимо сводящееся къ безначалію, при полномъ равнодушіи высшей военной власти округа къ нуждамъ гауптвахты.

Правда, принимались мѣры, къ тому, чтобы нижнихъ чиновъ водили въ суды по городу по-возможности чисто одѣтыми, остриженными, вымытыми; правда, что уменьшились былыя жалобы ихъ на дурную пищу и комендантское начальство старалось возможно быстрѣе продвигать черезъ гауптвахту слишкомъ нежелательные, вредные элементы... Но все это было, конечно, по-прежнему, пустяки лицомъ къ лицу съ тѣмъ моремъ неурядицы, недоразумѣній, недостатковъ, безпринципности, безсистемицы, которое, благодаря уставу гарнизонной службы, общему равнодушію къ гауптвахтному вопросу, общему непониманію, зловреднымъ традиціямъ и привычкамъ, здѣсь бушевало, подрывая, разрушая, губя, физически и нравственно, наиболѣе здоровыя, неиспорченныя силы представителей русскаго народа.

По-прежнему, военно-судебное вѣдомство стояло упорно въ сторонѣ и, несомнѣнно, уже изъ переписки по дѣламъ, зная о безобразіяхъ, беззаконіяхъ, непорядкахъ на гауптвахтахъ, прехладнокровно умывало руки, съ убѣжденіемъ, что все это его не касается...

Однимъ словомъ, діаволъ могъ быть вполнѣ доволенъ, убѣжденный, что въ дѣлѣ уловленія въ свои сѣти душъ человѣческихъ все осталось здѣсь по-старому, т. е. такъ, какъ ему это желательно.

Комендантомъ я засталъ ген. Иванова, человѣка, вполнѣ порядочнаго, ясно понимавшаго трагизмъ своего положенія, какъ коменданта, въ отношеніи къ гауптвахтѣ, изнемогавшаго въ попыткахъ упорядочить хоть немного матеріальную обстановку заключенныхъ, но безсильнаго что-либо сдѣлать серіозное въ виду общаго равнодушія, нищенскихъ отпусковъ казны и вѣчныхъ треній съ различными вѣдомствами по поводу арестованныхъ.

Послѣ нѣкоторыхъ между нами предварительныхъ недоразумѣній и переговоровъ, я получилъ отъ него оффиціальное письмо (отъ 20 сент. 1908 г. за № 5081) такого содержанія:

„Милостивый Государь Александръ Владимировичъ,

Вслѣдствіе письма Вашего Пре-ва ко мнѣ, я докладывалъ Командующему Войсками Округа *) о желаніи Вашемъ устроить въ зданіи № 14 быв. Виленской цитадели библіотеку для арестованныхъ нижнихъ чиновъ и посѣщать послѣднихъ съ цѣлью раздачи имъ книгъ для чтенія и Евангелій.

Его Высокопре-во изволилъ изъявить на все это свое согласіе, о чемъ имѣю честь увѣдомить Васъ, прося войти въ соглашеніе съ

*) Генералу Кршивицкому, которому, при личной явкѣ моей при назначеніи, я изложилъ мою просьбу о допускѣ меня, въ нарушеніе устава гарнизонной службы, на гауптвахты.

комендантскимъ управленіемъ о времени посѣщенія Вами главной гауптвахты, о мѣстѣ постановки шкафа съ книгами и проч.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности,

А. Ивановъ".

И вотъ я еще разъ погружаюсь въ нужды „моихъ" Виленскихъ узниковъ, въ организацію „библіотеки", въ выписку книгъ для нея изъ книжнаго склада Березовскаго и т. п.: все надо начать съ начала... По угламъ гауптвахтныхъ казематовъ появляются еще разъ мои иконки. Мои Евангелія лежатъ въ каждой камерѣ, ввѣренныя общему попеченію узниковъ, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, продиктованныхъ моимъ тюремно-гауптвахтнымъ опытомъ...

Меня не огорчаетъ даже то обстоятельство, что должность военнаго судьи не даетъ мнѣ возможности, какъ въ былое время, разъѣзжать по округу и вліять на судьбу не одной лишь, а многихъ гауптвахтъ. Я счастливъ уже священнымъ правомъ вносить улучшенія хоть въ одну изъ нихъ. А мой генеральскій мундиръ на гауптвахтѣ производитъ на караулы, особенно на нижнихъ чиновъ, прямо подавляющее впечатлѣніе, почему мои просьбы и указанія мгновенно-же исполняются—къ благополучію узниковъ.

Съ комендантскимъ управленіемъ у меня налаживаются, по обычаю, самыя лучшія, тѣсныя отношенія.

На случай-же возможныхъ столкновеній съ караулами, при посѣщеніи гауптвахты, у меня всегда имѣется при себѣ, за подписью коменданта и печатью, удостовѣреніе (отъ 20 сент. 1908 г. № 5080) слѣдующаго содержанія:

„Дано сіе Военному Судьѣ Виленскаго Военно-окружнаго суда генералъ-маіору Александру Владимировичу Жиркевичу отъ Виленскаго комендантскаго управленія въ удостовѣреніе того, что командующій войсками Виленскаго военнаго округа разрѣшилъ ему лично посѣщать арестованныхъ нижнихъ чиновъ въ зданіи № 14-мъ быв. Виленской цитадели и раздавать имъ книги для чтенія и Евангелія (съ печатью комендантскаго управленія)—по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, въ промежутокъ времени отъ 10 ч. утра до 2-хъ часовъ пополудни. Въ виду такого разрѣшенія, караульные начальники должны допускать съ означенной цѣлью генерала Жиркевича къ арестованнымъ нижнимъ чинамъ и оказывать ему нужное содѣйствіе при раздачѣ вышеупомянутыхъ книгъ".

О данномъ мнѣ разрѣшеніи, кромѣ того, въ комнатѣ караульнаго офицера, было вывѣшено особое оповѣщеніе отъ того-же комендантскаго управленія.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, сталъ я сноситься съ разнаго рода начальствомъ узниковъ, съ ихъ родными—по поводу тѣхъ или иныхъ нуждъ, какъ самыхъ заключенныхъ, такъ и ихъ семействъ.

Мое привиллегированное положеніе генерала и военнаго судьи и тутъ быстро устраняло всякія „но" и недоразумѣнія...

Около этого времени наиболѣе крупныхъ моихъ побѣдъ и возрожденія надеждъ о возможности, при моемъ новомъ положеніи, сно-

ва двинуть впередъ вопросы, связанные съ гауптвахтами, совершился, однако, весьма важный переломъ въ моей службѣ: я вышелъ въ отставку, навсегда покинувъ военно-судебное вѣдомство, которому отдалъ лучшіе годы моей жизни.

Иными словами, произошло то, что, при характерѣ моемъ и настроеніяхъ, можно было ожидать, но въ чемъ самъ я себѣ не давалъ яснаго отчета: сразу-же развѣялся тяжелый кошмаръ, властвовавшій столько лѣтъ надъ моей душою...

По ходу настоящаго труда, рисующаго одной изъ главныхъ причинъ забвенія вопроса о гауптвахтахъ, неудачъ моихъ въ борьбѣ за нихъ, соннаго отношенія къ судьбѣ реформъ по военно-карательнымъ учрежденіямъ Росс и,—нравственное, зависимое, безправное состояніе вѣдомства, мнѣ кажется крайне необходимымъ освѣтить, по мѣрѣ силъ, конечно, съ личной моей точки зрѣнія, почему, пріѣхавъ въ Вильну, т. е. туда, куда такъ настойчиво самъ желалъ вернуться, достигнувъ чина генерала и высокаго положенія военнаго судьи, при надеждахъ на дальнѣйшую карьеру и обезпечивающемъ содержаніи, я, почти тотчасъ-же, бѣжалъ со службы?

Какъ ни странно, а послѣдній толчекъ данъ былъ мнѣ въ этомъ направленіи покойнымъ Главнымъ Военнымъ Прокуроромъ барономъ Э. Р. Остенъ-Сакеномъ, съ которымъ, и въ моментъ отставки, и позднѣе, находился я, тѣмъ не менѣе, въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ, котораго любилъ и уважалъ, какъ человѣка, настолько, что, узнавъ объ его назначеніи на высокій, отвѣтственный постъ, привѣтствовалъ особымъ, сердечнымъ письмомъ...

Дѣло въ томъ, что почти сейчасъ-же по вступленіи моемъ на должность военнаго судьи, мнѣ поднесли въ канцеляріи суда, для прочтенія, руководства и росписки, общій секретный циркуляръ барона, касавшійся взаимныхъ отношеній между чинами военно-судебнаго вѣдомства, при исполненіи ими служебныхъ обязанностей по извѣстнаго рода дѣламъ,—циркуляръ, на мой взглядъ, только унижавшій мое судейское, офицерское достоинство, такъ какъ уже въ самомъ фактѣ предложенія его мнѣ въ безусловное руководство чувствовалась заранѣе увѣренность, что я его безпрекословно исполню, несмотря на то, что онъ не находилъ себѣ оправданій ни въ законѣ, ни въ личныхъ моихъ убѣжденіяхъ.

Такъ можно было обращаться лишь съ рабами двадцатаго числа, а не съ военно-судебными дѣятелями Милютинскихъ уставовъ и традицій.

И вотъ, не думая о послѣдствіяхъ моего протеста, я, въ пылу негодованія, подалъ временно-исполнявшему должность предсѣдателя суда рапортъ, въ которомъ просилъ не унижать меня въ будущемъ поднесеніемъ мнѣ для руководства подобныхъ оффиціальныхъ произведеній...

Рапортъ, по-товарищески, былъ мнѣ возвращенъ съ благожелательнымъ указаніемъ на щекотливое положеніе того, кто долженъ будетъ представлять его въ Петербургъ, по-командѣ.

Тогда я немедленно-же написалъ барону Остенъ-Сакену откровенное, частное письмо (сохранившееся у меня въ черновикѣ), гдѣ,

напоминая объ его рыцарскихъ взглядахъ на взаимныя отношенія между чинами военно-судебнаго вѣдомства, на его общіе принципы, въ бытность его моимъ прокуроромъ, осуждалъ его теперешній болѣе, чѣмъ неосторожный, странный поступокъ, оскорбляющій и меня, и моихъ сослуживцевъ...

Въ частномъ-же, пространномъ письмѣ (отъ 3 іюля 1908 г.) баронъ, объясняя мнѣ значеніе и цѣль циркуляра, а также мотивы, имъ руководившіе при его изданіи, писалъ, между прочимъ слѣдующее:

„Прежде всего благодарю Васъ за любезное письмо и тѣ сердечныя чувства, которыя Вы изволили выразить по моему адресу, а, затѣмъ, замѣтить, что по Вашему письму я вполнѣ узналъ того самаго милаго, но ужасно впечатлительнаго, Александра Владимировича, котораго я зналъ ранѣе и который, несмотря на многіе, протекшіе съ того времени годы, мало измѣнился въ этомъ отношеніи...“

Какъ пріятно было мнѣ, рѣшивъ уже въ принципѣ разстаться съ вѣдомствомъ, давшемъ мнѣ столько и радостей, и горя, слышать отъ Главнаго Военнаго Прокурора удостовѣреніе въ томъ, что годы службы въ вѣдомствѣ не смогли убить во мнѣ ни моей „впечатлительности“, ни способности говорить въ глаза правду, не справляясь съ высотой положенія въ обществѣ, на службѣ, находящагося передо мной лица, ни готовности порвать все съ прошлымъ, лишь-бы унести неопороченной мою совѣсть...

Я хорошо понималъ, что въ устахъ барона Остенъ-Сакена подобная фраза несомнѣнно звучала, и скрытымъ, ядовитымъ сарказмомъ, и осужденіемъ, подчеркивая, съ его точки зрѣнія, одинъ изъ главныхъ моихъ военно-судейскихъ, служебныхъ недостатковъ и, въ то-же время, указывая на то, что въ военно-судебномъ вѣдомствѣ личныя душевныя качества, даже хорошія, по-прежнему, не въ авантажѣ...

Но мы съ покойнымъ, какъ я это уже и подчеркивалъ ранѣе, вообще никогда не имѣли никакихъ точекъ духовнаго соприкосновенія на службѣ: его утонченный канцеляризмъ, доводимый порою до степени отвратительной педантичности и даже культивируемый имъ впослѣдствіи на должности Главнаго Военнаго Прокурора, служилъ и ранѣе для меня темой насмѣшекъ и протестовъ...

Въ сущности-же, рѣшеніе мое—покончить разъ навсегда съ моей спеціальною службой—созрѣло во мнѣ не сразу, а постепенно, явилось результатомъ долгаго и сложнаго душевнаго переживанія.

Мои постоянныя сношенія съ гауптвахтными узниками, т. е. съ тѣми самыми нижними чинами, участь которыхъ не зависѣла отъ меня всецѣло, пока я былъ кандидатомъ на военно-судебныя должности, помощникомъ военнаго прокурора, военнымъ слѣдователемъ, вообще лицомъ, только принимающимъ участіе въ процессѣ и ни за что неотвѣчающимъ, рисовали мнѣ въ мрачныхъ краскахъ то положеніе, къ которому, по ходу службы, я неудержимо приближался—будущее положеніе военнаго судьи, когда придется на себя, почти единолично, брать то или иное рѣшеніе дѣла, давая отчетъ своей совѣсти, при томъ въ непривлекательной, тяжелой обстановкѣ военно-судебной дѣятельности...

Я уже отмѣчалъ, въ разныхъ мѣстахъ настоящаго труда, что не разъ малодушная мысль о бѣгствѣ изъ вѣдомства зарождалась во мнѣ, объясняя попутно, почему я удерживалъ себя отъ подобной грубой, коренной ломки въ жизни...

Тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ приближенія къ должности судьи, мои колебанія, сомнѣнія, страхи, связанные съ судьбой гауптвахтныхъ узниковъ, все накоплялись, какъ облака въ жаркій, лѣтній день, которыя точно безъ движенія стоятъ въ небѣ, пока не соединятся въ грозовыя тучи и не разрѣшатся громомъ, молніей, ливнемъ...

Скажу откровенно, что я по-просту не вынесъ того положенія военнаго судьи, въ которомъ вдругъ очутился лицомъ къ лицу съ военно-юридической дѣйствительностью той, недавней эпохи.

Я уже говорилъ ранѣе, на сколько успокоила меня, убаюкала мои военно-юридическіе страхи и сомнѣнія, должность военнаго слѣдователя, необязывавшая меня, ни къ чему, недававшая мнѣ возможности погружаться въ бездны тѣхъ спеціальныхъ, секретныхъ рѣшеній, инструкцій, циркуляровъ, политики, разнаго рода давленій и воздѣйствій, въ которыхъ плавала совѣсть моихъ бѣдныхъ сослуживцевъ по вѣдомству, сидѣвшихъ на другихъ должностяхъ, особенно судей...

Дѣлъ въ участкѣ моемъ было мало, а если и попадались въ теченіи года, то почти всегда несложныя, по зауряднымъ преступленіямъ. Приходилось печь ихъ, какъ блины, не волнуясь, не ломая голову, не дѣлая справокъ.

Независимое (сравнительно) положеніе военнаго слѣдователя, ни за что неотвѣчающаго, а сдающаго собранные имъ матеріалы на руки военной прокуратурѣ, въ то-же время не принуждало меня къ личнымъ сношеніямъ съ представителями вѣдомства.

Это, въ свою очередь, давало мнѣ возможность рѣже и рѣже погружаться въ новости тогдашней военно-юридической эпопеи, прислушиваться къ вѣяніямъ изъ Петербурга, къ извѣстнымъ настроеніямъ.

Рѣшеній Главнаго В. Суда я по-просту не читалъ, кладя ихъ въ одну груду, чаще всего даже неразрѣзанными. А инструкціями, особыми циркулярами насъ, военныхъ слѣдователей, не безпокоили: все это создавалось, плодилось для военно-прокурорскаго надзора и военныхъ судей, отъ которыхъ зависѣлъ исходъ процессовъ...

Не оглядываясь по сторонамъ, дѣлалъ я, съ закономъ въ рукахъ, свое маленькое, скромное, безшумное дѣло, увѣренный, что въ случаѣ попытки насиловать мою совѣсть, сумѣю постоять за себя опираясь на тотъ-же законъ, при чемъ никто меня, конечно, слушать не станетъ, но не будетъ и преслѣдовать.

Мое, какъ-бы привиллегированное, положеніе, особенно ясно дало себѣ знать, когда, во время послѣдней революціи, я находился, на должности военнаго слѣдователя, въ Смоленскѣ—въ городѣ, который даже революція обошла съ полу-презрѣніемъ, какъ сонную, захудалую провинціальную трущобу...

Въ этотъ періодъ народной смуты, разнаго рода шатаній, перемѣнъ политики, чего-чего только не вынесло на себѣ наше несчастное военно-судебное вѣдомство!

Конечно, „не въ зубы-же было,“ какъ говорится, „смотрѣть“, не улыбаться-же приходилось г. г. „сознательнымъ товарищамъ“, „освободителямъ“, изъ подполій анархіи, террора, революціи, грабившимъ, убивавшимъ, насиловавшимъ, въ томъ числѣ несчастныхъ нижнихъ чиновъ, городовыхъ, жандармовъ и другихъ низшихъ представителей „служилаго сословія“, за то только, что тѣ свято, честно, по совѣсти, исполняли данную ими присягу и на дѣло спасенія чести, славы Родины осмѣливались смотрѣть не тѣми глазами, какъ непрошенные „освободители“... А на казни, совершавшіяся яко-бы во имя свободы надъ слугами Царя и Государства, нельзя-же было не отвѣтить казнями съ закономъ въ рукахъ, во имя этого поруганнаго закона!..

Тѣмъ не менѣе меня смущало все то, что доходило до меня, частнымъ образомъ, въ обрывкахъ, въ видѣ слуховъ, о новой, болѣе, чѣмъ грустной, ненормальной роли нашего вѣдомства...

Я понимаю, что во времена анархіи, террора, смутъ народныхъ, вообще въ боевыя эпохи, когда вопросъ идетъ о спасеніи Государства, быстрая, по возможности, на мѣстѣ, военно-полевая юстиція, отданная въ руки неспеціалистовъ военно-уголовнаго кодекса, а строевому элементу, т. е. людямъ случайнымъ, несвѣдующимъ въ законахъ, въ тонкостяхъ военно-судебнаго производства, если и нежелательна, и незаконна съ точки зрѣнія разныхъ отвлеченныхъ „правъ“, то все-же хоть нѣсколько оправдывается необходимостью, потребностями исключительнаго военнаго времени, когда вообще всякая мораль выворачивается на изнанку...

Сколько-бы ни кричали, ни философствовали, ни протестовали гуманисты и либералы всѣхъ оттѣнковъ, временъ и національностей, военное время, какъ время грубаго, открыто-циничнаго попранія, нарушенія общихъ, мирно-гражданскихъ принциповъ и христіанской морали, всегда рождало и будетъ рождать силою, ходомъ событій, и отступленія отъ обще-принятыхъ, въ мирную эпоху, нормъ правосудія...

Съ этимъ нельзя, если не соглашаться, то не мириться... Что-же иначе дѣлать? Сложить оружіе и сдаться, не борясь?!...

Но меня поражало, что на эту военно-полевую дорогу всякаго рода отступленіи отъ обще-принятыхъ нормъ и порядковъ поставлено было военно-судебное вѣдомство, т. е. учрежденіе, которое, по духу своему, даже въ самыя ужасныя времена смутъ народныхъ, должно строго, какъ и всякая другая форма оффиціальнаго правосудія, оставаться на высотѣ одного лишь закона, внѣ вліяній политики, если хочетъ сохранить высокое право называться „вѣдомствомъ“...

А, пока что, меня, лично, какъ слѣдователя, волны житейско-политическаго моря въ тѣ дни совершенно не касались. По-прежнему, производилъ я мои слѣдствія, главнымъ образомъ, по самымъ заурряднымъ преступленіямъ, отправляя ихъ по начальству, зачастую не зная о конечныхъ результатахъ дѣлъ...

Два раза въ годъ появлялись въ Смоленскѣ командировки временныхъ военныхъ судовъ, по неволѣ привозившія мнѣ послѣднія новинки изъ быта и нашихъ военныхъ юристовъ, далеко неутѣшительнаго свойства,—новинки, дававшія мнѣ возможность, однако, хоть поверхностно, да знакомиться съ новыми типами военно-судебныхъ дѣятелей.

Жизнь и здѣсь прошлась своимъ неумолимымъ, грубымъ, безпощаднымъ рѣзцомъ...

Были тутъ, среди пріѣзжавшихъ, по-прежнему, честныя хорошія, благородныя личности, по неволѣ, въ силу семейнаго и иныхъ положеній, терпѣливо несшія на плечахъ крестъ дѣлъ со смертными приговорами.

Но, между судьями, появлялись зачастую и „звѣри", и карьеристы, набившіе себѣ руку на „висѣльныхъ" дѣлахъ, а, потому, спокойно смотрѣвшіе на вопросы, связанные со смертной казнью, въ ея ненормальной, военно-судной обстановкѣ тѣхъ дней.

Бросались въ глаза даже и такіе сладострастники чужихъ страданій, для которыхъ точно доставляла неисчерпаемое удовольствіе игра съ обреченными на неминуемое лишеніе жизни.

Еще болѣе гадливое, тяжелое, прямо недоумѣнное, впечатлѣніе производили „либералы" военно-судебнаго вѣдомства, получавшіе отъ правительства жалованье и награды и старавшіеся, тѣмъ не менѣе, гдѣ только было можно, въ угоду современнымъ имъ „лѣвымъ" вѣяніямъ, а часто и въ ущербъ неумолимаго военнаго закона, относиться снисходительно къ такъ называемымъ „заблудшимъ" изъ крайняго лѣваго лагеря.

Подобные либералы въ мундирахъ забывали, конечно, что имъ не дано никѣмъ права прощать, миловать, а бородатые подонки революціи, сознательно, грубо посягающіе на жизнь, свободу совѣсти, имущество другихъ, не могутъ быть поставлены на ряду съ зеленой молодежью, отравленной революціею...

Правда, такихъ либеральныхъ болтуновъ и дѣятелей, по возможности, скоро разгоняли изъ вѣдомства. И тѣмъ не менѣе, въ обществѣ, взиравшемъ на ихъ подвиги въ засѣданіяхъ командировокъ временныхъ военныхъ судовъ, вкоренилось убѣжденіе, нелишенное своего особаго основанія, что военные суды мирволятъ, будто-бы, анархіи... И гнало ихъ вонъ опять-таки Главное Военно-Судное Управленіе, а не выжимало со службы само „вѣдомство", т. е. товарищи и сослуживцы.

По-прежнему, въ вѣдомствѣ царили—ложный взглядъ на „товарищество", атрофія Милютинскихъ традицій во взаимныхъ отношеніяхъ между отдѣльными представителями, рознь и боязнь всего жизненнаго.

И вышеуказанные либералы, и представители „звѣрскихъ типовъ, само-собою разумѣется, въ конецъ расшатывали послѣдніе устои такъ называемаго „военно-судебнаго вѣдомства".

Надо, однако, отмѣтить, что командировки временныхъ военныхъ судовъ утратили свой былой, увеселительно-опереточный, беззаботный, скандальный типъ, отличаясь теперь подчасъ даже мрачнымъ колоритомъ. Пріѣзжали судить и вѣшать генералы, сами обреченные на смерть революціонерами, съ револьверами въ карманахъ, подъ конвоемъ переодѣтыхъ сыщиковъ. Набожные типы между ними преобладали. Дѣлъ была масса и о бездѣльи былыхъ временъ думать было нечего. Все кляло свою судьбу, службу, начальство, все мечтало о возможно скорой отставкѣ съ приличной, конечно, пенсіей, но по-

думывало и о возможности перейти въ „міръ иной“ при помощи пули революціонера, гнусно пущенной изъ-за угла...

Даже вѣшатели-сладострастники, о которыхъ я упомянулъ выше, по дорогѣ въ зданіе, гдѣ засѣдалъ судъ, обыкновенно набожно снимали шапки и крестились на встрѣчные храмы, боязливо вглядываясь въ снующую по тротуарамъ публику...

Необходимо, въ видахъ безпристрастія, отмѣтить, что въ общемъ на Смоленскъ выпадало немного дѣлъ со смертными приговорами, а, если и выпадало, то это были случаи, къ самому Смоленску никакого отношенія неимѣвшіе... И замѣчавшееся мною мрачное настроеніе въ составѣ временныхъ военныхъ судовъ той эпохи, привозилось, главнымъ образомъ, изъ Москвы, гдѣ шла еще борьба съ революціей и гдѣ на вѣдомство, особо усердствуя, налегали всей грудью изъ Петербурга...

На разспросы мои, по поводу нѣкоторыхъ отрицательныхъ явленій въ вѣдомствѣ, сослуживцы отвѣчали мнѣ неохотно, уклончиво. И лишь въ интимныхъ бесѣдахъ передавали разныя подробности— одна другой непригляднѣе, оправдывались въ моихъ глазахъ и оправдывали... создавшійся порядокъ, положеніе вѣдомства; но чаще скорбно вздыхали и махали рукой. А я, какъ невинный младенецъ, какъ отсталый провинціалъ, часто, съ моими наивными прямыми, безпощадными вопросами далеко стоящаго отъ театра военныхъ дѣйствій, военнаго юриста, нѣтъ—нѣтъ да неделикатно и наступалъ на чью-либо „любимую мозоль“, или оступался въ чью-либо чужую, больную, кровоточащую, отягченную сомнѣніями, совѣсть...

Передавали, напримѣръ, шепотомъ о той или иной подробности, указывавшей на невозможность для судей отстоять подчасъ личную свою совѣсть при столкновеніяхъ съ высшими военно-строевымъ и военно-судейскимъ начальствами, о томъ, каковы бываютъ составы временныхъ судей, съ которыми иногда судьямъ нашего вѣдомства трудно сладить въ засѣданіяхъ и въ совѣщательныхъ комнатахъ, равно какъ и о томъ, при помощи какихъ способовъ, непредусмотрѣнныхъ, конечно, закономъ, приходится бороться нерѣдко съ подобнымъ явленіемъ для того, чтобы вынести мало-мальски правильный приговоръ...

Разсказы пріѣзжавшихъ въ командировки о постоянныхъ конфликтахъ между судьями военно-судебнаго вѣдомства и временными военными судьями строевого элемента напоминали мнѣ времена моей военно-судейской молодости, когда, бывало, мнѣ приходилось выслушивать аналогичныя повѣствованія о той борьбѣ, которая иногда возгоралась между тѣми и другими на почвѣ приговоровъ: и теперь то одолѣвали, съ помощью различныхъ практическихъ уловокъ, военно-судейскіе, то они принуждены были временно сдаваться, въ силу закона, передъ большинствомъ голосовъ изъ сплотившагося состава строевого элемента,—говорю временно, такъ какъ у нѣкоторыхъ судей, имѣлись про запасъ средства, для того, чтобы подвергнуть нежелательный приговоръ кассаціи. Судьи-же типа „сладострастниковъ“ не стѣснялись добиваться изгнанія нежелательныхъ имъ, протестующихъ элементовъ, съ помощью высшаго строевого начальства, имѣя въ виду будущія командировки.

Помню, какъ одинъ порядочный судья, чуть не со слезами на глазахъ, передавалъ мнѣ, что, будучи убѣжденъ въ необходимости обвинительнаго приговора, долженъ былъ подписаться, въ силу закона, подъ оправдывающими рѣшеніями, такъ какъ того захотѣло сплоченное большинство временныхъ военныхъ судей.

Зато другой судья, иного типа, сообщалъ, какъ угрозой сообщить по начальству о „слабости“ временнаго состава суда и склонности его къ оправдательнымъ приговорамъ по дѣламъ извѣстной категоріи, сумѣлъ онъ „взять въ руки“ и „дисциплинировать“ непокорныхъ, послѣ чего, по его выраженіямъ, „дѣло пошло какъ по маслу“, а желательнаго содержанія приговоры у него „стали печься, какъ блины“...

Уже недавно, когда создавалась книга, все это еще разъ мнѣ вспомнилось, едва я прочелъ, какъ бывшій Главный Военный Прокуроръ, будучи вызванъ свидѣтелемъ по одному дѣлу, въ засѣданіи заявилъ, что имъ замѣчена общая тенденція военно-окружныхъ судовъ (временныхъ военныхъ судей) оправдывать офицеровъ, смягчать грозящее имъ по закону наказаніе...

Тенденція... Увы, моя юридическая молодость слишкомъ безпощадно пріучила меня къ разнаго рода „тенденціямъ“, только и могшимъ выrости на нездоровой почвѣ ненормальнаго положенія воинскаго правосудія...

И теперь, сидя въ Смоленскѣ и предвкушая будущее мое судейство, въ качествѣ „креста“, я, при усердномъ посѣщеніи, для практики, засѣданій временныхъ военныхъ судовъ, съ затаеннымъ ужасомъ наблюдалъ давно мнѣ извѣстныя изъ моего военно-судейскаго прошлаго явленія: иногда сплошное вранье, послѣ принятой присяги, свидѣтелей, нижнихъ чиновъ, которыхъ „подрепертировали“ въ желательномъ направленіи, въ ихъ части—фельдфебель или унтеръ-офицеры, особенно въ дѣлахъ о мордобійствѣ и другихъ, связанныхъ съ общими непорядками, разнаго рода „тенденціи“ сплотившагося дружно временнаго состава суда, невозможность, по чисто бытовымъ условіямъ иного дѣла, добиться правды и т. п.

Лишній разъ ставилъ я себя въ положеніе вполнѣ добросовѣстнаго, порядочнаго, знающаго, военнаго судьи, попавшаго въ подобное, унизительно-глупое положеніе человѣка, которому несмотря на его спеціальное, юридическое образованіе, на личное отвращеніе, ничего не остается, какъ сдаться и плыть за всѣми по теченію: „Что-то самъ я, въ такихъ случаяхъ, сдѣлаю?!.“ думалось мнѣ съ тревогой...

Для меня, напримѣръ, въ этомъ игнорированіи присяги было ясно видно отсутствіе должнаго вліянія на совѣсть и религіозное воспитаніе нижнихъ чиновъ военныхъ батюшекъ, непросвѣтляющихъ, съ высоты своего аристократическаго положенія, сѣрую массу солдатъ, во лжи скопомъ свидѣтелей по иному дѣлу—извращенно понятое въ строю товарищество и недовѣріе, вражда къ суду, а, въ общемъ, для меня вырисовывались—вражда, антагонизмъ, на почвѣ отправленія правосудія, т. е. тамъ, гдѣ всѣ строевые, нестроевые и судебные элементы, должны-бы соединяться въ одномъ лишь, желательномъ

Государю и Родинѣ направленіи—въ раскрытіи истины и обнаруженіи виновныхъ для надлежащей имъ, по закону, кары, какъ-бы она ни была строга и неумолима, хотя-бы и сама смертная казнь.

Чаще и чаще повторялось о приговорахъ, отмѣненныхъ по приказу изъ Петербурга—подать протестъ, о дѣлахъ, по которымъ не давалось хода кассаціоннымъ жалобамъ...

Беззаботными оставались, при этихъ наѣздахъ суда въ Смоленскъ, по-прежнему, одни военные защитники, хорошо знавшіе, что они только—декорумъ, никакого вліянія на приговоры по серьезнымъ, кровавымъ дѣламъ оказать немогущіе, но въ то-же время и ни за что неотвѣчающіе...

Тѣмъ не менѣе и въ командировкахъ преобладали пустыя, шаблонныя дѣла—шаблонныхъ типовъ, для которыхъ не стоило создавать ни военно-судебнаго вѣдомства, ни Военно-Юридической Академіи.

Вѣдомство военно-судебное пережевывало и переваривало, въ то время, разныя вѣянія, въ томъ числѣ и Главнаго Военнаго Прокурора Павлова, который его, вѣдомство, въ свою очередь, пережевывалъ, безпощадно истребляя то, что, съ его личной точки зрѣнія, мѣшало, не удовлетворяло, рисовалось „отбросами"... Бичъ Павлова неумолчно свистѣлъ въ воздухѣ, не давая уснуть, а подгоняя, все и всѣхъ равняя, вызывая лишь проклятія изъ-подтишка, въ полъ-голоса, съ оглядкою...

Бывало, пригласишь къ себѣ „командировку" на обѣдъ—и принимаешь уже мѣры, чтобы какой-либо мерзавецъ-анархистъ подло не выстрѣлилъ въ окно, въ твоихъ гостей...

Тяжелое было времячко! Ужа́сна обстановка военнаго правосудія тѣхъ дней! Еще болѣе ужасны тѣ, кто, кривя душой въ ту или иную сторону, ради благъ жизни и службы, готовы были жертвовать жизнью и своей, и другихъ, оправдывая свою дѣятельность, усыпляя свою совѣсть текстами Св. Писанія, ссылками на приказы свыше и болѣе или менѣе удачными софизмами, которые находили въ себѣ силы или наглость утверждать, что разныя исключительныя инструкціи, наказы, давленія, отмѣненные по телеграммамъ изъ Петербурга, такъ сказать, принципіально, приговоры, порядокъ, при которомъ по дѣламъ со смертными приговорами, не давалось иногда хода кассаціоннымъ жалобамъ и проч.—нѣчто нормальное, желательное...

Гораздо симпатичнѣе, понятнѣй были тѣ изъ пріѣзжавшихъ, кто, покорясь тяжелой судьбѣ, сознавалъ свое двусмысленное положеніе и шелъ на засѣданія со смертными приговорами, какъ на личную пытку и казнь, кто, наконецъ, самъ рисковалъ жизнью, твердо, искренно убѣжденный въ то, что иначе не раздавить гидры анархіи, что вѣдомство несетъ свою особую, священную миссію, отъ которой уклоняться, отворачиваться стыдно, безчестно...

Такихъ было сравнительно немного, и съ ними не хотѣлось спорить...

Большинство-же принадлежало къ вѣшателямъ-сладострастникамъ, какъ-бы мстящимъ за лично испытываемый страхъ.

Наблюдались и такіе, которые старались въ винѣ, картахъ, удовольствіяхъ, въ перерывахъ между засѣданіями, утопить свой разумъ, свой личный страхъ смерти, свою совѣсть...

Они, такіе субъекты, махнувшіе на все рукой, напоминали мнѣ „пиръ во время чумы", были и отвратительны, и жалки...

Подобные, отталкивающіе типы, равно какъ разсказы о тяжеломъ положеніи вѣдомства, также легенды объ отдѣльныхъ случаяхъ проявленія особаго, утонченнаго духовнаго одичанія, и даже циничнаго звѣрства, правда, волновали меня смутными предчувствіями будущаго. Но все-же я былъ въ тѣ дни такъ далекъ отъ истины, что многому прямо не вѣрилъ. Многое-же представлялось мнѣ еще въ какомъ-то неясномъ, туманномъ видѣ. Хотѣлось думать, что или я ошибаюсь самъ, обобщая единичные факты, или грубо, зло заблуждаются источники, т. е. мои сослуживцы, съ которыми я рѣдко сталкиваюсь...

Чаще всего подобые разсказы приходилось слышать отъ военныхъ защитниковъ да отъ помощниковъ секретарей временныхъ военныхъ судовъ, т. е. отъ лицъ, ни за что неотвѣчающихъ, а потому могущихъ съ достаточной долею безпристрастія „взирать на правыхъ и виновныхъ", подчеркивая нравственную развалку „вѣдомства", на ихъ глазахъ неумолимо происходящую.

Не забуду повѣствованій такого секретаря о военномъ судьѣ-сладострастникѣ, которому великое, неисчерпаемое наслажденіе доставляло глумленіе надъ подсудимыми, замѣшанными въ революціи, особенно, когда имъ нельзя было избѣгнуть смерти,—глумленіе не только на судѣ, но и до суда.

Такъ, будучи самъ боленъ, этотъ образованный дикарь старался непремѣнно лично раздавать копіи съ обвинительныхъ актовъ по госпиталямъ, хотя это могъ-бы продѣлать, по закону, за него другой. И тутъ-то, притворяясь участливымъ, начинаетъ онъ, бывало, комедію сострадательнаго отношенія къ ближнему...

„Что это у тебя, братецъ? Ножка болитъ?" спрашиваетъ онъ у экспропріатора-бомбиста, которому, при поимкѣ, прострѣлили ногу: „Да ты сядь!... Посиди! Чего стоишь-то... Я тебѣ и сидящему обвинительный актъ выдамъ. А то натрудишь ножку-то..." и т. д.—въ томъ-же духѣ...

При этомъ—самая добродушная, внушающая довѣріе, физіономія, ангельская улыбка, подкупающій тонъ, солидная внѣшность...

Обвиняемый, видимо, тронутъ, начинаетъ на что-то надѣяться, пускается въ откровенности, хитритъ, старается оправдаться...

Этого-то только и нужно сладострастнику: онъ, полной грудью, дышетъ уже этимъ предсмертнымъ страхомъ ближняго, этими слабыми надеждами уйти отъ висѣлицы, этой вѣрой въ его, судейское, милосердіе на будущемъ судѣ...

А вотъ, наконецъ,—и самый судъ, гдѣ, къ ужасу своему, видитъ подсудимый грознаго, безжалостнаго палача, вырывающаго у него изъ подъ ногъ всякую возможность спасенія отъ висѣлицы, но опять-таки подъ маскою вѣжливаго, яко-бы идущаго навстрѣчу чужому страданію, человѣка...

„Люблю я“ признавался мнѣ этотъ господинъ, впослѣдствіи, когда судьба меня съ нимъ столкнула: „имѣть дѣло съ горячей, пылкой молодежью, надъ которой виситъ петля, которой терять нечего и которая, поэтому, стремится хоть въ послѣднемъ словѣ высказать всю ненависть къ создавшемуся порядку вещей... Я никогда не обрывалъ ихъ... Никогда! По закону надо дать подсудимому высказаться до конца... Пусть себѣ, пусть говоритъ... Кромѣ того, интересно слѣдить за тѣмъ, какъ постепенно, по мѣрѣ изложенія, изсякаетъ у иного негодяя источникъ... краснорѣчія... Такой субъектъ ругаетъ, бывало, въ засѣданіи, меня, судъ, судей, существующій режимъ, предсказываетъ конечное торжество революціи и т. п. А я, скрестивъ на груди руки, все его слушаю и слушаю—преспокойно, не обрывая, не выводя вонъ. Вотъ онъ уже изнемогаетъ. У него не хватаетъ силъ, словъ, выраженій, чтобы продолжать громить и клеймить... А я все слушаю: знаю, что, какъ тамъ, голубчикъ, не ругайся, не ораторствуй, а съ висѣлицы тебѣ не соскочить... Вотъ онъ уже выдохся совершенно... „Вы кончили?“ спрашиваю его, опять-таки вѣжливо, не горячась. „Да, кончилъ“... А черезъ нѣсколько минутъ—резолюція: „смертная казнь черезъ повѣшеніе“... Надо видѣть иную рожу, при этомъ... А другіе—ничего себѣ, выносятъ ударъ мужественно. Слѣдишь, когда вотъ выводятъ послѣ объявленія рѣшенія: не покачнется-ли въ дверяхъ такой храбрецъ... Нѣтъ!.. Молодцомъ! Разспрашиваешь потомъ у очевидцевъ казни, какъ велъ себя твой „кліентъ“, на мѣстѣ... Иной и смалодушествуетъ въ послѣднюю минуту...... А вѣдь какъ на судѣ-то хорохорился, храбрился!!.“

Въ моментъ нашей встрѣчи съ этимъ субъектомъ, революція быстро пошла на убыль, а онъ занималъ другой „постъ“ и ему, по неволѣ, приходилось жить лишь пріятными воспоминаніями о былыхъ побѣдахъ и лаврахъ.

Слушая его, я вспоминалъ разсказъ помощника секретаря о томъ какъ, по дорогѣ въ госпиталь, къ раненому экспропріатору, бывшій судья все время набожно, истово крестился изъ трамвая на встрѣчныя церкви и часовни...

Повторяемость однихъ и тѣхъ-же явленій указывала, однако, на прочно-установившіеся обычаи и устои. Но и тутъ можно еще было успокаивать свою совѣсть перспективой борьбы съ непорядками, отстаиваніемъ священныхъ правъ судьи хотя-бы до изгнанія со службы.

Все казалось, что если дурно поступаютъ другіе, то это еще не указаніе, не путь для меня самого; что мнѣ, напротивъ, суждено будетъ явиться какимъ-то исключеніемъ, пожалуй, увлекательнымъ и для другихъ примѣромъ...

Я упоминалъ уже о судьѣ, который могъ-бы возбудить изъ командировки ходатайство о замѣнѣ смертной казни крестьянину-юношѣ, но этого не сдѣлалъ нарочно, по убѣжденію, находя, что для отрицательныхъ элементовъ общества, въ смутныя эпохи, не должно существовать пощады, кто-бы они, эти элементы, ни были, разъ дѣло обставлено исключительными условіями военнаго времени...

Хотѣлось, неудержимо хотѣлось видѣть въ подобномъ типѣ лишь непріятное исключеніе, въ душѣ прощая, извиняя его болѣзненностью,

семейными, иными обстоятельствами, дурнымъ воспитаніемъ, разнаго рода давленіями на его совѣсть... Хотя тутъ на-лицо было убѣжденіе... Но развѣ можно было, уважая чужія убѣжденія вообще, соглашаться съ направленіемъ, связаннымъ столь печально съ судьбой чужихъ жизней?!.

Думалось: вотъ ужъ я не пойду по этой дорогѣ, вотъ ужъ у меня, какъ у судьи, прежде всего будутъ стоять не личные мои взгляды, а законъ и фактическая сторона дѣлъ. И на время грудь облегченно вздыхала, а сердце переставало замирать въ мучительныхъ предчувствіяхъ...

Тутъ-же, однако, овладѣвалъ невольный страхъ: а вдругъ, думалось, подвернется такой составъ временныхъ судей съ ихъ личными убѣжденіями, что ни законъ, ни факты ничего съ ними не подѣлаютъ?!

А вдругъ мое личное убѣжденіе будетъ ошибочнымъ и я оправдаю тяжкаго преступника?!

А вдругъ...

И въ подобныя минуты сомнѣній я старался не думать о неизбѣжномъ будущемъ и... спѣшилъ на гауптвахты съ моими книгами для чтенія и Евангеліями, точно желая искупить передъ нижними чинами, узниками, какой-то тяжкій, и въ отношеніи ихъ, грѣхъ...

Но вотъ новая командировка временнаго военнаго суда—и съ нею снова разновидность того-же звѣрскаго, гнуснаго типа, на этотъ разъ человѣкъ, наружно симпатичный, образованный, по своему передовой, гуманный, даже добрый и чувствительный—въ мелочахъ заурядныхъ, общественныхъ, частныхъ сношеній.

Нельзя было, въ виду подобной повторяемости одного и того-же отвратительнаго явленія, не задуматься лишній разъ надъ собственнымъ своимъ будущимъ положеніемъ: вѣдь и мнѣ, рано или поздно, а приходилось-же стать военнымъ судьею, выносить такіе-же смертные и иные приговоры...

И опять—убаюкиваніе себя надеждой, что, быть можетъ, я все наталкиваюсь случайно на личности, но что самое дѣло, по закону, не можетъ быть обставлено такъ, какъ оно выходитъ изъ ихъ грязныхъ рукъ, что возможна и здѣсь борьба за правду, за свою судейскую совѣсть...

„Какъ ни возмутительна смертная казнь сама по себѣ“ думалось мнѣ: „тѣмъ не менѣе разъ она введена въ законъ, а ты, какъ военный юристъ, принималъ присягу—свято исполнять всѣ законы, не дѣлая между ними произвольнаго выбора, въ томъ числѣ и по дѣламъ со смертной казнью, то, конечно, если придется, если суждено, то ты долженъ, по совѣсти и закону, вынести смертный приговоръ.“

Но,—затѣмъ, надрывали сердце неотвязчивые вопросы:

А если на совѣсть, на законъ производится отрицательнаго вида давленіе, при томъ на столько сильное, непреодолимое, систематичное, что о правдѣ, о свободѣ совѣсти не можетъ быть и рѣчи?! Если разнаго рода эти давленія со стороны, ускоренія, упрощенія судопроизводства и т. п. дѣлаютъ возможными непоправимыя ошибки?!.

О, эти безчисленныя „если!!....

Вспоминалось остроумное замѣчаніе одного виднаго дѣятеля, публициста, писателя, нынѣ умершаго, который увѣрялъ меня, что лучшая

половина судей культурнаго человѣчества бѣжала-бы со службы, навѣрное выносила-бы сплошь оправдательные приговоры по дѣламъ со смертельнымъ исходомъ, обивала-бы, по другимъ, такимъ-же дѣламъ, пороги съ разнаго рода ходатайствами объ отмѣнѣ постановленныхъ приговоровъ, о смягченіи участи осужденныхъ на смертную казнь, у власть имущихъ, если-бы эти судьи знали, что, вынеся приговоръ, они-же сами, лично обязаны будутъ привести кровавое рѣшеніе въ исполненіе, т. е. совершить самый актъ повѣшенія, разстрѣла и т. п.

Нынѣшній порядокъ отправленія функцій правосудія этотъ скептикъ-философъ звалъ „особымъ видомъ раздѣленія труда": одни, по его наблюденію, присуждаютъ, другіе, на основаніи приговора, садятъ въ темницы, третьи казнятъ и т. д. Такимъ образомъ все раскладывается по частямъ на совѣсти разныхъ лицъ и не сосредоточивается на одной какой-либо личности...

„А если-бы существовало какъ разъ наоборотъ?" иронизировалъ онъ.

„Могъ-ли-бы я самъ повѣсить осужденнаго мною на смерть?!" думалъ я, слушая этого господина, и тутъ-же приходилъ къ выводу, что не могъ-бы... Но тогда.....

„Ахъ, поменьше философіи, колебаній, сомнѣній!" нашептывалъ мнѣ кто-то...

И тутъ-же, противъ воли, начиналъ я философствовать и бередить мою совѣсть...

Выходило, съ одной стороны, что смертная казнь и несправедлива въ принципѣ, и жестока, и вноситъ развратъ въ нравы общества. Такъ толкуетъ наука... А съ другой стороны, безъ нее какъ-бы и невозможно обойтись человѣчеству: за нее вѣдь высказываются разные авторитеты! Гдѣ-же истина?!...

Бомбистъ, кинжальщикъ, экспропріаторъ, человѣкъ взрослый, сознательно идущій на политическое убійство, на грабежъ въ антигосударственныхъ цѣляхъ, конечно, знаетъ, что ему не миновать, въ будущемъ, по суду, смертной казни: „поднимающій мечъ отъ меча и погибнетъ"... А нѣтъ-ли тутъ, въ казни даже такихъ изувѣровъ, своего рода мести?!...

Развѣ можно, опять-таки, рядомъ съ ними, этими выродками человѣчества, поставить, юношу, почти ребенка, наученнаго сознательными революціонерами и подло натолкнутаго ими на грязное, позорное преступленіе?!. А законъ не позволяетъ дѣлать тутъ различія...

Между тѣмъ, я видѣлъ, какъ гибли, на глазахъ моихъ, по всей Россіи, и такія жертвы революціи.

Могъ-ли-бы я, напримѣръ, повѣсить самъ того несчастнаго, симпатичнаго юношу-крестьянина, о которомъ разсказано въ этой книгѣ, въ главѣ объ отношеніяхъ моихъ къ Смоленску, приговореннаго къ смертной казни?!

А вѣдь,—кто знаетъ, не вынудили-ли-бы меня обстоятельства и по этому вопіющему дѣлу избѣжать ходатайства о замѣнѣ смертнаго приговора...

Наконецъ, я могъ-бы приговорить юношу, по закону, къ повѣшенію, составить, въ то-же время, постановленіе съ ходатайствомъ по начальству о замѣнѣ наказанія и все-таки не спасти осужденнаго отъ смерти: сколько такихъ ходатайствъ судовъ было оставлено безъ вниманія командующими войсками!!.

И я уже рисовалъ себѣ эту воображаемую встрѣчу у висѣлицы съ тѣмъ, кого приговорилъ къ лишенію жизни и кого самъ-же долженъ былъ-бы повѣсить. До галлюцинаціи передо мною вставала при этомъ, робкая, неуклюжая фигурка, свѣтились кроткіе, чистые, съ дрожащими на нихъ слезами, глаза, растерянная улыбка, звучалъ тихій голосъ, произносящій упрекъ мнѣ, входившему еще такъ недавно въ казематъ тюрьмы со словами любви, надежды, милосердія... А тутъ, рядомъ со мною,—тотъ самый священникъ, который напутствовалъ осужденнаго въ міръ иной и потомъ плакалъ, вспоминая его исповѣдь.

Опять я старался не думать, не слишкомъ заглядывать въ будущее, убаюкивая себя мыслью, что мое судейство еще далеко, а, можетъ быть, и никогда не осуществится...

А жизнь лишала желаннаго сна, забвенія, покоя...

Сотни другихъ, жгучихъ, щемящихъ мозгъ и сердце, вопросовъ, сомнѣній, колебаній, противорѣчій, въ хаосѣ которыхъ я не былъ въ состояніи разобраться въ моемъ Смоленскомъ уединеніи, отравляли по временамъ мое существованіе.

Между тѣмъ, для меня ясно было, что со всѣмъ этимъ новымъ, невѣдомымъ міромъ будущей моей судейской дѣятельности, связанъ неразрывно, органически и вопросъ о нравственномъ правѣ для меня, о возможности, подвигаясь по лѣстницѣ повышеній, продолжать службу.

Чувствовалась, какъ я ни успокаивалъ себя, впереди, хотя еще и не подъ самыми моими ногами, хотя и въ туманѣ, а все-же чувствовалась какая-то мрачная бездна, которая и притягивала, и пугала, и заставляла заранѣе содрогаться именно ея неизвѣстностью.

Страстно, неудержимо, до безумія, хотѣлось, въ то-же время, заглянуть въ эту пропасть, чтобы прервать медлительное томленіе ожиданія: такъ страхъ смерти вызываетъ иногда у слишкомъ нервныхъ людей самоубійство.

И я храбро заглянулъ туда, въ заманчивую, загадочную бездну, принявъ, наконецъ, должность военнаго судьи, дававшую мнѣ право близко ознакомиться съ тѣмъ, къ чему пришло военно-судебное вѣдомство ко времени моего служебнаго повышенія...

Рано говорить еще о томъ, что̀ я узналъ въ документахъ, облеченныхъ канцелярской тайною, что̀ увидѣлъ, какъ судья, что̀ открылось вдругъ впервые передо мною, духовному моему взору, въ кровавой перспективѣ...

Скажу только, что для меня было ясно: послѣднія Милютинскія традиціи разрушены. Служить нельзя! Надо спасаться...

А когда я далъ себѣ трудъ не только пересмотрѣть, но и изучить эту особую таинственную „литературу“ за періодъ послѣднихъ десяти лѣтъ, когда, по неволѣ, для того, чтобы не спотыкаться и не

получать замѣчаній, какъ судья, сталъ одолѣвать полчища „рѣшеній“ Главнаго Военнаго Суда, за то-же время, когда меня со всѣхъ сторонъ обступила самая отчаянная канцелярщина, шаблоны и формы, то мнѣ стало понятнымъ, куда, на что безплодно ушли лучшія силы военно-судебнаго вѣдомства, почему не оставалось времени, охоты у этого послѣдняго для какихъ-то тамъ реформъ, по какимъ-то военно-карательнымъ учрежденіямъ, по какимъ-то гауптвахтамъ...

Точно предчувствуя мои колебанія, предсѣдатель суда предупредилъ меня о томъ, что, по заведенному имъ порядку, всѣ дѣла со смертными приговорами распредѣляются на судей по-ровну... А мнѣ такъ недавно мерещилось, что „чаша сія“ можетъ еще меня миновать!..

Въ то-же время, я узналъ, что одинъ изъ судей, чаявшій попасть въ прокуроры (но, увы!—оборвавшійся на пути къ этому благополучію) слѣдитъ за такими поступающими дѣлами, еще въ періодъ записи ихъ—по канцеляріи, и принимаетъ всѣ мѣры, чтобы заполучить ихъ къ своему разсмотрѣнію, вырвавъ изъ рукъ другихъ...

Этотъ господинъ дрожалъ самъ за свою жизнь, на которую якобы, по его убѣжденію, жаждали покушаться революціонеры; входя въ комнату суда, гдѣ занимался, предварительно набожно, „возведя очи горѣ“, крестился на икону, вынималъ и клалъ около себя заряженный браунингъ, вздыхая, выражалъ радость, что „еще одинъ день живетъ на свѣтѣ“ и... сейчасъ-же погружался, съ затаеннымъ наслажденіемъ, въ дѣла со смертными приговорами... На шеѣ его вѣчно сіялъ орденъ за особыя мирныя заслуги на одной изъ окраинъ, въ обстоятельствахъ военнаго времени. Онъ гордился этимъ украшеніемъ, выхлопотаннымъ ему благодарнымъ строевымъ элементомъ, и охотно разсказывалъ подробности о томъ, какъ и за что получилъ орденъ — подробности, отъ которыхъ морозъ пробѣгалъ по кожѣ...

Его всѣ презирали за слишкомъ громкое прошлое, за безпощадную кровожадность, за сомнительный карьеризмъ, за ошибки, стоившія чужихъ жизней,—и тѣмъ не менѣе не только не выбрасывали изъ своей среды, какъ укоръ всему вѣдомству, но когда онъ былъ переведенъ въ другой округъ, то провожали обѣдомъ и подаркомъ съ соотвѣтствующей товарищеской надписью... Онъ уѣхалъ, имѣя основаніе думать, что его, хотя не понимали, но любили...

Прости, Господи, ему его прегрѣшенія, вольныя и невольныя!..

Съ дѣятельностью другого судьи, разновидностью того-же звѣрскаго типа, съ той-же окраины; я ознакомился лишь по документамъ: самъ онъ былъ переведенъ (или перевелся), въ другой округъ. Я счастливъ, что судьба не дала намъ возможности встрѣтиться.

Приходилось освоиться съ принятыми шаблонами, формами разнаго вида приговоровъ, такъ сказать, набить себѣ руку въ ихъ писаніи. И я, въ руководство, взялъ себѣ изъ суда дѣла, приговоры вышеупоминаемаго господина со смертными исходами, предполагая, что тутъ-то, по серіозности темъ, и наткнусь на безукоризненность содержанія, на совершенство формы и т. п.

Передо мною замелькали—одно за другимъ—дѣла, по которымъ обвиняемые давно переселились уже насильственно въ міръ иной...

И что-же я увидѣлъ? Что̀ ни вопросный листъ, что̀ ни резолюція суда, что̀ ни приговоръ, то—грубыя ошибки, противорѣчія, пробѣлы, недомолвки... Закономъ здѣсь только пахло... Анархія, произволъ, сумбуръ, даже неособенно скрываемые чистотой, отдѣлкой слога. Приближаешься къ концу чтенія дѣла, въ надеждѣ, что, безъ сомнѣнія, были поданы протестъ со стороны военно-прокурорскаго надзора, кассаціонная жалоба со стороны защиты.

Ни того, ни другого...

Бросившись за разъясненіями къ сослуживцамъ, я узналъ, что серія дѣлъ, попавшихся мнѣ случайно въ руки, принадлежала къ тѣмъ, по которымъ не давался ходъ никакимъ обжалованіямъ, а судья, котораго я мечталъ взять себѣ въ поученіе и образецъ, составилъ уже себѣ опредѣленную, отрицательную репутацію между сослуживцами...

„Вздумали кого взять за образецъ!“ съ добродушными улыбками говорили мнѣ: „Тутъ, что̀ ни приговоръ, то чепуха, вздоръ, неправильность...“

„Но какъ-же, господа, терпѣли вы въ средѣ такого субъекта? Почему не выжили его изъ вѣдомства?!“

Снова улыбки по адресу моей наивности, и тутъ-же откровенные разсказы о томъ, что̀ совершалось на окраинѣ, гдѣ трудился судья-палачъ... Оправданіемъ послѣднему ставилось то, что осужденные будтобы всѣ были мерзавцами, экспропріаторами, убійцами, грабителями—туда имъ, т. е. на тотъ свѣтъ, и дорога. Сто̀итъ-ли ихъ жалѣть?!.

Гляжу на нихъ: все милые, хорошіе, воспитанные люди. А какое преступное равнодушіе къ репутаціи всего вѣдомства, какое снова искаженіе идеи служебнаго „товарищества, какое отношеніе къ „закону“!.....

„Неужели-же и я, оглядѣвшись, попривыкнувъ, стану также, со временемъ, смотрѣть на вопросы, связанные съ правосудіемъ, разсказывать анекдоты, отъ которыхъ пахнетъ смертельнымъ по̀томъ повѣшенныхъ, быть можетъ, въ нарушеніе закона, по ошибкѣ, благодаря звѣрскимъ наклонностямъ судьи-маніака?!“ спрашивалъ я себя, стараясь проснуться отъ кошмара окружающаго: „Неужели и мнѣ когда-либо, за такіе гнусные подвиги, повѣсятъ крупный орденъ на шею, и я стану преспокойно, гордясь имъ,—повѣствовать будущимъ поколѣніямъ военныхъ юристовъ, точно смакуя и захлебываясь своимъ собственнымъ благородствомъ, о томъ, какъ, за что̀ выдѣлили меня изъ общихъ рядовъ сослуживцевъ?!.“

Къ еще большему моему изумленію, вокругъ меня, несмотря на подобное глумленіе надъ Милютинскими завѣтами,—ни тѣни протеста, а лишь какое-то пассивное, благодушное осужденіе, покорность судьбѣ, какая-то особая импотенція воли: всѣ видятъ зло и всѣ молчатъ; всѣ покорно, согнувъ головы, идутъ или мимо беззаконій, или даже имъ навстрѣчу...

Да что-же это, наконецъ, такое?! Да гдѣ-же я?! Гдѣ я былъ до сихъ поръ? Куда иду?! Что̀ меня самого ждетъ въ этомъ омутѣ, гдѣ гибнутъ несомнѣнно лучшіе меня?!.

Едва я разобралъ, въ то-же время, десятокъ—другой заурядныхъ дѣлъ, въ засѣданіяхъ суда, какъ сейчасъ-же убѣдился въ томъ, что снова

теряю, какъ военно-судебный дѣятель, „человѣка“ въ военномъ мундирѣ, т. е. то, что мирило меня до сихъ поръ съ моими военно-судебными обязанностями на другихъ должностяхъ по вѣдомству...

Передо мною мелькали страницы протоколовъ, документовъ, проходили, въ оффиціальной обстановкѣ, личности подсудимыхъ, выстраивались шеренги законовъ, рѣшеній...

Но „душа“ дѣлъ, ограниченная всѣмъ этимъ матеріаломъ, отъ меня куда-то уплывала...

Не то бывало, когда, въ качествѣ защитника, военнаго слѣдователя я, изъ живого общенія съ подсудимыми, черпалъ, то, чего не давали груды исписанной на предварительныхъ слѣдствіяхъ бумаги...

Прежде я владѣлъ матеріаломъ, добывая то, что нужно было для всесторонняго освѣщенія „душъ“ дѣлъ. Теперь-же, наоборотъ, самъ я оказывался въ рабской зависимости отъ даннаго матеріала предварительныхъ слѣдствій, въ большинствѣ случаевъ произведенныхъ вяло, шаблонно, на спѣхъ, безъ всякаго намека на психологію, безъ желанія докопаться до бытовой стороны преступленій, до біографій обвиняемыхъ...

Право составленія „особыхъ постановленій“, ограниченное, впрочемъ, желаніемъ всего состава суда, какъ-бы осталось за мною... Но и тутъ не было у меня былого простора для самостоятельнаго собиранія данныхъ для такихъ постановленій: приходилось, поневолѣ, черпать матеріалъ изъ того, что, въ оффиціальной обстановкѣ засѣданій, проходило передъ судомъ... А я видѣлъ, что то были лишь блѣдныя тѣни, намеки на дѣйствительность, на правду, болѣе яркое лишь повтореніе тѣхъ показаній, какія давались военному слѣдователю...

Нечего было и думать о вліяніи на измѣненіе мѣры пресѣченія путемъ частныхъ сношеній со строевымъ начальствомъ, воздѣйствій на него и т. п. Прежняя возможность личныхъ, человѣческихъ сношеній навсегда исчезла.

А—главное—передо мною опять проходили, въ роли таинственныхъ незнакомцевъ, по заурядньмъ дѣламъ, разные заурядные „Ивановы“, „Петровы“, „Сидоровы“ эпохи исполненія мною обязанностей помощника военнаго прокурора, съ той, однако, громадной разницею, что теперь самъ я за все отвѣчалъ, приклеивая самъ къ ихъ загадочнымъ для меня личностямъ съ неумолимой педантичностью ярлыки съ надписью „въ каторгу“, „въ военную тюрьму“, „въ дисциплинарный баталіонъ“, безсильный иногда, при всемъ желаніи, облегчить ихъ тяжкую участь, поставляя, въ то-же время, новыхъ и новыхъ узниковъ для всякаго вида карательныхъ учрежденій, военныхъ и гражданскихъ...

Грязная, скучная, убивающая душу, изсушающая мозгъ, черствящая сердце, идущая вразрѣзъ съ моими идеалами и наклонностями, работа, неодухотворенная вѣрой въ правоту ея, справедливость, соотвѣтствіе съ духомъ закона, съ запросами личной совѣсти...

А тутъ еще—океанъ всякаго рода пустячной канцелярской переписки о судебныхъ издержкахъ, по ходу веденія дѣлъ,—„распорядительныя засѣданія“, гдѣ вопросы, связанные съ судьбой человѣка, рѣшаются хлад-

нокровно, иногда безпощадно, точно дѣло идетъ о неодушевленныхъ предметахъ и гдѣ живымъ „человѣкомъ“ даже и не пахнетъ.

Я тотчасъ-же бѣжалъ со службы отъ того ужаса, который холодными тисками охватилъ душу мою, мозгъ и сердце, едва я усвоилъ себѣ смыслъ новой для меня обстановки, роль вышеуказанныхъ, отрицательныхъ типовъ въ вѣдомствѣ, при предчувствіи, что пожалуй и я, столь строго судившій товарищей, сослуживцевъ, въ чаду создавшагося положенія, подъ разнаго рода давленіями на мою судейскую совѣсть, самъ себя обманувъ софизмами и ложной философіей, могу совершить грубую судебную ошибку, по дѣлу, соединенному со смертнымъ приговоромъ, т. е., что я повѣшу ближняго, а, затѣмъ, убѣждусь несомнѣнно, безповоротно въ томъ, что ошибся, т. е. что изъ-за меня казнили невиннаго, что я подвелъ судъ...

Я бѣжалъ въ ту пору, когда революція уже сдалась и военные суды изрѣдка доканчивали тѣхъ, кто оставался еще въ хвостѣ революціи—въ качествѣ неглавныхъ виновниковъ...

Въ военныхъ судахъ преобладали опять шаблонныя, неинтересныя солдатскія дѣла...

Можно было ожидать полную ликвидацію военно-полевого правосудія. А я бѣжалъ...

Помню, какъ мое нежданное рѣшеніе поразило моихъ дорогихъ товарищей, какъ они дружно старались удержать меня на службѣ, увѣряя, что ужасъ, о которомъ я брежу, мнѣ только померещился что и здѣсь возможна борьба за правду и т. п.

Милые, хорошіе, порядочные люди!.. Мнѣ жаль было разставаться съ ними... Это все были люди, неспособные на компромиссы. Судьи же съ крупнымъ крестомъ на шеѣ за особыя заслуги, о которомъ я упоминалъ выше, уже не имѣлось: онъ перевелся.

Я былъ увѣренъ, что, при желаніи съ моей стороны, кто-либо изъ товарищей, сжалившись надъ моими душевными муками, и сомнѣніями сказалъ-бы мнѣ, наконецъ, великодушно, наединѣ:

„Я возьму на себя всѣ дѣла со смертными приговорами, которыя выпадутъ на вашу долю... Повѣсивъ десятокъ, я спокойно повѣшу одиннадцатаго...“

Могъ-ли я, однако, честно принять подобную, „товарищескую“ жертву, т. е. разложить на сослуживцевъ моихъ, по частямъ, тотъ паническій, холодный ужасъ, который никакъ не могъ преодолѣть лично? Было-ли бы это согласно съ моими взглядами на „товарищество“, на правосудіе, на Милютинскія традиціи?!

Остаться служить?.. Когда разрушена послѣдняя вѣра, когда нѣтъ гарантій, что найдется выходъ изъ того или другого критическаго положенія?! Или застрѣлиться въ совѣщательной комнатѣ, если столкнешься съ дѣломъ, гдѣ, по закону, по руководящимъ „рѣшеніямъ“, благодаря особому составу судей, кромѣ смертной казни нѣтъ выхода, но гдѣ все вопіетъ о томъ, что смерть и несправедлива, и нелогична, и преступна?!.....

Изъ какихъ-нибудь заурядныхъ 10-15 дѣлъ о нижнихъ чинахъ, которыя пришлось мнѣ разрѣшить, какъ военному судьѣ (за три мѣсяца нахожденія на этомъ высокомъ посту, половину времени я про-

велъ въ отпускахъ, все еще колеблясь, спасаясь самъ отъ себя, вѣря товарищамъ, что „блажь пройдетъ"), не было ни одного, мало-мальски выдающагося, психологичнаго, интереснаго, гдѣ-бы можно было сдѣлать что-либо во имя „пра́ва", науки, знанія военнаго быта и проч... Приходилось довольствоваться смягченіемъ наказаній въ предѣлахъ закона, а въ случаяхъ сомнительныхъ—оправданіями... Приходилось вести за собой остальной составъ суда, брать на совѣсть общій, конечный выводъ по данному дѣлу...

А если я самъ ошибся? Если...

И мнѣ ясно представились въ будущемъ долгіе годы сплошного ненаучнаго убиванія времени, силъ, физическихъ и духовныхъ, иа это избіеніе, съ законами въ рукахъ, даже несомнѣнно виновныхъ даже преступныхъ, но мелкихъ, сѣрыхъ, безвѣстныхъ представителей русской арміи, конечно, о законѣ, о „правѣ" и т. п. никакого понятія неимѣющихъ, часто заблудшихъ, совершившихъ воинскія преступленія въ пьяномъ видѣ, еще чаще несознающихъ своей вины, т. е. тѣхъ самыхъ нижнихъ чиновъ, населяющихъ россійскія гауптвахты, посѣщая которыхъ я видѣлъ изнанку не только воинскаго, но подчасъ и всякаго другого правосудія, изъ-за которыхъ вынесъ не одну борьбу, спасая ихъ отъ гауптвахты. Бѣдные подсудимые!..

Они плачутъ, рвутся на свободу, мечутся, не видя исхода своему положенію... А я глушу ихъ, уничтожаю всей силой моего генеральско-судейскаго авторитета, знаній, служебныхъ и иныхъ преимуществъ, принимая, въ силу закона, всѣ мѣры, чтобы эти жалкія, перепуганныя, молящія о пощадѣ и справедливости, жертвы, какъ нибудь не ускользнули изъ клещей правосудія...

Представлялись мнѣ и тѣ главныя гауптвахты, тюрьмы, дисциплинарные баталіоны и крѣпости съ ихъ ужасами,—другія мѣста заключенія, куда, въ зависимости отъ моего приговора, неминуемо попадутъ мои „кліенты"...

А я мечталъ до сихъ поръ объ уменьшеніи случаевъ, которые приводили-бы вообще туда воинскихъ чиновъ!..

И такъ цѣлый рядъ лѣтъ, пока гробовая крышка не захлопнется надъ тобою.. ..

И никакого исхода: все тѣ-же сѣрыя дѣла, тѣ-же сѣрые люди, та-же сѣрая дѣйствительность воинскаго правосудія, то-же участіе въ систематическомъ наполненіи гауптвахтъ.

Дойдя до безсонницъ и сердечныхъ припадковъ, я, не успокоившись и послѣ отпуска, въ теченіи котораго только окрѣпло во мнѣ рѣшеніе уйти со службы, подалъ, наконецъ, въ отставку по болѣзни. (И дѣйствительно я былъ серіозно боленъ).

Убѣжденъ, что поступивъ такъ, я исполнилъ только долгъ порядочнаго человѣка, уйдя отъ дѣла, на которомъ могъ, при сомнѣніяхъ моихъ, принести вредъ воинскому правосудію—въ ту или другую сторону...

Хуже дѣлаютъ тѣ, кто имѣя возможность уйти, какъ я, тѣмъ не менѣе—остаются, убаюкивая себя разными соображеніями житейскаго, философскаго свойства...

Еще преступнѣе тѣ, кто, не имѣя силы служить такъ, какъ то-

го требуютъ политическія и иныя условія современности, остаются все-таки нести бремя военнаго юриста, заранѣе рѣшаясь дѣлать поблажки, отступленія отъ закона, миловать тамъ, гдѣ надо казнить, и т. п.

Впрочемъ, я никого не осуждаю: „чужая душа—потемки". А самъ я, какъ человѣкъ, и грѣшенъ, и небезукоризненъ...

Мое письмо—протестъ къ барону Остенъ-Сакену, о чемъ упоминалось выше,—написано было именно въ періодъ, когда, попавъ въ положеніе судьи, начиналъ я мучительно прозрѣвать, колебался, искалъ выхода...

Отвѣтъ барона я показалъ моимъ сослуживцамъ и спросилъ ихъ: „можно-ли служить подъ такими давленіями на совѣсть даже въ сферѣ взаимныхъ служебныхъ отношеній между отдѣльными членами вѣдомства?"

Мнѣ уклончиво посовѣтовали: „продолжать спокойно, честно служить, бороться, гдѣ это будетъ возможно, по силамъ, за правду, дѣлая свое дѣло и не обращая вниманія на Петербургъ, благо революція будетъ скоро сдана въ архивъ, а съ ней туда-же будутъ сданы и исключительныя мѣры"...

Борьба... За правду... Да развѣ можетъ быть какая-либо борьба съ надеждой на успѣхъ, тамъ, гдѣ любой приговоръ, вынесенный тобою по закону, по совѣсти, можетъ быть отмѣненъ по протесту военно-прокурорскаго надзора, по указанію изъ Петербурга, когда самого тебя ежеминутно могутъ безъ церемоніи сплавить вонъ со службы, какъ лишняго, вреднаго, безполезнаго дѣятеля, приклеивъ тебѣ на всю жизнь соотвѣтствующую аттестацію?!.

Ожидать прекращенія революціи... Но развѣ она когда-либо совершенно прекратится въ Россіи и развѣ временное затишье не есть лишь вѣстникъ наступленія новаго, еще болѣе жестокаго, шквала, а, значитъ, и продолженія условій военнаго времени?!.

Ожидать этого, слишкомъ проблематическаго, счастья спокойно?!. А развѣ меня не смущало въ окружающихъ самое спокойствіе людей, разъ вступившихъ на извѣстный путь и неимѣющихъ уже силъ свернуть съ него,—спокойствіе сознающихъ ужасъ тяжелаго сна и потерявшихъ, въ то-же время, всякую способность отъ него проснуться?!. Какая-то, своего рода, нравственная летаргія...

Я могъ оцѣнить, чего стоитъ иногда подобное наружное самообладаніе, наблюдая за однимъ товарищемъ судьей, передъ тѣмъ, какъ ему приходилось ѣхать къ командовавшему войсками по вопросу объ утвержденіи смертнаго приговора. Я видѣлъ, затѣмъ, его радость, доходившую до благодарности Богу, въ случаѣ, когда ему удавалось, при докладѣ, выхлопотать дарованіе жизни.. Зато я слышалъ и соображенія, долженствовавшія успокоить его совѣсть, если приходилось вмѣсто ожидаемаго смягченія привозить вѣсть о томъ, что приговоръ утвержденъ... Я жалъ его похолодѣвшія руки; вглядывался въ его блѣдное лицо; видѣлъ его взоръ, избѣгающій встрѣчъ съ моимъ взоромъ...

Забыть-ли мнѣ ихъ, эти впечатлѣнія, только усиливавшія во мнѣ предчувствіе неминуемаго бѣгства изъ вѣдомства?!...

А меня не понимали, не хотѣли понять...

Вѣдь главный ужасъ мой состоялъ, къ тому времени, не только въ колебаніяхъ совѣсти по поводу нѣкоторыхъ дѣлъ исключительнаго характера, въ томъ числѣ и со смертными приговорами... Нѣтъ! Идя далѣе, по логическому пути, я скоро дошелъ, до того, что возможность судебной ошибки, при создавшемся положеніи воинскаго правосудія, сталъ переносить и на большинство дѣлъ, правда, второстепенныхъ, но судьба которыхъ могла зависѣть, однако, теперь отъ меня, какъ отъ судьи.

То была уже своего рода болѣзнь на нравственной почвѣ, противъ которой логика, воля, психологія были безсильны бороться...

„А если здѣсь совершу я ошибку?! Если на такомъ дѣлѣ увлеку за собою и весь составъ суда на ложный путь?!“ думалось мнѣ.

Для меня не было секретомъ, что можно правильно написать приговоръ, правильно подвести въ немъ законы, и, въ то-же время, совершить несправедливое дѣяніе: вся эта показная сторона правосудія не гарантируетъ вѣдь подчасъ отъ роковыхъ, непоправимыхъ, ошибокъ!..

Для меня было яснымъ, также, что не все-ли равно, въ сущности, ошибусь-ли я, уклонюсь-ли отъ закона, неправильно истолкую послѣдній, какъ судья, по важному дѣлу, влекущему на висѣлицу, каторгу, или по какому-либо второстепенному, пустому процессу: и тамъ, и тутъ я все равно принесу вѣдь несправедливое страданіе; и тамъ, и тутъ будетъ нарушенъ грубо принципъ правосудія, а совѣсть моя навѣки будетъ запачкана, омрачена...

Мнѣ рисовалась перспектива, когда, по-прежнему, посѣщая мѣстную главную гауптвахту, военныя тюрьмы, дисциплинарные баталіоны, мѣста заключенія гражданскаго вѣдомства, буду я встрѣчать тамъ тѣхъ изъ моихъ „кліентовъ“, относительно правильности приговора по дѣламъ которыхъ у меня возникаетъ хоть какое-либо сомнѣніе.

Какими-же глазами долженъ буду я смотрѣть, въ подобныхъ случаяхъ, на мои человѣческо-христіанскія отношенія къ мѣстамъ заключенія, посѣщавшіяся мною до сихъ поръ по опредѣленной программѣ?

А, если-бы, въ числѣ узниковъ, при каждомъ визитѣ на гауптвахту, приходилось-бы мнѣ сталкиваться и съ такимъ, по поводу котораго у меня не могло быть сомнѣній, что, вынеся ему приговоръ, я впалъ въ грубую ошибку, неправильно примѣнилъ законъ, напрасно усилилъ наказаніе?!.

Могъ-ли-бы я такому мученику поднести Евангеліе, подать фарисейскій совѣтъ долготерпѣнія, сказать, въ утѣшеніе, что правду не всегда сыщешь на землѣ; что ее приходится съ надеждой ждать въ иномъ мірѣ?!.

Нѣтъ,—во сто кратъ лучше, пріятнѣй, идти по казематамъ, въ качествѣ частнаго лица, судьба котораго не связана ни съ однимъ изъ этихъ жалкихъ существованій, бороться съ неправдою, чѣмъ ей содѣйствовать, или молчаливо принимать въ ней участіе!!

Лучше самому спастись во-время, пока ни одинъ укоръ не лежитъ на совѣсти, пока я могу честно, смѣло глядѣть въ глаза этимъ

узникамъ, не ожидая рокового упрека въ родѣ возможнаго вопроса: „За что вы, Ваше Пре—во, меня осудили?!. Вѣдь я не виновенъ!..“

Душевныя тревоги мои усиливались еще и тѣми соображеніями, что лично я былъ-бы не въ состояніи, конечно, исправить ни одну изъ моихъ судейскихъ ошибокъ, даже самую незначительную, вознаградить безвинно или чрезъ мѣру страдающаго по моей винѣ...

Я дошелъ до такой мнительности, что сталъ задавать себѣ вопросъ: да есть-ли хоть одно дѣло, которое, въ современномъ положеніи военнаго судьи, могу я рѣшить съ твердымъ, обоснованнымъ сознаніемъ, что не погрѣшилъ вольно или невольно въ ту или другую сторону?!.

Когда сообщилъ я мои сомнѣнія женѣ моей, она сама стала торопить меня—уйти со службы возможно скорѣе... На моей сторонѣ былъ и покойный сынъ мой Сергѣй...

Дорогіе, симпатичные сослуживцы, какъ водится, проводили меня обѣдомъ, на которомъ сказано было по моему адресу нѣсколько теплыхъ, сочувственныхъ напутствій и пожеланій. А я отвѣчалъ имъ тостомъ за возрожденіе военно-судебнаго вѣдомства на Милютинскихъ началахъ, употребивъ сравненіе вѣдомства (которое сдѣлано уже въ настоящемъ трудѣ), съ чудной картиной, написанной такимъ мастеромъ своего дѣла, каковъ былъ незабвенный гр. Д. А. Милютинъ, и по недоразумѣнію, по невѣжеству, засиженной разными мухами. Мною высказана была увѣренность, что придетъ еще знатокъ-реставраторъ, быть можетъ, даже скоро, вытащитъ заброшенное произведеніе на свѣтъ Божій и съ любовью очиститъ отъ позорящихъ его, гадкихъ наслоеній...

Прошло съ тѣхъ поръ болѣе четырехъ лѣтъ—и нѣтъ дня, когда-бы я, оглядываясь на мое военно-судебное прошлое, не благословлялъ моего рѣшенія, когда не укрѣплялось-бы во мнѣ прежнее убѣжденіе, что на службѣ по отправленію правосудія не должно быть мѣста уставшимъ, утратившимъ вѣру, колеблющимся.

Прежде, чѣмъ подать въ отставку, я съѣздилъ въ Петербургъ, въ Главное Военно-Судное Управленіе, къ барону Остенъ-Сакену, признаться, съ цѣлью найти хоть признаки какихъ-либо перемѣнъ въ ближайшемъ будущемъ, а, значитъ и возможности пережить душевный свой кризисъ, остаться на службѣ.

Но и баронъ, и его ближайшіе сотрудники тѣхъ дней, твердо были увѣрены въ то, что идутъ по вѣрному, единственному пути, что правильно ведутъ и вѣдомство. Мою отставку приняли, какъ подробность, мало кого интересующую... На мое мѣсто сейчасъ-же назначили другого.

Я ушелъ по болѣзни сердца; но, на самомъ дѣлѣ, болѣзнь заключалась не въ расширеніи его, ожиреніи и склерозѣ сосудовъ, а въ томъ, что въ духовной части этого уставшаго сердца утратилась вѣра и царилъ ужасъ.

Правда, позднѣе, когда я, въ качествѣ уже отставного, посѣтилъ въ Петербургѣ моего бывшаго начальника, то онъ принялъ меня такъ любезно, такъ настойчиво разспрашивалъ меня о состояніи моего здоровья, о томъ, что я дѣлаю, покинувъ свои „привычныя обязанности“,

что казалось, стоило лишь мнѣ намекнуть на желаніе вернуться на службу—и двери военно-судебнаго вѣдомства вновь были-бы мнѣ гостепріимно открыты.

Но пережитый мною сравнительно недавно ужасъ, связанный съ недолгимъ моимъ судействомъ, еще не угасалъ въ моемъ сознаніи и я не сдѣлалъ того шага, который отъ меня, повидимому, ожидали.

Скажу болѣе, я и въ это свиданіе не подѣлился съ барономъ моими служебными сомнѣніями, увѣренный въ томъ, что онъ не только не пойметъ меня, а, пожалуй, осмѣетъ и ужъ навѣрное осудитъ. Онъ, вѣроятно, такъ и умеръ, думая, что съ моей стороны, при уходѣ со службы, былъ только капризъ человѣка, сравнительно обезпеченнаго, могущаго существовать, поэтому, безъ казеннаго жалованья, капризъ, вызванный нашимъ столкновеніемъ изъ-за секретнаго циркуляра, мною, съ его точки зрѣнія, плохо понятнаго (въ которомъ, замѣчу кстати, всѣ мои остальные сослуживцы по вѣдомству не нашли ничего для себя обиднаго, противозаконнаго)...

Я понималъ, хорошо, что, теряя мое почетное положеніе военнаго судьи, сразу-же лишаюсь и привиллегированной возможности въ высшихъ сферахъ, авторитетно—вліять на судьбу русской гауптвахты, что, переходя на положеніе отставного, б. военно-судейскаго дѣятеля, становлюсь тутъ никому ненужнымъ, ни для кого нестрашнымъ.

Это, признаться, болѣе всего смущало меня и огорчало...

Но могъ-ли я поступить иначе, какъ сдѣлалъ?..

Нѣтъ и нѣтъ...

ГЛАВА XII.

Мои сношенія съ Комитетомъ по образованію войскъ. Убѣдившись въ томъ, что дѣло о гауптвахтахъ гибнетъ, пишу, не задумываясь, военному министру Редигеру рѣзкое, обвиняющее его письмо. Благородный отвѣтъ мнѣ генерала. Трагическое положеніе министра, находящагося во власти разнаго рода подчиненныхъ ему «винтиковъ», его подводящихъ докладами, заставляющихъ класть опрометчивыя резолюціи по весьма важнымъ вопросамъ военнаго быта... Новая резолюція ген. Редигера Комитету, на этотъ разъ въ пользу моихъ реформъ. Новыя надежды. Но все проваливается: ген. Редигеръ, Комитетъ, мои реформы и проч., и проч..

Вернусь, однако, къ прерванному разсказу моему о сношеніяхъ моихъ по вопросу о гауптвахтахъ—съ Комитетомъ по образованію войскъ, во главѣ котораго стоялъ, какъ мною уже было упомянуто въ предыдущей главѣ, ген. Скугаревскій.

Въ оффиціальномъ письмѣ своемъ (отъ 3 декабря 1908 г. за № 1391) онъ сообщалъ мнѣ слѣдующее:

„Милостивый Государь, Александръ Владимировичъ!

По поводу поднятаго Вами вопроса объ улучшеніи быта арестованныхъ, сообщаю, что въ библіотекахъ при гауптвахтахъ признано возможнымъ имѣть только книги учебныя и религіознаго содержанія. Цейхгаузы съ запасами бѣлья и обмундированія признаны излишними, такъ какъ точное исполненіе ст. 17-й приложенія 10-го къ уставу гарнизонной службы обезпечиваетъ наличность всего необходимаго для арестованныхъ. Учрежденіе должности помощника завѣдывающаго гауптвахтой признано излишнимъ, чтобы не отвлекать унтеръ-офицера отъ строя; обязанности-же эти могутъ быть возложены на сторожа при гауптвахтѣ. Добавленіе новыхъ отдѣльныхъ помѣщеній при гауптвахтахъ, для содержанія подпрапорщиковъ и сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ, можетъ быть допущено лишь условно, такъ какъ мѣра эта вызываетъ необходимость переустройства многихъ гауптвахтъ, что едва-ли выполнимо. Установленіе прогулокъ признано допустимымъ только для подслѣдственныхъ.

Всѣ эти указанія будутъ приняты во вниманіе при разработкѣ въ Комитетѣ по образованію войскъ проекта дополненія устава гарнизонной службы.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности

А. Скугаревскій“.

Подобное извѣстіе, грубо, безчеловѣчно, сводившее „на-нѣтъ“, всѣ мои реформы, на столько поразило меня, что я немедленно-же поѣхалъ въ Петербургъ, явился въ Комитетъ по образованію войскъ, ознакомился тамъ лично съ подлинной перепиской по дѣлу о новомъ уставѣ гарнизонной службы и воочію убѣдился въ томъ, что сооб-

щенное мнѣ генераломъ Скугаревскимъ въ письмѣ за № 1391 дѣйствительно совершилось, при томъ по собственноручнымъ резолюціямъ военнаго министра ген. Редигера, которыя я и имѣлъ возможность изучить въ подлинникѣ.

„Но неужели,“ спрашиваю я А. П. Скугаревскаго: „Комитетъ, преспокойно сдастся, примирится съ подобной явной, жестокой несправедливостью?!“

„Что-же дѣлать?“ отвѣчаетъ тотъ: „дважды подносили министру передокладъ и, въ концѣ-концовъ, получили приказаніе исполнить то, что уже было имъ ранѣе указано“.

Въ это время я находился уже въ отставкѣ, хотя право посѣщенія мною Виленской главной гауптвахты, по-прежнему, оставлено было за мною командующимъ войсками Виленскаго военнаго округа генераломъ Кршивицкимъ, о чемъ и имѣлись у меня и въ караулѣ соотвѣтствующіе документы; но, въ виду положенія моего, какъ отставного генерала, живущаго въ Вильнѣ, мнѣ, по неволѣ, пришлось ограничивать поле своей дѣятельности одной этою главной гауптвахтой...

Убѣдясь-же въ томъ, что, благодаря направленію, данному лично дѣлу о моихъ реформахъ военнымъ министромъ, все безъ, сомнѣнія, погибнетъ, я, не будучи знакомъ съ ген. Редигеромъ и только разъ представляясь ему въ качествѣ назначеннаго военнаго судьи, ни минуты не поколебался, однако, выразить ему откровенно волнующія меня чувства въ письмѣ (отъ 27 декабря 1908 г.) слѣдующаго содержанія:

„Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь Александръ Федоровичъ!

Будучи недавно въ С.-Петербургѣ, я имѣлъ случай ознакомиться лично въ Комитетѣ по образованію войскъ съ положеніемъ вопроса о реформахъ въ отношеніи такъ называемыхъ „общихъ“, „главныхъ“ военныхъ гауптвахтъ.

Дѣло это начато, благодаря мнѣ, въ 1901 году. Я даже вызывался для работъ по этому вопросу въ Главный Штабъ и до сихъ поръ имъ интересуюсь.

Въ Комитетѣ прочелъ я и бумагу, отъ Вашего имени подписанную, въ которой, на основаніи Вашихъ резолюцій, вопросъ рѣшенъ окончательно и Вашъ взглядъ, такимъ образомъ, ляжетъ въ основаніе будущихъ измѣненій устава гарнизонной службы.

Преклоняясь предъ столь авторитетнымъ мнѣніемъ, какъ мнѣніе Вашего Высокопревосходительства, я, тѣмъ не менѣе, позволяю себѣ обратиться къ Вамъ съ настоящимъ письмомъ—на правахъ человѣка, много лѣтъ непосредственно изучающаго военно-тюремный и гауптвахтный вопросы, опытъ котораго то-же что-либо да значитъ.

Кромѣ того, по долгу гражданина и военно-служившаго, я не могу молчать, когда вижу, что дорогое сердцу моему дѣло готово встать на путь, если не ложный, то неправильный и полный недоразумѣній въ будущемъ.

Съ этой точки зрѣнія благоволите выслушать меня безпристрастно, забывъ, что Вы—Военный Министръ, что я позволяю себѣ съ Вами не соглашаться, иду въ противорѣчіе съ Вашими взглядами!

Ни одной минуты не сомнѣваюсь въ томъ, что Вы, Ваше Высокопревосходительство, убѣдившись въ своей ошибкѣ, благородно въ томъ сознаетесь и дадите вопросу иное, болѣе соотвѣтствующее дѣйствительности, направленіе.

Съ такимъ только убѣжденіемъ, прося простить мнѣ рѣзкость выраженій, я и рѣшаюсь теперь еще разъ взяться за перо.

Комитетъ, по Вашего Высокопревосходительства указанію, между прочимъ, вводитъ въ уставъ гарнизонной службы такія реформы:

а) „въ библіотекахъ при гауптвахтахъ признано возможнымъ имѣть *только книги учебныя и религіознаго содержанія*“;

б) „установленіе прогулокъ признано допустимымъ *только для подслѣдственныхъ*“.

Вотъ по поводу-то этихъ двухъ пунктовъ позволяю себѣ почтительно доложить Вашему Высокопревосходительству ниже-слѣдующее:

На сколько я могъ лично убѣдиться (быть можетъ, я и ошибаюсь), Главный Штабъ не передалъ въ Комитетъ по образованію войскъ самаго интереснаго, важнаго и поучительнаго, что имѣется тамъ по реформѣ военныхъ гауптвахтъ, а именно подлиннаго дѣла 1901—1902 гг. съ мнѣніями по этимъ-же вопросамъ, высказанными высшими военно-начальствующими лицами всей Россіи (Командующими войсками, Комендантами крѣпостей, Командирами корпусовъ и проч.), а также военно-судебнымъ вѣдомствомъ—въ отвѣтъ на разосланную мною памятную записку о необходимыхъ реформахъ.

Записка эта была напечатана вмѣстѣ съ сочувственнымъ отзывомъ Отца Протопресвитера Военнаго и Морского Духовенства Желобовскаго, передана въ такомъ видѣ въ отдѣльныя части войскъ, мнѣнія которыхъ вмѣстѣ со взглядами высшаго военнаго начальства и были представлены тогдашнему военному министру генералу Куропаткину.

И генералъ Куропаткинъ, и Отецъ Протопресвитеръ, и подавляющее большинство строевыхъ военныхъ (какъ это видно изъ подлиннаго дѣла и препровожденнаго мнѣ „свода заключеній“) высказались такъ:

1) допустить прогулки арестованныхъ, не дѣля послѣднихъ на категоріи;

2) завести на гауптвахтахъ библіотеки, съ тѣмъ чтобы въ библіотеки эти „допускались книги не только религіозно-нравственнаго содержанія, но и другія изъ числа рекомендованныхъ Главнымъ Штабомъ—для чтенія нижнихъ чиновъ.“

Того-же взгляда держится нынѣ и Комитетъ по образованію войскъ.

Вотъ—авторитетное мнѣніе массы лицъ, непосредственно соприкасавшихся съ язвами нашихъ общихъ гауптвахтъ, мною указанными въ запискѣ, представленной Г. Военному Министру.

Конечно, въ томъ-же положенiи находится этотъ вопросъ и теперь, тѣмъ болѣе, что съ 1901 года почти ничего не сдѣлано для улучшенiя состоянiя громаднаго большинства такихъ гауптвахтъ, и, по-прежнему, онѣ являются разсадниками разврата, болѣзней и дурного примѣра для окарауливающихъ ихъ нижнихъ чиновъ строевыхъ частей войскъ: все ограничилось вялой, казенною перепиской, а подлинныя мнѣнiя военно-начальствующихъ лицъ похоронены, вѣроятно, какъ „матерiалъ“, въ архивѣ Главнаго Штаба...

Смѣю думать, однако, что Вашему Высокопревосходительству не доложены эти мнѣнiя. Въ противномъ случаѣ, Вы, быть можетъ, иначе отнеслись-бы къ этому вопросу.

Начну съ Вашего взгляда, что въ библiотекахъ при гауптвахтахъ допускается имѣть „только книги учебныя и религiознаго содержанiя“.

Прежде всего тутъ поражаетъ неопредѣленность выраженiя „учебныя“.

Означаетъ-ли этотъ терминъ „уставы“, или-же книги научнаго содержанiя (ариѳметику, грамматику, исторiю и т. п.)?

Въ томъ и другомъ случаѣ, принявъ во вниманiе мало-грамотный составъ нижнихъ чиновъ (особенно рядового званiя, наиболѣе населяющiй главныя гауптвахты), общее недостаточное развитiе солдатской массы,—библiотека, составленная изъ такихъ книгъ (сужу по опыту), обречена будетъ на безполезное прозябанiе.

Если, при условiяхъ нормальнаго военнаго быта, мы не видимъ, чтобы нижнiе чины, въ массѣ ихъ, читали учебники, уставы, то какъ можно ожидать этого отъ людей подслѣдственныхъ, подсудимыхъ, находящихся въ тяжеломъ, ненормальномъ положенiи заключенныхъ...

Всякая солдатская библiотека имѣетъ цѣлью—дать человѣку пищу для его ума и сердца, вселить въ него нравственныя начала, научить его любить Царя и Родину, отвлечь его отъ дурныхъ, вздорныхъ мыслей и поступковъ къ фактамъ и настроенiямъ иного порядка.

Подобное значенiе библiотекъ выростаетъ для воинскихъ мѣстъ заключенiя, гдѣ здоровая молодежь поставлена въ нездоровую обстановку, въ ненормальныя условiя, и гдѣ, поэтому, одинъ какой-либо испорченный субъектъ можетъ, при бездѣльи и отсутствiи нравственнаго влiянiя извнѣ, развратить, испортить десятки заключенныхъ. Тутъ-то, въ тюрьмѣ, особенно важна и полезна соотвѣтствующая, хорошая, интересная книга.

Но могутъ-ли дать военному заключенному какое-либо нравственное удовлетворенiе и пользу уставы и учебники?

Конечно, нѣтъ...

Далѣе, Вы изволили рекомендовать для гауптвахтныхъ библiотекъ книги „религiознаго содержанiя“.

Но почему-же не „религiозно-*нравственнаго*“, какъ это давно уже принято для библiотекъ въ мѣстахъ заключенiя гражданскаго вѣдомства?

Остановимся подольше на терминѣ „религiозный“.

У насъ, въ Россіи, это опредѣленіе значитъ то-же, что „православно-церковный", такъ какъ въ общежитіи религія отождествляется съ православіемъ, какъ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ.

Конечно, для библіотекъ гауптвахтъ надо допустить и книги такого, строго-религіознаго, содержанія: на нихъ (я знаю по опыту) бываетъ спросъ между нижними чинами; онѣ вліяютъ хорошо на нижнихъ чиновъ, настроенныхъ религіозно...

Но нельзя-же, при этомъ, забывать:

1) что, кромѣ православныхъ, на русскихъ гауптвахтахъ сидятъ католики, нѣмцы, евреи, магометане и нижніе чины другихъ исповѣданій, не говоря уже о русскихъ сектантахъ (молокане, старообрядцы и др.);

2) что большинство, совершившихъ проступки и преступленія, сидящихъ на гауптвахтахъ православныхъ—люди малограмотные, темные, неусвоившіе себѣ зачастую даже азбучныхъ истинъ религіи, чуждые пониманію отвлеченностей.

Для такихъ лицъ (а ихъ—подавляющее большинство) книги „только религіознаго содержанія", снабженныя текстами и поученіями, недоступны, неинтересны, скучны...

Мнѣ возразятъ: „Да не давать-же арестованнымъ нижнимъ чинамъ читать романы?"

Въ библіотекахъ для нижнихъ чиновъ, находящихся на свободѣ, есть много книгъ литературнаго содержанія, полезныхъ и нравственныхъ, а „романовъ" тамъ нѣтъ. Разсказы-же изъ военной исторіи, изъ народнаго быта, изъ боевого прошлаго частей войскъ только могутъ послужить дѣлу укрѣпленія патріотизма и сближенія арміи съ народомъ.

Сводя въ одно все, что я сказалъ здѣсь по поводу взгляда Вашего Высокопревосходительства на составъ книгъ въ гауптвахтныхъ библіотекахъ, я смѣло могу предсказать, что библіотеки такого типа будутъ лишь обузою для караула и напрасной тратою казенныхъ денегъ для частей войскъ; онѣ не внесутъ ничего благотворнаго въ духовную и умственную жизнь заключенныхъ нашихъ военныхъ гауптвахтъ.

Такъ смотрятъ на вопросъ и строевыя части, и высшія военноначальствующія лица, мнѣніе которыхъ приведено мною выше, и которые высказались за допускъ въ подобныя библіотеки, „кромѣ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія", и другихъ книгъ,—„изъ числа рекомендованныхъ Главнымъ Штабомъ для чтенія нижнихъ чиновъ".

Подобный взглядъ находитъ себѣ полное оправданіе, если, оставивъ „въ сторонѣ національно-религіозную сторону заключенныхъ „общихъ" гауптвахтъ, вдуматься въ то, *кто* станетъ составлять подавляющій контингентъ читателей будущихъ библіотекъ нашихъ гауптвахтъ—и съ точки зрѣнія такъ называемой „преступности".

А составлять ихъ будутъ, или арестованные начальствомъ впредь до особаго распоряженія (въ виду производимымъ дознаній), или подслѣдственные, или-же состоящіе подъ судомъ.

Но вѣдь это—люди, въ большинствѣ еще неокончательно погибшіе, о которыхъ судъ и начальство не сказали еще своего послѣд-

няго, осуждающаго, слова, не выбросили еще ихъ изъ почетныхъ рядовъ русской арміи. Дѣла о нихъ еще не закончены. Дознаніе и слѣдствіе могутъ еще обѣлить ихъ, прекратить ихъ преслѣдованіе; судъ еще можетъ вынести имъ оправдательный приговоръ. Это пока тѣ-же дѣти военной службы, только временно свихнувшіяся съ пути, далеко еще непотерянныя для Родины и арміи. Они, лишенные свободы, нормальныхъ, здоровыхъ радостей и впечатлѣній службы, физическаго труда, вліянія здоровой строевой среды, добраго слова и попеченія начальства, ротныхъ библіотекъ, вліянія Церкви,—болѣе чѣмъ оставшіеся на свободѣ товарищи ихъ, нуждаются въ духовно-нравственномъ вліяніи, въ духовно-нравственной пищѣ.

Если на гауптвахтахъ сидятъ и тѣ, кто осужденъ судомъ, то можно-ли всѣхъ ихъ назвать „преступниками"—въ смыслѣ нравственной порчи, отрицанія закона, дисциплины и проч.? Иной солдатикъ надѣлалъ Богъ вѣсть чего, выпивъ лишнюю рюмку водки. Но, когда познакомишься съ нимъ ближе, иногда увидишь, что онъ—душевно чистъ, какъ дитя, раскаялся, готовъ искупить свои проступки...

Развѣ это—злодѣй, убійца, экспропріаторъ?!.. Развѣ это—врагъ Государства?

И что-же мы имъ принесемъ въ будущихъ библіотекахъ?—Сухіе уставы, учебники, шаблонныя проповѣди православныхъ священниковъ?!...

Люди эти нуждаются въ добромъ совѣтѣ, въ утѣшеніи, а мы имъ дадимъ сухія формулы...

Нѣтъ, Ваше Высокопревосходительство, Вы здѣсь неправы, и я почтительно умоляю Васъ измѣнить взглядъ Вашъ на составъ будущихъ библіотекъ...

Страшно подумать, что одна строчка Вашей резолюціи уже обрекла десятки тысячъ несчастныхъ узниковъ на духовный голодъ...

А, вмѣстѣ съ тѣмъ, развѣ не пріятно Вамъ думать, что измѣненіе этой резолюціи обратитъ на Васъ благодарныя благословенія тѣхъ-же десятковъ тысячъ, въ смрадныя темницы которыхъ Вы внесете живое, искреннее, любящее слово, нравственный примѣръ исполненнаго долга, художественно-трогательный образъ, полезное, примѣнимое къ жизни, знаніе, дадите толчекъ къ дальнѣйшему самообразованію—все изъ книгъ, вообще допущенныхъ для солдатскихъ библіотекъ?!..

Ваши резолюціи не стали вѣдь еще параграфами будущаго устава гарнизонной службы. Онѣ пока лишь на бумагѣ.

Прикажите достать Вамъ изъ Главнаго Штаба мою первую памятную записку о гауптвахтахъ, мнѣніе Отца Протопресвитера, строевыхъ начальниковъ—и Вы изволите увидѣть, какой именно библіотеки жаждетъ съ нетерпѣніемъ русская гауптвахта!

И не взыщите съ меня за рѣзкость критики Вашего взгляда!

Обращусь къ другому взгляду Вашему—на *прогулки* заключенныхъ на гауптвахтахъ.

Вы изволили разрѣшить ихъ „только для подслѣдственныхъ."

Но почему-же сдѣлано такое ограниченіе?—Почему забыты состоящіе подъ судомъ, содержащіеся на гауптвахтахъ въ періодъ производства дознанія и проч.?—А ихъ на гауптвахтахъ большинство...

Разница между „подслѣдственнымъ“ арестованнымъ и состоящимъ подъ судомъ—иногда лишь въ одномъ названіи; по существу-же такой разницы почти никогда нѣтъ. Говорю это, какъ юристъ.

Но пойду далѣе.

Если хорошо составленная библіотека—одно изъ главныхъ условій духовнаго существованія всякаго заключеннаго, въ томъ числѣ, конечно, и военно-служащаго, то прогулка на свѣжемъ воздухѣ развѣ не является главнымъ условіемъ его здоровья? Тутъ не можетъ быть возраженій.

Если-бы я мѣсяцъ остался безъ книгъ, безъ моціона, безъ вдыханія свѣжаго воздуха, то несомнѣнно это вредно отразилось-бы на общемъ состояніи моей психики, моего здоровья...

А заключенные—такіе-же, какъ я люди, и они сидятъ на гауптвахтахъ безъ книгъ, безъ прогулокъ иногда мѣсяцы, годы...

Въ наукѣ, по этому вопросу, существуетъ уже цѣлая литература, и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что всякій заключенный, даже осужденный на смертную казнь, долженъ содержаться за рѣшотками въ условіяхъ здороваго человѣческаго существованія, т. е. имѣть надлежащее помѣщеніе, здоровую пищу, чистый воздухъ—до той минуты, пока веревка или пуля не прекратитъ его жизнь. Это—вопросы справедливости, нравственности, человѣколюбія.

Главная, общая гауптвахта не есть еще мѣсто отбытія наказаній для большинства заключенныхъ, а лишь неотвратимая „мѣра пресѣченія“.

Только въ послѣднее время, благодаря отсутствію свободныхъ вакансій въ военныхъ тюрьмахъ и дисциплинарныхъ баталіонахъ, въ виду временной мѣры, содержатся на главныхъ гауптвахтахъ и заключенные, отбывающіе тутъ, по приговорамъ судовъ, наказаніе.

Но почему-же состоящіе въ періодѣ производства дознанія и подъ судомъ должны быть лишены свѣжаго воздуха и моціона, хоть на часъ-другой въ сутки?!

Каждый врачъ, знакомый мало-мальски съ ужасающимъ состояніемъ зданій нашихъ гауптвахтъ, съ бытомъ заключенныхъ, съ ихъ угнетеннымъ нравственнымъ настроеніемъ, непремѣнно доложитъ Вашему Высокопревосходительству о томъ, что, если для находящихся на свободѣ прогулки полезны, то для томящихся за рѣшотками онѣ прямо насущная потребность.

Даже въ дисциплинарныхъ частяхъ, въ военныхъ тюрьмахъ заключенные, отбывающіе по приговору судовъ наказаніе, пользуются движеніемъ на свѣжемъ воздухѣ въ видѣ строевыхъ занятій, работъ, прогулокъ.

Почему-же этого главнаго, всѣми признаннаго, условія человѣческаго здоровья, должны быть лишены отбывающіе по суду на гауптвахтахъ наказаніе, несчастье которыхъ, значитъ, заключается лишь въ томъ, что они не попали въ *настоящія* тюрьмы и въ *настоящіе* дисциплинарные баталіоны?!...

Содержаніе на гауптвахтахъ для подсудимыхъ и находящихся въ періодѣ дознанія не должно быть наказаніемъ: вѣдь дѣла о нихъ,

какъ я уже сказалъ, могутъ быть еще прекращены; судъ можетъ еще ихъ оправдать...

А мы, начальствующіе, въ рукахъ которыхъ и на совѣсти находится ихъ судьба, счастье, здоровье, будемъ, по-прежнему, душить ихъ въ сырыхъ, холодныхъ, полу-темныхъ, зловонныхъ казематахъ—изъ боязни, что они совершатъ побѣгъ, изъ нежеланія осложнить обязанности караула, или по другимъ какимъ-либо *теоретическимъ* соображеніямъ...

Я знаю случаи, когда, благодаря волокитѣ дознанія, слѣдствія и суда, нѣкоторые заключенные просидѣли на гауптвахтахъ годъ и болѣе, лишенные прогулокъ на свѣжемъ воздухѣ, всякой разумной, интересной книги, а, затѣмъ, ихъ оправдали по суду, выпустили обратно въ строй, освободили отъ наказанія—по отсутствію уликъ, по болѣзни.

Но кто же возмѣститъ пытки, вынесенныя ими на современныхъ общихъ гауптвахтахъ и заключавшіяся главнымъ образомъ въ лишеніи пищи духовной (разумной, интересной, полезной книги), религіи, въ лишеніи одного изъ видовъ пищи тѣлесной (воздуха, моціона)?!.

Я писалъ уже много объ ужасахъ нашихъ гауптвахтъ. Все это имѣется въ дѣлѣ, которое я еще разъ почтительно прошу Ваше Высокопревосходительство взять къ себѣ на разсмотрѣніе. Армія и духовенство, какъ я уже Вамъ доложилъ, горячо откликнулись на проектъ предложенныхъ мною реформъ...... Военно-судебное вѣдомство тоже.

Все это было—страшно сказать!—*восемь лѣтъ* тому назадъ.

Тысячи, десятки тысячъ военныхъ узниковъ перебывали съ тѣхъ поръ на гауптвахтахъ всей Россіи...... И что же?—Я вижу, какъ постепенно урѣзывается матеріалъ, собранный въ дѣлѣ самой жизнью, какъ канцелярія глушитъ, кастрируетъ столь насущное, живое начинаніе...

Точно кому-то пріятно дѣлать зло ближнему! Точно я хлопоталъ и хлопочу лично за себя, а не за чужихъ мнѣ людей, не во имя идеи, а изъ личнаго тщеславія! Точно я—врагъ кому-то или чему-то!

Не забуду, съ какимъ чувствомъ безсильнаго отчаянія уѣхалъ я изъ Главнаго Штаба, куда меня-же вызвали по личному желанію генерала Куропаткина.

Наконецъ, я ожилъ духомъ, узнавъ, что меня поддерживаетъ Комитетъ по образованію войскъ; что Вашему Высокопревосходительству сдѣланъ докладъ. Я ждалъ, молясь за успѣхъ святого дѣла...

И теперь, когда Вамъ поднесены были убогіе останки того хорошаго, великаго дѣла, которое я началъ такъ успѣшно, Вы изволили еще урѣзать изъ того, что предназначалось по части духовной и физической пищи военныхъ заключенныхъ...

Хочу вѣрить, что тутъ—какое то недоразумѣніе; что доброта сердца и благородство души Вашей возьмутъ верхъ надъ вопросами самолюбія и личнаго авторитета, что Вы затребуете изъ Комитета новыя свѣдѣнія о прошломъ этого вопроса, а, затѣмъ, убѣдясь въ правотѣ моихъ заявленій, положите иную резолюцію на мнѣніи Комитета, разошедшемся съ Вашимъ мнѣніемъ...

Всѣ кричатъ у насъ объ общемъ оздоровленіи арміи, о реформахъ, о необходимости порвать съ прошлыми недоразумѣніями...

Но, если перестраивать, то все зданіе—отъ основанія до крыши, а не класть дешевыя заплаты.

Представьте, что въ домѣ завелась заразительная болѣзнь — холера, скарлатина, дифтеритъ. Производится спеціалистами дезинфекція. Но будетъ-ли прокъ, если останется въ помѣщеніи хоть одинъ уголъ, неочищенный отъ заразы дезинфекціей? Конечно, нѣтъ. И изъ этого угла, безъ сомнѣнія, спустя нѣкоторое время, снова расползутся, размножатся по всему помѣщенію, зловредные микробы. А зараза снова восторжествуетъ надъ мѣрами гигіены и благоразумія...

Наши общія гауптвахты—увѣряю въ томъ Ваше Высокопревосходительство—представляютъ изъ себя, при современномъ ихъ состояніи, подобный же, опасный „уголъ". Десятки тысячъ людей, посидѣвъ въ нихъ болѣе или менѣе продолжительное время, развращаются, гибнутъ духовно, физически и нравственно, а возвращаясь обратно въ части, въ народъ, въ семью, вносятъ туда съ собою элементы физически-духовнаго разложенія.

Это—ясно, какъ Божій день. Жаль, что не заведена—въ отношеніи быта гауптвахтъ медицинско-судебная статистика. Она, въ связи съ другими данными изъ жизни русскаго народа, дала-бы потрясающіе душу выводы...

А между тѣмъ, пока гауптвахты эти прозябаютъ въ возмутительныхъ условіяхъ, увеличивая собою число больныхъ, недовольныхъ и революціонеровъ въ рядахъ арміи, мы все пишемъ и пишемъ, одно время, напримѣръ, горячо запрашиваемъ военное духовенство, высшихъ и низшихъ начальствующихъ, и все это для того, чтобы собранный бытовой и научный матеріалъ... преспокойно похоронить въ нѣдрахъ канцелярскаго равнодушія и формализма...

Правда со временемъ, конечно, восторжествуетъ... Но къ чему-же напрасныя жертвы?!. Вѣдь ихъ можно избѣжать... Разъ положено имѣть на гауптвахтахъ библіотеки, то расходъ на разумную, интересную книгу не превыситъ того, что пойдетъ на покупку учебниковъ, уставовъ и книгъ „только религіознаго" содержанія. Чистый воздухъ, прогулка съ цѣлью размять члены ничего не будутъ стоить казнѣ.

Когда впервые я заговорилъ о нашихъ гауптвахтахъ, о необходимости въ нихъ реформъ, мнѣ указали на то, что все это потребуетъ значительныхъ денежныхъ затратъ, немыслимыхъ при общемъ состояніи нашихъ финансовъ. Генералъ Куропаткинъ потребовалъ отъ меня новыхъ соображеній, въ числѣ которыхъ не стояли-бы такія, которыя связаны съ перестройкою гауптвахтъ, съ обзаведеніемъ сложнаго инвентаря и т. п. Тогда я представилъ въ Главный Штабъ новую записку, гдѣ ограничилъ реформы мѣрами административно-нравственнаго порядка. Въ числѣ ихъ я указалъ на соотвѣтствующую книгу, на прогулки, на чистый воздухъ, какъ на мѣры, ничего или мало стоющія казнѣ.

Но тутъ мнѣ возражали, что я мечтаю обратить содержаніе заключенныхъ на гауптвахтахъ чуть-ли не въ удовольствіе... Говорив-

шіе такъ забыли, что значитъ для человѣка уже одно лишеніе свободы...

Будучи глубоко убѣжденъ, что только что набросанная мною картина канцелярской волокиты совершенно чужда Вашему Высокопревосходительству, что за массой болѣе важной, текущей работы Вы не могли ознакомиться со всѣмъ матеріаломъ, собраннымъ по вопросамъ, составляющимъ предметъ настоящаго письма моего, я и позволяю себѣ смѣло обратиться къ благородству Вашего сердца, къ Вашей христіанской любви къ ближнему, къ личной Вашей добротѣ: выслушайте меня спокойно, безпристрастно не только какъ Военный Министръ, но и какъ человѣкъ!..

Поручите Комитету по образованію войскъ разсмотрѣть настоящее мое заявленіе, и, ежели я окажусь правъ,—примкните къ большинству, дайте иное направленіе крайне насущному, нетерпящему отлагательства, дѣлу, которое вотъ уже много лѣтъ какъ стало одною изъ главныхъ цѣлей моей жизни!!.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Готовый къ услугамъ Вашимъ А. Жиркевичъ,
генералъ-маіоръ, бывшій военный судья, а нынѣ состоящій въ отставкѣ".

О подобномъ шагѣ я, конечно, не могъ не предупредить генерала Скугаревскаго, которому (29 декабря 1908 г.) писалъ, между прочимъ:

„...Посылаю Вамъ, въ копіи, письмо мое, посланное Военному Министру А. Ф. Редигеру. Знаю, что Вы осудите меня за горячій, полемическій тонъ его. Но въ наше ужасное время право удивляешься иногда, какъ не научился еще бросаться на людей и кусаться. Не знаю, что сдѣлаетъ ген. Редигеръ съ моимъ посланіемъ: броситъ-ли его въ корзину, дастъ-ли ему ходъ... Быть можетъ, меня привлекутъ къ отвѣтственности за оскорбленіе Военнаго Министра на бумагѣ? Завелась теперь новая манера обузданія безпокойныхъ отставныхъ лишеніемъ ихъ, по Высочайшему повелѣнію, мундира... Пусть дѣлаютъ со мною, что хотятъ! Никакой мундиръ не замѣнитъ для меня спокойствія совѣсти, сознанія исполненнаго долга... Говорятъ, будто-бы ген. Редигеръ—сухой, книжный формалистъ, котораго не очень-то стронешь съ мѣста увлеченіемъ въ сферу идеаловъ и гуманности... Посмотримъ!.. Не забуду его безсердечныхъ резолюцій на докладѣ Комитета о гауптвахтахъ...

Просьба моя къ Вамъ: если ген. Редигеръ, паче чаянія, препроводитъ мое письмо въ Комитетъ, то, Бога ради, поддержите меня!

Вотъ главная надежда, которая усадила меня писать письмо къ Редигеру. Только пославъ письмо, я успокоился....

Если и теперь мой голосъ будетъ „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ", то вѣдь уйдетъ-же когда-либо и ген. Редигеръ... Буду стучаться тогда въ другое сердце. *Рано или поздно, а реформа гауптвахтъ пройдетъ и осуществится.*

Кстати! Не придумали-ли Вы для меня какой-либо командировки по Россіи—въ родѣ обревизованія гауптвахтъ и собранія о нихъ свѣдѣній?...

Авось еще знанія и силы мои въ этомъ вопросѣ пригодятся...“

Я не ошибся въ расчетѣ на справедливость, благородство генерала Редигера, на то, что онъ, читая мое пылкое заявленіе, будетъ имѣть въ виду лишь общій интересъ службы и руководившіе мною общіе принципы, а не станетъ ловить меня на мелочахъ, громить, привлекать къ отвѣтственности за то только, что, какъ человѣкъ, знающій многое, неизвѣстное другимъ, я, въ минуту горя и отчаянія, поднявъ голосъ, позволилъ себѣ перейти отъ робкаго, фарисейскаго шепота къ грубому тону и крикливымъ нотамъ...

31 декабря 1908 года онъ отвѣтилъ мнѣ собственноручно, на бланкѣ „военнаго министра“, слѣдующимъ замѣчательнымъ письмомъ:

„Милостивый Государь Александръ Владимировичъ,

Спѣшу принести Вамъ искреннюю мою благодарность за Ваше письмо, за Вашу горячую защиту малыхъ силъ. Съ дѣломъ, за которое Вы ратуете, я мало знакомъ; своей резолюціи, о которой Вы упоминаете, я совсѣмъ не помню—я ежедневно пишу десятки резолюцій и эта, очевидно, была мнѣ навѣяна или даже подсказана докладомъ и отнюдь не является результатомъ глубокаго личнаго убѣжденія, такъ какъ у меня такого нѣтъ именно въ виду малаго знакомства съ гауптвахтнымъ и тюремнымъ дѣломъ. Письмо Ваше я передаю въ Комитетъ по образованію войскъ—для новаго разсмотрѣнія и доклада. Готовъ Вамъ вѣрить, что я былъ неправъ.

Съ искреннимъ уваженіемъ и преданностью

А. Редигеръ“.

Въ отвѣтъ военному министру я писалъ (3 января 1909 г.):

„Ваше Высокопре-во! Не могу на словахъ выразить тѣхъ чувствъ, которыя охватили душу мою при чтеніи Вашего письма. Недаромъже съ такой вѣрою и надеждой я смѣло постучался въ Ваше благородное сердце! День полученія письма сталъ для меня днемъ Свѣтлаго Праздника. Благодарю и благодарю! При полученіи новаго доклада изъ Комитета по образованію войскъ, умоляю вспомнить первое мое письмо и положить милостивую для моихъ военныхъ узниковъ резолюцію!

Ваше Высокопре-ва покорнѣйшій слуга преданный и безгранично благодарный

А. Жиркевичъ,

отставной генералъ-маіоръ военно-судебнаго вѣдомства“.

Полагаю, что письмо А. Ф. Редигера—историческій документъ величайшей важности, какъ для біографіи почтеннаго генерала, такъ и для характеристики того положенія, въ какое бываютъ поставлены иногда наши министры неправильными, ошибочными, поверхностными докладами по дѣламъ подчиненныхъ имъ канцелярій.

Быть можетъ, опубликовывая преждевременно подобную переписку, совершаю я нѣкоторую неделикатность по отношенію къ бывшему военному министру. Но да проститъ онъ мнѣ этотъ поступокъ— во имя общей пользы поднятаго мною вопроса, искренней, глубокой

къ нему симпатіи и добрыхъ намѣреній, меня, въ эту минуту, воодушевляющихъ!!..

Развѣ недостоинъ полнаго сожалѣнія (хотѣлось-бы избѣжать слова—порицанія) военный министръ, дающій невѣрное направленіе исключительно важному дѣлу объ участи десятковъ тысячъ своихъ подчиненныхъ лишь потому, что лично не былъ въ состояніи ознакомиться съ этимъ дѣломъ, или, лучше сказать, благодаря тому, что не имѣетъ въ распоряженіи своемъ такихъ докладчиковъ, которымъ-бы могъ безусловно вѣрить по вопросамъ, требующимъ особыхъ, спеціальныхъ знаній, кладущій, по его признанію, благодаря подобному состоянію канцелярій, ежедневно десятки такихъ-же неосторожныхъ, неправильныхъ, безсердечныхъ резолюцій, по дѣламъ, надо думать, неменьшей важности, сознающійся откровенно, что совершенно незнакомъ съ вопросомъ, который порѣшилъ разъ навсегда своей резолюціей, подчеркивающій, въ то-же время, что эта послѣдняя вовсе не является „результатомъ глубокаго личнаго убѣжденія", такъ какъ такого убѣжденія у него нѣтъ и т. п.?!

Куда-же, послѣ такого признанія идти? Гдѣ искать правды?!..

Генералъ Редигеръ имѣлъ мужество признать все это на бумагѣ, когда я честно, откровенно, въ энергичной формѣ, убѣдилъ его въ непростительной ошибкѣ...

Но кто-же, при подобныхъ нравахъ, поручится за то, что „десятки" подобныхъ-же министерскихъ резолюцій не обратили уже въ законъ явныя беззаконія, не омертвили другихъ живыхъ начинаній, но послужили лишь для торжества традицій „канцелярско-штабной волокиты"?!..

И ошибка, и сознаніе въ ней, въ данномъ случаѣ, при всей ясной для меня подкладкѣ дѣла, невольно заставляли трепетать, оглядываться на прошлое...

А въ этомъ прошломъ имѣлся у меня запасъ горькаго, личнаго опыта...

Вѣдь мы видѣли уже, какъ при генералѣ Куропаткинѣ всѣ мои реформы, признанныя арміей, пошли прахомъ, благодаря лишь докладу военному министру Главнаго Штаба, несоотвѣтствовавшему дѣйствительности, какъ нѣкій „винтикъ" Штаба, въ рукахъ котораго въ то время была судьба новаго доклада Министру, съ откровеннымъ цинизмомъ, сознался мнѣ въ томъ, что провалитъ все дѣло...

Тоже повторилось и во времена другого министра ген. Редигера: ему кто-то подсунулъ докладъ не только невѣрно освѣщающій дѣло, но и несогласный съ его, министра, личными убѣжденіями, увѣривъ, конечно, въ томъ, чего на самомъ дѣлѣ не существовало, а, значитъ, и во вздорности, неосновательности моихъ заявленій.

Отъ него, надо думать, скрыли, при этомъ, огромную литературу вопроса въ прошломъ, напримѣръ, отзывы на мою „записку" высшихъ военныхъ начальниковъ, взгляды его предшественника ген. Куропаткина и проч... И—въ результатѣ—неосторожная, кажущаяся безсердечной, несправедливой, резолюція...

Развѣ не вправѣ я былъ почерпнуть изъ этого, болѣе, чѣмъ прискорбнаго инцинидента, еще большаго убѣжденія, въ томъ, что въ

штабахъ и канцеляріяхъ Петербурга все было.... по-прежнему, на своемъ мѣстѣ, благополучно?!..

Могъ-ли я, однако, при подобномъ порядкѣ вещей, оставаться спокойнымъ зрителемъ и, пользуясь временною выгодой моего положенія, не напоминать, не просить, не тревожиться?!.

Генералъ Редигеръ не только написалъ мнѣ откровенно-покаянное письмо, но, убѣдившись въ своей ошибкѣ, дѣйствительно поспѣшилъ ее исправить, при томъ возможно скорѣе...

По крайней мѣрѣ, не безъ чувства нравственнаго удовлетворенія, прочелъ я письмо ко мнѣ генерала Скугаревскаго (отъ 16 января 1909 г.), въ которомъ мнѣ сообщалось:

„Я уже Вамъ, кажется, писалъ, что Ваше письмо къ Военному Министру о гауптвахтахъ было передано съ резолюціей въ Комитетъ для новаго доклада. По докладу его Комитету, послѣдній постановилъ: по двумъ вопросамъ, которые Вы возбуждаете (книги и прогулки), остаться при своемъ прежнемъ мнѣніи, о чемъ и былъ составленъ докладъ. (Докладъ, на докладъ, по докладу....) Военный Министръ съ этимъ согласился. Поэтому теперь въ новый уставъ гарнизонной службы будетъ включено, что арестованнымъ будетъ разрѣшено читать всѣ книги, о которыхъ объявляется въ циркулярахъ Главнаго Штаба, и прогулки будутъ установлены не для однихъ подслѣдственныхъ. Спѣшу Вамъ сообщить объ успѣхѣ этого дѣла, которому Вы посвятили столько участія и заботъ.“

Онъ-же писалъ мнѣ, затѣмъ (30 марта того-же года):

„...По дѣлу Вашему о гауптвахтахъ мы дѣлаемъ: о прогулкахъ и библіотекахъ будетъ сказано въ новомъ уставѣ гарнизонной службы. Я хочу даже сказать о прогулкахъ и для арестованныхъ на полковыхъ гауптвахтахъ, вслѣдствіе чего запросилъ Главнаго Военно-Медицинскаго Инспектора, какой онъ считаетъ максимальный срокъ содержанія въ карцерѣ безъ прогулокъ или физическихъ упражненій, безъ вреда для здоровья?...“

Получались мною и другія извѣстія изъ Петербурга, указывавшія на то, что дѣло мое, хотя и значительно урѣзанное Комитетомъ и Главнымъ Штабомъ, все-же по-немногу начало двигаться, оживаетъ, но весьма вяло.

Какъ вдругъ, въ мартѣ 1909 года, произошли въ Петербургѣ событія, сразу-же оборвавшія мои надежды: совершилось внезапное паденіе ген. Редигера, назначеніе на постъ военнаго министра генерала Сухомлинова, связанный съ этой перемѣною разгромъ Комитета по образованію войскъ, уходъ изъ Комитета А. П. Скугаревскаго и проч., и проч.

Лицо, близко стоявшее къ судьбамъ поверженнаго во прахъ Комитета (12 сен. 1909 года), писало мнѣ, изъ Петербурга,—на попытку мою навести справку,— неутѣшительныя новости:

„Съ тѣмъ бо̀льшимъ удовольствіемъ отвѣчаю Вамъ на Ваши вопросы, что лично хорошо знакомъ съ начатымъ Вами дѣломъ о бытѣ арестованныхъ и немало потрудился надъ осуществленіемъ Вашего проекта. Нечего и говорить, что всѣ мои помыслы были на Вашей сторонѣ—по той простой причинѣ, что я изучилъ дѣло обстоя-

тельно и добросовѣстно (конечно, по перепискѣ). Но это было уже три года тому назадъ. Предпринятые мною тогда шаги были довольно успѣшны и мой докладъ, въ незначительныхъ частяхъ исправленный Комитетомъ, былъ одобренъ Военнымъ Министромъ (о чемъ, помнится, Вы были извѣщены). Но, затѣмъ, *дѣло перешло въ другія руки и начало спотыкаться о разныя препятствія* (изъ которыхъ главное—незнакомство съ дѣломъ во всѣхъ его перипетіяхъ). *Обломки его дѣйствительно дошли до проекта новаго устава гарнизонной службы. Но теперь и этотъ проектъ замерзъ!..* Въ настоящую минуту у насъ лежитъ корректированный (вѣрнѣе, вновь редактированный по комитетскимъ и лично моимъ помѣткамъ) экземпляръ. Но посылать его въ типографію для исправленія набора я не могу по причинѣ, Вамъ отчасти уже извѣстной: предсѣдатель отчисленъ, Комитетъ фактически не существуетъ, а канцелярія временно ввѣрена генералъ-квартирмейстру Главнаго Штаба и пока лишена всякой самостоятельности. Доклады-же ея, или затягиваются до безконечности, или рѣшаются отрицательно. При такихъ условіяхъ я не имѣю даже возможности отвѣтить: будетъ-ли, въ ближайшемъ будущемъ, разсылаться уставъ гарнизонной службы на заключеніе, какъ рѣшилъ Комитетъ?“

Такъ сообщалъ мнѣ одинъ изъ тѣхъ благородныхъ „винтиковъ“ нашей гигантской, военно-бюрократической машины, которые глубоко, искренно чувствуютъ правду вообще, сочувствуютъ инымъ благимъ начинаніямъ, но—увы!—не облечены ни властью, ни правомъ, ни возможностью что-либо сдѣлать...

Удивительной правдивостью звучало отъ этого сердечнаго, скорбнаго письма человѣка, видящаго гибель вмѣстѣ съ Комитетомъ и многихъ другихъ прекрасныхъ начинаній...

Какъ понятенъ мнѣ былъ и разсказъ о разныхъ „спотыканіяхъ“, на пути моихъ реформъ, уже въ самомъ Комитетѣ, и указаніе на главную причину подобныхъ преступныхъ „спотыканій“—на то, что никто, въ сущности, не хотѣлъ дать себѣ труда прочитать дѣло, вдумываться въ него, изучить его, почему и не зналъ, конечно, его во всѣхъ его страдальческихъ „перипетіяхъ“!!..

Конечно, ген. Скугаревскій былъ тутъ не при чемъ: и онъ, при огромности, сложности комитетскаго механизма, при массѣ вопросовъ самого разнообразнаго содержанія, по неволѣ, по немощи человѣческой натуры, долженъ былъ вѣрить тому, что ему докладывалось и физически лишенъ возможности читать, изучать все самъ...

Такъ и вспоминалась юмористичная вставка въ письмо его ко мнѣ: „докладъ, на докладъ, по докладу...“

Въ Комитетѣ, въ концѣ-концовъ, вопреки взглядамъ его предсѣдателя, какъ и надо было ожидать, не могла не воцариться обычная канцелярская „волокита“, его погубившая... И тутъ несомнѣнно разсѣлись по кресламъ, у канцелярскихъ столовъ, разные „винтики“ вреднаго, отрицательнаго направленія, мнящіе себя непогрѣшимыми авторитетами по какимъ угодно спеціальностямъ, которыхъ, по недоразумѣнію, допустили къ живой, долженствовавшей оздоровить армію, работѣ...

Очень дороги были имъ интересы какихъ-то, никому невѣдомыхъ, заключенныхъ какихъ-то тамъ гауптвахтъ?!..

Комитетъ, къ тому-же, многимъ мѣшалъ, многое осложнялъ въ ходѣ обще-канцелярской машины Главнаго Штаба, у многихъ торчалъ, какъ надоѣдливое бѣльмо на глазу...

Генералъ Редигеръ, какъ военный министръ, умеръ: да здравствуетъ новый министръ ген. Сухомлиновъ! „Ура“ новымъ вѣяніямъ и порядкамъ!...

Однако, личное мое знакомство въ прошломъ съ новымъ военнымъ министромъ В. А. Сухомлиновымъ (а въ Россіи знакомства значатъ много, если иногда не все, даже въ вопросахъ, имѣющихъ огромное, государственное значеніе), слава, предшествовавшая его назначенію, какъ человѣка живого, широкихъ иниціативъ, ненавидящаго рутину и канцеляризмъ, какъ любимаго ученика М. И. Драгомирова,—ученика, когда-то, въ качествѣ начальника штаба Кіевскаго военнаго округа, такъ сочувственно откликнувшагося и на мою „записку“ къ генералу Куропаткину—объ улучшеніи быта заключенныхъ главныхъ военныхъ гауптвахтъ, давали мнѣ нѣкоторую надежду на то, что я встрѣчу въ немъ сочувствіе и поддержку, что именно при немъ-то и воцарится „Царство Божіе“ и въ карательныхъ учрежденіяхъ Россіи, и на гауптвахтахъ.

Правда, тяжело работать, основываясь на тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ личностяхъ, на надеждахъ, связанныхъ съ восходомъ, закатомъ ихъ карьеръ...

Да что-же подѣлаешь?!

Россія—страна загадокъ, сюрпризовъ,—особый міръ, гдѣ общественная мысль, въ большинствѣ случаяхъ, спитъ безпросыпно, или дремлетъ, а раздаются лишь по временамъ властные голоса отдѣльныхъ единицъ, гдѣ все часто зависитъ отъ единоличнаго, во̀-время поданнаго, гладко написаннаго, умѣло поддержаннаго доклада...

„Хвостикъ тетеньки,“ давшій возможность поросенку протискаться впередъ, надъ которымъ такъ зло подшутилъ когда-то баснописецъ, въ жизни самого автора басни сыгралъ-таки, безъ сомнѣнія, свою роль. И въ наши дни онъ не утратилъ своего значенія...

Мнѣ такъ много пришлось кланяться въ жизни, просить, стучаться въ чужія, иногда грубо, упорно запертыя для меня, двери разныхъ оффиціальныхъ, высокопоставленныхъ кабинетовъ Петербурга, памятуя о гибнущихъ на гауптвахтахъ узникахъ и вспоминая о людяхъ, лучшихъ меня,—людяхъ Родины, во благо страждущаго ближняго, прошедшихъ тотъ-же страдальческій, крестный путь равнодушія, непониманія, заушеній и презрительнаго къ себѣ отношенія, что меня не пугала перспектива искать правды и у ген. Сухомлинова...

Вотъ настроенія, мысли, чувства, съ которыми привѣтствовалъ я восхожденіе на военномъ горизонтѣ новаго свѣтила, оплакивая паденіе генераловъ Редигера, Скугаревскаго, съ которыми связаны были уже у меня нѣкоторыя, дерзновенныя надежды...

ГЛАВА XIII.

При генералѣ Сухомлиновѣ. Третій министръ находитъ мои реформы на гауптвахтахъ имѣющими значеніе огромной, государственной важности... Но я уже потерялъ вѣру въ обѣщанія. Главный Штабъ тѣмъ не менѣе просыпается. У меня въ рукахъ даже проектъ новаго устава гарнизонной службы, гдѣ я вижу и жалкіе объѣдки моихъ гауптвахтныхъ пожеланій. Грустная параллель между дѣйствующими уставами внутренней службы и о службѣ въ гарнизонѣ—съ одной стороны, между существующимъ гарнизоннымъ уставомъ и проектомъ новаго устава—съ другой...

15 сентября 1909 года обратился я къ военному министру генералу Сухомлинову одновременно съ двумя письмами—частнымъ и оффиціальнымъ.

Въ частномъ, поздравляя съ новымъ назначеніемъ, я, между прочимъ, писалъ:

„Если-бы понадобились мои личныя объясненія по дѣлу, мой опытъ, то прикажите: я готовъ лично пріѣхать въ С.-Петербургъ и служить Вамъ чѣмъ могу".

Въ письмѣ-же оффиціальномъ (изъ котораго я выбрасываю начало, гдѣ разсказана была, въ общихъ чертахъ, какъ новому въ вопросѣ человѣку, страдальческая судьба моихъ начинаній по улучшенію быта гауптвахтныхъ узниковъ вплоть до гибели ихъ въ упраздненномъ Комитетѣ по образованію войскъ) *), я излагалъ слѣдующее:

„Выйдя недавно въ отставку съ должности военнаго судьи, я, по-прежнему, слѣжу за гауптвахтами (посѣщая и Виленскую главную гауптвахту, съ разрѣшенія коменданта, для раздачи книгъ и Евангелій).

Могу Васъ увѣрить, Ваше Высокопревосходительство, что если эта гауптвахта и обставлена сравнительно лучше другихъ, хотя-бы по размѣрамъ зданія, то самый вопросъ о реформахъ всѣхъ гауптвахтъ неотложенъ, а промедленія въ разрѣшеніи его не могутъ не лежать на совѣсти военнаго начальства.

Какъ всегда бываетъ у насъ, въ Россіи, такъ случилось и здѣсь: всѣ знаютъ о злѣ, всѣ видятъ это зло—и всѣ молчатъ...

Между тѣмъ, заключенные продолжаютъ гибнуть и развращаться, заражая своимъ положеніемъ чиновъ карауловъ, части войскъ, въ которыя возвращаются.

Это-ли не ужасъ?!

Я не вправѣ, я не могу молчать, какъ ближе, какъ лучше другихъ знакомый съ бытомъ и язвами нашихъ гауптвахтъ.

Даетъ мнѣ нѣкоторое право на настоящее мое заявленіе и то,

*) Въ этомъ и послѣдующихъ документахъ, написанныхъ мною къ разнымъ, власть имущимъ, лицамъ, въ виду ихъ незнакомства съ исторіей вопроса, пришлось, для того чтобы быть понятымъ, по неволѣ повторяться.

что само Военное Министерство привлекало меня къ работамъ по этому-же вопросу.

Какая судьба постигнетъ, въ ближайшемъ будущемъ, начатое мною дѣло объ улучшеніи быта военныхъ заключенныхъ, я не знаю, но твердо вѣрую въ то, что Богъ не допуститъ ему заглохнуть, а рано или поздно справедливость восторжествуетъ... Не хочу вѣрить и въ то, чтобы семь лѣтъ борьбы моей и другихъ лицъ за участь несчастныхъ заключенныхъ, чтобы пожеланія всѣхъ высшихъ начальниковъ русской арміи, чтобы взгляды учреждавшихся ими строевыхъ комиссій, пропали-бы безслѣдно, а нижніе чины еще долго продолжали-бы гибнуть, и физически, и духовно, по гауптвахтнымъ казематамъ, умножая собой кадры враговъ русской государственности... Реформы такъ ясны, столь несложны, будутъ стóить такъ немного!..А,между тѣмъ, сколько душъ,сколько жизней были-бы ими спасены ежедневно!!

Конечно, все снова можетъ засосать въ свой омутъ канцелярская волокита, если дѣло не попадетъ въ руки живого, знакомаго съ вопросомъ, человѣка, любящаго русскаго солдата даже тогда, когда тотъ впалъ въ преступленіе или проступокъ, къ слову сказать, не всегда еще свидѣтельствующіе объ его нравственной порчѣ.

Вотъ почему, въ силу какихъ соображеній, рѣшаюсь, Ваше Высокопревосходительство, постучаться въ сердце Ваше, надѣясь, что Вы простите мнѣ смѣлость, съ которой пишу Вамъ прямо, минуя разныя инстанціи, въ расчетѣ на сочувственный откликъ.

Я умоляю Ваше Высокопревосходительство, не признаете-ли Вы возможнымъ изъять дѣло, о которомъ я пишу, изъ архива Комитета и дать ему теперь-же ходъ, разославъ, какъ и предполагалъ Комитетъ, на заключеніе командующихъ войсками военныхъ округовъ, съ предложеніемъ ускорить отвѣты ихъ?

Если-же это почему либо невозможно, то нельзя-ли хоть выдѣлить изъ дѣла о новомъ гарнизонномъ уставѣ реформы по содержанію на общихъ гауптвахтахъ арестованныхъ и дать имъ теперь-же живое примѣненіе, въ видѣ особаго циркуляра, которымъ эти насущныя реформы были-бы введены немедленно въ бытъ русской арміи?

Много-бы я написалъ Вамъ про ужасы „мертвыхъ домовъ“, въ которые обращены гауптвахты Россіи, но боюсь отнять у Васъ еще долѣе дорогое время.

Болѣе семи лѣтъ безплодно убито мною на доказательство такихъ избитыхъ истинъ, какъ то, что арестованный нижній чинъ— такой-же человѣкъ, какъ я самъ; что „ничто человѣческое ему не чуждо“; что, поэтому, разумная книга, не только религіознаго, но и общаго содержанія, чистый воздухъ, физическія упражненія, прогулки нужны и узнику, тѣмъ болѣе, что гауптвахта не застѣнокъ, не мѣсто, предназначенное для убійства, истощенія людей, а лишь пунктъ, черезъ который пропускаются тысячи русскихъ солдатъ, небезнадежно еще пропавшихъ для арміи, для Родины...

Цѣлая наука существуетъ у насъ и за границей по поводу содержанія, нравственнаго воздѣйствія на заключенныхъ,—наука, благотворно, широко отразившаяся уже на гражданскихъ мѣстахъ заключенія. Однѣ наши военныя гауптвахты какъ-бы остались въ сторонѣ

отъ ея вліянія. Военные врачи молчатъ. Наружно все въ порядкѣ. А все потому, что для канцелярій, далекихъ отъ жизни, даже вышеприведенныя мною азбучныя истины о человѣческомъ обращеніи съ человѣкомъ, зачастую—лишь „звукъ пустой“, участіе-же къ страданію ближняго—„излишняя сентиментальность“...

Иначе чѣмъ объяснить столь странное, многолѣтнее равнодушіе къ подобному, насущному, живому, отвѣтственному вопросу?!.

Ваше Высокопревосходительство успѣшно начали рядъ реформъ въ нашей арміи, не считаясь съ канцеляріями. Умоляю Васъ, во имя Христа, вспомните и о моихъ несчастныхъ узникахъ, томящихся въ эту минуту за рѣшотками! Докажите еще разъ, что канцелярія безсильна, что она не можетъ убить живую мысль, живое чувство справедливости, человѣчности!..

И не взыщите съ меня за содержаніе, за тонъ настоящаго письма! — Много наболѣло у меня за семь лѣтъ на душѣ! Многому не подыщешь въ лексиконѣ языка человѣческаго иного названія, какъ то, которое я употребилъ...“

Зная уже хорошо, по опыту, какую роль въ рѣшеніяхъ и резолюціяхъ военныхъ министровъ играютъ доклады Главнаго Штаба, я, 20 сентября 1909 года, обратился, съ письмомъ и къ Начальнику Штаба генералу Кондратьеву, которому, между прочимъ, писалъ (снова выбрасываю историческую часть):

„... Просьба моя къ Вашему Превосходительству заключается въ томъ, чтобы Вы, съ Вашей стороны, благожелательно поддержали мое ходатайство у г. Военнаго Министра, который когда-то зналъ меня лично, но которому, безъ сомнѣнія, неизвѣстны всѣ перипетіи борьбы моей за несчастныхъ узниковъ.

Бога ради, сдѣлайте доброе, справедливое дѣло, окажите милосердіе для тысячъ дѣтей русскаго народа, проходящихъ черезъ наши ужасныя, неблагоустроенныя, лишенныя элементарныхъ условій всякаго человѣческаго существованія, гауптвахты!

Если мои познанія и многолѣтній опытъ Вамъ нужны — я къ Вашимъ услугамъ.

Выйдя годъ тому назадъ въ отставку, я продолжаю слѣдить за гауптвахтами. Состояніе ихъ не даетъ мнѣ нравственнаго покоя. Но что я могу сдѣлать?!. Я могу только говорить, писать, просить, напоминать, стучаться въ чужія сердца... У Васъ-же, у генерала Сухомлинова въ рукахъ вся сила власти, а, значитъ, и судьба моихъ узниковъ.

Возьмите-же ихъ подъ Ваше высокое, мощное покровительство! Занесите имя свое въ ряды тѣхъ, кто не переставалъ видѣть въ узникахъ своего брата во Христѣ, существо, въ которомъ—живая душа, живое сердце, живой разумъ, болѣе, чѣмъ тѣ, кто на свободѣ, нуждающееся въ ласкѣ и любви!!.“

Въ отвѣтъ я получилъ отъ В. А. Сухомлинова частное, любезное письмо (3-го октября 1909 года), гдѣ была употреблена много - обѣщающая (въ устахъ военнаго министра) фраза:

„... Интересы „Вашихъ заключенныхъ“—какъ Вы говорите — по-

стараюсь не оставить втунѣ. Вопросъ слишкомъ важный и что будетъ въ моихъ силахъ, постараюсь сдѣлать...“

Пріятно было получить подобное авторитетное, вѣское обѣщаніе. И тѣмъ не менѣе чувствовалось, что лично я, съ моимъ опытомъ, съ моими намѣреніями, по-прежнему, не нуженъ Петербургу.

Предчувствовалось, также, что снова все пойдетъ, пожалуй, по проторенной дорожкѣ—„докладъ, на докладъ, по докладу“...

Слабая надежда, однако, оставалась еще на личныя душевныя качества В. А. Сухомлинова.

Она поддерживалась тѣмъ, что министръ, вслѣдствіе моего заявленія, пробудилъ Главный Штабъ, заставивъ его снова со мной считаться.

„Милостивый Государь Александръ Владимировичъ“, писалъ мнѣ Начальникъ Штаба, генералъ Кондратьевъ, въ письмѣ отъ 6-го октября того-же года за № 64538:

„Вслѣдствіе писемъ Вашихъ на имя Военнаго Министра и на мое имя честь имѣю увѣдомить, что одобренныя Военнымъ Министромъ указанія относительно улучшенія положенія содержащихся на гауптвахтахъ арестованныхъ нижнихъ чиновъ *вошли въ разработанный* Комитетомъ по образованію войскъ *проектъ новаго изданія устава гарнизонной службы, выпускъ котораго состоится въ непродолжительномъ времени*“ *).

Я снова ожилъ: для меня было ясно, изъ этого оффиціальнаго сообщенія, что ген. Сухомлиновъ, если не все, то хоть часть моихъ реформъ, одобрилъ, приказавъ включить въ новый уставъ; что этотъ новый уставъ (а, значитъ, и часть моихъ преобразованій, въ немъ, находящихся) скоро войдутъ въ жизнь и плоть арміи; что, наконецъ, два главныхъ лица, отъ которыхъ зависитъ судьба и устава, и моихъ реформъ,—военный министръ и Начальникъ Главнаго Штаба на моей сторонѣ. А разъ будетъ положено начало, т. е. армія, благодаря уставу, соприкоснется съ идеями реформъ, мною проводимыми, то можно будетъ думать и о дальнѣйшемъ развитіи этихъ идей, а, значитъ, и о новомъ, еще бóльшемъ, торжествѣ истины...

Правда, вызывали мои опасенія мелкіе „винтики“ Главнаго Штаба, которые несомнѣнно тамъ продолжали благополучно существовать, играя, по-прежнему, роль въ общей работѣ огромнаго учрежденія и вліяя на доклады и резолюціи того-же новаго военнаго министра. Но, съ другой стороны, развѣ не могли генералы Сухомлиновъ и Кондратьевъ уничтожить работу этого вреднаго элемента, разъ признана такая важность, неотложность, справедливость самаго вопроса?!

Пугала меня и нѣкоторая неясность редакціи письма Начальника Главнаго Штаба, а именно: чтó-же, въ сущности, одобрено военнымъ министромъ?..

Вотъ почему снова написалъ я генералу Кондратьеву, который (3 декабря 1909 г. за № 1134) отвѣчалъ мнѣ съ прежней любезностью:

*) **Подчеркиваю самъ нѣкоторыя выраженія. А. Ж.**

„... На письмо Ваше отъ 15 ноября имѣю честь сообщить Вашему Пре-ву, что проектъ устава гарнизонной службы окончательно редактируется и въ непродолжительномъ времени Вамъ будутъ сообщены тѣ изъ проектированныхъ Вами измѣненій въ устройствѣ гауптвахтъ и въ порядкѣ содержанія арестованныхъ, которыя рѣшено включить въ уставъ, и приведены мотивы, почему не всѣ они могли быть включены...“

Такъ какъ время, однако, шло, а никакіе „мотивы“ мнѣ изъ Главнаго Штаба не сообщались и я подозрѣвалъ здѣсь усиленную отрицательную работу враждебныхъ начинаніямъ моимъ „винтиковъ“ Штаба, то, благодаря генерала Сухомлинова за исполненіе моей просьбы объ одномъ гауптвахтномъ узникѣ, въ судьбѣ котораго онъ, какъ военный министръ, по ходатайству моему, принялъ живое участіе, сдѣлавъ то, о чемъ мною просилось, я пожаловался ему попутно и на медленность Главнаго Штаба.

Я писалъ министру (3 марта 1910 года):

„... Пользуясь случаемъ, позволяю себѣ еще разъ напомнить Вамъ объ арестованныхъ нижнихъ чинахъ главныхъ военныхъ гауптвахтъ.

Начальникъ Главнаго Штаба сообщилъ, что одобренныя Вами, нѣкоторыя изъ проектированныхъ мною реформъ, введены уже въ новый уставъ гарнизонной службы и что я даже получу скоро свѣдѣніе о томъ, что́ одобрено.

Но проходятъ мѣсяцы, а на гауптвахтахъ все по-старому, т. е. отвратительныя помѣщенія, смѣшеніе сидящихъ, не взирая на родъ ихъ преступленій, отсутствіе книги и т. п.

Увѣренъ, что и Вы, и ген. Кондратьевъ исполнены желаній упорядочить этотъ больной вопросъ. Но, по опыту, знаю, какъ могутъ низшіе чины тормазить благія начинанія старшихъ.

А потому умоляю запросить Главный Штабъ о положеніи вопроса!..“

Я скоро получилъ отвѣтъ ген. Сухомлинова — на этотъ разъ оффиціальный, черезъ Главный Штабъ.

Начальникъ послѣдняго сообщалъ мнѣ (письмомъ отъ 15 марта 1910 года № 116):

„... Милостивый Государь Александръ Владимировичъ,

Вслѣдствіе просьбы Вашего Пре-ва препровождаю при семъ, для личнаго Вашего пользованія, проектъ устава гарнизонной службы, въ который включены предложенныя Вами мѣры для улучшенія быта арестованныхъ на гауптвахтахъ.

Въ настоящее время проектъ этотъ находится на разсмотрѣніи высшихъ начальниковъ, а потому еще не представляется возможнымъ сказать, на сколько эти мѣры будутъ осуществлены при установленіи окончательной редакціи этого устава.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. Готовый къ услугамъ Н. Кондратьевъ“.

Смутило меня, въ только что приведенномъ письмѣ, увѣдомленіе, что проектъ устава странствуетъ еще по штабамъ и канцеляріямъ Россіи, тогда какъ ранѣе, въ письмѣ за № 64538, которое я цитировалъ выше, ни о какихъ „высшихъ начальникахъ" не говорилось, а, было ясно указано, что часть моихъ реформъ вошла уже въ проектъ новаго устава, а этотъ послѣдній будетъ выпущенъ въ армію „въ непродолжительномъ времени."

Несомнѣнно „винтики" дремали, или, если и не дремали, то дѣлали-таки свое отрицательное дѣло...

Никакихъ „мотивовъ" обѣщанныхъ мнѣ ранѣе, какъ объясняющихъ, почему-же не всѣ мои реформы приняты, и теперь не сообщалось..

„А почему? Что за секретъ?!." думалось мнѣ.

Впрочемъ, оставалось какъ всегда, кланяться и благодарить, благодарить и кланяться, что̀ я пока и дѣлалъ, скрывая до времени волнующія меня чувства.

Изученіе присланнаго мнѣ, для свѣдѣнія, проекта новаго устава гарнизонной службы, несмотря на очевидное нравственное убожество того, что съ такими усиліями и потугами вошло въ него изъ моихъ реформъ, все-же утѣшило меня въ первыя минуты наличностью ворвавшейся въ мертвые § § и нынѣ дѣйствующаго стараго устава, касающіеся военныхъ узниковъ, свѣжей, живительной струи нравственнаго элемента, какъ принципа, т. е. того, что въ прежнемъ безбожномъ, безнравственномъ, безчеловѣчномъ уставѣ совершенно отсутствовало.

Важность подобнаго нововведенія была, на мой взглядъ, огромна: наличность такого именно элемента, хотя-бы и въ самой жалкой, микроскопической дозѣ, какъ я въ то снова вѣровалъ, не могла не вызвать и дружной, созидательной работы лучшихъ представителей нашей арміи (вѣдь они есть, какъ и были всегда!)—въ направленіи дальнѣйшей расчистки пути для проектируемыхъ мною библіотекъ, религіозно-нравственнаго воздѣйствія на заключенныхъ, прилива оздоровляющихъ гауптвахтный режимъ извнѣ элементовъ—въ помощь карауламъ, комендантскимъ управленіямъ и проч.: разъ столь необходимый, давно ожидаемый, желаемый толчекъ былъ-бы данъ, то, безъ сомнѣнія, навсегда глаза невидящихъ прозрѣли-бы наконецъ, уши нежелающихъ слышать стали-бы слышать, носъ обонять, мозгъ работать въ иномъ направленіи, сердце биться иными чувствами—и остановиться здѣсь на полъ-пути не представлялось-бы уже, конечно, возможнымъ...

Я хорошо понималъ, что присланный мнѣ проектъ устава — лишь жалкая пародія на что-то...

Но мнѣ, въ распаленныхъ мечтахъ моихъ, уже чудился слѣдующій, по очереди, новый уставъ, надъ созиданіемъ котораго заработаютъ не какая-либо, никому невѣдомая, случайная комиссія по измѣненію порядка конвойной службы, не Комитетъ по образованію войскъ, перегруженный сотнями вопросовъ, находящійся подъ разными давленіями свыше, а, въ интересахъ русской арміи, т. е. русскаго народа,—и лучшіе представители отечественной криминалистики, и пресса, и военно-судебное вѣдомство; что, при этомъ, опросится не одно высшее строевое начальство, уже по самому положенію своему неизмѣримо далеко стоящее отъ нуждъ и язвъ совре-

менной русской гауптвахты, но и комендантскія управленія, а съ ними — и наиболѣе заинтересованные въ развитіи гуманитарныхъ реформъ военные узники, могущіе дать поразительныя, щемящія душу и сердце, показанія; что, быть можетъ, произведутъ еще разъ опросъ всей арміи (время вѣдь бѣжитъ впередъ, жизнь не стоитъ на одномъ мѣстѣ и то, что было сказано о моихъ реформахъ при ген. Куропаткинѣ, можетъ получить совсѣмъ иное, болѣе широкое, яркое освѣщеніе при ген. Сухомлиновѣ!..).

Быть можетъ—мерещилось мнѣ—доживу я до такого счастливаго дня, когда и меня, съ моимъ опытомъ и неутоленной-жаждою — принести пользу страждущему ближнему, вспомнятъ еще разъ въ Главномъ Штабѣ и привлекутъ къ созидательно - гуманитарной, христіански-справедливой, оздоровляющей работѣ: вѣдь какъ ни какъ, а являюсь-же я чуть не единственнымъ культурнымъ свидѣтелемъ-очевидцемъ со стороны—тяжкаго, длящагося на гауптвахтахъ въ отношеніи русскаго народа, преступленія...

А пока, предаваясь такимъ сладкимъ мечтамъ и боясь какимъ-либо неосторожнымъ шагомъ рѣзкаго, нервнаго протеста, критики, потревожить не во́-время Петербургскіе штабы и канцеляріи, прилежно занялся я изученіемъ присланнаго мнѣ, какъ-бы въ успокоеніе, Главнымъ Штабомъ печальнаго проекта.

Конечно, по сравненію съ прежнимъ мертвымъ уставомъ, новый уставъ являлся какъ-бы нѣкоторымъ преддверіемъ въ будущій рай...

Чтобы доказать это, для надлежащей параллели, я приведу здѣсь, изъ обоихъ документовъ (нынѣ дѣйствующаго устава и проекта будущаго устава) все то, что, не касаясь внѣшняго, такъ сказать, механическаго окарауливанія заключенныхъ, внѣшняго опредѣленія обстановки быта ихъ, говоритъ о попечительномъ отношеніи къ нимъ, какъ къ людямъ, поставленнымъ своимъ поведеніемъ, судьбою и закономъ въ особое исключительное положеніе—сидящихъ за рѣшотками, замками и штыками.

Вотъ немногіе § § „приложенія" 10-го къ ст. 173-й нынѣ дѣйствующаго гарнизоннаго устава *) съ только что упомянутымъ содержаніемъ:

§ 3. „... Изъ книгъ арестованнымъ нижнимъ чинамъ разрѣшается имѣть только уставы, разнаго рода учебники и книги религіознаго содержанія."

§ 14. „Порядокъ содержанія нижнихъ чиновъ, подлежащихъ аресту въ карцерахъ, опредѣленъ въ Уставѣ Внутренней Службы."

§ 15. „Въ общихъ камерахъ содержатся нижніе чины, находящіеся подъ слѣдствіемъ и судомъ, а также арестуемые въ видахъ прекращенія безпорядковъ офицерами и полиціей."

§ 17. „Арестованный долженъ имѣть слѣдующія вещи: мундиръ, шаровары, шинель, фуражку, сапоги, надѣтое бѣлье и чистую смѣну бѣлья..."

§ 19. „Арестованные въ общей камерѣ спятъ на нарахъ, на которыхъ должны быть тюфяки и подушки."

*) Уставъ гарнизонной службы, Высочайше утвержденный 16 мая 1900 года; изданіе Березовскаго.

§ 28. „Арестованные нижніе чины должны быть отправляемы въ баню не менѣе 2 разъ въ мѣсяцъ, по распоряженію коменданта...“

§ 29. „Для врачебнаго осмотра арестованныхъ приглашается врачъ, по распоряженію коменданта, не менѣе 2 разъ въ мѣсяцъ...“

Въ приложеніи № 4-мъ къ ст. 41-й того-же устава, среди §§, преимущественно относящихся къ караулу, въ § 1-мъ лишь сказано, что „... на гауптвахтахъ... должно быть... отдѣльное помѣщеніе и не менѣе двухъ карцеровъ для арестованныхъ нижнихъ чиновъ“, а въ § 9-мъ, что „въ общей арестантской комнатѣ должны быть: а) нары, б) вѣшалки и полки; в) кадка для воды съ крышкою и ковшомъ, поставленная на особой скамьѣ и г) ночью—параша.“

Въ самомъ текстѣ нынѣ дѣйствующаго уставъ упоминается: 1) по отношенію къ комендантамъ (§ 18), что комендантъ, среди прочихъ обязанностей своихъ, обязанъ „наблюдать за исправнымъ содержаніемъ казенныхъ зданій и арестованныхъ воинскихъ чиновъ на городскихъ гауптвахтахъ;“ 2) въ § 32, что на обязанности комендантскаго адъютанта лежитъ наблюденіе „за исправностью караульныхъ помѣщеній.“

Между всѣми этими и вышеприведенными немногими §§, да и за самымъ текстомъ ихъ—бездна умолчанія объ отношеніяхъ къ узникамъ даже въ смыслѣ внѣшняго порядка, а, слѣдовательно, и возможность всяческаго беззаконія и произвола, какъ на это и указано было мною въ своемъ мѣстѣ.

Въ одной изъ главъ настоящей книги, приводя памятную записку мою, представленную нѣкогда генералу Лузанову, я указалъ уже на явное несоотвѣтствіе между нѣкоторыми §§ устава гарнизонной службы и статьями устава о службѣ внутренней, къ которому отсылаетъ, однако, первый уставъ въ отношеніи нижнихъ чиновъ, содержащихся на гауптвахтахъ въ отдѣльныхъ карцерахъ.

Въ виду подобной связи между обоими уставами, нельзя не продолжить между ними параллель и не указать на ихъ взаимное несоотвѣтствіе не только съ формальной точки зрѣнія, но даже и по духу.

Такъ, статьи 618—630 устава внутренней службы *), касающіяся содержанія заключенныхъ, какъ ни какъ, а все-же обязываютъ начальника отдѣльной части, при которой находится гауптвахта, относиться добропорядочно, попечительно и къ нравственной сторонѣ быта подчиненныхъ ему узниковъ: таковы статьи устава внутренней службы 151—156, опредѣляющіе „обязанности начальника“.

Въ послѣднихъ, на начальника части, возложены общія, священныя обязанности: „развивать и поддерживать въ своихъ подчиненныхъ сознаніе святости присяги и высокаго значенія воина, призваннаго къ защитѣ Вѣры, Царя и Отечества“ отъ всякаго рода враговъ, „быть для нихъ примѣромъ въ исполненіи долга службы и блюсти за точнымъ исполненіемъ законовъ“, „охранять во ввѣренной ему командѣ воинскую дисциплину и порядокъ, вселяя въ подчиненныхъ стремленіе къ добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей и

*) Высочайше утвержденнаго 23 марта 1910 года; изданіе Березовскаго.

честное отношеніе къ службѣ“, „быть справедливымъ, ровнымъ, настойчивымъ“, „заботиться о сохраненіи здоровья своихъ подчиненныхъ, вникать въ ихъ бытъ и нужды; въ потребныхъ случаяхъ быть ихъ совѣтникомъ, руководителемъ и ходатаемъ за нихъ передъ начальниками; имѣть отеческое попеченіе объ исправленіи людей порочныхъ“ и проч.

Въ уставѣ о внутренней службы, въ ст. 549—561, въ отдѣлѣ „религіозныя обязанности воинскихъ чиновъ“ подробно говорится объ обязанности командира части, какъ начальника, относительно религіозныхъ нуждъ подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ: тутъ и говѣнье, и обязательное посѣщеніе храма, и ротные праздники, и продажа нижнимъ чинамъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія и т. п.

Слѣдующія статьи устава говорятъ подробно, попечительно уже о врачеваніи тѣлесномъ.

Однимъ словомъ, весь уставъ проникаетъ совершенно справедливая, основная идея о томъ, что мало еще одѣть, накормить, научить солдата строю и другимъ служебнымъ обязанностямъ, но надо еще блюсти и чистоту, порядочность, совѣстливость его души, что „не хлѣбомъ единымъ живъ будетъ человѣкъ“...

Несомнѣнно все то, что говорится въ этомъ нравственно-божескомъ, глубоко гуманномъ, съ любовью и уваженіемъ относящемся къ личности нижняго чина, какъ человѣка и гражданина, уставѣ, относится и къ заключеннымъ, сидящимъ на полковой, эскадронной, батарейной гауптвахтѣ данной отдѣльной части. И начнись какое-либо дѣло на почвѣ гауптвахтнаго содержанія узниковъ при части, къ начальнику послѣдней можетъ быть предъявлено опредѣленное обвиненіе въ явномъ нарушеніи предписаній устава.

Но вотъ тотъ-же нижній чинъ отправляется для отбытія, хотя-бы дисциплинарнаго наказанія, на главную мѣстную гауптвахту, на болѣе и менѣе продолжительный срокъ, его переводятъ туда, по ходу производимаго о немъ дознанія, слѣдствія—и сейчасъ-же онъ оказывается внѣ того неусыпнаго, нравственно-дисциплинарнаго вліянія начальства, подъ которымъ до того находился онъ въ своей части.

Объ этомъ, мы, въ своемъ мѣстѣ, тоже говорили въ настоящемъ трудѣ, проводя и соотвѣтствующую параллель.

Теперь коснемся той-же аномаліи, не на основаніи личныхъ наблюденій, а уже съ уставами въ рукахъ.

Дѣло въ томъ, что въ уставѣ гарнизонной службы (въ § 14), какъ мы это сейчасъ видѣли, сказано: „порядокъ содержанія нижнихъ чиновъ, подлежащихъ аресту въ карцерахъ, опредѣленъ въ уставѣ внутренней службы“.

Иными словами смотри, молъ, отдѣлъ послѣдняго устава — „правила содержанія арестованныхъ“ (ст. ст. 618—630), т. е. соблюдай лишь правила чисто внѣшняго порядка содержанія узниковъ.

Все-же, остальное, находящееся въ уставѣ, приведенное выше,—по отношенію къ духовной сторонѣ быта нижнихъ чиновъ вообще, является, въ виду отсутствія на него какой-либо ссылки, необязательнымъ для комендантскихъ управленій и карауловъ...

А такъ какъ въ мертвомъ уставѣ гарнизонной службы нравственностью, опредѣленіемъ какихъ-либо обязанностей начальника и подчиненнаго, опредѣленіемъ взаимныхъ ихъ отношеній, воинскимъ и инымъ духомъ по отношенію къ узникамъ, содержащимся на главной гауптвахтѣ (простите за грубость выраженія!), не пахнетъ, то нижній чинъ, отбывающій наказаніе въ карцерахъ, находящихся на главной гауптвахтѣ, предварительно, впредь до обслѣдованія совершеннаго имъ въ части поступка, оказывается, на самомъ дѣлѣ, безъ всякаго начальственнаго вліянія: начальникъ той части, въ спискахъ которой онъ, по-прежнему, состоитъ, потерялъ, для него нравственно-служебное значеніе—въ виду того, что онъ, заключенный, находится на гауптвахтѣ, т. е. во власти многихъ новыхъ начальниковъ (коменданта, караула, врача и т. п.), а нравственно-служебныя обязанности этихъ послѣднихъ совершенно игнорируются уставомъ гарнизонной службы.

Если, затѣмъ, вникнуть въ уставъ внутренней службы,—въ тѣ его статьи, которыя должны быть примѣняемы къ содержащимся въ карцерахъ на главной гауптвахтѣ нижнимъ чинамъ, то, несмотря на ссылку на нихъ гарнизоннаго устава, многое на этой главной гауптвахтѣ непримѣнимо.

Стоитъ-же снова перейти къ арестованнымъ на главной гауптвахтѣ, содержащимся не въ отдѣльныхъ карцерахъ, а въ общихъ камерахъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ отношеніи къ нимъ, въ уставѣ гарнизонной службы, нѣтъ даже и намека на то, что говорится въ уставѣ внутренней службы о нравственныхъ обязанностяхъ начальника (коменданта, караульнаго офицера), какъ нѣтъ ничего и о томъ, что узники общихъ камеръ—тѣ-же люди, тѣ-же нижніе чины, а потому, у нихъ есть служебно-человѣческія права и такія-же обязанности, что все это должно быть по отношенію къ нимъ у ихъ начальства...

На основаніи всего сказаннаго, можно смѣло утверждать, что заключенные, на главныхъ гауптвахтахъ, благодаря гарнизонному уставу, оставивъ въ сторонѣ многоначаліе, сводящееся къ безначалію (о чемъ мы тоже говорили въ одной изъ предыдущихъ главъ), въ сущности, не имѣютъ никакого начальства—и въ настоящемъ, глубокомъ, духовномъ значеніи этого термина...

Но я чувствую необходимость прекратить дальнѣйшій разборъ этого безпримѣрнаго устава: надо было-бы написать особую книгу для того, чтобы изобразить весь тотъ ужасъ, развратъ, анархію, которые подобное произведеніе должно неминуемо вносить (и, конечно, вноситъ) въ жизнь, въ бытъ, въ духъ нашей славной арміи...

Настанетъ еще время,—я въ томъ глубоко убѣжденъ,—когда будущій лѣтописецъ исторіи нашего военнаго дѣла въ прошломъ снабдитъ свой трудъ примѣчаніями: „такое-то событіе въ арміи отрицательнаго характера произошло въ ту эпоху, когда дѣйствовалъ уставъ гарнизонной службы 1900 года"...

Приведу теперь, въ параллель съ только что цитированными §§ устава о службѣ въ гарнизонѣ, тѣ §§ проекта новаго устава, гдѣ, хоть блѣдно, хоть поверхностно, а все-же отразилась идея—заботы начальства о нижнемъ чинѣ не только, какъ о погибшемъ безвозвра-

тно для службы арестантѣ-каторжникѣ, но и какъ о „человѣкѣ“, которому „ничто человѣческое не чуждо“...

Эти §§, опять-таки немногочисленные,—слѣдующіе:

Приложеніе 3-е.

Устройство караульнаго помѣщенія.

§ 1. „На гауптвахтахъ... должно быть: д) помѣщеніе для арестованныхъ подпрапорщиковъ и сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ; е) не менѣе четырехъ отдѣльныхъ помѣщеній и трое карцеровъ для нижнихъ чиновъ; ж) *цейхгаузъ*, для храненія посуды, бѣлья, обуви и постельной принадлежности для арестованныхъ; з) умывальная комната и отхожее мѣсто, въ общемъ помѣщеніи съ гауптвахтой, и и) кубъ для горячей воды и очагъ для разогрѣванія пищи“.

§ 6. Въ каждомъ отдѣльномъ помѣщеніи для арестованныхъ нижнихъ чиновъ должны быть: а) образъ...

Сверхъ того, при гауптвахтѣ, въ вѣдѣніи помощника завѣдывающаго его, должны находиться: *шкафъ съ книгами для чтенія арестованныхъ нижнихъ чиновъ и гимнастическіе снаряды* (лѣстница, барьеръ, параллельные брусья и т. п.).

Приложеніе 5-е.

Содержаніе арестованныхъ на гауптвахтахъ. Завѣдываніе гауптвахтою.

§ 1. „Завѣдываніе гауптвахтой возлагается, приказомъ по гарнизону, на одного изъ *комендантскихъ адъютантовъ или офицеровъ, исполняющихъ эту должность.* Если-же обязанности коменданта совмѣщаются съ обязанностями воинскаго начальника, то завѣдываніе гауптвахтой поручается *дѣлопроизводителю* послѣдняго или *прикомандированному къ управленію воинскаго начальника оберъ-офицеру...*

Въ помощь завѣдывающему гауптвахтой отъ войскъ гарнизона назначается: *унтеръ-офицеръ и рядовой*, исполняющій обязанности сторожа. (Онъ-же сторожъ караульнаго помѣщенія).“

§ 2. „Въ вѣдѣніи завѣдывающаго гауптвахтой состоятъ: всѣ помѣщенія гауптвахты, инвентарь, *запасъ мундирной одежды, обуви, бѣлья и постельныхъ принадлежностей для арестованныхъ*“.

§ 4. „Завѣдывающій гауптвахтою обязанъ знать въ лицо всѣхъ содержащихся на гауптвахтѣ арестованныхъ и заботиться объ ихъ содержаніи, довольствіи, здоровьѣ и поведеніи“.

§ 5. „Онъ распредѣляетъ прибывающихъ арестованныхъ по помѣщеніямъ (см. п. 16), руководствуясь свѣдѣніями изъ записки объ арестованіи и другими справками, которыя найдетъ нужными навести“.

§ 7. „Завѣдывающій гауптвахтою ведетъ лично и при посредствѣ унтеръ-офицера, своего помощника, *занятія съ арестованными*“.

§ 8. „Онъ разрѣшаетъ выдачу арестованнымъ книгъ изъ гауптвахтной библіотеки“.

§ 13. „Завѣдывающій гауптвахтой получаетъ отъ коменданта и ведетъ слѣдующія книги:

.... 5) книгу для медицинскихъ осмотровъ арестованныхъ; в) журналъ взысканій для арестованныхъ“.

§ 14. „.... На обязанности унтеръ-офицера лежитъ храненіе ин-

вентаря гауптвахты, *библіотеки, запаса мундирной одежды, обуви,* бѣлья, постельной принадлежности, топлива и освѣтительныхъ припасовъ.

Онъ-же распоряжается своевременною уборкой помѣщеній, зажиганіемъ лампъ, топкою печей, очага, доставкою воды и топлива. Въ часы, назначенные росписаніемъ, онъ ведетъ, подъ наблюденіемъ завѣдывающаго гауптвахтою, занятія гимнастикою и строемъ".

Содержаніе нижнихъ чиновъ.

§ 16. „Арестованные въ общихъ камерахъ *) подпрапорщики, кандидаты на классную должность и сверхсрочные унтеръ-офицеры содержатся особо отъ прочихъ нижнихъ чиновъ. Унтеръ-офицеры, нелишенные воинскаго званія, также не должны быть помѣщаемы вмѣстѣ съ ефрейторами и рядовыми.

Изъ числа арестованныхъ должны содержаться въ отдѣльныхъ общихъ камерахъ: 1) приговоренные по суду къ лишенію воинскаго званія и 2) состоящіе подъ судомъ и слѣдствіемъ по обвиненію въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою тотъ-же родъ наказанія.

Примѣчаніе: При недостаткѣ отдѣльныхъ помѣщеній завѣдывающій гауптвахтою можетъ отступать отъ указаннаго распредѣленія, каждый разъ донося объ этомъ коменданту".

§ 21. „Арестованный нижній чинъ долженъ имѣть при себѣ: мундиръ, шаровары, шинель, фуражку, галстухъ, двѣ смѣны бѣлья, сапоги, одѣяло, простыню, наволочку, два полотенца, записную книжку и принадлежности—для содержанія себя и одежды въ чистотѣ и опрятности.

Кромѣ того, имъ разрѣшается имѣть: уставы, разнаго рода учебники, *книги,* засвидѣтельствованныя подписью завѣдующаго гауптвахтой, и письменныя принадлежности".

§ 24. „Порядокъ для арестованныхъ нижнихъ чиновъ распредѣляется по указанію начальника гарнизона, сообразно мѣстнымъ условіямъ. При этомъ *около двухъ часовъ* въ день должно быть отведено *прогулкамъ* или занятіямъ *на свѣжемъ воздухѣ, около 1 часа—физическимъ упражненіямъ* (гимнастика пассивная и на машинахъ, маршировка, бѣгъ и т. п.) *и около одного часа—на умственныя занятія* (грамота, чтеніе вслухъ, религіозныя, военно-нравственныя и обще-образовательныя бесѣды и т. д.).

Не воспрещается также, съ разрѣшенія коменданта, назначать арестованныхъ, вмѣсто прогулки, на хозяйственныя работы (рубка, пилка и переноска дровъ, уборка двора и улицъ и т. п.).

Примѣчаніе: нижніе чины, содержащіеся въ карцерахъ, на занятія и прогулки не выводятся".

§ 25. „*Для бесѣдъ съ арестованными, не менѣе одного раза въ недѣлю,* распоряженіемъ начальника, приглашается священникъ или кто-либо изъ офицеровъ".

§ 26. „Въ праздничные и предпраздничные дни допускается и совершеніе *богослуженія* на гауптвахтѣ.

*) «Порядокъ содержанія арестованныхъ въ одиночныхъ карцерахъ указанъ въ уставѣ внутренней службы».

Вечернюю и утреннюю молитвы арестованные читаютъ или поютъ хоромъ въ каждомъ отдѣльномъ помѣщеніи особо".

§ 27. „*Врачебный осмотръ* арестованныхъ долженъ производиться *не менѣе одного раза въ недѣлю.* Для этого, по соглашенію начальника гарнизона съ мѣстнымъ военно-медицинскимъ начальствомъ, назначаются *врачъ* и на помощь ему *фельдшеръ* отъ одной изъ частей гарнизона.

Тѣ-же лица должны наблюдать за гауптвахтой и въ санитарномъ отношеніи".

§ 28. „Арестованные, *не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ*, распоряженіемъ завѣдывающаго гауптвахтою и съ разрѣшенія коменданта, *должны отправляться въ баню*".

Намъ остается критически отнестись къ проекту новаго устава гарнизонной службы, какъ къ шаблонному произведенію канцелярски - штабного типа, на-скоро составленному и только отчасти проникнутому пожеланіями русской арміи, употребляя терминъ „критически" не въ смыслѣ празднаго, придирчиваго суда, а, какъ связанный съ необходимостью подробно разобраться въ создавшемся положеніи и сдѣлать соотвѣтствующіе выводы...

Этотъ проектъ, какъ и нынѣ дѣйствующій уставъ, послужившій для него моделью, типомъ, не ставитъ какихъ-либо опредѣленныхъ, общихъ, руководящихъ положеній.

Мы указали уже на то, что никакая гуманитарно-служебная идея не проведена мощно, властно, справедливо, во имя правды, права и человѣчности, въ отношеніи къ узникамъ главныхъ гарнизонныхъ гауптвахтъ, черезъ весь уставъ, не соединяетъ собой его разрозненные § §.

По-прежнему и въ новомъ уставѣ не указано, напримѣръ, значеніе такихъ гауптвахтъ, т. е. надо-ли на нихъ смотрѣть, какъ на мѣста заключенія для отбывавшихъ наказаніе по суду, по волѣ начальства, или на мѣста лишь предварительнаго заключенія, или на учрежденія смѣшаннаго типа, вѣдающія то и другое...

Несмотря на то, что главныя гауптвахты, по волѣ начальства и при условіяхъ воинскаго быта, продолжаютъ роковымъ образомъ развиваться въ направленіи, обращающимъ ихъ въ ненормальный типъ послѣдняго вида, т. е. „смѣшанный", новый уставъ не дѣлаетъ никакой попытки для того, чтобы дать указанія начальству, какъ-же на самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ поступать для того, чтобы подобное, сумбурное, ненаучное, безчеловѣчное совмѣщеніе, въ сущности, несовмѣстимыхъ элементовъ, не отражалось-бы отрицательно, вредно на личностяхъ, судьбѣ заключенныхъ, на обязанности, комендантскихъ управленій, корпусовъ и проч?...

Никому въ голову очевидно не пришло, въ основу новаго устава положить указаніе на то, что заключенный на гауптвахтѣ не только „человѣкъ", но и представитель великой русской арміи...

По-прежнему, ни о какой общей, спеціальной инспекціи, которая контролировала-бы всѣ главныя гауптвахты Россіи, проводила-

бы въ нихъ общія идеи, устраняя безчисленныя тренія между отдѣльными начальствами и вѣдомствами, по отношенію къ заключеннымъ, нѣтъ и рѣчи, какъ нѣтъ рѣчи о необходимости какого-либо нравственнаго, служебнаго, воспитательнаго воздѣйствія на узниковъ— въ тѣхъ рамкахъ, которыя неоднократно указывалъ я выше, по личному моему опыту и со словъ другихъ, въ настоящемъ моемъ трудѣ...

Тѣ-же начальники гарнизоновъ, которые, даже при всемъ желаніи ихъ, физически лишены возможности осуществить на дѣлѣ какія-либо разумныя, полезныя функціи контроля надъ главными гауптвахтами; тѣ-же коменданты, отъ которыхъ не требуется никакой предварительной подготовки для исполненія ихъ сложныхъ, отвѣтственныхъ обязанностей, тѣсно связанныхъ съ вопросами быта арестованныхъ на гауптвахтахъ, при обращеніи, однако, послѣднихъ въ какія-то полу-тюремныя заведенія; тѣ-же завѣдывающіе гауптвахтами, отъ которыхъ тоже ничего предварительнаго не требуется.

По-прежнему, всѣ лица эти связаны съ узниками чисто внѣшними, формальными узами, ничего, опять-таки, неопредѣляющими, что и даетъ на практикѣ просторъ всякому произволу, всякимъ личнымъ хотѣніямъ и усмотрѣніямъ этихъ неподготовленныхъ, случайныхъ „тюремщиковъ по недоразумѣнію"...

Въ этомъ направленіи проектъ новаго устава даже значительно шагнулъ въ сторону отъ всяческой логики, вручая сложный, отвѣтственный, требующій спеціальныхъ, даже строевыхъ, знаній, особыхъ высокихъ нравственно-служебныхъ качествъ, особаго, наконецъ, настроенія, міръ гауптвахтныхъ узниковъ, и такимъ начальствующимъ отъ которыхъ, конечно, нельзя ожидать ничего путнаго и полезнаго уже въ силу случайности ихъ выбора.

Могло-ли мнѣ, поднявшему много лѣтъ тому назадъ вопросъ объ улучшеніи быта русской главной гауптвахты, когда-либо сниться, напримѣръ, что, въ разрѣшеніе возбужденныхъ мною сомнѣній, будетъ созданъ § 1-й приложенія 5-го новаго устава, проектъ котораго гласитъ что гауптвахта съ ея нижними чинами можетъ очутиться въ почти-безконтрольномъ распоряженіи какого-либо третьестепеннаго чиновника?!

А такъ именно и случилось...

Можно, конечно, заранѣе предсказать, что даже занятія съ заключенными нижними чинами, и другія служебныя новшества, скупо, казенно, какъ-бы съ неохотой, рекомендуемыя проектомъ, ввѣренныя подобнымъ „завѣдывающимъ гауптвахтою" (къ слову сказать, по-прежнему, заваленнымъ по горло другими срочными обязанностями и канцелярщиной) на дѣлѣ окажутся жалкой пародіей на что-то, насмѣшкой, фикціей...

Надо, право, не любить солдата, далеко стоять отъ быта войскъ, отъ духа арміи, отъ нуждъ современной намъ гауптвахты, наконецъ, отъ науки, для того, чтобы создать подобную явную несообразность...

Но пойдемъ далѣе...

Проектъ новаго устава, по моему указанію, на основаніи требованій арміи, вводитъ на главную гауптвахту „запасы" мундирной

одежды, бѣлья, обуви, постельной принадлежности и проч. Но тамъ, почему-то, ничего не сказано о томъ, какъ-же, откуда образуется этотъ „запасъ“, какъ, гдѣ онъ хранится, какими способами пополняется, какъ долженъ быть использованъ и какая, по отношенію къ нему, должна вестись въ комендантскомъ управленіи отчетность (вотъ, гдѣ канцелярщина необходима—въ вопросѣ, связанномъ съ казенными отпусками).

Введены, какъ-бы въ утѣшеніе мнѣ, арміи, и библіотеки съ книгами общаго содержанія; но какъ онѣ формируются,—эти новыя учрежденія гауптвахтъ, какъ пополняются, какимъ способомъ обслуживаютъ духовныя нужды заключенныхъ, на какія средства создаются и обновляются, а, главное, какія именно книги, кромѣ уставовъ, учебниковъ и прочаго, обыкновенно на досугѣ нечитаемаго, книжнаго матеріала, должны войти въ составъ такихъ будущихъ библіотекъ,—опять-таки ни слова не сказано: точно приказать создать библіотеку —значитъ сдѣлать уже все, что для этого необходимо!..

Въ подобномъ умолчаніи невольно чувствуется скрытое равнодушіе къ нововведенію, или, даже, пожалуй, недоброжелательство...

Нечего много говорить о томъ, что такое отношеніе проекта къ весьма важному вопросу въ бытѣ заключенныхъ, неминуемо вызоветъ лишь новую путаницу, произволъ отдѣльныхъ усмотрѣній, введетъ въ составъ будущихъ библіотекъ многое, нежелательное съ точки зрѣнія службы и морали, многое, неподходящее къ преобладающему умственному, образовательному уровню нижнихъ чиновъ, а, можетъ быть, и подорветъ такимъ образомъ въ основѣ и самую вѣру въ благо, въ необходимость этой подробности моихъ начинаній, такъ какъ вмѣсто пользы обнаружится хаосъ, только вредящій общему порядку на гауптвахтѣ, обременяющій напрасно комендантскія управленія и караулы...

Точно лицамъ, работавшимъ надъ проектомъ, показалось лишнимъ сдѣлать хоть простую ссылку на изданія, по каталогамъ, что-ли, Главнаго Штаба?!. Точно въ голову не пришло сознаніе въ необходимости хоть какой-либо общей, руководящей инструкціи по части библіотекъ...

Или и тутъ одержало верхъ мнѣніе какой-либо комиссіи по конвойнымъ вопросамъ?!.

Конечно, лично мнѣ дорого здѣсь, опять-таки, уже самое введеніе въ уставъ принципа о необходимости, пользѣ гауптвахтныхъ библіотекъ, поставленныхъ широко, съ доступомъ интересныхъ, полезныхъ книгъ, какъ доказательство частичнаго проявленія, признанія справедливости. Но нельзя-же забывать о способахъ практическаго проведенія всякаго принципа въ самую жизнь арміи, о недоразумѣніяхъ, неминуемо ждущихъ новое дѣло, которому предстоятъ еще всякаго рода испытанія въ грядущемъ!!.

Счастливъ видѣть въ проектѣ новаго устава торжество идеи—о необходимости для обреченныхъ на сидячую, монотонную, безсодержательную жизнь молодыхъ людей—нижнихъ чиновъ прогулокъ, физическихъ упражненій, гимнастики, работъ на свѣжемъ воздухѣ и

проч., какъ тѣсно связанныхъ съ поддержаніемъ, укрѣпленіемъ ихъ здоровья...

Но снова, съ какимъ равнодушіемъ, почти съ презрѣніемъ къ столь живому, справедливому, важному вопросу, все это сжато, скомкано, прямо обезличено, неопредѣленно въ проектѣ!!

И опять представляется мнѣ, въ силу изученія отдѣльныхъ пунктиковъ новаго устава, какъ какой-нибудь „дѣлопроизводитель“ управленія уѣзднаго воинскаго начальника, даетъ всему этому тонъ, руководитъ, вдохновляетъ...

Неужели, однако, составители проекта не видѣли тутъ будущей бездны подъ ногами своего дѣтища?!.

Хотя религіозному элементу и отведено въ проектѣ нѣкоторое мѣсто, а тѣмъ не менѣе нельзя не сказать, что несмотря на введеніе на гауптвахту духовенства, иконъ, книгъ религіознаго содержанія (т. е. всего того, о чемъ я много лѣтъ столь настойчиво твердилъ), настоящій Богъ, настоящій Христосъ, настоящая религія, въ силу, опять-таки, „духа“ устава, будутъ неминуемо отсутствовать въ караулахъ, въ комендантскихъ управленіяхъ, соприкасающихся съ духовными нуждами военныхъ заключенныхъ, равно какъ и въ самыхъ казематахъ гауптвахты.

И вотъ въ силу какихъ недоразумѣній, создающихся новымъ уставомъ:

Прежде всего не надо забывать того, давно уже ставшаго старой, избитой истиною, положенія, въ силу котораго построить храмъ, сказать въ немъ проповѣдь, отслужить молебенъ, повѣсить въ комнатѣ икону, зажечь лампаду и проч. далеко еще не значитъ воздать „Божіе Богови“...

Мы уже упоминали въ своемъ мѣстѣ и древнее, мудрое изреченіе: „вѣра безъ дѣлъ мертва есть“...

Также мертвы будутъ, безъ сомнѣнія, всѣ опыты, такъ сказать, внѣшняго человѣческаго выраженія религіи, вводимаго на главныя гауптвахты,—въ видѣ иконъ по камерамъ, богослуженій, религіозныхъ бесѣдъ съ узниками духовенства и проч., — мертвы потому именно, что, какъ нами уже указано, уставъ не проникаетъ общая воспитательная, религіозно-нравственная идея, которая связывала-бы духовно, какъ людей, узниковъ съ тѣми, кто на гауптвахтахъ безконтрольно, властно распоряжается ихъ участью...

Съ другой, чисто уже внѣшней стороны, даже и то убожество религіознаго элемента, которое, съ такимъ трудомъ, просочилось-таки въ проектъ новаго устава, изложено въ послѣднемъ съ явными недомолвками...

Кто, напримѣръ, разумѣется здѣсь подъ „священникомъ“ и какое вѣроисповѣданіе должно обслуживаться духовенствомъ?

Вѣдь на главныхъ гауптвахтахъ, какъ мы это видѣли, сидятъ и католики, и лютеране, и старообрядцы. Вѣдь подъ именемъ „священника“ въ обществѣ принято разумѣть и ксендза, и пастора...

Имѣетъ-ли въ виду проектъ какія-либо другія вѣроисповѣданія, кромѣ православнаго?...

Почему забыты въ немъ религіозныя нужды евреевъ, магоме-

танъ, населяющихъ наши главныя гауптвахты, представители которыхъ (религій), въ то-же время, не подходятъ подъ обще-принятое понятіе „священника“?!.

Развѣ такіе нижніе чины не могутъ, не вправѣ жаждать такъ-же, какъ и православные, утѣшенія религіи, исполненія своихъ обрядностей?

Если въ частяхъ войскъ, по закону, все это удовлетворяется, то почему-же для однѣхъ главныхъ гауптвахтъ подобный разумный, справедливый законъ, казалось-бы долженствующій быть наиболѣе примѣнимымъ, точно не писанъ?!

Мнѣ отвѣтятъ, пожалуй: такое отношеніе ко всѣмъ религіямъ осложнило-бы комендантскія управленія, караулы...

Конечно, тутъ была-бы лишь обычная, канцелярская увертка, недостойная серіозности вопроса...

„Полноте, господа, фарисействовать!“ отвѣчу и я: „Можно-ли считаться съ такими препятствіями, какъ осложненіе чьихъ-либо служебныхъ обязанностей, тамъ, гдѣ вопросъ идетъ о священныхъ потребностяхъ всякой души человѣческой?! А еврей, магометанинъ, носящіе русскій военный мундиръ, развѣ не тѣ-же представители русской арміи, разумно, справедливо, уважающей всякую религію, соединяющей разнородныя племена, населяющія Россію, въ одномъ направленіи пользы и славы общей нашей Родины?!“

Я объясняю себѣ и этотъ пробѣлъ проекта устава ничѣмъ инымъ, какъ опять-таки отсутствіемъ въ немъ общей, руководящей идеи, которая охватывала-бы духовныя нужды всѣхъ военныхъ узниковъ безъ различія ихъ вѣроисповѣданія и національности, въ задачахъ общаго воспитанія русскаго воина, которыя должны продолжаться и на главной гауптвахтѣ...

Радуетъ меня въ проектѣ и баня, и болѣе частая врачебная помощь, и вполнѣ логичное право, признанное, наконецъ, за военными врачами—наблюдать за санитарнымъ состояніемъ гауптвахтъ...

Но уставъ снова молчитъ хотя-бы по вопросу о томъ, какая-же внѣшняя, начальническая сила поддержитъ, напримѣръ, иного благороднаго, видящаго непорядки гауптвахты и желающаго облегчить участь заключенныхъ, военнаго врача, если взгляды его и требованія прійдутся почему-либо не по вкусу хотя-бы коменданту, являющемуся начальникомъ гауптвахты?...

Вотъ гдѣ снова полезно было-бы проведеніе черезъ весь уставъ идеи о спеціальной инспекціи надъ всѣми вообще главными гауптвахтами Россіи,—инспекціи, которая вѣдала-бы и случаи подобныхъ служебныхъ недоразумѣній, облеченная при томъ, широкимъ правомъ, возможностью поддержать маленькаго, зависимаго человѣка съ большимъ, совѣстливымъ сердцемъ въ случаяхъ неравной борьбы его за пользу и справедливость...

При создающемся-же проектомъ положеніи, все остается, въ сущности, по старому, и заявленія врача будутъ преспокойно, съ презрѣніемъ, подшиваться къ канцелярской перепискѣ иного комендантскаго управленія, или пускаться въ безконечныя блужданія съ приключеніями по разнымъ инспекціямъ и вѣдомствамъ...

Поражаетъ въ проектѣ новаго устава какъ-бы отсутствіе даже намека на какую-либо отчетность всѣхъ лицъ, соприкасающихся съ узниками гауптвахты—въ вопросахъ ихъ физическаго, религіозно-нравственнаго оздоровленія.

Это, въ свою очередь, подрываетъ всякую возможность контроля за дѣятельностью по гауптвахтѣ прикосновенныхъ къ ней лицъ, собиранія какихъ-либо научно-статическихъ о ней свѣдѣній и проч.

Я всегда придавалъ и придаю особенное значеніе именно этой сторонѣ возбужденнаго мною гауптвахтнаго вопроса.

Посудите сами, развѣ можно признать нормальнымъ явленіе, что въ то время, когда всѣ гражданскія и военныя мѣста заключенія Россіи (я не говорю уже о таковыхъ за границей, въ передовыхъ государствахъ Европы), какъ связанныя отчетностью по вопросамъ тюремнаго режима, могутъ дать цѣнные матеріалы для обще-научныхъ выводовъ, однѣ главныя гауптвахты, равно какъ и гауптвахты отдѣльныхъ частей войскъ, почему-то освобождены отъ подобной, крайне важной, отчетности!..

Попробуйте-ка собрать по Россіи какія-либо общія свѣдѣнія, хотя-бы и не спеціально-научнаго характера, по одной изъ сторонъ гауптвахтной жизни—въ формѣ хотя-бы скудныхъ, казенныхъ цифровыхъ данныхъ, документовъ, отчетовъ и проч. за извѣстный періодъ времени: ничего подобнаго вамъ не удастся добыть потому, что никакой такой отчетности не существуетъ...

Не получите вы ничего подобнаго и изъ Петербурга...

Говорю по горькому опыту...

Когда читаешь проектъ новаго устава, когда видишь въ немъ лишь робкій, неувѣренный сколокъ съ устава, нынѣ дѣйствующаго, съ небольшими варіаціями въ сторону нравственнаго элемента, то убѣждаешься лишній разъ въ томъ, что наука о заблудшемъ, преступномъ человѣкѣ, лучами своими давно уже пронизавшая все зданіе русскихъ и заграничныхъ гражданскихъ мѣстъ заключенія, совершенно обходитъ до сихъ поръ лишь русскія главныя гауптвахты, очевидно потому, что люди, стоящіе во главѣ ихъ, далекіе отъ всякихъ „правъ“ и тюрьмовѣдѣнія, не находятъ нужнымъ впускать на гауптвахты подобную культурную гостью, которая, пожалуй (даже навѣрное) напрасно осложнитъ ихъ...

И если главная гауптвахта въ нашемъ христіанскомъ государствѣ продолжаетъ жить безъ Бога, то она прозябаетъ и безъ науки — въ наши дни научнаго прогресса, открытій, усовершенствованій, какъ будто-бы и Тотъ, и другая для нее лишни...

Въ этомъ отношеніи, смѣло можно назвать наши уставы—гарнизонной службы—и нынѣшній, и будущій (если онъ еще появится когда-либо!) дерзкимъ вызовомъ и Божеству, и обще-человѣческой культурѣ...

Какъ ни грустно въ томъ сознаться, но, основываясь на долгомъ опытѣ, я пришелъ къ выводу, что въ Россіи, при мало-культурности ея средняго, служилаго класса, безъ нажима, оклика, напоминанія начальства ничего не подѣлаешь.

Вотъ когда выплываетъ наружу важность общаго контроля, вся-

каго рода отчетностей, какъ „жупела“, заставляющаго работать, если не за совѣсть, то „за страхъ...“

Если вы, въ силу устава, поручите судьбу данной гауптвахты какому-либо мелкому, необразованному, забитому чиновнику, „дѣлопроизводителю уѣзднаго воинскаго начальника“, не связавъ этого военнаго канцеляриста, при томъ, никакой отчетностью, не поставивъ надъ нимъ никакого авторитетнаго, дающаго указанія, контроля, не обязавъ его никакой инструкціей, никакой статьей закона, карающей его равнодушіе и халатность (въ случаѣ ихъ проявленія), то, тѣмъ самымъ, вы совершаете дѣяніе не только явно нелогичное, неосторожное, несоотвѣтствующее условіямъ эпохи, но и явно преступное...

Въ проектѣ новаго устава сдѣлана слабая попытка классификаціи нижнихъ чиновъ, узниковъ, размѣщеніемъ ихъ по особымъ помѣщеніямъ, при чемъ принято въ соображеніе ихъ служебное положеніе, ихъ преступленіе, приговоры по дѣламъ, влекущіе за собою лишеніе воинскаго званія. При этомъ дѣлается оговорка, что все это выполнимо при наличности лишь подходящихъ условій въ зданіи данной гауптвахты. Но вѣдь составители проекта должны-же были знать, что главное горе современныхъ гауптвахтъ именно—въ никуда негодныхъ, неприспособленныхъ къ вопросамъ, связаннымъ съ мѣстами заключенія, помѣщеніяхъ...

Иными словами, все разобьется, въ данномъ случаѣ, о фактическую невозможность выполнить блѣдно-выраженное, робкое пожеланіе новаго устава.

Снова все поставлено будетъ, значитъ, въ зависимость отъ личныхъ усмотрѣній лицъ, стоящихъ во главѣ комендантскаго управленія, т. е. отъ личныхъ произволовъ и настроеній. Стóило-ли тогда создавать такой проектъ, который на первыхъ-же шагахъ окажется невыполнимымъ?!.

Конечно, приходится съ радостью привѣтствовать и подобное нововведеніе въ уставъ гарнизонной службы, опять-таки, какъ торжество извѣстнаго принципа, хотя и подрываемаго отчасти только что приведенною канцелярско-штабной оговоркою...

Но и тутъ, въ этой уступкѣ моимъ заявленіямъ, нельзя не усмотрѣть,—если можно такъ выразить,—„духо-боязни“ составителей проекта, положившихъ въ основу классификаціи, опять-таки, чисто внѣшніе, служебно-канцелярскіе признаки, а не душу людей, населяющихъ гауптвахты, не „души“ ихъ дѣлъ и проч.

Вотъ куда привело отсутствіе общей, руководящей, гуманитарно-воспитательной идеи...

Вѣдь лишенный воинскаго званія, конечно, можетъ быть, высоконравственнымъ человѣкомъ, впавшимъ въ преступленіе благодаря несчастью, сложившимся обстоятельствамъ и проч.

Въ то-же время въ общую камеру гауптвахты, куда выдѣлены, по уставу, унтеръ-офицеры, можетъ попасть совершенно-развращенный мерзавецъ въ унтеръ-офицерскомъ мундирѣ, котораго еще не сняли съ него ранѣе по недоразумѣнію, который съ него сниметъ непремѣнно судъ...

Ярлыкъ, приклеиваемый закономъ, равнодушной рукою исполни-

телей послѣдняго, къ извѣстному роду преступленій, еще не служитъ, конечно, доказательствомъ того, что передъ нами, на гауптвахтѣ, настоящій преступникъ: въ книгѣ моей *я много* и часто говорилъ на эту тему...

Съ точки зрѣнія удобствъ комендантскихъ управленій, надо признать, что подобная, основанная на чисто внѣшнихъ признакахъ, классификація, вполнѣ оправдывается обстоятельствами. Она, въ тоже время, вполнѣ подходитъ и къ научному уровню лицъ, стоящихъ во главѣ современной намъ гауптвахты...

Не это-ли имѣли въ виду составители проекта?!

Но я уже достаточно кажется, говорилъ на тему о томъ, что современная намъ гауптвахта нуждается именно, и прежде всего, въ обновленіи состава начальствующихъ, въ оздоровленіи, одухотвореніи идей, связанныхъ съ ея режимомъ...

Никакія реформы не помогутъ, если новое вино безразсудно, неосторожно вольется въ старые мѣха, т. е. если гауптвахтныя реформы суждено будетъ вводить въ жизнь людямъ, къ тому совершенно неподготовленнымъ...

А до сихъ поръ у насъ не додумались вѣдь создать какое-либо спеціальное учрежденіе для военно-карательныхъ заведеній Россіи вообще, въ частности-же для обслуживанія главныхъ гауптвахтъ, учрежденіе, черезъ которое предварительно проходили-бы всѣ лица, начиная съ высшихъ начальниковъ ихъ, кончая служащими въ нихъ нижними чинами, для подготовки къ исполненію своихъ будущихъ, спеціальныхъ обязанностей....

Если существуетъ Академія Военно-Юридическая, то почему-бы не создать, для офицерскаго состава, академіи военно-тюремной, а для нижнихъ чиновъ—особыхъ курсовъ при этой послѣдней?

Для подготовки надлежащаго состава нужно время, нуженъ опытъ, нужно много другихъ условій...

А у насъ всякій новый уставъ гарнизонной службы, самый совершенный, неминуемо разобьется о скалы всевозможныхъ приключеній, прежде всего, благодаря совершенно неподготовленному составу комендантскихъ управленій.

Однако мнѣ пора поставить точку на критикѣ лежащаго передо мною проекта новаго устава, чтобы не разрѣшиться новой, объемистою книгой...

Хочется сказать еще, что, конечно, всякій уставъ, относящійся къ военнымъ заключеннымъ, обратится въ мертвую букву, если къ одухотворенію его не будутъ привлечены лица, хотя и не перечисленные въ составѣ комендантскаго, караульнаго начальства, но заинтересованные въ судьбѣ узниковъ, какъ нижнихъ чиновъ и людей.

Тутъ, на почвѣ спасенія, воспитанія свихнувшагося, гибнущаго человѣка, въ мундирѣ нижняго чина, необходима дружная, любовная, проникнутая духомъ христіанскаго милосердія, участія и любви, совмѣстная работа всего военнаго вѣдомства, въ томъ числѣ и представителей этого вѣдомства, носящихъ военно-судебный мундиръ.

Съ этой точки зрѣнія, было-бы естественнымъ, если-бы на по-

вомъ уставѣ гарнизонной службы отразилось давленіе главнаго священника арміи и флота—въ смыслѣ контроля за дѣятельностью по гауптвахтамъ военнаго духовенства, поощренія наградами особо и удачно усердствующихъ пастырей (какъ это ни грустно допускать!), если-бы военные юристы были, по новому уставу, обязаны вносить и свою духовную лепту въ это общее дѣло...

На службѣ, какъ и вообще въ жизни, много значитъ тонъ, энергія, манера отданнаго приказа, умѣнье, авторитетность начальника, сила личнаго убѣжденія, вложеннаго въ произносимую имъ команду: это—истина, которая вбивается въ головы воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній, на школьной скамьѣ, начальствующимъ нижнимъ чинамъ въ строю...

Скомандуйте сонно, вяло, слабымъ голосомъ, „такъ себѣ", лишь-бы исполнить наружно извѣстный обрядъ, въ практической пользѣ котораго вы сами не убѣждены, какое-либо „смирно!"—и вы увидите, какъ настроеніе ваше неминуемо отразится на подвѣдомственной вамъ части войска или управленія: нижніе чины крайне чутки къ тону произносимой начальникомъ команды...

Съ другой стороны, цѣлыя сраженія, какъ извѣстно изъ исторіи, выигрывались, благодаря умѣнью командовать, отдавать приказанія, держать свою часть въ рукахъ...

Нашъ Суворовъ понималъ это отлично.

Право, когда я вижу жалкіе клочки моихъ реформъ, точно изъ милости, насильственно втиснутые въ проектъ новаго устава гарнизонной службы, мнѣ чудится вялая, неумѣлая, неувѣренная, сонная, а, главное, непроникнутая духомъ личнаго убѣжденія, команда офицера, поставленнаго не на своемъ мѣстѣ...

Не къ чему быть пророкомъ для того, чтобы предсказать, что комендантскія управленія, караулы, строевое и иное начальство, соприкасающіеся такъ или иначе съ бытомъ гауптвахты, сейчасъ-же отлично уловятъ „духъ" грядущаго устава и, уловивъ его, отнесутся къ нему по его достоинству...

Сила личнаго моего отчаянія, унынія, горя, при видѣ подобныхъ, конечныхъ результатовъ моихъ, нѣкогда столь удачныхъ, начинаній, можетъ быть выражена именно желаніемъ, жившимъ во мнѣ въ минуту окончанія изученія проекта: пусть хоть такое неудачное, убогое твореніе, какъ новый уставъ, осуществится, войдетъ въ практику арміи!! А тамъ... Тамъ снова будемъ стучаться—въ надеждѣ, что, наконецъ-то, „отверзется"...

ГЛАВА XIV.

По-прежнему я тружусь на Виленской главной гауптвахтѣ. Новый комендантъ полковникъ Темниковъ. Переписка съ протопресвитеромъ Аквилоновымъ, съ Главнымъ Штабомъ. Меня, по проискамъ полковника Темникова, по приказу командующаго войсками, съ благословенія военнаго министра ген. Сухомлинова, безъ церемоніи выбрасываютъ изъ Виленской главной гауптвахты съ моимъ опытомъ, желаніемъ служить дѣлу, съ моими книгами, Евангеліями, иконами,—за то только, что я не могъ видѣть вопіющіе непорядки и, какъ порядочный человѣкъ, возсталъ противъ нихъ: яркая, финальная иллюстрація къ общимъ судьбамъ русской гауптвахты! Дальше, кажется, идти некуда.

Пока шли мои оффиціальныя сношенія съ Главнымъ Штабомъ упоминаемыя въ предыдущей главѣ, я и на 1910 годъ получилъ, отъ Виленскаго комендантскаго управленія, во главѣ котораго, по-прежнему, стоялъ сочувствовавшій моимъ нововведеніямъ на мѣстной главной гауптвахтѣ генералъ Ивановъ, человѣкъ просвѣщенный и понимавшій всю ненормальность положенія гауптвахты, разрѣшеніе на періодическія посѣщенія узниковъ, на устройство для нихъ моей библіотеки, на раздачу Евангелій, развѣшиваніе по казематамъ иконъ и проч...

По обще-принятому мною правилу, я и теперь поднялъ прежде всего вопросъ о крайне, насущно необходимомъ для здоровья нижнихъ чиновъ—о прогулкахъ заключенныхъ.

Надо замѣтить, что въ большинствѣ русскихъ главныхъ гауптвахтъ (да и гауптвахтъ отдѣльныхъ частей войскъ), съ которыми я знакомился, не оказывалось обыкновенно соотвѣтствующаго двора для прогулокъ, что̀ объясняется или тѣмъ, что зданія подъ гауптвахты были на̀-скоро передѣланы изъ такихъ казенныхъ, случайныхъ, построекъ, съ которыми не связывались въ прошломъ потребности современныхъ мѣстъ заключенія, или,—если зданія и строились на́-ново, то, благодаря умолчанію о прогулкахъ въ уставѣ о службѣ въ гарнизонѣ, и отсутствію должнаго вниманія къ участи узниковъ, о дворахъ, достаточныхъ для моціона, гимнастики, строевыхъ занятій и т. п., не подумали.

Такъ случилось и теперь: едва поднялъ я вопросъ о прогулкахъ, какъ онъ родилъ другіе вопросы: а) Гдѣ гулять? б) Какъ упорядочить прогулки—въ виду большого количества заключенныхъ и необходимости назначенія для такой, непредвидѣнной уставомъ, надобности, значительнаго-же числа „выводныхъ“ нижнихъ чиновъ, въ обремененіе, конечно, гарнизона?

Дворъ у Виленской главной гауптвахты имѣлся, но слишкомъ небольшой, съ ветхимъ, старымъ заборомъ, небезопаснымъ въ виду возможности побѣга...

Пришлось идти, въ данной обстановкѣ, на компромиссъ, воспользовавшись длиннымъ, широкимъ корридоромъ нижняго этажа,

съ окнами на улицу, въ который выходили двери большинства общихъ камеръ: въ этотъ-то корридоръ, въ извѣстные часы, сразу изъ всѣхъ камеръ выпускались узники, и, кромѣ часовыхъ, ходившихъ обычно вдоль корридора, наблюдавшихъ за узниками черезъ окошечки, ставился теперь еще особый постъ у желѣзныхъ, рѣшетчатыхъ дверей, ведущихъ въ корридоръ изъ прихожей и караула.

Но тутъ—новое препятствіе, подрывавшее возможность строгаго изолированія заключенныхъ по камерамъ, о которомъ я тоже хлопоталъ: во время прогулокъ совершалось невольное смѣшеніе такихъ элементовъ, которые должны были быть обязательно разобщены, происходили разговоры между ними и проч.

Во время такихъ-то общихъ прогулокъ по корридору, зимой, все-же производилось провѣтриваніе камеръ съ помощью открытыхъ въ нихъ форточекъ, безъ риска простуживать нижнихъ чиновъ.

Вообще и въ Вильнѣ, равно какъ и на другихъ, видѣнныхъ мною гауптвахтахъ, внутренній режимъ узниковъ былъ на столько ослабленъ, что даже внѣ упоминаемыхъ общихъ сходбищъ заключенныхъ на прогулки, несмотря на всѣ мои запрещенія, просьбы и увѣщеванія, розданныя для чтенія книги мои свободно переходили изъ одной общей камеры въ другую, дѣлая невозможнымъ какой-либо контроль за ихъ цѣлостью, порядкомъ сдачи и т. п.

Пользуясь моими появленіями на гауптвахтѣ, и добрыми со мною отношеніями, комендантское управленіе нерѣдко обращалось даже ко мнѣ, въ трудныя минуты своей дѣятельности, за совѣтами.

И, дѣйствительно, сама жизнь гауптвахты, неукладывающаяся въ опредѣленныя рамки, на каждомъ шагу, ставила ребромъ вопросы, на которые нельзя было найти отвѣтовъ ни въ уставѣ о службѣ въ гарнизонѣ, ни въ законѣ, ни въ циркулярахъ Главнаго Штаба, ни въ приказахъ по военному вѣдомству, уже потому, что совмѣщеніе несовмѣстимаго—въ видѣ смѣшенія военно-карательнаго учрежденія съ мѣстомъ предварительнаго заключенія, какъ противорѣчащее здравому смыслу и духу закона, какъ неоформленное, при томъ, никакой инструкціей, конечно, ничего, кромѣ путаницы и нежелательныхъ осложненій, принести не могло.

Признаться, я, юристъ, зачастую не могъ подать иного практическаго совѣта, какъ, или въ явное нарушеніе закона, терпѣть непорядокъ, или завести по поводу его безплодную переписку, чтобы свалить на другихъ отвѣтственность...

Два письма моихъ, ниже-приводимыхъ, укажутъ, что, если мнѣ не удалось продвинуть до конечныхъ, благихъ результатовъ общій гауптвахтный вопросъ, то въ отношеніи гауптвахтныхъ заключенныхъ г. Вильны я былъ все тѣмъ-же, какимъ много лѣтъ тому назадъ видѣли меня многія гауптвахты Россіи.

14 іюня 1910 года я писалъ мѣстному коменданту генералу Иванову:

„Ваше Пре-во, Глубокоуважаемый Александръ Николаевичъ,

Прикомандированный къ Виленскому комендантскому управленію поручикъ 107 п. Троицкаго полка В. передалъ мнѣ двѣ бумаги,

Вами написанныя по поводу арестованныхъ на Виленской главной гауптвахтѣ нижнихъ чиновъ.

Позвольте принести Вамъ за этотъ подарокъ мою сердечную благодарность. Я его присоединю къ моему „дѣлу" объ арестованныхъ.

Но какъ трудно у насъ, въ Россіи, что-либо дѣлать и сдѣлать указываетъ слѣдующій фактъ:

Уѣзжая въ С.-Петербургъ, я просилъ того-же поручика еженедѣльно посѣщать арестованныхъ, выдавая имъ книги изъ моей библіотеки, для чего онъ и получилъ отъ меня ключъ, обѣщая все сдѣлать.

Я былъ въ отсутствіи 1½ мѣсяца. Возвратившись, иду къ поручику и спрашиваю его, часто-ли онъ бывалъ у моихъ несчастныхъ, бѣдныхъ арестованныхъ?

Онъ увѣряетъ, что былъ одинъ разъ, что вмѣсто него ходилъ кн. Чагодаевъ и т. п.

Одинъ разъ въ 1½ мѣсяца! Недурно...

Иду къ заключеннымъ; опрашиваю ихъ... И что-же? За 1½ мѣсяца *никто у нихъ не былъ съ книгами и мои книги, выданныя мною на руки 1½ мѣсяца тому назадъ ждали, для замѣны ихъ, моего возвращенія, по камерамъ!...*

Поручикъ даже и тутъ сказалъ невѣрно.

И это, при томъ условіи, что поручикъ 1½ мѣсяца сидѣлъ *подъ одной крышей съ арестованными*, а на раздачу имъ книгъ надо было затратить ½ часа времени въ недѣлю, *не болѣе*.

Вотъ Вамъ яркій примѣръ *человѣчнаго*, живого отношенія къ узникамъ, лишеннымъ свободы и духовной пищи!..

Да, намъ нужны люди... А гдѣ ихъ взять?!.

Тѣмъ пріятнѣй мнѣ было прочесть Ваши бумаги, мнѣ подаренныя, какъ благородную попытку помочь узникамъ...

Пользуясь случаемъ, еще разъ благодарю Ваше Пре-во за ту поддержку и сочувствіе, которыя въ Васъ, какъ въ комендантѣ, я всегда встрѣчалъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга, преданный Вамъ

А. Жиркевичъ".

Мысль о возможности ввести на гауптвахту, въ видѣ опыта, и газету, подходящую къ общему уровню заключенныхъ, давно не давала мнѣ покою.

24 августа того-же года я обратился къ редактору „Виленскаго Военнаго Листка" полковнику Федоренкѣ, съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Многоуважаемый, Василій Тимофѣевичъ!

Позвольте утруждать Васъ просьбою, какъ редактора „Виленскаго Военнаго Листка!"

Нѣсколько лѣтъ, съ особаго разрѣшенія высшаго начальства, мною, на мои средства, устроена солдатская библіотека для арестованныхъ нижнихъ чиновъ Виленской главной гауптвахты. Я самъ

раздаю книги, завелъ по камерамъ иконы, Евангелія. Борюсь съ клопами и общимъ равнодушіемъ.

Теперь арестованные обратились ко мнѣ съ просьбою—давать имъ читать какую-либо газету.

Но какъ библіотека моя, такъ и газета, пока еще не предусмотрѣны уставомъ гарнизонной службы... А потому надо о газетѣ просить начальство. Думаю, что и ее мнѣ разрѣшатъ.

Надѣюсь, что Вы пойдете навстрѣчу мнѣ—въ справедливомъ стремленіи моемъ внести въ казематы № 14-го б. Виленской цитадели лишнее живое слово извнѣ и, если начальство дозволитъ газету для арестованныхъ, то согласитесь пожертвовать по два экземпляра ея, для верхняго и нижняго этажей?!...

Я-же Вамъ дамъ за это интересную рукопись (еще неизданную) дневника Портъ-Артурскаго солдатика.

Отвѣтьте, согласны-ли Вы, или нѣтъ въ принципѣ, по адресу...

Но пока все это еще у меня въ проектѣ. И мнѣ хочется знать Ваше мнѣніе предварительно.

Конечно, я готовъ и заплатить за газету.

Когда получу отвѣты Вашъ и комендантскаго управленія, то зайду къ Вамъ, въ Штабъ, для личныхъ переговоровъ.

Примите увѣреніе и проч.

А. Жиркевичъ".

Въ результатѣ, на Виленскую главную гауптвахту, для заключенныхъ, началъ присылаться „Виленскій Военный Листокъ" даже въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Отъ этого, конечно, никакихъ потрясеній основъ военно-гауптвахтнаго устава гарнизонной службы, самой службы, отправленія обязанностей караулами, содержанія заключенныхъ и быта Виленскаго комендантскаго управленія не произошло, а нижніе чины, въ подспорье къ моимъ книгамъ, стали съ интересомъ узнавать, по газетѣ, что дѣлается на свѣтѣ, за стѣнами ихъ казематовъ.

Скоро упорядочилъ я и вопросъ—о порядкѣ полученія этой газеты, выдачи ее въ камеры, а комендантское управленіе оффиціально оповѣстило о моемъ нововведеніи караульныхъ начальниковъ... Произошли нѣкоторыя недоразумѣнія съ караулами, да и тѣ скоро уладились...

Но тутъ случилось одно событіе въ моей гауптвахтной дѣятельности, разбившее, какъ мы увидимъ, ниже, всѣ мои труды, всѣ мечты и надежды—приносить пользу заключенныхъ хоть въ одной Вильнѣ: генералъ Ивановъ получилъ другое назначеніе, а на мѣсто его былъ назначенъ Виленскимъ комендантомъ полковникъ Темниковъ...

До того я не былъ знакомъ съ этимъ штабъ-офицеромъ, а только слышалъ въ штабѣ округа, отъ служащихъ въ Виленскомъ военномъ госпиталѣ, объ его невозможномъ характерѣ и кучѣ столкновеній по службѣ всякаго рода, сопровождавшихъ, благодаря этому, исполненіе имъ обязанностей начальника госпиталя.

Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ я встрѣчи съ нимъ,—человѣкомъ, отъ котораго непосредственно, всецѣло зависѣла участь моихъ узниковъ, а также возможность, съ моей стороны, продолжать на Виленской гауптвахтѣ мои культурныя преобразованія.

Сначала и съ полковникомъ Темниковымъ, несмотря на его, дѣйствительно тяжелый, характеръ, взгляды и тайное несочувствіе моей дѣятельности на гауптвахтѣ, установились у меня возможно мирныя отношенія.

Привожу три документа, на это указывающіе.

Вотъ они:

1) Выписка изъ письма моего къ Темникову (отъ 25 августа 1910 г.):

„... Солдатики просятъ давать имъ читать и газеты.

Мнѣ кажется, что смѣло можно-бы имъ дать „Виленскій Военный Листокъ", издаваемый при окружномъ штабѣ, для нижнихъ чиновъ.

Я это возьму на себя устроить, если Вы разрѣшите мнѣ такую газету ввести на гауптвахту.

Будьте любезны, увѣдомьте меня о согласіе Вашемъ, по адресу, выше указанному,—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Благодарю Васъ за исполненіе просьбъ моихъ о банѣ и прогулкахъ!..

Вообще благодарю комендантское управленіе за любезное отношеніе къ моимъ заявленіямъ по вопросамъ объ улучшеніи быта несчастныхъ заключенныхъ, что было еще недавно съ клопами..."

2) Отрывокъ изъ письма моего къ нему-же (отъ 1 сент. 1910 г.):

„Мнѣ очень досадно, что Вы не застали меня дома. А мнѣ такъ нужно съ Вами переговорить!

Я все жду письменнаго отвѣта на счетъ газеты. — Напишите только, согласны-ли Вы, или нѣтъ?

Если „нѣтъ", то я обращусь за разрѣшеніемъ въ Главный Штабъ или къ Военному Министру.

Полагаю, что разумная, *солдатская* газета только принесетъ солдатамъ-заключеннымъ пользу, внося свѣжій, здоровый воздухъ со стороны въ ихъ сырые, зловонные—и въ нравственномъ отношеніи казематы.

Мало-ли что не предусмотрѣно уставомъ гарнизонной службы?!.

Мѣсяца два тому назадъ я просилъ служащаго при комендантскомъ управленіи офицера доложить Вамъ мою убѣдительную просьбу, нельзя-ли арестованныхъ нижнихъ чиновъ водить въ баню *два раза въ мѣсяцъ, какъ это и полагается уставомъ гарнизонной службы!*

Адъютантъ обѣщалъ, что мое желаніе будетъ исполнено.

Но вотъ *уже три недѣли*, какъ нижніе чины сидятъ безъ бани.

Неужели здѣсь вопросъ въ экономіи дровъ?!.

Если мнѣ, находящемуся на свободѣ, въ условіяхъ удобной, сытой жизни, надо разъ въ недѣлю бывать въ банѣ, какъ человѣку, чтобы не захворать, то *частая баня* для заключенныхъ—прямо потребность и справедливость, прежде всего вызываемая гигіеной... Спросите гауптвахтнаго врача!

Въ обстановкѣ всякой, даже благоустроенной, гауптвахты, при

скученности арестованныхъ, между которыми бываютъ и больные, ихъ бѣднотѣ, неряшливости, грязномъ, рваномъ, рѣдко мѣняющемся, бѣльѣ, рваной, пропитанной пôтомъ и разными вредными испареніями, одеждѣ,—баня, хотя-бы два раза въ мѣсяцъ, какъ положилъ законъ, безусловно и крайне необходима, тѣмъ болѣе, что это—единственный случай, когда солдатики-узники могутъ горячей водою выстирать свое бѣлье.

Убѣдительно прошу Васъ—приказать устраивать баню два раза въ мѣсяцъ, хотя-бы изъ простого милосердія къ заключеннымъ!

Если надо, то я готовъ *на вторую баню* въ мѣсяцъ давать *мои* деньги.

Сообщите тогда, каковъ расходъ дровъ на одну баню?

Не вѣрится, чтобы многотысячный Виленскій гарнизонъ не былъ-бы въ состояніи давать *для своихъ* заключенныхъ дровъ, средствъ и т. п.

Извините, что я вмѣшиваюсь въ этотъ насущный вопросъ!

Но у меня—особыя права на сношенія съ арестованными. И *я прошу, а не требую,* надѣясь на Ваше *человѣческое* сочувствіе.

Еще къ Вамъ одна просьба.

У Васъ сидитъ (въ нижнемъ этажѣ) лишенный воинскаго званія и правъ Кокшинъ, отбывающій крѣпостное наказаніе.

Такъ какъ онъ исключенъ изъ военной службы, то, конечно, платья, бѣлья и проч. части войскъ ему не даютъ.

Но такъ какъ онъ *отбываетъ на гауптвахтѣ наказаніе, какъ въ крѣпости,* а въ крѣпости арестованныхъ одѣваютъ на счетъ военнаго вѣдомства, то и Кокшина должно одѣвать это вѣдомство.

Нельзя-ли разъяснить поскорѣе этотъ вопросъ и дать арестованному платье, бѣлье?—А то, которое на немъ, гніетъ, расползается......

Если онъ очутится голымъ, то придется вѣдь одѣть его?!.

Вотъ все, что я хотѣлъ сообщить Вамъ лично и что пишу, опять не найдя Васъ въ комендантскомъ управленіи. Ранѣе-же 12-и часовъ никакъ не могу я зайти".

3) „*Инструкція начальнику главнаго караула.*

Нижнимъ чинамъ, содержащимся на главной гауптвахтѣ, разрѣшается читать Виленскій Военный Листокъ и книги, выдаваемыя генералъ-маіоромъ Жиркевичемъ.

И. д. Виленскаго коменданта полковникъ Темниковъ.

9 сентября 1910 г."

Значеніе подобныхъ документовъ обрисуется вполнѣ впослѣдствіи, когда перейду я къ вопросу о моемъ изгнаніи изъ Виленской гауптвахты.

Не прекращались, между тѣмъ, сношенія мои съ Петербургомъ.

Кончина протопресвитера Желобовскаго, ставшаго въ послѣдніе годы жизни своей совершенно равнодушнымъ къ заявленіямъ моимъ о гауптвахтахъ и содержащихся на нихъ узникахъ, заставила меня поспѣшить войти въ живыя, непосредственныя сношенія со вновь

назначеннымъ на этотъ постъ о. Аквилоновымъ, которому (12 сент. 1910 г.) я и послалъ письмо слѣдующаго содержанія:

„Ваше Высокоблагословеніе, Глубокоуважаемый Отецъ Протопресвитеръ!

Позвольте привѣтствовать Васъ съ высокимъ назначеніемъ! Помоги Богъ долго и славно служить на новомъ посту!

Покойный протопресвитеръ А. А. Желобовскій, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, горячо, съ любовью, благословилъ мое начинаніе по дѣлу объ улучшеніи быта нижнихъ чиновъ, заключенныхъ на нашихъ главныхъ (общихъ) военныхъ гауптвахтахъ.

Съ тѣхъ поръ я завожу библіотеки для такихъ узниковъ на свой счетъ, въ городахъ, гдѣ живу, снабжаю солдатиковъ Евангеліями, вѣшаю иконы въ ихъ камеры и т. п.

Но—увы!—самое дѣло объ улучшеніи быта арестованныхъ, поднятое мною въ Военномъ Министерствѣ, не получило еще общаго примѣненія по всей Россіи, все еще обсуждается...

А, кажется, чего тутъ обсуждать? Дико спорить, напримѣръ, о томъ, что разумная книга можетъ принести что-либо, кромѣ пользы...

Смѣняется, однако, Военный Министръ—и мое начинаніе глохнетъ. Снова его вывожу я на свѣтъ и т. д.

Вотъ и теперь, при гуманномъ генералѣ Сухомлиновѣ, лично меня знающемъ, я еще разъ вытянулъ жгучій вопросъ на свѣтъ Божій и мои реформы внесены въ проектъ устава гарнизонной службы; *но пока еще лишь въ проектъ*, который разосланъ на разсмотрѣніе по Россіи...

А пока тамъ, въ разныхъ мѣстахъ, „разсматриваютъ", арестованные мои томятся по мѣсяцамъ безъ разумной, полезной, интересной книги, не видя священника, не участвуя въ молитвѣ, иногда, какъ дикіе звѣри, запертые за рѣшотки...

Ихъ тысячи!.. Ужасно все это видѣть, чувствуя личную свою безпомощность, особенно когда подумаешь, что между военными заключенными не всѣ-же еще совсѣмъ погибшіе, испорченные, а есть и такіе, которые, промучась долго на гауптвахтѣ, потомъ оправдываются судомъ...

Но и къ завѣдомо преступнымъ нужно вѣдь Христово милосердіе!..

Возьмите, Глубокоуважаемый Евгеній Петровичъ, и Вы, по всей Россіи, *моихъ*, забытыхъ арестованныхъ подъ милостивую опеку, обязавъ мѣстное военное духовенство посѣщать всѣ гауптвахты Россіи, раздавать Евангелія, устраивать душеспасительныя чтенія и бесѣды, входить въ нравственныя нужды заключенныхъ!.

Это-ли не святое дѣло?!.

Ходилъ, говорятъ, прежде какой-то священникъ на гауптвахту въ Вильнѣ. Да видимо, ослабла въ немъ энергія. Или въ сердцѣ не хватило елея любви къ страждущему ближнему. Вотъ уже мѣсяцевъ восемь, какъ спрашиваю я арестованныхъ—„былъ-ли у васъ батюшка?"—и получаю неизмѣнный, грустный отвѣтъ: „не былъ".

Забытые, выброшенные изъ здоровой среды, ошельмованные, они ждутъ именно „слова Божія",—и не слышатъ его...

Ужасно! Ужасно!!.

Мои книги, иконки, Евангелія—капля въ морѣ, конечно; моя библіотека, вѣрно, одна на всю Россію... Она не предусмотрѣна уставами...

Но вѣдь возможно было-бы обратить эту каплю въ цѣлое море, если-бы, напримѣръ, наше военное духовенство иначе смотрѣло на свои *внѣ-служебныя обязанности*.

А мы—увы!—и обременены личными, общественными заботами, и сами слабы духомъ... Намъ нужны приказъ и подсказъ начальства......

Сколько военныхъ батюшекъ, хотя-бы въ г. Вильнѣ, проходятъ каждый день мимо главной гауптвахты, равнодушно глядятъ на ея рѣшетчатыя окна, на блѣдныя физіономіи заключенныхъ и бредутъ мимо. Въ голову имъ не приходитъ—зайти, наставить, благословить, подкрѣпить... У нихъ—„мертвыя" души...

А какъ было-бы хорошо—обязать ихъ, *именно ихъ*, „отцовъ духовныхъ", часто навѣдываться въ эти зловонные, сырые, тѣсные казематы, забытые нерѣдко людьми!

Хожу туда еженедѣльно: чужое страданіе притягиваетъ до личнаго страданія.

Сколько вижу горя, слезъ и молчаливой покорности волѣ начальства!...

Заѣдаютъ несчастныхъ вши, клопы. Помѣщенія—сыры, душны, малы...

И такъ повсюду.

Недавно еще я снесъ, купивъ на свои деньги, машинку для стрижки узниковъ (а то они обросли волосами, какъ разбойники), добился, чтобы ихъ водили дважды въ мѣсяцъ въ баню; хожу къ нимъ, разговариваю; разговляюсь на Пасху.

Комендантское начальство здѣсь идетъ пока мнѣ навстрѣчу.

Но, какъ заѣдаютъ узниковъ клопы и вши, такъ начальство заѣдаетъ канцелярія...

Совсѣмъ иное было-бы, если-бы это видѣли военные батюшки, да не по службѣ, а по сердцу, бесѣдуя потомъ, послѣ своихъ посѣщеній, о насущныхъ нуждахъ заключенныхъ съ начальствомъ...

Если не угасла въ простомъ, русскомъ человѣкѣ вѣра въ Бога, то вши, клопы, сырые казематы и другія лишенія, ему нипочемъ: то-ли видѣлъ иной солдатикъ,—мужичекъ дома?! Вѣра все согрѣетъ, со всѣмъ примиритъ...

Погасите-же этотъ Божій свѣтильникъ вѣры,—слабый, колеблемый вѣтромъ страстей—и на гауптвахтахъ, за рѣшотками, очутятся дикіе звѣри, ненавидящіе начальство—за его равнодушіе къ ихъ нуждамъ...

А тамъ, смотришь, выпустили такого „звѣря" обратно въ часть (оправдавъ или послѣ отбытія имъ наказанія)—и онъ несетъ, въ среду неиспорченнаго, строевого элемента, болѣзни, нажитыя на гауптвахтѣ, дурныя привычки, сквернословіе, безвѣріе, а, главное, злобу на...... яко-бы произволъ и бездушіе начальства, завѣдующаго гауптвахтами. Въ такомъ типѣ порой—уже задатки будущаго соціалиста.

Возьмите, о. Протопресвитеръ, для опыта, и запросите ввѣренное Вамъ духовенство всей Россіи, часто-ли оно, по завѣту Христа, посѣщаетъ и посѣщало военныхъ узниковъ?!.

Если скажутъ правду, то сами Вы ужаснетесь: цѣлая полоса военнаго быта внѣ вліянія Церкви!..

Недавно, на 50 рублей, купилъ я книгъ. А онѣ уже растеряны, потрепались, такъ какъ моя библіотека—„частная"; за ней нѣтъ надзора; ее лишь терпятъ до времени. Надо-бы купить новыхъ книгъ. А другихъ 50-и рублей у меня пока нѣту. Что дѣлать?!. Деньги, конечно, я добуду: нельзя-же моимъ арестованнымъ голодать духовно?!.

Не можете-ли Вы, Глубокоуважаемый Отецъ Протопресвитеръ, помочь мнѣ, прислать мнѣ *книжекъ* для моей библіотеки, Евангелій, иконокъ—на стѣны камеръ?!. Все раздамъ отъ имени Вашего... А какъ арестованные, при бездѣльи ихъ, жадно глотаютъ книжки!..

Главное-же, благословите и меня, и моихъ заключенныхъ! Вдохните душу живую въ военныхъ „отцовъ"!!. Не такое время, чтобы спать: врагъ рода человѣческаго, во образѣ революціи, лишь притаился на время.

Многое-бы я еще Вамъ сказалъ; да боюсь, что и безъ того уже наскучилъ моими жалобами, длиннымъ письмомъ. Но началъ писать— и трудно удержаться: все, наболѣвшее за много лѣтъ, просится наружу.

Не могли-ли-бы Вы также, черезъ г. Военнаго Министра, ускорить выходъ въ свѣтъ новаго устава гарнизонной службы? Туда включены и мои библіотеки.

Тогда-бы всю Россію покрыла-бы, по моему проекту, сѣть казенныхъ, гауптвахтныхъ библіотекъ: новое пособіе русскому народу...

Дай-то Богъ!

Будьте добры, примите отъ меня на память одну изъ моихъ книгъ: она скажетъ Вамъ, чѣмъ полна душа моя...

Если захотите порадовать меня, то пришлите мнѣ, въ отвѣтъ, Вашу фотографію съ надписью! Нѣтъ-ли Вашихъ сочиненій?

Когда-то мой докладъ о гауптвахтахъ генералу Куропаткину былъ разосланъ по войскамъ Россіи съ печатнымъ, благопріятнымъ мнѣніемъ отца Желобовскаго. Это случилось, если не ошибаюсь, восемь лѣтъ тому назадъ.

Велите подать его себѣ! Онъ у Васъ, въ дѣлахъ.

И забыть такое чудное дѣло, не двинуть его восемь лѣтъ впередъ!. Это-ли не ужасъ?!.

Нельзя-ли Вамъ спросить г. Военнаго Министра о положеніи вопроса?—Это ускорило-бы развязку.

А я уже и безъ того наскучилъ моими вѣчными напоминаніями и просьбами... Вы-же человѣкъ свѣжій. Вамъ простятъ заданный вопросъ.

На дняхъ, вотъ, писалъ я письмо къ родителямъ одного молодого военнаго узника, котораго они бросили, не отвѣчаютъ ему на письма. А онъ, бѣдняга, изводится отъ этого разрыва съ семьей... Видимо все въ немъ есть: и разумъ, и сердце, и вѣра, и добродушіе. Человѣкъ еще не погибъ окончательно. Надо-бы его поддержать ду-

ховно, во-время подкрѣпить слабѣющую волю. На моемъ мѣстѣ, сердечный, умный „батюшка“ раздулъ-бы и этотъ тлѣющій огонекъ одинокой, скорбящей, молодой души въ цѣлое пламя. Вѣдь я для солдатика все-же генералъ, хоть и отставной, начальство! Со мной онъ не разговорится по сердцу... Но нѣтъ его, этого желаннаго „батюшки“... Впрочемъ, онъ есть: вижу его, какъ прошелъ онъ равнодушно мимо гауптвахты—и не зашелъ туда... Начальство не можетъ ему этого приказать. Онъ, по своему, правъ... Тутъ нужна въ самомъ „отцѣ духовномъ“ искра Божія

Много, однако, значитъ у насъ, на Руси, починъ начальства. Знаю случаи, когда, при поощреніи начальства, загорались въ душахъ подчиненныхъ и любовь, и состраданіе...

Вотъ гдѣ Вы, Глубокоуважаемый Отецъ Протопресвитеръ, словомъ своимъ можете возбудить въ подчиненныхъ Вашихъ высокую жажду подвига!

Сдѣлайте это во имя Христа, заповѣдавшаго намъ посѣщать темницы!! Скажите властно, на всю Россію, это „забытое“ слово!!.

И не осудите меня за тонъ письма! Не могу, не умѣю писать прилизанныя, казенныя письма по этому больному, давно назрѣвшему вопросу военнаго быта...

Хотятъ оздоровить всю нашу армію, произвести между нижними чинами своего рода дезинфекцію. А есть уголъ, гдѣ зараза свила себѣ прочное гнѣздо, куда дезинфекторы никогда еще не заглядывали, какъ слѣдуетъ.

Это—наши общія, главныя гауптвахты...

Вотъ чего какъ-бы не хотятъ понять, хотя я кричу столько лѣтъ!..

Испрашивая себѣ молитвъ Вашихъ, остаюсь Вашего Высокоблагословенія преданнѣйшій слуга

А. Жиркевичъ.“

Вотъ отвѣтное письмо Протопресвитера Аквилонова, полученное мною (20 сент. 1910 г.):

„Ваше Пре—во, Глубокоуважаемый Александръ Владимировичъ!

Благодарю Васъ за письмо, въ которомъ Вы проявили такъ много сострадательнаго участія къ заключеннымъ и трезвость мысли. Вы не только чувствуете и разсуждаете, но, что еще важнѣе, и самымъ дѣломъ христіанскаго милосердія подтверждаете свое убѣжденіе въ крайней потребности облегчить и для воспитанія въ истинахъ вѣры использовать горькую участь томящихся на гауптвахтахъ узниковъ.

Вполнѣ раздѣляю Вашъ взглядъ на дѣло и буду стараться пролить свѣтъ и состраданіе въ эту страну печали и огорченія. Что касается подвѣдомаго мнѣ духовенства, то я напомню ему объ исполненіи словъ Спасителя: „Въ темницѣ быхъ, и пріидосте ко Мнѣ“. Равно какъ постараюсь обратить вниманіе и военныхъ властей на безобразное состояніе солдатскихъ гауптвахтъ. Надѣюсь, самъ Господь поможетъ въ этомъ святомъ дѣлѣ.

Къ глубокому сожалѣнію, у насъ очень много говорятъ и мало дѣлаютъ для религіозно-нравственнаго воспитанія русскихъ православныхъ воиновъ. Печальный опытъ послѣдней войны обратилъ общее вниманіе на усовершенствованіе боевой техники, на примѣненіе новѣйшихъ образцовъ орудій и снарядовъ, короче, на внѣшне-физическую сторону дѣла, и почти забылъ о болѣе важной—моральной сторонѣ. И такъ вездѣ, не въ одной арміи...

Еще благодарю Васъ за сердечно-написанную книгу и надѣюсь вскорѣ прислать Вамъ нѣсколько своихъ произведеній.

Постараюсь расположить и военныхъ батюшекъ къ пополненію солдатскихъ библіотекъ полезными изданіями и, особенно, къ тому, чтобы Св. Евангеліе и назидательныя книжки вошли въ обиходъ несчастныхъ заключенныхъ. Безъ духовной пищи человѣкъ черствѣетъ, озлобляется и окончательно портится.

Счастливъ видѣть въ лицѣ Вашего Пре—ва одного изъ рѣдкихъ, въ наше безпутное время, людей, оправдывающаго свою вѣру соотвѣтствующей жизнью съ добрыми дѣлами.

Вашъ усердный богомолецъ Е. Аквилоновъ.“

Получивъ подобный, сердечный откликъ, я, удрученный слишкомъ горькимъ опытомъ, не зналъ, радоваться-ли мнѣ, или осторожно подождать убаюкивать совѣсть свою сладкими мечтаніями...

Не забывалъ я моими напоминаніями и Главнаго Штаба, въ лицѣ его начальника.

Такъ, 25 октября 1910 г., писалъ я генералу Кондратьеву:

„Ваше Пре—во, Милостивый Государь Николай Григорьевичъ,

Въ мартѣ текущаго года Вы изволили препроводить ко мнѣ, съ вѣдома Военнаго Министра, печатный проектъ новаго устава гарнизонной службы, въ который, по указанію Его Высокопре—ва, внесены нѣкоторыя реформы, предложенныя мною еще при ген. Куропаткинѣ по улучшенію быта арестованныхъ нижнихъ чиновъ, содержащихся на главныхъ (общихъ) гауптвахтахъ, сообщивъ мнѣ, что проектъ этотъ разосланъ на разсмотрѣніе высшихъ военныхъ начальниковъ, по Россіи.

Будучи лѣтомъ у ген. Сухомлинова, я лично узналъ отъ Его Высокопре—ва, что проектъ разосланъ въ началѣ этого года.

Такимъ образомъ, надо думать, что въ теченіе этихъ 10-и мѣсяцевъ, получены уже отвѣты отъ высшихъ начальствующихъ лицъ, а быть можетъ, и окончательно редактируется новый уставъ гарнизонной службы.

Я писалъ уже Вашему Пре—ву, на сколько глубоко интересуетъ меня судьба предположенныхъ мною реформъ, а г. Военный Министръ, при моемъ съ нимъ личномъ свиданіи, даже благодарилъ меня за то, что я напомнилъ ему о забытыхъ, неотложныхъ реформахъ по улучшенію быта нашихъ гауптвахтъ.

Я испыталъ уже отзывчивость Вашего Пре—ва по этому насущному вопросу.

Поэтому позвольте еще разъ радѣяться, что Вы не сочтете дерзкимъ вмѣшательствомъ, если я спрошу Васъ, въ какомъ положенiи находится это дѣло, получены-ли уже отвѣты относительно гауптвахтъ, если „да“, то какого содержанiя, и скоро-ли можно ожидать выпуска новаго устава?

Если все это еще лежитъ по канцелярiямъ главныхъ военныхъ начальниковъ Россiи, то нельзя-ли ускорить присылку отъ нихъ отвѣтовъ?

Еще на дняхъ, на одной изъ общихъ гауптвахтъ, я натолкнулся прямо *на ужасы*, которые и заставляютъ меня утруждать Ваше Пре—во настоящимъ моимъ, быть можетъ, и не вполнѣ умѣстнымъ, письмомъ, а также надѣяться на отвѣтъ.

Умоляю двинуть впередъ это вопiющее дѣло!

Прошу Ваше Пре—во принять увѣренiе и проч. А. Жиркевичъ“.

„Милостивый Государь Александръ Владимировичъ“ отвѣчалъ мнѣ (1 ноября того-же года) за генерала Кондратьева кто-то другой, временно исполнявшiй его должность (подпись его не разборчива):

„Въ отвѣтъ на письмо Вашего Пре-ва отъ 25 сего октября имѣю честь сообщить Вамъ, по интересующему Васъ вопросу объ улучшенiи быта арестованныхъ на военныхъ гауптвахтахъ, что окончательная редакцiя проекта устава гарнизонной службы, въ который предположено включить и мѣры по улучшенiю быта арестованныхъ, задержана реорганизацiей высшаго военнаго управленiя и въ настоящее время еще не представляется возможнымъ точно опредѣлить, когда означенный проектъ можетъ быть окончательно отредактированъ“.

Это была уже новость, явно неутѣшительнаго свойства, несомнѣнно указывавшая на закулисную работу „винтиковъ“ отрицательнаго направленiя...

„Какая“ думалось мнѣ: „можетъ быть связь между вопросомъ о „реорганизацiи высшаго военнаго управленiя“, т. е. аристократическихъ военныхъ верховъ, и судьбою подонковъ военнаго быта, всѣми забытыхъ заключенныхъ главныхъ гауптвахтъ?“

Чувствовались тутъ какая-то фальшь, отписка, непониманiе затронутыхъ мною вопросовъ и... опять-таки равнодушiе, равнодушiе къ неотложнымъ нуждамъ русской гауптвахты.

Но ничего не оставалось пока, какъ сидя у моря, терпѣливо ждать хорошей, благопрiятной погоды!

И я съ еще бо̀льшимъ рвенiемъ отдался дѣлу Виленской главной гауптвахты, тѣмъ болѣе, что съ появленiемъ въ ней полковника Темникова, она, на глазахъ моихъ, стала еще болѣе, быстрѣй опускаться во всѣхъ отношенiяхъ...

Мнѣ на столько больно, въ разсказѣ, касаться и личности полковника Темникова, и этого перiода моей борьбы за несчастныхъ уз-

никовъ, и печальнаго для меня исхода ея, что я предпочитаю привести, по порядку, относящіеся сюда документы, снабдивъ ихъ лишь небольшими примѣчаніями, да и то, лишь тамъ, гдѣ это окажется необходимымъ по ходу работы...

А пусть читающіе эту книгу сами сдѣлаютъ безпристрастно обобщенія, выводы и поймутъ, что̀ долженъ былъ выстрадать я, что̀ выстрадали и гауптвахтные узники...

Итакъ, приведу документы изъ личнаго моего архива—въ ихъ послѣдовательности, оговорившись, что, конечно, въ описанія гауптвахтныхъ ужасовъ и беззаконій, которыя мною дѣлались по-начальству, я не включалъ многаго изъ предосторожности, чтобы не очень обременять моими заявленіями и не показаться слишкомъ размѣнивающимся на мелочи.

Такимъ образомъ, единичные случаи, факты, мною указанные, даютъ лишь приблизительное понятіе объ общемъ характерѣ режима, свившаго себѣ прочное, позорное гнѣздо на гауптвахтѣ и парализовавшаго единичныя мои усилія и попытки—внести сюда хоть незначительныя улучшенія...

Но предоставимъ говорить документамъ, въ томъ числѣ и нѣкоторымъ листкамъ моихъ „замѣтокъ"...

1) Выписка изъ моего дневника по Виленской гауптвахтѣ:)*

„24 октября 1910 года я посѣтилъ № 14 б. Виленской цитадели, найдя прежнія безобразія.

По счастью попался мнѣ прикомандированный къ комендантскому управленію поручикъ В., вѣдающій военными заключенными.

Я его и повелъ съ собою по казематамъ, прося убѣдиться въ безпорядкахъ и беззаконіяхъ.

Ему ничего не оставалось сдѣлать, какъ пойти со мною. И мы пошли.

Въ нѣкоторыхъ общихъ камерахъ не оказалось форточекъ, такъ какъ вторыя рамы вставили безъ форточекъ, чѣмъ и закрыли бывшія въ первыхъ, лѣтнихъ рамахъ, форточки. Преступная небрежность была на лицо. Но поручикъ попробовалъ оправдаться...

На вопросъ мой о причинахъ такого безобразія, онъ развязно заявилъ, что о форточкахъ дважды написана бумага въ инженерное управленіе.

„И вы будете ждать отвѣта?" спрашиваю его.

„Да".

„А за это время нижніе чины будутъ продолжать задыхаться?"

Молчитъ.

„Ну, тогда сегодня-же я сообщу обо всемъ командующему войсками или въ штабъ округа. Надо надѣяться, что ускорятъ разрѣшеніе этого вопроса."

Опрашиваю заключенныхъ: оказывается, что форточекъ нѣтъ уже съ недѣлю—и во все это время поручикъ ничего не видѣлъ, такъ какъ на гауптвахтѣ не бывалъ.

*) Надо оговориться, что какъ эта, такъ и другія выписки изъ моихъ дневниковъ, дѣлались для одного лишь меня и я не предполагалъ, что онѣ когда-либо пригодятся мнѣ для литературной работы.

Въ № 3-мъ, внизу, въ камерѣ безъ форточки, чахоточный арестованный (лишенный воинскаго званія) Кокшинъ, при поручикѣ В., заявилъ мнѣ, что „задыхается“ безъ воздуха.

На вопросъ мой, поручикъ отвѣтилъ, что о Кокшинѣ онъ напишетъ...

„Какъ-же можно писать, ждать, когда человѣкъ, больной, задыхается?!.“

Между тѣмъ, едва я и въ корридорѣ нашелъ перепутанныя рамы съ форточками и безъ форточекъ, перепуганный поручикъ, видимо сообразивъ несообразность перваго объясненія, далъ мнѣ слово, что все будетъ устроено немедленно.

Въ одной изъ камеръ мы нашли солдата босикомъ, безъ сапогъ, на холодномъ асфальтовомъ полу (ряд. Аѳанасьевъ).

Въ общей камерѣ № 6-7, несмотря на мои двухъ-недѣльныя просьбы и пожертвованную мною для стрижки машинку, оказался неостриженный нижній чинъ.

„Гдѣ“ спрашиваю: „моя машинка?“

Поручикъ объясняетъ, что уволенный каптенармусъ, самовольно, вопреки его распоряженію, снесъ ее съ собою.

„Но вѣдь“ говорю: „я отдалъ ее вамъ и ввѣрилъ каптенармусу, при васъ, по службѣ!“

„Ведется переписка о машинкѣ. Задержаны 4 рубля собственныхъ денегъ каптенармуса...“

„Опять переписка?!“

„Что-же дѣлать...“

„А до тѣхъ поръ нижніе чины будутъ сидѣть нестриженными?!“

Молчитъ.

„А вы будете ждать конца этой переписки?!. Будьте такъ добры, распорядитесь сейчасъ-же остричь солдата!.. Хоть изъ любезности ко мнѣ...“

„Слушаю-съ!“

„Я не приказываю, но прошу...“

Идемъ далѣе.

Въ отхожемъ мѣстѣ, на полу,—подтеки мочи, нестерпимое зловоніе, проникающее на лѣстницу.

Въ верхнемъ этажѣ, въ одиночной камерѣ, мы нашли пять дней замерзающаго солдата—рядового Иванова (камера № 24).

Вотъ какъ произошло это открытіе.

Вхожу въ одиночку. Вижу, на нарахъ, безъ тюфяка и подушки, лежитъ нижній чинъ въ одной шинели. Шапка нахлобучена на лобъ. Лицо туго обмотано полотенцемъ. Весь посинѣлъ. При нашемъ появленіи онъ вскакиваетъ, сбрасываетъ полотенце. Дрожитъ.

„Зачѣмъ ты надѣвалъ на лицо полотенце?“ спрашиваю заключеннаго.

„Чтобы согрѣться... Сижу пять дней... Печи не топятъ. Задрогъ.“

Зову поручика В. Показываю на мученика. Объясняю ужасъ даннаго случая.

„Ахъ!“ говоритъ онъ: „зачѣмъ посадили его въ эту камеру?!. Вѣдь печь здѣсь не топится: она давно испорчена... Виноватъ караулъ...“

И поручикъ напускается на караульныхъ.

„Однако вы пять дней морозили солдата въ такой, неотапливаемой камерѣ?!.“

„Его, Ваше Пре-во, сейчасъ переведутъ...“

Въ камерахъ безъ форточекъ—воздухъ прямо ужасный; хуже, чѣмъ въ сортирѣ. Грязь. Запахъ какой-то вонючей кислоты. Солдаты—блѣдны, понуры, унылы. Той-же „атмосферой“ дышетъ, по неволѣ, и караулъ.

Прося и напоминая о человѣчности и законѣ, схожу въ комнату караульнаго офицера. Караулъ отъ N... полка. На лицо—дежурный по карауламъ, подполковникъ, рундъ-капитанъ и караульный офицеръ. По уставу, они сами должны были-бы все видѣть, т. е. обнаружить эти непорядки, устранивъ ихъ. Однако, въ блаженномъ невѣдѣнiи, гг. офицеры сидятъ, пьютъ чай и весело болтаютъ между собою.

„Какое безсердечiе!“ говорю имъ я и разсказываю о томъ, что сейчасъ видѣлъ по камерамъ (форточки, закоченѣвшiй солдатъ и проч.)

„Не безсердечiе!“ обиженно поправляетъ меня подполковникъ: „А наша русская халатность!“

Такъ какъ между нами—частная бесѣда, то я спѣшу поправить его.

„Не клевещите на Россiю, на русскiй народъ!“ говорю я: „Это—азiатское безсердечiе!.. Русскому-же человѣку чуждо подобное отношенiе къ несчастнымъ.“

Я не передаю здѣсь всего безобразiя, которое нашелъ по камерамъ и указалъ поручику В.: чтó ни шагъ, то—преступленiе!..

Онъ далъ слово, что все уладитъ, бралъ подъ козырекъ и т. п. Я-же просилъ его сдѣлать все не ради моего чина и службы, а „по сердцу, по Евангельскому завѣту“.

Посмотримъ, будетъ-ли сдѣлано?

Сколько разъ слышалъ я уже такiя-же обѣщанiя—и все оставалось по старому...“

2) Выписка изъ того-же дневника (отъ 25 октября 1910 г.):

„Зашелъ—провѣрить, исполнено-ли поручикомъ обѣщанiе.

Арестованный Кокшинъ оказался еще въ камерѣ, хотя мнѣ было дано слово отправить его въ госпиталь.

Но 1) всюду вставлены рамы съ форточками. 2) Замерзавшiй солдатъ р. Ивановъ изъ холодной камеры переведенъ въ отапливаемую. 3) Нижнiе чины острижены ножницами. 4) Камеры натоплены и т. д.

Зато я натолкнулся на новое безобразiе: нижнiе чины, посаженные на хлѣбъ и воду, лишенные по закону матрацевъ, положены на койки, приспособленныя къ матрацамъ, т. е. гдѣ промежутки между досками такъ велики, что спать на доскахъ безъ боли и страданiй нельзя. Заключенные жалуются на это, на холодъ въ камерахъ...

Ужасъ! Ужасъ!!. И позоръ для русской армiи...“

3) Письмо мое къ Виленскому коменданту полковнику Темникову (отъ 25 окт. 1910 г.):

„Глубокоуважаемый Викторъ Леонтьевичъ,

Обращаюсь къ Вамъ съ просьбами объ арестованныхъ:

1) Нельзя-ли чахоточнаго Кокшина (нижній этажъ, камера № 3) отправить немедленно-же въ госпиталь?—Онъ заражаетъ другихъ.

2) Въ камерѣ № 4-й (внизу) койки не приспособлены для спанья безъ матрацевъ и солдаты, сидящіе на хлѣбѣ и водѣ, не могутъ лежать безъ боли на доскахъ съ большими промежутками.

Нельзя-ли ихъ перевести въ верхній этажъ, гдѣ есть нары, приспособленныя для такого рода арестованныхъ?

3) Рядовой (кажется Аѳанасьевъ, въ камерѣ нижняго этажа) ходитъ босикомъ, по холодному полу.

Нельзя-ли дать ему сапоги?

4) Я подарилъ, съ Вашего разрѣшенія, въ комендантское управленіе, машинку для стрижки волосъ, сдавъ ее лично каптенармусу и поручику В., прося послѣдняго хранить машинку у себя.

Послѣднее видимо не исполнялось, почему смѣненный каптенармусъ ушелъ, взявши машинку съ собою.

Вѣдь тутъ—на лицо 232 ст. XXII кн. Св. В. П.! Надо мерзавца отдать подъ судъ...

Солдаты-же изъ-за него двѣ недѣли сидятъ нестриженными, а мои 5 рублей пропали безъ пользы...

Бога ради, или заведите новую машинку, или телеграммой вытребуйте мою!

Вотъ мои убѣдительныя просьбы.

Надѣюсь, что онѣ исполнимы, а Вы мнѣ—благодарны за то, что я указываю на непорядки, о которыхъ, по сложности Вашихъ обязанностей, Вы, конечно, и не подозрѣваете?...

Позвольте напомнить также и о банѣ: скоро двѣ недѣли, какъ арестованные въ банѣ не были. Въ нѣкоторыхъ камерахъ—холодно.

Вашъ покорнѣйшій слуга, преданный и заранѣе благодарный А. Жиркевичъ.“

4) Выписка изъ моего дневника по Виленской главной гауптвахтѣ (отъ 2 ноября 1910 г.):

„Зашелъ въ № 14 б. Виленской цитадели. Снова—грязь, вонь, холодъ и безсердечіе комендантскаго управленія.

По словамъ арестованныхъ: 1) ни комендантъ, ни его адъютанты, цѣлую недѣлю не были на гауптвахтѣ; 2) благодаря этому, хотя печи велѣно поручикомъ В. топить ежедневно, но мерзавецъ каптенармусъ топитъ ихъ, въ нѣкоторыхъ камерахъ, черезъ день.

Въ № 27 я нашелъ снова массу клоповъ; въ одной изъ одиночныхъ камеръ—опять не оказалось форточки.

По-прежнему (несмотря на письмо мое къ коменданту) нижніе чины безъ матрацевъ спятъ на голыхъ доскахъ съ вершковыми промежутками.

Нашелъ заключенныхъ и босоногихъ, и въ грязномъ бѣльѣ.

Жалуются на то, что докладныя записки возвращаются изъ комендантскаго управленія, такъ какъ онѣ, яко-бы, написаны не по формѣ. А формы не даютъ; не заходятъ въ камеры. Караулы-же равнодушны...

Настоящій—адъ!..

Чахоточнаго Кокшина все-же отправили въ госпиталь.

Конечно, все это могъ-бы я встряхнуть черезъ штабъ округа, черезъ Военнаго Министра... Но наживешь лишнихъ враговъ, а дѣло облегчишь только на минуту. Надо, поэтому, терпѣть, ждать и стараться жить въ мирѣ... Но все клокочетъ въ груди, когда вижу безсердечіе и преступное забвеніе ученія Христа... Прости имъ, Господи!!....

Изъ „ублієттъ" Виленской главной гауптвахты прошелъ я въ комендантское управленіе.

Комендантъ полковникъ Темниковъ кое-что исполнилъ по моему письму, велѣлъ купить на счетъ поручика В. новую машинку для стрижки волосъ; но на счетъ наръ и проч. все ждетъ результатовъ своей переписки...

А поручикъ В. въ ярости на меня и за эти 5 р. (стоимость машинки), и за мое письмо-жалобу коменданту.

Валятъ на инженерное вѣдомство, на части войскъ.

Я предлагаю имъ о нуждахъ гауптвахты написать Военному Министру: не хотятъ.

Еще прошу и прошу за арестованныхъ: обѣщаютъ...

Слава Богу, что надъ ними виситъ еще жупелъ: мои отношенія къ Петербургу.

Ну, и мірокъ!..

Между прочимъ, при мнѣ идетъ разговоръ о кучерѣ для коменданта: какой-то командиръ обѣщалъ дать отличнаго кучера.

О себѣ, не бойсь, не забываютъ...

Поруч. В., по словамъ его, до четырехъ часовъ ночи, торчалъ на балу въ Виленскомъ военномъ училищѣ...

А у заключенныхъ не былъ недѣлю...

Не выдержу, кажется... Впутаю въ это дѣло Военнаго Министра..."

5) Письмо мое къ поручику В., и. д. комендантскаго адъютанта (8 ноября 1910 г.):

„Многоуважаемый М...... В......! Я боленъ, просижу дома еще съ недѣлю. А потому, къ крайнему огорченію моему, не могу посѣщать № 14-й

Будьте любезны, сообщите мнѣ (конечно, частнымъ образомъ), сдѣланы-ли Вами распоряженія о болѣе аккуратной (каждый день) топкѣ печей, приносѣ кипятку рано утромъ въ камеры, устраненіи недоразумѣній съ кроватями, неприспособленными для спанья безъ матрацевъ (т. е. то, о чемъ я Васъ лично такъ просилъ)?

Надѣюсь, что Вы не забудете во-время послать нижнихъ чиновъ въ баню?

Исправлена-ли форточка въ одиночной камерѣ верхняго этажа?

Пишу все это Вамъ, такъ какъ боюсь, что, по сложности Вашихъ канцелярскихъ обязанностей, Вы долго еще не зайдете къ моимъ арестованнымъ.

Когда я былъ у нихъ недѣлю тому назадъ, то на предложеніе мое—обратиться съ нуждами своими къ Вамъ—я получилъ отвѣтъ, что ни Васъ, ни коменданта они не видятъ уже болѣе недѣли, да и вообще видятъ Васъ рѣдко. .

Позвольте мнѣ вернуть Вамъ расходъ въ 5 р., сдѣланный Вами на покупку унесенной съ собою каптенармусомъ моей машинки для стрижки волосъ?!.

Кстати... Вы, въ послѣднее наше съ Вами свиданіе, заявили мнѣ, что—„кажется всѣ мои заявленія“ встрѣчаютъ съ Вашей стороны „любезное исполненіе“ и т. д.

Дѣйствительно, не желая до сихъ поръ играть какую-либо роль на гауптвахтѣ, я пользовался Вашей „любезностью“. Хотя все, о чемъ я просилъ Васъ (баня, форточки, солдаты безъ сапогъ, матрацы съ трухой вмѣсто соломы, своевременная топка печей и разносъ кипятку, помощь при составленіи арестованными прошеній, замерзавшій въ нетопленной камерѣ солдатъ и т. п.)—все это (простите!) входило въ кругъ Вашихъ обязанностей, какъ адъютанта, или просто относилось къ Вашимъ обязанностямъ человѣчески-христіанскимъ... А мою просьбу—лѣтомъ—о раздачѣ книгъ въ мое отсутствіе арестованнымъ Вы цѣлый мѣсяцъ такъ-таки и не исполнили.

Благодарю Васъ, впрочемъ, за „любезность“.

Я-же и этого не вижу со стороны и. д коменданта полковника Темникова, неотвѣчающаго дважды мнѣ, генералу, имѣющему особыя права на заботы о положеніи военныхъ арестованныхъ, на мои письма...

По правдѣ сказать, я и усталъ, и мнѣ надоѣдаетъ фальшивое мое положеніе...

И вотъ, я еще похожу, похожу на гауптвахту, ища „любезностей“, и когда окончательно увижу, что не въ силахъ что-либо сдѣлать тамъ *постоянное, опредѣленное*, то перестану ходить, закрою свою библіотеку и донесу подробно Военному Министру, почему, вопреки его сочувствію, мнѣ и противно, и не по чину, и не по моему достоинству, ходить въ комендантское управленіе, какъ нищему, съ протянутой рукою, *прося, заискивая*, ожидая милости и любезностей тамъ, гдѣ все должно быть сдѣлано въ силу закона и устава, не говоря уже объ азбучномъ человѣколюбіи...

Послѣ такого, мотивированнаго бѣгства моего, я увѣренъ, что скоро опять вернусь на Вашу гауптвахту, но уже съ иными правами на вниманіе и уваженіе къ нуждамъ узниковъ.

А пока что, я прошу Васъ о „любезности“ и милосердіи къ моимъ узникамъ: вспомните свою семью, которую Вы любите!

Со временемъ я опишу мою борьбу за существованіе военныхъ заключенныхъ... И мнѣ, было-бы непріятно упрекнуть Васъ въ чемъ-либо въ этой будущей книгѣ.

Не сердитесь за правду! А то вотъ Вы уже обидѣлись на меня за то, что я осмѣлился, *помимо Васъ*, писать коменданту...

Вотъ каково мое положенiе, которое я терплю до времени, добровольно, лишь для того, чтобы жить со всѣми въ мирѣ, по-возможности.....

Ну, а если война, такъ война! На начинающаго Богъ!.

Вашъ покорнѣйшiй слуга, преданный А. Жиркевичъ.“*)

*6) Письмо ко мнѣ коменданта, полковника Темникова (10 ноября 1910 г. № 29): **)*

„Милостивый Государь,

Вчерашняго числа и. д. адъютанта ввѣреннаго мнѣ управленiя показалъ Ваше къ нему письмо, въ которомъ Вы, между прочимъ выражаете на меня обиду за неотвѣтъ, будто-бы на Ваши два ко мнѣ письма.

Предполагаю возстановить въ Вашей памяти, что на первое мое письмо Вы получили мой отвѣтъ, хотя и не такъ скоро, какъ полагается общественнымъ приличiемъ; но причина тому *отчасти* была—мое желанье познакомиться съ Вами, для чего я сдѣлалъ Вамъ визитъ, но Вы были на дачѣ и лично всѣ возбужденные Вами вопросы разъяснились; послѣ чего я написалъ Вамъ письмо. Другiя-же причины Вамъ мною были при знакомствѣ объяснены.

На второе Ваше письмо нужно-ли также было отвѣчать, когда Вы, кажется, черезъ день, зашли и мы опять лично объяснились.

Но, какъ выразили Вы адъютанту, что Вы желаете обязательно получать письменные отвѣты и прiобщать ихъ къ дѣлу, поэтому пишу Вамъ. ***) Цѣль хорошая для свободнаго, незанятаго службою юриста, но для меня, занятаго службою при громадной работѣ и ничтожномъ штатѣ—это тяжело.

Письма Ваши и вообще дѣйствiя носятъ тонъ моего начальника.

Посѣщенiя Вами гауптвахты, разрѣшенныя до моего назначенiя, съ цѣлью *только*****) снабжать арестантовъ книгами (этихъ за небольшимъ исключенiемъ тунеядцевъ)*****) приняли характеръ ревизора или какого-то инспектора тюремъ. Я думаю Вамъ хорошо извѣстно, кто мой начальникъ и отъ кого я могу получать указанiя. Ваше-же вмѣшательство, хотя какъ-бы и съ благою цѣлью посѣщенiя „моихъ (т. е. Вашихъ) арестованныхъ“ лишаютъ меня необходимаго спокойствiя и должнаго отношенiя къ моимъ обязанностямъ.

Вмѣшательство Ваше Вы объясняете добрымъ сердцемъ ко всѣмъ страждущимъ и арестанта приговореннаго на 5 лѣтъ въ крѣпость Вы жалѣете, а хорошаго ни въ чемъ не замѣченнаго унтеръ-офицера, по забывчивости увезшаго *пожертвованную* Вами машинку для стрижки волосъ арестантовъ, Вы называете „мерзавцемъ“ и под-

*) Получивъ это письмо, поручикъ В. явился ко мнѣ на квартиру, волновался, плакалъ, говорилъ, что во всемъ виноватъ полковникъ Темниковъ, а онъ лично не причемъ; спрашивалъ, какъ я «прикажу» ему поступить съ моимъ письмомъ и проч?—Я-же, посовѣтовалъ ему отвѣты на всѣ эти вопросы найти и прочесть въ его личной совѣсти. На томъ мы съ нимъ и разстались довольно дружелюбно.

**) Сохраняю въ нихъ орѳографiю подлинника.

***) Никогда ничего подобнаго я поручику В. не говорилъ, конечно.

****) Подчеркнуто полк. Темниковымъ.

*****) Недурно для лица, которому ввѣрено попеченiе узниковъ!

водите ст. 232 кн. XXII. Меня, перенесшаго въ теченіи послѣдняго времени (трехъ мѣсяцевъ) столько болѣзней въ домѣ и видѣвшаго въ моей квартирѣ три гроба близкихъ мнѣ родныхъ, не успѣвшаго еще окрѣпнуть нервами, неимѣющаго возможности, за недостаткомъ времени писать письма моимъ дѣтямъ, которыхъ я обожаю, Вы терзаете ожиданіемъ отвѣта на Ваше письмо объ арестантахъ!*)

Простите, но вынужденъ высказать сомнѣніе о цѣли Вашихъ посѣщеній гауптвахты, что Вы подтверждаете въ письмѣ о предполагаемомъ Вами изданіи особой книги, куда прошу не забыть помѣстить и мое нравственное состояніе и ту борьбу, которую ведетъ комендатское управленіе съ учрежденіями о благоустройствѣ гауптвахты. **)

Какъ Вы пишете, что устали, такъ я тоже скажу.

Вы объявили мнѣ войну—это Ваше дѣло.

Вы всегда говорили, что Вашъ родственникъ Военный Министръ и съ нимъ Вы можете сдѣлать все.

За мной-же Богъ, моя присяга на вѣрную службу Его Величеству, моя совѣсть—первый мой судья, и убѣжденъ, что Военный Министръ, если будетъ дѣло вестись открыто, чисто, какъ избранный Царемъ на столь высокій постъ будетъ безпристрастенъ и справедливъ и каждому укажетъ свое мѣсто.

Письма Ваши, какъ драгоцѣнные документы я самъ храню.

Примите увѣреніе въ почтеніи къ Вамъ В. Темниковъ.“

7) Мой отвѣтъ полковнику Темникову (отъ 11 ноября 1910 года):

„Милостивый Государь Викторъ Леонтьевичъ,

На Ваше рѣзкое, несправедливое письмо (отъ 10-го ноября), притомъ за № (т. е., вѣроятно, прошедшее черезъ писарскія руки) имѣю честь отвѣтить Вамъ слѣдующее:

Я писалъ Вамъ не два раза, а три (25 августа, 1-го сентября и 25 октября) и, вопреки Вашему увѣренію, ни на одно изъ писемъ не удостоился получить отвѣтъ, а со времени посылки Вамъ послѣдняго письма до нашего свиданія прошелъ не день, а протекло *пять* дней.

Вы совершенно заблуждаетесь, увѣряя, что мои дѣйствія *къ Вамъ* носятъ характеръ *начальническихъ*, что *я требую* чего-то, *контролирую* Васъ и т. п.

Все это не согласно съ фактами.

Напротивъ, я ни письменно, ни устно ничего подобнаго не дѣлалъ, а всегда лишь напоминалъ, *просилъ* во имя Христа, при томъ съ Вашего-же *разрѣшенія, такъ какъ Вы сами мнѣ позволили*, при поручикѣ В.,—обращаться къ Вамъ съ разными заявленіями—по поводу со-

*) Сочувствуя личному горю полковника Темникова, я не могъ не усмотрѣть изъ этихъ словъ признанія того, что, получая содержаніе, какъ комендантъ, онъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, совершенно забросилъ ввѣренную ему гауптвахту, а, значитъ, и не стрицалъ тѣхъ безпорядковъ, которые замѣтилъ я, часто эту гауптвахту посѣщающій, стараясь лишь оправдаться.

**) Увы! Я не могъ-бы воспользоваться архивомъ Виленскаго комендантскаго управленія, такъ какъ меня туда не впускали, какъ чуму, и немногія справки о заключенныхъ приходилось выпрашивать или вырывать чуть не насильно...

держанія военныхъ арестованныхъ, *обѣщая* идти на встрѣчу моимъ просьбамъ.

Заявленія-же эти я дѣлалъ не для того, чтобы играть смѣшную роль Вашего начальства, *а на правахъ порядочнаго человѣка*, военнаго, видящаго вопіющія безобразія и имѣющаго возможность о нихъ довести до свѣдѣнія подлежащей власти.

Правда, мнѣ разрѣшено только (какъ Вы изволили подчеркнуть) снабжать арестованныхъ книгами. Но, посѣщая камеры съ этой цѣлью, имѣя человѣческіе глаза, носъ и уши, я счелъ-бы себя, какъ христіанинъ и военно-служащій, прямо достойнымъ порицанія, если-бы случайно найдя безпорядокъ (холодъ въ нѣкоторыхъ камерахъ, людей нестриженыхъ, грязныхъ, оборванныхъ, иногда безъ сапогъ, босикомъ, лишенныхъ форточекъ, одного солдата, пять дней страдавшаго въ одиночной, неотапливаемой камерѣ, задрогшаго, обмотавшаго лицо свое полотенцемъ для того, чтобы согрѣться, солдатъ, заѣдаемыхъ клопами, поздній приносъ продрогшимъ за ночь людямъ кипятку, а то и совершенное лишеніе нѣкоторыхъ камеръ кипятка, полное отсутствіе врача, чахоточнаго больного со здоровыми, кратко-временность прогулокъ, баню вмѣсто двухъ разъ въ мѣсяцъ — разъ въ мѣсяцъ и т. п.), по долгу службы и совѣсти, не сообщалъ-бы объ этомъ Вамъ или поручику В—у, на благоусмотрѣніе, какъ людямъ, рѣдко бывающимъ у арестованныхъ въ камерахъ,—не сообщалъ-бы въ надеждѣ, что вы оба, конечно, не потерпите подобнаго состоянія заключенныхъ, о немъ ничего не зная.

Такъ-же я привыкъ поступать и во всѣхъ другихъ случаяхъ жизни, когда вижу страданіе нижнихъ чиновъ, вообще ближняго.

И, значитъ, мои заявленія были-же своевременны, законны, если Вы и поручикъ В. ихъ не только принимали къ свѣдѣнію, но сейчасъ-же, по-возможности, наводили порядки.

Позвольте сдѣлать еще нѣсколько поправокъ и объясненій къ Вашему (извините!) странному, раздраженному письму, при томъ написанному по поводу письма моего не къ Вамъ, а къ Вашему адъютанту, письма частнаго.

Я не на столько близокъ къ Вамъ, чтобы объяснять Вамъ посѣщенія гауптвахты моимъ, яко-бы, „добрымъ сердцемъ ко всѣмъ страждущимъ". И никогда ничего подобнаго Вамъ я не могъ говорить, какъ не говорилъ Вамъ, что могу „все сдѣлать" черезъ Военнаго Министра.

Напротивъ, я—человѣкъ злой тамъ, гдѣ вижу зло, а на счетъ министра, сочувствующаго моимъ усиліямъ улучшить бытъ военныхъ арестованныхъ, я Вамъ только предлагалъ—написать ему, когда пойдетъ какое-либо Ваше, по этому вопросу, ходатайство, выразивъ надежду, что мое слово будетъ принято, вѣроятно, во вниманіе. И степень моего родства къ Министру тутъ не при чемъ.

Если я назвалъ бывшаго Вашего каптенармуса „мерзавцемъ", то со словъ лишь поручика В., *) который былъ увѣренъ первоначаль-

*) Надо замѣтить, что поручикъ В., не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, ходя по камерамъ, ругалъ арестованныхъ «мерзавцами» и похуже—въ отвѣтъ на ихъ просьбы и заявленія. И вдругъ—такая щепетильность по отношенію ко мнѣ!..

но въ томъ, что нижній чинъ этотъ увезъ мою машинку *нарочно,* почему и хотѣлъ даже задержать собственные его четыре рубля — на пополненіе растраты.

Что это—человѣкъ безсердечный и безнравственный—убѣдили меня многіе факты изъ отношеній его къ арестованнымъ, между прочимъ и исторія съ форточками......

Ваша догадка о томъ, что я фарисействую, въ сущности, ходя къ узникамъ лишь для того, чтобы написать потомъ книгу, на столько странна и несправедлива, что, повѣрьте, не могла ни на минуту задѣть меня лично, равно какъ и намекъ на мою бездѣятельность въ отставкѣ и вообще подобныя-же вылазки въ письмѣ въ мою личную жизнь: Вы меня совсѣмъ не знаете и не узнаете...

Да! Вы не ошиблись: мнѣ невыразимо жаль, какъ человѣка, „арестанта, приговореннаго на 5 лѣтъ въ крѣпость."

И, если Вы имѣли тутъ въ виду Кокшина, то мнѣ стало еще болѣе его жаль, когда я увидѣлъ его, чахоточнаго, задыхающагося въ холодной камерѣ, гдѣ, по оплошности Вашего каптенармуса и небрежности поручика В., забыли устроить форточку, т. е. притокъ свѣжаго воздуха извнѣ...

Мнѣ извѣстно, что нашъ законъ не дѣлитъ заключенныхъ по степени ихъ нравственности на классы, на „тунеядцевъ" и нетунеядцевъ, почему требуетъ одинаковаго къ нимъ отношенія начальства, какъ къ страдающимъ, хотя иногда и заблудшимъ, людямъ, несчастіе которыхъ уже въ томъ, что они лишены свободы, общенія съ родными, съ товарищами, со своими частями войскъ...

Это—люди, кромѣ того, и по Христову завѣту, достойные всякаго участія—именно потому, что они—узники, впавшіе въ преступленіе.

А Вы о нихъ мнѣ пишете: „Этихъ, за небольшимъ исключеніемъ, тунеядцевъ"!!.

Я двадцать лѣтъ посѣщаю наши общія гауптвахты и 10 лѣтъ веду переписку съ оффиціальнымъ Петербургомъ объ улучшеніи ихъ состоянія.

Вотъ почему я какъ разъ наоборотъ гляжу на „Вашихъ" узниковъ, „этихъ" на мой взглядъ, „за небольшимъ исключеніемъ", страдальцевъ, достойныхъ всякаго участія, и по закону, и по ученію Церкви, и по взглядамъ русскаго народа,—на узниковъ, еще болѣе, чѣмъ свободные люди, нуждающихся въ милосердіи и любви.

Впрочемъ, подобный взглядъ Вашъ сразу-же объяснилъ мнѣ основу Вашего раздраженія по поводу моихъ просьбъ и докладовъ Вамъ о томъ или иномъ непорядкѣ въ содержаніи „Вашихъ" узниковъ.

Я до сихъ поръ наивно полагалъ, что Вы мнѣ только будете за это благодарны, такъ какъ не думалъ, что *на одни и тѣ-же ужасы* мы съ Вами, *какъ люди,* можемъ имѣть разные взгляды.

Вижу, однако, что я ошибался; что у Васъ на все, что̀ мнѣ такъ дорого, иные взгляды.

Тѣмъ не менѣе разрѣшите мнѣ и въ будущемъ стучаться въ Ваше человѣческое сердце съ просьбами, если, при раздачѣ книгъ, я замѣчу что-либо отрицательное по части быта заключенныхъ!

Мнѣ кажется, что Ваши тяжкія, семейныя и иныя, невзгоды, о которыхъ Вы мнѣ говорили и пишете, временно лишь омрачили Вашу душу, что Вы не такой, какимъ можно Васъ нарисовать себѣ на основаніи Вашего-же непріятнаго письма; что мы еще поймемъ другъ друга—до открытой „войны“...

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. Готовый къ услугамъ А. Жиркевичъ.“

8) *Отношеніе штаба Виленскаго военнаго округа* (12 ноября 1910 г., № 18000): *)

„Отставному генералъ-маіору Жиркевичу.

Въ виду выхода Вашего Пре-ва въ отставку, командующій войсками округа призналъ необходимымъ отмѣнить данное Вамъ предшественникомъ Его Пре-ва разрѣшеніе на посѣщеніе нижнихъ чиновъ, арестованныхъ на главной гауптвахтѣ (зданіе № 14), о чемъ и приказалъ поставить Васъ въ извѣстность. Начальникъ штаба, генералъ-лейтенантъ Преженцовъ. Старшій адъютантъ, подполковникъ Донъ-Штрубо.“

9) *Письмо мое къ начальнику штаба Виленскаго военнаго округа генералу Преженцову* (отъ 14 ноября 1910 года):

„Ваше Пре-во Милостивый Государь Александръ Богдановичъ,

На отзывъ штаба Виленскаго военнаго округа (отъ 12 сего ноября № 18000) имѣю честь доложить Вамъ ниже-слѣдующее:

Я имѣю особыя права на извѣстное уваженіе ко мнѣ—по отношенію къ военно-арестантскимъ заведеніямъ Россіи вообще, а къ Виленской главной гауптвахтѣ—въ частности.

По приказанію бывшаго Военнаго Министра генерала Куропаткина и Главнаго Военно-Суднаго Управленія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мною былъ составленъ, какъ знатокомъ военно-тюремнаго быта, сводъ отчетовъ по заграничнымъ поѣздкамъ чиновъ военно-судебнаго вѣдомства, относящійся къ реформамъ нашихъ военныхъ тюремъ и дисциплинарныхъ баталіоновъ, который тогда-же, по распоряженію свыше, и былъ отпечатанъ секретно, какъ матеріалъ.

Еще ранѣе, въ 1901 году, я поднялъ (при ген. Куропаткинѣ) забытый у насъ вопросъ о необходимости реорганизаціи нашихъ, такъ называемыхъ общихъ, главныхъ гауптвахтъ—и этотъ вопросъ, съ тѣхъ поръ, встрѣчаетъ полное вниманіе, какъ въ Военномъ Министерствѣ, такъ и въ русской арміи, на разсмотрѣніе которой отданъ былъ проектъ моихъ преобразованій. Онъ близится къ окончанію.

Лично прежніе Министры—генералы Куропаткинъ и Редигеръ удостоивали мои начинанія въ этой сферѣ полной доброжелательностью, такъ-же, какъ встрѣчаетъ ихъ и нынѣшній Военный Министръ ген. Сухомлиновъ.

*) Это распоряженіе было основано на распоряженіи командовавшаго войсками округа, ген. Гершельмана, отданнаго въ моментъ отъѣзда его изъ Вильны. Затѣмъ ген. Гершельманъ, съ дороги, вернулся въ Вильну и скоро скончался. Дальнѣйшая переписка моя происходила уже при новомъ командующемъ войсками, ген. Мартсонѣ.

Одно время я былъ прикомандированъ даже къ Главному Штабу—для указаній по реформамъ нашей русской общей гауптвахты.

Въ 1901 году, съ вѣдома г.г. Военныхъ Министровъ, съ разрѣшенія командующихъ войсками Виленскаго военнаго округа—генераловъ Троцкаго, Гурчина и Кршивицкаго, а также Главнаго Штаба, при Виленской главной гауптвахтѣ была основана мною, на мой счетъ, особая, солдатская библіотека для арестованныхъ нижнихъ чиновъ изъ книгъ, вообще одобренныхъ для употребленія въ солдатскихъ библіотекахъ.

Съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ-же вѣдома и разрѣшенія, а равно съ вѣдома Виленскаго комендантскаго управленія, я посѣщалъ, много лѣтъ, Виленскую общую гауптвахту, разнося по камерамъ ея мои книги, Евангелія и повѣсивъ въ общихъ камерахъ мои - же иконы, чего ранѣе тамъ не практиковалось.

Разумной, интересной книгою, чтеніемъ Евангелія, этими иконами и личными собесѣдованіями съ арестованными нижними чинами, мнѣ удалось добиться, напримѣръ, того, что нецензурныя надписи и изображенія на стѣнахъ камеръ (несовмѣстимыя съ нахожденіемъ Евангелій и святыхъ иконъ), были самими-же нижними чинами, послѣ моихъ указаній, стерты и не возобновляются, а сквернословіе и брань почти совсѣмъ прекратились. У заключенныхъ-же явилось разумное, полезное для ихъ ума и сердца, развлеченіе — мои книги, которыя я раздавалъ, лично давая объясненія нижнимъ чинамъ на ихъ сомнѣнія и вопросы, вызываемые прочитаннымъ.

Дѣлалъ я все это и при командующихъ войсками генералахъ Кршивицкомъ и Герщельманѣ, уже *два года состоя въ отставкѣ.*

Во время отсутствія моего, изъ Вильны, въ Смоленскѣ, такое-же отношеніе проявлялъ я и къ тамошней общей гауптвахтѣ.

Отъ прежнихъ комендантовъ г. Вильны, въ томъ числѣ и отъ ген. Иванова, за все, мною вносимое на Виленскую гауптвахту, я получалъ однѣ лишь благодарности, а просьбы мои—по вопросу объ улучшеніи быта узниковъ почти всегда встрѣчали полное удовлетвореніе, такъ какъ никогда не противорѣчили закону и внутреннему порядку гауптвахты, а, напротивъ, шли навстрѣчу, въ этихъ отношеніяхъ, стремленіямъ комендантскаго управленія.

Много лѣтъ подъ рядъ привыкъ я посѣщать нашу гауптвахту—въ праздники Рождества Христова и Св. Пасхи, христосуясь съ узниками, разнося по камерамъ мою праздничную провизію.

Недавно, видя, что арестованные по мѣсяцамъ сидятъ неостриженными, отъ чего въ волосахъ у нихъ заводятся паразиты, я, на мой-же счетъ, купилъ машинку для стрижки волосъ.

Все это пишу Вашему Пре-ву не ради возвеличенія своихъ заслугъ, а единственно по ходу настоящаго вопроса—о моемъ нежданномъ изгнаніи изъ гауптвахты.

Итакъ, два года состоянія моего въ отставкѣ не мѣшали моимъ посѣщеніямъ гауптвахты.

И вотъ теперь, несомнѣнно въ силу какого-то недоразумѣнія, послѣ двухъ-лѣтнихъ посѣщеній гауптвахты, меня не пускаютъ на

ту гауптвахту, гдѣ—мои книги, мои Евангелія, мои иконы — только потому, будто-бы, что я—*отставной*!!.

Точно, съ выходомъ въ отставку по болѣзни, я не ношу военнаго мундира, потерялъ право на уваженіе и благонадежность; точно вношу я на гауптвахту не слово Божіе и разумную книгу, не изображенія святыхъ Православной Церкви, а какія-то прокламаціи; точно забыто все-то, что связываетъ меня нравственно уже второй десятокъ лѣтъ съ Виленской гауптвахтою; точно тамъ, въ этомъ, забытомъ Богомъ и людьми, учрежденіи, и безъ меня есть кому посѣщать узниковъ съ цѣлью назиданія, раздавать имъ книги, бесѣдовать съ ними!..

Такъ какъ изгнаніе мое изъ гауптвахты совпадаетъ со временемъ начала недоразумѣній моихъ съ нынѣшнимъ составомъ комендантскаго управленія (чего Вы, Ваше Пре-во, не касаетесь, однако, въ Вашей бумагѣ), то позвольте сказать Вамъ нѣсколько словъ и по этому поводу!..

Съ августа мѣсяца сего года (т. е. съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ въ исполненіе служебныхъ обязанностей новый комендантъ полковникъ Темниковъ), я, посѣщая гауптвахту, для раздачи книгъ, Евангелій и иконъ, замѣтилъ рѣзкое ухудшеніе содержанія заключенныхъ, что несомнѣнно связано и съ личностью полковника Темникова, какъ человѣка, и съ рѣдкимъ посѣщеніемъ камеръ, какъ самимъ комендантомъ, такъ и при немъ состоящими офицерами, а также со вполнѣ ошибочнымъ, безнравственнымъ взглядомъ всего офицерскаго состава комендантскаго управленія на арестованныхъ, какъ на людей погибшихъ (за рѣдкими исключеніями), а потому и нестоющихъ особаго вниманія и участія.

Кромѣ того, и комендантъ, и поручикъ В., вѣчно объясняли мнѣ свое невниманіе къ гауптвахтѣ личными, домашними осложненіями, мѣшающими имъ часто посѣщать узниковъ.

Отсюда понятно, что безъ контроля начальства, безъ любви и сердечности, арестованные оказались подъ полнымъ произволомъ нижнихъ чиновъ комендантскаго управленія. А вѣчно—смѣняющіеся караулы, конечно, не могли и не могутъ внести законнаго порядка въ это царство скорби и страданій, при безучастности комендантскаго управленія и отсутствіи правильнаго, согласно закону, взгляда на ввѣренныхъ узниковъ.

Въ результатѣ-же, за послѣдніе два мѣсяца, въ разное время, я, на глазахъ комендантскаго управленія и карауловъ, нашелъ слѣдующія беззаконія и безпорядки на нашей общей гауптвахтѣ (привожу только часть замѣченнаго, чтобы не слишкомъ утомлять Ваше вниманіе):

1) Нижніе чины, вмѣсто положенныхъ по уставу двухъ разъ въ мѣсяцъ, ходили въ баню всего одинъ разъ, при чемъ о промывкѣ бѣлья, за краткостью времени, отпускаемаго на мытье каждой партіи (всего $^1/_2$ часа), нечего было и думать.

Въ результатѣ узники были грязны тѣломъ и бѣльемъ, съ паразитами въ послѣднемъ (которыхъ самъ я видѣлъ).

Этотъ вопросъ былъ приведенъ въ нѣкоторый порядокъ по моей просьбѣ, въ томъ лишь смыслѣ, что узниковъ стали водить въ баню дважды, и то при моихъ напоминаніяхъ. Безъ послѣднихъ-же баня всегда запаздывала.

2) Помѣщеніе нашей общей гауптвахты—крайне неприспособленное, сырое и на столько старое, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сквозь стѣны, по увѣренію поручика В., легко проходитъ насквозь сабля. Вентиляторовъ—никакихъ; отъ вѣчной сырости—воздухъ въ камерахъ невыносимо удушливъ и вреденъ для дыханія.

Отсюда понятно на сколько важны, необходимы провѣтриваніе помѣщеній и правильная топка печей, особенно съ наступленіемъ холодовъ, когда запираются окна и вставляются двойныя рамы.

Тѣмъ не менѣе: а) арестованныхъ выводили лишь разъ въ день на прогулку, на дворъ, минутъ на 5—10; б) печи не вездѣ исправны; в) вентиляторовъ нигдѣ до сихъ поръ нѣтъ; г) съ наступленіемъ холодовъ я нашелъ въ нѣсколькихъ камерахъ, благодаря небрежности каптенармуса и отсутствію должнаго за нимъ надзора со стороны комендантскаго управленія, вторыя рамы, вставленными безъ форточекъ къ первымъ рамамъ съ форточками, такъ что всякій притокъ извнѣ свѣжаго воздуха въ сырые, плохо отапливаемые, непровѣтриваемые казематы, со скученными, грязно-одѣтыми людьми, былъ совершенно прекращенъ въ теченіи недѣли, т. е. до моего прихода съ книгами—въ виду того, что въ это время чины комендантскаго управленія гауптвахты не посѣщали, а караулы на подобное безобразіе не обращали вниманія; д) во многихъ камерахъ, даже не съ испорченными печами,—страшный холодъ, такъ что, по заявленію арестованныхъ, ночью спать нельзя, потому, что камеры эти отапливаются не ежедневно, по мѣрѣ надобности, а по капризу каптенармуса, котораго никто не контролируетъ; е) въ одной изъ такихъ общихъ камеръ (безъ форточки и плохо отопленныхъ) нашелъ я задыхающагося (по его словамъ) чахоточнаго осужденнаго Кокшина, заражавшаго своимъ присутствіемъ другихъ, здоровыхъ, и умолявшаго перевести его— „въ камеру съ воздухомъ“, или отправить въ госпиталь.

По моимъ ходатайствамъ комендантское управленіе устранило безобразіе съ форточками, отправило Кокшина въ госпиталь, увеличило время прогулокъ.

Но и послѣ моихъ заявленій я находилъ еще и комнаты безъ форточекъ, и холодъ въ камерахъ, и сырость, и испорченныя, плохо грѣющія, печи.

Все это, вѣроятно, продолжается и теперь, вмѣстѣ съ грязью и вонью по гауптвахтѣ.

3) О врачѣ арестованные и не слыхивали. О священникѣ—тоже.

4) Въ нѣкоторыхъ камерахъ есть, надо думать, и сейчасъ а) люди босикомъ, въ рубищѣ, почти безъ бѣлья; б) матрацы—грязные, дырявые, съ вонючей трухою вмѣсто соломы, полагающейся по закону; в) нары, койки, приспособленныя для спанья на матрацахъ, со щелями въ вершокъ между досками. А, между тѣмъ, на нихъ, эти доски, кладутъ людей, которые должны, по роду ихъ наказанія, спать

безъ матраца, почему люди, по ночамъ, ложась спать, терпятъ *пытку;* г) въ другихъ матрацахъ соломы мало.

Все это, несмотря на мои просьбы, такъ и осталось въ прежнемъ видѣ.

5) Въ нѣкоторыхъ общихъ камерахъ верхняго этажа всѣ стѣны—въ мазкахъ крови: это—результаты безуспѣшной борьбы заключенныхъ съ клопами, по ночамъ ихъ заѣдающими.

Одно время, по моей просьбѣ, клоповъ истребляли въ щеляхъ стѣнъ. Теперь они перебрались уже и въ кровати. Комендантское управленіе прекратило съ ними борьбу, отдавъ заключенныхъ на съѣденіе паразитамъ.

6) Кипятокъ разносился каптенармусомъ еще недавно въ 10 часовъ утра по камерамъ, что̀, при обѣдѣ въ 12 часовъ, не имѣло смысла, и люди, вставъ рано, въ холодныхъ, сырыхъ казематахъ, не могли съ утра согрѣться или, чтобы согрѣться, валялись на нарахъ одѣтые до появленія кипятка.

Я просилъ давать кипятокъ ранѣе; но сдѣлано-ли это—не знаю.

А теперь меня выгнали изъ гауптвахты...

7) Въ верхнемъ этажѣ, не такъ давно, въ одиночной камерѣ (№ 24?) нашелъ я нижняго чина (рядового Иванова), сидѣвшаго *пять дней, при наступившихъ холодахъ, въ нетопленномъ помѣщеніи...*

Я засталъ его синимъ, задрогшимъ, больнымъ, съ лицомъ и ртомъ, обвязанными полотенцемъ. И, на вопросъ мой, для чего онъ это сдѣлалъ, мученикъ русской арміи кротко отвѣчалъ: „чтобы согрѣться...“

И это при рваной шинели, при отсутствіи матраца и подушки, при нахожденіи лишь на хлѣбѣ и водѣ!

Это-ли не пытка?!.

Страдальца перевели, по моей просьбѣ, въ другую камеру, а поручикъ В., котораго я пригласилъ убѣдиться въ моемъ открытіи, объяснилъ, что въ камерѣ печь давно испорчена, ее не топятъ; что въ ней сидѣть нельзя; что тутъ произошло недоразумѣніе. (Конечно, потому, что господинъ поручикъ пять дней не посѣщалъ гауптвахты и заключенныхъ, какъ и его начальство...).

Тѣмъ не менѣе, черезъ недѣлю, я нашелъ того-же рядового Иванова въ другой камерѣ, уже съ исправной печкою, но тоже дрожащаго, синяго, такъ какъ печь, по его словамъ, не топятъ аккуратно.

И дѣйствительно печь была холодная, какъ ледъ,

8) Ужасно положеніе нижнихъ чиновъ, отбывающихъ на нашей гауптвахтѣ наказаніе и лишенныхъ, по суду, воинскаго званія: части войскъ ихъ не хотятъ знать, а въ крѣпость, въ военную тюрьму, гдѣ-бы ихъ одѣли въ казенное платье, ихъ не посылаютъ. И они сидятъ въ рубищѣ, безъ обуви и бѣлья, не зная, кому жаловаться... Комендантское-же управленіе все ведетъ о нихъ переписку и ничего имъ не даетъ. (Пишу съ его, комендантскаго управленія, словъ).

9) Когда разносилъ я книги, то никогда не игралъ роли начальства и не принималъ жалобъ на комендантское управленіе, на дурное содержаніе и т. п. Но, при попыткахъ заявить мнѣ претензію, на мое указаніе, что надо обращаться въ управленіе,

арестованные почти всегда отвѣчали мнѣ, что чиновъ этого управленія они видятъ рѣдко, поданныя ими въ караулы заявленія остаются безъ отвѣта, а докладныя ихъ записки комендантское управленіе возвращаетъ, говоря, что онѣ „написаны не по формѣ". (Какая-же „форма"—имъ, арестованнымъ, неизвѣстно).

Комендантское-же управленіе вѣчно ссылается на равнодушіе къ его рапортамъ инженернаго вѣдомства, на начатую переписку съ разными вѣдомствами и проч.

Вотъ, Ваше Пре-во, блѣдная, на скорую руку набросанная, картина того, что представляетъ изъ себя, при полковникѣ Темниковѣ его сотрудникахъ, наша общая гауптвахта. Вотъ тѣ *немногіе* факты, которые привожу я, какъ образчикъ и безсердія, и отступленій отъ закона.

И изъ такого-то, сплошного ужаса, изъ такого-то позорнаго мѣста заключенія, меня теперь изгоняютъ съ моими книгами, Евангеліями и иконами!!.

Я виноватъ лишь въ томъ, что, имѣя уши, носъ, глаза, т. е. видя, ощущая безобразія, вѣжливо, смиренно пытался „милость къ падшимъ призывать"... Я мѣшаю полковнику Темникову...

Мнѣ понятны вожделѣнія г. Темникова и его окружающихъ—въ смыслѣ изгнанія изъ „ублієттъ" Виленской общей гауптвахты послѣднаго очевидца, послѣдняго свободнаго, независимаго, вліятельнаго человѣка, который время отъ времени, а все-же, приходилъ въ комендантское управленіе и, забывъ свое генеральство, униженно, *во имя* Христа, просилъ коменданта или поручика В. о введеніи въ казематы гауптвахты азбучныхъ условій всякаго человѣческаго существованія,—просилъ, а не требовалъ, конечно...

Такъ, на моемъ мѣстѣ, поступилъ-бы, я думаю, и всякій другой порядочный человѣкъ, а тѣмъ болѣе военный, даже отставной, хотя и случайно, но попавшій на гауптвахту, натолкнувшійся тамъ на явныя злоупотребленія...

Казалось, меня только должны-бы были благодарить заправилы комендантскаго управленія за то, что я имъ, въ вѣжливой формѣ, напоминалъ о томъ, что къ людямъ, даже заключеннымъ, *надо прежде всего относиться по-человѣчески.*

А полковникъ Темниковъ и его приближенные усмотрѣли въ моихъ просьбахъ незаконное вмѣшательство!..

Повторяю, они мнѣ вполнѣ понятны... Они меня теперь отблагодарили *по своему*, выславъ изъ гауптвахты, для которой я много сдѣлалъ...

Имъ видимо нужно, чтобы изъ гауптвахты ушли милосердіе, совѣсть, Богъ, Христовъ завѣтъ о любви къ ближнему вообще, а къ страждущимъ и заключеннымъ въ особенности—въ видѣ моихъ Евангелій, иконъ, слова Божія... Я имъ мѣшаю!..

Желать моего изгнанія могли только люди, боящіеся свѣта, разоблаченій, забывшіе и Бога, и Его правду...

Я написалъ на дняхъ частное письмо поручику В—у, прежде всего виня его въ безсердечіи и въ забвеніи истинъ Христовыхъ. Онъ былъ, затѣмъ, у меня и ссылался на канцелярію...

Письмо мое онъ, конечно, показалъ полковнику Темникову, а тотъ, хотя его я въ письмѣ и не трогалъ, удостоилъ меня неприличнымъ, безсердечнымъ, несправедливымъ письмомъ за №, гдѣ все искажено—и факты, и мысли мои, и мои побужденія, не говорю уже о внѣшней формѣ документа...

И это въ благодарность за мои многолѣтнія заслуги по его-же гауптвахтѣ!..

Полагая, что изгнаніе мое не можетъ имѣть прямой связи съ моей отставкою, что оно возникло по инціативѣ полк. Темникова, т. е. по явному недоразумѣнію, что командующій войсками округа и Вы не знаете *всей правды о гауптвахтѣ* и моихъ къ ней отношеніяхъ, равно какъ не знаете ничего о моемъ прошломъ, прошу Ваше Пре-во исходатайствовать мнѣ у Его Высокопре-ва прежнее разрѣшеніе—хоть разъ въ недѣлю посѣщать заключенныхъ нашей общей гауптвахты для раздачи имъ книгъ, иконъ, Евангелій!..

Еще недавно г. Военный Министръ лично благодарилъ меня за участливое отношеніе мое къ военнымъ заключеннымъ общихъ гауптвахтъ, а я подробно разсказывалъ ему о моей библіотекѣ въ Вильнѣ, моихъ Евангеліяхъ, иконахъ, равно какъ и о моихъ посѣщеніяхъ гауптвахты.

Все это принималось Его Высокопре-мъ, какъ нѣчто нормальное, понятное, нужное, хотя я и былъ у Министра въ мундирѣ отставного военнаго.

Пока я воздержался отъ сообщенія ему-же о моемъ позорномъ, въ данную минуту, даже странномъ, изгнаніи изъ той-же гауптвахты.

Недавно еще Главный Штабъ, по приказу Его Высокопре-ва, прислалъ мнѣ проектъ новаго устава гарнизонной службы, куда внесены и мои реформы.

А теперь... Теперь меня-же, по инціативѣ полк. Темникова, гонятъ, какъ прокаженнаго, изъ того мѣста, гдѣ я уже столько сдѣлалъ (смѣю думать!) полезнаго и одобреннаго высшимъ начальствомъ!!.

Я принужденъ буду послать г. Военному Министру копію съ настоящаго письма моего, если не будетъ исправлена въ Вильнѣ нанесенная мнѣ обида: пусть Его Высокопре-во видитъ, кто правъ и гдѣ причина, почему вдругъ сталъ я и вреденъ, и лишенъ, и неудобенъ на гауптвахтѣ; пусть онъ убѣдится, что за изгнаніемъ моимъ не таится ничего для моего добраго имени и мундира позорнаго...

Буду ждать, однако, отвѣта отъ Вашего Пре-ва—на это письмо мое.

Прошу только—сдѣлать немедленное распоряженіе, чтобы книги мои, розданныя по камерамъ (кромѣ Евангелій), а равно лежащія на гауптвахтѣ въ особомъ шкафу, были-бы собраны комендантскимъ управленіемъ и присланы мнѣ на квартиру. Я знаю, что на все это тамъ, въ комендантскомъ управленіи, смотрятъ, какъ на баловство—ненужное, праздное и лишнее...

Сами ничего не дѣлая, не давая заключеннымъ, они умѣютъ и критиковать, и отписываться, и бросать тѣнь на другихъ...

Богъ имъ судья!!.

Вашего Пре-ва покорнѣйшій слуга, преданный А. Жиркевичъ."

10) Телеграмма моя Военному Министру генералу Сухомлинову (15 ноября 1910 г.):

„Мнѣ воспрещены командующимъ войсками посѣщенія главной гауптвахты Вильны для раздачи, на мой счетъ, книгъ, Евангелій, иконъ заключеннымъ потому, что я нахожусь нынѣ въ отставкѣ. Много лѣтъ, съ разрѣшенія прежнихъ командующихъ войсками, съ вѣдома военныхъ Министровъ, вносилъ я свѣтъ Евангельскій въ камеры узниковъ. Вашему Высокопре-ву извѣстны труды мои по улучшенію быта общихъ гауптвахтъ. Мундиръ мой, въ отставкѣ, ничѣмъ не опороченъ. Забыто то, что я сдѣлалъ для гауптвахты. Умоляю исходатайствовать мнѣ у ген. Гершельмана, находящагося въ Петербургѣ, *) разрѣшеніе на посѣщеніе мѣстной гауптвахты съ указанной цѣлью, на прежнихъ основаніяхъ. Не жалуюсь, а прошу о справедливости.

Генералъ-маіоръ Жиркевичъ.“

11) Отзывъ Штаба Вил. воен. округа (5 дек. 1910 г. № 19290; по письму отъ 14 ноября с. года):

„Письмо Вашего Пре-ва на имя начальника окружнаго штаба, отъ 14-го прошлаго ноября, было доложено Командующему войсками округа и по приказанію Его Превосходи-ва вмѣстѣ съ симъ препровождено и. д. Коменданта г. Вильны, для сообщенія имъ своихъ объясненій по содержанію этого письма.

По полученіи затребованныхъ объясненій будетъ сообщено Вашему Пре-ву рѣшеніе Командующаго войсками по Вашей просьбѣ.“

12) Мой рапортъ въ Штабъ Виленскаго военнаго округа (отъ 9 дек. 1910 года):

„Изъ отзыва Штаба (отъ 5 сего декабря за № 19290) я вижу, что отъ коменданта полк. Темникова затребовано объясненіе по поводу моего письма къ г. начальнику штаба округа.

Боясь, что въ докладѣ полк. Темникова мои отношенія къ нему, комендантскому управленію и арестованнымъ на общей гауптвахтѣ, могутъ появиться въ ненадлежащемъ освѣщеніи, позволяю себѣ представить, для доклада Его Высокопре-ву, г. командующему войсками,— въ копіяхъ—всю мою переписку за послѣднее время съ комендантскимъ управленіемъ, извиняясь за поправки и подскобки. **)

Я не дѣлаю къ этимъ документамъ нарочно никакихъ комментарій, предоставляя на милостивый, безпристрастный судъ начальства округа разрѣшеніе вопроса о томъ, были-ли какія-либо основанія изгонять меня изъ гауптвахты, не провѣривъ предварительно доклада полк. Темникова и не спросивъ меня,—особенно послѣ того,

*) Я не зналъ еще, что умирающій ген. Гершельманъ возвращается съ дороги на Петербургъ въ Вильну.

**) Въ копіяхъ были представлены письмо мое къ поруч. В—у, письма, которыми я обмѣнялся съ полк. Темниковымъ, т. е. то, что было приведено мною выше: матеріалъ, вполнѣ достаточный для того, чтобы судить, кто здѣсь правъ, кто виноватъ. А. Ж.

какъ покойный ген. Кршивицкій разрѣшилъ мнѣ посѣщенія гауптвахты и тогда, когда я былъ уже въ отставкѣ?“

13) Письмо мое на имя Командующаго войсками Виленскаго военнаго округа генерала Мартсона (отъ 19 янв. 1911 года):

„Ваше Высокопревосходительство!

12 ноября прошлаго года за № 18000 я получилъ бумагу изъ Штаба Округа, въ которой мнѣ сообщалось, что *въ виду выхода моего въ отставку* командующій войсками генералъ Гершельманъ отмѣняетъ данное мнѣ его предшественникомъ разрѣшеніе—посѣщать арестованныхъ нижнихъ чиновъ на Виленской главной гауптвахтѣ.

Такъ какъ я посѣщалъ названную гауптвахту много лѣтъ, въ томъ числѣ и *два года состоя въ отставкѣ,* и такъ какъ генералъ Гершельманъ ѣхалъ въ то время въ Петербургъ, то я телеграфировалъ г. Военному Министру генералу Сухомлинову, знавшему о моихъ отношеніяхъ къ Виленской гауптвахтѣ, прося его переговорить съ ген. Гершельманомъ—на предметъ разрѣшенія мнѣ, по-прежнему, посѣщать гауптвахту—съ цѣлью раздачи книгъ, Евангелій и иконъ—видя въ запретѣ какое-то странное, легко поправимое, недоразумѣніе.

Возвращеніе ген. Гершельмана въ Вильну съ дороги, а, затѣмъ, смерть его, сдѣлали безполезной мою телеграмму и я знаю, что она была передана Вашему Высокопревосходительству г. Военнымъ Министромъ, съ резолюціей послѣдняго.

Подозрѣвая, что причина внезапнаго изгнанія меня изъ гауптвахты кроется вовсе не въ моемъ отставномъ мундирѣ, а въ докладѣ коменданта г. Вильны полковника Темникова, къ которому я неоднократно обращался съ частными просьбами, видя, при раздачѣ мною книгъ заключеннымъ, безсердечное или безучастное отношеніе къ заключеннымъ его и и. д. адъютанта поручика В., я, 14 ноября, обратился съ пространнымъ письмомъ къ Начальнику Штаба округа ген. Преженцову, гдѣ, изложивъ мои заслуги по вопросу объ улучшеніи быта арестованныхъ вообще, а въ частности—по отношенію къ Виленской главной гауптвахтѣ, а также беззаконныя дѣйствія полковника Темникова и поруч. В., просилъ доложить Вашему Высокопревосходительству мое убѣдительное ходатайство—снова разрѣшить мнѣ посѣщеніе гауптвахты.

5 декабря прошлаго года штабъ округа увѣдомилъ меня, что мое письмо къ ген. Преженцову было доложено Вашему Высокопревосходительству, а, затѣмъ, послано полк. Темникову—для сообщенія имъ его объясненій.

Съ тѣхъ поръ я не знаю, что дѣлается по возбужденному мною вопросу, далъ-ли полковникъ объясненія и, если далъ, то какого содержанія.

Между тѣмъ, весь гарнизонъ г. Вильны видѣлъ, какъ, *будучи отставнымъ, я два года* посѣщалъ гауптвахту, какъ видѣлъ, что ничего незаконнаго я тамъ не дѣлалъ. Теперь тотъ-же гарнизонъ, бу-

дучи свидѣтелемъ моего изгнанія, два мѣсяца толкуетъ это явленіе по своему.

Едва-ли такой остракизмъ служитъ къ возвышенію значенія военнаго мундира!

Я не носилъ преступныхъ прокламацій нижнимъ чинамъ, не разыгрывалъ роль начальника на гауптвахтѣ, а, съ разрѣшенія высшаго начальства и съ вѣдома троихъ военныхъ министровъ ходилъ по камерамъ, на мои средства разнося заключеннымъ разумную книгу, слово Божіе, изображеніе Спасителя, ходатайствуя за заключенныхъ, между которыми не всѣ-же погибшіе безвозвратно, а есть люди, и совершенно невинные (которыхъ потомъ оправдываютъ судьи), и только заблудшіе (которыхъ можно еще вернуть на путь порядка и исправленія).

Если я изгнанъ изъ гауптвахты лишь за мой отставной мундиръ, то Ваше Высокопревосходительство можете *сейчасъ-же исправить это недоразумѣніе*: я ничѣмъ не опорочилъ этого мундира, а ношу его съ честью, по уставамъ приравниваясь къ строевымъ генераламъ. *Я—не частное лицо въ военномъ вѣдомствѣ, а генералъ, носящій военный мундиръ.*

Если-же меня удаляютъ по иниціативѣ полковника Темникова, то я,—простите меня за смѣлость,—не могу понять, какъ изъ-за безчеловѣчнаго отношенія этого штабъ-офицера ко ввѣреннымъ по закону его попеченію нижнимъ чинамъ гауптвахты лишать этихъ послѣднихъ слова Божія, разумной книги, нравственной поддержки?!

Иными словами, какъ можно ихъ наказывать за чужіе грѣхи!!. Какъ можно за то-же наказывать и меня?!.—Въ вышеупоминаемомъ письмѣ моемъ къ начальнику штаба округа я описалъ по совѣсти ужасы, царящіе на Виленской общей гауптвахтѣ при полковникѣ Темниковѣ и поруч. В.: полу-раздѣтыхъ, оборванныхъ, часто босоногихъ солдатъ, холодъ въ камерахъ, отсутствіе форточекъ, рѣдкое мытье въ банѣ, непосѣщенія врача, паразитовъ, заѣдающихъ солдатъ, несвоевременный разносъ кипятку, замерзающаго отъ холода въ одиночной камерѣ солдата, рѣдкое посѣщеніе гауптвахты начальствующими лицами и т. п. Все это идетъ въ разрѣзъ съ закономъ—по отношенію къ нижнимъ чинамъ. Да развѣ я въ этомъ виновенъ?!

Неужели только потому, что я имѣлъ мужество и порядочность указать на эти ужасы полк. Темникову и просить его о болѣе милосердномъ отношеніи къ заключеннымъ, я долженъ быть наказанъ ошельмованіемъ меня въ глазахъ гарнизона,—изгнаніемъ изъ гауптвахты, а военные узники лишены и книгъ, и слова Божія?!.

Военный Министръ до сихъ поръ ждетъ отъ меня обѣщаннаго мною доклада объ исходѣ моихъ заявленій—относительно удаленія изъ гауптвахты.

Настоящимъ письмомъ, я еще разъ почтительно прошу ускорить мнѣ отвѣтъ по содержанію письма моего къ начальнику окружнаго штаба и *вернуть мнѣ право—по-прежнему посѣщать гауптвахту, хотя-бы подъ контролемъ того-же комендантскаго управленія и карауловъ.*

Я прошу также—приказать *сообщить мнѣ объясненія полковника Темникова* на мое письмо къ начальнику Штаба—разъ ему дано было право дѣлать эти объясненія по моему заявленію, т. е. провѣрять мои

слова. На опытѣ зная, что такое значитъ—имѣть дѣло съ полковникомъ, я хочу принять мѣры къ возможному выясненію истины. Я прямо боюсь его, какъ человѣка.

Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга, преданный А. В. Жиркевичъ, отставной генералъ-маіоръ.“ *)

14) *Отзывъ на мое имя Штаба Виленскаго военнаго округа* за подписью окружного дежурнаго генерала (отъ 24 янв. 1911 г.), въ которомъ сообщалась мнѣ резолюція Командующаго войсками по поводу отношенія полк. Темникова къ главной гауптвахтѣ.

Такъ какъ съ документомъ этимъ я былъ ознакомленъ по отношенію къ полк. Темникову лишь довѣрительно, то, къ величайшему сожалѣнію моему, не считаю себя вправѣ предавать его гласности цѣликомъ, т. е. ту часть его, гдѣ говорится о Виленскомъ комендантѣ.

Относительно-же моихъ притязаній мнѣ сообщалось, что посѣщенія гауптвахты командующимъ войсками округа мнѣ не разрѣшаются, такъ какъ я „нѣсколько перешелъ рамки предоставленнаго“ мнѣ „права—заботиться о духовной сторонѣ арестованныхъ, а угрозами довести до свѣдѣнія Военнаго Министра неисполненіе“ моихъ „просьбъ по поводу устраненія нѣкоторыхъ упущеній на гауптвахтѣ сдѣлалъ“, мое „дальнѣйшее посѣщеніе гауптвахты недопустимымъ“.

15) *Письмо ко мнѣ и. д. Начальника Главнаго Штаба* (отъ 10 февр. 1911 г. за № 2161:

„Милостивый Государь Александръ Владимировичъ,

Военный Министръ усмотрѣлъ изъ письма командующаго войсками Вил. в. округа, что Ваше Пре-во, въ стремленіи облегчить положеніе нижнихъ чиновъ, арестованныхъ на Виленской гауптвахтѣ, нѣсколько перешли рамки предоставленнаго Вамъ права заботиться о духовной сторонѣ арестованныхъ, а потому Его Высокопре-во не признаетъ возможнымъ разрѣшить Вамъ доступъ на гауптвахту. **)

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности

М. Бѣляевъ.“

16) *Изъ моего письма къ Военному Министру генералу Сухомлинову* (отъ 14 февр. 1911 г.):

„Въ 1901 году, т. е. десять лѣтъ тому назадъ, при сочувствіи б. Военнаго Министра генерала Куропаткина, поднятъ былъ мною вопросъ объ улучшеніи быта нижнихъ чиновъ на нашихъ, такъ называемыхъ, общихъ (главныхъ) гауптвахтахъ.

***) Я былъ, затѣмъ, лично у генерала Мартсона, прося пустить меня на гауптвахту, но мнѣ, въ присутствіи начальника штаба ген. Преженцева, было въ томъ отказано.**

****) Интересно-бы знать, сообщалось-ли ген. Сухомлинову о подвигахъ на гауптвахтѣ чиновъ комендантскаго управленія? А. Ж.**

Нѣсколько разъ, съ тѣхъ поръ, вопросъ этотъ, то забывался, то снова возбуждался—и возбуждался всегда по моей инициативѣ.

Болѣе года тому назадъ, въ силу моего заявленія, Вамъ сдѣланнаго, по приказу Вашего Высокопревосходительства, вынули его изъ архива Комитета по образованію войскъ на свѣтъ Божій, главная часть указанныхъ мною реформъ, съ одобренія Вашего, была включена въ проектъ новаго устава гарнизонной службы, который, будучи, затѣмъ разосланъ по арміи, въ отношеніи къ моимъ указаніямъ, нашелъ себѣ общее одобреніе.

Но когда, въ концѣ прошлаго-же года, я поинтересовался узнать, въ какомъ положеніи находится возбужденный мною вопросъ, то получилъ изъ Главнаго Штаба (отъ 1 ноября 1910 г. за № 361) отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

„Окончательная редакція проекта устава гарнизонной службы, въ который предположено включить и мѣры къ улучшенію быта арестованныхъ, *задержана реорганизаціей* высшаго *военнаго управленія, и въ настоящее время еще не представляется возможнымъ точно опредѣлить*, когда означенный проектъ можетъ быть окончательно отредактированъ.“

Смѣю заявить, Ваше Высокопревосходительство, что въ приведенномъ взглядѣ Главнаго Штаба кроется явное недоразумѣніе, которое, однако, легко можетъ быть немедленно-же устранено.

Позвольте напомнить Вамъ, что еще въ 1901 году, всѣ мои реформы по гауптвахтамъ сводились, въ сущности, къ проведенію въ жизнь гауптвахтъ условій, давно признанныхъ людьми науки необходимыми для всякаго гигіенически-разумнаго человѣческаго существованія.

Тогда-же проектъ моихъ реформъ, *разосланный по всей арміи*, вызвалъ общее сочувствіе, въ чемъ Вы можете убѣдиться, потребовавъ справку изъ Главнаго Штаба.

Въ проектъ новаго устава гарнизонной службы, лежащаго теперь мертвой бумагою въ Штабѣ, были включены слѣдующія мои предположенія—для улучшенія быта заключенныхъ главныхъ гауптвахтъ:

1) учрежденіе *библіотекъ*, въ которыхъ имѣлись-бы не только уставы, учебники и книги религіознаго содержанія, но и книги общаго, литературно-историческаго, нравственнаго содержанія;

2) учрежденіе особыхъ, *запасныхъ цейхгаузовъ* на гауптвахтахъ—для снабженія нижнихъ чиновъ обувью, бѣльемъ, мундирной одеждою (въ случаѣ недостачи всего этого на заключенныхъ);

3) командированіе особаго *унтеръ-офицера*, завѣдующаго упомянутыми библіотекой и цейхгаузомъ, а также наблюдающаго за порядкомъ въ камерахъ (чистота, провѣтриваніе, топка печей и т. п.);

4) посылка, возможно частая, нижнихъ чиновъ въ *баню;*

5) возможно частыя ихъ *прогулки* и физическія упражненія на свѣжемъ воздухѣ;

6) посѣщеніе узниковъ *военнымъ духовенствомъ*; раздача имъ Евангелій; помѣщеніе по камерамъ иконъ;

7) *собесѣдованія* съ заключенными г.г. офицеровъ;

8) обязательный, частый врачебный *осмотръ*.

Въ этихъ пожеланіяхъ только повторено то, что писалось мною десять лѣтъ тому назадъ ген. Куропаткину.

Но неужели для осуществленія этого земного, на самомъ-же дѣлѣ, нищенскаго, благополучія *русская главная гауптвахта должна ждать той поры, когда будутъ одобрены реформы по организаціи высшаго военнаго управленія?!.*

Вѣдь мнѣ хорошо извѣстно, какимъ образомъ вышеуказанныя преобразованія на гауптвахтахъ были связаны съ судьбою новаго устава гарнизонной службы: чтобы лишній разъ возбудить забытый вопросъ о гауптвахтахъ въ покойномъ Комитетѣ по образованію войскъ, я добился включенія его въ редакцію устава. И только...

А, въ сущности, благополучіе гауптвахтъ никакого отношенія къ судьбѣ высшаго военнаго управленія Россіи, конечно, не имѣло и не имѣетъ.

Библіотеки и сборные, запасные цейхгаузы такъ легко учредить теперь-же на главныхъ гауптвахтахъ, на общія средства всѣхъ частей войскъ гарнизона, обслуживающихъ данную гауптвахту.

На 50 рублей въ годъ, какъ показалъ мнѣ опытъ, можно устроить сносную солдатскую библіотеку, при чемъ раскладка подобной суммы на всѣ части извѣстнаго гарнизона, конечно, не обременитъ послѣднія. Немного расхода вызовутъ иконки для камеръ, Евангелія, если сдѣлать запасы ихъ по складчинѣ отъ войсковыхъ частей.

Если взять изъ каждой отдѣльной части гарнизона, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, опредѣленное число бѣлья, сапогъ, мундирной одежды, то легко и сейчасъ-же будетъ созданъ достаточный запасной цейхгаузъ для временнаго удовлетворенія нуждъ заключенныхъ, прибывающихъ, почему-либо, безъ должнаго инвентаря.

Священники, врачи, унтеръ-офицеры всегда на лицо въ гарнизонѣ.

Баня, прогулки, собесѣдованія, физическія упражненія и проч. зависятъ отъ простого приказанія мѣстнаго начальства.

Такимъ образомъ, все мною проектированное, можно сейчасъ-же провести въ жизнь главныхъ гауптвахтъ простымъ *приказомъ по военному вѣдомству или циркуляромъ Главнаго Штаба,* т. е. однимъ изъ тѣхъ заурядныхъ распоряженій по арміи, которыя, сотнями, печатаясь ежегодно, вносятъ должный порядокъ въ бытъ этой послѣдней.

Дозволяю доложить Вашему Высокопревосходительству, что положеніе общихъ (главныхъ) гауптвахтъ въ Россіи — продолжаетъ быть исключительнымъ по своей вопіющей ненормальности.

Такія гауптвахты, въ силу годами создавшагося у насъ порядка и рутины, находятся совсѣмъ *въ иныхъ* условіяхъ, чѣмъ, напримѣръ, гауптвахты при отдѣльныхъ частяхъ войскъ:

Послѣднія, будучи организованы всегда *въ раіонѣ частей,* не рвутъ внутренней связи съ этими частями. Заключенные нижніе чины постоянно находятся въ сношеніи съ товарищами - сослуживцами, со своими караулами, ротами, батареями, эскадронами; они могутъ дѣлать заявленія въ части; начальство не забудетъ ихъ и провѣритъ каждую ихъ жалобу. Они какъ-бы у себя дома.

Но то-ли видимъ мы по отношенію къ главнымъ (общимъ) гауптвахтамъ?!...

Подчиненіе комендантскихъ управленій, по уставу, начальникамъ гарнизоновъ, на практикѣ, конечно, оказывается лишь *подобіемъ контроля, а то и фикціей* (Прикажите навести справку, часто-ли этотъ контроль осуществляется начальствомъ въ дѣйствительности!).

Нижніе чины, сидящіе на главныхъ гауптвахтахъ, надолго, если не навсегда, прекращаютъ связь со своими частями.

Они, къ тому-же, являются чужими для комендантскаго управленія.

Въ свою очередь, и комендантское управленіе имъ чужое.

Никакой нравственной связи, поэтому, между заключенными, къ тому-же, часто перемѣщающимися изъ одной гауптвахты въ другую, и комендантскимъ начальствомъ, нѣтъ и едва-ли можетъ быть при существующихъ на гауптвахтахъ порядкахъ и личномъ составѣ комендантскихъ управленій.

Вѣчно смѣняющіеся караулы—тоже чуждый для военныхъ узниковъ элементъ, и наоборотъ.

Комендантскія управленія, къ тому-же, завалены, до невозможности, срочной *канцелярской работой* и имъ зачастую не до заключенныхъ.

А въ результатѣ-то полное заброшенное состояніе нашихъ главныхъ гауптвахтъ, о которомъ многіе годы я говорю и пишу безплодно...

Нѣтъ, Ваше Высокопревосходительство, нельзя согласиться со взглядомъ Главнаго Штаба на возможность откладыванія тутъ реформъ, такъ какъ вѣдь и въ эту минуту на гауптвахтахъ *требуютъ иного къ себѣ отношенія, страдаютъ и подчасъ даже гибнутъ, живые люди, тысячи людей!...*

Разрѣшите мнѣ, для подтвержденія только что сказаннаго, описать Вамъ откровенно, съ ручательствомъ за вѣрность изображенія, состояніе *одной такой общей гауптвахты* всего три - четыре мѣсяца тому назадъ, не называя до времени ея мѣстонахожденія!

Вотъ картина этого, забытаго начальствомъ, учрежденія, на темномъ фонѣ безучастнаго, безсердечнаго, иными словами—противозаконнаго отношенія къ ней чиновъ мѣстнаго комендантскаго управленія:“

Описавъ, въ общихъ чертахъ, то, что найдено было мною на Виленской главной гауптвахтѣ, при комендантѣ полковникѣ Темниковѣ (см. выше мою полемику въ Вильнѣ по этому поводу), я продолжалъ:

„Особенно тяжело положеніе тѣхъ узниковъ, которые отбываютъ на упомянутой гауптвахтѣ сроки назначеннаго имъ по суду заключенія—за неимѣніемъ мѣстъ въ крѣпостяхъ и тюрьмахъ: части войскъ не считаютъ уже ихъ своими; въ то-же время они лишены платья, обуви, бѣлья, которыя дали-бы имъ карательныя учрежденія. Они не знаютъ, кого должны просить, кому жаловаться... Они мрачны, озлоблены на начальство...

Я не буду продолжать описанія дальнѣйшихъ ужасовъ упоминаемой гауптвахты; но увѣренъ, что все это продолжается тамъ и въ настоящую минуту, пока пишу я Вашему Высокопревосходительству эти строки, какъ убѣжденъ и въ то, что подобное-же наблюдается и на другихъ гауптвахтахъ.

Мнѣ тяжело сознавать, что, быть можетъ, я утомляю вниманіе Вашего Высокопревосходительства излишними подробностями... Но безъ этихъ набросковъ съ натуры многое въ моемъ настоящемъ заявленіи было-бы мертво и непонятно...

Бога ради, дочитайте до конца это письмо!—Вѣдь Вы далеки отъ всего этого ужаса, какъ далекъ отъ него и Главный Штабъ... А слова Вашего будетъ достаточно, чтобы водворить и здѣсь немедленно порядокъ и законъ...

Со введеніемъ проектируемыхъ мною реформъ, на главную гауптвахту войдутъ неудержимо новые элементы—разумная книга, Евангеліе, икона, врачъ, священникъ, офицеръ, желающій подѣлиться своими знаніями съ заключенными, т. е. со словами участія и любви, нахлынутъ элементы, которые, волей-неволей, а пробудятъ дремлющія въ канцелярскомъ прозябаніи, комендантскія управленія, заставятъ и караулы иначе относиться къ своимъ обязанностямъ.

Около года тому назадъ, напримѣръ, на одну изъ такихъ, забытыхъ, общихъ гауптвахтъ, сталъ ходить военный священникъ. И какъ многое тамъ постепенно стало отъ этого измѣняться къ лучшему! Сколько вносилъ онъ своими посѣщеніями духовнаго свѣта, порядка!!... Но, получивъ благодарность отъ начальства, „пастырь“ этотъ, надо думать—карьеристъ, внезапно почилъ на лаврахъ и о немъ ничего уже не слышно... А будь командированіе его на гауптвахту подкрѣплено какимъ-либо приказомъ или циркуляромъ свыше, т. е. расчитывай онъ и на дальнѣйшее поощреніе, то онъ ходилъ-бы, навѣрное, туда и до сихъ поръ.

Но, быть можетъ, у священника ослабѣла энергія при видѣ общихъ ужасовъ и непорядковъ... И вотъ русская, православная гауптвахта снова зажила безъ слова Божія, безъ крестнаго знаменія и проповѣди,—зажила *какъ какое-нибудь языческое капище*, а не учрежденіе, въ которомъ преобладаютъ христіане...

Замѣтивъ непристойныя надписи и рисунки на стѣнахъ казематовъ упоминаемой гауптвахты, я, на свой счетъ, купилъ и роздалъ по камерамъ Евангелія, повѣсилъ иконки, разъяснивъ нижнимъ чинамъ, что грубая порнографія должна быть съ этой минуты уничтожена ими со стѣнъ, какъ несовмѣстимая съ подобными священными предметами.

Могу завѣрить Ваше Высокопревосходительство, что безобразія сразу-же прекратились.

Я видѣлъ, какъ много знаній и радости вносили въ эту среду, гдѣ—въ большинствѣ еще не совсѣмъ погибшіе люди, книги изъ моей библіотеки, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали тамъ моего прихода, а съ нимъ и раздачи новыхъ книгъ...

Иному напишешь, бывало, письмо на родину, составишь прошеніе, дашь юридическій совѣтъ. За иного похлопочешь по начальству.

Для третьяго—выпросишь сапоги изъ части. И смотришь—уже оживились люди, уже блеститъ въ глазахъ надежда—при моемъ появленіи; уже человѣкъ не сознаетъ себя какимъ-то „арестантомъ", выброшеннымъ изъ порядочной среды, отъ котораго всѣ отвернулись, на котораго плюютъ, который ходитъ оборванцемъ, какъ уличный бродяга.

Много значитъ—ободрить во-время упавшаго духомъ, поддержать въ немъ человѣческое самодостоинство, надежду на благополучный выходъ изъ тяжелаго, позорнаго состоянія... Вѣдь иныхъ потомъ оправдываютъ суды. Многіе сидятъ по невѣжеству, изъ-за пьянства...

Но я—одинокъ, библіотека моя была исключительнымъ явленіемъ, уставами непредусмотрѣннымъ, а потому мозолившимъ глаза начальству. Зло-же и страданіе по нашимъ гауптвахтамъ неисчислимы; они прямо не поддаются описаніямъ. И тутъ ждать, колебаться, не приходится. Нужны немедленныя реформы. А между тѣмъ, пока книги мои, выписанныя по каталогамъ Главнаго Штаба, допускались въ обращеніе на гауптвахтахъ тѣхъ городовъ, гдѣ я жилъ, какъ милость, какъ исключеніе, наконецъ, какъ личная мнѣ любезность, на тѣ-же гауптвахты свободно заносилась и заносится подчасъ *прямо вредная, опасная книга* съ караулами и арестованными на срокъ нижними чинами, въ чемъ я неоднократно имѣлъ случай убѣдиться лично. Такимъ образомъ, не узаконяя до сихъ поръ разумной книги, мы впускаемъ на наши главныя гауптвахты, лишенныя должнаго порядка и контроля, *литературу съ порнографически-соціалистическимъ пошибомъ.*. Сама жизнь дѣлаетъ свое дѣло, но только въ нежелательномъ направленіи.

Вотъ куда приводитъ равнодушіе наше къ подобному важному вопросу! И развѣ можно здѣсь отворачиваться отъ неотложныхъ улучшеній воинскаго быта?!. Нѣтъ и нѣтъ... Изучая гауптвахты Германіи, я видѣлъ чистыя, свѣтлыя, теплыя, сухія помѣщенія, а въ нихъ опрятно-одѣтыхъ, съ воинской выправкою, бодрыхъ, коротко-стриженныхъ, вымытыхъ заключенныхъ, съ книгами въ рукахъ, которые, при входѣ моемъ въ одиночныя ихъ камеры, молодцовато, даже весело, рапортовали мнѣ о томъ, кто они такіе и за что именно сидятъ на гауптвахтѣ. И это—при желѣзной дисциплинѣ и суровыхъ наказаніяхъ! Чувствовалось, что и въ мѣстахъ заключенія находятся уважающіе воинское свое званіе представители великой военной семьи, а не бродяги и разбойники, этой семьей выброшенные за рѣшотки; что хотя они, заключенные, и состоятъ подъ судомъ или отбываютъ наказаніе, но не забыты арміей, которая ждетъ ихъ обратно и неумолимо потребуетъ отъ нихъ, даже въ состояніи осужденія, воинской дисциплины и порядка. Сознавалась извѣстная система. Нельзя было не преклониться передъ логикою организаторовъ такихъ воспитательно-карательныхъ учрежденій... А мое посѣщеніе гауптвахтъ вѣдь было неожиданностью для карауловъ и узниковъ.

Но что сказалъ-бы германскій офицеръ, въ наши дни, попавъ случайно, безъ предвареній и репетицій, на любую русскую главную гауптвахту современной провинціи (хотя-бы на ту, которую я опи-

салъ выше), когда увидѣлъ-бы передъ собою не нижнихъ чиновъ русской арміи, *а жалкую, оборванную, недисциплинированную толпу бродягъ*, вмѣсто-же учрежденія, долженствующаго нравственно влiять на заблудшихъ и неподчинившихся воинской дисциплинѣ—*заброшенныя клѣтки захудалаго звѣринца*?!....

Помню, какъ будучи за границей, я мысленно краснѣлъ, проводя невеселую параллель между нашими, въ этой сферѣ, порядками и тѣмъ, что̀ дѣлается сознательно, убѣжденно въ иностранныхъ арміяхъ.

Тогда-же, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго, написалъ я первое письмо мое къ генералу Куропаткину—о необходимости реформъ и у насъ по этой части. У меня была надежда на то, что къ опыту моему прислушаются тѣ, до которыхъ касается дѣло...

Страшно сказать—все это имѣло мѣсто десять лѣтъ тому назадъ!... Исписаны съ тѣхъ поръ во̀рохи бумаги—мною и другими... Сколько поработали надъ засореніемъ столь яснаго, неотложнаго вопроса разныя наши воинскія канцеляріи!!... *Сколько погибло, въ то-же время, по нашимъ гауптвахтамъ, народа*!!...

И вотъ теперь снова приходится мнѣ убѣждать въ томъ, что для всякаго разумнаго существа и христіанина, если онъ сидитъ за рѣшотками темницы *(и даже болѣе чѣмъ для находящагося на свободѣ)*, нужны—разумная книга, свѣжій воздухъ, физическія упражненія, вліяніе религіи, духовенства, баня, участливое отношеніе, порядокъ, дисциплина и т. п.

А въ отвѣтъ Главный Штабъ, еще разъ хороня подъ грудой бумаги давно назрѣвшій вопросъ, обѣщаетъ, что все это будетъ дано русской главной гауптвахтѣ тогда, когда, въ загадочномъ будущемъ выйдетъ новый уставъ гарнизонной службы и *завершится благополучно реформа высшаго военнаго управленія Россіи*... А если она не будетъ почему-либо осуществлена?!. Если самый уставъ долго еще не появится?!.

Ваше Высокопревосходительство! Сжальтесь надъ узниками общихъ гауптвахтъ, дѣтьми Вашими, дѣтьми великаго русскаго народа, отъ Васъ ждущими справедливости и милосердія!!. И простите меня за рѣзкость правды, которую я Вамъ высказываю!..

Прикажите, выдѣливъ вопросъ о содержаніи заключенныхъ на гауптвахтахъ изъ проекта новаго гарнизоннаго устава, немедленно осуществить давно всей арміей признанныя за неотложныя реформы въ этомъ направленіи—въ видѣ хотя-бы особаго приказа по военному вѣдомству или циркуляра Главнаго Штаба, что̀, конечно, нисколько не помѣшаетъ со временемъ внести ихъ, эти реформы, и въ самый уставъ!.

По слухамъ, проникшимъ въ печать, въ скоромъ времени предвидится у насъ реорганизація дисциплинарныхъ частей и военныхъ тюремъ... И въ этой средѣ я много и усердно поработалъ въ свое время...

Но развѣ можетъ быть подобная реформа достаточно полной и жизнеспособной, *если одновременно съ нею не будетъ проведена и реформа главныхъ* (общихъ) гауптвахтъ?!...

Конечно, нѣтъ, такъ какъ почти всѣ отбывающіе наказаніе въ дисциплинарныхъ частяхъ и военныхъ тюрьмахъ, предварительно

многіе мѣсяцы просидѣли уже на главныхъ гауптвахтахъ, развращаясь тамъ и, нравственно, и физически. Неужели это — желательный элементъ для военно-карательныхъ учрежденій?!.

Нельзя закрывать глаза также и на то обстоятельство, что значительная часть заключенныхъ главныхъ гауптвахтъ возвращается обратно въ части войскъ, благодаря прекращенію дѣлъ —или полному, или въ дисциплинарномъ порядкѣ, а также въ виду оправдательныхъ, по суду, приговоровъ.

Отвыкшіе отъ строя, физическихъ упражненій, потерявшіе къ себѣ уваженіе, озлобленные на начальство, благодаря безучастному отношенію къ нуждамъ ихъ большинства комендантскихъ управленій, часто разстроившіе здоровье свое—въ виду негигіеничной обстановки главныхъ гауптвахтъ, наконецъ, развращенные дурнымъ вліяніемъ окончательно-погибшихъ товарищей по заключенію, развѣ могутъ такіе, возвращающіеся въ строевыя части, нижніе чины, внести туда что-либо, кромѣ того-же разврата и непорядка, въ которыхъ воспитала ихъ современная главная гауптвахта?!...

Оздоровляя всю армію, нельзя-же оставлять безъ вниманія такихъ заразныхъ угловъ, какъ гауптвахты.

Польза отъ вышеуказанныхъ мною—приказа по военному вѣдомству или циркуляра Главнаго Штаба (если ихъ издать немедленно) была бы громадная и для будущаго устава гарнизонной службы, и для самой арміи:

а) подобное обращеніе къ арміи дало-бы тонъ—въ смыслѣ необходимости обратить вниманіе на содержаніе заключенныхъ вообще;

б) грядущій опытъ въ войскахъ показалъ-бы на степень удобопримѣнимости тѣхъ или иныхъ, предложенныхъ мною, реформъ, вызвавъ и дальнѣйшія, практическія пожеланія въ этомъ направленіи;

в) а это, въ свою очередь, дало-бы, для будущаго устава о службѣ въ гарнизонѣ, матеріалъ, *провѣренный на опытѣ*, а не гадательный, не тѣ пожеланія, которыя въ сыромъ видѣ, въ формѣ извѣстной лишь, желательной программы, включены нынѣ въ проектъ новаго устава о службѣ въ гарнизонѣ.

Ваше Высокопревосходительство! Если-бы могъ я влить въ настоящее письмо мое къ Вамъ всѣ тѣ тяжелыя впечатлѣнія, которыя накопились на памяти моей и совѣсти *за эти долгіе десять лѣтъ*—безплодной борьбы за участь военныхъ арестованныхъ, присоединивъ къ нимъ тѣ слезы, стоны, проклятія, которые довелось мнѣ видѣть и слышать на гауптвахтахъ Россіи, сознавая, при томъ, личное свое безсиліе, немощь, и видя общее равнодушіе, а подчасъ терпя и униженія при вмѣшательствѣ въ горькую участь военныхъ узниковъ!!....

Это, конечно, невозможно...

Я готовъ былъ-бы пріѣхать, затѣмъ, нарочно въ Петербургъ, явиться къ Вамъ, въ общій пріемъ просителей, изложить передъ Вами подробно то, что пишу теперь лишь въ сокращеніи, упасть къ Вашимъ ногамъ и умолять о милосердіи и справедливости,—съ тѣмъ, чтобы не встать съ колѣнъ до тѣхъ поръ, пока Вы не дадите мнѣ слова—спасти вопросъ, гибнущій при упорномъ равнодушіи Главнаго Штаба...

Но я, хотя и въ отставкѣ, а все-же ношу военный мундиръ. Меня сочли-бы, пожалуй, за безумца, покушающагося на спокойствіе Ваше, какъ Военнаго Министра...

Въ качествѣ писателя, я могъ-бы напечатать интересное изслѣдованіе о томъ, *благодаря кому и чему*, десять лѣтъ азбучныя истины христіанской морали не могутъ перейти изъ сознанія цѣлой русской арміи въ практику ея жизни—по отношенію къ военнымъ узникамъ.

Опять-таки я тутъ стѣсненъ словами Вашего Высокопревосходительства о томъ, что „мои" арестованные не менѣе моего близки и Вашему сердцу, а самый вопросъ, мною поднятый столь безрезультатно, объ улучшеніи ихъ быта, Вы изволите справедливо считать *вопросомъ, имѣющимъ огромное, неотложное, государственное значеніе.*

Одобренный Вами, будучи въ прошломъ году на Пасху на одной изъ главныхъ военныхъ гауптвахтъ, я, христосуясь, по обыкновенію, съ узниками и обращаясь къ нимъ съ привѣтомъ „Христосъ Воскресе", мысленно соединялъ возгласъ этотъ съ именемъ Вашимъ, увѣряя себя, что на будущій годъ я произнесу тѣ-же слова въ реформированной уже русской гауптвахтѣ, солью ихъ благодарно съ молитвами узниковъ за здравіе Ваше и благоденствіе...

Боюсь, однако, что это не скоро еще можетъ случиться, если все ограничится благими пожеланіями на бумагѣ...

Дайте-же мнѣ, Ваше Высокопревосходительство, дожить, наконецъ, до высокаго, давно-желаннаго, счастья, подобной минуты, т. е. *до настоящаго Свѣтлаго Христова Воскресенія общихъ нашихъ гауптвахтъ*!! Вдохните въ меня вѣру въ то, что роковое недоразумѣніе, десятки лѣтъ надъ ними тяготѣющее, наконецъ, безслѣдно разсѣется!!.

Многое-бы еще сказалъ я Вамъ... Но и безъ того отнято у Васъ дорогое время. Простите за болтливость человѣка, который видитъ въ Васъ выходъ изъ положенія!..

Молю, поэтому, Бога, чтобы доброе, отзывчивое на чужое страданіе, сердце Вашего Высокопревосходительства властно подсказало Вамъ само то, что здѣсь, въ этомъ, сжатомъ заявленіи моемъ, быть можетъ, недоговорено съ должной ясностью убѣжденія и правды, а, если и сказано, то безъ того подъема настроенія, который наиболѣе соотвѣтствовалъ-бы затрогиваемой мною темѣ...

Вашего Высокопревосходительства усерднѣйшій слуга, преданный А. Жиркевичъ."

17) *Изъ моего, частнаго, письма къ тому-же генералу Сухомлинову* (отъ 14 февр. 1911 г.):

„...Такимъ образомъ... нижніе чины (Виленской главной гауптвахты) продолжаютъ оставаться подъ произволомъ и властью сухого, черстваго и т. д. коменданта, совершившаго рядъ служебныхъ нарушеній, *) а меня, порядочнаго человѣка, несухого и нечерстваго, указавшаго на эти преступленія по долгу совѣсти, выгнали изъ гауптвахты за то, что я просилъ о заключенныхъ, а на недисциплинарныя

*) Передъ тѣмъ я привелъ резолюцію генерала Мартсона, на докладѣ штаба округа по поводу моего столкновенія съ полк. Темниковымъ.

дерзости прикомандированнаго къ комендантскому управленію поручика В., много содѣйствовавшаго полк. Темникову въ его безсердечіи, заявилъ этому поручику (а не коменданту), что пожалуюсь Вамъ, какъ Военному Министру, и такимъ путемъ, добьюсь уваженія къ своему генеральскому чину.

Нашли, что я лишенъ права, принадлежащаго всякому военному,—жаловаться Военному Министру, и наказали меня, какъ напроказившаго школьника, выгнавъ, на глазахъ всего Виленскаго гарнизона изъ гауптвахты, куда я ходилъ цѣлый рядъ лѣтъ, въ то-же время наказавъ и ни въ чемъ неповинныхъ арестованныхъ, отнявъ у нихъ возможность получать отъ меня книги, Евангелія, иконы.

Такова справедливость! Такова логика!!...

Что-же бы со мной сдѣлали, если-бы я Вамъ на самомъ дѣлѣ пожаловался?!.

Пока я не протестую далѣе оффиціально, помня общій вопросъ объ улучшеніи быта русскихъ главныхъ гауптвахтъ и не желая создавать новые тормазы въ этомъ дѣлѣ.

Именно, по поводу этого забытаго вопроса, позволяю себѣ приложить при семъ оффиціальное письмо мое къ Вашему Высокопревосходительству.

Бога ради, исполните изложенную тамъ мою просьбу! Это было-бы прекраснымъ отвѣтомъ на оскорбленіе, нанесенное мнѣ удаленіемъ изъ гауптвахты.....

Ужасы, описанные мною по отношенію къ одной изъ главныхъ гауптвахтъ, и есть правдивое описаніе Виленской главной гауптвахты подъ просвѣщенной опекою полк. Темникова, при равнодушіи штаба округа.

Этотъ безсердечный, злой и совершенно равнодушный къ вопросамъ арестантской морали, специализировавшійся на канцелярской работѣ, человѣкъ, всѣми ненавидимый, остается до сихъ поръ комендантомъ и, надо думать, торжествуя побѣду свою надо мною, продолжаетъ въ томъ-же духѣ воспитывать, въ клоповникахъ своихъ казематовъ, подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ, имѣющихъ несчастіе сидѣть на гауптвахтѣ.

Въ лицѣ-же моемъ, при энергичномъ участіи ген. Преженцова, выгнали послѣдняго свидѣтеля безобразій—меня, съ моими книгами, иконами и Евангеліями, съ моей любовью и сочувствіемъ къ узникамъ и многолѣтнимъ опытомъ...

Вообще тяжело у насъ, на Руси, бороться за правду: безсердечные, черствые, сухіе люди всюду торжествуютъ, изгоняя людей съ сердцемъ, съ проповѣдью Христовой морали...

Въ дѣлѣ съ реформами на гауптвахтахъ я, въ эту минуту, только и надѣюсь на Ваше человѣколюбивое, мощное, авторитетное слово...“

18) Изъ письма моего къ одному оставному военному юристу (отъ 20 апрѣля 1911 года):

„Благодарю Васъ за участіе въ моемъ горѣ. Дѣйствительно, я огорченъ, потрясенъ, временно выбитъ изъ колеи...

Но напрасно Вы придаете случившемуся со мной казусу — изгнанію изъ Виленской гауптвахты—значеніе чего-то, лично для меня обиднаго.

Право, болѣе жалкое положеніе занимаютъ тутъ тѣ, кто общими силами все это устроилъ: вѣдь скажутъ-же о нихъ еще свое нелицепріятное слово исторія, потомство!

Я, какъ видите, на столько утратилъ стыдъ, что всякому встрѣчному на улицѣ знакомому, который мало-мальски можетъ интересоваться вопросами о судьбахъ военныхъ заключенныхъ, говорю теперь:

„А, знаете-ли... Меня выгнали изъ гауптвахты...“

При этомъ, на недоумѣнные вопросы „За что?“, „Какъ?“ „По чьему распоряженію?“ я поясняю: „По приказу высшаго военнаго начальства Петербурга, Вильны... За то, что... обличилъ мѣстное комендантское управленіе въ безчеловѣчномъ обращеніи съ людьми, хотябы и преступными...“

Такъ какъ обыкновенно подобный отвѣтъ никого не удовлетворяетъ и вызываетъ новые вопросы, то я иду далѣе и разсказываю о моихъ иконахъ, книгахъ, Евангеліяхъ и проч.

„И за это-то васъ выгнали?“

— „Надо думать, что за это... Прокламацій нижнимъ чинамъ я, право, не носилъ. Преступной пропагандою не занимался. То, что замѣтилъ дурного въ порядкахъ на гауптвахтѣ, дѣйствительно имѣло мѣсто... Это подтвердило разслѣдованіе...“

Пользуясь случаемъ, повѣствую вообще о моей борьбѣ, о безнадежномъ положеніи въ Россіи военно-гауптвахтнаго вопроса, о моихъ, въ этомъ направленіи, неудачахъ, оскорбленіяхъ, мною вынесенныхъ, и проч.

А, значитъ, пользуюсь устроеннымъ мнѣ позорищемъ въ цѣляхъ дальнѣйшей пропаганды моихъ идей.

Такъ, нищій тычетъ всѣмъ встрѣчнымъ въ глаза свои изуродованные, изъязвленные, больные члены, бравируетъ своимъ паденіемъ, нищетой, выставляя на видъ свое рубище...

Не осудите меня! Я, съ моимъ провалившимся вопросомъ о гауптвахтахъ, нахожусь теперь на положеніи такого-же нищаго: могутъ дать, выбросить подачку, но могутъ прогнать, засадить въ кутузку за публичное нищенство...

Въ томъ, что произошло со мною, я вижу (говорю Вамъ отъ чистаго сердца) только нѣчто естественное, роковое, чему, при существующихъ порядкахъ и нравахъ, и быть должно.

Въ сущности, начальство, впустивъ меня на русскую главную гауптвахту, въ ея настоящемъ неблагоустройствѣ, и снизойдя даже до выслушиванія моихъ заявленій, сдѣлало явно непростительную неосторожность, которую наконецъ-то, воспользовавшись удобнымъ предлогомъ, исправило и, вѣроятно, вполнѣ довольно теперь, что выгнало-таки единственнаго посторонняго свидѣтеля изъ мѣста, гдѣ все—внѣ закона, все—въ тайнѣ, все—подъ произволомъ случайныхъ, въ вопросахъ воинскаго заключенія, личностей...

И мрачный полковникъ Темниковъ, такъ высоко ставящій свои

заслуги Родинѣ и семейныя добродѣтели въ письмѣ ко мнѣ, и его помощникъ, правая рука, поручикъ В. (къ слову сказать благовоспитанный, щеголеватый офицеръ, которому я даже оказывалъ протекцію при его страстномъ желаніи попасть въ жандармы),— опять-таки ничего удивительнаго, на общей, нездоровой почвѣ гауптвахтной неразберихи въ Россіи, изъ себя не представляютъ: они— лишь яркія иллюстраціи къ финалу моей борьбы за военныхъ узниковъ и рождены нашимъ сумрачнымъ временемъ, да создавшимся для гауптвахтнаго вопроса особымъ, исключительно-абсурднымъ положеніемъ.

Не будь ихъ, этихъ господъ, получилось-бы нѣчто несуразное, неполное, противо-естественное... А при нихъ — „все обстоитъ благополучно...“

Вы говорите, что армія, гарнизонъ Виленскій не забудутъ, „вѣроятно“, моихъ, какъ Вы выражаетесь, „хлопотъ“ по гауптвахтамъ вообще...

Полноте! Не старайтесь позолотить поднесенной мнѣ г.г. военнымъ министромъ и командующимъ войсками, т. е. отъ имени той-же арміи, пилюли...

Повѣрьте, что мое изгнаніе изъ гауптвахты не вызоветъ никакого протеста въ военной средѣ и обо мнѣ будутъ изрѣдка вспоминать въ кружкахъ немногихъ офицеровъ, видѣвшихъ, какъ я разносилъ по гауптвахтамъ мои книги, иконы, Евангелія, какъ я писалъ узникамъ „письма на родину“ и бѣгалъ по канцеляріямъ за справками по ихъ дѣламъ,—да и то вспоминать, быть можетъ, съ улыбкой снисхожденія къ прихоти отставного представителя „малиноваго вѣдомства“, у котораго, надо предположить, много свободнаго, празднаго времени и лишнихъ денегъ...

Тутъ я давно погасилъ всѣ мои иллюзіи, не жду правильной оцѣнки; но и никого не виню: таково ужъ наше проклятое времячко!

За долгіе годы моей борьбы я менѣе всего думалъ именно объ арміи,—въ широкомъ пониманіи этого слова, о благодарностяхъ, о признаніи моихъ заслугъ и проч., не ублажая себя миражами, а зная, что я, поднятый мною столь безславно, неудачно вопросъ, мои узники не въ модѣ, помня лишь о томъ, какъ-бы не запачкать равнодушіемъ и игнорированіемъ чужихъ страданій мою совѣсть...

Армія-же... Вотъ когда я опубликую со временемъ документы, хранящіеся у меня по вопросу о гауптвахтахъ, то увидятъ, на сколько въ арміи нашей не живетъ еще сознаніе необходимости покончить разъ навсегда съ тѣмъ ужасомъ и произволомъ, которые какъ-бы здѣсь узаконены...

Когда ген. Куропаткинъ, много лѣтъ тому назадъ, потребовалъ отъ высшихъ военныхъ начальниковъ мнѣній ихъ на мою записку о невозможномъ гауптвахтномъ режимѣ, то часть ихъ отвѣтила (я право не шучу),—что все зло, мною указанное, таится въ неисполненіи лишь устава гарнизонной службы, т. е. что если въ точности соблюдать этотъ уставъ, то на гауптвахтахъ немедленно-же наступятъ порядокъ, законность, Царство Божіе, царство правды и т. п.

Нашлись и такіе, которые, безъ всякихъ къ тому доказательствъ, обвинили меня-же въ натяжкахъ и преувеличеніи...

Тоже отмѣтилъ и Протопресвитеръ, не постѣснявшійся, однако, представить военному министру, въ умаленіе рѣзкости нарисованной мною картины, совершенно невѣрныя цифры по отношенію къ числу томящихся на гауптвахтахъ узниковъ. (И представьте, этой оффиціальной неправдѣ даже повѣрили на слово!).

Все вышеизложенное говорилось съ серьезнымъ видомъ, людьми, отъ которыхъ многое, если не все, зависитъ,—объ уставѣ, гдѣ именно ничего, кромѣ внѣшняго, окарауливающаго, казеннаго отношенія къ узникамъ, не опредѣляется.

А я „милость къ падшимъ призывалъ“, т. е. напоминалъ именно о человѣческихъ, духовныхъ нуждахъ заключенныхъ.

Такъ хорошо поняли меня, мою записку! Куда-же идти далѣе?!.

Но не менѣе равнодушно отнеслась къ ней, и та часть арміи (т. е. верховъ арміи), которая признавъ, что зло и существуетъ, и распространено повсемѣстно, и требуетъ немедленныхъ, энергичныхъ мѣръ къ его устраненію, сейчасъ-же забыла о своихъ пожеланіяхъ и ни разу, въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ, не поинтересовалась даже вопросомъ, почему-же не даются гауптвахтамъ тѣ реформы, о которыхъ опрашивали, потревожили, при томъ столь спѣшно, всю Россію?!..

Нѣтъ, не здѣсь, не въ отзывчивости арміи къ подобнымъ вопросамъ, покоить мнѣ мои надежды... А такъ какъ въ Россіи, за какую язву не возьмись съ ланцетомъ критики въ рукѣ, всѣ правы и, въ то-же время, всѣ виноваты, то и тутъ армія, въ сущности, не при чемъ...

Убиты два главныхъ духовныхъ нерва арміи, отъ которыхъ ждалъ я, въ свое время, и сочувствія, и поддержки, а—главное—живого, немедленнаго, плодоноснаго дѣла—военное духовенство и наше несчастное военно-судебное вѣдомство.

Вотъ кто имѣлъ-бы полное, священное право—одни съ Евангеліемъ, съ крестомъ въ рукахъ, съ проповѣдью, другіе—съ закономъ и наукою—въ видѣ жупела, властно, убѣжденно вмѣшаться въ отрицательныя особенности военно-гауптвахнаго режима и, — представьте себѣ!—не вмѣшаются, не пойдутъ по казематамъ, не устыдятъ строевое, штабное, комендантское начальство, не будутъ бороться и настаивать въ высшихъ военныхъ сферахъ: здѣсь, въ области этихъ нервовъ арміи, все, все давно умерло!.. Тутъ я не жду пониманія, поддержки... Богъ съ ними! Краснѣю за мои надежды...

Для того, чтобы взять на плечи свои мои реформы нужны не чиновники 20-го числа въ рясахъ и мундирахъ, а убѣжденные, небоящіеся пострадать за правду, дѣятели, подвижники; нужны „доктора̀ Гаазы“; нужно, наконецъ, ясное, совѣстливое сознаніе вообще человѣческаго долга передъ человѣкомъ-же, вытекающее изъ служебнаго положенія всякаго священника, всякаго военнаго юриста, всякаго гражданина, военнаго и невоеннаго...

Представьте себѣ, что военное духовенство и военно-судебное вѣдомство, въ которомъ мы съ Вами имѣли честь служить, сплотившись, принялись-бы за расчистку гауптвахтнаго вопроса — по всей

Россіи... Да развѣ не натворили-бы они, вмѣстѣ, дружно, чудесъ во славу Родины, Церкви Христовой, правосудія, науки, гуманности!!....

Но они спятъ, и бездѣйствуютъ, и спѣшатъ мимо, и закрываютъ глаза на очевидную, длящуюся преступно, позорно, неправду...

Нѣтъ, не здѣсь, не возлѣ этихъ, когда-то ярко сіявшихъ и согрѣвавшихъ, во дни Милютина, а нынѣ едва тлѣющихъ подъ пепломъ, жертвенниковъ духа человѣческаго, искать мнѣ нравственнаго удовлетворенія и правды...

Мимо, мимо нихъ!!..

Вотъ меня прогнали изъ гауптвахты... Всѣ про это знаютъ: скандалъ вѣдь достаточно громкій, безпримѣрный!..

А Вы думаете, что меня поддержатъ мои бывшіе сослуживцы по военно-судебному вѣдомству, мѣстное военное духовенство?!.. Что они, дружными усиліями, откроютъ для меня двери гауптвахты?! Никогда...

Повѣрьте, что я для нихъ такой-же чудакъ съ обиліемъ лишнихъ денегъ (а это—неправда!) и празднаго времени (тоже неправда!),—чудакъ, который вмѣшался не въ свое, видите-ли, дѣло, и, поэтому, совершенно естественно выгнанъ строевымъ и нестроевымъ элементомъ изъ гауптвахты...

Вы, конечно, не знаете, что Виленскій комендантъ, нынѣ торжествующій надо мною свою легкую побѣду, писалъ мнѣ, что мое вмѣшательство въ беззаконія, совершающіяся на Виленской гауптвахтѣ (въ томъ числѣ и имъ самимъ), только „лишаютъ его необходимаго спокойствія и должнаго отношенія къ его обязанностямъ", что я—фарисей, прикрывающійся напускнымъ сочувствіемъ къ страданіямъ ближнихъ... Этотъ господинъ даже грубо глумится надо мною, не церемонясь сознаться, что самъ и усталъ, и слишкомъ окунулся въ личныя семейныя невзгоды для того, чтобы, по долгу службы, отдаваться интересамъ ввѣренныхъ ему узниковъ, какъ онъ выражался—„за небольшимъ исключеніемъ тунеядцевъ."

Развѣ могъ-бы онъ писать что-либо подобное, выражать такъ ясно увѣренность въ то, что ему удастся сплавить меня изъ гауптвахты, если бы не былъ заранѣе увѣренъ, что его поддержатъ, а меня осудятъ, заушатъ, оскорбятъ безнаказанно!.. Я представилъ его письмо по его начальству. И что-же? Ему сдѣлано замѣчаніе на бумагѣ. А порядки остались тѣ-же...

Повторяю, мое столкновеніе съ нимъ, повлекшее за собой мое-же изгнаніе, должно было завершить исторію моего Донъ-Кихотства въ дѣлѣ оздоровленія русской гауптвахты: всякая дѣятельность, на благо ближняго, должна непремѣнно нести въ себѣ терніи и слезы, для того, чтобы принести плодъ свой.

Если-бы не распяли Христа, то развѣ ученіе Его, оставшись лишь въ теоріи, получило-бы такое значеніе для всѣхъ, страждущихъ за правду?!

Если-бы не преслѣдовали, не оплевывали, не осмѣивали доктора Гааза за его попытки облегчить участь заключенныхъ, то развѣ зналъ-бы кто-нибудь, въ наши дни, объ его филантропическихъ, Донъ-Ки-

хотскихъ подвигахъ, а потомство развѣ ставило-бы, въ воспоминаніе ихъ, ему памятники?!..

И я (клянусь Вамъ!) даже радуюсь моему нынѣшнему страданію (благодаря за него Господа), какъ такому факту, который, причинивъ мнѣ временно личное горе, заставитъ меня, наконецъ, съ зыбкой почвы безплодныхъ кочевокъ и униженій по пріемнымъ разныхъ „особъ“ и сильныхъ міра сего да переписокъ съ ними, перейти, не откладывая, къ тому, что давно слѣдовало-бы сдѣлать—къ печатному обращенію къ русскому народу...

Необходимо теперь-же огласить имѣющіеся у меня матеріалы, сдѣлавъ ихъ, такимъ способомъ, общимъ, достояніемъ, и спросить, затѣмъ, русскую интеллигенцію, военно-мундирную, штатско-фрачную, духовно-рясную и иную: можно-ли еще ждать, терпѣть, молчать?! *)

Если она скажетъ, что можно, то будь она проклята, а мнѣ надо поскорѣй уйти со свѣта, оставивъ книгу мою до иного времени, до появленія иныхъ людей, иныхъ порядковъ!!....

Едва во мнѣ созрѣло такое рѣшеніе, т. е. едва всталъ я на почву долга и новаго пути продолженія борьбы, какъ сразу-же сдѣлался нечувствителенъ къ уколамъ личнаго самолюбія...

А мое изгнаніе было обставлено въ достаточной степени, подобными подробностями... Одно время онѣ меня терзали.

Когда меня выгнали изъ гауптвахты, я, черезъ штабъ округа, потребовалъ, напримѣръ, возвращенія мнѣ книгъ изъ моей бывшей гауптвахтной библіотеки, зная, что онѣ напрасно пропадутъ на гауптвахтѣ и намѣреваясь пожертвовать ихъ въ-какую-либо народную читальню.

И вотъ мнѣ ихъ прислали (далеко, конечно, не всѣ), истрепанныя, запачканныя, безъ бумаги, безъ описи, требуя, однако, съ меня-же росписку въ пріемѣ. Я хорошо понималъ всю соль подобнаго требованія...

Выхожу для объясненій съ присланнымъ. Вижу знакомую физіономію нижняго чина, служащаго при гауптвахтѣ, которому изъ-за меня частенько доставалось—за разнаго рода непорядки. На лицѣ его—скрытое торжество. Такъ и читаю въ глазахъ: „А что! Добился-таки, съ твоимъ вмѣшательствомъ, что тебя изъ гауптвахты въ шею выгнали!..“

Конечно, я вѣжливо удалилъ изъ кухни нижняго чина, не давъ росписки комендантскому управленію, т. е. не росписавшись, какъ того желали, въ моемъ позорѣ.

И представьте себѣ... Мнѣ скрытое торжество нижняго чина теперь не только не обидно, но даже смѣшно, и кажется, опять-таки, вполнѣ послѣдовательнымъ: онъ знаетъ, этотъ подначальный, что разъ высшее начальство со мной, отставнымъ генераломъ, не поцеремонилось, то все сойдетъ и ему безнаказанно — и развязный тонъ, и усмѣшка, и небрежная поза...

А тронь-ка я его, хотя-бы рѣзкимъ замѣчаніемъ, сейчасъ-же поднялась-бы новая исторія о непочтительномъ, въ лицѣ посланнаго, отношеніи моемъ къ комендантскому управленію, начальству и т. п.

Пожалуй угодилъ-бы въ революціонеры, въ число тѣхъ, которые подрываютъ основы воинскаго и государственнаго правопорядка...

Не спасли-бы меня мои Евангелія и иконки...

А при извѣстной выдержкѣ и самодостоинствѣ, какъ результатахъ долгаго житейскаго опыта, я вышелъ изъ всей исторіи съ моимъ изгнаніемъ, быть можетъ, и осмѣяннымъ, съ поломанными ребрами, Донъ-Кихотомъ, но Донъ-Кихотомъ, у котораго все-же есть чему поучиться, хотя-бы... приличію.

„Такъ и должно быть!“ говорю я себѣ, подготовляя матеріалы для будущей моей книги о гауптвахтахъ: „каковъ баринъ—таковъ и слуга“, „каковъ попъ—таковъ и приходъ“...

Вы, увѣряете, что меня не забудутъ яко-бы, благодарно мои узники...

Повѣрьте, что забудутъ.

Да и что̀ значило для нихъ, этихъ обиженныхъ судьбою, темныхъ людей, мое частичное, временное облегченіе горя, цѣлыя волны котораго поднималъ вокругъ нихъ гауптвахтный режимъ?!...

Все это разсѣется, затѣмъ, по Россіи, не зная даже моей фамиліи, какъ не помню я самъ фамилій тѣхъ, кому когда-то, что-то сдѣлалъ...

На Виленской гауптвахтѣ, повѣрьте, никогда не будетъ красоваться моего портрета. Тамъ, надо думать, за то будетъ повѣшено изображеніе полковника Темникова, равно какъ и другихъ комендантовъ и ихъ адъютантовъ: у насъ—мода на такія коллекціи по казеннымъ учрежденіямъ.

Будетъ помнить обо мнѣ, конечно недоброй памятью, поручикъ В., такъ демонстративно-небрежно отдающій мнѣ теперь, при встрѣчахъ на улицѣ, честь. Но, конечно, не въ его интересахъ правдиво разсказывать будущимъ поколѣніямъ вѣчно-смѣняющихся узниковъ, что когда-то посѣщалъ эту самую, заброшенную гауптвахту чудакъ въ формѣ военно-судебнаго вѣдомства, даже генералъ, толкуя о Богѣ, законѣ, человѣчности, за что его и убрали изъ гауптвахты, чтобы не мѣшалъ начальству комендантскаго управленія исполнять служебныя его обязанности, не осложнялъ-бы и безъ того сложной его жизни...

Я могъ-бы, конечно, подтянуть обиженнаго поручика... Но Богъ съ нимъ! А, затѣмъ, впутываться въ новую исторію—неохота...

Знаете-ли о чемъ мечталъ я одно время, по-дѣтски—въ ту пору, когда могъ еще надѣяться на то, что вотъ-вотъ, на дняхъ, мои гауптвахтныя реформы осуществятся?

Мнѣ представлялось, что когда я умру (не улыбайтесь, старый скептикъ!)—за моимъ гробомъ, при надлежащемъ конвоѣ, будутъ идти въ ногу, чисто одѣтые, со здоровымъ видомъ, съ сознаніемъ своихъ правъ и обязанностей, отлично дисциплинированные, духовно-просвѣтленные, заключенные главной гауптвахты того города, гдѣ суждено мнѣ будетъ окончить бурные (и скажу въ риѳму—сумбурные) дни моей странной, никому ненужной, идущей на убыль, жизни,—гауптвахты, реформированной, одухотворенной, оздоровленной, согласно моимъ указаніямъ, въ усладу надеждъ моихъ и пожеланій; что, узнавъ случайно о моей кончинѣ, хоть одинъ военный узникъ, затерянный въ какомъ-либо захолустьи многолюбимой мною, но—увы!—не отвѣтившей ни разу мнѣ сочувственно, благодарно, на любовь мою

къ ней и ласку, Родины,—изъ тѣхъ тысячъ узниковъ, о которыхъ я думалъ, и вздыхалъ, и плакалъ, если не уронитъ слезу, то хоть вздохнетъ благодарно и перекрестится...

Мечталось мнѣ также, что вдругъ какое-либо комендантское управленіе (въ душахъ служащихъ въ немъ, быть можетъ, и довольное, что безпокойнаго, надоѣдливаго, непріятнаго посѣтителя гауптвахтъ, нѣтъ болѣе въ живыхъ), для соблюденія хоть внѣшняго приличія, раскошелится и... положитъ на мой могильный холмъ вѣнокъ съ благодарственной надписью. (Конечно такое украшеніе не нужно мнѣ, какъ покойнику, а полезно для остающихся въ живыхъ, какъ все-же признакъ извѣстной мысли, извѣстнаго чувства...).

„А вдругъ“ думалось мнѣ: „Какой-либо военный батюшка возьметъ да скажетъ надгробное слово на тему „въ темницѣ былъ—и ты посѣтилъ Меня!..“

А вдругъ... И я мечталъ, мечталъ и рисовалъ себѣ сцены, цѣлыя картины въ будущемъ...

Видите-ли, какъ я былъ одно время честолюбивъ по своему и самонадѣянъ въ увлеченіи кажущимися побѣдами, въ дерзновенной вѣрѣ въ возможность близкаго осуществленія правды на землѣ, и, какъ, за все это, сурово покаралъ меня Господь, разбивъ мои грезы ударами, пинками современной русской дѣйствительности!!...

Впрочемъ, къ счастью моему, я изъ тѣхъ, кто благодарно цѣлуетъ карающую, бичующую десницу Божью и, въ то-же время, не вкладываетъ меча въ ножны, твердо уповая, что пока мечъ этотъ въ рукѣ человѣческой—на то, опять-таки, воля Всевышняго...

Погребальные-же лавры... Помните, какъ хорошо сказалъ о нихъ поэтъ?..

„Тише... О жизни покончѳнъ вопросъ:
Больше не надо ни пѣсенъ, ни слезъ...“

Съ этой точки зрѣнія меня ни сколько не волнуетъ то, что волнуетъ видимо Васъ, меня любящаго,—послѣдствія, которыя могутъ имѣть мои столкновенія съ начальствомъ.

Вы пишете: „Пожалуй, удаливъ Васъ изъ гауптвахты, Васъ-же привлекутъ къ отвѣту, ну, хотя-бы, за клевету... На этотъ родъ самозащиты теперь мода. Вѣдь придраться всегда можно, при желаніи... Вы—горячка, неосторожны на словахъ. А въ борьбѣ не всегда можно быть на столько сдержаннымъ, чтобы не дать желаемую пищу врагу. Зная Васъ“ и т. д.

Во-первыхъ, меня сейчасъ, за эту исторію съ п. Темниковымъ, повѣрьте, дорогой мой, не тронутъ, зная, что я тутъ кругомъ правъ и могу сослаться, въ случаѣ чего, на „благородныхъ“ свидѣтелей.

Во-вторыхъ, привлеченіе за клевету и легко съ точки зрѣнія формальностей, и, въ то-же время, представляетъ нѣкоторыя неудобства, а подчасъ даже и опасности. Это—обоюдоострый мечъ.

Меня давно могли-бы, напримѣръ, привлечь за клевету, придравшись къ моимъ обобщеніямъ. И не сдѣлали этого. Почему?—Подождите—выйдетъ моя книга: тогда-то закипятъ страсти, распалятся обиженныя самолюбія, вспомнятся былыя, нанесенныя мною, въ пылу полемики и сраженій, обиды...

Дѣло, однако, въ томъ, что я не боюсь ни судовъ, ни приговоровъ, ни газетной травли: противъ всего этого у меня таится завѣтный, испытанный не разъ талисманъ...

„Вы“, скажутъ, мнѣ на судѣ: „утверждаете, что на всѣхъ гауптвахтахъ Россіи царятъ произволъ, развратъ, беззаконіе и проч. „А были-ли вы, Ваше Пре-во, тамъ-то (назовутъ нарочно какой-либо Дальне-Восточный захудалый гарнизонъ)? Видѣли-ли Вы тамъ, изучали-ли главную гауптвахту?“ — „Нѣтъ“ — отвѣчу искренно: „не былъ.“—„А вы вотъ говорите, что вездѣ, значитъ и здѣсь, въ этомъ пунктѣ, одно и то-же...“

И я уже обвиненъ въ клеветѣ.

— Можно, при желаніи, допечь меня клеветой и въ порядкѣ частнаго обвиненія...

Напримѣръ, я привожу факты изъ прошлаго Виленской главной гауптвахты—факты, давно прошедшіе, указывающіе на непорядки и безсердечіе. Попробуйте-ка доказать теперь, когда свидѣтели-заключенные, кто умеръ, кто разсѣянъ по всей Россіи, кто скрылся безъ вѣсти, что вашъ разсказъ имѣетъ основаніе въ дѣйствительно на вашихъ глазахъ происшедшемъ.

И вдругъ появится какой-нибудь бывшій комендантъ, хотя-бы г. Вильны, который, ознакомившись съ моими печатными заявленіями, скажетъ: „Да этого никогда не было! Это—клевета!.. У меня, за мое время гауптвахта отличалась образцовымъ порядкомъ. А самъ я...“

При этомъ онъ выложитъ передъ судомъ кучу лестныхъ для него аттестацій начальства...

Выйдетъ, вопреки вашимъ заявленіямъ, что это—воплощенный идеалъ долга служебнаго, сердечности, попечительности о нуждахъ подчиненныхъ и т. д.

Попробуйте-ка отвертѣться на судѣ, доказать, что вы наблюдали какъ разъ обратное, добыть документы, особенно, если двери комендантскаго управленія (а, значитъ, и архива) для васъ навсегда предусмотрительно закрыты!!...

Въ утѣшеніе-же себѣ можно сказать, что никакіе приговоры не могутъ омрачить личнаго сознанія правоты и исполненнаго долга совѣсти, какъ никакія кары земныя не могутъ зажать рта честному человѣку, ясно сознающему и свой долгъ, и правоту въ дѣлѣ, за которое онъ стоитъ.

Вотъ въ чемъ заключается вышеупомянутый талисманъ мой. Вотъ гдѣ секретъ моего спокойнаго ожиданія грядущаго...

А, затѣмъ... Развѣ привлеченіе за клевету не новый случай— съ закономъ въ рукахъ, сказать публично проповѣдь въ защиту грубо поруганныхъ на гауптвахтахъ правъ человѣческихъ?!...

И еще разъ—надежда на порядочныхъ, добрыхъ людей, которые случись со мной бѣда, — попади я подъ судъ, и заговорятъ о гауптвахтныхъ тайнахъ, и укажутъ свидѣтелей, и сами придутъ свидѣтельствовать...

Знаете-ли, что едва зародилась во мнѣ мысль о необходимости изданія особой книги по вопросу о гауптвахтахъ, какъ стали мерещиться мнѣ въ будущемъ разные призраки и страхи: увѣренъ, что это

врагъ рода человѣческаго поднимаетъ вокругъ меня всякую нечисть, чтобы парализовать мое рѣшеніе... Знаетъ, чѣмъ можно смутить, запугать, ошеломить и одурманить душу христіанскую, особенно-же военно-служащаго...

„Съ тебя снимутъ, пожалуй, военно-судейскій мундиръ“ вкрадчиво шепчетъ онъ мнѣ въ одно ухо: „А ты вѣдь и въ отставкѣ его носишь...“

„Ахъ, какъ-бы тебя не закатали за клевету! У тебя семья... Что-то скажутъ дѣти твои?“ вползаетъ ко мнѣ въ другое ухо.

„Мои дѣти? Если они любятъ, уважаютъ своего отца, то и за рѣшотками тюрьмы, гауптвахты, безъ мундира, я буду чувствовать родственное сочувствіе душъ ихъ...“ говорю я въ отвѣтъ.

Въ окончательное успокоеніе себѣ, стоитъ лишь заглянуть въ исторію жизни величайшихъ свѣточей человѣчества, начиная съ Христа: кого только не осудили, не казнили, яко-бы, за клевету съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи поклоняться и признать ихъ невинно-пострадавшими, правдолюбцами!!...

Служеніе правдѣ, Господу, требуетъ на землѣ жертвоприношеній, а, слѣдовательно, и жертвъ,—„жертвъ искупительныхъ проситъ“, какъ выражается поэтъ.

А потому... Не тревожьтесь, дорогой мой другъ, и за меня, а болѣйте душой за нашу несчастную Родину-Мать, въ которой могутъ благополучно процвѣтать, при общемъ равнодушіи, такія явленія, какъ современныя гауптвахты, такія событія, какъ мое изгнаніе изъ одной изъ нихъ...“

Поставимъ, однако, точку, на этой грустной эпопеѣ моего недавняго прошлаго и закроемъ пока портфель мой съ документами, которые далеко не исчерпаны по отношенію къ данному случаю!..

Скажу только, что необыкновенно грустно встрѣтилъ я въ томъ, 1910 году, Св. Пасху: по привычкѣ, утромъ, 10 апрѣля, потянуло меня на главную гауптвахту, которая такъ близка отъ моей квартиры. Но я зналъ, что для меня тамъ грубо, властно закрыты двери; что, можетъ быть, отданъ даже особый приказъ, на случай моей попытки—добиться-таки свиданія съ узниками, благодаря чему готовится мнѣ тамъ оффиціальный скандалъ.

А я былъ увѣренъ, что они, „мои“ узники, съ утра все поджидали меня, по преданію, сохранившемуся еще на гауптвахтѣ—о моихъ неизмѣнныхъ посѣщеніяхъ въ этотъ день въ предыдущіе годы, глядя изъ-за рѣшотки на улицу, не остановится-ли у входа на гауптвахту извозчикъ и не вызоветъ-ли отставной военно-судейскій генералъ, по звонку у „фронта“, нижнихъ чиновъ караула, чтобы тѣ помогли внести въ помѣщеніе гауптвахты корзину съ пасхальной провизіей...

Такъ какъ генерала въ этотъ разъ не было, то не подумали-ли „пасынки военной службы“, что онъ забылъ о нихъ, въ этотъ великій день, умеръ, отсутствуетъ изъ города?..

Но развѣ могъ я забыть ихъ—людей, съ которыми только еще болѣе, духовно, сблизила исторія съ гоненіемъ, на меня воздвигнутымъ?!...

А, можетъ быть, имъ уже сообщили ранѣе, что генерала попросту прогнали...

„А за что?“—„Про то начальство, молъ, знаетъ...“

Хотѣлъ, было, я послать провизію съ прислугой...

„А вдругъ не пустятъ? Прогонятъ посланнаго?.. Скажутъ что-либо обидное?..“

Вспоминался мнѣ, при этомъ, одинъ комендантъ, который на недоумѣніе мое по поводу неразрѣшенія имъ крестьянину, пріѣхавшему въ городъ, пожертвовать въ первый день Пасхи для гауптвахтныхъ узниковъ кувшинъ молока (т. е. все, что такъ трогательно могъ дать тотъ „несчастненькимъ“), съ негодованіемъ, пылко отвѣтилъ мнѣ: „Нижніе чины—не нищіе!.. Они въ подачкахъ не нуждаются...“

И самъ улучшилъ пищу въ праздникъ лишь потому, что расходы по этому поводу я взялъ на себя...

Но довольно, довольно воспоминаній, смахивающихъ на анекдоты...

Конечно, меня болѣе не пустили на Виленскую гауптвахту. Будь я на службѣ, то вошелъ-бы туда побѣдоносно въ связи съ исполненіемъ служебныхъ обязанностей... А отставной, кому я нуженъ, кому страшенъ?!..

Да и самъ я пересталъ добиваться этого счастья, понимая хорошо, что если военный министръ, командующій войсками и комендантъ сплотились противъ меня, то какая-же власть въ Россіи могла-бы разбить этотъ торжествующій, всесильный тріумвиратъ во имя благъ, интересовъ какихъ-то тамъ военныхъ заключенныхъ!!...

Наконецъ, есть-же у всякаго самолюбіе, которымъ можно поступаться лишь до извѣстнаго предѣла...

Впрочемъ, для окончательнаго уясненія положенія моего въ этой тяжелой, неравной, унизительной, а, главное, безплодной, борьбѣ на почвѣ интересовъ Виленской гауптвахты,—положенія, въ свою очередь, ярко характеризующаго отношеніе высшихъ военныхъ сферъ къ общимъ вопросамъ, связаннымъ съ улучшеніемъ быта военныхъ узниковъ, необходимо замѣтить, что скоро полковникъ Темниковъ, какъ получившій высшее, видное назначеніе—въ первопрестольный городъ Москву, покинулъ Вильну, а поручикъ В. и по сіе время завѣдуетъ всецѣло нуждами заключенныхъ Виленской главной гауптвахты, будучи переименованъ изъ прикомандированнаго лишь къ комендантскому управленію въ адъютанта послѣдняго, т. е. тоже, въ сущности, повышенъ по службѣ.

Съ назначеніемъ на постъ коменданта новаго лица прошло около двухъ лѣтъ,—срокъ достаточный...

Однако, никому въ голову не пришло, ни въ Петербургѣ, ни въ Вильнѣ, вернуть меня на Виленскую главную гауптвахту съ моими Евангеліями, иконами и книгами, съ моимъ опытомъ, съ возможностью и желаніемъ принести здѣсь пользу...

Отсюда я заключаю, что затаенный смыслъ моего изгнанія дѣйствильно надо искать не въ одной лишь личности полк. Темникова не въ столкновеніи моемъ съ нимъ, изъ-за него, а въ чемъ-то болѣе глубокомъ, важномъ, быть можетъ, секретномъ, связанномъ съ Петербургомъ....

Надо надѣяться, что рано или поздно истина всплыветъ наверхъ...

ГЛАВА XV.

Продолженіе моей безрезультатной переписки съ о. о. протопресвитерами. Повелѣніе Государя Императора 1911 года объ искорененіи въ дѣлопроизводствѣ военнаго вѣдомства канцелярской волокиты. Письма мои по этому поводу по вопросу о гауптвахтахъ къ начальнику Главнаго Штаба ген. Михневичу и военному министру ген. Сухомлинову (къ послѣднему, такъ сказать, прощальное мое обращеніе). Молчаніе того и другого. Странная обидчивость Главнаго Штаба!.. Письмо ко мнѣ изъ Главнаго Военно-Суднаго Управленія, указывающее лишній разъ на то, что нельзя—же разговаривать, спорить на разныхъ языкахъ, другъ друга не понимая!.. Выводъ, объясняющій, оправдывающій своевременность появленія настоящей книги: можно-ли дальше ждать?!!...

Мое изгнаніе, среди моря недосказаннаго, тайнаго, неопредѣленнаго, непонятнаго, упорно окружавшаго мою дѣятельность, все-же явилось единственнымъ фактомъ, смыслъ котораго былъ для меня ясенъ: оно означало, что на вопросъ о гауптвахтахъ ставили въ Петербургѣ огромный, рѣшительный крестъ.

Въ то-же время, подобный произволъ, ненаходившій себя оправданія въ происшедшемъ между мной и комендантскимъ управленіемъ столкновеніи, явился какъ-бы черной неблагодарностью отъ военнаго министерства, отъ Виленскаго военнаго округа за все то, что я дѣлалъ въ направленіи облегченія участи воинскихъ узниковъ вообще, т. е., въ сущности, для того-же военнаго вѣдомства.

Оставалось только просить, напоминать, такъ сказать уже по инерціи, безъ надежды на успѣхъ, воскрешать забытыя обѣщанія, что́ я и дѣлалъ, по мѣрѣ возможности и силъ, сознавая, что подобнымъ личнымъ униженіемъ все-же какъ-бы не даю совершенно заглохнуть вопросу.

„А вдругъ“, думалось: „новый военный министръ... Новый начальникъ Главнаго Штаба. Съ ними—перемѣны взглядовъ, настроеній. Какое-либо чудо... Наконецъ, какое-либо вопіющее, кровавое происшествіе на одной изъ главныхъ гауптвахтъ—въ родѣ, что-ли открытаго, вооруженнаго бунта „кадровъ“ преступности, да еще на политической почвѣ, съ обнаруженіемъ на гауптвахтѣ очага антиправительственной пропаганды съ рукодѣльнымъ станкомъ для печатанія прокламацій и т. п. Вдругъ оно разбудитъ, встревожитъ Петербургское равнодушіе и укажетъ на забытый вопросъ о безнравственномъ, беззаконномъ, безбожномъ и т. д. положеніи подобныхъ гнѣздъ разврата, школъ преступности... А тутъ-то и вспомнятъ, пожалуй, что недавно еще я предупреждалъ, просилъ, пророчествовалъ изъ Вильны. Возмутъ въ руки дѣло, благодаря мнѣ возникшее... А тамъ все готово—въ смыслѣ реформъ“.

Душевное состояніе мое одно время было таково, что я, право, втайнѣ жаждалъ какого-либо всероссійскаго скандала на гауптвахтѣ, который, стоивъ жизни нѣсколькимъ изъ вполнѣ погибшихъ представителей гауптвахтныхъ „кадровъ“, спасъ-бы тысячи напрасно гибнущихъ, нравственныхъ, лишь несчастныхъ, заблудшихъ, а, то и зря страдающихъ, элементовъ нашей арміи.

Вѣрилось въ то, что грянетъ-же когда-нибудь громъ и надъ длящимся позорищемъ Содома и Гоморры русской гауптвахты... Прогремѣлъ-же онъ уже надъ нами на поляхъ Манджуріи, подъ—Мукденомъ, подъ Цусимой и на другихъ пунктахъ Дальняго Востока, карая насъ за самонадѣянность и нравственную распущенность... Тотъ самый Богъ, на поддержку котораго мы такъ расчитывали, отвернулся отъ насъ и далъ намъ урокъ въ лицѣ полу-цивилизованнаго, невѣрующаго азіата...

Однако, видимо, не насталъ еще часъ Страшнаго Суда надъ гауптвахтами и мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ ходить, наблюдать издали, бороться въ одиночку, да писать письма по начальству, къ тѣмъ, кто стоитъ „на верхахъ", обратившись, по волѣ судьбы, изъ дѣятеля въ празднаго наблюдателя...

Мнѣ хочется теперь привести кое-какую переписку въ вышеуказанномъ направленіи за послѣдніе годы, слѣдовавшіе вслѣдъ за изгнаніемъ, какъ все-же содержащую въ себѣ нѣкоторыя новыя данныя изъ прошлаго, и для того, чтобы по возможности полнѣе исчерпать матеріалъ моего архива, относящійся къ гауптвахтному вопросу вообще.

14 февраля 1911 года я писалъ протопресвитеру Аквилонову:*)

„Ваше Высокоблагословеніе, Душевно-уважаемый Отецъ Протопресвитеръ,

Вотъ уже пятый мѣсяцъ, какъ получилъ я доброе, хорошее, сочувственное письмо Ваше (отъ 22 сент. 1910 г.), въ которомъ Вы обѣщали мнѣ—привлечь оффиціально военное *духовенство Россіи, Вамъ подчиненное, къ посѣщенію общихъ (главныхъ) нашихъ гауптвахтъ—въ цѣляхъ христіанско-нравственныхъ.*

Много съ тѣхъ поръ, однако, успѣло утечь воды и меня успѣли уже прогнать въ Вильнѣ изъ такой именно общей гауптвахты за то, что слишкомъ настойчиво напоминалъ я мѣстному военному начальству (главнымъ-же образомъ безсердечному коменданту полк. Темникову) о томъ, что мы—христіане, что на гауптвахтѣ сидятъ *люди,* а не скоты, что, поэтому, къ нимъ и надо относиться по-человѣчески. Мѣстное начальство, вѣроятно, глядитъ на все это иначе...

И вотъ, въ результатѣ, меня выгнали съ моими книгами, Евангеліями, иконами, съ моими словами любви и участія, чтобы я не мѣшалъ полк. Темникову и К-о...

Богъ имъ судья... Вѣрую въ то, что Онъ, Благой, Всевидящій, скажетъ еще Свое слово и тутъ...

А Главный Штабъ, на запросъ мой о положеніи вопроса—о реформѣ на общихъ гауптвахтахъ—отвѣтилъ мнѣ, что *вопросъ этотъ, какъ связанный съ новымъ уставомъ гарнизонной службы, отложенъ въ неопредѣленно долгій ящикъ—до тѣхъ поръ, пока не совершится общая реформа высшаго военнаго управленія Россіи...*

*) Отвѣтъ мною полученъ не былъ: въ скоромъ времени почтенный протопресвитеръ захворалъ и скончался.

Я не шучу, а привожу подлинный документъ.

Это заявленіе звучитъ глумленіемъ и насмѣшкою. Оно похоже на то, какъ если-бы нищему, голодному, продрогшему человѣку поднесли вмѣсто куска хлѣба, нужнаго сейчасъ-же, чтобы не умереть съ голоду, обѣщаніе—будущаго блага, когда вотъ богатые, аристократы, устроятся еще комфортабельнѣе...

Иными словами: ты, молъ, поголодай,—подрогни еще; зато будущимъ поколѣніямъ такихъ-же, какъ ты, бѣдняковъ, быть можетъ, суждено жить счастливѣе... Утѣшься-же пока хоть этимъ!..

Конечно, я пишу Военному Министру, освѣщая въ должной степени этотъ взглядъ, вышедшій изъ самодовольныхъ сферъ высшаго военнаго канцеляризма и казеннаго благодушія...

Нѣтъ, не могу молчать! И не буду молчать!!.

Письмо Военному Министру отправляю сегодня-же, при другомъ, частномъ письмѣ.

Въ обоихъ письмахъ я еще разъ подчеркиваю ужасы главныхъ гауптвахтъ и упорное 10-лѣтнее равнодушіе Главнаго Штаба къ такому неотложному вопросу: если не можешь ничего сдѣлать, то оставляешь за собою хоть право порядочнаго гражданина—протестовать, кричать и ругаться...

Васъ-же, Душевно-уважаемый о. Протопресвитеръ, убѣдительно прошу поддержать меня у г. Военнаго Министра, авторитетно выдвинувъ *одновременно со мною и вопросъ о посѣщеніяхъ главныхъ гауптвахтъ военнымъ духовенствомъ*—въ виду всеобщей ихъ заброшенности, отсутствія библіотекъ и проч.

Авось два наши голоса, во имя Христа и правды, разбудятъ, наконецъ, въ Петербургѣ, спящихъ, равнодушныхъ, тѣмъ болѣе, что Военный Министръ—человѣкъ живой, добрый и отзывчивый!!..

Но онъ заваленъ всякаго рода вопросами *и ему надо напоминать...*

Вашего Высокоблагословенія усерднѣйшій слуга и преданный Вамъ А. Жиркевичъ."

Оффиціальный, военный Петербургъ, видимо, изъ одного приличія, нѣтъ-нѣтъ да и откликался на мои заявленія.

Это явствуетъ хотя-бы изъ письма ко мнѣ и. д. начальника Главнаго Штаба (отъ 7 марта 1911 г. за № 3793) слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь Александръ Владимировичъ,

Недостатки въ нынѣ принятомъ порядкѣ содержанія заключенныхъ на военныхъ гауптвахтахъ, неоднократно обращавшіе на себя вниманіе Вашего Пре-ва, вполнѣ сознаются и военнымъ вѣдомствомъ. Однако выдѣлить этотъ вопросъ изъ новаго проекта устава гарнизонной службы и провести его въ жизнь теперь-же, въ формѣ приказа по военному вѣдомству,*) не представляется необходимымъ,

**) Я просилъ и Главный Штабъ, и ген. Сухомлинова, въ виду разныхъ проволочекъ съ выпускомъ въ свѣтъ новаго устава гарнизонной службы, провести въ бытъ арміи мои реформы хотя-бы въ формѣ особаго приказа, въ видѣ опыта, о чемъ уже сказано выше.

такъ какъ упомянутый проектъ въ скоромъ времени будетъ законченъ.

Кромѣ того, немедленное осуществленіе проектируемыхъ Вами мѣръ связано съ установленіемъ новыхъ денежныхъ отпусковъ отъ казны, что въ данное время является трудно-исполнимымъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, М. Бѣляевъ."

Назначеніе на постъ протопресвитера протоіерея Г. И. Шавельскаго подало мнѣ мысль, поклонившись восходящему свѣтилу духовнаго міра, напомнить и ему о безучастномъ, по-прежнему, отношеніи военнаго духовенства, съ которымъ ему придется имѣть дѣло, къ гауптвахтамъ.

Я писалъ о. Шавельскому (18 апрѣля 1911 г.):

„Христосъ Воскресе! Привѣтствую Васъ, Душевно-уважаемый о. Протопресвитеръ, и съ радостнымъ Праздникомъ Воскресенія Христова, и съ новымъ назначеніемъ: пошли Господь Вамъ силъ и энергіи на высокомъ посту, на который Вы призваны снять обильную жатву съ душъ чиновъ русскаго воинства!.. Богатая нива передъ Вами и есть надъ чѣмъ потрудиться любящему Христово стадо пастырю. Были-бы только у Васъ любящіе дѣло жнецы!..

Пишу я Вамъ тоже съ великой на Васъ надеждою. Выслушайте-же меня благосклонно!..

Много лѣтъ, какъ уже борюсь я съ Главнымъ Штабомъ и вообще съ военнымъ начальствомъ за улучшеніе быта узниковъ нашихъ общихъ (главныхъ) гауптвахтъ—нижнихъ чиновъ, тамъ находящихся. Нѣкоторыя реформы мои внесены въ проектъ новаго устава гарнизонной службы, между прочимъ, и реформы религіозно-нравственнаго свойства.

Но когда-то еще выйдетъ въ свѣтъ самый уставъ, а слово любви, милосердія, состраданія къ узникамъ со страницъ его перейдетъ въ жизнь арміи!..

Вотъ тоже—нива Божія, нетронутая плугомъ культурнаго пахаря...

По этому вопросу имѣлъ я долгія, дружескія сношенія съ протопресвитеромъ Желобовскимъ и началъ переписку съ покойнымъ протопресвитеромъ Аквилоновымъ.

Но равнодушіе высшаго военнаго начальства помѣшало первому, а смерть—второму что-либо сдѣлать существенное...

О моихъ сношеніяхъ съ обоими, въ дѣлахъ протопресвитерства, должны быть слѣды: прикажите навести справку!

Особенно горячо оба они отнеслись къ жалобамъ моимъ на то, что наше военное духовенство, въ главной массѣ его, совершенно равнодушно къ духовно-нравственнымъ нуждамъ несчастныхъ военныхъ узниковъ, никогда не посѣщаетъ гауптвахтъ, почему и не вноситъ туда разумнаго слова, Евангельской истины и того сочувствія къ чужому страданію, которое должно размягчить и самое огрубѣвшее, преступное сердце...

А вѣдь (страшно подумать!) на такихъ гауптвахтахъ, на положеніи дикихъ звѣрей за рѣшотками, сидятъ и люди, еще способные искупить свой грѣхъ, и люди невинные, напрасно страдающіе!..

Вотъ гдѣ чудеса могъ-бы, при желаніи, совершить священникъ...

Отецъ Протопресвитеръ! Возьмите этотъ важный вопросъ, только что выпавшій изъ охладѣвшихъ рукъ Вашего предшественника, протоіерея Аквилонова, разбудите властнымъ, укоризненнымъ словомъ наше, преступно-дремлющее военное духовенство и заставьте его пойти, съ крестомъ и Евангеліемъ, въ смрадные, забытые казематы нашихъ общихъ гауптвахтъ—по указанію и завѣту Спасителя!

Земно Вамъ кланяюсь съ этой просьбою...

Еще разъ желаю Вамъ всего хорошаго на пути Вашего, новаго, труднаго служенія: помоги-то Богъ!..

Не забудьте-же, на этомъ пути, и моихъ, всѣми забываемыхъ, военныхъ узниковъ!..

Вашего Высокоблагословенія покорнѣйшій слуга, преданный Вамъ А. Жиркевичъ."

Промелькнула еще одна, безрадостная для меня, неозаренная духовнымъ общеніемъ моимъ съ главной гауптвахтою, Пасха...

Я видѣлъ, какъ наканунѣ, въ огромномъ количествѣ, везли свѣжія булки въ мѣстную тюрьму,—и, въ первый день Праздника, нарочно пойдя хоть взглянуть издали на „мою" гауптвахту, я думалъ о тѣхъ, кто, конечно, и не подозрѣвалъ уже здѣсь о моемъ существованіи (меня забыли при новомъ составѣ заключенныхъ) и, поэтому, не ждалъ моего прихода: позаботился-ли кто-либо въ этомъ году устроить имъ пасхальный столъ?!

Бывало, я всегда привозилъ лишнюю провизію и для интеллигентныхъ узниковъ изъ нижнихъ чиновъ, напримѣръ, вольноопредѣляющихся, и для евреевъ... И, когда тѣ и другіе, на вопросъ мой, изъявляли согласіе—принять отъ меня праздничное подаяніе (а это бывало всегда—не помню случая отказа), я былъ счастливъ, видя, какъ христіанъ и иновѣрцевъ, людей съ извѣстнымъ образованіемъ и темный людъ, „кадры" преступности и, быть можетъ, безвинно, по ошибкѣ страдающихъ,—въ день Христова Воскресенья, объединила моя провизія—въ одну братскую, довольную предстоящимъ угощеніемъ, семью.

Пока, затаившись, точно воръ, стоялъ я недалеко отъ гауптвахты, площадка передъ которой была тщательна подметена и усыпана, ради праздника, свѣжимъ пескомъ, и съ тоской всматривался въ физіономіи выглядывавшихъ на улицу, изъ-за рѣшотокъ, нижнихъ чиновъ,—узниковъ и караула, мнѣ пришло на память, какъ много лѣтъ тому назадъ, на ту-же гауптвахту, пріѣхалъ я по обыкновенію съ „Христосъ Воскресе" и съ провизіей. Вхожу въ одну общую камеру, а на ея стѣнахъ—снова рисунки, самаго разнузданнаго, порнографическаго содержанія, съ фигурами чуть не во весь ростъ...

Остановивъ несшихъ за мной провизію нижнихъ чиновъ, вхожу въ камеру и говорю: „Я, братцы, пришелъ съ вами похристосывать-

ся... А могу-ли я произнести имя Христа, и за васъ, и за меня распятаго и воскресшаго, когда вотъ въ камерѣ вашей, по стѣнамъ, даже въ первый день праздника, такая мерзость?!“

Молчатъ. Смущены. Кое-кто переминается на одномъ мѣстѣ. Есть и такіе, что ухмыляются, не то со скрытымъ нахальствомъ, не то сконфуженно. Караульное начальство, усмотрѣвъ безпорядокъ, начинаетъ суетиться и унтеръ-офицеръ стираетъ уже рукой наиболѣе циничный рисунокъ. Къ нему на помощь приходятъ, наконецъ, и заключенные. Черезъ нѣсколько минутъ—отъ неприличныхъ рисунковъ остаются на известкѣ стѣнъ лишь грязныя пятна да смутные контуры...

„Ну, а теперь, братцы“ обращаюсь я къ узникамъ: „Христосъ Воскресъ! Съ Праздникомъ! Вотъ вамъ мой праздничный гостинецъ.“

Похристосуешься и съ караульнымъ офицеромъ, отдашь излишекъ провизіи нижнимъ чинамъ караула.

Изъ города доносится радостный трезвонъ колоколовъ. И лица узниковъ точно не такія, какъ всегда. И самъ я какой-то иной, съ необычнымъ подъемомъ настроенія... По камерамъ — ароматъ моихъ, свѣжеиспеченныхъ куличей...

Господи! Вѣдь все это было-же наяву, не сномъ,—и мои посѣщенія, и радость сознанія, что вносишь сюда хоть изрѣдка свою долю духовнаго счастья, нравственнаго отношенія къ жизни, уваженія къ основамъ христіанскаго существованія!.. И за что, въ лицѣ моемъ, лишили гауптвахту даже этого скуднаго луча солнца?!. За что?!..

Хорошо, конечно, что входъ въ гауптвахту прибранъ, посыпанъ пескомъ: надо думать самъ комендантъ урветъ-таки время отъ визитовъ и оффиціальныхъ обязанностей, для того, чтобы заглянуть сюда и поздравить своихъ подчиненныхъ съ праздникомъ...

Для него-то, въ виду его посѣщенія, быть можетъ, и посыпано у входа пескомъ, и приведены въ порядокъ корридоры, камеры, караульное помѣщеніе.

Конечно, при этомъ оффиціальномъ визитѣ, не будетъ ничего искренняго, идущаго отъ сердца, трогающаго душу...

А песокъ... Какъ иногда подобные пустяки поднимаютъ изъ прошлаго цѣлыя картины, сцены, встрѣчи и воспоминанія!!.

Тотъ самый комендантъ, о которомъ я разсказывалъ, какъ о начальникѣ, находившемъ, что военные узники не нищіе, а гауптвахта на Пасху не нуждается, поэтому, въ подаяніи, былъ прямо помѣшанъ на „песочкѣ“, считая его главнымъ признакомъ попечительства о порядкѣ и чистотѣ. У него кормили узниковъ Богъ знаетъ какъ, обращались съ ними грубо, какъ со скотами, унижая въ нихъ послѣднее человѣческое и воинское достоинство. Среди „кадровъ“ преступности имѣлись у него свои шпіоны, изъ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ—на случай возможности замысловъ о побѣгѣ, — шпіоны, которымъ дѣлались, по мѣрѣ возможности, разнаго рода послабленія.

Однимъ словомъ, болѣе развратной, запущенной, нравственно униженной тюрьмы мнѣ не приходилось встрѣчать, какъ не пришлось встрѣтить и болѣе цинично-враждебнаго къ нравственнымъ

запросамъ внутренняго быта узниковъ тюремщика въ военномъ мундирѣ...

Зато куда, бывало, ни пойдешь по гауптвахтѣ—всюду свѣжій „песочекъ“ и „песочекъ“, даже не во дни праздниковъ, даже не въ ожиданіи визита начальства...

Впрочемъ, стоя теперь у гауптвахты, двери которой для меня были закрыты, я невольно улыбнулся...

Вспомнилось мнѣ, какъ у этого-же коменданта, изъ состава караула на главной гауптвахтѣ, выдѣлялись особые, непредусмотрѣнные уставомъ о службѣ въ гарнизонѣ, „махальные“, разставлявшіеся вдоль по шумной, центральной улицѣ, на извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи, съ тѣмъ, чтобы слѣдить, не появится-ли вдали такое начальствующее лицо мѣстнаго гарнизона, которому, по уставу, полагается вызывать караулъ на площадку у входа...

И вотъ, благодаря этой и другимъ практическимъ воинскимъ снаровкамъ, за комендантомъ, у высшаго мѣстнаго начальства, которому и въ голову не приходило заподозрить что-либо подобное, установилась репутація служаки, вполнѣ соотвѣтствующаго своему назначенію...

Припомнилось мнѣ, какъ однажды, посѣтивъ Виленскую главную гауптвахту, въ одинъ изъ будничныхъ дней, я, увидавъ густо пескомъ посыпанныя площадку у входа и караульное помѣщеніе, узналъ отъ начальника караула, что это сдѣлано въ виду ожидаемаго прибытія на гауптвахту воспитанниковъ мѣстнаго юнкерскаго (нынѣ военнаго) училища—въ цѣляхъ ознакомленія ихъ.... съ назначеніемъ гауптвахты и ея порядками. Ожидалось, при этомъ, и училищное начальство.. А потому камеры по возможности вывѣтрили, почистили, полы въ нихъ помыли. Караулъ былъ на чеку. Узники подтянулись... Комендантское управленіе было на-готовѣ...

Если картина этихъ, на-скоро наведенныхъ порядковъ, скрасившихъ кое-какъ внѣшнее неблагоустройство гауптвахты вызвала теперь улыбку на моихъ губахъ, то потому лишь, что въ этомъ посѣщеніи военнаго юношества болѣе яркой насмѣшки надъ гауптвахтной дѣйствительностью трудно было-бы себѣ представить...

Что̀ могла вынести поучительнаго для себя здѣсь молодежь? Для чего ее ввели сюда? Развѣ это блужданіе въ теченіи какого-нибудь часа съ начальствомъ по гауптвахтѣ, приведенной, ради подобнаго экстреннаго случая, въ наружный порядокъ, могло дать ей, въ назиданіе, какъ будущимъ офицерамъ, ясное, правдивое понятіе о гауптвахтной дѣйствительности, о караульной службѣ?!...

Дѣло другое, если-бы тѣхъ-же самыхъ юнкеровъ, само собою разумѣется, безъ предвареній и репетицій ихъ встрѣчи, привели-бы сюда, въ казематы, невзначай, какой-либо зимней ночью, когда по камерамъ—и вонючія параши, и холодъ, и сырость, и грязь, и паразиты, и развѣшенное для провѣтриванія грязное платье, и всякаго рода міазмы, когда здѣсь въ повалку спятъ на нарахъ и больные, и здоровые, да раскрыли-бы имъ недостатки гауптвахтнаго зданія, устава гарнизонной службы, игнорирующаго душу человѣческую, откровенно объяснивъ, какъ—благодаря нищенскимъ отпускамъ казны,

общему равнодушію, ненаучному, нехристіанскому отношенію къ духовнымъ и инымъ нуждамъ узниковъ, узники эти низведены здѣсь порою на положеніе звѣрей, запертыхъ за рѣшотки; если-бы заставили заключенныхъ разсказать откровенно посѣтителямъ про сущность ихъ преступленій и проступковъ, про причины медленности въ производствѣ ихъ дѣлъ, про ихъ болѣзни, нужды, потребности; если-бы подчеркнули юношеству, что вотъ здѣсь, въ одной и той, же общей камерѣ, томятся въ общей кучѣ, въ теченіи мѣсяцевъ, и отбывающій по суду тюремное наказаніе, и осужденный на каторгу, приговоръ котораго обжалованъ, и нижній чинъ, состоящій еще подъ предварительнымъ арестомъ, и такой, котораго еще, судя по его дѣлу, могутъ и оправдать по суду; когда на вопросы о томъ,—бываютъ-ли здѣсь священникъ, врачъ и какая врачебная помощь вообще оказывается въ случаѣ заболѣваній, производится-ли дезинфекція послѣ больныхъ заразными болѣзнями (сифилисомъ, трахомой, чахоткою и т. п.), отправленныхъ въ госпиталь и т. д.?—получились-бы отвѣты, что о священникѣ не слыхивали, врача почти не видятъ, а если видятъ, то урывками, приходящій-же изрѣдка фельдшеръ грязными руками раздавливаетъ на тѣлѣ чирьи, а о беззараживаніи помѣщеній, вещей, постельныхъ принадлежностей никогда не слыхивали;—если-бы, однимъ словомъ, раскрыть честно, правдиво, ярко, ничего не преувеличивая и не утаивая, передъ юными посѣтителями, вывернувъ, такъ сказать, на изнанку, весь гауптвахтный режимъ—въ его отрицательномъ, губительномъ, для души и тѣла человѣка, для Родины и арміи, значеніи и позорищѣ, сказавъ будущимъ представителямъ арміи, что, когда они станутъ въ скоромъ времени офицерами и попадутъ сами въ положеніе караульныхъ начальниковъ, дежурныхъ по карауламъ, рундовъ, комендантскихъ адъютантовъ, а, въ будущемъ,—кто знаетъ—даже и комендантовъ, и начальниковъ гарнизоновъ, то они, въ священную свою, никакими уставами непредусмотрѣнную, обязанность, должны поставить себѣ борьбу всѣми способами, всей силой убѣжденія и долга совѣсти, со всяческими сквернами и зломъ на гауптвахтахъ,—то посѣщеніе, такимъ образомъ обставленное и носящее въ себѣ подобныя, педагогическо-служебныя задачи, несомнѣнно оставило-бы неизгладимый, плодоносный слѣдъ въ молодыхъ умахъ, сердцахъ и душахъ...

А, въ данномъ случаѣ, юноши вынесли общее, обманчивое впечатлѣніе внѣшняго порядка, возможнаго благоустройства, попечительности начальства и т. п.

Имъ, пожалуй, при встрѣчѣ со зловоніемъ отхожихъ мѣстъ, съ тѣснотой, сыростью помѣщеній и др. недостатками гауптвахты, сознались, устами комендантскаго управленія, что все это и скверно, и негигіенично, и не должно быть допускаемо, но тутъ-же объяснили недостачей средствъ, скрасивъ непріятное впечатлѣніе сообщеніемъ, что давно уже поднимался, молъ, вопросъ объ устраненіи недостатковъ гауптвахты, что высшее начальство все знаетъ, что оно приметъ, даже уже принимаетъ соотвѣтствующія мѣры, что есть даже надежда и проч., и проч...

Тогда какъ слѣдовало-бы, именно при этомъ случаѣ, правдиво

разсказать военному юношеству, какъ десятки лѣтъ поется все та-же беззаботная, убаюкивающая совѣсть, пѣсня, выразивъ убѣжденіе, что тутъ, однако, никакихъ колебаній, оправданій, замедленій, ссылокъ на отсутствіе денегъ, быть не можетъ...

И такъ какъ во время упоминаемаго посѣщенія, среди узниковъ сидѣли, вѣроятно, и такіе, которымъ за преступленія ихъ грозила смертная казнь, то не мѣшало-бы подчеркнуть (конечно, продѣлавъ все это и то, что сказано выше, не тутъ-же, на гауптвахтѣ, не въ присутствіи нижнихъ чиновъ караула и заключенныхъ),—на сколько подобная обстановка гауптвахты должна усиливать напрасно нравственныя страданія такихъ именно, обреченныхъ, быть можетъ, на смерть, т. е. тѣхъ, кому нужны, болѣе, чѣмъ другимъ, и утѣшеніе религіи, и разумная, нравственная книга, и ободряющая ласка, и юридическій совѣтъ, и возможность забыться крѣпкимъ сномъ, который не безпокоили-бы ночныя похожденія „кадровъ“ гауптвахтной преступности, и паразиты, и атмосфера, отравляющая человѣческій организмъ...

Помню, что когда я былъ въ числѣ воспитанниковъ того-же училища, когда зазубривалъ §§ устава о службѣ въ гарнизонѣ, то бойко могъ отвѣтить, что въ случаѣ покушенія на побѣгъ изъ гауптвахты, открытаго сопротивленія, бунта арестованныхъ, я, въ качествѣ чина караула, имѣю право употребить въ дѣло оружіе и даже убить неисполняющаго мое требованіе.

Конечно, такъ и быть должно тамъ, гдѣ идетъ дѣло о дисциплинѣ, воинскомъ порядкѣ и проч.

Но никто не потрудился вбить мнѣ въ голову, вмѣстѣ съ подобными правилами, сознаніе, что сидящіе на гауптвахтѣ тѣ-же люди, какъ я, что они, къ тому-же, въ большинствѣ, еще не осуждены, носятъ еще такой-же почетный военный мундиръ, какъ и я, что между ними есть унтеръ-офицеры, ефрейтора́, къ которымъ слѣдуетъ, съ точки зрѣнія воинскаго порядка, относиться съ особымъ уваженіемъ.

Правда, насъ и не водили по гауптвахтамъ, какъ по мѣстамъ, гдѣ есть чему научиться.

Когда самъ я, ставъ, затѣмъ, офицеромъ, вбивалъ въ головы подчиненныхъ мнѣ нижнихъ чиновъ премудрость гарнизоннаго устава, то, въ свою очередь, училъ ихъ только, какъ надо, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ караульной службы, употреблять въ дѣло оружіе, т. е. бить и убивать, но и не думалъ указывать на то, что кромѣ этихъ грустныхъ, тяжелыхъ, исключительныхъ случаевъ столкновеній съ „кадрами“ гауптвахтной преступности, связанъ еще, въ силу неписанныхъ законовъ совѣсти и человѣколюбія, особый кодексъ, обязательный для всякаго „христолюбиваго воина.“

То-же происходитъ по всей русской арміи, во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ Россіи, т. е. игнорированіе въ офицерѣ, въ воинѣ человѣческихъ его, христіанскихъ обязанностей—въ угоду внѣшнему, показному, все обобщающему, все низводящему лишь къ подчиненію грубой силѣ, грубому оклику и приказу...

Мы, въ массѣ,—плохіе христіане, еще менѣе культурные по внутреннему настроенію люди... По внѣшности, если мы и смахиваемъ на европейцевъ, то, въ сущности, почти въ каждомъ изъ насъ сидитъ

хотя-бы въ задаткахъ, маленькій азіатскій деспотъ, привыкшій командовать раболѣпной толпою, нелюбящій разсуждать и мечтающій о порядкахъ, гдѣ-бы люди обращались въ машины, а совѣсть знала-бы только девизъ „я такъ хочу"...

Вотъ почему, между прочимъ, проваливаются у насъ такія реформы, какъ гауптвахтная и др.

Между невозможнымъ состояніемъ нашихъ военно-карательныхъ учрежденій (въ томъ числѣ и гауптвахтъ) и русской военной школой (понимая подъ нею широко вообще обученіе, воспитаніе воина, будетъ-ли то офицеръ, или нижній чинъ)—въ сущности, имѣется огромная, духовная связь...

Такъ думалось мнѣ въ то утро перваго пасхальнаго дня, у стѣнъ Виленской главной гауптвахты, которыя точно раздвигались передо мною, давая мнѣ, съ моимъ гауптвахтнымъ опытомъ, возможность видѣть то, что было незримо, незамѣтно для другихъ...

Въ Пасху нынѣшняго, 1912 года, меня не потянуло уже, какъ въ былые годы, къ гауптвахтѣ: я встрѣтилъ праздникъ съ перомъ въ рукахъ, за составленіемъ настоящей моей книги и мое „Христосъ Воскресе!" мысленно было обращено ко всѣмъ тысячамъ военныхъ заключенныхъ, томящихся по всей Россіи въ чаяніи иной, лучшей будущности...

Возвращаясь къ прерванному повѣствованію, приведу выписку изъ отвѣтнаго письма ко мнѣ о. протопресвитера военнаго и морского духовенства Шавельскаго (отъ 29 іюня 1911 г.).

О. Протопресвитеръ писалъ:

„Простите за слишкомъ запоздалый отвѣтъ. Все чаялъ, что будучи въ Вильнѣ, лично навѣщу Васъ и побесѣдую; но краткость моего пребыванія въ Вильнѣ и множество дѣлъ, выпавшихъ тамъ на мою долю, лишили меня всякой возможности исполнить желаніе. А затѣмъ.... по пріѣздѣ, дѣла, дѣла и дѣла, отъ которыхъ не отбиться. Выбралъ маленькую минутку, чтобы, наконецъ, отвѣтить Вамъ.

Спасибо за заботы объ узникахъ и напоминаніе о гауптвахтахъ. Этотъ вопросъ еще ранѣе Вашего письма безпокоилъ меня и я уже принялъ мѣры, чтобы онъ разрѣшился благополучно. Постараюсь, чтобы онъ пошелъ совсѣмъ успѣшно. Если Вы изволили читать статью „Новыя задачи военнаго и морского вѣдомства", въ „Новомъ Времени", за 25-е іюня этого года, то знаете, что кромѣ этого много и другихъ вопросовъ волнуетъ меня. Вообще, чѣмъ больше и пристальнѣй всматриваюсь въ поприще, отведенное мнѣ, тѣмъ шире и отвѣтственнѣй оно представляется мнѣ..."

Самый тонъ этого отвѣта высшаго представителя всего нашего военнаго духовенства не давалъ надеждъ въ будущемъ...

Конечно, не „множество дѣлъ" и не „краткость пребыванія" помѣшали о. Протопресвитеру устроить въ Вильнѣ со мною свиданіе: на почвѣ завѣтовъ Христа, ждущей своей разработки, по отношенію къ вопросу о положеніи гауптвахтъ, для служителя алтаря не могло быть болѣе важнаго дѣла, какъ то, на которое я ему указывалъ, куда я его призывалъ...

Впрочемъ... Со времени полученія мною отъ о. Протопресвитера письма прошелъ почти годъ, много новыхъ жертвъ унесли по всей Россіи главныя гауптвахты, а о живой дѣятельности военнаго духовенства что-то не слышно...

Понятно, почему я болѣе не сталъ-бы утруждать о. Протопресвитера напоминаніями и просьбами...

Одна надежда все еще оставалась у меня на военнаго министра В. А. Сухомлинова: мнѣ все казалось, что въ исторіи съ изгнаніемъ меня изъ Виленской гауптвахты его сбили съ пути вѣрнаго, справедливаго рѣшенія несоотвѣтствующей дѣйствительности справкою, что онъ поступилъ такъ со мною изъ принципа поддержки во чтобы то ни стало командующаго войсками и т. д.

Въ письмѣ (отъ 12 августа 1911 г.) я писалъ министру:

„Вотъ прошло еще *нѣсколько мѣсяцевъ* съ тѣхъ поръ, какъ, по приказанію Вашему, Главный Штабъ увѣдомилъ меня о томъ, что относительно проектированныхъ мною реформъ по улучшенію быта военныхъ заключенныхъ нашихъ, такъ называемыхъ, общихъ, главныхъ гауптвахтъ, нѣтъ надобности (какъ я просилъ) въ отдѣльномъ приказѣ по военному вѣдомству или циркулярѣ Гл. Штаба, такъ какъ *въ непродолжительномъ времени* реформы войдутъ въ новый уставъ гарнизонной службы.

По горькому опыту я знаю уже, что такое, на языкѣ Гл. Штаба, значитъ терминъ „непродолжительное время", около 13-и лѣтъ слыша тѣ-же заявленія и питаясь, вмѣстѣ съ военными узниками, тѣми-же „завтраками".

Право, хочется, наконецъ, мнѣ съ ними когда нибудь и „пообѣдать".

Подумаешь, что люди могутъ цѣлые годы быть равнодушными, глухими къ духовнымъ и инымъ нуждамъ русскихъ военныхъ заключенныхъ—къ нуждамъ, состоящимъ въ разумной, нравственной книгѣ, въ участіи духовенства и проч., невызывающихъ, ни особыхъ затратъ казны, ни отвлеченія служебныхъ силъ и т. п.!!.

Вся армія давно признала насущность и необходимость быстроты введенія моихъ реформъ, *три Военныхъ Министра* (въ томъ числѣ и Вы) стояли за то-же... Арестованныхъ, конечно, не спрашивали, такъ какъ заранѣе можно было-бы предвидѣть, что они скажутъ...

Но у Главнаго Штаба видимо свои пути, свои взгляды, свои желанія, *наконецъ, свое исчисленіе времени*... Онъ видимо обремененъ болѣе важными вопросами, дѣлами...

И снова, послѣ бумаги, оттуда мною полученной, военные узники сидятъ по казематамъ русскихъ военныхъ гауптвахтъ, лишенные прямо *азбучныхъ условій всякаго, даже самаго суроваго, тюремнаго режима*...

Теряешь послѣднюю вѣру въ справедливость, въ возможность что-либо сдѣлать въ Россіи!!.

Чувствуется, въ то-же время, *что самолюбіе* Главнаго Штаба задѣто тѣмъ, что я, „частное лицо", да еще изъ провинціи, вмѣшиваюсь много лѣтъ подъ рядъ въ этотъ скучный вопросъ, напоминаю, жалуюсь, стучусь, негодую...

Если *только въ этомъ*—источникъ много-лѣтнихъ горя, страданій

арестованныхъ и военно-канцелярской волокиты, то я сейчасъ-же, конечно, готовъ и отойти въ сторону...

Ахъ! Если-бы мое дѣло продолжили хоть другіе! Какъ-бы я былъ счастливъ!!.

Но, умоляю Васъ, разрѣшите мнѣ тогда, т. е. если причина задержки—въ моей личности, въ качествѣ писателя, обратиться къ суду общественнаго мнѣнія съ печатнымъ разсказомъ о томъ, какъ русскій генералъ, въ теченіи болѣе десятка лѣтъ, съ разрѣшенія военнаго министерства, напоминалъ высшему военному русскому-же учрежденію—Главному Штабу, вѣдающему устроеніемъ порядка въ арміи, объ избитыхъ истинахъ—въ родѣ значенія разумной книги, прогулокъ, чистоты воздуха, вліянія духовенства и проч., въ жизни русскаго солдата!..*)

Когда Вы, Ваше Высокопре-во, прочтете этотъ будущій разсказъ мой, то ужаснетесь отъ того поразительнаго равнодушія къ нуждамъ *десятковъ тысячъ несчастныхъ людей*, наиболѣе нуждающихся въ нравственномъ воздѣйствіи,—со стороны Главнаго Штаба: у меня собраны удивительные, на этотъ счетъ, матеріалы...

Россія будетъ, въ свою очередь, потрясена, скандализирована той картиною нравовъ, которая передъ нею впервые раскроется мною печатно...

Впрочемъ, на подобный, крайній шагъ я рѣшусь лишь въ минуту отчаянія и не иначе, какъ съ Вашего разрѣшенія...

А пока что̀ меня, съ моими книгами, выгнали изъ Виленской главной гауптвахты; взамѣнъ-же заключеннымъ ничего не дали...

Простите, что напоминаю Вамъ, отрывая Васъ отъ другихъ дѣлъ! Но и вопросъ, съ которымъ столько лѣтъ стучусь я въ запертыя двери Главнаго Штаба,—одинъ изъ важнѣйшихъ, нетерпящихъ отлагательства, вопросовъ военнаго быта. А Вы такъ завалены работою, что скажете, быть можетъ, мнѣ спасибо за настоящее напоминаніе...

Въ Россіи хорошо знаютъ, что Вы—живой, справедливый и энергичный человѣкъ, при томъ человѣкъ сердечный, доступный.

Вотъ почему позволяю себѣ почтительно напомнить еще разъ о „моихъ“ узникахъ—говорю „моихъ“, такъ какъ назвать ихъ опекаемыми Главнымъ Штабомъ, конечно, никакъ нельзя: болѣе десятка лѣтъ *борьбы со мной* за очевидность, за то, что составляетъ долгъ всякаго военнаго и христіанина—въ отношеніи „малыхъ сихъ“, т. е. нижнихъ чиновъ, это-ли не типичная иллюстрація существующихъ въ Главномъ Штабѣ традицій?!.

Ваше слово можетъ вернуть къ жизни учрежденіе, вѣдающее вопросами жизни...

Больно все это писать... Но что-же остается дѣлать?!—Молчать?! Ждать?! На что-то надѣяться?!.

А пока что̀—гибнутъ на нашихъ гауптвахтахъ,—и нравственно, и физически, *люди*, которыхъ я не знаю лично, но которыхъ съ дѣтства привыкъ любить.“

*) Въ это время уже назрѣла, въ головѣ моей, мысль, что пора оставить ложный, безрезультатный путь пререканій, переписокъ и ожиданій, а обратиться къ русскому обществу съ печатнымъ повѣствованіемъ о моихъ мытарствахъ и неудачахъ...

На это мое обращеніе я никакого отвѣта не получилъ...

И подобное молчаніе показалось мнѣ вполнѣ естественнымъ: что-же отвѣчать тамъ, гдѣ надо не переписываться, а дѣлать дѣло?!

По-прежнему, слѣдя, затѣмъ, погазетамъ за дѣятельностью военнаго министерства, я видѣлъ, что тамъ, въ высшихъ военныхъ сферахъ Петербурга, словно что-то порой и дѣлается...

Такъ, въ ноябрѣ 1911 года, въ „Русскомъ Инвалидѣ", былъ напечатанъ, между прочимъ, слѣдующій приказъ военнаго министра генерала Сухомлинова по военному вѣдомству:

„Всеподданнѣйшій докладъ одного изъ главныхъ управленій военнаго министерства обратилъ на себя вниманіе Государя Императора. Неотложное дѣло, тянувшееся три мѣсяца, должно и можно было рѣшить въ три дня. Чтобы покончить съ такой волокитою вещей въ дѣлопроизводствѣ военнаго вѣдомства, на что Его Императорское Величество обращаетъ вниманіе не въ первый разъ, предлагаю подвѣдомственнымъ мнѣ чинамъ принять энергичныя, настойчивыя мѣры къ искорененію этого канцелярскаго зла, отъ котораго такъ страдаютъ интересы военнаго дѣла. Съ своей стороны обѣщаю имъ дѣятельное въ этомъ содѣйствіе."

Вдохновленный подобнымъ авторитетнымъ обѣщаніемъ, я поспѣшилъ (20 ноября 1911 года) обратиться съ напоминаніемъ о гауптвахтныхъ узникахъ къ Начальнику Главнаго Штаба генералу Михневичу—въ такихъ выраженіяхъ:

„Ваше Высокопревосходительство, Милостивый Государь, Николай Петровичъ!

Только что прочелъ въ газетахъ знаменательный и грозный для военныхъ канцелярій приказъ по военному вѣдомству, въ которомъ объявлена священная воля Государя Императора по поводу „канцелярскаго зла"—„волокиты вещей", отъ которой преступно, зря страдаютъ интересы насущнаго, живого, военнаго дѣла, съ твердымъ обѣщаніемъ г. военнаго министра—оказать дѣятельное содѣйствіе къ искорененію этого непорядка, какъ-бы узаконившагося въ военныхъ учрежденіяхъ.

По авторитетному замѣчанію приказа, дѣло, которое могло быть окончено *въ три дня*, не должно тянуться безъ нужды *три мѣсяца*...

Подобный приказъ даетъ и мнѣ свѣтлую, радостную надежду на то, что и дѣло, начатое мною въ Главномъ Штабѣ, въ 1902 году,—объ улучшеніи быта военныхъ заключенныхъ главныхъ (общихъ) гауптвахтъ, пойдетъ, быть можетъ, теперь скорѣе—къ благополучному его разрѣшенію.

Позволяю себѣ доложить Вашему Высокопревосходительству слѣдующее:

Въ 1902 году вся русская армія и военное духовенство высказались единодушно за неотложность моихъ реформъ.

Три военныхъ министра (генералы Куропаткинъ, Редигеръ и Сухомлиновъ) тоже стояли за необходимость немедленныхъ преобразованій нашихъ гауптвахтъ—на указанныхъ мною началахъ.

За эти *десять* лѣтъ исписаны въ военныхъ штабахъ и канцеляріяхъ груды казенной бумаги, истрачено море казенныхъ чернилъ. Меня вызывали въ Главный Штабъ и я писалъ, просилъ, докладывалъ, напоминалъ... Но дѣло такъ и не подвигается...

Въ 1910 году Главный Штабъ любезно прислалъ мнѣ, какъ иниціатору вопроса, проектъ новаго устава гарнизонной службы, куда вошли и главныя мои реформы.—Казалось, что-же ждать долѣе...

Еще ранѣе, въ 1909 году, г. военный министръ генералъ Сухомлиновъ писалъ мнѣ, что поднятый мною вопросъ—слишкомъ важенъ, почему, онъ, г. министръ, сдѣлаетъ тутъ все, что только будетъ отъ него зависѣть—въ смыслѣ ускоренія разрѣшенія вопроса.

Но прошло съ тѣхъ поръ еще два года...

Когда, въ текущемъ году, желая подвинуть разрѣшеніе того-же вопроса, я просилъ генерала Сухомлинова издать хотя-бы особый приказъ по военному вѣдомству или циркуляръ Главнаго Штаба—о немедленномъ проведеніи въ жизнь арміи моихъ реформъ, то получилъ, по его приказанію, изъ Главнаго Штаба письмо (отъ 7 марта за № 3793), въ которомъ сообщалось мнѣ, что въ подробномъ приказѣ или циркулярѣ *нѣтъ надобности*, такъ какъ *вопросъ съ проектомъ новаго устава*, куда включены мои реформы, *скоро будетъ поконченъ*.

Прошло, со времени этой бумаги, еще восемь долгихъ мѣсяцевъ...

Страшно подумать о томъ, сколько, даже за этотъ, сравнительно, небольшой промежутокъ времени, погибло, развратилось, ожесточилось и разстроило себѣ здоровье нижнихъ чиновъ по всей Россіи, на общихъ гауптвахтахъ...

Еще бо̀льшій ужасъ охватываетъ душу мою, когда вспомнишь о тѣхъ десяткахъ тысячъ военныхъ узниковъ, которые обитали на нашихъ гауптвахтахъ *за все время, пока я о нихъ напоминалъ*, т. е. съ 1902 года...

Не могу не скорбѣть душевно, видя, что мои реформы, признанныя тремя военными министрами и всей русской арміей за неотложныя и полезныя, засасываются *до сихъ поръ именно той канцелярско-штабною волокитой*, по поводу которой изволили такъ опредѣленно высказаться Государь Императоръ и генералъ Сухомлиновъ.

Вопросъ вѣдь идетъ, много лѣтъ подъ рядъ, о книгахъ, иконахъ, Евангеліи, вліяніи духовенства, прогулкахъ и т. п.

Развѣ все это не нужно *для всякаго нижняго чина*, въ томъ числѣ и узника?!.

Какія могутъ быть тутъ колебанія?!.

Полагаю, что ежели на обыкновенное дѣло, вмѣсто трехъ мѣсяцевъ праздной, канцелярской волокиты, рекомендовано свыше употребить лишь три дня добросовѣстнаго, сердечнаго вниманія служащихъ, *то не гораздо-ли быстрѣй долженъ быть рѣшенъ вопросъ, съ которымъ тѣсно связаны благоденствіе, нравственность, счастье массы нашей военной молодежи—нижнихъ чиновъ, дѣтей простого народа, населяющихъ, порою безвинно, наши гауптвахты—эти ужасные, неблагоустроенные, Богомъ и людьми забытые, клоповники и вертепы разврата...*

А дѣло это, между тѣмъ, тянется цѣлые годы...

Это-ли не ужасный, не тяжкій грѣхъ?!. Это-ли, наконецъ, не торжество нашихъ канцелярій?!.

Вотъ соображенія, которыя, подъ впечатлѣніемъ вышеупомянутаго приказа по военному вѣдомству, позволяю себѣ почтительно представить на благоусмотрѣніе Ваше *вмѣстѣ съ судьбою и нынѣ томящихся несчастныхъ, забытыхъ моихъ узниковъ*...

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. Готовый къ услугамъ Вашего Высокопревосходительства А. Жиркевичъ."

Конечно, и на это обращеніе я не получилъ отвѣта: будетъ развѣ Главный Штабъ церемониться съ человѣкомъ изъ провинціи, по вопросу, къ которому самъ военный министръ оффиціально повернулся спиною?!.

Послѣднее мое, такъ сказать, прощальное, письмо къ генералу Сухомлинову (отъ 11 января 1912 года) было слѣдующаго содержанія:*)

„Ваше Высокопревосходительство,

Глубокоуважаемый Владиміръ Александровичъ!

Не могу не пожелать реальнаго успѣха Вашему приказу по Военному Вѣдомству, въ ноябрѣ прошлаго года изданному,—по поводу канцелярской „волокиты", узаконившейся въ нашихъ военныхъ штабахъ и канцеляріяхъ, изъ нихъ-же первое мѣсто, конечно, занимаетъ Главный Штабъ.

Подъ впечатлѣніемъ упоминаемаго приказа, гдѣ такъ безповоротно, такъ опредѣленно выражена (надо думать по докладу Вашему), воля Государя Императора, тотчасъ-же отправилъ я письмо къ начальнику Главнаго Штаба генералу Михневичу, которое, какъ справку, въ копіи, при семъ позволяю себѣ представить на благоусмотрѣніе Ваше.

Конечно, я не получилъ на письмо это отклика: стоитъ-ли отвѣчать какому-то тамъ отставному, военно-судебному генералу, да еще изъ провинціи, вмѣшивающемуся много лѣтъ подъ рядъ не въ свое дѣло и тѣмъ нарушающему нормальное теченіе жизни Главнаго Штаба?!. Кому нуженъ мой военно-гауптвахтный опытъ?! Можно-ли учить „непогрѣшимыхъ"?!

Штабъ этотъ давалъ мнѣ разнаго рода справки по вопросу, мною поднятому,— объ улучшеніи быта арестованныхъ нашихъ главныхъ (общихъ) гауптвахтъ, лишь до тѣхъ поръ, пока это ему приказывали дѣлать Вы и другіе военные министры. А разъ сами Вы стали какъ-бы равнодушнѣй относиться къ поднятому мною вопросу, то и со мной тамъ, въ Штабѣ, перестали, конечно, церемониться и выбрасываютъ теперь, какъ стоптанный сапогъ, только напрасно безпокоющій изнѣженную, барскую ногу.

Я не виню, въ данномъ случаѣ, начальника Главнаго Штаба,

*) Я привожу его цѣликомъ, безъ сокращеній, хотя въ немъ и повторяется многое, сказанное ранѣе, чтобы еще разъ возстановить у читателя въ памяти общій ходъ и подробности моей борьбы.

такъ какъ понимаю положеніе его... Да и лично мы съ нимъ не знакомы... А у насъ, на Руси, знакомство значитъ много, иногда все...

Но, въ то-же время, зная Васъ, думаю, что Вы иначе взглянете на мою назойливость и для того, чтобы доказать на дѣлѣ, что Вашъ приказъ не шутка, напомните еще разъ Главному Штабу о моемъ начинаніи, такъ безнадежно, мирнымъ сномъ, подъ гипнозомъ канцелярской „волокиты", покоющемся...

Какъ видите, въ письмѣ къ генералу Михневичу, пытался я разбудить отъ преступнаго сна именно вышеупоминаемый вопросъ о нашихъ главныхъ гауптвахтахъ, полагая, что и Государь, и Вы, главнымъ образомъ, имѣли въ виду, въ Вашемъ приказѣ, именно такіе, *забытые, лежащіе безъ движенія многіе годы, жизненные, неотложные вопросы нашей арміи,* какъ тотъ, который поднялъ я въ 1901 году, при генералѣ Куропаткинѣ—во имя христіанской справедливости, по искреннему убѣжденію въ правотѣ дѣла, ко благу арміи.

Помню, однако, хорошо русскую пословицу: „Жалуетъ Царь, да не жалуетъ псарь"...

Боюсь, поэтому, наученный личнымъ, горькимъ опытомъ, чтобы и въ данномъ случаѣ, приказъ Вашъ не остался безрезультатнымъ и лишь на бумагѣ, а русская канцелярская „волокита" преспокойно не положила-бы его подъ зеленое сукно рабски-послушныхъ ей штабныхъ канцелярій, съ насмѣшливой, самодовольною улыбкой вѣкового русскаго чудовища, чувствующаго свою силу и не разъ уже испытавшаго на себѣ безплодность подобныхъ щекотаній со стороны высшаго начальства—щекотаній, безсильныхъ поколебать наши вѣковыя, канцелярскія традиціи...

Да! Жестокія времена переживаетъ бѣдная Родина наша... И трудно порою, даже людямъ власти, наладить безпорядочный, лихорадочный бѣгъ ея впередъ, по давно уже проторенной дорогѣ, гдѣ, какъ говорится, и „чертъ ногу сломитъ, другой вывихнетъ"...

Мало, развѣ, писалъ я, напримѣръ, говорилъ, просилъ, напоминалъ, въ теченіи (стыдно и *страшно* сказать) *десяти долгихъ лѣтъ* объ ужасахъ, какъ-бы узаконившагося беззаконія, безчеловѣчія и всяческаго разврата на нашихъ главныхъ гауптвахтахъ!..

А что-же вышло толку изъ того, что три военныхъ министра (въ томъ числѣ и Ваше Высокопревосходительство), рядъ начальниковъ Главнаго Штаба, вся русская армія, три протопресвитера военнаго и морского духовенства, наконецъ, всѣ порядочные люди, соприкасавшіеся съ гауптвахтами, давно уже откликнулись въ томъ смыслѣ, что проектируемыя мною гауптвахтныя реформы не только крайне желательны, но необходимы и неотложны?!

Въ результатѣ, я только разстроилъ мое здоровье, нажилъ себѣ новыхъ враговъ, новыя непріятности...

Не преувеличивая скажу, что и болѣзнь сердца у меня—отчасти результатъ пережитаго по данному вопросу.

Главный Штабъ давно уже создалъ, съ помощью опрошенной арміи, *новый уставъ гарнизонной службы,* въ который включена, по моей иниціативѣ, и часть моихъ реформъ, безпощадно урѣзанныхъ, однако,

Штабомъ, искаженныхъ, обезличенныхъ до неузнаваемости, до убогости и прямо до насмѣшки...

А, между тѣмъ,—надо думать,—традиціи канцелярской „волокиты“ не даютъ тому-же Штабу благополучно разрѣшиться даже и подобнымъ, худосочнымъ дѣтищемъ военно-штабного канцеляризма, т. е. моими реформами, попавшими въ уставъ,—быть можетъ, потому, что надоѣдаю вопросомъ я,—лицо посторонняго вѣдомства, да еще состоящее въ отставкѣ.

У меня нѣтъ связей и протекцій, съ которыми въ Петербургѣ приходилось-бы считаться.

Конечно, нѣтъ ихъ и у моихъ несчастныхъ военныхъ заключенныхъ...

Да и самый вопросъ не моденъ: на немъ не сдѣлаешь себѣ карьеры...

Такъ и кажется мнѣ порою, что новый уставъ до сихъ поръ не видитъ свѣта отчасти и потому, что я наступаю гдѣ-то, въ тайникахъ Петербургскихъ военныхъ канцелярій, на чье-то, болѣзненно-уязвленное моими настойчивыми напоминаніями, самолюбіе...

Иначе чѣмъ объяснить себѣ его крушеніе?!

Читая приказъ Вашъ, я подумалъ и объ этомъ предполагаемомъ мною самолюбіи и лишній разъ невольно „горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣялся“...

Простите мнѣ нѣкоторую литературность настоящаго изложенія: такъ жаль, что нашъ Гоголь не озарилъ чуднымъ своимъ геніемъ какого-либо типичнаго уголка россійской канцелярской волокиты!.. Но онъ, безсмертный,—именно онъ,—пришелъ мнѣ въ эту минуту на память, съ его тонкимъ пониманіемъ нашихъ русскихъ недостатковъ...

Помоги Вамъ, Ваше Высокопревосходительство, Богъ и въ наступившемъ Новомъ Году въ благихъ начинаніяхъ Вашихъ на счастье дорогой Россіи! Дай Онъ приказу Вашему силу, значеніе грома среди безоблачнаго неба! Разбуди Онъ мирно, преступно дремлющихъ!!. Оживи Онъ надежды „страждущихъ и обремененныхъ“!!.

А я усталъ. Я изнемогаю. Я теряю послѣднюю вѣру—въ возможность сдѣлать что-либо у насъ, въ Россіи, тамъ, гдѣ всѣмъ распоряжается безконтрольно канцелярская „волокита“...

Не осудите за то, что отравляю Ваше ново-годнее настроеніе и покой *темою*, далеко не ново-годней!..

Но помня, какъ около двухъ лѣтъ тому назадъ, Вы-же такъ хорошо, такъ тепло, писали мнѣ, что „мои“ военные арестованные гауптвахтъ въ то-же время и „Ваши“, что поднятый мною вопросъ объ улучшеніи быта ихъ—вопросъ большой государственной важности, и что, поэтому, Вы, какъ военный министръ, непремѣнно подвините его къ благополучному разрѣшенію, по мѣрѣ силъ Вашихъ,—невольно мысль моя обратилась теперь къ Вамъ, съ Вашимъ правомъ утруждать Государя Императора ходатайствами о неотложныхъ нуждахъ арміи, и я подумалъ: кому-же, какъ не Вамъ, излить мнѣ тѣ чувства, съ которыми приближаюсь я къ Новому Году, съ вышеуказаннымъ приказомъ Вашимъ по военному вѣдомству въ рукахъ, обле-

тѣвшимъ всю Россію!.. Вы-ли не могущественны?!. Не Вамъ-ли подчиненъ и Главный Штабъ?!.

А потому не осудите меня и за рѣзкость языка, и за грубую, быть можетъ, правду картинъ, которыя попадутся Вамъ ниже, на страницахъ этого письма: вѣдь уставъ, изнемогши въ борьбѣ съ Главнымъ Штабомъ, никогда болѣе не буду утруждать я его и Васъ затронутымъ мною вопросомъ, и эти строки,—такъ сказать, „лебединая пѣсня" моя у порога Вашего сердца, у запертыхъ для меня, видимо навсегда, дверей Главнаго Штаба,—„лебединая пѣсня" уставшаго, больного, извѣрившагося въ правду человѣка...

Писать еще, просить, напоминать, было-бы равносильно самоуниженію, при томъ безполезному...

Наши сношенія съ Главнымъ Штабомъ, какъ я убѣдился, давно были какимъ-то явнымъ, сплошнымъ недоразумѣніемъ, находившимъ себѣ оправданіе съ моей стороны лишь въ слабой надеждѣ на конечный успѣхъ моего проекта.

Теперь, когда надежда эта, повидимому, навсегда потеряна, мы пойдемъ, конечно, съ нимъ, Штабомъ, разными дорогами—къ истинѣ и справедливости...

И да позволено будетъ мнѣ, въ „лебединой" моей „пѣснѣ", разсказать Вашему Высокопревосходительству еще разъ—о томъ, чѣмъ полна и въ данную минуту душа моя!..

А вотъ, что—

„сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ ея смиренной..."

На дняхъ еще, дѣлая Рождественскіе, ново-годніе визиты по Вильнѣ, видѣлъ я кочующихъ по нашему городу, мимо главной военной гауптвахты, высшее военное начальство и военное духовенство, сокрушаясь твердымъ убѣжденіемъ моимъ, что, конечно, никто изъ этихъ блестящихъ генераловъ, изъ этихъ празднично-нарядныхъ духовныхъ лицъ, не подумаетъ заглянуть съ визитомъ къ бывшимъ моимъ несчастнымъ узникамъ, хотя-бы для того, чтобы поздравить ихъ съ праздникомъ Рождества Христова, а, кстати, посмотрѣть, каково-то имъ, бѣднымъ, сирымъ, оторваннымъ отъ родныхъ и товарищей, тамъ, на гауптвахтѣ, живется, какъ-то встрѣтили они великій праздникъ человѣчества, узнать, наконецъ, съ какимъ-то настроеніемъ, съ какими надеждами готовились они встрѣтить Новый Годъ...

Останови я ихъ, укажи имъ на гауптвахту—и меня сочли-бы за сумасшедшаго, или осмѣяли...

Проѣзжая мимо стараго, разваливающагося, давно просящагося на сломъ, зданія Виленской гауптвахты, вызывающаго справедливые упреки мѣстныхъ инородцевъ по адресу военнаго вѣдомства и гнуснымъ видомъ своимъ только портящаго общее впечатлѣніе отъ мѣстныхъ казенныхъ зданій, со скорбью видѣлъ я открытыя настежь, несмотря на трескучій морозъ, форточки верхняго этажа въ нѣсколькихъ камерахъ.

И мнѣ, много лѣтъ бывавшему когда-то въ этихъ послѣднихъ, представилась ясно давно-знакомая картина, когда, для того, чтобы хоть немного, хоть не надолго освѣжить спертый, зловонный воздухъ,

развѣять мглу, стоящую въ небольшихъ, низкихъ комнатахъ—отъ сырого, вымытаго на-скоро пола, отъ сырыхъ стѣнъ, отъ натопленной, неисправной, дымящей печи, отъ грязнаго, рванаго, пропитаннаго міазмами, плохо вымытаго платья, а также бѣлья, тутъ-же, въ помѣщеніи, дурно, на-скоро, выстиранняго,—несчастные узники, рискуя на смерть простудиться, но, въ то-же время, желая, чтобы хоть на праздникахъ было у нихъ и чисто, и радостно, какъ у всѣхъ остальныхъ, свободныхъ русскихъ людей, „по-людски", спасаясь отъ удушья, головной боли, вызываемыхъ невозможною казематной атмосферою, предпочитаютъ мерзнуть и простужаться, чѣмъ прекратить ожесточенную борьбу съ сырымъ, вонючимъ клоповникомъ-казематомъ, въ который заключены они волей судьбы и начальства...

Хотя меня и выгнали, по приказанію мѣстнаго начальства, изъ Виленской гауптвахты, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но развѣ погасли въ памяти моей ужасы ея обстановки, для этого начальства, быть можетъ, несуществующіе? Развѣ не знаю я, что за такой, сравнительно короткій, срокъ времени, ничего тамъ не могло измѣниться?!.

Ясно представляются мнѣ и зловонныя отхожія мѣста первобытнаго устройства, распространяющія заразу по значительной части зданія, и холодъ, и сырость, и сквозняки, и камеры, недостаточныя по размѣру, по кубическому содержанію воздуха, недающія возможности разсортировки узниковъ по ихъ воинскому званію, по роду ихъ преступленій, по поведенію, нравственности, состоянію здоровья и т. п.

Тѣ-же, вѣроятно, безчисленные клопы въ трещинахъ стѣнъ, въ нарахъ; тѣ-же вши въ тюфякахъ и бѣльѣ заключенныхъ. Тѣ-же, вѣроятно, босоногіе солдаты, блуждающіе зимой, въ дурно отапливаемыхъ камерахъ, по грязному, холодному, асфальтовому полу; солдаты въ рубищѣ; солдаты съ болѣзненно-блѣдными лицами, на которыхъ изображена то тупая, животная покорность судьбѣ, то животный страхъ, то угрюмая, сосредоточенная озлобленность; тѣ-же плохо-стриженныя, всклокоченныя головы...

Грубый, сознательный нарушитель дисциплины, человѣкъ съ извращенными половыми наклонностями, преступникъ, кощунственно относящійся къ религіи, закоренѣлый воръ, убійца, растлитель и т. п. типы смѣшаны въ одну кучу съ нижними чинами, непотерявшими еще образа человѣческаго, которыхъ завтра оправдаетъ судъ, съ людьми интеллигентными...

Какъ хорошо изучилъ я этотъ, такъ называемый „бытъ" военныхъ узниковъ, унося, бывало, послѣ посѣщенія казематовъ, въ платьѣ своемъ паразитовъ и специфическій, тюремный запахъ, вмѣстѣ съ ужасомъ и сознаніемъ личной безпомощности!!.

Въ Вильнѣ, за послѣдніе годы, успѣло выросги грандіозное, стоющее чуть не милліонъ, зданіе гражданской тюрьмы, гдѣ есть и своя церковь для заключенныхъ, и прекрасная баня, и обширная библіотека, наполненная книгами общаго содержанія, и больница, и порядокъ, и возможное благоустройство, не говоря уже о вліяніи тюремнаго и иныхъ комитетовъ.

Я бываю тамъ. Меня оттуда не гонятъ, какъ это сдѣлали по отношенію къ Виленской гауптвахтѣ, а встрѣчаютъ, какъ желаннаго гостя.

Но наука тюрьмовѣдѣнія, тюрьмоустройства, равно какъ и другія науки, совершенно не коснулись Виленской гауптвахты: канцелярская „волокита“, по-старому, смѣется здѣсь своимъ беззубымъ ртомъ надъ всякаго рода „приказами“ и добрыми желаніями... А я съ моими разоблаченіями непорядковъ, которые всецѣло зависѣли отъ безсердечія тогдашняго состава комендантскаго управленія, а, значитъ, могли-бы быть легко и устранимы, мѣшалъ, утруждалъ, былъ лишнимъ...

Канцелярская „волокита“ не дремлетъ только тогда, когда идетъ, напримѣръ, по разнымъ гарнизонамъ Россіи, вопросъ о ремонтѣ казенныхъ квартиръ высшаго военнаго начальства...

Арестованные-же... Да, стоитъ-ли о нихъ безпокоиться?! Они подождутъ... Неважныя птицы!.. Для нихъ не находится казенныхъ отпусковъ!!.

Вотъ, если-бы дѣло шло также о модныхъ вопросахъ, на которыхъ не трудно сдѣлать себѣ карьеру, инымъ ловкачамъ, хотя-бы о „потѣшныхъ“, о перемѣнѣ формы, объ юбилеѣ 1812 года,—то и средства, и инипіатива, и энергія, какъ изъ-подъ земли найдутся... Посыплются и награды...

Но когда-то награды падутъ на тѣхъ, кто двинетъ впередъ реформы нашихъ гауптвахтъ,—двинетъ, не ожидая отличій, а руководимый лишь чувствами человѣколюбія и справедливости?!

Давно уже весь цивилизованный, христіанскій міръ взялъ себѣ въ руководство аксіому, что разъ государство, призванное къ тому силою вещей, лишаетъ человѣка свободы (будетъ-ли то штатскій или военный), то оно-же, это государство, обязано взять на себя и заботу объ устройствѣ такихъ казенныхъ мѣстъ заключенія, чтобы въ нихъ возможно было хотя-бы сносное человѣческое существованіе. Даже наши военныя тюрьмы и дисциплинарныя части, конечно, неизмѣримо далекія отъ желаемой высоты, усвоили себѣ уже отчасти подобную неопровержимую истину, и, если не прогрессируютъ, то все-же пытаются не отстать отъ вѣка...

Однако, канцелярская „волокита“ по-прежнему считаетъ столь избитую, азбучную истину какъ-бы излишней только для нашихъ общихъ (главныхъ) гауптвахтъ и для нея, „волокиты“, необязательной...

А ихъ, такихъ гауптвахтъ, раскинутыхъ по всему лицу земли русской сотни, и въ нихъ ежегодно, даже ежедневно, гибнетъ, развращается, теряетъ послѣднюю вѣру, здоровье—цвѣтъ русскаго народа—десятки тысячъ военныхъ узниковъ!..

Въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ русскіе любятъ кричать о преимуществахъ нашей культуры надъ польской, уже одинъ наружный видъ гауптвахтныхъ зданій краснорѣчиво говоритъ о томъ, что во многихъ отношеніяхъ мы еще дикіе варвары, хотя и носимъ христіанскія имена, и строимъ храмы Единому Богу...

Въ такомъ-же ужасномъ, заброшенномъ, забытомъ состояніи находится и большинство разбросанныхъ по Россіи гауптвахтъ отдѣльныхъ частей войскъ: новыя тысячи жертвъ разнаго рода!.. Новыя слезы, страданія и проклятія...

Вотъ о чемъ, объ этихъ-то главныхъ (общихъ) и полковыхъ (ба-

тарейныхъ, эскадронныхъ) гауптвахтахъ, такъ безрезультатно, *на протяженіи болѣе десяти лѣтъ*, кричалъ я, осмѣиваемый, обливаемый холодной водою дешеваго критицизма, непониманія, вражды, этой самой канцелярской „волокитою", которой, въ концѣ-концовъ удалось-таки свести „на-нѣтъ", похоронить въ уставѣ о службѣ въ гарнизонѣ, мои начинанія, а самаго меня позорно, на глазахъ всего Виленскаго гарнизона, изгнать изъ гауптвахты, гдѣ я былъ нечужой,—по-капризу Виленскаго коменданта.

Надо-ли распространяться и въ настоящемъ письмѣ на тему о томъ, что на нашихъ гауптвахтахъ, боящихся свѣта науки вообще, не ведется никакой научной статистики.

А жаль, право жаль!..

Крайне было-бы интересно узнать, напримѣръ, какого рода „преступники" ихъ населяютъ, по-долгу-ли они сидятъ, много-ли изъ нихъ оправдывается, затѣмъ, судами, какіе тайные пороки и явныя болѣзни преобладаютъ на гауптвахтахъ, какова цифра сведенныхъ послѣдними въ могилу, часто-ли гауптвахты посѣщаются высшимъ начальствомъ, каковы благіе результаты такихъ посѣщеній и т. п.?

Хотѣлось-бы собрать, также, привести въ извѣстную систему, опубликовать хотя-бы мнѣнія военныхъ врачей (конечно, тѣхъ, кто посѣщаетъ гауптвахты по долгу совѣсти, вдумчиво, сострадательно относится къ нуждамъ страждущихъ заключенныхъ), переписки ихъ, протесты въ борьбѣ съ гауптвахтнымъ режимомъ, съ комендантскими управленіями, копнуть также архивы послѣднихъ, безъ пользы для науки, для военнаго быта, для литературы, гніющіе по канцеляріямъ.

Вотъ когда получилась-бы приблизительная, но, конечно, все еще блѣдная, картина современной намъ главной гауптвахты. Вотъ когда-бы заволновалась вся мыслящая, чувствующая Россія, сказавъ вѣщее слово въ защиту гибнущихъ сыновъ ея, имѣющихъ честь и счастье носить мундиръ русской арміи... Тогда пожалуй вспомнили-бы и меня съ моими проектами.

Впрочемъ, развѣ снова канцелярской „волокитѣ" до такого, по убѣжденію ея, пустого время-препровожденія, какъ собираніе по Россіи статистическихъ свѣдѣній относительно „пасынковъ военнаго вѣдомства"—гауптвахтъ?!... Что она для науки?!. И къ чему могла-бы подвинуть ее наука?!

Когда, въ 1902 году, вызвали меня, по приказанію генерала Куропаткина, въ Главный Штабъ, по вопросу, мною поднятому, — объ улучшеніи состоянія нашихъ главныхъ гауптвахтъ, то вѣдь я, къ тому времени, на бумагѣ, проектировалъ: а) постройку новыхъ зданій, согласно послѣднему слову науки, *для всѣхъ гауптвахтъ Россіи*, какъ никуда негодныхъ, въ томъ числѣ имѣя въ виду и гауптвахты отдѣльныхъ частей войскъ; б) *усиленіе штатовъ и обновленіе свѣжими*, культурными, опытными силами состава комендантскихъ управленій; в) *учрежденіе особой*, все, по отношенію къ гауптвахтамъ, контролирующей, *военно-гауптвахтной инспекціи*; г) *полный пересмотръ устава* гарнизонной службы въ отношеніи арестованныхъ; д) *коренныя реформы внутренняго быта арестованныхъ*, какъ-то—физическія упражненія, физическій, про-

изводительный трудъ, библіотеки, прогулки, посѣщенія духовенства, раздачу Евангелій и т. п.

Вѣдь страшно подумать, сколько молодыхъ жизней, праздно, безъ пользы для арміи, убивается въ упорномъ, систематическомъ ничего-недѣланьи—въ силу давно устарѣвшаго, никуда негоднаго устава гарнизонной службы, однако, и нынѣ дѣйствующаго!..

Попутно указывалъ я и на то, что зло захватываетъ еще бóльшее пространство въ жизни нашей арміи, если пытливо, серіозно взглянуть и на гауптвахты отдѣльныхъ частей войскъ.

Но едва явился я въ Главный Штабъ, какъ раздались тамъ раздраженные протесты противъ всего, что будетъ вызывать значительные расходы казны: пришлось, поэтому, мечты о новыхъ зданіяхъ, о перемѣнахъ въ составѣ комендантскихъ управленій, объ инспекціи, о гауптвахтахъ отдѣльныхъ частей и т. п. бросить, въ надеждѣ, что, когда введены будутъ мои реформы, очищающія, облагораживающія, очеловѣчивающія внутренній строй жизни военныхъ узниковъ, то эта струя свѣжаго, благодатнаго воздуха, иначе сказать, сама жизнь, приведетъ высшее военное начальство къ остальному, какъ къ роковому, неизбѣжному, а, главное, къ необходимо-справедливому, разумно-послѣдовательному...

Въ виду всеобщаго равнодушія, даже насмѣшливо - снисходительнаго отношенія къ усиліямъ моимъ — со стороны Главнаго Штаба, приходилось умолять хоть о немногомъ...

Не забуду пытокъ, которыя вынесъ я въ стѣнахъ послѣдняго, униженій, которымъ тамъ подвергался...

И вотъ, по приказанію Штаба, подалъ я записку военному министру, гдѣ указано было то, что̀ можетъ быть осуществлено быстро, при томъ безъ особыхъ затратъ со стороны казны...

Записку эту похоронили въ дѣлопроизводствѣ Главнаго Штаба, а меня, безъ церемоніи, сплавили съ глазъ долой, въ Вильну, т. е. поступили со мною такъ-же, какъ недавно, *выгоняя* изъ Виленской гауптвахты...

Конечно, подобная неудача меня не обезкуражила, а совѣсть не могла дать мнѣ покою — и вотъ, съ тѣхъ поръ, начинается многолѣтняя борьба моя (да „борьба“ — какъ ни грустно, ни гадко примѣнять здѣсь подобный терминъ) — и съ кѣмъ-же, съ тѣмъ самымъ Главнымъ Штабомъ, въ которомъ, по распоряженію военнаго министра, сосредоточены были интересы военныхъ узниковъ!.. Приходилось, въ рядѣ рапортовъ, записокъ, писемъ, доказывать, что военный узникъ—тотъ-же человѣкъ, что, поэтому, и для него нужны книги, чистый воздухъ, духовное вліяніе и проч., проч.

Прошло, такимъ образомъ, нѣсколько лѣтъ, въ теченіи которыхъ, по разнымъ инстанціямъ, отстаивалъ я то убожество преобразованій на главныхъ гауптвахтахъ, о которомъ снисходительно, свысока, было дозволено мнѣ писать, напоминать, докладывать; кое-какъ удалось включить нѣкоторыя мои реформы въ новый уставъ гарнизонной службы. Я уже радовался и этому...

И что-же?!. Въ минувшемъ, 1911 году, 7 марта за 3793, Главный Штабъ, по приказу Вашего Высокопревосходительства, сообщаетъ

мнѣ, что проектъ новаго устава гарнизонной службы *скоро* будетъ законченъ, но „*что немедленное осуществленіе* проектируемыхъ“ мною „мѣръ *связано съ установленіемъ новыхъ денежныхъ отпусковъ* отъ казны, что *въ данное время является трудно - исполнимымъ*...“

Уже въ самомъ содержаніи подобной бумаги чувствуются традиціи „канцелярской волокиты“.

Посудите сами:

Съ одной стороны, видите-ли, новый уставъ, а, затѣмъ, и мои убогія, исковерканныя реформы, въ него, съ такими потугами, послѣ такой борьбы, попавшія, будто-бы скоро войдутъ въ плоть и кровь арміи, т. е. осуществятся; съ другой-же едва-ли они осуществятся, такъ какъ средствъ для того на лицо не имѣется...

Вотъ и разбирайся, какъ хочешь въ подобномъ противорѣчіи!..

Я хорошо, однако, догадался, что новый уставъ, въ его новой редакціи, никогда не выйдетъ, а, значитъ, и мои реформы, въ него вошедшія, никогда не осуществятся...

Ахъ, какъ легко пишутся у насъ подчасъ такія казенныя бумажки, и какъ забываемъ мы, въ то-же время, о тѣхъ человѣческихъ страданіяхъ, которыя за ними скрываются!!.

Но встанемъ, хоть на минутку, на точку зрѣнія Главнаго Штаба...

Значитъ, если вѣрить отпискѣ послѣдняго, вся задержка лишь за средствами... Средствъ-же этихъ на лицо нѣтъ...

А вотъ сейчасъ, въ оффиціальной газетѣ „Виленскій Вѣстникъ“, прочелъ я замѣтку о томъ, что Виленскій губернаторъ не разрѣшаетъ постройку въ Вильнѣ городского театра на Лукишской площади, на которой городское управленіе думало театръ этотъ устроить, такъ какъ, по проекту военнаго министерства, мѣсто это предназначено уже для постройки здѣсь собора для Виленскаго гарнизона...

Надо замѣтить, что въ Вильнѣ—изобиліе православныхъ храмовъ, даже военныхъ, откуда не гонятъ-же нижнихъ чиновъ, и всякій, знающій мѣстную жизнь, согласится, что въ новомъ, огромномъ „соборѣ“ для всего гарнизона, въ сущности, нѣтъ никакой надобности.

Кто могъ поднять этотъ вопросъ?.. Неужели Отецъ Протопресвитеръ?!.

Если это такъ, то великій грѣхъ беретъ онъ себѣ на душу...

Съ другой стороны, подобный, лишній храмъ навѣрно вызоветъ расходъ казны въ нѣсколько сотъ тысячъ.

Между тѣмъ, главная гауптвахта, въ той-же Вильнѣ находящаяся, въ смыслѣ постройки для нея новаго зданія, устройства библіотеки и проч., не потребовала-бы, конечно, такого значительнаго отпуска казны.

И развѣ не стыдно будетъ русскому человѣку Сѣверо-Западнаго края видѣть, какъ станетъ сооружаться роскошный, ненужный, лишній храмъ Господу—въ то время, когда дѣти Божіи, дѣти русскаго народа, и физически, и духовно, будутъ продолжать томиться въ казематахъ мѣстной гауптвахты, которая, по качествамъ ея, едва-ли можетъ быть приравнена къ сносному человѣческому жилищу!..

Что снова скажутъ инородцы по поводу такой явной несправедливости?!.

Право этотъ проектируемый храмъ мерещится мнѣ въ видѣ ананаса, подносимаго голодающему, роскошью, смѣющейся надъ нищетой.

Не лучшимъ-ли храмомъ въ честь вѣры православной, во славу Бога, во имя Христа, было-бы устройство Виленской главной военной гауптвахты на началахъ науки, человѣколюбія, христіанской морали, такая-же реформа другихъ, подобныхъ-же, забытыхъ учрежденій?!.

Вижу, со скорбью вижу, что на храмъ, вѣроятно, ассигнованы уже огромныя средства—въ то время, какъ Главный Штабъ пишетъ мнѣ о томъ, что, въ сущности, ничтожныхъ отпусковъ казны на мои гауптвахтныя преобразованія не имѣется...

Распредѣлите, Ваше Высокопревосходительство, сумму, предназначенную на будущій Виленскій соборъ, т. е. для одного лишь гарнизона—на всѣ главныя гауптвахты Россіи, и можно было-бы шутя осуществить мои реформы, оставивъ въ сторонѣ на время вопросъ о постройкѣ повсюду новыхъ зданій.

Вѣдь, пока пишу я эти строки Вашему Высокопревосходительству, передо мною лежитъ присланный мнѣ изъ Главнаго Штаба злополучный проектъ новаго устава гарнизонной службы, которому, если мы будемъ строить лишніе, новые военные соборы, въ явный ущербъ существующимъ уже мѣстамъ военнаго заключенія, никогда, конечно, не получить жизненнаго примѣненія.

Позвольте, Ваше Высокопревосходительство, напомнить Вамъ, въ чемъ, десять лѣтъ тому назадъ, состояли (а, значитъ, и теперь состоятъ) мои реформы на главныхъ гауптвахтахъ, настолько безпощадно тогда урѣзанныя Главнымъ Штабомъ, что за нихъ приходится невольно краснѣть.

Вотъ, что вошло въ новый уставъ гарнизонной службы:

1) Гауптвахтныя библіотеки съ книгами и обще-литературнаго содержанія.

2) Запасы мундирной одежды, обуви, бѣлья, постельныхъ принадлежностей.

3) Особый унтеръ-офицеръ, всѣмъ этимъ вѣдающій.

4) Прогулки; физическія упражненія на свѣжемъ воздухѣ.

5) Религіозныя, военно-нравственныя, обще-образовательныя собесѣдованія съ заключенными.

6) Посѣщенія гауптвахтъ военнымъ духовенствомъ.

7) Урегулированіе вопроса о врачебныхъ осмотрахъ, о медицинской помощи.

8) Урегулированіе вопроса о банѣ.

9) Урегулированіе вопроса о чистотѣ казематнаго воздуха...

Не надо забывать, что а) это, немногое, признанное, наконецъ-то, и Главнымъ Штабомъ, должно-бы быть дано при прежнихъ невозможныхъ, анти-гигіеничныхъ, безчеловѣчныхъ условіяхъ старыхъ гауптвахтныхъ зданій; б) изъ всѣхъ поименованныхъ нововведеній должны вызвать нѣкоторые расходы, лишь библіотеки.

Но эти послѣднія возможно вѣдь создать немедленно, прямо шутя, безъ особыхъ расходовъ отъ казны, отчисливъ для нуждъ данной главной гауптвахты, хотя-бы по два-три рубля изъ суммъ частей войскъ, которыя обслуживаетъ гауптвахта, предназначенныхъ на библіотеки этихъ частей.

Опытъ мой показалъ, что прекрасную библіотеку для одной гауптвахты можно оборудовать на 50 рублей. Пополненіе ея ежегодно новыми книгами обойдется и того менѣе.

Слѣдовательно, такія библіотеки по всей Россіи не вызвали-бы расходъ болѣе, какъ въ нѣсколько жалкихъ тысячъ рублей въ годъ.

Также не вызвали-бы никакихъ особенныхъ, тѣмъ болѣе крупныхъ, расходовъ казны сборные, запасные цейхгаузы на гауптвахтахъ, если мундирную одежду, обувь и т. п. взять опять-таки изъ цейхгаузовъ тѣхъ частей войскъ, нижніе чины которыхъ постоянно населяютъ извѣстную главную гауптвахту.

Прогулки-же, физическія упражненія, свѣжій воздухъ, унтеръ-офицеръ, духовенство, человѣческое, участливое отношеніе и проч., конечно, ничего стоить казнѣ не будутъ.

Въ чемъ-же, спрашивается, задержка? Гдѣ тѣ огромные, экстренные расходы, которые такъ пугаютъ Главный Штабъ?!...

Между тѣмъ, когда, много мѣсяцевъ тому назадъ, умолялъ я тотъ-же Штабъ—о немедленномъ проведеніи хоть этого убожества моихъ реформъ въ жизнь арміи, путемъ немедленнаго приказа по военному вѣдомству, или циркуляра Главнаго Штаба, мнѣ, въ томъ-же роковомъ отзывѣ послѣдняго за № 3793, было сообщено, по приказанію Вашего Высокопревосходительства, что въ подобномъ приказѣ или циркулярѣ нѣтъ надобности, такъ какъ скоро, яко-бы, долженъ появиться новый уставъ гарнизонной службы, а въ немъ и то, о чемъ я такъ настойчиво напоминаю...

Это „скоро“ тянется уже долгіе годы: канцелярская „волокита“ въ Штабѣ не думаетъ спѣшить, волноваться... Въ результатѣ „возъ и нынѣ тамъ“, т. е. не сдвинулся изъ болота, въ которомъ застрялъ вмѣстѣ съ моимъ опытомъ, моими пожеланіями...

Въ Главномъ Штабѣ не хотятъ понять, что продержавъ подъ сукномъ уже готовый уставъ гарнизонной службы, сдѣлаютъ его черезъ нѣкоторое время устарѣвшимъ, т. е. никуда негоднымъ...

Развѣ можно тутъ ждать?!.

Воображаю, зато, какъ быстро пойдетъ теперь въ ходъ дѣло съ постройкою въ Вильнѣ грандіознаго, гарнизоннаго собора!!.

Вспомнилось мнѣ, Ваше Высокопревосходительство,—едва усѣлся писать я Вамъ настоящее письмо мое, какъ бывало, во дни великихъ православныхъ нашихъ праздниковъ, я, нѣсколько пошатнувшійся въ истинахъ вѣры, спѣшилъ на Виленскую, Смоленскую гауптвахты для того, чтобы поздравить „моихъ“ (да, „моихъ“) страдальцевъ - узниковъ съ обще - христіанской радостью, разнести по казематамъ мою праздничную провизію, мои книги, мои Евангелія, прочесть имъ что-либо изъ Евангелія, утѣшить, ободрить падающихъ духомъ надеждой на успѣшный исходъ ихъ дѣлъ, или разсѣять шуткою, поддержать упрекомъ, напоминаніемъ о страданіяхъ Христа...

Твердо держусь я того взгляда, что наше личное нравственное недостоинство (говорю объ интеллигенціи, ея порокахъ и преступленіяхъ) не даетъ еще права намъ, этой интеллигенціи, подрывать вѣру въ простомъ народѣ, которымъ руководить мы свыше призваны, лишать его утѣшенія—и въ темницахъ слышать Божественное Слово.

Если храмъ Божій сталъ лично для насъ, оторвавшихся отъ здоровой почвы народныхъ традицій, порою лишнимъ, если Святое Евангеліе зачастую лежитъ на полкахъ нашихъ дорогихъ шкафовъ, лишь какъ неизбѣжное украшеніе, для того, чтобы никогда не раскрываться, если сами мы, по недосугу, въ погонѣ за радостями, наслажденіями суетнаго міра, не имѣемъ порой досуговъ, чтобы читать разумныя, нравственныя книги, то вѣдь, слава Богу, простой-то народъ нашъ рвется еще и въ храмъ, и къ истинамъ Евангелія, и къ хорошей, интересной книгѣ...

За что-же мы его, неиспорченнаго, вѣрующаго, трудолюбиваго, незнающаго нашихъ, для него недоступныхъ, по роскоши духовныхъ наслажденій, лишаемъ хоть этого немногаго счастья—помолиться въ церкви Богу, побесѣдовать со священникомъ, забыться надъ книгою?!.

А это дѣлается на всѣхъ, мнѣ извѣстныхъ, главныхъ гауптвахтахъ Россіи, гдѣ военные узники никогда не посѣщаютъ храмовъ Божіихъ, не видятъ священно-служителей, не исповѣдуются, не причащаются, гдѣ они оторваны отъ радости прочесть книгу?!. Видите-ли, ничего этого не предусмотрѣлъ нынѣ существующій уставъ гарнизонной службы...

Въ Вильнѣ, въ Смоленскѣ, въ другихъ мѣстахъ, гдѣ только было можно, я вѣшалъ по камерамъ мои иконы, раздавалъ мои Евангелія.

Спросите, Ваше Высокопревосходительство, гдѣ, на какихъ другихъ главныхъ гауптвахтахъ Россіи, что-либо подобное дѣлается? Но также не найдете Вы и самой нищенской хаты, гдѣ-бы не висѣла икона. Только дѣйствующій уставъ гарнизонной службы считаетъ это, вѣроятно, излишней роскошью для камеръ арестованныхъ: на это нѣтъ казеннаго отпуска!..

И, въ то-же время, какъ не скорбѣть мнѣ, видя, что, напримѣръ, Виленская гражданская тюрьма имѣетъ иконы въ каждой камерѣ и буквально засыпана со всѣхъ сторонъ Евангеліями, праздно лежащими въ ней въ видѣ запасовъ...

Бывало арестованные гауптвахтъ ждутъ меня радостно на праздникахъ, зная, что я-то, навѣрное, не забуду ихъ, забываемыхъ всѣми...

И съ какой вѣрою въ святость, въ необходимость, въ справедливость моихъ поступковъ, прямо съ благоговѣйнымъ отношеніемъ къ скромной моей миссіи, съ благодарной молитвой къ Господу за то счастье, которое въ минуты подобныхъ посѣщеній согрѣвало мнѣ душу мою, я входилъ, бывало, въ смрадные, мрачные казематы съ вѣчно-новыми, трогательными, знаменательными, великими словами „братцы“,—„Христосъ Воскресе!“

Какая благодарность свѣтилась на лицахъ этихъ „братьевъ“, фамилій, прошлаго которыхъ я не зналъ, и какъ чудно преобразовыва-

лась, на глазахъ моихъ, гауптвахтная камера, когда въ нее вносились праздничная пища, Слово Божіе, слово человѣческаго участія!!.

Хорошія то были времена, Ваше Высокопревосходительство, въ жизни моей, и Господь видитъ, приносилъ-ли я посѣщеніями моими на военныя гауптвахты вредъ, безпорядокъ, нарушеніе дисциплины, вообще что-либо, идущее въ разрѣзъ съ закономъ, съ интересами военной службы...

Правда, моими просьбами, заявленіями огорчалъ я порою комендантовъ, въ родѣ полковника *Темникова,* комендантскихъ адъютантовъ, въ родѣ поручика В......

Никогда ходатайства мои не шли въ разрѣзъ съ уставомъ, съ закономъ...

Мнѣ всегда казалось, что я пополняю лишь тѣ пробѣлы, которые лежатъ на обязанности комендантскихъ управленій...

Были узники, которымъ не только давалъ я юридическіе и иные совѣты, писалъ прошенія, о семьяхъ которыхъ хлопоталъ, но и такіе, съ которыми не прерывалъ я сношеній и тогда, когда уходили они на каторгу, въ дисциплинарныя части, стараясь и тамъ облегчить участь ихъ, а, главное, поддерживать нравственно.

Трогательныя, благодарныя письма нѣкоторыхъ изъ нихъ и сейчасъ должны лежать въ моихъ бумагахъ...

Есть, вѣроятно, тамъ-же и письма матерей, благословлявшихъ меня за дѣтей своихъ.

Съ другой стороны, несомнѣнно мое участливое отношеніе къ нуждамъ заключенныхъ, мое появленіе въ камерахъ ихъ въ генеральской формѣ, оказывали хорошее вліяніе на караулы, давая послѣднимъ уроки терпѣнія, благожелательности, гуманности.

Офицерство карауловъ, сначала глядѣвшее на мою библіотеку, какъ на странную прихоть празднаго человѣка, къ тому-же непредусмотрѣнную уставомъ, отнимавшее книги по камерамъ (и тутъ даже приходилось вести мнѣ борьбу!), по-немногу привыкло и къ моимъ посѣщеніямъ, и къ зрѣлищу читающихъ заключенныхъ.

Я добился разрѣшенія—давать по камерамъ даже военную газету. И это не вызвало никакихъ осложненій для карауловъ.

Въ концѣ-концовъ, на гауптвахтахъ, стали встрѣчать меня даже, какъ желаннаго гостя.

Увлеченные моимъ примѣромъ, убѣдившіеся въ пользѣ, необходимости книги, коменданты стали (о, ужасъ!), въ явное нарушеніе устава, давать по камерамъ журналы съ иллюстраціями, хотя послѣдніе и не всегда подходили къ степени развитія узниковъ.

А я все расширялъ мое личное вліяніе на бытъ гауптвахты...

Но если все это такъ, какъ мною описывается, т. е., если, кромѣ радости, свѣта, порядка, вліянія на другихъ, ничего не давалъ я хотя-бы Виленской главной гауптвахтѣ, *то за что-же, за что,* скажите, Бога ради, Ваше Высокопревосходительство, *изволили Вы утвердить* приговоръ Виленскаго военнаго начальства, несправедливо, позорно изгнавшій меня, въ прошломъ году, съ моими книгами, иконами, Евангеліями, изъ Виленской главной гауптвахты—*изъ этого ада* на землѣ по обстановкѣ, и, въ то-же время *изъ этого земного рая* лично для меня—

по тѣмъ чуднымъ, неиспорченнымъ, простодушнымъ, трогательно-прощающимъ натурамъ простого народа, которыя такъ довѣрчиво, съ такой любовью открывались, бывало, передо мною—при первомъ прикосновенiи къ нимъ слова участiя?!. За что?!.

Знаю, что и нынѣшнiе праздники, встрѣтили они, эти „пасынки военной службы", конечно, въ другомъ лишь составѣ, эти дорогiе мнѣ, хотя и невѣдомые люди, безъ книги, безъ храма Божiя, безъ священника, быть можетъ, безъ праздничнаго стола, который изъ года въ годъ устраивалъ я имъ на скудныя мои средства—тогда, когда о томъ забывало начальство...

Теперь, при постоянной перемѣнѣ въ составѣ заключенныхъ, самое имя мое на гауптвахтѣ давно, давно уже забыто.

Но не въ этомъ, конечно, настоящiй смыслъ моего изгнанiя, а въ томъ, что со мной, т. е. съ моими Евангелiями и иконами, какъ-бы выбросили, изгнали, изъ этого забытаго мѣста страданiй и скрежета зубовнаго, Самаго Христа.

Вотъ—ближайшiй результатъ принятой въ отношенiи меня жестокой, несправедливой мѣры...

Висятъ-ли хоть по-прежнему мои иконы? Не употреблены-ли инородцами на „цыгарки" мои Евангелiя?

Все это я оставилъ на гауптвахтѣ. Но вѣдь все это, въ то-же время, не предусмотрѣно уставомъ...

Передъ великими праздниками обыкновенно учащалъ я мои посѣщенiя заключенныхъ, зная, что многiе изъ нихъ именно тогда хотятъ писать письма на родину, да не умѣютъ, написали, быть можетъ, письма, но не могутъ послать ихъ, по неимѣнiю марокъ...

Ужели эта помощь, мною оказывавшаяся—въ искреннемъ желанiи—поддержать связь между узниками и далекими ихъ семьями, кому-либо изъ начальства могла мѣшать?! Неужели мѣшали кому-либо и предпраздничныя бесѣды мои по казематамъ, когда изстрадавшаяся душа иного узника находила исходъ сомнѣнiямъ своимъ, надеждамъ, слезамъ въ простодушномъ повѣствованiи мнѣ о своемъ прошломъ, о настоящемъ, о своихъ близкихъ, когда прочитанный разсказъ вызывалъ здоровый, непринужденный смѣхъ?!.

Ваше Высокопревосходительство! Не Васъ, конечно, по высокому, положенiю Вашему, столь далеко стоящаго отъ русскихъ гауптвахтъ, отъ язвъ ихъ и ужаса, тамъ царящаго, не Васъ, быть можетъ, введеннаго въ заблужденiе неясными, или даже неправильными, докладами по вопросу о столкновенiи моемъ съ бывшимъ Виленскимъ комендантомъ полковникомъ *Темниковымъ*,—столкновенiи, лишившемъ въ Вильнѣ безвинно, напрасно страждущихъ и заблудшихъ узниковъ слова Божiя, иконъ, нравственной книги, слова любви и милосердiя, не командующаго войсками Виленскаго военнаго округа, генерала Мартсона, такъ-же, какъ и Вы, далеко стоящаго отъ быта мѣстной главной гауптвахты, не начальника штаба округа генерала Преженцова, даже не Главный Штабъ, живущiй своей особой канцелярской жизнью, изнемогающiй подчасъ подъ бременемъ тысячъ другихъ вопросовъ военнаго быта,—зову я на Страшный Судъ Божiй, за мое изгнанiе, а вотъ этого полковника Темникова,—когда оба мы скоро ум-

ремъ и явимся ко Христу—дать отчетъ въ земной нашей дѣятельности, на благо ближняго... Тамъ, на Судѣ этомъ, прежде всего ему задамъ я роковой вопросъ: „за что?!“

Твердо уповаю на то, что, какъ справедливости, дождусь я еще этого неизбѣжнаго Суда, когда на грозный вопросъ Вѣчнаго Судіи „за что изгналъ ты изъ Виленской гауптвахты Меня—въ видѣ Евангелій, иконъ и духовно-нравственныхъ книгъ?!“—должен будетъ полковникъ Темниковъ дать отвѣтъ—правдиво, по совѣсти, зная, что тутъ не отпишешься, не прикроешься оправданіями и отговорками...

Горе ему, нарушившему законы Божескіе и человѣческіе, горе и всѣмъ тѣмъ, кто болѣе десяти лѣтъ, упорно, зло, несправедливо быть можетъ, изъ-за суетнаго самолюбія, по традиціямъ русской канцелярской „волокиты“, лишалъ и лишаетъ заключенныхъ главныхъ гауптвахтъ хлѣба духовнаго, кто томилъ и томитъ ихъ за рѣшотками, на положеніи дикихъ звѣрей бродячаго, захудалаго звѣринца, не давая, по штабамъ и канцеляріямъ, хода даже моимъ убогимъ преобразованіямъ!!.

Я зову на тотъ-же Страшный Судъ Божій всѣхъ военныхъ духовныхъ—православныхъ, римско-католиковъ, протестантовъ и др., которые, служа по гарнизонамъ, гдѣ устроены общія гауптвахты, оставляютъ безъ вліянія своего эти мѣста унынія, безвѣрія, скорби и разврата...

Но если удалили меня изъ Виленской гауптвахты лишь за то, что, видя злоупотребленія властью и непорядки тогдашняго состава комендантскаго управленія, ходатайствовалъ я передъ этимъ послѣднимъ, напоминая о Завѣтахъ Христа, что Главный Штабъ (въ отзывѣ, написанномъ въ февралѣ прошлаго года, по-приказу Вашему) ставитъ мнѣ въ упрекъ, такъ какъ, будто-бы, я тутъ „*нѣсколько перешелъ рамки предоставленнаго мнѣ права—заботиться о духовной сторонѣ арестованныхъ*“, то вѣдь полковника Темникова, съ которымъ меня предусмотрительно разобщили, какъ устроившагося въ другомъ городѣ, на лучшемъ мѣстѣ, давно нѣтъ въ Вильнѣ, не говоря уже о томъ, что въ заявленіяхъ моихъ о непорядкахъ всегда заключались указанія именно на элементъ нравственный, духовный...

Почему-же, однако, до сихъ поръ не возвращено мнѣ священное, дорогой цѣною много-лѣтнихъ трудовъ и борьбы, купленное право—посѣщать Виленскую гауптвахту *теперь*, когда во главѣ Виленскаго комендантскаго управленія стоитъ лицо, ничего общаго, по нравственному облику, съ полковникомъ Темниковымъ неимѣющее?!.

Почему даже не сдѣлано было попытки, по уходѣ г. Темникова, впустить меня, по-прежнему, съ моими книгами, иконами и Евангеліями, на гауптвахту, связавъ меня словомъ не видѣть, не слышать, не обонять прелестей современной гауптвахтной обстановки?!.

Не потому-ли, что въ Вильнѣ, зная мой характеръ, мою дѣятельность, заранѣе увѣрены, что я такого слова, конечно, не дамъ, хотя-бы уже въ силу того, что не захочу стать непорядочнымъ человѣкомъ, жертвовать своей совѣстью?!...

Неужели, однако, боятся разоблаченій, съ моей стороны, безпокойства, излишней переписки?!. Если подобная боязнь дѣйствительно

существуетъ, то не служитъ-ли она лучшимъ доказательствомъ беззаконія и непорядка, которые приходится скрывать отъ посторонняго человѣка?!.

Или не видятъ, что продолженіемъ моего изгнанія, въ сущности, наказываютъ ни въ чемъ неповинныхъ, и безъ того всего лишенныхъ, Виленскихъ военныхъ узниковъ?!.

Или, быть можетъ, тутъ продолжаютъ казнить лично меня за прошлое, въ которомъ сами Вы, Ваше Высокопревосходительство, по донесенію командующаго войсками Виленскаго военнаго округа, не усмотрѣли ничего, *кромѣ незначительнаго,* съ моей стороны, *расширенія* указанныхъ мнѣ начальствомъ рамокъ, но отнюдь не во вредъ, а на благо „духовныхъ потребностей“ военныхъ узниковъ?!

Хорошо знаю, что полковника Темникова перепугала фраза моя, въ письмѣ къ прикомандированному къ комендантскому управленію офицеру, гдѣ я, выведенный изъ терпѣнія канцелярской „волокитою“ управленія въ дѣлѣ отношенія къ нуждамъ заключенныхъ, упомянулъ о будущей книгѣ моей по вопросу о жизни гауптвахтъ, предчувствуя въ то время, что вынужденъ буду все разсказать когда-либо русскому обществу—въ широкомъ смыслѣ послѣдняго слова...

До сихъ поръ вѣдь главныя гауптвахты, къ сожалѣнію, были недоступны, по внутреннему ихъ быту, наблюденію постороннихъ лицъ, тѣмъ болѣе корреспондентовъ, какъ состоящія въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства, и тайны ихъ хоронились, поэтому, въ нѣдрахъ комендантскихъ канцелярій...

И вдругъ—корреспондентъ, да еще такой, какъ я, немирящійся съ неправдою, на гауптвахтѣ, на которой до закона, порядка, нравственности неизмѣримо далеко!!.

Понимаю панику, желаніе сплавить подобнаго, непрошеннаго свидѣтеля всяческихъ безобразій. Но за что-же пострадали мои узники?!

Я вполнѣ понимаю и логику канцелярской „волокиты“, поспѣшившей, въ данномъ случаѣ, обезпечить будущее свое спокойствіе...

Но какъ Вы, Ваше Высокопревосходительство, Вы—человѣкъ, никогда небоявшійся гласности, а, напротивъ, шедшій ей благородно навстрѣчу, всегда стоящій на почвѣ закона и порядка, радующійся всякому лучу обличительнаго свѣта, пронизывающему затхлую атмосферу разныхъ закоулковъ нашего военнаго быта, не вспомнили до сихъ поръ обо мнѣ, такъ упорно, фанатично, старавшемся, въ вопросѣ о реформахъ нашихъ гауптвахтъ, сказать то, о чемъ трусливо, преступно молчатъ всѣ, т. е. помочь Вамъ-же, въ благихъ начинаніяхъ Вашихъ?!..

Если-бы я былъ Военнымъ Министромъ (простите дерзость подобной мысли!), то далъ-бы широкій, свободный доступъ именно на наши гауптвахты всѣмъ, желающимъ познакомиться съ положеніемъ вопроса на дѣлѣ, если позволено будетъ такъ выразиться, *на самомъ мѣстѣ преступленій—противъ благъ русскаго солдата.*

А, затѣмъ, я далъ-бы подобнымъ „корреспондентамъ“ и право писать о найденномъ, протестовать, напоминать, не боясь отвѣтственности за правду—съ надеждой, что разоблаченія ихъ будутъ услы-

шаны Главнымъ Штабомъ, провѣрены, что найдутся и казенные отпуски—для устраненія безобразій и упущеній...

Предвижу, Ваше Высокопревосходительство, что пробѣгая это письмо мое (если будетъ еще у Васъ время прочесть его), читая ранѣе письма мои къ Вамъ, почти однороднаго содержанія, хоть и менѣе обширныя, Вы можете заподозрить во мнѣ человѣка безпокойнаго, только все обобщающаго, все осуждающаго, видящаго лишь одно дурное, мрачное, преступное, тамъ, гдѣ, по законамъ всякаго учрежденія, какъ дѣла рукъ человѣческихъ, не могутъ-же не быть исключенія, свѣтлыя стороны...

Боже сохрани меня отъ подобныхъ, неосторожныхъ обобщеній, отъ огульныхъ осужденій, отъ уклоненій въ область обличительнаго, литературнаго пристрастія!..

Но виноватъ-ли я, если въ жизни нашихъ гауптвахтъ положительно не вижу ничего отраднаго, поучительнаго, дающаго надежду?!.

Съ другой стороны, развѣ могу я, напримѣръ, отрицать, что въ массѣ служащихъ по комендантскимъ управленіямъ (куда, къ слову сказать, нерѣдко попадаются и такъ называемые „военные неудачники“, кочующіе по штабамъ и адъютантскимъ должностямъ, отставшіе, поэтому, отъ строя и солдатскаго быта) находятся и лица высокой честности, служебной нравственности и опыта, люди христіанскаго настроенія, высокаго образованія, съ искреннимъ желаніемъ помочь страждущему ближнему, ввѣренному ихъ попеченію?!.

Но Вы, Ваше Высокопревосходительство, не могли-бы, въ то-же время, найти, на пространствѣ всей Россіи (исключая развѣ столицъ), ни одной главной гауптвахты, хотя-бы приблизительно идеальной, т. е. которая одновременно удовлетворяла-бы и въ отношеніи состава чиновъ комендантскаго управленія, ею вѣдающаго, и требованіямъ военнаго закона, и особенностямъ военнаго арестантскаго быта, и азбукѣ Христовой морали.

Весь ужасъ, все позорище современной гауптвахты, а съ нимъ вмѣстѣ и трагедія поднятаго мною о ней-же давно вопроса, въ томъ-то и заключаются, что наши законы, нашъ отжившій, и тѣмъ не менѣе все-таки дѣйствующій, уставъ гарнизонной службы, *поверхностно опредѣляютъ лишь внѣшнее, наружное отношеніе военнаго начальства* къ заключеннымъ нижнимъ чинамъ, *совершенно не касаясь внутренняго быта, духовной стороны жизни гауптвахты*.. Все видимо расчитано на „людей“, на ихъ личное усердіе, на ихъ добросовѣстность...

Отсюда—возможность полнаго произвола въ положительную и отрицательную стороны.

Библіотеки для гауптвахтъ съ книгами обще-литературнаго содержанія, посѣщенія гауптвахтъ лицами, непринадлежащими къ составу карауловъ и комендантскихъ управленій, прямо не предусмотрѣны, напримѣръ, уставомъ; но, благодаря натяжкамъ и разнымъ толкованіямъ послѣдняго, мнѣ постоянно разрѣшали и то, и другое. Однако, также легко, ссылаясь на тотъ-же уставъ, отняли у меня данныя мнѣ права. И я не докажу, съ уставомъ въ рукахъ, что со мною поступили незаконно, несправедливо..

Пожелай любой комендантъ—и никто не помѣшаетъ ему—устроить библіотеку, какого ему заблагоразсудится содержанія. Но много-ли между ними такихъ, которые не только-бы этого желали, но и дѣлали?!..

Горе въ томъ, что пока такихъ, только желающихъ, даже что-то не видно...

Но и тутъ, въ этомъ недѣланіи внѣ устава, винить иного коменданта не всегда приходится...

Надо-же справедливо войти въ его положеніе...

По опыту знаю, что порой, у самаго порядочнаго, образцоваго коменданта опускаются руки—при столкновеніи съ гауптвахтной дѣйствительностью: гауптвахтное зданіе никуда негодно, почему никакія улучшенія въ немъ немыслимы; на комендантѣ—масса канцелярскихъ и иныхъ обязанностей, кромѣ спеціально комендантскихъ; у него подчасъ плохіе, а то и, никуда негодные, бѣжавшіе отъ строя и солдата, ближайшіе помощники по комендантскому управленію; у него—отсутствіе казенныхъ средствъ; на лицо—неохотное посѣщеніе гауптвахты, а то и упорное непосѣщеніе, военными врачами; все время—сложныя пререканія—о ремонтахъ и т. п. съ мѣстнымъ инженернымъ управленіемъ; тутъ-же безучастное отношеніе къ нуждамъ отправленныхъ на гауптвахту нижнихъ чиновъ со стороны строевого начальства; отсутствіе на гауптвахтѣ запасовъ бѣлья, сапогъ, обмундировки, и проч. и проч.

А, въ результатѣ, торжествуетъ все та-же канцелярская „волокита“, складывая преспокойно подъ сукно, въ архивы свои, безконечныя переписки—о разбитомъ въ бурю стеклѣ въ фонарѣ у гауптвахты, о порванномъ тулупѣ, или о мундирѣ для какого-либо рядового Иванова, вѣчно кочующаго изъ гауптвахты на гауптвахту...

Недаромъ-же одинъ комендантъ, мой добрый знакомый, изъ вполнѣ порядочныхъ и заботливыхъ, обезсиленный до отчаянія, въ лютой, долгой борьбѣ своей съ положеніемъ ввѣренной ему главной гауптвахты, съ „волокитою“,—на дружескій упрекъ мой въ рѣдкомъ посѣщеніи имъ и комендантскимъ адъютантомъ арестованныхъ, откровенно сознался мнѣ въ томъ, что нарочно ходитъ возможно рѣже на гауптвахту, такъ какъ, по его словамъ, ему *„стыдно глядѣть въ глаза нижнимъ чинамъ“*...

Я, по опыту, знаю, какого рода этотъ „стыдъ“—стыдъ порядочнаго человѣка, видящаго зло и немогущаго, въ то-же время, что-либо сдѣлать по убожеству казенныхъ отпусковъ, въ виду недостатковъ гауптвахтныхъ строеній, при полномъ безучастіи окружающихъ...

Сколько разъ самъ я, посѣщая русскія гауптвахты, не рѣшался передавать комендантскимъ управленіямъ о нѣкоторыхъ нуждахъ узниковъ, заранѣе зная, что управленія эти дѣйствительно безсильны внести сюда должный порядокъ, а всякія заявленія съ моей стороны были-бы и безплодны, и звучали-бы несправедливымъ упрекомъ.

Съ другой-же стороны, развѣ можно, опять-таки, сказать, что рѣшительно всѣ караульные начальники, согласно устава о гарнизонной службы, сутки хозяйничающіе на гауптвахтахъ,—люди безсер-

дечные, ничего невидящіе, ничего нежелающіе понимать, презрительно, а то и недоброжелательно относящіеся къ военнымъ узникамъ?!.

Конечно, и между ними—масса лицъ, положительно безупречныхъ, желающихъ служить честно.

Но караулы вѣдь вѣчно смѣняютъ другъ друга; при томъ они ограничены уставомъ и ничего не могутъ, поэтому, подѣлать съ непорядками на гауптвахтахъ, такъ какъ караульному начальству дано, по дѣйствующему уставу, лишь право о замѣченномъ доводить до свѣдѣнія комендантскаго управленія Все-же зависитъ отъ послѣдняго. А послѣднее подчасъ само обезсилено, и въ дѣлахъ гауптвахты представляетъ изъ себя лишь фикцію...

И вотъ, эти караульные начальники пишутъ и пишутъ—къ злорадному торжеству военно-канцелярской „волокиты", а, затѣмъ, смѣняются, не зная результатовъ своихъ протестовъ и ходатайствъ, предоставляя, поэтому, другимъ сослуживцамъ, т. е. тѣмъ, кому сдаютъ они караулы, всегда офицерамъ иныхъ частей, начинать ту-же Сизифову работу, такъ сказать, сначала...

А комендантское управленіе или оставляетъ, по неволѣ, за неимѣніемъ средствъ, по другимъ причинамъ, заявленія карауловъ безъ вниманія, или, при традиціонныхъ надписяхъ, направляетъ ихъ въ долгій, за рѣдкими исключеніями, почти всегда безрезультатный, путь всяческихъ приключеній по мелямъ и скаламъ канцелярской „волокиты" разныхъ инстанцій...

Если-бы кто-либо далъ себѣ трудъ изучить существующую, на этотъ счетъ, по архивамъ хоть одного комендантскаго управленія, литературу, вдуматься въ трагизмъ иныхъ жалобъ, столкновеній, пререканій и т. п.!!.

Имѣется еще у военныхъ узниковъ третье, свое начальство—строевое, пославшее ихъ на главную гауптвахту—въ виду слѣдствій надъ ними и суда, такъ какъ до судебнаго приговора большинство изъ нихъ носитъ еще мундиръ своей части, почему и не разрываетъ съ послѣдней связи, а многіе въ нее-же потомъ и возвращаются...

Но, оно, это начальство, сдавъ нарушителей воинскаго, общаго порядка, въ комендантское управленіе, какъ-бы передаетъ ихъ послѣднему, по гарнизонному уставу, въ полное вѣдѣніе, а, затѣмъ, не имѣетъ права вмѣшиваться уже въ ихъ судьбу—за все время сидѣнья подчиненныхъ на гауптвахтѣ...

Къ тому-же строевое начальство почти всегда увѣрено, въ блаженномъ невѣдѣніи своемъ, что на то и существуютъ, вѣдь, по закону, комендантскія управленія, караулы, и высшее, контролирующее начальство гарнизона, чтобы гарантировать вполнѣ охрану интересовъ, нуждъ заключенныхъ...

А многіе-ли изъ строевыхъ, военныхъ начальниковъ, никогда не посѣщая главную гауптвахту, знаютъ про ужасы, тамъ обыкновенно процвѣтающіе?!.. Да и уставъ не даетъ имъ права вмѣшиваться въ сферу, ихъ вѣдѣнію неподлежащую.

Когда генералъ Куропаткинъ, около десяти лѣтъ тому назадъ разослалъ записку мою—о необходимости улучшенія быта арестованныхъ на гауптвахтахъ, по арміи, то нѣкоторые высшіе военные на-

чальники прямо сомнѣвались въ возможности того позорища, которое я представилъ на судъ этой арміи на основаніи подлинныхъ документовъ, тогда какъ другіе подтвердили, что почти всюду у насъ— одно и то-же.

Не говоря уже о томъ, что высшее военное начальство почти никогда главныхъ гауптвахтъ не посѣщаетъ, а, если и посѣщаетъ, то въ обстановкѣ, о которой заранѣе извѣстно комендантскимъ управленіямъ,—между главной и полковой (эскадронной, батарейной) гауптвахтами есть, къ тому-же, и огромная разница.

Какъ ни дурно обставлены послѣднія, въ смыслѣ помѣщеній, казенныхъ отпусковъ, пробѣловъ въ законахъ,—все-же, онѣ находятся въ раіонѣ расположенія своихъ частей и не ускользаютъ отъ вниманія, контроля, посѣщеній командира части и другого своего строевого начальства.

Подобныя гауптвахты не отрываютъ, въ то-же время, нижняго чина отъ своей роты, отъ товарищей: пришелъ караулъ отъ роты, забѣжалъ на гауптвахту землякъ—и вотъ связь эта не прерывается. Невозможны и такія картины, какъ *босоногіе, оборванные, нестриженные, немытые по-долгу въ банѣ, больные люди...*

Конечно, и у главныхъ гауптвахтъ, по уставу, имѣется свое, объединяющее все, разрѣшающее всякаго рода столкновенія между разными вѣдомствами, въ отношеніи узниковъ, начальство. Это—начальники гарнизоновъ...

Но спросите, Ваше Высокопревосходительство, по всей Россіи, часто-ли вообще начальники гарнизоновъ посѣщаютъ главныя гауптвахты, а, главное, каковы благіе, непосредственные, существенные результаты подобныхъ визитовъ?!.

Надо думать, напримѣръ, что и Виленская главная гауптвахта, такъ называемый № 14 б. Виленской цитадели, хоть рѣдко, да посѣщалась-же ими за десятки лѣтъ своего грустнаго существованія. Но какая-же, спрашивается, вышла отъ этого для нее польза?!. Зданіе, какъ было никуда негоднымъ, такъ и осталось; бытъ заключенныхъ, по-прежнему, невозможенъ и проч., и проч.

Конечно, и начальники гарнизоновъ тутъ, въ сущности, не причемъ. Развѣ можетъ, напримѣръ, командующій войсками округа, бросивъ сложныя свои обязанности, избрать подчиненную ему гауптвахту мѣстомъ постоянныхъ своихъ посѣщеній, только о ней думать и хлопотать?!.

Нечего говорить, что подобный пробѣлъ могъ-бы съ успѣхомъ заполнить штабъ округа.

Но попробуйте навести справку о томъ, часто-ли, по порученіямъ начальниковъ гарнизоновъ, бываютъ на гауптвахтахъ представители ихъ штабовъ—начальники послѣднихъ, адъютанты и т. п.?

И Вы увидите, что *никогда, никогда*, такъ какъ, людямъ съ головою ушедшимъ въ дѣло, связанное съ канцелярской „волокитой", конечно, не до какихъ-то тамъ гауптвахтъ, имѣющихъ свое прямое начальство и раскинутыхъ по всему огромному округу...

Но сказанное мною только что ясно указываетъ на то, что у заключеннаго русской, общей, гарнизонной гауптвахты *три главныхъ*

начальства—комендантское, строевое, караульное, взаимныя отношенія между которыми почти совсѣмъ не урегулированы устарѣвшимъ уставомъ.

И, разумѣется, такіе узники существуютъ, въ концѣ-концовъ при полномъ безначаліи: „у трехъ нянекъ", какъ говоритъ пословица: „дитя будетъ безъ глаза"!..

Мало того, зачастую, изъ-за тѣхъ-же заключенныхъ, идетъ вѣчная, упорная, ожесточенная *борьба* между всѣми тремя начальствами, и къ торжеству канцелярской „волокиты", отъ подобныхъ, ненормальныхъ отношеній, страдаютъ, опять-таки и прежде всего, ни въ чемъ неповинные (т. е. непричастные къ треніямъ этой „волокиты") заключенные...

Кому жаловаться имъ, запертымъ за рѣшотками, зачастую лишеннымъ бумаги, чернилъ, перьевъ, безграмотнымъ, несвѣдущимъ въ законахъ, въ канцелярскихъ порядкахъ?!. Въ какія двери стучаться?! Какъ мячики ихъ перекидываютъ, съ помощью бумаги и чернилъ, отъ комендантскаго управленія къ начальнику ихъ части, отъ караульнаго начальства къ коменданту и т. д.

Тогда какъ гражданскія тюрьмы, самой жизнью своей, выработали давно уже высшую инстанцію—*общую инспекцію*, ихъ контролирующую, разрѣшающую всѣ сомнѣнія, въ свою очередь, имѣющую опору въ высшей гражданской власти Россіи,—по вопросамъ о заключенныхъ—только *наши военно-тюремныя, дисциплинарныя части, да главныя гауптвахты ничего подобнаго до сихъ поръ не имѣютъ*.

Благодаря запрещенію Главнаго Штаба—не касаться, въ дѣлѣ моихъ гауптвахтныхъ реформъ ничего, дорого стоющаго казнѣ, я давно уже молчу и *объ этой спеціальной, военно-гауптвахтной инспекціи*, которая вѣдала-бы всѣми главными гауптвахтами Имперіи, которая, не завися отъ строевого, комендантскаго и иного мѣстнаго начальства, а, подчиняясь лишь военному министерству, имѣла-бы право, постоянно командируя чиновъ своихъ по Россіи для ревизіи, наводить всюду, на гауптвахтахъ, законные порядки, требовать казенныхъ отпусковъ, доводить до свѣдѣнія Военнаго Министра о непорядкахъ, злоупотребленіяхъ, и лицахъ, въ нихъ замѣченныхъ, будутъ-ли то высшіе представители арміи, или служащіе въ комендантскихъ управленіяхъ, караулы или разныя „инстанціи" отдѣльныхъ вѣдомствъ.

А такая, именно, все-объединяющая, все-контролирующая инспекція необходима, какъ, во всякомъ сложномъ вопросѣ, касающемся нѣсколькихъ вѣдомствъ, необходима всегда общая, руководящая идея. Право, она не обошлась-бы дороже какого-либо, вновь строющагося гарнизоннаго собора...

Къ ней, къ этой мѣрѣ, мы, безъ сомнѣнія, рано или поздно, прійдемъ—самымъ ходомъ вопроса—объ улучшеніи быта арестованныхъ на военныхъ гауптвахтахъ, но только, къ сожалѣнію, прійдемъ, окончательно запустивъ гауптвахты и напрасно погубивъ, по ихъ казематамъ, тысячи молодыхъ, полезныхъ, нужныхъ Родинѣ, жизней...

Если, въ гражданскомъ вѣдомствѣ государство не жалѣетъ средствъ на благоустройство тюремъ, на содержаніе сложнаго, огромнаго, дорого стоющаго, персонала тюремной инспекціи, то почему-же,

спрашивается, въ этомъ отношенiи, должно быть сдѣлано печальное, прямо жестокое, несправедливое *исключенiе лишь для вѣдомства военнаго*, хотя-бы для гауптвахтъ, почему только оно, это военное вѣдомство, до сихъ поръ, не можетъ добиться и вниманiя къ нуждамъ своихъ безчисленныхъ узниковъ, и средствъ, на удовлетворенiе этихъ насущныхъ нуждъ?!

Снова, при этомъ, вспоминаются мнѣ перемѣны формъ одежды, юбилей 1812 года, будущiй Виленскiй соборъ для гарнизона... и многое другое, подобное-же.

Прости, Господи, намъ прегрѣшенiя наши! Не осуди и помилуй!!

Въ гауптвахтномъ вопросѣ невольно поражаетъ молчанiе военныхъ врачей, людей науки, часто съ высшимъ образованiемъ, хоть рѣдко, хоть не повсюду, но бывающихъ-же на гауптвахтахъ, видящихъ вопiющее положенiе ихъ.

Почему, спрашивается, молчитъ, не протестуетъ вѣдомство военно-медицинское?!.

Но развѣ можно винить и эту мундирную корпорацiю, зависимую прежде всего отъ всякаго начальства, отъ никуда непригоднаго устарѣлаго устава гарнизонной службы, въ ихъ кажущемся безучастiи?!.

Знаю, по долгому опыту знаю, какъ опускаются и у нихъ, врачей, руки—при столкновенiи съ гауптвахтной обстановкою и режимомъ: что̀, въ сущности, могутъ они сдѣлать, напримѣръ, *въ смыслѣ общаго улучшенiя содержанiя заключенныхъ, для отдѣльнаго больного*, котораго, не надо отправлять въ военный госпиталь, а слѣдуетъ пользовать на мѣстѣ, если больной этотъ живетъ на гауптвахтѣ, въ самой негигiеничной, антисанитарной, вопiющей обстановкѣ, если нѣтъ никакой возможности дать ему покой, свѣжiй воздухъ, сухое, теплое помѣщенiе, соотвѣтствующую состоянiю здоровья его пищу, прогулку на свѣжемъ воздухѣ, если ни на одной гауптвахтѣ нѣтъ аптечки для подачи первоначальной медицинской помощи?!.

И вотъ такой представитель науки, особенно изъ молодыхъ, неизвѣрившихся еще въ жизнь, въ людей, незнакомый еще съ омутами военно-канцелярской „волокиты“, начинаетъ порой борьбу, проситъ, грозитъ, протестуетъ... А надъ его попытками та-же „волокита“, въ лицѣ какого-либо коменданта со штабной практикою въ прошломъ, или его адъютанта, ненавидящаго узниковъ и считающаго ихъ сплошь „мерзавцами“, достойными тѣхъ „казней Египетскихъ“, которыми изобилуетъ гауптвахта,—въ волю издѣвается; желанiя-же его внести лучъ свѣта въ темное царство „мертвыхъ домовъ“ нашихъ гауптвахтъ, обращаются въ признаки безпокойнаго, неуживчиваго характера, нежелательнаго на службѣ...

Жаловаться, протестовать, бороться...

Да если меня, отставного генерала, независящаго отъ комендантскаго начальства, б. Виленскiй комендантъ полковникъ Темниковъ сумѣлъ благополучно сплавить изъ Виленской гауптвахты—за то, что я просилъ его о болѣе человѣчномъ, гуманномъ, законномъ обращенiи съ подчиненными ему узниками; если въ тяжкое преступленiе мнѣ, при этомъ изгнанiи, поставлена, между прочимъ, и угроза, въ концѣ-концовъ, пожаловаться Вамъ, какъ Военному Министру,

то что-же подобный Темниковъ продѣлалъ-бы съ какимъ-нибудь, начинающимъ жизнь и службу, молодымъ врачемъ, когда тотъ осмѣлился-бы, съ закономъ въ рукахъ, грозить ему и поучать?!..

Въ результатѣ ненаучнаго, безправнаго, ложнаго положенія, военные представители науки, пишутъ, пишутъ рапорты, просятъ, умоляютъ, а канцелярская „волокита“ издѣвается и надъ ихъ тщетными, благородными усиліями: имъ кричатъ о недостаткѣ средствъ, о нищенствѣ казенныхъ отпусковъ и т. п...

И вотъ они или возможно рѣже, точно стыдясь, посѣщаютъ гауптвахты, или въ паническомъ ужасѣ, бѣгутъ изъ нихъ, считая посѣщенія ихъ временемъ, напрасно потеряннымъ... Знаю случай, когда врача не звали на гауптвахту лишь потому, что онъ слишкомъ безпокоилъ своими требованіями и заявленіями...

Нѣтъ, у насъ, на Руси, одними „приказами“ не поможешь: русскій человѣкъ привыкъ къ нимъ и умѣетъ съ ними обходиться, когда надо сдѣлать ихъ безсильными...

Другое дѣло, если-бы вслѣдъ за такимъ „приказомъ“ взять для примѣра, нежданно, безъ предупрежденія, да обревизовать, по части канцелярской „волокиты“, хоть любую, провинціальную гауптвахту, особенно изъ тѣхъ, на которыхъ, по мнѣнію мѣстнаго начальства, изъ года въ годъ „все обстоитъ благополучно“, да послѣ такой всесторонней, безпощадной ревизіи прогнать безжалостно со службы тѣхъ, кто содѣйствовалъ обращенію ея въ зловонный клоповникъ, а также публично, всенародно, путемъ печати, выставить на всеобщій судъ и позоръ, факты и личности, съ тѣмъ, конечно, чтобы наблюсти, дабы ничего подобнаго не повторялось болѣе... Хороша была-бы здѣсь сенаторская ревизія и, какъ результатъ ея,—гласный судъ...

Но вѣдь никто, напримѣръ, у насъ, въ Россіи, и не подозрѣваетъ о тѣхъ ужасахъ, о которыхъ я пишу по начальству десятокъ лѣтъ; мои слезы, стоны, мольбы, равно какъ стоны и слезы узниковъ, забыты, скрыты по канцеляріямъ... Кое-что сообщалось мнѣ, къ тому-же, для свѣдѣнія, подъ „секретомъ“—и я лишенъ, поэтому, возможности подѣлиться имъ до времени съ русскимъ обществомъ...

Никто не знаетъ, что давно готовъ новый уставъ гарнизонной службы, съ выходомъ котораго хоть отчасти улучшилось-бы и положеніе военныхъ узниковъ...

Никому въ голову не приходитъ, что задержка въ опубликованіи этого приказа имѣетъ и то значеніе, что это произведеніе, по выходѣ въ свѣтъ, окажется, безъ сомнѣнія, отставшимъ отъ жизни и нуждъ времени, т. е. никуда негоднымъ...

Притомъ у насъ жалѣютъ того или иного дѣятеля зачастую лишь потому, что онъ „хорошій человѣкъ“, забывая, что Россія гибнетъ именно отъ такихъ „хорошихъ“ людей, что намъ нужна по-прежнему гуляющая по спинамъ Петровская дубинка, которая не входила-бы въ изученіе отдѣльныхъ біографій, а требовала-бы неумолимо, безъ всякихъ возраженій, *общаго порядка, общаго благополучія, общихъ, конечныхъ результатовъ*...

Тѣмъ, не менѣе, не нашлось-же вотъ этого обычнаго мягкосердія для меня—въ мрачной исторіи изгнанія моего изъ Виленской

главной гауптвахты!!. Не нашлось его и для моихъ заключенныхъ...

Особенно теорія о „добрыхъ людяхъ“ не должна-бы быть примѣняема къ такимъ вопросамъ, какъ связанные съ жизнью, счастьемъ, судьбой человѣческими...

Вѣдь въ этихъ казенныхъ учрежденіяхъ, гауптвахтахъ, какъ зовутъ ихъ въ шутку военные, въ „институтахъ“,—въ этихъ мѣстахъ скорби и страданій, томятся не звѣри, а люди, при томъ нерѣдко невинные, заблудшіе, вовлеченные въ преступленіе дурной средою, сквернымъ, ложно понятымъ, товариществомъ, угодившіе подъ слѣдствіе и судъпо недоразумѣнію, которыхъ судъ-же, поэтому, и оправдываетъ...

Кто-же, чѣмъ и какъ вознаградитъ ихъ за пережитое на гауптвахтѣ? Чего-же мы, военные, власть имущая интеллигенція, все топчемся лишь на одномъ мѣстѣ съ реформами въ этой сферѣ?!. Не грѣхъ-ли, не преступленіе-ли тутъ колебаться изъ-за недостатка какихъ-то тамъ казенныхъ отпусковъ!!!

Мы забываемъ, что въ армію нашу, при современномъ состояніи Родины, зачастую *просачиваются и вредные, въ политическомъ отношеніи, элементы*.

Если съ ними идетъ успѣшная борьба въ строевыхъ частяхъ, то такой борьбы не существуетъ при томъ положеніи, которое, благодаря уставу, занимаетъ гауптвахта.

Вотъ сейчасъ вспомнился мнѣ рядъ случаевъ изъ недавней жизни этой самой русской, главной гауптвахты, когда я имѣлъ еще невыразимое счастье посѣщать ее... А это началось съ первыхъ шаговъ службы моей въ военно-судебномъ вѣдомствѣ—въ качествѣ прикомандированнаго къ суду и военнаго защитника...

Простите, Ваше Высокопревосходительство, за это невольное уклоненіе въ область личнаго моего прошлаго! Но примѣры поясняютъ часто лучше теорій и разсказовъ сущность иного вопроса...

Припоминается мнѣ, напримѣръ, одно давнее, возмутительное дѣло, разбиравшееся въ Минскѣ, когда нѣсколько семейныхъ унтеръ-офицеровъ безупречной службы, высокой нравственности, обвинялись въ убійствѣ проститутки самаго послѣдняго разбора, при-томъ обвинялись зря, безъ серіозныхъ данныхъ, а лишь по подозрѣнію полиціи.

Разъ попавъ подъ слѣдствіе, несчастные, въ силу канцелярско-судной волокиты, взятые подъ стражу, не могли уже ни оправдаться, ни привести своихъ свидѣтелей, доказывающихъ ихъ alibi, и долгіе мѣсяцы кочевали изъ мѣстной гражданской тюрьмы на главную гауптвахту, и обратно въ тюрьму.

Я, въ качествѣ защитника, посѣщалъ ихъ въ тюрьмѣ и, на вопросъ мой о томъ, довольны-ли они тюремнымъ содержаніемъ, подсудимые отвѣчали, что послѣ гауптвахты чувствуютъ они себя здѣсь, какъ въ раю, умоляя меня оказать имъ содѣйствіе, чтобы ихъ болѣе не возвращали на гауптвахту. Со слезами клялись они мнѣ, наединѣ, въ своей невинности, приводя, въ оправданіе, то соображеніе, что развѣ могли-бы они совершить столь грязное преступленіе на морозѣ, имѣя при томъ на родинѣ женъ и дѣтей?!

Невинность несчастныхъ была для меня очевидна, по сути уликъ, по искренности ихъ горя. Уже на самомъ судѣ удалось мнѣ нарисовать прошлое павшей женщины, найденной на улицѣ, замерзшею, доказать, что она давно страдала запоемъ и припадками падучей болѣзни, представить въ подтвержденіе послѣдней документы—исторію ея болѣзни, за періоды, когда она попадала въ мѣстную тюрьму...

На почвѣ этой-то болѣзни шелъ допросъ мною свидѣтелей, изъ которыхъ никто ничего не видѣлъ, а, затѣмъ, вынесено было врачами-экспертами заключеніе, что покойная дѣйствительно замерзла въ припадкѣ бывшей у нее падучей болѣзни. Моихъ кліентовъ, конечно, оправдали, тутъ-же выпустивъ на свободу, въ ихъ полкъ... Правосудіе, истина, такимъ образомъ, наружно какъ-бы восторжествовали. Но, съ другой стороны, не наткнись я случайно на вѣрный путь, моихъ „кліентовъ" судъ могъ-бы и обвинить, настолько усердствовала, и при разборѣ дѣла, въ обличеніе ихъ, полиція...

Но каковъ-бы ни оказался для упоминаемыхъ унтеръ-офицеровъ исходъ ихъ процесса, кто же былъ-бы въ состояніи исправить зло— въ жизни ихъ и службѣ,—причиненное имъ, невиннымъ, за эти долгіе мѣсяцы пребыванія ихъ на гауптвахтѣ, въ тюрьмѣ, гауптвахтнымъ, тюремнымъ режимомъ и связанными съ ними униженіемъ и позоромъ?!. Кто вернулъ-бы имъ здоровье, напрасно подорванное въ заключеніи? Кто залѣчилъ-бы раны сердца и души?.. Вѣдь, то были грамотные, развитые, выдающіеся, унтеръ-офицеры... Они вернулись въ свою часть обѣленные по суду, но развѣ сохранилось ихъ прежнее вліяніе? Развѣ сами не поколебались они въ уваженіи къ себѣ?.. А семьи ихъ?.. За что страдали и эти, далекія, семьи?!.

И подобныхъ, оправданныхъ по суду, познакомившихся, однако, съ прелестями современной гауптвахты,—въ теченіи года, въ каждомъ большомъ гарнизонѣ, сотни. Увеличьте, Ваше Высокопревосходительство, масштабъ на всю Россію—и Вы получите ихъ тысячи. Расширьте его еще—и на гауптвахты отдѣльныхъ частей войскъ—и дыханіе захватываетъ отъ ужаса, отъ негодованія, при мысли, сколько зря гибнетъ у насъ вообще по гауптвахтамъ представителей народа!..

Между тѣмъ, по тому-же служебному опыту моему, вспоминая приведенныхъ выше унтеръ-офицеровъ, знаю я, какъ чутко вообще военные заключенные относятся, напримѣръ, къ разнаго рода оскорбленіямъ, имѣющимъ связь съ ихъ положеніемъ узниковъ, хотя попавшихъ въ бѣду, но не лишенныхъ, однако, еще военнаго мундира, воинскаго званія.

Поэтому, я, какъ защитникъ, не могъ не скорбѣть, не возмущаться по одному дѣлу объ арестованномъ унтеръ-офицерѣ, дошедшемъ до вооруженнаго сопротивленія караулу и угодившемъ въ каторгу, изъ-за того только, что грубый служитель гауптвахты, рядовой, будя его утромъ, сдернулъ съ наръ за ноги и на протестъ назвалъ „арестантомъ"... Служитель, получившій—въ отвѣтъ—ударъ, вызвалъ караулъ и все разрослось въ цѣлую трагедію человѣческаго существованія...

Въ другомъ случаѣ, рядъ тяжкихъ нарушеній дисциплины, со стороны заключеннаго, былъ вызванъ безтактными окликами карауль-

наго начальника, офицера: „Молчи, каторжникъ, арестантъ".—„Я не каторжникъ, не арестантъ" послѣдовалъ сначала сдержанный отвѣтъ: „а нижній чинъ, на службѣ Государя".—И заварилась исторія...

Конечно, въ силу дисциплины и закона, оба протестовавшіе понесли должную кару. Но, съ другой стороны, хорошо зная матеріалъ множества предварительныхъ слѣдствій, не могъ я не видѣть, что ничего подобнаго не произошло-бы, если-бы не особенности гауптвахтнаго режима, если-бы жизнь гауптвахты шла болѣе или менѣе осмысленнымъ, законнымъ, болѣе урегулированнымъ путемъ...

Ваше Высокопревосходительство! Память и неумолимая совѣсть рисуютъ передо мной, въ эту минуту, типы военныхъ заключенныхъ главныхъ гауптвахтъ, исполненныхъ удивительнаго благородства, съ поразительной, прямо философскою, трогательной покорностью судьбѣ и волѣ начальства, никогда ни на что мнѣ, какъ защитнику, не жаловавшихся.

Нечего говорить что они, такіе нижніе чины, проносятъ благополучно душевную чистоту свою незапятнанной сквозь гауптвахтныя испытанія: такъ золото не перестаетъ блестѣть, не теряетъ свойствъ своихъ, попавъ въ яму съ нечистотами...

И сколько такихъ чистыхъ душъ видѣлъ я, будучи защитникомъ гауптвахтныхъ узниковъ!..

Еще болѣе встрѣчалъ я ихъ, подобныхъ чистыхъ представителей русскаго народа военной службы, будучи, затѣмъ, военнымъ слѣдователемъ, т. е. собирая матеріалъ по поводу того или иного преступленія или проступка...

Изучая дѣла, вдумываясь въ мотивы, въ обстановку такъ называемыхъ порою „преступленій", я, подводя нижнихъ чиновъ подъ извѣстныя статьи закона, лишая ихъ, по необходимости, въ силу того-же закона, свободы, т. е. отправляя на гауптвахты, обстановку которыхъ хорошо зналъ, невольно говорилъ себѣ, въ тайникахъ собственной моей совѣсти: „да какіе-же это, въ сущности, преступники?!..." „Развѣ самъ-то я лучше, чище ихъ?!"

Ихъ много,—повѣрьте—подобныхъ, „безъ вины виноватыхъ", томится и сейчасъ по гауптвахтамъ. И, право, если вдуматься безпристрастно въ исторію ихъ паденія, то нельзя не назвать ихъ, вслѣдъ за народомъ нашимъ, „несчастненькими..." Чего только, напримѣръ, не совершается подъ вліяніемъ опьяненія!..

И вдругъ они, подобныя жертвы случая, цѣлые мѣсяцы, а то и болѣе, томятся хотя-бы на Виленской главной гауптвахтѣ... А тамъ ихъ иногда оправдываютъ, или, осудивъ, засчитываютъ имъ время нахожденія на гауптвахтѣ...

Но никто вѣдь не въ состояніи зачесть имъ напрасныхъ, тяжкихъ страданій, лишеній, пытокъ—какъ прямого результата ужасовъ „мертвыхъ домовъ" нашихъ гауптвахтъ...

Вотъ почему еще разъ, въ настоящемъ, послѣднемъ письмѣ моемъ къ Вамъ, со всей силою непоколебимаго убѣжденія, съ вѣрой въ конечное торжество истины, во имя Христа, я заявляю: „Пора прекратить позоръ, пытку и беззаконіе! Пора дать гауптвахтамъ коренныя реформы! Жить такъ болѣе нельзя!.."

Какъ часто, во время много-лѣтнихъ посѣщеній моихъ гауптвахтъ, сношеній съ одними и тѣми-же узниками, наблюдалъ я пагубное вліяніе гауптвахты на иныя, болѣе слабыя, податливыя, неустановившіяся или уже надорванныя, натуры!.. Я видѣлъ души, въ которыхъ, подъ вліяніемъ гауптвахтной среды и дурныхъ товарищей, гасла, на глазахъ моихъ, послѣдняя искра Божія, послѣдняя искра совѣсти и стыда. Наблюдалъ—и былъ не въ силахъ поддержать, наставить и спасти: жизнь, служба разобщали насъ навсегда.

Никогда не могъ узнать я потомъ о финалѣ горькаго ихъ существованія...

Да и что могъ сдѣлать я порой, будучи однимъ, среди безчисленнаго равнодушнаго начальства?!.

Все-же со мною считались иногда, какъ съ военнымъ юристомъ.

Не забуду, какъ, во время одной служебной командировки, пришлось мнѣ защищать нижняго чина, за рядъ воинскихъ нарушеній дисциплины, совершенныхъ въ пьяномъ видѣ, болѣе года томившагося на главной гауптвахтѣ. Большинство преступленій, какъ я убѣдился, накапливалось за нимъ, затѣмъ,—уже въ теченіи пребыванія его на гауптвахтѣ; но первоначально, въ сущности, погубилъ его начальникъ, унтеръ-офицеръ, который, вмѣсто того, чтобы уложить пьянаго, буйствующаго, спать, вступилъ съ нимъ противозаконно въ пререканія.

Помню, я трижды защищалъ этого оригинальнаго субъекта, при чемъ, убѣждался въ томъ, что, по мѣрѣ пребыванія его на гауптвахтѣ, подъ вліяніемъ увѣренности, что его, пьянаго, не слѣдовало отдавать подъ судъ, въ немъ все болѣе намѣчалась новая черта характера—безпросвѣтное озлобленіе противъ военной службы и ожесточенная злоба противъ всякаго начальства вообще. Вотъ та канва, по которой, такъ сказать, ткались—одно за другимъ—его новыя и новыя нарушенія дисциплины.

Въ первое собесѣдованіе мое съ обвиняемымъ, по дѣлу, въ сущности, незначительному, которое грозило ему лишь заключеніемъ въ дисциплинарномъ баталіонѣ; — по дѣлу, гдѣ все объяснялось праздничнымъ опьяненіемъ, доведеннымъ до безумія, я нашелъ разсудительнаго, кроткаго, вѣжливаго, хорошо грамотнаго, а, главное, вполнѣ дисциплинированнаго, сознающаго вину свою, хотя ничего и непомнящаго, прямо-таки симпатичнаго, солдатика. Пріѣхавъ, въ составѣ суда, черезъ годъ, послѣ перваго приговора, для защиты того-же нижняго чина, по новымъ уже, многочисленнымъ, сложнымъ, болѣе серіознымъ, воинскимъ преступленіямъ, совершеннымъ имъ на гауптвахтѣ, я встрѣтилъ въ моемъ „кліентѣ" и какое-то особое, отталкивающее, бравированіе своими поступками, и довольно развязный тонъ, и запирательство по отношенію къ содѣянному. Все-же съ нимъ можно было еще столковаться и совѣсть въ душѣ его не утратила своего значенія...

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ гауптвахтный режимъ продолжалъ оказывать свое вліяніе на этого, свихнувшагося, человѣка и, въ третій мой пріѣздъ, я нашелъ уже вполнѣ сформировавшагося будущаго „каторжника", съ развязными ух-

ватками и насмѣшливо-вызывающимъ выраженіемъ лица, который не пожелалъ даже вступить со мной, какъ съ защитникомъ, въ интимные переговоры, а на судѣ озлобленно молчалъ, или нагло, цинично вралъ, какъ-то особенно, загадочно улыбаясь...

Наступилъ день объявленія суроваго приговора въ окончательной формѣ за всѣ преступленія, совершенныя подсудимымъ—по совокупности. Вдругъ приходитъ ко мнѣ, какъ къ защитнику, дежурный по суду офицеръ, и сконфуженно, шепотомъ, объявляетъ, что мой „кліентъ", на лѣстницѣ, въ ожиданіи объявленія приговора, не стѣсняясь присутствіемъ конвойныхъ и другихъ обвиняемыхъ, занимается онанизмомъ... „Что дѣлать?!" былъ вопросъ дежурнаго.

Лично мнѣ ясна была психологія такого позорнаго поступка: за ней крылось, конечно, желаніе показать презрѣніе къ начальству, къ суду, къ воинскому званію, котораго, по приговору осужденный навсегда лишался, желаніе поставить въ невозможное положеніе караулъ.

Выйдя изъ залы суда къ нижнему чину, я дѣйствительно засталъ моего „кліента" за публичнымъ развратомъ. Ударъ прикладомъ конвойнаго заставилъ его опомниться...

Фактъ этотъ меня заинтересовалъ на столько, что я нарочно посѣтилъ, затѣмъ, нижняго чина на той-же гауптвахтѣ, на которой совершилъ онъ цѣлый рядъ преступленій, чтобы пристыдить его и, по мѣрѣ возможности, добиться сознанія омерзительности того, что имъ совершалось: что-то подсказывало мнѣ, что тутъ еще не все, не безвозвратно потеряно.

Дѣло было зимой. И когда я, съ полъ-часа, подышалъ казематной атмосферою; когда продрогъ въ моемъ тепломъ пальто подъ форточкой, которою пытались освѣжить воздухъ; когда увидѣлъ грязь, слѣды раздавленныхъ на стѣнахъ пальцами паразитовъ; когда вглядѣлся въ сѣро-зеленыя, осунувшіяся, озлобленно - сосредоточенныя лица сотоварищей осужденнаго по каземату; когда, наконецъ, вспомнилъ, что онанизмъ—привычное явленіе на гауптвахтахъ; когда пришло мнѣ на умъ многое другое, неускользнувшее отъ опытнаго моего взора, понялъ я и половой цинизмъ узника, и его публичное бравированіе этимъ послѣднимъ.

Послѣ долгаго, угрюмаго выслушиванія моихъ замѣчаній и совѣтовъ, лицо моего „кліента" вдругъ подернулось судорогой невыразимаго страданія; онъ закрылъ его руками, сквозь пальцы которыхъ брызнули слезы, и ничего не сказалъ мнѣ въ свое оправданіе... Но и безъ того я все, все слишкомъ хорошо понялъ и видѣлъ: мнѣ ясно было, что тутъ, въ этой душѣ, дѣйствительно не угасла еще искра Божія, что ей хотѣлось-бы еще вернуться къ свѣту...

Весьма вѣроятно, что и привычку отвратительнаго порока усвоилъ себѣ обвиняемый, сидя уже на гауптвахтѣ, отъ товарищей...

А вотъ на выборъ еще два факта изъ моихъ сношеній съ русской главной гауптвахтой, на почвѣ гауптвахтныхъ нравовъ—факта, которыхъ, надо думать, никогда-бы не существовало, если-бы жизнь гауптвахтъ была обставлена болѣе или менѣе по-человѣчески, осмысленно...

Но то, что я разскажу сейчасъ, ярко характеризуетъ, однако,

степень нравственнаго одичанія, до котораго можетъ довести людей подобное учрежденіе...

Въ Смоленскѣ одинъ изъ заключенныхъ, молодой, красивый солдатикъ, при посѣщеніи мною главной гауптвахты, умолялъ меня перевести его въ другую, общую камеру. Только послѣ долгихъ приставаній моихъ о причинѣ такой просьбы, сознался онъ мнѣ наединѣ, что товарищи его по камерѣ, по-очереди, насильственно „живутъ“ съ нимъ...

Я спасъ его, быть можетъ, на время, немедленнымъ докладомъ коменданту. Но дальнѣйшая судьба этого опозореннаго существованія мнѣ не извѣстна.

Кстати будетъ замѣтить, что противоестественный развратъ, вообще часто встрѣчается на гауптвахтахъ. Это объясняется скученностью молодыхъ людей, между которыми немало съ порочными привычками, при безсиліи караула, комендантскихъ управленій съ этимъ зломъ бороться...

Только нравственное вліяніе могло-бы оказать здѣсь противодѣйствіе.

А о немъ-то совершенно и умалчиваетъ нынѣшній уставъ о гарнизонной службѣ...

Другой случай, уже въ другомъ городѣ.

Нижніе чины общей камеры, черезъ караульнаго унтеръ-офицера, приглашаютъ къ себѣ начальника караула, молодого офицера, съ заявленіемъ, что будто-бы пища, которую имъ дали, никуда не годится; при чемъ просятъ его ее попробовать...

Ничего неподозрѣвающій офицеръ беретъ ложку, черпаетъ ею пищу изъ бачка и сейчасъ-же выплевываетъ варево со словами: „Чертъ знаетъ что такое! Да это не щи, а г . . . о!“—„Такъ точно, Ваше Благородіе!“ спѣшитъ, при ободрящихъ усмѣшкахъ остальныхъ товарищей по заключенію, заявить одинъ изъ узниковъ: „Это г...о-съ!“— Тутъ-же выяснилось, что нижніе чины, нарочно, для того, чтобы обратить, наконецъ, вниманіе начальства на дурную пищу, предварительно испражнились въ послѣднюю, а, затѣмъ, поднесли ее офицеру...

Можно-ли идти далѣе подобнаго, наглаго издѣвательства надъ начальствомъ, надъ человѣкомъ?!.

Но, несомнѣнно, что самый случай этотъ могъ развиться лишь на почвѣ режима русской, главной гауптвахты... Онъ не возможенъ, напримѣръ, въ гражданскихъ тюрьмахъ, гдѣ есть контроль за внутреннимъ бытомъ заключенныхъ...

Не знаю, были-ли привлечены къ отвѣтственности за подобное надругательство, за столь грубое нарушеніе воинской дисциплины, гауптвахтные негодяи, или ложный стыдъ заставилъ замять подобный скандалъ, но на вопросъ мой, обращенный къ разсказчикамъ-офицерамъ „что́-же было сдѣлано съ виновными?“—получился отвѣтъ, что въ предупрежденіе, на будущее время, возможности выходокъ со стороны заключенныхъ, пищу послѣднихъ, для пробы, стали давать на гауптвахтѣ караульнымъ начальникамъ, прямо въ ихъ комнату, притомъ до того, какъ разносить ее по камерамъ...

Надо думать, тѣмъ все и ограничилось, а прошлое N-ой гауптвахты обогатилось только лишнимъ преданіемъ, анекдотомъ, для предупрежденія будущихъ поколѣній караульныхъ начальниковъ...*)

Я глубоко убѣжденъ, въ то-же время, въ данномъ случаѣ, что, *виси* въ общей камерѣ *икона*, *лежи* тамъ *Евангеліе*—и подобная, омерзительная сцена не разыгралась-бы, уже изъ одного уваженія къ этимъ святынямъ. Если у арестованныхъ была-бы интересная книга, еслибы было оказываемо вниманіе къ ихъ нуждамъ и заявленіямъ, если-бы сумѣли внушить имъ не дикій страхъ и ненависть къ караульному, комендантскому и иному начальству, а уваженіе, вытекающее изъ человѣчности, справедливости, то тѣмъ менѣе сдѣлалось-бы возможнымъ описанное развлеченіе, которое они себѣ позволили.

Надо замѣтить, что подобный фактъ случился до того, какъ внесъ я на эту-же гауптвахту мои книги, иконы, Евангелія. И послѣ хорошаго вліянія, оказаннаго по камерамъ всѣмъ этимъ, мнѣ не удавалось слышать что-либо подобное.

Дикая сцена, которую описываю я съ чужихъ словъ, могла имѣть мѣсто, конечно, лишь тамъ, гдѣ ничто не напоминаетъ о Богѣ, гдѣ къ человѣку относятся, какъ къ животному, которое будто-бы боится одной палки.

Не разъ замѣчалъ я, что заключенные позволяютъ себѣ невозможныя, дерзкія выходки и безпорядки лишь въ отношеніи нѣкоторыхъ караульныхъ начальниковъ-офицеровъ, и разспросы каждый разъ указывали мнѣ на причины подобнаго озлобленія и мести, дѣйствительно таившіяся подчасъ въ самой личности начальника...

Съ другой стороны, каковъ, въ описанномъ происшествіи, примѣръ для чиновъ караула?!. Хороши, значитъ, вообще отношенія между караулами и заключенными, при которыхъ возможна подобная гадость!!...

Да, по моимъ долгимъ наблюденіямъ, современная, главная гауптвахта, въ ея заброшенно-забытомъ состояніи, несомнѣнно—мѣсто, развращающе вліяющее не на однихъ лишь заключенныхъ, но и на окарауливающихъ ихъ строевыхъ, свободныхъ нижнихъ чиновъ...

За это говоритъ уже соображеніе, что вѣдь караулы, изо дня въ день, на гауптвахтахъ, неизмѣнно видятъ праздныхъ, избавленныхъ отъ всякаго труда, отъ исполненія служебныхъ обязанностей, оборванныхъ, утратившихъ воинское обличье, грязныхъ, заѣденныхъ паразитами, сослуживцевъ.

И чего только, чего не насмотрятся, не наслушаются солдатики караула, хотя-бы за сутки жизни, бокъ-о бокъ съ узниками, въ той-же убійственной для здоровья ихъ атмосферѣ?!.

*) А вотъ еще случай, характеризующій степень нравственнаго одичанія нижнихъ чиновъ на одной изъ гауптвахтъ Россіи: пользуясь тѣмъ, что общая камера примыкала къ комнатѣ караульнаго офицера и зная, что за стѣной спитъ этотъ послѣдній, заключенные, недовольные офицеромъ за строгость, всю ночь, по-очереди, сильно стучали въ стѣну и тѣмъ не давали ему ни на минуту уснуть. Виновныхъ не удалось обнаружить, а дѣла не возбуждали

Между тѣмъ, здѣсь, какъ и въ случаѣ предыдущемъ, для примѣра, слѣдовало-бы неумолимо наказать узниковъ за явное глумленіе скопомъ надъ офицеромъ, на почвѣ служебныхъ отношеній.

Подобная-же безнаказанность, наглость несомнѣнно развращающе повліяла и на нижнихъ чиновъ караула. А. Ж.

Въ Смоленскѣ, во время послѣдней революціи, часовые гауптвахты постоянно слышали богохульство, брань всего священнаго на землѣ для русскаго человѣка, открытую проповѣдь соціализма и анархіи, такъ какъ на гауптвахту попадали и революціонеры въ военныхъ мундирахъ...

Развѣ иному, слабоумному, нижнему чину съ лѣнцой и нежеланьемъ служить, не можетъ, стоя у камеры арестованныхъ на часахъ, показаться, что тутъ-то, на гауптвахтѣ,—настоящее счастье военной службы, прямо рай земной, въ который легко угодить изъ строя, совершивъ какое-либо неважное преступленіе?!.

Не помню, въ перепискѣ съ кѣмъ-то, изъ власть имущихъ военныхъ лицъ объ язвахъ главныхъ современныхъ гауптвахтъ, сравнилъ я послѣднія съ уголками военнаго быта, куда, при общемъ обеззараживаніи русской арміи, по какому-то недоразумѣнію, или нежеланію, до сихъ поръ, не проникла еще дезинфекція: нечего говорить, поэтому, что и общая дезинфекція арміи не поведетъ ни къ чему, при такихъ порядкахъ, а микробы заразы изъ нетронутыхъ общей мѣрою уголковъ (т. е. гауптвахтъ), въ лицѣ вышедшихъ оттуда обратно въ части войскъ нижнихъ чиновъ, въ видѣ карауловъ, соприкасающихся съ гауптвахтнымъ режимомъ, заразятъ и то, что считалось въ арміи навсегда, прочно обеззараженнымъ...

Въ то-же время, не могу я забыть, какъ, по мѣрѣ украшенія казематовъ гауптвахтъ моими грошевыми иконками, по мѣрѣ водворенія туда моихъ дешевыхъ Евангелій, принадлежащихъ не тому или иному арестованному, а данной камерѣ, по моимъ усовѣщаніямъ, уничтожались на стѣнахъ казематовъ, обычно-свойственные гауптвахтамъ, непристойные рисунки, циничныя надписи, а также прекращались сидѣнье въ фуражкахъ и сквернословіе...

Правда, побѣда доставалась обыкновенно не сразу; иконки мои оказывались иногда снятыми, Евангелія порванными и употребленными въ видѣ крышекъ къ стаканамъ и сахарницамъ. Не разъ также библіотека моя, при продолжительныхъ отъѣздахъ изъ города, оказывалась раскраденной, а книги по камерамъ разорванными. Но это объяснялось мною не столько отношеніемъ заключенныхъ къ книгѣ, къ иконѣ, къ слову Божію вообще, какъ тѣмъ невыносимымъ положеніемъ, въ которое подчасъ ставило именно меня гауптвахтное начальство, въ видѣ милости лишь, неохотно, разрѣшавшее мнѣ посѣщеніе и *никогда ни въ чемъ неоказавшее мнѣ содѣйствія...*

Не забуду и того, какъ на Смоленской главной гауптвахтѣ, содержавшей въ себѣ, въ эпоху послѣдней нашей революціи, молодые, буйные, недисциплинированные, распущенные, нерѣдко, отравленные до мозга костей подпольными прокламаціями и фабричной жизнью, элементы запасныхъ нижнихъ чиновъ, удавалось мнѣ, въ концѣ-концовъ, вносить порядокъ и подчиненіе требованіямъ начальства однимъ лишь заявленіемъ моимъ, что, при продолженіи безобразной распущенности, я перестану посѣщать гауптвахту, прекративъ раздачу книгъ для чтенія.

То была пора, когда на выше-упомянутую гауптвахту, въ камеры военныхъ узниковъ, проникали, какими-то тайными путями, газеты,

крайне-революцiоннаго направленiя и открыто, на глазахъ у растеряннаго комендантскаго начальства, къ слову сказать, боявшагося часто показываться на гауптвахту, читались заключенными.

Я изгналъ подобную газетную отраву изъ гауптвахты, указавъ на нее начальству; взамѣнъ-же ее участилъ мои посѣщенiя, раздачу книгъ, мои бесѣды.

Теперь, въ Вильнѣ, изгнали книги мои, одобренныя каталогами Главнаго Штаба для солдатскихъ библiотекъ, и ничего, взамѣнъ ихъ, не дали узникамъ...

Можно-ли назвать это послѣдовательнымъ, справедливымъ?!.

Тогда, въ Смоленскѣ, въ самый разгаръ революцiоннаго броженiя, никто не думалъ, конечно, гнать меня изъ гауптвахты, съ книгами и иконами, а, напротивъ, меня-же благодарили, исполняя охотно, по мѣрѣ возможности, и всѣ мои просьбы, касавшiяся улучшенiя быта узниковъ: вѣдь я доказывалъ, что множество нарушенiй порядка на гауптвахтѣ зависитъ отъ невозможнаго режима! Были случаи, что совершались нарочно преступленiя, чтобы покончить съ невозможнымъ положенiемъ и спастись хоть на каторгу.

Говорю это безъ натяжекъ и не для краснаго словца...

Почему-же, Ваше Высокопревосходительство, теперь, когда революцiя угасла, но можетъ снова поднять еще свою голову, очутился я вдругъ на положенiи ненужнаго, лишняго, даже, пожалуй, вреднаго что-то нарушившаго, чему-то мѣшающаго, отставного?! Почему?!. За что оторвали меня отъ тѣхъ, кого я любилъ, кому помогалъ переписываться съ родиною, кому, по отбытiи наказанiй и по уходѣ со службы, зачастую выхлопатывалъ мѣста́, работу, т. е. давалъ возможность честно бросивъ революцiонныя и иныя бредни, жить и приносить пользу Родинѣ, семьямъ?!

Не могу, не хочу съ этимъ примириться...

Одна надежда: существуетъ-же Богъ и Судъ Божiй, если не на землѣ, то внѣ ея!..

Туда и снесу я мои скорби и жалобы...

Конечно, я бывалъ, безъ сомнѣнья, подчасъ жалокъ, смѣшонъ съ моими усилiями внести свѣтъ Христова ученiя, морали въ среду, гдѣ меня не понимали, гдѣ меня допускали изъ милости...

Недаромъ-же, не такъ давно, въ Петербургѣ, одно лицо насмѣшливо назвало мои реформы, дремлющiя въ проектѣ новаго устава гарнизонной службы, „проникнутыми излишней сентиментальностью“.

По мнѣнiю этого господина, хорошо обезпеченнаго въ настоящемъ службою, спокойнаго за свою будущую пенсiю, всѣ заключенные гауптвахтъ—„мерзавцы“, „тунеядцы“ вредные, погибшiе для службы, люди, а потому и т. д.

Правда, въ дальнѣйшей бесѣдѣ, сознался онъ, что бывалъ на гауптвахтахъ лишь во времена далекой молодости, что онъ „отсталъ по этому вопросу“.

На мое-же гнѣвное замѣчанiе, что нельзя-же гноить, развращать духовно и физически, людей, даже, если-бы они, вопреки имѣющимся у меня даннымъ, были-бы сплошь подобными отбросами русскаго народа и армiи,—этотъ видный представитель военно-штабной бюрокра-

тіи, держащей въ долгомъ плѣну и мои реформы,—авторитетно, не безъ нѣкотораго озлобленія, заявилъ мнѣ: „А дома-то они, ваши заключенные, не жрали что-ли одного, черстваго, червиваго хлѣба, не пили гнилой воды, не жили въ хлѣвахъ и не заѣдались вшами и клопами, а почитывали ваши книжки и молились у вашихъ иконъ?!“

По взглядамъ этого, нравственно одичавшаго, но яркаго представителя Петербургской канцелярской „волокиты“, ничего, вѣрно, не значитъ уже одно лишеніе свободы, сопряженное съ разрывомъ сношеній съ храмомъ Божіимъ, со здоровой, военной средою, съ родными семьями, съ физическимъ трудомъ и т. п.

Подержать-бы его самого, дѣтей его, на правахъ нижняго чина, съ мѣсяцъ, на любой провинціальной гауптвахтѣ, что онъ тогда запѣлъ-бы, какъ, по выходѣ оттуда, поспѣшилъ-бы осуществить мои реформы!!.

На сытое его, самодовольное, хорошо оплачиваемое, хорошо награждаемое, безсердечіе, можно только сказать словами митрополита Филарета доктору Гаазу: „Не я забылъ Христа, а Онъ забылъ меня“ —когда Филаретъ произнесъ свой жестокій приговоръ относительно узниковъ,—въ Тюремномъ Комитетѣ.

Говорившему со мной можно было-бы пояснить также, что не для того, конечно, въ интересахъ государства, отрываютъ молодого человѣка изъ народа отъ сохи, отъ семьи, отъ его убогой хаты, отъ родныхъ вшей и клоповъ, насильственно поднявъ до высокаго положенія русскаго воина, защитника Родины и порядка, по закону избавляющагося, на все время состоянія въ военной службѣ, отъ всякаго рода лишеній,—чтобы бросить, затѣмъ, въ казематъ главной гауптвахты, гдѣ царятъ порядки, далеко превосходящіе тѣ нужды, которыя терпѣлъ онъ порой до поступленія на службу. Не для того-же обучали его и грамотѣ, просвѣтили, пріучили къ порядку, къ храму Божію, даже къ довольству строевыхъ частей,—чтобы лишать всего этого! Ему слѣдовало-бы подчеркнуть, что лишенный свободы нижній чинъ— все-же *нижній чинъ*, не лишенный по суду правъ, *тотъ-же человѣкъ*, которому „не чуждо ничто человѣческое“, какъ и намъ, его начальникамъ, выше его вознесеннымъ на землѣ судьбою и милостью Божіей; что даже осужденному на смертную казнь убійцѣ, экспропріатору, т. е. явному, заклятому врагу государственности, государство-же, по ученію Христа, въ силу справедливости, должно дать всѣ условія здороваго, разумнаго существованія—вплоть до того момента, когда горло его сдавитъ веревка палача... Но я счелъ лишнимъ распространяться: тамъ, гдѣ угасло милосердіе, ничего не подѣлаешь теоріями...

Съ другими-же я и спорилъ, и приходилъ къ неизбѣжнымъ выводамъ.

На то мы вѣдь и христіане, и представители высшей культуры, и представители великой арміи, въ свою очередь, являющейся представительницей еще болѣе великой Россіи, стоящей за плечами арміи, чтобы жить, поступать по-христіански.

А мы-же и тормазимъ дѣло великой реформы нашей гауптвахты акими-то колебаніями на счетъ казенныхъ отпусковъ и строимъ, въ

то-же время, взамѣнъ необходимыхъ гауптвахтъ, предметы роскоши— лишніе, грандіозные храмы Тому, Кто нуждается въ подвигахъ милосердія, любви, справедливости...

Мнѣ какъ-то было сказано, что реформы мои отъ того и провалились, что я не умѣлъ гнуть съ ними спины по штабамъ и канцеляріямъ, не таилъ своихъ чувствъ, а подчасъ требовалъ и ругался, говоря громко тамъ, гдѣ принято слышать лишь раболѣпный, почтительный шепотъ...

Что-же?!. Въ этомъ упрекѣ, пожалуй, есть своя доля правды: я не всегда могъ сдержать горе мое и негодованіе...

И, если-бы я обходилъ, напримѣръ, молчаніемъ ужасы Виленской главной гауптвахты, если-бы не бросилъ перчатки Виленскому комендантскому управленію, то и до сихъ поръ продолжалъ-бы, вѣроятно, разносить мои книги, иконы и Евангелія: униженіемъ, закрываніемъ глазъ на преступленія, я купилъ-бы можетъ быть счастье заключенныхъ...

Зато я потерялъ-бы уваженіе къ себѣ; сознательно сдѣлался-бы участникомъ этихъ преступленій...

Какъ ни какъ, а мой протестъ, хоть на время, да внесъ-же извѣстное освѣщеніе въ положеніе Виленской гауптвахты, т. е., повліялъ и на содержаніе узниковъ...

И я унесъ оттуда, изъ гауптвахты, не одну лишь горечь незаслуженной обиды, но и сознаніе честно исполненнаго долга совѣсти.

Такъ, значитъ, было угодно Богу... Буду надѣяться, что и тутъ, въ инциндентѣ со мною, лишній разъ проявились Его предусмотрительныя Премудрость и Милосердіе...

Ваше Высокопревосходительство!

Я заканчиваю письмо мое, слишкомъ длинное, быть можетъ, слишкомъ горячее, непослѣдовательное, въ которомъ невольно повторяюсь...

Какъ видите, въ немъ *я уже Васъ ни о чемъ, ни о чемъ не прошу*, потерявъ вѣру въ возможность расшевелить, съ помощью Вашей, царство канцелярской „волокиты“ бумажными заявленіями, чернильными слезами...

Хорошо, однако, вижу я тотъ путь,—крестный, тяжелый, быть можетъ, превышающій мои скромныя силы, который указываетъ мнѣ все та-же совѣсть и долгъ порядочнаго человѣка.

Просто захотѣлось, послѣ Новаго Года и надеждъ, обычно съ послѣднимъ почему-то связываемыхъ, сказать Вамъ, *именно Вамъ*, когда-то столь милостиво согрѣвшему меня участливымъ отношеніемъ къ забытому вопросу о гауптвахтахъ, то, что тяготитъ душу мою и просится наружу—въ виду того, что я вижу торжество зла надъ справедливостью и, въ то-же время, лишенъ Вами-же возможности бороться съ этимъ зломъ, хоть на одной русской главной гауптвахтѣ.

И послѣдняя мысль моя, которая будетъ меня тревожить, когда придется мнѣ умирать, будетъ сожалѣніе о томъ, что было когда-то начато мной такъ хорошо и что погибло такъ позорно въ общемъ равнодушіи и непониманіи...

А умру, молясь за „моихъ“ узниковъ, за успѣхъ начинаній Вашего Высокопревосходительства...

Вашъ покорнѣйшій слуга, преданный А. Жиркевичъ.“

И на это письмо, конечно, не удостоился я получить отклика.

Тѣмъ не менѣе я знаю, что оно не только дошло по назначенію, но пошло даже гулять по разнымъ Петербургскимъ военнымъ канцеляріямъ, будучи гдѣ-то подшито къ дѣлу.

По крайней мѣрѣ, дежурный генералъ Главнаго Штаба генералъ Кондзеровскій (отъ 23-24 января 1912 г. за № 5046), сообщилъ мнѣ:

„Въ письмѣ Вашего Превосходительства на имя военнаго министра отъ 11 сего января, въ коемъ Вы просите о принятіи мѣръ къ улучшенію положенія нижнихъ чиновъ, арестованныхъ на главныхъ гауптвахтахъ, Вы, между прочимъ, неоднократно упрекаете Главный Штабъ въ медленности производства по сему дѣлу.

Въ виду сего долгомъ считаю сообщить Вамъ, что вопросъ этотъ подлежитъ разсмотрѣнію не Главнаго Штаба, а Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, куда письмо Ваше на имя военнаго министра и направлено по принадлежности.“

„Хотя-бы обидѣлись за содержаніе моего обращенія!“ думалось мнѣ: „А то просто оговорились, что, молъ, все, тобою сказанное,—не по нашему адресу, хотя мы его и прочли... Климъ украдкою киваетъ на Петра“.

Это письмо заставило меня, просто изъ любопытства, навести справку, когда-же состоялось выдѣленіе Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба изъ Главнаго Штаба—и гдѣ застряли мои гауптвахтныя реформы.

Я сдѣлалъ соотвѣтствующій запросъ.

Въ отвѣтѣ своемъ, тотъ-же ген. Кондзеровскій любезно мнѣ сообщаетъ (27 мая 1912 г. за № 37197):

„Вслѣдствіе письма Вашего отъ 13 минувшаго апрѣля увѣдомляю, что возбужденный Вами вопросъ объ улучшеніи быта арестованныхъ на главныхъ гауптвахтахъ относится къ компетенціи Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, по отдѣлу „устройства и службы войскъ“. Отдѣлъ этотъ былъ сформированъ согласно приказу по В. В. 1910 г. за № 496—о реорганизаціи главныхъ управленій военнаго министерства. Въ виду сего за всѣми справками по интересующему Васъ дѣлу Вамъ слѣдуетъ обращаться въ названное выше Главное Управленіе по указанному отдѣлу.“

Отсюда видно, что Главный Штабъ обидѣлся на меня не совсѣмъ основательно: вѣдь если съ 1910 года дѣло, начатое по моей иниціативѣ, застряло въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба, то до того, т. е. въ теченіи десяти лѣтъ кто-же, какъ не Главный Штабъ глушилъ, сводилъ „на нѣтъ“ всѣ мои начинанія, вводя въ заблужденіе военныхъ министровъ ошибочными, поверхностными докладами!! И мое письмо къ ген. Сухомлинову охватывало собою не только финалъ борьбы моей, но всю ея исторію съ самаго начала...

Спѣшу, однако, пользуясь случаемъ, извиниться передъ Главнымъ Штабомъ въ невольной ошибкѣ, которую можно легко объяснить тѣми затрудненіями, которыми, съ нѣкоторыхъ поръ, обставлено наведеніе мною справокъ по интересующему меня вопросу вообще и моей провинціальной отсталостью, даже одичалостью.

Впрочемъ, не все-ли равно для дѣла, для судьбы и страданій гауптвахтныхъ заключенныхъ, гдѣ, въ какой воинской канцеляріи Петербурга, покоятся, безъ движенія, благодаря отрицательной работѣ разныхъ „винтиковъ“, мои реформы?!..

Безразлично это и для Бога, читающаго въ дѣяніяхъ и сердцахъ человѣческихъ, какъ равно и для будущаго историка упадка нравовъ нашего сумбурнаго, безпринципнаго времени...

Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, куда попало прощальное мое письмо къ генералу Сухомлинову, тоже не удостоило меня отвѣтомъ.

Будучи въ состояніи заранѣе угадать содержаніе подобнаго документа, если-бы онъ появился, я, по правдѣ сказать, и не интересовался перепиской, а энергично, убѣжденно подготовлялъ къ печати настоящую мою книгу, какъ послѣднее слово мое, обращенное уже не къ одному военному вѣдомству, а ко всему русскому народу, въ лицѣ лучшихъ его представителей.

Это не мѣшало мнѣ слѣдить, по газетамъ, за литературой вопроса о мѣстахъ заключенія Россіи вообще, а также наводить справки, могущія быть полезными для моего труда.

Такъ, недавно, я прочелъ о томъ, что „по проекту Министра Юстиціи, при Главномъ Тюремномъ Управленіи учреждаются спеціальные курсы тюрьмовѣдѣнія, основаніемъ для которыхъ служатъ уже открывшіеся 1 марта лекціи для причисленныхъ къ тюремному управленію“ лицъ; что эти „курсы тюрьмовѣдѣнія учреждаются, по образцу заграничныхъ школъ, для подготовки тюремныхъ надзирателей.“

Гораздо ранѣе, въ газетахъ, время отъ времени, мелькали тѣ или другіе шаги Министерства Юстиціи—на благо осужденнаго ближняго. А сколько, думается, подобныхъ начинаній, какъ болѣе мелкихъ, незамѣтныхъ, не доходитъ до свѣдѣнія общества!..

Тѣмъ не менѣе, дорого, важно и то, что здѣсь не дѣлаютъ ни изъ чего тайнъ, а, опубликовывая проекты, тѣмъ самымъ указываютъ на недостатки, обнажаютъ язвы, призываютъ общество высказаться печатно, и, вѣроятно, сказанное правдиво, честно, съ практической подкладкою, принимается къ свѣдѣнію, имѣется въ виду при дальнѣйшей разработкѣ вопросовъ.

Мнѣ извѣстно, какъ широко, при этомъ, гражданское судебное вѣдомство пользуется совѣтами людей науки, извѣстныхъ юристовъ, криминалистовъ. Нечего говорить о томъ опытѣ, который съ годами, накопился поэтому въ самомъ вѣдомствѣ, по его внѣ-служебной, тюремно гуманитарной дѣятельности, распространяющейся на всю Россію...

Не спитъ Главное Тюремное Управленіе, идя рука въ руку, на томъ же пути съ Министерствомъ Юстиціи.

Вотъ, что еще на дняхъ прочелъ я въ одной газетѣ:

„Въ Главномъ Тюремномъ Управленіи разрабатывается законопроектъ *о реформѣ хозяйственной части тюремъ,* касающійся стороны продовольственной, медицинской и школьной, а также удовлетворенія духовно-нравственныхъ нуждъ арестантовъ. Законопроектъ вноситъ коренную реформу въ постановку хозяйственной части тюремъ.

Какъ извѣстно, изъ-за выдачи пищи арестантамъ между послѣдними и администраціей происходятъ постоянныя недоразумѣнія. Чтобы устранить эту ненормальность, законопроектъ вноситъ, какъ правило, отпускать на содержаніе арестантовъ по дѣйствительной надобности, беря за образецъ существующую систему хозяйственнаго управленія въ московской и петербургской тюрьмахъ.

Въ связи съ этой реформой, 1-го іюля введена новая инструкція для начальниковъ всѣхъ тюремъ, предусматривающая подробности и детали тюремной жизни для устраненія произвола и установленія закономѣрности въ дѣйствіяхъ начальниковъ по каждому отдѣльному эпизоду тюремной жизни."

„Устраненіе произвола", „установленіе закономѣрности въ дѣйствіяхъ начальниковъ по каждому отдѣльному эпизоду тюремной жизни", „удовлетвореніе духовно-нравственныхъ нуждъ арестантовъ" „сторона медицинская, школьная" и т. д.

Боже мой! Да вѣдь это все то, что я такъ мечталъ внести (и не внесъ) на русскую гауптвахту, обращенную въ такую-же тюрьму!..

Почему-же, только въ военномъ вѣдомствѣ, по отношенію только къ военнымъ узникамъ, подобныя азбучныя истины—„забытыя слова?!"... Почему?!.

Раскрываю на дняхъ газету „Виленскій Вѣстникъ" и съ горемъ читаю въ ней слѣдующее:

„Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ на-дняхъ разрѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ давно назрѣвшій вопросъ о постройкѣ новой пересыльной тюрьмы въ г. Вильнѣ. Существующая тюрьма помѣщается въ старинныхъ зданіяхъ бывшаго римско-католическаго монастыря маріавитокъ, переданныхъ тюремному вѣдомству въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. О времени постройки ихъ свѣдѣній не имѣется. По тѣснотѣ помѣщеній и ветхости построекъ, пересыльная тюрьма является однимъ изъ крайне неудовлетворительныхъ и несоотвѣтствующихъ своему назначенію мѣстъ заключенія.

Всѣ старыя зданія пересыльной тюрьмы предположено сломать и на мѣстѣ ихъ будетъ выстроенъ новый корпусъ. Для обезпеченія пересыльной тюрьмы нужнымъ помѣщеніемъ, на время постройки новаго корпуса, будетъ сооруженъ, на участкѣ тюрьмы по Полтавской улицѣ, двухъэтажный каменный баракъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы послѣ вывода изъ него заключенныхъ во вновь построенную тюрьму, этотъ домъ могъ быть обращенъ подъ квартиры тюремныхъ надзирателей. Кромѣ того, для временнаго размѣщенія арестантовъ, будетъ приспособленъ и административный домъ при тюрьмѣ. На время постройки тюремныхъ зданій начальникъ тюрьмы будетъ лишенъ казенной квартиры, взамѣнъ коей ему будутъ отпущены квартирныя деньги. Къ постройкѣ означеннаго барака, а также другихъ службъ, будетъ приступлено сейчасъ-же и къ осени постройка ихъ будетъ закончена, а затѣмъ будетъ приступлено къ сносу старыхъ зданій.

Для выполненія всѣхъ намѣченныхъ работъ, Виленскимъ губернаторомъ образованъ строительный комитетъ.

Постройку новаго флигеля предполагается сдать съ подряда, а остальныя работы будутъ исполнены хозяйственнымъ способомъ."

„Въ Главномъ Тюремномъ Управленіи въ настоящее время, при участіи врачей, разрабатывается проектъ организаціи новаго типа тюремъ, въ которыхъ будутъ содержаться исключительно туберкулезные заключенные. Тюремное вѣдомство предполагаетъ построить большую тюрьму для туберкулезныхъ, расчитанную на 500 заключенныхъ, около Керчи, и сейчасъ ведутся переговоры съ военнымъ вѣдомствомъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ объ уступкѣ земли. Если это не удастся сдѣлать въ окрестностяхъ Керчи, то подобная тюрьма будетъ построена въ другомъ мѣстѣ Крыма. Независимо отъ этого, Главное Тюремное Управленіе рекомендуетъ выдѣлять всѣхъ туберкулезныхъ заключенныхъ въ отдѣльныя помѣщенія. Такъ, по распоряженію начальника Главнаго Тюремнаго Управленія С. С. Хрулева, для этихъ цѣлей въ Полтавской губ. служитъ Миргородская тюрьма, а въ области Войска Донского—Николаевская тюрьма.“

И когда все это осуществится (а это будетъ непремѣнно), въ той-же Вильнѣ останется, быть можетъ, прежнее, давно никуда негодное, зданіе главной гауптвахты, точно воплощенный упрекъ совѣсти, словно для возможности наглядной параллели между двумя вѣдомствами, служащими одной и той-же Родинѣ, одному и тому-же Государю, признающими одного и того-же Бога, но носящими разную форму...

Опять-таки оговорюсь: я знаю, что, въ силу понятныхъ причинъ, кое-что и въ гражданскомъ судебномъ вѣдомствѣ—далеко отъ совершенства, и, когда я читалъ талантливыя, высоко-поучительныя „воспоминанія судебнаго дѣятеля“—А. Ф. Кони, убѣжденнаго сторонника новыхъ судебныхъ уставовъ, то невольно, несмотря на желаніе почтеннаго автора—представить многое въ благопріятномъ свѣтѣ, передо мною, какъ юристомъ, рисовалось недоговоренное, быть можетъ, скрытое отъ непосвященныхъ, и хотѣлось сказать: избави Богъ вообще угодить подъ судъ, даже если это будетъ судъ не военный, а гражданскій, и во главѣ его будутъ стоять такіе законо и правдо-любцы, какъ г.Кони!

Но мнѣ дорога важная, неустанная работа гражданскаго судебнаго вѣдомства—на пути служенія страждущему ближнему, прошедшему черезъ вѣдомство въ качествѣ подсудимаго...

Мнѣ пріятно слѣдить за тѣмъ, какъ вѣдомство это ищетъ для себя новыя, внѣ-служебныя задачи, идетъ рука въ руку съ другими вѣдомствами, учится и не стыдится поучаться...

Замѣтьте, что указанное сейчасъ въ сферѣ дѣятельности Главнаго Тюремнаго Управленія не есть нѣчто новое, а лишь прогрессивное развитіе того, что существуетъ давно и дало уже для жизни научно-практичные результаты...

Русское общество освѣдомляется, путемъ печати, что жизнь и здѣсь бьетъ ключемъ, что есть, конечно, и тутъ недостатки, пробѣлы, но что ихъ спѣшатъ исправить...

Значитъ, не спитъ-же, по отношенію къ узникамъ гражданскихъ мѣстъ заключенія, совершенствуясь въ выполненіи великихъ задачъ, связанныхъ съ запросами судейской совѣсти, наше почтенное гражданское судебное вѣдомство, тогда какъ для вѣдомства военно-судебнаго, для

военнаго министерства, Главнаго Штаба, Управленія Генеральнаго Штаба, судьба военныхъ заключенныхъ, какъ будто, по-прежнему, лишь „звукъ пустой“...

Не странно-ли, развѣ, что у одного и того-же великаго народа, которому предстоитъ еще долгій, славный путь на благо всечеловѣчества, въ дѣлахъ хотя-бы карательной системы, одна нога дѣйствуетъ исправно, а другая болѣзненно парализована?!

Справедливо развѣ, напримѣръ, такое явленіе, что въ Вильнѣ существуетъ образцово-обставленная гражданская тюрьма, а рядомъ съ нею то-же тюрьма, но военнаго вѣдомства, по недоразумѣнію именующаяся главною гауптвахтой, мѣстомъ предварительнаго заключенія, гдѣ нравами, обычаями, законами, порядками сосѣдки даже и не пахнетъ?

Развѣ естественно, что два русскихъ гражданина, усѣвшись за одинаковое преступленіе въ два этихъ карательныхъ учрежденія, несутъ свои кресты—одинъ сравнительно легко, во всякомъ случаѣ разумно, а другой съ проклятіемъ и нравственнымъ паденіемъ подъ непосильнымъ крестомъ?!

Осуществись на этихъ дняхъ десять лѣтъ тому назадъ назрѣвшая уже реформа военно-карательныхъ учрежденій—и мы сразу очутились-бы тутъ прежде всего безъ соотвѣтствующаго, спеціально подготовленнаго (высшаго и низшаго), персонала.

Мы существуемъ съ такимъ, давно никуда негоднымъ (въ смыслѣ незнакомства съ азбучными требованіями тюрьмовѣдѣнія), служащимъ составомъ нашихъ военно-карательныхъ учрежденій и гауптвахтъ, обращенныхъ нами безумно въ подобныя-же карательныя учрежденія, до сихъ поръ не позаимствовавъ у судебнаго вѣдомства того, что имѣетъ несомнѣнно глубокій смыслъ и опытъ, вытекая изъ основъ обще-человѣческой культуры, справедливости и христіанской морали.

Мы даже не только существуемъ съ нимъ, этимъ составомъ, но, какъ безвольныя дѣти, не находимъ нужнымъ, не умѣемъ (или не желаемъ) выйти изъ этого дикаго положенія и заняться теперь-же отысканіемъ, подготовкой, обученіемъ такихъ служащихъ, какіе намъ, для этого дѣла, нужны...

По-прежнему, въ Россіи военный заключенный долженъ мечтать, какъ о какомъ-то счастьѣ,— попасть изъ „ублієттъ“ провинціальной главной гауптвахты подъ попеченіе вѣдомства судебнаго, въ тюрьму гражданскаго вѣдомства, гдѣ, несмотря на суровый режимъ, даже отъ тюремныхъ надзирателей, какъ мы видимъ, требуется прохожденіе цѣлаго спеціальнаго курса...

Если-бы суждено мнѣ было счастье дожить до того момента, когда русская главная гауптвахта дождется, наконецъ, справедливаго, законнаго, научно-разумнаго къ себѣ отношенія, то, безъ сомнѣнія, предстоитъ мнѣ и великое горе — увидѣть ее, по-прежнему, въ рукахъ тѣхъ-же людей, которые, при всѣхъ личныхъ и служебныхъ достоинствахъ, въ нихъ предполагающихся, къ дѣлу попеченія объ узникахъ совершенно не подготовлены, равнодушны, не способны...

Мы спимъ и спимъ, увѣренные, что никто нашего сладкаго, олимпійскаго, но преступнаго, сна не потревожитъ...

Впрочемъ, кто знаетъ, не близко-ли и здѣсь пробужденіе, когда за сонъ этотъ придется нести отвѣтственность всему обществу, всему народу, т. е. и той его части, которая ни въ чемъ не повинна...

Еще недавно, когда заканчивалось составленіе рукописи этого труда, уставшее, извѣрившееся сердце мое еще разъ забилось чѣмъ-то въ родѣ слабой, хотя и смутной, надежды былыхъ дней...

Въ своемъ мѣстѣ я коснулся уже, въ общихъ чертахъ, участія моего въ трудахъ по оздоровленію нашихъ военно-карательныхъ учрежденій, какъ вопроса, тѣсно связаннаго и съ судьбою русской гауптвахты.

Попутно я упомянулъ о томъ, что и это дѣло заглохло, заросло чертополохомъ общаго равнодушія и канцелярской таинственности...

Но вотъ, чуть-не на дняхъ, промелькнуло въ газетахъ извѣстіе, правда пока въ видѣ неопредѣленныхъ слуховъ, о томъ, что военно-судебному вѣдомству предстоитъ, яко-бы, провести какія-то преобразованія въ этой сферѣ.

Могъ-ли я не заволноваться?!. То самое вѣдомство, которому беззавѣтно отдалъ я лучшіе годы моей жизни, которое оставилъ я съ болью въ сердцѣ,—вѣдомство, мундиръ котораго я не снимаю и въ отставкѣ,—вѣдомство, гдѣ таятся и теперь герои долга и чудныя, свѣтлыя, культурныя силы, зачарованныя злымъ колдуномъ, вдругъ начинаетъ проявлять признаки жизни, да еще какой—жизни Милютинской эпохи его созданія!!.

Бѣгу къ знакомымъ военнымъ юристамъ за справками: какъ, молъ, и что̀?

На меня смотрятъ круглыми, недоумѣвающими глазами...

Ѣздилъ, говорятъ, дѣйствительно по Россіи, высокопоставленный судейскій генералъ, побывалъ и въ Вильнѣ, и на Кавказѣ, тратилъ огромныя прогоны, что-то осматривалъ въ военно-карательныхъ учрежденіяхъ, записывалъ, справлялся, а, главное разсказывалъ о себѣ и говорилъ, говорилъ...

„Только“ добавляютъ съ улыбкой: „ничего путнаго изъ этой поѣздки не выйдетъ.“

„Какъ-же это, господа, не выйдетъ, когда... когда вотъ и въ газетахъ уже пишутъ, и дѣло-то, само за себя, вопіетъ!“ протестую я, чувствуя, какъ блѣднѣетъ, гаснетъ бодрое настроеніе.

„Какое дѣло?!.“

„Да вотъ... военно-карательныхъ учрежденій.“

„А вы все еще печалитесь, волнуетесь, надѣетесь?!. Вамъ мало того, что васъ безъ церемоніи прогнали изъ гауптвахты? Эхъ вы, горе-реформаторъ, неисправимый утопистъ!.. Бросьте!.. Успокойтесь!!.“

„Знаете-ли... По временамъ какъ будто-бы и живетъ еще въ сердцѣ надежда... Правда, за три года моей отставки я совершенно отсталъ отъ новостей въ нашемъ вѣдомствѣ...“

„Это и видно.“

Не поймешь ихъ: не то вся неудача сидитъ въ личности самаго генерала, объѣзжающаго Россію, не то въ прогонахъ, имъ получаемыхъ, не то въ старыхъ традиціяхъ, яко-бы, по-прежнему, царящихъ въ учрежденіи, прочно устроившемся на Мойкѣ, у Поцѣлуева Моста...

„Ничего“ повторяютъ мнѣ съ убѣжденіемъ: „изъ этой поѣздки не выйдетъ... потому, что все у насъ, въ вѣдомствѣ, по старому... До вашихъ-ли тутъ реформъ?!.“

„Нѣтъ“ думаю себѣ: „тутъ что-то не такъ... Дай-ка рискну—обращусь за справкой къ первоисточнику... Авось меня еще тамъ, въ Главномъ Военно-Судебномъ Управленіи, не забыли и отвѣтятъ...“

У самого-же затаенный страхъ: а вдругъ и здѣсь прикажутъ не соваться не въ свое дѣло, промолчавъ краснорѣчиво...

Зная, однако, лично, нынѣшняго Главнаго Военнаго Прокурора генерала Макаренко, какъ человѣка энергичнаго, хорошо ознакомленнаго съ вопросами по военно-карательнымъ учрежденіямъ, когда-то вмѣстѣ съ нимъ работавши на поприщѣ преобразованій этихъ учрежденій, рѣшился я написать ему (29 марта 1912 г.) частное письмо, въ которомъ повторилъ то, что говорилъ ранѣе и писалъ, т. е. указалъ на тѣсную, внутреннюю связь между главными гауптвахтами и только что упомянутыми учрежденіями, прося сообщить мнѣ справку о положеніи военно-тюремной реформы вообще, а также умоляя, если можно, вырвать изъ Главнаго Управленія генеральнаго Штаба въ Управленіе Главное Военно-Судное дѣло объ улучшеніи быта военныхъ заключенныхъ на главныхъ (общихъ, гарнизонныхъ) гауптвахтахъ, мною когда-то начатое...

13 апрѣля с. г. получился мною отвѣтъ отъ генерала Шебеко, изъ Главнаго Военно-Суднаго Управленія, слѣдующаго содержанія:

„По приказанію Его Превосходительства Главнаго Военнаго Прокурора, увѣдомляю Васъ, что коренной реформы военно-тюремныхъ заведеній, въ виду финансовыхъ соображеній, въ скоромъ будущемъ не предвидится; въ настоящее-же время разработанъ законопроектъ (Временное Положеніе), имѣющій цѣлью частичное упорядоченіе режима въ дисциплинарныхъ частяхъ и военныхъ тюрьмахъ, съ организаціей въ нихъ работъ заключенныхъ и съ подчиненіемъ на мѣстахъ сихъ заведеній предсѣдателямъ военно-окружныхъ судовъ и общимъ подчиненіемъ Начальнику Главнаго Военно-Суднаго Управленія.

Вопросъ-же о главныхъ гауптвахтахъ, какъ, вопросъ, касающійся предварительнаго заключенія, можетъ быть поднятъ лишь по упорядоченіи военно-карательной системы въ полномъ ея объемѣ.“

Письмо это на столько ярко характеризуетъ отношеніе высшихъ военныхъ сферъ (въ томъ числѣ и Главнаго Военно-Суднаго Управленія) къ военнымъ заключеннымъ вообще, что на немъ, какъ на послѣднемъ словѣ, раздавшемся изъ Петербурга по затронутому мною вопросу, стóитъ нѣсколько долѣе остановиться и пресеріозно, грустно задуматься...

Я уже приводилъ, въ одной изъ предыдущихъ главъ настоящаго труда, бесѣду мою съ б. военнымъ министромъ генераломъ Куропаткинымъ, изъ которой вытекало, что при ожидавшихся въ тѣ дни коренныхъ реформахъ военно-карательныхъ учрежденій, должны были преслѣдоваться не столько гуманитарно-нравственныя цѣли, какъ цѣли узко-практическія—въ смыслѣ использованія возможно шире

порочнаго элемента арміи, въ качествѣ рабочей силы, въ нуждахъ остальныхъ, добропорядочныхъ, войсковыхъ элементовъ...

Такой взглядъ имѣетъ отчасти свое разумное основаніе —и съ нимъ спорить трудно.

То-же, преимущественно-утилитарное, направленіе носили на себѣ и поѣздки чиновъ военно-судебнаго вѣдомства по Россіи и за границей.

Уже во время работъ моихъ по составленію „свода" по этимъ командировкамъ, не могъ я не обратить вниманія на то, что всякія реформы въ военномъ вѣдомствѣ, предпринятыя лишь въ одномъ этомъ, узко - утилитарномъ направленіи, безъ единовременнаго усиленія нравственныхъ, этическихъ началъ въ военно-карательномъ режимѣ, вообще, конечно, придадутъ всему односторонній характеръ и не задѣнутъ духовныхъ глубинъ, духовныхъ язвъ и недостатковъ современной намъ военно-карательной системы, въ ея цѣлости. А это, въ свою очередь, значительно ослабитъ и тѣ начинанія, которыя будутъ предприняты въ смыслѣ использованія узниковъ, какъ грубой, рабочей, производительной силы.

Письмо ген. Шебеко, однако, убѣждаетъ меня въ томъ, что за десять долгихъ лѣтъ, работы военно-судебнаго вѣдомства такъ и застыли рабски на чисто-утилитарныхъ требованіяхъ, оставивъ, повидимому, въ сторонѣ запросы духа и совѣсти...

Иначе нельзя понять того мѣста письма ген. Шебеко, гдѣ говорится, что въ настоящее время всѣ реформы свелись лишь „къ частичному упорядоченію режима" съ „организаціей работъ заключенныхъ" и т. п.

Всѣмъ, кто серіозно задумывался надъ прошлыми судьбами карательныхъ учрежденій вообще, хорошо извѣстно, что, при невыдерживающей критики, неудовлетворительной общей системѣ, никакія частичныя улучшенія, не приведутъ ни къ чему и будутъ напоминать собою—скажемъ словами поэта—лишь „яркую заплату на ветхомъ рубищѣ пѣвца".

Припомнимъ, что вѣдь десять лѣтъ тому назадъ вся система была признана оффиціально никуда негодной, сверху до низу. Въ такомъ-же положеніи, безъ сомнѣнія, находится она и теперь: ее никто и ничто не коснулось... Если въ ней, въ силу вліянія жизни и времени, произошли какія-либо перемѣны, то несомнѣнно лишь въ сторону ухудшенія...

Ничего успокоительнаго нѣтъ и въ заявленіи Гл. В.-Судн. Управленія о томъ, что даже и эти убогія реформы—не болѣе, какъ проектъ, только „Временное Положеніе", т. е. нѣкій робкій, канцелярскій опытъ, которому нетрудно, при неблагопріятныхъ вліяніяхъ, и погаснуть, не разросшись никогда въ яркій, пылающій костеръ настоящаго дѣла. „Законопроектъ," какъ упоминается въ письмѣ, пока лишь „разработанъ."

И снова на сценѣ проклятыя „финансовыя соображенія", т. е. пустота военно-казеннаго ящика, благодаря которой о „коренной реформѣ" военно-карательныхъ учрежденій, въ смыслѣ ея осуществленія въ скоромъ времени, и думать, конечно, не приходится..

Развѣ останется что-либо на долю какихъ-то тамъ несмѣющихъ пикнуть, забытыхъ, никому неинтересныхъ, военныхъ узниковъ, ниж-

нихъ чиновъ, сидящихъ по Россіи на гауптвахтахъ, если сегодня нужны сотни тысячъ для постройки новаго военнаго, грандіознаго собора, завтра—для грандіознаго отпраздновaнія юбилея 1812 года, а тамъ для реформъ по блестящей переобмундировкѣ русской арміи, на модную игру въ солдатики, въ видѣ „потѣшныхъ", на пробѣгъ автомобилей, на кочеваніе по Россіи, съ разными цѣлями, несомнѣнно на казенныя деньги, высшихъ военныхъ представителей арміи и проч. и проч.?!.

Въ то время, какъ черезъ Вильну тріумфально неслись недавно военные автомобили и, какъ изъ рога изобилія, сыпались деньги, казенныя и общественныя, на встрѣчи, обѣды, завтраки, телеграммы, когда раздавались—надо думать—рѣчи, а никому неинтересныя замѣтки объ отставшихъ, поломанныхъ автомобиляхъ и т. п. непріятно мозолили глаза въ газетахъ, невольно вспоминалъ я о моихъ нищихъ заключенныхъ Виленской главной гауптвахты, гибнущихъ всего въ двухстахъ шагахъ отъ того зданія, гдѣ была устроена въ Вильнѣ пышная встрѣча совершившимъ „великій подвигъ"... Тамъ, на гауптвахтѣ, благодаря лѣтнему времени,—я зналъ это—настежь открыты были окна: „нѣкто въ сѣромъ", пользуясь теплой погодою, дышалъ изъ-за рѣшотокъ свѣжимъ воздухомъ, глядя на улицу и прислушиваясь къ доносящимся издали отзвукамъ жизни счастливыхъ, свободныхъ людей. И, быть можетъ, горькой, обидной насмѣшкою долетѣли туда отголоски веселыхъ, хвалебныхъ тостовъ...

Право, возбужденному моему воображенію, чудился, въ крикахъ „ура!" пирующихъ, въ рѣчахъ, которыя неизбѣжно должны были произноситься, заглушенный стонъ моихъ обездоленныхъ узниковъ: „Пощадите! Спасите, православные!.. Не дайте совсѣмъ погибнуть!.. Вѣдь мы тоже на себѣ крестъ носимъ..."

Передо мною лежала, въ это время, выданная мнѣ любезно изъ мѣстнаго комендантскаго управленія, удручающая сознаніе мое, справка „о числѣ арестованныхъ нижнихъ чиновъ на городской гауптвахтѣ" за послѣдніе годы.

Изъ нее видно, что такихъ страдальцевъ за чьи-то грѣхи томилось на Виленской гауптвахтѣ въ 1908 г.—700 человѣкъ, въ 1909 г.—775 чел., въ 1910 г.—689 чел., въ 1911 г.—932 чел.

Такимъ образомъ, по отношенію даже къ 1908 году, цифра узниковъ несомнѣнно прогрессируетъ, и, сама по себѣ, громадна...

А, между тѣмъ, никуда негодное, старое, сырое зданіе гауптвахты, бывшее всегда недостаточнымъ и неприспособленнымъ для нуждъ заключенныхъ, давно признанное годнымъ лишь на сломку, продолжаетъ принимать въ себя все бо́льшее и бо́льшее ихъ количество... Въ заразительной атмосферѣ гауптвахты задыхаются, какъ въ былое время, не только узники, но и сидящіе тамъ подъ арестомъ офицеры, другія лица привиллегированнаго положенія, изъ арестованныхъ, а также окарауливающіе учрежденіе караулы... По-прежнему, тамъ о Богѣ, о книгѣ, о наукѣ, о дисциплинѣ, о разумномъ трудѣ и проч., конечно, и говорить не приходится. Прежній уставъ гарнизонной службы, какъ въ былые дни, зло смѣется надъ всѣми гуманными принципами и прогрессомъ нашего вѣка... По-прежнему, я остаюсь изгнаннымъ съ мо-

ими Евангеліями, иконами и книгами, какъ воплощенное доказательство того, что все это, быть можетъ, хорошо, и полезно, и нужно для всей Россіи... но только не для русской главной гауптвахты...

Никому не пришло вѣдь въ голову, скромно ограничивъ автомобильный пробѣгъ (вѣроятно онъ нуженъ, если его совершили) лишь узкими рамками потребностей военной службы, положить деньги, истраченныя правительствомъ, гражданами, на показную сторону и парадъ встрѣчъ, хотя-бы въ видѣ фонда, на постройку новыхъ зданій главныхъ гауптвахтъ...

Сидя въ Вильнѣ на положеніи изгнанника изъ поднятаго мною много лѣтъ тому назадъ вопроса о гауптвахтахъ, я, быть можетъ, съ излишней горечью, съ болѣзненнымъ чувствомъ зависти, встрѣчаю, съ нѣкоторыхъ поръ, иныя новшества въ нашей арміи, усчитывая, опять-таки, сколько можно было-бы отложить и здѣсь на мои реформы драгоцѣнныхъ сбереженій, сколько силъ можно было-бы привлечь къ поднятому мною вопросу...

Когда, напримѣръ, военнымъ врачамъ, такъ не кстати, нацѣпили чуть не на этихъ дняхъ на сапоги блестящія шпоры, я невольно, вспомнивъ дѣло жандарма Николаева въ Виленскомъ военномъ госпиталѣ, подумалъ о томъ, заставитъ-ли это странное, ненужное, прямо смѣшное, для врача украшеніе ихъ, представителей науки, обратить вниманіе, во имя интересовъ науки-же, на анти-санитарное позорище обстановки, быта русской гауптвахты?!..

Когда недавно г. военный министръ ген. Сухомлиновъ совершалъ свои поѣздки по Россіи, я невольно спрашивалъ: произвелъ-ли онъ по пути, неожиданно, основательно, безъ предувѣдомленій мѣстнаго начальства, ревизію хоть одной городской главной гауптвахты?..

Слѣдя за поѣздками по Родинѣ Протопресвитера военнаго и морского духовенства о. Шавельскаго, за его собесѣдованіями съ духовенствомъ, о которыхъ создалась цѣлая литература, я до сихъ поръ —увы!—не наткнулся нигдѣ на слѣдъ посѣщенія имъ военныхъ узниковъ гауптвахтъ, на фактическія мѣропріятія по вопросу о привлеченіи сюда вниманія спящаго преступно подчиненнаго ему духовенства...

Не таковы были стоявшіе на верхахъ нашей церковной іерархіи, даже не въ очень отдаленномъ прошломъ, по ихъ отношенію къ заключеннымъ!!..

Не сомнѣваюсь въ томъ, что о. Шавельскій—хорошій, даже прекрасный, талантливый человѣкъ—въ обще-принятомъ, житейскомъ смыслѣ этого слова, какъ, быть можетъ, и прекрасный „пастырь“, въ такомъ-же обще-принятомъ значеніи.

Хотя также несомнѣнно и то, что современная намъ жизнь на столько осложнилась, что напримѣръ, „пастырь“ Церкви, если хочетъ остаться теперь на высотѣ своего высокаго призванія должень быть и „воиномъ“, а начальникъ, „воинъ“,—взять на себя часть нравственнаго духовнаго багажа „пастыря“, священнослужителя...

Хорошій, вполнѣ порядочный человѣкъ и нынѣшній комендантъ г. Вильны, въ вѣдѣніи котораго находится мѣстная главная гауптвахта. Но онъ, силою вещей, при всемъ желаніи его, поставленъ, конечно, въ

невозможность здѣсь что-либо серіозное сдѣлать... Въ такомъ случаѣ, какая-же польза для подвѣдомственныхъ ему узниковъ отъ его личныхъ душевныхъ качествъ?!.

Оглядываясь лишній разъ спокойно, безстрастно на то, что изображено мною въ настоящемъ трудѣ, я вижу, на пути моемъ, въ сношеніяхъ со мною, за рѣдкими исключеніями, массу такихъ-же хорошихъ, даже прекрасныхъ, способныхъ людей, начиная съ военныхъ министровъ и кончая даже несимпатичными мнѣ „винтиками“ подчиненныхъ имъ штабовъ и канцелярій.

И не вижу я тамъ, въ этихъ сферахъ, при борьбѣ моей за русскія гауптвахты, „пастырей-воиновъ“ и „воиновъ-пастырей“ ни одного!!.

А какіе-же благіе, осязательные результаты, вышли, при подобномъ положеніи, изъ этого потока личнаго прекрасно-душія для поднятаго мною вопроса?!—Ровно никакихъ...

Тогда не лучше-ли было-бы, если-бы судьба послала мнѣ и моимъ узникамъ поменьше хорошихъ, въ обще-принятомъ смыслѣ этого слова, людей, поменьше „воиновъ“ и „пастырей“, несоотвѣтствующихъ духу, потребностямъ нашего времени, а побольше дѣятелей, хотя-бы и безнравственныхъ, и злыхъ, и несимпатичныхъ, но которые были-бы способны, подъ властнымъ окликомъ свыше, проникнуться идеей азбучной, логической справедливости по отношенію къ гибнущему ближнему, въ видахъ что̀-ли, общегосударственнаго интереса и цѣлесообразности тѣхъ или другихъ мѣропріятій, даже безъ уклоненій въ области отвлеченной морали, науки, религіи и проч?!...

А при моемъ настроеніи, параллели (и выводы изъ нихъ) все напрашиваются на умъ, все возникаютъ сами собою..

Читаю, напримѣръ, въ газетахъ, что „на второй смотръ потѣшныхъ“, въ текущемъ, 1912 году, собрали со всѣхъ концовъ Россіи, при томъ самыхъ даже отдаленныхъ, лѣтомъ, до 8½ тысячъ ребятишекъ и подростковъ—и прихожу въ смущеніе... Съ ними чуть-ли не парадировали, бросивъ нужды русской школы, четыре попечителя учебныхъ округовъ. На парадѣ былъ самъ Министръ народнаго просвѣщенія...

Дѣти продѣлывали нездоровые фокусы, достойные цирковыхъ акробатовъ. На нѣкоторыхъ безсердечно, безумно навьючили полную походную амуницію. За мальчиками, почему-то, дефилировали церемоніальнымъ маршемъ и дѣвочки... Въ строю смѣшно толкались педагоги изъ провинціи, штатскіе, съ отвислыми животами... Какъ много, вѣроятно, въ средѣ дѣтей, подорваннаго здоровья, разбитыхъ, уязвленныхъ самолюбій! Какое ненормальное средство заманиванія въ военную сферу!!... Надо же было здоровый, полезный спортъ обратить въ подобное, сплошное недоразумѣніе!!.

Но не говоря уже о томъ, на сколько вообще вредно, анти-гигіенично, нехорошо отрывать дѣтей отъ ихъ заслуженнаго ими послѣ занятій въ школѣ, отдыха по имѣньямъ и деревнямъ, чтобы тащить въ жаркую погоду, въ виду надвигающейся холеры, въ переполненныхъ зараженныхъ вагонахъ, для смотра, несомнѣнно въ ущербъ ихъ нравственности, прививая къ нимъ нездоровую, несвойственную возрасту ихъ, идею уставного милитаризма,—мнѣ невольно мерещатся уже казенныя

сбереженія, если-бы расходы на эту поѣздку пошли-бы на дѣтей того-же русскаго народа, въ солдатскомъ мундирѣ, сидящихъ по гауптвахтамъ...

Невольно думается мнѣ также, что военное вѣдомство, замѣшанное въ эту игру въ солдатики, мода на которую скоро падетъ у насъ, какъ падаетъ уже и за границей, отвлечено на неподобающій прямому назначенію его путь и несомнѣнно въ ущербъ прямымъ его задачамъ, хотя-бы... по осуществленію реформъ военно-карательныхъ учрежденій (въ томъ числѣ и главныхъ гауптвахтъ).

И когда, не такъ давно, прочелъ я, въ газетахъ, сообщеніе о приказахъ по военнымъ округамъ, гдѣ говорится о томъ, чтобы корпусные командиры обратили вниманіе и оказали полное содѣйствіе гражданскимъ учебнымъ заведеніямъ—предоставленіемъ имъ инструкторовъ, помѣщеній, музыки, и т. п., такъ какъ наблюдается, яко-бы, что не вездѣ строевое обученіе въ учебныхъ заведеніяхъ получаетъ должное, въ интересахъ арміи, развитіе, когда въ тѣхъ-же округахъ, на оффиціальныхъ смотрахъ, вслѣдъ за нижними чинами, съ ружьями проходятъ мимо командующихъ войсками, церемоніальнымъ маршемъ, и дѣти мѣстныхъ пріютовъ и учебныхъ заведеній, а штабамъ округовъ поручается озаботиться сношеніями на счетъ ихъ съ учебнымъ и инымъ гражданскимъ начальствомъ, то вспомнилъ, съ тоскою, что не отдалъ-же до сихъ поръ, на сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ изъ командующихъ войсками, приказа, который обратилъ-бы вниманіе строевого элемента на удручающее, безнравственное, безбожное, подрывающее дисциплину, убивающее духъ воинскій, состояніе главныхъ (да и отдѣльныхъ частей войскъ) гауптвахтъ округа!

Есть-ли время штабамъ округовъ думать о заключенныхъ, когда на нихъ навалили чуждую арміи обузу—въ видѣ кучи ребятъ разнаго возраста!!.

До „потѣшныхъ“ ли намъ и потѣхи вообще на почвѣ военной службы, когда вотъ сейчасъ телеграфъ принесъ извѣстіе о вооруженномъ, кровавомъ, безумномъ бунтѣ саперъ въ Туркестанскихъ баталіонахъ, когда то тамъ, то тутъ, по отдѣльнымъ вспышкамъ революціоннаго духа въ арміи, можно догадаться, что враги нашего государства не дремлютъ, а, по-прежнему, стараются расшатать ея основы, какъ главнаго оплота нашей государственности?!....

Читая умо-помрачающія подробности объ этомъ сумбурномъ происшествіи, невольно спрашиваешь себя: да что-же дремали тамъ, на окраинѣ, начальство, духовенство? Не отвлечено-ли все это было на забаву съ какими-нибудь потѣшными?!. А, главное, правильно-ли было поставлено духовное, нравственное, въ духѣ преданности основамъ нашего государственнаго строя, воспитаніе нижнихъ чиновъ, или все ограничивалось только—внѣшнимъ, смотровымъ, показнымъ?!.

Вотъ гдѣ мерещатся мнѣ прямые результаты того ненормальнаго, импотентнаго состоянія, въ которое приведено вѣдомство военно-судебное, лишенное, внѣ исполненія прямыхъ его служебныхъ обязанностей, возможности духовно слиться съ арміей, вліять на развитіе разумной, не только показной, но сознательной дисциплины, на при-

витіе чувства законности въ нижнихъ чинахъ, знанія, пониманія закона и т. п.

Невольно чувствуется, что нижніе чины, поднявшіе оружіе противъ своего начальства, были лишены, въ то-же время, настоящаго вліянія такихъ духовныхъ пастырей, которые, нося рясы, были-бы по духу, по дѣятельности ихъ, и воинами...

Бывало, во время моей службы въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, постоянно удручаемый мыслью о нашихъ гауптвахтахъ (главныхъ и отдѣльныхъ частей войскъ), едва попадало мнѣ въ руки дѣло съ революціонной подкладкою, закапывался я въ біографіи обвиняемыхъ и прежде всего, по выпискамъ изъ журналовъ взысканій, изучалъ исторію ихъ дисциплинарной и иной наказуемости въ прошломъ, заставлявшей ихъ дѣлаться насельниками гауптвахтъ. Иногда, путемъ подобнаго изученія, передо мною рисовалась ясная картина паденія въ нижнемъ чинѣ вѣры въ Бога, насажденія въ немъ ненависти къ начальству, критицизма въ отношеніи существующихъ въ государствѣ и арміи порядковъ и проч.,—именно благодаря той школѣ разврата всяческаго рода, черезъ которую прошелъ онъ, посидѣвъ на гауптвахтахъ.

И теперь, вчитываясь въ подробности Туркестанскаго возмущенія, я невольно спрашиваю: да въ какомъ положеніи тамъ, на нашей далекой окраинѣ, гауптвахты, и не въ этихъ-ли послѣднихъ получили отрицательную подготовку бунтари, вернувшись въ часть и отравивъ духовно, заразивъ и другихъ товарищей?!.

Въ газетахъ пришлось вѣдь прочесть, что одинъ изъ обвиняемыхъ по Туркестанскому позорищу, на судѣ сознался въ томъ, что онъ и другіе его товарищи скопомъ обдумывали бунтъ, убійства начальниковъ и проч., „сидя на гауптвахтѣ“.

Снова—яркая иллюстрація къ тому, что сказано мною въ этой книгѣ...

Такъ и рисуешь себѣ браваго часового у дверей общей камеры гауптвахты, прекрасно вызубрившаго по уставу о службѣ въ гарнизонѣ свои обязанности, комендантское управленіе, караулы, начальство, съ тѣмъ же уставомъ въ рукахъ, блюдущіе лишь внѣшніе, окарауливающіе порядки... А въ самой камерѣ, благодаря полному игнорированію духа жизни заключенныхъ, безнаказанно ведутся, между тѣмъ, переговоры среди низшихъ представителей арміи о ниспроверженіи существующаго порядка Россіи... ..

Вотъ, напримѣръ, что читаю, на дняхъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ „полковые театры“:

„Въ недалекомъ будущемъ, какъ сообщаетъ „П. Л.“, въ военное министерство будетъ внесенъ проектъ объ устройствѣ театровъ при каждомъ полку. Объ этомъ въ военныхъ сферахъ давно уже говорятъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, съ разрѣшенія высшаго начальства, уже ставятся спектакли, „лицедѣями“ которыхъ являются нижніе чины. Спектакли пользуются успѣхомъ у нижнихъ чиновъ, которые, кстати сказать, весьма рьяно относятся къ нимъ. Проектъ полковыхъ театровъ разрабатывается однимъ виднымъ генераломъ, зани-

мающимъ отвѣтственный постъ въ военномъ министерствѣ. Весьма видное мѣсто въ проектѣ удѣлено репертуару полковыхъ театровъ. Будутъ ставиться преимущественно пьесы изъ военной жизни, а также драмы и комедіи извѣстныхъ русскихъ и даже иностранныхъ писателей. А исполнителями, по проекту, должны быть исключительно военные, начиная отъ нижнихъ чиновъ до фельдфебелей включительно. На первое время предполагается устроить полковые театры въ большихъ городахъ, гдѣ въ техническомъ отношеніи это доступнѣе, а впослѣдствіи подобные театры будутъ устраиваться при каждомъ полку. Проектъ, послѣ одобренія его военнымъ министерствомъ, будетъ затѣмъ переданъ въ Совѣтъ Министровъ."

Кто будетъ, опять-таки, спорить о значеніи, пользѣ „солдатскаго театра". Но это явленіе было радостнымъ, до тѣхъ поръ, пока, исходя изъ потребностей низшей воинской среды, возникало само собою, естественно, при томъ не отвлекая отнюдь служащихъ отъ ихъ прямыхъ священныхъ, воинскихъ обязанностей, не обращаясь въ нѣчто служебное...

А когда вдумаешься въ только что приведенную замѣтку, когда, на основаніи житейско-служебнаго опыта, представишь себѣ заранѣе части войскъ, въ которыхъ совьютъ себѣ прочныя, по приказу высшаго начальства, гнѣзда солдатскіе спектакли, ротныхъ-же командировъ, другихъ офицеровъ и фельдфебелей начнутъ отвлекать отъ прямыхъ ихъ обязанностей игрою въ театръ, когда нарисуешь себѣ будущую картину карьеризма, конкуренціи на почвѣ воинскаго „лицедѣйства", когда, наконецъ, станетъ выясняться та масса казенныхъ денегъ, воинскихъ талантовъ, времени и проч., которая неминуемо отхлынетъ на эту нездоровую затѣю, то невольно откроется, куда уходятъ подчасъ и средства, и силы, и энергія на современной военной службѣ, и почему нѣтъ ничего подобнаго, не хватаетъ на осуществленіе иныхъ кровныхъ, насущныхъ, воинско-духовныхъ нуждъ арміи...

Если сообщенное газетой не утка, не пробный шаръ, то нельзя не ужаснуться и тому, что надъ проектомъ подобной забавы въ потѣ лица трудится отвлекаемый, отъ болѣе серіозныхъ вопросовъ службы, „видный генералъ, занимающій даже *отвѣтственный* постъ въ военномъ министерствѣ"; что подобная нездоровая, прямо вредная для арміи, идея охватила уже „военныя сферы" (надо думать высшія, Петербургскія), въ которыхъ о ней усиленно говорятъ; что проектъ ждетъ только одобренія его военнымъ министерствомъ для того, чтобы быть переданнымъ далѣе—въ еще болѣе высшія слои бюрократіи —въ Комитетъ Министровъ...

Никого, повидимому, не поражаетъ, при этомъ, очевидная несообразность: затѣя носитъ въ себѣ, къ слову сказать, такой чудовищный абсурдъ, какъ намѣреніе заставить нашего солдатика, взятаго на службу изъ-подъ сохи, съ фабрики, съ бичевника,—ломать „драмы и комедіи не только „извѣстныхъ русскихъ писателей", но даже и „писателей иностранныхъ"...

Что-же! Можно заранѣе предсказать полный успѣхъ этому „штатскому" предпріятію, разъ оно будетъ совершать свой путь въ нѣдра

арміи съ благословенія высшихъ сферъ, военнаго министерства, изъ-подъ пера какой-то военной „особы", у которой къ услугамъ, надо думать, и связи, и ходы, и способы осуществить свою фантазію... Пожалуй мы доживемъ до поры, когда солдаты наши запоютъ (т. е. лучше сказать, завóютъ, заревутъ) подъ акомпаниментъ воинскихъ оркестровъ, цѣлыя оперы и оперетки... Лишь-бы начало было положено...

Но развѣ не правъ я, читая замѣтку о „полковыхъ театрахъ", лишній разъ вспомнивъ моихъ гауптвахтныхъ узниковъ, далекихъ вмѣстѣ со мною отъ такого рая, воскликнуть: „Ахъ, если-бы для нихъ нашлись и подобная вліятельная „особа", и подобное сочувствіе военнаго министерства, и такой, повидимому, заранѣе подготовляемый, тріумфальный успѣхъ въ высшихъ сферахъ!!...."

Сооружается въ Вильнѣ новый грандіозный православный храмъ на средства имянитаго Московскаго купца И. А. Колесникова, который будетъ стоить болѣе двухъ-сотъ тысячъ рублей,—сооружается въ связи съ юбилеемъ дома Романовыхъ, съ именемъ знаменитаго отечественнаго дѣятеля кн. Константина Острожскаго...

Кто-же скажетъ что-либо противъ щедраго жертвователя, противъ того, что каждый новый храмъ въ Вильнѣ, да еще связанный съ подобными историческими воспоминаніями,—новый шагъ къ упроченію на окраинѣ русскаго дѣла. Скоро окончится величественная постройка, а звукъ огромнаго колокола понесетъ далеко за предѣлы Вильны и славу о приснопамятномъ жертвователѣ, и вѣсть о томъ, что центръ Россіи, сердце ея, Москва, по-прежнему, въ силу историческихъ традицій, не забываетъ милостями своими, поддержкой, наши окраины.

Можно-ли такому явленію не радоваться, особенно въ наши дни, когда и вѣра гаснетъ, и сатана повсюду торжествуетъ?!.

А невольно, въ то-же время, приходитъ мнѣ на умъ, соображеніе, что не нашелся-же до сихъ поръ другой такой-же Московскій благотворитель Колесниковъ, который-бы явился къ военному министру и положилъ-бы другія двѣсти тысячъ рублей на его столъ, сказавъ, что жертвуетъ ихъ, какъ фондъ, конечно, на извѣстныхъ условіяхъ, въ капиталъ по постройкѣ по всей Россіи новыхъ зданій для главныхъ гауптвахтъ...

Я увѣренъ, что сумѣй военное министерство вó-время поклониться, какъ слѣдуетъ тому-же г. Колесникову, другимъ Московскимъ (и не-Московскимъ) русскимъ милліонерамъ-благотворителямъ, нуждами главныхъ гауптвахтъ, покайся оно передъ ними въ своемъ многолѣтнемъ, упорномъ игнорированіи этого вопроса, выверни откровенно свой пустой кошелекъ, да разскажи правдиво, краснорѣчиво, съ имѣющимися въ дѣлѣ, возникшемъ по почину моему, документами, исторію этихъ учрежденій, ихъ современный упадокъ и нужды, главнымъ образомъ, зависящіе отъ недостачи средствъ, нарисуй, хотя-бы устами о. протопресвитера военнаго и морского духовенства, на сколько жертва, данная на подобное начинаніе, и угодна будетъ Богу, и соотвѣтствуетъ заповѣдямъ Христа, и важна для государства,—то развѣ можно хоть минуту колебаться въ томъ, что не посы-

пались-бы деньги и на эту неотложную потребность военнаго вѣдомства?!.

Быть можетъ купецъ Колесниковъ отсыпаль-бы тогда 200 т. рублей не на храмъ (въ Вильнѣ церквей и безъ того, по нуждамъ православнаго населенія, достаточно), а на постройку новыхъ зданій для Виленской и для другихъ гауптвахтъ, которыя на вѣки можно было-бы молитвенно, благодарно связать, по Высочайшему повелѣнію, съ именемъ его-же, Колесникова...

Неужели военное министерство не могло додуматься хотя-бы до подобнаго простого разрѣшенія сложнаго вопроса?

Или оно придерживается позиціи, взглядовъ коменданта, мною уже упоминавшагося, который считалъ, что русскій солдатъ не нищій, что, поэтому, онъ въ подаяніи не нуждается?!.

Развѣ не ложь на Россію,—увѣрять, что, яко-бы, у насъ нѣтъ ни людей, ни средствъ?!.

И тѣ и другія имѣются, даже въ избыткѣ. Только сами-то мы не умѣемъ, не желаемъ ни искать, ни просить, ни кланяться...

А вотъ я думаю настоящую книгу мою разослать и по русскому имянитому купечеству: авось откроетъ она глаза нашимъ благотворителямъ и укажетъ имъ еще на одинъ благородный, благодатный, Христолюбивый способъ—придти на помощь страждущему ближнему...

Сейчасъ вотъ попалась мнѣ на глаза газетная замѣтка съ напечатаннымъ огромными буквами заглавіемъ „Новый военно-автомобильный пробѣгъ", въ которой говорится о чемъ-то „грандіозномъ", долженствующемъ затмить только что прошедшее передъ нами явленіе, подобнаго-же рода...

Какъ видите, не успѣли еще отправиться въ новое путешествіе, какъ уже оповѣщаютъ о томъ весь цивилизованный міръ—точно о чемъ-то, отъ чего зависятъ су́дьбы русскаго народа!..

И „пробѣгутъ", и покроютъ себя славой, и получатъ благодарности, и усыплютъ дорогу казенными денежками...... А сколько снова будетъ выпито шампанскаго да ухлопано на встрѣчи, проводы, обѣды и закуски!!.

Вотъ куда уходятъ и военные таланты наши, и силы, и средства!...

Конечно и опыты съ автомобилями нужны... Но... Къ чему-же „стулья ломать"?!...

Вернемся, однако, къ удручающему меня письму ген. Шебеко ..

Итакъ, не измѣнивъ ничего въ корнѣ относительно военно-карательныхъ учрежденій, не заручившись солиднымъ, единовременнымъ отпускомъ казны, стоило-ли заботиться о мелочахъ?!.

Нечего быть пророкомъ для того, чтобы предсказать, что подобный, безпочвенный, поверхностный, лишенный средствъ и неодухотворенный общей идеей, опытъ, вызоветъ лишь недовѣріе и совершенно понятный критицизмъ прежде всего со стороны строевого элемента...

Прямо, опять-таки. ужасаетъ нездоровая, страшная мысль—подчинить дисциплинарныя части и военныя тюрьмы, какъ сказано въ письмѣ, „на мѣстахъ сихъ заведеній предсѣдателямъ военно-окружныхъ судовъ".

Право, это звучитъ для меня какой-то канцелярской отпискою, а то и насмѣшкой, напримѣръ, въ отношеніи хотя-бы военно-карательныхъ учрежденій Виленскаго военнаго округа, положеніе которыхъ мнѣ болѣе или менѣе знакомо...

Слѣдуетъ замѣтить, что военно-окружный судъ находится въ Вильнѣ, гдѣ нѣтъ ни одного такого заведенія; а всѣ они—разбросаны по округу, при томъ въ большомъ разстояніи отъ Вильны. Хорошо прозвучитъ здѣсь фраза—„подчиненіе на мѣстахъ сихъ заведеній"!!.

Само-собою разумѣется, что возложить, напримѣръ, на предсѣдателя этого суда подобную непосильную, сложную обузу—значитъ неминуемо свести все къ канцелярскому, лишь бумажному, отчетному, мертвому отношенію къ дѣлу.

Не говоря уже о томъ, что принципіальный взглядъ на каждаго предсѣдателя, какъ на завѣдомо-годнаго для подобной, совершенно новой, скажу по опыту, гигантской работы (если, конечно, относиться къ вопросу серіозно), только указываетъ на силу штабныхъ, канцелярскихъ, шаблонныхъ и иныхъ нездоровыхъ традицій. А гдѣ-же въ военно-судебномъ вѣдомствѣ такіе спеціалисты по сложнымъ, отвѣтственнымъ задачамъ тюрьмовѣдѣнія?

Создать ихъ до сихъ поръ вѣдь не озаботились... А сами они не родятся готовыми...

Гдѣ тотъ престижъ вѣдомства, при которомъ только и можно было-бы придать подобному назначенію извѣстную авторитетность?!.

Цѣлыя десятилѣтія воспитывали вѣдомство въ направленіи самоуниженія, обезличенія, всяческаго избѣжанія вмѣшательствъ въ дѣла, въ сферу чужихъ вѣдомствъ, учрежденій, довели его до боязни столкновеній, убили въ немъ способность громкаго, самостоятельнаго высказыванія своихъ мнѣній и взглядовъ, а тутъ, такъ сказать, робко выдвигаютъ его-же на боевую, отвѣтственную позицію какого-то контролера, наставника, чуть не начальства!!

Или, вслѣдъ за привлеченіемъ къ подобной дѣятельности, имѣются въ виду секретныя и несекретныя инструкціи съ рекомендаціей держать себя „ниже травы, тише воды?!..."

Въ Вильнѣ недавно еще, въ качествѣ предсѣдателя, сидѣлъ, доживая свой вѣкъ, дряхлый, больной, уставшій генералъ, совершенный ребенокъ—по части подобныхъ вопросовъ, которому едва подъ силу было справляться съ его прямыми служебными обязанностями. А тутъ вздумали-бы ему то, немогущему, по состоянію здоровья, вообще дѣлать поѣздки, еще навязать и контроль за нѣсколькими военно-карательными учрежденіями съ ихъ особенной, сложной жизнью, при томъ контроль „на разстояніи!!..." Да вѣдь это звучало-бы насмѣшкой...

Знаю многихъ предсѣдателей другихъ военно-окружныхъ судовъ, которыхъ застало-бы врасплохъ, прямо удручило-бы, поставило-бы въ смѣшное, плачевное положеніе, по его новизнѣ и физической невыполнимости, подобное порученіе...

Конечно, и подчиненіе такихъ предсѣдателей по отношенію къ новымъ, такъ сказать, военно-тюремнымъ ихъ обязанностямъ, Начальнику Главнаго Военно-Суднаго Управленія (т. е. тоже на огромномъ

разстояніи), окажется, опять-таки, канцелярской фикціей, напрасной тратой времени и казенной бумаги...

Но, признаться, не всѣ эти, давно мнѣ извѣстныя, давно наскучившія, какъ повтореніе одного и того-же канцелярски-штабного мотива, новшества, смутили мою душу, а общій взглядъ Главнаго Военно-Суднаго Управленія на то, что мнѣ лично болѣе всего близко и дорого,—на гауптвахты.

Опять сталкиваешься тутъ съ явнымъ непониманіемъ, граничащимъ, въ сущности, съ жестокой несправедливостью.

Видите-ли, въ письмѣ подчеркнуто, въ назиданіе мнѣ, что военно-карательныя учрежденія—одна, молъ, статья, а главныя гауптвахты—статья, совсѣмъ иная, второстепенная, потому, что гауптвахты—лишь мѣста „предварительнаго заключенія" и не могутъ быть приравнены, поэтому, къ заведеніямъ типа военно-карательнаго.

Конечно, Главному Военному Прокурору, какъ и ген. Шебеко, хорошо должно быть извѣстно, какъ это извѣстно, напримѣръ, мнѣ и всѣмъ вообще лицамъ, имѣющимъ дѣло съ главными гауптвахтами, что на послѣднихъ, по неимѣнію вакансій въ спеціальныхъ, военно-карательныхъ учрежденіяхъ, по-прежнему, сидятъ и нижніе чины, по приговорамъ военныхъ судовъ, отбывающіе наказанія, иногда и долгосрочныя.

Разъ-же это такъ, то, какъ я уже на эту сторону вопроса, въ своемъ мѣстѣ, указывалъ, главныя гауптвахты перестали быть давно уже лишь мѣстами „предварительнаго заключенія", а, волей-неволей, обращены въ учрежденія смѣшаннаго типа, въ которыхъ „кадры" преступности составляются главнымъ образомъ изъ отбывающихъ наказаніе.

Получивъ письмо ген. Шебеко, я навелъ сейчасъ-же справку въ томъ-же Виленскомъ комендантскомъ управленіи—о числѣ фактически отбывающихъ на мѣстной главной гауптвахтѣ наказаніе по приговорамъ военныхъ судовъ.

При этомъ оказалось, что въ то время, какъ, по мнѣнію Главнаго Военно-Суднаго Управленія, и эта гауптвахта должна быть причислена къ мѣстамъ лишь „предварительнаго заключенія", къ 13-му апрѣля, т. е. когда было получено мною письмо, на ней отбывали наказаніе въ общихъ камерахъ 20 человѣкъ, присужденныхъ къ заключенію въ военной тюрьмѣ. Если принять во вниманіе среднюю цифру всѣхъ узниковъ въ 60 человѣкъ, то, значитъ,—третья часть гауптвахты была тюрьмою.

Черезъ мѣсяцъ изъ этихъ 20-ти человѣкъ продолжало отбывать то-же наказаніе—18-ть человѣкъ, т. е. опять-таки треть всѣхъ узниковъ.

Скажите, пожалуйста, развѣ это не настоящая военная тюрьма?!...

Развѣ можно закрывать глаза на то, что хотя остальные 40 человѣкъ и могутъ быть причислены, придерживаясь оффиціальныхъ терминовъ, къ находящимся подъ „предварительнымъ заключеніемъ", но вѣдь, все-же, и такой видъ лишенія свободы, есть, какъ тамъ ни философствуй, а „заключеніе", мѣсто-же, предназначенное для этого, ничто иное, какъ та-же темница.

Если-же отбывающіе наказаніе на гауптвахтѣ, какъ въ тюрьмѣ, сидятъ вмѣстѣ съ тѣми, кто не осужденъ, если эти, несудимые еще, такимъ образомъ, подвержены тюремному режиму, то можно-ли на гауптвахту смотрѣть иначе, какъ не на сплошную тюрьму?

Кромѣ состоящихъ подъ дознаніемъ, слѣдствіемъ, судомъ, на Виленской главной гауптвахтѣ сидятъ вѣдь и отбывающіе арестъ въ видѣ дисциплинарнаго наказанія.

Но, скажите, пожалуйста, развѣ они не лишены свободы? Развѣ на мѣсто, гдѣ они находятся, не слѣдуетъ смотрѣть, поэтому, какъ на темницу? И развѣ этотъ видъ узниковъ отнимаетъ у гауптвахты ея обще-тюремный характеръ?!.

Не надо забывать, что тутъ-же, на гауптвахтѣ, задерживаются, впредь до отправленія ихъ по назначенію, или въ виду обжалованія приговоровъ, и такіе субъекты, которые осуждены на каторгу, въ исправительныя арестантскія отдѣленія, на ссылку въ Сибирь,—съ лишеніемъ воинскаго званія... Развѣ они одни не обращаютъ ее въ тюрьму?!...

Въ одной изъ предыдущихъ главъ я говорилъ о томъ, что главная гауптвахта должна быть лишена этого тюремнаго характера и являться лишь казармой съ рѣшотками.

Но вѣдь этого нѣтъ, да это пока и немыслимо, въ виду всего, только что сказаннаго.

Если-бы Главное Военно-Судное Управленіе дало себѣ трудъ навести справку относительно этого вопроса по всей Росіи, то получило-бы весьма крупныя, общія цифры, неумолимо указывающія на отрицательную дѣятельность главныхъ гауптвахтъ, именно какъ военно-карательныхъ учрежденій, длящуюся, при томъ, уже многіе годы.

Если-бы оно дало себѣ трудъ еще глубже заинтересоваться даннымъ вопросомъ, обратившись за соотвѣтствующими справками хотя-бы въ комендантскія управленія всей Россіи, то услышало-бы энергичные протесты, искреннія проклятія, жалобы начальства относительно подобнаго, насильственнаго, противоестественнаго, сумбурнаго втискиванія военно-карательныхъ учрежденій въ совершенно неприспособленныя къ тому мѣста предварительнаго заключенія...

Наконецъ, справкой, хотя-бы въ Петербургѣ, у научныхъ авторитетовъ по тюрьмовѣдѣнію, Управленіе убѣдилось-бы въ томъ, что подобнаго явленія нѣтъ ни въ одномъ изъ цивилизованныхъ государствъ Европы (я не знакомъ съ тѣмъ, что творится въ Азіи); что оно, такое смѣшеніе, и нелогично, и ненаучно, и незаконно, и несправедливо и, конечно, не можетъ быть оправдываемо какими либо практическими, тѣмъ болѣе финансовыми, соображеніями.

Быть можетъ, тогда и Главное Военно-Судное Управленіе ужаснулось-бы тому, что военное вѣдомство, съ вѣдома вѣдомства военно-судебнаго, обративъ гауптвахту въ крѣпость, тюрьму, дисциплинарный баталіонъ, не только ничего до сихъ поръ не сдѣлало—въ смыслѣ прекращенія подобнаго вопіющаго зла и непорядка, не приняло мѣръ къ тому, чтобы въ военно-карательныхъ учрежденіяхъ всегда имѣлись-бы свободныя вакансіи, но какъ-бы даже узаконило надолго бросающійся въ глаза абсурдъ и непорядокъ, точно не видя здѣсь

ничего ненормальнаго, питая тѣмъ въ арміи нездоровые взгляды на мѣста заключенія вообще.

Само собою разумѣется, что я отбрасываю въ сторону ничего незначущую игру въ термины, названія, какъ полемическій пріемъ, недостойный серіозности вопроса, какъ способъ игры словами...

Тѣмъ не менѣе, Главное Военно-Судное Управленіе увѣряетъ-же меня, устами генерала Шебеко, что о моихъ главныхъ гауптвахтахъ вспомнятъ „лишь по упорядоченіи военно-карательной системы въ полномъ ея объемѣ...“

Значитъ, снова на сценѣ лозунгъ генер. Куропаткина—„терпѣніе, терпѣніе“, хотя, на собственныхъ бокахъ мы, русскіе, знаемъ, къ чему онъ, этотъ кличъ, столь недавно еще, привелъ нашу бѣдную Родину... Что-же... Покориться? Ждать? Все надѣяться?!.. Но на кого, на что?!..

А такъ какъ пока еще намѣченъ лишь проектъ (какъ гласитъ письмо ген. Шебеко), при-томъ „частичнаго упорядоченія режима“, о полномъ-же упорядоченіи всей карательной системы, въ виду, проклятаго отсутствія казенныхъ средствъ, нечего пока, конечно, и думать, средствъ-же этихъ у насъ, въ военномъ быту, какъ извѣстно, никогда нѣтъ для подобныхъ, научно-гуманитарныхъ преобразованій. то, значитъ (дѣлаемъ логическій выводъ изъ всего сказаннаго)—и судьба главныхъ гауптвахтъ покрыта, какъ говорится. „мракомъ неизвѣстности“, при томъ, на неопредѣленное, безконечное число лѣтъ...

Это-ли не ужасъ?!..

Развѣ не ужасъ, что снова весьма важный вопросъ нравственнаго, бытового порядка,—вопросъ, который касается всего военно-судебнаго вѣдомства очевидно не захватилъ ни на мгновеніе этого вѣдомства цѣликомъ, а выросъ лишь на нездоровой почвѣ Петербургскихъ военныхъ управленій и канцелярій, питаясь ядовитыми ихъ соками и разрѣшаясь въ сумракѣ секретовъ, тайнъ, на бумагѣ, въ тиши кабинетовъ?!.

Надо-ли удивляться, послѣ сообщеннаго, что за десять лѣтъ онъ разбухъ до неестественныхъ размѣровъ, и, тѣмъ не менѣе, не дозрѣвъ, преждевременно, повидимому, умираетъ, если уже не умеръ?!..

Та точка замерзанія, на которой застрянетъ теперь вопросъ о коренныхъ преобразованіяхъ военно-тюремной системы прежде всего и лишній разъ характеризуетъ современное положеніе такъ называемаго—„военно-судебнаго вѣдомства“.

Повторилась буквально та-же исторія, что со мной, боровшимся единолично, въ мундирѣ военно-судебнаго дѣятеля, за главныя гауптвахты...

Военно-судебное вѣдомство, въ лицѣ Главнаго Военно-Суднаго Управленія, какъ и я, получило давно-давно порученіе военнаго министра,—разработать вопросъ,—и приложило свои силы для возможно болѣе точнаго, благотворнаго разрѣшенія вопроса.

Но вотъ появились на сцену штабные и иные „винтики“, имѣющіе особое сужденіе о вопросѣ, въ пониманіи котораго они невинны, какъ новорожденные младенцы, и тѣмъ не менѣе, желающіе показать

свою силу,—и работа, начатая убѣжденно, стала сводиться „на-нѣтъ", къ праздному бумагомаранію...

А такъ какъ разъ начатое, по приказу военнаго министра, дѣло, нельзя-же было, какъ-то непристойно, неловко, сразу обрекать на сонъ и гибель, то, вѣроятно, насталъ моментъ, когда, подъ вліяніемъ этихъ неуловимыхъ, загадочныхъ „винтиковъ", военно-судебному вѣдомству (какъ нѣкогда и мнѣ) предложено было невыполнимое порученіе: въ виду, молъ, пустоты въ военно-казенномъ денежномъ ящикѣ,—указать, при томъ сейчасъ, что-же можно сдѣлать безъ значительныхъ затратъ казны?

Подобное порученіе, если не смахивало на затаенную насмѣшку въ вопросѣ, гдѣ именно государство, ничего почти нетратившее въ теченіе ряда лѣтъ, для достиженія какихъ-либо осязательныхъ результатовъ, должно было-бы сдѣлать сразу огромныя затраты, то требовало отъ простыхъ смертныхъ чуть-ли не чуда—въ родѣ Евангельскаго насыщенія пятью хлѣбами пяти тысячъ человѣкъ...

Такъ какъ ничего подобнаго забитое, обезличенное, униженное „вѣдомство" наше сдѣлать, конечно, не могло, то оно, покоряясь силѣ и порядку вещей, какъ и я, пошло, вѣроятно, на неизбѣжный, въ данномъ положеніи, компромиссъ, остановившись до времени на частичныхъ, убогихъ, но за то вполнѣ дешевыхъ, реформахъ,—оставивъ въ сторонѣ главный ужасъ вопроса, т. е. всю, никуда негодную, карательную систему...

Получилось, само собою разумѣется, нѣчто ненаучное, однобокое, робкое, жалкое, далекое отъ истинныхъ нуждъ военно-карательныхъ учрежденій арміи, государства, хотя до крайности дешевое и канцелярски-удобоисполнимое.

Теперь видимо начнется новый періодъ терзаній несчастнаго, подначальнаго Главнаго Военно-Суднаго Управленія — безконечное топтаніе на одномъ мѣстѣ, въ чаяньи какой-либо благопріятной перемѣны въ высшемъ управленіи военнаго Министерства, Главнаго, Генеральнаго Штаба, при властныхъ окликахъ изъ высшихъ военныхъ сферъ—на напоминанія: „Денегъ нѣтъ!"... „Денегъ нѣтъ!"... „Куда вы лѣзете со своими арестантами?!"...

За три года моей отставки я совершенно отсталъ отъ тѣхъ теченій, которыя въ это время существовали въ вѣдомствѣ и не знаю, на чемъ послѣднее въ данную минуту остановилось, какіе типы въ немъ преобладаютъ, каковы требованія, къ военно-судебнымъ дѣятелямъ нынѣ предъявляемыя строевымъ элементомъ и т. п. Все, что сказано въ этой книгѣ о вѣдомствѣ, какъ нетрудно убѣдиться изъ текста ея относится къ прошлому.

Надо думать, что съ прекращеніемъ россійской смуты и со вступленіемъ государства, вложившаго мечъ свой въ ножны, на прежній путь мирнаго времени, пали, сами собой, и тѣ давленія, вліянія, разъясненія и пр., которыя исходя изъ Петербурга, такъ испугали, въ свое время, меня и, при моей мнительности, заставили уйти со службы, а о дѣлахъ, по которымъ утверждались-бы приговоры со смертными казнями, слышно все рѣже и рѣже... Кончились, по этому, вѣроятно, и случаи карьеризма съ помощью дѣлъ особаго рода,

отъ которыхъ пахнуло смертельнымъ пóтомъ и кровью... Героямъ этого типа ничего не остается теперь, какъ замаливать свои, вольныя и невольныя, прегрѣшенія и догадаться уйти изъ той среды, на которую, благодаря имъ наложенъ несправедливый отпечатокъ......

Но только что разобранный мною отвѣтъ Главнаго Военно-Суднаго Управленія указываетъ, однако, на то, что, несмотря на всѣ эти отрадные признаки, общее положеніе вѣдомства не измѣнилось, въ существѣ своемъ, нисколько.

Нервъ арміи въ лицѣ военно-суднаго вѣдомства, видимо, по-прежнему, остается пораженнымъ и не играетъ той роли, которую долженъ-бы былъ играть въ общей жизни ея организма...

Не отсюда, не изъ Главнаго Военно-Суднаго Управленія, ждать, поэтому, и прекращенія гауптвахтнаго позорища—на началахъ Евангелія, науки, морали, закона Милютинской эпохи...

А тайные, враждебные нашему государственному строю, элементы, какъ мы въ томъ убѣждаемся хотя-бы по Туркестанскому лагерному возмущенію, конечно, не дремлютъ, только временно притихли и радостно апплодируютъ изъ своихъ подполій, видя олимпійское спокойствіе или импотенцію военныхъ верховъ по отношенію къ вопросу, многіе годы высасывающему въ изобиліи здоровые соки нашей арміи...

Подводя итогъ всему, сказанному въ настоящемъ трудѣ моемъ. необходимо придти къ тому выводу, что военное вѣдомство (Военное Министерство, Главный Штабъ, Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, строевой элементъ арміи, военное духовенство, военно-медицинскій персоналъ, наконецъ вѣдомство военно-судебное) оказалось неспособнымъ провести, само по себѣ, великую, справедливую, насущно - неотложную реформу военно-карательныхъ учрежденій и тѣсно, духовно съ ними связанныхъ, главныхъ и иныхъ гауптвахтъ Россіи.

Въ число основныхъ причинъ подобнаго явленія, какъ мы видѣли на фактахъ и по документамъ недавняго прошлаго, должны быть поставлены: ненаучное, безразличное, нехристіанское, чиновно-канцелярское отношеніе къ вопросу столь огромной, государственной, общественной, бытовой важности, неумѣнье (или нежеланье?) найти подходящихъ людей и денежныя средства для проведенія въ широкомъ масштабѣ коренныхъ реформъ, а также нравственная атрофія тѣхъ двухъ главныхъ нервовъ, съ помощью которыхъ только и можно было-бы оздоровить, оживить, облагородить, охристіанить, озаконить вышеупомянутыя учрежденія — военно-судебнаго вѣдомства, далеко ушедшаго отъ Милютинскихъ начертаній и завѣтовъ, обезличеннаго, лишеннаго значенія и силы, и военнаго духовенства, обращеннаго въ чиновниковъ 20-го числа.

Несомнѣнную, печальную роль сыгралъ здѣсь и ложный взглядъ на то, что военное вѣдомство, даже въ вопросахъ нравственно-правового порядка,—нѣчто особое, долженствующее жить, не оглядываясь на остальную правящую, мыслящую Россію.

Мы видѣли, также, что на почвѣ подобныхъ ненормальныхъ явленій и принциповъ, по отношенію, напримѣръ, къ главнымъ гауптвахтамъ, выросли такія вопіющія несообразности, какъ:

а) сумбурное, незаконное, противорѣчащее наукѣ, морали, основамъ религіи, пользѣ арміи и общества, смѣшеніе, подъ руководствомъ давно-устарѣвшаго, никуда негоднаго, лишеннаго въ отношеніи къ воинскимъ узникамъ, основной, христіанско-нравственной, руководящей идеи, устава гарнизонной службы,—въ сущности, явно несовмѣстимыхъ элементовъ—военно-карательныхъ учрежденій разнаго типа и мѣста предварительнаго заключенія.

б) Совершенно неподготовленный, къ отправленію своихъ особыхъ обязанностей, несмотря на вышеуказанное обращеніе гауптвахтъ въ мѣста отбытія наказаній преступниковъ, въ отношеніи военныхъ узниковъ—составъ комендантскихъ управленій.

в) „Волокита“ военно-судная и другого рода, благодаря которой на главныхъ гауптвахтахъ образуются все и всѣхъ развращающіе „кадры“ закоренѣлой, погибшей преступности, а также напрасно задерживаются надолго приговоренные уже къ тяжкимъ наказаніямъ, вредные, испорченные элементы.

г) Отсутствіе общей, независимой, научно-авторитетной военно-гауптвахтной инспекціи, которая устраняя всякаго рода тренія между отдѣльными вѣдомствами и учрежденіями, связанными съ судьбою военнаго заключеннаго, разрѣшала-бы всѣ вопросы, сомнѣнія, затрудненія и т. п.

Въ результатѣ-же на современной гауптвахтѣ замѣчается—повторяю это лишній разъ—отсутствіе истиннаго Бога, элементарной нравственности, должныхъ, достаточныхъ средствъ, широкаго пособія и указаній науки, вліянія попечительнаго закона, разумной книги, азбучнаго, христіанскаго милосердія и человѣческаго сострацанія, а царятъ безконтрольно многоначаліе, произволъ личныхъ взглядовъ и настроеній, развратъ—духовный и тѣлесный, отсутствіе всякаго воинскаго порядка, всякой разумной дисциплины, уваженія къ военному мундиру и проч.

Нахожденіе подобныхъ, многочисленныхъ, заразительныхъ, сумбурныхъ, безнравственныхъ элементовъ въ наиболѣе скученныхъ центрахъ арміи, по основаніямъ, подробно изложеннымъ нами въ настоящемъ трудѣ, несомнѣнно вноситъ и нежелательныя, отрицательныя явленія въ самую жизнь арміи, а, значитъ, и въ жизнь народа, подрывая тѣмъ и вѣковые устои нашего православно-правового государства, которые, и безъ того, пытаются обрушить внутренніе враги Родины.

Если книгѣ моей суждено когда-либо дожить до счастья—вызвать оффиціальную провѣрку заявленій моихъ и собираніе свѣдѣній по всѣмъ, затрогиваемымъ ею вопросамъ (такъ какъ имѣющіяся, благодаря усиліямъ моимъ, данныя уже несомнѣнно устарѣли), то легко будетъ фактически убѣдиться въ томъ, что мною не только не сказано ничего, кромѣ неподкрашенной, быть можетъ, лично кому-либо непріятной, и, тѣмъ не менѣе, голой, правды, но что зло еще ужаснѣе, еще болѣе грозитъ Отечеству...

Сами собою, логически, вытекаютъ отсюда роковые вопросы: что-же дѣлать?!.. Какъ устранить несомнѣнное, очевидное несчастіе?!. При какихъ условіяхъ возможно военнымъ узникамъ зажить новой жизнью, а Россію избавить отъ разлагающаго вліянія воинскихъ мѣстъ заключенія и ихъ отбросовъ?!..

Если, дѣйствительно, нѣтъ матеріальныхъ средствъ для желаемаго, полнаго осуществленія реформъ, если, къ тому-же, отсутствуютъ, въ составѣ современнаго намъ военнаго вѣдомства, свои, научныя, авторитетныя силы по вопросамъ тюрьмовѣдѣнія, если онѣ имѣются, но тоже атрофированы, обезличены, спятъ, какъ, напримѣръ, вѣдомства военно-судебное и военно-духовное,—то надо-же, вѣдь, во чтобы то ни стало, добыть эти средства, при томъ не медля, необходимо вызвать приливъ къ дѣлу разрѣшенія даннаго вопроса научныхъ силъ извнѣ, создать такое положеніе, чтобы были использованы и наличныя воинскія средства и силы.

Припомнимъ замѣчательную, сравнительно недавнюю, великую, глубоко-назидательную, эпоху, когда, въ министерство приснопамятнаго дѣятеля гр. Д. А. Милютина, происходила у насъ коренная ломка основъ существованія арміи, вводилась всеобщая воинская повинность, создавалось военно-судебное вѣдомство и все проч.,

имѣвшее тѣсную связь съ обновленіемъ общихъ основъ государственной, народной жизни...

Въ тѣ дни, по инициативѣ Милютина, къ дѣлу обновленія арміи, т. е. воинскаго элемента, до того, тоже, по недоразумѣнію, считавшагося какой-то особою, привиллегированной кастою, были широко, мощно, любовно привлечены не только всѣ высшія гражданскія установленія Родины, такъ или иначе заинтересованныя въ основныхъ вопросахъ реформы, но и отдѣльныя личности изъ тогдашняго общества—замѣчательные ученые, профессора, юристы, спеціалисты по разнымъ отраслямъ знаній и другія лица, голосъ которыхъ могъ принести мало-мальскую пользу.

Въ лицѣ Милютина военное вѣдомство, т. е. военно-мундирная Россія, скромно, просительно поклонилось тогда остальной правящей, мыслящей, чувствующей, авторитетной, такъ сказать, „штатской" Россіи, не стыдясь каяться въ прошлыхъ грѣхахъ, раскрывать всенародно свои язвы и сознаваться въ невѣжествѣ по множеству вопросовъ, памятуя лишь общую, государственную выгоду Родины да волю своего Государя, проводникомъ которой являлся военный министръ.

На страницахъ русской исторіи, какъ мы знаемъ, занесены уже результаты подобнаго подвига великаго, государственнаго человѣка, бывшаго прежде всего гражданиномъ, патріотомъ, а. затѣмъ уже, высшимъ представителемъ арміи, являвшагося врагомъ всяческой канцелярщины, волокиты, шаблоновъ, вредныхъ традицій и мощнымъ другомъ полезной, прогрессивной инициативы...

Не мѣшало-бы, поэтому, и намъ, въ примѣненіи къ данному, чисто спеціальному, военному вопросу—о военно-карательныхъ учрежденіяхъ и гауптвахтахъ Россіи, пойти по слѣдамъ этого яснаго, созидательнаго ума, благороднаго сердца, исключительныхъ научныхъ дарованій и любви къ Родинѣ.

Представимъ-же себѣ, что сдѣлалъ-бы Милютинъ или другой военный министръ его характера, его духовнаго, идейнаго размаха, принциповъ, если-бы вдругъ сталъ-бы лицомъ къ лицу съ такимъ ненормальнымъ явленіемъ, какъ наши современныя военно-карательныя учрежденія и гауптвахты...

Конечно, онъ повторилъ-бы прежнее, сравнительно недавно еще испытанное имъ и принесшее обильную жатву, средство: ранѣе всего поставилъ-бы спеціально-военный вопросъ на почву обще-государственныхъ, обще-народныхъ задачъ и интересовъ, лишній разъ, отъ лица арміи, поклонившись тѣмъ, у кого есть и средства, и опытъ, и знанія, и жажда послужить Родинѣ своими силами, не разбирая, носятъ-ли они военный мундиръ, фракъ или купеческую поддевку.

Для него не явилось-бы долгихъ колебаній, чтобы признать открыто, что, вѣдь, въ правильности, законности, научности и культурности постановки вопроса о военномъ узникѣ, кочующемъ изъ полковой на главную гауптвахту, изъ послѣдней не только въ военно-карательныя учрежденія, но и въ карательныя заведенія гражданскаго типа, а затѣмъ, или возвращающемся въ армію или обратно перекочевывающемъ въ тол-

щу народа, откуда онъ поступилъ на военную службу, въ виду подобнаго кругооборота, заинтересованы не только одно военное вѣдомство, но и Министерство Юстиціи (имѣющее тѣсную связь съ военной юстиціей), и Св. Синодъ (блюдущій за поддержаніемъ на надлежащей, желательной высотѣ общаго религіозно-нравственнаго уровня народа), и Главное Тюремное Управленіе (по причинамъ, на которыхъ по ясности ихъ слишкомъ долго останавливаться не приходится), и другія установленія Россіи.

Развѣ, напримѣръ, Государственная Дума не является заинтересованной въ осуществленіи мѣропріятій, связанныхъ съ судьбой угодившаго подъ воинское слѣдствіе, судъ, караемаго по военному суду, русскаго гражданина?!.

Развѣ не на Министерствѣ Финансовъ лежала-бы обязанность удѣлить на неотложныя реформы, изъ общей народно-государственной кассы, нужныя средства?!.

Отсюда, для него, такого министра, какъ для строго стоящаго на почвѣ обще государственнаго, обще-народнаго интереса, т. е. на той почвѣ, которая обязательна и единственна для всякаго русскаго министра и военнаго и невоеннаго, ясно представилось-бы, каковъ, по размѣрамъ, по качеству, вредъ, приносимый не одной лишь арміи, но и всей Россіи, застоемъ, регрессомъ въ постановкѣ дѣла въ нашихъ военно-карательныхъ учрежденіяхъ, оставленіемъ въ тѣни вопроса о гауптвахтахъ...

Надо думать, что онъ не удовольствовался-бы тѣми чистенькими, прилизанными докладами, которые на́-скоро, лишь-бы сбыть непріятную, непривычную, головоломную работу съ рукъ, сфабриковали-бы, спеціально для него, блестящіе „винтики" подчиненныхъ ему штабовъ и канцелярій а, придавая важность вопросу, обратившись къ людямъ опыта и спеціалистамъ, хотя-бы и неносящимъ военнаго мундира, нашелъ-бы досугъ и способы лично съ подобнымъ дѣломъ ознакомиться и составить себѣ на него свой взглядъ, свою программу, а, затѣмъ, сумѣлъ-бы заставить и слушать себя, и, главнымъ образомъ, повиноваться все, ниже его стоящее своимъ предначертаніямъ....

Въ наши дни, онъ, конечно, вошелъ-бы съ особымъ, обоснованнымъ докладомъ объ ассигнованіи, если не милліоновъ, то сотенъ тысячъ, къ своему Государю, а также изобразилъ-бы и передъ Государственною Думой критическое, роковое положеніе вопроса и невозможность, даже преступность, несправедливость, опасность всякихъ дальнѣйшихъ проволочекъ: можно-ли сомнѣваться въ томъ, что приказъ свыше, а также средства и люди со стороны нашлись-бы у народа, особенно чуткаго къ запросамъ, связаннымъ съ отправленіемъ правосудія, милосерднаго къ павшимъ и заблудшимъ?!.

Не постыдился-бы онъ позаимствовать хотя-бы у вѣдомства Министерства Юстиціи того, что̀ далъ послѣднему долгій опытъ опеки —и карательныхъ учрежденій, и тѣхъ, кто черезъ нихъ проходитъ.

И вотъ сразу-же получились-бы безцѣнные матеріалы и указанія...

Но, какъ министръ, не ограничился-бы такой дѣятель совершеніемъ подобныхъ—шаговъ за предѣлы военнаго вѣдомства, а орли-

ный, грозный для лѣни и апатіи, взоръ свой устремилъ-бы прежде всего, и даже главнымъ образомъ, на тѣ язвы и непорядки, которые обнаружились въ самомъ вѣдомствѣ, ему подчиненномъ...

Безъ особыхъ усилій, несомнѣнно разбудилъ-бы онъ, встряхнулъ, одухотворилъ нынѣ столь уставшее, извѣрившееся въ настоящее свое и будущее, сосредоточившееся лишь на своей спеціальности, вѣдомство военно-судебное, заставивъ его, въ то-же время, идти по примѣру вѣдомства судебнаго, гражданскаго, по всей Россіи въ казематы военно-карательныхъ учрежденій и гауптвахтъ, въ канцеляріи комендантскихъ и иныхъ управленій, требуя отъ него, во имя права, закона, человѣколюбія, науки, попечительнаго вмѣшательства въ то, что не можетъ быть названо иначе, какъ безправіемъ, беззаконіемъ, безсердечіемъ, а также работы и подвига на благо опороченнаго ближняго въ воинскомъ мундирѣ...

Онъ-же напомнилъ-бы вѣдомству военно-духовному о забытомъ послѣднимъ значеніи его миссіи, пославъ представителей вѣдомства по тѣмъ-же казематамъ, указавъ ему, что шелковыя рясы, выхоленыя руки и завитыя, раздушенныя кудри въ казармѣ неумѣстны, что здѣсь надо простое слово, примѣръ, подвижничество, просвѣтленіе темной массы, отдача себя, силъ своихъ на нужды и потребности низшаго брата, а не высокомѣрное отношеніе къ средѣ нижнихъ чиновъ, узниковъ, съ тяготѣніемъ къ военному начальству...

Подъ его личнымъ давленіемъ и общимъ контролемъ закипѣла-бы, навѣрное, по всей Россіи, плодотворная, убѣжденная работа разныхъ штабовъ, канцелярій, комитетовъ и комиссій, одухотворенная, однако, на этотъ разъ, присутствіемъ въ нихъ лучшихъ, культурныхъ, научныхъ, спеціальныхъ силъ всего остальнаго русскаго общества...

Нечего много говорить о томъ, что при широкой гласности, при отсутствіи всякихъ канцелярскихъ тайнъ и секретовъ, только вредящихъ подобному дѣлу, имѣя въ виду участіе даже самыхъ либеральныхъ слоевъ общества и его единичныхъ представителей (лишь-бы все это служило возможно болѣе яркому освѣщенію вопроса), заработали-бы исправно, во имя общей пользы даже надлежаще смазанные, подтянутые, почищенные, „винтики" отрицательнаго направленія, хотя-бы въ чувствахъ „шкурнаго инстинкта", въ цѣляхъ карьеры и отличій.

Для этого, конечно, надо было-бы поставить „винтики" эти и всякіе другіе—на подобающее имъ скромное, послѣднее мѣсто частей организма, хотя и нужныхъ въ отправленіи послѣднимъ общей работы, но отъ которыхъ не должны зависѣть ни самый ходъ работы, ни ея результаты и совѣтовъ которыхъ никто не обязанъ спрашивать...

Нельзя сомнѣваться также и въ томъ, что какъ при вызовѣ къ жизни Милютинскаго, военно-судебнаго вѣдомства, такъ и тутъ, при реформѣ военно-карательныхъ учрежденій и гауптвахтъ, возникъ-бы вопросъ о необходимости немедленнаго-же созданія особаго, спеціальнаго, высшаго научно-служебнаго заведенія съ особыми правами и программою для подготовки тѣхъ, кто будетъ со временемъ назначенъ не только на должности начальниковъ будущихъ, реорганизо

занныхъ на новыхъ началахъ, военно-карательныхъ учрежденій и комендантовъ, будущихъ реорганизованныхъ главныхъ гауптвахтъ, но и для замѣщенія низшихъ офицерскихъ должностей и служилаго состава нижнихъ чиновъ для всѣхъ заведеній этого рода.

Несомнѣнно, однако, что онъ не ждалъ-бы наступленія времени желательной перестройки всего, что связано съ судьбой военныхъ узниковъ, а усилилъ-бы, подтянулъ, обновилъ, почистилъ-бы немедленно составъ современныхъ управленій, стоящихъ во главѣ военно-карательныхъ учрежденій и гауптвахтъ, освободивъ его и отъ чуждой ему, лишней, вредящей дѣлу, работы...

Кто знаетъ, не заставилъ-ли бы онъ тѣхъ комендантовъ и офицеровъ комендантскихъ управленій, которыхъ врасплохъ захватили-бы его реформы, обратиться лишній разъ въ школьниковъ и пройти извѣстный курсъ, связанный съ исполненіемъ ихъ тюремныхъ обязанностей...

Въ цѣляхъ того-же научнаго, просвѣщеннаго, справедливаго, совѣстливаго отношенія къ военно-карательнымъ учрежденіямъ Россіи (въ томъ числѣ и къ гауптвахтамъ), въ курсъ Военно-Юридической Академіи (при гр. Милютинѣ или министрѣ его направленія объ упраздненіи Академіи нечего было-бы и думать), ввелись-бы лекціи по предметамъ, связаннымъ съ настоящимъ ненормальнымъ положеніемъ русскаго военнаго тюрьмоустройства, съ указаніемъ, на главныя язвы вопроса, а равно и на средства къ ихъ устраненію.

Нынѣ праздно бездѣйствующія, по отношенію хотя-бы къ гауптвахтамъ, научныя силы арміи (а онѣ несомнѣнно—на лицо, будучи только неиспользованы)—военные юристы, военные медики, военные священнослужители были-бы привлечены повсемѣстно къ дѣлу созданія отсутствующей научной статистики о гауптвахтахъ, при чемъ труды ихъ, въ этомъ, новомъ направленіи—говоря примѣрно,—могли-бы выразиться въ слѣдующемъ:

1) Въ сферѣ военно-судебной, хотя-бы собираніемъ статистическихъ свѣдѣній—о причинахъ замедленій въ естественномъ теченіи военно-судныхъ дѣлъ,—замедленій, зависящихъ отъ судебныхъ и иныхъ ошибокъ, съ указаніемъ на мѣры, принятыя къ устраненію нежелательныхъ явленій и на кары, постигшія виновниковъ; о количествѣ (и мотивахъ) оправдательныхъ приговоровъ, по дѣламъ, по которымъ подсудимые долго сидѣли на гауптвахтахъ; о количествѣ приговоровъ, отмѣненныхъ по кассаціоннымъ жалобамъ и протестамъ, съ указаніемъ конечнаго результата дѣлъ и количества времени, проведеннаго на гауптвахтахъ узниками, благодаря этимъ жалобамъ и протестамъ и т. п.

Не мѣшало-бы на военно-судебное-же вѣдомство возложить освѣщеніе, съ помощью собиранія свѣдѣній по дѣламъ, черезъ его руки проходящимъ, вопроса о значеніи гауптвахты—въ смыслѣ вліянія на революціонныя и другія отрицательныя явленія въ арміи...

Но для этого прежде всего надо *поднять* значеніе, вѣсъ, авторитетъ военно-судебнаго вѣдомства, ему подобающіе, какъ „оку Цареву“ въ арміи,—въ вопросахъ, связанныхъ съ закономъ, избавивъ, его на

будущее время отъ участія въ разнаго рода политикѣ на почвѣ правосудія.

2) Въ сферѣ военно-медицинской—собираніемъ такихъ-же, т. е. статистическихъ свѣдѣній о количествѣ, формахъ заболѣваній, находящихся въ связи съ недостаткомъ гауптвахтныхъ зданій, отсутствіемъ средствъ, режимомъ и т. п.; о мѣрахъ къ устраненію этихъ нежелательныхъ явленій; о мѣрахъ обще-санитарныхъ, принятыхъ для оздоровленія данной гауптвахты; о вліяніи заключенія—въ общихъ камерахъ и въ одиночку—на психику, нравственность, физическое состояніе организма; по поводу отдѣльныхъ случаевъ проявленія ненормальностей всякаго рода, связанныхъ съ обстановкой жизни гауптвахты и т. п.

3) Въ сферѣ духовно-нравственной—отчетами военнаго духовенства о мѣрахъ къ поддержанію нравственности, духовныхъ нуждъ на гауптвахтѣ, удовлетворенія религіозныхъ потребностей военныхъ узниковъ; о состояніи и вліяніи на послѣднихъ гауптвахтныхъ библіотекъ (предполагая, конечно, что таковыя будутъ повсемѣстно открыты); объ единичныхъ случаяхъ, особо обращающихъ на себя вниманіе по отношенію къ религіозно-нравственной сторонѣ гауптвахтнаго режима, со включеніемъ пожеланій—въ направленіи развитія, укрѣпленія нравственности и религіи.

При этомъ надо разумѣть не одно православное духовенство, а духовныхъ лицъ и иныхъ вѣроисповѣданій, представителей еврейской магометанской и иныхъ религій...

Для достиженія этого слѣдовало-бы опустить военное духовенство съ нынѣшняго его привиллегированнаго, барскаго, аристократическаго въ отношеніи сѣрой массы нижнихъ чиновъ,—положенія какого-то особаго сословія, отправляющаго лишь требы въ положенныхъ случаяхъ, на ступень черно-рабочихъ нивы Христовой, идущихъ къ солдату въ казарму, въ палатки, на гауптвахты, въ темницы со словомъ истины и любви на понятномъ для него языкѣ, дѣлящихъ съ нимъ его духовныя радости и печали...

4) По отношенію къ комендантскимъ управленіямъ—собираніемъ статистическихъ свѣдѣній о числѣ узниковъ, о преступленіяхъ или проступкахъ, по поводу которыхъ они сидѣли на данной гауптвахтѣ; видѣ заключенія, продолжительности времени нахожденія на гауптвахтѣ, съ указаніемъ—почему и куда они выбыли; поведеніи ихъ; посѣщеніи гауптвахты начальствомъ, другими лицами, имѣющими къ ней отношеніе; положеніи гауптвахтныхъ библіотекъ; по особо-выдающимся случаямъ изъ жизни гауптвахты, по заявленіямъ заключенныхъ служебнаго характера; результатахъ переписокъ по нимъ; ремонтахъ зданій; исполненіи указаній военно-медицинскаго персонала; относительно мѣръ, принимаемыхъ противъ „кадровъ“ гауптвахтной преступности въ смыслѣ огражденія отъ нихъ добропорядочныхъ элементовъ заключенныхъ; раздѣленіи узниковъ на категоріи и т. п.

5) Въ строевыхъ частяхъ—собираніемъ свѣдѣній по оффиціальнымъ сношеніямъ съ находящимися на главныхъ гауптвахтахъ ниж-

ними чинами—въ смыслѣ удовлетворенія ихъ нуждъ и заявленій и т. п.

Само собой разумѣется, что и военному начальству—высшему и низшему, при подобной, новой дѣятельности пришлось-бы, или самому учиться, читать, слѣдить за вопросами науки, права, жизни, связанными вообще съ бытомъ узниковъ, у насъ и за границей, или имѣть при себѣ спеціалистовъ, которые подносили-бы ему необходимое, держа постоянно въ курсѣ дѣла...

А то, въ большинствѣ случаевъ, наши военные верхи (я въ томъ на каждомъ шагу убѣждался и убѣждаюсь) удивительно беззаботны, подчасъ даже прямо наивны, въ вопросахъ, которые, благодаря осложненію общественно - государственной жизни, хлынули нежданно-негаданно съ улицы въ казарму, въ штабы, канцеляріи и др. мѣста военнаго вѣдомства.

Никому вѣдь въ голову не приходитъ, напримѣръ, такая, повидимому, резонная вещь, какъ чтеніе военными юристами лекцій по военно-уголовному праву офицерамъ, какъ популярныя лекціи ихъ о томъ-же начальствующимъ нижнимъ чинамъ, какъ лекціи гражданскихъ криминалистовъ военно-служащимъ по вопросамъ тюрьмовѣдѣнія (въ связи съ вопросомъ хотя-бы гауптвахтнымъ).

Но почему?!...

Между тѣмъ, жизнь и здѣсь не ждетъ, а требуетъ, чтобы разнаго рода заторы начальническаго незнанія, канцелярской волокиты и пр. немедленно-же разсасывались, разбрасывались: иначе стихійный потокъ прорветъ неминуемо плотину и безумно принесетъ вредъ даже тамъ, гдѣ сила его могла-бы быть утилизирована съ пользой для арміи...

Конечно, я набрасываю программу, по ходу моей работы, въ зависимости отъ того, что я лично видѣлъ и знаю, случайно пришедшую мнѣ въ голову: жизнь и опытъ сами указали-бы немедленно-же, властно на рамки и отдѣлы подобной военно-гауптвахтной статистики, основная мысль которой была-бы—сосредоточеніе въ будущей военно-тюремной (военно-гауптвахтной) инспекціи всего того, что касается до нижняго чина, какъ узника—въ цѣляхъ контроля и прогрессивнаго развитія военно-карательной системы вообще, а также устраненія явленій, развращающе вліяющихъ на русскаго воина.

Надо-ли сомнѣваться въ томъ, что подобная статистика, при гр. Милютинѣ или другомъ военномъ министрѣ Милютинскаго направленія, не застала-бы уже военно-карательныхъ учрежденій, насильственно, противоестественно втиснутыхъ въ гауптвахты; а если-бы и застала, то подобная ненормальность была-бы устранена немедленно-же, а не продолжалась-бы, какъ-бы тѣмъ узаконяясь на глазахъ всей арміи, вселяя въ послѣднюю нездоровыя, извращенныя понятія о преступленіи, преступникѣ и проч.

Само собой разумѣется, что такой министръ не потребовалъ-бы отъ современной ему дѣйствительности какихъ-либо фокусовъ или чудесъ—въ родѣ проведенія вышеуказанныхъ, коренныхъ реформъ, съ коренною, крупной ломкою всего, до того существовавшаго, безъ всякихъ расходовъ казны, или съ расходами, самыми ничтожными,

какъ о томъ шла рѣчь при военныхъ министрахъ, съ которыми мнѣ пришлось имѣть дѣло, зная, что на все нужно и время, и средства, ждать-же, сидѣть сложа руки, нельзя, а задался-бы прежде всего мыслью: что̀-же необходимо, что̀ возможно сдѣлать, хотя-бы для однѣхъ главныхъ гауптвахтъ, сейчасъ-же, при томъ не завися пока отъ постороннихъ вѣдомствъ и отпусковъ казны изъ общегосударственнаго сундука, а своими, воинскими силами, даже съ крупной затратой военно-казенныхъ сбереженій.

Ему, конечно, доложили-бы, что, благодаря иниціативѣ генерала Жиркевича, всей русской арміей давно уже признаны за неотложныя, за крайне необходимыя, такія-то и такія реформы по главнымъ гауптвахтамъ, стоющія недорого, или (главной частью) и совсѣмъ ничего нестоющія; что нѣкоторыя изъ нихъ давно уже вошли даже въ проектъ новаго гарнизоннаго устава; что, тѣмъ не менѣе, уставъ этотъ гдѣ-то, въ какой-то канцеляріи, прозябаетъ, почему и сосредоточенныя въ немъ пожеланія становятся устарѣлыми, такъ какъ жизнь вообще не ждетъ, особенно-же жизнь нашего лихорадочнаго вѣка...

Онъ узналъ-бы, что многое готово также и по части военно-карательныхъ учрежденій, ждущихъ, для оздоровленія ихъ, и средствъ, и властнаго слова, съ небольшими дополненіями къ собраннымъ матеріаламъ, по той-же причинѣ — отсталости давно-залежавшихся свѣдѣній.

Отсюда создался-бы и естественный, временный выходъ изъ затруднительнаго положенія по части гауптвахтъ: пересмотрѣвъ §§ этого новаго устава гарнизонной службы, измѣнивъ нѣкоторые изъ нихъ, одухотворивъ общей гуманитарно-служебною идеей тѣ части устава, которыя говорятъ о заключенныхъ, выпустить поскорѣй въ свѣтъ самый уставъ, давно ожидаемый арміей.

Или, если это почему-либо неудобно,—сдѣлавъ изъ него выборку относительно всего, что касается воинскихъ узниковъ, издать немедленно особый приказъ по военному вѣдомству (или циркуляръ)— хотя-бы въ видѣ опыта, на извѣстное число лѣтъ,—впредь до включенія въ будущій гарнизонный уставъ всего того, что касается до гауптвахтъ.

Таково-же было-бы, въ общемъ, безъ сомнѣнія, и отношеніе подобнаго министра къ вопросу о застывшей нынѣ реформѣ военно-карательныхъ учрежденій Россіи...

Не забылъ-бы онъ и гауптвахты отдѣльныхъ частей войскъ.

Вотъ единственный, естественный, справедливый выходъ, который рисуется мнѣ изъ создавшагося и въ наши дни болѣе, чѣмъ ненормальнаго положенія: немедленное введеніе въ жизнь арміи того, что можетъ быть введено, и немедленное-же начало работы по осуществленію того, что требуетъ обдуманности, людей, времени, средствъ и проч...

Но я, конечно, не властный министръ, имѣющій право (и, скажемъ, даже обязанность) исключительныхъ докладовъ о нуждахъ

Родины, отдачи особыхъ приказовъ, циркуляровъ, настояній, требованій, подтягиванія служебнаго сословія и т. п.

Я—увы!—не болѣе, какъ частное лицо, писатель, публицистъ, „бывшій“ дѣятель и служака, по личному почину, столкнувшійся съ недугами нашей военно-карательной системы и, въ сознаніи нравственнаго долга передъ Отечествомъ, передъ ближними, передъ личной совѣстью, дошедшій, въ борьбѣ своей за правду, за „униженныхъ и оскорбленныхъ“, до такого критическаго положенія отчаянія, когда, будучи изгнанъ изъ вопроса, не вижу иного исхода, какъ продолжать много-лѣтнюю борьбу, но уже съ особымъ изслѣдованіемъ—книгою въ рукахъ, убѣдившись въ томъ, что всѣ остальные способы не въ состояніи помочь дѣлу, и въ слабой надеждѣ, что авось документы, изложенные печатно, въ извѣстной системѣ, съ соотвѣтствующими къ нимъ иллюстраціями и комментаріями, заставятъ хоть теперь военное вѣдомство, на его верхахъ, перечитать сданное, повидимому, навсегда въ архивъ дѣло и, устыдившись, опомнившись, зажить по отношенію къ нему, на этотъ разъ, новой, хорошей, плодоносной жизнью...

Иными словами, для меня ничего болѣе не осталось, какъ выйти на площадь съ моими наблюденіями, выводами, военно-гауптвахтными приключеніями, надеждами и вѣрованіями, и, снявъ фуражку, перекрестясь истово, на храмы православные, поклонившись, по русскому обычаю, на всѣ четыре стороны, русскому, честному народу—въ лицѣ членовъ Государственной Думы, безъ различія политическихъ ихъ программъ, представителей прессы, науки и государственныхъ дѣятелей тѣхъ отечественныхъ установленій, жизнь которыхъ тѣсно связана съ судьбами нашихъ военно-карательныхъ учрежденій и гауптвахтъ, а также отвѣсивъ особый, почтительный поклонъ и правящему Петербургу, пригласить всѣхъ—вложить свою лепту въ это вопіющее дѣло, памятуя, что тутъ военное вѣдомство далеко еще не полный, не самовластный хозяинъ положенія и даннаго вопроса, а лишь одинъ изъ совѣщательныхъ голосовъ...

Не мнѣ, конечно, судить, насколько мною сдѣлано все, что отъ меня лично зависѣло, и правильны-ли, цѣлесообразны-ли были самые способы борьбы моей...

Скажу только одно: издавъ эту книгу, я чувствую невыразимое спокойствіе совѣсти.

Пусть-же теперь понесутъ знамя мое другіе, болѣе энергичные, болѣе чистые сердцемъ, мощные, краснорѣчивые, и, быть можетъ, болѣе меня удачливые!...

Желаю имъ всяческаго успѣха лавровъ...... и главное благихъ результатовъ, которыхъ я, разбитый жизнью, борьбою, едва-ли, когда либо увижу.

А. Жиркевичъ.

Им. Койраны (подъ г. Вильной),
15 августа 1912 года.

– 2 8 АВГ 1946

2018814330